

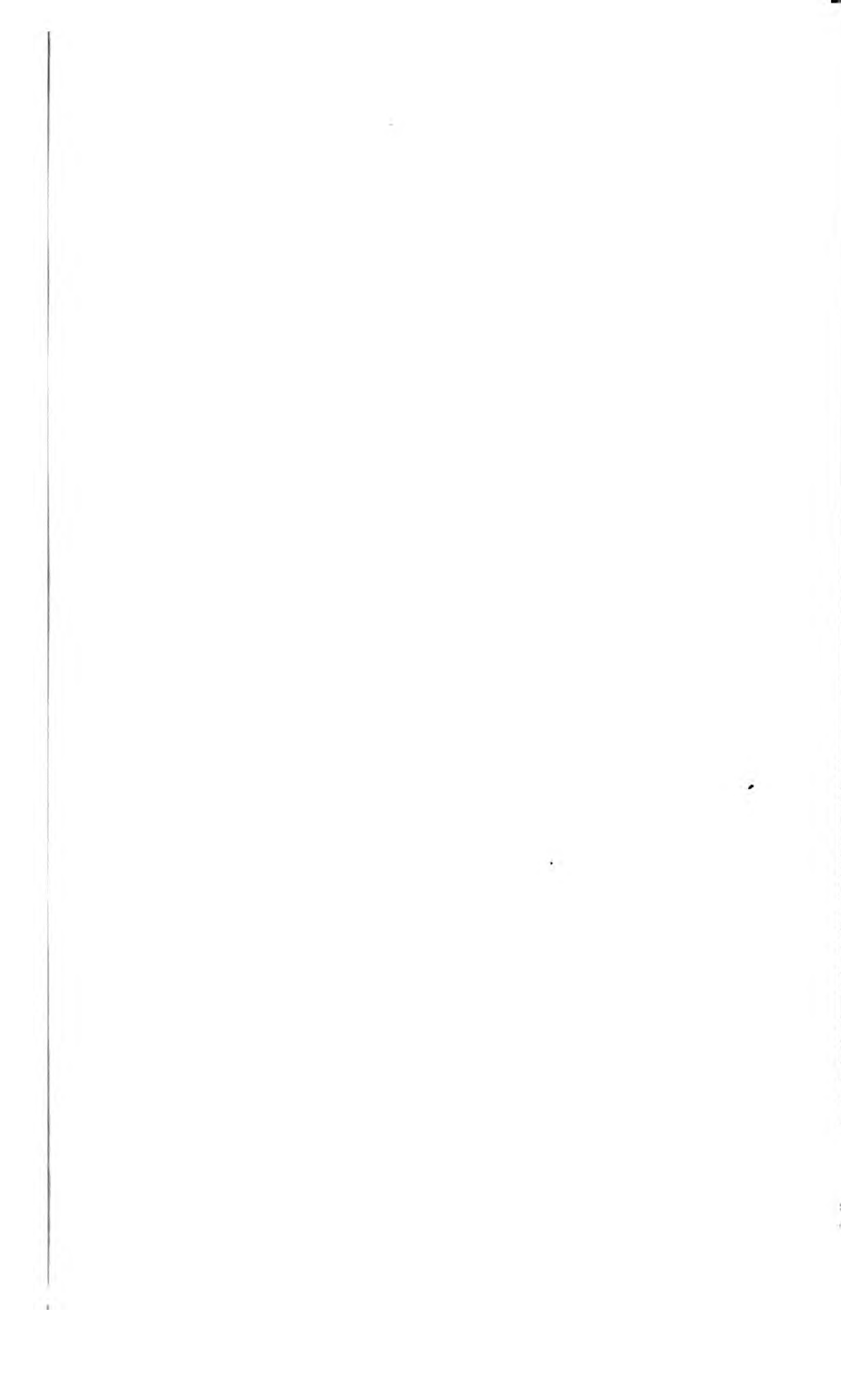
NOTICE: Return or renew all Library Materials! The *Minimum Fee* for each Lost Book is \$50.00.

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

<p>AUG 22 1969</p>		<p>L161—O-1096</p>
--------------------	--	--------------------

ФЕВРАЛЬ.

1910.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ОЖИВЛЕННАЯ МѢСТНОСТЬ Глѣба Успенскаго.
2. ВЪ НЕГРИТЯНСКОМЪ УНИВЕРСИ-
ТЕТѢ. И Рубинова.
3. ВАРИАНТЪ Н. Гарина.
4. ИСТОРИЯ ЮНОЙ РЕНАТЫ ФУКСЪ.
Романъ. Якова Вассермана.
5. ВОЗЗРѢНІЯ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
НА ГОСУДАРСТВО. I—II. Евг. Колосова.
6. * Стихотвореніе. Ады Чумаченко.
7. ЧОРТОВЪ КРАЙ. А. Батуева.
8. ПО ЭТАПАМЪ и ПЕРЕСЫЛЬНЫМЪ
ТЮРЬМАМЪ (Къ характеристикѣ но-
ваго курса) Н. Тасина.
9. БРАТСТВО. Романъ. Джона Гэльюорса.
10. ЛАВРОВЪ, ЧЕЛОВѢКЪ и МЫСЛИ-
ТЕЛЬ (Къ десятилѣтію его смерти). Н. Е. Кудрина.
11. ИСТОРИЯ МОЕГО СОВРЕМЕННОГО Вл. Короленко.
12. НА ХУТОРАХЪ Ив. Коновалова.
13. О ВСЕРОССИЙСКОМЪ ФЕЛЬДШЕР-
СКОМЪ СЪѢЗДѢ Г. П. Задеры.
14. ВЫБОРНАЯ БОРЬБА. Діонео.
15. ПОЛИТИКА. С. Южакова.
16. КРУШЕНІЕ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ. И. Сигова.
17. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ А. Пѣшехонова.
18. ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ АХШАРУ-
МОВЪ М. Сосновскаго.
19. НОВЫЯ КНИГИ.
20. О В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ А. Е. Рѣдько.
21. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

 Натуральная Кавказская углекисло-щелочная вода
БОРЖОМЪ
 ПРЕВОСХОДНАЯ
 ЛѢЧЕБНАЯ ВОДА.

При Боржомѣ и
 нужной діетѣ итъ
 мѣста упорнымъ
 заболѣваніямъ же-
 лудочно-кишеч-
 нымъ и печени, от-
 ложеніямъ песка и
 камней въ желч-
 ныхъ и мочевыхъ
 путяхъ, проявлені-
 ямъ разстройствъ
 обмена веществъ:
 подагрѣ, ожирѣ-
 нію и диабету.

КИПАТОК
без огня.

ОТУДЕНОЕ
без льда.

Патент. во вс. мірѣ
НАСТОЯЩІЕ СОСУДЫ

ТЕРМОСЪ

ТОЛЬКО СО ШТЕМП.
THERMOS-PATENT
 сохр. напитки и кушанья
БЕЗЪ ОГНЯ и БЕЗЪ ЛЬДА
 24 часа горячими или 2 не-
 дѣли холодными.
 Продаются въ магазинахъ:
 дорожн. принадлежн., ору-
 жейн., аптекарск., посудныхъ и т. п. Ис-
 ключ. прод. для вс. Россіи у фирмъ: Ex-
 port-Bureau J. Feinstein, Berlin N. W.
 52, Thomasiusstr. 18.
 Остерегайтесь поддѣлокъ!
 Наст. только со шт. THERMOS-PATENT.

Сахаторія

„СОКОЛЬНИКИ“

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА,

Москва, Сокольники, Поперечн. проспектъ. Телеф. 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней. **НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у влѣдѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102-77

ЛѢЧЕБНИЦА

д-ра мед. Н. П. ПОСТОВСКАГО

ДЛЯ НЕРВНО- и ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ.

Плата въ мѣсяцъ отъ 80-ти руб. до 200 руб. Москва, Трехгорная застава, дача Тѣстова. Телеф. лѣчебницы 99-82, д-ра Постовскаго 241-6.

АЛЬПИНА

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

СИНЯЯ МАРКА — ПОДПИСЬ ГЛ. ПРЕДС.

С. П. Б. ГОРОХОВАЯ 33

ВЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКЪ МАГАЗ.

ЛОЗАННА (Швейцарія)

Предлагается подписка на выходную с ноября 1909 г. отдѣльн. том. черезъ каждые 1—1½ мѣсяца серію книгъ подъ общимъ названіемъ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и МОНОГРАФІЯХЪ („ВОСПИТАНИЕ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ“) подъ общей редакціей Алекс. Петров. Нечаева, профессора С.-Петербургской Педагогической Академіи, заведывающаго Лабораторіей Экспериментальной Педагогической Психологіи при Педагогическомъ Музее военно-учебнаго вѣдомства.

И ПРИБЛИЖАЙШЕМУ ЧАСТИ:

Я. Л. Барскова, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, прив.-доц. В. Е. Игнатьева, Я. И. Новальскаго, Н. Н. Нульмана, проф. А. Ф. Лазурскаго, проф. И. И. Лапшина, Д. М. Левшина, П. Г. Минюева, прив.-доц. А. Павл. Нечаева, проф. В. В. Половцева, проф. С. В. Роддественскаго, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. Е. Румянцова, С. И. Сазонова, Д. Э. Теннера, Н. В. Чехова, С. И. Шохоръ-Троцкого и друг.

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ“ является настоящей книгой для родителей, воспитателей, общественных дѣлателей и вообще лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу воспитанія. Въ обстоятельном и популярномъ изложеніи она говоритъ о здоровомъ и больномъ ребенкѣ, о правильномъ физическомъ и душевномъ развитіи дѣтей дома и въ школѣ, о постановкѣ дѣла воспитанія и образованія въ Россіи и за границей. Она разбираетъ вопросы о дѣтскомъ чтеніи, дѣтскихъ садикахъ, экскурсіяхъ, играхъ, и вообще охватываетъ всестороннее развитіе ребенка съ самаго ранняго возраста до наступленія его въ сознательную жизнь.

ВСЕ ИЗДАНІЕ БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ 16 СЛѢДУЮЩИХЪ ТОМОВЪ:

Физическое развитіе дѣтей. ■ Душевная жизнь дѣтей. ■ Гигіена умственнаго и физическаго труда. Подвижныя игры, гимнастика, спортъ, ручной трудъ. ■ Дѣтскія болѣзни. ■ Нервно-больныя дѣти въ семьѣ и школѣ. (Педагогическая невро- и психо-патологія). ■ Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. ■ Очеркъ исторіи русской школы и современное состояніе народнаго образованія въ Россіи. (Два тома). ■ Главныя моменты въ развитіи школы въ Западной Европѣ и Америкѣ. ■ Современная тенденція педагогической мысли. ■ Методы первоначальнаго обученія. (Два тома). ■ Дѣтская литература. ■ Дѣтскія сады. Наглядныя пособія. Педагогическіе музеи. Организациі экскурсій.

Изданіе будетъ снабжено рисунками, портретами, диаграммами, таблицами въ текствѣ и на отд. листахъ. Цѣна изданія въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой 18 руб., въ провинціи съ пересылкой 20 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится 2 руб.; при полученіи каждой изъ первыхъ 12 томовъ по 1 р. 25 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 40 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи; при полученіи 13го тома 1 руб. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 20 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи. Последніе два тома безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. при каждой посылкѣ.

Въ ноябрѣ мѣс. 1909 г. вышелъ и разсылается подписчикамъ первый томъ: **ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:** Составилъ Н. В. Чеховъ, съ приложеніемъ библиографіи по вопросамъ дѣтской литературы и дѣтскаго чтенія, составленной А. Е. Корольковымъ. М. XVI+256 стр. со 107 иллюстраціями въ текствѣ. **СОДЕРЖАНІЕ ЭТОГО ТОМА:** Дѣтская литература и ея задачи. Историческій очеркъ дѣтской литературы. Русскіе дѣтскіе журналы. Иллюстраціи къ дѣтскимъ книгамъ. Книги для дѣтей дошкольнаго возраста. Русская художественная литература для дѣтей. Сказки. О выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

== Больше подробный проспектъ высылается безплатно. **Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“ В. Антінъ и К^о.**
Москва, М. Губединковскій пер., д. 70. Телефонъ 124 24. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Мохомъ, 28. Телефонъ 51-56.

Объявленіе книжнаго склада „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ (на оборотѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ОСВОБОЖДЕНИЕ“ Спб., Невскій пр., 92—Б.

Современная библиотечка русской литературы въ выпускахъ по 10 н.

1. Леонидъ Андреевъ. Въ туманѣ.
2. Ф. Сологубъ. Въ толпѣ.
3. Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
4. М. Арцыбашевъ. Сказка стараго прокурора.
5. Евг. Чириковъ. Въ отставку.
6. В. Муйжель. Солдаты.
7. Евг. Чириковъ. На порогѣ жизни.
8. Евг. Чириковъ. Студенты прѣѣхали.
- 9—10. Леонидъ Андреевъ. Губернаторъ.
11. Евг. Чириковъ. На порукахъ.
12. Евг. Чириковъ. Капитуляція.
- 13—14. А. И. Купринъ. Молохъ.
15. Евг. Чириковъ. Влудный сынъ.
16. Горг. Чулковъ. Невѣста.
17. Скиталецъ. Любовь декоратора.
- 18.—20. Сем. Юшкевичъ. Распадъ.
21. А. И. Купринъ. Рѣка жизни.
22. Борисъ Зайцевъ. Аграфена.
23. Евг. Чириковъ. Въ дѣсу.
24. А. И. Купринъ. Съ улицы.
- 25—26. Семень Юшкевичъ. Голодъ. Между двухъ береговъ.
27. Н. Телешовъ. Черною ночью.
28. А. Серафимовичъ. Новая тюрьма.
29. А. И. Купринъ. Шт.-кап. Рыбниковъ.
30. М. Арцыбашевъ. Папа Тумановъ.
31. А. Каменскій. Ничего не было.

32. С. Елпатьевскій. Савелій.
33. Л. Мельшинъ. Любимцы каторги.
34. Н. Телешовъ. Сухая бѣда.
35. Н. Олигеръ. На аванпостяхъ.

Новыя изданія склада:

У источника жизни. Наст. книга по позов. воспитанію. Съ пред. проф. А. П. Нечаева и вст. статей жен.-вр. Л. В. Писаревой, ц. 1 р. 75 к.

Г. Зудерманъ. Пѣсня пѣсней, ц. 1 р. 50 к.

В. Бельше. Монахъ, ц. 30 к.
Проф. Черни. Врачъ, какъ воспит. ребенка, ц. 50 к.

Проф. Ав. Фореель. Половой вопросъ. 3-е рус. исп. и доп. изд. Съ пред. проф. В. М. Бехтерева, ц. 2 р. 50 к.

А. И. Купринъ. Дѣтскіе разсказы, ц. 1 р. 25 к. въ перепл. ц. 1 р. 60 к.

А. И. Свирискій. Собр. соч. т. I. Разск. ц. 1 р. 25 к.

Марсель Прево. Собр. соч. т. I. Муки ада, ц. 1 р.

Марсель Прево. т. II. Любовь женщины, ц. 1 р.

А. Каменскій. Студенческая любовь, ц. 50 к.

П. Пильскій. Проблема пола въ соврем. рус. литер., ц. 80 к.

Конспекты по всемъ предметамъ юридическаго факультета по програм. СПб. Университета.

Подробные каталоги по первому требованію. Составленіе и пополненіе библиотекъ. Громадный выборъ книгъ по всемъ отраслямъ знанія. Высылка книгъ по каталогамъ и объявленіямъ всехъ фирмъ по ихъ же цѣнамъ. Книги высыл. налож. платежомъ.

**НОВЫЯ
КНИГИ:**

ТЕОД. ЛИППСЪ, Самосознаніе, чувство, перев. М. А. Лихарева, 2-е рус. изданіе, Спб. 1910 г. ц. 40 коп.
Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ИОЗЕФЪ ПЕТЦОЛЬДЪ, проба о мѣрѣ съ точки зрѣнія позитивизма, пер. М. А. Лихарева, Спб. 1909 г., ц. 80 коп.
Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наша Жизнь» Спб., Литейный пр., 32.

П. Андреевъ.
П. Давыдовъ.
О. Каміонскій.
Л. Лабинскій.
Н. Сьерскій.
В. Насторскій.
Л. Сибириковъ.

75 КОП.

Г. Морской.
Д. Бухтояровъ.
М. Михайлова.
А. Вальцова.
А. Нежданова.
Н. Тамара.
В. Панина.

Двухстороннія пластинки-грандъ (10 дюйм.). Последнія **МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВИНКИ** въ исполненіи знаменитѣйшихъ артистовъ.

Последн. усоверш. модели **ГРАММОФОНОВЪ**.

Требуйте списки! Торговый Домъ т-ва **„БАЯНЪ“** С.-Петербургъ, Садовая, 40. Требуйте списки! высыл. безплатно.

АНУЗОЛЬ
МАРКА ОТВЕРЖД. ГЕДЕКЕ И К^о. ПРАВИТ. № 4530.

ПРОСИМЪ ОТВЕРГАТЬ ПОДЪѢЛКИ И ВСЯКІЯ ПОДРАЖАНІЯ И ТРЕБОВАТЬ ТОЛЬКО НАСТОЯЩІЯ СЪ ОХРАН. КЛЕЙМОМЪ СЪ ТАМОЖ. ПЛОМБОЙ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

СВѢЧИ
АНУЗОЛЬ
ГЕДЕКЕ И К^о.
РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ
ГЕМОРРОЯ

Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна 1 р. 75 к.
Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазинах.
Представитель въ Россіи
проез. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА.

НОВАЯ КНИГА:
КРАТЧАЙШІЙ И ДОСТУПНЫЙ КЪ КАЖДОМУ

ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ.

ПОПУЛЯРНОЕ РУКОВОДСТВО для ЖЕЛЮЩИХЪ ИСПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ на БИРЖѢ.

Предпославъ краткій историческій очеркъ Биржи, авторъ яркими живыми красками рисуетъ картину, какъ наживаютъ деньги покупкою и продажей бумагъ на Биржѣ, и даетъ указанія, какъ можетъ въ этомъ принять участіе каждый желающій, при наличности даже 100—200 руб., чѣмъ руководствоваться при выборѣ бумагъ, какъ угадать биржевое настроеніе, отчего бумаги повышаются и понижаются, какъ вести дѣло безъ риска, гдѣ достать кредитъ, какъ выбрать банкира и т. п.

Книга снабжена перечнемъ наиболѣе ходкихъ бумагъ, съ указаніемъ ихъ разцѣнки за 1908 г. по мѣсяцамъ и за 17 предшеств. лѣтъ, дивиденда за 3 года и времени его выдачи, необходимыми таблицами и массой примѣровъ, доказывающихъ, что ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить человека, какъ удачныя операціи на Биржѣ. Цѣна книги, содержащей 115 стр. удобнаго шрифта, 50 к., съ перес. 60 к. (можно марками), съ налож. плат. 75 к. Продается во всѣхъ крупн. книжн. магаз., кіоскахъ и на станці. жеп. дор.

Иногород. требов. на книгу адресовать:
С.-Петербургъ, Николаевской Артели, Разъѣзжая, 5.

Телегр. адресъ: Петербургъ Миниртеп.
Выписывающіе непосредственно изъ сего склада за пересылку не платятъ.

МНОГО ДЕНЕГЪ ЗАРАБАТЫВ.

можетъ всякій, научившись выдѣлывать мыло по новѣйшему руководству. Въ сорта, какъ бѣлое, мраморное, туалетное, ядровое и проч., выдѣлываются легко даже нѣсколько фунтовъ, не затрачивая лишніе деньги на оборудование. Цѣна руководству съ рисун. въ роскошн. тисн. зол. переп. съ пер. 2 р. (марк.). Высыл. налож. плат. безъ задат. Спб. Невскій, 108, Т-во Основа.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬБЕРА

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсяца. возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отравленія отъ груди и въ періодъ роста. Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обуславливаетъ правильное развитіе костей.

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ аптекахъ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Увеличивающийся съ каждым днем спрос на **Сперминъ-Пель** вызвалъ въ послѣднее время появленіе множества малопыльных поддѣлокъ, представляемыхъ подъ разными похожими на **Сперминъ** названіями (сперматинъ, сперминолъ, спермолъ, секароевскіе вытѣжки, живкости и т. д.), пріучивъ дѣйствие ихъ самими поддѣлывателями ставится „нарвать и даже выше“ **Спермина-Пеля**. Часто поддѣлывать ими являются люди, ничего общаго съ медициной не имѣющие, кѣмъ-то: содержатели аптекъ, скажи и парфюмерныхъ магазиновъ и друг. Понятно, что подобныя поддѣлки ничего общаго съ медициной и наукой вообще не имѣютъ, а для того, чтобы придать научный характеръ своимъ поддѣлкамъ, поддѣлыватели въ своихъ рекламныхъ приводить литературу и наблюденія врачей надъ **дѣйствіемъ Спермина-Пеля**, вводъ этихъ въ заблужденіе не только больныхъ, но и даже гг. врачей.

Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ **предостеречь** лицъ, пользующихся **Сперминомъ** отъ подобныхъ поддѣлокъ. Въ извѣстіяхъ въ литературѣ многочисленныхъ наблюденія ученыхъ и врачей надъ благотворительнымъ дѣйствіемъ **Спермина**, при **нervasteni**, **полночь безсиліи**, **старческой дрожи**, **лестн**, **истеріи**, **нervasteni**, **малопрови**, **чакотн**, **сифилисѣ**, **послѣдствіяхъ ртутнаго леченія**, **сердечныхъ болѣзняхъ** (**ожирѣніи**, **склерозѣ сердца**, **сердечбійняхъ**, **переворжѣ**, **миокардітѣ**), **артеріосклерозѣ**, **алкоголизмѣ**, **спинной сухотнѣ**, **параличахъ**, **слабостѣ** отъ **перенесенныхъ болѣзней**, **перевтомленіи** и проч., относятся исключительно къ **Спермину-Пелю**, а потому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЬ“** и на фирму, такъ какъ что иное, какъ поддѣлки **Спермина-Пеля**, по дѣйствію съ нимъ ничего общаго не имѣющія, такъ какъ единственно **настоящимъ сперминомъ** является **Сперминъ-Пель**, **ФЛАКОНЪ 3 руб.** Литература высылается по первому требованію безвозмездно.

О Р Г А Н О Т Е Р А П Е В Т И Ч Е С К І Й И Н С Т И Т У ТЪ
Профессоръ Докторъ Пель и Сыновья

Пост. вѣдѣнн Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С. Петербургъ.

УНИОНЪ СЛД

Т-во Книжный Кредитъ.

Льготная РАЗСРОЧКА НА ИЗДАНИЯ оцелянная, популярно-научная и художественная. Издания М. Вольфа, Н. Ринкера, А. Девриена, А. Суверина, Т-ва Голике и Вильборгъ. Общественной Пользы и другихъ издательствъ. Подробный каталогъ высылается за 5 коп. марку.

Галерея Нушелева-Безбородко

Императорской Академии Художествъ. Текстъ М. Дальвичка. Изд. Голике-Вильборгъ. Свыше 65 гелюграфюръ, 15 факсим. въ краскахъ и 25 гелюгр. въ текстъ. Въ 5-ти вып. въ изящныхъ папкахъ. Ц. 100 р.

Русская школа живописи. А. Бенуа. 101 характеристикъ, произведений, воспроизвед. въ краскахъ, гелюгр. и фототип. 58 иллюстр., часть въ текстъ. Ц. 50 р.

Картины Лондонской национальной галлерей. Изд. Суверина. Ц. 75 р.

Ванъ-Дейкъ Изд. Суверина. Ц. 85 р.

Пушкинъ. Собр. сочин. Ред. Ефремова. Изд. Суверина. 8 том. Ц. въ пер. 21 р.

Евгений Онегинъ. Пушкина. Роск. иллюстр. (Самовилъ-Сулковской). Ц. 8 и 15 р.

Гете. Мейра. Съ 50 карт. и офортами Липценъ. Ц. 15 р.

Исторія вѣдшей культуры. Ф. Готтеуротъ. Роск. иллюстр. 2 том., въ перепл. 25 р.

Энцикло педия русск. сельск. хозяйства. Изд. Девриена. 11 том., въ перепл. 91 р.

Энцикло педия хлѣбного хозяйства. 2 том., въ перепл. 11 р. 50 к.

Даль. Толков. Словарь русскаго языка. Изд. М. Вольфа. въ 4 том. Ц. 28 р.

Сказки Андерсена. Перев. А. и П. Гавантъ. Роск. иллюстр. рис. худож. Г. Тегнера. въ перепл. 11 р. 50 к.

Монтеверде, Н. Ботанический атласъ, описаній русск. флоры. 88 таблицъ въ краскахъ; издано 501 растеніе; съ 813 рисунк. въ текстъ. По Гофману и др. 3-е изд. Ц. 13 р. 50 к. въ пер. 16 р.

Происхожденіе и развитіе человѣка.

Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. К. Гюггера. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. Холодковскаго. 2 том. съ атласомъ (90 табл.). Ц. 20 р., въ перепл. 24 р. 50 к.

Полн. собр. сочин. Влад. Соловьева. Съ биограф. и 3 портр. 9 т. Ц. 16 р., въ пер. 22 р.

Сводъ законовъ Росс. Имперіи. Подъ ред. А. Волкова и Ю. Фидина. Изд. 4-е, въ 2 том. Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Русская исторія. 9 картъ. Ц. въ пер. 9 р. 80 к.

Исторія русской литературы. Поднегов. Роск. иллюстр. 3 том. Ц. въ перепл. 16 р.

Полн. собр. соч. Н. Чернышевскаго. Въ 10 том., съ 4 портр. Ц. 18 р., въ перепл. 25 р.

Полное собр. сочин. Бѣлинскаго. Въ 12 том. (вышло 8 том.) Ц. 21 р.

Импер. Александръ I. Его жизнь и царств. Ц. 480 иллюстр. 4 т. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Исторія новой философіи. Кунно Фишера. Перев. съ нем. изд. 9 том. Ц. въ перепл. 40 р.

Корбъ. Дневникъ путешествія въ Москву. Перев. А. Малеина. Изданы Ц. въ пер. 12 р. 50 к.

Герберштейнъ. Писр. А. Малеина. Съ иллюстр. Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Олеарій. Опис. путешеств. въ Московію и Персію и обратн. Перев. А. Доватина. Съ минютист. иллюстр. Ц. въ пер. 14 р. 50 к.

Царубайство стиликовъ. Съ 17 рис., видами и планами. Ц. 3 руб.

По Южной Америкѣ. Путешествіе А. Юниана. 4 кн. въ 2 томахъ. Ц. 10 р., въ перепл. 11 р. 50 к.

Земля и люди. Всюобщ. географ. Элизе Реклю. 1400 рис. 10 том. Ц. въ пер. 50 р.

Россія. Полн. геогр. описаніе. Съ многоч. рис., картами, диагр. Вышло 7 томовъ, стов. цихъ 20 р. 15 к., въ перепл. 23 р. 65 к.

Жизнь животныхъ. А. Брамъ. 10 т. 99 иллюстр. 11 карт. Ц. 30 р., въ перепл. 60 р.

Животный міръ. его баты и среда. А. Гаакъ. 630 рис. въ текстъ и 130 табл. въ краск. Ц. 24 р., въ перепл. 28 р. 50 к.

Мизнь прѣсн. водъ. К. Даммерта. 380 рис. въ перепл. 9 р. 50 к.

Птицы Европы. Практическ. орнитологія съ атласомъ. Н. Ходюковский и А. Слантъевъ. 237 рис., 4 карты и 60 табл. въ краскахъ, изображ. 575 птицъ и 133 типичн. яйца. Ц. 18 р., въ перепл. 21 р.

Допускается, по соглашенію, **РАЗСРОЧКА:**

здатокъ 10% съ суммы заказа и погашеніе отъ 1 руб. въ мѣсяцъ. Высылаются

ВСѢ КНИГИ СРАЗУ.

Тел. № 284-56

В. ГАБЮ

Столовые
ЧАСЫ: дерев. стильные
бронз. и мрамор.

БУДИЛЬН., КАРЕТН. ЧАСЫ, КОНТР. ЧАСЫ ДЛЯ
ПРОВ. СТОРОЖЕЙ; ЗОЛОТ. И СЕРЕБР. ИЗДѢЛ.

ПОДРОБН. ИЛЛЮСТРИР. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ, УКАЗЫВАЮЩИМЪ НА ЭТО ОБЪЯВЛЕНИЕ, БЕЗПЛАТНО.

Москва, Никольская, 15.
существ. съ 1868 года.
поставщикъ желѣзн. дорогъ, земствъ, офицерск. общ. и друг. учреждений.

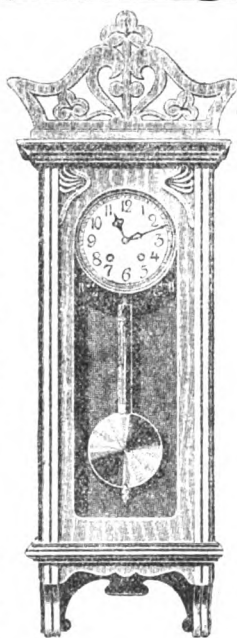
Громадн. выборъ

Мужскихъ и дамскихъ часовъ
золотыхъ, серебряныхъ,
серебр.-оксидированныхъ,
стальн., перламутровыхъ,
и никелевыхъ.

РЕГУЛЯТОРЫ

Стѣнные

ЧАСЫ: Стильные и
круглые.

МѢЖНОСТЬ И БѢЛИЗНА РУКЪ И ЛИЦА ДОСТИГАЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ

Мыла изъ чистаго масла какао.

приготовленнаго въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Весьма мѣжнаго свойства; впитываясь въ кожу, придаетъ ей
мѣжную бѣлизну, мягкость и бархатистость.

Цѣна за кусокъ 80 коп., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которая находится на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы: для Европы: Гамбургъ—Змиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Хетаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Л. Мишнеръ.

Главный складъ для всей Россіи: А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская, 15—1

ДРАХЕНКВЕЛЛЕ. НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

благоотворно дѣйствуетъ при катаррѣ желудка, мочевого пузыря, дыхательныхъ органовъ, при болѣзняхъ почекъ, при обнормальномъ увеличеніи желудочныхъ кислотъ, при желчныхъ камняхъ и при диабетѣ. Посоветуйтесь съ вашимъ врачомъ. Литература высылается бесплатно. Единствен. представитель Л. ванъ-деръ Гувентъ. СПБ., Офицерская, 24.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ В. В. ЕЗЕРСКАГО.

Курсъ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ: ДВОЙНОЙ И ТРОЙНОЙ СИСТЕМОЮ.

ДВОЙНАЯ изучается по учебникамъ учредителя, какъ она преподается въ Америкѣ, Англии, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи. ТРОЙНАЯ составляющая литературную самостоятельность автора, преподается правильно въ чистомъ, неискаженномъ видѣ только на курсахъ самого автора.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 43. Москва, Б. Тверская, № 18.

Книжный Кредитъ на оборотъ).

355.

ФЕВРАЛЬ.

1910.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

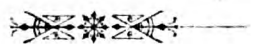

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1910.

КА
ИМ.

14906

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

и продолжается подписка на 1909 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрицева, А. В. Пѣшекова, Н. С. Русанова (Н. Е. Нудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р. на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ д. 79, Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ *Одесскія Новости—Дерибасовская 20 *).*—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра т. е. присылать вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.**

Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до получения недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

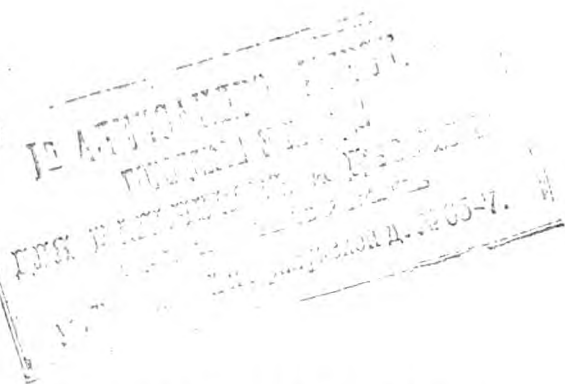
СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Оживленная мѣстность. <i>Гляба Успенскаго</i>	11— 18
2. Въ негритянскомъ университетѣ. Окончаніе. <i>И. Рубинова</i>	19— 48
3. Варіантъ. <i>Н. Гарина</i>	49— 84
4. Исторія юной Ренаты Фуксъ. Романъ. <i>Якова Вассермана</i> . Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой. Продолженіе	85—122
5. Воззрѣнія Н. К. Михайловскаго на государство. <i>Евг. Колосова</i> . I—II	123—144
6. * * Стихотвореніе <i>Ады Чумаченко</i>	144
7. Чортовъ край. <i>А. Батуева</i>	145—162
8. По этапамъ и пересыльнымъ тюрьмамъ (Къ характеристикѣ новаго курса). <i>Н. Тасина</i>	163—183
9. Братство. Романъ. <i>Джона Гэльзурса</i> . Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименовой. Продолженіе	184—219
10. Лавровъ, человѣкъ и мыслитель (Къ десятилѣтію его смерти). <i>Н. Е. Кудрина</i>	220—256
11. Исторія моего современника. Студенческіе годы. <i>Вл. Короленько</i> . Продолженіе	257—284
12. На хуторахъ (Замѣтки деревенскаго наблюдателя). <i>Ив. Коновалова</i> . Окончаніе	1— 24
13. О всероссійскомъ фельдшерскомъ съѣздѣ. <i>Г. П. Задеры</i>	24— 32
14. Выборная борьба. <i>Діонео</i>	33— 63
15. Политика: Англійскіе выборы и англійскій кризисъ.—Дѣла Ближняго и Дальняго Востока.—Текущія событія. <i>С. Южакова</i>	69— 84
16. Крушеніе уральской горной промышленности. <i>И. Сигова</i>	84— 90

(См. на обложкѣ).

17. Хроника внутренней жизни: I. Не по коню, а по кучеру.—II. Коза или Ольга Штейнъ?—III. Укрывательство съ ихъ стороны.—IV. Наше укрывательство.—V. Судебное безсиліе.—VI. Оружіе, которое приходитъ въ негодность.—VII. Радоваться ли намъ?—VIII. О политическомъ лицедействѣ вообще и о судебной реформѣ въ частности. *А. Пышехонова*. 90—121
18. **Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ.** *М. Сосновскаго*. 121—130
19. **Новыя книги:**
 Борисъ Лазаревскій. Семья.—„Фіорды“. А. и П. Ганзенъ. Сборникъ 2 и 3.—Д-ръ Александръ Пфендеръ. Введеніе въ Психологію.—Проф. Н. Θ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.—Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ.—Проф. Д. К. Петровъ. Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти.—Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 130—143
20. **О В. Θ. Коммисаржевской.** *А. Е. Рѣдько*. 148—150
21. **Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“**
22. **Объявленія.**

057
RUB
1910
no. 2-3

ОЖИВЛЕННАЯ МѢСТНОСТЬ.

Отъ редакціи.

(По поводу рукописи Успенскаго).

Исторія печатаемой нами посмертной рукописи Глѣба Ивановича Успенскаго такова.

Въ 1875 и 1876 годахъ въ С.-Петербургѣ издавался журналъ „Библіотека дешевая и общедоступная“. Негласнымъ ея редакторомъ былъ Андрей Васильевичъ Каменскій, а Глѣбъ Ивановичъ принималъ въ ней близкое участіе. Въ журналѣ этомъ, носившемъ въ литературныхъ кругахъ того времени названіе „Дешевки“, принимали также участіе многіе изъ молодыхъ литераторовъ. По словамъ Андрея Васильевича Каменскаго, изъ письма котораго я привожу эти свѣдѣнія, руководящимъ гениемъ „Дешевки“ былъ Успенскій. Кромѣ того, журналъ состоялъ подъ покровительствомъ редакціи „Отечеств. Записокъ“ и особенно Ник. Конст. Михайловскаго. Въ немъ печаталась, главнымъ образомъ, переводная беллетристика, очень хорошо подбираемая, но появлялись также и оригинальные рассказы, очерки, стихи и библіографія. Между прочимъ, Александра Васильевна Успенская, жившая тогда въ Парижѣ, присылала въ „Библіотеку“ переводы лучшихъ появившихся тамъ романовъ, подъ редакціей и по выбору Ив. С. Тургенева. Издателемъ библіотеки былъ П. П. Меркульевъ, уральскій казакъ родомъ, другъ извѣстнаго въ тѣ времена Надѣина. Это былъ человѣкъ хорошій, но уже „прогоравшій“, запутавшійся въ малознакомомъ ему дѣлѣ издательства и книжной торговли. Ему принадлежала, между прочимъ, „Русская книжная торговля“ на Невскомъ (потомъ его замѣнилъ мѣняла Горшковъ).

Цензоръ Лонгиновъ очень преслѣдовалъ „Библіотеку“ и прямо задался цѣлью уничтожить журналъ, около котораго, по его словамъ, „собралась шайка изъ покойнаго „Русскаго Слова“. Онъ систематически истреблялъ лучшія статьи, и

въ концѣ концовъ „Библиотека“ дѣйствительно погибла,—отчасти благодаря и разстройству дѣлъ Меркульева. Если бы не эти препятствія, то изъ „Дешевки“ могъ бы выработаться хорошій журналъ, доступный широкой публикѣ. Г-нъ Каменскій еще два года сохранялъ за собою право изданія... Но затѣмъ и названіе исчезло.

Предлагаемый очеркъ Глѣба Ивановича назначался именно для этого журнала и „зарѣзанъ“ Лонгиновымъ. Рукопись писана на почтовыхъ листахъ большого формата, характернымъ мелкимъ почеркомъ Успенскаго, почти безъ помарокъ. Подъ заглавіемъ сначала было написано: „очеркъ“, потомъ, кажется: „деревня“, но оба подзаглавія тщательно зачеркнуты, такъ же какъ римская цифра I, показывающая, что за первой главой должны были слѣдовать другія. На последнемъ листочкѣ зачеркнуты слова: „продолженіе слѣдуетъ“ и почему-то тоже подпись „Глѣбъ Успенскій“.

Повидимому, очеркъ этотъ представлялъ только начало большого разсказа, но Успенскій отдалъ его въ „Библиотеку“ въ видѣ цѣльнаго эскиза, къ разработкѣ котораго собирався вернуться въ другомъ мѣстѣ. И, дѣйствительно, по содержанію „Оживленная мѣстность“ очень близка къ позднѣйшей работѣ Успенскаго „Книжка чековъ“, къ которой относится, какъ первоначальный этюдъ къ возникшей изъ него картинѣ. Повторяются даже многія отдѣльныя выраженія. Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, очеркъ представляетъ интересъ, какъ значительный варіантъ въ работѣ любимаго писателя, какъ молодая, свѣжая нота только еще расцвѣтшаго таланта, неожиданно прозвучавшая изъ-за могилы.

Приносимъ выраженіе глубокой благодарности А. В. Каменскому, доставившему намъ эту рукопись. Письма къ нему Глѣба Ивановича, обнимающія періодъ съ 1875 по 1889 годы, мы напечатаетъ въ послѣдующей книжкѣ.

Вл. Короленко.

Благодаря пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ, капиталъ съ каждымъ днемъ получилъ возможность проникать въ болѣе и болѣе отдаленныя и глухія мѣстности русской земли и, какъ пишутъ, сталъ „оживлять“ ихъ, превращать мертвые капиталы въ живые. Это необыкновенное явленіе обходится капиталу не очень-то дешево. Вотъ, напримѣръ, съ одной изъ промежуточныхъ станцій вновь продолженной желѣзной дороги двигается въ эту, до сихъ поръ мертвую, глушь, трехсотпудовое чудовище-паровикъ. Везуть его на тринадцати тройкахъ, въ сопровожденіи и при содѣйствіи двухсотъ

человѣкъ народу, и при непосредственномъ участіи громаднаго количества водки... „Водкой веземъ“,—говорить хозяйскій приказчикъ, сопровождающій паровикъ, — и, дѣйствительно, только при ея содѣйствіи оказывается возможнымъ кое-какъ преодолѣть трудности дороги, безсиліе скота и непривычку народа въ обращеніи съ такими благодѣтельными чудовищами; только при помощи водки люди оказываются способными задрать до полусмерти свой скотъ и надрывать иной разъ до смерти свои животы... И, вотъ, сотни кнутевъ по цѣлымъ днямъ свистятъ вокругъ этого чудовища, сотни людей орутъ и ругаются вокругъ него неистовыми голосами,—и чудовище сердито двигается „оживлять“ мертвые капиталы. Правда, иной разъ, свалившись и придавивъ до смерти человѣкъ трехъ мужиковъ, пьяныхъ и ругавшихся,—оно долго лежитъ въ какой-нибудь лощинѣ или на провалившемся мосту, и вѣтеръ гудитъ въ немъ страшными голосами, на страхъ всякому проѣзжему и прохожему крестьянину,—но новый пріемъ водки, кнутевъ и брани, и оно трогается и ѣдетъ дальше и дальше...

Мѣсто, въ которое ѣдетъ это чудовище, — мѣсто, весьма обыкновенное въ Россіи,—то есть глухое, заброшенное, какъ будто-бы никому не нужное. Среди дремучаго лѣса, въ глубокихъ берегахъ течетъ быстрая рѣка,—а за лѣсомъ тянутся безконечныя поля, всегда пустынные, а среди полей виднѣются бѣдныя-бѣдныя деревеньки. Лѣтомъ все это было зелено и мертво; лѣсъ дѣлался въ эту пору совсѣмъ дремучимъ и стоялъ въ глубокой тишинѣ... Въ глубинѣ его было прохладно и влажно, а нога вязла въ массѣ вѣками накопившейся и гнившей листвы... Зимой, когда все занесло снѣгомъ,—только зайцы, лисицы да волки и ходятъ здѣсь. Изрѣдка, очень изрѣдка, то зимой, то лѣтомъ, — покажется здѣсь баринъ, владѣлецъ этихъ мѣстъ. Впереди его обыкновенно шныряла собака,—а вслѣдъ за ней, задумавшись о чемъ-то, шелъ баринъ... О чемъ думалъ онъ въ то время, будучи постоянно тоскующимъ? Не знаю; но смѣло могу сказать, что не объ этой глуши, не объ оживленіи этихъ громадныхъ полей, дремучихъ лѣсовъ, черныхъ и нищенскихъ деревень. Не думалъ онъ объ этомъ потому, что, несмотря на обиліе всего живого и произрастающаго въ этомъ лѣсу,—мужикъ, который захотѣлъ бы пользоваться этимъ, выводился изъ лѣсу (если только попадался)—со связанными назадъ руками, охотникъ уходилъ безъ ружья, и вообще всякій дѣлался или долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя „воромъ“, если задумывалъ поживиться тѣмъ, что никому не принадлежало...

Въ такомъ положеніи было это захолустье долгіе годы:

было въ немъ всего много,—и быстрыхъ рѣчекъ, и плодородныхъ полей, и темныхъ лѣсовъ, но пользы отъ этого не было рѣшительно никакой и никому: баринъ здѣсь почти не жилъ, а крестьянинъ, жившій подъ бокомъ у всей этой благодати, мерзъ отъ холоду по зимамъ въ своихъ черныхъ развалившихся избахъ, нося извѣстный и, повидимому, навѣки закрѣпленный за нимъ титулъ вора и неплательщика. Повидимому, никому ненужно было это мѣсто—крестьянинъ, лежа на печи, говорилъ иной разъ: „хоть бы прибралъ Господь“, или „охъ, смерть моя не идетъ!“ Баринъ хотѣлъ уѣхать отсюда навсегда. Но вотъ пришло новое время, произошло освобожденіе крестьянъ, и въ воздухѣ пронеслась новая черта, доселѣ какъ бы небывалая. „Мое“, „наше“—эти понятія, повидимому, родились на свѣтъ только по освобожденію крестьянъ, родились вдругъ (тоже повидимому)... Тоскливая апатія барина,—унылая широта его взглядовъ, плановъ, желаній,—тотчасъ окристаллизовались въ понятіе о моемъ и твоёмъ, какъ только что-то изъ этой глуши, ни кому, повидимому, ненужной, „отошло“ къ кому-то. „А вѣдь это *право же* мое!“ сталъ думать баринъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣй и настойчивѣй.—„Наше, по божески-то ежели разсудить“, сталъ думать крестьянинъ, потому что послѣ того, какъ у нихъ что-то отошло къ кому-то,—понятіе о „нашемъ“ и о „вашемъ“ тоже замѣнило собою апатію, желаніе помереть—и другія черты прежняго влаченія жизни...

„Мое“ и „наше“ стали тянуть этотъ уголокъ каждый въ свою сторону. Опомнившись отъ продолжительной меланхолии, баринъ сталъ на стражъ своего добра. Никогда не думавшій о „своемъ“, мужикъ тоже поднялся и, давъ себѣ слово помереть, а не сдаться, убѣдивъ себя, что „наше“ дѣло правое“, тоже сталъ на стражъ—и... сталъ дѣйствительно „помирать“...—„Согласу,—произнесъ онъ,—согласу нашего нѣтъ“.

Забравъ себѣ это въ голову, онъ не сталъ жалѣть денегъ и сталъ хлопотать въ губерніи, въ Питерѣ, доходилъ до царя, нанималъ аблакаты, который обѣщаль привезти указъ отъ самого царя и т. д.

И въ то самое время, когда отставной солдатъ Петровъ сказалъ прямо на сходкѣ, что:

— Наше дѣло правое!—

Явился чиновникъ и объявилъ, что „вамъ вышло на переселъ“.

— Вы пропустили сроки!..—объявилъ онъ и сталъ требовать подписки о согласіи къ переселенію въ другія мѣста.

— Согласу нашего нѣтъ!—отвѣчали крестьяне.—Наше дѣло вѣрное.

И стали ждать какого-то „тайнаго“ чиновника изъ Петербурга, который долженъ именно сказать и утвердить дѣломъ, что дѣло ихнее—правое.

Опять ѣдетъ чиновникъ, не изъ Петербурга, а изъ уѣзда, и говорить, что дѣло ихъ вовсе не правое, и доказываетъ имъ, почему оно не право.

— Вѣдь сроки пропущены,—дураки вы эдакіе, что же вы хотите еще...

— Нашего согласу не было.

— Если бы не было согласія вашего, вы должны бы были апеллировать въ законный срокъ, а вы срокъ этотъ пропустили...

— Это дѣло не наше, а аблаката.

— Ну, аблакаты-то вашъ и пропустилъ.

— Такъ его и суди.

— Да вѣдь вы ему дали довѣренность-то, а не я, вы съ него и ищите, а переселиться все таки должны,—и деньги ужъ внесены... Ну, подписывайтесь.

— Согласу нашего нѣтъ. Наше дѣло вѣрное, и намъ легче помереть...

— Ну, помирайте, чортъ съ вами...

И продолжали мужики помирать...

Стали они доходить выше и выше, и стали къ нимъ прѣзжать чиновники и читать бумаги, въ которыхъ тоже какъ будто было, что дѣло ихъ плевое, но они опять доходили и опять начинали думать, что ихъ дѣло правое... И опять прѣзжали люди съ бумагами и опять докладывали имъ, что дѣло ихъ не правое, а плевое.

Наконецъ, истекали всѣ сроки мужицкой глупости. Явилась толпа рабочихъ, нанятыхъ въ сосѣднихъ деревняхъ и на счетъ крестьянъ, стала переносить ихъ въ другое мѣсто. Прежде, нежели начать ломать, руководители переселенія не одну сотню разъ повторили крестьянамъ, что лучше имъ бросить упорство, а дѣлать дѣло добромъ, но крестьяне, твердо помнившіе, что согласу ихъ на это не было,—говорили, „что лучше мы помремъ“. Тогда раздалось ужасное слово:

— Ломай!

Въ двѣ недѣли, при постоянномъ воѣ бабъ и даже мужиковъ, молча смотрѣвшихъ на разореніе своихъ гнѣздъ, вся деревня была перетаскана за пять верстъ, въ пустыню... Но, такъ какъ „согласу нашего не было“, то крестьяне всѣ остались тутъ же, на разоренныхъ мѣстахъ, жили въ селомъ, съ дѣтьми и скотиной, ѣли, что пришлось,— а то и

голодали, и ждали ужъ не одного, а трехъ тайныхъ чиновниковъ, на этотъ разъ изъ Москвы, которые повернуть дѣло на ихъ сторону...

Пришла осень; пошли дожди, крестьяне мокли въ мокрой соломѣ... Тайныхъ чиновниковъ не было, хотя за ними каждый день ѣздили встрѣчать на станцію... Пришла зима... Толпы нищихъ бродятъ по селамъ и деревнямъ, прося хлѣба и ожидая рѣшенія... Пришла весна, — нечего сѣять, хлѣба нѣтъ. На новыхъ мѣстахъ выстроились два-три домишка... На слѣдующую осень случилось два-три убійства, грабежи; множество кражъ... и голодъ! Вотъ каково было положеніе глухого мѣста въ древнія времена, когда владѣлецъ былъ меланхоликомъ и „ни до чего не доходилъ“, и вотъ какимъ стало оно, когда владѣлецъ захотѣлъ „доходить до всего“... Стародавняя меланхолія томила крестьянина въ курныхъ избенкахъ, пробужденное чувство собственности растаскало эти избенки по бревнамъ... На новыхъ мѣстахъ, куда перетасили эти избенки, селиться никто не хотѣлъ, руки отваливались отъ работы, пахать *цѣлину*, удобрять и ждать урожая годы и годы, чувствуя, что въ теченіе этого времени будетъ расти и расти недоимка, въ которой годовые труды—капля въ морѣ... Вялость, апатія, разслабленность, одолѣли нищенствовавшихъ обывателей мѣстности... Стали пьянствовать и пропивать одежду и скотъ... Кромѣ того, имущество и скотъ стали „описывать“. Вотъ въ такую-то минуту двигалось спасать этотъ народъ трехсотъ-пудовое чудовище-паровикъ, а за нимъ шла „заработная плата“, деньги, *имѣвшія намѣреніе* брать все, что отдается за нихъ. Купецъ Кулаковъ, отдѣлившійся отъ тятеньки, „снялъ“ всю эту глушь со всѣми ея природными богатствами у помѣщика за хорошія для послѣдняго деньги,—и капиталомъ своимъ сталъ оживлять мертвое мѣсто. За тридцать копѣекъ серебромъ „чистыми деньгами“ въ сутки, согналъ онъ сюда сотни окрестныхъ воровъ и недоимщиковъ и почти сразу превратилъ мертвое въ живое: въ недѣлю лѣсъ былъ вырубленъ на громадное пространство и превращенъ въ сажени дровъ, въ брусy, въ срубы... Столѣтнія березы были ободраны до верхушки, на деготь, и одиноко стояли красныя, словно облитыя кровью, между этими саженами и срубами... Въ быструю, совершенно обнажившуюся послѣ срубки лѣса рѣчку стали валить камни, строить плотину, вбивать сваи... Цѣлые дни грохали *тяжелыя бабы*, и „Дубинушка“ съ своими ядовитыми и унылыми мотивами слышалась далеко въ полѣ и *гулко* раздавалась среди вырубленного лѣса... Масса народа копошилась въ этомъ углу, купленная по извѣстной цѣнѣ за человѣка, за бабу, точно такъ же какъ дрова продавались за

сажень, деревья и срубы поштучно... Не прошло и году, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде только зайцы да волки оставляли зимой свои слѣды, гдѣ лѣтомъ, сидя на деревѣ, спокойно грызла орѣхи бѣлка,—кипѣла самая оживленная дѣятельность: стучала толчея, шумѣла мельница, дымилъ и свисталъ бумажный заводъ, изрыгая въ чистыя кгда-то воды рѣки что-то такое вонючее и больное, отъ чего на нѣсколько верстъ ниже сталъ падать скоть и мерля рыба... Бывшіе веры и неплательщики биткомъ набивали собою новыя жиденькія стѣны фабрики, жарились на огнѣ, задыхались въ облакахъ пыли растрепаннаго тряпья, скупленнаго въ больницахъ, съ слѣдами больного гноя и болной крови... Громко орали мужики, кашляли женщины и ребята, еще громче пѣлись пѣсни, а громче всего стучали поршни машины, гудѣли колеса, шумѣла вода, свисталъ паровикъ...

Центромъ всей этой оживленной дѣятельности былъ небольшой домикъ, стоявшій на горкѣ, гдѣ поселился „новый хозяинъ“ этихъ мѣстъ, истинный благодѣтель этихъ людей... Удивительныя личности эти благодѣтели. Это положительно какая-то особенная порода людей, пожирающихъ и уничтожающихъ все, къ чему они прикоснутся. Подойдетъ онъ съ своими капиталами къ лѣсу,—и лѣсъ исчезаетъ, рубится, продается, а деньги кладутся въ столъ, или идутъ съѣдать другой лѣсъ, или идутъ на какой-нибудь другой „оборотъ“, тоже всегда съѣдающій что-нибудь живое: скоть, птицу, рыбу и т. д. Срубивъ, зарѣзавъ и продавъ,—подобный представитель капитала кладетъ деньги въ столъ и—пьетъ чай. Какіе надобно имѣть нервы, напрымѣръ, хотя для того, чтобы присутствовать при рѣзнѣ двухъ тысячъ купленныхъ овецъ или свиней, т. е. при двухъ тысячахъ смертей и умѣть на каждую изъ этихъ смертей смотрѣть, только какъ на рубль, на рубль двадцать два съ четвертью и пр. „штука“,—а потомъ, продавъ все это и получивъ деньги, сидѣть и пить чай. Утвердившись съ своими „дѣлами“ на новомъ мѣстѣ, купецъ Кулаковъ безъ труда подчинилъ себѣ всю „округу“ и, кушая „сливочками“ чай, получалъ деньги...

— Иванъ Ивановичъ! Побойся Бога!—съ ранняго утра начинается раздаваться въ передней его комнатѣ,—и возгласы такого рода продолжаются до ночи, когда прекращаютъ работы и полученіе хозяиномъ денегъ. Это „побойся Бога“ произносится самыми разнообразными голосами на тысячу ладовъ. То хрипитъ „побойся Бога“ старикъ, кашляетъ и охаетъ... То бодрымъ и свѣжимъ голосомъ поетъ его баба, со свѣжими щеками и веселымъ лицомъ... Иванъ Ивановичъ—тоже съ ранняго утра до поздней ночи, не закрывая рта,

доказываетъ, что бояться ему нечего, что онъ не боится,—спокойно пьетъ чай, получаетъ деньги и опять пьетъ чай...

Только ночью, когда прекращается стукъ, грохотъ и гамъ толчей, мельницы и паровика,—Иванъ Ивановичъ, какъ тать, крадется среди сонныхъ рабочихъ женщинъ... Въ эту пору онъ очень похожъ на волка. Глаза у него горятъ, и онъ сулитъ платки и деньги...

Какъ ни были нужны деньги въ нашихъ мѣстахъ, но не сразу удалось ему пріучить народъ продавать свою честь, какъ продавалъ онъ ему свои силы, свой скотъ, свой хлѣбъ. Полный развратъ насталъ въ нашихъ мѣстахъ никакъ не ранѣе, какъ года черезъ три... Только къ этому времени женщины стали носить ситцевые сарафаны, а мужчины красныя рубахи. Только къ этому времени тѣ и другіе стали съ удовольствіемъ пьянствовать въ выстроенномъ Иваномъ Ивановичемъ трактирѣ, и только къ этому времени Иванъ Ивановичъ, не боясь потерпѣть фіаско, могъ смѣло приглашать къ себѣ сосѣднихъ господъ, обѣщаясь „угостить“ ихъ какъ слѣдуетъ.

Глѣбъ Успенскій.

Въ негритянскомъ университетѣ.

VI.

Когда мой другъ, бостонскій проповѣдникъ, выразилъ недоумѣніе, почему негры не становятся социалистами и анархистами, то это было, конечно, не изъ симпатіи къ кооперативнымъ идеаламъ Маркса или Бакунина. Для него социализмъ и анархизмъ (и какъ типичный американецъ, онъ врядъ ли сознавалъ, какая разница между тѣмъ и другимъ) являлись лишь олицетвореніемъ человѣческаго отчаянія и безнадежности, и поэтому то негритянскому населенію на югѣ оставался, по его мнѣнію, одинъ этотъ исходъ.

Дѣйствительно, для тупого, безнадежнаго отчаянія въ положеніи негра имѣется много данныхъ. Не знаю, однако, найдется ли сотня негровъ на всю Америку, которые настолько освоились съ социализмомъ, чтобы въ немъ искать утѣшеніе отъ фактовъ дѣйствительности. Небольшая сравнительно группа послѣдователей Дж-Бойса, несмотря на свою рѣшимость бороться, располагаетъ такими негодными средствами борьбы, что у нея также часто опускаются руки. Остается лишь бодрая, оптимистическая проповѣдь Букера Вашингтона и его дѣятельность. Но экономическій подъемъ миллионной нищеты въ рамкахъ существующаго такой медленный процессъ, и факты современной жизни такъ противорѣчатъ напускному оптимизму Вашингтона, что наврядъ ли его философія можетъ служить источникомъ утѣшенія, за исключеніемъ развѣ преслѣдуемыхъ негровъ; ибо—такова уже наша жизнь, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ, жестокостяхъ, несправедливостяхъ негробанкиру, или богатому фермеру живетъ все же сравнительно недурно, какъ можно жить въ чертѣ богатому еврею.

Но какъ спасается отъ отчаянія и безумной злобы негритянская масса? Она находитъ утѣшеніе въ религіи, какъ находилъ его старый дядя Томъ, герой знаменитаго романа Бичеръ-Стоу.

За столомъ въ Atlanta University каждая трапеза начиналась молитвой, и каждый ужинъ кончался пѣніемъ гимновъ. Молитвой начинался каждый митингъ, вообще каждое дѣло. Когда я по

этому поводу выразилъ свое удивленіе Дю-Бойсу: «не слишкомъ ли уже много у васъ религіи?»—онъ усмѣхнулся.

— Вы разсуждаете, какъ сѣверянинъ, и при томъ какъ бѣлый радикалъ. Въ южной жизни вообще, и среди негровъ въ особенности, церковь и религія играютъ огромную роль... Но вы замѣчаете, что наша религіозная жизнь здѣсь сдержана, мы совершенно не поощряемъ религіознаго экстаза, религіозной истерики, частаго и, несомнѣнно, вреднаго явленія въ нашей расѣ.

— Да, знаете и мнѣ,—вмѣшалась miss Ware,—иногда кажется, что на нашихъ негровъ церковь и религія ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ, хотя я сама глубоко вѣрующій человекъ. Среди нихъ такая масса различныхъ сектъ и вѣроисповѣданій: повѣрите ли, въ одной Атлантѣ около 75 негритянскихъ церквей.

— Семьдесятъ пять церквей!—воскликнулъ я,—семьдесятъ пять пасторовъ, и семьдесятъ пять зданій. Да вѣдь это требуетъ гигантскихъ затратъ.

— Я съ miss Ware никогда не соглашаюсь по этому вопросу,—мягко возразилъ Дю-Бойсъ.—Большое число церквей я считаю плюсомъ, а не минусомъ. 75 церквей—это 75 клубовъ, 75 центровъ, можетъ быть, только потенціальныхъ, для распространенія культуры среди негровъ. Что у нихъ есть, кромѣ церквей? А изъ церкви разрастаются у насъ всѣ формы благотворительности, всѣ формы коопераціи.

— Хотите посмотрѣть на настоящую негритянскую церковь стараго типа,—предложила miss Ware, когда мы распрощались съ Дю-Бойсомъ. — Тогда вы сами увидите, что такое она представляетъ. Кстати, недалеко отъ университета имѣется одна такая небольшая церковь, и тамъ каждый вечеръ происходятъ Revival meeting.

Revival meeting это—религіозныя собранія менѣе формальныя, чѣмъ службы, и имѣющія цѣлью возбужденіе религіознаго экстаза и массовое спасеніе погибающихъ душъ. Мнѣ приходилось присутствовать при revival meeting, собиравшихъ 10—15 тысячъ человекъ, и видѣть непонятную для человека съ рационалистическимъ мышленіемъ эпидемію религіознаго экстаза, которую вызывалъ проповѣдникъ простой безыскусственной рѣчью и красивымъ пѣніемъ гимновъ. Но понемногу я начиналъ понимать психологію толпы, и въ особенности психологическое воздѣйствіе обстановки, свѣта, хора, органа, красивыхъ и трогательныхъ гимновъ.

Я, конечно, принялъ приглашеніе идти на негритянской revival.

Изъ небольшой кирпичной церкви, футовъ 75 въ ширину и 50 въ длину, лился тусклый свѣтъ и неслись адскіе крики,—точно тамъ пытали души грѣшниковъ. Когда мы нѣсколько вслушались въ крики, то сумѣли разобрать нѣкоторый ритмъ и поняли, что эти крики были пѣніемъ гимновъ. Войдя въ церковь, мы были поражены, найдя ее почти пустой. Прихожанъ было всего

два-три, а крики или пѣніе исходили изъ глотки проповѣдника.

Нищенская обстановка, особенно печальная, въ виду сильно развитого эстетическаго чувства негровъ. Простыя деревянныя скамейки и нѣсколько поломанныхъ стульевъ, некрашенныя стѣны, деревянный, необдѣланный потолокъ; 3 — 4 простыя, дешевыя керосиновыя лампы освѣщали эту грустную картину. Проповѣдникъ,—гигантскій негръ, дѣйствительно негръ, черный, какъ вычищенный салоги,—въ длинномъ черномъ сюртукѣ, парадномъ бѣломъ галстукѣ, но очень обтрепанныхъ штанахъ, оставивъ амвонъ, сидѣлъ на одномъ изъ стульевъ и пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ гимны. Онъ смотрѣлъ въ молитвенникъ, но за все время службы ни разу не перевернулъ страницы,—я очень сомнѣваюсь, умѣлъ ли онъ читать. Слова гимновъ были мнѣ знакомы, но мотивъ былъ какой то особенный. Я скоро убѣдился, что онъ всѣ гимны пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ страшнымъ, могучимъ голосомъ, на одинъ мотивъ. Это было нѣчто вродѣ гаммы; голосъ его періодически подымался и понижался. Минутъ черезъ пять этотъ голосъ начиналъ оказывать какое то гипнотическое вліяніе, начинало казаться, что я уже годы сижу на этой скамьѣ, и еще годы буду сидѣть и все слышать то же самое пѣніе. Гимны отъ времени до времени прерывались восклицаніями: Oh Lord! — God help us! — Come to Jesus! — Oh, save us!

Наше появленіе нѣсколько сконфузило проповѣдника, но онъ скоро оправился; и каждый разъ, когда отворялась дверь и появлялся негръ или негритянка, его голосъ крѣпчалъ, и пѣніе становилось громче.

Я сталъ наблюдать публику. Нѣкоторые оставались совершенно безучастными. Они сидѣли, глядя прямо передъ собой, съ тупымъ выраженіемъ сверкающихъ бѣлковъ и поневолѣ возбуждали вопросъ, зачѣмъ мы пришли. Но другіе понемногу оживлялись. Негритянки подпѣвали пискливымъ фальцетто, негры помогали низкимъ басомъ. Кое у кого изъ глазъ брызгали слезы.

Но болѣе активное участіе присутствующіе стали принимать во второй части службы. Когда проповѣдникъ усталъ и совсѣмъ охрипъ, онъ сталъ вызывать добровольцевъ произнести молитву-экспромтъ (обычный методъ англиканскихъ реформаторскихъ церквей), публика начала коситься на насъ, очевидно, чувствуя въ насъ постороннихъ зрителей, нарушающихъ гармонію религіознаго настроенія. Но проповѣдникъ ободрялъ ихъ самымъ незамысловатымъ способомъ, т. е. повторяя опять безчисленное количество разъ: Come to Jesus, my brotliis! Come to Jesus, my sistes. He will save you, he will save you. O, Lord! O, Lord! *)

*) Приди ко Христу, мой братъ, приди ко Христу, сестра! Онъ спасетъ васъ, Онъ спасетъ васъ! О Господи, О Господи!

И понемногу эти безхитростныя слова начинали оказывать вліяніе. Одинъ за другимъ стали подыматься негры и негритянки и, подходя къ проповѣднику, бросались на колѣни и съ горькими слезами и всхлипываніями произносили молитву. Чего, чего здѣсь не было! Менѣе изобрѣтательные отдѣлывались молитвой «Отче нашъ», при чемъ находились и такіе, которые никакъ не могли вспомнить словъ и вынуждены были повторять ихъ за проповѣдникомъ. Другіе импровизировали: тутъ были и жалобы, и просьбы, и совсѣмъ безсвязный наборъ словъ,—все произносилось речитативомъ, съ плачемъ, и чуть ли не воемъ. Отличилась особенно одна молодая негритянка,—судя по одеждѣ, кухарка или прачка. Она долго и жарко молилась, и когда мы вслушались въ ея мелодичный рѣчитативъ, то поняли, что она молится за спасеніе души ея молодого брата, парня лѣтъ 18, котораго заковали въ кандалы за какую то мелкую кражу.

Интересно было наблюдать эти проявленія религіознаго экстаза, но въ то же время становилось и жутко, и больно за эту темную массу, которая приходила въ церковь съ такимъ запасомъ глубокаго религіознаго чувства и получала отъ церкви такъ мало. Картина была приблизительно такая же, какъ если бы гдѣ-нибудь въ русской глуши священникъ задался цѣлью поощрять клікушество.

И это тягостное впечатлѣніе только усиливалось, когда, наконецъ, проповѣдникъ взшелъ на амвонъ, чтобы прочесть свою проповѣдь. Присутствіе трехъ бѣлыхъ его очень сконфузило. Я чувствовалъ, что изъ жалости къ нему слѣдовало бы уйти, но мнѣ слишкомъ любопытно было прослушать настоящую негритянскую проповѣдь,—и мы остались. Старикъ очень подробно объяснилъ, что онъ не регулярный пастырь церкви, что священникъ не могъ придти, и онъ лишь его замѣститель, что поэтому онъ, конечно, не краснорѣчивый ораторъ и, конечно, бѣлые друзья ему простятъ немудрую проповѣдь и т. д., и т. д. И потомъ онъ заговорилъ, вѣрнѣе—зарычалъ.

Онъ нашелъ гдѣ-то текстъ «God kunos!»—«Богъ знаетъ».... Если бы я записалъ его рѣчь, которая длилась болѣе полужаса, то она заняла бы страницъ десять. Но пять состояли бы изъ безчисленныхъ повтореній этой фразы: God kunos! Не kunos! Yes, he kunos! Остальное было буквально бредомъ горячечнаго. Были какіе-то намеки на богатыхъ лысыхъ людей, у которыхъ кареты, дома и миллионы (при чемъ онъ очень пристально смотрѣлъ на насъ) и на бѣдныхъ негровъ, вынужденныхъ красть курицу, чтобы имѣть супъ въ воскресенье, — но что онъ именно сказать хотѣлъ, было очень трудно догадаться. Ясно было лишь одно: проповѣдникъ былъ убѣжденъ, что Богъ все знаетъ, и этого ему было достаточно. Очевидно, удовлетворяло это сознаніе и публику, которая внимательно прислушивалась къ про-

повѣди, иногда прерывая ее глубокимъ вздохомъ или восклицаніемъ: Oh, Lord! oh, Jesus!

По окончаніи проповѣди ораторъ заявилъ, что будетъ сборъ пожертвованій на благо церкви, и что дьяконъ обойдетъ публику съ тарелкой. Потому ли, что онъ и былъ дьяконъ, или же потому, что боялся довѣрить дьякону, онъ немедленно сошелъ съ амвона и, минуя всю публику, подошелъ прямо къ намъ, протянулъ огромную закорюзлую руку почти бѣлой ладонью вверхъ и, глядя вверхъ не то къ небу, не то къ закопченнымъ лампамъ, проговорилъ: «На керосинъ для лампъ пожертвуйте!» Мы пожертвовали, и два гривенника мгновенно опустились въ огромный карманъ. Уже выходя, miss Ware шепнула, что это былъ чистый шантажъ, потому что по средамъ никакихъ сборовъ пожертвованій въ церкви не полагается.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно», поневолѣ вспомнился стихъ безсмертнаго поэта. Грустно, когда вспомнишь, что это была церковь въ центрѣ негритянской культуры, и что 8 или 9 миллионовъ негровъ, живущихъ на фермахъ, питаются духовной пищей еще болѣе низкаго качества, дѣлаются жертвами еще менѣе сдержанной религіозной истеріи.

VII.

Чѣмъ можетъ быть церковь, не только негритянская, но и всякая церковь вообще—въ этомъ я успѣлъ убѣдиться также въ Атлантѣ, посѣтивъ въ воскресенье вечеромъ негритянскую конгрегациональную (congregational) церковь, извѣстную далеко за предѣлами Атланта, какъ блестящій примѣръ успѣха идеи «институциональной» церкви.

Что такое «институциональная» церковь (institutional church)? Уяснить эту идею всего легче изъ описанія посѣщенной нами церкви.

Огромное и изящное зданіе въ мавританскомъ стилѣ. По широкой лѣстницѣ мы поднимаемся въ главный залъ церкви. Изящный амфитеатръ и галерея вмѣстѣ вмѣщаютъ до полторы тысячи человѣкъ. Удобныя скамейки сдѣланы изъ дуба, окрашеннаго въ чернѣйшій свѣтъ. Красивые красные половики изящно выдѣляются на каменномъ полу. Весь залъ буквально залитъ свѣтомъ изъ огромной электрической люстры и массы электрическихъ лампочекъ, разбросанныхъ повсюду; даже слишкомъ много свѣта. Просторная платформа для амвона, на которой могутъ помѣститься три-четыре человѣка. Позади амвона, въ стѣнѣ, купель. Надъ амвономъ на балконѣ великолѣпный, хотя и не очень большой, церковный органъ; по обѣимъ сторонамъ органа галереи для хора.

Словомъ, церковь внутреннимъ видомъ напоминаетъ лучшій

типъ церкви весьма состоятельной общины, а не негритянской нищеты. Но молитвенный залъ далеко не главная часть церкви, даже не насущная часть ея. Это подчеркиваетъ молодая секретарша пастора, невысокая, коричневая дѣвица, одѣтая просто, но чрезвычайно изящно и со вкусомъ, и великолѣпно говорящая по-англійски; когда она узнаетъ, что мы—гости Atlanta university, приглашенные къ commencement'у (т. е. къ акту), она спокойно даетъ намъ понять, что она тоже получила университетское образованіе. Манеры у нея вполне благовоспитанной американки,—ни заносчивости, ни подострастія. На просьбу miss Ware показать мнѣ все то, что дѣлаетъ церковь, она беретъ связку ключей и ведетъ меня въ нижній этажъ.

По дорогѣ она объясняетъ мнѣ, что institutional church—обозначаетъ церковь, поддерживающую различныя учрежденія (institutions). Всѣ эти учрежденія помѣщаются въ нижнемъ этажѣ. Тутъ находится библіотека въ 2—3000 томовъ, огромная классная комната для обученія дѣтей, гимнастическій залъ съ аппаратами для игръ и упражненій, спеціальныя комнаты для обученія молодыхъ дѣвушекъ шитью, варкѣ пищи, вообще домашнему хозяйству, ванная и душъ и т. д.

Странно присутствіе всѣхъ этихъ аппаратовъ и приспособленій въ зданіи церкви, — странно для непривычнаго человѣка. Но секретарша мнѣ объясняетъ, что ничего въ этомъ страннаго нѣтъ,—это лишь практическое примѣненіе идеи, что религія должна быть для человѣка не формальной, отвлеченной идеей, а живой силой, что она должна принимать въ соображеніе реальную жизнь со всѣми ея требованіями и стараться отвѣчать, удовлетворять имъ. Такая «институціональная» церковь превращается въ культурную силу.

Я присутствовалъ и при службѣ, которую велъ, за отсутствіемъ негритянскаго пастора, мой бостонскій другъ по приглашенію. Молодая дѣвушка чудно играла на органѣ, большой хоръ обладалъ бархатными голосами,—въ музыкальности негровъ не усомнится и злѣйшій ихъ врагъ. Публика была все чистая, женщины даже нарядно одѣты и... я долженъ признаться—очень черныхъ лицъ было мало. Публика держалась чинно, внимательно слушала вполне шаблонную проповѣдь блага пастора. Какъ духовникъ консервативной епископальной церкви, онъ не выбралъ живой социальной темы, а доказывалъ, что Іисусъ своею жизнью доказалъ существованіе Бога. Очевидно, бѣлый пасторъ не понималъ характера и замысла болѣе радикальной церкви и кормилъ своихъ слушателей теологіей. Не было, однако, ни молитвъ экспромтомъ, ни истеріи, ни кликушества.

При выходѣ изъ церкви, меня познакомили съ высокой, худой дамой лѣтъ 40—45, одѣтой въ черное,—одной изъ наиболѣе энергичныхъ работницъ для этой церкви и вообще въ общинной жизни

негритянской массы. Едва ли нужно говорить, что въ жилахъ мистриссъ Гринъ течетъ, по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{5}$ бѣлой крови. Цвѣтъ лица характеренъ, но черты лица европейскія. Мы разговорились о церкви.

— Прихожане, очевидно, принадлежать къ лучшему классу негровъ города,—замѣтилъ я.—Я сужу по одеждѣ.

— Да,—согласилась г-жа Гринъ,—къ намъ ходитъ наиболѣе образованная часть негритянского общества, хотя мы стараемся привлечь и массу. Вѣдь для нея-то и необходимы всѣ эти учрежденія. И у насъ есть много бѣдныхъ, простыхъ негровъ. Вы не должны судить слишкомъ по одеждѣ. Во-первыхъ, у нашей расы есть сильное стремленіе пощеголять, приодѣться, и потомъ это же воскресенье вечеромъ, когда мы одѣваемся лучше, идя въ церковь.

По произношенію, въ которомъ исчезло все типически негритянское, и по подбору словъ я видѣлъ, что г-жа Гринъ женщина съ довольно широкимъ образованіемъ, и что отъ нея можно узнать много интереснаго.

— Да, но ваша церковь, несомнѣнно, первовъ буржуазнаго класса. Вѣдь сколько стоило построить такое роскошное зданіе, сколько стоитъ содержать его.

— Но какой же у насъ буржуазный классъ, — возразила моя собесѣдница. — Я думаю, у насъ во всей Атлантѣ едва ли наберется 10 негритянскихъ семей съ доходомъ въ 2000 долларовъ. Въ нашей средѣ семья, зарабатывающая около 1000 долларовъ въ годъ, уже считается зажиточной; а это вѣдь обыкновенный бюджетъ хорошаго американскаго работника. Не знаю, есть ли въ Атлантѣ 20 негритянскихъ семей, держащихъ прислугу. Вы знаете, кто составляетъ наше общество, нашу аристократію: двое директоровъ нашихъ школъ, торговцы бакалейнымъ товаромъ, почтальоны, получающіе 700—800 долларовъ въ годъ, да нѣсколько врачей и адвокатовъ.

— На какія же средства вы сумѣли выстроить такую великолѣпную церковь? — удивился я.

— Такъ развѣ это наши деньги? — улыбнулась г-жа Гринъ. — Гдѣ ужъ намъ. Нѣтъ, это финансовый геній нашъ, пасторъ Прокторъ. Онъ умѣетъ собирать пожертвованія на сѣверѣ, въ Бостонѣ и другихъ городахъ, гдѣ у негритянской расы осталось еще нѣсколько друзей. Да онъ и теперь тамъ, въ Бостонѣ, и, конечно, съ той же цѣлью. Развѣ вы не замѣтили на двери каждой комнаты и чуть-ли ни на каждомъ кускѣ мебели имена и адреса? Это все имена жертвователей, подарившихъ обстановку той или другой комнаты. Правда, это рекламный методъ, но, очевидно, Прокторъ понимаетъ человѣческую душу. Этотъ методъ помогаетъ.

— Но при всей щедрости нашихъ сѣверныхъ друзей,—продолжала г-жа Гринъ,—эта церковь является для насъ тяжелымъ

бременемъ. Содержать ее приходится вѣдь намъ, и это стоитъ бѣшеныхъ денегъ. Мы устраиваемъ сборы, вечеринки, лоттереи. Въ особенности, наши женщины. О, вы не знаете насъ, негритянскихъ женщинъ! Мы—мученицы. Чего грѣха таить: еще въ сотняхъ тысячахъ семействъ негритянской мущина, вчерашній рабъ, не сжился съ новой обязанностью содержать семью. Поэтому негритянская женщина еще чуть ли не въ большинствѣ случаевъ вынуждена содержать семью и себя, а часто еще и лѣтя-мужа. И все же она находитъ время для благотворительной, церковной и общественной работы. Девять десятыхъ нашихъ клубовъ и благотворительныхъ обществъ содержатся женщинами. И у рѣдкой прачки или служанки нѣтъ такого расхода на общественныя нужды. Возьмите хотя бы нашу церковь. Содержаніе всѣхъ этихъ учреждений, школъ, клубовъ, библіотеки, гимнастическаго зала, жалованье пастору, двумъ ассистентамъ, отопленіе, освѣщеніе,—все это требуетъ большихъ средствъ. Нашъ бюджетъ доходить до 6000 долларовъ въ годъ. Для насъ это такія большія деньги! И эти средства добываются нами, женщинами. Повѣрите ли, что я уже шесть лѣтъ не шила себѣ новаго платья, хотя мужъ мой, желѣзнодорожный конструкторъ, одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ негровъ въ городѣ! Въ этомъ году я рѣшила, что мнѣ необходимо новое платье, потому что уже прямо стыдно было въ церковь явиться? И у меня уже деньги были отложены. Но вотъ подвернулись новые расходы по церкви,—и деньги ушли, а я вотъ выстирала это старое платье.

Огромное преимущество новой негритянской церкви надъ старой слишкомъ очевидно, чтобы его отрицали даже южане, которые никогда не перестаютъ насмѣхаться надъ религиозной истеріей старой церкви и всегда приводятъ ее въ доказательство дикости негритянской расы. Но сами южане ничѣмъ не помогаютъ движенію въ пользу реформы негритянской церкви, во главѣ котораго стоятъ тѣ же, ненавистные югу, негритянскіе университеты. Движеніе это поэтому вынуждено опираться либо на благотворительность сѣвера, либо на нищенскія средства самихъ негровъ. И тутъ опять быстро богатѣющій югъ и, въ частности, еще быстрѣе богатѣющая Атланта являются въ непривлекательной роли попрошайки, паразита, потому что сѣверные благотворители, помогая церкви, помогаютъ содержать негритянскія воскресныя школы, киндергартены, библіотеки, т. е. выполняютъ функціи народнаго образованія въ Атлантѣ.

VIII.

Кстати, о библіотекѣ. Въ городской публичной библіотекѣ Атланты наиболѣе выпукло отразилось отношеніе бѣлаго юга къ негритянской расѣ, и все ханжество утверждений юга, что негра на его уровнѣ удерживаетъ собственная некультурность.

О пользѣ или, вѣрнѣе, необходимости библиотекъ въ Америкѣ разсуждать такъ же бесполезно, какъ въ Россіи писать диссертациі о пользѣ стекла. Это общепризнанный трюизмъ.

Населеніе Атланты очень гордится своимъ зданіемъ городской библиотеки, дѣйствительно, роскошнымъ мраморнымъ храмомъ, на фасадѣ котораго среди именъ великихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ поэтовъ гордо красуется имя Андрю Карнеги. Карнеги, конечно, не поэтъ, но онъ пишетъ нѣчто еще болѣе цѣнное, чѣмъ безсмертныя поэмы—онъ пишетъ крупныя чеки, при помощи которыхъ американскіе города строятъ себѣ роскошныя библиотеки. Атланта, какъ важный городъ, получила чекъ въ 250.000 долларовъ—подарокъ всему городу. Но Карнеги даетъ свои пожертвованія всегда съ условіемъ, а именно: городъ обязуется ассигновать ежегодно на содержаніе библиотеки сумму, равную десяти процентамъ пожертвованія, т. е. для Атланты бюджетъ библиотеки равенъ, по крайней мѣрѣ, 25,000 долларовъ—это городскія деньги изъ общихъ городскихъ средствъ. *И въ эту единственную городскую библиотеку, пожертвованную всему городу и содержащуюся на городскія средства, неграмъ входъ абсолютно запрещенъ!*

Такое запрещеніе бѣлая Атланта объясняетъ, конечно, нежеланіемъ сталкиваться съ неграми, необходимостью отказать имъ въ общественномъ равенствѣ; она отрицаетъ существованіе плана отрѣзать неграмъ доступъ къ книгамъ, къ просвѣщенію...

Когда Андрю Карнеги пожертвовалъ библиотеку Атлантѣ, негры возбудили вопросъ о своихъ правахъ. Они хотѣли, чтобы Карнеги вставилъ право негровъ пользоваться библиотекой въ свое условіе съ городомъ. Карнеги считается другомъ негритянской расы. Онъ дѣлалъ крупныя пожертвованія Букеру Вашингтону на его институтъ. Но Карнеги непремѣнно хотѣлось имѣть свое имя на зданіи городской библиотеки въ Атлантѣ, и когда городскія власти наотрѣвъ отказались даже обсуждать вопросъ о негритянскихъ правахъ, Карнеги заявилъ, что во внутренніе распорядки библиотеки онъ не считаетъ себя вправе вмѣшиваться. Было даже какое то общае компромисса въ будущемъ. Но когда послѣ постройки главнаго зданія библиотеки Карнеги предложилъ городу 25,000 долл. на специальное негритянское отдѣленіе, которое должно было быть выстроено въ другой части города, но съ правомъ обмѣна книгъ съ центральной библиотекой, какъ это дѣлается во всѣхъ американскихъ городахъ, то Атланта отказалась, «за неимѣніемъ средствъ на содержаніе этого отдѣленія». Такова южная справедливость!

Карнеги пожертвовалъ свои 25,000 долларовъ Atlanta University и тѣмъ успокоилъ свою совѣсть. Благодаря этому инциденту, университетъ имѣетъ теперь очень порядочную библиотеку, но негритянское населеніе Атланты все же осталось безъ книгъ, потому что университетская библиотека въ 20—25 тысячъ томовъ со-

стоитъ поневоля изъ такихъ книгъ, которыя негритянской массѣ мало интересны.

Съ этимъ библиотечнымъ инцидентомъ связано имя Дю-Бойса, и связано такъ, что еще болѣе укрѣпило нелюбовь къ нему бѣлаго юга, какъ къ негру-нахалу, не знающему своего мѣста. Когда Дю-Бойсъ лѣтъ 6 тому назадъ напечаталъ свой шедевръ «Души черныхъ людей» (The Souls of Black Folks), то экономная администрація городской библиотеки (не тратитъ же денегъ на покупку книгъ жителя Атланты) письмомъ попросила его пожертвовать экземпляръ въ пользу библиотеки. Дю-Бойсъ пожертвовалъ. А черезъ нѣсколько дней онъ намѣренно явился въ библиотеку, и его безъ всякихъ церемоній выпроводили вонъ, не смотря на его заявленіе, что онъ профессоръ мѣстнаго университета и авторъ нѣсколькихъ книгъ, пожертвованнымъ имъ въ библиотеку. Дю-Бойсу только этого и надо было. Онъ написалъ объ этомъ инцидентѣ въ нѣкоторыя сѣверныя газеты. Значительная часть сѣверной прессы комментировала этотъ фактъ съ возмущеніемъ. И за Дю-Бойсомъ укрѣпилась репутація чловѣка, безцѣльно стремящагося портить *хорошія* отношенія между бѣлымъ и чернымъ югомъ. Такова судьба протестанта.

IX.

Раса пролетаріевъ! Раса нищихъ! За немногіе дни своего пребывания въ университетѣ я успѣлъ убѣдиться, что г-жа Гринъ не преувеличила уровня бѣдности негритянского населенія Атланты. Въ одномъ городѣ, рядомъ другъ съ другомъ, даже тѣсно рядомъ, живутъ двѣ общины, и въ каждой приблизительно по 50.000 чловѣкъ. Но въ каждой изъ нихъ совершенно различные уровни экономической жизни, точно мы стали бы сравнивать двѣ общины, живущія въ различныхъ частяхъ свѣта. И это несмотря на то, что одна община пользуется трудомъ другой и безсовѣстно эксплуатируетъ другую, несмотря на то, что вторая община настойчиво стремится подражать первой. Правда, между этими двумя общинами существуетъ и замѣтное различіе: негры принадлежатъ преимущественно къ классу прислуги и людей чернаго труда; бѣлые почти монополизируютъ торгово-промышленную дѣятельность и профессіи. Но бѣлая раса имѣетъ свой пролетаріатъ, а негритянская раса производитъ понемногу свою буржуазію. Можетъ быть, разницу мы удастся иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ двѣ линіи, параллельныя другъ другу, обѣ идущія подъ тѣмъ же угломъ къ горизонту, но одна значительно ниже другой. Верхняя линія представить всѣ классы бѣлаго населенія, а нижняя — всѣ классы негритянской общины. На одной и той же высотѣ можно найти и негровъ, и бѣлыхъ, но это будутъ представители разныхъ классовъ. Если же сравнить соответствующіе классы обѣихъ расъ,

то негры всегда окажутся на значительно болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ бѣлые:

Можетъ быть, наиболѣе рельефно выступаетъ эта разница въ негритянской буржуазіи и профессиональной интеллигенціи, особенно въ послѣдней. Оно и понятно: это самый молодой и поэтому неокрѣпшій классъ; его необычайность заставляетъ даже негритянскую массу относиться къ нему съ недоверіемъ и лишаетъ его необходимой поддержки со стороны этой массы. Негритянской врачъ и адвокат жалуются, что негръ предпочитаетъ враждебно ему настроеннаго бѣлаго врача или адвоката; негритянской мясникъ или бакалейный торговецъ съ негодованіемъ смотритъ, какъ негры бѣгутъ къ его бѣлому конкуренту за покупками. Бѣлый врачъ или мясникъ третируютъ своихъ негровъ-клиентовъ *en sautille* и указываютъ на этотъ симптомъ, какъ на доказательство, что негры — низшая раса, совершенно игнорируя историческія причины отсутствія или, вѣрнѣе, слабости, расовой сплоченности — потому что въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ линчеваній и погромовъ расовое самосознаніе и солидарность стали быстро развиваться.

Каковы бы ни были причины, каково бы ни было вѣрное истолкованіе этой конъюнктуры, представьте себѣ общество, въ которомъ почталонъ является аристократомъ! Далѣе, представьте себѣ положеніе небольшой интеллигенціи въ этомъ обществѣ, и вы поймете, какой моральной силой долженъ обладать человекъ, какъ Дю-Бойсъ, чтобы жить и работать въ этой средѣ и сохранить всю свою энергію.

За однимъ обѣдомъ стулъ Дю-Бойса оказался пустымъ. Извиняясь позже за свое отсутствіе, онъ объяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ другими членами факультета онъ приглашенъ былъ къ одному *giosegu man'u* *), сынъ котораго выдержалъ экзаменъ въ университетѣ. Сыниска былъ лѣнтяй, и даже былъ разговоръ о томъ, чтобы онъ оставилъ университетъ. На радостяхъ въ виду успешнаго исхода экзаменовъ, благодарные родители пригласили профессоровъ къ себѣ. Профессоръ, извѣстный писатель, съ интернаціональной репутаціей, не посмѣлъ отказаться.

— Мы не можемъ наживать себѣ и университету враговъ. Онъ коммерсантъ и одинъ изъ важныхъ членовъ нашей общины. Мы не можемъ рисковать заслужить репутацію гордецовъ и снобовъ... А всего хуже, — прибавилъ онъ, мило улыбаясь, — что обѣда таки не дали, и я теперь голоденъ, какъ волкъ!

Изучая какое-нибудь нормальное экономическое явленіе, статистики обыкновенно избираютъ среднія величины, какъ наиболѣе удобныя для общихъ выводовъ. Но иногда много свѣта на проблему можетъ пролить изученіе максимумовъ и минимумовъ. Такимъ

*) Содержатель *giosegu*, розничной торговли фруктами, мясомъ и вообще бакалейнымъ и колоніальнымъ товаромъ.

макимумомъ въ общемъ уровнѣ жизни негритянской буржуазіи и интеллигенціи явился банкетъ, данный администраціей университета выпускному классу, всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ университета и почетнымъ гостямъ. То, что я теперь пишу, нѣсколько похоже на сплетни: обсуждать хозяина, пригласившаго васъ на званый обѣдъ, въ особенности же обсуждать качество подававшейся пищи въ Америкѣ считается моветономъ. Но, во-первыхъ, мои хозяева по русски не читаютъ, и никогда поэтому не узнаютъ о совершенномъ мною нарушеніи законовъ приличія, а во-вторыхъ, этотъ банкетъ представляетъ такой интересный бытовой матеріалъ, что игнорировать его было бы непростительно съ точки зрѣнія профессиональнаго журналиста.

Сколько объ этомъ банкетѣ говорили всѣ студенты и профессора, какъ упрашивали меня остаться еще на день, чтобы принять участіе въ немъ, какъ огорчены были студенты младшихъ курсовъ, что по недостатку мѣста въ столовой имъ нельзя было принять участія, какими радужными красками расписывался этотъ банкетъ на слѣдующій день! И какое грустное чувство жалости и боли оставилъ этотъ банкетъ во мнѣ.

Можетъ быть, это и смѣшно. Но я поневолѣ вспомнилъ день акта въ Нью-Йоркскомъ университетѣ, когда я удостоился диплома. Я помню, какъ насъ пригласили въ одинъ изъ роскошнѣйшихъ ресторановъ Нью-Йорка, какъ мнѣ первый разъ пришлось надѣть фракъ, заплативъ два доллара за одинъ вечеръ, какъ любовался я на собственную фигуру во фракѣ, потому что смотрѣлъ со всѣмъ взрослымъ челоѣкомъ, какъ торжественна и празднична была обстановка, какой великолѣпный былъ ужинъ, какъ лились дорогія вина, какъ дымились дорогія сигары. О, я отлично помню всю проповѣдь Толстого противъ традиціоннаго празднованія Татьянина дня; и среди американскихъ студентовъ я, конечно, былъ пролетарій, да и не я одинъ. Но актовый день, окончаніе университета, дипломъ—все это было праздникомъ и заслуживало праздничной обстановки. Это былъ не нормальный standard of life, а максимумъ...

И вотъ при точно такихъ же условіяхъ собрались на праздникъ нѣсколько сотъ интеллигентовъ черной расы,—нѣсколько сотъ челоѣкъ, имѣющихъ позади себя на американской землѣ пять или, можетъ быть, десять поколѣній, имѣющихъ поэтому больше правъ на всѣ блага, всѣ продукты американской цивилизаціи, чѣмъ я, непрошенный пришелецъ. И вотъ обстановка ихъ праздника—банкета.

Столы, украшенные бумажными цвѣтами. Передъ каждымъ приборомъ тарелка съ кускомъ ветчины и салатъ съ томатами. Послѣ салата и ветчины раскрашенное въ три яркія краски и отвратительное на вкусъ мороженое, дешевыя печенья и кофе. Если это былъ праздникъ, да еще праздникъ высшей буржуазіи и интеллигенціи, то каковы же должны быть будни, да еще будни массы.

Я не могу дѣлать вывода, что негритянская масса голодаетъ. Я успѣлъ, напр., убѣдиться, что въ университетѣ пища была удовлетворительная какъ качественно, такъ и количественно, хотя грубая и не особенно вкусная. Но какъ мало радости должно быть въ жизни людей, какъ мало свободныхъ денегъ, если такую жалкую трапезу называютъ «банкетомъ».

Во время банкета одинъ изъ ораторовъ прочелъ отчетъ о сборѣ пожертвованій въ пользу университета среди бывшихъ воспитанниковъ университета. Общество бывшихъ воспитанниковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ задалось цѣлью собрать специальный фондъ въ 10.000 долларовъ. Не знаю, сколько лѣтъ они уже собираютъ пожертвованія въ пользу этого фонда, но всего собрали, кажется, около одной тысячи. На послѣднемъ собраніи общества, предшествовавшемъ банкету, сборъ далъ около 30 или 40 долларовъ. Но на лицамъ присутствующихъ видно было, какую солидную сумму представляютъ эти 40 долларовъ. Списокъ пожертвованій начинался, помнится, двумя долларами и кончался 50 и 25 сентами.

Правда, негры, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ копятъ деньги. Такъ какъ умѣніе зарабатывать и копить деньги является въ Америкѣ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ пригодности какъ индивида, такъ и расы, то даже Дю-Бойсь подчеркиваетъ этотъ фактъ въ эволюціи негра. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей онъ доказываетъ, что въ одномъ штатѣ Джорджіи негры, по отчетамъ податныхъ инспекторовъ, обладаютъ собственностью въ 25.000.000 долларовъ.

Но несмотря на эти 25.000.000 долларовъ, несмотря на всю проповѣдь и бережливости со стороны Букера Вашингтона, стоитъ только сравнить капиталы бѣлой южной буржуазіи и быстроту ихъ накопленія съ нищенскими средствами буржуазіи и интеллигенціи негритянской, чтобы понять всю тщетность надежды, возлагаемой негритянскими идеологами капитала на процессъ накопленія, какъ путь къ разрѣшенію негритянского вопроса.

Х.

Какъ уже упомянуто, я отлично помню свою собственную sophomore week (актовую недѣлю), хотя это было много лѣтъ тому назадъ. Я помню эту недѣлю непрерывнаго заразительнаго, шумнаго веселья: балъ, банкетъ, раутъ, выставка, концертъ—чего, чего тамъ не было. А главное, была полная невозможность сократить буйный нравъ студентовъ, которые пускались на разныя отчаянныя выходки. И въ этой актовой недѣлѣ лишь концентрировалась вся жизнь американскаго студенчества—веселая, беззаботная, шумная и... нѣсколько вульгарная.

Еще больше этого веселья, беззаботности, шума и вульгарности

можно было бы ожидать среди негритянскихъ студентовъ. Негрофобы увѣряють,—и въ ихъ увѣреніяхъ, несомнѣнно, много правды,—что это отличительныя черты негритянской расы вообще. И, дѣйствительно, она гораздо жизнерадостнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько примитивнѣе кавказской.

Каково же было мое удивленіе, когда я за всѣ четыре дня не слыхалъ ни одного громкаго возгласа, не видѣлъ ни одного грубого жеста, ни одной мальчишеской выходки. Всѣ были серьезные, чрезвычайно вѣжливые, сдержанные. По временамъ на campus'ѣ собиралась кучка студентовъ и хоромъ пѣла чудныя негритянскія plantation songs—пѣсни плантацій—всѣ въ минорномъ тонѣ, скорбныя, жалобныя, какъ русскія народныя пѣсни. И пѣли эти пѣсни студенты не какъ нибудъ, а умѣло: всегда въ числѣ ихъ оказывался одинъ дирижеръ, а теноры и басы немедленно раздѣлились. Видно и слышно было, что музыка для нихъ не шутка, а серьезная потребность, и что они эти заунывные мотивы не только поють, но и чувствуютъ.

Одинъ изъ четырехъ дней все время шелъ проливной дождь. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ свой докладъ. Цѣлый день изъ небольшой студенческой сборной въ нашемъ зданіи неслись гармоничные звуки церковныхъ гимновъ, распѣваемыхъ хоромъ мужскихъ голосовъ съ аккомпаниментомъ небольшого ручнаго органа.

Это—поскольку дѣло касается студентовъ. Студентки, конечно, вели себя еще степеннѣе. Онѣ помѣщались въ особыхъ коттеджахъ.

Появляясь въ столовой и выходя изъ нея черезъ особую дверь, студентки за столомъ вели себя очень свободно и непринужденно со студентами, но въ остальное время дня держались оособо, гуляли попарно, и не было той свободы, какую мнѣ приходилось наблюдать въ сѣверномъ университетѣ съ совмѣстнымъ обученіемъ половъ.

При первомъ же удобномъ случаѣ я затронулъ этотъ вопросъ о необыкновенной сдержанности студентовъ въ моемъ разговорѣ съ Дю-Бойсомъ, и онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ этому вопросу.

— Вы замѣтили это?—заговорилъ онъ.—Я очень радъ. Неправда ли, интересное явленіе? И такъ оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной негритянской натурѣ. Повѣрите ли, мнѣ, занятому академику, приходится ихъ распеивать. Конечно, они теперь особенно сдерживаются. Почему? Потому что университетъ полонъ гостей и въ особенности бѣлыхъ гостей; они хорошо понимаютъ (и мы имъ постоянно разъясняемъ), что по ихъ поведенію будутъ судить не только ихъ, но и всю негритянскую расу.

Вы вѣдь знаете,—продолжалъ Дю-Бойсъ,—какія ужасныя выходки позволяютъ себѣ студенты большихъ сѣверныхъ университетовъ.

И весь свѣтъ улыбается на веселящихся мальчиговъ, а полиція боится арестовать ихъ за безпорядокъ. А у насъ за 10 лѣтъ моей связи съ университетомъ всего, кажется, было два-три не-пріятныхъ случая со студентами, которые набушевали въ городѣ,—такъ вѣдь какой скандалъ подымался каждый разъ, какіе упреки сыпались по адресу нашего университета и всей негритянской расы вообще! Какойнибудь незначительный эпизодъ разрастается въ крупный инцидентъ и разносится по всей странѣ. Можете себѣ представить, какъ это отражается на интересахъ университета. Отсюда вѣчныя предостереженія студентамъ, и это, конечно, вліяетъ на ихъ настроеніе.

— Да и помимо этого чувства отвѣтственности за расу,—продолжалъ Дю-Бойсъ, грустно усмѣхнувшись,—уже самосохраненіе заставляетъ нашихъ студентовъ вести себя очень осторожно. Возьмите бѣлаго студента, который напроказилъ и даже серьезно. Во первыхъ, въ большинствѣ случаевъ полицейскій побойится его арестовать. Его отецъ, можетъ быть, вліятельный человекъ въ политикѣ; университетскія власти пользуются большимъ вліяніемъ и очень косо смотрятъ на арестъ студента. А если его уже арестовали, судья наложитъ небольшой штрафъ. Въ худшемъ случаѣ, если онъ пьянъ, то проведетъ ночь въ полицейскомъ участкѣ. А нашъ студентъ? Кто за него заступится? А за то, что онъ студентъ, т. е. интеллигентный и образованный негръ, къ нему относятся съ особой злобой и ненавистью и полисманъ, и приставъ, и судья—все. И глядишь, за какуюнибудь нелѣпую, невинную шутку его запрячутъ на мѣсяцъ въ тюрьму или въ кандалахъ сядутъ въ работу контракторамъ. И погибъ человекъ.

— Впрочемъ,—опять заговорилъ Дю-Бойсъ,—есть еще одна причина, болѣе глубокая даже, чѣмъ тѣ, на которыя я указалъ. Негритянской студентъ пока еще—исключительный, выдающийся молодой негръ. Рядовой негритянской юноша еще не идетъ въ университетъ. И поэтому, какъ бы въ силу естественнаго подбора, у насъ пока наиболѣе серьезные студенты. Многіе изъ нихъ мыслящіе люди, задумавающіеся надъ вопросами общественными и политическими, преимущественно надъ вопросомъ о положеніи своей расы. А это, вы вѣдь знаете, къ оптимизму не можетъ располагать.

«Какъ вамъ понравилось бы вѣчно быть вопросомъ, проблемой?»—спрашиваетъ Дю-Бойсъ въ одной изъ своихъ статей.—Это сознаніе, что онъ—проблема, не покидаетъ интеллигентнаго негра, какъ оно не покидаетъ интеллигентнаго еврея въ Россіи. Для человека съ кипучей энергіей и талантами Дю-Бойса это, можетъ быть, дѣлаетъ жизнь очень интересной, но это не можетъ уничтожить всей горечи. Поэтому интеллигентные негры и между собой, и съ чужими, и въ частныхъ разговорахъ, и при всякомъ общественномъ собраніи обсуждаютъ только негритянской вопросъ. Они не

Февраль. Отдѣлъ I.

только рады развить вамъ свой взглядъ, но и допытываются вашего мнѣнія относительно настоящаго, хотѣтъ познакомиться съ вашими взглядами на будущее, просятъ совѣтовъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать,—въ особенности если только почувствуютъ въ васъ друга, или, по крайней мѣрѣ, не ослѣпленнаго негрофобствомъ врага.

Сначала это васъ конфузитъ. Вы даже конфузитесь произнести слово «негро», какъ конфузился, бывало, русскій человѣкъ обсуждать съ другомъ-евреемъ еврейскій вопросъ. Но скоро этотъ конфузъ у меня прошелъ, и я четыре дня говорилъ почти исключительно о негритянскомъ вопросѣ.

Впрочемъ, было одно исключеніе: г-жа Дю-Бойсъ. Въ ея изысканной холодной вѣжливости, въ ея красивыхъ и въ то же время злыхъ глазахъ такъ ясно сквозила рѣшимость не пускаться въ интимные разговоры, что я очень осторожно обходилъ въ бесѣдѣ съ нею всѣ щекотливые вопросы. Это было скучно, потому что приходилось ограничиваться почти исключительно о погодѣ, и это было досадно, потому что именно ея озлобленіе, о которомъ мы даже намекали бѣлые обитатели университета, дѣлала ея психологию для меня особенно интересной. Даже по отношенію къ этимъ бѣлымъ членамъ небольшой колоніи у нея ясно видно было холодно-вѣжливое, очень недружелюбное отношеніе, въ то время какъ всѣ другіе представители обѣихъ расъ относились другъ къ другу весьма дружелюбно. Даже когда я заговорилъ о шедеврѣ ея мужа,—о поэмѣ въ прозѣ «Смерть первенца», въ которой описана смерть ея перваго ребенка, то и это не расшевелило ее. Она еще пуще нахмурилась, и я понялъ, что сдѣлалъ ошибку.

Только на третій день, послѣ многочисленныхъ, вполне безцвѣтныхъ разговоровъ, въ которыхъ я всѣми силами старался не выказывать никакого особаго вниманія, а третировать ее, какъ всякую другую знакомую,—послѣ многихъ похвалъ ея, дѣйствительно, очень милой 8-лѣтней дочкѣ, сидя въ актовомъ залѣ, во время любительскаго спектакля, даннаго студентами, и заговоривъ съ ней о театрѣ и драмѣ, я, наконецъ, почти вынудилъ ее на болѣе интересный разговоръ.

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня о всѣхъ этихъ новыхъ пьесахъ?—вырвалось у нея.—Я вѣдь ни одной изъ нихъ не видала. Я уже года четыре, какъ не была въ театрѣ.

Я даже удивился, не догадавшись.—Почему же это? Вы хозяйствомъ вѣдь не занимаетесь?

— Да не въ хозяйствѣ дѣло; не пускаютъ насъ въ театръ, вотъ почему. То есть, пожалуй, это и не совсѣмъ вѣрно. Въ нѣкоторые театры насъ пускаютъ, но только на галерею. Но, вы поймите, я жена профессора, мужъ мой извѣстный писатель, съ репутаціей не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, согласитесь, что, наконецъ, это неловко идти на галерею, гдѣ грязно, шумно и собирается всякій сбродъ. Какъ ни какъ, мы должны помнить

о собственномъ достоинствѣ, о достоинствѣ университета. Лѣтомъ мы, правда, часто ѣзжаемъ на сѣверъ. Но и тогда мы забираемся въ деревню, въ глушь, да и вообще театровъ лѣтомъ нѣтъ. А зимой мужъ хотя часто ѣздитъ на сѣверъ читать лекціи, но мнѣ ѣхать съ нимъ не позволяютъ средства. И вотъ такъ живемъ, ни театровъ, ни концертовъ, ни общественной лекціи, ни выставки, ни библіотеки даже. Да и если отводить тебѣ мѣсто, то ты никогда не гарантированъ отъ какой-нибудь грубости, оскорбленія.

Г-жа Дю-Бойсъ замолчала и только болѣе напряженно сморщила свой высокій, оливковый лобъ. И это сознаніе принадлежности къ отверженной расѣ никогда, очевидно, не покидало ее.

Когда передъ отъѣздомъ я снялся въ одной группѣ съ Дю-Бойсомъ и президентомъ университета, она наотрѣзъ отказалась присоединиться къ группѣ. Передъ отъѣздомъ я горячо упрасивалъ ее навѣстить насъ въ Вашингтонѣ, увѣрялъ ее, что прошу отъ имени жены, что жена непременно пріѣхала бы со мной въ Атланту, если бы не ребенокъ,—словомъ, подчеркнул этимъ свое полное признаніе social equality—соціального равенства—и г-жа Дю-Бойсъ вѣжливо благодарила и обѣщала, но я бы очень удивился, если бы она дѣйствительно сдержала слово.

Эту озлобленность ея на бѣлую расу всѣ объясняли тѣмъ, что ея мать была бѣлая женщина — очень рѣдкое явленіе среди мулатовъ,—и можетъ быть, это объясненіе было вѣрно. Но другой причиной, несомнѣнно, было то, что, будучи очень чувствительной страдальцей отъ негритянскаго вопроса, она не принимала активного участія въ его разрѣшеніи.

XI.

За единственнымъ исключеніемъ г-жи Дю-Бойсъ, всѣ говорили со мной исключительно о негритянскомъ вопросѣ и поэтому, хотя моя лекція была озаглавлена официально «Social welfare among Russian Peasants», но я хорошо понялъ настроеніе своей аудиторіи и постарался дать то, что она ожидала, т. е. не столько лекцію о русскомъ крестьянинѣ *per se*, сколько урокъ, который человѣкъ, заинтересованный въ негритянскомъ вопросѣ, можетъ вынести изъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Попутно я воспользовался случаемъ, чтобы выразить свой взглядъ на негритянской вопросъ вообще.

Я касаюсь собственной лекціи не безъ нѣкотораго конфуза, потому что боюсь, какъ бы это не показалось актомъ мелкаго тщеславія. Но возможность исторической, психологической и экономической параллели между русскимъ крестьяниномъ и негромъ, несомнѣнно, окажется совершенно новой точкой зрѣнія для большинства читателей, и поэтому я не вижу, почему мнѣ не воспользоваться матеріаломъ этой лекціи для настоящей статьи.

Уже переводъ приведенной выше темы представляетъ много затрудненій. Social welfare work—сравнительно новая концепція американской общественной жизни. Эта концепція обнимаетъ цѣлый рядъ очень разнообразныхъ явленій и движеній, начиная съ госпиталей до университетскихъ поселеній, отъ воскресныхъ школъ до рабочаго законодательства. Этотъ терминъ можно, пожалуй, опредѣлить, какъ совокупность всѣхъ организованныхъ усилій, преимущественно частныхъ, не правительственныхъ, къ улучшенію социальныхъ условий существованія американской массы,—посредствомъ реформъ, а не революціи. Въ этомъ отрицаніи революціи основная особенность social welfare work, которую ея адепты любятъ подчеркивать, чтобы отграничить себя отъ социалистовъ. Но если крайнихъ радикаловъ этого лагеря отъ социализма отдѣляетъ только это отрицаніе революціи, то среди консервативныхъ, болѣе умѣренныхъ группъ частная благотворительность считается даже выше законодательныхъ реформъ. Вообще переоцѣнка возможныхъ результатовъ такой этической дѣятельности безъ соображенія съ желѣзными законами экономической дѣйствительности представляетъ отличительную черту social welfare work.

Среди негровъ для такой работы поле очень широкое, но работниковъ очень мало. Бѣдность требуетъ прямой благотворительной работы, невѣжество требуетъ педагогической работы, низкій уровень моральныхъ семейныхъ устоевъ требуетъ работы воспитательной, а неумѣніе работать требуетъ технического обученія. Отчаянно низкій standard of life требуетъ политическихъ мѣръ. Словомъ, поскольку дѣло касается возможныхъ методовъ приложенія гуманистическаго усердія, между американскимъ негромъ и русскимъ крестьяниномъ много общаго.

Но предложеніе энергіи гораздо ниже спроса. Собственной интеллигенціи у негровъ до смѣшнаго мало. А что касается до бѣлой интеллигенціи, то она дала очень немного. Мѣстная, кушная интеллигенція не только не удѣляетъ ни малѣйшей доли своей энергіи, но даже относится съ самой свирѣпой нетерпимостью ко всякому бѣлому человѣку, посвящающему себя культурной работѣ среди негровъ, какъ, напр., бѣлые профессора Atlanta University. Подъ вліяніемъ этого отношенія и въ виду охлажденія съверху къ судьбѣ негровъ, такихъ бѣлыхъ людей становится все меньше и меньше.

Тѣмъ съ большей гордостью Дю-Бойсъ цитируетъ статистическія доказательства роста такой культуртрегерской работы собственными силами негровъ.

Благодаря сходству многихъ условий существованія американскихъ негровъ и русскихъ крестьянъ, естественно желаніе Дю-Бойса узнать, какъ разрѣшается вопросъ о social welfare work въ Россіи. Задача, какъ видите, мнѣ предстояла не легкая, уже потому, что основная точка зрѣнія русской интеллигенціи на сущность

соціальныхъ вопросовъ и методы ихъ разрѣшенія совершенно другая, въ особенности за послѣднія 15—20 лѣтъ. Я поэтому предпочелъ посвятить значительную часть своей лекціи общей «параллельной характеристикѣ» (какъ говорили въ добрыя гимназическія времена) негра и мужика. Я указалъ на сходство аргументаціи въ защиту рабства, при чемъ отмѣтилъ тѣ сближающія обѣ группы черты, на основаніи которыхъ въ Америкѣ упрочилось ученіе о негрѣ, какъ о низшемъ существѣ, въ то время, какъ въ Россіи, благодаря расовому единству рабовладѣльца и раба, такое ученіе не могло укрѣпиться. Такъ, я отмѣтилъ высокую смертность русской деревни, потому что даже высокая смертность негра въ Америкѣ ставится ему въ счетъ, какъ расовая особенность; отмѣтилъ, что русскаго мужика такъ же обвиняютъ въ безпечности, суетвѣяхъ и лѣни, какъ и негра, если въ Америкѣ—указывалъ я—негритянской фермеръ уступаетъ въ земледѣльческомъ искусствѣ итальянскому эмигранту, то русскій крестьянинъ оказывается въ такомъ же отношеніи къ нѣмецкому колонисту; и если негръ, мѣняя ферму на городское занятіе, оказывается менѣе успѣшнымъ работникомъ, чѣмъ старый и опытный американскій или нѣмецкій рабочий, то опять таки и русскій рабочий уступаетъ по своей производительности и умѣню рабочему нѣмецкому или англійскому. У обоихъ замѣчается та же склонность къ излишеству въ употребленіи алкогольных напитковъ, и даже та же чрезмѣрная свобода въ половыхъ отношеніяхъ. Самая замѣтная разница въ психологій русскаго крестьянина и американскаго негра заключается въ томъ, что русскій крестьянинъ чрезвычайно бережливъ, почти скупъ, въ то время какъ негръ крайне расточителенъ и легкомысленъ. Но эта, якобы расовая, разница въ психологій очень легко объясняется разницей въ экономическихъ условіяхъ русскаго крѣпостничества и американскаго рабства: русскій крѣпостной, несмотря на отсутствіе воли, все же былъ экономически самостоятельной личностью, а негръ-рабъ былъ собственностью и не имѣлъ никакихъ экономическихъ правъ.

Переходя отъ этой параллельной характеристики къ сравненію характера social welfare work среди русскаго крестьянства и американской негритянской массы, я указалъ, что чувство долга интеллигенціи передъ народомъ, которое теперь только начинаетъ развиваться въ Америкѣ, было знакомо Россіи еще 40—50 лѣтъ тому назадъ, но это чувство выливалось въ болѣе широкія формы. Идеализація малыхъ дѣлъ замѣчалась и среди русской интеллигенціи, но лишь въ пору реакціи. Въ эпоху же подъема хожденіе въ народъ (форма social welfare work) отливалось въ форму агитаціи и пропаганды, которой такъ боятся американскіе реформисты. Умственное и политическое развитіе массы считалось гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ обученіе манерамъ; пробужденіе политическаго самосознанія этой массы предпочиталось проповѣди бережли-

ности и половой морали, и уже, конечно, ни во что не ставился экономическій подъемъ отдѣльныхъ лицъ на счетъ массы, въ то время какъ консервативные элементы среди негритянскихъ культуртрегеровъ именно напирають на огромное значеніе такихъ единичныхъ успѣховъ. Разница между русскимъ и американскимъ social welfare work выражается именно въ томъ, что первые считаютъ необходимымъ для улучшенія условій существованія массы методы социальныя и политическія, тогда какъ въ Америкѣ среди негровъ, какъ и среди бѣлыхъ, культурники сознательно пренебрегаютъ политическими реформами и слишкомъ много надеждъ возлагають на свою мелкую, кропотливую работу съ отдѣльными личностями. Въ особенности же важны политическія мѣры для политически безправнаго элемента, какимъ являются негры. Дѣйствительные культуръ-трегеры не должны бояться разжигать въ негритянской массѣ чувства недовольства.

Я изложилъ здѣсь главныя нити своего доклада. Надо сказать, что среди радикальной негритянской интеллигенціи, группирующей вокруг Atlanta University, эта точка зрѣнія пріобрѣтаетъ много послѣдователей. Если бы на моей лекціи присутствовали южные бѣлые джентельмены, то я увѣренъ, что мнѣ не удалось бы уберечься отъ грубаго насилія. Но, къ счастью для моей шкуры, если не для моихъ идей,—бѣлая Atlanta совершенно игнорируетъ черную интеллигенцію и ея духовную жизнь. За то въ аудиторіи были всѣ сливки негритянской интеллигенціи. Присутствовавшіе горячо благодарили меня, какъ за сочувственное отношеніе къ ихъ стремленіямъ, такъ и за ту нравственную поддержку, которую даетъ имъ примѣръ русской интеллигенціи.

— Вы не можете представить себѣ, какое значеніе имѣетъ для меня ваша лекція,—говорилъ мнѣ директоръ Atlanta Baptist College (коллегіи, содержимой на средства церкви баптистовъ), человекъ лѣтъ 40, съ симпатичнымъ серьезнымъ лицомъ и такой малой примѣсью негритянской крови, что даже я, при всемъ своемъ опытѣ, не былъ увѣренъ, негръ онъ или нѣтъ.—Ежегодно у меня въ коллегіи кончаютъ курсъ 15—20 молодыхъ людей. Всѣ они у меня спрашиваютъ совѣтовъ и указаній, что дѣлать, за что взяться. Я очень энергично проповѣдую идеаль social work—культуртрегерской работы, и вообще служенія обществу: въ результатѣ большинство ихъ, дѣйствительно, идетъ въ деревенскіе учителя, въ духовенство, и знаете, у меня начинали появляться сомнѣнія, не слишкомъ ли я злоупотребляю своимъ вліяніемъ, имѣю ли я нравственное право толкать ихъ на этотъ путь, обѣщающій имъ лично такъ мало матеріальныхъ благъ. Если бы они пошли въ профессіи, въ коммерцію, то матеріально устроились бы гораздо лучше. А тутъ еще Букеръ Вашингтонъ со своей проповѣдью матеріальнаго прогресса, съ его категорическимъ заявленіемъ, что онъ цѣнитъ негра лишь по размѣрамъ его текущаго счета въ

банкъ... Вѣдь, если меня по такой мѣркѣ оцѣнить, то, куда же я похужу? Самый, что ни на есть, негодный негръ. И поэтому то меня заинтересовало и ободрило то, что вы сказали о долгѣ интеллигенціи народу, и о томъ, какъ усердно русская интеллигенція стремилась платить этотъ долгъ.

Президентъ университета Wage, его сестра и многіе изъ бѣлыхъ преподавателей въ коллегіи заинтересовались другой частью моего доклада, а именно проведенной мной параллелью между психологіей русскаго мужика и американскаго негра.

— Вы не можете себѣ представить, — говорилъ президентъ Wage, — какъ интересны эти параллели. Мы въ своей дѣятельности исходимъ изъ принципа, что разницы между расами нѣтъ, что всѣ дѣти одного Бога, но иногда даже въ моей душѣ закрадывается сомнѣніе. Все же они выказываютъ нѣкоторыя черты, которыя насъ удивляютъ и печалятъ. Я повторяю изо дня въ день и себѣ, и другимъ, что это результатъ вліянія среды, но это часто звучитъ апріорно. А ваши параллели — вѣдь это вѣское научное доказательство.

Если это говорилъ бѣлый человѣкъ, то среди негровъ многіе стесались къ мысли о сходствѣ психологіи двухъ бывшихъ рабовъ — мужика и негра — съ почти что ребяческой радостью.

XII.

Хотя большую часть времени, проведеннаго въ Атлантѣ, я пробылъ въ стѣнахъ негритянскаго университета, тѣмъ не менѣе — на ловца и звѣрь бѣжитъ — мнѣ удалось поговорить о негритянскомъ вопросѣ съ южнымъ джентльменомъ изъ лучшихъ классовъ и такимъ образомъ непосредственно познакомиться съ чисто южной точкой зрѣнія на негритянской вопросъ.

Мой собесѣдникъ, — мы будемъ называть его мистеръ Смитъ, потому что онъ лишь типъ, имя же ему легіонъ, — человѣкъ очень культурный, съ университетскимъ образованіемъ, даже съ литературными наклонностями. Мы начали съ самаго большаго вопроса, — съ вопроса объ избирательномъ правѣ негра, и скоро сдержанный американскій джентльменъ уже очень горячился.

— Конечно, вамъ, сѣверянамъ, это смѣшно, — кричалъ онъ, — а поживите-ка здѣсь съ десятокъ лѣтъ, познакомьтесь поближе съ негритянскимъ населеніемъ, и тогда вы научитесь смотрѣть на него глазами южанина.

— Можетъ быть, можетъ быть! — поспѣшилъ я согласиться, ибо зналъ, что только такимъ образомъ добьюсь его откровенности. — Но напрасно вы меня считаете сѣверяниномъ; вы знаете, что я русскій, и, слѣдовательно, чужой. У меня нѣтъ предразсудковъ ни за, ни противъ негра. Вопросъ интересуетъ меня чисто объективно.

Я на югъ впервые, — и ваша точка зрѣнія меня чрезвычайно интересуютъ. Такъ почему же именно негритянское право голоса должно погубить вашъ городъ?

— Когда вы познакомитесь съ негритянскимъ населеніемъ, то вы сами поймете, — нѣсколько смягчившись, отвѣтилъ Смитъ. — Развѣ эти дикіе, невѣжественные люди безъ всякихъ моральныхъ устоевъ, эти бездѣльники и воры могутъ разумно воспользоваться правомъ голоса?

— Чѣмъ же оправдывается такое рѣзкое мнѣніе? — допытывался я. — Я присматривался къ нимъ эти нѣсколько дней. Я видѣлъ массу тихихъ, скромныхъ, чисто и опрятно одѣтыхъ негровъ и негритянокъ, вполне джентльменовъ и лэди. Есть, вѣроятно, и среди нихъ преступные элементы, но вѣдь, несомнѣнно, многие изъ нихъ вполне приличные, трудолюбивые граждане. Не всѣ же живутъ кражами.

— Трудолюбивые граждане! — снова разсердился г. Смитъ. — Сейчасъ видно, что вы сѣверянинъ. Нѣтъ большого лѣнтяя, чѣмъ негръ. Ему совершенно чужда жажда труда, свойственная англосаксонцу. Онъ работаетъ одинъ день и потомъ шляется по улицамъ цѣлую недѣлю.

— Я, конечно, не имѣю права не вѣрить вамъ. Но мое впечатлѣніе получилось такое, что здѣсь, въ вашемъ городѣ почти что одни негры и работаютъ. Они копаютъ землю, чинятъ вашъ желѣзнодорожный путь, прислуживаютъ въ вашихъ домахъ и ресторанахъ, брѣютъ вашу бороду и чистятъ ваши сапоги. Мнѣ едва ли приходилось видѣть въ вашемъ городѣ бѣлаго человѣка за тяжелой работой.

— Ну, конечно, негры работаютъ, потому что вынуждены работать. Но вѣдь они совершенныя дѣти. Какъ только у него завелся полтинникъ въ карманѣ, онъ сейчасъ же удираетъ. Его нельзя мѣрить на нашу мѣрку. Если бы онъ былъ человѣкъ, какъ вы или я, то развѣ африканская цивилизація находилась бы въ такомъ жалкомъ состояніи? Вы не должны упускать изъ виду, что онъ членъ низшей расы.

— Однако, — не уступалъ я, — вѣдь это нужно доказать. На одномъ лицевомъ углѣ вѣдь теперь не далеко уѣдешь. Антропологи отрицаютъ значеніе этого угла. Съ тѣхъ поръ, какъ за неграми признаны были нѣкоторыя человѣческія права, не прошло еще и полвѣка, и между тѣмъ среди нихъ уже имѣются тысячи вполне интеллигентныхъ, культурныхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Это наврядъ ли доказываетъ, что негры біологически низшая раса.

— Какіе тамъ культурные люди? Развѣ ученіе идетъ имъ въ прокъ. Въ школѣ они вначалѣ дѣлаютъ недурные успѣхи, но вскорѣ останавливаются и на всю жизнь остаются дѣтьми. Да вотъ вамъ примѣръ.

И на меня посыпался длинный рядъ разныхъ анекдотовъ о не-

понятливости негровъ. Г. Смитъ помогала его сестра. Гвоздемъ этой коллекціи анекдотовъ была исторія о томъ, какъ ихъ кухарка, по наущенію г. Смита, собирала своихъ подругъ идти на похороны Христофора Колумба (негры очень любятъ похоронныя процессіи) и была очень разочарована узнавъ, что Колумбъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ.

— Ну, какъ хотите, это доказательство не особенно сильное,— настаивалъ я.— Вы знаете, я происхожу изъ страны, гдѣ почти 100.000.000 человѣкъ знаютъ не больше, чѣмъ ваша кухарка, но я не могу считать русскій народъ изъ-за этого низшей расой. Чтобы доказать разницу въ умственныхъ способностяхъ, слѣдуетъ дать неграмъ ту же возможность получить образованіе, какимъ пользуется бѣлый человѣкъ, и тогда, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій экспериментовъ, мы сумѣемъ научно рѣшить...

— Обучать негровъ! Обучать негровъ! Это старый крикъ сѣвера. Югъ истратилъ миллионы на это обученіе, и что мы выиграли отъ этого?—Ничего! Мы только испортили нашихъ негровъ. Образованный негръ—самый худшій изъ негровъ. Онъ сейчасъ же забывается, начинаетъ считать себя равнымъ бѣлому, мечтаетъ о политикѣ.

— Да, да!—выпалась миссъ Смитъ,—подумайте только, вашъ Atlanta University обучаетъ негровъ и негритянокъ греческому языку! Удивительно-ли, что они нахалы, студенты этого университета.

— Но позвольте,—удивился я.—Почему же образованному негру не считать себя равнымъ? Вы говорите, негръ—низшая раса. Но вѣдь физически онъ часто гораздо лучше развитъ, чѣмъ бѣлый. Слѣдовательно, онъ ниже въ умственномъ отношеніи. Но если онъ съ университетскимъ образованіемъ и вполне культурный человѣкъ, то почему за нимъ не допускать права на равенство?

— Равенство съ неграми!—вскочилъ Смитъ, точно его муха укусила.—Но поймите, что это вполне невозможно. Бѣлое населеніе на это никогда не согласится. Нѣсколько университетскихъ дипломовъ ничего не доказываютъ. Чистокровный негръ совершенно не въ состояніи воспринять университетской науки. Всѣ эти такъ называемые выдающіеся негры вѣдь мулаты и своимъ умственнымъ прогрессомъ обязаны бѣлой крови.

— Но когда дѣло касается политическихъ и гражданскихъ правъ, то онъ считается полнокровнымъ негромъ!

— Конечно... Какъ здѣсь провести твердыя границы? Одной капли негритянской крови достаточно. Такія границы необходимы, если мы хотимъ сохранить чистоту бѣлой расы. Вы признаете, что бѣлая раса, какъ высшая раса, вправѣ бороться за свою неприкосновенность и чистоту?

— Ну, знаете, какъ то не видать со стороны, чтобы бѣлые очень заботились о чистотѣ своей расы. Иначе, какъ вы объясните, что

больше половины «негровъ» у васъ въ Атлантѣ мулаты, кварталы и октавороны?

— Да, это очень печально,—согласился г. Смитъ,—тѣмъ болѣе, что эти мулаты самые худшіе негры. Въ концѣ концовъ напрасно вы, сѣверяне, думаете, что мы на югѣ не любимъ негровъ. Я самъ воспитывался на рукахъ няни-негритянки и питаю къ ней самыя нѣжныя чувства. Мы очень хорошо относимся къ негру стараго типа, дѣйствительно черному негру, который знаетъ свое мѣсто!

— То есть?

— То есть, не лѣзетъ въ театръ, не стремится сѣсть за столъ съ бѣлымъ человѣкомъ, не возмущается, когда ему предоставляютъ отдѣльную скамейку въ вагонѣ, не требуетъ политическихъ правъ,—словомъ, отдаетъ должное бѣлому человѣку, какъ представителю высшей расы.

— Но почему же необходимо имѣть для него отдѣльное мѣсто въ театрѣ, вагонѣ, и т. д. Неужто же только потому, что онъ обладаетъ меньшими интеллектуальными способностями? Неужто же дураку нельзя даже сѣсть рядомъ съ умнымъ человѣкомъ?

— Да вѣдь отъ него пахнетъ!—ужаснулась миссъ Смитъ: — Сѣсть за однимъ столомъ съ негромъ—это ужасно.—И она содрогнулась.

А мистеръ Смитъ съ снисходительной улыбкой добавилъ: — Вотъ видите! Неужто же вы и этого не знаете?

— Какъ же, слышалъ! Въ толпѣ бѣдныхъ негровъ, дѣйствительно, амбра не особенное. Но не думаете ли вы, что это отъ пота и незнакомства съ ванной? Вѣдь отъ вашего южнаго солнца лѣтомъ и отъ бѣлаго человѣка тоже не одеколономъ несетъ. По моему наблюденію, отъ моихъ друзей, университетскихъ негровъ, напр., совсѣмъ не пахнетъ.

— Да вѣдь тутъ не въ ваннѣ дѣло! Вѣдь это признанный фактъ, что отъ негра несетъ специфическимъ негритянскимъ запахомъ.

— Та-акъ! Но знаете ли, все же странно, что отъ негра не пахнетъ, когда онъ у вашихъ ногъ чиститъ вамъ сапоги, или подаетъ вамъ пищу въ ресторанѣ, или даже мылитъ вамъ рукой щеки и губы, чтобы обрить васъ... Наконецъ, какъ вы совмѣстите этотъ непріятный специфическій запахъ съ такимъ огромнымъ количествомъ мулатовъ и кварталоновъ?

Миссъ Смитъ выскочила изъ комнаты, а ея братъ посмотрѣлъ на меня такъ, что мнѣ стало очень неловко за такое грубое нарушеніе приличій, которое угрожало преждевременной кончиной нашему разговору, и я поспѣшилъ пойти на компромиссъ.

— Конечно, я допускаю,—заявилъ я,—что бѣлый человѣкъ имѣетъ право поддерживать дружбу и знакомство, съ кѣмъ онъ хочетъ. Если я не хочу приглашать Джонса въ мою гостиную, то это не даетъ Джонсу права жаловаться. Допустимъ, что необходимо сохранить чистоту бѣлой расы и что эти социальныя преграды только

безсознательный методъ для защиты неприкосновенности расы. Но вѣдь тѣмъ болѣе необходимы неграмъ свои культурные университетскіе люди, свои врачи, юристы, учителя и такъ далѣе. Поэтому имъ нужны университеты. Почему же вы такъ озлоблены противъ Дю-Бойса и Atlanta University?

— Но я уже объяснилъ вамъ, что эта наука не по плечу негру. Сами негры достаточно умы, чтобы не питать довѣрія къ своимъ университетскимъ людямъ и предпочитаютъ бѣлыхъ врачей, адвокатовъ и т. д. Классическое и университетское образованіе идетъ неграмъ, какъ коровѣ сѣдло. Вы знаете, какъ смотреть на дѣло Букеръ Вашингтонъ. Онъ сравнительно порядочный человѣкъ, для негра, конечно, и не глупый. И онъ мулатъ. Такъ вотъ и онъ признаетъ, что негру нужно лишь ремесленное образованіе, чтобы дать ему возможность зарабатывать средства къ жизни.

— Однако же, я знаю, что негритянская интеллигенція совершенно не согласна съ этой точкой зрѣнія. Возьмите хоть моихъ друзей въ Atlanta University. Они совершенно не согласны съ Вашингтономъ. Да вы и сами признали, что мулаты и кварталеры совсѣмъ не довольствуются его программой. Многіе изъ нихъ вѣдь въ семь разъ больше принадлежатъ къ бѣлой расѣ, чѣмъ къ черной, и вы ихъ насильно прикрѣпляете къ послѣдней.

— Да, эти мулаты несчастный, хотя и подлый народъ. Черные смѣются надъ ними и называютъ ихъ желтыми, а въ душѣ завидуютъ имъ, а мулаты смотрятъ на негровъ свысока. Рѣдкій мулатъ рѣшается жениться на черной женщинѣ; а мулатки и кварталерки еще больше презираютъ чернаго человѣка.

— Какъ же мулатки разрѣшаютъ этотъ брачный вопросъ?

— А идутъ въ проститутки. Публичные дома полны ими. Это для негритянки самое естественное дѣло. Развѣ у нихъ есть какіе-нибудь моральные устои? Развѣ они знакомы съ понятіями о святости брака или даже собственности? Рѣдкая негритянка не имѣетъ связи, рѣдкая изъ нихъ не крадетъ.

— А не кажется ли вамъ, — осмѣлился я предложить вопросъ, — что онѣ въ этомъ совсѣмъ не виноваты? Двѣсти лѣтъ онѣ не знали собственности, двѣсти лѣтъ вы ихъ растлѣвали, разрушали ихъ семейную жизнь, откуда же имъ имѣть сознаніе святости брака?

— Да, я согласенъ, что наши предки виновны, — съ сердцемъ воскликнулъ Смитъ. — Но почему же мы должны расплачиваться? Мы то только страдаемъ отъ плодовъ этой системы. Если бы только югъ могъ отдѣлаться отъ негровъ, то это было бы началомъ новой жизни для юга.

— Но увѣрены ли вы, мистеръ Смитъ, что югъ желаетъ раздѣлаться съ неграми? Вѣдь негритянской трудъ всегда былъ однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія юга, продолжаетъ онъ быть таковымъ и теперь.

— Конечно, теперь почти не возможно разстаться съ негритянскимъ трудомъ. Но если бы наши предки не сдѣлали этой ужасной ошибки и не ввезли бы негровъ, то неужто югъ остался бы внѣ предѣловъ экономической эволюціи?

— Не знаю, что было бы. Но разъ вы сознаетесь, что вина вашихъ предковъ, т. е. бѣлаго человѣка, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что на васъ лежитъ обязанность разрѣшить вопросъ или, по крайней мѣрѣ, создать какой-нибудь *modus vivendi*. Вы увѣрены, что бѣлое населеніе никогда не согласится предоставить неграмъ полныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ?

— Никогда!

— И что негры недовольны настоящимъ положеніемъ вещей?

— Недовольны, и недовольство это растетъ.

— Ну, такъ что же вы намѣрены предпринять?

Смѣть промолчать нѣсколько минутъ.

— А почему я знаю,—наконецъ, заявилъ онъ.—Въ томъ-то и несчастье, что разрѣшенія вопроса не видно. Югъ въ отчаянномъ положеніи. Условія теперь нѣсколько лучше, чѣмъ раньше, когда негръ имѣлъ право голоса, но и теперь вопросъ стоитъ передъ нами. Пока негръ доволенъ былъ своимъ положеніемъ, условія были еще сносны; но новое поколѣніе негровъ гораздо хуже стараго. Мы этимъ обязаны сѣверу. Не вмѣшайся онъ, здѣсь остались бы патріархальныя отношенія, какія должны быть между высшей и низшей расой.

— А теперь эти патріархальныя отношенія распадаются?

— Распались.

— Какія же новыя отношенія займутъ ихъ мѣсто?

— Но я же сказалъ вамъ, что не знаю.

— Не думаете ли вы, что бѣлымъ придется согласиться на нѣкоторые компромиссы?

— Южане никогда не согласятся на компромиссы, которые будутъ угрожать ихъ положенію, какъ высшей расѣ. Это было бы не справедливо къ бѣлой расѣ.

— Ну, а насколько это положеніе вещей справедливо по отношенію къ неграмъ, которые страдаютъ отъ него и страдаютъ невинно?

— Они не страдали бы, если бы ихъ не наускивали со стороны. Да, наконецъ, ихъ страданія и составляютъ лишь негритянской вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Разговоръ начиналъ принимать форму сказки про бѣлаго бычка, и я вынужденъ былъ его прекратить.

Въ нашемъ краткомъ діалогѣ выяснились всѣ тѣ стереотипныя обвиненія, какія бѣлый югъ выставляетъ противъ негровъ. Помимо нѣкоторыхъ варіацій, взглядъ г. Смита—взглядъ большинства бѣлаго населенія юга.

Варіаціи состоятъ преимущественно въ томъ, что одни смотрятъ

на будущее пессимистически и желали бы раздѣлаться совѣмъ съ неграми, другіе же готовы утверждать, что негры понемногу привыкаютъ къ своему положенію, и поэтому отношенія постепенно улаживаются къ общему удовольствію. И оптимисты, конечно, совершенно не правы.

— Потому что Букеръ Вашингтонъ—пророкъ прошлаго, а не будущаго,—говорилъ мнѣ черный, какъ смоль, чистокровный негръ, президентъ большого ремесленного института въ Саваннѣ.

А профессоръ Дю-Бойсъ какъ то замѣтилъ:

— Весь оптимизмъ Букера Вашингтона — показной. Въ дѣйствительности онъ очень пессимистически относится къ будущности негра. Въ борьбу онъ не вѣритъ, а вся его политика примиренія не принесла никакихъ осязательныхъ результатовъ.

ХІІІ.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Атланты я замѣтилъ на стѣнахъ университета объявленіе объ имѣющей быть въ Нью-Йоркѣ конференціи по вопросу о положеніи негровъ въ Америкѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ самому не пришлось попасть на эту конференцію, и я знаю о ней лишь по газетамъ и разсказамъ.

Душой конференціи явился знакомый русской публикѣ Вильямъ-Инглишъ Уоллингъ (William English Walling), радикалъ, проведеншій нѣсколько лѣтъ въ Россіи для изученія русской революціи, женатый на русской еврейкѣ, и авторъ крупнаго труда Russia's Message (Миссія Россіи), въ которомъ самыми радужными и оптимистическими штрихами рисуетъ русская революція. Будучи по натурѣ оптимистомъ, Уоллингъ сдѣлался революціонеромъ сравнительно недавно и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, соединяетъ въ себѣ весь энтузіазмъ юноши и неофита. Онъ членъ социалистической партіи, но не доволенъ ею за ея излишній консерватизмъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ заинтересовался негритянскимъ вопросомъ и, благодаря своей энергіи и средствамъ, сумѣлъ сьорганизовать эту конференцію изъ представителей бѣлыхъ и негритянскихъ прогрессивныхъ круговъ для обсужденія негритянского вопроса.

Кромѣ самого Уоллинга, и среди приглашенныхъ дѣятелей было много социалистовъ и людей съ социалистическими симпатіями. Тѣмъ болѣе характерно, что наиболѣе популярныя и извѣстныя вожаки социалистическаго движенія въ Нью-Йоркѣ держались въ сторонѣ отъ конференціи, и официального представительства социалистическая партія на ней не имѣла. Изъ социалистовъ присутствовали преимущественно «дикіе». До извѣстной степени это понятно. Социализма на югѣ почти не существуетъ, а потому социалистическое движеніе совершенно не знакомо съ негритянскимъ вопросомъ; съ другой стороны, такъ какъ негры теперь

почти поголовно лишены права голоса, то многие практические социалисты, повидимому, думают, что на них и пороку не стоит тратить. Кроме того, не так уже трудно среди радикалов и социалистов встрѣтить типичную расовую вражду. И это въ то время, какъ экономическія и политическія условія толкаютъ социалистовъ и радикальное крыло негритянской массы въ объятія другъ другу.

Первые шаги къ такому сближенію радикальныхъ элементовъ обѣихъ расъ были сдѣланы незадолго до того одной Нью-Йоркской организаціей подъ именемъ Cosmopolitan Club.

Это была небольшая организація для обсужденія какъ негритяскаго, такъ и другихъ общественныхъ вопросовъ. Особенностью ея было то, что въ ней представлены были обѣ расы. Но такъ какъ организація эта находилась въ Нью-Йоркѣ, то она и не обращала на себя никакого вниманія. Клубъ устраивалъ митинги и дискусіи, послѣ которыхъ, по доброму американскому обычаю, предлагалась скромная закуска. За этой закуской за столъ садились, конечно, какъ негритянскіе, такъ и бѣлые члены клуба.

Но одной газетѣ захотѣлось эксплуатировать эту небольшую организацію. Появилась сенсаціонная статья о томъ, что въ Нью-Йоркѣ организовался клубъ, гдѣ бѣлыя женщины ѣдятъ за однимъ столомъ съ мужчинами неграми, что клубъ имѣетъ цѣлью проповѣдывать «соціальное равенство» обѣихъ расъ и даже полное сліяніе этихъ расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Были даже прозрачныя намеки на нравственный обликъ этой организаціи, къ которой въ дѣйствительности принадлежали наиболѣе интеллигентные представители обѣихъ расъ. Другія газеты подхватили это сенсаціонное извѣстіе и обѣды Cosmopolitan Club'a вдругъ сдѣлались притчею во языцѣхъ для всей американской прессы.

Cosmopolitan Club негритянскаго вопроса не рѣшилъ. Но къ клубу принадлежали нѣсколько социалистовъ и въ томъ числѣ Уоллингъ, который живо заинтересовался негритянскимъ вопросомъ. Въ результатъ и получилась вышеозначенная конференція.

Послѣ ряда очень горячихъ дискусій и нѣсколькихъ массовыхъ собраній конференція закончилась, организовавъ постоянный совѣтъ для созыва подобныхъ ежегодныхъ конференцій и принявъ очень рѣзкія резолюціи.

«Мы протестуемъ», говорится въ этихъ резолюціяхъ, «противъ все растущаго преслѣдованія 10.000.000 негровъ-согражданъ, какъ величайшей угрозы благополучію нашей страны. У нихъ отнимаютъ принадлежащую имъ долю общественныхъ средствъ, ихъ лишаютъ всякаго участія въ управленіи страной, ихъ убиваютъ безнаказанно, власть третируетъ ихъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, и въ нѣкоторыхъ штатахъ бѣлое населеніе фактически держитъ ихъ въ рабствѣ. Это систематическое преслѣдованіе мирныхъ гражданъ и, въ частности, лишеніе ихъ избирательнаго права изъ-за ихъ

расы, являются реступленіемъ, которое въ концѣ концовъ погубить всякій народъ, терпящій такіе несправедливости.

«Наша надежда въ немедленномъ и терпѣливомъ просвѣщеніи тѣхъ народныхъ массъ, которыя безсознательно вовлечены въ эту политику преслѣдованія негра. Плоды этой политики въ настоящее время обогащаютъ лишь одинъ классъ населенія и отзываются крайне тяжело на тѣхъ бѣлыхъ фермерахъ и рабочихъ, которые находятся на одномъ экономическомъ уровнѣ съ неграми. Преслѣдованія рабочихъ союзовъ, подневольный трудъ арестантовъ и лишеніе рабочей массы права голоса—таковы опасности, которыя угрожаютъ многимъ Южнымъ Штатамъ.

«Мы вполне согласны съ общепринятымъ мнѣніемъ, что превращеніе негровъ, чернорабочихъ въ земледѣльи и въ промышленности, въ опытныхъ работниковъ (skilled boorkew) имѣетъ огромное значеніе какъ для расы, такъ и для всего народа. Поэтому мы требуемъ для негровъ, какъ и для всѣхъ другихъ, бесплатнаго образованія отъ города или штата или государства—начальное и ремесленное образованіе для всѣхъ, и техническое, профессиональное и научное образованіе для наиболѣе способныхъ.

«Но народныя школы, предоставленныя неграмъ, никогда не добьются справедливаго отношенія къ себѣ, пока негръ не добьется равенства въ законодательной власти и передъ закономъ. И какъ бы цѣненъ ни былъ обученный негръ въ общинѣ, въ которой онъ живетъ, онъ никогда не получитъ справедливой платы за свой трудъ, никогда не добьется возможности развитія и примѣнить свои способности, пока онъ не добьется законныхъ правъ человѣка и гражданина.

«Мы смотримъ съ явной тревогой на проявляющуюся какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ тенденцію лишить чернаго человѣка права на трудъ,—на тенденцію, сопровождающуюся насилиемъ и кровопролитіемъ.

«Въ числѣ первыхъ, немедленныхъ шаговъ къ исправленію этихъ социальныхъ несправедливостей, угрожающихъ не только неграмъ, но и бѣлой массѣ по всей странѣ,—мы требуемъ отъ конгресса и исполнительной власти:

1) чтобы конституція примѣнялась во всей строгости, и чтобы гражданскія права, установленныя 14-й поправкой, были признаны за всѣми,

2) чтобы во всѣхъ штатахъ всѣмъ расамъ была предоставлена одинаковая возможность образованія, и чтобы на черныхъ дѣтей въ среднемъ тратилось не менѣе, чѣмъ на бѣлыхъ дѣтей,

3) и чтобы, согласно 15-й поправкѣ, за негромъ было признано избирательное право на одинаковыхъ условіяхъ съ другими гражданами».

Я привелъ эти резолюціи, чтобы формулировать тенденціи и стремленія наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ негритянской

расы, — элементовъ, представителемъ которыхъ является Atlanta University и, въ особенности, Дю-Бойсъ.

Конференція умолчала о средствахъ для осуществленія этихъ стремленій. Умалчиваетъ объ этомъ и Atlanta University, которая, находясь въ сердцѣ антагонистическаго юга, не рѣшается слишкомъ откровенно высказывать своихъ мыслей. Но дѣятельность Atlanta University, несомнѣнно, хотя косвенно и медленно, подготавливаетъ почву для разрѣшенія негритянскаго вопроса, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно будитъ въ интеллигентномъ негрѣ сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства, а потому и недовольство политическимъ, экономическимъ и социальнымъ положеніемъ расы.

И. Рубиновъ.

ВАРИАНТЪ *).

Зима подходила къ концу. На одномъ изъ участковъ новостроющейся дороги шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему весной открытію работъ.

Начальникъ участка Кольцовъ, уже послѣ окончательныхъ изысканій, закончившихся предыдущимъ лѣтомъ, затѣялъ измѣнить направленіе линіи. Это измѣненіе обѣщало серьезныя сбереженія, и Кольцовъ съ двумя молодыми инженерами, проработавъ всю зиму въ полѣ, напрягалъ всѣ усилія закончить всѣ работы къ предстоящей черезъ двѣ недѣли сдачѣ подрядовъ. Торопиться нужно было для того, чтобы успѣть провести и утвердить вариантъ до торговъ и этимъ впослѣдствіи избавиться отъ претензій подрядчиковъ на тему, что ихъ подвели, что они понесли убытки вслѣдствіе уменьшенія работъ, и результатомъ такихъ претензій была бы неизбежная приплата подрядчикамъ казны 20% сбереженной противъ подрядовъ суммы.

Дни въ усиленной полевой работѣ, вечера за вычерчиваніемъ плановъ и профилей, короткій отдыхъ,—въ послѣднее время 3—4 часа въ сутки,—изнурили и утомили Кольцова и двухъ его товарищей. Особенно подался Стражинскій. Онъ такъ похудѣлъ, что жена Кольцова говорила, что у Стражинскаго остались одни глаза. Стражинскій за зиму нажилъ себѣ страшный ревматизмъ; въ послѣднее время еще простудился, кашлялъ и производилъ крайне ненадежное впечатлѣніе. Несмотря на 27 лѣтъ, волосы его замѣтно стали сѣдѣть. Его изящная, стройная фигура сгорбилась, красивое

*) Покойный Николай Георгіевичъ Михайловскій въ 1892—95 гг. напечаталъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, подъ псевдонимомъ—Н. Гаринъ, свою известную трилогію „Дѣтство Тѣмы“ „Гимназисты“ и „Студенты“. „Вариантъ“—*последнее* беллетристическое произведеніе, найденное въ посмертныхъ бумагахъ Гарина. Такимъ образомъ, литературная его дѣятельность и началась, и заканчивается на страницахъ „Русскаго Богатства“.

Ред.

лицо осунулось, и только большіе выразительные глаза выиграли,—они то зажигались лихорадочнымъ раздраженнымъ огнемъ, то грустно-безнадежно смотрѣли на окружающихъ. Спокойный, воспитанный, онъ теперь едва сдерживалъ свое безпричинное раздраженіе.

— Вася, не мучь ты Стражинскаго,—говорила Кольцову, въ рѣдкія минуты отдыха, его жена,—право, по временамъ плакать хочется, глядя на него.

— Ну, что же дѣлать,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Мнѣ назначено 9 человѣкъ, изъ нихъ прислали только двухъ, а остальныхъ оставили пока при Управленіи. Вотъ, скоро кончимъ, тогда дамъ ему хоть на мѣсяць отдыхъ. Вѣдь и я, и Татищевъ также работаемъ

— Ты и Татищевъ здоровые, а онъ совсѣмъ не вашего поля ягода.

— А я тутъ при чемъ,—возражалъ Кольцовъ.—Не вводить же казну въ миллионные убытки оттого, что Стражинскій не на своемъ мѣстѣ. Вотъ, скоро кончимъ, тогда..

И Кольцовъ опять убѣгалъ въ контору. Тамъ въ сырой, осенью только отдѣланной комнатѣ, служившей прежде кладовой, занимались Стражинскій, Татищевъ и Кольцовъ.

Въ сыромъ накуреномъ воздухѣ было угарно и тяжело. Стражинскій работалъ молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздраженіе.

Татищевъ работалъ свободно, безъ напряженія.

— Экое отвратительное помѣщеніе,—ворчалъ Татищевъ, вода рейсфедеромъ по бумагѣ и безпрестанно отбрасывая шнурокъ пенснѣ.

— Да, гадость,—согласился Кольцовъ.

— Гораздо лучше было нанять домъ Мурзина,—ворчалъ опять Татищевъ.

Немного погодя Татищевъ опять заговорилъ:

— Невозможный рейсфедеръ, линейки порядочной нѣтъ.

— Вотъ этимъ рейсфедеромъ я уже второй миллионъ экономіи дочерчиваю. Хоть бы рейсфедеръ новый.

— Невозможные инструменты!—вставилъ Стражинскій.

— Хоть бы въ пикетъ сыграть,—продолжалъ Татищевъ, помолчавъ.

— Некогда, некогда,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Кончимъ варианты, тогда и будемъ играть, сколько хотите.

— Никогда мы его не кончимъ,—отвѣчалъ Татищевъ и вдругъ весело по-дѣтски расхохотался.

— Вы чего?—поднялъ голову Кольцовъ.

Татищевъ продолжалъ хохотать.

— Мнѣ смѣшно...

И Татищевъ опять залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Кольцовъ, привыкшій къ его безпричинному смѣху, только рукой махнулъ, проговоривъ:

— Ну, завелъ!

— Что мы никогда не кончимъ,—докончилъ Татищевъ свою фразу и залился новымъ припадкомъ смѣха.

Кольцовъ и Стражинскій не выдержали и тоже разсмѣялись.

Татищевъ кончилъ, наконецъ, смѣяться и снова принялся за рейсфедеръ.

Наступило молчаніе. Всѣ погрузились въ работу.

— А вы помните, Василий Яковлевичъ, ваше обѣщаніе?—началъ опять Татищевъ.

— Какое?—спросилъ, не отрываясь, Кольцовъ.

— Въ отпускъ меня пустить.

— Да, пушчу,—отвѣчалъ Кольцовъ.

— Какъ въ прошломъ году?

— Вѣдь вы же знаете, что въ прошломъ году помѣщать варіантъ.

— То-то помѣшалъ,—самодовольно отвѣтилъ Татищевъ.— А какъ вы еще какой-нибудь варіантъ выдумаете.

— Нѣтъ ужъ это послѣдній.

Татищевъ лукаво посмотрѣлъ на Стражинскаго.

— Да больше времени нѣтъ, да и работы скоро начнутся.

Татищевъ недовѣрчиво молчалъ. Стражинскій опустилъ голову на руку и безцѣльно уставился въ стѣнку. Измѣненное лицо его выражало страданіе.

— Что, голова болитъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Немножко,—отвѣтилъ нехотя Стражинскій.

— Вамъ, Stanisław Антоновичъ, необходимъ отпускъ,—проговорилъ Кольцовъ.

— Ну, ужъ извините, — загорячился Татищевъ. — Я больше Stanisława Антоновича просидѣлъ въ этой труппѣ.

— Да вы посмотрите на себя и Stanisława Антоновича,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Вы кровь съ молокомъ, а онъ совсѣмъ высохъ.

— Я тоже боленъ,—отвѣчалъ Татищевъ,—у меня горловая чахотка начинается.

Кольцовъ и Стражинскій улынулись.

— Смѣйтесь,—обидчиво отвѣчалъ Татищевъ.—Вы слышите, какъ я охрипъ.

— Ну, полно, Павелъ Михайловичъ, — махнулъ рукой Кольцовъ.

— Вотъ и полно!

— Я не поѣду въ отпускъ,—сказалъ Стражинскій.—Мои финансы въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ и думать нечего.

Стражинскій жилъ на жалованье 125 руб. въ мѣсяцъ и своихъ средствъ не имѣлъ. При безалаберной кочевой жизни, при неумѣнн обращаться съ деньгами, ему не хватало, и онъ былъ весь въ долгу. Окончательно его запуталъ Татищевъ, богатый человѣкъ, любившій хорошо поѣсть. Онъ умудрялся тратить на кухню до 200 руб. въ мѣсяцъ.

— Я рѣшилъ, знаете, Павелъ Михайловичъ,—продолжалъ Стражинскій,—уѣхать отъ васъ, а то съ вами кончу тѣмъ, что все у меня продадутъ за долги.

— Я вовсе немного трачу,—обидѣлся Татищевъ,—вотъ поживите сами и узнаете.

— Ну, господа, пойдемъ спать,—сказалъ Кольцовъ, вставая.—Два часа.

Кольцовъ ушелъ на верхъ. Татищевъ скоро собралъ инструменты и торопилъ Стражинскаго.

Стражинскій медленно отрывался отъ работы.

— Скорѣе,—торопилъ Татищевъ.—Оставьте такъ, кто тутъ возьметъ. Бѣсть хочется, спать хочется. Ну, и жизнь!

Стражинскій раздраженно молчалъ, продолжая собирать вещи.

Татищевъ, одѣтый въ шубу, усѣлся на табуретку и слѣдилъ глазами за Стражинскимъ.

— Измучить насъ Кольцовъ,—началъ онъ, помолчавъ.—Я понимаю, поработать и отдохнуть, но этакая каторга изо дня въ день, и изъ за чего, спрашивается?

— Я второй годъ съ нимъ. На двухъ линіяхъ надѣлалъ варіантовъ, измучилъ себя, другихъ, натратилъ своихъ уйму денегъ и, въ концѣ концовъ, кромѣ непріятностей, до сихъ поръ ничего не получилъ. Обѣщали выхлопотать награды.

— Э,—досадливо проговорилъ Стражинскій.—Какая тутъ награда! Кто ему ее разрѣшить? Экономія! Кому нужна эта экономія? Для казны экономія, c'est bien original.

Стражинскій воспитывался за-границей и любилъ французскій языкъ.

— Ну, положимъ, это наша обязанность,—отвѣчалъ Татищевъ.—Но вѣдь всему должна быть мѣра, а вѣдь мы живемъ такъ, какъ будто черезъ годъ намъ ничего не надо будетъ. Истратить всѣ силы въ 2-3 года, а тамъ что-жъ? Истаскаешься, куда ты тогда дѣнешься?

— И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя,—отвѣтилъ Стражинскій, укладывая послѣдній циркуль.

Онъ завернулъ коробку, положилъ ее въ столъ, постоялъ

нѣсколько секундъ, туго глядя передъ собой, потомъ досадливо махнулъ рукой и началъ одѣваться.

— Это жизнь! — продолжалъ онъ себѣ подъ носъ. — Мечтаетъ о преміяхъ, себя и другихъ морочить. Э! все равно. Идемъ.

— Вотъ, онъ говоритъ, на концессионныхъ постройкахъ преміи давали, ну, тамъ и можно было работать, — продолжалъ Татищевъ, идя съ Стражинскимъ по соннымъ улицамъ завода, гдѣ они жили, — но изъ-за чего здѣсь надрываться? Я не понимаю.

Стражинскій молчалъ.

— Васька, скорѣй ужинать! — кричалъ Татищевъ, входя въ квартиру.

Сонный Васяна побѣжалъ на кухню, принесъ на блюдѣ аппетитный кусокъ жареной телятины.

— Опять подливки мало, — замѣтилъ Татищевъ, подходя къ опрятно накрытому столу. — А закуски почему не поставилъ? Тебѣ сколько разъ я говорилъ, чтобы ставилъ по два стакана къ прибору. И бѣлаго вина нѣтъ. Перчатки не надѣлъ. Я тебѣ сколько разъ говорилъ, что я терпѣть не могу, чтобы ты голыми руками подавалъ. Трогаешь ими Богъ знаетъ какую гадость, а потомъ хлѣбъ ими же подаешь.

Когда все было приведено въ порядокъ, Татищевъ удовлетворенно сѣлъ за столъ, аккуратно завязалъ себя салфеткой, снялъ пенсне и обратился къ Стражинскому:

— Станиславъ Антоновичъ, пожалуйста. Сонный Васька стоялъ подалъ съ вытянутыми руками въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Платокъ носовой, — приказалъ Татищевъ.

Васька бросился въ другую комнату.

— Да ты что кидаешься, какъ сумасшедшій, — остановилъ его Павелъ Михайловичъ. — Потихе не умѣешь? Развѣ ты не понимаешь, что это неприлично.

Черезъ минуту Васька беззвучно подалъ Татищеву нѣсколько платковъ.

Татищевъ взялъ платокъ, посмотрѣлъ его номеръ (всѣ его платки были занумерованы), посмотрѣлъ номеръ слѣдующаго платка, оставилъ себѣ первый по порядку, остальные отдалъ Васькѣ, сказавъ:

— Положи аккуратно на мѣсто.

Татищевъ уже совсѣмъ было приготовился къ ѣдѣ, но, взглянувъ на руки, проговорилъ.

— Нѣтъ, не могу, — потребовалъ умываться.

Стражинскій, раздраженно наблюдавшій Татищева, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— O mon Dieu,—легъ на кровать и закрылъ глаза.

Съ четверть часа фыркалъ Татищевъ въ сосѣдней комнатѣ. Слышались его возгласы:

— Лей сюда, ниже, ниже... Экій ты, Васька, безтолковый.

Наконецъ, умывшись, съ расчесанной бородой, въ чистой ночной рубахѣ и туфляхъ, Татищевъ окончательно усѣлся за столъ. Онъ опять завязалъ салфетку, опять пригласилъ Стражинскаго и приступилъ къ нарѣзыванію телятины. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложились одна на другую. Широкая бѣлая рука Павла Михайловича красиво водила большой ножъ, другая держала громадную вилку, воткнутую въ телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

— Да вотъ, подите-ка нарѣжьте такъ аккуратно. Это вовсе не такъ просто, какъ кажется. Тутъ все нужно рассчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И ножъ надо именно вотъ такъ держать, и вилку на известномъ разстояніи. Вотъ теперь надо вынуть ее—поставить дальше. И Татищевъ, вынувъ вилку, воткнулъ ее въ другомъ мѣстѣ.

И опять все его лицо говорило:

— Именно вотъ въ этомъ мѣстѣ. Теперь опять пойдутъ правильные ломтики.

И ломтики, дѣйствительно, пошли одинъ правильнѣе другого.

— Ну, довольно,—досадливо проговорилъ Стражинскій, раздраженно наблюдая Татищева.

— Теперь, пожалуй, и довольно,—согласился Татищевъ, когда половина блюда покрылась изрѣзанными ломтиками.

— Кто это съѣсть?—замѣтилъ Стражинскій.

— Не безпокойтесь, съѣмъ,—обидчиво замѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Ужинъ начался. Стражинскій ѣлъ безъ всякаго аппетита. Съѣвъ ломтикъ телятины, онъ потребовалъ себѣ стаканъ молока.

Павелъ Михайловичъ только головой соболевзвучно покачалъ, аппетитно уплетая кусокъ за кускомъ.

— Извините,—проговорилъ Стражинскій, кончивъ свой стаканъ молока,—я встану, я такъ усталъ.

— А чайку?—встрепенулся Павелъ Михайловичъ.—Неужели не выпьете стаканчика горячаго въ кровати? Покамѣсть вы будете раздѣваться, чай будетъ готовъ. Васька, живо чаю!

Добродушное настроеніе Татищева подѣйствовало, наконецъ, и на Стражинскаго.

Онъ съ наслажденіемъ вытягивался въ кровати, говоря:

— Охъ, какъ я усталъ! Миѣ каждый разъ кажется, какъ я ложусь, что я ужъ не въ силахъ буду никогда встать.

— Да, это безобразіе,—согласился Павелъ Михайловичъ, окончивая свой ужинъ и запивая стаканомъ вина.

Татищевъ, окончивъ ужинъ, быстро раздѣлся и бросился въ кровать. Черезъ пять минутъ легкій посвистъ извѣстилъ Стражинскаго, что Татищевъ благополучно прибылъ въ царство Морфея.

Стражинскій долго еще ворочался на постели. Онъ съ завистью и раздраженіемъ прислушивался къ свисту Татищева. Нѣсколько разъ онъ то тушилъ, то зажигалъ свѣчку, отыскивая кусавшихъ его клоповъ. Его поги нили отъ ревматизма, онъ то вытягивалъ ихъ, то подбиралъ подъ себя, напрасно отыскивая положеніе, при которомъ боль не была бы такъ чувствительна. Тяжелыя мысли бродили въ его головѣ. Полученное письмо изъ дому вызвало цѣлый рядъ непріятныхъ воспоминаній. Дѣла по имѣнію у матери, нѣкогда очень богатой, были въ странномъ разстройствѣ; второй братъ, гимназистъ 6-го класса, заболѣлъ скоротечной чахоткой, младшій 12-ти лѣтній мальчикъ и въ этомъ году не попалъ въ гимназію. „Ты одна моя радость и надежда“—заканчивала его мать свое письмо. Стражинскій горько усмѣхнулся при мысли, если бы увидѣла она, что осталось отъ этой „радости“.

Наконецъ, и надъ нимъ сжалился сонъ, хотя не крѣпкій, тревожный, заставлявшій его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часовъ, когда уже порядочно разсвѣло, Кольцовъ съ Татищевымъ и Стражинскимъ взибрились по крутому откосу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ остановилась ихъ работа.

Кольцовъ первый взошелъ на верхъ и, въ ожиданіи то-варищей, осматривалъ мѣстность. Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала такой острый заворотъ, что приходилось пересѣкать ее на протяженіи 50 сажень два раза, вслѣдствіе чего получалось два громаднхъ моста.

Вдругъ у Кольцова мелькнула мысль, отъ которой ему сдѣлалось и холодно, и жарко.

„Что, если обойтись безъ мостовъ и рѣчку отвести туннелю подъ этой горой?“ Мурашки пробѣжали у него по спинѣ. „Что это, не схожу ли я съ ума? Здравая, или сумасшедшая это мысль?“ Кольцовъ снялъ шапку и провелъ рукой по горячему лбу. „Надо спокойно обдумать“, рѣшилъ онъ и сталъ шагами мѣрять длину горы. Длина туннеля получалась около 30 сажень, считая по 2 т. пог. саж., выходило всего 60 т., тогда какъ 10 саж. высоты моста сто-

или до 250 т. р. Кольцовъ радостно обернулся къ товарищамъ.

— Господа!—крикнулъ онъ имъ возбужденнымъ голосомъ.

— Новый вариантъ,—съ отчаяніемъ проговорилъ Стражинскій Татищеву.—Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованныя движенія Кольцова.

— Знаете,—кричалъ имъ навстрѣчу Кольцовъ,—мы безъ мостовъ здѣсь пройдемъ.

— Il finira par devenir fou,—сказалъ себѣ подъ носъ Стражинскій.

Сообщеніе Кольцова было выслушано недозвѣрчиво, но, когда онъ подтвердилъ его, Стражинскій и Татищевъ не нашли возраженій.

— Только когда же мы все это сдѣлаемъ?—спросилъ Татищевъ.

— Я самъ это сдѣлаю. Вы пробивайте намѣченную по плану линію, а я сейчасъ назначу магистраль и разобью профиля. Булавинъ,—обратился онъ къ десятинику,—ты будешь ихъ ватерпасить, и если завтра къ вечеру кончишь, десять рублей награды.

— Будетъ готово,—отвѣчалъ весело Булавинъ.

Работа была тяжелая. Въ глубокомъ снѣгу вязли ноги.

Къ обѣду Кольцовъ кончилъ свою работу и нагналъ товарищей.

— Не пора ли закусить?—спросилъ онъ Татищева.

— Давно пора,—отвѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Подъ деревомъ былъ разведенъ костеръ, для котораго рабочіе натаскали сухого хвороста; установили два камня—родъ очага, поставили на нихъ чайникъ и стали разворачивать провизію. Хлѣбъ замерзъ, говядина, пирожки тоже, пришлось все, кромѣ водки, отогрѣвать. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ аккуратно и не спѣша Татищевъ.

Зная, что нарушеніе установленной дисциплины испортитъ расположеніе духа Татищева, Кольцовъ и Стражинскій терпѣливо ждали конца. Когда, наконецъ, все было установлено на чистой скатерти, Татищевъ любезно пригласилъ Кольцова и Стражинскаго завтракать.

— Къ вечеру кончите обходъ Герасимова утеса?—спросилъ Кольцовъ.

— Я думаю,—отвѣчалъ Стражинскій.—Только выемка немножко будетъ больше, чѣмъ получилась по горизонталямъ. Шельма Лука навралъ, вѣрно, въ профиляхъ.

— Какая досада, что нельзя завернуться радіусомъ въ 150 сажень вмѣсто 200; вся бы почти выемка исчезла,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Да, тогда почти вся исчезла бы,—согласился Стражинскій.

— Вѣдь это 12 т. кубовъ скалы по 11 р.—132 тысячи рублей. Какая это рутинна—радіусъ! При соотвѣтственномъ уклонѣ вѣдь не прибавляется сопротивленія отъ болѣе крутого радіуса.

— За границей на главныхъ путяхъ давно введенъ радіусъ даже въ сто сажень, только тамъ вагоны на телѣжкахъ,—вставилъ Стражинскій.

— А что мѣшаетъ у насъ ихъ устраивать?—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вѣдь вы понимаете, какую экономію далъ бы такой радіусъ въ нашей горной мѣстности?

— Громадную.

— На всю линію нѣсколько милліоновъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

Наступило молчаніе.

— Чортъ возьми,—заговорилъ Кольцовъ,—давайте, знаете, сдѣлаемъ обходъ Герасимова на радіусъ 200 и 150—чѣмъ чортъ не шутить, можетъ быть, и разрѣшать? А?

Татищевъ и Стражинскій успѣли уже переглянуться, и послѣдній тихо пробурчалъ:

— Поѣхалъ.

— Никогда не кончимъ,—проговорилъ Татищевъ, заливаясь смѣхомъ и опрокидываясь на снѣгъ.

Кольцовъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Станный вы челъ вѣкъ, Павелъ Михайловичъ, вѣдь интересно же сдѣлать такъ дѣло, чтобы не стыдно было на него посмотрѣть. Вѣдь обидно же даромъ бросать сотни тысячъ. Вы представьте себѣ, куда мы съ вами дѣнемся, когда дорога будетъ выстроена, и кому-нибудь изъ комиссіи придетъ мысль въ голову объ радіусѣ 150? Вѣдь тогда это будетъ, какъ на ладони.

— Да я ничего не возражаю противъ этого,—отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ,—я выполнѣ всему сочувствую, но гдѣ же время, вѣдь вы хотите поспѣть къ торгамъ?

— И поспѣю,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Тутъ вѣдь на день всего работы.

— Здѣсь на день, тамъ на день, гдѣ-жъ этихъ дней набрать?—раздраженно отвѣтилъ Татищевъ.

— Ну, я самъ это сдѣлаю,—огорченно сказалъ Кольцовъ.

— Да я не къ тому,—началъ было Татищевъ, но Стражинскій перебилъ его:

— Положимъ, мы какъ-нибудь усеѣмъ, но только, по правдѣ сказать, мало вѣры, чтобы изъ всего этого вышелъ толкъ. Вѣдь это значитъ перемѣнить техническія условія, когда они утверждены начальникомъ работъ временнаго

управленія, министромъ. Пропасть работы вышло бы, начиная отъ насъ.

— Но вѣдь это все пустяки, тутъ о сотняхъ тысячъ идетъ рѣчь.

— Ну, да, но когда ихъ никто признавать не хочетъ.

— Но они существуютъ. Что намъ за дѣло до другихъ, лишь бы мы исполняли то, что должны.

— Ну, да, конечно,—согласился Стражинскій.—Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радиусъ 150 не пройдетъ.

— Надеждъ, конечно, мало,—согласился Кольцовъ.

— Вотъ, если-бъ это было возлѣ станціи, гдѣ поневолѣ скорость должна быть меньшая.

— А вѣдь это идея, почему бы намъ не расположить станцію вообще въ той лукѣ.

Кольцовъ схватилъ профиль и сталъ внимательно ее разсматривать.

— Станція помѣстится, — проговорилъ онъ.—Поздравляю васъ, м-сье, ваша идея блестящая. — Стражинскій покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Но вѣдь тогда разстояніе между станціями не выйдетъ, близко слишкомъ будетъ.

— А мы одну уничтожимъ—еще экономія,—быстро отвѣтилъ Кольцовъ. — Нѣтъ, положительно сегодня, господа, у васъ геніальныя мысли.

У Татищева остановилось въ горлѣ замѣчаніе, что это опять новая работа.

— А обратили вы вниманіе, Василій Яковлевичъ,—заговорилъ Стражинскій,—что при радиусѣ 150 линія залѣзетъ въ рѣку, что скажетъ на это заводъ?

— Какое мнѣ дѣло до завода?

— Какъ какое дѣло? Они по этой рѣкѣ спускаютъ баржи, они говорятъ уже теперь о томъ, что камни, которые будутъ падать въ воду изъ выемокъ, должны быть вынуты, а если вся линія пойдетъ по рѣкѣ, я не знаю, что они скажутъ.

— Ничего они не посмѣютъ сказать,—больше въ утѣшеніе себѣ, сказалъ Кольцовъ и задумался.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ заводъ, надѣлаетъ онъ намъ бѣды. Все, кромѣ воздуха, имъ принадлежить. Несчастный человекъ будетъ подрядчикъ!

— Они его раззорятъ,—сказалъ Стражинскій.

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову?—сказалъ Татищевъ.—Что, если ихъ самихъ затащить въ подрядъ?—И Татищевъ лукаво добродушно подмигнулъ.

Кольцовъ широко раскрылъ глаза.

— Павелъ Михайловичъ, голубчикъ, да вы геніальный человѣкъ! — закричалъ онъ. — Вѣдь эта идея такая же блестящая, какъ и со станціей!

Татищевъ добродушно-весело смѣялся.

— Ахъ, чортъ побери, — заволновался Кольцовъ. — Въ воскресенье же иду къ управляющему уговаривать.

— Не согласится, — сказалъ Стражинскій.

— Отчего не согласится? — возразилъ Татищевъ.

Кольцовъ, по свойству своей натуры, весь отдался новой идеѣ затянуть заводъ въ подрядъ. Вопросъ, дѣйствительно, былъ серьезный: на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны отъ линіи тянулася земля крупнаго заводчика. Земля, вода, лѣсъ, камень, песокъ, — все было монополіей владѣльца. Уже при постройкѣ временной больницы Кольцовъ видѣлъ, какъ разыгрывается аппетитъ завода. За лѣсъ была назначена цѣна дороже городской. Только случаемо Кольцову удалось дешево отдѣлаться: онъ купилъ готовый домъ, а для пристроекъ запасся за дешевую цѣну нѣсколькими срубами у мѣстныхъ крестьянъ. Заводское управленіе на такой пріемъ Кольцова отвѣтило приказомъ къ мѣстному населенію, по которому жителямъ строго-на-строго воспрещалось продавать лѣсъ агентамъ желѣзной дороги, подъ страхомъ навсегда лишиться права пріобрѣтать его по уменьшеннымъ цѣнамъ изъ заводскихъ дачъ.

Предстоящія работы и въ другихъ отношеніяхъ ставили строителей въ зависимость отъ заводцовъ. Съ утвержденіемъ новаго варіанта Кольцова, когда приходилось бы работать въ водѣ, заводъ, по желанію, могъ бы нанести неисчислимыя убытки однимъ тѣмъ, что не во время сталъ бы выпускать излишнюю воду изъ своихъ прудовъ. Претензіи на захватъ рѣки тоже могли легко повліять на неутвержденіе новаго варіанта. Казна ничего такъ не боится, какъ возможности дать поводъ вчинать иски, зная по горькому опыту, чѣмъ они кончаются. Наконецъ, еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участія заводцовъ въ подрядѣ. Администрація заводцовъ состояла, по преимуществу, изъ горныхъ инженеровъ. Всѣ они въ большинствѣ были поляки по происхожденію, но, если можно такъ выразиться, примпренные, не чуждались общенія съ русскими, отличались гостепріимствомъ и радушіемъ, но по свойству всѣхъ людей имѣли склонность заниматься чужими дѣлами. Кольцова осаждали вопросами о направленіи линіи: почему тамъ, почему не здѣсь, почему такая цѣна, а не такая. Какъ это всегда бываетъ, они не такъ искали положительной стороны дѣла, какъ отрицательной. Объясненія Кольцова ихъ мало удовлетворяли, они смотрѣли на него, какъ на чело-

вѣка, заинтересованнаго умышленно утаивать истину, и старались сами найти отвѣтъ на неясные для нихъ вопросы. Почва, такимъ образомъ, была изъ такихъ, на которой легче всего вырастаютъ всякіе нелѣпые и несправедливые слухи. Кольцовъ чувствовалъ, что, перерывсь онъ пополамъ, ему не повѣрять и все объяснять по своему. Единственная возможность заставить ихъ правильно посмотрѣть на дѣло заключалась, такимъ образомъ, только въ томъ, чтобы ихъ самихъ втянуть въ это дѣло, поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы у нихъ волей-неволей раскрылись глаза на истину.

— Ахъ, если бѣ мнѣ удалось этихъ вольныхъ критиковъ заперчь, заставить ихъ на своей спинѣ убѣдиться въ томъ, что всѣ гдѣсти, въ которыхъ они считали тамъ инженеровъ повинными, сидятъ только въ ихъ воображеніи,—думалъ Кольцовъ, выйдя изъ саней передъ домомъ главнаго управляющаго заводами (самъ владѣлецъ въ заводѣ не жилъ и никогда въ жизни въ немъ не былъ), горнаго инженера Пшемислава Ѳаддеевича Бжезовскаго. Бжезовскій пользовался большимъ уваженіемъ въ горномъ мірѣ, — онъ организовалъ рельсовое производство, прекрасно его поставилъ, пользовался репутаціей даровитаго и способнаго инженера, слылъ за прекраснаго человѣка, его домъ отличался гостепріимствомъ и радушіемъ. — Громадный двухъэтажный домъ, занимаемый Бжезовскимъ, былъ настоящій дворецъ. Прекрасная мебель, масса картинъ, электрическое освѣщеніе, громадныя комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь временъ крѣпостничества. Нѣсколько прекрасныхъ охотничьихъ собакъ привѣтствовали громкимъ лаемъ появленіе Кольцова въ обширной передней.

Несмотря на несошедшій еще снѣгъ и холодъ, отовсюду неся нѣжный запахъ свѣжихъ цвѣтовъ. Точно какой-то волшебной силой изъ царства тьмы и неуютной зимы Кольцовъ былъ вдругъ перенесенъ въ волшебное царство весны.

На него, жителя юга, пахнуло чѣмъ-то далекимъ и милымъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя этотъ ароматъ весны, пока лакей снималъ съ него валенки, доху и сибирскую съ ушами шапку.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ въ дверяхъ показались Бжезовскій и его жена. Бжезовскій, высокій, пожилой господинъ съ окладистой бородой, худощавый, съ безукоризненными манерами, привѣтливо, но съ чувствомъ собственного достоинства поздоровался съ Кольцовымъ, проговоривъ радушно:

— Добро пожаловать.

Жена Бжезовскаго, маленькая, полная женщина лѣтъ 40 съ добрыми чистыми глазами, какъ у ребенка, ласково по-здоровалась съ Кольцовымъ и сейчасъ же засыпала его вопросами, не озябъ ли онъ, не усталъ ли, не желаетъ ли умыться, не хочетъ ли чаю, и когда Кольцовъ сказалъ, что чаю хочетъ, она весело ударила въ ладоши и сказала, что они какъ разъ пьютъ чай.

Въ большой столовой за чайнымъ столомъ Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, нѣсколько разъ еще переспросила, не хочетъ ли Кольцовъ ѣсть. Кольцовъ увѣрилъ, наконецъ, ее, что сытъ. Тогда она перешла къ подробнымъ вопросамъ о женѣ и дѣтяхъ Кольцова.

— Какой вы недобрый, зачѣмъ-же Анну Валеріевну съ собой не привезли?

Кольцовъ извинился, сказавъ, что пріѣхалъ по дѣлу.

— Ого, по дѣлу!—разсмѣялся Бжезовскій.

Въ это время вошелъ плотный высокій господинъ, помощникъ Бжезовскаго, горный инженеръ Малинскій.

— Василій Яковлевичъ къ намъ по дѣлу,—обратился къ нему Бжезовскій.

— О!—произнесъ Малинскій и сѣлъ возлѣ налитаго для него стакана. Кольцовъ началъ издалека. Онъ изложилъ въ короткихъ словахъ предстоящую картину постройки, наплывъ рабочихъ, возвышеніе цѣнъ на рабочія руки, на перевозочныя средства, указалъ на затрудненія, какія испытаетъ заводъ отъ этого, коснулся неизбежныхъ столкновеній съ подрядчиками и рядчиками.

— Ну, съ этими-то господами намъ не трудно будетъ справиться,—увѣренно перебилъ его Малинскій.—Одинъ хорошій паводокъ сразу приведетъ ихъ въ христіанскую вѣру.

— Вещь обоюдоострая,—отвѣтилъ сдержанно Кольцовъ.—Людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, не такъ легко запугать. Одинъ неосторожно разведенный костеръ въ вашихъ сосновыхъ лѣсахъ надѣлаетъ всѣмъ больше убытковъ, чѣмъ всѣ ваши паводки. Этого, конечно, не будетъ, какъ и съ вашей стороны не будетъ умышленнаго нарушенія интересовъ подрядчиковъ.

— Конечно,—воспѣшилъ согласиться Бжезовскій, недовольный, что его пылкій помощникъ выболталъ, видимо, обсуждавшіяся уже между ними соображенія будущихъ отношеній.

— Опасная сторона дѣла та, что подрядчики станутъ пользоваться вашимъ населеніемъ для своихъ работъ.

— Пусть пользуются,—отвѣтилъ Малинскій,—а мы имъ

откажемъ въ землѣ, лѣсѣ, дровахъ; у нихъ ничего вѣдь нѣтъ, они все получаютъ отъ насъ при условіи работать въ заводѣ, а не хотять—мы имъ ничего не дадимъ.

— По моему, этимъ вы ихъ не испугаете,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Они отлично знаютъ, что ваши заводы безъ нихъ ничего не стоятъ, и что вамъ ничего не останется дѣлать, какъ вновь ихъ принять, когда они явятся къ вамъ.

Бжезовскій все время молча слушалъ Кольцова. Малинскій открылъ было ротъ, но Кольцовъ перебилъ его.

— При такихъ условіяхъ единственная возможность не отрывать мѣстное населеніе отъ заводскихъ работъ заключается въ томъ, чтобы самъ заводъ взялъ на себя подрядъ! Тогда заводу стоитъ только не принимать мѣстный элементъ на желѣзнодорожную работу, и дѣло въ шляпѣ.

Глаза Бжезовскаго сверкнули, но опять приняли спокойное, безстрастное выраженіе. Онъ продолжалъ молчать, какъ-бы приглашая Кольцова говорить дальше.

— Въ денежномъ отношеніи,—продолжалъ, помолчавъ Кольцовъ,—дѣло это тоже представляется крайне выгоднымъ. Если подрядчикъ пришлый зарабатываетъ на такомъ дѣлѣ барыши, то мѣстный контрагентъ, имѣющій весь даровой матеріалъ, заработаетъ, конечно, несравненно больше.

— Положимъ, этотъ матеріалъ мы можемъ выгодно продать прошлому контрагенту,—первый разъ возразилъ Бжезовскій.

— Не всегда,—отвѣтилъ Кольцовъ.— Въ случаѣ слишкомъ дорогихъ цѣнъ, дорога ограничится крайне необходимымъ, а остальное привезетъ по временному пути изъ мѣстъ, болѣе дешевыхъ.

Бжезовскаго неприятно передернуло, но это было очень быстрое движеніе, и онъ молча поспѣшилъ кивнуть головой въ знакъ согласія.

— Размѣры подряда,—продолжалъ Кольцовъ,—настолько велики, что они стоятъ того, чтобы такимъ дѣломъ заняться. Вашъ годовой оборотъ, если не ошибаюсь, достигаетъ милліона, двухлѣтній подрядъ дастъ оборотъ до 2½ милліоновъ. Барышъ отъ него будетъ крупнымъ подспорьемъ для завода, давъ ему возможность не только легко перенести кризисъ, но и заработать на немъ. Въ виду того, что дорога только разъ строится, казалось бы, не слѣдовало упускать такого удобнаго случая,—закончилъ Кольцовъ свою рѣчь.

Наступило молчаніе.

Ольга Андреевна, Малинскій и Кольцовъ смотрѣли на Бжезовскаго. Послѣдній не торопился съ отвѣтомъ.

Послѣ долгой паузы онъ, наконецъ, спросилъ:

— А какъ великъ можетъ быть барышъ?

— Какъ вести дѣло. Принимая во вниманіе ваши условія, я думаю—не менѣе 25% со всей суммы.

— Какой оборотный капиталъ для этого нуженъ?

— 10% отъ всего, т. е. 250 тысячъ рублей, — отвѣчалъ Кольцовъ.

— Бѣда въ томъ, что съ этимъ дѣломъ мы мало знакомы, — замѣтилъ Бжезовскій.

— Это я имѣлъ въ виду. Вамъ необходимо пригласить въ руководители опытное въ этомъ дѣлѣ лицо. Я могу указать вамъ на такого. Это Яковъ Петровичъ Нельсонъ. Онъ тоже собирается принять участіе въ подрядахъ, но самъ имѣетъ слишкомъ мало денегъ и ищетъ компаніоновъ. Онъ, между прочимъ, былъ представителемъ компаніи строителей на 5 участіяхъ смежной съ вами дороги, которая только что закончилась, и далъ своимъ компаніонамъ до 70% на затраченный капиталъ. Точныя свѣдѣнія вы получите какъ отъ его компаніоновъ, такъ и отъ начальника работъ.

— Надо подумать, — задумчиво проговорилъ Бжезовскій. Разговоръ перешелъ на текущую жизнь.

Кольцовъ разсказалъ о новыхъ своихъ вариантахъ, о радиусѣ 150, о замѣнѣ мостовъ туннелемъ. Малинскій пришелъ въ ужасъ, что цѣна погонной саж. туннели обойдется 2.000 руб.

— Помилуйте, вся цѣна такой туннели 600 руб. пог. саж.

— А вотъ берите подрядъ, — улынулся Кольцовъ, — и греbite деньги.

— Но что же вы такъ дорого цѣните въ туннели?

— Я вамъ укажу только на тотъ фактъ, что дешевле 2.000 руб. ни одна туннель въ мірѣ не выстроена, — отвѣтилъ Кольцовъ.

— Значитъ, дѣло неправильно поставлено, — отвѣтилъ Малинскій.

— Ну вотъ, вамъ и случай поставить его правильно.

— Какъ вы работаете туннель?

— Есть нѣсколько способовъ, но все они сводятся къ тому, что пробивается сперва небольшое отверстіе, которое называется направляющей штольной, а затѣмъ разрабатывается все отверстіе.

— А почему сразу не разрабатывается все отверстіе?

— Невыгодно, какъ работа цѣльной среды. Чѣмъ меньше направляющая штольная, тѣмъ это выгоднѣе.

— Конечно, мнѣ трудно возражать, но я познакомлюсь съ вопросомъ и черезъ мѣсяцъ буду съ вами спорить. Какое лучшее сочиненіе по туннелямъ?

Кольцовъ не могъ отвѣтить.

— По-русски почти ничего нѣтъ, а за-границей, навѣрно, есть.

— Я знаю соч. Ржиха. Но недавно вышло, кажется, въ Англіи, новое сочиненіе.

— Вы видѣли Ржиха?—спросилъ Малинскій.

— Не видалъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

— Если хотите, я вамъ покажу.

И Малинскій повелъ Кольцова въ свою комнату. Онъ былъ очень начитанный человѣкъ и обладалъ способностью примѣнять начитанное къ дѣлу. Въ требникѣ завода и постановкѣ рельсоваго дѣла онъ ввелъ массу нововведеній,— между прочимъ, Бессемеровскій способъ литья стали прямо изъ чугуна. Но было и нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ дѣлѣ.

Масса книгъ и журналовъ лежала на нѣсколькихъ столахъ въ комнатѣ Малинскаго. Были тутъ и нѣмецкія, и французскія, и англійскія, и американскія; меньше всѣхъ было русскихъ.

Онъ снялъ съ этажерки двѣ громадныя книги и тяжело бросилъ ихъ на столъ.

— Неужели это все объ однихъ туннеляхъ? — спросилъ Кольцовъ.—У насъ въ институтѣ о туннеляхъ читалось ровно двѣ страницы. Только нѣмецъ можетъ столько написать,—говорилъ Кольцовъ, перелистывая книгу.

Малинскаго непріятно покоробили слова Кольцова.

— Обстоятельно,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, я не понимаю по-нѣмецки, — сказалъ Кольцовъ, закрывая книгу,—а то бы попросилъ у васъ почитать.

— Вы какіе журналы выписываете по вашей спеціальности?

Кольцовъ покраснѣлъ.

— Кромѣ журнала нашего министерства,—никакихъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— Наше дѣло такъ налажено,—замѣтилъ Кольцовъ,—что врядъ ли что-нибудь новое узнаешь, да при томъ я только французскимъ съ грѣхомъ пополамъ владѣю.

— Можетъ быть, пойдемъ въ столовую? — спросилъ Малинскій.

— Знаете, что мнѣ улыбается въ вашемъ подрядѣ, Василій Яковлевичъ?—встрѣтила Кольцова Ольга Андреевна.— Я давно на лѣто мечтаю выстроить себѣ маленькій домикъ, въ которомъ я могла бы чувствовать, что и я существую, а то въ этихъ громадныхъ комнатахъ—чувствуешь себя такой маленькой. Если бы мужъ взялъ подрядъ, ему пришлось бы выстроить себѣ какое-нибудь пристанище, вотъ и я бы къ нему пристала.

И она, склонивъ голову на плечо, своими дѣтскими ласковыми глазами посматривала на мужа.

Бжезовскій ласково разсмѣялся.

— Ну, ужъ если она охотится, то вы можете считать, что половину дѣла сдѣлали,—обратился онъ къ Кольцову.

— Эта сторона меня страшно радуетъ,—и все лицо Бжезовской показывало искреннюю радость.—Если бы вы знали, какъ я хочу этой тихой простой жизни въ маленькихъ уютныхъ комнаткахъ!—И опять ея чистые глаза заискрились весельемъ ребенка, которое невольно заставляло всѣхъ веселѣе смотрѣть на свѣтъ Божій.

Несмотря на возможный успѣхъ, расположение духа Кольцова было испорчено. Разговоръ съ Малинскимъ, необходимость, вынудившая его признаться въ незнакомствѣ съ теоретической стороной своего дѣла, непріятно мучила его. Онъ поспѣшилъ попрощаться съ Бжезовскимъ и, условившись свидѣться съ нимъ на-дняхъ у себя, уѣхалъ домой. Всю дорогу онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства. Онъ не могъ не признать, что Малинскій ловко попалъ въ его слабое мѣсто. Кольцовъ никогда не любилъ теоріи и, будучи еще студентомъ, принадлежалъ къ партіи такъ называемыхъ „облыжныхъ студентовъ“, т. е. такихъ, для которыхъ вся наука сводилась къ экзаменамъ. Выдержалъ экзаменъ—и долой весь лишній хламъ изъ головы. Въ первые годы практической дѣятельности отсутствіе правильной теоретической подготовки мало чувствовалось: во-первыхъ, изученіе практической стороны дѣла требовало не мало времени: во-вторыхъ и роль была все больше исполнительная. Теперь, черезъ 12 лѣтъ, Кольцову приходилось выступать уже въ такой роли, гдѣ требовалось много инициативы, путь открывался для широкаго творчества, и на каждомъ шагу онъ чувствовалъ все больше и больше свое слабое мѣсто — недостаточную теоретическую подготовку. Та масса новыхъ оригинальныхъ идей, которыя сидѣли въ его головѣ и которыя онъ стремился провести въ жизнь, требовала для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцовъ чувствовалъ, что безъ этого онъ никого не убѣдитъ, что всѣ отнесутся къ его идеямъ съ обиднымъ недоумѣемъ.

Онъ считалъ, что сегодняшній его разговоръ съ Малинскимъ подрываетъ его авторитетъ, какъ человѣка науки, не только въ глазахъ самого Малинскаго, но и всего кружка горныхъ инженеровъ, между которыми Малинскій признавался авторитетомъ.

Унылымъ и подавленнымъ пріѣхалъ онъ домой.

— Неудача?—встревоженно встрѣтила его жена.

Февраль. Отдѣлъ I.

— Нѣтъ, кажется, полная удача,—отвѣтилъ Кольцовъ, входя въ свой скромный кабинетъ и опускаясь въ кресло.

Жена сѣла возлѣ него и пытливо заглядывала ему въ глаза. Кольцовъ старался избѣгнуть встрѣчи съ ея глазами.

— Воздухъ спертый,—проговорилъ Кольцовъ.

— Квартира сырая, комнаты маленькія. Сегодня у Коки за кроватью на стѣнѣ я нашла грибъ. Меня такъ безнokoитъ, какъ бы эта сырость не отразилась на здоровьи дѣтей. Они такъ поблѣднѣли за зиму.

— Надо почаще вентилировать,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Каждый день вентилируемъ,—отвѣтила жена.—Когда бы ужъ скорѣе весна началась, стану ихъ по цѣлымъ днямъ на воздухъ держать.

Кольцовъ облокотился и задумался.

— Ты не въ духъ?—помолчавъ, спросила его жена.

— Такъ, немножко непріятно, — нехотя отвѣтилъ Кольцовъ, рѣшивъ ничего не говорить женѣ.

Черезъ полчаса, однако, онъ уже все ей разсказалъ.

— Что-жъ тутъ такого, что могло тебя такъ огорчить?—успокаивала его жена.—Во-первыхъ, большая разница между имъ и тобой: онъ ведетъ осѣдлую жизнь, дѣла у него сравнительно съ тобой почти нѣтъ, онъ, наконецъ, любитъ теорію, ты любишь практику. Профессоръ, можетъ быть, изъ тебя не выйдетъ, но вѣдь ты и не желаешь имъ быть. Вашъ же министръ и вовсе не инженеръ, а все таки министръ.

— Ну, это положимъ, не доводъ. Я не знаю, что нашего министра вывело въ люди, но знаю, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ искать во мнѣ причинъ, которыя дали бы оружіе моимъ противникамъ. Слабая теоретическая подготовка будетъ мнѣ въ жизни громадной помѣхой.

— Но, если и такъ, что тебѣ мѣшаетъ пополнить пробѣлы: тебѣ 35 лѣтъ—твое время не ушло.

— Вотъ именно я думалъ, что когда начнется постройка, время будетъ посвободнѣе. Я повторю всю теорію и займусь литературой. Вѣдь не то, чтобъ я ее забылъ, а такъ забросилъ. Пристань же мнѣ съ ножомъ къ горлу, я и теперь сумѣю расчитать любой мостъ.

— Миленькій мой, я ни капли въ этомъ не сомнѣваюсь,—отвѣтила жена, обнимая и цѣлуя его.

Кольцовъ повеселѣлъ и началъ разсказывать женѣ, какъ хорошо у Бжезовскихъ. Какъ у нихъ пахнетъ весной, какъ ему вспомнился югъ.

Анна Валеріевна—сама южанка, понимала мужа, жалѣла, что не поѣхала съ нимъ къ Бжезовскимъ.

— Ахъ, Вася, Вася, чего бы я не дала, чтобъ жить тамъ,

на югъ, — страстно проговорила она. — Какъ бы расцвѣли тамъ Дюся и Кока.

— Что дѣлать! — вздохнулъ Кольцовъ. Онъ всталъ.

— Неужели заниматься? — спросила испуганно жена.

— Нужно бы, очень нужно, но усталъ и мысли въ разбродъ. Пойду только отдамъ распоряженіе на завтра. Не знаешь, Татищевъ и Стражинскій...

— Цѣлый день занимались, — перебила его жена, — и теперь, кажется, въ конторѣ. Отпусти ты ихъ или приходи съ ними чай пить. Я буду васъ ждать.

— Хорошо, — отвѣтилъ Кольцовъ, уходя въ контору.

Татищевъ и Стражинскій приготовили Кольцову сюрпризъ. Онъ засталъ ихъ усердно работавшими.

— Господа, вы меня стыдите, — проговорилъ Кольцовъ, весело съ ними здороваясь. — Бросьте работу, вѣдь не каторжные же мы въ самомъ дѣлѣ.

— Скоро конецъ, — весело проговорилъ Татищевъ. — Ну, вотъ смотрите, кончили мы то мѣсто, гдѣ вы хотите туннель дѣлать вмѣсто мостовъ.

— Ужъ вычертили? — удивился и обрадовался Кольцовъ.

— Да, надо же когда-нибудь кончать, — разсмѣялся Татищевъ.

Кольцовъ растрогался и горячо пожималъ руки Татищева и Стражинскаго. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не прикинуть, какъ ляжетъ туннель. Мало-по-малу всѣ трое такъ увлеклись, что и не замѣтили, какъ пробило два часа.

Анна Валеріевна напрасно нѣсколько разъ звала ихъ пить чай.

Горничная каждый разъ приносила все тотъ же стереотипный отвѣтъ: „сейчасъ“. И Анна Валеріевна снова посылала разогрѣвать самоваръ, снова заваривала свѣжій чай. Горячія ватрушки давно уже остыли, поданный въ пятый разъ самоваръ опять сталъ совершенно холоднымъ; Анна Валеріевна съ книгой въ рукахъ такъ и заснула на диванѣ въ ожиданіи, когда, наконецъ, Кольцовъ вошелъ въ столовую. Онъ тихо подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее.

— Миленькій мой, какъ ты опоздалъ, — сказала она, просыпаясь. — А гдѣ же Стражинскій и Татищевъ?

— Спать пошли: два часа.

— Два часа? — переспросила Анна Валеріевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этотъ вечеръ ушелъ отъ нея.

— Ты мнѣ ни одного вечера не подарилъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, — тихо проговорила она, и слезы обиды закапали изъ ея глазъ.

Кольцовъ горячо обнялъ ее и началъ утѣшать.

— Скоро, скоро ужъ конецъ. Тогда опять всѣ вечера твои.

Онъ разсказалъ ей, какой сюрпризъ ему устроили его товарищи, какъ незамѣтно они увлеклись проектировкой и какъ опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовскій пріѣхалъ къ Кольцову въ назначенное время и изъявилъ свое согласіе на участіе въ подрядѣ. Нужно было торопиться ѣхать на торги. Кольцовъ давалъ ему всякія инструкціи.

— Главное, не набирайте большого штата. Если-бъ даже мой вариантъ и не поспѣлъ къ торгамъ, будетъ строиться все-таки онъ, а не прежній, поэтому не снѣшите набирать большую администрацію, такъ какъ теперешняя линія на 40 процентовъ дешевле прежней.

Бжезовскій уѣхалъ. Окончилъ и Кольцовъ свои варианты.

— Что бы вы сказали, Павелъ Михайловичъ, если бы я васъ командировалъ съ проектами?—спросилъ онъ какъ-то у Татищева.

Татищевъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Стражинскій на-отрѣзъ отказался ѣхать въ отпускъ, а вы принимаете?

— Я съ удовольствіемъ,—повторилъ Татищевъ.

— А сумѣете вы защищать нашу красавицу — новую линію?

— Она не нуждается въ защитѣ,—съ несвойственной ему горячностью и увѣренностью отвѣтилъ Татищевъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вашъ отвѣтъ показываетъ убѣжденность, а когда человѣкъ убѣжденъ, онъ все сдѣлаетъ.

Татищевъ пріѣхалъ въ городъ за два дня до торговъ.

Первымъ дѣломъ онъ явился къ начальнику работъ.

Его потребовали не въ очередь.

Въ небольшомъ, скромно меблированномъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ ходилъ лѣтъ 50-ти главный инженеръ Елецкій, средняго роста, хорошо сложенный, съ сохранившимися красивыми чертами лица.

Татищевъ вошелъ и поклонился.

— Здравствуйте,—медленно проговорилъ Елецкій, протягивая руку Татищеву.—Что скажете хорошенькаго?

— Вариантъ привезъ,—весело-почтительно отвѣтилъ Татищевъ.

Легкая улыбка сбѣжала съ лица Елецкаго. На лбу появились складки, и онъ раздраженнымъ голосомъ переспросилъ:

— Вариантъ? Опять вариантъ? Да такъ же нельзя, господа!

Татищевъ потушилъ и не нашелся ничего отвѣтить.

Елецкій нѣсколько секундъ постоялъ, сердито махнулъ рукой и заходилъ по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ тянулось тяжелое для Татищева молчаніе. Елецкій забылъ о Татищевѣ и весь погрузился въ свои мысли. Татищевъ слегка кашлянулъ.

— Извините, пожалуйста, — спохватился Елецкій. — Присадѣте.

И онъ опять зашагалъ по комнатѣ.

— И всѣ эти варианты — прекрасная вещь, но все въ свое время, — заговорилъ Елецкій успокоеннымъ голосомъ. — Вы, господа, совершенно забыли о постройкѣ, а мы два года уже дѣлаемъ изысканія. Мнѣ проходу нѣтъ въ Петербургѣ, когда я, наконецъ, начну постройку, а я въ отвѣтъ то и дѣло вижу все новые и новые варианты. Послѣдній? — спрашиваютъ. — Послѣдній, и черезъ три мѣсяца опять совершенно новая линія. Вѣдь, наконецъ, кончится тѣмъ, что насъ всѣхъ прогонятъ, — установился онъ передъ Татищевымъ.

Татищевъ смущенно ерзалъ на стулѣ.

— Когда же конецъ будетъ? — наступалъ на него, между тѣмъ, Елецкій. — Черезъ три мѣсяца вы мнѣ опять привезете новый вариантъ, когда же мы строить будемъ, что же я скажу въ Петербургѣ, когда только что пріѣхалъ оттуда, давъ чуть ли не честное слово, что изысканія окончены?

— Два года идутъ изысканія, а линіи нѣтъ, — помолчавъ, продолжалъ Елецкій. — Варианты, варианты, безъ конца варианты.

— Живое дѣло, — робко замѣтилъ Татищевъ, — одно хорошо, другое лучше.

— Но вѣдь такъ же безъ конца можетъ продолжаться, — вспыхнулъ Елецкій. — Гдѣ же конецъ? Наши изысканія сумасшедшихъ денегъ стоятъ.

— Но каждый лишній рубль, истраченный на изысканія, даетъ тысячныя сбереженія въ дѣлѣ, — замѣтилъ Татищевъ.

— Такъ вѣдь это мы съ вами знаемъ, а подите вы расскажите это въ Петербургѣ, что вамъ отвѣтятъ? Отвѣтятъ, что дороже нашихъ изысканій еще не было.

— Но экономія, — началъ было Татищевъ.

— Да что вы все о своей экономіи. Не говорите о вещахъ, о которыхъ понятія не имѣете. Я тридцать лѣтъ строю и знаю эту экономію на изысканіяхъ. Дешево, хорошо, пока не начали строить, а чуть началось — и пошла потѣха! Тамъ неожиданно оказалась скала вмѣсто глины, тамъ плывунъ, тамъ приходится вмѣсто простого котлована кессонъ опу-

скать. смотришь—вмѣсто экономіи перерасходъ. Знаю я эту экономію.

Елецкій зашагалъ опять по комнатѣ.

— Теперь вы мнѣ за два дня до торговъ привозите новый вариантъ. Мы вотъ уже мѣсяцъ, сломя голову, готовимъ данныя, и что-жъ—теперь опять все сначала? Торги откладывать? Да, попробуй я дать объ этомъ телеграмму въ Петербургъ, завтра же меня не будетъ и никого изъ васъ.

Опять наступило молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ, и думать нечего разсматривать новый вариантъ до торговъ,—заклучилъ Елецкій, останавливаясь передъ Татищевымъ. Послѣдній поднялся и началъ откланиваться.

— До свиданія. Послѣ торговъ я дамъ знать.

У Татищева вертѣлось въ головѣ сказать Елецкому, съ какой цѣлью Кольцовъ торопился поспѣть до торговъ со своими вариантами, но онъ подумалъ, что это бесполезно и только вызоветъ новую бурю.

Татищевъ вышелъ въ приемную съ чувствомъ школьника, хотя и получившаго незаслуженную головомойку, но утѣшеннаго тѣмъ, что пострадалъ не за себя, а за Кольцова. Мысль, что на три дня онъ совершенно свободенъ, привела его въ веселое настроеніе.

Черезъ рядъ комнатъ онъ направился въ техническое отдѣленіе провѣдать товарищей.

Въ чертежной онъ столкнулся съ начальникомъ технического отдѣленія, пожилымъ уже инженеромъ, Иваномъ Осиповичемъ Залѣскимъ.

Залѣскій слылъ за тонкаго дипломата, но, въ сущности, былъ добрый человекъ. Девизъ его по службѣ былъ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“.

— Павелъ Михайловичъ,—радушно поздоровался Залѣскій съ Татищевымъ.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Что Кольцовъ?

— Ничего, вариантъ прислалъ, кланяется.

— Опять?—спросилъ Залѣскій и весело разсмѣялся.

— Николай Павловичъ недоволенъ.

— А вы ужъ видѣлись съ нимъ. Не доволенъ?—встревоженно спросилъ Залѣскій и, не дожидаясь, сказалъ:

— Да, знаете, у него много непріятностей по поводу изысканій. Дорого стоятъ.

— Но, что же дѣлать?—на этотъ разъ смѣло спросилъ, Татищевъ,—вѣдь это гроши по сравненію съ той пользой, какую они приносятъ.

— Конечно,—согласился Залѣскій.—Ну, что, надолго къ намъ?

— Въ отпускъ хочу.

— Можетъ, жениться?

— Куда тутъ жениться,—махнулъ рукой Татищевъ и разсмѣялся.

Зальскій тоже разсмѣялся и пошелъ въ свой кабинетъ. А Татищевъ поворотилъ направо, прошелъ коридоръ и очутился въ большой комнатѣ.

Тамъ сидѣло за отдѣльнымъ столомъ три инженера.

— Павелъ Михайловичъ!—раздались привѣтствія на разные голоса.

Татищевъ поспѣшно здоровался, его широкое лицо сіяло добродушіемъ и весельемъ. Окончивъ, онъ сѣлъ на табуретъ и, ни къ кому особенно не обращаясь, началъ:

— Ну, и вздули меня. „Опять варианты!“—говорилъ онъ, представляя Езерскаго:—вы что же, хотите, чтобъ насъ со всѣмъ вонъ прогнали?“—и Татищевъ покатился со смѣху. Припадокъ смѣха, по обыкновенію, продолжался у Татищева довольно долго. Онъ умолкалъ, потомъ опять начиналъ.

Бѣльскій, Дубровинъ и Денисовъ сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, но кончили тѣмъ, что и сами начали смѣяться.

— Да будетъ!—остановился, наконецъ, Бѣльскій.—Говорите толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Да вариантъ привезъ,—едва могъ проговорить Татищевъ и залился новымъ смѣхомъ.

На этотъ разъ дружный хохотъ четырехъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ слился чуть ли не въ ревъ.

Татищевъ кое-какъ, наконецъ, рассказалъ про вариантъ и про пріемъ Езерскаго.

— Большой вариантъ?—спросилъ Бѣльскій.

— Тысячъ шестьсотъ сбереженія.

Бѣльскій только свистнулъ.

— Молодецъ Кольцовъ,—горячо сказалъ Дубровинъ.

— Молодчина!—подтвердилъ Денисовъ.

Бѣльскій, нервный и раздражительный, занимавшій должность старшаго инженера въ техническомъ отдѣленіи, разразился ругательствами.

— А, скоты! Вариантъ въ 600 тысячъ, и чуть не съ площадной бранью встрѣчаютъ. Подлая казенщина!

— Это, батюшка, еще цвѣточки,—сказалъ Дубровинъ.—Попомните меня, кончатъ тѣмъ, что выгонять Кольцова.

— Ну, положимъ, не посмѣютъ,—задорно отвѣтилъ Бѣльскій.

— Именно, что не посмѣютъ,—расхохотался Дубровинъ.

— Понятно, не посмѣютъ,—разсердился Бѣльскій.—Общественное мнѣніе не позволитъ.

— Ну, еще что?—насмѣшливо спросилъ Дубровинъ.

— Случись что-нибудь подобное, и никто изъ порядочныхъ не захочетъ оставаться у нихъ. Вы останетесь?

— Это другой вопросъ, батюшка. Не мы тамъ съ вами сила. Мы уйдемъ, другіе явятся.

— Не явятся, не то время.

— Да, испугаете вы ихъ,—отвѣтилъ Дубровинъ.

Денисовъ молча слушалъ и, когда споръ кончился, спокойно проговорилъ:

— Конечно, уйдемъ, если-бъ прогнали Кольцова, только этого не будетъ. Елька посердится и приметъ вариантъ.

— А я убѣжденъ, что не приметъ,—возразилъ Дубровинъ.

— Не приметъ,—согласился Татищевъ.

— Приметъ,—сказалъ Бѣльскій, — Кольцовъ настоитъ. Вариантъ съ вами?

Татищевъ принесъ вариантъ.

Компанія начала внимательно его разсматривать. Каждый дѣлалъ свои замѣчанія, поднялся споръ, который чуть было не кончился ссорой между Дубровинымъ и Бѣльскимъ.

Помирилъ ихъ Денисовъ, выругавъ обоихъ.

— Вы, господа, право, какъ мальчишки, привязываетесь къ каждому слову другъ друга. Въ сущности споръ у васъ изъ-за выѣденнаго яйца и общаго съ вариантомъ ничего не имѣетъ. Передъ вами вариантъ Кольцова: одобряете его, или нѣтъ?

— Конечно, одобряемъ,—отвѣтилъ Бѣльскій.

— И я одобряю,—съ важной фizioноміей сказала Денисовъ,—а потому предлагаю послать Кольцову привѣтственную телеграмму. Согласны?

— Молодецъ, Васька,—весело сказалъ Бѣльскій, и взъерошилъ волосы Денисову.

— Безъ нахальства,—тѣмъ же тономъ продолжалъ Денисовъ.—Я составляю телеграмму. Я беру карандашъ, я беру бумагу. Дальше...

Началось совѣщаніе. Окончательная телеграмма получилась такого содержанія:

„Поздравляемъ, прекрасный вариантъ. Да здравствуютъ даровитые честные инженеры. Желаемъ успѣха и дальнѣйшаго саморазвитія“.

На послѣднемъ словѣ настоялъ Дубровинъ.

— Онъ пойметъ,—говорилъ онъ,—на что ему намекаемъ.

Кольцовъ очень обрадовался телеграммѣ и нѣсколько разъ перечитывалъ ее.

— Это на счетъ моей теоріи они, мошенники, наме-

каютъ,—добродушно объясняли онъ своей женѣ.—Ну, зима пройдетъ, займусь теоріей.

Теперь Кольцовъ всѣ вечера проводилъ дома. Жена его повеселѣла и оживилась.

Кольцовъ, охладѣвшій было за время работъ къ дѣтямъ, теперь опять привязался къ нимъ. По цѣлымъ часамъ рассказывалъ своему 3-хъ лѣтнему сыну все ту же сказку.

Любимымъ его занятіемъ было отыскивать сходство между собой и сыномъ. Эти изслѣдованія приводили Кольцова не къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Сегодня Кока, какъ двѣ капли воды, походилъ на отца, завтра только носъ лопаточкой былъ въ него, а остальное чужое.

— Ну, глаза еще твои,—обращался онъ женѣ,—а остальное чужое.

— На кого ты похожъ?—спрашивала мать сына.

— На папу,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Слышите, неблагодарный. Вашъ сынъ знаетъ больше васъ.

— Отличное доказательство. Кока, кто умнѣе, папа или ты?

— Я.

— Кто умнѣе, папа или аргамакъ?

— Аргамакъ.

— Кого ты больше любишь, папу или аргамака?

— Кока,—перебила его мать,—кого ты больше любишь, аргамака или папу?

— Папу.

У мальчика была страсть къ лошадямъ. Лошадь была для него недосыгаемымъ идеаломъ, къ которому онъ всѣми силами стремился. Бѣжать, какъ лошадь, ѣсть, какъ лошадь. Если онъ упадетъ, то стоило ему сказать, что онъ упалъ, какъ лошадь, и, несмотря на боль, онъ вскочить и весело побѣжить объявлять всѣмъ, что упалъ, какъ лошадь.

— Папа, я упалъ, какъ лошадь,—кричитъ онъ еще изъ другой комнаты, усердно работая своими маленькими ножками. Вотъ такъ!—и для примѣра еще разъ падаетъ на ноги.

— Глупенькій ты мой мальчикъ,—подхватывалъ его съ полу Кольцовъ и высоко подымалъ вверхъ.

— Я не плакалъ,—лепеталъ Кока.—Чужчина.

Кольцовъ приходилъ въ восторгъ и начиналъ теревить сына.

— Папа,—снисходительно говорилъ мальчикъ, стараясь вырваться изъ рукъ отца.

— Ну, говори про козла.

Мальчикъ принималъ сосредоточенное выраженіе лица и начиналъ медленно, наставительнымъ тономъ, декламировать:

— Смотрѣлъ козелъ въ воду и говорить: какой-я козельчикъ, какая у меня борода и прешрашныя рога. Если волкъ придетъ, я его убью. А волкъ слушаетъ и говорить: что ты, Васька, говоришь? А Васька говорить: я ничего, ваше благородіе.

Послѣднее время постоянный кашель изнурилъ и раздражилъ ребенка. Забѣгается ли слишкомъ, начинается сильный приступъ кашля. Мальчикъ кашляетъ, кашляетъ и вдругъ тихо и горько заплачетъ. Столько безсилія и страданія, столько горя слышалось въ этомъ маленькомъ плачѣ, что жена Кольцова сама начинала плакать, а Кольцовъ готовъ былъ все на свѣтѣ отдать, чтобы только облегчить его страданія.

— Ухоть плохой,—приставалъ онъ къ своей женѣ.—Я не знаю, чего нельзя на свѣтѣ сдѣлать, если захочешь. Растирай его, парнымъ молокомъ пой, давай малинку, пригласи еще изъ города доктора—вотъ, что надо дѣлать, а не плакать.

Кольцовъ горячился, приставалъ къ нянѣ и, по своему обыкновенію, чѣмъ больше горячился, тѣмъ больше былъ неправъ. Дѣлалось, что можно было дѣлать, но средства были безсильны. Докторъ, впрочемъ, успокаивалъ и говорилъ, что съ весной все пройдетъ... Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась весна въ домѣ Кольцова. Прошла недѣля со дня полученія телеграммы Бѣльскаго и товарищей. Кольцовъ поѣхалъ на линію провѣрить разбивки. Уже советъ стемнѣло, когда, уложивъ инструменты, онъ поѣхалъ домой. Дорога шла по рѣкѣ. Зима подходила къ концу, но ледъ былъ еще крѣпкій. Всплыла луна и мало-по-малу залила своимъ волшебнымъ свѣтомъ округу. Силуэты оборванныхъ скалъ сплошной стѣной тянулись по обѣимъ сторонамъ рѣки. Прежняя линія, вслѣдствіе обманчиваго свѣта луны, казалась гдѣ-то въ недосигаемой высотѣ; новая, пользуясь естественными уступами, шла невдалекѣ отъ саней. Кольцовъ, съ гордостью, любовался дѣломъ своихъ рукъ.

— Та, прежняя,—думалъ онъ,—какъ вѣдьма, скачетъ тамъ гдѣ-то въ небѣ съ утеса на утесъ. Я разыскалъ мою красавицу въ этой безднѣ скалъ и утесовъ, вырвалъ ее у природы, какъ Русланъ вырвалъ у Черномора свою Людмилу.

И фантазія перенесла Кольцова въ далекое прошлое.

— Сюда приходили,—думалъ онъ,—наши предки искать себѣ славы. Только въ такихъ мѣстахъ, подъ впечатлѣніемъ этой дикой природы, могли сложиться наши чудныя сказки, только здѣсь могла появиться та дикая, непреклонная воля, какою одарилъ народъ своихъ героевъ. Здѣсь пролагали себѣ путь въ панцыряхъ и шлемахъ богатыри русской земли. Здѣсь прошли орлы Всеволода III, здѣсь Ермакъ нечеловѣческими

усиліями проложилъ себѣ путь къ славѣ. Прошли вѣка, и вотъ мы пришли докончить великое дѣло. Проведеніемъ дороги мы эти необъятные края сдѣлали реальнымъ достояніемъ русской земли. Это будетъ второе завоеваніе края. И, какъ Ермакъ нѣкогда съ ничтожными силами пріобрѣлъ его, такъ и мы должны употребить всѣ силы, чтобы уменьшить стоимость постройки дороги. Нельзя строить дорого, у насъ нѣтъ средствъ на такія дороги, а намъ онѣ необходимы, какъ воздухъ, какъ вода. Востокъ гибнетъ оттого, что не имѣетъ дорогъ. Общество право въ своемъ раздраженіи на насъ, инженеровъ. Оно не выяснило себѣ еще причины, ищетъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, но исторія выяснитъ именно причины въ нашемъ неумѣнн дешево строить. Мы какъ заимствовали 30 лѣтъ тому назадъ способъ постройки у нашихъ дорогихъ сосѣдей, такъ при немъ и остались. Развѣ наша бѣдная русская жизнь можетъ сравниться съ богатой западной? Если бы русскій изобрѣлъ желѣзныя дороги, а не Стефенсонъ, развѣ дошли бы мы до той роскоши, какая царитъ на нашихъ дорогахъ? И что бы его могло вдохновить на бархатъ, зеркала, дворцы, будки, дворцы — вокзалы? Наши перекладныя? Наши бывшія почтовые станціи, наши нишія деревни? Наши грязные города съ гостиницами-клоповниками? Именно здѣсь, когда мы приступаемъ къ этому великому пути, когда все окружающее, вся исторія должна напоминать намъ, что мы—русскіе,—мы, инженеры, обязаны поставить на совершенно новую почву постройку дороги, мы должны показать Западу, что мы, русскіе инженеры, способны не только воспринимать его великія идеи, но и культивировать ихъ въ условіяхъ русской жизни. А это, въ свою очередь, покажетъ на достаточную подготовку къ самостоятельному творчеству. И, какъ нѣкогда Ермакъ искупилъ свою и товарищей своихъ вину, такъ и мы, инженеры, дешевой постройкой должны искупить нашу невольную вину передъ родиной...

Кольцову стало жарко. Онъ снялъ шапку и провелъ рукой по лбу. Его глаза горѣли и усиленно смотрѣли въ даль. Онъ точно видѣлъ себя лицомъ къ лицу со всѣми обитателями своей необъятной родины.

— Да, нѣтъ выше счастья, какъ работать на славу своей отчизны и сознать, что работою этою приносишь не воображаемую, а дѣйствительную пользу. Это—жизнь, это напряженіе. Пусть проходитъ молодость съ ея радостями любви; что жалѣть о нихъ, когда радости эти смѣняются болѣе высшими наслажденіями, сознаніемъ приносимой пользы, сознаніемъ, что заслужилъ право на жизнь!

Мысль, что заслугъ инженера путей сообщенія въ обще-

ствѣ не признають, непріятнымъ диссонансомъ пронеслась въ его головѣ. Но, по свойству своей оптимистической натуры, Кольцовъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство, рассуждая, что заслуга останется заслугой, а какъ непризнанная, она имѣетъ двойную цѣну.

Да, если бѣ удалось провести въ жизнь все задуманное. Но какъ провести? Гдѣ найти то ухо, которое захотѣло бы услышать истину? Одни погрязли въ рутинѣ, другіе преслѣдуютъ корыстные цѣли, третьи устарѣли, четвертые просто ничего не понимаютъ. Что толку, что Бѣльскій, Дубровинъ, Денисовъ—сторонники взглядовъ Кольцова. Не въ нихъ пока сила. Какъ обратить вниманіе тѣхъ, отъ которыхъ зависить рѣшеніе вопроса?

— Время не ушло еще, — думалъ дальше Кольцовъ. — Я одинъ ничего не сдѣлаю. Вотъ развѣ въ компаніи съ Бѣльскимъ, Дубровинымъ, Денисовымъ составить докладную записку на имя начальника работъ о возможныхъ сокращеніяхъ расходовъ при постройкѣ нашей линіи? Если эта записка опоздаетъ для нашего участка, то время не ушло для другихъ. Экая досада, что раньше не пришло въ голову. Что дѣлать? Лучше поздно, чѣмъ никогда. Надо будетъ разбѣить эти вопросы по главной расцѣпочной вѣдомости. И предложу каждому изъ нихъ взять по 2 главы и разработать все и съ практической, и съ теоретической стороны, а самъ займусь составленіемъ общей записки. Не примутъ—мы будемъ спокойны, что свое дѣло сдѣлали, а если примутъ...

И горячая фантазія Кольцова унесла его въ такую заоблачную даль, что намъ съ вами, читатель, слѣдовать за нимъ не стоитъ.

Дома Кольцова ожидалъ весьма непріятный сюрпризъ, который сразу спустилъ его на землю.

— Миленькій мой,—встрѣтила его жена.—Придется вамъ мечты ваши о славѣ на время отложить,—она точно подслушала Кольцова,—вотъ телеграмма Татищева. Варіантъ не принять.

Телеграмма была слѣдующаго содержания:

„Варіантъ окончательно забракованъ. О радіусѣ 150 и туннели слушать даже не хотять“.

Для Кольцова это было полнымъ сюрпризомъ.

— А, чортъ съ ними! — проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и уныло замолчалъ.

— И Татищевъ тоже хорошъ. Телеграфируетъ, точно его зарѣзали. Пойдутъ теперь сплетни по заводу.

— Что же дѣлать?—утѣшала его жена. — Ты, что могъ, сдѣлалъ, тамъ уже не твоѣ...

— А, чертъ съ ними!—еще разъ апатично проговорилъ Кольцовъ.

Онъ всталъ, нѣсколько разъ прошелся и скороговоркой проговоривъ: „я спать пойду“,—ушелъ въ спальню.

На вопросъ жены:

— А обѣдать?

Онъ, уходя, принужденно отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Жена Кольцова знала натуру своего мужа. Всякое серьезное огорченіе вызывало въ немъ полный упадокъ силъ и потребность продолжительнаго сна.

Не знавшій усталости, Кольцовъ, раздѣваясь, почувствовалъ себя такимъ усталымъ, такимъ разбитымъ, что едва могъ стащить свои тяжелые сапоги. Онъ почти мгновенно заснулъ и едва слышалъ, какъ жена, наклонившись надъ нимъ, поцѣловала его, прошептавъ:

— Не огорчайся, мое счастье, все, Богъ дастъ, будетъ хорошо.

„Хорошо“ — машинально пронеслось въ его головѣ. — „Дѣйствительно хорошо“ — промелькнуло въ послѣдній разъ въ засыпающемъ мозгу — и чувство сладкаго успокоенія разлилось по его членамъ. Въ то же мгновеніе крѣпкій, здоровый сонъ безъ сновидѣній, сковалъ Кольцова. Онъ проснулся только на другой день, проспавъ 14 часовъ.

Мысль о вариантѣ только въ первый моментъ непріятно кольнула его.

— Надо самому ѣхать, — думалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

Жена, услышавъ шумъ въ спальнѣ, вбѣжала съ телеграммой въ рукахъ.

— Отъ Елецкаго, — проговорила она, цѣлуя мужа.

Кольцовъ жадно схватилъ телеграмму:

„Изъ вашихъ вариантовъ останавливаюсь на линіи прощлаго лѣта. О радіусѣ и туннели при теперешнихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи“.

Вѣжливый тонъ телеграммы успокоилъ Кольцова.

— Ну, вотъ это отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, никакой пищи нѣтъ досужимъ сплетникамъ. Ясно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ линій сразу нельзя выбрать, а такъ какъ обѣ мои, то ничего и обиднаго нѣтъ. За эту деликатность я ужасно люблю Елецкаго, — говорилъ Кольцовъ повеселѣвшимъ тономъ.

Жена Кольцова тоже просіяла, увидѣвъ, какое дѣйствіе произвела телеграмма на мужа.

За чаемъ Кольцовъ сказалъ ей, что рѣшилъ самъ ѣхать.

— Безъ разрѣшенія? — спросила, испугавшись, жена.

Кольцовъ не отвѣтилъ, такъ какъ и самъ не зналъ.

какъ быть. Съ одной стороны, нужно было торопиться, а разрѣшеніе затягивало отъѣздъ, да и сомнительна была возможность его полученія въ данный моментъ, съ другой—ѣхать безъ разрѣшенія было невѣжливо и, пожалуй, рискованно.

— Могу испортить все дѣло. Онъ самъ такой деликатный и терпѣть не можетъ не деликатности въ другихъ.

Рѣшено было такъ. Кольцовъ телеграфировалъ Бѣльскому, чтобъ тотъ дѣйствовалъ въ смыслѣ вызова его, Кольцова, для личныхъ объясненій. Елецкому Кольцовъ послалъ телеграмму въ 250 словъ. Тонъ телеграммы мало было бы назвать горячимъ, страстные доводы Кольцовъ закончилъ слѣдующими словами: „Прошу извинить за настойчивость, но необходимость варианта настолько очевидна, что не можетъ пройти незамѣтно. Во избѣжаніе справедливыхъ нареканій въ будущемъ, вынужденъ беспокоить васъ просьбой разрѣшить лично пріѣхать“.

Къ вечеру Кольцовъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ваша телеграмма не перемѣнила моего рѣшенія. Если считаете необходимымъ, пріѣзжайте“.

Кольцовъ выѣхалъ въ ночь.

Оставлялъ онъ семью съ тяжелымъ чувствомъ. Кашель у Коки становился все сильнѣе. Въ самый моментъ выѣзда сильный припадокъ такъ ослабилъ мальчика, что онъ весь посинѣлъ и впалъ въ легкій обморокъ. Такого припадка еще не было.

Тяжелое предчувствіе недобраго конца этой болѣзни первый разъ закралось въ душу Кольцова. Всѣмъ существомъ рвануло его къ сыну, онъ забылъ все на свѣтѣ, схватилъ его на руки, прильнулъ къ его исхудалому личику, и горькія слезы полились изъ глазъ. Прощанье было подавляющее и тяжелое. Никогда еще Кольцовъ не оставлялъ семью съ такимъ угнетеннымъ чувствомъ тоски и сознанія своего безсилія что-нибудь измѣнить изъ предназначеннаго судьбой. Первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ рука его поднялась, чтобъ осѣнить своего маленькаго сына крестомъ.

— Да хранить тебя Господь!—съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ.

Кольцовъ остановился въ квартирѣ Бѣльскаго, Дубровина и Денисова.

Компанія разказала ему, что „Елька“ страшно взбѣшенъ и противъ варианта. На торгахъ линія осталась за Бжезовскимъ, и распорядителемъ работъ былъ приглашенъ Делори. Послѣдній тоже высказался противъ варианта, указывая на слабую его сторону захвата рѣки, и не мало содѣйствовалъ тому, что вариантъ Кольцова былъ забракованъ.

— Послушайте, Кольцовъ, — говорилъ ему Бѣльскій на другой день, идя вмѣстѣ въ управленіе, — главное, не горячитесь. Помните, что съ Елькой можно работать, онъ человѣкъ честный и дѣйствуетъ по убѣжденію. Доказать ему всегда можно, но это надо сдѣлать спокойно, разсудительно и толково. И вы это можете, если захотите. Смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, всю жизнь изображать изъ себя лошадь, которой чуть попадетъ возжа подъ хвостъ — и пошла потѣха. Вспомните только, что, 12 лѣтъ работая, вы еще ни одного дѣла не довели путно до конца. Начнете блистательно, потомъ по поводу выѣденнаго яйца появляется на сцену вопросъ о довѣріи, и — Кольцовъ за бортомъ. А кончается тѣмъ, что все сыграется въ руку прохвостамъ. У васъ дѣло правое и стойте за него до смерти, — пусть васъ по суду гонять, если хотять, но съ какой же благодати губить дѣло изъ-за личнаго самолюбія?

— Правда есть въ вашихъ словахъ, — отвѣчалъ Кольцовъ. — Личнаго болѣзненнаго самолюбія у меня больше, чѣмъ надо, но я вамъ скажу одно. Четыре раза уже я бросалъ дѣло и уходилъ со скандаломъ. Временно мнѣ были заперты всѣ двери въ нашемъ министерствѣ, но никогда я не жалѣлъ, что поступалъ такъ. При тѣхъ условіяхъ не было другого выхода. Теперь иное дѣло. Во всякомъ случаѣ, я не буду горячиться. Спасибо вамъ.

— Васъ уже прозвали трубадуромъ, но, если вы изъ теперешняго положенія дѣла опять сдѣлаете министерскій вопросъ, я буду называть васъ безтолковымъ трубадуромъ.

— Не сдѣлаю, — отвѣчалъ Кольцовъ.

Въ передней правленія они разстались. Бѣльскій пошелъ въ техническое отдѣленіе налѣво, Кольцовъ — въ кабинетъ начальника работъ направо.

Въ ожиданіи пріѣзда начальника работъ Кольцовъ заглядывалъ во всѣ комнаты правленія, отыскивая знакомыхъ. Всѣ здоровались съ нимъ радушно, но какъ-то обидно снисходительно. Всѣ знали про его неудачный вариантъ, и общее мнѣніе было, что Кольцовъ, что называется, зарাপортовался.

Выразителемъ общаго мнѣнія былъ Щегловъ, правитель канцеляріи.

— Что, батюшка, сорвалось? — встрѣтилъ онъ Кольцова. — Ну, что-жъ дѣлать? Не всякое лыко въ строку. Надо васъ и осадить немножко, а то этакъ вы черезъ годъ и до министра доберетесь.

— Руки коротки для осадки, — строптиво возразилъ Кольцовъ.

— Будто коротки? — спросилъ Щегловъ, добродушно подмигивая своему помощнику. И ласково прибавилъ:

— Ну, ну, ладно, Богъ съ вами. Гдѣ вы сегодня вечеромъ?

Пришелъ швейцаръ и доложилъ, что начальникъ работъ пріѣхалъ и просить Кольцова.

Кольцовъ вскочилъ, застегнулъ пуговицу и, не прощаясь, быстро пошелъ за швейцаромъ.

— Будетъ баталія,—сказалъ Щегловъ, закуривая папироску.—Надо послушать.

И онъ, собравъ для подписи нужныя бумаги, неслышной походкой направился къ Елецкому.

Когда онъ вошелъ въ рабочую комнату начальника работъ, изъ кабинета донесся до Щеглова взбѣшенный, громкій голосъ Елецкаго.

— Да что же это, наконецъ, такое. Слова нельзя сказать, какъ онъ свою отставку суетъ.

На этотъ возгласъ не замедлилъ взволнованный отвѣтъ Кольцова.

— Варіантъ необходимъ. Вопросъ въ томъ, что я, можетъ быть, не сумѣю доказать вамъ его необходимость, вотъ почему я долженъ буду оставить свое мѣсто, чтобы уступить его болѣе способному доказать это.

Щегловъ постоялъ нѣсколько мгновений нерѣшительно, махнулъ рукой и возвратился въ свой кабинетъ.

Кольцовъ продолжалъ:

— Николай Павловичъ, повѣрьте мнѣ, что я прекрасно знаю всѣ тѣ непріятности, которыя вы испытываете, но чѣмъ же виновато дѣло, что во главѣ его стоятъ люди, непонимающіе его? И, наконецъ, то, что сегодня не ясно, будетъ, какъ на ладони, когда дорога выстроится. Огорченія теперешнія будутъ пустяками въ сравненіи съ тѣми, которыя мы съ вами испытываемъ тогда. Вы говорите, что насъ выгонять. Для васъ уступка невѣжеству непринятіемъ моего варіанта, можетъ быть, имѣетъ полный смыслъ,—вы этимъ спасаете все дѣло, но гдѣ же утѣшеніе для меня? Все мое дѣло заключается въ этомъ варіантѣ, и мое неумѣніе провести его въ жизнь есть уже тяжелое сознаніе своего безсилія, и неужели же мнѣ, сверхъ этого, въ теченіе двухъ лѣтъ постройки еще мучиться изо-дня въ день при мысли, что я строю не то, что должно, и что строится это только благодаря моей неспособности доказать, что бѣлое—бѣлое, а черное—черное. Вотъ, что побуждаетъ меня заявить о своей отставкѣ. Это не вѣзломощное чувство оскорбленнаго самолюбія. Я отлично знаю, что теряю, оставляя службу,—лучше поставленнаго дѣла я не видалъ еще, да и врядъ ли гдѣ-нибудь найду.

Кольцовъ замолчалъ.

Елецкій мрачно ходилъ по комнатѣ. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Кончится тѣмъ, что мнѣ самому придется уйти,—проговорилъ Елецкій, махнувъ раздраженно рукой.

И, обратившись къ Кольцову, сердито спросилъ:

— Гдѣ варіантъ?

Кольцовъ быстро развернулъ чертежи и взволнованно началъ излагать идею новаго варіанта.

Черезъ четыре часа Кольцовъ вышелъ изъ кабинета начальника работъ, и по его счастливому лицу не трудно было угадать, въ чемъ дѣло.

Елецкій вышелъ немного спустя и прошелъ въ кабинетъ своего помощника.

Инженеръ Стороженко, около 50 лѣтъ, плотный, средняго роста, съ гладко выбритымъ лицомъ, густыми усами, большими выразительными глазами,—производилъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе человека слегка грубоватаго, но добродушнаго и прямого. Тѣмъ не менѣе, это былъ дипломатъ въ своемъ родѣ, какъ вообще всѣ хохлы. Будучи безукоризненно честнымъ, онъ личную инициативу проявлялъ только въ томъ направленіи, о которомъ зналъ, что оно будетъ одобрено. Въ вопросахъ сомнительныхъ онъ, хотя и выражался рѣшительно, но такъ, что изъ его словъ ничего нельзя было вывести.

Елецкій вошелъ и сѣлъ на диванъ.

— Что за молодецъ Кольцовъ. Три-четыре такихъ инженера—и можно хоть всю Сибирскую дорогу взяться строить.

— Онъ пріѣхалъ?

— Только что отъ меня.—Елецкій помолчалъ.—Прекрасный варіантъ,—сказалъ онъ.—Только время упущено. Теперь въ Петербургѣ опять пойдутъ разговоры.

Наступило молчаніе.

— Да,—неопредѣленно проговорилъ Стороженко.

— 700 тысячъ экономіи. Татищевъ напуталъ, совсѣмъ не такъ доложилъ: молодой. Возьму Кольцова съ собой—пусть самъ сдѣлаетъ докладъ. Я тамъ самъ не былъ, ѣхалъ некогда, а на засѣданіи могутъ подняться такіе вопросы, на которые можетъ отвѣтить только работавшій на мѣстѣ.

— Конечно.

— Всю зиму работалъ въ полѣ, Стражинскаго чуть не въ чахотку вогналъ. — Стороженко кивнулъ головой. — Въ переводѣ это означало: „такъ и запишемъ“.

— Черезъ недѣлю надо ѣхать,—сказалъ Елецкій, подымаясь.

Послѣ ухода Елецкаго вошелъ Залѣскій.

— Ну, что варіантъ Кольцова?

Февраль. Отдѣлъ I.

— Принять, — отвѣтилъ Стороженко.
 — Принять? — переспросилъ выжидательно Залѣскій.
 — 700 тысячъ сбереженія. Прекрасный вариантъ. Татищевъ напугалъ: молодой.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Дѣльный работникъ Кольцовъ.
 — Ахъ, какая энергія! — подхватилъ Залѣскій.
 — Стражинскаго, кажется, въ чахотку вогналъ.
 — Огонь, — весело разсмѣялся Залѣскій.

Въ такой редакціи и по городу пошла новая волна. Блестящій вариантъ, неутомимый Кольцовъ. Татищевъ напугалъ, Стражинскій въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

Инженеръ Косяковскій въ обществѣ дамъ доступнымъ языкомъ излагалъ положеніе дѣла.

— Кольцовъ самъ дѣльный человѣкъ. Сдѣлалъ, дѣйствительно, прекрасный вариантъ, но выказалъ полное неумѣніе выбирать подходящихъ людей. Татищеву поручилъ дѣлать докладъ. Я понимаю — поручить ему организацію пикника.

Веселый хохотъ прервалъ оратора.

— Кольцовъ это — прелесть, — сказала Марья Павловна Звиницкая. — Я въ прошломъ году ѣхала съ нимъ въ поѣздъ, и, право, если бы еще нѣсколько часовъ поѣздка продолжалась, я за себя не поручилась бы.

Звиницкая покраснѣла при воспоминаніи того вечера.

А Кушелевъ, отецъ Зинаиды Александровны, управляющій сосѣдней дорогой, — на другой день добродушно говорилъ Елецкому:

— Придется, Николай Павловичъ, вамъ самому подобрать помощниковъ Кольцову, а то онъ окружить себя такими, какъ Татищевъ.

— Да, непременно, — убѣжденно отвѣтилъ Елецкій.

— Павла Николаевича надо къ нему. Это человѣкъ, который сумѣетъ позаботиться объ остальномъ, когда Кольцовъ, по свойству своей натуры, чѣмъ-нибудь увлечется.

Павелъ Николаевичъ Звиницкій, мужъ Марьи Павловны, тоже инженеръ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на должность начальника дистанціи на предстоящую постройку.

Елецкій промолчалъ на слова Кушелева.

Выборъ инженеровъ *de jure* зависѣлъ отъ временнаго управленія, *de facto* — отъ начальника работъ. По традиціи начальнику участка предоставлялось право выбора между имѣющимися инженерами.

Павелъ Николаевичъ на другой день послѣ описаннаго разговора, былъ у Кольцова и выразилъ желаніе служить у него начальникомъ дистанціи. Кольцовъ общался, такъ какъ свободныя мѣста у него были. Штатъ Кольцова со-

стоялъ изъ четырехъ начальниковъ дистанціи, одного помощника и одного техника. На роль помощника онъ имѣлъ въ виду Татищева, на роль техника — Стражинскаго, на остальные мѣста еще никого не имѣлъ въ виду.

— Что, если я буду проситься къ вамъ?—спросилъ его Бѣльскій.

Кольцовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ.

— Неужели пойдете?—радостно спросилъ онъ.

— Къ вамъ пойду.

— Серьезно говорите?

— Конечно, серьезно.

— Я буду счастливъ.

— А меня возьмете?—спросилъ Дубровинъ.

— И вы?

— Съ наслажденіемъ.

— А вы?—обратился онъ къ Денисову.

— Нѣтъ, я больной человѣкъ, на линію нельзя мнѣ.

Стали строить планы близкаго будущаго. Выходило очень хорошо.

— Только Елка не пустить,—сказалъ вдругъ Бѣльскій упавшимъ голосомъ.

— Почему не пустить?—спросилъ Кольцовъ.

— Не пустить, — отвѣтилъ Бѣльскій. — Соединить насъ встроимъ, что-же это выйдетъ? Все вверхъ ногами поставимъ, и его не пустимъ на участокъ.

— Да какъ онъ можетъ не пустить, — возражалъ Кольцовъ.—Это мое право выбрать начальника дистанцій.

Бѣльскій въ тотъ же день закинулъ удочку и рассказалъ свой планъ Залѣскому.

При докладѣ Залѣскій, между прочимъ, сказалъ Елецкому:

— Бѣльскій и Дубровинъ хотятъ проситься къ Кольцову.

— Дудки!—отвѣтилъ добродушно Елецкій.—Къ этакому кипятку, какъ Кольцовъ, прибавить двухъ такихъ голово-рѣзовъ—они всю линію разнесутъ. Кольцову не пару подбавлять, а тормазы нужны.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Надо съ этимъ кончить. Сегодня вечеромъ приходите, составимъ списки на участки, и ночью надо ихъ отпечатать. Съ конченными дѣломъ и разговоровъ не будетъ, а сегодня мнѣ придется уже дома заниматься, чтобы избавиться отъ этихъ просьбъ... Скажите, что я заболѣлъ.

Кольцову такъ и не удалось въ тотъ день поговорить съ Елецкимъ о своемъ штатѣ, а на другой день въ управленіи уже былъ отпечатанъ приказъ начальника работъ о назначеніяхъ.

Переговоры Кольцова съ Елецкимъ на эту тему оборвались на первой фразѣ Елецкаго:

— Я заваленъ просьбами о назначеніяхъ. Начальники участковъ все однихъ и тѣхъ же приглашаютъ, остальныхъ никто не желаетъ. Начальники дистанцій почти всѣ къ одному просятся, къ остальнымъ не желаютъ. Чтобы избавиться отъ безконечныхъ просьбъ, я рѣшилъ на этотъ разъ измѣнить способъ назначеній и самъ всѣхъ назначилъ. Такъ какъ вашъ участокъ самый трудный, то вамъ и назначены лучшія силы: Звиницкій, Штоморъ, Мартино, Коловичъ и ваши прежніе Татищевъ и Стражинскій.

— Я хотѣлъ было просить о Бѣльскомъ и Дубровинѣ.

— Съ кѣмъ же я останусь?—вспыхнулъ Елецкій.

Черезъ недѣлю Елецкій и Кольцовъ выѣхали въ Петербургъ.

Докладъ сошелъ благополучно и, сверхъ ожиданія, былъ встрѣченъ очень милостиво. Радіусъ 150, излюбленное дѣтище Кольцова, пришелся какъ нельзя кстати.

Въ Петербургѣ въ высшихъ служебныхъ сферахъ уже былъ возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи радіуса.

На сожалѣніе предсѣдателя временнаго управленія о томъ, что не употребленъ при изысканіяхъ радіусъ 150, Елецкій съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Я привезъ варіантъ съ радіусомъ 150.

Передавая объ этомъ Кольцову, Елецкій сказалъ:

— Вотъ и толкуйте съ ними. Въ прошломъ году на засѣданіи мое предложеніе на счетъ радіуса было единогласно отвергнуто, а въ этомъ году они готовы меня же упрекнуть за то, что я не ввелъ его!

И, помолчавъ, пренебрежительно бросилъ:

— Флюгера!

Н. Гаринъ.

Исторія юной Ренаты Фуксѣ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Тревога, владѣвшая Ренатой, заставляла ее проводить много времени въ гостяхъ и, вообще, жить такъ, чтобы не быть вынужденной оставаться одной. Среди подругъ, которыхъ она навѣщала, была Елена Брозамъ, жена врача, съ которой она познакомилась годъ тому назадъ на маскарадномъ балу въ Одеонѣ. Къ ней она пошла сегодня, въ свѣтлый, почти радостный день, въ первыхъ числахъ октября. Она хотѣла поболтать часокъ или, вѣрнѣе, послушать болтовню Елены Брозамъ—гибкой, остроумной женщины съ кошачьими манерами.

— Я давно не видѣла васъ,—сказала Елена, усаживаясь въ кресло и болтая ногами, не достававшими до земли.

— Какъ-же вы поживаете?—спросила Рената, нѣсколько смущенная испытующимъ взглядомъ подруги.

— Такъ себѣ. Но вы, должно быть, страшно счастливы. Герцогъ! Это то, о чемъ мечтаешь въ школѣ.

Рената сдѣлала едва замѣтную гримасу.

— Что подѣлываетъ ваша малютка?—спросила она.—По-прежнему весела?

— Она теперь играетъ съ мальчиками во дворѣ. Жаль, что мужа нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Брукъ. Тамъ у него болѣзная.

— Вы, вѣроятно, очень счастливы?—спросила Рената, не въ силахъ преодолѣть своего любопытства и страха передъ будущимъ.

Елена сильнѣе заболтала ногами и прищурила глаза.

— Счастлива?.. Счастлива только сосиска на сковородкѣ. Да и то сомнительно.

— Я хочу сказать—счастливы въ бракѣ...

— Въ бракѣ?—Елена съ ядовитой гримасой вытянула губы и тихонько засвистала.—Иногда это очень мило. Особенно вначалѣ. Потомъ часто тоже бываетъ очень недурно, но безъ господина супруга. Въ общемъ не могу рекомендовать сіе предпріятіе.

Рената испуганно взглянула на портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. Это былъ докторъ Брозамъ, красивый мужчина. Лобъ и прическа были похожи на лобъ и прическу Ансельма Вандерера, такъ ей, по крайней мѣрѣ, показалось.

— Главное,—продолжала Елена, съ комичной важностью морща лобъ,—это имѣть двѣ спальни. У васъ это само собой разумѣется. Но когда выходишь замужъ за доктора... Мужчина ужасенъ, когда не считаетъ нужнымъ стѣсняться.

Рената покраснѣла и засмѣялась. Въ душѣ ея было еще большее смѣненіе, чѣмъ всегда.

— Скажите мнѣ,—начала она опять,—вы знали все, что вашъ мужъ пережилъ до васъ?

Елена Брозамъ бросила на Ренату бѣглый взглядъ пониманія. Затѣмъ она засмѣялась дѣланнымъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— Не стоитъ къ этому относиться такъ серьезно. Жизнь грязна. Мужчины не чище. Мы же существуемъ не для того, чтобы устраивать генеральную стирку.

Чтобы показать свое равнодушіе, она вытаращила глаза, какъ клоунъ, и принялась облизывать кусочекъ папирсной бумаги. Когда онъ сталъ совершенно мокрымъ, она приклеила его къ носу въ видѣ флага, съ кокетливой торжественностью поглядѣлась въ зеркало и засмѣялась. При этомъ она не переставала болтать ногами. Въ этотъ моментъ въ комнату влетѣла ея маленькая дочь и стремительно бросилась на шею матери. Ренатѣ она подала руку, какъ старой пріятельницѣ, и съ важнымъ видомъ рассказала, что встрѣтила господина Гудстиккера, который идетъ сюда.

— Это тотъ знаменитый?—спросила Рената.

— Да. Стефанъ Гудстиккеръ.

— Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ нимъ.

— Пожалуйста. Онъ подарилъ Маріаннѣ дѣтскую книгу и сдѣлалъ на ней надпись.

Въ книгѣ, которую показала Маріанна, было написано: „Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ, чтобъ всѣ страданія твои осмыслить и понять лишь тамъ“.

Рената прочла это два раза. Она не думала оставаться

здѣсь долго, потому что въ эти дни многое тяготѣло надъ нею. Эти визиты она должна была дѣлать тайкомъ, и ей приходилось урывать нужное для этого время. Герцогъ былъ недоволенъ ея разнообразными знакомствами, хотя и самъ не былъ чопоренъ. Но онъ не хотѣлъ окончательно порывать съ дворомъ. Сегодня у него во дворцѣ назначенъ былъ большой вечеръ: мать и нѣкоторые родственники согласились познакомиться съ невѣстой. Это согласіе произвело на Ренату странное впечатлѣніе: ея сдержанность исчезла, и она засмѣялась. Фрау Фуксъ сказала:

— Ну, Рената, это же замѣчательно, что ты смѣешься. Я не нахожу въ этомъ ничего смѣшного. Въ концѣ концовъ мы же подданные, да.

„Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ, чтобъ все страданія твои осмыслить и понять лишь тамъ“. Она хотѣла познакомиться съ человѣкомъ, который написалъ это; поэтому она осталась. Все ея существо жаждало совѣта, отгадки, объясненія. Она не понимала, отчего страдаетъ.

II.

Раздался энергичный, короткій звонокъ.

— Такъ звонятъ только знаменитости,—пояснила Елена Брозамъ и выслала дѣвочку изъ комнаты. Сердце Ренаты забилось.

Дверь распахнулась, и Стефанъ Гудстиккеръ вошелъ съ миной чрезвычайно занятого человѣка. Онъ провелъ рукой по густымъ волнистымъ волосамъ, смахнулъ пылинку съ манжеты и быстро направился къ хозяйкѣ. Ему было лѣтъ сорокъ. Если о комъ-либо можно сказать, что онъ сіяетъ важностью, то именно о немъ. Черные волосы, изящная черная борода, маленькій ротъ, беспокойные глаза, граціозно сидящее пенсне — все это дышало важностью. Онъ рѣдко улыбался, да и то нѣсколько официальной улыбкой. Ему некогда было улыбаться.

— Стефанъ Гудстиккеръ—фрейлейнъ Рената Фуксъ,—Елена Брозамъ представила ихъ другъ другу очень торжественно. Въ манерахъ Гудстиккера сейчасъ же появилось что-то деликатное и понимающее, какъ будто онъ не совсѣмъ одобрялъ пресловутый бракъ, но и не могъ его окончательно осудить.

— Надъ чѣмъ вы теперь работаете? — спросила фрау Елена.—Какую сторону общественной жизни вы готовитесь разнести?

Гудстиккеръ наклонилъ голову на бокъ.

— Я работаю надъ романомъ, посвященнымъ женщинѣ,—сказалъ онъ съ усталой важностью, разыгрывая равнодушіе.

Рената вся превратилась въ слухъ.

— По моему мнѣнію, теперешнее положеніе женщины не выдерживаетъ критики. Одаренныя женщины теряютъ себя, бездарныя гибнутъ. Всюду раздается крикъ объ освобожденіи отъ социальнаго или личнаго гнета. Однѣ хотятъ стать мужчинами, не понимаютъ своихъ силъ... Вы позволите мнѣ закурить? Другія доходятъ до совершеннаго отрицанія тѣла. Однѣ презираютъ мужчинъ, другія требуютъ отъ нихъ сверхчеловѣческаго. И все-таки книга будетъ уничтожающимъ обвиненіемъ именно противъ мужчинъ.

— Значить, все-таки что-то уничтожающее,—сказала Елена. Рената бросила на нее умоляющій взглядъ.

— Какъ вы назовете книгу?—спросила она, блѣдная отъ горячаго интереса къ словамъ Гудстиккера.

— „Конецъ Вероники“. Заглавіе говорить не очень много. Книга вызоветъ колоссальный шумъ,—Гудстиккеръ сдвинулъ брови и закусилъ нижнюю губу, дѣлая видъ, что напряженно думаетъ. Въ продолженіе всего разговора онъ сидѣлъ, небрежно закинувъ ногу за ногу и глядя вдаль широко раскрытыми глазами.

— Скажите мнѣ только одно,—начала Рената, поворачиваясь къ нему и дѣлая умоляющее движеніе рукой,—скажите: неужели это неизбежно, что тысячи женщинъ должны гибнуть, чтобы мы могли оставаться порядочными?

Она говорила, запинаясь, и щеки ея пылали; увидя дѣйствіе своихъ словъ, она покраснѣла еще сильнѣе. Елена неодобрительно покачала головой и принялась играть искусственной розой, лежавшей на столикѣ подъ зеркаломъ. Гудстиккеръ упорно смотрѣлъ на свои колѣни и поднималъ кверху то одинъ, то другой уголь рта. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ быстро и съ силой провелъ рукой по волосамъ, многозначительно улыбнулся, выпрямился и обтянулъ жилетъ, опять нагнулся впередъ, подперъ голову рукой, медленно и торжественно выпустилъ дымъ изъ папиросы и началъ:

— Лѣтъ тринадцать-четырнадцать тому назадъ я зналъ у себя на родинѣ—я изъ Франконіи—одного замѣчательнаго молодого человѣка. Его звали Агатонъ Гейеръ. Это былъ, надо вамъ знать, мечтатель, изъ тѣхъ, что стремятся исправить міръ. Я какъ-то пытался использовать эту фигуру для драмы, такъ, знаете, въ духъ Фауста. Но это мнѣ не удастся. Моя область—романъ. Словомъ, этотъ Агатонъ Гейеръ—я не хочу быть многословнымъ—хотѣлъ, между прочимъ, реформировать и ту область, на которую вы указываете. Онъ же-

нился на падшей дѣвушкѣ (чтобы подать примѣръ), но изъ этого не вышло ничего хорошаго. Жизнь сильнѣе всякихъ пророковъ. Сумасшедшій парень этотъ Гейеръ,—всего то ему тогда было лѣтъ двадцать,—но я почти сказалъ бы гениальный. Между прочимъ, онъ еврей, немножко съ мессіанскими наклонностями, благороднѣйшій типъ, понимаете-ли. Впослѣдствіи онъ вдругъ куда-то исчезъ. Да такъ вотъ, изъ реформаторства обыкновенно ничего не выходитъ. Намъ приходится ограничиться наблюденіемъ. На огромный механизмъ жизни мы не имѣемъ никакого вліянія.

Онъ замолчалъ. Эта пауза была рассчитана на эффектъ, но ожидаемаго дѣйствія не послѣдовало. Его разсказъ показался ему немного лишнимъ.

Но на Ренату онъ произвелъ впечатлѣніе. Выйдя изъ задумчивости, она сказала:

— Я думаю, покой можно найти только тогда, когда увидишь всю эту дикую комедію. Иначе живешь безъ глазъ и ушей. Чѣмъ жить всегда въ страхѣ, какъ бы не упасть въ глубокую яму, лучше совсѣмъ не жить. Я думаю, что тотъ, кто не видитъ безобразнаго, не можетъ ничего знать и о прекрасномъ. Развѣ не такъ, скажите сами?

Она перевела взглядъ отъ одного къ другому, потомъ вдругъ опустила глаза и робко улыбнулась. Гудстиккеръ внимательно смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на рѣдкую вазу. Но и Еленѣ слова подруги показались странными. Она схватила руку Ренаты и сжала ее съ несвойственной ей сердечностью.

— Не знаю, у меня здоровая натура,—сказалъ Гудстиккеръ,—я сынъ крестьянина, можетъ быть, это оттого: этотъ страстный интересъ къ вопросамъ морали, несомнѣнно, признакъ дегенерации.

Рената, смущенная и подавленная, встала, бѣгло простилась съ Еленой, серьезно и тепло пожала Гудстиккеру руку и ушла. Когда дверь закрылась, Гудстиккеръ прислушался, подошелъ къ Еленѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Лицо Елены осталось неподвижнымъ.—Она кокетничала со мной,—серьезно сказалъ Гудстиккеръ.

Рената, тяжело дыша, стояла у подъѣзда и размышляла, поѣхать ли ей или пойти пѣшкомъ. Передъ ней возвышалось дивное зданіе академіи, а надъ нимъ разстилалось покрытое причудливыми облаками предвечернее небо.

III.

Она рѣшила идти пѣшкомъ, хотя времени было мало. Туалетъ для вечера долженъ былъ отнять два часа. Она велѣла кучеру ѣхать домой, и непреодолимое желаніе поступить по своему заставило ее пойти по противоположному направленію. Она прошла три-четыре улицы и очутилась передъ Старой Пинакотекой. Она немного поколебалась, затѣмъ вошла въ картинную галерею. Даже если тамъ окажутся знакомые, никто не сможетъ подумать ничего плохого. Она успокоилась и поднялась по широкимъ ступенямъ.

Въ третьемъ залѣ, въ самомъ дѣлѣ, бродилъ Вандереръ. Она не притворялась изумленной и спокойно ждала, чтобы онъ подошелъ къ ней.—Я хотѣла только посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ вы бываете здѣсь каждое послѣобѣда,—улыбаясь, сказала она.—Я проходила мимо и подумала о васъ.

Вандереръ былъ смущенъ и старался скрыть это. Въ рукахъ у него была книга; онъ захлопнулъ ее и сказалъ, чтобы только что-нибудь сказать:—Вы пришли поздно. Сейчасъ закроютъ.

Она почувствовала, что должна объяснить свой приходъ.

— Да. Я уже давно хотѣла опять повидать Саскію ванъ Эйленборхъ. Кто знаетъ, когда мнѣ опять удастся сдѣлать это. Развѣ уже такъ поздно?

— Три четверти пятого. Уже темно. Здѣсь больше нѣтъ ни души.

Въ самомъ дѣлѣ, вся анфилада залъ какъ будто вымерла. Было такъ тихо, что слышенъ былъ звонъ колокольчиковъ, которыми увѣшаны лошади на конкахъ.

Въ Ренатѣ вспыхнуло огорченіе и гнѣвъ на холодность молодого человѣка, котораго она въ самомъ дѣлѣ искала. Молча шла она рядомъ съ нимъ по гулкимъ заламъ, и мимо нея, не замѣчаемая ею, тянулись картина за картиной: герои и дѣти, животныя и пейзажи, жанры и *nature-morte*, то въ яркихъ, то въ темныхъ краскахъ.

— Вы понимаете, почему я люблю бывать здѣсь?—спросилъ, наконецъ, Ансельмъ Вандереръ.—Здѣсь я въ самомъ лучшемъ обществѣ и въ то же время могу мечтать молча, сколько хочу, и совершенно не обязанъ говорить.

— Развѣ вы такъ не любите говорить?

— Очень не люблю. Молчать гораздо лучше.

— Молодые люди такъ тщеславны,—отвѣтила Рената, качая головой.—Вѣдь это тоже только тщеславіе.

— Нѣтъ, иногда это бываетъ забавно. Забавно, какъ

люди становятся не спокойны, когда кто-нибудь молчитъ. Они сейчасъ подозрѣваютъ въ немъ что-то опасное.

— Да?

Это радостно-вопросительное „да“ было восхитительно въ ней. Онъ кивнулъ головой и, чувствуя себя поощреннымъ, сказалъ:

— Но какъ только начинаешь говорить, все потеряно. Они облегченно вздыхаютъ и мысленно уже говорятъ тебѣ ты. Когда я былъ ребенкомъ, въ нашемъ домѣ жилъ глухонѣмой, безобидный, красивый человѣкъ. Но мнѣ онъ внушалъ страхъ.

— Это правда,—подтвердила Рената. Вдругъ она стремительно схватила его руку и молча указала на висѣвшую въ углу картину. Это была „Саскiя“ Рембрандта, которая, по странной случайности, висѣла какъ разъ въ огненныхъ лучахъ заходящаго солнца. Вечерняя заря на полотнѣ, казалось, сливалось съ дѣйствительнымъ заревомъ заката. Мать и дитя на ея рукахъ плавали въ солнечномъ багрянцѣ.

Вандереръ ничего не сказалъ, и Рената была ему благодарна за это. Она чувствовала себя объятаю спокойствiемъ, которое было ново для нея. Она медленно опустила глаза въ землю и задумалась.

Но было пора уходить.

— Можно мнѣ проводить васъ?—спросилъ Вандереръ немного неувѣренно.

Она вздрогнула, какъ будто пробудившись отъ сна, и отвѣтила утвердительно, какъ ему показалось, не безъ тайнаго задора.

Когда они подошли къ обелиску, уже смеркалось. Мимо нихъ прошли двое молодыхъ людей, они вѣжливо поклонились. Рената вздрогнула. Ее охватило волненiе, причины котораго она не понимала.

— Кто это?—спросила она.

Это былъ Давиль, блѣдный студентъ съ нахально-скромной улыбкой и съ нимъ еще кто-то незнакомый. Чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ медленнѣе шла Рената: то, что ее ожидало дома, казалось ей все болѣе гадкимъ и унижительнымъ. Она говорила о голосѣ какой-то пѣвицы, а въ душѣ у нея звучало: неужели никто не видитъ, что я страдаю? Когда они подошли къ дворцовому саду, гдѣ подлѣ развалинъ казармы грохочетъ подземный ручей, Рената остановилась и сказала:

— Если бы теперь кто-нибудь взялъ меня и унесъ въ Австралію, я не знаю, какъ я была бы ему благодарна.

Вандереръ мгновеніе серьезно смотрѣлъ въ ея торжественно блестящiе глаза. Глубокая невинность, съ которой

она сказала это, не допускала фразъ, быть можетъ, даже отвѣта. Онъ показался себѣ безсильнымъ мальчикомъ. Все-таки онъ сказалъ:

— Вы должны когда-нибудь все рассказать мнѣ. Хотите?

Она отвѣтила только смѣхомъ, смѣшаннымъ со вздохами.

— Развѣ этого нельзя сказать?

— Нѣтъ.

— Но я *все-таки* знаю это. Съ сегодняшняго дня я знаю все. Какъ комично, что вотъ теперь я провожаю васъ, а черезъ нѣсколько недѣль вы не захотите меня знать.

— Да, черезъ нѣсколько недѣль,—машинально повторила Рената.—Она шла все быстрее, потому что ея послѣдніе поступки, которые она совершила какъ будто въ тяжеломъ снѣ, напояли ее страхомъ. Черезъ пять минутъ она уже была у воротъ виллы, передъ которыми стоялъ въ ожиданіи озабоченный лакей.

IV.

— Ну, Рената, я должна тебѣ сказать, ничего подобнаго со мной еще не случалось. Ты въ своемъ умѣ? Какъ ты хочешь успѣть одѣться за одинъ часъ?

— Я не иду на вечеръ,—возразила Рената и въ отвѣтъ на испуганное, оцѣпенѣлое молчаніе матери прибавила почти изъ состраданія:—Я нездорова.

Лони и Марта стояли блѣдныя, какъ лиліи, съ широко-открытыми глазами.—Да, я нездорова,—повторила Рената.

Лицо старой дамы посырѣло. Рената сняла шляпу и жакетъ и легла на кушетку, не обращая вниманія на обезпеченныхъ мать и сестру.

— Что съ тобой, Рената? Ты устала? У тебя голова болить? Не позвать ли доктора? Почему нѣтъ? Тебя знобитъ?

Въ герцогскій дворецъ немедленно послали лакея. Если бы я знала, что со мною,—думала Рената. То, что она сказала, не было ни отговоркой, ни ложью. Ею овладѣла безконечная тоска. То, что лежало за ней, было мрачно; впереди было только одно: что она могла завтра опять пойти смотрѣть „Саскію“ Рембрандта.

Госпожа Фуксъ успокоилась. Ну, тогда, когда она вышла замужъ за Фукса, тоже бывали непредвидѣнныя случайности. Ими полонъ міръ, въ концѣ концовъ все кончается хорошо. Да. Подъ теплотой такой сговорчивой мудрости ея гнѣвъ растаялъ, и она тяжелой походкой направилась въ спальню переменить нарядное шелковое платье на обыкновенное домашнее. Когда Рената, наконецъ, станетъ герцо-

гинеи, всё эти волненія окончатся, да. По этому поводу она рѣшила разложить сегодня вечеромъ пасьянсъ.

Рената лежала. Справа отъ нея сидѣла Лони, слѣва Марта. Рената молчала, но сестры не переставали болтать.— Бѣлокурый лейтенантъ шелъ за тобой до самаго дома?— Не совсѣмъ, только до моста.— Я недавно видѣла его. Его усы становятся все длиннѣе.— Онъ поклонился тебѣ? Мнѣ онъ всегда кланяется.— Знаешь, кого онъ мнѣ напоминаетъ? Ассесора въ „Современныхъ женщинахъ“...— Тсс... мама услышитъ.— Я такъ хорошо спрятала книгу.— Страшно интересно.— Да, ужасно. Замѣчаетъ ли графиня, что онъ ее обманываетъ?— Ты уже дошла до этого? Значить, онъ ее въ самомъ дѣлѣ обманываетъ? Онъ былъ мнѣ съ самаго начала подозрителенъ.— Кончается все хорошо. Я уже посмотрѣла конецъ.— Страшно реально написано.

У Ренаты похолодѣло на душѣ отъ этого разговора. Она вся ушла въ неопредѣленные представленія. Ей вспоминались прекрасные южные пейзажи, выраженіе лица ребенка на картинѣ Рембрандта; въ концѣ концовъ всплыло стихотвореніе: Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ... Въ первомъ этажѣ захлопнулась дверь. Пришла служанка и принесла углей для камина. На улицѣ раздался тихій свистъ; онъ повторялся съ короткими промежутками, постепенно удаляясь и замирая. Лони рассказывала о первомъ любовникѣ придворнаго театра, красивомъ мужчинѣ. Рената съ мученіемъ наблюдала глубокую прозаичность, лѣниво глядѣвшую изъ всѣхъ угловъ.

Пришла фрау Фуксъ съ письмомъ, которое только что принесъ почтальонъ.

— Ну, дѣти, послушайте, что мнѣ пишетъ Фуксъ. Вашъ отецъ рѣшилъ преобразовать здѣшнюю фабрику въ акціонерное общество. Хорошая идея. Фуксъ всегда умѣлъ пользоваться моментомъ. Затѣмъ онъ хочетъ купить въ баденскомъ Шварцвальдѣ домъ, виллу или что-нибудь въ этомъ родѣ. Хорошая мысль, да. Первое собраніе акціонеровъ будетъ уже на слѣдующей недѣлѣ. Онъ пріѣдетъ на-дняхъ.

Сестры были счастливы. Все, что имѣло отношеніе къ путешествію, дѣлало ихъ счастливыми. Затѣмъ фрау Фуксъ сообщила, что скоро Фуксъ получитъ дворянство. Она объявила это торжественно, сложивъ руки и полузакрывъ глаза. Рената медленно приподнялась съ кушетки и подперла голову рукой. Возвращеніе отца взволновало ее, какъ обстоятельство, требующее рѣшеній, но къ какому рѣшенію должно было склониться ея слабое сердце? Она упорно смотрѣла въ вечернюю тьму, проглядывающую между бѣлыми гардинами, и думала о бѣгствѣ. Это было какъ будто безуміе.

Комната казалась ей тюрьмой. Главное было думать объ освобожденіи.

Пріѣхалъ лакей съ письмомъ отъ герцога: „Милая Рената, ты причинила мнѣ большую непріятность своимъ загадочнымъ нездоровьемъ. Я просто не знаю, что дѣлать. Поправить это, конечно, невозможно, я сейчасъ не могу придти, черезъ часъ я пришлю камердинера, а завтра утромъ заѣду самъ. Непріятная исторія. Рудольфъ“.

Безумная, счастливая улыбка промелькнула на лицѣ Ренаты; она порывисто встала.

— Я иду къ себѣ,—сказала она,—спокойной ночи.

— Уже? — изумленно спросила фрау Фуксъ. — Ну, ты права, Рената. Сонъ излѣчиваетъ. Спокойной ночи, дитя мое.

Наверху она торопливо одѣлась, набросила на себя шаль, проскользнула внизъ по лѣстницѣ, въ сѣни, въ которыхъ было уже темно (фрау Фуксъ умѣла экономить на освѣщеніи), но такъ какъ послышался шорохъ въ гостиной и скрипъ какой-то двери, она быстро бросилась наверхъ. Она заперла снаружи свою комнату и взяла ключъ съ собой. Она прислушалась съ бьющимся сердцемъ, спустилась внизъ ступенька за ступенькой, открыла входную дверь, еще разъ прислушалась, услышала въ кухнѣ пѣніе дѣвушекъ и лакея и быстро вышла.

Садовая калитка была уже заперта. Она гнѣвно закусилла губы. Взволнованная, точно передъ поступкомъ, который долженъ былъ рѣшить всю ея жизнь, ходила она взадъ и впередъ. Затѣмъ она вспомнила про маленькую дверцу у бесѣдки. Она часто бранила лакея за то, что онъ оставлялъ дверь открытой. Теперь ей это пригодилось: ручка поддавалась давленію ея руки.

Вѣтеръ ударилъ ей въ лицо и распахнулъ черную шаль. Ночь была мрачна. Вѣтеръ и тучи заключили союзъ противъ мѣсяца, усыпанная пескомъ дорога къ воздвигнутому недавно памятнику мира едва видѣлась, но городъ въ глубинѣ съ разбросанными въ своеобразномъ порядкѣ огнями былъ хорошимъ путеводителемъ. Рената быстро шла, не сознавая ясно, чего хотѣла.

V.

Дворецъ герцога былъ длинное зданіе изъ краснаго кирпича въ два корпуса. Идти туда пришлось долго. Рената не встрѣчала почти никого, и привычный страхъ передъ улицей ночью мало-по-малу разсѣялся.

Всѣ окна были освѣщены. Передъ подъѣздомъ стояли

два конныхъ жандарма съ заспанными лицами. Лошади фыркали и мотали головами. Величественный швейцаръ стоялъ у двери и презрительно измѣрялъ взглядомъ улицу. Нѣсколько любопытныхъ стояли передъ нимъ подъ самымъ огнемъ его презрѣнія. Едва Рената подошла къ нему, какъ онъ сдѣлался значительно выше, и подбородокъ его приблизился къ коньку крыши. Но послѣ первыхъ словъ онъ принялъ опять естественное положеніе. Затѣмъ опустился не только подбородокъ, но и привыкшій къ величію затылокъ, а съ нимъ и плечи, которымъ было предназначено носить все зданіе важности, благопристойности и достоинства. Отъ изумленія и растерянности ноги сохранили свое непохитительное растопыренное положеніе.

Съ этого момента все казалось видѣніемъ смятеннаго сердца. Глухая, мрачная комната мезонина; прикрученное пламя газоваго рожка, мебель, обитая тканью цвѣта плѣсени; слуга, появляющійся и исчезающій; Рената сама, думающая о своемъ положеніи такъ, какъ будто читаетъ книгу; твердые (не слишкомъ поспѣшные) шаги; герцогъ, останавливающійся у двери; тишина комнаты, чувствующаяся теперь вдвойнѣ отчетливо; недовольный и изумленный голосъ, доносящійся какъ будто откуда-то издали; слова: странныя фантазіи, толки, которые надо заглушить въ зародышѣ, и затѣмъ отчетливѣе:

— Зачѣмъ ты сказалась больной, Рената? Для чего это безуміе? Послѣ этого шага я принужденъ предложить тебѣ отправиться на нѣсколько недѣль къ моей матери въ замокъ Гизингенъ.

— Я не знаю. Я хотѣла хоть одинъ часъ чувствовать себя свободной. Сдѣлать что-нибудь свободно, по своей волѣ. И я хотѣла видѣть,—здѣсь голосъ ея сталъ едва слышенъ,—можешь ли ты понять меня. Но ты не можешь.

— Что сказать тебѣ на это, Рената. Я не изъ хранителей этикета. Но извѣстныя вещи необходимы, чтобы можно было мирно жить въ обществѣ. Моему титулу я придаю мало значенія. Моимъ идеаломъ было всегда жениться на дѣвушкѣ изъ буржуазныхъ круговъ, обновить кровь. Ты превзошла мои надежды.

Чья-то рука гладитъ Ренату по головѣ. Ренату мучить сознаніе ненужности, фантастичности ея ночного бѣгства. Потому что вѣдь ничего не произошло. Въ сущности все остается такимъ же, какъ и прежде.

Рената говоритъ, и кажется, что комната темнѣетъ передъ ея опущенными вѣками.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я горда и боюсь, что

ко мнѣ снисходятъ. Но я горда еще гораздо болѣе. Я этого совѣмъ не боюсь.

Герцогъ безпокойно смѣется, смотреть на дверь, прислушиваясь, бормочетъ что-то о пивейцарѣ и лакеѣ, которымъ нужно велѣть молчать. Онъ кажется себѣ безцильнымъ передъ молодой дѣвушкой, которая растетъ въ его глазахъ, потому что онъ перестаетъ ее понимать. Онъ хочетъ заключить Ренату въ объятія. Рената дѣлаетъ испуганное движеніе. Она удерживаетъ его взглядомъ. Она испытываетъ гнетущее чувство, что все, чего касаются ея робкія руки, становится противнымъ, отвратительнымъ.

— Ты мнѣ дороже всѣхъ женщинъ въ мірѣ, — слышитъ она какъ будто сквозь стѣну. Она ожесточена и отвѣчаетъ, въ жаждѣ хоть одного правдиваго слова:

— Я не могу, я чувствую что-то, что внушаетъ мнѣ ужасъ. — Она кладетъ лицо на подушку и не двигается. Герцогъ блѣдный, какъ мѣль, не спрашиваетъ. Онъ понимаетъ ее невѣрно. Вопросъ и отвѣтъ кажутся ему опасными, потому что онъ смотритъ въ хаосъ *прошлаго*. И высказанное дѣлаетъ Ренату болѣе желанной. Она кажется герцогиней, а онъ вознесеннымъ до нея женихомъ.

Герцогъ плотно укутываетъ ее, приказываетъ подать экипажъ къ боковымъ воротамъ и ведетъ ее туда. Онъ обѣщаетъ себѣ разъяснить все завтра, цѣлуетъ ея руку, отдаетъ приказаніе кучеру, лошади мчатся. Ночь темна вдвойнѣ, голые прутья кустовъ близки вдвойнѣ. Экипажъ останавливается въ двадцати шагахъ отъ дома.

Незамѣченная она проскользнула въ свою комнату. Она бросается одѣтая, не погасивъ лампы, въ постель и удивляется, что никто въ домѣ не слышалъ ея. Пережитое кажется ей невѣроятнымъ. Она слышитъ, какъ служанки, хихикая и шая, пробираются въ мансарды.

VI.

„Уважаемая фрейлейнъ Рената, хотя я знаю, что дѣлаю этимъ письмомъ, я все-же долженъ написать его. Есть вещи, которыя дѣлаешь безъ участія воли. Я не хочу оскорбить Васъ тѣмъ, что пишу теперь. Ничто не можетъ для меня быть болѣе ужаснымъ, чѣмъ знать, что я оскорбилъ Васъ. Вы не должны сердиться на меня и за то, что я рѣшился написать Вамъ. Содержаніе убѣдитъ Васъ, что этого никогда больше не будетъ. Вчера Вы сказали, что, можетъ быть, придете еще разъ посмотрѣть на „Саскію“; Вы хотѣли также посмотрѣть со мной и другія картины и поговорить

со мной о нихъ. Но это невозможно. Какъ-бы я этого ни хотѣлъ, я не могу больше придти. Всего того, что заключается въ этой фразѣ, тяжелаго для меня, оскорбительнаго для Васъ, — я не могу объяснить Вамъ. Я скоро уѣду, потому что, какъ я понялъ, остаться было-бы для меня гибелью. Но зачѣмъ надоѣдать Вамъ загадками? Это можетъ показаться дерзкимъ. Съ другой стороны, не въ моей власти скрыть то, что такъ внезапно нахлынуло на меня. Быть можетъ, это объясненіе смягчитъ Васъ. Позвольте мнѣ пожелать Вамъ всего хорошаго въ Вашей будущей жизни. — Ансельмъ Вандереръ“.

Въ комнату впрорхнула Лони:

— Погода чудесная, мы ѣдемъ кататься верхомъ. Поѣдешь, Рената? Ты не должна сегодня уединяться, какъ дѣлаешь всегда.

— Конечно, я поѣду, — отвѣтила Рената съ такой счастливой улыбкой, что сестра остолбенѣла.

— Что это за письмо ты получила, Рената? Мама говоритъ, что это неприлично, что ты получаешь письма. Ну, скорѣй переодѣвайся, погода чудная.

Полчаса спустя Рената сидѣла на своемъ ворономъ конѣ, сестры на сѣрыхъ за ней, сзади лакей.

Поля лежали, словно дитя въ первомъ снѣ: благоухающія и свѣжія. Глаза Ренаты сверкали, она нетерпѣливо прищипорила коня, который унесъ свою легкую ношу съ быстротой вѣтра. Сестры были въ безумномъ страхѣ. Но онѣ едва могли видѣть и говорить. Глаза горѣли отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, заливавшаго зеленую гладь рѣки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Сказавъ Ренатѣ, что онъ нашелъ мѣсто для Эльвины Симонъ, Ансельмъ Вандереръ солгалъ. Теперь онъ постарался сдѣлать эту ложь правдой. Эта ненужная ложь была въ высшей степени характерна для него. Онъ могъ солгать изъ чистой жалости или для того, чтобы возбудить интересъ къ себѣ, или даже просто безъ всякой цѣли. Чтобы нравиться, онъ могъ высмѣивать себя самого, могъ хвастать приключеніями, передъ которыми въ глубинѣ души испытывалъ ужасъ. Не задѣвать другихъ, чтобы не быть задѣтымъ самому, скорѣе прихвастнуть, чѣмъ показаться скучнымъ, и при всемъ томъ не умѣть скрыть этой двойственности отъ зор-
Фсвраль. Отдѣлъ I.

каго наблюдателя — таковъ былъ Вандереръ въ общеніи съ людьми. Наединѣ-же — желчный философъ, играющій остроумными мыслями, или флегматичный мечтатель со склонностью придавить своимъ мечтамъ то же изящество, что и своему платью.

Найти квартиру Эльвины Симонъ было нетрудно. На порогъ его встрѣтила своднической усмѣшкой какая-то старуха и ввела его въ комнату, въ которой царилъ запахъ заплесневѣлаго бѣлья. Дѣвушка вошла такъ, какъ будто ее толкнули, едва подняла на него глаза и сейчасъ-же начала машинально развязывать юбки. — Нѣтъ, нѣтъ, — удержалъ ее Вандереръ, слегка касаясь ея рукъ. Она недоумѣвая, съ холодной ненавистью взглянула на него. Болѣе жалкаго зрѣлища, чѣмъ ея безпомощное, покорное лицо Вандереръ не могъ себѣ представить. Онъ объяснилъ ей въ нѣсколькихъ блѣдныхъ словахъ, чего хотѣлъ. Эльвина разразилась деревяннымъ смѣхомъ, какъ будто ей сказали, что она дочь короля. Но когда молодой человѣкъ упомянулъ имя Ренаты, она задрожала и растерянно обвела взглядомъ комнату. Онъ назвалъ ее „фрейлейнъ“, и она отшатнулась отъ него, какъ будто хотѣла оправдать этотъ титулъ большимъ разстояніемъ. Своимъ жалобнымъ, усталымъ голосомъ она сообщила, сколько должна хозяйкѣ, и въ заключеніе прибавила:

- Я не могу этого понять.
- Чего вы не можете понять?
- Что теперь будетъ иначе.

Ея лицо ожило, потеряло свою безучастность.

Вандереръ еще раньше нанялъ дешевую комнатку; внизу уже стоялъ носильщикъ, чтобы отнести туда вещи Эльвины. Вандереръ позвалъ хозяйку и положилъ на столъ деньги — долгъ Эльвины. Старуха вытерла руки и довольно хмыкнула. Но ея морщинистое лицо не потеряло злобнаго выраженія. Она оскалила зубы, раздвинувъ толстыя, похожія на подушки губы, и, желая быть добродушной, сдѣлала наглый намекъ относительно будущаго Эльвины. Дѣвушка стояла, прерывисто дыша; ей все еще не вѣрилось; казалось, ея сковывали воспоминанія, и она не понимала новаго, какъ внезапно проснувшійся человѣкъ не понимаетъ, гдѣ онъ находится.

Вандереръ взялъ ее за руку, но она вырвалась. На улицѣ онъ сказалъ ей, что далъ объявленія въ газеты, чтобы найти ей мѣсто. Онъ обращался съ ней ласково; ему казалось трогательнымъ, какъ она смѣнила рядомъ съ нимъ стараясь приворовиться къ его шагамъ. На новой квартирѣ ее ждалъ сюрпризъ. На постели лежало темно-коричнево-

платье съ большими бѣлыми полосами. Оно не отличалось изяществомъ, но Эльвина нѣжно провела по нему рукой. Вандереръ ждалъ внизу; онъ попросилъ ее сейчасъ-же надѣть новое платье и пойти вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать нѣсколько покупокъ. Все это дѣлалось якобы по порученію Ренаты.

— Я не знаю, чѣмъ мнѣ заслужить все это, — боязливо сказала Эльвина. Но сознаніе, что она уже не одна, что о ней заботятся, согрѣло ее, и она стала довѣрчива.

Они ходили по городу все послѣобѣда, занимаясь мелочами и откладывая болѣе важное. Эльвина устала; это проявлялось у нея въ томъ, что она говорила больше обыкновеннаго. Ея худое личико покраснѣлось, и когда солнце заходило, она стояла на мосту и смотрѣла такъ, какъ будто никогда не видѣла солнца. „Ахъ, какая зеленая вода!“ говорила она, или: „Ахъ, какое чудное небо!“ Когда Вандереръ смѣялся, она сейчасъ-же умолкала. Ей правилось все въ немъ, за исключеніемъ глазъ. Онъ со своей стороны находилъ, что она словно чудомъ осталась неиспорченной и наивной, какъ будто ея душа до слѣдующаго дня хранилась въ неогоремомъ шкафу.

Купленные вещи были отосланы на квартиру Эльвины. По счастливой случайности Вандереръ встрѣтилъ одного фабриканта, съ которымъ онъ и его братъ были въ дружескихъ отношеніяхъ. Его звали Давиль, онъ былъ отцомъ блѣднаго студента. На просьбу Вандерера относительно мѣста фабрикантъ отвѣтилъ, что ему нужна честная дѣвушка на мѣсто кассирши. Оно должна быть настолько понятлива, чтобы научиться справляться съ пишущей машиной новой системы, въ изобрѣтеніи которой онъ самъ принимаетъ участіе. Ансельму достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы расположить Давиля въ пользу Эльвины. Ближайшее прошлое осталось тайной, а видъ Эльвины внушалъ довѣріе. Неожиданная перемѣна ошеломила ее и отняла у нея языкъ. На Давиля она произвела впечатлѣніе, котораго онъ не могъ опредѣлить, но которое заставило его покоситься на дѣвушку съ комичнымъ благоволеніемъ. Вообще-же онъ держалъ себя божественно.

Такъ прошло время до шести часовъ,—до вечера. Вандереръ пошелъ съ Эльвиной въ театръ и купилъ два билета „на Фиделію“. Эльвина созналась, что еще никогда не была въ театрѣ; она исповѣдалась въ этомъ, какъ въ преступленіи.

Во время представленія онъ былъ занятъ своей спутницей больше, чѣмъ игрой и музыкой. Ему нравилось иногда воображать себя знатокомъ людей, наблюдателемъ.

Когда заиграли увертюру, Эльвина поблѣднѣла, и ея ин-

тересъ къ зданію и людямъ исчезъ. Она устремила въ глубину, гдѣ гремѣлъ оркестръ, долгій неподвижный взглядъ, а когда раздался трубный сигналъ, которымъ начинается торжественная средняя часть, тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, и она, дрожа, нагнулась впередъ. Вандереръ заранее разсказалъ ей въ главныхъ чертахъ содержаніе, и теперь ея бурное сочувствіе взволновало его. Ему казалось, что онъ чувствуетъ трепетъ, пробѣгавшій по ея спинѣ, и съ этимъ связывались чувственные представленія. Когда въ послѣдней сценѣ, въ охваченномъ мертвой тишиной театрѣ опять загремѣли трубы, она, измученная, откинулась на спинку кресла и приложила обѣ руки къ груди, какъ будто боясь смерти.

— Мы поужинаемъ у меня,—объявилъ Вандереръ послѣ театра. Эльвина покорно взглянула на него. Она устало заняла свое мѣсто въ экипажѣ, и Вандереръ съ любопытствомъ смотрѣлъ на ея измученное лицо. Ея глаза блуждали, полны ожиданія; казалось, она потеряла сознаніе того, что съ ней происходитъ.

Два дня спустя произошла встрѣча съ Ренатой въ галереѣ. Этотъ короткій часъ заставилъ Вандерера сдѣлать смотръ своей жизни и міру своихъ мыслей и чувствъ. Когда Рената оставила его, сумерки показались ему богаче красками, небесный сводъ шире и безпредѣльнѣе. Онъ три раза натыкался на людей, но и это не могло вывести его изъ раздумья. Наконецъ, онъ остановился передъ кафе, завсегдаемъ котораго былъ Зюсенгутъ, обыкновенно просиживавшій здѣсь до разсвѣта. Кромѣ него, здѣсь бывали Стиве, Салатчъ, бывший приватъ-доцентъ, человѣкъ очень неряшливаго вида, чернобородый композиторъ по фамиліи Уйбелейзенъ и актеръ Ксиландеръ, братъ Анны Ксиландеръ. Иногда приходилъ и Гудстиккеръ, обыкновенно бывавшій въ болѣе аристократическомъ кафе „Луитпольдъ“.

Вандереръ подсѣлъ къ литератору Герцу и вооружился миной наблюдателя, какъ вооружаются очками. Герцъ, человѣкъ полный граціи и достоинства, нагнулся къ нему такъ, что его животь очутился на столѣ, и спросилъ: „Pardon, господинъ Вандереръ, вы знаете Гизу Шуманъ?“

Вандереръ узналъ, что Гиза сдѣлалась любовницей Зюсенгута. Объ этомъ знали уже всѣ. Самъ Зюсенгутъ относился къ этой связи такъ, какъ будто она была не его личнымъ, а общимъ дѣломъ. Онъ говорилъ о ней, точно пьяный профессоръ психологіи. Вандереръ слушалъ его истерически вдохновенныя рѣчи съ легкимъ стыдомъ. Главный залъ былъ уже пустъ, здѣсь, въ боковой нишѣ, гулко раздавалось каждое слово.

— Послушайте,—эта наивность! Кто не испыталъ этого, тотъ никогда не жилъ. Развѣ-же это не болѣе прекрасно, чѣмъ какое-нибудь явленіе природы? Чѣмъ кратеръ или вулканъ или море? Что мнѣ за дѣло до вашихъ солнечныхъ восходовъ, вашего моря, вашихъ ледниковъ! Мнѣ принадлежать лѣсъ и море, солнце и мѣсяцъ, въ одномъ существѣ на пространствѣ шести квадратныхъ метровъ.

Его руки хватали воздухъ, какъ будто ища какой-то ускользающій предметъ, затѣмъ онѣ застыли въ этомъ жестѣ и опустились внизъ. Лицо его было искажено, каждый мускулъ натянутъ. Онъ продолжалъ:

— Эти таинства дѣвичьей души! Глубокая вѣрность самой себѣ! Онѣ никогда не выходятъ изъ своей роли! Каждая—Душе своей миссіи, высшее проявленіе природы. Узнайте женщину въ ея самыхъ скрытыхъ физическихъ отправленіяхъ и вы поймете ее въ самыхъ таинственныхъ побужденіяхъ ея души. Предохраните ее отъ несваренія желудка и вы защитите ее отъ моральной ошибки. Ибо только въ благодарности принадлежитъ она вамъ вполнѣ. Не переживаю-ли я теперь самое совершенное счастье? Когда утромъ она просыпается и улыбается мнѣ,—это *моя* утренняя молитва. Послушайте, это *моя* прогулка, *мои* занятія, *моя* карьера, *мои* успѣхи. Конечно, это не для Гудстиккеровъ и Марлитъ, для социаль-эстетовъ и коллекціонеровъ. Это для меня и для васъ, для васъ, для васъ!—Онъ возбужденно указывалъ пальцемъ на сидѣвшихъ съ нимъ, потому что тотъ, кто былъ въ его обществѣ, всегда принадлежалъ къ великимъ исключеніямъ,—до тѣхъ поръ пока присутствовалъ. Его лицо стало блѣдно, почти сѣро, шея налилась кровью.

— Удивительно,—сказалъ литераторъ Герцъ, принимаясь опять за свою газету, которая была почти такой-же величины, какъ онъ самъ. Стиве кивнулъ головой и закашлялся. Этимъ онъ часто избавлялъ себя отъ неудобныхъ репликъ.

— Скажите, пожалуйста, какихъ мужчинъ избираютъ даже лучшія женщины? Эксплуататоровъ, пиратовъ, биржевиковъ жизни, мелкихъ дѣльцовъ. Столько любви я даю тебѣ, столько ты долженъ мнѣ. Я отъ жизни хочу только одного: такъ окутать одно единственное существо преданностью, чтобы оно не могло вырваться на свободу. Каждое дѣйствительное счастье—рабство.

— Это правда, объ этомъ я часто думалъ, — замѣтилъ Ксиландеръ съ угодливой улыбкой. Онъ хотѣлъ рассказать какую-то исторію, но не зналъ, съ чего начать. Стиве тщательно разсматривалъ трещины на потолокъ.

Вандерера бросало въ жаръ, когда онъ смотрѣлъ на Зо-

сенгута. — Болтунъ, — думалъ онъ, вспыхивая отъ негодованія. Онъ всталъ и безпокойно зашагалъ между столами. Окна были еще не завѣшаны, и онъ могъ видѣть темную толпу, стремившуюся мимо. Каждая женская фигура, проходившая мимо окна, пугала его. Чѣмъ больше онъ старался отвлечь свои мысли, тѣмъ упорнѣе онѣ возвращались къ одному образу, все къ одному и тому же. Онъ потерялъ волю и разумъ, думалъ о томъ, какъ бы уѣхать. Ему хотѣлось писать, открыться, но кому сдѣлать признаніе и какое признаніе? Смѣлая мысль обступила его и перешли въ смѣлое рѣшеніе. Хриплымъ голосомъ попросилъ онъ чернилъ и бумаги. — То, что онъ написалъ Ренатѣ, родилось въ моментъ душевнаго смятенія, было наполовину самообманомъ, наполовину вызовомъ. Изъ ниши опять донесся задыхающійся голосъ Зюсенгута. Его рѣчи приобрѣтали все болѣе пророческій характеръ. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы его называли Мессіей женщинъ.

III.

Медленно проходила ночь, еще медленнѣе утро, безконечно тянулись часы послѣ полудня. Въ три часа Вандереръ уже бродилъ по пустымъ заламъ Пинакотекки. Онъ жалѣлъ, что написалъ письмо: ему казалось, что онъ съ миной честнаго человѣка ведетъ фальшивую игру. Онъ зналъ, что не уѣдетъ, но благородное самоотреченіе въ его письмѣ огорждало его самоуваженіе. Онъ много жилъ въ одиночествѣ, поэтому онъ былъ такъ чувствителенъ къ своимъ поступкамъ. Общество мужчинъ портило его; онъ сейчасъ же усваивалъ себѣ чужой тонъ и притворялся веселымъ и самодовольнымъ. То же самое было съ картинами. Ему нравилась только мысль, что онъ проводитъ время одиноко, среди произведеній искусства.

Часа въ четыре пришли посѣтители, но въ половинѣ • пятого было опять уже пусто. Освѣщеніе сегодня было плохое. Шелъ упорный, мелкій дождь. На лѣстницѣ раздались легкіе шаги; кто то шелъ по каменнымъ ступенямъ. Поблѣднѣвъ, онъ повернулся къ картинѣ у задней стѣны и застылъ въ дѣтскомъ смущеніи. Произнесенное вполголоса привѣтствіе заставило его обернуться. Рената слегка потянула его за рукавъ и сказала:

— Я знала, что вы здѣсь.

Онъ безпомощно взглянулъ на нее и съ легкимъ испугомъ замѣтилъ, что она дышитъ прерывистѣе.

— Посидимъ немного, — предложила Рената, — я устала отъ ходьбы.

Тонъ голоса, это „я устала отъ ходьбы“—Вандереръ не зналъ, что отвѣтить. По галлерей, словно рой призраковъ, расплзался сгущавшійся сумракъ. Темно-красныя стѣны, красная ткань на креслахъ, золотыя рамы, лица, глядѣвшія съ картинъ—все казалось особымъ міромъ, молчаливымъ и нетронутымъ.

— Я хотѣла только придти сюда еще разъ, — мягко сказала Рената, какъ будто прося прощенія. — Ваше письмо испугало меня. Правда, я думала, что такое письмо должно когда-нибудь придти. Чтобы показать мнѣ, чего я стою — какъ въ своихъ глазахъ, такъ и въ чужихъ. Но было бы лучше, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это, если бы вы сказали мнѣ это. Когда это написано, чувствуешь себя неуверенной.

— Фрейлейнъ Рената, я виновата передъ вами. Вы можете требовать отъ меня отвѣта. Но это не было сдѣлано съ намѣреніемъ, я не хотѣла этого, это была слѣпая сила. Быть можетъ, вы сами. Да, вы сами, не зная того.

— Я это понимаю. Вамъ не надо оправдываться, — сказала Рената, закусывая нижнюю губу и поднимая вуаль. Вдругъ она встала. — А если я послѣдую за вами, куда вы хотите, готовая на все, чего вы хотите?

Вандереру показалось, что онъ вдругъ очутился въ удушливо-горячемъ пространствѣ. Онъ не видѣлъ своихъ рукъ, которыя невольно судорожно стиснулъ. Рената неподвижно стояла передъ нимъ. Отъ времени до времени по ея тѣлу пробѣгала дрожь, ея лицо было блѣдно отъ стыда, страха и ожиданія.

— Для меня не всѣ мужчины одинаковы, — прибавила она машинально, полная дѣвичьей грусти. — Я никогда не выйду замужъ за герцога. Чтобы погибнуть, мнѣ не нуженъ дворецъ, не нужна корона.

Что собственно толкало ее къ этому? Она сунула руку въ урну съ жребіями, какъ ребенокъ, не выбирая, съ завязанными глазами.

— Если вы хотите этого, — сказалъ Вандереръ въ возбужденіи, близкомъ къ безумію, — тогда я узнаю, что такое счастье.

— Ахъ, счастье, — отвѣтила Рената грустно и неуверенно, — этимъ счастья не добудешь.

— Слишкомъ много сразу, — пробормоталъ Вандереръ, котораго знобило точно въ лихорадкѣ. Въ то же время онъ чувствовалъ испугъ, съ которымъ не могъ справиться. Чужая жизнь, завладѣвшая его жизнью, парализовала мысли и рѣшимость. Будущее, которое онъ, казалось ему, предчув-

ствовалъ и предвидѣлъ, представлялось ему бурнымъ и тревожнымъ.

— Да, я хочу бѣжать,—повторила Рената въ страстной жаждѣ какого-нибудь рѣшенія.—Вся моя жизнь здѣсь ненавистна мнѣ.

— Я могу предложить вамъ обезпеченное будущее,—торопливо сказалъ Вандереръ. Ему было совершенно неясно, какъ это будетъ, и какъ она себя это представляетъ.

— Будущее,—гнѣвно отвѣтила Рената.—Я не думаю объ этомъ. Я не хочу знать, въ какой комнатѣ я буду жить вѣчно. Вы не должны жениться на мнѣ. Вы должны только знать, чего я хочу, и что я такое. Потому что сама я этого не знаю.

— А вы не боятесь послѣдствій?—спросилъ Вандереръ озабоченно и боязливо.

— Развѣ вы не сказали мнѣ, что любите меня?—прошептала Рената съ отчаяніемъ въ голосъ.—Или ваше письмо было написано только для забавы. А я, да, я испытала себя. Я испытала себя. Это все. Да и какъ это могло быть иначе? Я знала, что вы презираете людей, которые окружаютъ меня, и когда я чувствовала себя оскорбленной, я думала о васъ. Это не жизнь. Нигдѣ не быть въ состояніи согрѣться и красивой внѣшностью прикрывать ужасную пустоту! Я не хочу продать себя за титулъ, нѣтъ, ужъ лучше я просто отдамъ себя. Вотъ я стою передъ вами, я пришла ни съ чѣмъ, и если вы хотите, я буду работать, какъ простая женщина. Это тоже мучить меня, я хотѣла бы знать, что дѣлается тамъ, внизу, какъ живутъ эти сотни тысячъ женщинъ, которыя проклинаятъ насъ. И я должна жить въ замкѣ? Вѣчно слышать далекіе голоса? Нѣтъ, нѣтъ!—Съ широкооткрытыми глазами ждала она отвѣта. Онъ назвалъ ее по имени, нагнулся къ ея рукѣ и поцѣловалъ ее.

— И я не долженъ пойти къ вашей матери?—спросилъ онъ.

Рената вздрогнула и горько засмѣялась.

— Вы думаете, что я хочу приключеній, романтическихъ приключеній.

— Я хочу только избѣгнуть ненужныхъ опасностей.

— Опасностей. Если вы сдѣлаете это, я не смогу больше любить васъ. Уже потому одному, что всѣ будутъ бранить васъ. Я хочу забыть, что лежитъ позади. Я не переносу мелкихъ ссоръ. Моя мать только и думаетъ о моемъ будущемъ титулѣ.

Она становилась все болѣе подавленной. Она хотѣла сказать такъ много, и такъ мало могла выразить словами.

— Я понимаю васъ,—сказалъ Вандереръ со своей мед-

лительной манерой.—Для васъ это не бѣгство, а возмущеніе. Бѣжать вамъ легче, чѣмъ бороться.

— Да, это вѣрно, это страшно вѣрно,—воскликнула Рената, радостно улыбаясь. Она сказала „страшно“ съ дѣтски-важнымъ удареніемъ.

— Вы не хотите быть загрязнены упреками и оскорбленіями. Возмущеніе кажется вамъ самымъ благороднымъ чувствомъ. Вы не хотите навязывать мужчинѣ, которому доверяетесь, обязательствъ, не хотите насильно приковывать его къ себѣ. Я понимаю все это очень хорошо, Рената.

— Ансельмъ! — пролепетала молодая дѣвушка, полная счастья.

— Но не будете ли вы раскаиваться, вотъ чего я боюсь. Людямъ этого не надо кричать въ лицо, но не будете ли вы бояться, что ошиблись? Не будетъ ли каждый фальшивый тонъ казаться въ десять разъ худшимъ? Не можетъ ли каждое слово стать врагомъ? Все это надо взвѣсить. Не слѣдуетъ лгать себѣ.

— Я не буду раскаиваться,—отвѣтила Рената.—Что послѣдуетъ за этимъ, касается только меня. Только на меня это можетъ наложить какія-нибудь обязанности. А ложь? Я не лгу никогда. Я хотѣла только выбрать свободно. Я горда, вы себѣ и не представляете этого. И я горда не только за себя, но и за всѣхъ женщинъ, начиная съ моей матери и сестеръ.

Она сказала это такъ искренно, просто и скромно, что скрывавшаяся за этими словами грусть блеснула, какъ вода въ шахтѣ.

— Какое странное существо,—подумалъ Вандереръ, который внутренно былъ растерянъ. Теперь стало дѣйствительностью все то, что раньше казалось недостижимымъ. Судьба неожиданно перебросила мостъ черезъ пропасть.

Прошло пять часовъ, прошло всего полчаса: по важности принятыхъ въ нихъ рѣшеній они равнялись годамъ. Хмурое небо покраснѣло, затѣмъ вдругъ стало желтымъ—призрачно яркаго желтаго цвѣта. Старикъ сторожъ вошелъ, чтобы своимъ появленіемъ показать, что галлерею закрываютъ. Рената съ сияющимъ лицомъ подняла глаза на Вандерера, — онъ былъ немного выше ея,—затѣмъ они въ безмолвномъ пониманіи пошли къ портрету Саски. Только одинъ взглядъ мимоходомъ; изъ тѣни, уже окутывавшей полотно, глянули свѣтлые глаза. Мечтательные и разочарованные глаза. То было лицо Галеотто.

IV.

Когда они проходили черезъ англискій садъ, Рената своимъ мягкимъ голосомъ спокойно сообщила, что мать и сестры поѣдутъ завтра въ Инсбрукъ встрѣчать отца. Она останется одна. Одна изъ служанокъ пользуется ея довѣріемъ; она поможетъ ей уложиться. Остальныхъ и лакея она куда-нибудь ушлетъ. Вандереръ говорилъ мало. Изъ боязни взять невѣрный тонъ онъ часто не находилъ вѣрнаго. Боясь быть слишкомъ искреннимъ, онъ становился безирично проницательнымъ. Но чужая иронія пугала и задѣвала его. Внезапно охваченный страстью, онъ совсѣмъ растерялся и жилъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы не сдѣлать чегонибудь неподходящаго. Рѣшительность Ренаты, въ которой было что то геройское, вызвала въ немъ восхищеніе, но гдѣ то глубоко въ немъ шевелились воспоминанія о знакомыхъ романахъ, и онъ старался вооружиться противъ кого-то неопредѣленнаго, кто, можетъ быть, могъ бы высмѣять все это. Такъ раздвоено было все, что онъ дѣлалъ и думалъ.

Рената, каждое рѣшеніе которой носило характеръ чего-то неизмѣннаго, подобно рѣшеніямъ самой природы, была весела и общительна. Вечеръ неожиданно сталъ хорошъ. Зелень тускло свѣтилась въ полутьмѣ, и дождевыя капли падали на сухія листья. Рената скоро сказала все, что надо было сказать, дѣловито и безъ уклоненій въ сторону. Теперь она молчала, видимо, прислушиваясь къ вечернему звону, доносившемуся съ ближайшей церкви. Протяжные звуки словно переливались. Все вокругъ, казалось, трепетало. Вандереръ предложилъ на первое время поселиться въ маленькомъ домикѣ на Боденскомъ озерѣ, который издавна принадлежалъ его семьѣ. Управлялъ имъ старый солдатъ, потерявшій при Кениггрецѣ ногу. Вандереръ рѣшилъ телеграфировать ему сегодня же ночью. Рената согласилась; осторожность и нерѣшительность, звучавшія въ словахъ Вандерера, не сердили ея.—Я иду съ нимъ свободно, по своей волѣ. Я избрала и избрана. Жизнь открываетъ мнѣ всѣ свои входы,—такія мысли наполняли ее. Сначала она хотѣла написать письма—матери, герцогу, но ее испугало то прозаическое и пошлое, что было бы слѣдствіемъ этого.

При прощаніи Ансельмъ спросилъ, любить ли она его. Она посмотрѣла на него непонимающими глазами и растерянно улыбнулась. Этотъ вопросъ казался ей бессмысленнымъ; тотъ фактъ, что онъ былъ сдѣланъ, заставилъ ее поспѣшнѣе отъ стыда. Вандереръ опустил глаза. Ея расте-

раянная улыбка при скудномъ свѣтѣ уличнаго фонаря осталась навсегда незабвенной для него. Въ этотъ моментъ его безпомощная симпатія превратилась въ страсть.

Задумчиво прошла Рената оставшіеся нѣсколько шаговъ до улицы Маріи-Терезіи. Они условились встрѣтиться на слѣдующій день въ четыре часа на центральномъ вокзалѣ. Это было все, что она понимала подъ словомъ „будущее“. Обсуждать и взвѣшивать не было ей свойственно; она думала только образами, мрачными или радостными. Сознаніе близости великой перемѣны оцѣняло ее. Все вокруг нея казалось ей милымъ и прекраснымъ. Каждый камень, на который она наступала ногою, возбуждалъ въ ней нѣжное чувство. Однимъ взоромъ простилась она съ тихимъ вечеромъ—великимъ преддверіемъ завтрашняго дня.

— Ну, Рената,—сказала госпожа Фуксъ, сидѣвшая въ креслѣ съ грѣлкой подъ ногами,—ты ведешь себя ужъ чересчуръ странно. Все послѣобѣда ты пропадаешь гдѣ-то, безъ экипажа, совершенно одна. Я этого не понимаю. У тебя есть обязанности. Я на твоемъ мѣстѣ поступала бы иначе, да.

Лони и Марта своимъ торжественнымъ видомъ выражали, что онѣ на мѣстѣ Ренаты тоже поступали бы иначе, да.

Пораженная разсѣяннымъ выраженіемъ лица Ренаты, госпожа Фуксъ покачала головой и уныло прибавила:

— Я больна.

Рената испуганно посмотрѣла на мать.

— Ты больна?—и она быстро нагнулась къ ней.

— Ну, тебѣ незачѣмъ пугаться, Рената, благодарю тебя, дитя мое. Это старая исторія.

— Тогда ты завтра не поѣдешь, мама,—рѣшительно сказала Рената. Затѣмъ она съ ужасомъ закусилла нижнюю губу. Ложь! Эта мысль молніей сверкнула въ ея умѣ.

— Ну, конечно, я поѣду, Рената,—отвѣтила госпожа Фуксъ все также уныло.—Дѣти такъ радуются поѣздкѣ, а я, кто знаетъ, увижу ли я опять эти горы. Вѣдь Фуксъ хочетъ скоро уѣхать отсюда. О, Господи!

Марта рассказала забавную исторію, сильно смѣшившую ее. Въ кондитерской ей представили „этого“ Зюсенгута. Чего только онѣ не наговорили ей! Она выучила его слова наизусть, хи-хи.

— „Ваша сестра Рената, фрейленъ, для меня просто идеаль. Она ходитъ по улицамъ съ печатью рока на челѣ. Съ неземной безпечностью идетъ она своимъ крестнымъ путемъ къ страданію. Une femme douloureuse“.—Вотъ комикъ, а?

Госпожа Фуксъ строже обыкновеннаго сдѣлала обѣимъ выговоръ за „всѣ эти глупости“.—Ну, я должна сказать, вы умѣете себя вести. Милыя знакомства, почему сказать. Я не

хочу больше слышать объ этомъ. Вы прекратите знакомство съ этимъ человѣкомъ.

Она, несомнѣнно, не поняла ни слова, но материнскимъ инстинктомъ почувствовала впечатлѣніе, которое произвело на Ренату, даже въ передачѣ сестрѣ. Опять слова Зюсенгута упали на ея путь, какъ яркіе лучи свѣта.

— Сегодня я должна еще разъ поиграть на роялѣ, — подумала она, — я должна сыграть что-нибудь бурное, страстное. Ея щеки горѣли, когда она сѣла за рояль и взяла тяжелые начальные аккорды „последней“ сонаты. Но скоро ея руки устали, и ей захотѣлось болѣе мягкихъ звуковъ. Въ комнатѣ стало тихо, и передъ ея глазами съ загадочной отчетливостью встало лицо, которое она безумно цѣловала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Прекрасный свѣтлый день благопріятствовалъ поѣздкѣ дамъ. Лони и Марта не спали всю ночь; ожиданіе бросало ихъ въ жаръ и въ холодъ. Съ Ренатой было иначе. Чѣмъ ближе подвигался ожидаемый часъ, тѣмъ спокойнѣе становилась она. Когда мать и сестры уѣхали, и она осталась одна, она занялась тщательной укладкой своихъ двухъ большихъ сундуковъ. Ей помогала Анета, молоденькая дѣвушка, служившая въ домѣ съ мая и горячо преданная Ренатѣ. Въ половинѣ четвертаго прибылъ заказанный экипажъ; Рената оставила на своемъ письменномъ столѣ карточку съ нѣсколькими словами, звучавшими ясно и твердо. Затѣмъ она провѣрила, не забыла ли чего-нибудь, и пошла къ экипажу съ необыкновенно женственной улыбкой на лицѣ.

Ансельмъ Вандереръ уже ждалъ на вокзалѣ. Онъ молча поздоровался съ ней, сдалъ багажъ и занялъ мѣсто въ вагонѣ, — не въ купѣ Ренаты. Это была условленная предосторожность, потому что они не хотѣли слишкомъ рано дать пищу празднымъ языкамъ. Міръ малъ для людей, которые хотятъ быть одни. Только теперь, при взглядѣ на красную плюшевую обивку дивана сердце Ренаты забилося. Кромѣ нея, въ купѣ не было ни одного пассажира, и когда поѣздъ тронулся, она закрыла лицо руками, точно ослѣпленная вдругъ ворвавшимся свѣтомъ. Ей были безразличны поля, ровно бѣжавшія вдаль, безразличны прошлое и будущее. Только то, что она вдругъ очутилась совсѣмъ одна, смущало ее, казалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ. Горопливо и размѣренно катились колеса; Рената невольно под-

пѣвала въ тактъ, такъ же невольно къ мелодіи напрашивались: „Душа, которая въ тебѣ жила... чтобъ всѣ страданія твои“... Наконецъ, поѣздъ подошелъ къ станціи, на которой Вандереръ долженъ былъ войти въ ея купе. Она нетерпѣливо ждала его. Было уже темно, когда онъ вошелъ съ носильщикомъ; онъ нервно расплатился и занялся вещами. Почему онъ молчитъ?—съ тоской подумала Рената. Когда поѣздъ опять тронулся, онъ быстро подошелъ къ ней, взялъ ея обѣ руки и спросилъ, не раскисивается-ли она. Опять тотъ же непонимающій взглядъ, та же растерянная улыбка. И опять чувство стыда у Ансельма и незнаніе, что сказать. Онъ вздохнулъ, и одно мгновеніе у него было такое чувство, какъ будто онъ весь покрытъ тихо ноющими ранами. Ея присутствіе, видъ ея, ея спокойствіе, ея тонкое блѣдное лицо, ея большіе глаза возбуждали въ немъ чувство, похожее на благоговѣніе. Она улыбнулась ему, и дѣтское выраженіе ея лица ободрило его. Тихонько, дрожащими руками приподнявъ онъ вуаль съ ея лица, наклонился и поцѣловалъ ее. То, что онъ сдѣлалъ это, испугало его не такъ сильно, какъ холодныя, влажныя губы, которыхъ онъ коснулся. Въ нихъ совершенно не чувствовалось желанія, но онъ не уклонился отъ прикосновенія его губъ. Она смотрѣла на него съ изумленіемъ и мольбой. Въ немъ самомъ этотъ часъ и будущее, которое онъ открывалъ, вызывали странное изумленіе.

О себѣ они говорили мало; разговоръ шелъ о книгахъ, о художникахъ, о цѣли путешествія, о красотахъ Боденскаго озера. Они были еще такъ чужды другъ другу, что одинъ не зналъ, что нравилось другому. Отсюда полупутливая, полуробкая неувѣренность разговора и нѣсколько неуклюжая иронія Вандерера, когда онъ говорилъ о своей жизни. Рената въ этихъ случаяхъ смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла найти за ироніей серьезное, которое ей нужно было во всемъ; разъ она наивно сказала: „Я этого совсѣмъ не понимаю“. Въ сущности, это была жалоба, но онъ этого не понималъ. Она была удивлена, что такъ быстро освоилась съ настоящимъ, безъ желанія оглянуться назадъ, безъ колебаній и воспоминаній. Она чувствовала благодарность къ самой себѣ.

Въ Линдау у пристани уже пыхтѣлъ пароходъ. Холодный и далекій стоялъ мѣсяцъ между двумя тучами, похожими на подстерегающихъ кошекъ, и свѣтъ его переливался далеко по озеру, точно жемчужный потокъ. На югѣ и востокѣ лежали черныя громады горъ, а за ними въ блѣдомъ свѣтѣ блестѣли снѣговыя шапки, точно серебряные набалдашники. Въ воздухѣ пахло озерной водой и водорослями, хрипло кричали чайки. Рената не могла говорить,

когда была такъ захвачена, какъ теперь; она стояла у борта, пока Ансельмъ возился со всякими мелочами.

Она опустила вуаль и, крѣпко опершись руками о деревянные перила, вся ушла въ созерцаніе. Вдругъ она почувствовала какое-то непріятное ощущеніе, отъ котораго сначала старалась избавиться, но которое скоро завладѣло ею. Она повернулась въ сторону и увидѣла, что съ нея не сводить глазъ какой-то господинъ, котораго она, несомнѣнно, не видѣла никогда въ жизни, но который сейчасъ же принялъ въ ея воображеніи образъ тяжелаго воспоминанія. Это былъ невысокій коренастый человѣкъ съ увѣренной осанкой, въ желтомъ пальто и калабрійской шляпѣ. Лицо находилось въ тѣни дымовой трубы, но Рената увидѣла козлиную бородку, которая имѣла видъ приклеенной. Даже тогда, когда молодая дѣвушка недовольно отвернулась, его глаза не перестали буквально пожирать каждое движеніе, каждую складку платья, каждое измѣненіе въ лицѣ Ренаты. Только тогда, когда подошелъ Вандереръ, онъ принялъ равнодушный видъ и принялся зажигать сигару, защищая ее отъ вѣтра руками. При свѣтѣ вспыхнувшей спички Рената увидѣла лицо, полное холоднаго спокойствія, рѣзкое, рѣшительное, поматое жизнью и какъ бы окаменѣлое, съ циничнымъ и жестокимъ ртомъ. Во всемъ существѣ была такая странная смѣсь важности и безопасности, животнаго и свѣтскаго, равнодушія и необузданности, что даже Вандереръ посмотрѣлъ на шагавшаго назадъ и впередъ незнакомца, покачивая головой.

Рената не могла больше наслаждаться природой. Она всюду чувствовала взглядъ этого человѣка. Куда бы она ни двинулась, она чувствовала себя стѣсненной и несвободной, какъ будто передъ ней была поставлена какая-то преграда.

Она стояла у борта и думала: куда?

II.

Въ девять часовъ пароходъ подошелъ къ послѣдней станціи передъ Констанцомъ. На пристани ждалъ одинокій управляющій со своей дочерью и рабочимъ; онъ привѣтствовалъ „молодую барыню“ самымъ совершеннымъ по формѣ поклономъ, какой только можно себя представить. Генеральная репетиція этого поклона была произведена полчаса тому назадъ предъ строгими очами ночного сторожа Кизеветтера, человѣка, знающаго свѣтъ. У Кизеветтера было двѣ кошки и четыре собаки, которыхъ онъ тщательно обучалъ вѣжливымъ манерамъ.

Безукоризненный поклонъ господина Виниваака, позабавившій Ренату, вызвалъ у господина въ калабрійской шляпѣ взрывъ веселости, напоминавшій скорѣе гудѣнье паровой трубы, чѣмъ смѣхъ. Рената вздрогнула.

— Опасный субъектъ,—пропыхтѣлъ Виниваакъ,—стараясь соединить свой гнѣвъ съ почтеніемъ къ господамъ.— Живетъ въ „Бѣломъ Пѣтухѣ“. Ѣздитъ два раза въ недѣлю на швейцарскую границу. Подозрительный субъектъ.

— Бросьте,—успокоилъ его Вандереръ. Онъ былъ разсѣянъ и взволнованъ. Взволнованъ предгорьемъ, которое разстилалось, покрытое бархатисто-сѣрымъ туманомъ, взволнованъ тихимъ рокотомъ озера, всѣмъ тѣмъ внезапнымъ, что его медлительный умъ напрасно пытался обнять.

Когда Рената вошла въ комнату одиноко лежащей у откоса усадьбы, ее охватило такое волненіе, что она видѣла все вокругъ себя, какъ будто въ туманѣ.

— Что нибудь случилось?—озабоченно спросилъ Вандереръ.

Рената покачала головой, пытаясь улыбнуться. Затѣмъ она быстрымъ движеніемъ бросилась ему на грудь. Сквозь ея полуоткрытыя губы сверкали влажные, бѣлые зубы; она смотрѣла на него полнымъ ожиданія взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ свѣтилось болѣзненно-напряженное стремленіе узнать его мысли. Въ этотъ моментъ изъ деревни, быть можетъ, изъ какого нибудь кабачка, донесся плясовой мотивъ, комично исполняемый басомъ. Ансельмъ засмѣялся,—нелѣпый смѣхъ. Рената опустила голову, отступила назадъ, подошла къ окну и прижалась лбомъ къ стеклу. Среди молчанія раздался стукъ въ дверь: Виниваакъ почтительно просунулъ въ отверстіе двери свою ужасающе тонкую голову и покорнѣйше доложилъ, что кушать подано.

Въ смущеніи, какого еще никогда не испытывалъ, Ансельмъ подошелъ къ Ренатѣ, отогнулъ ея голову назадъ и робко поцѣловалъ ее въ глаза. Рената со вздохомъ приняла поцѣлуй. Лицо ея стало блѣдно. Въ странной и мучительной тоскѣ смотрѣлъ Вандереръ на эти черты. Онъ казался ему книгой, написанной на чуждомъ языкѣ отчетливыми и ясными буквами и все же непонятной.—Гдѣ теперь наши мысли?—спросилъ онъ, застѣнчиво избѣгая интимнаго обращенія.

— Не знаю,—кратко отвѣтила Рената.

— Здѣсь у насъ хорошо,—продолжалъ Вандереръ, и его слова казались ему пустыми и незначительными.—Цѣлый день солнце и озеро, лѣса и горы, старые замки и старыя церкви. Я позабочусь о собакѣ: она будетъ сопровождать

насъ на прогулкахъ.—Онъ сказалъ это, какъ будто боясь, что она будетъ скучать съ нимъ однимъ.

— Собака? Это будетъ великолѣпно. Можетъ быть, русская борзая.

— Да, или англійская лягавая. Рената не должна никогда грустить. Никогда желать напрасно. Не должна думать ни о чемъ, кромѣ...

— Кромѣ?

— Этого я не скажу.

— Пожалуйста!

— Это опасно. Слова такъ опасны.

— Часто и тогда, когда они не произнесены.

— Но развѣ я долженъ *говорить* Рената?

Она испуганно посмотрѣла на него.—Онъ самъ началъ дрожать.—Здѣсь, точно въ лѣсномъ домикѣ,—сказала Рената нѣсколько подавленно. Вандереръ не отвѣтилъ. Онъ чувствовалъ, что она ускользнула отъ него, и испытывалъ странное облегченіе. Онъ задумчиво взялъ ея руку, которая была холодна и суха; въ формахъ ея было что-то чарующе спокойное. Онъ былъ ей благодаренъ, что она сумѣла незамѣтно смягчить напряженіе и остроту разговора. Объ этомъ онъ и задумался. Затѣмъ онъ сказалъ банальную фразу о томъ, что ей идетъ черное платье, вообще черное.

Совмѣстный ужинъ усилилъ у обоихъ ощущеніе необыкновеннаго одиночества. Но оба съ удвоенной силой думали объ одномъ и томъ-же и старались обмануть другъ друга не имѣющими къ этому отношенія разговорами. Пробило десять часовъ, и Ансельмъ былъ пораженъ, что еще такъ рано. Часы, которые должны были послѣдовать, лежали какъ будто въ засадѣ, откуда медленно выступали, насмѣшливые и испытующіе. Рената устала, она спокойно сказала, что хочетъ спать. Но когда она выпила свое вино и хотѣла поставить бокалъ на столъ, ея рука задрожала, стаканъ выпалъ, и вино потекло по бѣлой скатерти, какъ густая кровь. Оба засмѣялись, не рѣшаясь взглянуть другъ на друга, и Рената разсердилась на Ансельма за то, что онъ не могъ найти нужныхъ словъ. Она едва понимала все это. Она чувствовала свое превосходство и начала бояться чего-то мрачнаго далекаго.

— Ансельмъ,—ласково сказала она,—почему ты сталъ такой молчаливый?

— Я все еще не могу понять этого, Рената,—отвѣтилъ Ансельмъ.—Ты такъ тихо вошла въ мою жизнь, а теперь все стало вверхъ дномъ. Когда я смотрю на тебя, я боюсь сойти съ ума. Какъ это возможно, что такъ быстро теряешь другъ друга? Часто я такъ близокъ тебѣ внутренне, что, мнѣ

кажется, я слышу твои мысли. А когда я скажу какую-нибудь глупость, и ты перестаешь улыбаться, я—самый несчастный человекъ.

Рената смотрѣла на него ясными, смѣющимися глазами, но ея страхъ усилился. За окномъ въ аллеѣ ей почудились шаги, медленно удалявшіеся, опять приближавшіеся, замолкавшіе, опять удалявшіеся. Она подошла къ окну и увидѣла калабрійскую шляпу, прогуливавшуюся во всемъ своемъ сомнительномъ изяществѣ. Она вздрогнула, подошла къ Вандереру, который сидѣлъ у стола въ нѣсколько дѣланномъ уныніи, прислонилась къ его плечу и провела нѣсколько разъ рукой по его темнымъ волнистымъ волосамъ. Ансельмъ застылъ, какъ будто въ облакъ счастья, и не осмѣливался дышать.

III.

Для Ренаты наступили дни такого счастья и полноты жизни, что она находилась въ постоянной иллюзіи, будто всё окружающіе ее предметы, какъ нѣмые, такъ и одушевленные, принимаютъ участіе въ ней и ея судьбѣ. Это чувство со стихійной силой рвалось изъ ея существа наружу, дѣлало болѣе красивой ея походку, облагораживало каждое ея дѣйствіе, проникало все безразличное и тривіальное, какъ и высокое и торжественное. Она едва думала о томъ, что случилось съ ней, но новая жизнь обогатила ея душу множествомъ мирныхъ и полныхъ надежды представлений. Иногда Ансельмъ заводилъ рѣчь о томъ, чтобы „санкціонировать“ ихъ союзъ, какъ онъ выражался. Но онъ замѣтилъ, что эти слова вызвали у нея недоувѣрчивый испугъ, котораго она, правда, не обнаруживала, но отзвуки котораго еще долго слышались въ задумчивыхъ, тихихъ словахъ. Ничего она не боялась такъ сильно, какъ того, что онъ можетъ склониться къ ложному или хотя-бы только обычному пониманію того шага, который привелъ ихъ другъ къ другу. Вѣдь только рѣдкая искренность благороднаго убѣжденія дѣлала ея теперешнее счастье такимъ свободнымъ и чистымъ. Но она едва-ли противилась-бы его открытому и упорному желанію, хотя она и знала, что отсутствіе этого желанія объясняется тѣмъ, что у него было достаточно деликатности, чтобы уважать эти тонкіе инстинкты Ренаты. Такія отношенія, свободно носящіяся въ воздухѣ, предоставленныя дуновенію вѣтерка, огражденныя отъ непріятныхъ формальностей, освящались именно прелестью необыденности. Новизна ихъ счастья, торжественно-радостная и полная надеждъ, дѣлала обоихъ необоснованно чувствительными къ каждому самому легкому

Февраль. Отдѣлъ I.

или даже кажущемуся разногласію и, съ другой стороны, придавала каждой ласкѣ цѣнность и значеніе, далеко выходящія за предѣлы мгновенія, въ которое она была сказана. Рената могла часами думать о тонѣ обращенія, о смыслѣ какого-нибудь жеста; у нея самой каждая ласка была полна такой застѣнчивости и сдержанности, что страстной выпышкой казалось то, что другіе безпечно позволяютъ себѣ среди бѣлаго дня передъ чужими глазами. Все въ ней было безшумно, отъ робкаго поцѣлуя до умоляющаго сопротивленія; никакое завершеніе страсти не могло смягчить того жаждущаго, чѣмъ было полно все ея существо, никакое самое бурное проявленіе любви—уменьшить ея неуспынное недовѣріе.

Люди въ маленькомъ мѣстечкѣ гордились стройной изящной дамой, какъ будто ея присутствіе украсило деревню. Дѣвушки и парни останавливались, когда она проходила мимо. Въ такихъ случаяхъ Рената смущалась и не осмѣливалась поднять глаза. Калабріецъ больше не показывался. Ансельмъ не могъ узнать ничего опредѣленнаго объ этой странной личности. Звали его Грауманъ, Петеръ Грауманъ. Больше никто ничего не зналъ.

Стояли прекрасные дни. Утромъ было всегда холодно, озеро и склоны холмовъ исчезали подъ тяжелымъ свинцовымъ туманомъ. Но къ полудню становилось тепло, и Рената говорила о томъ, какъ она любитъ осень, и что такой дивной осени она еще никогда не переживала. Казалось, она всегда жила здѣсь, всегда смотрѣла на волнующуюся зеленую поверхность Боденскаго озера, всегда, тихо грезя, провожала глазами пытящіе пароходы, бродила въ сумерки по спокойнымъ нѣмымъ и печальнымъ лѣсамъ, гдѣ падали красные листья, образуя коверъ подъ легкими шагами Ренаты. Иногда она ходила съ Ансельмомъ, иногда одна. Она любила ходить одна; она не боялась даже тогда, когда начинало темнѣть. Тогда она смотрѣла на озеро, поверхность котораго медленно теряла блескъ, словно зеркальное стекло, которое окутываютъ сѣрой кисеей. Красные и зеленые огни пароходовъ ярко блестѣли, и хриплые гудки ихъ отдавались эхомъ на холмахъ.

Лучше всего были послѣполуденные часы въ лѣсу, все равно, было-ли солнце или нѣтъ. Въ эти часы неудержимое желаніе охотиться овладѣвало иногда Ренатой, и она вела нѣмую, краснорѣчивую бесѣду съ природой, а Ансельмъ, не понимая ея внезапнаго оживленія, чувствовалъ неопредѣленную ревность. Она не хотѣла сознаться ему въ своемъ желаніи. Просить она не умѣла, а добиваться цѣли не прямо, намеками находила унижительнымъ. Къ этому присо-

единялся страхъ, что Ансельмъ поторопится рабски исполнить ея желаніе; это укрѣпляло ее въ ея молчаніи. Но когда она шла по дорогѣ къ развалинамъ замка, она слышала въ конюшнѣ графа Цеста громкое ржанье жеребца, словно охотничій привѣтъ и восклицаніе объ осеннихъ охотахъ прошлыхъ лѣтъ. Тогда сердце ея билось такъ сильно, что она едва могла идти.

Они ходили и въ Констанцъ, старый городокъ. Но тамъ ихъ первый приходъ возбудилъ всеобщее вниманіе; со всѣхъ сторонъ открылись окна, прохожіе останавливались, перешептываясь или молча разинувъ рты. Все это отбило охоту у Ренаты, и она рѣшила ходить туда только вечеромъ. Она нашла все это комичнымъ, была, пожалуй, даже немного польщена, но въ то-же время это впервые пробуждало въ ней ощущеніе, что ея теперешняя жизнь—приключеніе, что она находится въ бѣгствѣ. Это кольнуло ее, точно воспоминаніе о забытомъ снѣ: о ея прежней жизни, по ту сторону озера, по ту сторону настоящаго. Дома, за вечернимъ чаемъ, Вандереръ нагнулся поцѣловать ее, и она отвѣтила на его поцѣлуй горячѣе обыкновеннаго. Она какъ будто искала у него защиты.

Въ срединѣ ноября погода испортилась. Дороги были всегда мокры, а для катанья на лодкѣ озеро было слишкомъ неспокойно. Игра на роялѣ не доставляла больше Ренатѣ настоящей радости, среди такта она часто опускала руки и смотрѣла на ноты блуждающимъ взглядомъ.

Ансельмъ вернулся изъ города и сидѣлъ въ комнатѣ, выходящей на озеро. Онъ хотѣлъ написать своему брату и мучительно обдумывалъ фразы письма. Вдругъ его поразила внезапная тишина, перерывъ въ игрѣ Ренаты. Обрадовавшись предлогу встать, онъ быстро вошелъ въ гостиную и спросилъ ее, почему она перестала играть. Ренату поразила перемѣна въ его лицѣ, главнымъ образомъ въ глазахъ, въ которыхъ было что-то преувеличенно-озабоченное. Подъ ея внимательнымъ взглядомъ онъ улыбнулся и повторилъ свой вопросъ.

— Рояль разстроенъ,—уклончиво сказала Рената.

— Я былъ въ городѣ,—замѣтилъ Ансельмъ, видимо, безъ всякаго намѣренія. Онъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ.

Рената напряженно наблюдала за нимъ. Она была заинтересована, но не хотѣла спрашивать. Она знала, что если это что-нибудь важное, онъ не сможетъ молчать. Но такъ какъ онъ ничего не говорилъ и продолжалъ шагать, она подошла къ зеркалу и распустила волосы. Расчесывая ихъ гребнемъ, отчего они непрерывно трещали, какъ будто испуская искры, она наблюдала въ зеркалѣ выраженіе лица

Ансельма. Она замѣтила, что онъ при каждомъ поворотѣ мелькомъ взглядывалъ на нее. Вдругъ онъ остановился, сунулъ руку въ карманъ, вынулъ газету, съ равнодушнымъ выраженіемъ лица развернулъ ее и подалъ Ренатѣ. Она съ вопросительнымъ взглядомъ взяла ее, уронивъ гребень на полъ.

— Какъ это намъ ни разу не пришло въ голову прочесть мюнхенскую газету,—сказалъ Ансельмъ, нагибаясь за гребнемъ.

Рената нахмурила лобъ и нервно просматривала столбцы газеты. Ансельмъ подошелъ къ ней, обнявъ ее за плечи, прислонился щекой къ ея щекѣ и указалъ пальцемъ на одинъ столбецъ. Ея распущенные волосы касались его уха, и теплота ея тѣла пронизывала его. Рената медленно читала; она высвободилась изъ его объятій.

На скверномъ газетномъ жаргонѣ рассказывалось, что пресловутая скандальная исторія теперь получила новое освѣщеніе. Дѣвица, о которой идетъ рѣчь, бѣжала не одна, а съ молодымъ человѣкомъ, котораго въ кругахъ общества собственно не знаютъ. Въ настоящій моментъ производятся усиленные розыски. Высокій членъ королевскаго дома, близко стоящій къ злосчастному происшествію, испыталъ глубокое душевное потрясеніе; въ настоящее время онъ находится въ горахъ, гдѣ принимаетъ участіе въ придворныхъ охотахъ.

Рената сначала машинально читала дальше, хронику несчастныхъ случаевъ и т. д., затѣмъ она съ безжизненнымъ взглядомъ уронила газету на полъ. У нея было ощущеніе, что ее облѣпило что-то грязное. Она знала, что Вандереръ стоитъ и ждетъ, чтобы она что-нибудь сказала, но слова, которыя она должна была произнести, внушали ей отвращеніе.

IV.

Съ этого дня Ансельмъ замѣтилъ въ Ренатѣ перемѣну. Она чаще ходила въ Констанцъ, хотя вниманіе, которое она тамъ возбуждала, внушало ей все большее отвращеніе. Казалось, она хотѣла мучить себя. Она достала всѣ номера газетъ, появившіеся со времени ея бѣгства, и съ презрительной миной, но въ то-же время съ жадностью искала малѣйшихъ намековъ, относившихся къ ней. Она часто подолгу смотрѣла на озеро, какъ будто ожидая, что появится корабль, который увезетъ ее. Бывали часы, когда постоянное ожиданіе придавало ея чувствамъ напряженное выраженіе. По вечерамъ она пугалась своей тѣни, и когда Вандереръ

хотѣлъ успокоить ее общими фразами, она подозрѣвала опасность именно потому, что онъ такъ говорилъ.

Погода была мягкая, но небо пасмурно; мѣдно-желтое солнце показывалось едва на полчаса въ теченіе цѣлаго дня.

— Почему-бы погодѣ не быть хорошей?—сказала Рената, шутя.

— Это правда,—отвѣтилъ Ансельмъ, шагавшій по комнатѣ, прищелкивая пальцами. По разсѣянности онъ отвѣтилъ на ея шутку серьезно.

Рената долго внимательно слѣдила за нимъ глазами; наконецъ, она жалобно сказала:

— Ты разстраиваешь мнѣ нервы.

Онъ пересталъ ходить, остановился возлѣ нея, взявъ ея руку и погладилъ ее.

— Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь желанія, Рената?—тихо спросилъ онъ, нагибаясь надъ спинкой ея кресла и вдыхая запахъ ея волосъ.

Она взглянула на него быстро и изумленно. Неувѣренное выраженіе его глазъ наполнило ее на секунду неопредѣленнымъ гнѣвомъ, и она не отвѣтила. Она только отняла у него свою руку.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, Рената,—продолжалъ онъ, приглаживая упрямую прядь волосъ, упавшую на ея лобъ.

— Ахъ, оставь,—отвѣтила Рената.—Ты знаешь, я этого не переношу. Я не могу сказать тебѣ, что со мной дѣлается, когда ты говоришь объ этомъ, это такъ унижительно.

— Но я боюсь, ты стала такъ молчалива, Рената. Ты не хочешь договорить мнѣ, что тебя гнететъ. Прежде на твоемъ лицѣ не было ни одной тѣни. Теперь я вижу на немъ тѣни.

Рената покачала головой.

— Прежде! Ты говоришь такъ, какъ будто это было десять лѣтъ тому назадъ. Вѣдь я тебя еще совсѣмъ не знаю, и ты не знаешь меня.

Ансельмъ вздрогнулъ и выпрямился. Рената успокаивающе погладила его по рукѣ.

— Обвиняться,—сказала она, глядя на полъ, какъ будто читая на немъ,—у меня такое чувство, какъ будто это разрушило бы все. Когда ты будешь такъ увѣренъ во мнѣ, поцѣлуй не покажется тебѣ стоящимъ труда, и мнѣ, можетъ быть, тоже. Тогда все, что мы сдѣлали, окажется ребячествомъ. Какъ ты этого не понимаешь, Ансельмъ! Я думаю—въ томъ то и бѣда, что ты не понимаешь меня.—Она замолчала съ полуулыбкой, говорившей больше словъ.

Ансельмъ жадно смотрѣлъ на мягкія губы, которыя отворачивались отъ него, какъ будто чувствуя его желаніе. Съ гнѣвнымъ вздохомъ взялъ онъ обѣими руками ея голову за виски, отогнулъ назадъ и поцѣловалъ ее въ губы. Она не сопротивлялась. Она не шевельнулась подъ его поцѣлуемъ и сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ чувствовалъ, какъ замиралъ тяжелый ходъ ея безпокойныхъ мыслей и тревога оставляла ее. Какъ волновали его ея неумѣлые поцѣлуи, ея устало закрытые глаза, ея молчаніе, ея трепещущее тѣло! Когда она затѣмъ открывала глаза, въ нихъ всегда было что-то боязливо испытующее, какъ будто она боялась, что онъ можетъ смѣяться.

Въ дверь постучали—робкій стукъ Виниваака. Онъ вошелъ, церемонно кланяясь, и доложилъ, что сегодня утромъ, когда онъ былъ на озерѣ, приходилъ какой-то господинъ и говорилъ съ его дочерью Маріанной. Онъ освѣдомлялся кто здѣсь живетъ и давно ли здѣсь барыня. Но Маріанна не пустилась въ разговоры, а сказала, чтобы онъ обратился къ самому барину.

— Хорошо, — взволнованно сказалъ Ансельмъ, начиная опять ходить взадъ и впередъ.—Ну, и что же? Онъ придетъ?

— Кто же это былъ? Какой онъ имѣлъ видъ?—спросила Рената, широко раскрывъ глаза. Но Виниваакъ ничего не зналъ, а Маріанны не было дома. Его поведеніе ясно показывало, что онъ отлично понимаетъ, что здѣсь какая-то тайна.

Ансельмъ, не желая показать, что придаетъ всему этому значеніе, далъ Винивааку распоряженія относительно собаки, которую вчера прислали. Онъ спросилъ, спокойна ли она, и взялъ шляпу, чтобы пойти взглянуть, что дѣлаетъ Ангелюсъ,—такъ звали собаку.

— Въ сущности, глупое имя Ангелюсъ, ты не находишь, Рената?—сказалъ онъ, когда Виниваакъ вышелъ.—Неподходящее имя. Собаку могутъ звать Сикстъ или Теодоръ, или Шнаппъ,—но Ангелюсъ...

Онъ хотѣлъ разсмѣшить ее, но ея лицо оставалось неподвижнымъ. Она находила его остроты немного неудачными. Почувствовавъ это, онъ быстро прибавилъ:

— Мы должны уѣхать, Рената, хочешь?

Мы должны уѣхать, Рената, хочешь? Этого она не понимала. Одно изъ двухъ: или должны, или хочешь. Она покачала головой. „Я опять сказалъ не то“, подумалъ Вандереръ, становясь неувѣреннымъ. Въ концѣ концовъ онъ спросилъ ее, остается ли она дома; вѣроятно, пойдетъ дождь. Да, она остается дома, она хочетъ читать. Что касается его, то онъ пойдетъ въ Констанцъ купить корму для собаки. Ему рекомендовали очень хорошую лавку.

— Иди, — сказала Рената, и я охотно пойду немножко одна. Но ты долженъ принести мнѣ газетъ.

— Газетъ? Въ самомъ дѣлѣ?—Онъ обрадовался, что она выразила какое-нибудь желаніе. Онъ принялся обстоятельно зажигать сигару; она слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

— Я хотѣлъ бы знать, кто это былъ, — пробормоталъ онъ, выпуская клубы дыма. — Навѣрно, какой-нибудь празднующійся.

Уходя, онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она уклонилась съ шутливымъ зѣвкомъ. Онъ удивился.—Когда ты куришь, я не люблю тебя,—сказала она съ весело блестящими глазами. Онъ засмѣялся и ушелъ, напѣвая итальянскую пѣсенку.

„Странно“, думала Рената, „что я сижу здѣсь день за днемъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить по свѣту и восхищаться всѣмъ прекраснымъ, о чемъ я читала“. Уже начало смеркаться; она набросила дождевой плащъ и вышла изъ дому. Въ саду стояла Маріанна; Ренатѣ показалось, что она пристѣла фамиллярнѣе обыкновеннаго. Поэтому она отказалась отъ мысли заговорить съ дѣвушкой и разспросить ее, какъ хотѣла сдѣлать раньше.—Я иду въ лѣсъ,—ласково крикнула она, захлопывая калитку.

На озерѣ волны спокойно ударялись о берегъ, какъ будто равномерно дыша. Мрачное зарево на небѣ отражалось въ водѣ разорванными поясами. Песокъ на дорожкѣ сверкалъ чистотой и хрустѣлъ подъ ногами Ренаты. Когда она вошла въ лѣсъ, ее сразу охватила жуткая тишина. Здѣсь уже было темно, но такъ какъ она ходила по этой дорогѣ часто и во всякое время дня, то она не хотѣла быть трусливой теперь. Дороги были ей знакомы; она знала, что вотъ эта ведетъ на гору, та—къ пристани, эта—въ глубину лѣса. Она пошла по ней, какъ будто изъ упрямства. Въ просвѣтахъ между деревьями блестѣло далекое зарево, а лѣсъ былъ мраченъ, какъ входъ въ пещеру. За собой она услышала шорохъ. Она остановилась съ легкимъ восклицаніемъ. Передъ ней стоялъ Петеръ Грауманъ, вѣжливо кланяясь и снимая калабрійскую шляпу.

V.

На лицѣ у него была почтительная улыбка, которая могла такъ же точно означать злорадство и насмѣшку, на лобъ падали отблески вечерняго зарева, а вся униженно согнутая фигура скрывалась въ тѣсномъ сумракѣ. Ренатѣ почудилось, что онъ явился изъ подъ земли, и ее охватило ужасъ. Она молча повернулась и пошла по дорогѣ къ виллѣ.

— Я испугалъ васъ, сударыня, и очень извиняюсь. Позвольте мнѣ представиться. — И онъ назвалъ свое имя. У него былъ низкій звучный голосъ, странной силой заставившій Ренату остановиться. Слова звучали, точно приказаніе. Каждое слово было ясно подчеркнуто; р онъ произносилъ гортанно и изъ всѣхъ звуковъ оно всего больше выражало протяжно ту почтительную рѣшительность, которая слышалась въ голосѣ.

— Вы преслѣдуете меня,—отвѣтила Рената недовольно и надменно, надменнѣе, чѣмъ хотѣла. Этимъ она прикрывала свой страхъ и испугъ.

— Я совершенно невиненъ,—сказалъ Петеръ Грауманъ съ преувеличеннымъ смущеніемъ.—Это правда, тогда, когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ на пароходѣ, я мечталъ о томъ, чтобы слѣдовать за вами, какъ собака. Пріятнѣе быть собакою, чѣмъ такимъ человѣкомъ, какъ я. Но я покорился судьбѣ. Это трусость, но я покорился судьбѣ.

— Сегодня вы были у насъ въ саду и выспрашивали,—рѣзко возразила Рената, почти облегченная этой мыслью. Но было невѣроятно, чтобы Виниваакъ не назвалъ предмета своей особенной ненависти. Грауманъ увѣрялъ въ своей невинности съ преувеличеннымъ пафосомъ, производившимъ впечатлѣніе ироніи, и Рената должна была извиниться.

— Почему вы не довѣряете мнѣ?—продолжалъ Грауманъ такимъ тономъ, какъ будто это недоувѣріе дѣлало его несчастнымъ.—У васъ нѣтъ никакихъ основаній къ этому. Мнѣ было предназначено судьбой встрѣтить васъ, вамъ—пойти сегодня вечеромъ въ лѣсъ. И хотя это всего лишь четверть часа, для меня это какъ бы огненный знакъ. Я бредилъ, ждалъ, зналъ: это будетъ сегодня.—Онъ замолчалъ и вытеръ лобъ носовымъ платкомъ.

Рената никогда не слышала такого отчетливаго произношенія. Это поразило ее прежде всего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней росла тревога, съ которой она не могла справиться, которая парализовала ея мысли и замыкала ея уста.

— А почему это должно было быть?—продолжалъ Петеръ Грауманъ своимъ звучнымъ неумолимымъ голосомъ.—Потому, что съ самаго начала моего существованія твердымъ и невѣдомымъ мнѣ рѣшеніемъ всего моего существа было найти васъ. Я не ослѣпленъ чувствомъ, если я это скажу, не вѣрьте мнѣ. Но если бы вы захотѣли уйти отъ меня, это было бы все равно, какъ если бы мѣсяцъ захотѣлъ уйти отъ земли, которая держитъ его. Повѣрьте мнѣ.

Рената прерывисто дышала и быстро шла впередъ; страхъ ударилъ ей въ голову, какъ вино. Скоро они дошли до опушки, и она остановилась, прикованная разсти-

лавшейся передъ ней картиной. Юго-восточная сторона неба была озарена луннымъ сіяніемъ. Впереди сбились въ кучу легкія облака, точно пыль, поднимающаяся надъ далекой толпой всадниковъ. Отъ этого облака пыли кверху шли прозрачныя темныя полосы, какъ будто исходящія отъ луны. На самомъ верху онѣ становились серебристыми. Недалеко лежала вилла, крыша ея свѣтилась въ лунныхъ лучахъ. Ренатѣ стало стыдно своего страха, она пошла медленно. Она смѣло повернулась и испытующе взглянула на своего спутника. Сомнительное изящество авантюриста вызвало у нея желаніе смѣяться, и она насмѣшливо спросила:

— Вамъ не холодно въ лѣтнемъ пальто?

Петеръ Грауманъ замедлилъ шаги и вдумчиво произнесъ, какъ будто обращаясь къ самому себѣ:

— Я жестоко ошибся. Я тѣшилъ себя иллюзіей, что вы можете понять. То, что я сдѣлалъ и о чемъ спросилъ, въ вашихъ глазахъ, вѣроятно, преступленіе. Хорошо, пусть это будетъ мое тысяча первое преступленіе. Остальная тысяча все въ томъ же родѣ. Или еще хуже. Міръ мѣщанства неуязвимъ. Я стану сторожемъ и буду бодрствовать передъ закрытыми воротами.

— Чего вы хотите отъ меня?—твердо воскликнула Рената.

— У меня съ собой маленькая записная книжка. Такъ какъ я знаю содержаніе паизусть, то мнѣ не нужно свѣта, чтобы читать ее. Елизавета Кернеръ погибла, Маргарита Гольмсенъ погибла, Анна Маллингъ погибла, Сабина Галландеръ погибла, Эдитъ фонъ Сааръ погибла, Эльвина Симонъ...

— Эльвина Симонъ?—прошептала Рената.—Что это все значитъ?

— Всѣ отъ одной болѣзни: отъ безплодно затраченной любви. Не отъ несчастной любви, ни въ какомъ случаѣ: отъ этого большей частью выздоравливаютъ. Но если у поэта нѣтъ ни пера, ни бумаги, и онъ изливаетъ все, что чувствуетъ и знаетъ и можетъ, въ одномъ единственномъ стихотвореніи и пишетъ его на песокъ, и вѣтеръ разноситъ песокъ и уничтожаетъ все безвозвратно,—вотъ то, что я хочу сказать. Безвозвратно! Это все равно, какъ если кто-нибудь ввѣряетъ все свое состояніе плохому судну. Въ этомъ вся суть. И у всѣхъ этихъ женщинъ нѣтъ ушей. Онѣ молча идутъ своимъ путемъ и страдаютъ. И если съ ними заговариваешь въ темнотѣ, онѣ убѣгаютъ, зовя на помощь мѣщанское приличіе, Кизеветтера, ночного сторожа. Умѣть выбрать это—все въ жизни.

Они стояли теперь на невысокомъ холмѣ. Внизу лежала

вилла Вандерера; оттуда доносился хриплый голосъ Виниваака. На озерѣ пронзительно и глухо свистѣлъ пароходъ. Рената была блѣдна. Калабрійская шляпа на головѣ Граумана уже не казалась ей смѣшной, но все больше говорила ей что-то жуткое.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—сказала она, пожимая плечами.

Грауманъ сдѣлалъ гримасу и улыбнулся улыбкой фавна.

— Одно движеніе руки говорить мнѣ больше, чѣмъ цѣлая исторія жизни. Я умѣю опредѣлить цѣнность цѣлаго ряда мужчинъ лучше, чѣмъ оцѣнщикъ стоимость какого-нибудь имущества.—Онъ поклонился съ преувеличенной вѣжливостью и зашагалъ по гребню холма.

Внизу, въ саду, тревожный голосъ Вандерера звалъ: „Рената, Рената!“ Она не отвѣтила и медленно спустилась съ холма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воззрѣнія Н. К. Михайловскаго на государство.

(Къ вопросу объ отношеніи русской интеллигенціи къ праву и государству).

I.

Говорить о воззрѣніяхъ Н. К. Михайловскаго на государство почти невозможно, не касаясь его общихъ взглядовъ, поскольку они выразились въ его социологическихъ построеніяхъ, въ частности въ его теоріи борьбы за индивидуальность. Можно даже сказать, что ученіе Михайловскаго о государствѣ представляетъ собою лишь конкретное приложеніе тѣхъ абстрактныхъ социологическихъ положеній, которыя въ срединѣ 1870-хъ годовъ сложились у него во всеобъемлющее, какъ ему самому, по крайней мѣрѣ, казалось, представленіе о борьбѣ за индивидуальность.

Формулируя исходный пунктъ теоріи борьбы за индивидуальность, Михайловскій опредѣлилъ его однажды такъ: «Каждая данная общественная форма стремится выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилизаціи, и ей это слишкомъ часто удастся» (Зап. проф., 422). «Какъ организмъ чловѣка, принимая самую разнообразную пищу, ассимилируетъ изъ нея только то, что можетъ идти на потребу именно той формы жизни, которая называется чловѣческимъ организмомъ, такъ и всякая данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все ей подходящее изъ любой умственной пищи, претворить эту пищу въ свою плоть и кровь, выбрасывая не перевариваемое ею» (Тамъ же, стр. 293, курсивъ подлинника).

Исходя отсюда, Михайловскій констатируетъ наличность борьбы всякой общественной формы за существованіе. «Всякая общественная форма борется за свое существованіе,—говоритъ онъ— борется не только въ качествѣ общества, но и въ качествѣ извѣстной именно общественной формы, и не только съ другими обществами, но и съ входящими въ ея составъ единицами» (См. т. IV, 894—895). Задачей Михайловскаго и было прослѣдить на фактахъ общественной, современной намъ или исторической жизни,

этотъ процессъ борьбы разныхъ общественныхъ формъ другъ съ другомъ и за подчиненіе своимъ интересамъ многогранной человеческой индивидуальности.

«Окидывая мысленнымъ взглядомъ всю эту громадную картину жизни,—говоритъ Михайловскій—вѣчно движущейся, вѣчно кипящей встрѣчными и поперечными, большими и малыми волнами, мы будемъ поражены ея крайней сложностью и пестротой, въ подробностяхъ которой не легко разобраться. Здѣсь даже не на первый взглядъ все безпорядочно, такъ какъ разнообразіи, какъ въ смыслѣ ихъ отправныхъ точекъ, такъ и въ смыслѣ силы, теченія направляются по линіямъ наименьшаго сопротивленія, то отставая свое самостоятельное существованіе, то уступая, вполнѣ или отчасти, теченію болѣе сильному. Можно только съ увѣренностью сказать, что на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность, а орудіемъ этой борьбы служитъ раздѣленіе труда («Отклики», т. II, 81—82).

Послѣднія слова показываютъ, между прочимъ, насколько ясно представлялъ самъ Михайловскій сложность той конкретной обстановки, въ средѣ которой идетъ или шла борьба общественныхъ формъ между собою «и съ входящими въ ея составъ единицами». «Въ этомъ отношеніи — поясняетъ свою мысль Михайловскій — возможны самыя разнообразныя комбинаціи, такъ что даже одна и та же общественная форма можетъ служить личности въ одномъ отношеніи и заставлять ее себѣ служить въ другомъ. Напримѣръ, Англія, какъ политическая организація, до извѣстной, весьма значительной степени, служитъ интересамъ личности и каждый британскій подданный, куда бы его ни забросила судьба, можетъ чувствовать себя могущественнымъ, ибо за нимъ стоитъ могущество всей британской державы. Но не таковъ экономическій строй той же Англіи: не англійское національное богатство служитъ интересамъ англійскаго рабочаго или земледѣльца, а, напротивъ, весь трудъ этихъ послѣднихъ уходитъ на созданіе колоссальнаго національнаго богатства, отъ котораго имъ перепадаютъ лишь крохи» *).

И Михайловскій спрашиваетъ: «Пусть мнѣ скажутъ: кто кому служить: безполезный муравей муравейнику или наоборотъ? Англійскій пролетарій англійскому обществу, или общество пролетарію?» (Зап. проф., 420). «Не вѣрно,—повторяетъ онъ—что въ обществѣ цѣлое служитъ составляющимъ его единицамъ, то-есть личности. Это—практическая задача, извѣстный общественный идеалъ, признаваемый одними, отвергаемый другими. Въ дѣйствительной же жизни, фактически, общество сплошь и рядомъ не только не служитъ составляющимъ его единицамъ, но, наоборотъ, ихъ заставляетъ играть служебную роль» (Т. II, стр. 894).

*) См. т. II, стр. 894 «Объ одномъ социальномъ вопросѣ». Писано въ 1891 г.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ опредѣляетъ Михайловскій исходный пунктъ своей теоріи борьбы за индивидуальность, намѣтитъ который намъ было необходимо для пониманія его взглядовъ на природу государства. Правда, во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ Михайловскій говоритъ не о государствѣ собственно, а вообще о формахъ социальной жизни,—общественныхъ формахъ,—но этимъ ничуть не затрудняется наше пониманіе его взглядовъ и на природу государства. «Всякая общественная форма борется за свое существованіе»—говоритъ Михайловскій. *Всякая*, а слѣдовательно, и государство, которое вѣдь тоже есть общественная форма, опредѣленный видъ ея, именно такой, когда социальныя отношенія регулируются обязательными правовыми нормами принудительнаго характера. Что такова дѣйствительно мысль Михайловскаго, это можно заключить и по его собственнымъ словамъ. «Напримѣръ,—говоритъ онъ—то военно-финансовое напряженіе, въ которомъ изнываетъ теперь вся западная Европа», и которое диктуется ей «государственными» соображеніями, — «отнюдь не согласуется съ интересами единицъ, составляющихъ европейскія общества. Напротивъ, эти единицы отрываются отъ производительнаго труда и обременяются налогами единственно *ad maiorem gloriam* извѣстной общественной формы» (Т. VI, стр. 894). Итакъ, мы можемъ считать, что все сказанное Михайловскимъ о поглощеніи личности данными формами общественной жизни, которыя Михайловскій, кстати сказать, тщательно отграничиваетъ отъ «самаго принципа общественности, коопераціи въ обширномъ смыслѣ слова», должно относиться и къ государству въ томъ его видѣ, какъ оно складывалось исторически. И мы еще болѣе убѣдимся въ правильности этого общаго вывода, если поймемъ, какое отношеніе къ вопросу о государствѣ имѣетъ замѣчаніе Михайловскаго о томъ, что орудіемъ борьбы, царящей въ мірѣ человеческихъ отношеній, служить раздѣленіе труда.

Теорія борьбы за индивидуальность Михайловскаго основывается, главнымъ образомъ, на разграниченіи двухъ формъ раздѣленія труда: *общественнаго*, раздѣленія труда между людьми, и *физиологическаго*, раздѣленія труда между органами отдѣльнаго человѣка. Первый видъ раздѣленія труда несетъ за собой гнетъ и порабощеніе личности, которую онъ замыкаетъ въ рамки узкой спеціализаціи; второй является стимуломъ возстанія личности за свои права, опредѣляетъ собой ея потребности ко всестороннему развитію. Взятая въ своемъ абстрактномъ выраженіи и принципѣ, обѣ эти формы раздѣленія труда діаметрально противоположны, — это Ормуздъ и Ариманъ соціологич. Михайловскаго, и міръ является ареной ихъ неустанной борьбы между собою, перепетій которой Михайловскій прослѣживаетъ порой во всѣхъ деталяхъ. Характерной тутъ является, однако, не самая только постановка Михайловскимъ вопроса о коренномъ антагонизмѣ общественнаго и фи-

зіологическаго раздѣленія труда, а и то содержаніе, которое онъ вкладываетъ въ эти термны, особенно первый изъ нихъ. На всемъ протяженіи всемірной исторіи царить одинъ законъ,—говоритъ Михайловскій—законъ борьбы за индивидуальность, борьбы общественныхъ формъ другъ съ другомъ и входящими въ ихъ составъ единицами. Но тѣ коллективныя индивидуальности, которыя при помощи раздѣленія труда борются другъ съ другомъ, не являются, по его представленію, чѣмъ то объективно-безличнымъ, абстрагированіемъ особаго рода индивидуальности — «Societas», какъ иронизируетъ Михайловскій надъ Спенсеромъ. Коллективные организмы, общественныя индивидуальности Михайловскаго, это—живое цѣлое, составленное изъ той или иной комбинаціи общественныхъ силъ, общественныхъ группъ, создавшихся въ свою очередь на почвѣ раздѣленія труда, какъ равно каждая такая общественная группа представляетъ изъ себя комбинацію индивидуальныхъ силъ. Установленный Михайловскимъ антагонизмъ между разными формами раздѣленія труда переходитъ поэтому въ антагонизмъ общественныхъ группъ, а антагонизмъ общественныхъ группъ осложняетъ борьбу за индивидуальность борьбой соціальной.

Вопросъ о соотношеніи борьбы за индивидуальность и борьбы соціальной сравнительно новъ въ литературѣ о Михайловскомъ и, во великомъ случаѣ, совершенно не разработанъ, что составляетъ, конечно, большое неудобство и при анализѣ его взглядовъ на государство, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ здѣсь разбирать полностью эту *объективную* часть теоріи борьбы за индивидуальность, хотя не можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оставить ее совсѣмъ безъ вниманія, ибо борьба соціальная, какъ разновидность борьбы за индивидуальность, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ одной изъ главныхъ проблемъ въ политическомъ міровоззрѣніи Михайловскаго,—съ его рѣшеніемъ вопроса о соціальной природѣ государства. Къ счастью, однако, насъ выручаетъ въ этомъ случаѣ какъ разъ та черга соціологическихъ статей Михайловскаго, наличность которой нѣкоторые критики настойчиво отрицали у него, именно способность Михайловскаго конкретизировать на частныхъ историческихъ примѣрахъ свои отвлеченныя соціологическія положенія. Вотъ, напр., на какихъ фактахъ изъ исторіи русскаго законодательства по народному образованію въ Россіи XVIII ст. иллюстрировалъ Михайловскій свои положенія о борьбѣ соціальной, какъ разновидности борьбы за индивидуальность.

Два принципа господствуютъ въ нашемъ законодательствѣ XVIII вѣка въ отношеніи его къ народному образованію, указываетъ Михайловскій: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца, 2) никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. «Наисильнѣйшее приложеніе принциповъ эти получили въ профессіи духовенства, результатомъ чего и было образованіе рѣзко обособленнаго духовнаго сословія». Но

такъ какъ современному, а тѣмъ болѣе тогдашнему, обществу не нужны пѣлостныя личности, а нужны лишь хорошіе спеціалисты въ тѣхъ или иныхъ областяхъ государственной и соціальной жизни, знающіе каждый «свой шестокъ», то въ одномъ положеніи съ духовенствомъ оказались почти всѣ другія сословія и сословія, въ средѣ которыхъ принципъ наслѣдственности профессій проводился законодательствомъ самымъ тщательнымъ образомъ. «Такъ, напри- мѣръ,—говоритъ Михайловскій—вѣрно было «дѣтей, оставшихся послѣ умершихъ въ службѣ докторовъ, штабъ-лѣкарей, лѣкарей не опредѣлять на службу ни въ какія другія команды, но только въ вѣдомство медицинской канцеляріи, гдѣ отцы ихъ служили». Дѣти горнослужащихъ обучались въ горныхъ школахъ; дѣти военныхъ мастеровыхъ обучались такъ, чтобы «потомъ могли быть добрыми мастеровыми»; дѣти ладожской команды получали образованіе въ особой, спеціальной школѣ, состоявшей при Ладожскомъ каналѣ. Если же дѣти людей извѣстной профессіи оказывались къ ней неспособными, то ихъ все-таки стремились удержать какъ-нибудь вблизи отъ нея. Правительство имѣло въ виду исключительно нужды государства, которыя приурочило къ сословнымъ цѣлямъ и интересамъ. Когда вслѣдствіе этого профессиональная система получила преобладающее, исключительное значеніе, образованіе элементарное оказалось не въ авантажѣ, во-первыхъ, уже потому, что оно есть образованіе общее, а во-вторыхъ, потому, что имъ должны были пользоваться низшіе классы общества, ни къ какой спеціальной государственной службѣ неприиспособленные*).

«Мы видимъ здѣсь—говоритъ Михайловскій—самую яркую картину борьбы за индивидуальность». Дѣйствительно, законодательство по народному образованію Россіи того времени какъ бы нарочно создано для подкрѣпленія основного тезиса борьбы за индивидуальность. Всякій видитъ здѣсь воочію, какъ данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все *ей* подходящее изъ даннаго момента цивилизаціи, претворивъ все это въ *свою* плоть и кровь и выбросивъ непереваримое *ею*. «Государство (такъ вездѣ было—замѣчаетъ въ скобкахъ Михайловскій) въ извѣстный моментъ своего развитія стремится побороть, поглотить сословія и сословія разными средствами. Оно говоритъ: мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники, священники, подъячіе, какъ простые не-самостоятельные органы моей жизни; съ этой цѣлью я обращаю всѣ эти профессіи въ наслѣдственныя, ибо рядъ поколѣній, воспитанныхъ, напри- мѣръ, въ школѣ Ладожскаго канала, будетъ наилучше исполнять то, что по моимъ задачамъ должно быть на Ладожскомъ каналѣ исполнено» (тамъ-же). И оно достигаетъ этого. При этомъ оговорка Михайловскаго, что государство такъ поступаетъ лишь «въ извѣстный моментъ своего развитія»,—отнюдь не

*) Т. III, стр. 523, 524 «Зап. проф.» Статья о Толстомъ, іюль 1875 г.

значить, что впоследствии оно совершенно освобождается отъ этихъ тенденцій. Какъ высшая общественная индивидуальность, оно и въ послѣдствіи само по себѣ должно остаться вѣрнымъ своимъ основнымъ тенденціямъ, но дѣло только въ томъ, что проводить ихъ ему становится или невыгодно, или прямо невозможно, въ виду противодѣйствія поставленныхъ въ болѣе благоприятныя условія индивидуальностей низшаго порядка. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, насколько ближе на картину, которая тутъ получается.

Государство говоритъ: «мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники» и т. д. и съ этой цѣлью оно обращаетъ эти профессіи въ наследственные, строго проводя между ними раздѣленіе труда. Это одна стадія борьбы, та именно, когда «побѣда должна принадлежать высшей индивидуальности—государству». За ней, однако, наступаетъ другая стадія. Хотя государство и стремится побороть созданныя имъ самими сословія и сословія и сдѣлать изъ нихъ простые самостоятельные органы своей жизни, но «по мѣрѣ того, какъ этимъ»—т. е. описаннымъ выше—«путемъ растутъ и крѣпнутъ сословія и сословія», они вступаютъ въ свою очередь, въ силу общаго закона борьбы за индивидуальность, въ состязаніе съ высшей индивидуальностью, и «побѣда въ значительной степени переходитъ на ихъ сторону. Они уже своею борьбою направляютъ жизнь государства въ ту или иную сторону» (тамъ-же, курсивъ Михайловскаго), заставляя государство, прежде покорявшее ихъ, служить, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, *своимъ* групповымъ интересамъ. Съ другой стороны, разъ всѣ эти сословія и сословія, а равно и другія общественныя группы, возникшія на почвѣ раздѣленія труда, получаютъ въ государствѣ извѣстную силу и значеніе, то, слѣдовательно, и само государство изъ объективно-безличнаго организма становится живымъ воплощеніемъ борьбы социальныхъ силъ. Отсюда анализъ Михайловскимъ социальной природы современнаго государства.

Анализъ социальной природы современнаго государства былъ вообще одной изъ задачъ демократической литературы 70-хъ гг., въ частности ея передовой фаланги — публицистики «Отеч. Записокъ». «Что мѣшаетъ лучшимъ людямъ Англіи осуществить свои прекрасныя цѣли и сдѣлать ее одной изъ лучшихъ, счастливѣйшихъ странъ въ свѣтѣ?»—спрашиваетъ въ статьѣ «Плутократія и ея основы» Гр. Зах. Елисѣевъ, и, спрашивая такъ, тутъ же отвѣчаетъ: «парламентаризмъ, основанный на господствѣ капиталовъ или—что то же—захватъ власти имущественными классами. Ибо, какъ скоро такой захватъ совершился, то своекорыстіе капитала становится основною политикою правительства, какими бы либеральными учрежденіями и законами оно ни драпировалось». «Волчій судъ—говоритъ дальше Елисѣевъ—дѣлается неизбѣжнымъ во всякомъ правительствѣ, которымъ завладѣли имущественные классы» («Отеч. Зап.», 1872 г., № 2, 212, 213). Приблизительно такихъ же взглядовъ на

вопросъ о социальной природѣ современнаго государства держался и Михайловскій. «Признавая представительныя учрежденія законнымъ органомъ общества,—говоритъ Михайловскій при разборѣ политическихъ взглядовъ Лоренца Штейна — Штейнъ замѣчаетъ, что, тѣмъ не менѣе, они всецѣло отражаютъ въ себѣ данное отношеніе общественныхъ силъ, а такъ какъ въ обществѣ преобладаетъ имущій классъ, то и такъ называемое народное представительство служить лишь интересамъ этого имущаго класса. Большинство въ палатахъ есть не столько большинство убѣжденных, сколько большинство интересовъ. Не говоря объ избирательномъ цензѣ, сосредоточивающемъ политическую власть въ рукахъ капиталистовъ, даже всеобщая подача голосовъ, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, не въ силахъ передвинуть политическій центръ тяжести» («Литер. Зам.» 1880 г. ноябрь, т. IV, 997).

Можно было бы привести цѣлый рядъ такихъ или подобныхъ мѣстъ изъ политическихъ статей Михайловскаго, относящихся при томъ не только къ характеристикѣ представительныхъ формъ правленія, а равнымъ образомъ и къ автократическому строю. «Существуетъ историко-политическая схема»,—говоритъ, напримеръ, Михайловскій объ автократіи—«по которой центральная монархическая власть является естественнымъ союзникомъ низшихъ классовъ, такъ что совокупнымъ давленіемъ вершины и основанія общественнаго строя сдерживается чрезмѣрное развитіе промежуточныхъ слоевъ»,—т. е. аристократіи, съ одной стороны, и буржуазіи—съ другой.—«Схема эта, безъ сомнѣнія, имѣетъ за себя фактическое оправданіе въ нѣкоторые моменты исторіи. За нее, повидимому, и самая логика вещей... На дѣлѣ, однако, далеко не всегда такъ бываетъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ надлежитъ очень и очень вглядываться во взаимное отношеніе политическихъ элементовъ прежде, чѣмъ располагать ихъ въ означенную схему» *). Взаимное отношеніе политическихъ элементовъ, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ должно сказываться на дѣятельности центральной власти. Повторяемъ еще разъ, аналогичныхъ примѣровъ можно привести изъ статей Михайловскаго цѣлый рядъ, мы, однако, дѣлать этого не будемъ, такъ какъ для насъ важны не самые эти примѣры собственно, а главнымъ образомъ тѣ общія социологическія положенія Михайловскаго, слѣдствіемъ которыхъ и являются всѣ подобныя мѣста въ его произведеніяхъ. При этомъ въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ новой варіаціей извѣстнаго намъ положенія Михайловскаго о раздѣленіи труда, какъ основѣ общественныхъ группировокъ, и при томъ варіаціей чрезвычайно важнаго характера.

Государство представляетъ политическій итогъ извѣстной комбинаціи общественныхъ силъ—таковъ результатъ нашего предыду-

*) Статья объ Іоаннѣ Грозномъ, т. VI, 212.
Февраль. Отдѣлъ I.

шаго анализа. Государство, разумѣется, не сразу сложилось въ такомъ видѣ, а пройдя предварительно длинный путь историческаго развитія. Было время, когда общественная жизнь даже не знала основного принципа современныхъ государственныхъ отношеній—раздѣленія на управляемыхъ и управляющихъ, на тѣхъ, которые управляютъ, и тѣхъ, которыми управляютъ,—когда, слѣдовательно, коллективныя права по управленію принадлежали самой коллективности. Нарушеніе этого порядка путемъ введенія общественнаго раздѣленія труда въ сферу управленія и было первымъ шагомъ къ созданію современнаго политическаго строя со всѣми его гибельными послѣдствіями для развитія личности. Въ томъ, что они гибельны, врядъ-ли могутъ быть сомнѣнія. Правда, мы не знаемъ, что было бы, если бы въ исторической жизни человѣчества восторжествовалъ не принципъ раздѣленія труда, который привелъ къ такимъ порядкамъ, и специализаціи общественныхъ функцій, а «принципъ простого сотрудничества, если-бъ цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ коопераціи личное существованіе во всѣ стороны, не раздробляя индивидуальности, а приобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности, столь же цѣльныя»... «Я не знаю,—повторяетъ Михайловскій,—что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было, и, на сколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, и не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло» («Что такое прогрессъ» I, 96). Одолѣлъ порядокъ, при которомъ общественная прежде власть обособилась постепенно въ однихъ рукахъ и въ эти же руки перешли всѣ права, связанные съ управленіемъ общественной власти и въ свое время бывшія коллективными. Иначе говоря,—произошелъ *замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ*, какъ опредѣляетъ эту смѣну въ общественномъ строѣ самъ Михайловскій *). Коллективность отъ этого, разумѣется, не перестала существовать, не лишилась возможности дѣйствовать именно какъ коллективность, но результаты ея дѣятельности, всѣ выгодныя стороны этой дѣятельности постепенно сосредоточивались въ рукахъ немногихъ.

«Въ 1871 году—говоритъ Михайловскій—подъ впечатлѣніемъ ужасовъ франко-прусской войны, извѣстный французскій ученый Катрфажъ издалъ небольшую книжку «La gace prussienne», въ которой доказывалъ, что эта «прусская раса», грубая и воинственная, какъ бы поклялась въ непримиримой враждѣ къ латинской расѣ, и въ особенности къ ея высшему цвѣту—французамъ». «Въ своихъ гаданіяхъ о будущемъ—продолжаетъ далѣе Михайловскій—Катрфажъ не предвидѣлъ, что одинъ изъ членовъ латинской семьи—Италія войдетъ въ составъ противъ-французскаго союза подъ главенствомъ все той же «прусской расы». Эта честь или

*) См. т. I, стр. 485, «Борьба за индивид.» Курсивъ мой.

это безчестіе дорого обходится Италіи, но не итальянцы, какъ нація, какъ «раса», виноваты въ этомъ, а извѣстный политическій строй, порождающій извѣстныя политическія комбинаціи», («Литер. восп.», т. II, 208).

Послѣдній выводъ, и какъ разъ на примѣрѣ нашего отношенія къ интересамъ націй, въ основѣ образованія которыхъ лежитъ обычно расовый элементъ, Михайловскій раздвигаетъ даже на степень нѣкотораго болѣе широкаго обобщенія. «Теперь вы понимаете, вѣроятно», — говоритъ онъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» 1877 г. объ интересахъ націи — «хотя и не всѣ это понимаютъ, что это грубый софизмъ, что интересы націи въ огромномъ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не существуютъ, что за этими красивыми и благородными словами скрываются вполнѣ осязательные интересы верхнихъ слоевъ націи» (Т. IV, стр. 449). Значитъ ли это, что нація, какъ цѣлое, никогда не выступаетъ на арену общественной жизни? Разумѣется, совсѣмъ не значитъ, иначе бы Михайловскій не оговаривался въ посвященной Катрфажу цитатѣ (ср. тамъ-же, стр. 209) о національных «массовыхъ» увлеченіяхъ. Да подобный выводъ противорѣчилъ бы и всей его социологін, одной изъ задачъ которой было какъ разъ разъясненіе психологическаго механизма подобныхъ массовыхъ увлеченій. Но, опять таки, допуская возможность ихъ, Михайловскій не забывалъ объ установленномъ имъ законѣ сосредоточенія, при настоящихъ условіяхъ, коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ. Напримѣръ, великая французская революція была въ полномъ смыслѣ слова дѣломъ коллективно-національнымъ, выставившимъ своимъ лозунгомъ торжество личнаго начала, которое, конечно, способно обнять интересы «всѣхъ и каждого». Однако, «на практикѣ не личному началу послужилъ переворотъ, а тому третьему сословію, о которомъ Сіэсъ, съ надменностью, доселѣ соблазняящую людей въ родѣ г. Суворина, говорилъ, что оно должно быть всѣмъ» *). Всѣ преимущества коллективно, силами

*) Писано въ декабрѣ 1831 года. См. т. V, стр. 537. Упомянутое о г. Суворинѣ объясняется заявленіемъ: «Я за буржуазію», съ которымъ г. Суворинъ выступилъ тогда въ «Новомъ Времени». Что касается общей мысли Михайловскаго, выраженной въ приведенномъ отрывкѣ изъ «Зап. соврем.», то съ ней любопытно сравнить еще слѣдующую тираду изъ статьи «Графъ Бисмаркъ» (февр. 1871 г.), тираду, представляющую параллель между Бисмаркомъ и Кавуромъ, какъ дѣятелями, одинъ германскаго объединенія, другой національнаго освобожденія Италіи. «Нѣмцы любятъ сравнивать свое объединеніе съ объединеніемъ Италіи» — говоритъ Михайловскій. — «Нѣмцы вызываютъ также охотниковъ провести параллель между Кавуромъ и Бисмаркомъ. Это была бы дѣйствительно параллель любопытная, но не между дипломатами только, а между чистокровнымъ итальянскимъ буржуа и прусскимъ юнкеромъ... Итальянское объединеніе имѣло передъ собой практическую, народную цѣль — свободу, а не славу и величіе савойскаго дома. Такую же практическую цѣль имѣли и нѣмцы въ 1848 году, когда рѣшили разъ навсегда покончить съ рас-

націи, выполненнаго дѣла достались такимъ образомъ на долю немногихъ. И если этотъ выводъ Михайловскаго не отрицаетъ возможности національно-коллективныхъ выступлений, подобныхъ настоящему, который Михайловскій даже считаетъ самостоятельнымъ психологическимъ феноменомъ, хотя и происходящимъ на почвѣ опредѣленныхъ социальнo-экономическихъ явленій,—то, съ другой стороны, тотъ же выводъ Михайловскаго о сосредоточеніи коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ служить основой его критики подобнаго рода порядковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣнность представляютъ съ точки зрѣнія личности, или—что то-же—съ точки зрѣнія массы народа тѣ порядки, при которыхъ продукты коллективнаго труда оказываются въ рукахъ враговъ этой коллективности? Каждый общественный строй цѣненъ постольку, поскольку онъ удовлетворяетъ права личности и права массы, но что цѣннаго въ такомъ случаѣ въ томъ же современномъ государственномъ строѣ, гдѣ, вмѣсто правъ народа и правъ свободной личности, господствуетъ невообразимо голый классовый эгоизмъ? Коллективное цѣлое при этомъ какъ бы перестаетъ выполнять свою непосредственную задачу и всѣ выгоды выпадаютъ на долю счастливыхъ, выдвинутыхъ раздѣленіемъ труда на верхи социальной лѣстницы, тогда какъ всѣ его тяжести падаютъ на плечи пасынковъ исторіи. Что такое, напр., та же нація для этихъ пасынковъ исторіи, разъ интересы націи есть въ сущности интересы верхнихъ слоевъ націи, находящихся въ коренномъ антагонизмѣ съ интересами ея низшихъ слоевъ? Прямолинейно развивая эти положенія, можно легко придти къ выводамъ, подобнымъ тѣмъ, которые въ настоящее время проповѣдуетъ во Франціи Густавъ Эрве въ своей газетѣ «La guerre sociale» и нашу мѣвшей не такъ давно книгѣ «Leur patrie». Вся философія Эрве заключается въ одной фразѣ изъ коммунистическаго манифеста: «у рабочихъ нѣтъ отечества», откуда и выводъ: «leur patrie», т. е. *ихъ* отечество, *ихъ*—буржуазныхъ, правящихъ классовъ, у класса же рабочихъ, поработанныхъ отечества, націи—*нѣтъ*, какъ нѣтъ и государства, ибо современное государство это тоже есть организція «ихъ» господства. Въ своемъ родѣ это тоже выводы изъ положенія объ узурпаціи коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, но выводы слишкомъ прямолинейные, чтобы быть въ настоящемъ смыслѣ послѣдовательными. Замѣчательно, однако, что будучи очень

прямы и притязаніями своихъ князей и князьковъ. Но Бисмарку удалось извратить эту цѣль, обратить ее въ фиктивную, не имѣющую ничего общаго съ интересами народа... Возбудивъ не вымершіе еще въ нѣмцахъ военные и всѣ другіе сродные съ ними инстинкты, заглушивъ противоположныя мысли и чувства, Бисмаркъ устроилъ дѣло такъ, что его соотечественники не нарадуются своему единству, между тѣмъ какъ оно сводится къ политическому и военному могуществу Германіи, т. е. германскаго императора (т. VI, стр. 110. Курсивъ мой).

далекъ отъ Эрве въ выводахъ изъ своихъ положеній, Михайловскій въ одномъ отношеніи близко подходитъ къ нему и эта близость его съ Эрве въ извѣстномъ смыслѣ характерна.

«Что такое отечество? — спрашивалъ Михайловскій подобно автору «*Leur patrie*», хотя и задолго до него: отечество—отвѣчаетъ онъ словами Ренана это—не просто извѣстная страна. Это сумма географическихъ, экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и т. д. фактовъ и идей, завѣщанныхъ намъ отцами... Слѣдовательно, любовь къ отечеству есть уваженіе къ совокупности фактовъ и идей, полученныхъ нами по наслѣдству и всему человечеству недоступныхъ». Но что же нами получено по наслѣдству и почему это наслѣдство недоступно всему человечеству? На это Михайловскій даетъ такой отвѣтъ: «Въ отдаленной древности только главы семействъ, отцы, *patres* были дѣйствительными членами общества, гражданами. Когда ихъ единичные интересы, въ которыхъ кульминировались интересы ихъ чадъ и домочадцевъ, слились въ нѣкоторомъ общемъ интересѣ, то этотъ послѣдній былъ названъ *patria* (подразумѣвается *res*), т. е. дѣло, интересъ отцовъ, или отечество. Дѣйствительные члены первыхъ «отечествъ», «патрій» назывались поэтому патриціями. Слѣдовательно, когда крестьяне наши не только твердили помѣщикамъ: вы наши отцы, мы ваши дѣти,—но дѣйствительно видѣли свою славу и гордость въ величіи помѣщика (такіе типы всѣмъ знакомы), они были настоящими патриотами въ древнемъ и истинномъ значеніи слова» *).

Вотъ, слѣдовательно, каковъ смыслъ слова патриотизмъ—отечество. Это *ихъ*, «патриціевъ», отечество, а не наше. «Въ свое время слова эти—продолжаетъ Михайловскій—отлично выражали состояніе сознанія нашихъ предковъ и потому вошли во всеобщее употребленіе. Они существуютъ и до сихъ поръ, но связанныя съ ними понятія уже не таковы; языкъ нашъ сталъ врагомъ нашимъ. Когда предки наши говорили: я люблю свое отечество,—они отлично понимали, что значать эти слова. Но когда эти слова говорятъ нами, мы не связываемъ уже съ ними такихъ отчетливыхъ представленій». «Конечно,—сговаривается Михайловскій—не всегда легко провести совершенно ясную границу между *res patria* и *res publica*. Но дѣло не въ этой границѣ, а въ *патріотическомъ* направленіи мысли, или, вѣрнѣе, въ увлеченіи патриотическими словами. И съ этой точки зрѣнія нѣтъ разницы между итальянскимъ патриотомъ, республиканцемъ Мадзини, и прусскимъ патриотомъ, юнкеромъ Бисмаркомъ. Мадзини всю жизнь говорилъ, что онъ служить «Богу и народу», но онъ ошибался, онъ служилъ «отцамъ» какъ оказалось на дѣлѣ. Бисмаркъ, конечно, не ошибается. Онъ овладѣлъ своимъ языкомъ, онъ умѣетъ будить словами «отечество»,

* См. всѣ эти цитаты во II томѣ соч. Михайловскаго, стр. 741, 744, 745, 749, «Литературныя замѣтки» 1872 года.

«патріотизмъ» тѣ именно элементы «совокупности предразсудковъ и установившихся идей», которые ему нужны. И результаты получились блестящіе: Францію побѣдила Германія, Германію Пруссія, Пруссію «отцы», *res patria* побѣдила всю Европу».

II.

На послѣднихъ страницахъ предыдущей главы мы видѣли рѣшеніе Михайловскимъ вопроса о соціальной природѣ современнаго государства, гдѣ господами положенія являются «отцы» — «патриціи». Но, опредѣливъ природу исторически слагавшагося государства, въ правѣ ли мы считать этимъ вполнѣ исчерпаннымъ общій вопросъ о государствѣ и о нашемъ принципиальномъ къ нему отношеніи? Для того, чтобы пояснить этотъ вопросъ, возьмемъ тотъ же примѣръ съ отношеніемъ Михайловскаго къ патріотизму. Анализируя это понятіе, Михайловскій вовсе не хотѣлъ тѣмъ самымъ выступить рѣшительнымъ противникомъ патріотизма вообще, ибо вся его критика имѣла лишь относительный характеръ. «Патріотизмъ—говоритъ Михайловскій—является въ одно и то-же время и совмѣстимымъ, и несовмѣстимымъ съ гуманитарными чувствами, которыя, хотя бы и медленно, все больше распространяются въ цивилизованномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ зависитъ отъ того, какъ понимать патріотизмъ, такъ какъ разные люди смотрятъ на него различно. Патріотизмъ, т. е. любовь къ отечеству, родинѣ можетъ заключаться въ стремленіи доставить торжество въ своей странѣ гуманитарному идеалу. Однако, есть люди, которые считаютъ себя патріотами потому, что хотятъ сохранить всѣ предразсудки своей среды. Существуетъ патріотизмъ естественный, патріотизмъ угнетаемыхъ народностей, ищущихъ свободы. Существуетъ патріотизмъ, свойственный государству, которое, мечтая о расширеніи своихъ границъ, подавляетъ свободу уже подчиненныхъ народностей» *).

Едва-ли отсюда можно сдѣлать выводъ о полномъ отрицаніи Михайловскимъ идеи «отечества» и «патріотизма». Интернаціонализмъ Михайловскаго въ этомъ отношеніи далекъ отъ интернаціонализма Густава Эрве. Правда, тотъ патріотизмъ, который заключается «въ стремленіи доставить торжество въ своемъ отечествѣ гуманитарному идеалу»,—приводитъ въ концѣ концовъ къ самоотрицанію: тамъ нѣтъ «отечества» въ узкомъ смыслѣ, гдѣ восторжествовалъ гуманитарный общечеловѣческій идеалъ. Но это еще не значитъ, что для даннаго момента въ интересахъ самого общечеловѣческаго идеала идея «отечества» безразлична. «Любовь къ отечеству»—какъ говоритъ Михайловскій—не есть «любовь къ

*) См. замѣтку «Н. К. Михайловскій о патріотизмѣ». Рев. Росс. № 45.

географическому понятію, т. е. къ такому чему-то, что не можетъ ни страдать, ни наслаждаться. Любить, дѣйствительно любить можно, именно, только то, что страдаетъ и наслаждается, потому что любить значитъ переживать страданіе и наслажденіе любимаго предмета. Патріотизмъ, въ буквальномъ значеніи слова, есть любовь отраженная, продуктъ рефлексіи. Не русскую же природу мы любимъ, мерзлую и скупую, не эти сѣренькіе, плюгавые ландшафты. Если они намъ и дороги, то не сами по себѣ, а потому, что тутъ полегли кости миллионовъ близкихъ намъ людей, что земля эта полита дорогими намъ кровью и потомъ; и любимъ мы ихъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ мы къ нимъ ближе, чѣмъ понятнѣе намъ ихъ радости и горести, чѣмъ болѣе эти радости и горести совпадаютъ съ нашими собственными, чѣмъ, слѣдовательно, наше собственное положеніе имѣетъ больше сходства съ ихъ положеніемъ» (т. II, стр. 86). Идея патріотизма въ этомъ смыслѣ имѣетъ глубокое и самостоятельное значеніе, умалить которое не могутъ «барабанно-географическіе взгляды на величіе страны», практикуемые въ своихъ интересахъ нынѣшними «отцами».

Попробуемъ теперь примѣнить эти взгляды къ идеѣ государства. Если идея отечества, запачканная и загрязненная современными патріотами, все-таки имѣетъ что-то властное и обаятельное для насъ, заставляющее дорожить ею, по крайней мѣрѣ, въ данный историческій моментъ,—то не въ правѣ ли мы аналогичнымъ образомъ разсуждать и въ вопросѣ о государствѣ, ибо вѣдь и въ государственности есть такія стороны, которыя не теряютъ своей безусловной цѣнности отъ ихъ нынѣшняго историческаго воплощенія. При этомъ опять таки рѣчь у насъ идетъ пока не о томъ времени, когда восторжествуетъ общечеловѣческій идеаль. Довѣдетъ дни злоба его. Въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ вполне возможна такая комбинація общественныхъ отношеній, при которой не будетъ нужды въ собственно государственномъ элементѣ соціальной жизни. Спенсеръ, напр., вводитъ въ свое представленіе о будущемъ строѣ «право игнорировать государство», стѣсняющее свободу личности. Но «что такое право игнорировать государство?»—спрашиваетъ по этому поводу Михайловскій.—«Конечно, не болѣе, какъ пустой звукъ, потому что несовершенные люди, какъ говоритъ и самъ Спенсеръ, не пользуются, не пользовались, не будутъ и не могутъ имъ пользоваться; а люди совершенные, какими ихъ представляетъ себѣ опять таки самъ Спенсеръ, вовсе не будутъ нуждаться въ такомъ правѣ, ибо въ ту пору и государство существовать не будетъ» («Что такое счастье», т. III, 170).

Однако изъ того, что «въ ту пору государства существовать не будетъ» еще не слѣдуетъ, что мы сейчасъ должны быть принципиально враждебны къ формамъ государственной жизни, хотя бы даже узурпированнымъ въ свою пользу имущими классами, — «отцами». Такое отрицаніе государства граничило бы съ анархиз-

момъ, но при всей рѣзкости своей критики социальной природы государства ни анархистомъ, ни антигосударственникомъ Михайловскій никогда не былъ. Разбирая, напр., общественные взгляды Прудона, который въ свое время оказалъ на него огромное влияние, Михайловскій рѣзко высказывается, однако, противъ полемики Прудона съ Луи-Бланомъ. «Онъ, т. е. Прудонъ, плохо различалъ, по словамъ Михайловскаго, принципъ и его осуществленіе, цѣль и средства. Въмѣсто того, чтобы держаться своего правила, называть кошку кошкой и стоять на томъ, что будь, дескать, я на вашемъ мѣстѣ членомъ временнаго правительства, я бы не національныя мастерскія заводилъ, а дѣлалъ бы то-то и то-то—въмѣсто этого онъ громилъ «гувернаментализмъ» Луи Блана и щеголялъ своей «анархіей». Между тѣмъ, онъ очень хорошо понималъ, что его анархія есть только маякъ, отдаленный возможный результатъ ряда дѣйствій, которымъ онъ самъ готовъ былъ придать нѣкоторый «гувернаментальный» характеръ (Зап. проф., т. III, 651).

Въ своей защитѣ гувернаментализма Михайловскій руководился нѣкоторыми практическими соображеніями: въ то время, когда писались эти строки (ноябрь 1875), да и раньше ихъ его учителями въ области политическаго міровоззрѣнія были не Прудонъ и анархисты, а Лассаль и Луи Бланъ съ ихъ идеей государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ. Но, разумѣется, защита государства можетъ быть поставлена и на болѣе широкомъ основаніи, къ которому, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и пришелъ въ концѣ концовъ Михайловскій. Не говоря уже о томъ, что разные типы государственнаго строя могутъ находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ судьбамъ личности (вспомнимъ, напр., какъ Михайловскій противопоставляетъ политическій строй Англіи, несмотря на всѣ его несовершенства, ея экономической организаціи),—не говоря объ этомъ, государство является союзомъ *правовымъ* и въ этомъ отношеніи имѣетъ такія функціи, которыя обладаютъ самостоятельной цѣнностью, такъ какъ внѣ права общественная жизнь не мыслима. Къ такому взгляду на государство Михайловскаго приводила и логика самой жизни 70-хъ гг., схватить общій смыслъ которой ему помогло высоко развитое въ немъ чувство политическаго такта, и логика его собственнаго міровоззрѣнія. Какъ социологъ, Михайловскій никогда не былъ склоненъ подчинять моменту социально-экономическому, моменту объективному, всѣ остальные стороны субъективнаго проявленія духовной дѣятельности человека, и онъ былъ бы не правъ и непослѣдователенъ, если-бъ поступилъ иначе въ вопросѣ о государствѣ. И, дѣйствительно, во взглядахъ Н. К. Михайловскаго на государство можно различать двѣ стороны: опредѣленіе социальной природы государства и анализъ его правового характера, причемъ отправнымъ пунктомъ всѣхъ построеній Михайловскаго въ обоихъ случаяхъ является его теорія борьбы за индивиду-

альность въ тѣхъ или другихъ своихъ развѣтвленіяхъ, въ какихъ именно,—мы сейчасъ увидимъ.

Впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ о социальной природѣ государства, намъ уже извѣстно, какія стороны теоріи борьбы за индивидуальность относятся сюда, и мы могли бы считать этотъ вопросъ вполне исчерпаннымъ, если-бъ не одно обстоятельство, нѣсколько осложняющее наше изложеніе. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ новѣйшихъ произведеній, посвященныхъ, между прочимъ, общему взгляду Михайловскаго. «Михайловскій и его поколѣніе отказывались отъ политической свободы и конституціоннаго государства, въ виду возможности непосредственнаго перехода Россіи къ социалистическому строю. Но все это социологическое построение было основано на полномъ непониманіи природы конституціоннаго государства»...

Такъ пишетъ г. Кистяковскій въ статьѣ «Борьба за право», одной изъ семи, составляющихъ сборникъ «Вѣхи». Михайловскій и его поколѣніе разсуждали въ данномъ случаѣ, по словамъ г. Кистяковскаго, такъ, какъ въ 60-хъ гг. разсуждалъ К. Д. Кавелинъ, опасавшійся введенія въ Россіи конституціоннаго строя изъ боязни дворянской гегемоніи въ нашихъ парламентскихъ учрежденіяхъ, буде они тогда осуществились бы. Вслѣдствіе присущей нашей интеллигенціи слабости правового сознанія, тотъ и другой обращали вниманіе только на социальную природу конституціоннаго государства и не замѣчали его правового характера, хотя сущность его именно въ томъ, что оно, прежде всего, правовое государство. А правовой характеръ конституціоннаго государства получаетъ наиболѣе яркое свое выраженіе въ огражденіи личности, ея неприкосновенности и свободѣ («Вѣхи», 2 изд., 134, 135).

«Свобода—великая и соблазнительная вещь» —цитируетъ г. Кистяковскій въ подтвержденіе своихъ выводовъ объ «отрицаніи правового строя» Михайловскимъ одну изъ его статей 1880 года—«но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличить нашъ долгъ народу». И еще: «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя; не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ. Мы были совершенно согласны довольствоваться въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды. Конечно, это отреченіе было, такъ сказать, платоническое, потому что намъ, кромѣ акриды и дикаго меда, никто ничего и не предлагалъ, но я говорю о настроеніи, а оно именно таково было и доходило до предѣловъ, даже мало вѣроятныхъ, о чемъ въ свое время скажетъ исторія... И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго

перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства».

Что цитаты эти говорятъ объ отрицаніи Михайловскимъ буржуазнаго государства, безусловно вѣрно. Но не будемъ, однако, и преувеличивать ихъ значенія. «Михайловскій отрицаетъ конституціонное государство, какъ буржуазное»—говоритъ г. Кистяковский, но вѣдь въ то же время Михайловскій въ вопросѣ о государствѣ и «гувернаментализмѣ» становится на сторону государственниковъ Луи-Блана и Лассаля и высказывается противъ анархизма Прудона. Слѣдовательно, онъ цѣнитъ въ государствѣ еще что-то, несмотря на его социальную природу. Г. Кистяковский всѣ свои выводы о возведеніи Михайловскимъ въ «систему» отрицанія политики строитъ всего на двухъ приведенныхъ цитатахъ, на «двухъ отрывкахъ». Нельзя сказать, чтобы это былъ матеріалъ особенно богатый. О томъ же, чтобы дополнить его соответствующей критикой теоретическихъ взглядовъ Михайловскаго, г. Кистяковский даже не подумалъ, тогда какъ прежде всего долженъ былъ обратиться на это все свое вниманіе. Могло вѣдь и такъ случиться, что приведенныя цитаты были лишь однимъ изъ эпизодовъ литературной дѣятельности Михайловскаго, стоящимъ въ противорѣчіи съ общимъ ходомъ развитія его взглядовъ, которые въ послѣдствіи взяли свое, силой своей логики и логики жизни и привели въ равновѣсіе разныя части воззрѣній Михайловскаго. И не только могло такъ случиться, но такъ дѣйствительно и случилось.

Мы уже знаемъ по всему предыдущему изложенію, какъ былъ поставленъ у Михайловскаго въ общей системѣ его воззрѣній вопросъ объ отношеніи государства, какъ высшей индивидуальности, къ личности, какъ индивидуальности низшаго порядка. Государство стремится покорить личность, поглотить ее, сдѣлавъ служительницей своихъ специальныхъ нуждъ, и съ этой цѣлью оно дробитъ личность на основѣ раздѣленія общественнаго труда. «Оно говоритъ: мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники» и стремится на почвѣ обособленія социальныхъ функций въ разныхъ рукахъ во всей чистотѣ провести въ жизнь эти убійственныя для развитія личности тенденціи, и, поскольку оно ихъ проводить, личность обращается въ простой механическій придатокъ стоящаго надъ ней цѣлаго. И эта тенденція не какая либо прихоть государства, какъ высшей общественной индивидуальности. «Зачѣмъ отворачиваться отъ несомнѣнной истины, установленной объективной наукой,—говоритъ Михайловскій—цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части». Само онъ отъ этого и не отворачивается, но, не отворачиваясь отъ этой истины, установленной объективной наукой, онъ противопоставляетъ ей столь же несомнѣнную и столь же неопровержимую истину другого порядка—*потребность самой личности къ всестороннему развитію*. «Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства»—говоритъ Михайловскій отъ лица бунтующей лич-

ности про высшую индивидуальность, совершенство которой определяется несовершенствомъ ея частей—«я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится поборотъ меня, а я буду стремиться поборотъ ее, чья возьметъ—увидимъ» (Зап. проф., т. III, 422, 423). Такова дилемма въ ея общей постановкѣ, посмотримъ теперь, каковы будутъ конкретные выводы изъ нея въ приложеніи къ проблемѣ государства.

Что государство въ качествѣ высшей индивидуальности, какъ, впрочемъ, и вообще всякая индивидуальность высшаго порядка, отнюдь не всегда фактически покоряетъ входящія въ ея составъ единицы, хотя всегда стремится ихъ покорить, — это мы можемъ считать тоже установленнымъ положеніемъ. Бываютъ такіе моменты, когда отдѣльныя единицы и группы, составляющія въ свою очередь общественное цѣлое—«сословіе, классъ, партію»—успѣшно отстаиваютъ свои права отъ поползновенія высшихъ общественныхъ организмовъ, выдвигая противъ нихъ то же самое оружіе,—раздѣленіе труда, раздѣленіе труда между своими органами, раздѣленіе труда физиологическое, и уменьшая раздѣленіе труда между людьми. Государству не нужны цѣлостные индивидуумы, ему нужны специалисты нервной и мускульной системы, какъ несамостоятельные органы его жизни, но вотъ съ этимъ-то и борются тѣ, кто отъ этого страдаетъ. Во имя чего представитель мускульной силы поставить себя только одинъ законъ въ жизни: «работай, работай, работай». Во имя совершенства высшей индивидуальности? Но развѣ онъ не въ правѣ сказать: мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. «Пусть, кто хочетъ, посмотритъ на меня, какъ на часть чего то, надо мной стоящаго и на меня посягающаго, я не переставалъ видѣть въ себѣ полнаго человѣка, цѣльную и нераздѣльную личность. Я хочу жить всей доступной для человѣка жизнью, значить, не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь. И только въ такое надо мной стоящее цѣлое войду, какъ часть, сознательно и добровольно, которое гарантируетъ мнѣ цѣльность, нераздѣльность, полноту моей жизни» (тамъ-же). И не трудно видѣть, на какомъ принципѣ должно быть построено такое «надо мной стоящее цѣлое», разъ задачей его становится гарантія полноты личной жизни.

«Критеріемъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія прогресса признается мною—говоритъ Михайловскій въ своемъ отвѣтѣ на статью о немъ П. Л. Лаврова—опять таки та же формула цѣлостности недѣлимыхъ, возможно большаго дифференцированія членовъ общества и возможно меньшаго дифференцированія самого общества» *). Такъ, напр., «военное искусство должно быть при-

*) См. Post scriptum къ статьѣ о Дарвинѣ, не перепечатанъ въ собраніи сочиненій («Отеч. Зап.», 1870, май, стр. 46).

надлежностью всѣхъ и каждого. Союзъ, въ которомъ обособилась специально военная каста, не можетъ гарантировать своимъ членамъ свободу. Всѣ и каждый должны владѣть оружіемъ и въ случаѣ надобности быть въ состояніи исполнять обязанность вождя, который, разумѣется, долженъ быть избираемъ. Общее военное образованіе должно быть такъ высоко поднято, чтобы специалисты-техники не отдѣлялись непроходимую пропастью отъ профановъ и всегда подлежали бы контролю. Въ частности понятно, что самый вопросъ объ участіи въ войнѣ рѣшается самою личностью. Хотя она можетъ при этомъ встать въ противорѣчіе съ общимъ рѣшеніемъ, изъ чего должны произойти столкновенія, но безъ подобныхъ болѣе или менѣе тяжелыхъ подробностей могутъ обойтись только вполне идеальныя общества, изъ которыхъ война изгнана» (ст. о Ренанѣ, III, 246, 247).

Съ другой стороны, «точно также должно стать всеобщимъ юридическое образованіе, благодаря чему личность выйдетъ изъ-подъ опеки специалистовъ-юристовъ», что для насъ особенно интересно, такъ какъ прямо отвѣчаетъ на вопросъ объ истинномъ отношеніи Михайловскаго къ «борьбѣ за право». «Дѣло это»,—т. е. освобожденіе личности изъ-подъ опеки специалистовъ юриспруденціи—«вовсе не трудное, потому что,—цитируетъ Михайловскій Дюринга—«по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ содержанія юриспруденціи обязаны своимъ существованіемъ обособленію юристовъ и пропасти, которую вырыла политическая опека между ними и обществомъ». «Теорія и законодательство—продолжаетъ онъ самъ—должны поступиться множествомъ схоластическихъ и мертвыхъ подробностей, только затемняящихъ простыя правовыя отношенія. Соответственныя измѣненія произведутся, конечно, и въ самомъ строѣ общества, а затѣмъ воспитаніе должно быть такъ направлено, чтобы люди съ юности знакомились съ правовыми, то есть политическими и общественными отношеніями. Только при такихъ условіяхъ возможенъ истинно народный судъ, плохой обломокъ котораго представляетъ нынѣшній судъ присяжныхъ» (тамъ же).

Остановимся пока на этихъ цитатахъ. Какова прежде всего основная тенденція приведенныхъ словъ Михайловскаго и каково отношеніе ихъ къ вопросу о правовомъ государствѣ? Тенденція эта вполне ясна: «союзъ, въ которомъ обособилась специально военная каста, не можетъ гарантировать своимъ членамъ свободу»—говоритъ Михайловскій, подчеркивая то же самое на примѣрѣ *спеціализаціи* юридическаго образованія. Специализація, обособленіе общественныхъ функцій, сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ—вотъ что составляетъ основной пунктъ всѣхъ нападеній Михайловскаго. Демократизація и социализація коллективныхъ, по существу, правъ—вотъ средство борьбы за полноту и нераздѣльность жизни человѣческой личности, въ каковыхъ видахъ «раздѣленіе политическихъ функцій

должно быть доведено до минимума» (т. III, 246). Ни общественное раздѣленіе труда, ни сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ не должны имѣть мѣста тамъ, гдѣ признаны и реализованы права личности на всестороннее развитіе и на самоопредѣленіе. *Res patria* должна уступить мѣсто *res publica*, раздѣленіе труда—простой коопераціи, узурпація коллективныхъ правъ—волѣ народа. Однимъ словомъ «общественныя дѣла—какъ говоритъ Михайловскій—должны быть переданы въ общественныя руки».

Такова *pia disederata* Михайловскаго по отношенію къ будущему строю. Само собой разумѣется, онъ никогда не думалъ, что этотъ строй можетъ моментально осуществиться или что это осуществленіе есть вопросъ завтрашняго дня, какъ это старается усвоить ему г. Кистяковский, исходя изъ чисто формальнаго пониманія его словъ о минованіи стадіи буржуазнаго развитія. «Ждать, что земной рай, нарисованный со всѣми мельчайшими подробностями, осуществится завтра, значить или имѣть очень скромныя, очень жалкія представленія о земномъ раѣ, или не имѣть самыхъ элементарныхъ понятій о томъ, какъ идутъ дѣла на землѣ»—говоритъ Михайловскій (См. «Зап. проф.», т. III, 650). Къ своей основной цѣли—смѣнѣ порядка, основаннаго на раздѣленіи труда, порядкомъ простого сотрудничества—разныя стороны человѣческой жизни и общественности должны будутъ придти не однимъ путемъ и не одновременно. «За объективно-антропоцентрическимъ періодомъ отсутствія коопераціи и слабыхъ зачатковъ простого сотрудничества, за эксцентрическимъ періодомъ преобладанія раздѣленія труда»—въ которомъ мы теперь находимся—«слѣдуетъ періодъ господства простого сотрудничества» (См. «Что такое прогрессъ», т. I, 108). Господство простого сотрудничества—идеаль, къ которому мы только стремимся, но «нѣкоторыя стороны человѣческой жизни уже вступаютъ въ этотъ періодъ; такъ позитивизмъ ввелъ въ него теоретическія отношенія челоѣка къ природѣ, такъ, съ другой стороны, на томъ же принципѣ построена смѣна автократическаго строя порядкомъ правовымъ и конституціоннымъ или республиканскимъ». «Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки», что сведетъ раздѣленіе политическихъ функцій до минимума. Такъ формулируетъ Михайловскій основной характеръ «великой революціи... долженствующей окончательно обезпечить Европѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества». Но вѣдь конституціонно-правовой и республиканскій строй какъ разъ и ставятъ своей цѣлью произвести подобную «революцію» въ сферѣ политическихъ отношеній. Провозглашая принципъ народнаго суверенитета и равенства всѣхъ передъ закономъ, они тѣмъ самымъ наносятъ не только въ принципѣ, но и по существу, огромный моральный и политическій ударъ старому порядку съ его идеализаціей власти избранныхъ.

Раздѣленіе общества на управляемыхъ и управляющихъ при этомъ падаетъ, такъ какъ всякій гражданинъ въ той или иной формѣ имѣетъ доступъ къ органамъ политической власти. Сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, хотя и съ трудомъ и медленно при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, но все-таки уступаетъ мѣсто демократизаціи политическихъ функций. Отдѣльныя привилегированныя касты, носительницы самой идеи раздѣленія труда, растворяются въ общей массѣ народа. Разнородное прежде общество становится въ области политическихъ отношеній обществомъ однороднымъ и задача его отнынѣ одна—провести тотъ же принципъ и въ отношенія социальна-экономическія.

Итакъ, мы видимъ, что чисто теоретическая сторона взглядовъ Михайловскаго на организацію общества,—«коопераци въ обширномъ смыслѣ» — должна была неизбежно привести его къ полному признанію конституціонно-правового строя. Правовой строй и его завоеванія это—одна изъ этаповъ борьбы человечества за полноту и разносторонность индивидуальности, одна изъ побѣдъ принципа физиологическаго раздѣленія труда надъ раздѣленіемъ труда общественнымъ. Не только, однако, съ этой стороны Михайловскій долженъ былъ придти къ признанію прогрессивныхъ сторонъ «борьбы за право» и политическую свободу. Тѣ же выводы ему подсказывали практическія соображенія о томъ, «какъ идутъ дѣла на землѣ» и какъ они заставляютъ насъ постоянно согласовать непоколебимость принциповъ съ ихъ практическимъ приложеніемъ въ условіяхъ даннаго мѣста и времени (ср. т. III, 650). Особенно рѣзко эта сторона общественнаго міровоззрѣнія Михайловскаго сказала въ его «Политическихъ письмахъ социалиста», въ свое время, по свидѣтельству Н. С. Русанова, «производившихъ сенсацію не только въ революціонныхъ, но и въ либеральныхъ кругахъ и заставлявшихъ читателей задаваться вопросомъ, кто же былъ ихъ авторъ?» (См. «Политика Н. К. Михайловскаго», Былое, 1907, № 7, 131). Въ виду этой крупной роли «Политическихъ писемъ» Михайловскаго, а равно ихъ общаго значенія даже для настоящаго времени мы думаемъ, что тутъ будутъ не лишніи нѣсколько цитатъ изъ нихъ, которыя къ тому же помогутъ намъ подойти вплотную къ постановкѣ Михайловскимъ вопроса о роли правовыхъ отношеній въ общественной жизни.

«Политическія письма» были написаны Михайловскимъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года отъ имени вымышленнаго лица женеваго эмигранта «Гроньяра». Такъ они и начинаются: «Привѣтъ вамъ, братья. Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ социализма, Земли и

Боли». Такому вступленію вполне соотвѣтствовало и содержаніе «писемъ» Михайловскаго, строго нападавшаго, говоря фразой г. Кистяковскаго, «на равнодушіе къ правамъ личности, переходящее иногда въ прямую враждебность», которымъ отличалась первая половина общественнаго движенія 1870-хъ годовъ. «Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ родной измученной странѣ. Вами я любовался—говорить Михайловскій, обращаясь къ своимъ друзьямъ-читателямъ.—Но простите, дѣло прошлое, подчасъ много укоризны слагалъ вамъ мысленно». И даже шла рѣчь о причинахъ этой укоризны.

«Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи вселилъ въ насъ недовѣріе къ принципу политической свободы. Я, русскій, переболѣвший всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, вообщію наблюдавшій ходъ политической и экономической борьбы, знаю цѣну вашему недовѣрію. Да, вы правы. Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко не правы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей, страстно отдающихся своей идеѣ, вы обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямо затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчитъ вся практика» *).

Уже эти слова показываютъ, насколько былъ правъ г. Кистяковскій, утверждая, что «Михайловскій отвергалъ конституціонное государство, какъ буржуазное». Но на этихъ словахъ Михайловскій не останавливается. «Если европейскія учрежденія»—говоритъ онъ въ той самой статьѣ, откуда г. Кистяковскій заимствовалъ доказательства политическаго индифферентизма Михайловскаго—«не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ миллионы ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акриды и дикаго меда для желающихъ и нежелающихъ ими питаться» («Литерат. зам.» 1880, IV, 957). «Вы боитесь»—повторяетъ ту же мысль Михайловскій въ «Политическихъ письмахъ»—«вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ потому, что онъ принесетъ съ собой ненавистное имъ буржуазіи. Оглянитесь: это имъ уже лежитъ надъ Россіей... Вы... не довольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической

*) Цитирую по брошюрѣ Гарденина «Памяти Н. К. Михайловскаго». Спб. 1906. См. въ приложеніяхъ.

борьбы. Вы живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны. Но вы и въ теоріи ошибаетесь»... Отсюда и практический лозунгъ Михайловскаго, съ которымъ онъ обращается къ своимъ читателямъ. «Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не падить насъ, за что же вы будете систематически падить его».

Евг. Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

На бѣломъ заснувшемъ бульварѣ
Деревья такъ ярки и четки,
По-зимнему тонки сплетенья
Причудливо-гибкихъ вѣтвей;
Бѣлѣютъ подъ снѣгомъ пушистымъ
Узоры чугунной рѣшетки,
И гдѣ-то далѣко, въ туманѣ,
Желтѣютъ огни фонарей.

Безчисленныхъ улицъ извивы,
Звонки, дребезжанье трамвая,
Афишъ разноцвѣтныя пятна,
Витринъ раздражающій блескъ,
Надъ входомъ дешевыхъ театровъ
Гирлянда огней золотая
И пестрый, ненужно-крикливый,
Дразнящій цвѣтокъ-арабескъ,—

Быть можетъ, мнѣ снилось все это?..
Подъ небомъ ночнымъ и безграничнымъ
Мнѣ хочется вѣрить лишь звѣздамъ
И слушать ихъ нѣжный привѣтъ.
И въ сердцѣ, покорномъ и тихомъ,
Какъ дали ночныя, туманномъ,
Слагаются свѣтлыя пѣсни,
На звѣздныя сказки въ отвѣтъ.

Какъ тихія, чистыя звѣзды
Надъ бѣлой уснувшей землею,
Надъ длинной лазурной дорогой,
Застывшей въ серебряномъ снѣ,—
Воздушныя, легкія пѣсни
Встаютъ надъ прозрачной душою,
Воздушныя пѣсни, какъ звѣзды,
Дрожать и мерцаютъ во мнѣ.

Ада Чумаченко.

ЧОРТОВЪ КРАЙ.

Буй да Кадуи
Чортъ три года искалъ —
Не разыскалъ...

Народная (Костр. г.) поговорка.

Была зима. Однажды въ сѣрый январскій день судьба закинула меня на Волгу, въ одну глухую деревеньку, около которой въ Волгу впадаетъ рѣка Унжа. Къ вечеру всѣ свои пожитки я уже окончательно переправилъ въ избу къ моему давнему знакомцу. Фамилія его Бодуновъ. Раннимъ утромъ, переночевавъ у Бодунова, я рѣшилъ тронуться въ дальнѣйшій путь.

— Эх-ка, парень.. Чтой-то-сь, парень... — приговаривалъ Бодуновъ, разстелая постель на сонъ грядущій. — Да я... хоть куды... хоть въ Обмерику... готовъ... Живымъ манеромъ!

— Ну, и въ Америку?.. — улыбнулся я.

— Говорю тебѣ, утресь безпремѣнно выѣдемъ!

— А не проснимъ? Правильно?

— Какъ дуга, правильно... Нешто-жъ не вижу я...

Тутъ Бодуновъ на минутку замялся, и глаза его стали очень серьезными.

— Нешто не вѣрю я... — нахмурился онъ, ползая по полу, по тулупамъ. — Ты рыщешь... У тебя замысль... А долженъ же быть исходъ. Не можетъ быть такъ, чтобъ человѣкъ метался всю свою жизнь, какъ волна въ прорубѣ, въ безысходности...

Тутъ онъ запутался и замолкъ, очевидно, застигнутый какою то своею трудною мыслью, которая у него осложнилась настолько, что не находила уже для себя словеснаго уклада.

Я тоже замолчалъ.

Передъ тѣмъ, какъ загасить лампу, Бодуновъ подошелъ близко къ печкѣ, гдѣ, на полу въ овчинныхъ лохмотьяхъ, спала маленькая дѣвушка, дочь его.

Февраль. Отдѣлъ I.

— Прощай, Палька...—разбудилъ онъ ее.—Прощай, курюкалка. Вотъ, ни дать, ни взять, курюкалка. Этакая, право, юла...

Дѣвчушка сонно поежилась, выпрямилась надъ полушубкомъ. Отецъ обхватилъ ее подъ пазушки своими грубыми мужицкими объятіями, такую маленькую и хрупкую, уронилъ, вновь поднялъ. Гладилъ ей волосы. Дѣвушка звонко расхохоталась.

— Ишь, смѣхъ-то у тебя, Палька, точно у соловьенка... Ишь, разыгралась. Тебѣ бы, Палька, по смѣху твоему принцессой надо быть. Въ шелкахъ бы ходить. Вотъ такъ: шуршъ... шуршъ... Холю бы тебѣ надобно хорошую. Вотъ тогда то бы расправила косточки. Не здѣсь бы тебѣ, юла, родиться; не съ нами бы жить. Яма, Палька, родина твоя, мертвая, каменная страна. Помяни мое слово: выберетъ она изъ тебя всю рѣзвость до капли. Отрепышомъ сдѣлаетъ. Соскушнилась она по молодости.

И такъ долго онъ причиталъ, пока все въ избѣ не заснуло.

— Все ли готово?

— Все.

— Со Господомъ!—крестился Бодуновъ.

Хозяйка вышла проводить со свѣтцомъ въ рукѣ и остановилась подъ повѣтью. Лошадь тронула. Чуть-чуть спустя, пропало все: и дворъ, и кусокъ поломаннаго жарниза, забрызганный бѣлымъ инеемъ, и хозяйка съ огнемъ въ рукѣ..

Сани заныряли изъ рывины въ рывину, изъ раската въ раскатъ,—того гляди, вывихнетъ полозъ или выброситъ сѣдоковъ въ глубокой суметь.

Дороги было совсѣмъ не видно. Выѣхали рано, еще „до дни“. Сильно клонило ко сну. Услыхалъ я въ просонкахъ:

— Добро пожаловать!—говорилъ Бодуновъ.

Я раскрылъ глаза. Вижу — онъ лѣзетъ рукавицей къ шапкѣ.

— Кому это ты? — прожурчалъ онъ: — Чай, видишь — Унжа!

Лошади круто спустились къ рѣкѣ. Глухая, кривлявая, стиснутая сизыми перелѣсками, сестра ближняя старинному Керженцу, приблизилась къ намъ лента рѣчная, ледяная.

— Унжа!—вздыхалъ Бодуновъ:—Рѣка смолистая, канительная. Волгой бы ей быть за труды, за набѣги. Разбойничья дочь! Вотъ она какая, дружокъ...

Переѣхали Унжу. Дорога долго „болталась“ въ лугахъ, то вправо, то влево. По обѣ стороны много отвертокъ. Изрѣдка Бодуновъ слѣзалъ съ повозки и медленно перетапты-

вался вблизи конской морды: это онъ выбиралъ ногами, которая дорога поубоистѣе, и на ту направлялъ лошадь, чтобы не заплутаться.

Разсвѣтало. Впереди, въ зимнемъ инистомъ сумракѣ рѣяли двѣ бѣлыхъ каменныхъ церковки. Одна изъ нихъ — церковь Макарія Безприходнаго. Кромѣ духовенства, тутъ, оказывается, никто не живетъ.

Преданіе говоритъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь храмъ, „въ старинныя времена“ стояла пустынь, обитель. Жилъ тутъ, спасаясь отъ міра, преподобный Макарій. Въ тѣ поры, въ давніе дни—напали на обитель поляки. Шайка враговъ, громившая Волгу, Кострому, вездѣ искавшая царя Михаила, подступила къ обители. Окружила кольцомъ. На нихъ вышелъ преподобный Макарій. Враги схватились за луки, стали стрѣлять. А онъ ловилъ вражьи стрѣлы, въ лодочку складывалъ у ручья. Изъ лодочки отдавалъ инокамъ. И тѣ стрѣляли обратно вражьими стрѣлками. Одолѣли врага. И народъ—тогдашній народъ—почтилъ за это инока, какъ святого...

Дорога тянется „чистою“, полями. Но впереди по краямъ полей уже видны пустыри, перелѣски; они пока еще жидкіе, рѣденькіе, „съ роздерью“, какъ опредѣлили ихъ мой возница. Это—зауныженское предлѣсье, начало густыхъ, дремучихъ лѣсовъ, кольцомъ охватившихъ городъ Кадый.

Дикій пустырь узнается быстро по множеству чахлаенькаго, взѣрошеннаго, невоспитаннаго кустарника, который еле-еле выбивается изъ-подъ снѣга. Грустно глядѣть на это жалкое наслѣдіе старины. Въ старину всюду здѣсь были глухіе зауныженскіе лѣса. Водились медвѣди, олени. Была тогдашнихъ жителей отрада—ихъ святые герои, крѣпко зацѣпившіе царей и вѣру отцовскую.

А теперь великая Волга жизнью своей забѣгаетъ все глубже и глубже въ лѣса, отрываетъ, отламываетъ отъ отцовскихъ алтарей кирпичъ за кирпичемъ.

— Эх-ка диво... Чтой-то, парень!—удивился вдругъ Бодуновъ и показалъ кнутовищемъ въ суметь. — Здѣсь, въ эфтомъ вотъ мѣстѣ, деревня торчала. Старенькая — двори-ковъ пять. Мы въ молодые годы смолье корчевали здѣсь... Бывало, заѣдешь въ нее—одни старики да старухи, насилуй толковъ добьешься...

— Такъ гдѣ же она?

— Не вѣмы. Примерли. Може, выселились... Самъ видишь, мѣстность какая: пустырь да пустырь.

Деревня. Лошади нужно дать роздыхъ.

— Тутъ у меня дружокъ-пріятель былъ. Развѣ къ нему? Только что...—Бодуновъ замаялся.—Не знаю, дѣло-то, можетъ быть, не богатое...

— Ладно. А къ богатому не вози. Не люблю.

— Въ лѣсахъ мы съ нимъ... лѣсъ рубили... Усердный работникъ былъ. Мечту имѣлъ — разбогатѣть. Не знаю, судьба ли...

У колодца подъ журавлемъ попалась намъ баба.

— Тета, здѣсь къ Демиду?—обратился къ ней Бодуновъ.

— Вотъ этта, этта, родимый... — баба махнула рукой на край деревни.

Едва подъѣхали. Лошадь чуть-чуть не застряла въ одномъ ухабистомъ закоулкѣ.

— Горестъ какая... — покачалъ головой Бодуновъ: — Не красна изба. Смотри, дружокъ, пошатнулся мужикъ. Опять что-нибудь сдрейфило. Мечту имѣлъ...

И Бодуновъ долго вздыхалъ, озирая избенку, вылавливалъ съ ея стѣнъ какія-то все новыя и новыя детали бѣдности, мало понятныя мнѣ, но весьма убѣдительныя для его крестьянскаго глаза.

Въ избѣ опажнуло насъ „жилымъ духомъ“, прѣлью, угаромъ, овчинами. Грудь захватывало. Въ углу — навозъ; на навозѣ брыкался, какъ шальной, черный теленокъ, очевидно, испуганный нашимъ появленіемъ. Тутъ же, по близости, виднѣлась ребячья люлька, засаленная донельзя, а на подоконникахъ, видно было, блестѣли цѣлыя гнѣзда слизи.

— Демидъ Иванычъ!—поклонился Бодуновъ.

— Милости просимъ пожаловать...

Гибкій, тонкій мужикъ. Какая-то медленная лѣнь въ жестахъ, въ движеніяхъ. Очень уже гибкій и гладкій какой-то, какъ пряникъ.

— Никакъ ты, Бодуновъ?—вымолвилъ онъ, покачиваясь.

— Мы, дружокъ, мы...

— Не очень ужъ чисто у насъ... — Демидъ оглянумъ избенку и опять покачнулся.

— Ладно... Мы не въ гости... заѣдомъ...

— Душно въ избенкѣ. Землею дышимъ.

— Конечно, крестьянство!.. Ты... какъ быдто-съ навеселѣ? Подъ мухой, знать?

— Дѣвку пропиваю...—Демидъ смущенно мотнулся.

— Такъ...—ухмыльнулся ямщикъ.—За кого?

— Въ домъ отдаю къ Облаеву.

— Такъ... такъ... Значить, сватня у тебя?

— Такъ точно. Одного фдока, значить, съ кону долой.

— Конечно. Дѣвка въ соку. Дѣвокъ беречь нынче трудно.

Демидъ утвердительно кивнулъ головой, подошелъ къ Бодунову и пошатнулся и остановился въ нерѣшительной позѣ.

— Только что...

— Аль не охотится?—догадался Бодуновъ.

— Нейдетъ...

— Аль женихъ не по мысли?

На палатахъ въ это время послышалась какая-то глухая возня. Вздохи. Изъ-за овчинъ показалась дѣвичья голова.

— Всѣмъ рассказывай! Всѣмъ! — и дѣвка захрипѣла какими-то злымъ, надтреснутымъ хрипомъ.

Отецъ только руками развелъ, безпомощный:

— Вотъ поглядите, люди добрые...

— За распутника, за пьянчужку замужъ пойду! — кричалъ голосъ съ палатей. — Онъ къ черной сотнѣ принадлежитъ...

— Отстань, Ульяна! — останавливалъ Демидъ.

— Въ жистъ не пойду!

— Уймись, Ульяна! — съ гнѣвной дрожью выкрикнулъ Демидъ на всю избу. Вражда разросталась. Въ простомъ деревенскомъ человѣкѣ разбушевавшійся темпераментъ не сразу доходитъ до точки молчанія. А если и дойдетъ, то пауза бываетъ страшна, тяжела и мучительна, даже для постороннихъ.

Все замолчало.

Наконецъ, Демидъ не выдержалъ и, подойдя къ намъ вплотную, заговорилъ шепотомъ:

— Вишь ты... Новый законъ выходитъ. Передѣлы хотятъ отнять у крестьянства. А паю-то, вишь ты, у меня на полторы души. Только на полторы. А семья большая. Нехватка у меня земли. Я все мечталъ: міръ, думалъ, сжалится надо мной, принарѣжетъ... А тутъ, видишь, новое положеніе... по послѣднему передѣлу... Въ собственность земля... Вотъ, значитъ, и петля мнѣ. А у этого самаго Облаева земли на четыре души. Старикъ заgreбистый, вороватый, да и сынъ-то въ него пошелъ. А семья у нихъ самъ-третей — только! Вотъ значитъ, и пропиваю теперь Ульянку. Прямой расчетъ ей — за Облаевымъ...

— Прощай, Демидъ!

— Прощенія просимъ...

Немного времени, вереница жалкенькихъ деревенекъ, одно большое село — Чернышево, еще одна какая-то деревнюшка, послѣдняя къ лѣсу, — и мы окружены, плѣнены древесной, безмолвной чашей. Такъ будетъ вплоть до Кадыя; на тридцать верстъ — глухой лѣсъ. На пути, верстахъ въ

двадцати отъ опушки, встрѣтится лишь одно-одинокое поселеніе, деревня Никольская. Мы туда „загадали“ попасть на ночлегъ.

Лѣсъ темный, славный. Уже не колышутся деревья, какъ нѣсколько верстъ назадъ, въ предлѣсьи. Серьезно, воспитанно, мрачно стоятъ деревья. На вѣтвяхъ—густой иней. И деревья—какъ сѣдые аристократы. Нѣтъ разношерстности въ древесной породѣ. На приболотистомъ мѣстѣ, правда, кое-гдѣ мелькнетъ „разрывистая“ дѣлянка, деревья порѣже. Но за то тамъ, гдѣ земля попривольнѣй—деревья саженъ девять, десять, мачтовникъ.

— Позадержи-ка... — обратился я въ одномъ мѣстѣ къ своему возницѣ.—Лошадь... останови-ка...

Онъ остановилъ. Я высвободилъ уши. Напрягаю слухъ. Ни звука. Тишина. Красота. Если бы жизнь имѣть человѣку такую величавую...

Такъ, сойдя съ саней и отойдя на нѣкоторое отъ нихъ разстояніе, чтобы не мѣшало дыханіе лошади, я долго стоялъ, наслаждаясь молчаніемъ, покорный, очарованный. Такъ прошло нѣсколько мгновеній упоительныхъ, отрадныхъ для слуха. И чувствовалась какая-то глубокая старина въ томъ, что вотъ такъ я стоялъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ деревянной стѣной, точно въ старинномъ кремлѣ, — укутанный обвязанный тулупомъ, рыжимъ башлыкомъ и малиновой опояской, въ валенкахъ, въ мѣховой теплой шапкѣ, въ варежкахъ на рукахъ...

Но вотъ что-то, какъ будто, всполохнулось въ природѣ, вокругъ меня. Какое-то странное измѣненіе. По прежнему не было нигдѣ ни одного звука, но странная перемѣна—я прислушался: нѣтъ и тишины, и полного молчанія уже нѣтъ. И только, долго спустя, я различилъ тихій серебряный шорохъ, едва внятный, протяжный, какой-то совершенно беззвучный.

— Бодуновъ, что это такое?—спросилъ я ямщика.

— Это?—улыбнулся онъ:—это иней... Съ деревьевъ сдувается. Вѣтерокъ налетѣлъ,—вѣтерка-то не слышно, а иней падаетъ—по сумету, по игольнику шаршитъ.

И онъ точно вспомнилъ что-то въ эту минуту, принахмурился вдругъ:

— Зима понеча инистая, безъ холодовъ, а съ туманами. Тяжелая зима. Погляди на деревья: инію сколько! А отчего дорога испорчена? Снѣгу не выпадаетъ, а полозеньку почти не видно. Иніемъ заметается. И лѣто по зимѣ, дружокъ, понеча будетъ тяжелое, трудное для народа. Инистая зима—примѣчаютъ—къ холерѣ, къ междуусобію...

Въ Никольскую прибыли мы уже вечеромъ, при огняхъ, И сразу же бросилась въ глаза одна маленькая подробность, указывающая на то, что лѣсу здѣсь благодать, и что деревня въ топливѣ не нуждается: окна въ избенкахъ обѣ одной рамѣ. Зимнихъ „оконницъ“, какъ это водится вездѣ на святой Руси, сія деревнюшка не признаетъ.

— Потому дрова подь рукой, жги сколько знаешь...— пояснилъ Бодуновъ.

У околицы близъ деревни обступила насъ толпа ребятишекъ. Парни, взрослые дѣвки. Удивительно было, откуда взялось столько народа въ такую ночную пору. Не пропускаютъ. Цѣпляются лошади „подъ уздцы“, облѣпили задокъ у саней, кричатъ:

— Сказывай, какъ зовутъ?

— Ахъ ты, яръ тебя задави!—засмѣялся вдругъ Бодуновъ.—Да никакъ тутъ гаданье?

Мы попали туда какъ разъ въ Крещенскій сочельникъ.

— Ну, дѣвки, давайте ночлегъ, — суженаго привезъ къ вамъ!..—хохоталъ Бодуновъ.

Мы привернули къ воротамъ, гдѣ-то на срединѣ деревни. Вошли въ хибарку. Жара, духота: уши жжетъ. Толпа ввалилась за нами.

— Анка, это къ тебѣ...

— А этоть къ тебѣ, Марюшка...

— Нѣтъ, это, дѣвченки, ко мнѣ...

Послышался въ толпѣ робкій шепотъ.

— Дальній...

— А мнѣ?! Мнѣ все время выходило—дальній!..

Простота. Вѣра, сильная вѣра въ нечистаго духа, въ загадочную, въ случайную, въ недоступную для сознанія игру, посредствомъ которой слѣпая стихійная власть лѣсная горько издѣвается надъ человѣкомъ. Не даромъ, должно быть, далась такая вѣра, и не спроста, должно быть, такъ прочно и цѣлостно сохранилась она здѣсь, въ глухой лѣсной деревушкѣ...

Гаданій здѣсь, выяснилось, пропасть. Парни только что передъ нашимъ прїѣздомъ предполагали гадать въ зеркало. Для этого нужно снять крестъ. Сперва, будто бы, въ зеркалѣ пройдутъ слезы, потомъ туманы, потомъ лѣсъ, потомъ, будто бы, ужъ выйдетъ изъ лѣса и она,—суженая.

А то выходятъ за деревню на „Коренные перекрестки“ и здѣсь по снѣгу очерчиваются и при этомъ говорятъ: чортово мѣсто, чортово мѣсто... И, будто бы, что увидишь или услышишь, то и сбудется въ жизни. Одной дѣвкѣ, Натальѣ, во время такого гаданья слышались звоны—

рѣдкіе, тихіе, похоронные. И умерла вѣдь... А то одному парню показалась собака черная, такъ онъ чуть съ ума не сошелъ: на великую силу „разворожили“...

Гадають и по другому: въ баню ходять, пепель сѣютъ черезъ рѣшето, и если негодники исхлещутъ пепель, то мужъ сердитый будетъ. А то еще — верю грызутъ, кольцо за икону кладутъ; икону, ложась спать, за подушку ставятъ кверху ногами: не приснится ли ночью другъ желанный, цѣлованный...

Всѣ спятъ. Мы только двое остались: я да дѣдь. Я слушаю, а дѣдь рассказываетъ...

— Маялись, милый. Были времена. Хлебнули потоки пиломъ, обрѣзались, насадились. Не вѣрили сами себѣ, что можно здѣсь жить. Такія мѣста, такіе лѣса дремучіе были. Непроходимые были. Барская воля. Ослушаться не могли. Ужаснулись, когда пріѣхали.

— При тебѣ, дѣдушка?

— Нѣтъ, куда тутъ! Этому больше ста лѣтъ. Я-то ужъ здѣсь родился. А это отцы наши да матери переселялись сюда. Они рассказывали. Жили они вначалѣ въ Орловской губерніи. Тамъ, значитъ, на родинѣ. И вотъ пришлось высылаться оттуда, Богу угодно было. Сколько слезъ-то, муку какую перетерѣли!

— Что же заставило?

— Послушай меня, скажу. Помѣщикъ здѣшній, которому эта земля принадлежала, задумалъ жениться. И въ жены взялъ барышню нашу, дочь нашей барыни, которой, значитъ, тамъ въ Орловской губерніи принадлежали наши отцы. Увлекъ онъ ее, соблазнилъ. И получилъ, значитъ, нашихъ крестьянъ въ приданое. И выписалъ къ себѣ. И рассозалъ по разнымъ угламъ своего имѣнія, гдѣ никто добровольно не хотѣлъ жить. И нашимъ отцамъ достался вотъ этотъ участокъ. Сплошной лѣсъ. Каково было отцамъ нашимъ—съ чернозема-то да съ плодородной земли?.. Кому, значитъ, радость, веселіе, брачныя ночи, а кому—отцамъ нашимъ, слезы горючія. Пріѣхали, хижины негдѣ поставить. На избу деревья рубить на корню приходилось. Ни дорогъ, ни полей, ни покоса. Работайте, гритъ, живите, какъ знаете. Для запашки столько-то десятинъ, для усадьбы вотъ столько-то, расчищайте отъ лѣса, рубите. Стали рубить. Поняли—дѣло не шутка. Принялись за работу старые, малые, мужики, бабы. Деревья—мачтовникъ; пенья корчевать стали—ревутъ, не подъ силу. Выбрали корни, зажгли. Давай „паль“ запахивать—опять ревутъ, сошники не берутъ—такая земля корявая, мучительная. Сколько слезъ, крови

положено въ здѣшнюю мѣстность... Отъ звѣрья покою не знали. Волки, медвѣди по ночамъ подходили подъ самыя окна. Бабу одну не могли, бывало, за водой отпустить къ ручью—медвѣдь задеретъ. Мужики съ топорами сопровождали. Комаровъ, мошкары—тучи; работу лѣтомъ бросали; вельзя было; непривычно. Бѣдствовали. Хватили бѣды. Въ Свѣтлый Праздникъ, бывало, къ великой заутрени съ топорами ходили. Цѣлой артелью. Идутъ мужики—топорищи за опояской торчатъ. Боялись медвѣдей... Вотъ она, милый, старинная жисть. Видишь, на чемъ держалась она?

Проснулись рано. Темно.

Вывались въ поле. Впереди обнажилась черная небесная занавѣсъ, ширь. Ближе къ суметамъ еще кое-гдѣ были наляпаны лиловатыя пятна. Но выше въ небѣ—черно и жутко. Много тьмы. Громадина, цѣлый демоническій ковчегъ, наполненный темнотою, опрокинутый надъ землею. Напало сомнѣніе: правда ли, найдутся ли за гранями той земли, по которой мы ѣдемъ, такія вмѣстилища, которыя могли бы вобрать въ себя столько тьмы, когда она отойдетъ отъ нашей земли, и правда ли—отойдетъ ли она и будетъ ли утро... И не останется ли наша страна—разросталось сомнѣніе—и утромъ все въ той же тьмѣ, на распутьи, покрытая пригоршнями свирѣпаго зимняго бога, который летитъ по одному пути съ нею уже цѣлые годы, вѣка, тысячелѣтія?..

Душа трепетала, задѣтая томительнымъ ожиданіемъ. Глаза впивались въ черноту неба, искали тамъ зарожденіе дневныхъ контуровъ и утреннюю синь и ошибались поминутно и уставали...

Скоро Кадый. Дорога плохая—одно наказаніе. Ухаби-стая. Сани трещать, разламывается. Плечи ноютъ отъ долгой ѣзды. Ведро на облучкѣ оретъ и звенитъ благимъ матомъ. Проклятый городъ. Мучительница-дорога. А что тутъ дѣлается на этомъ „ѣзжаломъ трактѣ“ осенью „въ мокреть“ или весной въ половодье, или въ сырое дождливое лѣто... Боже!..

Вдешь. А надъ тобой, точно лѣшій въ трубу, издѣвается и хохочетъ и кричитъ тебѣ: „ха-ха-ха... да-да-да... Жить пришли сюда! Га-га-га... Каторга! Далъ вамъ жизни! Радуйтесь!..“ И въ душѣ, переполненной вечернимъ суевѣрнымъ гипнозомъ, вмѣсто возраженій, вмѣсто логическаго подъема, вдругъ прорывается страхъ, темный, большой... Всесильный лѣсной владыка...

Встрѣча. На дорогѣ обозъ. Тѣ, кто ѣдутъ „порожнякомъ“, должны уступать дорогу. Такова лѣсная традиція. Бодуновъ беретъ вправо. Лошади по брюхо, завязла. Остановились и ждемъ, пока разъѣдемся.

Первый возъ, огромный, туго набитый, съ рогожами и лаптями.

— Гей! Гей!—прокричалъ Бодуновъ:—сколько верстъ до Кадыя?

На возу мужикъ. Кричитъ во все горло:

— Одиннадцать!..

Бодуновъ не слышалъ. Оба уха завязаны. Я повторилъ. Онъ не вѣритъ:

— Въ деревнѣ ночевали, сказывали, десять-двѣнадцать верстъ. Да около часу ѣдемъ. Меньше одиннадцати!

Подѣхалъ второй возъ. Наверху баба.

— Родная!—закричалъ опять Бодуновъ:—сколько верстъ до Кадыя?

Баба, должно быть, спала. Напугалась. И, перепуганная, отшатнулась вдругъ какъ-то въ сторону, точно кто-нибудь лѣзъ къ ней на дровни по ея жизнь. Бросила въ отвѣтъ:

— Четыре!

— Заяцъ ты залагай!..—обругался Бодуновъ:—то одиннадцать, то четыре. Ужели третьяго спрашивать?

— Спроси...

Третій возъ движется медленно. Мужикъ не на возу, а идетъ сзади. Грѣтся.

— Кормилецъ!—завопилъ въ третій разъ Бодуновъ:—Тута ли на Кадый?

— Тута, желанный, тута!

— А сколько верстъ?

— Кто ѣ знаетъ?! Не считанныя!

— Всетаки! Сколько же?

Мужикъ гадаетъ:

— Выѣхали мы съ вечера... близъ полуночи... Кочетъ (пѣтухи) еще не пѣвали... Ыхали ровно... Теперь, поди, часа три... Верстъ четырнадцать будетъ...

— Не меньше?

— Ровно четырнадцать будетъ!

— Обломы! Окоёмы, проклятые!—ругается Бодуновъ.—Не могутъ столбовъ верстовыхъ наставить!..

Обозъ прошелъ. Трогаемся дальше.

А вотъ и Кадый. Заштатный городъ. Кругомъ въ лѣсахъ. Бѣлѣтъ церковь—единственная. Постройки на деревенскій фасонъ: бани и кладовыя на выносъ, на окраинахъ „города“.

По послѣдней переписи, жителей здѣсь—тысяча и одна душа. Верховное начальство въ городѣ—становой приставъ.

Въѣзжаемъ на главную улицу. Уныніе, пустота. Широкая улица, огромная площадь, низенькія одноэтажныя хибарки. Одна—какъ другая; двѣ капли воды... Ни одного балкончика, ни одного каменнаго домика. На подоконникахъ между рамами заложены красненькіе, голубенькіе лоскуточки, бѣлая ватка, мохъ, восковыя монастырскаго издѣлія птички, ягодки, клюква, рябина, зеленныя вѣточки... Кадыйская роскошь...

— Не знаю, куды везти-то тебя... — опечалился Бедуновъ.

— Въ гостиницу вези.

— Да и гостиниць-то здѣся нѣтъ...

— Что же есть?

— Надо быть, чайная да трактиръ... Въ трактиръ-то я когда-то бывалъ... Грязно ужъ очень...

— Ну, вези въ чайную...

И вотъ мы въ кремль города, въ чайной, какъ разъ противъ церкви. Столики длинные, артельные, точно нары. Въмѣсто стульевъ—скамейки, равной длины. Салфетокъ не полагается. На столикахъ черный слой какихъ-то невѣдомыхъ отложеній: не то отъ пота, не то отъ копоти. Сильно чаднить кубъ съ кипяткомъ. Угарно.

Вошла компанія мужиковъ. Хозяйка бросила дѣло—точно только ихъ и ждала, чтобы о чемъ-то спросить. Спрашиваетъ:

— Неужели все еще дуются?

— Во всю мочь! Играютъ!

Старушка только руками взмахнула.

Карты. Играютъ здѣсь много—и въ праздники, и въ церковную службу. Азартъ побѣдилъ традицію.

— Да кому тутъ играть у васъ?

— Какъ, милый! Становой, лавочникъ, стражники, духовныя лица...

Тоска заштатная.

Бродимъ по городу.

На площади въ рыхломъ сугробѣ дерутся три рыжихъ собаки и одна черная, мохнатая. У черной собаки вся морда въ снѣгу, какъ въ сметанѣ. Раздолье! Мѣшать имъ рѣшительно некому.

Заходимъ въ лавочку. Видимо, лучшая въ городѣ. Товаръ безъ претензій: мыло, подсолнухи, лапти. Мнѣ нужно купить табаку. Оказывается, здѣсь только—махорка, и есть еще „полукрупка“.

— Нѣтъ ли папиросъ?

— Есть. 20 штукъ—5 копѣекъ...

— А лучше ихъ нѣтъ?

— Лучшихъ у насъ нигдѣ не найдете. Самъ становой эти курить.

Авторитетъ.

Заходимъ на почту. Когда-то здѣсь былъ телеграфъ—недавно сняли. Только проволока напрасно ржавѣла. Играютъ де въ карты и безъ депешъ!

На сундукъ—стражникъ. Привсталъ, шевелитъ винтовку и, видимо, думаетъ: это-де откудава нелегкая принесла чепуха?..

— Марку за семь копѣекъ...—говорю я совершенно корректно.

Чиновникъ молчитъ. Долго не отпускаетъ, словно не слышитъ. Добылъ изъ шкафа какой-то внушительный фоліантъ, водить указательнымъ пальцемъ по алфавиту. На меня въ такихъ случаяхъ всегда нападаетъ „сумлѣніе“: не статью ли ужъ какую-нибудь разыскиваютъ о незаконности моихъ притязаній? Грѣшный человѣкъ, не люблю этихъ божественныхъ, канцелярскихъ паузъ...

Беру марку. Приклеиваю къ конверту. Но бросить письмо въ здѣшній почтовый ящикъ не хватаетъ рѣшимости. Такъ ужъ почему-то—сердце не лежитъ...

У нихъ въ городѣ, оказывается, большая новость. На Рождествѣ зарѣзали фельдшера. Типъ этого фельдшера и обстановка убійства—самые кадыйскіе. Фельдшеръ жилъ у нихъ, какъ босякъ какой-нибудь. Сбиралъ милостыню. Бралъ все: корку хлѣба, копѣйку, клочъ сѣна. Скрыга былъ рѣдкостный. Когда ему замѣчали, что онъ не бѣднякъ и могъ бы самъ помогать бѣднотѣ, онъ отвѣчалъ: „я—говорить—не вижу бѣдныхъ и не знаю, гдѣ они“.—Въ домъ къ себѣ пускалъ странниковъ на ночлегъ и опять-таки не безъ расчета: странники должны были собирать ему извѣстную долю за оказанный пріютъ. И вотъ эти-то странники и зарѣзали кадыйскаго попрошайку. А когда раскрылось убійство, и злодѣевъ перехватили въ дорогѣ, то выяснилось, что они взяли у „бѣдняка“ что-то около десяти тысячъ...

Отъ Кадья до Макарьева на Унжѣ—„рукой подать“. Разстояніе, правда, не очень ужъ утѣшительное—44 версты. Но все таки это „рукой подать“ отрадно по одному тому, что ѣхать придется по большой дорогѣ (Кострома—Макарьевъ), обставленной верстовыми и телеграфными столбами. Нелзя заплутаться. Не нужно вылѣзть изъ саней и топтаться

около лошади, разыскивая дорогу; не нужно спрашивать въ каждой деревнѣ, какъ, молъ, тутъ, родимые, поближе-то взять...

Мы тронулись изъ Кадыя—день былъ сизый, туманный. Оттепель. Тучи висѣли низко, свинцово синія. Надъ душой тоже все время висѣла какая-то тяжелая кутерьма.

Бодуновъ, хмурый, отговаривалъ меня отъ моихъ дорожныхъ плановъ. Не хотѣлъ разставаться. А вскорѣ намъ предстояла разлука.

Бросилъ возжи. Карько плетется безъ правежа. Приунылъ ямщикъ.

Изрѣдка взглянетъ на какой-нибудь особенно „знатный“ лѣсной участокъ, охнетъ, ахнетъ, выругаетъ казну или удѣль—на чемъ свѣтъ стоитъ. Опять нахмурится.

— Развѣ это порядокъ?

— Что?

— Да нахватать столько лѣсу, уйму такую! Зачѣмъ? Чтобы спускать его по купцамъ? Обрабатайте, молъ, будьте отцы родные, готовый матеріалъ, мы опять у васъ купимъ. Мы сами только владѣемъ, обрабатывать не умѣемъ. А развѣ купцы будутъ тебѣ понапрасну стараться? Нѣтъ, ты скажи: развѣ это порядокъ?

Спросить. Видить, что я согласенъ. И вновь добавить свое излюбленное заключеніе: долго не жди тутъ порядка, „въ этой мѣстности“, разъ тутъ владычествовалъ Шемяка...

Исторически достоверно, край этотъ, какъ и вся нынѣшняя Костромская губернія, принадлежалъ нѣкогда удѣльному князю Шемякѣ, знаменитому сказочному „судьѣ“, и его роду.

Не знаю ужъ, скоро ли здѣсь будетъ хорошій порядокъ. Давно бы, кажется, надо. „Успокоеніе“ здѣшнее съ испоконъ вѣковъ тянется. Край кадыйскій никогда ни въ какихъ „безпокойствахъ“ не обрѣтался. Земля, что ли, ужъ у него такъ тяжелая, что вѣчно привлекаетъ къ себѣ людей съ темными судьбами?..

Кстати, о казенныхъ лѣсахъ.

Въ Макарьевѣ на лѣсной ярмаркѣ я встрѣтилъ нечаянно знакомаго мужичка. Промышляетъ „лѣсишкомъ“.

— Ну, какъ дѣла?—спрашиваю.

— Благодареніе Господу! Казна поддержала. Двѣсти пятьдесятъ рубликовъ везу старухъ въ сундукъ.

— Какъ же такъ вышло?—допытываюсь.

— А очень легко вышло. Въ казнѣ покупалъ съ торговъ „дѣлянками“, участками. Зиму рубилъ. Партійка полу-

чилась небольшая. Вижу — возиться не стоитъ; продалъ Ивану Петровичу.

Для черезъ три встрѣчаю Ивана Петровича. Разговорились.

— Благодареніе Господу! Ослобонился отъ лѣса. Запродалъ весь оптомъ.

Называетъ одну крупную московскую фирму.

— Значить, теперь въ Москву поидеть лѣсъ?

— Нѣтъ... зачѣмъ въ Москву... Нонѣ эта фирма закупъ большую дѣлаетъ: у казны сняла подрядъ на доставку шпаль. Для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ...

Пожимаю плечами. Иванъ Петровичъ умиленно разглаживаетъ бородку:

— Въ убыткахъ нонеча не остался. Благодареніе... По крѣпкой цѣнѣ нонеча сдѣлался...

Фирма, взявшая разработку шпаль, тоже, конечно, сдавая подрядъ, въ долгахъ не останется. Глядишь, и лакомятся вокругъ народной дороженьки... Какъ будто разработка шпаль—какой-нибудь „цепелинъ“, такое хитроумное дѣло, что казна не могла бы справиться съ нимъ собственными руками...

— Позабылъ тебѣ показать, — говорить Бодуновъ, кладетъ возжи и роется, чего-то ищетъ у себя за пазухой. Вынимаетъ какую-то желтую залосненную грамотку, всю измятую. По обѣ стороны на бумажкѣ старинныя, печатныя церковно-славянскія буквы.

— Да это изъ божественной книги, — говорю, взглянувъ на печать.

— Это изъ библіи. Читай-ка...

Фразы начинаются со середины; пробую связать смыслъ—ничего не выходитъ.

— Нѣтъ, ты, должно быть, не тутъ... — Бодуновъ поправляетъ.—Ты читай то, что ногтемъ подчеркнуто. Здѣсь вотъ...

Читаю:

„И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людямъ, просящимъ отъ него царя, и глагола имъ: сіе будетъ оправданіе цареву, иже царствовать имать надъ вами! Сыны ваша возметъ и поставитъ въ колеснички своя и на кони всадитъ ихъ и предтекущихъ предъ колесницами его. И поставитъ ихъ себѣ въ сотники и въ тысящники и жателями жатвы своей, и обьымутъ обьыманіемъ гроздія его и творити орудія воинскія его и орудія колесницъ его. И дщере ваша возметъ въ мироварницы и въ поварницы и въ хлѣбницы. И села ваша и винограды ваша и масличины ваша благія

возьметъ и дастъ рабамъ своимъ. И сѣмена ваша и виноградъ вашъ одесѣтствуетъ и дастъ скопцемъ своимъ и рабамъ своимъ. И рабы ваша и рабыни ваша и стада ваша благая и ослы ваша отыметъ и одесѣтствуетъ на дѣла свои. И пажити ваша одесѣтствуетъ. И вы будете ему рабы. И возопіете въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрате себѣ, и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрате себѣ царя... И не восхотѣша людіе послушати Самуила и рѣша ему: ни! но царь да будетъ надъ нами“ *).

— Гдѣ же нашель ты это?—удивленно спрашиваю, дочитавши стихъ до того мѣста, гдѣ фраза опять обрывалась.

— Это мнѣ человекъ одинъ въ Кадыѣ... Въ родѣ, какъ малоумный...

— Какой же онъ изъ себя?

— Да такъ, словно какъ странникъ или монастырскій послушникъ какой-то; може, монастырскій рабочій... Одѣтъ, какъ въ дорогѣ, по-зимнему... Палка можжевеловая; за плечами котомка, а на боку сума, большая клеенчатая...

— Ну?

— Ну, вотъ... Упрягаю я лошадь... Гляжу, подходитъ ко мнѣ, вытащилъ изъ сумы книжкукакую-то тяжелую: „дяденька, а дяденька!“ окликаетъ меня.—Что?—говорю. „Ты, слышь, далеко ли отсюда уѣдешь?“ Далеко. „А опять-то, говоритъ, скоро ли пріѣдешь?“ Нѣтъ, молъ, кажись, совсѣмъ не пріѣду и такъ покаялся, что къ вамъ сюда затесался—въ чортовъ вашъ уголъ. Онъ опять ко мнѣ: „дяденька! а дяденька! наткось, говоритъ, возьми...“ Гляжу, выхватилъ онъ изъ книги какое-то мѣсто, да какъ сомнетъ грамоту въ кулакъ! Спрашиваю его: зачѣмъ же мнѣ взять это? „Возьми, возьми“—отвѣчаетъ. Да что мнѣ съ ней дѣлать? „Увези, унеси—дальше, дальше отсюда, какъ можно дальше“. Чудной ты какой!—говорю—зачѣмъ ты рвешь квигу Божию? Грѣхъ тебѣ! А онъ какъ воззрится на меня при этомъ словѣ, вродѣ какъ злой сдѣлался, кинуться на меня хочетъ. Но вдругъ, смотрю упалъ на колѣни, въ суметъ, мнѣ въ ноги,—видю переборолъ себя. А самъ блѣдный, блѣдный такой, лица на немъ нѣтути.

— „Возьми, возьми, говоритъ, умоляю... Чмутить, слышь, меня вотъ эфто самое мѣсто“.—А самъ ногтемъ черкаетъ.. „Томить меня... Задумался я надъ нимъ, ходить не могу“.—Да куда же ты, спрашиваю, ходишь?—„По здѣшнимъ монастырямъ, говоритъ, хожу. Спокою душѣ своей жду. Помѣ-

*) Въ послѣдствіи, имѣя библию подъ руками, я разыскалъ это мѣсто Царствъ, кн. 1 я, гл. 8, стихи 10—20.

шанная она у меня, въ смятеніи, сызмалѣчества. Гложеть меня. Возьми, возьми"...—опять начинаетъ просить.—Ладно, говорю, возьму, утѣшу тебя, малоумнаго. Ну вотъ, значить, и взялъ. Смотрю, парень точно другимъ сдѣлался. Поклонѣ мнѣ отвѣсилъ, суму затанулъ ремнемъ, на церковь перекрестился и зашагалъ, да такъ крѣпко, уходисто, какъ будто заправскій странникъ...

— Удивительные здѣсь люди, Бодуновъ!

— Удивительные...—соглашается мой ямщикъ.

Тамъ, гдѣ теперь городъ Макарьевъ, въ древности была пустошь, покрытая непроходимыми лѣсами.

Обитель преподобнаго Макарія, говоритъ преданіе, была первымъ человѣческимъ жилищемъ въ этой странѣ. Онъ прибылъ на Унжу около пятисотъ лѣтъ тому назадъ изъ Желтоводскаго монастыря—на Волгѣ подъ Нижнимъ-Новгородомъ. Тамъ, въ Желтоводскомъ монастырѣ, онъ прославился многими чудесами. Къ нему стекались тысячи богомольцевъ на поклоненіе. Многіе приходили изъ очень далекихъ угловъ. Такъ что каждый, отправляясь на богомолье, забиралъ съ собою, какъ можно больше, всякаго скарба и снѣди. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ въ Волгу впадаетъ Ока, богомольцы обмѣнивали свои избытки на то, что каждому было необходимо. Благодаря этому, по преданію, образовалась Нижегородская ярмарка—великое сходбище людей, великая торговля и шумъ. И преподобный Макарій переселился на новое мѣсто, на темную Унжу, гдѣ и умеръ.

Первый русскій царь Михаилъ Феодоровичъ дважды приходилъ на Унжу для поклоненія мощамъ угодника. Первый разъ изъ Костромы еще до избранія въ цари вдвоемъ съ матерью своею Марѳою Ивановною. Во второй разъ въ 1619 году изъ Москвы, уже будучи на царскомъ тронѣ.

Теперь городъ Макарьевъ не блещетъ столь именитою популярностью. Глухой городокъ—немногимъ лучше Кадыя, шесть тысячъ жителей. Весной здѣсь бываетъ плотовая ярмарка.

На ярмарку выползаютъ изъ лѣсныхъ медвѣжьихъ берлогъ много фигуръ, единственныхъ въ своемъ родѣ: богатѣи, толстосумы разныхъ калибровъ—одинъ другого придиричивѣй. Въ дрянненькихъ третье-разрядныхъ трактиришкахъ, на постоянныхъ дворахъ, за жиденькими „опивками“, вмѣсто чая, съ баранками, съ огромными гомзгылями бѣлаго хлѣба, макарьевскаго ситника,—потѣютъ эти диковинные люди по цѣлымъ днямъ. Здѣшній трактирный гость грубъ, сиволапъ, большой охотникъ почваниться, поскандалить.

Здѣсь продають, покупають плоты. Здѣсь же нанимають рабочихъ, сгонщиковъ для доставки лѣса на Волгу и дальше. Нанимая плотовыхъ, иной лѣсной „самъ“, благодѣтель народный, жметъ каждый грошъ, а дома у него въ подпольяхъ лежаты отъ золота горшки и корчаги, зарытые въ землю, прикрытые грязнымъ тряпьемъ...

Изъ Макарьева опять къ Волгѣ мнѣ пришлось ѣхать уже весною на пароходѣ.

На Унжѣ орудуютъ двѣ пароходныхъ компаніи. И та, и другая отправляетъ по пароходу въ сутки; при чемъ оба парохода отходятъ изъ Макарьева утромъ, почти въ одинъ часъ. Просрочьте этотъ часъ, и вы останетесь безъ пароходовъ еще на сутки. Въ виду конкуренціи...

Такса—„по человѣку глядя“. Если возьмешь билетъ съ вечера, сдѣлають скидку. Тоже въ виду конкуренціи: утромъ-де съ нашимъ-то билетомъ не сядешь на чужой пароходъ...

И вотъ утро.

Пароходишка чахленькій, подработанный, допотопной конструкціи, очевидно, съ „мертвыми точками“ въ машинѣ. Пера бы въ музей.

Слава Богу, третій свистокъ. Команда и пассажиры истово крестятся, обратившись къ монастырю.

— Молимся Богу!—кричитъ капитанъ въ машинное отдѣленіе и тамъ тоже, должно быть, истово крестятся.

На семьдесятъ верстъ—столько боязни!. Точно по Ледовитому океану...

Мнѣ хочется поближе осмотрѣть механизмъ. Спускаюсь къ машинному люку. Одно горе этотъ мой новый возница—унженскій пароходъ. Кажется, Бодуновъ не много бы раззорился на придачу, вздумай онъ промѣнять своего карька, свои сани и свою упряжь на эту плвучую храмину...

Вездѣ ржавчина, копоть. Топка дровами. Нѣтъ ни одного мѣднаго пятнышка. Желѣзо, желѣзо... Краны, чайки, заклепки... Мѣдь, должно быть, ни разу не ночевала. Шлифовки тоже нѣтъ и слѣда. Паровикъ старый, въ заплаткахъ. Заплаты обляпаны асбеститомъ—и асбеститъ висить на желѣзѣ, точно сѣрая оконная замазка съ толстыми, хрящеватыми изюминами.

Въ машинномъ отдѣленіи тѣсно, жарко и душно, точно въ аду. Гляжу, вылѣзаетъ оттуда грязное, потное существо: машинистъ. Растянулся внизъ животомъ по холодной палубѣ. Это онъ дѣлаетъ, чтобы немного остыть. Жадно вдыхаетъ въ себя палубный воздухъ, третъ шею. А на лбу у него потъ кистями, точно бѣлая смородина.

Пароходъ идетъ почти у самаго берега. Мальчишки докидываютъ камнями. Рѣка—наказаніе: дуга на дугѣ, извилина на извилинѣ. Версты нѣтъ прямой.

Вотъ, впереди, на высококомъ пригоркѣ забѣлѣлась церковь. Обращаюсь въ капитанскую рубку. Спрашиваю:

— Какое село?

— Это? Спасъ-Красная Горка.

Ужъ, кажется, чего ближе? Однако, проходить съ полчаса. Пароходныя колеса работаютъ изо всѣхъ силъ. Я смотрю назадъ—и въ кормѣ вижу вдругъ точно такую же церковь и точно такой же красный пригорокъ.

— Не миражъ ли?—мелькаетъ въ головѣ.

Вновь прихожу къ капитанской рубкѣ.

— А это какое село?

— Все то же... Спасъ...

И улыбаются надъ моей растерянностью.

— Какъ Спасъ? Развѣ проѣхали.

— Нѣтъ еще. Подбѣгаемъ...

Ну, и рѣка! Все время такая конспиративная!

Увидить впереди высокое мѣсто, сейчасъ же дастъ загогулину, спрячется въ низменный берегъ, и такъ версты три-четыре, верстъ десять бѣжить, озираясь по сторонамъ, пока не нагрянетъ къ самому яру.

Приходитъ на память давнее зимнее восклицаніе Бодунова: „разбойничья дочь“... Это онъ сказалъ про рѣку.

Вспоминаю всѣ дни своего путешествія по этому глухому, гиблому краю. Мелькаютъ въ сознаниі осколки народныхъ душъ, когда-то блеснувшіе при дорогѣ. Мрачное, темное, безглагольное полотно. Чернымъ углемъ забрызганы всѣ культурныя перспективы.

И все, что называется жизнью здѣсь, статное, прямое, бросающееся въ глаза, одѣто унылымъ предсмертнымъ опѣивніемъ. Топчется, умирая у колыбели, не бросаетъ никакихъ надеждъ на далекое будущее.

Есть какой-то вѣковой сонъ и вѣковая черта, обведенная злой рукой вокругъ здѣшнихъ лѣсовъ. И только то, что незримо таятся внутри этого заколдованнаго пространства, угнетенное, искривленное, чего не видишь совсѣмъ во время короткихъ путевыхъ остановокъ, то, можетъ быть, еще сумѣетъ заронить искру жизни.

Вотъ Унжа. Она одна здѣсь бѣжить, и трепещетъ, и живетъ среди лѣснаго безмолвія. Вода въ ней быстрѣе, чѣмъ въ Волгѣ. И потому, что она живетъ, а не спитъ, — нѣтъ у ней ни одной версты безъ излома...

А. Батуевъ.

По этапамъ и пересыльнымъ тюрьмамъ.

(Къ характеристикѣ новаго курса).

Перепроизводство въ области карательной съ каждымъ днемъ даетъ себя чувствовать все сильнѣе. По официальнымъ даннымъ, къ 1 февраля 1909 г. тюремное населеніе въ Россіи дошло до 181.137 человекъ.

Эта внушительная армія изъятыхъ изъ обращенія барахтается въ грязи и смрадѣ на самомъ «днѣ» русской жизни, голодаетъ, болѣетъ, умираетъ и, словно мстя обществу за свои муки и униженія, разноситъ заразу по всей странѣ. Съ этого дна, изъ зловонныхъ ямъ, которыя называются тюрьмами, слышатся напрасные вопли заживо погребенныхъ. И горе русскому обществу, если оно останется глухо къ этимъ воплямъ: «міръ отверженныхъ» отравитъ его покой, трупный ядъ изъ «мертвыхъ домовъ» проникнетъ въ дома живыхъ.

Это уже началось. Общество уже получило грозное предостереженіе. Тифъ, главнымъ разсадникомъ котораго явились тюрьмы, унесъ въ могилу не мало жертвъ изъ среды свободнаго населенія.

Общество встревожилось, но правительство не поняло или не хотѣло понять смысла этого предостереженія. Подлежащія вѣдомства, вѣрныя исконнымъ традиціямъ, только отписывается отъ грядущей бѣды циркулярами, читая которые, можно было бы подумать, что самой насущной потребностью нашего времени является укрощеніе арестантовъ и подтягиваніе черезчуръ либеральнаго тюремнаго персонала.

Наши тюрьмы ждутъ и, несомнѣнно, дождутся своего историка. Онъ сыграли слишкомъ крупную роль въ русской жизни.

Не задаваясь широкими задачами историка, я въ этомъ обзорѣ набросокъ хочу подѣлиться только своими впечатлѣніями, — впечатлѣніями невольнаго туриста по тюрьмамъ и этапамъ, который имѣлъ возможность вдоволь насладиться прелестями новаго курса. Попутно я хочу нѣсколькими штрихами обрисовать положеніе пересыльныхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ: этотъ темный уголокъ нашей жизни до сихъ поръ почти совершенно не освѣщенъ.

I.

— Ивановъ! Петровъ! Степановъ! На этапъ! Да поскорѣй— конвой ждетъ!

— Т. е. позвольте, какъ же это такъ вдругъ?.. Почему не предупредили хоть за день? Мы должны принести деньги, бѣлье...

Но никакіе протесты не помогаютъ. Тюремная администрація обыкновенно оправдывается (если только она нисходитъ до оправданій) тѣмъ, что предписаніе объ отправкѣ только что получено. Продолженіе протеста ведетъ къ насильственному выводу,—часто съ избіеніемъ.

Конвой по обыкновенію тоже торопится.

— Ивановъ! Имя какъ? По отцу? Сколько лѣтъ? Куда идешь? Казенныя вещи есть? Армякъ, шапка, коты, онучи? Обыскать, заковать!

Тыканье обязательно, какъ обязательна и грубость во всемъ обращеніи. Поражаешься, какъ быстро административныя «низы» проникаются директивами и настроеніями верховъ. Въ доброе старое время конвою и въ голову не приходило говорить политическому «ты», а теперь...

— Намъ все единственно—политическій ты или уголовный. Арестантъ—и больше ничего!

Долженъ оговориться, что среди конвойнаго начальства (я не говорю о нижнихъ чинахъ) попадаются и люди совѣтливые, которые если и не скажутъ вамъ «вы», то постараются избѣгать личныхъ мѣстоименій. Но въ послѣднее время, при новомъ курсѣ, они составляютъ крайне рѣдкое исключеніе; естественный подборъ сдѣлалъ свое дѣло: у власти остались, за малыми исключеніями, только ретивые исполнители «предначертаній».

Обыскъ носитъ характеръ какъ бы умышленной грубости, особенно если онъ производится на глазахъ начальства. Тутъ подъ прикрытіемъ закона совершается цѣлый рядъ преступленій противъ частной собственности. Въ доброе старое время политическимъ разрѣшалось имѣть корзины, чемоданы и до 5 пудовъ багажу. Теперь—только 30 фунтовъ, а корзины и чемоданы бросаются конвоемъ на мѣстѣ приѣмки этапа. Разрѣшается только мѣшокъ. Той же участи подвергаются и книги (не помогаетъ даже разрѣшительная печать тюремной администраціи), тетради, часы, кольца, портсигары, зубной порошокъ и пр., и пр. Все это грубо швыряется въ сторону, часто прямо на полъ. Вы протестуете, вы просите, чтобъ конвой хранилъ всѣ эти вещи до слѣдующей тюрьмы у себя, но тщетно.

— Не полагается!

Васъ, допустимъ, высылаютъ куда-нибудь въ Якутскую область,

за многія тысячи верстъ,—вы все же наталкиваетесь на неизмѣнное «не полагается» и «намъ все единственно». 30 фунтовъ. Мѣшокъ. Никакихъ корзинокъ, чемодановъ, ящиковъ. Никакихъ книгъ. Даже гусинья зубочистки признаны почему-то опасными и погибаютъ подъ сапогомъ конвойнаго солдата.

— Аль пропустить?—спрашиваетъ унтеръ-офицера или фельдфебеля, показывая зубочистку, обыскивающій солдатикъ, очевидно, не совѣтъ еще проникшійся видами центральной власти.

— Да на что она? Лишнее... Дави сапогомъ и конецъ дѣлу!

Мыло брать съ собой возбраняется: намыливъ пятки, можно легче снять кандалы; правда, вы не кандалникъ, но въ партіи есть или могутъ быть дальше кандалники. По тѣмъ же высшимъ государственнымъ соображеніямъ не разрѣшается имѣть съ собой масло, сало и вообще все жирное. Все это тутъ же бросается и вмѣстѣ съ вашимъ табакомъ и пр. «лишними» вещами остается въ добычу конвойнымъ или тюремнымъ надзирателямъ. Больше цѣнныя вещи тюремная контора обязана выслать вамъ по мѣсту вашего назначенія, если вы оставите деньги на пересылку. То же и съ деньгами.

Прежде политическіе могли имѣть при себѣ до ста рублей. Новый курсъ свелъ эту цифру до 99 коп. (почему именно 99 коп., а не цѣлый рубль,—это государственная тайна: надо думать, въ этой именно копѣйкѣ коренится гибель для государства). Въ самое послѣднее время, впрочемъ, когда новый курсъ смѣнился самонѣвѣйшимъ, и эти 99 коп. признаны лишними. Ни копѣйки! Есть у васъ деньги, сдавайте въ контору, которая вамъ ихъ потомъ перешлетъ, высчитавъ за пересылку.

На этой почвѣ бываютъ поистинѣ разительные курьезы. У одного политика въ Алатырской тюрьмѣ конвой, оторвавъ шашкой стельку сапога, нашелъ 22 коп. Деньги были сданы тюремной администраціи, которая, сохраняя полную серьезность, объявила, что деньги эти, за вычетомъ 15 коп. на почтовый переводъ, т. е. въ суммѣ 7 коп., будутъ пересланы по мѣсту назначенія.

Само собой разумѣется, что деньги и вещи, оставляемые въ конторѣ, при приѣмѣ партіи, тюремная администрація не особенно торопится высылать. Проходятъ мѣсяцы, часто и годы, а вещей и денегъ все нѣтъ. Приходится бомбардировать заявленіями тюремное начальство, главное тюремное управленіе. Часто случается, что ваши деньги или вещи уже не застаютъ васъ на старомъ мѣстѣ назначенія,—и опять начинается безконечная волокита и новые расходы на пересылку (пересылка вещей часто обходится въ нѣсколько рублей). Вотъ почему неособенно цѣнныя вещи часто просто бросаются въ тюремной конторѣ: дескать, чортъ съ ними, не стоитъ канителиться и на пересылку тратиться! Это своего рода косвенная прибавка къ жалованью чиновъ тюремной администраціи.

Чтобъ покончить съ обыскомъ, укажу еще на одну характерную для новаго курса мелочь: подушка разрѣшается, но отнюдь не больше 10 вершковъ. А такъ какъ подушки большей частью превосходятъ размѣрами эту циркулярную мѣрку, то приходится подниматься на хитрости: нелегальная подушка уминается, складывается вдвое и даже вчетверо, зашивается; правда, послѣ всѣхъ этихъ операций она превращается въ твердый, мало соответствующій своему назначенію комъ, но за то циркуляръ соблюденъ.

II.

Обыскъ конченъ. Раздается команда:

— Стройся! По четыре въ рядъ! Въ затылокъ!

И процессія трогается въ путь.

Не такъ давно политиковъ не гнали пѣшкомъ вмѣстѣ съ уголовными черезъ весь городъ. Ихъ большей частью возили въ особыхъ каретахъ или на извозчикахъ на казенный счетъ. Теперь не то: и на свой счетъ не разрѣшается взять извозчика.

Всю дорогу идешь подъ градомъ грубыхъ окриковъ:

— Принимай ближе! Не отставай! Въ затылокъ!

— А ну-ка, Ѳедоровъ, поправь тамъ этого очкастаго.

И Ѳедоровъ «поправляетъ» выбившагося изъ ряда «очкастаго» шашкой плашмя или прикладомъ. Протестовать противъ такихъ пріемовъ отнюдь не рекомендуется: малѣйшій ропотъ можетъ повлечь за собой кровавую расправу. И идешь «въ затылокъ», глотая боль обиды, сжимая сердце, сдавливая мозгъ, весь охваченный мучительной ненавистью и жаждой мести. Партія идетъ, вѣрнее, бѣжитъ (конвой всегда торопится) въ сосредоточенномъ, угрюмомъ молчаніи, обливаясь потомъ, тяжело дыша, какъ загнанный звѣрь; иногда приходится пройти такимъ форсированнымъ маршемъ 6—7 и болѣе верстъ, по глубокому снѣгу, черезъ лужи, по колѣно въ грязи. Особенно тяжело приходится кандалъникамъ и женщинамъ, замыкающимъ шествіе.

Глубоко врѣзался мнѣ въ память образъ одной молоденькой дѣвушки-подростка, прямо съ гимназической скамьи попавшей во власть тюремщиковъ и солдатъ. Слабенькая, тщедушная, она совершенно выбилась изъ силъ, стараясь не отстать отъ партіи. Она такъ тяжело дышала, что дыханья ея не могъ заглушить даже топотъ нѣсколькихъ десятковъ ногъ. Выбившіеся мокрые волосы прилипли къ лбу, съ котораго стекали по щекамъ крупныя капли пота. Ботинки хлюпали отъ набравшейся въ нихъ воды, платье было обрызгано грязью. И невольно, глядя на этого жалкаго, загнаннаго ребенка, рисовался въ умѣ другой образъ, образъ матери, которая такъ холила и лелѣяла свое дитя, такъ любовно мерещирала пальцами эти самые, теперь такіе жалкіе, слипшіеся

волосы. Что испытала бы она, эта несчастная мать, если бы видѣла въ эти минуты свою дочь?..

Впрочемъ, если бы она и была тутъ, ее бы близко къ партіи не подпустили. Въ доброе старое время все это носило болѣе патріархальный характеръ. Вокругъ партіи съ обѣихъ сторонъ образовывалась живая стѣна близкихъ, знакомыхъ, а то и просто любителей. Всю дорогу шли разговоры, сообщались новости, смѣялись, шутили. Передавали съѣстные припасы, деньги, газеты. Но... «то было раннею весной»... Теперь картина рѣзко измѣнилась. Конвой смотритъ (не по внутреннему побужденію, а въ угоду все тому же всеильному циркуляру) на обывателя звѣрѣмъ. Когда проходитъ партія, улица тщательно очищается. Не успѣвшая свернуть публика, пугливо жметъ къ троттуарамъ. Конвойнымъ, по видимому, доставляетъ огромное наслажденіе травить какого-нибудь свободного гражданина, нечаянно наткнувшагося на партію.

Конечно, не всякій конвой такъ безсердеченъ, но въ послѣднее время слишкомъ ужъ много развелось охотниковъ вѣлать надѣяться надъ арестантами и обывателями. Власть опьяняетъ—даже такая ничтожная, какъ власть конвойнаго солдата. Вчера еще надъ нимъ самимъ, быть можетъ, только лѣнивый не куражился, а теперь онъ самъ облеченъ всей полнотой власти.

Мнѣ приходилось видѣть сѣрыхъ, вчера еще оторванныхъ отъ сохи, крестьянскихъ парней въ мундирахъ, которымъ, видимо, доставляетъ огромное наслажденіе потѣшиться надъ какимъ-нибудь интеллигентнымъ арестантомъ. Дескать, ты вотъ и пенснэ носишь, и науки всякія произошелъ, а я, простой мужикъ, могу тебѣ морду почистить и ничего мнѣ за это не будетъ (подлинныя слова одного конвойнаго)!

Въ одномъ онъ безусловно правъ: ничего ему не будетъ,—не только если «морду почистить», но если и пашкой зарубить: весь конвой, какъ одинъ человѣкъ, согласно покажетъ, что зарубленный оказалъ сопротивленіе, хотѣлъ бѣжать и прочее, хотя бы ничего подобнаго и не было. Зарубившему въ приказѣ еще, пожалуй, благодарность будетъ объявлена.

Конвойные офицеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ всячески поощряютъ эту грубость. Вотъ, на примѣръ, сценка съ натуры. Въ Курскѣ около вокзала выстраивается партія для отправки въ тюрьму. Грязь по колѣно, проливной дождь. Арестанты измучены долгимъ переездомъ въ биткомъ набитомъ вагонѣ и съ полчаса уже мокнутъ подъ дождемъ. Нѣсколько въ сторонѣ подъ крытой площадкой, стоитъ офицеръ и командуетъ.

Рѣзкій, визгливый голосъ, отборная ругань.

— Карповъ! Это зачѣмъ двѣ подводы? Безобразіе такое!

— Больные есть, ваше высокоблагородіе!

— Какіе тамъ больные! Врутъ они, мерзавцы! Вотъ этотъ чего на подводу лѣзетъ? Какой онъ, с... с..., больной! Гони прочь!

Инкриминируемый «мерзавецъ» почтительно заявляетъ, что у него есть свидѣтельство отъ доктора, дающее ему право на подводу. Но это только подливаетъ масла въ огонь.

— Молчать! Не разговаривать! Я тебѣ покажу доктора! Карповъ, заковать его въ наручни!

Тотъ же офицеръ зорко слѣдилъ, чтобы арестанты не кляли вещей на подводу. 30 фунтовъ полагается въ рукахъ нести—и несчастнымъ приходится съ такой ношей шлепать по грязи нѣсколько верстъ.

Когда партія была выстроена, раздалась команда:

— Конвой, пашки вонъ! Смотри въ оба! Чуть что—рубим пашками!

Послѣ такого напутствія, рѣшительно ничѣмъ не вызваннаго, офицеръ сѣлъ на извозчика и отправился куда-нибудь въ клубъ, а партія, оплеванная, поруганная, поплелась по срединѣ улицы, мѣся ногами липкую грязь, въ угрюмомъ молчаніи, затаивъ обиду, ненависть и проклиная. Слышенъ только беспорядочный топотъ десятковъ ногъ, тяжелое дыханье, да лязгъ ручныхъ кандаловъ.

Кстати, о ручныхъ кандалахъ или наручникахъ.

До новаго курса политическихъ пересыльных никогда не заковывали. Теперь это стало обычнымъ явленіемъ.

Иной конвой куетъ всѣхъ безъ исключенія. Сковываютъ парно, правую руку одного съ лѣвой рукой другого.

Цѣпь такъ коротка, что если одинъ подниметъ немного руку, сосѣдъ обязательно сдѣлать то же.

Кольцо, охватывающее руку выше кисти, часто бываетъ слишкомъ тѣсно, натираетъ руку и на морозѣ жжетъ, какъ огнемъ. Сковываютъ какъ попало, такъ что, напримѣръ, одинъ литераторъ узналъ въ своемъ товарищѣ по наручникамъ громилу, который въ Кіевѣ, во время октябрьскаго погрома, пробилъ ему камнемъ голову.

Опять приходится сдѣлать оговорку: политическимъ все же предоставлена одна привилегія. Женщины, даже каторжанки, освобождены отъ ножныхъ кандаловъ, но каторжанкамъ политическимъ предоставлено право носить ихъ. И если вы въ тюрьмѣ или въ пути увидите женщину въ кандалахъ (зрѣлище, давно у насъ невиданное), знайте, что это политическая преступница.

III.

Арестантская партія разсажена по вагонамъ.

Политическіе сидятъ впережку съ уголовными.

До отправки поезда жандармы и конвой зорко слѣдятъ, чтобы посторонняя публика держалась на почтительномъ отдаленіи. Пускаются въ ходъ кулаки, пашки, приклады. Станція словно

захвачена послѣ жаркаго боя непріятелемъ,—злымъ, жесточенымъ, мстительнымъ.

Вотъ ветхая, бѣдно одѣтая старушка, зажавъ въ одной трясунейся рукѣ нѣсколько мѣдяковъ, а въ другой какой-то узелокъ, умоляетъ жандарма пропустить ее къ арестантскому вагону.

— Сынъ у меня тамъ... Трифоновъ, Василий Трифоновъ. Въ Москву гонять... окажи божескую милость... Ни чаю у него, ни сахару...

У жандарма не хватаетъ духу грубо прогнать старушку, и онъ спокойно убѣждаетъ ее:

— Проходи, бабушка. Сказано—нельзя!..

Но старушка не отстаетъ и, воспользовавшись моментомъ, когда вниманіе жандарма отвлечено, она ухитряется—таки пробраться за заѣтную черту. Здѣсь на нее насккиваетъ конвойный солдатъ, изъ ретивыхъ служакъ, съ нашивкой. Разыгрывается омерзительная сцена. Отъ сильнаго толчка въ грудь старушка летитъ на землю, разсыпая мѣдяки и убогое содержимое узелка. Другіе солдаты гогочутъ и изощряютъ свое остроуміе.

— Къ нему такая красотка цѣловаться лѣзетъ, а онъ во какъ ее!..

— Что, бабушка, къ солдатикамъ захотѣлось?

— Держи карманъ! Не по рылу, братъ, намъ съ тобой такая красавица!.. Голыми руками тоже не возьмешь... Все, чай, по генераламъ...

Только у одного солдата при этой сценѣ что-то дрогнуло въ лицѣ. Онъ отвернулся и старался не встрѣчаться со мной глазами: ему явно было стыдно за товарищей.

Наконецъ, поѣздъ трогается. Въ вагонѣ страшная давка. На каждое мѣсто часто приходится два человѣка. Измученные долгой ходьбой и вагонной сутолокой, арестанты начинаютъ устраиваться. То и дѣло слышатся окрики конвойныхъ:

— Сиди по мѣстамъ! Эй, вы тамъ, чего загалдѣли?

— Господинъ старшій, нельзя ли окно немного спустить? Страшная духота.

— Окно? И тебѣ дамъ окно! Душно ему! Я, братъ, тебя такъ прохлажу, что совсѣмъ застынешь!

Потомъ уже, въ пути, все же удается время отъ времени освѣжить спертый воздухъ черезъ открытое окно. Но вначалѣ даже хорошій конвой лютъ. Это почти общее правило.

Еще на вокзалѣ, передъ отходомъ поѣзда, дѣлается для арестантовъ выписка. Тутъ же выдаются кормовыя, 10 коп. въ сутки (дворянамъ 15 коп.). Кое кто изъ арестантовъ ухитрился скрыть при обыскѣ деньги. Солдаты видятъ, но смогрять на это сквозь пальцы. Ихъ совѣсть чиста: обыскъ они производили тщательный. Въ вагонѣ то и дѣло солдатамъ вручаются сравнительно крупныя суммы для покупокъ.

— Ишь, пронесъ таки! И гдѣ вы, анафемы, прячете?

— Да я, г. конвойный, не проносивъ. Гдѣ ужъ отъ васъ утаить? Это я тутъ уже, въ вагонѣ, надѣлалъ. У меня, братъ, фабрика, первый сортъ. Давай для примѣру пятищницу—я тебѣ въ моментъ изъ нея рублевку сдѣлаю.

Поражаешься, какъ старые, опытные арестанты, умѣютъ деньги прятать. Одинъ каторжанинъ хвастливо показывалъ мнѣ въ вагонѣ 300 рублей—и все мелкими ассигнаціями. А вѣдь каторжанъ обыскиваютъ съ сугубой тщательностью.

Впрочемъ, большинству нечего прятать, а у нѣкоторыхъ, благодаря ихъ неопытности, отбираютъ при приемѣ деньги, и они всю дорогу должны питаться одиѣми кормовыми. А на 10 коп. не разгуляешься. Солдатъ, идущій за покупками, въ лучшемъ случаѣ копѣйку-другую удержать себѣ съ гривенника.

Но это бы еще полъ-бѣды. Настоящая бѣда приходитъ тогда, когда конвойные сами держать лавочку. Такія лавочки имѣются, напримѣръ, у Виленскаго, Кіевскаго, Коногонскаго и, навѣрное, у многихъ другихъ конвоевъ. Тутъ ужъ тѣмъ, кто не имѣетъ собственныхъ денегъ, приходится буквально голодать. Завѣдуетъ лавкой одинъ какой-нибудь солдатъ, барышни дѣлятся между всѣми конвойными. Закупается все гниль и дрянь, которую всякій лавочникъ радъ сбыть за полъ-цѣны. Процентъ берется божескій—100, часто 150. Въ вагонѣ происходятъ глубоко-драматическія сцены.

Подходитъ арестантъ и проситъ на 5 коп. хлѣба и на 5 коп. селедку. О чаѣ и сахарѣ и думать нечего.

— Нѣтъ ужъ, давай на всѣ 10 хлѣба,—съ тоской въ голосѣ говоритъ онъ, увидавъ сколько хлѣба ему даютъ на 5 коп.

Но и на весь гривенникъ хлѣба обидно мало (хлѣбъ бѣлый, чернаго въ лавкѣ нѣтъ).

Арестантъ беретъ въ руку хлѣбъ, укоризненно смотритъ на него, взвѣшиваетъ на рукѣ, и медленно, нерѣшительно отходить на свое мѣсто, показывая всѣмъ и каждому и долго еще, не смотря на голодъ, не рѣшается ѣсть его, точно не зная съ какой стороны взяться за него: больно ужъ деликатная штука!

— На весь то гривенничекъ, а?!

— Н-да... тутъ, братъ, не развѣшися! Животъ не заболитъ...

— А ты брюхо покрѣче стани, — много то хлѣба и не съѣшь. Остаточки-то потомъ мнѣ, что научилъ тебя уму-разуму.

— Эстолько хлѣба, а ему все мало! Господи ты Боже мой,—да ежели къ нему фунтика три говядинки, да котлетку жареную, да рыбешку какую ни на есть—въ самый разъ и будетъ. Не видалъ нешто, какъ господа кушаютъ? Хлѣба самую малость съѣдать, а такъ налوناются, что изъ за стола встать не могутъ хоть на выносъ... Не умѣешь ты, братъ, по господски жить!

Черезъ минуту въ вагонѣ разыгрывается другая драма. Какой

то старикъ покупаетъ на 3 коп. сахару. Ему даютъ 6 крошечныхъ кусочковъ, по 2 на копѣйку. За фунтъ такимъ образомъ, солдаты выручаютъ 35—40 коп.

Старикъ что-то горячо говоритъ, но отъ волненія его начинаетъ душить кашель, и высказаться ему такъ и не удается. Наконецъ, онъ усаживается на свое мѣсто и долго разсматриваетъ сахаръ, укоризненно качая головой.

— А ты, дѣдушка, не очень-то гляди на него: весь выглядишь. Вишь онъ какой великатный!

— Арестантъ, а туды же, чан распивать! Кабы я наибольшимъ былъ, отдалъ бы приказъ, чтобы арестантамъ чаю—ни Боже мой!.. Дуй одну водку, четвертными бутылками, коли ежели законъ переступилъ, и чувствуй!

Такія, такъ сказать, копѣчныя драмы разыгрываются почти всю дорогу. Безденежные арестанты буквально голодаютъ и смотрятъ жадными, голодными глазами на болѣе счастливыхъ товарищей.

— Хоть бы ужъ до тюрьмы добраться!—вздыхаетъ одинъ изъ алчущихъ.—Тамъ и пайку форменную дадутъ, и баланды похлебаешь.

— Тамъ-то? Ты меня спроси, я эту тюрьму во-какъ знаю,—иронизируетъ другой:—тамъ, братъ, какъ прїѣдешь, сейчасъ это тебя къ начальнику на обѣдъ. Усадятъ это за столъ, дочь начальницкая чарочку поднесетъ! Тутъ тебѣ закуски всякія, шинпанское, ѣшь, молъ, Петръ Ивановичъ, пей, насилу тебя дождались.

Первый голодъ утоленъ.

— Господинъ старшій, нельзя ли насчетъ кипяточку. Пить охота, потому селедокъ наѣлись.

Но насчетъ кипятку конвой тугъ.

— Подождешь... Сами напьемся, а на слѣдующей станціи вамъ принесемъ.

«Сами» пьютъ странно долго, и на этой, и на слѣдующей станціи. А дальше оказывается кипятку пѣтъ или поѣздъ стоитъ слишкомъ мало. Иногда за цѣлый день насилу добьешься кружки холоднаго чаю. Арестанты пьютъ скверную, сырую воду.

— Чаю нельзя, такъ хоть бы водочки,—подшучиваетъ кто-нибудь.—Нельзя ли сдѣлать, г. конвойный, а? Намъ много ли надо? Ведерочко-другое и будетъ.

— Сбѣгай!—отвѣчаетъ ему въ тонъ другой,—а самъ хворъ? Тоже баринъ нашелся! Пить захотѣлось, пошелъ самъ въ буфетъ и принесъ. Солдата посылаетъ! Солдатъ, братъ, слуга царю, а не тебѣ, арестантская морда!

Душно, тѣсно, тоскливо. При старомъ курсѣ газеты въ вагонѣ свободно обращались,—теперь достать ихъ трудно, въ большинствѣ случаевъ невозможно.

Также и на счет табаку. Страстные курильщики томятся, поднимаются на всевозможныя хитрости, но только очень рѣдко удастся затянуться гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку. Конвойные зорко слѣдятъ, не курить ли гдѣ-нибудь. Вотъ какой-то политикъ, спрятавшись за товарищей и нагибаясь чуть не подъ лавку, осторожно попыхиваетъ папиросой. Но часовой замѣтилъ. Кошачьими шагами подкрадывается онъ сзади, съ злораднымъ торжествомъ въ заискрившихся глазахъ, грубо вырываетъ папиросу и, чтобы дать исходъ своему приподнятому настроенію, начинаетъ бить уличеннаго по головѣ.

Долго еще послѣ расправы солдатъ не можетъ успокоиться.

— Я тѣ покурю! По вѣкъ жизни помнить будешь... Арестантѹха проклятый!..

Въ вагонѣ водворяется тяжелое молчаніе. Всѣ живо чувствуютъ обиду, но попробуй сказать что-нибудь, и тебѣ влетитъ. Только кое-гдѣ, въ далекихъ углахъ, дѣлается вполголоса «оцѣнка момента».

— Жалко, вишь, ему... Много терять...

— Въ генералы, видно, мѣтитъ...

— Побывалъ бы въ арестантской шкурѣ, узналъ бы, почему сотня грешковъ.

Избитый политикъ молчитъ и какъ будто съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ, отвернувшись, въ окно, только мускулы на лицѣ судорожно подергиваются, въ глазахъ бѣгаютъ искорки да ненатуральное, искусственное покашливаніе свидѣтельствуетъ о душевной бурѣ. У рядомъ сидящаго товарища его лицо напоминаетъ лицо ребенка, который вотъ-вотъ заплачетъ.

IV.

Пріѣхали. Партія выстроена на вокзалѣ для отправки въ новую тюрьму. Долгіе, томительные сборы, переключки, окрики «въ затылокъ!», «принимай ближе!» Опять путешествіе по городу, звонъ кандаловъ и наручней, тяжелое дыханье многоголоватаго замученнаго звѣря, топотъ десятковъ ногъ, ожесточенная война конвоя съ арестантами и обывателями.

Наконецъ, передъ партіей открываются тюремныя двери. Опять начинаются назойливые вопросы:

— Какъ зовутъ? По отцѣ? Куда идешь? Казенныя вещи есть?

И опять обыскъ. Впрочемъ, въ тюрьмахъ, за нѣкоторыми исключеніями, обыскъ носить довольно поверхностный характеръ: дескать, послѣ такихъ мастеровъ, какъ конвойные, у арестантовъ ничего запретнаго ужъ не найдешь.

Пріемка кончена. Партію отводятъ въ пересыльное отдѣленіе.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, если я на этой части своихъ замѣтокъ остановлюсь нѣсколько дольше: о положеніи пересыльныхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ широкая публика почти ничего не знаетъ.

Пересыльные это—парія среди паріевъ въ общей арестантской массѣ. Если со срочными или подслѣдственными заключенными, имѣющими въ тюрьмѣ болѣе или менѣе прочную осѣдлость, администрація все же какъ никакъ считается,—то пересыльныхъ вездѣ и всюду держатъ въ черномъ тѣлѣ. Начальство совершенно не интересуется ими и почти никогда не заглядываетъ къ этимъ илотамъ, а низшіе чины надзора всячески издѣваются надъ ними, доходя въ своей власти до кулачной расправы, которая здѣсь составляетъ самое зауридное явленіе.

Пересыльное отдѣленіе при тюрьмѣ, это—нѣчто вродѣ черной пристройки, неизбѣжнаго чулана для всякаго хлама при домѣ. И какъ чуланъ не показываютъ гостямъ и всячески прячутъ отъ посторонняго глаза, такъ и пересыльное отдѣленіе тщательно скрывается отъ разныхъ чиновныхъ и сановныхъ посѣтителей. Даже тюремная инспекція почти никогда не заглядываетъ на этотъ тюремный здворокъ.

— А тамъ у васъ что?

— Это, вашество, пересыльная... Страшно переполнено, вашество,—забѣгаетъ впередъ начальникъ или его помощникъ, на случай, если гость все-же захочетъ заглянуть и въ чуланъ.

— Да, да... Ну, что-жъ подблаетъ? Они вѣдь тутъ не на долго?

— Такъ точно, вашество: стараемся по возможности скорѣй отправлять.

— А? Это хорошо!.. Э, такъ вотъ... что я хотѣлъ сказать?.. Да, намъ еще у женщинъ надо побывать...

— Какъ прикажете, вашество!

И «вашество» не устаиваетъ своимъ посѣщеніемъ чулана. А въ чуланѣ десятки людей ждутъ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ: они узнали, что тюрьму осматриваетъ власть имущій гость, и съ трепетомъ готовятся излить передъ нимъ всю накопившуюся горечь и обиды. Арестанты подтягиваются, страшно волнуются и тѣсной гурьбой окружаютъ заранѣе выбраннаго парламентаря.

— Ты ему все обскажи, безъ стѣсненія. Онъ, братъ, имъ не спуститъ! Нѣ-ѣтъ, шалишь! Онъ въ К-ской тюрьмѣ такъ распустилъ этихъ гадовъ... Начальникъ въ роты угодилъ...

— Про хлѣбъ-то, про хлѣбъ не забудь! Возьми мою пайку — пѣльная...

— Митька, слышь: какъ за побой разговоръ пойдетъ, ты рубаху-то сыми и покажи, какъ старшой тебя изукрасилъ. Сымай безъ сумлѣнія—ничего не будетъ!..

Но вся тактика и стратегія чающихъ движенія воды арестан-

товъ пропадаетъ втунѣ. Гость не удосужился заглянуть къ нимъ. Къ старымъ обидамъ прибавляется новая, едва-ли не самая жгучая.

V.

Политическихъ пересыльныхъ до новаго курса во всѣхъ тюрьмахъ тщательно изолировали отъ уголовныхъ. Теперь привилегіи уничтожены, перегородки рухнули подъ напоромъ демократическаго режима. Теперь бокъ-о-бокъ въ одной камерѣ, на одиѣхъ нарахъ, жомѣщаются студентъ и мелкій воришка; чистый, идеалистически настроенный юноша—и сутенеръ, задушившій свою любовницу за скрытую ею «выручку»; редакторъ прогрессивной газеты, клеймившей погромы—и громила, эти погромы устраивавшій; лѣвый депутатъ Государственной Думы и—проворовавшійся сыщикъ.

Тутъ помимо грубо-упрощеннаго пониманія конвойнаго солдата («намъ все единственно: арестантъ и больше ничего!») дѣйствуютъ, конечно, и высшія государственныя соображенія: во первыхъ, унизить своихъ военноплѣнныхъ враговъ, развѣнчать ихъ въ глазахъ общества, свести съ пьедестала; во вторыхъ, политиковъ въ общей кучѣ съ уголовными легче сломить. Не маловажную роль тутъ играетъ и чисто психологическій мотивъ—мелочная, злобная мстительность. Ты, дескать, депутатомъ былъ, съ думской трибуны металъ въ насъ громы и молніи, чуть не въ министры лѣзъ,—такъ вотъ, не угодно-ли въ клоповникъ, съ ворами, громилами и сыщиками!

Въ Московской центральной пересыльной тюрьмѣ я былъ очевидцемъ такой сцены:

Происходитъ приемка только что прибывшаго этапа. Принимаетъ старшій надзиратель. Черезъ нѣсколько минутъ торопливо подбѣгаетъ одинъ изъ помощниковъ начальника съ бумагой въ рукѣ.

— Здѣсь есть въ партіи бывшій членъ Государственной Думы?—спрашиваетъ онъ.

— Это я,—отзывается одинъ изъ «лучшихъ, довѣремъ народа облеченныхъ людей».

— А!.. хорошо... хорошо...

Помощникъ долго мѣрять депутата съ головы до ногъ. На его упитанномъ фельдфебельскомъ лицѣ пробѣгаетъ гаденькая, торжествующая усмѣшка, какая бываетъ у людей, собирающихся учинить забавную пакость. Онъ подходитъ къ старшему и что-то шепчетъ ему.

— Въ секретъ? № 73?

— Слушаю-съ!

И несчастный депутатъ, отдѣленный отъ товарищей, одинъ только попадаетъ въ самый ужасный клоповникъ, гдѣ, сбившись плотной кучей, какъ черви въ навозѣ, помѣщаются отбросы—даже

арестантскаго міра. Впрочемъ, къ чести этихъ послѣднихъ надо сказать, что они отнеслись къ народному избраннику съ трогательнымъ вниманіемъ и участіемъ, такъ что виды тюремнаго начальства осуществились не въ полной мѣрѣ.

VI.

Останавливаясь отдѣльно на описаніи хотя бы каждой изъ главнѣйшихъ тюремъ въ отдѣльности, конечно, нѣтъ возможности. Поэтому я ограничусь небольшими экскурсіями въ нѣсколько наиболѣе типичныхъ «мертвыхъ домовъ», дополняя картину отдѣльными штрихами изъ имѣющагося у меня богатаго матеріала.

Вотъ самая большая въ Россіи специально приспособленная для пересыльных—образцовая московская «центральная» тюрьма.

Это—цѣлый городъ, съ десятками корпусовъ и службъ, съ многотысячнымъ арестантскимъ населеніемъ, съ огромнымъ штатомъ чиновъ высшей и низшей администраціи. Въ нее стекаются пересыльные заключенные со всѣхъ угловъ Россіи, «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», и за годъ ихъ здѣсь проходитъ не одинъ десятокъ тысячъ. Тутъ то мы, казалось бы, вправѣ ожидать нѣкотораго благоустройства: вѣдь это специальная, даже центральная пересыльная тюрьма.

Прежде всего, особая камеры для политическихъ съ зимы 1907 года уничтожены. Арестанты распределяются по трактамъ: Ярославскій, Рязанскій, Петербургскій и т. п. Революціонная зараза распределяема равномерно по всѣмъ камерамъ

Камеры бываютъ двухъ родовъ: «двадцатки» и «сороковки» (на 20 и 40 человѣкъ). Въ первыхъ въ обыкновенное время помѣщается человѣкъ 50, во-вторыхъ—число обитателей доходитъ до 140.

Это было въ декабрѣ 1908 года. Когда я зашелъ въ одну изъ сороковокъ, у меня голова закружилась отъ тяжелаго смрада, страшнаго гама и давки.

Стѣны надъ нарами мнѣ показались выкрашенными подъ мраморъ, но по ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это густо нерекрещивающіеся во всѣхъ направленіяхъ кровавые слѣды отъ раздавленныхъ клоповъ. Только теперь я понялъ весь трагическій смыслъ отвѣта коридорнаго надзирателя на мой вопросъ, много-ли тутъ клоповъ:

— Считать не считалъ, а заѣсть человѣка могутъ!

Великій Боже! Я въ жизни не видалъ такой массы клоповъ—и какіе клопы! Жирные, упитанные, до нельзя наглые,—настоящіе квовопійцы! Достаточно сказать, что, несмотря на страшную тѣсноту, ночью нары почти пустовали. Самые неприхотливые, видавшіе виды арестанты, не могутъ улежать на нихъ и устраи-

ваются на полу, черезъ каждые четверть полчасы поливая вокругъ своего ложа воду: пока вода не высохнетъ, они нѣсколько гарантированы хоть отъ «внѣшнихъ враговъ», т. е. отъ клоповъ, которые не успѣли забраться къ нимъ въ постель и платье.

Это въ образцовой-то, центральной пересыльной тюрьмѣ!

Дальше. Параша (огромный десяти-ведерный ушатъ) совершенно открыта. Надо еще принять во вниманіе, что эта посудина стоитъ въ камерѣ круглыя сутки («справиться» выпускаютъ только 3 раза въ день, до повѣрки).

И въ такой то обстановкѣ пересыльные живутъ недѣлями и даже мѣсяцами: ихъ такая масса, что не хватаетъ ни конвоя, ни вагоновъ, и несчастнымъ подолгу приходится ждать отправки.

Прогулокъ не полагается. Книгъ изъ тюремной бібліотеки не выдаютъ, а такъ какъ возить съ собой тоже нельзя, то я представляю вамъ судить, какъ чувствуетъ себя интеллигентный человѣкъ часто въ теченіе мѣсяцевъ, которые онъ проводитъ по этапамъ и пересыльнымъ тюрьмамъ. Не полагается даже ложекъ. Деревянная ложка стоитъ копѣйку, а между тѣмъ, когда приносятъ въ обѣдъ баланду, около бачковъ разыгрываются часто настоящія драмы—съ мольбами, проклятьями и кулачной расправой. Только немногіе счастливыцы предусмотрительно запасались ложками. Большинству приходится вступать въ сдѣлки со старостой или надзирателями, или же ждать, пока вооруженная ложками партія пообѣдаетъ. А брюхо давно ужъ подводитъ отъ голода и ждать не въ могуту.

Вопросъ о хлѣбѣ едва ли не самый больной вопросъ. На челоѣвка полагается 2¹/₂ фунта (по увѣреніямъ надзирателей, только 2), но фактически пайки вѣсятъ 1 фунтъ—1¹/₄ фунта и очень рѣдко доходить до 1¹/₃ фунтовъ. А между тѣмъ, хлѣбопеки сдаютъ хлѣбъ правильно по вѣсу. Но тутъ статья особая.

Надо знать, что въ каждой камерѣ имѣется свой староста. Это обыкновенно какой нибудь старый воръ («начальникъ карманной тяги», какъ ихъ въ шутку называютъ), тюремный Иванъ, который знаетъ всю подноготную тюрьмы, такъ какъ онъ ухитряется въ теченіе года нѣсколько разъ пройти черезъ нее. Это его резиденція, которую онъ покидаетъ только на короткое время. Здѣсь онъ дома въ родной стихіи.

Все старосты, уборщики, ламповщики и пр. составляютъ одно акціонерное общество для обирания арестантовъ. Въ долѣ съ ними состоятъ коридорные надзиратели. Это фактъ, въ которомъ я имѣлъ случай десятки разъ убѣждаться.

И вотъ хлѣбъ-то для этой почтенной компаніи составляетъ самую доходную статью.

За хлѣбомъ для всей камеры ходитъ староста. На коридоръ приносятъ большіе караваны, которые онъ рѣжетъ на пайки. Но вмѣсто 6 пайковъ, напримѣръ, онъ выкраиваетъ изъ каравана

9 и 10. А такъ какъ хлѣба ему нужно нарѣзать на сотню человѣкъ и больше, то онъ и выкроить себѣ 3—4 и даже 5 караваевъ въ день.. Этотъ благопріобрѣтенный хлѣбъ онъ потомъ и продастъ голоднымъ арестантамъ по 5 к. за паякъ. У безденежныхъ онъ беретъ за кусокъ хлѣба положительно послѣднюю рубаху.

Протестовать опасно. Немногіе смѣльчаки дорого платили за одну только попытку протеста. Въ рукахъ тюремной «камарилы» имѣется слишкомъ много средствъ для укрощенія строптивыхъ. Во-первыхъ, «свои средства»: бьютъ до полусмерти, устраиваютъ всякія пакости, обкрадываютъ до нитки. Во-вторыхъ, стоитъ старостѣ шепнуть пару словъ надзирателямъ—и эти послѣдніе докажутъ протестанта не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Главный ресурсъ въ рукахъ надзирателей это—гнать на работу. По тюремному уставу пересыльные не могутъ употребляться ни на какія работы, но соображенія экономіи выше уставовъ. Ежедневно изъ каждой камеры гонять 10—20 и больше человѣкъ таскать дрова, очищать отъ снѣга дворъ, помогать на кухнѣ. Все это, конечно, бесплатно.

— Эй, ребята,—кричитъ въ дверяхъ надзиратель,—кому охота прогуляться? Дровецъ поднести... Выходи 10 человѣкъ!

Но «прогуляться» никому не охота. Собственнымъ хребтомъ узнавъ, что такое эти прогулки, а главное: «хоть бы корку хлѣба дали за труды, анаемы!»

Видя, что охотниковъ нѣтъ, надзиратель входитъ въ камеру и начинаетъ самъ подбирать людей для работы.

Въ число ихъ обязательно изо дня въ день попадаетъ и протестантъ.

— Ну, живо мнѣ! Не разговаривать! Я вамъ, с... с..., побарствую! Ишь, бѣлоручки!

И распаленный собственнымъ краснорѣчіемъ, онъ тутъ же нависаетъ надъ протестантомъ и начинаетъ его бить смертнымъ боемъ,—кулаками, сапогами, тяжелыми ключами.

Не знаю, извѣстно ли высшимъ чинамъ надзора, что въ «образцовой» изо дня въ день широко практикуется кулачная расправа. Бьютъ за то, что неосторожно пронесъ ушатъ и пролилъ немного воды въ коридорѣ, бьютъ за нежеланіе не въ очередь выносить вараху, бьютъ за повѣшенную на окно для сушки рубаху. Бьютъ жестоко, звѣрски, по всякому поводу, часто совсѣмъ безъ причины, по наущенію камерныхъ заправилъ.

Не знаю также, извѣстно ли высшей администраціи, что надзиратели, отъ отдѣленнаго до ключевого, не только пользуются безгрѣшными доходами, состоя пайщиками грабительской компаніи, но и прямо берутъ взятки у заключенныхъ. Происходитъ это такимъ образомъ:

Выписка изъ лавочки по регламенту бываетъ два раза въ недѣлю. Наступаетъ урочный день, котораго заключенные ждутъ съ Февраль. Отдѣлъ I.

нетерпѣніемъ: 5 дней въ недѣлю приходится покупать все у того же старосты, который деретъ втридорога. Но въ установленный день, оказывается, выписки не дѣлаютъ.

— Не до выписки теперь! И безъ нея хоть разорвись!—заявляетъ надзиратель.

— Вотъ тебѣ и на!.. Такъ ужъ завтра, значить?

— Нѣтъ, на этой недѣлѣ врядъ ужъ...

Это официальная часть разговора. Опытные люди знаютъ, въ чемъ дѣло, и просятъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ на коридоръ. Тамъ идетъ ужъ часть неофициальная. Въ результатъ переговоровъ надзиратель соглашается за известную мзду (обыкновенно 30—50 коп.) «частнымъ образомъ» сдѣлать вамъ выписку. Это происходитъ еженедѣльно.

Любопытно, что начальство никогда не поинтересуется, дѣлается ли въ установленные дни выписка, по вѣсу ли раздается хлѣбъ и т. д. Лишь бы только дисциплина поддерживалась—все остальное оставляется на безконтрольное усмотрѣніе низшихъ чиновъ надзора. Бунтовъ нѣтъ,—и начальство не устаетъ рапортовать кому слѣдуетъ, что въ образцовой центральной пересыльной тюрьмѣ все обстоитъ благополучно.

Замѣчу, что рассказанное здѣсь относится къ 1908-1909 г. (декабрь-февраль).

VII.

Если таковы порядки въ сердцѣ Россіи, чуть не на глазахъ у центральной власти, то о глухихъ провинціальныхъ тюрьмахъ и говорить нечего. Возьмемъ для примѣра хотя бы Конотопскую узднюю тюрьму. Беру именно ее, потому что черезъ нее обязательно проходятъ партіи, идущія изъ Курска, Вильны, Кіева и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, и пересыльнымъ въ ней часто приходится жить недѣлями.

Буду кратокъ.

Для пересыльныхъ отведены 2 небольшихъ камеры, рассчитанныя каждая человекъ на 6—8. Помѣщается въ нихъ обыкновенно 40—60 человекъ.

На нарахъ и на полу мѣста не хватаетъ, и нѣкоторымъ приходится спать подъ нарами. Вентиляціи никакой. Парашей для 20 съ лишнимъ человекъ служить дырявое ведро. Я самъ видѣлъ это въ декабрѣ 1908 года. Содержимое параша моментально растекается по полу, подъ спящихъ арестантовъ. Ночью по камерѣ бѣгаютъ крысы. Никакіе протесты не помогаютъ: старшій надзиратель прямо заявилъ, что въ распоряженіи администраціи нѣтъ средствъ для хорошей параша.

Нѣтъ средствъ и для... впитку для пересыльныхъ. Партія, ко-

творю въ первый же день оба раза обошли кипяткомъ, подняла шумъ. Явился начальникъ и объявилъ буквально слѣдующее:

— На кипятокъ для пересыльныхъ средствъ не отпускается, а если онъ иногда дается, то это дѣлается на экономическія (?) суммы. Шумомъ паргія добьется только примѣненія репрессивныхъ мѣръ, а если она будетъ вести себя тихо, то онъ прикажетъ дать кипятокъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, принесли въ свѣже-выкрашенномъ изнутри ведрѣ немного теплой, пропахшей краской водицы. Пить ее никто не сталъ.

Вотъ до чего доходитъ пресловутая «экономія въ расходованіи государственныхъ суммъ». Эта экономія и многія другія высшія государственныйя соображенія уподобляютъ пересыльныя тюрьмы тюрьмамъ невольничьихъ кораблей добраго стараго времени. Пронвольничій корабль кто-то сказалъ, что нигдѣ въ мірѣ на такой небольшой площади нельзя встрѣтить столько ужаса и страданій. Эти слова безъ всякой натяжки можно примѣнить и къ нашимъ пересыльнымъ тюрьмамъ.

Чтобъ это утвержденіе не казалось чрезчуръ поспѣшнымъ, я позволю себѣ прибавить къ нарисованной уже картинѣ еще нѣсколько бѣглыхъ штриховъ.

А вотъ пересыльная тюрьма въ большомъ южномъ городѣ (кіевская). Тюрьма эта пользуется среди арестантовъ ужасной репутацией. На человека, проведеннаго въ ней недѣлю, смотрять, какъ на мученика. Не то чуланъ, не то подвалъ, во всякомъ случаѣ, нежилое помѣщеніе. Наръ нѣтъ (о снѣнкахъ и говорить нечего: ихъ ни въ одной пересыльной не даютъ). Тѣснота такая, что ночью лежать нѣтъ возможности: приходится спать въ сидячемъ положеніи, скорчившись и уткнувшись лицомъ въ колѣни. Параша по ночамъ, за тѣснотой, буквально облѣплена тѣлами спящихъ. Содержимое ея часто переливается черезъ край: ночью очень трудно добиться, чтобы надзиратели отперли дверь для опорожненія параша. Тучи паразитовъ.

Пересылка, о которой идетъ рѣчь, извѣстна среди арестантовъ подъ именемъ «грабировки». Старые воры здѣсь прекрасно организованы и при явномъ попустительствѣ надзирателей, до нитки обираютъ новичковъ. Снимаютъ пальто, костюмъ, сапоги, взамѣнъ чего даютъ рвань и дрянъ. Сколько бы вы ни кричали, надзиратели держатся нейтралитета... Грабежъ идетъ среди бѣла дня. Ночью, главнымъ образомъ, ищутъ денегъ. Обыкновенно дѣлается такъ: около полуночи кто-нибудь изъ шайки заявляетъ, что у него укралъ, скажемъ, ножикъ. «Надо произвести обыскъ», кричатъ его соучастники. И начинается обыскъ. Грубо расталкиваютъ спящихъ, шарятъ по карманамъ, ощупываютъ швы, гдѣ арестанты часто зашиваютъ деньги. Ножика, конечно, не находятъ, потому что его

никто и не кралъ, но теперь шайка уже нащупала, гдѣ у кого деньги: къ утру деньги пропадаютъ.

Если потерпѣвшій подниметъ изъ-за украденныхъ денегъ «шухеръ» (шумъ), его до полусмерти избьютъ на глазахъ надзирателей. Еще одна характерная мелочь: хлѣбъ дается на всю камеру неразрѣзанными, цѣлыми караваемъ, а такъ какъ ножей арестантамъ не полагается, то и приходится при дѣлежѣ хлѣба прибѣгать къ гвоздямъ, щенкамъ и т. п. орудіямъ.

VIII.

Я бы могъ привести еще десятки фактовъ изъ другихъ пересыльных тюремъ, но боюсь, что мнѣ придется повторяться. Съ небольшими варіаціями вездѣ и всюду все то же. Тѣснота, грязь, паразиты. Плохо прикрытыя или совсѣмъ не прикрытыя парашы. Отсутствие самыхъ элементарныхъ удобствъ, какія имѣются даже въ самой низкопробной ночлежкѣ; о столахъ, лавкахъ или сѣвникахъ и говорить нечего, даже нары не вездѣ имѣются: четыре сѣны и покрытый липкой грязью полъ. Пища недостаточная и въ огромномъ большинствѣ случаевъ скверная (пріятное исключеніе составляетъ Ярославская тюрьма, гдѣ пища безусловно хороша, здорова и чисто готовится. Въ отношеніи помѣщенія и режима Ярославская пересыльная не лучше другихъ).

Медицинской помощи почти невозможно добиться. Я почти не знаю случаевъ, чтобы тюремный врачъ когда-нибудь самодично заглянулъ къ пересыльнымъ, даже если есть серьезные больные: дескать, пускай ужъ они лѣчатся гдѣ-нибудь въ другихъ тюрьмахъ—здѣсь и со своими арестантами достаточно возни. Заглянетъ, когда ужъ настойчиво потребуютъ, фельдшеръ, запишетъ что-то и этимъ дѣло кончается. Случается, что конвой отказывается брать какого-нибудь арестанта изъ опасенія, чтобы онъ не умеръ по дорогѣ, между тѣмъ какъ въ пересыльной онъ все время пролежалъ безъ медицинской помощи. Администрація тюремная въ такихъ случаяхъ всячески старается сбыть больного съ рукъ.

Режимъ драконовскій. По отношенію къ пересыльнымъ все дозволено: съ этими, дескать, церемониться нечего. И надъ ними тюремная администрація тѣшится властью, «отыгрывается», на нихъ, какъ выражаются арестанты: осѣдлые, такъ сказать, обитатели тюрьмы могутъ и отпоръ дать, а пересыльные безответны. И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ они сдѣлать?

Контингентъ ихъ ежедневно мѣняется, одни приходятъ, другіе уходятъ. О какихъ-либо общихъ протестахъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что каждый изъ пересыльных надѣется не сегодня-завтра уйти отъ этого «прижима».

— А ну ихъ... Потерпѣть ужъ... недолго.. А то еще, пожалуй, отъ этапа отставятъ...

«Отъ этапа отставятъ», это—страшная угроза, которая угрожаетъ самому строптивому арестанта. Онъ знаетъ, что въ другихъ тюрьмахъ не лучше, можетъ быть и хуже, но все же онъ страстно ждетъ вожделѣнной минуты, когда его вызовутъ на этапъ.

Начальство понимаетъ психологію пересыльныхъ и при всякомъ случаѣ пускаетъ въ ходъ эту угрозу.

— Я тебя, такой-сякой, отъ этапа отставлю и засажу на недѣлю въ карцеръ стѣны сушить. Сгниешь тамъ у меня, сволочь поганая!

И за минуту передъ тѣмъ взбѣшенный арестантъ, готовый лѣзть на рожонъ, чтобъ добиться какого-нибудь до смѣшного элементарнаго права, сразу присмирѣетъ и изъ льва рыкающаго превратится въ смиренную овечку. Тогда изъ него хоть веревки вей.

Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется поистинѣ аракчеевская дисциплина, которую можно наблюдать въ любой пересыльной. Поднимаютъ еще задолго до повѣрки, часовъ въ 5. Невыспавшіеся, зябнущіе арестанты, выстраиваются шеренгами, по два въ затылокъ. Проходитъ четверть, часто полчаса. Является младшій надзиратель и дѣлаетъ повѣрку на черно. Ряды выравниваются грубыми пинками, часто зуботычинами. Проходитъ еще томительныхъ 15—30 минутъ, въ теченіе которыхъ арестанты не имѣютъ права выйти изъ рядовъ; наконецъ, по коридорамъ раздается нечеловѣческій крикъ: «Смирно!» и начинается ужъ повѣрка на бѣло, обыкновенно со старшимъ надзирателемъ во главѣ. Та-же процедура происходитъ и вечеромъ, съ той только разницей, что теперь повѣряетъ уже настоящее начальство, и потому несчастнымъ арестантамъ еще хуже приходится. Рѣдкая вечерняя повѣрка проходитъ безъ инцидентовъ—съ площадной бранью, часто побоями.

— А, въ университетѣ учился!—накидывается какой-нибудь бурбонъ, изъ молодыхъ да ранній, на студента или просто интеллигентнаго по внѣшности человѣка, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь противъ солдатской муштры:—тутъ, голубчикъ, не университетъ, а тюрьма! Тутъ есть только арестанты и начальство, а передъ начальствомъ надо стоять вѣжливо. Фанаберіи всякія надо оставить, не то и въ карцеръ недолго попасть.

Насколько съ пересыльными не церемонятся, свидѣтельствуетъ то, что идиотовъ, уродовъ, людей съ неизлѣчимыми, отвратительными язвами на лицѣ, держатъ часто въ пересыльныхъ отдѣленіяхъ, даже если они высидные или послѣдственные; никакія другія камеры не соглашаются ихъ держать. Осенью 1908 года въ Мясной, на примѣръ, пересыльной, содержалось двое такихъ несчастныхъ. Какъ ни мало брезглива арестантская масса, но и она безъ гадливости не могла на нихъ смотрѣть и загоняла ихъ подъ вары. Подъ грязными нарами они проводили круглыя сутки, дни

и ночи; туда имъ, какъ прокаженнымъ, подавали хлѣбъ, баланду и воду. При всякой попыткѣ ихъ выбраться хоть на минутку на свѣтъ Божій, поднимался ураганъ угрозъ и негодующихъ криковъ,—и несчастнымъ волей неволей приходилось лѣзть назадъ, въ свое темное и грязное логово, гдѣ они гнили заживо. Одинъ изъ нихъ, идіотъ, который могъ издавать только нечленораздѣльные звуки, сидѣлъ уже четвертый мѣсяцъ: гдѣ то наводились справки для установленія его личности. Другой, кишѣвшій паразитами ныщій, съ лицомъ кретина, отсиживалъ 3 мѣсяца за какое то нелѣпое преступленіе.

IX.

Такова обстановка пересыльных тюремъ. Въ такой обстановкѣ приходится проводить часто не одинъ мѣсяцъ. Человѣкъ, которому предстоитъ далекій путь, въ Сибирь или на крайній сѣверъ Европейской Россіи, нерѣдко проводитъ въ этихъ ужасныхъ условіяхъ 2—3 мѣсяца. Часто вы по нѣскольку недѣль тщетно ждете отправки. Тюрьмы переполнены, арестантскіе вагоны биткомъ набиты, къ конвойнымъ, которыхъ не хватаетъ, то и дѣло прикомандировываются нижніе чины изъ другихъ войсковыхъ частей,—но все же нѣтъ возможности справиться съ небывалымъ наплывомъ арестантовъ; слишкомъ ужъ лихорадочную активность проявляютъ полиція и охранители всѣхъ ранговъ въ дѣлѣ изыятія «вредныхъ» элементовъ. Перепроизводство и въ этой области сильно сказывается: не хватаетъ «рабочихъ рукъ», т. е. тюремщиковъ и конвоировъ; не хватаетъ воздуха и свѣта, не хватаетъ перевозочныхъ средствъ для десятковъ тысячъ фабрикуемыхъ полиціей преступниковъ—и этотъ живой товаръ залеживается, чуть не заживо гніетъ въ зловонныхъ клоповникахъ.—Торопиться некуда!

Нигдѣ такъ дешево не цѣнится время, какъ въ Россіи—почти такъ же дешево, какъ и люди. Не бѣда, если арестантъ, безъ всякой необходимости, задержится въ тюрьмѣ лишнюю недѣлю или мѣсяцъ: когда горитъ домъ, когда дѣло идетъ о спасеніи Россіи отъ гибели, сантиментальничать не приходится и на мелочи нечего обращать вниманіе.

И—«стонетъ онъ по тюрьмамъ и острогамъ». Стонетъ сѣрый, безотвѣтный бродяга, чуть не всю жизнь проводящій по тюрьмамъ и этапамъ; стонетъ страстотерпецъ «аграрникъ», которому не помогаетъ даже его изумительное, чисто-мужицкое терпѣнье; стонетъ изголодавшійся, измученный еще до тюрьмы рабочій, поплатившійся за «свободу стачекъ»; стонутъ литераторы, студенты, земскіе служащіе, ех-депутаты и т. п. «соль земли русской», культурные люди, все преступленіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они возомнили себя гражданами. А за этой пестрой, безконечно-разнообразной

массой стоятъ сотни тысячъ, близкихъ, родныхъ, любящихъ и любимыхъ.

И льются рѣки слезъ гадъ родиной моею,
И съ каждымъ днемъ растеть безвыходное горе,—
Огромное, какъ міръ, бездонное, какъ море,
Безбрежное, какъ ширь родныхъ моихъ степей...

То спасители государства тушатъ пожаръ; то разбивается вдребезги усердными пожарными несчетное количество стеколъ. Правда, огня давно уже нѣтъ, остались только дымъ и гарь, но увлекшіеся тушители все еще не могутъ спокойно видѣть цѣлаго стекла... И тмѣячами, изо дня въ день, разбиваются у насъ вдребезги стекла—человѣческія жизни...

Н. Тасинъ.

БРАТСТВО.

Романъ. *Джона Гальюорси.*

Перев. съ англійскаго Э. К. Пименовой.

VI.

Первое паломничество въ Собачью улицу.

Гилэри, вмѣстѣ со своею маленькою собачкой, вошелъ въ Собачью улицу. Рядъ сѣрыхъ, трехъэтажныхъ домовъ, построенныхъ въ одномъ стилѣ, тянулся по обѣимъ ея сторонамъ. Почти всѣ двери были раскрыты настежь, и на порогъ сидѣли дѣвочки съ младенцами на рукахъ. Они сидѣли, апатично глядя на улицу. Лишь изрѣдка безмолвіе нарушалось звукомъ шлепка или крикомъ ребенка. Но въ дорожныхъ канавкахъ была замѣтна жизнь. Тамъ играли другія дѣти, всѣ грязныя и почти всѣ босыя. Ихъ звонкіе голоса и быстрыя движенія вызывали въ душѣ Гилэри странное чувство. Ему казалось въ эту минуту, что „каста“, къ которой онъ принадлежалъ, заставляла ихъ жить, слѣдуя правилу: „Сегодня мы живемъ, а завтра, — если оно для насъ наступитъ, — будетъ тоже, что сегодня!“

Онъ безсознательно шелъ по срединѣ улицы, точно не желая соприкасаться съ ея населеніемъ, и даже Миранда, прижимавшаяся къ его ногамъ, какъ будто хотѣла сказать: „Я не позволю здѣшнимъ собакамъ подходить ко мнѣ!“

Но собакъ не было на улицѣ, за то было много кошекъ, и всѣ онѣ были необыкновенно тощи.

Въ открытыя окна верхнихъ этажей Гилэри видѣлъ бѣдно одѣтыхъ женщинъ, занятыхъ домашними работами. Изрѣдка онѣ подходили къ окнамъ и заглядывали на улицу. Гилэри дошелъ до самаго конца улицы, гдѣ стѣна преградила ему дорогу. Тогда онъ повернулъ обратно и прошелъ опять всю улицу. Игравшія дѣти равнодушно смотрѣли на его высокую фигуру, какъ будто сознавая, что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, для которыхъ не существуетъ завтрашняго дня.

Домъ номеръ первый, примыкавшій къ саду, былъ луч-

шимъ домою на этой улицѣ. Но входная дверь была тоже открыта и потому Гилэри, не прикасаясь къ веревкѣ звонка, прямо вошелъ въ коридоръ.

Воздухъ, пропитанный запахомъ селедки, мокраго бѣлья и сырыхъ стѣнъ, пахнулъ ему въ лицо. Потомъ онъ замѣтилъ, что Миранда смотритъ на маленькую кошку песочнаго цвѣта, сердито выгнувшую спину и заграждавшую входъ. Онъ долженъ былъ прогнать кошку, чтобы войти. Въ дверяхъ какой-то комнаты онъ увидалъ женщину низенькаго роста. Она стояла, держась рукой за дверной косякъ, такъ какъ нога у нея была парализована.

— Я не думаю, чтобы тамъ, наверху, вы нашли кого-нибудь,—сказала она, смотря на Гилэри своими кроткими, терпѣливыми сѣрыми глазами, съ черными рѣсницами.—Я бы пошла позвать, но у меня нога парализована.

— Я вижу,—отвѣчалъ Гилэри.—Мнѣ очень жаль...

— Пять лѣтъ уже я калѣка!..

Женщина вздохнула и, съ трудомъ передвигаясь, вернулась въ свою комнату.

— Скажите, развѣ нельзя ничего сдѣлать? — спросилъ Гилэри.

— Прежде я думала, что можно. Но, говорить, у меня кость поражена. Я запустила болѣзнь съ самаго начала...

— Отчего же?

— Не было времени заниматься этимъ!

Женщина проговорила это тономъ, не допускающимъ возраженій. Она вернулась въ свою комнату, до такой степени переполненную разными предметами, фарфоровыми чашками, фотографіями, олеографіями, восковыми цвѣтами и другими украшеніями, что, казалось, тамъ уже почти не оставалось мѣста для громадной кровати.

Пожелавъ ей добраго утра, Гилэри поднялся по лѣстницѣ. У дверей онъ остановился. Тамъ, въ задней комнатѣ, жила маленькая натурщица.

Онъ осмотрѣлся кругомъ. Обои на стѣнахъ были грязнаго оранжеваго цвѣта, шторы на окнахъ изорваны, но всего ужаснѣе былъ запахъ селедки, мокраго бѣлья и стѣнъ, который преслѣдовалъ его и здѣсь. Онъ чувствовалъ дурноту, и въ его душѣ поднималось возмущеніе. Жить здѣсь и каждый день несчетное число разъ проходить по этимъ грязнымъ ступенямъ, мимо этихъ грязныхъ, сырыхъ стѣнъ, дышать этимъ ужаснымъ воздухомъ! Чувство обонянія, культивированное вѣками, первое возмутилось въ немъ, и хотя онъ зналъ, что составъ его крови совершенно такой же, какъ и у обитателей этого дома, но онъ впервые ощутилъ такую непреодолимую потребность чистоты, свѣжаго воздуха и

привычнаго нѣжнаго аромата, составляющаго неотъемлемую принадлежность эстетическихъ условій жизни. И, когда онъ стоялъ съ нахмуреннымъ видомъ у дверей, ему живо представился деликатный носикъ его племянницы Тиме, посѣтившей этотъ домъ и рассказывавшей объ этомъ...

Когда въ дверяхъ появилась его тонкая, высокая фигура, то никто не увидалъ его, кромѣ ребенка, сидѣвшаго въ деревянномъ ящикѣ, посреди комнаты. Ребенокъ былъ похожъ на глиняный комъ, который природа, по странному капризу, снабдила удивительно подвижными и блестящими черными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ женскую кофту, закрывавшую его руки и ноги, такъ что была видна только голова. Посредствомъ этой кофты, закутывавшей его, и ящика, въ которомъ онъ сидѣлъ, онъ былъ совершенно изолированъ въ своемъ царствѣ и ничего не дѣлалъ. Въ комнатѣ стояла потускнѣвшая отъ времени кровать, два стула, умывальный столикъ, со сломанной ножкой, платья и другія части одежды висѣли на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну, а на простомъ деревянномъ столѣ стояла швейная машина. Надъ кроватью висѣла олеографія, рождественская премія къ какому-то журналу, изображающая Рождество Христово, и надъ нею ружье, подъ которымъ былъ приколотъ къ стѣнѣ клочокъ бумаги, съ безграмотною надписью владѣльца. Нѣсколько фотографій украшали стѣны, а на окнѣ стояли два горшка съ чахлыми растеніями. Комната производила опрятное впечатлѣніе, но воздухъ въ ней былъ пропитанъ тѣмъ же ужаснымъ запахомъ, который наполнялъ весь домъ.

Гилэри смотрѣлъ на ребенка, ребенокъ смотрѣлъ на него. Его блестящіе черные глазки, казалось, спрашивали Гилэри, зачѣмъ онъ пришелъ сюда?

Глубокая жалость наполнила его душу, когда онъ ласково прикоснулся къ щекѣ ребенка, продолжавшаго смотрѣть на него вопросительными глазами. Ему стало не по себѣ, и онъ поспѣшилъ выйти изъ комнаты. Проходя мимо дверей маленькой натурщицы, онъ постучалъ, но никто не отвѣтилъ ему. Гилэри тихонько пріотворилъ дверь. Маленькая комната была пуста. Она была оклеена свѣжими, свѣтлыми обоями съ яркими цвѣтами и выглядѣла довольно уютно. Въ окно видѣлось грушевое дерево въ полномъ цвѣту.

Гилэри поскорѣе захлопнулъ дверь, стыдась, что онъ открывалъ ее.

Вдругъ онъ увидѣлъ на поворотѣ лѣстницы человѣка средняго роста и крѣпко сложеннаго, который смотрѣлъ на него такими же вопросительными глазами, какими смотрѣлъ на него ребенокъ. Этотъ человѣкъ, смуглый и скуластый,

съ короткими черными волосами и усами, былъ одѣтъ въ обычный костюмъ метельщика улицы: широкую синюю блузу и шаровары, засунутыя въ сапоги. Въ рукахъ у него была остроконечная шапочка.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ взаимнаго осматриванія, Гилэри обратился къ нему съ вопросомъ:

— Мистеръ Хюггсъ, кажется?

— Да.

— Мнѣ надо было видѣть вашу жену.

— Мою жену?

— Вы меня знаете... вѣроятно?

— Да, я знаю васъ.

— Къ сожалѣнію, я не засталъ никого дома, кромѣ вашего ребенка.

Хюггсъ сдѣлалъ движеніе рукой по направленію комнаты маленькой натурщицы и сказалъ:

— Я думалъ, что вы пришли къ ней.—Его черные глаза сверкнули при этомъ, и въ выраженіи его лица сказалось нѣчто большее, нежели простая классовая вражда.

Слегка покраснѣвъ, но смѣло взглянувъ ему въ глаза Гилэри спустился по лѣстницѣ, не удостоивъ его отвѣтомъ. Но собачка не послѣдовала за нимъ почему-то. Она остановилась на верхней ступенькѣ, поднявъ одну лапку, точно въ нерѣшительности. Хюггсъ засмѣялся, оскаливъ зубы:

— Я никогда не тронулъ пальцемъ ни одного безсловеснаго животнаго!—сказалъ онъ и поманилъ собаченку, Миранда быстро сбѣжала внизъ, избѣгая прикосновенія, къ нему.

— Онъ считаетъ наглýmъ мой поступокъ,—подумалъ Гилэри, идя по улицѣ быстрыми шагами.

— Вестминстерскую газету, сэръ?.. О, Господи!..

Гилэри увидѣлъ худую, дрожащую руку, протягивающую ему газетный номеръ.

— Какой ужасно холодный вѣтеръ для этого времени года,—продолжалъ тотъ же голосъ.

Какой то очень пожилой человѣкъ въ стальныхъ очкахъ съ совершенно безкровнымъ лицомъ смотрѣлъ на него.

— Мнѣ знакомо ваше лицо,—сказалъ Гилэри.

— О да, сэръ! Вы заходите иногда въ табачную лавочку, гдѣ я стою. Я часто видѣлъ васъ. Иногда вы покупаете „Pall Mall Gazette“ вотъ у этого молодчика...—Онъ кивнулъ головой въ сторону болѣе молодого продавца, стоящаго съ пачкой газетъ въ рукахъ. Въ этомъ жестѣ сказалаь вся накопившаяся вѣтченіе столькихъ лѣтъ въ его душѣ досада, зависть и чувство обиды. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать этимъ: „это моя газета по праву человѣка. А вотъ этотъ

парень изъ низшаго класса отнял у меня это право и доходъ, продавая эту газету.

— Я продаю здѣсь Вестминстерскую газету, — продолжалъ онъ громко. — Я читаю ее по воскресеньямъ. Это джентльмэнская газета, газета высшихъ классовъ, несмотря на ея политическіе взгляды. Но... — Онъ понизилъ голосъ, точно избирая Гилэри своимъ повѣреннымъ. — Когда этотъ парень началъ продавать здѣсь „Pall Mall“, то джентльмэны стали покупать ее, а сюда вообще они рѣдко заходятъ; поэтому я и говорю, что онъ переманилъ ихъ у меня.

Гилэри, остановившійся изъ вѣжливости возлѣ говорливаго старика, вдругъ что то вспомнилъ:

— Вы живете въ Собачьей улицѣ? — спросилъ онъ.

— Да, сэръ, — поспѣшилъ отвѣтить старикъ. — Въ номерѣ первомъ, моя фамилія Кридъ. А вы не тотъ ли самый джентльмэнъ, въ домъ котораго ходитъ эта молоденькая дѣвушка, чтобы переписывать какую то книгу?

— Это не мою книгу она переписываетъ.

— Я знаю, это книга стараго джентльмэна. И его я знаю. Онъ приходилъ сюда... навѣстилъ меня. Онъ пришелъ въ одно воскресенье утромъ. „Вотъ вамъ фунтъ табаку!“ сказалъ онъ и спросилъ: „Говорятъ, вы служили буфетчикомъ?.. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ никакихъ слугъ больше не будетъ.“ И съ этими словами онъ ушелъ... Боже мой! У него, кажется, тутъ не все ладно... — И старикъ приложилъ ко лбу своей худой, желтый палецъ.

— Въ томъ же домѣ, гдѣ и вы, живете, кажется, семья по фамиліи Хьюгсъ? — спросилъ Гилэри.

— Я нанимаю у нихъ комнату. Вчера приходила сюда какая то леди и спрашивала про нихъ. Это не ваша жена, сэръ?

Говоря это, онъ остановилъ свой взоръ на мягкой фетровой шляпѣ Гилэри, точно думалъ при этомъ: „Я знаю, что вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые живутъ въ лучшихъ домахъ. Вы тамъ помѣщаетесь, потому что вы учились, получили хорошее воспитаніе и имѣете манеры джентльмэна...“

— Я думаю, что это была сестра моей жены, — отвѣтилъ Гилэри.

— Такъ! Такъ!.. Эта леди часто покупаетъ у меня газету. Это настоящая леди, — прибавивъ онъ конфиденціальнымъ голосомъ, — вы понимаете меня? Не изъ тѣхъ, которыя покупаютъ свои костюмы въ универсальныхъ магазинахъ... О, я ее прекрасно знаю!

— Старый джентльмэнъ, посѣтившій васъ, ея отецъ.

— Да?.. Боже мой! — Кридъ замолчалъ, очевидно смущенный.

— Скажите... какъ этотъ Хюггсъ обращается съ молоденькой дѣвушкой, живущей у него?—спросилъ Гилэри нѣсколько нерѣшительнымъ тономъ.

— Она слушается моего совѣта и никогда ничего не говоритъ ему, — отвѣчалъ угрюмо старикъ. — Какой странный человѣкъ! Совсѣмъ непохожъ на здѣшнихъ людей. Откуда онъ взялся, не знаю.

— Солдать, вѣроятно?

— Да, говорить... Но когда онъ напивается, то забываетъ все. Для него тогда уже нѣтъ ничего святого на свѣтѣ. Онъ ругаетъ дворянство, церковь и всѣ государственныя учрежденія. Я никогда не видалъ такихъ солдатъ! Онъ совсѣмъ чужестранецъ здѣсь...

— Что вы думаете о населеніи вашей улицы?

— Я держусь отдѣльно. Это—низкій классъ людей, очень низкій, безъ всякаго чувства собственного достоинства.

— А!—воскликнулъ Гилэри.

— Вотъ эти маленькіе домики. Они всѣ находятся въ рукахъ мелкихъ людишекъ, заботящихся только о томъ, чтобы выручить съ нихъ свою ренту. Другого они ничего не могутъ дѣлать, ничѣмъ не могутъ помочь себѣ... Говорятъ, что такихъ домовъ въ Лондонѣ тысячи. Толкуютъ о томъ, что ихъ надо снести, но откуда взять деньги на это? Вѣдь эти мелкіе людишки, платящіе здѣсь ренту, ничего не имѣютъ, а крупныя землевладѣльцы, лэндлорды... развѣ вы можете требовать отъ нихъ, чтобы они знали, что дѣлается у нихъ за спиной? Вѣдь это только такіе невѣжественные бездѣльники, какъ этотъ Хюггсъ, могутъ распространяться объ обязанностяхъ лэндлордовъ! Но истинные аристократы не станутъ заниматься такими вещами. Они живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и больше ничего. Я-то знаю ихъ, потому что жилъ у нихъ.

— Вамъ трудно, вѣроятно, стоять здѣсь цѣлый день послѣ той жизни, которую вы вели прежде?—спросилъ съ участіемъ Гилэри.

— Я не долженъ жаловаться. Для меня это было спасеніемъ. Въ дурную погоду мнѣ позволяютъ стоять тамъ, подъ арками. Меня знаютъ, какъ почтеннаго человѣка, никогда не позволили бы этого ему, — онъ кивнулъ въ сторону своего соперника, — или вонъ тѣмъ мальчикамъ, которые мѣшаютъ движенію.

— Я бы хотѣлъ спросить васъ, мистеръ Кридъ, можно ли что нибудь сдѣлать для мистриссъ Хюггсъ?

На лицѣ старика появилось мстительное выраженіе.

— Если вѣрить тому, что она рассказываетъ!.. Я бы на ея мѣстѣ — потащилъ его въ судъ и заставилъ дать

разводъ... Она не должна была бы жить съ нимъ, нѣтъ! По моему, его надо засадить въ тюрьму. Съ такимъ сортомъ людей церемониться нечего! Онъ оскорбилъ меня сегодня утромъ.

— Тюрьма плохое лѣкарство!—прошенталь Гилэри.

Старикъ отвѣчалъ упрямо:

— Съ такими низкими мошенниками нельзя иначе. Ихъ надо держать подъ замкомъ!

Гилэри только что собрался отвѣчать ему, какъ увидѣлъ, что Кридъ побѣждалъ отъ него на встрѣчу какой то фуры, изъ которой ему выбросили пачку второго изданія номеровъ Вестминстерской газеты.

— Во всякомъ случаѣ, они ужъ знаютъ, чего хотятъ,—подумалъ Гилэри, пускаясь въ обратный путь.

VII.

Мысли Сесилии.

Сесилия Даллисонъ сидѣла утромъ въ своей комнатѣ, передъ дубовымъ бюро, на которомъ были разложены бумаги, записныя книжки и карточки съ различными помѣтками, названіями театровъ, картинныхъ галлерей и концертныхъ собраній. Наморщивъ лобъ, точно стараясь собрать мысли, Сесилия просматривала маленькія тетрадки, куда она записывала все, что ей нужно было помнить. Обыкновенно каждое утро она посвящала этой работѣ, и только благодаря такой системѣ записыванія она никогда не отставала отъ общественныхъ событій. Ей нужно было позаботиться о томъ, чтобы не только она сама, но и ея мужъ, и дочь всегда принимали участіе во всѣхъ выдающихся фактахъ общественной жизни. Но боязнь пропустить что нибудь или быть не въ мѣру захваченной какимъ-нибудь социальнымъ движеніемъ, не давала ей покоя и причиняла головную боль по утрамъ, когда она просматривала свои записи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ многое интересовало ее и возбуждало симпатіи ея и Стефана, что она не знала, какъ съ этимъ справиться, и подчасъ даже завидовала Біанкѣ, полное одиночество которой въ домашней жизни она угадывала какимъ то инстинктомъ. Впрочемъ, такія чувства не часто смущали ее, такъ какъ она была во всѣхъ отношеніяхъ примѣрной супругой, и забота объ удобствахъ Стефана занимала у нея первое мѣсто. Получая съ утренней почтой множество писемъ, повѣстокъ и объявленій, она должна была сообразить, на какое собраніе ей слѣдовало идти непременно,

какія она можетъ не посѣщать, безъ ущерба для своей общественной дѣятельности. Она должна была особенно тщательно взвѣшивать всѣ обстоятельства, если дѣло касалось Стефана и ея дочери.

Въ это утро ей нужно было рѣшить вопросъ о томъ, какіе концерты она должна будетъ пропустить. Затѣмъ надо уплатить членскій взносъ въ „Лигу противъ употребленія молока въ жестяной посудѣ“ и отвѣтить согласіемъ на приглашеніе наблюдать паденіе человѣка съ воздушнаго шара. Исполнивъ всѣ эти обязательныя дѣла, она задумалась на минуту и, взявъ перо, написала еще слѣдующую записку:

„Мистриссъ Стефанъ Даллисонъ проситъ сегодня же прислать ей выбранное ею платье, не дѣлая въ нихъ никакихъ измѣненій“.

Она рѣшила немедленно отослать эту записку въ магазины Разе и Торнъ, Гайстритъ, Кенсингтонъ, думая при этомъ: „Вотъ то обрадуется бѣдняжка мистриссъ Хюггсъ! Я думаю, она сдѣлаетъ это не хуже, чѣмъ сдѣлали бы въ магазинѣ“...

— Отправьтесь, пожалуйста, къ мистриссъ Хюггсъ и передайте ей, что я жду ее,—сказала она лакею, явившемуся на ея звонокъ, но увидала въ дверяхъ швею, которая пришла сама, безъ зова.

Швея спокойно стояла, опустивъ огрубѣвшія отъ работы руки, и въ ея большихъ карихъ глазахъ выражалось безграничное терпѣніе и покорность. Она всегда представлялась Сесилии какой то загадкой и возбуждала въ ея душѣ непонятное ей самой чувство раздраженія, какъ будто Сесилия сознавала, что не будь въ ея жизни случайно сложившихся благоприятныхъ обстоятельствъ, то и она была бы похожа на эту швею. Но Сесилия считала себя обязанной выказывать швеѣ сочувствіе и такъ старалась доказать ей, что между ними не существуетъ никакой социальной перегородки, что даже голосъ ея принималъ какой-то особенный мурлыкающій оттѣнокъ, когда она разговаривала съ мистриссъ Хюггсъ.

— Вы кончаете занавѣски, мистриссъ Хюггсъ?—спросила Сесилия.

— Да, сударыня. Благодарю васъ, сударыня,—отвѣтила швея.

— У меня будетъ другая работа для васъ, завтра. Мнѣ надо передѣлать платье. Можете вы придти?

— Да, сударыня. Благодарю васъ, сударыня.

— Ребенокъ здоровъ?

— Да, сударыня... Благодарю васъ, сударыня.

Наступило молчаніе. „Говорить или не заговорить съ нею о ея домашнихъ дѣлахъ?“ раздумывала Сесилия. Но

такъ какъ молчаніе тяготило ее, то она торопливо проговорила:

— Вашъ мужъ лучше ведетъ себя теперь?

По лицу швеи медленно скатилась слеза. „Бѣдняжка!“ подумала Сесилія. — „Какъ это грустно!“

— Онъ ужасно обращался со мной, — прошептала швея. — Я хотѣла даже поговорить съ вами объ этомъ... Съ тѣхъ поръ, какъ эта молоденькая дѣвушка поселилась у насъ, онъ... — Лицо ея приняло злобное выраженіе. — Онъ... совсѣмъ пренебрегаетъ мною!..

Сесилія встрепелась. Она не могла оставаться нечувствительной къ чужой любовной драмѣ, какъ бы послѣдняя ни была далека.

— Вы говорите о маленькой натурщицѣ? — спросила она.

— Я ничего не говорю про нее дурного, — продолжала швея, все болѣе и болѣе волнуясь. — Но она точно заколдowała его. Онъ ничего не дѣлаетъ и только говоритъ о ней и торчитъ возлѣ ея дверей. Именно это такъ и разстроило меня въ этотъ день, когда я встрѣтила васъ на улицѣ. А со вчерашняго дня, послѣ того, какъ приходилъ мистеръ Гилэри, стало еще хуже. Онъ началъ бѣсноваться, толкнулъ меня... и... и...

Слова застрѣвали у нея въ горлѣ, и такъ какъ приличія не позволяли ей плакать въ присутствіи господъ, то она старалась совладать съ своимъ волненіемъ и съ усиліемъ глотала слезы, душившія ее.

Страннымъ образомъ упоминаніе о Гилэри сразу измѣнило отношеніе Сесиліи. Она испытывала сильнѣйшее любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страхъ и чувство оскорбленія.

— Я не понимаю васъ, — сказала она сухо.

— Я не могу помѣшать ему говорить! — вскричала швея умоляющимъ тономъ. — Я не стану повторять тѣхъ нехорошихъ вещей, которыя онъ говорилъ про мистера Гилэри... Но онъ точно совершенно теряетъ рассудокъ, какъ только дѣло коснется этой дѣвушки!..

Послѣднія слова она произнесла почти съ яростью. Сесилія хотѣла сказать ей: „Довольно! Я больше ничего не желаю слушать!“, но любопытство взяло верхъ.

— Я не понимаю, — повторила она. — Не хотите ли вы дать понять, что... мистеръ Гилэри имѣетъ какое-то отношеніе къ этой дѣвушкѣ, или...?

Говоря это, она думала: „Во всякомъ случаѣ, я сумѣю во время остановить ее“...

— Я сказала ему, что очень дурно съ его стороны говорить подобныя вещи, — проговорила швея, дѣлая неимовѣрныя усилія побороть свое раздраженіе. — Мистеръ Гилэри

такой добрый господинъ!.. И при томъ, что ему-то, моему мужу, за дѣло до этого? Вѣдь у него есть собственная жена и дѣти!.. Я видѣла его на улицѣ... видѣла, какъ онъ торчалъ у дома мистера Гилэри, когда я тамъ работала! А онъ поджидаль эту молоденькую дѣвушку, чтобы проводить ее домой...

И опять она прервала рассказъ, усиленно глотая слезы.

„Я должна тотчасъ же рассказать Стефану объ этомъ,— думала Сесилія.—Вѣдь этотъ человѣкъ можетъ быть опасенъ“!.. И вдругъ сердце ея сжалось смутнымъ предчувствіемъ. Какіе потоки грязи грозятъ обрушиться на семью Даллисоновъ!..

Мистриссъ Хюггсъ, овладѣвъ собой, снова заговорила.

— Я ему сказала: „Какъ тебѣ не стыдно такъ думать.. Мистеръ Гилэри былъ такъ добръ ко мнѣ“! Но когда онъ выпьетъ, то становится совсѣмъ сумасшедшимъ и говорить, что пойдетъ къ мистриссъ Гилэри...

— Къ моей сестрѣ?.. зачѣмъ?.. Негодай! — выкрикнула Сесилія.

Мистриссъ Хюггсъ густо покраснѣла. Она не могла перенести, что ея мужа называетъ „негодяемъ“ другая женщина. И сразу измѣнились отношенія обѣихъ женщинъ другъ къ другу. Онѣ обѣ поняли, какой доли симпатіи и довѣрія онѣ могутъ ожидать другъ отъ друга, и увидали глубокую пропасть, раздѣляющую ихъ. Въ глазахъ мистриссъ Хюггсъ появилось робкое выраженіе. Она давно знала, что не должна отвѣчать такъ, какъ бы ей хотѣлось отвѣтить, иначе она можетъ лишиться и того малаго, что имѣетъ. А глаза Сесилии смотрѣли на нее недовѣрчиво и холодно, какъ будто хотѣли сказать: „Я, конечно, сочувствую вамъ, но вы должны понять, что не можете ожидать отъ меня сочувствія, если ваши семейныя дѣла поставятъ въ неловкое положеніе кого-нибудь изъ членовъ моей семьи“... Теперь Сесиліей овладѣло желаніе какъ можно скорѣе избавиться отъ общества этой женщины, обнаружившей, что таится въ глубинѣ ея души подъ оболочкой терпѣливой и безмолвной покорности. Сесилія не была черства отъ природы; она только была сильно взволнована, и сердце ея трепетало какъ птичка, сидящая въ клѣткѣ и увидѣвшая вдали кошку. Однако, все-таки она спросила какъ можно спокойнѣе:

— Вашъ мужъ, кажется, былъ раненъ въ Южной Африкѣ? Онъ какъ будто не совсѣмъ... Вамъ бы надо обратиться къ доктору.

— Нѣтъ, онъ въ своемъ умѣ, — медленно и сухо возразила швея.

Этотъ отвѣтъ, сказанный дѣловымъ тономъ, окончательно февраль. Отдѣлъ I.

смутить Сесилию. Ея любовь къ комфорту, къ хорошимъ вещамъ, къ спокойной жизни, привязанность къ собственному очагу, къ мужу и дочери, боязнь всякаго разстройства и нарушенія домашняго покоя,—все это заставляло ее, въ данную минуту, страстно желать удаленія этой женщины, въ глазахъ которой, несмотря на ихъ терпѣливую покорность, вспыхивалъ злобный огонекъ. Она принесла съ собою въ ея семью нечистую атмосферу своего домашняго очага и угрозу скандала. Это было больше, чѣмъ Сесилия могла выдержать. Сердце ея подсказывало ей: „Дай этой женщинѣ полсверена; это поддержитъ ее“, но разсудокъ возражалъ, что именно теперь она не должна такъ поступать, послѣ того, какъ эта женщина рассказала ей все про своего мужа, маленькую натурщицу и Гилэри... Наконецъ, на Сесилию вдругъ нашло вдохновеніе. Доставъ изъ портмоне двѣ полкроны, она сказала швеѣ:

— Я передамъ моей сестрѣ все, что вы говорили здѣсь. Можете сказать это своему мужу!

Горькая усмѣшка скользнула по лицу мистриссъ Хюггсъ, но она быстро подавила ее. Однако Сесилия все-таки замѣтила это и вывела заключеніе, что мистриссъ Хюггсъ не вѣрить ей, и что она попрежнему убѣждена, что Гилэри заинтересованъ маленькой натурщицей...

— Вы можете идти теперь, мистриссъ Хюггсъ!

Швея вышла безшумно изъ комнаты, не прибавивъ болѣе ни слова.

Сесилия вернулась къ своимъ записямъ. Она начала разбирать письма, объявленія, приглашенія, но вдругъ почувствовала, что все это потеряло для нея интересъ. Она машинально перекладывала бумаги. Какое значеніе имѣеть для нея теперь, будетъ ли она наблюдать въ интересахъ науки паденіе челоѣка съ воздушнаго шара, или, въ интересахъ искусства, будетъ слушать, какъ герръ фонъ Краафе распѣваетъ польскія пѣсни! Она даже внезапно почувствовала, вопреки своему участию въ лигѣ, расположеніе къ молоку въ жестянкахъ. Въ раздумьѣ она разорвала записку, которую хотѣла послать въ магазинъ Розе и Торнъ, и, закрывъ бюро, вышла изъ комнаты.

Поднимаясь по лѣстницѣ и держась рукой за старинныя дубовыя перила, она вдругъ съ истиннымъ облегченіемъ подумала, что съ ея стороны было очень глупо придавать такое значеніе неопредѣленнымъ и грязнымъ слухамъ, которые, въ сущности, лишь косвенно задѣвали ее. Стоило ли изъ-за этого бросать свои утреннія занятія?

Сесилия вошла въ туалетную комнату своего мужа, и взглядъ ея остановился на блестяще вычищенныхъ сапо-

гахъ, поставленныхъ въ рядъ. Внутри каждаго сапога была деревянная колодка, и поэтому они никогда не теряли своей формы. Сесилія вспоминала, что когда сапоги изнашивались, то колодки вставлялись въ новую пару, а старая отдавалась бѣднымъ. И вдругъ ей стало непріятно. Глядя на этотъ рядъ блестящихъ сапогъ, принадлежащихъ ея мужу, она внезапно почувствовала себя одинокой, и ея жизнь показалась ей бессмысленной. Ея мужъ былъ занятъ въ судѣ, ея дочь занималась искусствомъ и только у нея не было опредѣленныхъ занятій. Она должна была оставаться дома, заботиться объ обществѣ, отвѣчать на письма, дѣлать визиты, бѣздить по лавкамъ и вообще рѣшать множество вещей, заполнявшихъ ея время и не позволявшихъ ей задумываться надъ смысломъ всего этого. Впрочемъ, такъ жили сотни другихъ женщинъ въ Лондонѣ. Но когда дочь ея выросла, то она вдругъ почувствовала одновременно и свободу, и потерю цѣли въ жизни. Она даже не знала, радоваться ей или огорчаться. Правда, это давало ей возможность больше посвящать себя мужу, больше заниматься разными посторонними вещами, видѣть больше людей, но въ душѣ она ощущала пустоту... Что подумаетъ Тиме, когда услышитъ эту исторію про своего дядю? Эта мысль снова подняла въ ея душѣ рой сомнѣній, не дававшихъ ей покоя послѣднее время. Будетъ ли ея дочурка похожа на нее? А если нѣтъ, то почему? Стефанъ подсмѣивается надъ платьями, манерами, надъ ея дружбой съ молодыми людьми. Онъ даже смѣется надъ возмущеніемъ, когда она не позволила ему насмѣхаться надъ ея занятіями искусствомъ или надъ ея интересомъ къ „народу“. Эти насмѣшки, однако, раздражали Сесилію, потому, что она какимъ то инстинктомъ, болѣе нежели умомъ, угадывала совершающуюся перемѣну. Она видѣла въ кругу своихъ знакомыхъ, что молодыя дѣвушки уже не оказываютъ прежняго обаянія на молодыхъ людей, да и тѣ какъ то холодно и по товарищески обращаются съ молодыми дѣвушками. Сесилія никакъ не могла понять этого. Въ самомъ дѣлѣ, что же будетъ, если молодежь дѣйствительно станетъ „серьезной“, если молодые люди не станутъ замѣчать больше ни цвѣта глазъ Тиме, ни ея платьевъ, ни волосъ? О чемъ же тогда заботиться? Въ чемъ же выразится опредѣленное ухаживаніе за нею? Не то, чтобы она желала выдать замужъ свою дочь поскорѣе, — объ этомъ будетъ время подумать, когда ей минетъ двадцать пять лѣтъ! — Но она не могла понять совершившейся перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ молодежи. Она помнила себя молоденькой дѣвушкой. Сколько молодыхъ людей заглядывались на нее украдкой! Теперь же какъ будто ничего

уже не осталось ни у молодыхъ дѣвушекъ, ни у юношей, на что бы стоило заглядываться... Ей казалось, что это угрожаетъ даже исчезновеніемъ расы. Въ дѣйствительности же исчезали только образцы ея собственной породы, но для нея это было одно и то же... Продолжая смотрѣть въ упоръ на рядъ сапогъ своего мужа, Сесилія думала: „какъ предупредить, чтобы то, что я слышала, не достигло ушей Біанки? Я знаю, какъ она приметъ это! Какъ сдѣлать, чтобы Тиме ничего не узнала? Развѣ я могу сказать, какое впечатлѣніе это произведетъ на нее?.. Я должна поговорить со Стефаномъ. Онъ такъ любитъ Гилэри»...

Впрочемъ, скоро мысли ея приняли другой оборотъ. „Все это пустяки!—сказала она себѣ:—Гилэри слишкомъ... слишкомъ разборчивъ. Онъ не можетъ быть глубоко заинтересованъ. Но онъ такой добрый и изъ-за этой доброты можетъ очутиться въ ложномъ положеніи... Да, это такая нелѣпость! Конечно, Би бываетъ очень непріятна подчасъ. И теперь она, какъ разъ, не въ ладахъ съ мужемъ»...

И вдругъ ея мысль перескочила на мистера Пюрсея, про котораго мистриссъ Талентсъ Смолльнисъ сказала, что онъ даже не подозрѣваетъ о существованіи проблемы бѣдности!.. Думать о немъ было для нея облегченіемъ въ данную минуту.

Сесилія прошла въ свою комнату и открыла гардеробный шкафъ. «Какая досада!—подумала она.—Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы это синее платье было поскорѣ передѣлано, но я просто не могу вынести, чтобы эта женщина работала здѣсь».

VIII.

Разговоръ съ мистеромъ Стопъ.

Взволнованная разговоромъ съ мистриссъ Хюггсъ, Сесилія чувствовала, что должна что-нибудь сдѣлать. Она еще не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію и только достала изъ гардероба платье, чтобы переодѣться.

Когда она была совсѣмъ готова и даже надѣла шляпу (безъ перьевъ, такъ какъ она была членомъ общества покровительства птицъ), приколовъ ее булавками (купленными ради поощренія новой школы металлическихъ работъ), Сесилія подошла къ окну и заглянула на улицу. Изъ окна былъ видѣнъ закатъ солнца, и собственно ради этого вида Сесилія выбрала эту комнату для своей спальни. Но ей никогда не приходило въ голову, что окна комнаты выходятъ на мрачныя улицы, гдѣ обитаетъ именно тотъ классъ людей,

которымъ она такъ интересуется. Въ первый разъ она обратила на это вниманіе и подумала: „Хюггсы тоже живутъ гдѣ-нибудь здѣсь... Полагаю, что Би освѣдомлена насчетъ этого человѣка. Она могла бы поговорить съ отцомъ и побудить его взять другую переписчицу... Все это такъ неприятно“...

Сесилія рѣшила отправиться къ Гилэри, но когда она вышла на улицу, то начались ея всегдашнія колебанія. Она не знала, какъ ей поступить, вмѣшаться въ это дѣло или нѣтъ. И то, и другое представлялось ей одинаково неудобнымъ. Она боялась показаться слишкомъ нескромной. Вопросъ былъ слишкомъ щекотливаго характера, и поэтому она испытывала робость, усиливавшуюся тѣмъ, что она мало знала свою сестру, столь непохожую на нее, и чувствовала къ ней недоувѣріе. Но въ то же время ею овладѣло непреодолимое желаніе уладить это дѣло такъ, чтобы ничего особеннаго не произошло. Она сначала пошла очень быстро, потомъ вдругъ замедлила шаги и, подойдя къ дому Біанки, не велѣла служанкѣ докладывать о себѣ. Ей вдругъ представились глаза Біанки, слушающей ея разсказъ, и она испугалась... Тогда она рѣшила сперва зайти къ отцу и поговорить съ нимъ.

Мистеръ Стоунъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ былъ въ своемъ рабочемъ костюмѣ: толстой коричневой шерстяной рубашкѣ, открывающей его тонкую, худую шею, и синемъ передникѣ, туго обвязанномъ шнуркомъ вокругъ талии. Окно было широко открыто, и холодный восточный вѣтеръ свободно разгуливалъ по комнатѣ. Въ каминѣ огня не было. Сесилія вздрогнула.

— Входи скорѣй,—сказалъ ей Стоунъ. Повернувшись къ огромной конторкѣ, занимавшей половину стѣны, онъ началъ методически раскладывать на ней разныя вещи: чернильницу, большой ножъ для разрѣзанія бумаги, книгу и камешки различной величины, которые онъ накладывалъ на разлетавшіеся отъ вѣтра листки своей рукописи.

Сесилія осмотрѣлась кругомъ. Она не была у отца уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ комнатѣ ничего не было, кромѣ этой конторки, походной кровати въ углу, съ одѣяломъ, но безъ простынь, складного умывальника и узенькой этажерки съ книгами. Сесилія могла по памяти назвать всѣ книги, стоявшія тамъ. Онѣ никогда не мѣнялись. На верхней полкѣ лежали Библія и произведенія Платона и Дидро. На второй сверху трагедіи Шекспира въ голубомъ переплетѣ, на третьей Донъ-Кихотъ въ четырехъ томахъ, въ коричневомъ переплетѣ, Мильтонъ въ зеленомъ, комедіи Аристофана, полуобожженная кожаная книжка, сравнивающая философію

Эпикура съ философiей Спинозы, и Маркъ Твенъ въ желтомъ переплетѣ. На нижнихъ полкахъ лежали: Иліада, Біографія Франциска Ассизскаго, Путешествіе Слика къ источникамъ Нила, Записки Пиквикскаго клуба, Стихотворенія Теокрита въ очень старинномъ переплетѣ, Ренана Жизнь Христа и автобіографія Бенвенуто Челлини. Въ самомъ низу этажерка была наполнена сочиненіями по естественной исторіи.

Стѣны комнаты были выбѣлены известкой, и прислоняться къ нимъ было опасно для платья. Крашенный полъ не былъ покрытъ ковромъ. На маленькой газовой кухнѣ была разставлена кухонная посуда. Возлѣ стоялъ простой столъ и буфетный шкафикъ. Ни занавѣсокъ, ни картинъ, никакихъ украшеній въ комнатѣ не было, и только у окна стояло старинное кресло, обитое золотистой кожей. Оно выглядѣло точно оазисъ среди окружающей пустыни, и взоръ Сесилии остановился на немъ.

— Сегодня дуетъ сильный восточный вѣтеръ, папа, — сказала она. — Неужели вамъ не холодно здѣсь, безъ огня?

Мистеръ Стоунъ отошелъ отъ конторки, держа въ рукахъ листъ неписанной бумаги.

— Слушай! — обратился онъ къ ней. — „Въ условіяхъ общества, именуемыхъ цивилизаціей, въ настоящее время единственнымъ источникомъ надежды можетъ быть только сохраненіе того качества, которое называется мужествомъ. Среди безчисленнаго множества привычекъ, разрушающихъ нервную систему, среди всякаго рода патентованныхъ средствъ и цѣлаго хаоса всякихъ открытій и изобрѣтеній, когда сотни людей болтаютъ съ кафедры о вещахъ, въ которыя вѣрить лишь самая ничтожная часть населенія, а тысячи пишутъ то, что никому не нужно и никто не захочетъ прочесть во второй разъ; когда люди запираютъ животныхъ въ клѣтки и заставляютъ медвѣдей танцевать для вѣдѣхъ своихъ дѣтей; когда всѣ набрасываются другъ на друга и борются другъ съ другомъ, кружась въ неистовой пляскѣ, точно комары надъ стоячей лужей въ лѣтній вечеръ, — въ такія времена мужество продолжало существовать въ человѣческой душѣ! Это былъ единственный огонь, свѣтившій въ этой мрачной долині“...

Стоунъ остановился. Онъ дочиталъ листокъ до конца, но такъ какъ ему хотѣлось продолжать читать дальше, то онъ направился къ конторкѣ, чтобы взять другой исписанный листъ.

— Вы ничего не будете имѣть противъ, если я закрою окно? — спросила Сесилия.

Стоунъ мотнулъ головой въ знакъ согласія. Увидѣвъ,

что онъ уже держитъ другой листокъ бумаги въ рукѣ, она подошла къ нему и сказала:

— Мнѣ надо поговорить съ вами, папа. — Она взяла за конецъ шнурка, обвязывающаго его талію, и потянула его къ себѣ.

— Не трогай. Это поддерживаетъ мои штаны, — остановилъ ее отецъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, онъ ужасенъ!“—подумала Сесилія.

Стонъ, поднеся къ глазамъ второй листокъ бумаги, снова принялся читать: „Причину искать недалеко...“

— Я хотѣла бы поговорить съ вами о дѣвушкѣ, которая приходитъ переписывать вашу книгу, — съ отчаяніемъ прервала его Сесилія.

Стонъ остановился, и, опустивъ листокъ бумаги и слегка согнувшись, пристально посмотрѣлъ на свою дочь.

„Онъ теперь будетъ слушать“,—подумала Сесилія и торопливо проговорила:

— Развѣ она такъ нужна вамъ? Развѣ вы не можете обойтись безъ нея?

— Безъ кого?—спросилъ Стонъ.

— Безъ этой дѣвушки, которая приходитъ сюда переписывать.

— Почему?

— По той простой причинѣ...

Стонъ опустилъ глаза. Сесилія увидѣла, что онъ снова смотритъ на свое писаніе, и торопливо прибавила:

— Развѣ она лучше переписываетъ, чѣмъ какая-нибудь другая?

— Нѣтъ.

— Ну такъ вотъ что, отецъ! Сдѣлайте для меня, возьмите другую. Я знаю, почему я говорю это. Я...

Сесилія остановилась, увидя, что отецъ ея медленно шевелитъ губами и про себя читаетъ то, что написано.

„Боже мой!“ — подумала она съ отчаяніемъ. — „У меня просто не хватаетъ терпѣнія съ нимъ! Онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ какъ о своей проклятой книгѣ!“

Но мистеръ Стонъ замѣтилъ, что она вдругъ умолкла, и, опустивъ бумагу, спросилъ ее:

— Чего же ты желаешь, дорогая моя?

— Отецъ, умоляю васъ... Выслушайте меня одну минуту.

— Да, да...

— Я говорю объ этой дѣвушкѣ, которая приходитъ къ вамъ переписывать книгу. Развѣ у васъ есть какое-нибудь основаніе непременно ей давать эту работу, а не кому-либо другому?

— Да,—отвѣчалъ Стонъ.

— Какое?

— У нея нѣтъ друзей.

Такой неожиданный отвѣтъ окончательно смутилъ Сесилію. Она не нашла, что возразить, и мистеръ Стонъ, подождавъ нѣсколько минутъ, снова началъ читать:

— „Причину искать недалеко. Человѣкъ, дифференцировавшійся отъ другихъ обезьянъ своимъ желаніемъ „знать“, долженъ былъ прежде всего закалить себя противъ той кары, которую влечетъ за собою знаніе. Подобно тому, какъ у животныхъ, подвергавшихся суровостямъ арктическаго климата, развивался болѣе густой мѣхъ съ каждымъ пониженіемъ температуры, такъ и у человѣка скрытый запасъ мужества автоматически увеличивался, чтобы противостоять постояннымъ уколамъ собственнаго ненасытнаго любопытства. Въ тѣ дни, о которыхъ мы говоримъ, когда недостаточно усвоенное знаніе въ нахлынувшей огромной толпѣ разрушило всѣ преграды, человѣкъ, страдающій диспепсіей отъ неперевареннаго знанія, съ нервной системой, находящейся въ послѣдней стадіи истощенія, съ расшатаннымъ мозгомъ, могъ выжить только благодаря своей способности развивать мужество. Какъ ни были ничтожны въ героическомъ отношеніи поступки человѣка (въ виду общихъ условій и незначительности соревнованія), тѣмъ не менѣе не было времени, когда люди, въ массѣ, были болѣе мужественны, такъ какъ никогда еще они такъ не нуждались въ этомъ! Но уже нѣтъ недостатка въ признакахъ, указывающихъ, что такое отчаянное положеніе вещей обратило на себя вниманіе общины. Небольшая секта, которая“...

Чтеніе прекратилось. Мистеръ Стонъ дошелъ до конца страницы и тотчасъ же торопливо направился къ конторкѣ. Рука его уже сняла камешекъ и взяла третью страницу. Сесилія, замѣтивъ это, вскричала:

— Отецъ!

Мистеръ Стонъ остановился и повернулся въ ея сторону. Сесилія увидѣла, что онъ сильно покраснѣлъ. Ея досада испарилась.

— Отецъ! — повторила она. — Я говорю объ этой двупшкѣ...

— Да... да...—отвѣтилъ онъ, точно раздумывая.

— Не думаю, чтобы Біанка была довольна, что она приходитъ сюда...

Стонъ провелъ рукой по лбу:

— Прости меня, что я заставилъ тебя слушать мое чтеніе, моя дорогая,—сказалъ онъ.—Мнѣ это доставляетъ большое облегченіе временами.

Сесилия близко подошла къ нему и съ трудомъ удержалась, чтобы опять не потянуть за шнурокъ, перетягивающій его талию.

— Я отлично понимаю это, отецъ!—сказала она.

Стонъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, и передъ этимъ взглядомъ, который какъ будто пронизывалъ ее всю и видѣлъ по ту сторону вещей,—она невольно потупила глаза.

— Какъ это странно, что ты моя дочь!—проговорилъ онъ.

Сесилии тоже это казалось загадкой.

— Въ сущности, въ атавизмъ есть еще много такого, чего мы до сихъ поръ не знаемъ!—прибавилъ онъ.

Сесилия снова съ жаромъ воскликнула:

— Отецъ, я хочу чтобы вы меня выслушали! Это очень важно...

Она повернулась къ окну, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Постараюсь, моя дорогая!—отвѣчалъ Стонъ, и голосъ его звучалъ смиренно, когда онъ произносилъ эти слова.

„Надо хорошенько проучить его. Онъ слишкомъ ушелъ въ себя!“—думала Сесилия, стоя у окна; поэтому она нарочно не пошевелилась, стараясь показать ему своей позой, до какой етепени она возмущена.

Въ окно она видѣла нянекъ и дѣтей въ коляскахъ, направлявшихся въ садъ. Но она смотрѣла не на нихъ, а на проходившихъ мужчинъ. Какими самодовольными казались они! И она внезапно почувствовала удовлетвореніе, что заставила этого худого, согбеннаго старика, стоящаго позади нея, понять весь свой эгоизмъ.

„Въ другой разъ онъ будетъ знаты!“—пронеслось у нея въ умѣ. Но вдругъ она услышала шелестъ бумаги и бормочущій голосъ. Мистеръ Стонъ читалъ третью страницу своей рукописи:

„...которая воодушевлена лучшими чувствами, но доктрины которой, столкнувшись съ тѣмъ фактомъ, что жизнь представляетъ лишь переходъ отъ одной формы къ другой, оказались слишкомъ узкими и не могли уничтожить зло, съ которымъ хотѣли бороться. Эта маленькая секта, которая должна была еще научиться пониманію смысла всеобщей любви, напрягала всѣ свои силы и опередила остальную общину въ стараніяхъ познать самое себя. Движеніе, вызванное этимъ, было реакціей противъ преобладавшей тогда братоубійственной системы. Оно было молодо и обладало свѣжестью и честностью юности“...

Сесилия, не говоря ни слова, повернулась и быстро направилась къ двери. Выходя, она видѣла, какъ листъ бу-

маги выпалъ изъ рукъ ея отца. Она видѣла его съдую голову и покраснѣвшее лицо, когда онъ нагнулся, чтобы поднять его, и чувство жгучаго раскаянія примѣшалось къ ея гнѣву...

Какой-то шумъ привлекъ ея вниманіе въ коридоръ, тускло освѣщенномъ свѣтомъ, падавшимъ со двора. Она замѣтила, что это была Миранда, ворчавшая себѣ подъ носъ. Увидѣвъ Сесилію, собачка вылѣзла изъ-подъ вѣшалки, гдѣ она пряталась, и подошла къ ней, чуть-чуть приподнявъ маленькую, бѣленькую лапку.

— Что тебѣ, собачка?—спросила ее Сесилія, нагнувшись къ ней.

Собачка смотрѣла на нее своими блестящими черными глазами, точно говоря ей: „Зачѣмъ ты спрашиваешь? Я не знаю, что мнѣ нужно! Развѣ ты не такая же?“... Сесилии вдругъ стало непріятно. Отворивъ дверь въ рабочій кабинетъ Гилэри, она сердито сказала собаченкѣ:

— Ступай, поищи своего хозяина!

Собака не двинулась, но на порогѣ показался Гилэри. Онъ исправлялъ корректуру, которую собирался отправить съ слѣдующей почтой, и поэтому имѣлъ видъ человѣка занятаго своими мыслями и почти незамѣчающаго, что дѣлается кругомъ.

Его появленіе избавило Сесилію отъ необходимости идти къ сестрѣ, хозяйкѣ этого дома, невидимо занимающей центральное мѣсто и господствующей надъ положеніемъ.

— Можете вы удѣлить мнѣ минутку, Гилэри?

Она вошла въ его кабинетъ, и Миранда потащилась за ней.

Гилэри всегда производилъ на Сесилію пріятное и вмѣстѣ трогательное впечатлѣніе. Весь ушедшій въ свою литературную работу, онъ не умѣлъ противодѣйствовать безцеремонной навязчивости другихъ людей, и рядомъ съ массивнымъ, некрасивымъ бюстомъ Сократа, возлѣ котораго онъ стоялъ, онъ казался Сесилии какимъ-то существомъ изъ другого міра...

Она рѣшила прямо приступить къ дѣлу.

— Я слышала нехорошія вещи отъ мистрисъ Хюггсъ объ этой маленькой натурщицѣ, Гилэри,—сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Глаза Гилэри перестали улыбаться, но на губахъ все еще скользила усмѣшка.

— Да!—взволнованно заговорила Сесилія.—Мистрисъ Хюггсъ говоритъ, что изъ-за нея Хюггсъ такъ дурно ведетъ себя... Я не хочу сказать что-нибудь дурное про эту дѣвушку, но повидимому...

— Повидимому?—повторилъ Гилэри.

— Повидимому, она „приворожила“ Хюггса, какъ говорить его жена.

— Хюггс!—опять повторилъ Гилэри.

Сесилия уставилась глазами въ бюстъ Сократа и быстро проговорила:

— Она утверждаетъ, что онъ всюду ходитъ тѣнью за этой дѣвушкой и приходитъ сюда, чтобы дожидаться ея ухода и проводить ее. Это странно, во всякомъ случаѣ... Вы вѣдь были у нихъ, а?..

Гилэри кивнулъ головой.

— Я говорила съ отцомъ,—прошептала Сесилия,—но онъ безнадеженъ. Я не могла заставить его удѣлить хотя бы малѣйшее вниманіе моимъ словамъ...

Гилэри молчалъ, точно раздумывая о чемъ-то.

— Я хотѣла побудить его, — продолжала Сесилия, — отказать этой дѣвушкѣ и пригласить для переписки другую...

— Зачѣмъ?

Чувствуя, что зашла слишкомъ далеко и должна все уже сказать теперь, Сесилия смущенно проговорила:

— Мистриссъ Хюггсъ сказала мнѣ, что Хюггсъ угрожаетъ вамъ...

На лицѣ Гилэри появилось насмѣшливое выраженіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень хорошо съ его стороны!.. Ну, а что же дальше?—спросилъ Гилэри.

Сесилия была совершенно подавлена сознаніемъ неискренности своего поступка и негодованіемъ на себя за то, что очутилась въ такомъ неловкомъ положеніи.

— Господи! Я вѣдь не хотѣла вѣшиться!—вскричала она.—Я никогда не вѣшиваюсь!..

Гилэри взялъ ея руку.

— Милая Сисси, я знаю! Но лучше намъ объясниться.

Благодарная за его ласковое пожатіе, она съ жаромъ отвѣчала ему:

— Это такая грязь, Гилэри!

— Грязь?! Гм! Ну такъ выкладывайте ее.

Сесилия густо покраснѣла.

— Вы хотите, чтобы я сказала вамъ все, рѣшительно все?—спросила она.

— Само собою разумѣется.

— Хорошо! Хюггсъ, очевидно, думаетъ, что вы заинтересованы этой молоденькой дѣвушкой. Вы не можете скрыть ничего отъ слугъ и людей, работающихъ въ вашемъ домѣ, и они всегда думаютъ все самое худшее... и, разумѣется, они знаютъ, что вы и Би... не вполнѣ...

Гилэри кивнулъ головой.

— Мистриссъ Хюггсъ говорить, что ея мужъ хочетъ идти къ Би!.. Гилэри!—воскликнула она съ жаромъ.—Я вижу, что мистриссъ Хюггсъ думаетъ, будто вы и въ самомъ дѣлѣ заинтересованы этой дѣвушкой. Разумѣется, она бы желала этого, такъ какъ это бы означало, что такой человѣкъ, какъ ея мужъ, не можетъ имѣть шансовъ...

Удивленная и сконфуженная собственными циническими словами, она загнулась. Гилэри смотрѣлъ въ сторону.

— Гилэри, дорогой!—обратилась она къ нему.—Неужели нѣтъ никакой надежды на то, чтобы вы и Би...?

Губы Гилэри дрогнули.

— Я думаю, что нѣтъ!—сказалъ онъ.

Сесилія грустно поникла. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ былъ боленъ плевритомъ, она не испытывала такого огорченія. Выраженіе лица Гилэри вернуло ей всѣ ея сомнѣнія. Она читала на этомъ лицѣ не только возмущеніе противъ наглости Хюггса, но и, пожалуй, другое, болѣе личное чувство, которое она не рѣшалась назвать.

— Не думаете ли вы, что было бы лучше, если бы она больше не приходила сюда?—рѣшилась она спросить.

Гилэри быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ.

— Это ея единственная и вѣрная работа, дѣлающая ее независимой!—сказалъ онъ.—И это лучше, чѣмъ позированіе! Я не могу поэтому содѣйствовать тому, чтобы она лишилась этой работы.

Сесилія еще никогда не видала его до такой степени взволнованнымъ. Возможно ли, чтобы онъ оказался не такимъ неисправимо кроткимъ человѣкомъ, какимъ она его считала, и чтобы въ немъ проявилась въ нѣкоторой степени животное чувство, которымъ она даже склонна была восхищаться въ извѣстномъ смыслѣ? Неизвѣстность только усиливала трудности положенія.

— Но Гилэри,—проговорила она, наконецъ,—развѣ вы такъ увѣрены въ этой дѣвушкѣ... увѣрены, что она дѣйствительно достойна помощи?

— Я не понимаю васъ!

— Я хочу сказать,—запинаясь, отвѣтила Сесилія.—что мы вѣдь ничего не знаемъ объ ея прошломъ.—Замѣтивъ по выраженію его лица, что она затронула его личныя сомнѣнія въ этомъ отношеніи, она заговорила уже съ большею смѣлостью:

— Гдѣ ея друзья и знакомые? Я полагаю, что у нея были какія-нибудь приключенія!..

— Не думаете же вы, что я стану разговаривать съ нею объ этомъ?—замѣтилъ неохотно Гилэри.

Его отвѣтъ заставилъ Сесилію почувствовать неловкость своего положенія.

— Хорошо, — сказала она съ раздраженіемъ, — но если таковы результаты помощи бѣднымъ, то я не вижу, какая польза отъ этого?

Гилэри не отвѣтилъ на ея вспышку, и Сесилія рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Все ей представлялось до такой степени неестественнымъ, запутаннымъ! Мрачная, злобная фигура Хюггса, призракъ Біанки, незримо присутствующей въ домѣ, — все это какъ будто было выхвачено изъ страницы какого-нибудь итальянскаго романа. Сесилии никогда не приходило въ голову, что человѣкъ, принадлежащій къ тому классу, къ которому принадлежитъ Хюггсъ, способенъ страстно полюбить. Она вспомнила о мрачныхъ и грязныхъ переулкахъ, которые видѣла изъ оконъ своей спальни. Развѣ могло что-нибудь, похожее на яркую страсть, зародиться въ такой убогой обстановкѣ? Люди, жившіе тамъ, приниженые нуждой, заботились только о томъ, чтобы какъ-нибудь сохранить свою жизнь. Она знала и видѣла это. Существованіе ихъ было очень жалкое. Могъ ли кто-нибудь, живущій въ такихъ печальныхъ условіяхъ, найти время и силы въ себѣ самомъ для проявленія такого глубокаго чувства? Это было невѣроятно.

— Я думаю, впрочемъ, что человѣкъ этотъ опасенъ, — сказалъ вдругъ Гилэри.

Услышавъ такое подтвержденіе своихъ собственныхъ страховъ, Сесилія, въ душѣ которой таилась примѣсь жестокости, несмотря на всѣ ея симпатіи и постоянныя колебанія, вдругъ почувствовала, что она зашла уже достаточно далеко и поэтому можетъ остановиться.

— Я больше не хочу знать ихъ, — сказала она. — Я дѣлала все, что могла для мистриссъ Хюггсъ... Я знаю другую такую же хорошую швею, какъ она, которая будетъ счастлива, если я теперь призову ее. Точно также и книгу моего отца можетъ переписывать другая дѣвушка, не хуже этой. Если вы согласны послѣдовать моему совѣту, Гилэри, то и вы также оставите ваши попытки помогать имъ.

На лицѣ Гилэри появилась обычная улыбка, которая вмѣстѣ смущала и раздражала ее. Она не знала, что именно эта улыбка стояла между нимъ и его женой.

— Можетъ быть, вы правы, — замѣтилъ онъ, пожимая плечами.

— Я сдѣлала все, что могла. Теперь я ухожу. Прощайте.

Въ дверяхъ она обернулась и увидѣла, что Гилэри стоитъ возлѣ бюста Сократа. Ей было больно, что она причинила ему непріятность, но передъ нею снова всталъ блѣдный

призракъ ея сестры Біанки, вѣчно блуждающей и невидимой хозяйки этого дома. Вдругъ Сесилія замѣтила, что онъ насмѣшливо смотритъ на нее, хотя въ этой насмѣшливости есть что-то трагическое...

Не прибавивъ болѣе ни слова, она вышла изъ комнаты.

— Какъ вы поживаете, мистриссъ Даллисонъ? Что, ваша сестрица дома?..

Сесилія обернулась и увидѣла мистера Пюрсея, подѣхавшаго на моторѣ и уже приготовившагося соскочить съ него.

Но Сесилія не могла отдѣлаться отъ мысли, что она только что вышла изъ дому, гдѣ было такъ мрачно, поэтому нерѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ... ея нѣтъ дома.

— Какъ жалъ!—воскликнулъ Пюрсей.—А я хотѣлъ предложить имъ обоимъ покататься! Ваша сестра нуждается въ прогулкѣ...—Мистеръ Пюрсей положилъ руку на свой дрожажій автомобиль и прибавилъ:—Вамъ знакомы эти машины, мистриссъ Даллисонъ? „А. І. Датусъ“—самые лучшіе маленькіе автомобили. Не хотите ли попробовать?

Автомобиль, испуская сильный аромат бензина, какъ будто еще больше задрожалъ отъ этой похвалы. Сесилія взглянула на машину и сказала:

— Да, я знаю эти моторы. Они очень хороши.

— Ну, такъ садитесь. Позвольте мнѣ подвезти васъ... чтобы доставить мнѣ удовольствіе, конечно! Но я увѣренъ, что и вамъ понравится.

Легкая досада, любопытство и возмущеніе противъ всего того, что ей пришлось только что вынести, заставили Сесилію довольно благосклонно отнестись къ предложенію Пюрсея. Автомобиль задрожалъ сильнѣе, издавъ два негромкихъ звука, выпустилъ цѣлое облако аромата и тронулся съ мѣста.

Онъ понесся съ такою скоростью, что бѣгущая собака, почтальонъ и повозка булочника, двигавшіеся по улицѣ, какъ будто остановились на мѣстѣ. Вѣтеръ обвѣвалъ щеки Сесиліи. Она засмѣялась.

— Отвезите меня домой, пожалуйста,—сказала она.

Пюрсей тронулъ за локоть шофера:

— Кругомъ парка, — приказалъ онъ. — Пустите машину полнымъ ходомъ.

Автомобиль издалъ пронзительный свистъ. Сесилія откинулась въ обитый подушками уголъ экипажа и искоса поглядывала на Пюрсея, который тоже откинулся въ свой уголъ. Глаза ея имѣли слегка удивленное выраженіе, и она какъ будто улыбалась чему-то. Эта улыбка, казалось, говорила: „Въ самомъ дѣлѣ, что это я дѣлаю?“

Какъ это онъ могъ уговорить меня?... А между тѣмъ—я довольна!“

Хюггсы, маленькая натурщица и все грязное и некрасивое въ жизни внезапно какъ-то исчезло. Ничего не было, кромѣ вѣтра, пріятно обвѣвавшего ея щеки, и автомобиля, уносившаго ее...

Мистеръ Пюрсей первый прервалъ молчаніе.

Я очень люблю такія прогулки. Это приводитъ въ порядокъ мои нервы.

— Какъ? У васъ есть нервы?—спросила Сесилія удивленно.

Пюрсей улыбнулся. Когда онъ улыбался, то его красныя щеки вздувались, точно два шара, его щетинистые усы топорщились и около глазъ появлялись мелкія морщинки.

— Слишкомъ даже много!—отвѣчалъ онъ. — Малѣйшій пустякъ разстраиваетъ меня. Не могу выносить вида голоднаго ребенка и т. п.

Сесилія внезапно прониклась уваженіемъ къ этому чело-вѣку. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ни ея дочь, ни ея мужъ и никто изъ людей, окружающихъ ее, не можетъ рассуждать такъ просто и здраво, какъ этотъ чело-вѣкъ, не знающій ни вредныхъ симпатій, ни „соціальной совѣсти“ и вполне довольный собой?..

Вдругъ автомобиль остановился.

— Не выходите! Не выходите!—вскричалъ Пюрсей.—Онъ сейчасъ опять пойдетъ.

— Нѣтъ! благодарю васъ. Я здѣсь выйду... Въ самомъ дѣлѣ, я очень вамъ благодарна. Это доставило мнѣ большое удовольствіе...

Сесилія зашла въ лавку и, остановившись на порогѣ, посмотрѣла назадъ на улицу. Она увидѣла Пюрсея, который, напирая грудью, старался сдвинуть съ мѣста свой автомобиль. Лицо его выражало величайшее огорченіе и смущеніе.

IX.

Гилэри начинаетъ высказываться.

Этика Гилэри была совершенно иного рода, нежели этическія воззрѣнія милліоновъ Пюрсеевъ, основанныя на чувствѣ собственности въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Но она также имѣла мало общаго и съ религіей и нравственностью аристократіи, которая, несмотря на свой эстетизмъ въ нѣкоторомъ отношеніи, все же спокойно пользовалась своимъ укрѣпленнымъ положеніемъ и не стѣснялась презирать все остальное. Въ глазахъ большинства Гилэри, по всей вѣроятности, былъ безправственнымъ и анти-религіознымъ.

человѣкомъ, но въ дѣйствительности его нравственность и религія были свойственны той части общества, которая состояла изъ образованныхъ классовъ: „профессоровъ, артистовъ, передовыхъ людей и тому подобныхъ кукушекъ“, какъ ихъ называлъ Пюрсей, причисляя туда же людей, не знающихъ вообще матеріальной нужды и могущихъ поэтому посвящать свое время разработкѣ отвлеченныхъ идей.

Если бѣ кто-нибудь попросилъ Гилэри изложить свое „profession de foi“, то онъ, по всей вѣроятности, сказалъ бы слѣдующее:—„Я не вѣрю въ церковныя догматы и никогда не хожу въ церковь. У меня нѣтъ опредѣленныхъ идей относительно государства будущаго, и я не нуждаюсь въ нихъ. Но въ частной жизни я стараюсь приобщить себя, насколько возможно, ко всему, что я вижу вокругъ себя, и если-бѣ я могъ когда нибудь дѣйствительно слиться воедино съ міромъ, въ которомъ я живу, то я былъ бы счастливъ. Я думаю, что нелѣпо не довѣрять своимъ чувствамъ и своему разуму. Что же касается того, о чемъ мои чувства и мой разумъ не могутъ ничего сказать мнѣ, то и оставляю это нерѣшеннымъ, предполагая, что все должно быть такъ, какъ оно есть, и если-бѣ мы знали причину всего, то могли бы управлять вселенной. Я не думаю, чтобы цѣломудріе само по себѣ было добродѣтельно, но оно нужно постольку, поскольку оно содѣйствуетъ здоровью и благосостоянію общества. Я не вѣрю, чтобы бракъ могъ давать право собственности и ненавижу всѣ публичные споры объ этомъ. Моему темпераменту претитъ всякое нанесеніе ущерба сосѣдямъ, если можно избѣжать этого. Что же касается личнаго поведенія, то я полагаю, что рассказы о скандальныхъ случаяхъ и злословіе хуже, чѣмъ даже тѣ дѣйствія, которыя послужили поводомъ къ этому. Если я даже въ умѣ своемъ обвиню кого-нибудь, то буду чувствовать себя виновнымъ въ нравственномъ проступкѣ. Я ненавижу самомнѣніе и стыжусь самоувѣренности. Я не люблю никакого шума. Можетъ быть, у меня есть склонность къ отрицанію. Пустая болтовня доводитъ меня до изнеможенія, но я могу цѣлую ночь провести въ обсужденіи различныхъ пунктовъ этики и психологіи. Пользоваться чужою слабостью для меня отвратительно. Я хочу быть порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ, но... въ самомъ дѣлѣ, не могу слишкомъ серьезно относиться къ самому себѣ“...

Хотя въ разговорѣ съ Сесиліей Гилэри ни разу не переступилъ правилъ вѣжливости, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ золъ, и гнѣвъ его разгорался сильнѣе съ каждой минутой. Онъ сердился на нее, на себя и на Хьюгса и страдалъ отъ своего раздраженія, какъ могутъ страдать только тѣ, кто

не привыкъ къ окружающей грубости. Внезапно узнавъ о поведеніи Хюггса, подстерегающаго его жену и слѣдующаго по пятамъ за беззащитной дѣвушкой, онъ очень серьезно принялъ это къ сердцу.

Когда маленькая натурщица явилась въ обычное время и прошла черезъ садъ, то Гилэри показалось, что лицо ея разстроено. Успокоивъ Миранду, которая съ самаго начала не хотѣла признавать молодой дѣвушки и всегда ворчала на нее, Гилэри сѣлъ у окна съ книгой въ рукахъ, поджидая ея ухода. Такъ онъ просидѣлъ около часу, переворачивая страницы, но не понимая прочитаннаго, какъ вдругъ увидѣлъ, что какой то человѣкъ подглядываетъ въ садовую калитку. Простоявъ тамъ нѣсколько времени, онъ прошелъ черезъ дорогу и скрылся за какою-то изгородью.

„Такъ,—подумалъ Гилэри.—Не пойти ли сейчасъ приказать этому парню убираться вонъ, или подождать, что случится, когда она пойдетъ домой!“

Онъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи. Наконецъ, она вышла, прошла черезъ садъ своею особенною походкой, хорошенькая и дышущая молодостью, но слишкомъ прозаичная и безыскусственная, чтобы ее можно было принять за дѣвушку изъ общества. Она обернулась, бросила взглядъ на окно кабинета Гилэри и вышла на улицу.

Гилэри взялъ шляпу и палку и подождалъ. Черезъ минуту Хюггсъ вышелъ изъ-за изгороди, гдѣ онъ скрывался и послѣдовалъ за ней. Гилэри тотчасъ же отправился вслѣдъ за нимъ.

Въ глубинѣ души каждого человѣка сохраняется остатокъ первобытныхъ охотничьихъ инстинктовъ. Всегда сдержанный и деликатный, Гилэри, въ обычное время, несомнѣнно, съ негодованіемъ отвергъ бы всякую мысль о выслѣживаніи. Но въ данную минуту онъ даже испытывалъ какое-то особенное удовольствіе, стараясь не выпускать Хюггса изъ виду и оставаться незамѣченнымъ. Ему удалось, такимъ образомъ, достигнуть довольно крутого подъема на Кэмпденъ Хилль, прячась за витрины магазиновъ, omnibuses, мостики для пѣшеходовъ и все время не спуская глазъ съ Хюггса. Но вдругъ онъ чуть не былъ открытъ. Маленькая натурщица внезапно повернула назадъ ему навстрѣчу. Очень находчивый во всѣхъ такихъ случаяхъ, Гилэри вскочилъ въ проѣзжавшій omnibusъ. Онъ видѣлъ, что она остановилась у окна одного магазина картинъ. Очевидно, она даже и не подозрѣвала, что кто-нибудь слѣдитъ за ней, и остановилась въ восхищеніи передъ одною хорошо извѣстною гравюрой, выставленной въ окнѣ. Гилэри, проходя мимо этой лавки, часто удивлялся, зачѣмъ выставлена эта гравюра и кто мо-

жетъ восхищаться ею? Теперь онъ зналъ, кого она приводитъ въ восторгъ, по лицу дѣвушки онъ видѣлъ, что ея эстетическія чувства глубоко затронуты.

Онъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ Хюггсъ, и увидѣлъ, его стоящимъ у какой-то харчевни. Выраженіе лица его было угрюмое и печальное. Онъ, видимо, страдалъ, и Гилэри стало его жалко.

Омнибусъ двинулся, и Гилэри чуть не свалился на скамейку, усѣвшись на платье какой-то дамы. Эта дама оказалась мистриссъ Толентсъ Смолльнисъ. Она ласково улыбнулась ему и подвинулась, чтобы дать ему мѣсто.

— Ваша свояченица только что была у меня, мистеръ Даллисонъ,—сказала она.—Она такъ мила, такъ интересуется всѣмъ. Я уговорила ее поѣхать со мной на мое собраніе.

Гилэри приподнял шляпу. Онъ былъ раздраженъ, и обычная деликатность замѣнила ему.

— Да?.. Извините меня!—отвѣчалъ онъ и вышелъ.

Мистриссъ Толентсъ Смолльнисъ была изумлена. Поведеніе его напоминало поведеніе молодого человѣка, условившагося съ какою нибудь дамой, что она будетъ ждать его въ омнибусѣ, и вдругъ увидѣвшій, что рядомъ съ этой дамой сидитъ ея старая тетка! Она оглядѣла всѣхъ, сидѣвшихъ въ омнибусѣ, но никто изъ находившихся тамъ не оправдывалъ ея предположенія. „Странно“ подумала она и вдругъ, взглянувъ на улицу, увидѣла идущую по тротуару маленькую натурщицу.

— Ого!—прошептала она.—Да, да, это становится интереснымъ!

Гилэри, избѣгая попасться на глаза дѣвушкѣ, повернулъ за уголъ и остановился. Онъ былъ смущенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Хюггсъ преслѣдуетъ дѣвушку своимъ вниманіемъ, то почему же онъ не подошелъ къ ней прямо, когда она стояла у окна магазина?

Молодая дѣвушка прошла мимо переулка, гдѣ за угломъ скрывался Гилэри. Она шла своею обычною, небрежною поступью, видимо, довольная своею прогулкой по улицамъ. Скоро она скрылась изъ вида. Напрасно Гилэри напрягалъ зрѣніе—Хюггса нигдѣ не было видно! Гилэри подождалъ еще нѣсколько минутъ, но Хюггсъ не показывался. Погоня кончилась! И вдругъ Гилэри пришло въ голову, что, быть можетъ, Хюггсъ выслѣживалъ ее только для того, чтобы знать, не было ли у нея назначено свиданіе? Значитъ, они оба преслѣдовали одну и ту же цѣль! Эта мысль заставила Гилэри покраснѣть, хотя онъ находился въ пустынномъ переулкѣ, гдѣ его никто не могъ видѣть. Да, Сесилія права, это грязное дѣло! Будь на мѣстѣ Гилэри человѣкъ, болѣе

соприкасавшійся съ фактами дѣйствительности, онъ бы, вѣроятно, не очень смутился такимъ инцидентомъ и зналъ, въ какую рубрику его отнести. Но Гилэри, по роду своихъ занятій, имѣлъ дѣло больше съ идеями, нежели съ людьми, и это лишало его возможности имѣть опредѣленное сужденіе о такомъ предметѣ, который неразрывно былъ связанъ съ щекотливымъ вопросомъ о взаимоотношеніи классовъ.

Глубоко задумавшись, Гилэри шелъ по тѣнистой дорожкѣ изъ Ноттингъ Халля въ Кенсингтонъ пролегающей въ сторону отъ большой провѣзжей дороги. Воздухъ былъ наполненъ веселымъ чириканіемъ птичекъ и ароматомъ сосенъ, который становился сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ закату. Кругомъ было тихо, городской шумъ почти не долеталъ сюда. Миръ и спокойствіе, царившее здѣсь, должны были благодарнымъ образомъ дѣйствовать на смятенную душу Гилэри и изгнать мрачныя и тревожныя мысли...

Въ центральной части дорожки старые вязы выставляли свои сучковатые и уловатые корни. Тамъ стояли скамейки, на которыхъ сидѣли человѣческія существа. Спутанные волосы свѣшивались на ихъ усталыя лица, худое тѣло было покрыто лохмотьями и въ рукахъ каждаго была палка, съ привязаннымъ къ ней грязнымъ узелкомъ. Они спали. По другую сторону, на скамьѣ, сидѣли двѣ беззубыя старухи и рядомъ съ ними какая-то женщина, съ краснымъ лицомъ, громко храпѣла. Дальше, на скамьѣ сидѣлъ какой-то юноша и возлѣ него молоденькая дѣвушка, оба блѣдные и худые, съ безпокойными глазами. Они крѣпко держали другъ друга за руки и моргали. Такъ же молча сидѣли, поодаль отъ нихъ, двое молодыхъ людей въ рабочихъ костюмахъ съ безнадежно усталыми лицами...

На послѣдней скамейкѣ, вдали отъ всѣхъ, Гилэри увидѣлъ маленькую натурщицу...

Х.

П р и д а н н о е.

Эта первая встрѣча на свободѣ, повидимому, одинаково смутила обоихъ. Дѣвушка покраснѣла и поспѣшно встала. Гилэри снялъ шляпу и сѣлъ рядомъ съ нею съ суровымъ видомъ.

— Не вставайте. Мнѣ надо поговорить съ вами, — сказалъ онъ.

Маленькая натурщица покорно сѣла на свое мѣсто. По-

слѣдовало молчаніе. Она была все въ той же старой коричневой юбкѣ, вязаной кофтѣ и старой сине-зеленой шапочкѣ. Глаза у нея были усталые.

Наконецъ, Гилэри спросилъ:

— Ну, какъ вы живете теперь?

Маленькая натурщица потушила взоры.

— Довольно хорошо. Благодарю васъ, мистеръ Даллисонъ.

— Я вчера заходилъ къ вамъ.

Она поглядѣла на него какимъ-то робкимъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

— Я позировала для миссъ Бойль,—сказала она.

— Такъ... У васъ, значить, есть теперь работа.

— Она уже кончилась.

— Вы, слѣдовательно, зарабатываете только два шиллинга въ день у мистера Стона?

Она кивнула головой.

У него сорвалось восклицаніе, и это какъ будто подбѣствовало на нее ободряющимъ образомъ. Она съ жаромъ заговорила:

— Три шиллинга и шесть пенсовъ я плачу за квартиру. Завтракъ обходится мнѣ около трехъ пенсовъ... только хлѣбъ съ масломъ,—это составляетъ пять шиллинговъ и два пенса. Стирка бѣлья не можетъ стоить меньше десяти пенсовъ, значить, все вмѣстѣ составитъ шесть шиллинговъ. На прошлой недѣлѣ я истратила одинъ шиллингъ на разныя мелочи, хотя я и не ѣздила въ омнибусахъ. Это составляетъ семь шиллинговъ, пять шиллинговъ остается мнѣ на обѣдъ. Мистеръ Стонъ всегда угощаетъ меня чаемъ. Но больше всего меня озабочиваетъ моя одежда.—Она спрятала ноги подальше подъ скамейку, чтобы Гилэри не видѣлъ ея башмаковъ. Онъ сдержался и не смотрѣлъ внизъ. Вдругъ она подняла голову и въ первый разъ взглянула ему прямо въ лицо.

— Я бы хотѣла быть богатой,—сказала она.

— Не удивляюсь,—замѣтилъ онъ.

Она крѣпко сжала зубы, такъ что они заскрипѣли и, вертя свои грязныя перчатки, проговорила:

— Знаете ли, мистеръ Даллисонъ, что я купила бы прежде всего, если бы была богата?

— Нѣтъ.

— Я бы купила для себя все новое, отъ головы до ногъ. И никогда бы больше не носила этихъ старыхъ вещей!..

Гилэри вскочилъ:

— Пойдемъ сейчасъ со мной и купите для себя все новое, съ ногъ до головы!—воскликнулъ онъ.

— О!..

Гилэри уже понялъ, что онъ сдѣлалъ ей неловкое и даже опасное предложеніе. Но онъ не зналъ, какъ теперь поступить. Другого выхода, какъ дать ей денегъ, у него не оставалось, а такой способъ оскорблялъ его чувство деликатности.

— Пойдемъ,—повторилъ онъ.

Маленькая натурщица послушно встала. Гилэри замѣтилъ, что ея башмаки были изорваны, и это больно кольнуло его. Онъ испыталъ такое чувство, какъ будто при немъ ударили ребенка. Всѣ его колебанія исчезли. Наоборотъ, ему даже было пріятно сознавать, что своимъ поступкомъ онъ наноситъ ударъ условнымъ понятіямъ общества.

Онъ взглянулъ на свою спутницу. Ея глаза были по-прежнему опущены, и трудно было угадать, о чемъ она думаетъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ поговорить съ вами!—сказалъ онъ.—Мнѣ не нравится мѣсто, гдѣ вы живете. Я думаю, было бы лучше, еслибы вы поселились въ другомъ мѣстѣ. Что вы на это скажете?

— Да, мистеръ Даллисонъ.

— Вамъ бы лучше переѣхать квартиру... Вы бы могли найти другую комнату, а?

Она по-прежнему отвѣчала:

— Да, мистеръ Даллисонъ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Хюггсъ человекъ опасный!

— Онъ—странный.

— Онъ не пристаётъ къ вамъ?

Выраженіе ея лица привело въ замѣшательство Гилэри. Она какъ будто забавлялась чѣмъ-то. Во взглядѣ ея мелькнуло лукавство.

— Я не обращаю на него вниманія. Онъ, конечно, не сдѣлаетъ мнѣ никакой непріятности... Какъ вы думаете, мистеръ Даллисонъ, зеленый или синій костюмъ?—спросила она.

— Сине-зеленый,—коротко отвѣчалъ Гилэри.

Она захлопала въ ладоши, подпрыгнула на мѣстѣ и затѣмъ пошла обычнымъ шагомъ.

— Послушайте,—снова обратился къ ней Гилэри. — Мистриссъ Хюггсъ говоритъ съ вами о своемъ мужѣ?

— Случается...—улыбнулась она.

Гилэри закусилъ губы.

— Мистеръ Даллисонъ, пожалуйста... Какъ насчетъ моей шляпы?—спросила она.

— Вашей шляпы?

— Ну, да. Какую вы хотите, чтобы я купила: большую или маленькую?

— Непременно маленькую!.. И безъ перьевъ.

— О!..

— Можете вы удѣлить мнѣ минутку вниманія?—сказалъ онъ.—Говорили ли съ вами Хюггсъ или его жена обо мнѣ и о томъ, что вы ходите ко мнѣ въ домъ?

Лицо маленькой патурицы оставалось по прежнему безучастнымъ, но по движенію ея рукъ Гилэри замѣтилъ, что его слова затронули ее.

— Я не обращаю вниманія на то, что они говорятъ,—отвѣчала она.

Гилэри отвернулся. Онъ чувствовалъ, что въ его душѣ закипаетъ раздраженіе.

— Конечно, если бы я была настоящая леди, то я бы обращала вниманіе на подобные разговоры, — неожиданно проговорила она.

— Никогда не говорите этого!—воскликнулъ Гилэри.— Каждая женщина—леди.

Но онъ тотчасъ же убѣдился по выраженію ея лица, какъ мало цѣны она придавала этимъ словамъ.

— Если бы я была леди,—возразила она просто,—то я бы не жила тамъ, гдѣ я живу.

— Нѣтъ,—согласился Гилэри.—И вамъ лучше не жить тамъ.

Она не отвѣчала. Гилэри не зналъ, что сказать ей. Онъ видѣлъ, что она смотритъ на положеніе совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели онъ, и онъ ее не понимаетъ. Онъ чувствовалъ, что въ жизни этой дѣвушки есть очень многое, чего онъ не знаетъ, и много такого, въ чемъ бы онъ не могъ принять участія.

На людныхъ улицахъ они оба обращали на себя вниманіе прохожихъ. Высокій и стройный Гилэри, въ мягкой фетровой шляпѣ, выглядѣлъ „настоящимъ джентльмэномъ“; его же спутница, хотя и была одѣта въ старенькомъ платьицѣ, но обладала такимъ личикомъ, что на нее невольно оглядывались не только мужчины, но и женщины. Мужчинамъ она казалась интересной, такъ какъ была не похожа на обычный типъ, встрѣчающійся на улицахъ Лондона. Женщины же видѣли въ ней ту, которая заставляетъ оглядываться мужчинъ. Впрочемъ, иногда во взглядѣ, брошенномъ на нее, сквозило также и состраданіе.

Возбуждая такимъ образомъ неопредѣленное любопытство прохожихъ, они дошли, наконецъ, до магазиновъ Розе и Торнъ.

Гилэри ясно сознавалъ опасность своей затѣи, когда они подошли къ первой изъ ста дверей громаднаго торговаго дома; казалось, было безуміемъ вести это дитя въ магазинъ, посѣщаемый его женой и знакомыми. Но онъ не зналъ дру-

того магазина, который бы предоставлялъ столько удобствъ. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ импульса и отлично сознавалъ, что стоитъ дать ему остыть, какъ онъ уже не въ состояніи будетъ ничего сдѣлать. Итакъ, лучше всего было дѣйствовать смѣло. Пройдя впередъ, въ угловую дверь, онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее. Глаза у нея блестѣли, щеки горѣли; она никогда еще не была такъ прелестна. Гилэри торопливо оглянулся. Маленькая натурщица съ пылающимъ личикомъ слегка тронула его за руку:

— Могу ли я купить больше одной смѣны бѣлья, мистеръ Даллисонъ?—спросила она.

— Три, три,—быстро проговорилъ Гилэри и, увидя, что они находятся на порогѣ бѣльевого отдѣленія, прибавилъ:— Купите и принесите мнѣ сюда счетъ.

Она ушла, а онъ остался ждать. Оставалось полтора часа до закрытія магазина. Молодые приказчики лѣниво двигались, скучая вслѣдствіе отсутствія своихъ обычныхъ покупателей. Двое изъ нихъ подошли къ Гилэри и спросили, чѣмъ они могутъ служить. Они были такъ утонченно любезны, что Гилэри былъ уже готовъ закупить множество ненужныхъ ему вещей, когда пришла маленькая натурщица.

— Это стоитъ тридцать шиллинговъ,—сказала она.—Самое дешевое тутъ стоитъ пять и одиннадцать шиллинговъ. И чулки. Я купила...

Гилэри поспѣшно досталъ деньги.

— Эта очень дорогая лавка,—замѣтила она.

Когда она уплатила въ кассѣ, то Гилэри взялъ изъ ея руки пакетъ, обернутый въ коричневую бумагу, и они пошли дальше. На лицѣ его застыло какое то холодно-насмѣшливое выраженіе, словно онъ не былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ, а только постороннимъ наблюдателемъ.

Въ башмачномъ отдѣленіи, на бархатномъ диванчикѣ посрединѣ, сидѣла дама въ изящной шляпкѣ, вытянувъ свою тонкую ногу въ шелковомъ чулкѣ, въ ожиданіи примѣрки ботинокъ. Она посмотрѣла съ нѣкоторымъ удивленіемъ на маленькую натурщицу и ея страннаго спутника. Ея удивленіе какъ будто дѣйствовало и на приказчицъ, такъ какъ никто изъ нихъ не подошелъ къ нимъ, и онѣ только искоса поглядывали на рваные башмаки дѣвушки. Это заставило Гилэри забыть о своей роли сторонняго наблюдателя, и онъ разсердился. Вынувъ часы, онъ подошелъ къ старшей приказчицѣ.

— Если никто не явится сейчасъ же, чтобы примѣрить ботинки этой молодой леди, то я принесу личную жалобу мистеру Торнъ.

Тотчасъ же одна изъ приказчицъ подошла къ маленькой

натурщицѣ; Гилэри видѣлъ, что она сняла съ нея башмакъ и, повинувась внутреннему побужденію, тотчасъ же встала между нею и нарядною дамой, чтобы ее не было видно. Однако тутъ его обычная деликатность настолько измѣнила ему, что онъ украдкой взглянулъ на ногу своей спутницы. Чувство физической неловкости охватило его, и сердце какъ то болѣзненно сжалось. Коричневый, грязноватый чулокъ былъ столько разъ заштопанъ, что чулочной ткани совсѣмъ уже не было видно, только одни штопки. Въ одномъ мѣстѣ штопка разлѣзлась, и видѣлась бѣлая кожа ноги. Большой палецъ высунулся, и маленькая натурщица неловко двигала имъ. Очевидно, она надѣялась, что нитки выдержатъ и палецъ не вылѣзетъ, и теперь въ смущеніи старалась закрыть его юбкой. Гилэри быстро отвернулся, и когда онъ снова взглянулъ, то уже не на нее, а на леди, примѣрившую ботинки.

Лицо этой леди внезапно измѣнилось. Прежнее нѣсколько изумленное и пренебрежительное выраженіе исчезло, и она приняла обиженный видъ, какъ будто хотѣла сказать: „развѣ это допустимо приводить подобную дѣвушку сюда? Моя нога здѣсь больше не будетъ!“ Но выраженіе ея лица въ сущности было лишь внѣшнимъ проявленіемъ того же самаго чувства внутренней физической неловкости, которое испыталъ Гилэри, глядя на чулки маленькой натурщицы. Само собою разумѣется, что его раздраженіе нисколько не уменьшилось оттого, что онъ увидалъ отраженіе того же самаго чувства и на лицахъ приказчицъ.

Онъ подошелъ къ маленькой натурщицѣ и сѣлъ возлѣ и нея.

— Впору вамъ эти ботинки?—спросилъ онъ.—Попробуйте походить.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и сказала:

— Они жмутъ.

— Попробуйте другую пару,—посоветовалъ Гелэри.

Леди, сидѣвшая на красномъ диванѣ, надменно поднявъ голову и слегка раздувая ноздри, медленно встала и вышла, оставивъ послѣ себя легкій аромать фіалокъ.

Новая пара ботинокъ больше не жала ногъ, и поэтому была взята. Маленькая натурщица уже купила для себя все, что ей было нужно; приданое ея было готово, за исключеніемъ платья, которое тоже было выбрано ею, и Гилэри уплатилъ за него, но ей еще нужно было примѣрить его. Она сказала Гилэри, что придетъ примѣрять завтра, когда... когда... Онъ понялъ, что она хотѣла придти только тогда, когда надѣнетъ новое бѣлье. Она несла въ рукахъ большой

пакетъ и два маленькихъ, и въ глазахъ ея свѣтилось счастье.

Когда они вышли изъ дверей магазина, она остановилась и посмотрѣла ему въ лицо.

— Что жъ, вы счастливы теперь? — спросилъ Гилэри.

Онъ видѣлъ передъ собой ея блестящія, влажные глаза и полукрѣпыя, дрожавшія губы.

— Прощайте, — сказалъ онъ отрывисто и повернулъ назадъ. Однако, отойдя нѣсколько шаговъ, онъ все-таки оглянулся и увидѣлъ, что она стоитъ неподвижно со своими пакетами въ рукахъ и смотритъ ему вслѣдъ... Гилэри приподнял шляпу и быстро пошелъ вдоль Гай-Стритъ, домой.

— Добрый вечеръ, сэръ! Недурная погодка для этого времени года!.. О, да! Вестминстерскую газету, сэръ?

Старый продавецъ газеты, завидѣвъ Гилэри, тотчасъ же протянулъ ему номеръ.

— Ого! — думалъ старикъ, глядя ему вслѣдъ. — Онъ дальнѣе полкромъ! Какой у него бодрый видъ! Мнѣ пріятно на него смотрѣть. Советъ еще молодой человѣкъ!..

Онъ еще разъ вынулъ монету и началъ ее разсматривать, чтобы убѣдиться, что она настоящая.

Солнце, медленно спускаясь къ закату, золотило своими лучами шпицы колоколенъ и крыши домовъ, и все внизу и кругомъ, люди и животныя, точно утопало въ золотистомъ туманѣ, искрилось и сверкало...

IX.

Весенніе цвѣты.

Нагруженная свертками, маленькая натурщица продолжала свой путь въ Собачью улицу одна. У дверей дома, гдѣ она жила, стоялъ высокій юноша, съ бѣлымъ лицомъ, сынъ параличной женщины. Онъ курилъ папиросу и, слегка прищуривъ одинъ глазъ, обратился къ маленькой натурщицѣ:

— Здравствуйте, миссъ. Дайте, я донесу ваши пакеты.

Маленькая натурщица бросила на него взглядъ, означавшій: „прошу васъ не мѣшаться не въ свое дѣло!“ Тѣмъ не менѣе, въ ея манерѣ держаться было что то такое, что совершенно уничтожало значеніе этого безмолвнаго выговора.

Войдя въ свою комнату, она положила на кровать свои свертки и стала быстро развязывать ихъ покраснѣвшими пальцами. Освободивъ отъ бумаги всѣ принадлежности женскаго одѣянія, она разложила ихъ и, ставъ на колѣни, стала

любоваться ими, ощущивать и нѣсколько разъ припадала лицомъ къ ткани, вдыхая запахъ свѣжаго полотна. Она разглаживала рукой складки, образовавшіяся тамъ и сямъ, и ея лицо выражало блаженство. Наконецъ, поднявшись съ колыбель, она заперла дверь на засовъ, спустила штору и, раздѣвшись съ головы до ногъ, надѣла новое бѣлье. Распустивъ волосы, она съ наслажденіемъ повертывалась во всѣ стороны передъ крошечнымъ зеркальцемъ. Въ каждомъ ея движеніи выражалось удовольствіе, которое ей доставляло такое занятіе. Ея изголодавшаяся душа какъ будто теперь получила возможность насытиться. Въ этомъ восторженномъ созерцаніи себя вылилось все дѣтское тщеславіе ея натуры, всѣ упованія и удивительная способность такихъ простыхъ, безыскусственныхъ дѣтей природы всецѣло наслаждаться настоящимъ. Неподвижная, съ распущенными волосами, она наслаждалась чувствомъ бытія, напоминая весеннее видѣніе.

Вдругъ, точно вспомнивъ, что ея блаженство еще не полное, она отодвинула ящикъ комода и, вынувъ оттуда пакетики съ конфетами, взяла одну въ ротъ.

Лучъ солнца, проникшій черезъ дыру въ шторѣ, упалъ на ея шею. Она быстро обернулась, точно получила пощелухъ и, подойдя къ окну, приподняла уголокъ шторы. Грушевое дерево, которое, къ неудовольствію своего владѣльца, выросло слишкомъ близко къ дому, населенному жильцами низшихъ классовъ, и точно принадлежало имъ, было залито сверкающимъ солнечнымъ свѣтомъ. Ни одно дерево на свѣтѣ не могло бы выглядѣть красивѣе въ своемъ весеннемъ убранствѣ, усыпанное позлащенными солнцемъ цвѣтами. Маленькая натурщица, продолжая сосать конфетку, уставилась глазами въ дерево. Но выраженіе ея лица не измѣнилось и никакого особеннаго восторга на немъ не было замѣтно. Ея взоръ обратился къ окнамъ противоположнаго дома, къ которому собственно и принадлежало грушевое дерево. Она высматривала, не можетъ ли кто нибудь увидѣть ее и, быть можетъ, желая въ глубинѣ души, что бы „кто нибудь“ увидѣлъ теперь ее въ такомъ обновленномъ и украшенномъ видѣ, тѣмъ не менѣе, опустила штору, отошла назадъ къ зеркалу и принялась закалывать волосы. Покончивъ съ прической, она довольно долго стояла передъ своею старенькою юбкой и блузкой, точно колеблясь надѣть ихъ чтобы не загрязнить своего новаго нижняго одѣянія. Но въ концѣ концовъ, она должна была рѣшиться. Одѣвшись, она подняла штору. Солнце уже болѣе не заливало своими золотистыми лучами грушеваго дорева, и цвѣты его были теперь бѣлоснѣжными. Маленькая натурщица положила въ ротъ другую конфетку и затѣмъ достала изъ кармана старый кожан-

ный кошелекъ. Сосчитавъ деньги, она тяжело вздохнула, убѣдившись, что ихъ у нея немного. Положивъ кошелекъ обратно въ карманъ, она вытащила изъ ящика комода старый иллюстрированный журналъ.

Она сѣла на кровать и начала быстро перелистывать журналъ, но, дойдя до извѣстной страницы, остановилась. Ея глаза были устремлены на одно изъ фотографическихъ изображеній писателей, какія часто помѣщаются въ періодической печати. Подъ нимъ была подпись: „Мистеръ Гилэри Даллисонъ“.

Маленькая натурщица глубоко вздохнула. Въ комнатѣ становилось темнѣе. Вѣтерокъ, подувшій съ закатомъ солнца, сорвалъ нѣсколько бѣлоснѣжныхъ лепестковъ грушеваго дерева и швырнулъ ихъ въ окно дѣвушки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лавровъ, человекъ и мыслитель.

(Къ десятилѣтію его смерти).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ восьмидесячная толпа рабочихъ, социалистовъ и эмигрантовъ всего міра проводила, при торжественныхъ звукахъ «Интернаціонала», прахъ П. Л. Лаврова на Монпарнаское кладбище города Парижа. Въ эти десять лѣтъ не мало утекло воды, не мало произошло и слезъ, и крови... и грязи. Въ первую и большую половину этого десятилѣтія, когда русское освободительное движеніе шло по восходящей вѣтви parabолы, сожалѣніе идейныхъ друзей Лаврова о томъ, что умеръ этотъ удивительно крупный и благородный человекъ, обращалось больше на него. Ему не удалось дожить до тѣхъ незабвенныхъ дней свободы, когда впервые старый этнически, но юный политически народъ былъ охваченъ трепетомъ общественнаго энтузіазма и въ воскресавшихъ и выходившихъ изъ каменныхъ гробовъ Лазаряхъ великой исторической борьбы приветствовалъ свое собственное воскресеніе, весну новой гражданственности и начало, казалось, наконецъ-то устанавливавшагося демократическаго строя. Какъ бы встрѣтила молодая Россія въ эти дни Лаврова, вся жизнь котораго была гармоническимъ сочетаніемъ энергіи мысли и силы воли и который въ самыя мрачныя эпохи общественной реакціи не усталъ говорить намъ, его ученикамъ: «вѣрьте, что ни одно усиліе сознательныхъ людей не теряется, что ничто не пропадаетъ въ мірѣ даромъ! Идите же и дѣлайте свое дѣло, дѣлайте неустанно!..»

Наступила вторая пора десятилѣтія, когда волны общественнаго энтузіазма пошли на убыль. Въ эти моменты общаго унынія, растерянности, разочарованія наше сожалѣніе о томъ, что Лавровъ умеръ, обращается уже на насъ самихъ. Какъ чувствуется въ эти тяжелые дни отсутствіе человека, котораго никогда не могъ сломить никакой напоръ темныхъ силъ! Въ такіе моменты считаешь своимъ, нравственнымъ долгомъ поставить передъ читателями на рѣдкость, крупную фигуру человека и мыслителя. Я укажу на нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ изъ біографіи Лаврова, которыми опредѣлялось его развитіе. А затѣмъ остановлюсь на существенныхъ пунктахъ

тахъ его міровоззрѣнія, о которомъ много говорятъ, съ которыми даже полемизируютъ, но котораго путемъ не знаютъ.

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2 іюня 1823 года, въ селѣ Мелеховѣ, Великолукскаго уѣзда, Псковской губ. Отцомъ его былъ состоятельный помѣщикъ, полковникъ въ отставкѣ, матерью—обрусѣвшая шведка, Елизавета Карловна Гавдинъ. Лавръ Степановичъ — таково было имя отца Лаврова—былъ человѣкъ, несомнѣнно, яркій, но самодуръ. Приведу два-три факта, чтобы описать его. Бравый полковникъ, который считалъ себя самодержцемъ своего благоустроеннаго имѣнія, отцомъ своихъ домохозяевъ, челяди и крѣпостныхъ, опекалъ своихъ подчиненныхъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Такъ, онъ лѣчилъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ по системѣ знаменитаго въ то время доктора Гюфеланда. Но истолковывалъ эту систему довольно своеобразно, полагая, что главное средство лѣченія заключалось въ принятіи лѣкарствъ «лаксативнаго и эвакуирующаго характера». И эти средства были различнаго рода: такія, какія должны были даваться ежедневно, и такія, которыя должны были вводиться въ организмъ лишь ежедневно, ежемѣсячно и одинъ разъ въ году. Можете представить себѣ настроеніе домохозяевъ, челяди и дворовыхъ, когда загоралась заря того великаго дня очищенія, въ которой теченіе свѣтилъ небесныхъ опредѣляло совпаденіе этихъ различныхъ сроковъ, и «эвакуирующія» средства предлагались въ четвероякомъ видѣ. Но этотъ депотизмъ принималъ не только комическія, а и трагическія формы. Такъ Лавръ Степановичъ былъ причиною того, что его старшая дочь, дѣвушка образованная и гуманная, осталась старой дѣвой: онъ никакъ не могъ согласиться на то, чтобы разстаться съ ней. Этотъ крупный, яркій, и не безъ дарованія самодуръ имѣлъ довольно развитые вкусы и былъ человѣкомъ для того времени образованнымъ. На немъ отражалась та общая успѣдательность мысли, которая характеризовала людей тогдашней средней интеллигенціи. Напр., съ одной стороны, Лавръ Степановичъ былъ монархистомъ и вѣрнымъ сыномъ православной церкви, а съ другой—держалъ въ своей довольно обширной библіотекѣ знаменитую Энциклопедію Дидро и д'Аламбера.

Подавляющее дѣйствіе самодура, къ счастью, нейтрализовалось умягчающимъ вліяніемъ его жены. Елизавета Карловна была высокой, величавой, по внѣшности суровой, но очень доброй и мягкой женщиной. Ея образованіе было по тогдашнему не изъ заурядныхъ. Дѣтство Петра Лавровича протекало такимъ образомъ подь перекрещивающимся вліяніемъ отца и матери. Петръ Лавровичъ не помнитъ, когда выучился читать. Во всякомъ случаѣ, очень рано, гдѣ 4—5. И выучился одновременно по-русски и по-французски, а нѣсколько позже и по-нѣмецки. Читалъ онъ во французскомъ подлинникѣ поэму Флоріана «Нума Помпилій», читалъ по-нѣмецки

«Волшебное Кольцо» Ламотта-Фука. Наконецъ, для своихъ родителей вечерами онъ читалъ вслухъ произведенія Бомаршэ, и любопытно какія. То не были ни «Севильскій Цирюльникъ», ни гениальная «Свадьба Фигаро», шутовскія погрешки которой были въ сущности похороннымъ звономъ надъ старымъ режимомъ, а драма «Евгенія», въ которой Бомаршэ изобразилъ горестныя приключенія своей собственной сестры. Книжный характеръ воспитанія Петра Лавровича сказывался и на тѣхъ функціяхъ, которыя должна была исполнять при немъ няня. Извѣстно, что у всѣхъ культурныхъ людей того времени няни подправляли своимъ русскимъ колоритомъ экзотическій характеръ воспитанія. У Пушкина была Арина Родіоновна. Была такая Арина Родіоновна и у Лаврова. Но ея занятіемъ было не рассказывать молодому барчуку сказки и преданія народной старины, а вертѣть тяжелый фоліантъ нѣмецкой исторической хроники съ гравюрами и показывать ребенку рисунки. Эти рисунки были объяснены разъ на всегда отцомъ и матерью Лаврова, который прекрасно вспоминалъ ихъ подписи. Выходили курьезы. Петръ Лавровичъ не терпѣливо кричитъ: «няня, няня, пожалуйста, поскорѣ покажи мнѣ битву Гораціевъ съ Куріаціями». — На, на, батюшка, вотъ тебѣ твои Горачіе и Курячіе.

Тепличная обстановка, въ которой росъ Лавровъ, рѣзко отражалась на всемъ строѣ жизни. Вы помните картину, гениально набросанную Гончаровымъ въ его «Обломовѣ», какъ прислуга цѣлый день бѣгаетъ за барчукомъ и слѣдитъ, чтобы съ нимъ не приключилось чего-нибудь страшнаго: чтобы онъ не попался на глаза сердитому козлу, не покинулъ садъ, не направился къ оврагу. Былъ такой садъ и у Лавровыхъ. И ребенку было строго запрещено переступать ограду этого убѣжища. Садъ растворялся лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, надо было барчуку купаться въ близлежащей рѣкѣ. Но и эта операція совершалась не на обыкновенный плебейскій образецъ, а тоже по барски. Мальчикъ приносился на берегъ рѣки въ сопровожденіи значительной свиты. Торжественно ставилась на берегъ тщательно отчищенная ванна. Въ ванну наливалась вода. Въ воду бережно сажался молодой Петръ Лавровичъ.

Ребенокъ шалить особенно не любилъ. Большая разница въ возрастѣ между нимъ и старшими дѣтьми — отъ сестры его отдѣлялъ промежутокъ въ 11-ть лѣтъ, а отъ старшаго брата — въ 6, дѣлала то, что у него не было сверстниковъ для игръ. Страшно работала голова у романтическаго мальчика, но эти волненія души переживались имъ въ одиночку. Лавровъ съ довольно раннихъ лѣтъ обнаруживалъ склонность къ серьезной и даже отвлеченной мысли. Неудивительно, что онъ прочиталъ историка Роллена, пытавшагося подражать Плутарху и Титу Ливію. Уже болѣе удивительно, что онъ осилилъ и Кретье, этого скучнаго и безталаннаго продолжателя Роллена. Лѣтъ въ 10-ть маленькій Лавровъ

со страстью рѣшалъ и перерѣшилъ всѣ задачи, находившіяся въ толстомъ арифметическомъ учебникѣ. Былъ у него и учитель русскаго языка, нѣкто Слободчиковъ. Но этотъ педагогъ скоро увидѣлъ, что ему нечего дѣлать съ быстро развивавшимся ребенкомъ, и самъ ушелъ. За то въ семьѣ Лаврова, какъ и полагалось, былъ французскій гувернеръ, нѣкто Бержэ, кажется, швейцарецъ родомъ. И опять-таки, какъ полагалось по штату французскимъ гувернерамъ этой эпохи, онъ являлся проповѣдникомъ идей свободы, гуманности и общечеловѣческой красоты. Мнѣ нерѣдко приходилось слышать изъ устъ уже престарѣлаго Лаврова выученные имъ наизусть въ дѣтствѣ различныя поэтическія произведенія: «Шеню о Колоколѣ» Шиллера, — конечно, по-нѣмецки; монологъ Заира изъ извѣстной трагедіи Вольтера, или бонапартистское произведеніе «*Lui, toujours lui*» молодого генія Виктора Гюго, — конечно, по-французски. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, правильно преподававшихся Лаврову, онъ рано усвоилъ элементы и англійскаго языка, присутствуя на урокахъ, дававшихся его старшему брату.

Мы говорили раньше о томъ воспитаніи «въ хлопотѣхъ», которое выпало на долю Петра Лавровича. Онъ росъ среди своихъ хилымъ, слабымъ, слезливымъ, но впечатлительнымъ и умнымъ не по лѣтамъ ребенкомъ. Трудно пришлось ему, когда его отецъ, слѣдуя рутинѣ своей среды, отвезъ сына въ 1837 г. въ Артиллерійское Михайловское Училище. Тринадцатилѣтній Лавровъ былъ съ самаго же начала прозванъ сотоварищами «дѣвчонкой». И жестоко доставалось ему отъ буйныхъ артиллеристовъ, которые издѣвательствами и толчками доводили чувствительнаго Лаврова до отчаянія! Однако, эти самыя столкновенія съ шумной ватагой, физическія упражненія, гимнастика, фехтовка скоро дали возможность развиваться Лаврову. И его отъ природы сильный организмъ, долго задерживаемый въ своемъ развитіи оранжерейными условіями дѣтства, взялъ свое. Черезъ два года по вступленіи въ училище Лавровъ сталъ уже высокимъ, сильнымъ юношей, который ростомъ уступалъ только «правофланговому», что въ переводѣ на штатскій языкъ обозначало, что онъ былъ вторымъ по росту во всемъ училищѣ. Стоицизмъ, который являлся отличительною чертою Лаврова, тоже отчасти велъ свое происхожденіе отъ временъ училища. Тамъ онъ привыкъ бѣть ежедневно щи и кашу, получать и отдавать толчки товарищамъ, испытывать разныя лишенія лагерной жизни. Съ своей стороны онъ оказывалъ сильное умственное воздѣйствіе на своихъ товарищей изъ наиболѣе способныхъ, между которыми составилъ кружокъ саморазвитія, гдѣ выдающуюся роль игралъ самъ Петръ Лавровичъ.

Въ философскомъ отношеніи этотъ кружокъ держался французскаго электизма и зачитывался якобы философскими, а на самомъ дѣлѣ риторическими произведеніями Виктора Кузэна на тему о вѣчной истинѣ, вѣчномъ добрѣ и вѣчной красотѣ. Въ

политическомъ отношеніи Петръ Лавровъ и его друзья стояли на общей свободолюбивой точкѣ зрѣнія во вкусѣ умѣренно-либеральной оппозиціи тогдашней Европы. Замѣтите, что социализмъ, который исповѣдовался въ кружкѣ Герцена, Огарева и друзей, былъ раздавленъ въ 1834 г. и не могъ еще возродиться къ тому времени. И если Герценъ въ началѣ 30-хъ годовъ рѣзко разрывалъ съ европейскимъ либерализмомъ, представителемъ котораго былъ въ Россіи Полевой, то на десять лѣтъ болѣе юный Лавровъ и его товарищи не шли дальше идеаловъ умѣренныхъ либераловъ Запада, восторгаясь Минье и Тьеромъ. Однако, нѣкоторые понятія о социализмѣ и социальныхъ ученіяхъ они, несомнѣнно, имѣли.

Любопытенъ, между прочимъ, рассказъ Лаврова о томъ, какъ ему удалось познакомиться съ доктриною Фурье. По выпускѣ изъ училища Петръ Лавровичъ, пріѣхавшій на побывку къ отцу, получилъ отъ послѣдняго приглашеніе, лучше сказать приказаніе просмотрѣть какую-то странную книгу и дать о ней ему, старому полковнику, точный отзывъ. Дѣло въ томъ, что Лавръ Степановичъ какъ-то приобрѣлъ французское сочиненіе, носившее заглавіе «Трактатъ о земледѣльской и домашней ассоціаціи», и въ ней нашелъ заглавіе автора относительно того, что всякій, прочитавшій трактатъ, можетъ утроить продукты земледѣлія. Но для этого надо было построить нѣкую удивительную вещь, называвшуюся фаланстеромъ, и дать просторъ человѣческимъ страстямъ. Бравый помѣщикъ никакъ не могъ примѣнить странныхъ совѣтовъ страннаго писателя къ утроенію дохода родного Мелехова. И вотъ сынъ долженъ былъ составить реляцію о смыслѣ книги. Надо ли вамъ говорить, что этотъ удивительный трактатъ былъ первымъ изданіемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Фурье, получившаго въслѣдствіи отъ учениковъ мыслителя названіе «Теоріи всеобщаго единства»? *) Познакомился также Лавровъ, хотя нѣсколько позже, и съ католическимъ социализмомъ школы Бюшэ по сочиненіямъ извѣстнаго въ то время Отта. Читалъ онъ произведенія и Сэнъ-Симона и Прудона. Но главное вниманіе въ этихъ шедеврахъ тогдашней социалистической литературы онъ удѣлялъ не экономическому и социальному элементу, а моральному.

Отмѣчу еще одну особенность Лаврова. Онъ съ очень юнаго возраста любилъ писать стихи, много упражнялся въ этомъ дѣлѣ и считалъ себя драматургомъ еще до поступленія въ училище, а изъ училища посылалъ свои поэтическія творенія въ нѣкоторые журналы. Одно изъ нихъ было даже помѣщено, въ 1840 г., барономъ Брамбеусомъ въ «Библіотекѣ для чтенія». Лавровъ, впрочемъ, почувствовалъ довольно рано, что если у него есть мысли и нѣ-

*) «Traité de l'association domestique-agricole;» Парижъ-Лондонъ, 1822, два тома (перепечатано въ «Oeuvres complètes» подъ заглавіемъ «Théorie de l'unité universelle»).

которая умѣлость формы, то ему не достаетъ истиннаго поэтическаго вдохновенія и рельефности образовъ. Недаромъ впоследствии Некрасовъ говорилъ о ходившихъ по рукамъ вольнолюбивыхъ стихотвореніяхъ Лаврова, что они напоминаютъ ему скорѣе передовицы, чѣмъ настоящіе плоды музы. Впрочемъ, «Марсельеза», написанная Лавровымъ во «Впередѣ» анонимно, осталась до сихъ поръ очень популярнымъ стихотвореніемъ и много гдѣлась нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Черезъ пять лѣтъ по поступленіи въ училище, въ 1842 г., значить когда ему было 19 лѣтъ, Лавровъ окончилъ курсъ и былъ произведенъ въ офицеры, а два года спустя—въ 1844 году—былъ назначенъ преподавателемъ математики въ томъ училищѣ, откуда вышелъ, а позже и въ Артиллерійской Академіи (и др. военныхъ заведеніяхъ). Последнее мѣсто досталось Лаврову по рекомендаціи знаменитаго русскаго математика Остроградскаго, который полагалъ, что не можетъ назначить лучшаго преемника по себѣ, какъ Лавровъ. Женился Петръ Лавровичъ рано, въ 1847 году, значить, когда ему только что исполнилось 24 года, а нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти отца и брата, обосновался полнымъ хозяиномъ. Бракъ Лаврова былъ счастливымъ. Его жена, Антонина Христіановна, урожденная Кангеръ, изъ нѣмецкаго обрусѣлаго рода, была женщиною сердечною, деликатною, образованною, хотя и не занимавшаяся политикою. Да и трудно было кому бы то ни было заниматься политикою въ это время. То были годы жесточайшей николаевской реакціи, когда она превосходила самое себя въ свирѣпыхъ стремленіяхъ вырвать съ корнемъ живые ростки русскої мысли. Именно въ эту тяжелую пору Петръ Лавровичъ, отчаявшійся въ возможности скорого исхода, поддерживался своей молодой и милой женой. Она увѣряла его въ томъ, что не всегда будетъ такъ, что наступятъ лучшія времена, когда ему можно будетъ приносить пользу обществу, о чемъ онъ такъ мечталъ.

И она была права. Настали дни Крымской войны. Пораженіе за пораженіемъ ударило, словно могучій таранъ, въ стѣны всероссійской тюрьмы, въ которую Николай I превратилъ имперію. Со смертію Николая рухнула вѣра старорусскихъ людей въ могущество прежняго режима. На престолъ вступалъ молодой монархъ, съ именемъ котораго въ обществѣ соединялось представленіе о чемъ-то необыкновенно гуманномъ и возвышенномъ. Какъ ни какъ, но всѣ зашевелились. Общественная мысль стала работать усиленно. Впрочемъ, еще въ послѣдніе годы царствованія Николая I стали большимъ успѣхомъ пользоваться переходившія изъ рукъ въ руки нелегальныя стихотворенія Лаврова. Одно изъ нихъ «Русскому Народу» было даже напечатано Герценомъ. Въ немъ поэтъ-гражданинъ звалъ грознаго императора на «божій судъ», на «судъ исторіи и народа». Но отъ стихотвореній Петръ Лавровичъ скоро перешелъ къ прозѣ, которая и была его настоящей силой.

Въ противоположность большинству передовыхъ русскихъ писателей, которые чуть ли не дѣтми выступали на поприще литературной дѣятельности, Лавровъ сталъ писателемъ въ возрастѣ 34 лѣтъ. Уже въ это время его эрудиція была поистинѣ изумительной. Не говорю о его специальности, физико-математическихъ наукахъ. Но онъ зналъ, какъ специалистъ, и естественныя науки въ широкомъ смыслѣ этого слова, и логику, и психологію, и философію, и исторію религій. Рано покончивъ съ увлеченіемъ французскими эклектиками, онъ перешелъ къ штудированію нѣмецкой философіи, а именно какъ знаменитыхъ корифеевъ идеализма, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, такъ и молодыхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, между которыми Арнольдъ Руге и Фейербахъ оказали самое сильное вліяніе на Лаврова. Я минуя первыя статьи и замѣтки Петра Лавровича, имѣвшія педагогическій и специально-воспитательный характеръ. Первымъ его произведеніемъ въ области общей литературы была статья «Гегелизмъ», за которою послѣдовала, въ видѣ продолженія, «Практическая философія Гегеля». Эти этюды были напечатаны въ «Библіотекѣ для чтенія», издававшейся Дружининимъ, который съ самаго начала тепло отнесся къ молодому литератору. А изъ «Библіотеки» Лавровъ скоро перешелъ въ «Отечественныя Записки», выходившія подъ редакціей Краевского и Дудышкина, а также въ «Русское Слово», гдѣ въ то время уже появлялись первыя пробы блестящаго пера Писарева.

Мы знаемъ, что сотрудничество Петра Лавровича въ этихъ умѣренно-либеральныхъ органахъ тогдашней прогрессивной мысли, встрѣчало рѣзкую оцѣнку со стороны радикаловъ и социалистовъ той эпохи. Но тутъ было довольно большое недоразумѣніе. Прежде всего, Лавровъ началъ писать въ этихъ умѣренныхъ органахъ болѣе или менѣе случайно, такъ какъ мѣста въ радикальной журналистикѣ были уже заняты Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и ихъ ближайшими друзьями и сподвижниками. Надо принять во вниманіе еще другое обстоятельство. Тогда Россія справляла либеральныя именины сердца, праздникъ души. То была пора хорошихъ чувствъ и хорошихъ людей, которые и сами не могли путемъ ориентироваться въ области идей и имѣли общимъ багажемъ лишь свободолобивые отвѣты на нѣкоторые назрѣвшіе тогда вопросы: напр., освобожденіе крестьянъ, судебную реформу, облегченіе цензуры, отмену тѣлесныхъ наказаній. Что касается до другихъ болѣе широкихъ задачъ, то въ этомъ отношеніи прогрессивный лагерь еще не подвергся въ концѣ 50-хъ годовъ достаточной разслоянкѣ. Тогда возможны были еще совѣщанія Чернышевскаго и Каткова.

Наконецъ, извѣстная постепенность въ развитіи идей Лаврова, позволявшая ему лѣзть лишь мало-по-малу, коренилась въ самомъ типѣ мыслителя. Лавровъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ импульсивныхъ, хотя порою и очень крупныхъ людей, которые способны

подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ въ одинъ прекрасный день низвергнуть старыхъ идейныхъ боговъ и замѣнить ихъ совершенно новыми. Человѣкъ строгой послѣдовательной мысли, Лавровъ могъ критически перерабатывать элементы новаго порядка, лишь оставаясь на почвѣ сложившагося у него міропониманія. Все хотѣла объяснить и все хотѣла обнять въ одной системѣ его обобщающая мысль. И каковы бы ни были различія между сталкивающимися идейными теченіями, Петръ Лавровичъ умѣлъ находить въ нихъ нѣчто общее дѣйное, что двигалось имъ въ систему ранѣе сформировавшихся взглядовъ. Ему порою приходилось существеннымъ образомъ измѣнять нѣкоторые элементы своего міровоззрѣнія. Но никогда онъ не отбрасывалъ совершенно тѣхъ основныхъ принциповъ, какіе легли въ основаніе этого міровоззрѣнія въ ту пору, когда оно слагалось. При этомъ рѣдкая сила критики и рѣдкая безпристрастность мысли помогали ему находить слабыя и сильныя стороны разсматривавшихся имъ ученій. А самъ онъ оставался господиномъ своей мысли, скептически относясь къ преувеличеніямъ борющихся идейныхъ направленій.

Возьмите, напримѣръ, обвиненіе тогдашними радикалами Лаврова въ томъ, что онъ идетъ съ реакціонерами въ области метафизики противъ матеріализма, бывшаго тогда въ Россіи знаменемъ раскрѣпощенія въ области соціальной, политической и личной жизни. Что говорятъ факты? Петръ Лавровичъ, прежде всего, придаетъ очень большое значеніе матеріализму, какъ такому міровоззрѣнію, которое является «отличнымъ орудіемъ въ борьбѣ противу всѣхъ существующихъ предразсудковъ и господствующихъ идеаловъ». Онъ цѣнитъ въ матеріализмѣ то, что это ученіе «привлекаетъ симпатіи большинства живого современнаго поколѣнія» *). Но Лавровъ считаетъ матеріализмъ такимъ же метафизическимъ построеніемъ, какъ и идеализмъ, и настаиваетъ на своемъ правѣ быть скептикомъ въ метафизикѣ. Многое изъ того, что Лавровъ говоритъ о метафизичности матеріализма, было повторено позже и позитивистами, и различными направленіями философскаго критицизма. Во второй части нашей статьи, кога мы будемъ знакомить читателей съ основными пунктами міровоззрѣнія Лаврова, мы войдемъ въ кой-какія подробности по этому поводу. А теперь ограничимся сказаннымъ, подчеркивая то обстоятельство, что Лавровъ быстро испыталъ на себѣ результаты столкновенія русской реакціи и русскаго прогресса и чуть ли не съ самаго начала 60-хъ годовъ сталъ двигаться все рѣшительнѣе влѣво.

А. Н. Энгельгардтъ ввелъ его въ началѣ 1862 г. въ общество «Земля и Воля», въ которомъ Лавровъ, правда, не принималъ дѣятельнаго участія, но взгляды и задачи котораго онъ, въ общемъ,

*) См. статью „Мои критикамъ“ въ № 6 „Русскаго Слова“ за 1861 г., стр. 50.

раздѣлялъ. Въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія Чернышевскаго на свободѣ, Лавровъ довольно хорошо познакомился съ тогдашнимъ вожакомъ социалистической интеллигенціи и даже былъ одинъ разъ приглашенъ Николаемъ Гавриловичемъ быть его секундантомъ на одной изъ входившихъ тогда въ моду словесныхъ дуелей. Когда наступило польское возстаніе, всѣ симпатіи Петра Лавровича шли въ сторону великой и скорбно-героической страны, которая въ своей борьбѣ противъ официальной Россіи платилась за то вѣковое насилие и гнетъ, бремена котораго она возложила на свои низшіе земледѣльческіе классы. И вотъ какъ разъ въ эту самую пору реакціонеръ Щербальскій, бывший близкимъ родственникомъ Лаврова, писалъ къ нему письмо, обращаясь на ты: «Опомнись! Куда идешь, Петръ? Къ врагамъ отечества!»

Три года спустя Петръ Лавровичъ на самомъ себѣ испыталъ тяжесть той ледяной руки реакціи, давленіе которой останавливало бѣненіе сердца всей мыслящей Россіи. Послѣ заграничной поѣздки съ женою (которая умерла въ 1865 г.), Лавровъ находился въ Петербургѣ, поглощенный преподавательской и учено-литературной дѣятельностью, когда раздался Каракозовскій выстрѣлъ. Изъ мемуаровъ современниковъ, и при томъ людей рѣзко опредѣленнаго рода убѣжденій и не робкаго десятка (см., напр., автобіографію И. А. Худякова) можно видѣть, въ какой степени покушеніе 4 апрѣля 1866 г. взбаломутило поверхность русской общественной и политической жизни. Не говоримъ уже о доносахъ, авторы которыхъ не щадили ни родныхъ, ни знакомыхъ. Но и у лучшихъ представителей интеллигенціи бывали такіа проявленія робости духа, какихъ отъ нихъ нельзя было бы предполагать въ болѣе мирное время. Всѣ знаютъ стихотвореніе «Не громка моя лира», которымъ Некрасовъ мнилъ задобрить власть имущихъ. Всѣмъ извѣстенъ также маленький спичъ, съ какимъ тотъ же Некрасовъ обратился въ Англійскомъ клубѣ къ Михаилу Муравьеву...

Лавровъ былъ арестованъ три недѣли спустя послѣ покушенія, а именно 25 апрѣля, и оставался въ тюрьмѣ до осени. Преданный военному суду, Петръ Лавровичъ былъ признанъ виновнымъ въ сочиненіи стихотвореній, «выразившихъ неуваженіе» къ Николаю I и Александру II; въ «сочувствіи и близости къ лицамъ преступнаго направленія»: Чернышевскому и Михайлову; и, наконецъ, въ проведеніи «вредныхъ идей» путемъ печати и т. п. Приговоръ военно-судебной комиссіи былъ измѣненъ къ худшему генераль-аудиторіатомъ и въ этомъ худшемъ видѣ утвержденъ императоромъ. Въ то время, какъ военный судъ приговаривалъ Петра Лавровича лишь къ аресту, и аресту кратковременному, окончательная резолюція гласила: «Уволнить полковника Лаврова со службы и сослать на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній подъ надзоръ полиціи». Со свойственнымъ нашимъ географамъ изъ администраціи остроуміемъ, такой губерніей была признана Воло-

годская, въ то время еще не связанная рельсами съ Петербургомъ. Такимъ образомъ, послѣ девятимѣсячнаго пребыванія въ Петропавловкѣ, Лавровъ былъ водворенъ на житье въ городѣ Тотмѣ, куда онъ прибылъ 15 февраля 1867 г. Сонный, вялый городишко, въ которомъ въ то время не было и трехъ съ половиною тысячъ, сдѣлался мѣстомъ жительства для человека, враждавагося въ самыхъ интеллигентныхъ слояхъ столицы и привыкшаго работать въ культурномъ центрѣ, подобнаго какому не было въ Россіи. Но Лавровъ со свойственнымъ ему стоицизмомъ переносилъ эти неудобства и продолжалъ усиленно работать какъ надъ дальнѣйшей выработкой своего міровоззрѣнія, такъ и надъ изложеніемъ своихъ взглядовъ въ печати.

Довольно любопытно, что, какъ мнѣ говорилъ самъ Петръ Лавровичъ, онъ познакомился съ Огюстомъ Контомъ и позитивизмомъ лишь около половины 60-хъ годовъ. Впрочемъ, тутъ я предоставляю будущимъ біографамъ разрѣшить слѣдующее противорѣчіе. Лавровъ въ личномъ разговорѣ сообщалъ мнѣ, что впервые (именно въ 1864 г.) имя главы позитивной философіи онъ услышалъ изъ устъ извѣстнаго ботаника Бекетова. Между тѣмъ уже въ его самыхъ первыхъ философскихъ статьяхъ, писанныхъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, раза два-три упоминается имя Конта и терминъ «позитивизмъ». Можетъ быть Лавровъ, дѣйствительно, началъ цитировать сочиненія Конта и его школы лишь послѣ разговора съ Бекетовымъ, обратившимъ вниманіе Петра Лавровича на исключительную научную важность положительной философіи. И вотъ эпоха основательнаго знакомства Лаврова съ позитивизмомъ смѣшалась въ его представленіи съ тѣмъ временемъ, когда онъ впервые услышалъ будто бы имя Конта.

Какъ бы то ни было, въ статьяхъ, занимавшихъ порою много страницъ, и посылавшихся Петромъ Лавровичемъ изъ ссылки въ журналы, мы встрѣтаемся съ цѣлымъ рядомъ проблемъ, которыя находятся въ связи съ позитивизмомъ. Такова, на примѣръ, статья: «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе» («Современное Обозрѣніе», 1868). Къ этому же періоду въ его жизни относятся замѣчательные этюды: «Цивилизація и дикія племена» («От. Записки», 1869) и «Современное ученіе о нравственности» («От. Записки», 1870). Но въ особенности пора ссылки Лаврова замѣчательна въ исторіи развитія русской общественной мысли тѣмъ, что въ этотъ періодъ Петръ Лавровичъ напечаталъ, сначала въ «Нодѣлѣ» 1868—1869 гг., а затѣмъ и отдѣльной книгой (1870), знаменитыя «Историческія письма», ставшія скоро евангеліемъ русской передовой, лучше сказать, социалистической и революціонной интеллигенціи. Сравнительно небольшая книжка произвела на живую и энергичную часть русскаго общества впечатлѣніе, поистинѣ поразительное. Сколько молодыхъ сердецъ билось трепетно надъ страницами этого сочиненія, которое какъ бы про-

рочески прозрѣвало эпоху «хожденія въ народъ!» Въ библіотекахъ провинціальныхъ городовъ можно было еще десять лѣтъ спустя найти старыя, истертые, истрепанные экземпляры книги. Къ ней, какъ къ другу, какъ къ лучшему совѣтнику, молодежь обращалась за разрѣшеніемъ не только теоретическихъ, но и практическихъ вопросовъ, но и чисто жизненныхъ задачъ личнаго поведенія.

Однако, успѣхъ этой книги, неожиданный для самого Петра Лавровича, какъ и для редакторовъ «Недѣли», настигъ автора уже за границей. Временно переведенный въ Вологду, а затѣмъ, послѣ теплыхъ проводовъ, устроенныхъ мѣстной интеллигенціей, сосланный въ Кадниковъ, городъ еще болѣе мизерный, чѣмъ Тотма, Лавровъ былъ увезенъ изъ этого захолустья челоѣкомъ, который тревожилъ художественную мысль Успенскаго во образѣ «удалаго добраго молодца». При помощи своей матери, которая въ возрастѣ 77 лѣтъ послѣдовала за сыномъ въ ссылку, и при помощи своихъ друзей, Петръ Лавровичъ довольно искусно письмами подготовилъ планъ своего бѣгства изъ медвѣжьяго угла въ Парижъ, куда его приглашалъ въ концѣ 1869 г. Герценъ. Въ одно прекрасное утро, къ компаніи интеллигентныхъ обывателей, мирно ведущихъ у Лаврова бесѣду о научныхъ и общественныхъ вопросахъ, присоединился молодой, рослый, красивый, никому изъ нихъ неизвѣстный челоѣкъ. Какъ только собесѣдники оставили Лаврова, очаровавшій всѣхъ своимъ умомъ и обращеніемъ господинъ вытянулся во весь свой юношескій ростъ и выпалилъ въ упоръ Петру Лавровичу: «Мнѣ поручено привести въ исполненіе планъ вашего бѣгства. Я—Германъ Лопатинъ. Когда можете собраться со мной?» Челоѣкъ, который подписывался порою псевдонимомъ «Стоикъ», оказался и въ жизни на высотѣ стоической философіи: «Хоть сейчасъ»,—былъ его отвѣтъ. На слѣдующій же день Лопатинъ, приведшій съ собою во образѣ ямщика тройку изъ Вологды, чтобы не брать знакомыхъ начальству подводу въ Кадниковъ, явился къ Лаврову, который сталъ теперь неузнаваемъ. Усы и пышные бакенбарды Петра Лавровича были сбиты. Кромѣ того, онъ добросовѣстно принялся играть роль богатаго, капризнаго господина, якобы застигнутаго въ дорогѣ невыносимою зубною болью и потому все время кутавшагося въ громадный воротникъ медвѣжьей шубы, громко стонавшаго и отвѣчавшаго на вопросы любопытныхъ нечленораздѣльнымъ мычаніемъ.

Я не буду долго останавливаться на подробностяхъ этого побѣга, который долженъ найти еще своего исторіографа. Но нѣкоторые эпизоды, рассказанные самимъ Петромъ Лавровичемъ и лицами, принимавшими участіе въ его побѣгѣ, невольно вѣзались мнѣ въ память. Такъ, едва бѣглецы, оставившіе гостепріимный Кадниковъ 15 февраля 1870 г., т. е. ровно три года послѣ того, какъ Лавровъ былъ водворенъ на мѣсто жительства, проѣхали Вологду, какъ они встрѣтились по дорогѣ съ жандармскимъ

полковникомъ фонъ - Менгденомъ, принадлежавшимъ къ типу истинно-русскихъ нѣмцевъ. Этотъ господинъ, назначенный все время наблюдать за Лавровымъ, зорко всматривался изъ своихъ саней въ сани быстро проѣхавшихъ путниковъ. А путники, не желая имѣть вида людей, смущенныхъ встрѣчей, о неизбежности которой имъ говорили еще въ Вологдѣ, заранѣе принялись горячо обсуждать одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ позитивной философіи. Оба диспутанта были на высотѣ призванія, и философскія реплики перекрещивались въ морозномъ воздухѣ, какъ клинки хорошо отточенныхъ шпагъ въ рукахъ умѣлыхъ фехтовальщиковъ.

Не дурень также эпизодъ съ появленіемъ Петра Лавровича въ Петербургѣ, на квартирѣ одного укрывателя изъ либеральныхъ офицеровъ, который ждалъ, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція, искавшая дѣвицу, скрывшуюся у него для сочетанія фиктивнымъ бракомъ съ однимъ изъ тогдашнихъ нигилистовъ. Забавны также приключенія Петра Лавровича въ гостиницѣ города Луги, куда онъ пріѣхалъ, чтобы отправиться въ близлежащее имѣніе другого укрывателя, обѣщавшаго достать ему паспортъ (на имя доктора Веймара, судившагося позже по дѣлу Соловьева). Въ Лугѣ, въ трактирѣ, гдѣ остановился Лавровъ, пировали,—дѣло было на масляницѣ,—мѣстные земцы, которыхъ Петръ Лавровичъ хорошо зналъ въ качествѣ гласнаго Петербургскаго земства. Окутавшись платкомъ, съ громкимъ стономъ отъ мнимой боли, бѣглець ходилъ нервными шагами по коридору въ то время, какъ въ залѣ его бывшіе товарищи по земству пировали и пѣли во всю. Не лишены были трагикомизма и сцены, разыгрывавшіяся въ имѣніи укрывателя, переполненномъ тоже гостями, пока Лавровъ въ теченіе нѣсколькихъ дней тщетно ожидалъ паспорта, выдача котораго задерживалась опять таки благодаря масляницѣ.

Послѣ всевозможныхъ перипетій Лавровъ выѣхалъ за границу и прибылъ 1 марта 1870 года, въ Парижъ, два мѣсяца спустя послѣ смерти Герцена. Недѣлю спустя здѣсь удалось встрѣтиться съ любимымъ сыномъ и его старухѣ-матери, которая героически послѣдовала за Петромъ Лавровичемъ на территорію Второй Имперіи и вскорѣ умерла на его рукахъ. Въ то время Франція переживала пору необыкновеннаго политическаго возбужденія. Бреши въ деспотическомъ режимѣ пробивались не только либеральной и радикальной оппозиціей буржуазіи, но и могучимъ напоромъ рабочихъ, которые принадлежали къ французской секціи перваго знаменитаго Интернаціонала... Событія неслись съ головокружительной быстротой. Лѣтомъ была объявлена война Франціи противъ Германіи. Пораженіе императорскихъ войскъ при Седанѣ, вѣсть о которомъ донеслась въ Парижъ, вызвало сильное народное движеніе, опрокинувшее 4 сентября 1870 г. бонапартистскій режимъ. Была провозглашена республика. Но скоро желѣзное кольцо нѣмецкихъ полчищъ охватило своими

цѣнами обзятіями еще такъ недавно веселую столицу міра. Выѣстъ со всѣми парижанами Петръ Лавровичъ переносилъ лишенія осады. И мнѣ живо вспоминается его рассказъ о томъ, какъ въ одно сѣрое, мрачное утро онъ съ громаднымъ мѣшкомъ на плечахъ, въ день перемирія съ пруссаками, направлялся въ равнину Сентъ-Дени, чтобы у мѣстныхъ крестьянъ и огородниковъ заготовить картофелемъ и яйцами. Эти вещи считались въ то время у осажденных великимъ лакомствомъ: парижане не только успѣли поимѣть серъ, жирафъ и тому подобныхъ животныхъ изъ Зоологическаго сада, но не давали спуска ни коникамъ, ни крысамъ.

Когда вспыхнуло движеніе 18 марта 1871 г., и красное знамя рабочаго класса, въ складкахъ котораго помѣщались всѣ упованія людей труда, взвилось надъ ратушей, Петръ Лавровичъ сталъ на сторуя въ возставшихъ. Скептически относясь къ подготовленности рабочаго класса и мелкой буржуазіи для дѣла радикальнаго переустройства общества, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, считалъ нужнымъ идти съ тѣми, въ чьихъ рядахъ была и правда, и мужество, и новый идеалъ. Онъ предложилъ типографщику Варлану, который былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся интернаціоналистовъ, и съ которымъ Петръ Лавровичъ познакомился нѣсколько раньше, — Варланъ ввелъ его въ секцію Интернаціонала, — онъ предложилъ планъ реорганизации народнаго образованія на рациональныхъ началахъ. Но дѣло шло уже не о социальномъ творчествѣ, а о защитѣ противъ свирѣпыхъ версальцевъ, руководимыхъ великимъ маленькимъ Тьеромъ и генералами, вымещавшими на французскомъ пролетаріатѣ жестокаго поражения, понесеннаго ими на поляхъ битвъ съ нѣмцами. Когда для Лаврова стало ясно, что собственными силами парижанамъ не взять верха надъ защитниками порядка и собственности, то, ловко проскользнувъ черезъ рядъ прусскихъ войскъ, нашъ философъ направился сначала въ Бельгію, а затѣмъ въ Лондонъ просить помощи коммунарамъ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Дѣло въ томъ, что сила Международнаго общества рабочихъ крайне преувеличивалась тогда и его врагами, и его друзьями. Такъ, говорили, что стоятъ только вожакамъ Интернаціонала топнуть ногою о землю, какъ изъ земли вырастутъ легіоны рабочихъ борцовъ въ количествѣ 4 милліоновъ, которые сразу во всѣхъ европейскихъ странахъ развернутъ знамя революціи и поддержать Парижъ.

Увы! надежды на помощь рабочаго класса въ Европѣ были тщетны. Наоборотъ, мѣстнымъ социалистическимъ партіямъ приходилось бороться съ мутной волной шовинизма, которая захлестывала даже островки наиболѣе сознательной рабочей мысли. Въ Германіи семейство Либкнехта чуть не было побито камнями, — побито въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ громадные булыжники летѣли изъ рукъ патріотовъ-лассалевцевъ въ окна скромной квартиры вожака

«Соціалъ-демократической рабочей партіи». А въ Англіи, гдѣ заставлялъ самъ Генеральный Совѣтъ, традъ-юніонисты вышли изъ состава Интернаціонала подѣ тѣмъ предлогомъ, что они не хотятъ идти рука объ руку съ парижскими «поджигателями и разбойниками», и митингъ въ Гайдъ-Паркъ въ пользу Коммуны совѣтъ не состоялся. Вскорѣ парижское возстаніе было потоплено въ крови 35,000 инсургентовъ...

Поѣздка съ цѣлью поднять европейскій пролетаріатъ на защиту Парижа не удалась Лаврову. Но она дала ему возможность познакомиться еще ближе съ рабочимъ движеніемъ не только теоретически, а практически, въ его непосредственной реальности, со всѣми его доблестями и слабостями. Эта же поѣздка въ Лондонъ дала возможность Лаврову вступить въ довольно близкія личныя отношенія съ Марксомъ, могучая система котораго стала оказывать съ этого момента сильное дѣйствіе на выработку міровоззрѣнія у Лаврова. Дѣйствительно, Петръ Лавровичъ лишь въ началѣ 70-хъ годовъ познакомился съ сочиненіями Маркса и главнымъ образомъ съ первымъ томомъ его «Капитала».

Эпизодъ путешествія Лаврова въ интересахъ Коммуны заканчиваетъ тотъ сравнительно драматическій періодъ жизни мыслителя, съ которымъ до сихъ поръ мы имѣли дѣло. Отнынѣ все существованіе Лаврова будетъ посвящено пропагандѣ соціалистическихъ и революціонныхъ идей съ точки зрѣнія того ученія, къ которому его привели его обобщающая мысль и его благородное сердце, но внѣшній драматизмъ исчезаетъ изъ этой жизни. Петръ Лавровичъ изъ Парижа уѣзжаетъ въ Цюрихъ, оттуда въ Лондонъ, затѣмъ снова въ Парижъ, гдѣ онъ окончательно поселится и будетъ жить до самой смерти. Но эти переезды не заключаютъ въ себѣ ничего внѣшнимъ образомъ патетическаго и могутъ для біографа Лаврова служить лишь вѣхами его внутренней работы мысли.

Лавровъ съ 1872 г. занятъ планомъ объ изданіи свободнаго русскаго органа за границей и, пока этотъ планъ осуществится, пишетъ одна за другою три различныя программы, что въ свое время вызывало упреки и насмѣшки. Между тѣмъ исторія послѣдовательнаго написанія трехъ программъ очень проста. Сначала Петру Лавровичу казалось, что мысль объ изданіи упомянутаго журнала, внушенная ему разговоромъ съ нѣкоторыми его пріятелями, шла изъ круговъ русской радикальной литературы, дѣйствовавшей легально на почвѣ Россійской имперіи, но полагавшей, что вопросы, на которые въ самой Россіи налагался запретъ, могутъ быть разсматриваемы за границей. Когда это предположеніе оказалось неосновательнымъ, и Лавровъ узналъ, что инициатива предпріятія идетъ отъ кружковъ передовой соціалистической молодежи въ Россіи, онъ измѣнилъ и свою программу. Желая вступить въ союзъ со всѣми тогдашними соціалистическими элементами, онъ искалъ теперь сближенія съ Бакунинымъ и его товарищами. Но

рѣзкая фракціонная вражда уже раздѣляла въ это время представителей различныхъ теченій въ русскомъ социализмѣ, и вторая программа была отброшена Петромъ Лавровичемъ, когда стало ясно, что на совмѣстную дѣятельность съ бакунистами рассчитывать нечего. Въ Россіи и за границей слагалось опредѣленное направленіе, которое скоро получить названіе «пропагандистскаго». Отвѣтомъ на стремленіе этой группы и была третья программа, которою Лавровъ становился въ опредѣленную позицію какъ по отношенію къ различнымъ общественнымъ вопросамъ, такъ и по отношенію къ различнымъ партіямъ и фракціямъ.

Намъ нечего останавливаться подробно на характерѣ и роли «Впереда» (1873—1877 г.), сначала выходившаго въ видѣ неперіодическаго сборника, затѣмъ принявшаго форму двухнедѣльной газеты и, наконецъ, умершаго въ формѣ неперіодическаго сборника. Лавровъ былъ душою органа, главнымъ идейнымъ руководителемъ его, хотя ему удалось найти и нѣсколько дѣятельныхъ помощниковъ изъ молодежи. Центральными идеями «Впереда» были идеи самого Петра Лавровича, но находившіяся подъ значительнымъ давленіемъ интеллигентныхъ революціонныхъ группъ, дѣйствовавшихъ или собиравшихся дѣйствовать въ Россіи. «Впередъ» раздѣлялъ общую всѣмъ тогдашнимъ партіямъ и организаціямъ мысль о предпочтеніи социальной задачи всѣмъ другимъ задачамъ. Въ программѣ его говорилось: «Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу экономическому». Органъ Лаврова и товарищей развертывалъ знамя «рабочаго социализма», какъ опирающагося на «реальное начало солидарности» между людьми. «Впередъ» говорилъ: «Двигателемъ рабочаго социализма можетъ сдѣлаться лишь рабочій классъ». Не по отношенію къ Россіи онъ считалъ этимъ классомъ не городской, фабричный пролетаріатъ, а «наше крестьянство», «народъ съ существующей въ немъ традиціей общинной и артельной солидарности». Соціальную революцію нельзя создать искусственно. Она продуктъ историческихъ условій. Ее совершить самъ рабочій классъ. «Интеллигентный же классъ можетъ явиться въ данномъ случаѣ лишь «иниціаторомъ» народной революціи, по скольку онъ будетъ уяснять народу смутно живущія и зрѣющія въ немъ начала социалистическаго строя, а главное, вносить въ него «чувство солидарности всего рабочаго класса земли русской».

Я позволю отклониться здѣсь на минуту въ сторону, чтобы прибавить одинъ новый штрихъ къ личности нашего мыслителя. Лавровъ, который былъ въ то время убѣжденнымъ социалистомъ, въ духѣ тогдашнихъ народническихъ стремленій, Лавровъ, который во главу угла ставилъ освобожденіе народа самимъ народомъ и съ этой точки зрѣнія всѣ вопросы отодвигалъ на задній планъ передъ вопросомъ социальнo-экономической, исходящей изъ нѣдръ народа революціи, Лавровъ вкусилъ, однако, слишкомъ много отъ

древа человѣческой міровой мысли, чтобы не придавать значенія политическимъ свободамъ. Но въ этомъ стремленіи онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ великой тягой тогдашней русской интеллигенціи, и поэтому значеніе политическихъ свободъ и формъ сказывалось у него лишь на отдѣльныхъ мысляхъ, которыя были вставлены въ иную по духу сѣть аргументовъ и могутъ быть оцѣнены только теперь. Такъ, у него въ одномъ мѣстѣ довольно неожиданно вырывается мысль о «земскомъ соборѣ», который Лавровъ готовъ допустить, если онъ будетъ состоять «въ большинствѣ изъ представителей крестьянства» и займется прежде всего вопросами радикальнаго преобразованія, «одновременно экономического и политическаго».

Всѣмъ, конечно, извѣстно, съ какой рѣзкостью оспаривались мнѣнія Лаврова представителями другой народно-революціонной партіи, а именно бакунистовъ, или бунтарей. По ихъ мнѣнію, надо было говорить не о подготовленіи революціи въ народѣ путемъ проясненія его смутныхъ социалистическихъ идеаловъ интеллигенціей, а о непосредственномъ возбужденіи революціоннаго движенія въ народѣ. Бакунисты предполагали, что народъ по части инстинктивнаго социализма понимаетъ очень много, а ему не достаетъ только страсти и привычки къ дружному дѣйствію. Роль интеллигенціи и заключается въ томъ, чтобы послужить ферментомъ этого броженія и вмѣстѣ связующимъ звеномъ между народными вспышками, порою принимавшими форму огромныхъ бунтовъ въ русской исторіи и, наконецъ, могущими слиться, подъ воздѣйствіемъ революціонной интеллигенціи, въ одинъ великій социальный пожаръ.

Теперь, на разстояніи четырехъ десятковъ лѣтъ, когда вдумываешься въ мнѣнія, страстно развивавшіяся обѣими враждовавшими фракціями, то видишь, что у той и у другой былъ въ сущности общій социалистическій идеалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что и на практикѣ ихъ дѣятельность выражалась почти въ одномъ и томъ же. Бакунины и его ученики могли жестоко бичевать «словоговореніе» и «болтовню» Лаврова, якобы замѣнявшую, по ихъ мнѣнію, единственное настоящее революціонное дѣло, а именно: непосредственную подготовку бунта. Но до бунта дѣло такъ и не дошло. И бакунисты въ концѣ концовъ были обречены на ту же роль словоговоренія, хотя, можетъ быть, и болѣе страстнаго, какую они жестоко обличали у лавристовъ. Самъ Лавровъ, этотъ въ представленіи многихъ черезчуръ кабинетный и педантичный мыслитель, оказывался, во всякомъ случаѣ, много прямолинейнѣе и крайнѣе своихъ учениковъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи. Извѣстно, что въ 1876 г. между главой школы и его послѣдователями произошелъ расколъ, кончившійся оставленіемъ Лавровымъ его поста главнаго редактора «Впередъ». Въ то время, какъ «лавристы» продолжали стоять на точкѣ зрѣнія пропаганды и только пропаганды, Лаврову уже представлялось необходимымъ придать болѣе боевое направленіе органу.

Это мѣненіе Лавровъ основывалъ на томъ, что въ Россіи, казалось ему, сама жизнь выдвигала болѣе рѣзкія формы борьбы: «демонстраціи, вооруженныя сопротивленія революціонеровъ, казни шпіоновъ».

На цѣлыя шесть лѣтъ Лавровъ прекращаетъ свою непосредственную революціонную дѣятельность. Онъ горячо сочувствуетъ борьбѣ во имя социалистическихъ идеаловъ. Но онъ не примыкаетъ ни къ обществу землевольцевъ, ни къ «Народной Воли», которая съ конца 1879 г. вступила на путь рѣзко революціонной борьбы противъ правительства, и даже въ теченіе года борется на собраніяхъ противъ ея тактики. Въ началѣ 1880 г. Лавровъ, однако, энергично защищалъ Гартмана. Несмотря на настоянія посланника Орлова, требовавшаго отъ правительства Третьей республики выдачи русскаго революціонера, прослѣженнаго въ Парижѣ агентами, Петръ Лавровичъ успѣлъ добиться, при помощи своихъ связей съ тогдашнимъ боевымъ Клемансо, простой высылки Гартмана на французскую границу, откуда человѣкъ, преслѣдовавшій русскимъ правительствомъ, могъ совершенно свободно уѣхать въ Англію. Послѣ 1-го марта Лавровъ видимо сдѣлалъ новый шагъ влѣво. Онъ энергично принялся за участіе въ организаціи заграничнаго отдѣла «Краснаго Креста Народной Воли» и за это былъ даже (временно) высланъ изъ Франціи въ февралѣ 1882 года. Во всякомъ случаѣ, онъ уже рѣшительно прекратилъ борьбу противъ народовольческой тактики. А его поѣздка (во время высылки) въ Лондонъ дала ему возможность вступить въ сношеніе съ партіей «Народной Воли», которая и поручила ему вести заграничный органъ партіи «Вѣстникъ Народной Воли» вмѣстѣ съ другими лицами, пользующимися довѣріемъ народовольцевъ. Одно время думали, что соредакторомъ Лаврова будетъ Кравчинскій. Нѣсколько позже въ редакторы намѣчался Г. В. Плехановъ, который оставлялъ чернопередѣльчество и шелъ навстрѣчу «Народной Воли», мечтая о созданіи въ Россіи «единой великой и нераздѣльной социально-революціонной партіи», но на основахъ марксизма. Послѣ ряда треній между Плехановымъ и представителями «Народной Воли» за границей, вторымъ редакторомъ «Вѣстника» сталъ Тихомировъ.

Въ программѣ журнала говорилось, что онъ будетъ органомъ «революціоннаго социализма». Рабочій классъ рассматривался, какъ единственно серьезная общественная сила для коренного измѣненія строя. Но передъ русскимъ социализмомъ ставилась прежде всего задача низверженія того режима гнета, который являлся препятствіемъ для организаціи рабочаго класса. Подъ знамя «Народной Воли» редакторы приглашали всѣхъ, кто, будучи убѣжденнымъ социалистомъ, считалъ въ то же время необходимымъ борьбу съ политическими препятствіями. Вліяніе Лаврова ярко выражалось въ томъ, что, не останавливаясь теперь передъ рѣшительными формами политической борьбы, онъ старался напоминать все время читателямъ объ основныхъ принципахъ социализма. Когда

Тихомировъ перешелъ въ ряды реакціи въ 1888 г., то Лавровъ въ брошюрѣ, умѣренной по формѣ, но убійственной по содержанію для бывшаго члена Исполнительнаго Комитета, призывалъ всѣхъ искреннихъ социалистовъ остаться вѣрными великому знамени труда. Нечего говорить, что планъ власть имущихъ произвести путемъ ренегатства Тихомирова расколъ въ партіи отнюдь не увѣнчался успѣхомъ. Всѣ крѣпкіе, всѣ бодрые духомъ остались на почвѣ стараго міровоззрѣнія. Лавровъ не покинулъ рядовъ народовольцевъ и, стараясь не относиться враждебно къ другимъ социалистическимъ партіямъ, тѣмъ не менѣе неуклонно проводилъ программу политическаго и экономическаго переворота.

Въ Россіи не происходило ни одного крупнаго общественнаго событія, чтобы на него не отзывался Лавровъ. Умиралъ Щедринъ. Умиралъ Чернышевскій. На огромномъ пространствѣ Россійской имперіи разражался ужасный голодъ. Рядомъ и подъ влияніемъ этого печальнаго явленія возрождалось революціонное настроеніе среди интеллигенціи. На все Лавровъ отзывался со свойственною ему энергіею и опредѣленностью мысли. На рубежѣ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ онъ принималъ участіе въ образованіи «Группы старыхъ народовольцевъ», которая, не претендуя на роль учителя изъ-за границы въ вопросахъ о томъ, какъ поступать русскимъ людямъ, старалась, однако, поддерживать вѣру въ социалистическій идеалъ и активную бодрость въ ослабѣвавшихъ борцахъ. Именно въ «Матеріалахъ», издаваемыхъ этой группой, перу Лаврова принадлежалъ очеркъ о «народникахъ-пропагандистахъ». Въ немъ были охарактеризованы главнѣйшія теченія русской революціонной мысли въ 1873—1878 г.г. И поистинѣ удивительно то безпристрастіе, съ которымъ Лавровъ могъ говорить, между прочимъ, о «Впередѣ», своемъ участіи въ немъ и вообще о значеніи всего направленія. А въ самые послѣдніе мѣсяцы своей жизни Лавровъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ новому теченію среди социалистовъ, обнаружившемуся какъ въ Россіи, такъ и за границей. Я говорю о возрожденіи дѣйствительнаго желанія среди революціонной интеллигенціи, не ограничиваясь пропагандою и агитаціею социалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ, направиться снова въ деревню и тамъ попытаться развернуть, насколько то было возможно по политическимъ условіямъ, знамя труда и свободы. Аграрно-социалистическая лига, которая выражала собою за границей это стремленіе, получила, можно сказать, предсмертное благословеніе отъ Лаврова.

Лавровъ умеръ 25-го января 1900 г., не доживъ четырехъ мѣсяцевъ до 77 лѣтъ, послѣ восьмидневной тяжелой болѣзни, вызванной у него неожиданной простудой и кончившейся кровоизліяніемъ въ мозгъ. Не только жизнь, но и смерть этого удивительнаго человека сослужила службу дѣлу социализма и свободы. Съ разныхъ концовъ міра социалистическія рабочія организаціи и партіи со-

шлись на похоронахъ Лаврова, чтобы снова и снова говорить о великой всемірной задачѣ трудящихся освободить человѣчество отъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. И самые завзятые карьеристы, которыми, къ сожалѣнію, была уже полна тогдашняя партія французскихъ «министерскихъ» социалистовъ, на мигъ склонились у свѣжей могилы передъ великою цѣльностью Лаврова, какъ мыслителя и человѣка. Такова была, напримѣръ, рѣчь Вивьяни, теперешняго министра труда. Этотъ изъ молодыхъ ранній социалистическій оппортунистъ съ умилениемъ отмѣчалъ ту, видимо поразившую его, особенность въ біографіи великаго покойника, что Лавровъ, принадлежа къ привилегированному сословію, имѣя возможность срывать цѣлыя удовольствія по широко раскрывавшемуся передъ нимъ пути счастливой жизни, тѣмъ не менѣе перешелъ въ лагерь труждающихся и обремененныхъ съ тѣмъ, чтобы въ его рядахъ служить вѣрою и правдою устроению города будущаго.

Революціонная дѣятельность не могла, однако, цѣлкомъ поглотить могучаго ума и благороднаго сердца Лаврова. Всю жизнь свою онъ, кромѣ разныхъ революціонныхъ предпріятій и легальной пропаганды своего міровоззрѣнія съ той или другой частной стороны, преслѣдовалъ планъ написать большое сочиненіе, охватывавшее съ его точки зрѣнія всю человѣческую исторію. Съ 1867 г., когда въ «Невскомъ Сборникѣ» появилась его статья «Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли», переходя къ «Очеркамъ систематическаго знанія» («Знаніе», 1871), продолжая «Опытомъ исторіи мысли» (Спб., 1875) и заграничнымъ «Опытомъ исторіи мысли новаго времени» (Женева, 1888-1894), наконецъ, кончая книгою «Задачи пониманія исторіи», которая вышла въ Россіи подъ псевдонимомъ Арнольди (Москва, 1898), а также большою работою «Главнѣйшіе моменты исторіи мысли», этимъ посмертнымъ трудомъ, напечатаннымъ въ Россіи же (Москва, 1903) подъ фамиліею Доленги, — Петръ Лавровичъ не переставалъ стремиться къ осуществленію своей колоссальной научной цѣли. Къ сожалѣнію, это задуманное и осуществлявшееся въ различныхъ формахъ предпріятіе все таки не было доведено до конца. Но и въ своемъ несовершенномъ видѣ попытка эта будетъ являться достойнымъ Лаврова памятникомъ критической мысли, чуждой всякаго мистицизма и религіознаго элемента.

Позволю себѣ охарактеризовать нѣсколькими штрихами личность Лаврова, котораго я зналъ за границей чуть ли не въ теченіе 20-ти лѣтъ и съ которымъ былъ очень близокъ.

Было бы невѣрно думать, что Лавровъ весь исчерпывался въ своихъ сочиненіяхъ, рѣчахъ, брошюрахъ и вообще въ своей казовой революціонной и легальной дѣятельности. Лавровъ сохранялъ свой умъ, живость и силу мысли и въ личныхъ сношеніяхъ. Можно сказать, наоборотъ, что тотъ, кто зналъ Петра Лавровича, только какъ писателя и общественнаго дѣятеля зналъ лишь половину

этой цѣльной, но сложной и могучей индивидуальности. По моему глубокому убѣжденію, мой старый другъ въ частной бесѣдѣ и въ сношеніяхъ былъ даже зачастую интереснѣе, чѣмъ въ томъ, что я назвалъ казовой дѣятельностью. Тутъ его портило разъ навсегда принятое имъ намѣреніе держаться того строгаго, часто отвлеченнаго и суховатаго способа изложенія интересовавшихъ его вопросовъ, который онъ въ личныхъ разговорахъ, добродушно посмѣиваясь надъ самимъ собой, называлъ «псевдо-классицизмомъ». Въ дружескомъ общеніи надъ этимъ псевдо-классицизмомъ бралъ вверхъ непринужденный юморъ, умѣніе необыкновенно глубоко и всматриваться въ окружающія явленія, и мастерскими неожиданными сопоставленіями сближать ихъ на глазахъ удивленныхъ слушателей съ явленіями всевозможныхъ періодовъ. Его эрудиція,—а эрудиція его была громаднa,—давала ему богатый матеріалъ для этихъ непринужденныхъ экскурсовъ.

Я до сихъ поръ не могу забыть бесѣды, которую мнѣ пришлось вести съ Лавровымъ въ періодъ наиболѣе жаркаго проявленія оффиціального франко-русскаго «альянса». Въ Парижъ пріѣхали русскіе гости, и торжества ихъ пріема правительствомъ Третьей республики сводились зачастую къ необыкновенно продолжительнымъ и обильнымъ потребительнымъ священнодѣйствіямъ. Читая въ «Temps» меню одного изъ такихъ пиршествъ, Петръ Лавровичъ покачалъ своей скептической, убѣленной сѣдинами головою и, добродушно посмѣиваясь, сказалъ: «А было бы интересно знать, что подумаетъ, хотя бы черезъ сто лѣтъ, будущій историкъ культуры, если ему попадется въ руки этотъ драгоценный памятникъ изъ исторіи вѣка обжорства». И, отправляясь отъ этой шуточной бутады, Лавровъ развилъ въ необыкновенно блестящей высоко-комичной формѣ значеніе самыхъ первобытныхъ переживаній въ мірѣ того этикета, того церемоніала, ореолъ котораго окружаетъ даже въ процессахъ питанія жизнь высокопоставленныхъ лицъ и вообще привилегированныхъ сословій.

Я упомянулъ объ эрудиціи Лаврова. Это была эрудиція не фальшивая, не основанная на цитатахъ изъ нечитанныхъ книгъ, а предполагавшая дѣйствительное знакомство съ различными сферами человѣческой жизни и мысли. Помню, какъ однажды по поводу моего замѣчанія о характерѣ извѣстнаго произведенія Марка Аврелія «Къ себѣ самому», Петръ Лавровичъ перешелъ къ обрисовкѣ положенія Римской Имперіи при Антонинахъ и скоро развернулъ предо мною необыкновенно точную картину соціальныхъ и политическихъ условій второго вѣка по Р. Х. Цифры, даты, собственные имена, и произведенія искусства, и научныя изысканія, и экономическій бытъ, и голодныя эпидеміи, и эпидеміи религіозныя,—все это продефилировало передо мною съ такимъ богатствомъ деталей и точностью, какъ если бы мой собесѣдникъ читалъ лекцію, къ которой давно готовился. Вспоминается мнѣ и другой разговоръ. Какъ-то

я выразился о комъ-то, что онъ стоитъ на границѣ гениальности. Лавровъ, по обыкновенію, добродушно улыбнулся и задалъ мнѣ, судя по выраженію его лица, коварный вопросъ: «А много ли, вы думаете, было въ чловѣчествѣ настоящихъ гениевъ?.. Я говорю универсальныхъ гениевъ, а не специалистовъ»... Затѣмъ слѣдовала блестящая критическая, данная экспромтомъ оцѣнка около десятка-двухъ мыслителей, за которыми Лавровъ признавалъ право называться гениями. Тутъ было и указаніе на ихъ сочиненія, и съ годами ихъ появленія. Тутъ была и оцѣнка тѣхъ элементовъ, которые входили въ міровоззрѣніе каждаго. Тутъ отмѣчалась и доказывалась ихъ большая или меньшая оригинальность, — напр., при сравненіи Демокрита и Аристотеля. «Я очень цѣню Аристотеля: это въ нѣкоторомъ родѣ Гегель IV в. до Р. Х. Онъ былъ универсальнѣе, но, пожалуй, менѣе оригиналенъ, чѣмъ Демокритъ. Иронія судьбы книгъ не пощадила многочисленныхъ философскихъ трактатовъ Демокрита. И, однако, даже если судить по оставшимся обрывкамъ, чловѣкъ, который понималъ, что въ мірѣ существуетъ только пустое пространство и атомы, а что все воспринимаемыя нами явленія, теплота, холодъ, горькое, сладкое являются результатами лишь воздѣйствія и комбинаціи воздѣйствій атомовъ на чловѣчскій организмъ, не можетъ не считаться для своего времени первокласснымъ гениемъ». И такъ далѣе въ теченіе полчаса...

Но не одно умственное наслажденіе получали вы изъ общенія съ Лавровымъ. Когда его внѣшнее, со всеміи ровное и деликатное обращеніе уступало наединѣ или въ тѣсномъ кругу мѣсто теплому дружескому отношенію, то вы не могли не быть очарованы замѣчательной добротой Лаврова, его горячимъ сочувствіемъ къ людямъ. Я говорю не только о денежной помощи, но крайней мѣрѣ не о ней одной, хотя и въ этомъ отношеніи П. Л., жившій всегда трудомъ, приносилъ жертвы рѣшительно не по своимъ средствамъ и порою крайне урѣзывалъ свои личные ресурсы. Онъ еще болѣе былъ дѣятельно добръ и неподражаемо заботливъ, когда дѣло заходило о нравственной поддержкѣ товарищей. Здѣсь порою нужно было удивляться поразительной деликатности, съ какою Лавровъ старался идти на помощь къ людямъ, слабѣющимъ, или попадавшимъ въ тяжелую передѣлку къ испытаніямъ жизни. Нѣкоторыя черты, характеризующія его постоянное желаніе приносить пользу окружающимъ, просто трогательны. Кто не зналъ уморительной исторіи съ изданіями Толстого, Тургенева, Пушкина и другихъ русскихъ классиковъ, которые десять разъ покупались Лавровымъ для его обширной библіотеки и десять разъ мало по малу расхищались парижской интеллигентной колоніей, отличавшейся, — старый обычай русскихъ людей, — столько же любовью къ чтенію, сколько способностью къ зачитыванію?..

Однако, доброта Лаврова была не голой стихійной стороною его души. Она у него была обработана сознательнымъ процессомъ

мысли. Какъ-то однажды я съ сочувствіемъ питировалъ ему мнѣніе Добролюбова о томъ, что высоко симпатичны тѣ люди, которые совершаютъ добрыя дѣла импульсивно, поддаваясь влеченіямъ собственной натуры, и не чувствуя, что приносятъ при этомъ жертвы. На это Петръ Лавровичъ мнѣ отвѣтилъ: «Такое поведение можетъ быть очень пріятно для тѣхъ, кто пользуется добротой этихъ людей. Но истинно нравственнымъ я его назвать не могу. Нравственность основана на сознаниі. Выработывайте альтруистическій идеалъ, и пусть онъ создастъ у васъ массу благородныхъ навыковъ. Но пусть каждый вашъ актъ проникаетъ сознание о его внутреннемъ значеніи. И здѣсь должна царить іерархія, іерархія добрыхъ поступковъ, мысль о томъ, какое доброе дѣйствіе въ данный моментъ важнѣе». Этимъ объяснялось, что Лавровъ, бывшій въ сущности очень гуманнымъ, деликатнымъ и добрымъ человекомъ, умѣлъ становиться, поистинѣ, страшнымъ по своей безконечной, сознательно практикуемой холодности въ сношеніяхъ съ ренегатами, или людьми, малодушно измѣнившими дорогому ему дѣлу социализма.

II.

Въ этомъ непретенціозномъ этюдѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы подробно развить міровоззрѣніе Лаврова. Я ограничусь лишь тѣмъ, что укажу на его существенные пункты. Мнѣ очень жаль, что гдѣ-то затерялась своеобразная, тектографированная лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ автобіографія Петра Лавровича. Это маленькое жизнеописаніе характерно для обобщающаго, абстрактнаго способа мышленія Лаврова. Въ немъ нѣтъ ни одного почти указанія на внѣшніе факты жизни. Это есть изображеніе этаповъ, по которымъ шла въ своемъ логическомъ развитіи мысль философа, а внѣшнія даты служатъ лишь вѣхами для опредѣленія того, къ какому періоду относятся новыя видоизмѣненія мысли. Короче сказать, то—автобіографія безплотнаго философскаго духа.

И вотъ какъ рисуется, въ представленіи самого Лаврова, развитіе его мысли, по скольку оно опредѣляется предшественниками, оказавшими наибольшее вліяніе на эту умственную эволюцію въ различные періоды жизни Петра Лавровича. Философъ полагалъ, что самымъ равнымъ его предшественникомъ является Протагоръ съ его знаменитымъ афоризмомъ: «человѣкъ есть мѣра вещей». Дальше Лавровъ отмѣчалъ въ числѣ своихъ предшественниковъ античныхъ скептиковъ, напр., Пиррона. Въ близкое къ намъ время сенсуалисты его привлекали тѣмъ значеніемъ, какое они придаютъ ощущенію и опыту. Въ Кантѣ Лавровъ цѣнилъ упорное отбрасываніе этимъ гениальнымъ мыслителемъ всякихъ попытокъ проникнуть, въ области

теоретической философіи, до сущности вещей. Въ Контѣ ему представлялось родственнымъ то, что этотъ великій противникъ метафизики считалъ, однако, необходимымъ вводить субъективный методъ изслѣдованія въ практическіе вопросы жизни (хотя и неудачно въ своей «Позитивной политикѣ»). Въ Фейербахѣ Лавровъ высоко ставилъ антропологическую точку зрѣнія, которая исходила изъ верховной роли нашей «чувственности» (въ смыслѣ способности ощущать) и изъ аффекта солидарности «я» и «ты». Я бы прибавилъ къ этому, что на ученіи о нравственности Лаврова сказывалось сильное вліяніе Прудона, къ которому вообще Петръ Лавровичъ относился съ большой симпатіей. А въ послѣднюю, вторую полосу своей дѣятельности Лавровъ испыталъ сильнѣйшее дѣйствіе могучаго ученія Маркса.

Самъ Лавровъ называлъ свое стройное и въ общемъ очень цѣльное міровоззрѣніе антропологизмомъ. Но ему, возможно, по моему мнѣнію, съ большимъ правомъ дать наименованіе субъективизма, хотя особаго критико-позитивнаго рода. Во всякомъ случаѣ, то не былъ ни идеализмъ, ни матеріализмъ. Такъ, въ своей статьѣ «Механическая теорія міра» («Отечественныя Записки» 1859 г., т. СХХІІІ) Лавровъ заявляетъ, что не согласенъ становиться ни на точку зрѣнія идеалистовъ, которые полагаютъ, что все сущее произошло изъ идеи, ни матеріалистовъ, которые видятъ основную причину и корень всего въ веществѣ. Для Лаврова вещество и сила—метафизическія понятія. Любопытно, однако, какъ далеко заходитъ его симпатія къ матеріализму, по скольку онъ старается находить реальную основу ощущений. Лавровъ строитъ на свой манеръ знаменитую статую Кондильяка. Онъ допускаетъ, что мы, хорошо зная физико-химическіе процессы, происходящіе при мышленіи, можемъ создать такого автомата, котораго мозгъ, являющійся точнымъ воспроизведеніемъ біологической человѣческой матеріи, могъ бы имѣть и соответствующіе мысли «процессы организма». Такимъ образомъ передъ нами находился бы настоящій человѣкъ со всѣмъ процессомъ иннервации, какой замѣчается въ живомъ существѣ. Но, спрашиваетъ себя Лавровъ, предполагая, что у этого автомата происходятъ теперь явленія сознанія, могли ли бы мы, однако, непосредственно, при помощи чувствъ, проникнуть въ эту закрытую для насъ область внутренней души автомата, какъ мы проникаемъ въ міръ матеріальныхъ явленій? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, ибо нельзя выразить состояніе сознанія въ механической формулѣ, и мысль не сводима на движеніе.

Возражая своимъ критикамъ радикальнаго лагеря изъ «Современника» и «Русскаго Слова», Лавровъ рѣзко отрицалъ право какъ у идеализма, такъ и у матеріализма смѣшивать научныя понятія о законахъ явленій съ метафизическими понятіями о сущности (См. уже цитированную нами статью «Моимъ критикамъ» въ «Русскомъ Словѣ», за 1861 г.). «Скептицизмъ въ отношеніи всякой ме-

тафизической теоріи»—вотъ знамя, которое развѣртываетъ Лавровъ. И, однако, какъ мало онъ былъ противникомъ научно-опытной стороны матеріализма, видно изъ того, что онъ въ своей теоріи личности, о которой мы скажемъ ниже, ставилъ основнымъ началомъ человѣка его стремленіе къ наслажденію. Этимъ объясняется, что метафизикъ Страховъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія религіознаго идеализма, приправленнаго Гегелемъ, жестоко напалъ на этотъ принципъ Лаврова, говоря, что здѣсь Лавровъ подаетъ руку матеріалисту 18-го вѣка, Гельвецію. И любопытно, что, возражая Страхову, Лавровъ прямо говоритъ, что въ стремленіи къ наслажденію именно и нужно видѣть коренное свойство человѣка; а что чистыя идеи, которымъ Страховъ придаетъ такое значеніе въ жизни людей и въ ходѣ исторіи, на самомъ то дѣлѣ могутъ руководить дѣйствіями лишь очень незначительнаго числа людей. Громаднымъ же большинствомъ руководить именно побужденіе къ наслажденію и вытекающее отсюда стремленіе къ постройкѣ практическаго идеала (см. «Отвѣтъ г. Страхову» въ «От. Запискахъ», 1860, т. СXXXIII, особенно стр. 108—109).

Для того, чтобы понять настоящимъ образомъ философію Лаврова, нужно сказать себѣ разъ на всегда, что въ центрѣ ея стоитъ личность. Основная черта личности, по Лаврову, заключается въ ея самосознаніи. Но «начальное психологическое явленіе, слѣдующее за самосознаніемъ», и есть именно «стремленіе къ наслажденію и къ устраненію страданія». По пути этого стремленія человѣкъ развивается. Орудіями его развитія являются знаніе и творчество. Комбинаціей этихъ двухъ основныхъ силъ или способностей человѣка и опредѣляется, по мнѣнію Лаврова, содержаніе духовнаго міра личности. Да, человѣкъ стремится къ наслажденію и избѣгаетъ страданія. Да, это начало глубоко эгоистическое. И, однако, изъ этого побужденія и на этой почвѣ рождается и расцвѣтаетъ весь богатый міръ человѣческой индивидуальности.

Посмотримъ, напримѣръ, какимъ образомъ Лавровъ объясняетъ чувство справедливости. Бѣдный, слабый, ограниченный со всѣхъ сторонъ внѣшнимъ міромъ и себѣ подобными, человѣкъ старается при помощи творчества построить идеальный образъ самого себя, лишеннаго этихъ слабостей и немощей. Такъ передъ человѣкомъ становится его «я», его личное достоинство. Разумѣется, на первыхъ порахъ человѣческая личность, какъ существо первобытное и глубоко эгоистическое, надѣляетъ этотъ образъ лишь первобытными же грубыми и эгоистическими чертами. Во имя этого образа человѣкъ желаетъ подчинить себѣ все и вся, подавить такія же естественныя стремленія другихъ личностей. Но въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, дѣйствіе равно противодѣйствію. И личность встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны столь же эгоистическихъ личностей, дѣйствующихъ каждая во имя своего идеала. Въ концѣ концовъ, чтобы примирить свое желаніе осуществить

личное достоинство при сопротивленіи окружающихъ, человѣкъ придумываетъ психологическій выходъ, состоящій въ томъ, что равновѣсію борющихся силъ онъ подставляетъ равноправіе встрѣчающихся и сталкивающихся другъ съ другомъ личностей. «Я долженъ быть оскорбленъ оскорбленіемъ достоинства равной мнѣ личности, какъ всякая равная мнѣ личность должна быть оскорблена оскорбленіемъ моего достоинства. Я долженъ чувствовать въ себѣ не только свое, но и чужое достоинство, наслаждаться наслажденіемъ того и другого, страдать отъ униженія того и другого... Равно уважая свое и чужое достоинство, я *справедливъ*, и справедливость есть расширеніе моего достоинства... Съ первымъ обществомъ, съ первой встрѣчею между людьми, которая не рѣшалась борьбою и подчиненіемъ одного другому, начало равноправности, обоюднаго права на взаимное уваженіе достоинства, явилось по логической необходимости въ душѣ человѣка... *Справедливость* составляетъ нераздѣльное начало человѣческаго достоинства, необходимую и единственную прочную связь между людьми. Понятіе о существѣ равноправныхъ измѣняется, расширяется со временемъ, но, въ каждое историческое мгновеніе, для каждой личности существуетъ кружокъ существъ ей равноправныхъ, въ отношеніяхъ къ которымъ человѣкъ требуетъ отъ себя и отъ другихъ не милосердія, не самоотверженія, а справедливости («Очерки вопросовъ практической философіи», Спб., 1860 г., стр. 58—60, *passim*).

Кто не увидитъ въ этомъ могучаго вліянія Прудона, который въ своей книгѣ «О справедливости» говоритъ: «Справедливость есть естественно испытываемое (*spontanément éprouvé*) и взаимно гарантируемое чувство уваженія человѣческаго достоинства, въ чьемъ бы лицѣ и при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни подвергалось опасности и чѣмъ бы мы ни рисковали для его защиты. Это чувство уваженія находится на самой низшей ступени у варвара... оно укрѣпляется и развивается у цивилизованнаго человѣка, который практикуетъ справедливость ради нея самой и безпрестанно освобождается отъ всякаго личнаго интереса и отъ всякихъ религіозныхъ соображеній» *). Но оригинальная черта, вносимая Лавровымъ въ это ученіе о личности, опирающееся, несомнѣнно, въ значительной степени на Прудона, заключается въ томъ, что Лавровъ очень рано снабжаетъ личность способностью критической мысли. Здѣсь уже чувствуется вліяніе лѣвыхъ гегелианцевъ и въ особенности Арнольда Руге (а не Бруно Бауера, какъ у насъ не особенно доказательно было замѣчено однимъ изъ критиковъ Лаврова). Еще въ статьѣ «Практическая философія Гегеля» («Библиотека для Чтенія», 1859 г. май, стр. 19) Лавровъ съ похвалою цитируетъ слѣдующую мысль Руге: «Критика есть движеніе, про-

*) P.—J. Proudhon, «De la justice dans le révolution et dans l'église». Парижъ, 1858. 1-е изд., т. I, стр. 182—183.

песць отдѣленія и въ то же время произвожденіе: это движеніе идетъ какъ въ теоріи, такъ и противъ всего матеріала теоріи, въ особенности противъ жизни. Помощью критики наука сдаетъ обществу свое содержаніе. Критика есть разсудокъ міра, схватывающій и переваривающій это содержаніе».

Но въ то время, какъ Руге усматриваетъ проявленіе этой критики, движущее начало критическаго процесса, въ «религіи» (понимаемой, конечно, въ духѣ лѣваго гегельянства), Петръ Лавровичъ съ самыхъ раннихъ поръ своей дѣятельности рѣшительно выбрасываетъ изъ своего міровоззрѣнія всякое специфически-религіозное начало и замѣняетъ его «убѣжденіемъ», ставя во главу угла живую, конкретную, критически-мыслящую личность, отвергающую всякіе мистическіе элементы и дѣйствующую во имя справедливости. Въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» (Спб., 1861, стр. 92) Лавровъ говоритъ: «Сознаніе присутствуетъ только въ живыхъ, дѣйствительныхъ личностяхъ. Отвлеченныя общественныя единицы суть лишь формы, въ которыя отдѣльныя личности вкладываютъ свое сознаніе... Въ личности нѣтъ ни блага, ни справедливости, и она вооружается критикою относительной формъ, ею созданныхъ».

Въ особенности ярко выражается это міровоззрѣніе Лаврова, ставящее основою мысли и жизни личность, въ его знаменитомъ, хотя и небольшомъ сочиненіи «Историческія письма». Суть этого мѣстами замѣчательно пластически и энергично написаннаго произведенія такова. Личности, слѣдуя своему стремленію къ наслажденію, слагаются въ общежитіе съ себѣ подобными. На почвѣ этого сростанія для удовлетворенія эгоистичныхъ потребностей вырастаютъ союзы, слагаются храмины обычаевъ, къ которымъ обыкновенно личность не смѣетъ и прикоснуться. Это есть культура. Но человѣкъ ничѣмъ не отличался бы отъ животныхъ, изъ среды которыхъ онъ и вышелъ, если бы съ теченіемъ времени въ немъ не проявилась, не начала зрѣть и крѣпнуть критическая мысль. Воздѣйствуя на культуру, распатывая общественныя формы, которыя она въ извѣстный моментъ безпощадно отвергаетъ, она превращаетъ вѣчно застывающую культуру въ вѣчно текучую прогрессирующую цивилизацію, вырабатывая такое общество, которое удовлетворяетъ и основнымъ потребностямъ общежитія, и критической мысли личности *). Солю земли, основною причиною человѣческаго прогресса является интеллигенція, состоящая изъ критически мыслящихъ личностей, сначала находящихся въ небольшомъ числѣ, а

*) Это понятіе о «цивилизациі» собственно развивается подробно Лавровымъ въ его статьѣ „Цивилизація и дикія племена“, появившейся годомъ-двумя позже „Историческихъ писемъ“ (я говорю не объ отдѣльномъ изданіи). Но всѣ элементы этого взгляда находятся уже на лицѣ въ „Историческихъ письмахъ“.

затѣмъ все болѣе и болѣе расширяющихъ свои ряды. Но, увы! какъ дорого громадное большинство человѣчества заплатило за право имѣть среди себя эту движущую силу исторіи. «Если бы честь,—говоритъ Лавровъ,—образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній, трудившихся только для поддержанія своей жизни и для развитія другихъ, и если бы вычислить, сколько потерянныхъ человѣческихъ жизней, и какая цѣнность труда приходится на каждую личность, вынѣ живущую нѣсколько человѣческой жизнью—если бы все это сдѣлать, то, вѣроятно, иные наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капиталъ крови и труда израсходованъ на ихъ развитіе». («Историческія письма», 2-е изд., Женева, 1891, стр. 72).

Чтобы возмѣстить человѣчеству эту колоссальную «цѣну прогресса», интеллигенція обязана работать усиленно надъ внесеніемъ въ общественныя формы возможно большей справедливости. Только этимъ путемъ критически мыслящія личности могутъ заплатить за кровь, слезы и страданія миллиардовъ человѣческихъ особей, polegшихъ костью въ борьбѣ за существованіе и создавшихъ своимъ непосильнымъ трудомъ возможность появленія критически мыслящаго меньшинства. Проповѣдь инициативной альтруистической дѣятельности, обращенная къ интеллигенціи, льется горячимъ потокомъ въ «Историческихъ письмахъ». Кто не помнитъ знаменитыхъ страницъ: «Какъ!—личность! одинокая, ничтожная, безсильная личность, думаетъ критически относиться къ общественнымъ формамъ, выработаннымъ исторіею народовъ, исторіею народовъ, исторіею человѣчества! Личность считаетъ себя въ правѣ и въ силахъ низвергнуть, какъ идола, то, что остальная масса общества признаетъ святынею и т. д.» (стр. 109). Разбирая эти возраженія, Лавровъ убѣждаетъ личность въ правильности, полезности, достодожности, нравственности этой критической низвергающей дѣятельности. Онъ опирается при этомъ на основной пунктъ своего міровоззрѣнія: живутъ, наслаждаются, страдаютъ, борются и вырабатываютъ общественныя формы лишь живыя, конкретныя личности. Общество же есть только абстракція, предъ которой не должна ни въ какомъ случаѣ складывать оружіе критическая мысль. И опять словно могучій припѣвъ: борись, личность, ибо только этимъ путемъ ты можешь хотя немного облегчить страданія своихъ безчисленныхъ братьевъ и удовлетворить вѣчно горящую въ твоей душѣ жажду идеала.

«Историческія письма» заканчиваютъ собою тотъ періодъ въ жизни Лаврова, который бы я назвалъ болѣе или менѣе идеологическимъ, радикально-прогрессивнымъ, но не прямо социалистическимъ, хотя уже и носящимъ на себѣ замѣтное вліяніе социалистическихъ взглядовъ. Напомню, напр., что еще въ своей теоріи личности Лавровъ смотрѣлъ на собственность, лишь какъ на при-

родную необходимость для развитія человеческого «я», ограничивалъ ее условіями, неизбежными для существованія живой личности, но рѣзко возражалъ противъ какого бы то ни было права монопольнаго владѣнія («Очерки вопросовъ», стр. 76). Въ біографіи Лаврова мы упомянули о началѣ 70-хъ годовъ, какъ объ эпохѣ, когда этотъ уже въ общемъ сложившійся мыслитель встрѣтился съ современнымъ социализмомъ какъ на практикѣ, въ видѣ Интернаціонала, такъ и въ теоріи въ видѣ ученія Маркса. Съ этой поры рѣзко опредѣленные социалистическіе элементы обильно входятъ въ міропониманіе Лаврова, который съ свойственной ему широтой и основательностью мысли ассимилируетъ элементы марксизма.— можетъ быть, платя нѣкоторую дань эклектизму, хотя не столько въ существѣ, сколько во внѣшней формѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдующихъ произведеній. Во всякомъ случаѣ, попытка Лаврова сплавить въ одно свою прежнюю болѣе идеалистическую и послѣдующую болѣе реалистическую точку зрѣнія представляетъ собой очень интересную работу философскаго синтеза.

Видоизмѣненное подъ вліяніемъ Маркса міровоззрѣніе Лаврова, не говоря уже о его статьяхъ во «Впередѣ» и т. п., особенно ярко отразилось на «Опытѣ исторіи мысли новаго времени» и на «Задачахъ пониманія исторіи», гдѣ социологія окрашена въ сильной степени основнымъ взглядомъ Маркса на значеніе экономики. Такъ, Лавровъ задается вопросомъ, чѣмъ опредѣляется исторія человечества, и отвѣчаетъ на него анализомъ двойного ряда человеческихъ побужденій: ряда, представляющагося съ перваго взгляда альтруистическимъ; и ряда, носящаго повидимому глубоко эгоистическій характеръ. Къ первой группѣ основныхъ потребностей относятся: потребность общежитія, потребность полового сближенія, и родительская привязанность. Тонкое и широко задуманное изслѣдованіе эволюціи отношеній, выросшихъ изъ этихъ, казалось бы, альтруистическихъ потребностей, приводитъ нашего мыслителя къ заключенію, что онѣ не только не способствуютъ выработкѣ истинно человеческихъ формъ общежитія, но, наоборотъ, создаютъ такіе группировки личностей, которыя лишь противодействуютъ истинному прогрессу. Затѣмъ скальпель анализа прилагается Лавровымъ ко второму разряду потребностей, носящему повидимому рѣзко эгоистическій отпечатокъ. Здѣсь мы находимъ тоже троякаго рода потребности: потребность въ пищѣ, потребность въ безопасности, и потребность въ нервномъ возбужденіи. Спрашивается теперь: какая же изъ этихъ потребностей входитъ всего болѣе постоянно дѣйствующимъ факторомъ въ непрерывную эволюцію человечества? Потребность ли въ пищѣ, которая опредѣляетъ технику производства, характеръ классовъ, и великое явленіе классовой борьбы? Или же потребность въ безопасности, которая ведетъ къ борьбѣ за власть, къ созданію современнаго государства и вообще къ той, широко драматической сторонѣ общественной жизни, которая называется

борьбой политическихъ партій? Или же это, наконецъ, потребность въ первомъ возбужденіи, которая своей многовѣковой игрой обогащаетъ умъ и чувство человѣка цѣлымъ рядомъ новыхъ психическихъ элементовъ и складывается въ богатый міръ идей и аффектовъ? Словомъ, что же ведетъ преимущественно людей: экономика, политика, или идея?

Основательнымъ и остроумнымъ разборомъ развитія этихъ потребностей въ различные періоды человѣческаго существованія Лавровъ приходитъ къ заключенію, что по наибольшей напряженности, распространенности и частотѣ проявленій господствующая роль принадлежитъ экономикѣ. «Едва ли не приходится признать,—говоритъ онъ,—что экономическіе мотивы во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мѣрѣ вытекать изъ заботъ экономическихъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ научное пониманіе политической исторіи прежде всего должно искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ» («Задачи пониманія исторіи», стр. 51—52).

Какимъ же, однако, образомъ совмѣстить такое объясненіе исторіи съ тѣмъ взглядомъ на нее, какой бросалъ на нее раньше Лавровъ, когда онъ говорилъ намъ о борьбѣ двухъ въ значительной степени идеологическихъ моментовъ: строя обычныхъ представленій, именующихъ культурой, и работы критической мысли, оперирующей надъ измѣненіемъ культуры въ достойную человѣка цивилизацію? Пріемъ Лаврова для разрѣшенія этого противорѣчія, которое можетъ съ перваго взгляда показаться существеннымъ, заключается въ размѣщеніи сравнительнаго преобладанія экономическихъ и идейныхъ факторовъ по различнымъ фазисамъ развитія человѣчества. А именно: если въ центральной части человѣческой исторіи, въ томъ періодѣ, въ которомъ живетъ историческая часть человѣчества и жили ея предшественники,—если, говоримъ мы, въ этой области и въ этой эпохѣ господствуютъ экономическіе интересы и рѣзкая борьба за нихъ между классами, то позади насъ изъ ночи родового общества вырисовывается царство обычая, сильно ограничивающаго всякія побужденія личности, даже и экономическія. А, съ другой стороны, впереди насъ развертывается золотая перспектива грядущаго общества людей-братьевъ, гдѣ на почвѣ нормальнаго удовлетворенія основныхъ потребностей всѣ люди будутъ жить въ такой же степени согласно своимъ убѣжденіямъ и руководиться альтруистическими чувствами, въ какой такъ живутъ и такъ дѣйствуютъ въ наше время лишь исключительныя личности, великіе герои мысли и убѣжденія, полагающіе, не колеблясь, душу свою за други своя.

Надо ли, впрочемъ, прибавлять, что строго дисциплинированный въ научномъ отношеніи умъ Лаврова не допускалъ столь рѣзкаго дѣленія исторіи человѣчества на эти три различные періода,

чтобы уже въ каждомъ изъ нихъ не было или переживаній предшествовавшаго, или зародышей грядущаго? Такъ и въ родовомъ строѣ, гдѣ на человѣка давила масса несокрушимыхъ обычаевъ, уже находились личности и группы личностей, которыя могли руководиться какъ борьбой за сознанные интересы, такъ и убѣжденіями. Съ другой стороны, и въ современномъ обществѣ господство классовой борьбы изъ-за сознанныхъ экономическихъ интересовъ уже отчасти парализуется какъ переживаніями обычаевъ и возрѣній, идущихъ изъ далекаго прошлаго, такъ и существованіемъ такихъ людей, на челѣ которыхъ горитъ идеаль будущей, высоко развитой и гуманной личности.

Здѣсь будетъ кстати прибавить, что изученіе переживаній принадежить къ одной изъ наиболѣе удачно изучаемыхъ Лавровымъ областей изслѣдованія. Тѣ, кто думаютъ, напр., судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, хотя бы относительно профессора Духовной Академіи Юркевича, что у Лаврова было хоть какое-нибудь тяготѣніе къ богословскому элементу, жестоко ошибаются *). Съ энергією, со страстью, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Лавровъ выступилъ на арену литературной дѣятельности, онъ отрицалъ право теологіи на захватъ мышленія и развитого человѣка, и всего прогрессирующаго человѣчества. Анализъ религіозныхъ явленій въ ихъ происхожденіи, развитіи и отмираніи показываетъ Лаврову, что религія была одной изъ первоначальныхъ формъ незрѣлой и слабой человѣческой мысли, и что она постепенно исчезала по мѣрѣ того, какъ передъ человѣкомъ обрисовывались во всей своей красочной привлекательности задачи земли и земного счастья. Кто рѣзче Лаврова расчленилъ религію на ея составныя части: на смутный, инстинктивный, общій міру человѣка и высшихъ животныхъ страхъ передъ враждебной силой; на элементъ «удачи», колдовства, суевѣрныхъ формъ и обрядовъ, словомъ «религіозной техники», при помощи которой человѣкъ, еще не дойдя до представленія о духахъ и божествахъ, старался побѣдить непокорную и грозную природу; на элементъ анимизма, вызывающій къ жизни и фетишей, и шамановъ; на элементъ политическаго и кастового консерватизма, на почвѣ котораго привилегированныя сословія старались закрѣпить свою власть надъ трудящимся большинствомъ, внушая ему почтеніе къ традиціоннымъ идеямъ; на элементъ философской, нравственной и эстетической мысли, который нѣкогда украшалъ, разцвѣчивалъ и придавалъ своеобразную прелесть явленіямъ вѣрованія, но который въ послѣдствіи сталъ переходить и окончательно перейдетъ въ область чисто свѣтской, научной, нравственной и художественной мысли?..

Въ любопытномъ этюдѣ Лаврова «Переживанія доисториче-

*) Въ сущности Лавровъ напоминаетъ своимъ оппонентамъ лишь о томъ, что, борясь съ идеалистами, не слѣдуетъ проходить молчаніемъ Юркевича и Гилярова-Платонова, двухъ «самыхъ сильныхъ нашихъ современныхъ диалектиковъ» («Моимъ критикамъ», прим. къ стр. 51).

скаго періода» (Женева, 1898 г.) мы встрѣчаемся на одной страницѣ, даже на протяженіи нѣсколькихъ строкъ, съ очень удачнымъ сплавленіемъ воедино марксистской и лавристской формулы человѣческой эволюціи: «Борьба партій въ историческое время идетъ лишь по внѣшности подъ идейными знаменами консерватизма, прогресса или реакціи. Въ сущности это почти всегда борьба интересовъ личныхъ и классовыхъ, борьба за экономическое господство и за средства эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, борьба за власть, доставляющую возможность этого господства и этой эксплуатаціи. Наибольшая часть интеллигенціи со всѣми своими сторонниками охвачена всецѣло этою борьбою... Даже въ кодексы нравственныхъ ученій, вызываемыхъ работою критической мысли, входятъ элементы этой борьбы интересовъ» (стр. 157). И дальше. «Новый періодъ жизни человѣчества... начался съ выступленіемъ на историческую сцену современнаго научнаго социализма... Лучшее понятая исторія обнаружила, что борьба интересовъ въ прошедшемъ заключалась въ сущности въ борьбѣ классовъ, которая неизбѣжно привела къ современной борьбѣ капитала и труда, и въ этомъ ея фазисѣ опредѣленно указала на возможность прекращенія этой борьбы интересовъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ раздѣленія классовъ. Но то же самое лучшее пониманіе хода историческаго процесса приводитъ къ убѣжденію, что только что указанная возможность способна обратиться въ *дѣйствительность* лишь путемъ энергической инициативы интеллигенціи, для которой то, что *по-нято*, какъ исторически неизбѣжное, обратилось въ сферѣ актовъ воли въ личный обязательный идеалъ, въ нравственное убѣжденіе, неумолимо требующее отъ развитого человѣка дѣйствій, борьбы и жертвъ» (стр. 160).

Не удивляйтесь же, что на послѣдней замѣчательно ярко набросанной страницѣ своихъ «Задачъ пониманія исторіи» «марксистъ»-Лавровъ остается вмѣстѣ съ тѣмъ подлиннымъ, дорогимъ русской интеллигенціи «пропагандистомъ»-Лавровымъ. «Твои индивидуальныя силы, какъ строителя будущаго, ничтожны, но столь же ничтожны были индивидуальныя силы всѣхъ твоихъ предшественниковъ, построившихъ настоящее. Старайся же сдѣлаться историческою силою, потому что лишь этимъ путемъ были одержаны всѣ побѣды, сперва казавшіяся иногда совсѣмъ невѣроятными, и которыя большинство впослѣдствіи готово было признать чудесами. Чудотворцемъ всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей, какъ необходимый органъ совершающагося историческаго детерминизма. Когда ты поставилъ передъ собою жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, когда ты положилъ на этотъ идеалъ всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое я и твое дѣло своимъ неудержимымъ теченіемъ и уне-

сеть ихъ въ водоворотъ событий. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошло неустранимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя и приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненные цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее для миллиардовъ незамѣтныхъ особъ, которыя рядомъ съ тобою, сознательно и безсознательно, строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: «побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ» (стр. 371).

Это въ общемъ очень гармоничное, очень своеобразное соединеніе объективизма и субъективизма и является характерною чертою личности мыслителя. Въ той точкѣ изложенія системы Лаврова, на которой мы находимся въ настоящее время, можетъ быть всего цѣлесообразнѣе объяснить читателю, что означаетъ собою въ сущности «субъективный методъ въ социологій», который такъ часто не понимали и съ которымъ такъ часто боролись. Въ значительной степени эти споры вокругъ взглядовъ такъ называемой «русской субъективной школы» основаны на недоразумѣніи. И, во всякомъ случаѣ, именно у Лаврова мы найдемъ мало поводовъ къ смѣшенію понятій. Лавровъ въ общемъ опредѣляетъ упомянутый субъективный методъ точнѣе и уже, чѣмъ большинство мыслителей того же направленія, напр., высоко оригинальный Михайловскій *).

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ можетъ показаться, что методъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ примѣняться ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго сознанія. И, однако, дѣло для Лаврова обстоитъ не такъ. Прежде всего онъ замѣчаетъ, что надо различать между субъективнымъ и объективнымъ характеромъ самихъ изучаемыхъ явленій и между субъективнымъ и объективнымъ методомъ, прилагаемымъ къ ихъ изслѣдованію. Съ одной стороны, и въ области естественныхъ наукъ передъ нами развертывается цѣлый рядъ явленій, которыя имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда мы относимъ ихъ къ человѣческому индивидууму. Возьмемъ, напримѣръ, звуковыя и оптическія явленія, которыя воспринимаются человѣческимъ ухомъ и глазомъ. Несомнѣнно, и гамма тоновъ, и спектръ красокъ имѣютъ смыслъ только тогда, когда мы кладемъ въ основаніе ихъ воспринимающую личность. И хотя мы знаемъ, что этимъ

*) Лавровъ относился къ Михайловскому съ величайшимъ уваженіемъ. Неоднократно онъ говорилъ мнѣ, что авторъ „Борьбы за индивидуальность“ и „Записокъ профана“ пришелъ по его, Лаврова, глубокому убѣжденію къ сходнымъ выводамъ въ вопросѣ о субъективизмѣ совершенно самостоятельно, хотя, пожалуй, и нѣсколько позже, чѣмъ самъ Лавровъ. Это не мѣшало Петру Лавровичу отмѣчать нѣкоторые второстепенные пункты разногласія съ знаменитымъ русскимъ философомъ-публицистомъ.

субъективнымъ явленіямъ соотвѣтствуютъ въ мірѣ физическомъ ряды колебаній той или иной среды, однако, изслѣдователю приходится брать за отправный пунктъ именно эти явленія человѣческаго ощущенія. Съ другой стороны, несомнѣнно, что мы должны идти дальше и изслѣдовать ихъ объективнымъ методомъ въ томъ смыслѣ, что каждый изслѣдователь, отправляющійся отъ этихъ явленій, будетъ въ состояніи, при нормальныхъ условіяхъ наблюденія, отыскивать законы данныхъ явленій и сводить ихъ къ прочной основѣ общаго человѣческаго опыта. Точно также субъективны по своему первоначальному характеру и явленія индивидуальной и массовой психологіи, и историческія событія, и социологическія группы фактовъ, въ которыхъ выражается давленіе тѣхъ или иныхъ человѣческихъ потребностей. Но точно также эти субъективныя по своему характеру явленія могутъ и должны изучаться нами объективнымъ методомъ, по скольку всѣ и каждый наблюдатель, помѣщенный въ нормальныя условія для наблюденія этихъ явленій, могутъ провѣрять перекрестнымъ путемъ взаимнаго освѣдомленія результаты непосредственнаго, личнаго наблюденія.

И, однако, затѣмъ наступаетъ уже другой фазисъ въ изслѣдованіи фактовъ сознанія какъ личнаго, такъ и общественнаго. Конечно, отъ изслѣдователя и естественно-научныхъ и социальныхъ явленій одинаково требуется возможно полное знакомство съ фактами. Отъ него требуется отбросить далеко отъ себя какъ субъективизмъ невѣжесва, такъ и субъективизмъ предразсудка. Но за всѣмъ тѣмъ, по объективномъ изслѣдованіи изучаемыхъ явленій, остается область, въ которой получаетъ право гражданства субъективный методъ. Этотъ методъ заключается въ общемъ взглядѣ на смыслъ и ходъ событій, въ нравственной оцѣнкѣ побужденій отдѣльныхъ людей и группъ, въ умѣніи отличать въ изучаемомъ рядѣ явленій обстоятельства главныя и второстепенныя, существенныя и побочныя, здоровыя и болѣзненныя. Тутъ съ однимъ голымъ знаніемъ фактовъ и съ одной способностью логическаго обобщенія изслѣдователю далеко не уйти. Здѣсь онъ прежде всего долженъ для себя самого, въ извѣстной перспективѣ и съ извѣстнымъ рельефомъ, а отнюдь не на одной плоскости расположить явленія въ извѣстныя равнозначашія группы и указать на тотъ общій путь, которымъ, по его мнѣнію, движутся изучаемыя событія. Здѣсь уже все должно быть расцвѣчено оцѣнкою самого наблюдателя, который, какъ утверждаетъ Лавровъ, не могъ бы даже просто осмыслить событій, если бы пожелалъ относиться къ нимъ такъ же объективно, какъ къ чисто физическимъ явленіямъ. А это общее пониманіе явленій, это осмысливаніе ихъ эволюціи опредѣляется общимъ развитіемъ изслѣдователя, на котораго, въ свою очередь, въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ его большая или меньшая чуткость, его слабый или твердый характеръ, положеніе, которое онъ занимаетъ въ данномъ обществѣ, классѣ, кастѣ, группѣ.

Возьмите, напримѣръ, человѣчество на рубежѣ двухъ міровъ: античнаго и такъ называемаго христіанскаго. Можно предположить двухъ одинаково знающихъ, одинаково умныхъ и логически мыслящихъ изслѣдователей, которые, однако, дадутъ различные отвѣты на общій вопросъ о характерѣ упомянутаго періода. Историкъ съ сильно развитыми религіозными и мистическими тенденціями расположить изучаемыя явленія въ такомъ порядкѣ, чтобы изъ него вытекала для читателей громадная важность совершавшагося въ человѣчествѣ духовнаго переворота. Мистическія порыванія «страждущихъ и обремененныхъ» будутъ для такого изслѣдователя совершенно оттѣснять на задній планъ значеніе оставшихся еще въ то время здоровыхъ научныхъ попытокъ, шедшихъ отъ наиболѣе рациональныхъ философовъ древности и стремившихся внести разумное объясненіе въ причины какъ физическихъ, такъ и общественныхъ явленій. Поставьте рядомъ съ такимъ изслѣдователемъ другого изслѣдователя, передъ которымъ, какъ свѣточъ, горитъ идеалъ строгой научной мысли. Для него, нѣтъ сомнѣній, обрывки философскихъ обобщеній Демокрита, великая поэма матеріализма Лукреція, астрономическія изысканія Гиппарха и Птолемея станутъ на первое мѣсто и оттѣснятъ значеніе мистическаго трепета, охватывающаго толпу при видѣ сомнительныхъ подвиговъ какого-нибудь невѣжественнаго тауматурга.

Подобную же возможность различной оцѣнки можетъ представлять и современная исторія съ ея полуинстинктивнымъ, полусознательнымъ стремленіемъ трудящихся массъ къ лучшему строю коллективности и съ вполне сознательной выработкой социалистическаго идеала. Представьте себѣ, съ одной стороны, хотя бы Спенсера, который до невѣроятія боится «грядущаго рабства», тиранніи общества надъ индивидуумомъ, и хотя бы нашего Лаврова, который понимаетъ, что именно въ социалистическомъ обществѣ личность будетъ въ состояніи жить подъ наименьшимъ гнетомъ естественныхъ и социальныхъ условій и потому полнѣе и свободнѣе развиваться. Въ какую различную картину развернется для того и другого изслѣдователя современная исторія!..

На основаніи различныхъ, порою далеко и глубоко идущихъ, разсужденій Лавровъ приводитъ своихъ читателей къ неотразимому убѣжденію, что и въ социологіи, и въ исторіи высшее пониманіе изучаемыхъ явленій должно вызывать фатально примѣненіе субъективнаго метода. Мы здѣсь поставили рядомъ два слова «социологія» и «исторія», смыслъ которыхъ часто смѣшивается. Для Лаврова онъ былъ различенъ. Социологія, по его мнѣнію, представляетъ собою науку повторяющихся явленій, въ которыхъ выражается выработка чувства солидарности. Она приблизительно соответствуетъ по отношенію къ индивидууму тому, что называется физиологіей организма. Исторія же есть для Лаврова наука, въ которой дѣло идетъ объ изученіи неповторяющихся явленій, выражающихъ ростъ кри-

тически мыслящихъ личностей и столкновенія ихъ съ общественными формами, которыя, если въ извѣстный моментъ и могутъ удовлетворять потребностямъ человѣка, то затѣмъ теряютъ это свое благоприятное значеніе и требуютъ разрушенія. Исторія соотвѣтствовала бы по отношенію къ отдѣльному человѣку тому, что называется эмбриологіей и биологической исторіей индивидуума.

Смыслъ исторіи, историческій прогрессъ состоитъ, по мнѣнію Лаврова, въ томъ, что уменьшается число неисторическихъ народовъ, а внутри ихъ убываетъ какъ численность «пасынковъ исторіи», т. е. трудящихся массъ, выносящихъ на своихъ плечахъ все зданіе цивилизаціи, такъ и количество «культурныхъ дикарей», т. е. тѣхъ лицъ привилегированныхъ сословія, которыя берутъ изъ окружающей среды всѣ удобства и въ то же время не понимаютъ даже смысла питающей ихъ культуры. Параллельно этому историческому прогрессу, и какъ причина его, и какъ слѣдствіе, растетъ «историческая интеллигенція», т. е. та часть общества, которая простую способность къ наслажденію, зачастую столь эгоистическую, превратила въ способность наслажденія развитіемъ. Для личности, принадлежащей къ этой интеллигенціи, картина физическаго міра и общества должна укладываться въ общую формулу, которая удовлетворяетъ какъ теоретическимъ, такъ и жизненнымъ задачамъ развитого человѣка.

Въ основѣ міровоззрѣнія такой личности находится объединяющая «научная философія», строго изгоняющая изъ человѣческаго сознанія всѣ метафизическіе и мистическіе элементы. Эта область философской мысли включаетъ въ себѣ какъ положительную науку, такъ и нравственную дѣятельность, основанную на надлежащемъ примѣненіи науки къ постановкѣ великихъ жизненныхъ цѣлей. Работающій надъ этими задачами человѣкъ, пускаетъ въ ходъ для осуществленія своихъ цѣлей «техническую мысль», осуществляющую реальныя основанія человѣческой коопераціи, и «творчество общественныхъ формъ», въ которыхъ выражается социальный идеалъ свободной личности и солидарнаго общества. Это зданіе общежитія изукрашивается, наконецъ, работой «здоровой эстетической мысли», которая выросла изъ зоологической потребности внѣшняго украшенія и въ концѣ концовъ даетъ человѣку міръ художественной правды и красоты. Лишь въ такомъ общежитіи, носящемъ социалистическій характеръ, покоящемся на трудѣ всѣхъ и на наслажденіи каждаго, будетъ разрѣшена великая историческая противоположность, давно терзавшая друзей человѣчества: вполнѣ свободная личность и крѣпко связанное братскою солидарностью общество.

И этотъ социалистическій выводъ отнюдь не является для Лаврова, какъ въ томъ его упрекали нѣкоторые либеральные писатели, внѣшнимъ и позднимъ привѣскомъ къ его первоначальному, широкому прогрессивному міровоззрѣнію. Лавровъ-социалистъ

является гармоническимъ дополненіемъ и развитіемъ Лаврова-демократа и прогрессиста. Мало того, даже принадлежность Петра Лавровича къ партіямъ рѣзко революціоннымъ была строго логическимъ приложеніемъ его общаго міровоззрѣнія къ задачамъ момента. Укажу на одно чрезвычайно любопытное обстоятельство. Съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ его участія въ «Вѣстникѣ Народной Воли» къ нему стала стекаться изъ Россіи и изъ-за границы цѣлая масса писемъ, въ которыхъ его друзья и почитатели, знавшіе Лаврова, какъ руководителя «Впередъ», обращались къ нему съ вопросами о томъ, что же имъ должно теперь дѣлать, и не противорѣчить ли теперешняя позиція Лаврова, какъ союзника «Народной Воли», его прежней дѣятельности. Отвѣтомъ на это служила замѣчательная статья Лаврова «Соціальная революція и задачи нравственности», помѣщенная въ №№ 3 и 4 того же «Вѣстника Народной Воли» (Женева, 1884—1885 г.). Въ этой статьѣ ярко указывается прежде всего на тѣсную зависимость между идеаломъ просто прогрессивнаго человѣка и идеаломъ социалиста. «Социалистическій нравственный идеалъ оказывается не только не противорѣчивымъ прогрессивному нравственному идеалу, какъ онъ логически развивался въ человѣчествѣ, но единственнымъ возможнымъ осуществленіемъ требованій: для личности—безпреткновенной выработки развитія и осуществленія въ жизни ея достоинства; для общества—распространенія возможности развитія на все большее и большее число личностей и выработки общественныхъ формъ, позволяющихъ всеобщую кооперацію для всеобщаго развитія».

Что же касается до его позиціи, какъ «вѣрнаго» союзника партіи, не отступающей передъ самыми рѣзкими формами политической борьбы, то и на это Лавровъ давалъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. Теперь я попрошу обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что Лавровъ не только не затушевывалъ въ этой высоко замѣчательной статьѣ своихъ прежнихъ взглядовъ, но, наоборотъ, приводилъ ихъ цѣлыми большими цитатами, точно обозначая годы написанія предшествовавшихъ статей. И изъ общаго развитія статьи, окончательная мысль которой служила цементомъ этихъ цѣнныхъ глыбъ, выходило, что у Лаврова могли мѣняться отгѣнки идеала, но общее направленіе его могучаго міровоззрѣнія, основаннаго на единствѣ теоретическихъ и практическихъ задачъ, вело къ одному и тому же: бороться въ первыхъ рядахъ наиболѣе активной арміи прогресса, каковой могла быть лишь социалистическая партія.

Вотъ эта-то послѣдовательность мысли, неуклонно указывавшая, словно магнитная стрѣлка, на социалистическій идеалъ, и была особенно дорога русскимъ активнымъ дѣятелямъ, порою обреченнымъ на самыя тяжелыя условія личнаго существованія. Не могу забыть волненія, которое охватило Лаврова, когда въ день празднованія его семидесятилѣтія, организованнаго въ 1893 г. нами, его

идейными товарищами за границей, «изъ глубины сибирскихъ рудъ» пришло посланіе поэта-каторжанина, которое отличалось столь же великой мужественностью мысли, какъ и изяществомъ и энергіей формы. И до сихъ поръ звучать еще у меня навсегда врѣзавшіяся въ память строфы стихотворенія къ «Учителю»:

Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнь и сомнѣній
Одинъ, не поникшій могучей душой!..

.....

Въ темницахъ отчины, на солнцѣ чужбины,
Надъ Леной, подъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ,
Намъ свѣтять твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучомъ!

Таковъ, да именно таковъ, былъ удивительный человекъ и рѣд-
костный мыслитель, который вѣчно будетъ дорогъ всей мыслящей
передовой и социалистической Россіи.

Н. Е. Кудринъ.

Исторія моего современника.

Студенческіе годы.

V.

Я кидаю якорь въ Семеновскомъ полку.

Я проснулся рано, кажется, отъ нестерпимаго восторга. Мой спутникъ еще спалъ. Я подошелъ босикомъ къ окну и выглянулъ на улицу. Лиговка тогда представляла еще каналъ или, вѣрнѣе, гнилую канавку, черезъ которую на близкихъ разстояніяхъ были кинуты мостки. Небо было пасмурное, сѣрое. Такъ и надо: не даромъ же Достоевскій сравниваетъ его съ сѣрой солдатскою шинелью... Вотъ оно. Дѣйствительно, похоже. На верхушку Знаменской церкви надвигалась отъ Невскаго ползучая мгла. Превосходно. Вѣдь это опять много разъ описанные „петербургскіе туманы“. Все такъ! Я, несомнѣнно, въ Петербургѣ.

На столикѣ въ нашемъ номерѣ лежала небольшая книжонка съ планомъ города. Я жадно схватилъ ее и, neodѣтый, сталъ изучать улицы, по которымъ намъ нужно будетъ идти, чтобы разыскать ровенскихъ товарищей: Семеновскій полкъ, Малый Царскосельскій проспектъ, д. № 4, кв. 8. Когда Корженевскій всталъ, и мы напились чаю, я очень увѣренно повелъ его по Невскому проспекту. Онъ удивлялся, не довѣрялъ мнѣ и все останавливался, боясь „заблудиться“.

— Послушайте, вотъ вы говорили — будетъ Аничковъ мостъ съ лошадьми. Гдѣ же они? Никакихъ лошадей нѣтъ.

— Вотъ и лошади, а это вотъ Александринскій театръ. Видите? А за нимъ мы свернемъ налѣво, по Садовой... Вотъ это публичная бібліотека.

— Послушайте,—опять сомнѣвался онъ,—вотъ вы говорите—будетъ Сѣнная площадь... Идемъ, идемъ, а площади нѣту.

Но и площадь оказалась на мѣстѣ, что, правду сказать, и во мнѣ вызывало нѣкоторое радостное удивленіе. На Обу-
Февраль. Отдѣлъ I.

ховскомъ проспектъ стоялъ вагонъ конки. Онъ только-что пришелъ, и кучеръ переводилъ лошадей съ задняго конца на передній. Во мнѣ созрѣла дерзновенная рѣшимость сѣсть на верхушку. Не столько отъ того, что мои провинціальныя ноги уже чувствовали непривычную каменную мостовую, сколько для познанія всякаго рода петербургскихъ вещей, какъ сказалъ бы Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Корженевскій опять усомнился.

— Послушайте, что вы! Посмотрите: никто не садится... — говорилъ онъ тихо, останавливая меня за пальто. Но я отчаянно отмахнулся и сталъ подыматься по лѣсенкѣ.

Оба мы въ эту минуту немного напоминали г-на Голядкина изъ „Двойника“ Достоевскаго, когда этотъ бѣдняга подымался на лѣстницу доктора Крестьяна Ивановича Рутеншица. Корженевскій былъ Голядкинъ робкій и сомнѣвающийся въ своемъ правѣ, а я — Голядкинъ горделивый, увѣрявшій себя, что мы, „какъ и всѣ“, не лишены права вѣхать на имперіалѣ этой великолѣпной конки.

Вагонъ тронулся. Направо — надпись: „институтъ инженеровъ путей сообщенія“. Кто туда поступилъ изъ нашихъ? Кажется—никто. Мостъ. Фонтанка. Мы оба привстали и, вытягивая шеи, слѣдимъ за невиданнымъ зрѣлищемъ: подъ мостъ втягивалась барка, груженная дровами. Дальше—длинное зданіе „Константиновскаго военнаго училища“. Сюда поступили два брата Заботины и Завердяевъ... А вотъ налѣво длинное зданіе съ красновато-желтыми стѣнами. Сидѣвшій съ нами рядомъ молодой человѣкъ въ синей блузѣ, очкахъ, высокихъ сапогахъ и шапкѣ съ зеленымъ околышемъ, поднялся и быстро сошелъ по лѣсенкѣ. „Смотрите, смотрите! Это Технологическій институтъ...“ Широкий фасадъ на углу двухъ улицъ. Положительно, зданія имѣютъ свою фізіономію. Какая умная фізіономія! Похожа... на что?.. На то, какъ я представлялъ себѣ директора Ермакова. Величаво и серьезно у подъѣзда виднѣлись входящія, выходящія, останавливающіяся фигуры. Нашъ недавній сосѣдъ шелъ, точно домой, здороваясь и весело переговариваясь на ходу.

— Вотъ типичный студентъ,—сказалъ я Корженевскому.— И какая умная фізіономія.

Впослѣдствіи я съ нимъ познакомился. Увы! еще разъ пришлось убѣдиться въ своей непроницательности. Юноша, дѣйствительно, былъ очень типиченъ и очень недалекъ.

Однако, оглядываясь на институтъ и пяля глаза по сторонамъ, я зазѣвался. Вагонъ, тихо погромыхивая, миновалъ роту за ротой и поровнялся съ небольшою часовенкой на углу двухъ улицъ... Я поднялся.

— Господинъ кондукторъ, это не Малый Царскосельскій?—спросилъ я съ тревогой.

— Онъ самый.

Я, какъ сумасшедшій, кинулся внизъ, увлекая встревоженнаго Корженевскаго... Часовенка осталась уже назади... Повернувшись къ ней лицомъ, я соскочилъ съ площадки вагона. Кто-то, будто, прихватилъ меня за пятки и кинулъ на грязную мостовую. А вагонъ уплывалъ дальше, точно корабль, съ котораго человекъ упалъ въ море, и на задней площадкѣ я видѣлъ испуганное лицо моего спутника...

Кондукторъ позвонилъ и спустилъ бѣднягу не особенно любезно, пояснивъ, что прыгать надо впередъ.

Итакъ,—вотъ это уголъ Малаго и Большаго Царскосельскихъ *). Часовня. Такъ. Она прописана въ запискѣ. Домъ номеръ второй... Мелочная лавочка... Домъ четвертый. Все такъ. Квартира 12, по этой вотъ лѣстницѣ...

— Ну, что! Видите, привелъ!—похвастался я передъ Корженевскимъ, который все-таки имѣлъ такой видъ, точно не вѣрилъ, что все это предпріятіе можетъ кончиться благополучно. Правду сказать, и мнѣ казалось все это маленькимъ чудомъ: недѣли три назадъ, въ Ровно, на мосту Сучковъ набросалъ въ моей записной книжечкѣ нѣсколько линий и цифръ. И теперь это все разворачивалось съ такой точностью вотъ въ эту часовенку, лавочку, дома съ тѣми самыми номерами... И черезъ минуту у насъ окажется свой человекъ, землякъ и товарищъ среди этого шумно-грохочущаго человѣческаго океана... А что, если мы позвонимъ, откроется дверь, и чужіе люди скажутъ намъ, что мы ошиблись? Никакого Гриневецкаго нѣтъ. А есть только все чужое, равнодушное, незнакомое. Вотъ только дернуть за звонокъ... Пожалуй, еще разсердятся...

Дверь открылась. Молодая горничная, которую мы приняли за „барышню“, не разсердилась и не удивилась, а равнодушно отвѣтила, что Гриневецкій, Мирославъ Ивановичъ, живетъ здѣсь, но его нѣту дома. „Войдите, можетъ скоро будутъ“.

Въ просторной, но очень безпорядочно обставленной комнатѣ, куда мы вошли, было двое молодыхъ людей. Одинъ сидѣлъ на стулѣ. Далеко протянувъ ноги и закинувъ голову такъ, что видѣлся конецъ носа, онъ безпорядочно и неумѣло тренькалъ на гитарѣ. Другой у окна крутилъ папиросу, кося глаза на какую-то толстую книгу.

Нашъ приходъ не произвелъ на нихъ особаго впечатлѣ-

*) Теперь Забалканскій проспектъ.

нія. Гитаристъ еще нѣкоторое время перебиралъ струны, потомъ поднялся.

— Вы, вѣрно, Мирочкѣ будете ты-ываришши?—спросилъ онъ. Лицо у него было почти мѣдно-красное, не совсѣмъ чистое, и говорилъ онъ съ какимъ-то своеобразнымъ акцентомъ на *ы*, точно выдавливая слова.

— Да, мы изъ Ровно.

— Ы-ыварилъ онъ. Ды вотъ укрутило ево. Сами ждемъ.

— Шата-атся... долго что-то, — буркнулъ читающій и опять уткнулся въ книгу. Лицо у него показалось мнѣ необыкновенно интеллигентнымъ и серьезнымъ: крупныя черты, тонкіе усики надъ полными губами, раздвоенная борода и темныя густыя волосы, закрывавшіе лицо, когда онъ наклонялся надъ книгой. Тогда дымъ проходилъ черезъ эти волосы, и мнѣ почему-то вспомнилось некрасовское: „студентъ не будетъ посыпать твоихъ листовъ золой табачной“. — „Настоящій, серьезный“, — подумалъ я почтительно.

— Будемъ зныкомы, — сказалъ молодой человѣкъ, тренькавшій на гитарѣ. — Никулинъ, Ардальонъ. Студентъ-технологъ.

— Веселитскій, — сказалъ пріятной грудной октавой другой.

Раздался опять звонокъ и въ комнату вошелъ Гриневецкій. Это былъ высокій красавецъ, съ золотисто-русыми волосами, надавшими ему на плечи, и большими сѣрыми глазами. Въ бѣлой ризѣ онъ могъ бы сойти за архангела въ какой-нибудь мистеріи. Такимъ, какъ теперь, въ пледѣ, небрежно кинутымъ на плечи, — онъ походилъ на нѣмецкаго художника временъ романтизма. Въ гимназіи онъ шелъ двумя классами впереди меня и считался звѣздой. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ, и теперь меня тронуло открытое радушіе, съ какимъ онъ насъ встрѣтилъ. Впрочемъ, радостное оживленіе тотчасъ же сошло съ его лица, и на немъ простушила забота. Скинувъ пледъ, онъ швырнулъ на постель какой-то свертокъ и зашагалъ по комнатѣ. Ступалъ онъ тихо, не стуча, а какъ-то шлепая по полу пятками. Приглядѣвшись, я убѣдился въ печальной истинѣ: каблукъ въ сапогахъ вовсе не было, и на полу оставались сырые слѣды.

— Ну-съ, слѣ-ды-вательно, Мирочка? — протянулъ Ардальонъ Никулинъ, глядя на Гриневецкаго вопросительно.

— Слѣдовательно, ни черта! — сердито отвѣтилъ Гриневецкій.

— Ы-ыд-нако?

— Полтора, вотъ тебѣ и однако.

Ардальонъ громко и язвительно фыркнулъ...

— Пх-хы-ы... — исто-оря. Ды ты-ба, чудако, объяснилъ ему: вѣдь только весной выкупили за восемь...

— Онъ говорить: поносите еще лѣто, и полтинника не дамъ.

— Резонъ,—спокойно сказалъ Веселитскій. Онъ все читалъ, какъ будто не интересуясь ни разговоромъ, ни послѣдствіями неудачи. А я почтительно догадывался, что Гриневецкій, навѣрное, ходилъ въ кассу ссудъ, носилъ что-нибудь закладывать. Ожиданія обмануты, и теперь они въ безвыходномъ положеніи. Конечно. Можетъ ли быть иначе: студенты, интеллигентные пролетаріи! Еще это, кажется, называется „богема“... Въ Парижѣ есть Латинскій кварталъ... Тамъ тоже наука и нищета живутъ, какъ родныя сестры... Что, если-бы...

Я посмотрѣлъ на моихъ новыхъ знакомыхъ. Сносно одѣтъ былъ только Никулинъ. Веселитскій былъ безъ куртки, одинъ рукавъ рубахи не застегнуть, карманы широкихъ брюкъ надорвались и оттопырились. Я подумалъ, что съ моей стороны, можетъ быть, не было бы дерзостью мечтать о томъ, чтобы примкнуть къ ихъ коммунѣ.

Дѣло это сладилось какъ-то само собой, легко и просто. Компания, дѣйствительно, переживала кризисъ. Въ комнатѣ имъ уже отказали. Она была для нихъ слишкомъ дорога и роскошна. Въ томъ же домѣ освободилось подъ самой крышей помещеніе какъ разъ для четверыхъ, и оно можетъ быть названо великолѣпнымъ литературнымъ словомъ „мансарда“. За прежнюю квартиру осталось четыре рубля, а у компаніи ни копѣйки, ни чаю, ни сахару. Гриневецкій заходилъ къ Сушкову, на его прежнюю квартиру, въ четвертую роту, но онъ еще не пріѣхалъ.

Мои семнадцать рублей оказались цѣлымъ богатствомъ. Черезъ полчаса у нихъ весело кипѣлъ самоваръ, на столѣ былъ бѣлый хлѣбъ и колбаса, а подъ вечеръ мы перевезли наши чемоданы прямо въ „мансарду“. Корженевскій къ намъ не примкнулъ. Побѣдивъ свою робость и разспросивъ, какъ это дѣлается,—онъ пустился по Семеновскому полку, читалъ билетки, осторожно подымался по лѣстницамъ, робко звонилъ, вѣжливо торговался и къ вечеру уже нанялъ себѣ дешовую и удобную комнату.

— Ы-ыста-рожный молодой человекъ, — сказалъ Ардабонъ,—бл-ыгаразумный. Уклонился отъ зла и сотворилъ благо...

— Што-шь, — серьезно подчеркнул Веселитскій. — И вѣрно... Съ нами тутъ тоже, братецъ... добра не наживешь.

И онъ махнулъ рукой. Мнѣ очень понравилась эта самообличительная фраза и серьезный тонъ, какимъ она была

сказана... Но по существу я, конечно, былъ съ нею не согласенъ и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Можно ли такъ сразу устроиться лучше.

Вечеромъ мы уже были на новой квартирѣ. Низкая комната, раздѣленная надвое деревянной переборкой. Небольшія квадратныя окна. Уголъ потолка скошенъ, такъ какъ комната подъ крышей.

Мои новые товарищи давно легли, а я стоялъ у окна и смотрѣлъ... Таинственная мутная тьма. Беспорядочные огни: гдѣ-то надъ трубой красный огонь, гдѣ-то свистокъ паровоза, и цѣпочка огней бѣжитъ по равнинѣ... Что окажется днемъ въ этомъ туманномъ хаосѣ изъ темноты, огней и тумана? Конечно, что-то превосходное, необычайное, неожиданное.

Спать мнѣ опять не хотѣлось. Сонъ вытѣснялся почти восторженной радостью. Я въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, въ мансардѣ подъ крышей, съ тремя товарищами-студентами... Я подошелъ къ деревянному простому столу и сталъ писать письмо брату. Мнѣ хотѣлось отсюда, съ этой великолѣпной мансарды, закинуть въ далекій бѣдный городишко переполнявшія меня чувства. „Да, мнѣ везетъ необычайно. Сразу же я успѣлъ устроиться среди интеллигентныхъ пролетаріевъ, живущихъ, какъ птицы небесныя. Мои новые товарищи—народъ великолѣпный. Гриневецкаго ты помнишь, только между геперешнимъ Гриневецкимъ и тѣмъ, какого мы знали въ Ровно, отношеніе такое-же, какъ между скромнымъ гимназистомъ и типичнымъ студентомъ. Онъ возмужалъ и развернулся. Никулинъ—не особенно привлекателенъ по наружности, но очень своеобразенъ. Превосходный знатокъ философіи. Цитируетъ Льюиса, а передъ Куно-Фишеромъ преклоняется за то, что этотъ философъ (къ стыду моему я о немъ не имѣю понятія) очень рѣшительно расправляется съ представителями старыхъ системъ.—„Кы-ыкъ онъ яво, братецъ ты мой, двинулъ пы-ыб-ашкѣ...—говоритъ онъ своимъ удивительнымъ акцентомъ—дыкъ только звонъ пы-шоль!“ И при этомъ угрюмо фыркаетъ, заливаясь тоже своеобразнымъ смѣхомъ. Но, кажется, самый замѣчательный изъ этой компаніи—Василій Ивановичъ Веселитскій. Онъ костромичъ, сынъ священника, изъ семинаровъ. Въ немъ чувствуется разночинецъ, типъ Помяловскаго, только безъ болѣзненной рефлексіи, уравновѣшенный, спокойный, увѣренный. Говоритъ мало, съ костромскимъ акцентомъ на а (шатѣ-атся, гуля-атъ), серьезно и вѣско. Другіе называютъ его Васькой и слегка надъ нимъ посмѣиваются. Онъ относится къ этому философски, и мнѣ чувствуются въ немъ еще невысказавшаяся, крупная сила, которой суждено когда-нибудь

проявиться чѣмъ-нибудь поразительнымъ. Онъ постоянно читаетъ, почти не отрываясь отъ книги. Когда мы переносились въ свою новую комнату,—онъ предоставилъ намъ всѣ хлопоты, а самъ захватилъ только книги, и мы его застали уже у подоконника, опять за чтеніемъ. Крутить и муслить папиросу, а глаза скошены на раскрытыя страницы. Точно онъ въѣкъ живетъ здѣсь и читаетъ. И знаешь, что именно онъ читаетъ такъ внимательно? Я заглянулъ, когда онъ ненадолго вышелъ въ другую комнату. Представь: календарь Германа Гоппе. Раскрыто было на отдѣлѣ „Статистика. Пространство и народонаселеніе“. И въ другой разъ: „Санитарныя условія Петербурга“. Тутъ-же лежитъ толстая книга „Уложеніе о наказаніяхъ“. Почитаетъ одну, отодвинетъ, заглянетъ въ другую. Углубится, обдумаетъ что-то и опять придвинетъ первую. Надъ этимъ способомъ чтенія тоже пошмѣиваются, но мнѣ не смѣшно. Господи! Какъ я еще не развитъ. Еще не такъ давно даже Добролюбовъ и Бѣлинскій казались мнѣ труднымъ чтеніемъ. А вотъ человѣкъ, который находитъ интересными сухія цифры. Статистика! Санитарное состояніе Петербурга! Ты гораздо развитѣе меня и уже пишешь въ газетахъ. Но и для тебя статистика предметъ сухой и неизвѣстный. А онъ не только разбирается въ этихъ сухихъ цифрахъ, но еще находитъ какія-то непонятныя связи между санитарнымъ состояніемъ Петербурга и уложеніемъ о наказаніяхъ. И, конечно, такія связи есть. Но какая нужна глубина ума, чтобы ихъ постигнуть, уловить и слѣдить за ними въ мысли. Очевидно, этотъ своеобразный умъ идетъ какими-то своими оригинальными путями. Я мечтаю о томъ, чтобы съ нимъ сблизиться, стать его другомъ и ученикомъ“...

Кончилъ я поздно. И когда потушилъ свѣчу, то долго еще улыбался въ темнотѣ, подъ храпъ товарищей. Громче всѣхъ храпѣлъ Ардальонъ. За нимъ Веселитскій подхрапывалъ какъ-то особенно солидно, пріятно.

Утро было только продолженіемъ того-же восторженного настроенія. Въ квадратныя окошки искося и игриво заглядывало солнце, и улица вся оглашалась разнообразными и очень музыкальными криками. Тогда петербургскія улицы были гораздо пѣвучѣе, чѣмъ теперь. Звонкій женскій голосъ пѣлъ: „клюква яг-года, клюква!“ Мужской баритонъ: „То-очить ножи, ножницы, бритвы править!“ Солидная низкая октава тянула что-то длинное и, какъ будто, печальное, кончавшееся словами: „Що-отки половыя“. Наконецъ, горловой голосъ татарина кидалъ кверху, точно орлиный клекотъ: „Хал-лять, хал-лять!“

А когда по улицѣ громоздко проѣзжали тяжелые возы, то нашъ домъ весь вздрагивалъ мелкою дрожью и чуть.

чуть позванивали стекла. Я знаю: вѣдь это Петербургъ, городъ, построенный на зыбкихъ болотахъ.

Изъ окна характерный видъ петербургской окраины—крыши, пустыри, дворы, заводскія трубы. Надъ деревянными домишками высились каменные громады, виднѣлись полу-круглые резервуары газоваго завода, скучные фасады фабрикъ. Далѣе у горизонта лежала полоса деревьевъ, и на солнцѣ среди нихъ сверкали стѣны церквей. Это было Волково кладбище.

Мнѣ казалось, что все это—и пѣвучіе крики разносчиковъ, и заводскіе гудки, и торопливые свистки паровозовъ на вѣткѣ, соединяющей Николаевскую дорогу съ Царско-Сельской,—имѣетъ какое-то отношеніе къ моему прѣваду... Все, какъ будто, радуется вмѣстѣ со мною.

VI.

Я увлекаюсь технологіей.

Зданіе института кишѣло, какъ муравейникъ, хотя лекціи еще не начинались.

Въ то время выпускъ за выпускомъ кончали реалисты, и все это хлынуло въ техническія заведенія. Центръ тяжести студенческой жизни замѣтно перетягивался съ Васильевского острова къ Измайловскому и Семеновскому полкамъ. Въ одинъ Технологическій институтъ въ тотъ годъ поступило на первый курсъ полторы тысячи человекъ, и вся эта масса еще до 15-го августа наполнила коридоры канцелярій, чертежныя. Земляки назначали здѣсь первыя свиданія, встрѣчались послѣ каникулъ прежніе товарищи, получали письма, записывали адреса, брали въ канцеляріи виды на жительство, занимали мѣста въ чертежныхъ.

Студенческая толпа того времени совершенно не походила на нынѣшнюю. Формы не было. Костюмы были самые разнообразные, но преобладали высокіе сапоги и сѣрые или синія блузы съ ременными кушаками. Блузы бывали щегольскія, съ расшитыми карманами, въ которыхъ утопали золотыя цѣпочки, и ихъ перехватывали широкіе спортсменскіе пояса. Но большей частью это были блузы простыя, покупаемыя по 60 или 75 копѣекъ въ Александровскомъ рынкѣ, подпоясанныя узкими ремешками. Такъ какъ институтъ былъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, то къ этому костюму студенты прибавляли порой фуражки съ зелеными околышами.

Но и безъ этой фуражки студента-технолога можно было узнать на улицѣ. Общій видъ этой студенческой толпы былъ

демократическій. Много длинныхъ шевелюръ, очковъ и пелеринъ. Надъ всей этой пестротой лицъ, фигуръ, костюмовъ зарисовывался, какъ будто, общій типъ, и я съ радостью ловилъ въ немъ странно-знакомыя черты... Крѣпкій и грубоватый заводскій рабочій, съ интеллигентнымъ лицомъ и „печатью мысли“. Тотъ самый идеальный молодой человѣкъ, каковаго я выдумалъ послѣ чтенія Шильгагена. Герой изъ „Между молотомъ и наковальней“, съ высотъ культуры сходящій въ рабочую среду... Связь двухъ міровъ, рабочій интеллигентъ или интеллигентный рабочій.

Я шелъ съ Гриневецкимъ по коридору, и глаза у меня разбѣгались, восторженно ловя детали этого новаго міра. Гриневецкаго окликнули. Ему протягивалъ руку высокій блондинъ, съ крупными чертами лица и съ ухватками добродушнаго медвѣдя; его сѣрая блуза носила слѣды замытыхъ масляныхъ пятенъ. Онъ крѣпко потрясъ руку Гриневецкаго и сказалъ:

— Здравствуйте. Ну, что, какъ живется? Что дѣлали на каникулахъ?

Гриневецкій слегка покраснѣлъ. Они были вмѣстѣ на первомъ курсѣ. Теперь этотъ русый богатырь перешелъ уже на третій.

— Ничего...—отвѣтилъ Гриневецкій и спросилъ въ свою очередь:—а вы?

— Я ѣздилъ на паровозѣ въ Полѣсье, съ балластными поѣздами... Для практики.

— Трудно?

— Ничего. Я здоровъ. Сначала кочегаромъ, потомъ помощникомъ машиниста. Интересно.

Около насъ образовался кружокъ. Другіе тоже были на разныхъ „практикахъ“: простыми рабочими, табельщиками, монтерами. „Хожденія въ народъ“ съ политическими цѣлями тогда еще не было. Студентовъ принимали охотно, покровительствовали имъ, ничтожныя жалованья увеличивали умѣренными „наградами“. Возвращались студенты съ большимъ запасомъ впечатлѣній и съ небольшими деньгами на первое время. Я жадно прислушивался къ этимъ разговорамъ, отъ которыхъ на меня вѣяло трезвою бодростью и вмѣстѣ—отголосками моей мечты.

Все огромное зданіе казалось приспособленнымъ къ выработкѣ именно этого интеллектуальнаго типа, создавало его атмосферу и обстановку. На стѣнахъ таблицы съ чертежами и элементами машинъ. Огромные винты, вычерченные по точно вычисленнымъ кривымъ, рычаги, кривошипы, валы, маховыя колеса, эксцентрики. Изъ цифръ рождаются линіи, изъ линій возникаютъ формы. Вотъ онъ уже окрашиваются

въ цвѣта чугуна, желѣза и мѣди, облекаются своей металлической плотью, выстраиваются молчаливыми моделями... Воображеніе невольно бѣжитъ дальше, туда, гдѣ онѣ грохочутъ на фабрикахъ, летятъ по рельсамъ. Тяжко и размѣренно дышать паровики, взадъ и впередъ движутся поршни, дребезжать зубчатки, вѣтеръ летитъ отъ маховыхъ колесъ, поѣзда мчатся по безконечнымъ равнинамъ... И около этой стихіи движутся люди,—сотни тысячъ, оромный, невѣдомый рабочій народъ, загадочнымъ обликомъ котораго заинтересована вся литература...

Все это, конечно, не въ такихъ точныхъ понятіяхъ, общо и смутно, но сильно овладѣвало моимъ воображеніемъ. Огромное зданіе, наполненное говоромъ и шумомъ, смѣхомъ и гуломъ разговоровъ, казалось мнѣ тоже чѣмъ-то въ родѣ интеллектуальной фабрики, вырабатывающей новаго человѣка для новой жизни. Образъ адвоката на кафедрѣ, въ черномъ фракѣ, съ выразительными жестами обращающагося къ судьямъ,—какъ то сразу поблѣднѣлъ въ моихъ глазахъ по сравненію съ колоритной фигурой „технолога“. Почему, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стать непременно адвокатомъ? Развѣ все, что я здѣсь вижу, чувствую, угадываю, — не интереснѣе? Развѣ не поэма—этотъ переходъ отвлеченной математической формулы въ тяжелую машину, покорную движенію человѣческой воли?.. Тяжкая работа скованной металломъ стихіи... Власть ума надъ безмысленной силой природы и... неясное, но заманчивое участіе въ стихійной жизни милліонной рабочей массы.

Ни „хожденія въ народъ“, ни готовыхъ народническихъ программъ тогда еще не было. Это стихійно носилось въ воздухѣ, возникая изъ общей интеллектуальной атмосферы того поколѣнія.

По коридорамъ, а затѣмъ черезъ дворикъ, гдѣ дымила труба и бойко вылетали шипящія струйки бѣлаго пара, Гриневецкій провелъ меня въ мастерскія. Здѣсь работали студенты и простые рабочіе, подъ руководствомъ мастеровъ. Студенты выбирали мѣста и записывались, переговариваясь съ знакомыми по прошлому году сосѣдями. Пахло машиннымъ масломъ, вертѣлись валы, волнуясь, бѣжали въ воздухѣ безконечные ремни, легко повизгиваль супортъ токарнаго станка. Въ тискахъ видѣлись красиво выпиливаемыя гайки, металлическія формы, возникающія изъ безформенныхъ обрубковъ.

Гриневецкій и тутъ встрѣтилъ знакомыхъ. Пока онъ разговаривалъ съ ними, я стоялъ въ мастерской, слѣдя за ея своеобразной жизнью. Подъ слитное жужжаніе шкивовъ и движеніе ремней, мое подвижное воображеніе уносилось

далеко отъ данной минуты... Еще нѣсколько лѣтъ... Я овладѣю техникой, выработаюсь въ такого-же умнаго и крѣпкаго рабочаго, какъ этотъ полѣвскій практикантъ. Живу въ рабочей казармѣ, среди простыхъ, суровыхъ, но добрыхъ людей. Въ свободные часы читаю имъ умныя книги, говорю о наукѣ, о какомъ-то, теперь еще и для меня неясномъ, но лучшемъ устройствѣ жизни. Всѣ должны быть равны, всѣ братья... Подходить моя рабочая очередь. Я надѣваю кожаную куртку и становлюсь на площадку паровоза. Перевожу рычагъ. Клокочетъ паръ, стучать и лязгаютъ буфера, тяжело ворочаются колеса. Быстрѣе, быстрѣе. Огромный тяжкій поѣздъ, съ сотнями людей, везущихъ куда-то свои радости и горе, свои надежды и стремленія, летитъ на встрѣчу буйному вѣтру, поглощая пространство... Гулкій свистокъ кричитъ „прочь съ дороги“ всему, что можетъ быть еще тамъ, впереди... Мелькаютъ мимо разноцвѣтные сигнальные огоньки, столбы, мостики, будки... Деревья, точно скошенные, валятся назадъ, огни деревень вспыхиваютъ по сторонамъ и проваливаются въ сумеречную тьму...

Маленькая станція. Остановка. Дебаркадеръ, освѣщенный фонарями. Машинистъ заботливо осматриваетъ паровозъ, смотритъ манометръ, пробуетъ рычаги. Публика прохаживается въ ожиданіи звонка. Къ паровозу подходитъ нарядная дама объ руку съ важнымъ господиномъ. Это, конечно она, пренебрегшая тихой, но глубокой любовью скромнаго гимназиста. Съ выраженіемъ празднаго мимолетнаго интереса она заглядывается въ будку паровоза... Что-то въ лицѣ загорѣлаго человѣка въ кожаной курткѣ привлекаетъ вниманіе дамы, будитъ неясныя воспоминанія... Но приглядываться некогда. Звонокъ. Они уходятъ. Поѣздъ опять ныряетъ въ темноту ночи. Изъ окна перваго класса задумчиво смотритъ женское лицо. Она и не подозреваетъ, что ихъ жизнь, надежды, счастье—въ рукахъ этого человѣка въ кожаной курткѣ, тамъ, въ головѣ поѣзда, у пышущей огнемъ топки паровоза. Она можетъ спать спокойно. Машинистъ зорко смотритъ впередъ, на далекіе сигнальные огни, и твердой рукой держитъ рычагъ. Вонъ впереди туманное зарево. Огни... Какой-то городъ. Тутъ ихъ дороги расходятся. Она пойдетъ своимъ широкимъ путемъ, къ свѣтлымъ вершинамъ жизни. Его путь не туда... Онъ понесется дальше, въ тьму и ненастье, все впередъ и впередъ, навстрѣчу невѣдомой новой жизни... И свѣтать ему тамъ, впереди, лишь скромные огоньки убогихъ избъ, гдѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ простые и темные люди...

Гриневецкому пришлось сильно дернуть меня за рукавъ, чтобы вернуть къ дѣйствительности изъ дальняго путешествія на паровозѣ. Когда мы вернулись опять въ главный

корпусъ, — въ одномъ изъ музеевъ меня поразила новая сцена. Высокій молодой человекъ, въ черномъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ, стоялъ среди группы заинтересованныхъ студентовъ и, держа руку на головкѣ какого-то цилиндрическаго чугунаго сооруженія, — рассказывалъ объ его устройствѣ и дѣйствіи. Видъ у него былъ совершенно профессорскій, и я очень удивился, узнавъ, что это только студентъ четвертаго курса. Онъ изобрѣлъ какую-то печку съ спеціальными техническими цѣлями. Модель ея была изготовлена въ мастерскихъ, и вскорѣ предстояла демонстрація новаго изобрѣтенія...

— Первый поясъ, — говорилъ молодой ученый, глядя безстрастнымъ взглядомъ куда-то поверхъ головъ своихъ слушателей, — соответствуетъ зонѣ подготовленія въ доменной печи... Онъ доходитъ отъ колосниковъ вотъ сюда, приблизительно до одной трети. Второй — зона восстановления. Здѣсь, какъ извѣстно, углекислота, дѣйствуя на раскаленный уголь.

Я ничего не понималъ въ этой лекціи, но красивая, чисто интеллигентная фигура лектора, съ тонкими чертами и необыкновенно выразительными черными глазами на блѣдномъ лицѣ, въ свою очередь, завладѣвала моимъ воображеніемъ. Въ идеальномъ образѣ моего современника наскоро производились нѣкоторыя усовершенствованія по новому плану. Что, если бы черезъ нѣсколько лѣтъ онъ... вотъ такъ же, какъ этотъ молодой человекъ съ одухотвореннымъ лицомъ творца-изобрѣтателя... Но дальнѣйшій полетъ фантазіи наткнулся тотчасъ же на явную несообразность. Черезъ нѣсколько лѣтъ... Точнѣе — черезъ четыре года... Нѣтъ, совершенно невѣроятно. Такіе люди, очевидно, созданы изъ другого тѣста. А мы въ своей гимназіи надъ гниющими прудами учились кое-какъ, безъ одушевленія, безъ искренняго стремленія къ знанію... Я опять казался себѣ такимъ маленькимъ и тусклымъ...

Уходилъ я въ этотъ первый день изъ института съ самымъ возвышеннымъ представленіемъ о студенчествѣ и съ самымъ печальнымъ о себѣ. У самаго выхода я столкнулся съ юношей моего возраста, очевидно, тоже новичкомъ. Онъ былъ моего роста, безусый и одѣтъ смѣшно, какъ и я. На немъ была сѣрая шинель, на которой гимназическія пуговицы были спороты и замѣнены черными кожаными. Наши взгляды какъ-то значительно встрѣтились. Казалось, мы оба, какъ въ зеркалѣ, увидѣли другъ въ другъ свое отраженіе, и оно намъ обоимъ не нравилось. „И этотъ тоже... студентъ!“ — прочиталъ я собственную мысль въ его недружелюбномъ взглядѣ.

Нѣтъ, никогда мнѣ, кажется, не сдѣлаться настоящимъ

студентомъ,—думалъ я уныло. Гриневецкій тоже какъ-то померкъ: встрѣчи съ бывшими товарищами напомнили ему о двухъ напрасно ушедшихъ годахъ. На улицѣ моросилъ тонкій пронизывающій дождикъ. Утромъ было тепло, и я вышелъ безъ пальто, въ одномъ лѣтнемъ костюмѣ работы почтеннаго ровенскаго Шимка. Пиджачекъ букетиками промокъ и облипъ на мнѣ, какъ тряпка. Я проклиналъ его. Мнѣ вспомнились патетическія слова Гейне о нанковыхъ панталонахъ... „Молодой человѣкъ сидитъ и спокойно пьетъ кофе, а между тѣмъ въ широкомъ, отдаленномъ Китаѣ растеть и цвѣтеть его гибель. Тамъ она прядется и ткется и, несмотря на высокую стѣну, находитъ дорогу къ молодому человѣку. Онъ принимаетъ ее за пару нанковыхъ панталонъ, беззаботно надѣваетъ и дѣлается несчастнымъ“. Такъ и я беззаботно надѣлъ въ Ровно этотъ костюмъ, и съ тѣхъ поръ всѣ замѣчаютъ прежде всего, что я смѣшонъ. Точно онъ сшитъ съ заклятіемъ: дѣлать изъ своего обладателя мокрую курицу, мѣшать превращенію жалкаго ровенскаго гимназиста во взрослого и „типичнаго“ петербургскаго студента....

Въ этотъ или одинъ изъ ближайшихъ дней мы съ Гриневецкимъ шли въ Александровскій рынокъ за какими-то покупками. Теплый дождь опять поливалъ насъ на первой ротѣ, на Фонтанкѣ, на Вознесенскомъ. Я опять чувствовалъ себя мокрой курицей, когда навстрѣчу намъ попался Зубаревскій. Я полюбилъ эту фигуру и встрѣчалъ его, точно родного. Онъ былъ все въ томъ же заношенномъ, рыжемъ пальтишкѣ. Оно тоже обмокло, и тоже облипло на плечахъ, а съ некрасиво обвисшихъ полей его шляпенки стекали капли дождя. Но онъ не замѣчалъ этого. Онъ весь былъ поглощенъ разговоромъ съ какимъ-то товарищемъ, и оба они шли подъ дождемъ такъ царственно-беззаботно, точно не было ни дождя, ни шлепающихъ лужъ, ни облипшихъ пальтишекъ, ни смѣшныхъ промокшихъ шляпенокъ. Я радостно поздоровался съ нимъ и нѣкоторое время съ восхищеніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ... Вѣдь вотъ и онъ плохо одѣтъ и нисколько не подходитъ къ эстетическому типу студента. Но, очевидно, совершенно свободенъ отъ угнетающаго меня чувства. Почему это? Потому, что совсѣмъ не думаетъ о внѣшности, а думаетъ о другомъ, о внутреннемъ, о важномъ... Значитъ, и мнѣ нужно забыть о внѣшности и думать только о важномъ, добиваться того, что составляетъ лучшую сущность этой новой жизни.

Около одной лавченки или даже, кажется, лотка Гриневецкій остановился и сказалъ:

— Знаешь что: купи себѣ технологическую фуражку.

Мы купили ее за полтинникъ. Торговецъ завернулъ въ бумагу мою мокрую шляпу, а я надѣлъ на голову фуражку съ зеленымъ околышемъ. „Не надо бы и этого“—подумалъ я про себя, но не устоялъ противъ соблазна: видно все-таки, что и я принадлежу къ великой корпораціи, а тамъ—какъ кому угодно. Потомъ мы купили еще удобную и дешевую сѣрую блузу, кажется, за 75 копѣекъ. Послѣ этого я уже не помню, чтобы меня тяготилъ вопросъ о костюмѣ...

VII.

Легкое увлеченіе въ сторону.

До начала серьезныхъ занятій пріѣзжая молодежь цѣлыми стадами бродила по Петербургу. Знакомились со столицей, разыскивали товарищей, при чемъ каждая встрѣча за гранью привычной жизни казалась особенно интересной и значительной... Заходили во дворы-колодцы, поднимались по лѣстницамъ, врывались въ меблированныя комнаты, наполняя ихъ шумомъ и преувеличенной развязностью новичковъ, подражающихъ опытнымъ старожиламъ. Толкались по панелямъ освѣщенныхъ улицъ, завязывали случайныя знакомства, кое-гдѣ нарывались на легкіе скандалы и съ гордостью рассказывали объ этомъ другъ другу...

Однажды громкимъ стукомъ въ двери запертаго номера (въ знаменитомъ домѣ Яковлева на Садовой),—гдѣ жилъ товарищъ Залуцкій—мы заставили открыть ихъ. Залуцкій открылъ, neodѣтый, немного сконфуженный и испуганный. Потомъ всѣ дружно расхохотались: у ширмы, загораживавшей постель, стояла пара женскихъ ботинокъ... Черезъ четверть часа номерной подалъ самоваръ, принесъ булокъ, и вся компанія, шумно переговариваясь, пила чай, который разливала наскоро одѣвшаяся случайная хозяйка съ улицы...

Это была грязь и безстыдство, но безстыдство какое-то непосредственное, открытое, почти безгрѣшное. Въ немъ не было еще рефлексіи, оно скользило, не затрагивая совѣсти. Тогда не было, или почти не было ни такъ называемаго „полового вопроса“ въ литературѣ, ни анкетъ по этому вопросу среди учащейся молодежи. Взрослые, по большей части, говорили съ юношами объ этихъ предметахъ просто, какъ объ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, а нѣкоторые учителя совершали съ только что окончившими гимназистами самыя рискованныя экскурсіи. Еще недавно этимъ юношамъ нельзя было курить. Это воспрещалось гимназическими правилами. Теперь учитель либерально протягивалъ юношѣ портсигаръ... Гимназическое правило исчезло. Другого въ глазахъ „сред-

ного мужчины“ не было... И юноши спѣшили пользоваться свободой... Самое большее, что у насъ было—это инстинктивная стыдливость, безсознательный остатокъ семейныхъ вліяній...

Только впоследствии, когда въ студенческую среду хлынуло такъ называемое „движеніе“, оно, наряду съ общественной нравственностью, затронуло и расшевелило смежные вопросы личной морали.

Роковой вопросъ не рѣшенъ, конечно, и теперь. Но онъ поставленъ. Явился стыдъ, рефлексія, сомнѣніе въ правѣ. И это, конечно, большой шагъ впередъ...

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ цѣлой компаніей мы отправились въ танцклассъ господина Марцинкевича. Это почтенное учрежденіе, хотя подъ другимъ названіемъ, существуетъ, кажется, и въ настоящее время на томъ же мѣстѣ, на углу Гороховой и Фонтанки. Подъѣздъ его, освѣщенный электричествомъ, такъ же торжественно обтянутъ полосатымъ тикомъ.

За входъ брали тогда дешево, что-то около 30 копѣекъ, но тщательно слѣдили, чтобы костюмы „гостей“ были приличны. Впрочемъ, приличіе понималось довольно широко. Для студентовъ дѣлалось исключеніе. Не допускали, помнится, только высокихъ сапогъ...

Мы пришли еще сравнительно рано. По ярко освѣщеннымъ заламъ бродили великолѣпныя, какъ мнѣ показалось, дамы, и я былъ очень удивленъ, когда одна изъ нихъ безъ церемоніи усѣлась на колѣни къ незнакомому Гриневецкому. Это была совсѣмъ еще молоденькая блондинка, съ шрамомъ на лицѣ, который придавалъ странную оригинальность ея почти дѣтскимъ чертамъ.

Манеры у нея были, точно у красиво-ласковой кошечки, она слегка картавила и безъ церемоніи звала „красавчика студента“ къ себѣ на Большую Гребецкую.

Гости начинали сѣзжаться, становилось шумнѣе. Къ намъ подошелъ и, поздоровавшись съ Гриневецкимъ, усѣлся рядомъ на стулѣ молодой человекъ, одѣтый съ небрежнымъ изяществомъ. Съ Гриневецкимъ онъ заговорилъ по польски, съ пѣвучимъ варшавскимъ акцентомъ. Въ тѣ годы въ Технологическомъ институтѣ было много студентовъ-варшавянъ.

Въ аудиторіяхъ то и дѣло перелетали звонкія польскія фразы, выдѣлявшіяся на фонѣ русскаго говора, какъ и „культурныя“ фигуры поляковъ на сѣромъ фонѣ русскаго студенчества.

Они лучше одѣвались, и въ ихъ манерахъ сквозили особен-

ный варшавскій шикъ, пренебрежительно щеголеватый. Подошедшій къ намъ студентъ являлся даже нѣсколько преувеличеннымъ выраженіемъ этого варшавскаго типа. У него была лѣнивая походка, черные волосы съ пробормомъ à la sarouf красивыми кольцами спускались на лобъ. Легкая полупрезрительная улыбка какъ будто застыла на губахъ, въ уголкѣ которыхъ онъ держалъ большую сильно накурившую сигару... Онъ тотчасъ заговорилъ съ дѣвушкой. Самъ не сказавъ ни одного грубаго слова, онъ очень комично вызывалъ ее на двусмысленности и даже не смѣялся, а только поощрялъ ее съ ласковымъ пренебреженіемъ. Отъ нечего дѣлать, онъ игралъ съ нею, какъ съ занятой кошкой или комнатной собачонкой. Но вдругъ, среди разговора вскинулъ пенснэ и заинтересованно повернулся къ дверямъ.

Въ залъ входила новая пара. Какой-то плотный господинъ въ штатскомъ вель подъ руку молоденькую дѣвушку. Въ немъ можно было угадать не то крупнаго коммерсанта, не то виднаго чиновника, привыкшаго властвовать и приказывать. Лысый черепъ, крупная нижняя челюсть, толстая красная шея, сильно нафабренные усы и выраженіе грубой надменности въ лицѣ придавали этой крупной банальной фигурѣ что-то непріятное, но вмѣстѣ дѣлали ее раздражающе замѣтной. Его дама была одѣта съ бьющей въ глаза роскошью. На ней было свѣтло-розовое шелковое платье, съ бѣлой мѣховой оторочкой кругомъ глубокаго декольте. Прекрасное лицо полу-ребенка, каштановые волнистые волосы, слегка надменное выраженіе,—все показалось мнѣ обаятельно-чистымъ, свѣжимъ и невиннымъ. Въ груди шевельнулось что-то,—смутное сходство, волнующее воспоминаніе. Я наклонился къ Гриневецкому и сказалъ тихо:

— Послушай, Мирочка... Здѣсь, значить, бываютъ и порядочныя женщины.

Полякъ, сидѣвшій по другую сторону Гриневецкаго, поправилъ пенснэ и комично приподнялъ бровь.

— Неофитъ?—тихо спросилъ онъ у Гриневецкаго.—*A te dopiero smieszny facetus z tego pana* (какой смѣшной господинъ).

Но тотчасъ же, очень вѣжливо повернувшись прямо ко мнѣ, сказалъ:

— Это, если вамъ угодно знать,—Галька изъ Влодавы. Я зналъ ее еще въ крулевствѣ. Галька, Ганечка, Галина!

И, глядя въ упоръ на подходившую къ намъ пару,—онъ сказалъ, не повышая и не понижая голоса:

— Знаете, зачѣмъ она сюда явилась? Чтобы показать своего... вотъ этого... И чтобы вотъ такія бѣдняжки (онъ съ

презрительной безцеремонностью взялъ за подбородокъ свою молоденькую собесѣдницу) завидовали ея шелковому платью... А? Что, неправду я говорю?..

— Ишь... фигурируетъ,—съ нескрываеомой завистью сказала дѣвушка...

Господинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Красивая головка его дамы вскинулась еще надменнѣе...

И они прошли дальше, привлекая общее вниманіе...

Въ этомъ вниманіи, повидимому, было что-то особенное, вызывавшее легкое безпокойство. Господинъ, поворачивая назадъ, что-то шепнулъ свой дамѣ. Она „покраснѣла“ и чуть замѣтно кивнула головой... Повидимому, они рѣшили уѣхать...

Когда они поравнялись опять съ нашими стульями, студентъ вынулъ изо рта сильно накуренную сигару, посмотрѣлъ на нее, какъ будто, съ сожалѣніемъ и вдругъ неожиданнымъ движеніемъ бросилъ передъ собой, какъ-бы не замѣчая проходящихъ. Дама испуганно вскрикнула. Мелькнувъ въ воздухъ, сигара ударилась въ приподнятый вѣеръ. Горячая зола просыпалась на обнаженное плечо и за корсажъ. Дама выдернула свою руку изъ-подъ руки кавалера и побѣжала въ уборную.

Все это сдѣлалось такъ быстро, что ея кавалеръ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ оглянулся съ недоумѣніемъ на смѣющихся кругомъ гостей и потомъ повернулся къ студенту... Молодой человѣкъ сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, все въ той-же позѣ, съ протянутыми впередъ ногами и даже заложивъ руки въ карманы. Господинъ посмотрѣлъ на него съ тупо-недоумѣлымъ бѣшенствомъ... Мгновеніе казалось, что этотъ грузный человѣкъ обрушится на своего изящнаго некрупнаго противника. Но вдругъ онъ повернулся и пошелъ навстрѣчу дамѣ, которая вышла изъ уборной, закрывая платкомъ заплаканное лицо. Онъ подаль ей руку, и они прошли по залу, среди наглаго хохота, свиста, циничныхъ замѣчаній и ругательствъ... Въ залу вбѣжалъ полный господинъ во фракъ, самъ Марцинкевичъ или его управляющій и, тревожно оглядываясь, говорилъ:

— Господа, господа... Пожалуйста, у насъ приличное заведеніе... Скандаловъ дѣлать нельзя... Господа, прошу покорно...

Съ эстрады, по его знаку, грянулъ ритурнель... Танцоры кинулись приглашать дамъ и занимать мѣста. Публика отхлынула къ танцующимъ, и черезъ минуту въ залъ начался бѣшеный, невиданный, невообразимый пабашъ. Наемные канканеры сразу и, вѣроятно, нарочно взяли самый разнузданный темпъ. Валетали кверху ноги и извивались туловища,

подымались кверху и вѣяли въ воздухъ юбки. Мужчины, на-
румяненные женщины, красивыя дѣвушки, почти подростки
бѣшено кружились, налетали другъ на друга съ циниче-
скимъ хохотомъ. Хлестали по воздуху отвратительныя взви-
згиванія, дрожало пламя лампъ, звенѣли стеклянныя под-
вѣски канделябръ, оркестръ скакалъ въ изступленномъ бѣ-
шенствѣ, подхлестывая изступленныхъ людей. Съ лѣстницы
входили полицейскіе, встрѣченные хохотомъ, свистками,
мяуканіемъ. Оскорбленный студентомъ господинъ шелъ
вмѣстѣ съ ними, оглядываясь по сторонамъ и впиваясь въ
толпу гнѣвно выпученными глазами. Между тѣмъ, въ сосѣдней
залѣ закипалъ новый скандалъ. Какой-то невзрачный го-
сподинъ, похожій на простого русскаго приказчика, вы-
пившій и верткій, какъ обезьяна, кинулъ нѣсколько мѣд-
ныхъ монетъ въ цилиндръ высокаго, прямого, какъ палка,
господина, который одиноко фланировалъ по заламъ, держа
цилиндръ назади. Монеты громко звякнули, а когда госпо-
динъ рѣзко повернулся, онѣ покатились по полу. Для г-на
Марцинкевича выдался тревожный вечеръ. Опять смѣхъ,
крики, свистки...

Мы, нѣсколько новичковъ, инстинктивно собрались около
Гриневецкаго, который оглядывался съ характерной озабо-
ченностью въ выразительно выпуклыхъ глазахъ.

— Пойдемъ, господа... Будетъ огромный скандалъ. А
этотъ франтъ, Лазовскій, чортъ бы его побралъ, сидѣлъ съ
нами...

Мы торопливо спустились внизъ, когда наверху по-
явилась фигура Лазовскаго. Тамъ, въ залахъ, его разыски-
вали, а онъ стоялъ на площадкѣ, такой-же щеголеватый и
презрительно спокойный. Не торопясь, онъ раскуривалъ си-
гару отъ спички, которую ему почтительно подаль офиціантъ.
Закуривъ, онъ сталъ тихо спускаться по ступенямъ, между
тѣмъ какъ швейцаръ торопливо снималъ съ вѣшалки его
пальто.

Безконечный дождь тихо моросилъ съ мутнаго неба, за-
крытаго мгlistымъ заревомъ фонарей. Къ освѣщенному
подъѣзду подкатывали рысаки и извозчики. Щеголеватые гос-
пода подавали руки дамамъ, которыя поддерживая шлейфы,
соскакивали съ пролетокъ и быстро вбѣгали въ переднюю.
Подходили студенты, мелкіе чиновники, приказчики, дѣвушки
съ улицы. Все поглощалось освѣщеннымъ вестибюлемъ и
подымалось на лѣстницу въ залъ, гдѣ гремѣла музыка,
чтобы заглушить и потопить разыгравшіеся скандалы.

Для меня на первое время все это было слишкомъ сильно.
Въ душѣ стояла какая-то муть. Наглая музыка. Обиліе жен-
щинъ. Ихъ цинизмъ и открытая доступность. Вихрь канкана...

Жуть смутнаго воспоминанія, печаль о женскомъ образѣ, застилаемая ядовитой мглой чувственныхъ впечатлѣній,—все это еще кружилось въ душѣ, какъ темный иль на днѣ омут... Потомъ всего яснѣе и устойчивѣе сталъ выдѣляться изъ этого хаоса образъ Лазовскаго, съ его красиво-сдержанной наглостью и спокойнымъ цинизмомъ. Лицо съ черными кудрями на лбу и холоднымъ взглядомъ, будто, вырѣзалось среди слякотной тьмы, и предательское воображеніе уже пыталось накинуть на него покровъ идеализирующаго романтизма? Конечно, это было жестоко. Въ моей памяти встало на мгновеніе молодое женское лицо, искаженное стыдомъ, обидой и физической болью... Но почему онъ сдѣлалъ это? Гдѣ-то тамъ, у себя, онъ встрѣчалъ эту дѣвушку. Былъ влюбленъ. Мечталъ? Разстался, мечтавъ? И теперь встрѣчаетъ ее подъ руку съ этимъ наглецомъ, русскимъ чиновникомъ. Вотъ почему онъ бросилъ сигару. Любовь, выродившаяся въ гнѣвное презрѣніе. И какъ удивительно-красиво онъ это сдѣлалъ! Безъ преднамѣренности, безъ приготовленія, безъ размысленія. Мысль, какъ молнія, и движеніе, какъ молнія. И что за самообладаніе, когда этотъ сильный человѣкъ повернулся къ нему. Ни одного жеста, ни движенія бровью. Спокойная внутренняя сила, не нуждающаяся во внѣшнемъ проявленіи. Почему этотъ человѣкъ его не ударилъ? Легко могъ ударить, смять, исковеркать. Но студентъ былъ увѣренъ, что не ударить, и этой увѣренностью окружилъ себя, точно магическимъ кругомъ...

И... нужно признаться. Это было недолго, но все же было, воображеніемъ моего современника овладѣлъ на время образъ танцъ-класснаго мефистофеля, съ такой красивой небрежностью устраивающаго скандалы... Разумѣется, не просто скандалы, а скандалы съ романической или тенденціозной подкладкой... Местъ за поруганную любовь... Преслѣдованіе торжествующей пошлости... Какъ бы то ни было, знакомый уже читателю воображаемый молодой господинъ, съ наружностью, похожей на мою, только опять усовершенствованной въ новомъ жанрѣ,—получалъ новую фантастическую командировку... Конечно, на время, въ промежуткахъ между другими дѣлами... Но все же... У него такія-же небрежныя манеры. Его знаютъ въ „петербургскомъ полусвѣтѣ“... Интересуются, боятся его злого языка и неожиданныхъ выходокъ во вкусѣ m-r Батманова...

Мой современникъ стоялъ на раздорѣ съ воображеніемъ, богатымъ отъ природы и развитымъ преждевременнымъ чтеніемъ. Никто еще, кажется, не обращалъ достаточно вниманія на это вліяніе литературы. Своей критикой и своими летучими образами она разрушаетъ въ поколѣніяхъ

душевную цѣльность, созданную въ данныхъ условіяхъ. И, лишеныя старой цѣльности, молодыя души ищутъ другой, новой, стремятся сложиться по новому еще только угадываемому будущему типу. А въ это время молодая душа легко порывается вслѣдъ за всякой, поражающей ее чужой непосредственностью и силой...

Впрочемъ, это маленькое влеченіе въ сторону было не особенно опасно. Оно держалось на разстояніи отъ Семеновскаго моста до Малаго Царскосельскаго проспекта. На чердакѣ номеръ 12 оно погасло. Мой современникъ не гордъ. Онъ не приписываетъ этого ни своей добродѣтели, ни твердости нравственныхъ правилъ. Обстоятельства, въ которыхъ онъ начиналъ свою столичную жизнь, уже сами по себѣ были неблагопріятны для мелькнувшаго передъ нимъ „идеальнаго типа“. И среди нихъ, кто знаетъ, не слѣдуетъ ли поставить на первомъ планѣ не разъ уже упомянутое искусство ровенскаго портного. Чѣмъ-чѣмъ, а психологіей танцъ-класснаго Чайльдъ-Гарольда очень трудно было проникнуться, чувствуя себя въ костюмѣ такого замѣчательнаго покроя...

VIII.

Чердакъ № 12, его хозяева и жильцы.

Впослѣдствіи, когда розовый туманъ, застилавшій мои глупые глаза, разсѣялся, смѣнившись ощущеніемъ разочарованія и безвкусности, нѣсколько прочныхъ свѣтлыхъ образовъ все-таки остались въ памяти отъ этого года. Въ числѣ ихъ я храню благодарное воспоминаніе о нашей мансардѣ вообще и объ ея хозяевахъ: Ѳедорѣ Максимовичѣ и Маврѣ Максимовнѣ Цывенкахъ, въ частности.

Онъ былъ типичный николаевскій солдатъ съ характерными николаевскими усами, переходившими у самыхъ ушей въ бакены. Когда, собираясь на ежедневную службу въ „ланбартъ“ на Казанской, онъ надѣвалъ свой долгополый мундиръ съ тугимъ воротникомъ, то лицо его краснѣло, а усы щетинились необыкновенно сердито, даже грозно. Но это впечатлѣніе было обманчиво. Въ сущности, это былъ молчаливый добрякъ, совершенно подчинившійся своей супругѣ.

Мавра Максимовна была „изъ шпитонокъ“. Въ раннемъ дѣтствѣ изъ воспитательнаго дома она была отдана въ финскую деревню, въ которой и усвоила на всю жизнь характерный русско-финскій жаргонъ. Ѳедоръ Максимовичъ у нея каждый день уходила въ должность, а кошка лакала молоко и выскакивала на крышу. Это придавало ея рѣчи наивно-дѣтскій отгѣнокъ, да и вся она была похожа на толстаго

крупнаго ребенка. Человѣкъ служивый и пансіонеръ, Федоръ Максимовичъ, будучи уже въ почтенномъ возрастѣ, взялъ безродную сиротку „за красоту“, и жизнь ихъ текла необыкновенно мирно. Онъ называлъ ее не иначе, какъ Мавра Максимовна и обращался на вы, а она его попросту Цывенко или „мой Цывенко“ и говорила ему ты. Онъ съ утра наряжался, принималъ строгій видъ и уходилъ на службу, а она приступала къ стряпнѣ. Стряпня, впрочемъ, не занимала много времени: Мавра Максимовна раза два въ недѣлю варила въ большомъ горшкѣ кусокъ мяса съ костью, и этотъ наваръ служилъ на нѣсколько дней, превращаясь то въ щи, то въ супъ, то въ лапшовникъ. Отъ него въ квартирѣ стоялъ густой характерный запахъ капусты и свѣчнаго сала. Затѣмъ въ маленькой комнаткѣ хозяйка начинала стучать машинка. И стучала долго, ровно, съ короткими перерывами, въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Это Мавра Максимовна прирабатывала въ добавокъ къ пенсіи и жалованью мужа шитьемъ больничныхъ балахоновъ по 6 копѣекъ за штуку. Въ серединѣ дня по всей квартирѣ разносился запахъ цикорнаго кофе; заходила какая-нибудь сосѣдка, чтобы за чашкой сообщить послѣднія новости нашей лѣстницы. Потомъ опять начинался стукъ машинки. Часовъ въ шесть Мавра Максимовна откладывала работу и собирала обѣдъ въ той же комнаткѣ. Когда раздавался звонокъ, ея круглое лицо озарялось такой радостью, точно ея Цывенко возвращался изъ опаснаго далекаго путешествія. Они обѣдали, отдыхали полчаса за пологомъ, а потомъ садились за работу уже вмѣстѣ. Она продолжала сметывать балахоны, а онъ, вооруживъ вадернутый къверху носъ роговыми очками, ковырялъ толстой иглой штаны изъ необыкновенно грубаго богатырленнаго сукна... Потомъ пили чай и играли въ дурачки. Въ это только время мы и слышали иногда голосъ Цывенка: это бывало какое-то радостное курлыканіе, когда ему удавалось выиграть. Но онъ больше проигрывалъ, и потому чаще слышались звонкія, наивно радостныя восклицанія его Мавры Максимовны. Мы смѣялись, что Цывенко все еще влюбленъ въ свою моложавую толстуху. Фактически онъ подчинялся ей вполне и безпрекословно, какъ послушный ребенокъ, но она съ безсознательнымъ женскимъ лукавствомъ дѣлала видъ, что онъ ея грозный повелитель, и что она его боится.

— Вотъ, ужъ... какъ прикажетъ мой Цывенко, — говорила она совершенно серьезно...

Дѣтей у нихъ не было, и это являлось постояннымъ источникомъ общей ихъ печали. Неизрасходованный запасъ материнства свѣтился на лицѣ Мавры Максимовны трога-

тельнымъ выраженіемъ жалости и грусти. Она изливала его на мужа, на кота Ваську и даже на насъ, ея случайныхъ жильцовъ. Порой у Мавры Максимовны бывали заплаканы глаза, а у Федора Максимовича сдвигались необыкновенно длинныя и густыя брови. Мы знали, что это значить: мы долго не платимъ денегъ за квартиру и супругъ-повелитель находилъ, что намъ надо бы отказать. За то когда, при первой возможности, мы уплачивали все или хоть часть долга, лицо Мавры Максимовны озарялось гордымъ торжествомъ, а Цывенко нѣсколько дней сконфуженно и виновато косилъ глаза.

Ходъ въ нашу комнату былъ черезъ кухню и маленькую спальню хозяйевъ, служившую и столовой, и мастерской, и гостиной. Ложились они рано, а мы часто приходили и уходили поздно. На звонокъ подымался Федоръ Максимовичъ. Кажется, даже не давая себѣ труда проснуться, онъ отодвигалъ задвижку входныхъ дверей и ложился опять. Пробравшись черезъ темную и тѣсно заставленную кухню, мы проходили заѣмъ мимо спящихъ супруговъ. У большого кюта теплилась лампадка, кидая свѣтъ на широкое супружеское ложе, задернутое занавѣской, такъ что были видны только головы. Съ краю виднѣлось щетинистое лицо Цывенка, дальше улыбалось во снѣ круглое, какъ луна, лицо Мавры Максимовны... И мнѣ всегда казалось, что это дѣйствительно лежатъ два ребенка, чистые сердцемъ и совершенно чуждые шумно-грохочущей и сложной жизни большого города.

Иной разъ входная дверь въ кухню при открываніи оказывала нѣкоторое сопротивленіе. Приходилось открывать ее съ усиліемъ и постепенно, чтобы не нанести увѣчья еще одному жильцу Цывенковъ. Это былъ „художникъ“ Кузьма Ивановичъ, тоже изъ шпитонцевъ, существо очень жалкое, тщедушное, съ разбитой грудью и слезящимися глазами. Онъ жилъ, собственно, на большомъ сундукѣ, помѣщавшемся между печкой и дверью и тогда, раскидавшись, упирался ногами въ дверь. На сундукѣ онъ ночью спалъ, а днемъ устраивалъ мастерскую. Работа его состояла въ раскрашиваніи ламповыхъ абажуровъ. Для этого онъ разводилъ на блюдечкѣ акварельныя краски, бралъ лѣвой рукой абажуръ и механически поворачивалъ его около оси. А правая рука такъ же механически кидала въ разныхъ мѣстахъ мазки кисти. Такъ онъ послѣдовательно бралъ на кисть розовую, красную, потомъ зеленую и коричневую краски, и въ нѣсколько оборотовъ на абажурѣ изъ беспорядочныхъ пятенъ образовывался красивый вѣночекъ. Кузьма Ивановичъ отодвигалъ абажуръ, смотрѣлъ на него слезящимися слабѣю-

щими глазами, и на его желтомъ лицѣ мелькало мгновенное выраженіе художественнаго удовлетворенія... Затѣмъ онъ бралъ другой абажуръ и задумывался: какой теперь пустить коверъ и какіе вывести цвѣты,—опять розу, или пустить незабудочекъ съ фіалкой...

Когда я порой слѣдилъ за его работой и удивлялся ея быстротѣ и точности, на лицѣ Кузьмы Ивановича являлась улыбка тихаго довольства.

— Нѣтъ... что же-съ, помилуйте,—говорилъ онъ скромно,—такъ-ли еще мы работали-съ?.. Глаза слабѣютъ-съ. Слеза бьетъ.

Застигнутый внѣ своего угла, не за работой, — онъ сконфузился, терялся, запахивалъ полы своего жалкаго сюртука, разыскивая на немъ дрожащими руками несуществующія пуговицы, и вообще имѣлъ видъ человѣка, одержимаго въ мучительнѣйшей степени стыдомъ собственнаго существованія. Онъ былъ тоже изъ „шпитонцевъ“, и Мавръ Максимовиъ приходился „молочнымъ братомъ“, а такое братство у этого своеобразнаго петербургскаго сословія замѣняетъ всякія инныя степени родства. Жилецъ онъ, конечно, былъ не особенно выгодный и его держали именно „по родственному“. Считалось, что онъ платитъ только „за уголь“, но Мавра Максимовна понемногу прикармливала его, какъ будто тайно отъ Цывенка. Послѣдній дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ.

Иной разъ въ праздникъ Цывенки устраивали игру „въ короли“, въ которой порой участвовалъ я или Васька Веселитскій. Приглашали также и Кузьму Ивановича. Онъ покорно выползалъ изъ своего угла, запахивался, извинялся, бралъ дрожащими руками карты. Но игра, видимо, доставляла ему только страданіе. Особенно, когда ему начинало везти... Однажды, сдѣлавшись „королемъ“, онъ сконфузился такъ сильно и мучительно, что Мавра Максимовна его пожалѣла:

— Эхъ, ты, бѣдовая... Ну, иди, иди, Богъ съ тобой: король! Пропустите его, Каролинъ Ивановичъ. Видишь: стыдится она.

Каролиномъ Ивановичемъ добрая женщина прозвала меня послѣ напрасныхъ попытокъ заучить мое трудное имя и отчество... Я посторонился, и злополучный „король“ проскользнулъ въ свой уголокъ...

— А какой человѣкъ была,—съ безцеремонной жалостью произнесла Мавра Максимовна.—Все водочка-матушка... Все онъ, проклятый... Ну, давайте теперь въ свои козыри... Никуда ты, Коля, не годишься. Даже въ карты играть.

Мнѣ этотъ бѣдняга казался интереснымъ. Отъ него на

всю нашу квартирку разливался какой-то особый колоритъ, вапминавшій Достоевскаго. Мнѣ казалось, что если-бы Кузьму Ивановича вызвать на откровенность, то онъ могъ бы рассказать что-то глубоко-печальное и значительное. Съ этой цѣлью я приглашалъ его къ себѣ, поилъ чаемъ. Онъ покорно приходилъ, но интереснаго не рассказывалъ. Даже за работой, около своего сундучка, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе нормально,—онъ сообщалъ только отрывочныя свѣдѣнія, лишенныя всякой связи и значенія...

— А у насъ, — говорилъ онъ, поворачивая въ рукахъ абажуръ, — на такой-то мануфактурѣ мастеръ былъ... Такъ у него, позвольте сказать, носъ былъ красный... Вотъ до какой степени: карминъ съ баканомъ-съ... Ей-Богу не вру-съ... хе-хе-хе... съ добавленіемъ берлинской лазури...

Онъ начиналъ тихо смѣяться, но даже смѣяться не умѣлъ. Смѣхъ переходилъ въ хрипоту и кашель...

— Эхъ, Кузя, Кузя, — говорила Мавра Максимовна, — молчи ужъ... Скажи лучше: гдѣ пропадалъ три дня?

— На Петербургской сторонѣ-съ, — покорно отвѣчалъ Кузя, откашлявшись.

— Въ части, небось, ночевалъ?

— Въ части-съ, Мавра Максимовна. На другой день отпустили-съ... Меня потому что знаютъ-съ...

Однажды, придя съ лекцій, я засталъ Кузьму Ивановича въ необычномъ настроеніи. Онъ былъ „выпивши“, держался развязно и съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ. Говорилъ много, не кашляя и не запахивая скюртучишка, хвастая своими талантами и успѣхами, Цывенка снисходительно хлопалъ по плечу, но не скрывалъ отъ него, что онъ „Маврушѣ не пара“. Около Мавры Максимовны ходилъ пѣтушкомъ, подбоченясь и многозначительно подмигивая. Цывенко немного хмурился, но не говорилъ ничего. Мавра Максимовна покатывалась отъ смѣху...

Это, дѣйствительно, было смѣшно и весело, но кончилось печально.

Вечеромъ того-же дня я возвращался отъ Сушкова. Было темно и ненастно. Фонари стояли въ мгlistыхъ нимбахъ, лужи шевелились на свѣту, какъ живыя, отъ капель дождя. Самой серединой нашей улицы шель пьяный человѣкъ и, пошатываясь, надтреснутымъ, но громкимъ голосомъ, пѣлъ какую-то финскую пѣсню... Я узналъ въ немъ нашего Кузьму Ивановича...

Сзади послышался грохотъ колесъ. Ъхалъ лихачъ съ какимъ-то грузнымъ сѣдокомъ, уткнувшимся въ воротникъ шинели... Кучеръ рывкнулъ „берегись“, но пьяненькаго Кузьму Ивановича качнуло какъ разъ въ сторону движенія

рысака. У меня замерло сердце: въ невѣрномъ освѣщеніи фонаря мелькнула лошадиная морда, крѣпко стянутая назадъ, и подъ ней тщедушная фигурка человѣка... Кучеръ успѣлъ сдержать лошадь во время надъ самыми плечами Кузьмы Ивановича. Я побѣждалъ было къ нему, но самъ онъ нимало не смутился.

Вмѣсто того, чтобы сойти съ дороги, онъ только откачнулся и, ставъ въ позу, громко на всю улицу продекларировалъ:

Дур-ракъ ѣдетъ на скотинѣ,
Умница пѣшкомъ идетъ...

„Дуракъ, ѣхавшій на скотинѣ“, тотчасъ соскочилъ съ пролетки и, схвативъ художника за шиворотъ, крикнулъ городского. Напрасно я и еще какой-то проходившій студентъ просили этого господина отпустить бѣднягу, указывая, что вѣдь онъ пьянъ и не знаетъ, кого оскорбляетъ. Господинъ не отвѣчалъ, даже не глядѣлъ на насъ, и пустая улица, оглашалась его громкимъ ревомъ: „Гор-ро-да-авой! Гор-ро-да-авой!“

Стали подходить прохожіе... Отъ часовенки бѣжалъ, придерживая саблю, полицейскій, явились два дворника, а нераскаянный Кузьма Ивановичъ стоялъ, разставивъ ноги, покачиваясь съ глуповато-горделивой улыбкой и громко повторяя:

— Дур-ракъ ѣд-детъ на скотинѣ,
Умница пѣшкомъ идетъ...

И при словѣ „умница“ тыкалъ себя въ грудь указательнымъ пальцемъ...

Господинъ далъ свою карточку (при видѣ которой полицейскій вытянулся, точно въ столбнякъ) и сѣлъ на лихача. Скоро грохотъ колесъ затихъ въ концѣ переулка. Кузьму Ивановича повлекли, несмотря на наше заступничество, въ участокъ, слушатели медленно разбрелись, и улица опустѣла...

Съ этихъ поръ художника мы уже болѣе не видѣли... Мавра Максимовна плакала и посылала Цывенка за справками... Послѣ многихъ хлопотъ и вечернихъ хожденій по разнымъ мѣстамъ, Цывенко принесъ печальное извѣстіе: Художникъ отъ неизвѣстной причины въ участкѣ умеръ, и уже похороненъ въ безыменной могилѣ, на Волковомъ...

— Били его, вѣрно, не иначе, — всхлипывая, говорила Мавра Максимовна, — они вѣдь, полицейскіе, извѣстно, дураки... не понимающіе... А ему, Кузьмѣ, много ли и надо. Слабая была... чисто цыпленокъ...

И она по дѣтски утирала слезы обратными сторонами своихъ пухлыхъ рукъ... Цывенко снесъ въ магазинъ нѣсколько оставшихся абажуровъ, и на полученные деньги супруги заказали панихиду въ сосѣдней церкви Миронія на Обводномъ.

„Уголь“ опустѣлъ. Но тѣнь художника, казалось, еще нѣкоторое время витала въ квартиркѣ, и по вечерамъ я такъ же осторожно открывалъ дверь, чтобы не задѣть Кузьму Ивановича на его сундукъ... Къ моимъ воспоминаніямъ о немъ присоединялось что-то въ родѣ угрызений совѣсти... Я не сдѣлалъ чего-то, что нужно было сдѣлать. Перебирая съ Васькой весь этотъ эпизодъ, мы пришли къ заключенію, что ничего я сдѣлать не могъ. Но что-то все-таки оставалось... Чего-то хотѣлось заднимъ числомъ. Въ воображеніи рисовалась кучка молодежи, въ родѣ тѣхъ кіевскихъ студентовъ, громившихъ полицію, о которыхъ ходили легендарные рассказы еще у насъ, въ гимназій... Хотѣлось силы... Свистки, тревога, свалка, заступничество, побѣда... И въ этомъ опять участвуетъ знакомая фигура моего современника, усовершенствованная еще въ новомъ жанрѣ...

Была въ нашей квартиркѣ, кромѣ злополучнаго художника, и еще одна тѣнь, принимавшая для меня живыя, почти осязательныя формы. Года за два до насъ половину нашей комнаты за перегородкой занималъ какой-то рабочій. Отъ него Цывенкамъ осталась клѣтка съ канарейкой. Канарейка у нихъ издохла, а клѣтка висѣла надъ окномъ, и каждый разъ, когда Мавра Максимовна замѣчала ее, она сообщала что-нибудь о бывшемъ жильцѣ...

— Чюдачокъ тоже была,—говорила она съ тихой улыбкой, какъ и при воспоминаніи о Кузѣ. — Ну, не пьяница. Нѣтъ. Капли въ ротъ не брала... И не буянила она, какъ покойникъ Кузя, царство небесное... Только и знала: придетъ съ работы, сейчасъ кинареечку кормить... Клѣточку чистить...—И вотъ чюдное дѣло, Каролинъ Иванычъ,—какъ эта кинареечка его знала: свиснетъ онъ, дверку откроетъ, она ему на плечо... Чивикъ, чивикъ... Черезъ книжки пропала она...

— Какъ черезъ книжки, Мавра Максимовна?

— Книжки много читалъ.

— Такъ что же. Съ ума, что ли, сошелъ?

— Нѣ-ѣтъ... Глупый я баба. Не умѣю рассказать тебѣ. Цывенко у меня умный, на войнѣ была... А тоже этого дѣла не понимаетъ: за что пропала нашъ Павла Карповичъ... А только вѣрно, что за книжки.

— Почему же вы такъ думаете, Мавра Максимовна? Вѣдь вотъ и у насъ книжки.

— То у васъ. Ваша служба такой. Вы студенты. А его служба: работалъ бы на заводѣ, жалованіе хорошее получалъ... Пришелъ домой, выспался... Какъ другіе изъ ихняго брата. Ну, правда: пьютъ они, заводскіе всѣ, шибко. Ругаются, дерутся...

— Вотъ видите. Развѣ это лучше книжекъ?

— Поди ты... Да... Читала все... Товарищей такихъ же нашель. Придутъ, начнутъ читать. Потомъ спорить. Что вы, я говорю, кричите. Да всѣ вдругъ. Нехорошо это. Еще драка выйдетъ... Смѣются... Не выйдетъ у насъ драка... Мы это объ томъ, чтобы всѣмъ жить въ согласіи... И чтобы всѣ были равные...

Она весело смѣется...

— И чтобы, говорить, не было богатыхъ и бѣдныхъ. Всѣхъ, говорить, надо поровнять... Эко! я ей говорю: умные вы. Какъ же вы поровняете. Это вотъ у моего Цывенка шуба есть хорошая. Въ ланбартъ по случаю куплена, а все три красныхъ отдана. Легкое дѣло! А у тебя вонъ пальтишка, вѣтромъ подбитая. Ты у моего Цывенка и отнимешь?..—Зачѣмъ,—говорить,—отнимать, когда всѣмъ шубы будутъ... Кому надо—бери...—Откуль возьмете вы?—На казенный счетъ,—говорить... Да вы,—я говорю,—сейчасъ все растащите...

Она заливается такимъ веселымъ смѣхомъ, что на щекахъ у нея проступаютъ ямки, и все грузное тѣло ходитъ ходуномъ...

— Ну, а онъ что же?—спрашиваю я,—глубоко заинтересованный простодушнымъ рассказомъ.

— Да что-жъ она... Ничего не понимаетъ, какъ все одно ребенокъ... Зачѣмъ я, Мавра Максимовна, воровать буду, когда все будетъ общее. Зачѣмъ свое воровать. Вотъ видишь ты: свое! А откуль оно свое-то возьмется у васъ... Читала, читала и дочитался...

Она понижаетъ голосъ, оглядывается и говорить съ выраженіемъ наивнаго испуга:

— Взяли его на заводѣ... Домой зайти не дозволили. Пришли сюда, на квартиру. Испугался я до смерти. Цывенко на службу ушла. Одна я... Рылись, рылись, все въ книжки смотрѣли... Одежа, брюки, сапоги двое,—это имъ не надо, а все книжки смотрѣлъ... Такъ и не видѣли мы больше нашего Павлушу. Посылала я Цывенку своего: поди, Цывенко опроси... Потомъ ужъ сама не рада...

— Что же,—сказали?

— Что вы, говорятъ, господинъ Цывенко... вѣрный слуга, а объ такихъ людяхъ интересуетесь... Такого человѣка надо въ каменный столбъ замуровать, разъ въ недѣлю спраши-

вать: живой ли еще... Вотъ, Каролинъ Ивановичъ, за книжки-то что бываетъ...

Этотъ простодушный рассказъ произвелъ на меня яркое впечатлѣніе. Я, конечно, зналъ кое-что объ ученіяхъ утопистовъ, но отрывочно и вѣточно. Формулы Фурье, формулы Сень-Симона... Это были только формулы, которыя я путалъ въ памяти. Но вотъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ жилъ человѣкъ, простой рабочій, который обсуждалъ эти же вопросы съ товарищами, такими же простыми рабочими. Значитъ, это не въ однѣхъ книжкахъ. Вотъ Кузьма Ивановичъ, точно выхваченный живьемъ изъ „Хозяйки“ Достоевскаго или „Господина Прохарчина“. А вотъ другой, задававшійся въ нашей мансардѣ глубочайшими вопросами современности... И пожертвовавшій за нихъ своей свободой, можетъ быть—жизнью...

Я, конечно, не вѣрилъ, что его замуровали живьемъ, какъ увѣряла Мавра Максимовна и, какъ думалъ, кажется, ея молчаливый Цывенко. Что съ нимъ сдѣлали? Вѣроятно, сослали куда-нибудь... И теперь, въ дальнемъ углу Сибири, онъ опять развиваетъ передъ кѣмъ-нибудь свои теоріи... А я здѣсь, въ его бывшей комнатѣ, вспоминаю о немъ съ интересомъ и сочувствіемъ и вдыхаю ту же атмосферу неопредѣленной манящей мечты...

Такъ жили мы на чердакѣ номеръ двѣнадцатый,—шесть живыхъ людей и двѣ тѣни.

Вл. Короленко.

Продолженіе слѣдуетъ).

На хуторахъ.

(Замѣтки деревенскаго наблюдателя).

V.

Говоря о хуторахъ Саратовской губерніи, я отмѣчалъ уже два, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, типа хуторовъ: это—хутора крестьянъ зажиточныхъ и хутора бѣдняковъ. Особенно рѣзко отличаются эти типы въ Орловской губерніи. Уже по одному внѣшнему виду можно опредѣлить, къ какому разряду относится тотъ или иной хуторъ: хутора бѣдняковъ представляютъ изъ себя крошечныя, наполовину врытыя въ землю, избушки, безо всякихъ надворныхъ построекъ, одиноко разбросанныя на значительномъ одна отъ другой разстояніи; хутора богатыхъ крестьянъ,—если крестьянинъ переселился,—рѣзко выдѣляются размѣромъ и отдѣлкой дома, прочными надворными постройками и изобиліемъ разбросаннаго вокругъ корма и соломы.

Въ концѣ октября я ѣхалъ по хуторской дорогѣ, проложенной на бывшихъ владѣніяхъ великаго князя. Крестьянинъ, который меня везъ, къ хуторамъ относится совершенно безразлично: самъ онъ «землей давно не занимается», и въ немъ нѣтъ обычной для общественниковъ какой-то озлобленной ненависти къ хуторянамъ (Интересно, что озлобленность эта выражается въ постоянномъ подчеркиваніи всѣхъ—даже самыхъ малѣйшихъ—отрицательныхъ сторонъ хуторской жизни. «Вотъ перешли... Посмотрите вотъ, какъ живутъ»... И въ перечнѣ отрицательныхъ сторонъ часто являются такіе факты, которые самимъ хуторянамъ кажутся вполне естественными. «За топоромъ другъ къ другу бѣгають,—ништо это хозяева?»).

По обѣ стороны дороги разбросаны хуторки, гдѣ одинъ, гдѣ два, рѣдко три подъ рядъ. То и дѣло встрѣчаются ямы невѣроятной глубины—нѣкоторыя сажень по 20 и болѣе: это господа землеустроители рыли колодцы для хуторянъ, но такъ какъ воды не оказалось, то ямы эти такъ и забросили, для чего-то, впрочемъ, вставивши въ нихъ срубы изъ прекраснаго дуба. На ямы эти ходятъ «любоваться» крестьяне окрестныхъ деревень и при этомъ о

Февраль. Отдѣлъ II.

хозяйственности господъ землеустроителей высказываются очень нелестныя мнѣнія. Всего такихъ «колодцевъ безъ воды» по дорогѣ намъ встрѣтилось болѣе двадцати; нѣкоторые изъ нихъ начали уже обваливаться, потому что крестьяне растаскали срубы: «что же имъ даромъ-то пропадать».

— Когда начали здѣсь копать, то старики прямо сказали: воды, говорятъ, ваше благородіе, здѣсь нѣтъ—это, говорятъ, намъ доподлинно извѣстно. «Не ваше, говорятъ, дѣло, копай». Ну, и копали... Намъ какое дѣло? Все кое-какая работишка... А теперь вотъ...

Хутора, разбросанные по обѣ стороны дороги, представляютъ изъ себя очень печальную картину. Вотъ какая-то въ буквальный смыслъ конура безъ сѣней, безъ двора и даже безъ крыши. Около нея «гомозится» мужикъ, загибая плетень... Вотъ сбита изъ досокъ и обрѣшетенная хибарка, кругомъ запаханная; для выхода на дорогу оставлена узенькая тропочка; между тѣмъ въ хибаркѣ живутъ, и неизвѣстно, какъ они проѣзжаютъ на дорогу. Тамъ—изба, сдѣланная изъ двухъ рядовъ плетня, промежутки между которыми забиты землей; двѣ бабы и дѣвченка обмазываютъ наружныя стѣны... Гдѣ просто поставленъ какой-то сарай, гдѣ землянка,—и во всѣхъ этихъ крошечныхъ помѣщеніяхъ гнѣздятся люди, устраиваются, работаютъ, платя банку.

Вообще большинство хуторовъ здѣсь слѣдуетъ отнести къ типу наиболѣе бѣдныхъ и жалкихъ. Кое-гдѣ встрѣтятся порядочная избенка, а потомъ опять землянки и пещеры троглодитовъ.

Вотъ мѣсто, гдѣ торчитъ нѣсколько колебей, валяются кирпичи отъ разобранной печи, солома,—явные остатки жилья.

— Что это такое?—спрашиваю моего возницу.

— А это мужикъ одинъ... Перешелъ было онъ на хуторъ, а потомъ силовъ то не хватило. Перебрался сюда, перетащился, а потомъ на попятный... Ушелъ... Здѣсь избенка его стояла...

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ Сибирь, говорятъ, тронулся...

Хлѣбъ съ полей въ большинствѣ мѣстъ свезенъ, но кое-гдѣ остались еще неубранные снопы, сложенные въ пятерки и скирды.

— Почему не убранъ этотъ хлѣбъ,—вѣдь сгниетъ?

— Что подѣлаешь? Вишь законъ такой, чтобы не убирать, пока не заплатишь банкѣ. Вотъ хлѣбъ и стоитъ. Мужикъ смолотилъ-бы его, продалъ,—вотъ ему и уплата, а теперь рыщетъ вездѣ, ищетъ занять, а кто дастъ такую сумму? Вотъ добро и гибнетъ...

Богатые хуторяне живутъ, главнымъ образомъ, въ лоцинѣ; издалека видны ихъ, крытыя желѣзомъ, избы; тамъ у нихъ и ручеекъ и земля лучше; здѣсь-же, по дорогѣ, бѣдность и только бѣдность... И «подняться» пока нѣтъ никакой надежды: всевозможныя придирки, педантическая точность срока уплаты, а главнымъ образомъ непосильные платежи совершенно истощаютъ хуторянъ и

недаромъ всѣ они увѣрены, что «въ скоромъ времени будетъ сбавка суммы».

Опишу подробно нѣсколько хуторовъ.

Хуторъ Василя Никишина. Маленькая избенка, перенесенная изъ села. Такъ какъ часть бревенъ оказалась гнилой, то избенка вышла низенькой и уродливой. Надворныхъ построекъ никакихъ нѣтъ. При посѣщеніи мною этого хутора, Никишинъ городилъ какую-то клѣтъ изъ соломы для лошади. Маленькія сѣни служатъ въ то же время и амбаромъ; здѣсь два сусѣка—для овса и ржи, оставленныхъ на зиму. Весь скотъ Никишина состоитъ изъ одной больной лошаденки. Самъ онъ высокій, худой, съ густой космой взлохмаченныхъ волосъ, смотритъ какъ-то боязливо и тревожно. Надѣлъ свой онъ еще не продалъ, но нужда заставила сдать въ аренду.

— Ссуды мнѣ не выдали еще,—вотъ моя бѣда... Такъ подтянулъ брюхо, что не дай Господи...

Мы вошли въ избу. Трудно представить себѣ большую бѣдность и нищету. Одна комнатка четыре шага въ длину и четыре въ ширину, низенькая, темная... Третъ избы занимаетъ печка; грязный, самодѣльный столъ и двѣ лавки по стѣнамъ. На одной лавкѣ въ углу стоитъ сундукъ съ рухлядью, двѣ кадучки съ мукой, порванная сбруя.. Въ другомъ углу мѣшокъ съ зерномъ, двѣ лопатки, вилы, какія-то полѣнья и доски.

— Некуда дѣтъ-то,—все въ избу и тащишь... На дворѣ оставить боязно: другой не изъ корысти, а изъ озорства возьметъ, да броситъ въ яму... Озорниковъ у насъ много...

Грязный закопченный потолокъ—ребенокъ рукой достанетъ. Земляной полъ представляетъ изъ себя смѣшанную грязь со слѣдами сапогъ и лаптей.

Около стола на лавкѣ сидятъ больные ребятишки.

— Придетъ, говорятъ, бѣда, отворяй ворота... Замучился я съ ребятишками. У одного и болѣзнь то такая, что не поймешь: выскочить это у него на боку шишка, а почему—Богъ вѣдаетъ. Я уже и терѣю и подъ полшубокъ надъ паромъ сажалъ—ничего не помогаетъ. Видите,—какъ есть скелеть...

Дѣйствительно, ребенокъ худой, блѣдный, съ ввалившимися глазенками, сильно походитъ на скелеть. Все время онъ испуганно смотрѣлъ на насъ и, несмотря на всѣ усилія съ нашей стороны, не сказалъ ни одного слова.

— Ну скажи же господамъ, какъ тебя зовутъ!

Мальчикъ молчитъ.

— Что у те языкъ что ли отнялся? Экій дуракъ—ну, скажи!

Ребенокъ начинаетъ грязными кулаченками тереть глаза и всхлипываетъ...

— Эхъ, дуракъ, дуракъ, въ твою пору въ училищу ходятъ... А ты... Эхъ, дуракъ!..

Никишинъ укоризненно покачиваетъ головой и, обратившись къ намъ, безнадежно разводитъ руками.

— Что хотите вотъ, то и дѣлайте!

У другого сынишки Никишина все лицо покрыто сыпью и ранами.

Этому мальчику, повидимому, года три. Онъ смотритъ на насъ испуганно, время отъ времени истерически взвизгивая и заливаясь слезами.

— Вотъ и у этого тоже Богъ знаетъ что! Золотуха не золотуха... Кабы не ковырялъ еще... А то чешется видно у него. Расковыряетъ болячки-то и оретъ, а послѣ еще больше... А что подѣлаешь? Не руки же связывать ему? Говорятъ, сѣру ѣсть надо... Къ доктору вотъ сѣздить хочу...

Разсказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ, Никишинъ началъ съ того, что хлѣба у него не только не останется на сѣмена, но и для ѣды не натянеть... Что будетъ дѣлать,—неизвѣстно, и вся надежда на полученіе ссуды.

— Изъ силъ выбились. Сами посудите — работниковъ я да жена, на каждый пустякъ все нанять, да нанять надо... и сами работаемъ, не покладая рукъ. Подняться тяжело. Оглушили сразу-то платежами, вотъ мы и присѣли... Все равно, что человекъ въ гору лѣзетъ—чуть вскарабкается, а его опять внизъ столкнутъ...

Какъ и большинство хуторянъ, переселеніе свое на хуторъ Никишинъ объясняетъ базпросвѣтной нуждой, нищетой и голодомъ. «Отъ хорошей жизни развѣ поѣхалъ бы сюда? Что хорошаго? Въ лучший годъ кусокъ хлѣба можетъ быть, ну а въ деревнѣ и этого не было... За то тамъ на людяхъ... По привычкѣ къ людямъ-то скучно здѣсь. Лошадь съ лошадью стоять вмѣстѣ и то свыкнутся, а человекъ и подавно».

Всего дѣтей у Никишина четверо, но помощниковъ еще нѣтъ. Все приходится дѣлать самому и женѣ. Непрекращающіяся болѣзни ребятишекъ Никишинъ объясняетъ полнымъ ихъ безпрізоромъ, но къ этому, конечно, необходимо прибавить царящія въ избѣ грязь и сырость, скудость питанія, скверную воду.

Колодца у Никишина нѣтъ — «воды не оказалось». За водой ѣздить въ Хитрово, на каждую поѣздку нужно затратить нѣсколько часовъ,—вполнѣ понятно, что воду приходится экономить. При одной лошади, которую разрываютъ на десять частей, эти поѣздки за водой—истинное горе.

— Посуды настоящей нѣтъ—другой разъ такъ подойдетъ, что ночью кричатъ «пить», а вездѣ сухо. Большой-то потерпѣть, а у ребятъ разума нѣтъ: имъ вынь, да положи.—Зиму вотъ ждемъ—тогда снѣгъ станемъ таять—все полегче будетъ.

Эти тернии хуторской жизни—непосильные платежи, одинокая жизнь, отсутствіе внѣшнихъ удобствъ—заставляютъ быть осторожнымъ, не особенно разсчитывая только на хуторъ. До сихъ поръ Никишинъ крѣпится и не выходитъ изъ общины.

— На всякій случай. Опасно пока что. Вдругъ не выдержишь какой годъ и сгонять. Дальше видно будетъ: коли оперимся, можно будетъ подать изъ общины и выдѣлить особнякъ; а теперь въ случаѣ чего—всетаки прицѣпка... Тяжело это только: я вотъ переселился, а пожарные плачу. Нужно такъ говорить, что не дай Богъ грѣха—всѣ вмѣстѣ съ избыю сгоримъ; тамъ они и не увидятъ, а плачу!..

О землеустроителяхъ Никишинъ высказалъ нѣсколько горькихъ замѣчаній: «не съ того конца они начинаютъ! Все, что говорятъ,—вѣрно, а дѣлаютъ насупротивъ. Коли хотятъ они сдѣлать изъ насъ хозяевъ, — дай подняться! Вылѣзть-бы хоть немножко, вздохнуть полегче, а тогда и платить можно. Теперь же ты отъ нужды, а нужда за тобой—никакъ ее за хвостъ-то поймать не можно! Считаютъ, что скотину нужно хорошую держать, землю навозить, траву сѣять,—все вѣрно, а все попусту... Я вотъ продалъ хлѣбъ, заплатилъ, а самому занимать придется... Повременили бы годковъ пятокъ дошибать-то»...

Земли теперь у него 9 десятинъ, а лошаденка одна, другой скотины нѣтъ: солома цѣликомъ идетъ на топку; соха деревянная, борона и—все! Вообще инвентарь, приспособленный къ обработкѣ надѣла. Улучшеніе этого инвентаря не мыслимо, въ виду того, что на платежъ банку идутъ не избытки дохода, а весь доходъ, включая и значительную часть того, что необходимо на прокормленіе. Никишинъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и вполнѣ понятно, какой горькой ироніей являются для него брошюры: «Какъ выбрать хорошую лошадь», «Какъ выбрать хорошую корову», «Какъ получить большой урожай» и т. д. Ему совѣтуютъ заводить племенной скотъ, вводить новые приемы обработки земли, а условія жизни побуждаютъ его нанять кого-нибудь съ его сохой или ковырять землю на своей больной лошади... Его учатъ, какъ выбрать хорошую корову, а «ребятишки забыли ужъ, какой цвѣтъ молоко имѣетъ, не только, какъ его ѣдятъ».

Такимъ образомъ, совѣты, по существу правильные, вызываютъ у человѣка лишь горькую улыбку, а брошюрками, можетъ быть цѣнными и полезными, играютъ ребятишки...

При жалобахъ хуторянъ на непосильные платежи, землеустроители твердятъ одну и ту же заученную фразу: «вводите такіе-то приемы, земля будетъ лучше родить». Понятно, сколько въ этомъ трагическаго комизма! Никишинъ, напр., великолѣпно понимаетъ, что удобреніе необходимо, что хорошая лошадь лучше плохой, что плугъ лучше сохи и т. д. Но что-же дѣлать? Исходныя точки у хуторянъ и землеустроителей совершенно различны.

Землеустроитель говоритъ: дѣлай вотъ что, тогда урожаи будутъ хорошіе, доходность земли повысится, а пока плати! Хуторянинъ же разсуждаетъ иначе: дайте немного оправиться, окрѣп-

нута, не подрывайте дѣломъ всякія наши начинанія, — тогда я введу все, что вы совѣтуете, и буду платить.

Какъ среднее между двумя этими точками зрѣнія, является ожидаемая всѣми «сбавка платежей»!

Хуторовъ въ родѣ только что описаннаго, здѣсь несомнѣнное большинство. Никишинъ живетъ одинъ, но кое-гдѣ по два и по три такихъ хуторка поставлены рядомъ и въ каждомъ изъ нихъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, — вы встрѣтите ту же нужду, тѣ же жалобы...

Совершенно иную картину представляютъ изъ себя хутора богатыхъ хуторянъ. Я говорилъ уже, что они выдѣляются и по своему внѣшнему виду, совершенно не тѣ здѣсь взгляды и разсужденія. Да и понятно! Богатые хуторяне были богатыми крестьянами задолго до законовъ о землеустройствѣ. Хутора для нихъ, — какъ я уже говорилъ, — лишь льготная форма аренды, помимо хуторовъ многіе изъ нихъ имѣютъ и другія средства къ жизни. Денежные запасы даютъ имъ возможность безо всякаго ушерба для хозяйства производить различные платежи. Хутора явились для нихъ счастливой неожиданностью; правдой и неправдой они стараются захватить по два и по три хутора. Всѣ положительныя стороны землеустройства приносятъ выгоду только богатымъ хуторянамъ и имъ ли послѣ всего этого не хвалить «благодѣтельный законъ!»

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ этихъ мѣстъ.

1) Крестьянинъ д. Казаково-Спасское, Матвѣевъ, имѣетъ 40 десятинъ собственной земли. Мужикъ истари зажиточный и крѣпкій получилъ два хутора.

2) Крестьянинъ деревни Натальевки Колобашкинъ. Онъ имѣетъ 60 десятинъ собственной земли; скупилъ около пятнадцати надѣловъ у крестьянъ, вышедшихъ изъ общины, и вообще является типичнымъ «новымъ помѣщикомъ». Хорошо онъ жилъ до закона 9 ноября; законъ этотъ далъ ему возможность «задаромъ почти» скупать надѣлы, а теперь всѣ старанія его направлены на пріобрѣтеніе хуторовъ. Недавно 14 хуторянъ согнаны, какъ недоимщики, и Колобашкинъ на подставныхъ лицъ успѣшилъ захватить изъ этихъ четырнадцати хуторовъ львиную долю. Къ концу октября онъ получилъ уже пять хуторовъ.

3) Крестьянинъ Сѣдыхъ, изъ семьи, имѣющей свою землю. Семья Сѣдыхъ, богатѣйшая на цѣлую окрестность, имѣетъ прекрасныхъ заводскихъ лошадей. Лучшій въ деревнѣ домъ. Сѣдыхъ получилъ два хутора, лучшіе по положенію и качеству земли.

4) Лавочникъ и бахчевникъ Сахаровъ получилъ хуторъ рядомъ съ селомъ.

Такихъ примѣровъ можно привести порядочно, и одинъ бѣглый перечень лицъ показываетъ уже, что эти хуторяне съ Никишинымъ, напрымъ, общаго ничего не имѣютъ. Последняго гонить на

хуторъ нужда и полная безвыходность,—этихъ же жажда захватить какъ можно больше земли, желаніе увеличить зажиточность и улучшить и безъ того хорошее положеніе.

Никишину переселяться было необходимо: онъ не въ силахъ внести пять процентовъ; полученіе ссуды въ нѣсколько десятковъ рублей для него необходимо; богатые же хуторяне переселяются лишь тогда, когда это выгодно имъ: иногда выдѣляя лишняго члена семьи, иногда по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ. Если же переселеніе ни съ какой стороны не выгодно, они и не переселяются, выстраивая на землѣ риги для хлѣба и избушку для караульщика...

Понятно, что у такого хуторянина нѣтъ постоянного кошмара «какъ уплатить?». Хлѣбъ у него на поляхъ не задержится, хуторъ не отнимутъ... Той испуганной забитости, той боязни визитовъ землеустроителей и чиновниковъ, которая характерна для большинства, — здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, здѣсь полная самостоятельность и независимость...

Вотъ хуторъ переселившагося богатаго крестьянина. Съ перваго взгляда видно, что хозяйство у него—«полная чаша». Большой шестистѣнный домъ, крытый желѣзомъ, громадный дворъ, обнесенный высокимъ плетнемъ, изобилуетъ надворными постройками. Три—четыре лошади, столько же коровъ, десятка два овецъ. То-пять и здѣсь соломой, но навозъ свозится въ поле, и идетъ на удобреніе. Здѣсь есть и плужки, и бороны съ желѣзными зубьями. Вода въ колодезь есть, но «ее заѣла вша», и для питья она не годна; за водой ѣздятъ работники. Ѣздить далеко, но отрывать отъ работы послѣднюю лошадь не приходится.

Ефимъ Ивановичъ встрѣчаетъ насъ очень любезно, охотно говорить о своемъ хозяйствѣ, то и дѣло отвлекаясь въ сторону вопросовъ обще-политическихъ.

— Овса я совсѣмъ не продавалъ: смысла нѣтъ! Цѣну совсѣмъ сбили... Послѣ новаго года Богъ дастъ поднимется.

— А платежи какъ же?

— Скотину продать пришлось. Урожай нынѣ Господь послалъ, цѣна на скотину поднялась... А мнѣ, что ни дай, надо продать, корму не хватить.

Высокій, чернобородый съ лысиной во всю голову, Ефимъ Ивановичъ говоритъ, не торопясь, какъ бы обдумывая каждую фразу.

Мы сѣли пить чай.

— Нарѣжь солонину!—обратился онъ къ невѣсткѣ,—да яблоковъ достань!

— Говорите вотъ вы, овецъ на другихъ хуторахъ сводятъ, и что вы думаете? Сведешь... Какъ есть сведешь!.. Теперь польза отъ нихъ небольшая, а кормъ въ цѣнѣ... Овца ѣсть хоть и аккуратно, а много; покупать—не выгодно, потому что наземъ отъ овцы ни-

кудышный, а своего корму мало. Я вотъ съѣлъ этотъ годъ вѣку съ овсомъ—ѣдовъ кормъ, дорого только обходится...

Въ домашнихъ распорядкахъ Илья Ефимовичъ—человѣкъ стараго закала: невѣстокъ и ребятишекъ онъ за одинъ столъ съ собой не сажаетъ... Ребятишки толпятся около стола, завистливо поглядывая на чай и огурцы.

— Вы чего дѣзаете? Пошли! Аль три дня не ѣли...

— Да,—говорить онъ, потирая лысину, — новая жизнь! Со всѣхъ сторонъ новая... Кто знаетъ—къ лучшему ли?

— Самъ себѣ хозяинъ—вотъ что главное. Здѣсь я на землѣ воткну кусть,—онъ вѣкъ мой, никто не отниметъ. Помощь всякая, совѣты... Какъ они не нужны? Вотъ вамъ книжечка: «Кормовой буракъ и какъ его сѣять».—Они же намъ роздали, хорошіе совѣты. Хочу попробовать—много не буду, а полъ-десятинки раскину.. Авось и выйдетъ что!

— Два брата насъ—оба старики ужъ, дѣти съ бородами.. Тѣсно стало, все равно приходилось другой домъ дѣлать... А здѣсь вотъ эти законы вышли... Подумали, подумали—хуже не будетъ! Два хутора у меня, старшій то сынъ считается какъ бы выдѣлимши... Что же? Оглядимся вотъ.—можно и ему избенку построить...

Послѣ чая Ефимъ Ивановичъ показаль мнѣ свое хозяйство. Овцы стоятъ въ «загонѣ»; выпускать не куда; на озимъ Ефимъ Ивановичъ пускаетъ только телятъ. Лошадей и коровъ приходится путать, что не мало огорчаетъ Ефима Ивановича. — Скотинѣ просторъ нуженъ... Эдакъ съ нея вся живость сойдетъ... Думаю, думаю, а не знаю, какъ рѣшится это дѣло... Земли мало! Еще бы хуторка два, вотъ съ этой то стороны, тогда и выгонокъ оставить можно бы.

— Хорошо бы, Ефимъ Ивановичъ, если бы всѣ хуторяне жили такъ, какъ вы!?

— Да вѣдь мы всегда хорошо жили. Бога не гнѣвимъ! Платежи большіе—вотъ что прижимаетъ всѣхъ... Я вотъ и то думаю—лучше раззориться, а все срока въ три уплатить. Иначе вѣдь что же выходить? Оцѣнили землю въ 200 рублей, а выплатить то по шести сотъ придется съ процентами и другими сборами. Тяжело!...

Особенно любопытно сравнивать хутора типа Никишина съ хуторами Сахаровыхъ и Стѣмыхъ, когда тотъ и другой хуторъ, расположенный рядомъ, въ «одной четверткѣ». Тогда одинъ хуторъ отгѣняетъ особенности другого; положительныя и отрицательныя стороны хуторской жизни выступаютъ ярче и выпуклѣе.

Крестьянинъ Прытковъ—дворовый. У него два сына: старшій портной, только что вернувшійся съ дѣйствительной службы; другой сынъ—подростокъ, помогающій въ работѣ; жена, старуха мать—всѣ работаютъ. По сравненію съ Никишинымъ Прытковъ,

какъ видно, имѣть крупное преимущество. Несмотря на это, однако, живетъ Никишинъ чуть чуть побѣднѣе Прыткова. Рядомъ съ избенкой Прыткова—плохенькой, уже пошатнувшейся набокъ, находятся избы еще двухъ хуторянъ: богатаго и крайняго бѣдняка, почти полной копѣи съ Никишина.

Богатый крестьянинъ перешелъ на 5% и поставленную «для близиру» избенку заколотилъ.

Караульщикъ ему не нуженъ, потому что обязанность эту безвозмездно исполняютъ Прытковъ и его бѣдный сосѣдь. Мѣстомъ своимъ богатый крестьянинъ воспользовался для постройки громадной риги, въ которую свободно помѣстилось бы пять избенокъ Прыткова вмѣстѣ съ надворными постройками. Въ ригѣ хранится хлѣбъ и кормъ. Самъ хозяинъ живетъ на хуторѣ лишь во время уборки хлѣба, а зимой лишь изрѣдка наѣзжаетъ за кормомъ: кромѣ хутора, крестьянинъ этотъ имѣетъ «земельку на сторонѣ», все время жилъ зажиточно. Хуторъ онъ приобрѣлъ «на всякій случай» и избытками доходности легко покрываетъ необходимые платежи.

Другое дѣло Прытковъ. Какъ и всѣ дворовые (а на хуторахъ ихъ довольно много), онъ ухватился за землю потому, что «очень уже наголодался по землѣ». Почти всѣ дворовые въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ голодѣ, какъ объ основной причинѣ, побудившей къ переселенію.

— Больно ужъ землицы хотѣлось! Стосковались по землѣ... дорвались вотъ теперь до нея и забыли все! Рады—одуматься еще не успѣли.

Такъ разсуждаетъ жена Прыткова, сознаваясь въ то же время, что «если прямо сказать—жизнь совсѣмъ плохая».

— Перевезтись дорого стало: вѣдь изба, амбаръ—это все изъ деревни. Избу чуть новымъ лѣскомъ подновили.

Кромѣ амбара, никакихъ построекъ у Прыткова нѣтъ. При прѣздѣ моемъ на его хуторъ, старикъ плелъ клѣтушку для коровы.

— Прутья у насъ даромъ. — Только землю очищай... Вотъ беремъ—хотя работа тоже трудная: съ корнемъ брать надо.

Въ низенькой избенкѣ обычный для хуторянъ грязный земляной полъ, тѣснота и копотъ. Довольно крѣпкій еще старикъ, наголодавшійся по землѣ, весь ушелъ въ свое хозяйство и очень неохотно оторвался отъ работы для разговора со мной.

— Нельзя сказать, какъ на хуторахъ!.. Кому хорошо, а кому плохо... Нашихъ шабровъ возьмите: одинъ-отъ съ году умираетъ, семья заѣла... Можно-ли ему вытягивать? Извѣстно, сгонять не нынѣ-завтра! А вотъ что напротивъ-то—богатый: видишь ригу-то какую сворочалъ? Хлѣбъ здѣсь держать. Ему хорошо... Извѣстно—земли прибытокъ, а живетъ тамъ въ деревнѣ... А плата одинакова... Видано ли такое дѣло? А? Вѣдь это что-же будетъ? Кто побогаче, тѣмъ и земля получше, и стѣсненія такого нѣтъ, а кто нищій —

тому никакъ подняться не дають. Чуть что—сейчасъ давай! Неси!.. Вѣдь ему вонъ, сосѣду-то, сейчасъ ѣсть нечего... А у этого полна рига... Даютъ землю безъ разбору: «кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ»...

На вопросъ о томъ, какъ живетъ ему самому, старикъ махнулъ рукой.

— Насъ нечего брать въ примѣръ: мы дворовые! Хлѣба и у насъ не хватить, придется занимать. Ну, да такъ думаю — сынъ что нибудь заработаетъ. Портной онъ — по деревнямъ пойдетъ...

— Хорошо еще вотъ на счетъ воды, — говорилъ между тѣмъ солдатъ, — колодезь у насъ казенный, вода хорошая и глубина небольшая — 10 сажень. А то нѣтъ здѣсь воды-то, либо сушь, либо иша ѣсть; видали, чай, когда ѣхали? Даромъ деньги только выкинули!..

— Какъ думаете, осилите все таки?

— Кто знаетъ? Съ горяча-то вѣдь не замѣтно. Вцѣпились въ землю зубами и сидимъ пока что... А коли сговырнуть, тогда... — Старикъ опять махнулъ рукой и пошелъ плести изгородь...

Въ избѣ ихъ сосѣда я засталъ однихъ ребятишекъ, которые съ печки испуганно высовывали свои головенки. Въ этой избѣ, похожей больше на нору, уже полное отсутствіе всякой мебели. Одинъ сундукъ съ оторванной крышкой замѣнялъ все.

— Гдѣ отецъ?

— Уѣхалъ въ городъ.

— А мать?

— Не знаю...

— Когда вернется?

— Не знаю...

— Не скажутъ, — шепнулъ мнѣ проводникъ, — иногда нарочно прячутся... Не всегда хорошіе гости въ намъ ѣздить.

Онъ какъ то криво, двусмысленно усмѣхнулся...

VI.

Большей частью мнѣ приходилось встрѣчаться съ хуторянами въ критическіе моменты ихъ жизни — вскорѣ послѣ переселенія, передъ уплатой банку и т. п. Вполнѣ естественно, что мысль ихъ въ это время была направлена на подведеніе итоговъ своей доходности и всевозможныя бюджетныя выкладки... Подводя итоги своего бюджета, громадное большинство ихъ въ одинъ голосъ говорятъ, что «на зиму ничего не остается», что придется или лѣзть въ долги къ кулакамъ или просить ссуду. И это особенно характерно — при благопріятномъ урожаѣ прошлаго года — именно для хуторянъ. На этой почвѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришлось мнѣ бывать, довольно часто происходятъ курьезныя недоразумѣнія: напр., въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ. товарищъ министра Лыкошинъ на-

шелъ, что хуторяне благоденствуютъ, а мѣстный земскій начальникъ въ это же время проситъ земскую управу оказать хуторянамъ помощь для приобрѣтенія хлѣба и скота.

На подобныя противорѣчія жизни приходится наталкиваться то и дѣло. «Невозможно при нашихъ дѣлахъ свести концы съ концами»,—вотъ общее мнѣніе хуторянъ, и мнѣніе это заглушаетъ всѣ разсужденія о прелести хуторской жизни...

— Въдѣ 55 лѣтъ такъ! — говорятъ хуторяне,—гдѣ же здѣсь поправиться...—Въ деревнѣ плохо, а здѣсь еще хуже.

На вопросъ, почему «здѣсь еще хуже»?—начинается безконечный рядъ разсказовъ о томъ, что «если даже и выплатишь время — все равно нѣтъ никакого спокойствія», что, жить одному, какъ волку, скучно», что «дичать тоже никому не интересно» и т. д. Въ одинъ голосъ хуторяне доказываютъ, что будни ихъ жизни полны специфически хуторскихъ трагедій, которыхъ невозможно предусмотрѣть и устранить.

И эти будничныя трагедіи мелкихъ людей, трагедіи постоянныя и неустранимыя,—часто бываютъ настолько тяжелы, что, право, они не могутъ окупить экономическія преимущества хуторской жизни, если бы даже такія преимущества и были.

Вотъ нѣсколько маленькихъ, бѣдныхъ хуторковъ около Ивановки *). Обычная для хуторовъ грязь и нищета. Около колодца толкуются нѣсколько мужиковъ и бабъ. Издалека видно, что они о чемъ то оживленно бесѣдуютъ, махаютъ руками, заглядываютъ въ колодезь.

— Надо же быть такому грѣху!..

— Ахъ ты, Господи!

— Царство небесное.. Новопреставленные душеньки въ рай пойдутъ...

— Подбѣгаю это я,—разсказываетъ вертлявая бабенка, а она мечется. — Что же, спрашиваю, кума? Ребятъ, говорить, кумушка, не видать что то... — Меня такъ всю и замутило. — Не въ колодези ли, говорю?—Здѣсь Митричъ подбѣжалъ. Спустили мы его, а онъ тамъ сердешный.. Совсѣмъ ужъ закоченѣлъ.. Мать то обморокомъ накинulo, какъ Митричъ то его вынулъ...

— Будетъ, тетенька, будетъ, не убивай себя...

— Извѣстно, не воскреснетъ...

Худая растрепанная баба истерически визжитъ и лѣзетъ къ колодезю... Нѣсколько рукъ хватаютъ ее, отгаскиваютъ... Захлебываясь въ собственныхъ слезахъ, она рвется изъ рукъ, кусаетъ ихъ, отбивается...

— Видишь ты, къ колодезю все лѣзетъ...

— Умомъ помрачилась. Показываютъ ей его, а она—это, говорить, не мой, мой тамъ, и все къ колодезю, все къ колодезю...

*) Орлевская губ. Ливенскій уѣздъ.

— Дайте мнѣ его! Дайте мнѣ его! .

— Будетъ ужъ! Эхъ!.. Бабы!..

— Дайте же мнѣ его!

— Что ты—ей Богу! Опомнись ужъ! Чего же подѣлаешь? Божья видно, воля!

— Эхъ ты случай то какой...

Обезсилившая баба затихаетъ. Ее осторожно кладутъ на кучу соломы.

— Въ чемъ дѣло, братцы?

— Ребенокъ въ колодцѣ утону. Второй случай ужъ вотъ!

— Какъ же не утонуть? Совсѣмъ почти безъ струба колодезь! Ништо это струбъ? Вѣдь здѣсь чуть чего и—тамъ!

— Тоже и родители хороши!.. Ушедши, воды не оставили... Извѣстно, дите малое: хочетъ пить и лѣзетъ къ колодезю. Помятій настоящаго нѣтъ, а чувствуетъ, что вода тамъ, ну и лѣзетъ...

— Оставили имъ воду-то, да они, вишь, пролили ее...

— Пролили, а взять негдѣ, сунуться не къ кому... Въ деревнѣ бы къ шабрамъ зашелъ, напился, а здѣсь...

— Эхъ ты, жизнь горемычная...

Разговоръ тотчасъ переходитъ на темы хуторской жизни, самый фактъ, возбудившій эти разговоры, на минуту какъ бы забывается.

— Вѣдь, если по правдѣ-то говорить, такъ ребятишкамъ здѣсь не житье, а каторга... Что они? Живутъ, какъ звѣри—ни имъ поиграть не съ кѣмъ...

— Одно слово дичають!

— Бду я какъ-то изъ городу,—говоритъ сердитый старикъ, упрекавшій родителей утонувшаго ребенка,—а по грязи Володька Никаноровъ шлепаетъ; Дуньку тоже тащить за руку. Куды вы, говорю? «Въ деревню, говорить, съ ребятишками поиграть...»—Это вы, говорю, пять верстъ лѣзете изъ такого пустяка?—«Насъ, говорить, маманька пустила...» Вотъ и поговори съ ними...

— И то, дѣдушка, надо сказать—скучно! Здѣсь большому тоска, а ребятамъ и подавно. Хоть вотъ моего Сеньку взять—его на привязи не удержишь. Чуть чего—и въ деревню!—замѣчаетъ серьезный Иванъ Захаровичъ.

— У нихъ тоже—товарищи и друзья!.. Сойдутся—водой не разольешь!..

— Что и говорить...

На нѣсколько минутъ вниманіе разговаривающихъ привлекаютъ новыя рыданія бабы. Ее ведутъ въ избу и укладываютъ на постель. Затѣмъ одинъ за другимъ снова собираются около колодца. Нѣкоторое время молчатъ.

— Ты вотъ, Иванъ Захаровичъ, говоришь—большому тоска, а я тебѣ скажу—хуже: другой разъ страхъ беретъ. Вѣдь одинъ

въ полѣ не воинѣ: зайдетъ кто, перерѣжетъ, недѣли двѣ и не узнаетъ никто.

— Знаешь Василія-то?—спрашиваетъ въ свою очередь Иванъ Захаровичъ.

— Слыхалъ!

— А что съ нимъ?—спрашиваю я.

— Прибѣжалъ какъ-то къ намъ въ деревню. Часовъ двѣ-надцать ночи ужъ было. Стучить, что есть мочи къ попу. Тотъ, извѣстно, испугался, выбѣгъ къ нему. «Что ты, говорить, треба чтоль какая?»—«Пустите, говорить, Христа ради въ избу».— Попъ пустилъ и видитъ, что человѣкъ самъ не въ себѣ. «Что, спрашиваетъ съ тобой?»—«Боюсь, говорить, батюшка! Страшно мнѣ. Тамъ на хуторѣ стучится кто-то»...—«Воры, что ль?»—«Должно, говорить, воры», а самъ весь дрожить, какъ листъ. Попъ собралъ человѣка четыре, побѣжалъ на хуторъ. Глядь—тамъ жена Василія тоже беспокоится: мужа ищетъ. «Закричалъ, говорить, вскочилъ, какъ полоумный, и бросился бѣжать». Оказалось—все спокойно, никого нѣтъ, а ему просто поспричилось...

— Что же съ нимъ теперь?

— Да что теперь? Каждую ночь, какъ заснетъ и начинаетъ его дергать—вскочить, затрясется и въ деревню: спасите, кричить, убиваютъ! Совсѣмъ сошелъ съ ума!

— Мнительный человѣкъ!

— Мнительный—не мнительный, а бываетъ такъ, что и взаправду шалать. Вотъ въ верстѣ отъ меня къ мужичку ночью нагрянули буяны, взять ничего не взяли, а перепугали всѣхъ. Мужикъ и жена хорошіе были люди, а теперь испорчены на всю жисть. Дѣти тоже идиотами стали.—Сказавъ это, Иванъ Захаровичъ нахмурился.

— Не привыкъ народъ, а буянамъ здѣсь раздолье. Въ деревнѣ какъ-никакъ, а людно, а вѣдь здѣсь, какъ пень въ степи: хоть кричи, хоть не кричи...

Иванъ Захаровичъ переселился на хуторъ, но принципиально—врагъ хуторовъ. Онъ аккуратно посѣщаетъ лекціи гг. землеустроителей, читаетъ книжки, которыя они раздають хуторянамъ, и всѣ разсужденія его всегда сводятся къ опроверженію доводовъ лекцій и брошюръ. Чѣмъ больше онъ говорить, тѣмъ больше волнуется, начиная всякое свое возраженіе съ фразы: «они, вотъ, говорятъ...»

— Они, вотъ, говорятъ—хлѣбъ тебѣ возить недалеко... Хорошо! Но скажите, какой мнѣ толкъ, коли весь хлѣбъ я должонъ за 30 верстъ въ ссылку везти. Онъ на корню, хлѣбъ-отъ, а я ужъ знаю, что онъ не мой. Заплати, потомъ убирай!.. Но позвольте, чѣмъ я буду платить?!. Какой же это есть законъ? Павелъ Борискинъ вонъ на семь день въ холодную посаженъ за самовольный уборъ хлѣба, да и съ участка грозятъ согнать: какое, говорятъ, имѣлъ право убрать и смолотить? А того не

хотятъ понять, что можетъ человѣку быть нечего?. Плачетъ мужикъ, ревя-реветъ... Переселился, раззорился и чуть что, пошелъ вонъ!.. Вотъ такъ законы пошли! Вѣдь у него, у Борискина-то, все здѣсь—и зерно, и солома, и скотинка, есть, кажется, что описать въ случаѣ чего... Нѣтъ—сиди! Пошевелиться не смѣй! При крѣпости и то этого не было! Мужикъ съ хутора ни соломенки, ни зернышка не вывезъ, а сиди!.. Ты, говорятъ, можешь запродавать! Да позвольте! Вамъ-то какое дѣло, коли я къ сроку деньги представляю?

— Развѣ только Борискинъ? Много ихъ... такихъ-то...

— Я къ примѣру взялъ... Всѣ мы подъ камнемъ ходимъ—чуть что и хлопнетъ по затылку... Говорить ужъ объ этомъ надѣло...

— А кто велѣлъ переходить?—спросилъ сердитый старикъ.— За уши, что ли, васъ тащили? На меня, братъ, глядѣть нечего, я старикъ—55 лѣтъ не проживу.

— Кто велѣлъ? Нужда велѣла—вотъ кто! Нужда, дѣдушка. Ты думаешь, отъ хорошей жизни люди въ петлю-то лѣзутъ?.. Самъ понимаешь—мнѣ тебя учить нечего...

— То-то и оно... Здѣсь-то изжили, что ль, нужду-то? У твоего сосѣда вѣдь вонъ лошадь-то на приколѣ удавилась?

— У моего.

— То-то и естъ! Въ деревнѣ-то она, може, и по сей день ходила бы, а здѣсь онъ ея лишился... Одна только и была лошадевка и той теперь нѣтъ... Вотъ и живи!..

Иванъ Захаровичъ замолчалъ. Сердитый старикъ говорилъ именно то, что могъ сказать и самъ Иванъ Захаровичъ, поэтому спорить было нечего.

Кто-то перевелъ было разговоръ на бабу и утонувшаго ребенка, но здѣсь многого сказать было нельзя, да и вопросъ этотъ входилъ въ область обыденныхъ хуторскихъ трагедій.

— Да, дѣла,—вырвалось у кого-то.

— Неужели ужъ такъ плохо?—спрашиваю я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не всѣмъ плохо! Кое-кому и хорошо!—И въ сотый разъ приходится выслушать, что «тѣмъ, кто побогаче—хутора лафа», что «подняться нѣтъ силъ», что «на первомъ шагу дошибаютъ»...

— А главное—порядку нѣтъ никакого... Кто куда хочетъ, тотъ туда и гнетъ... И никто ничего не понимаетъ. Какіе тамъ законы? Кто ихъ видалъ? Вонъ у Ольшанскихъ и у Студеновскихъ скандалъ былъ: два года земель не пользовались, а деньги просятъ.. За что? Законъ, говорятъ... Вотъ ты и поди...

— Ну, и мы то же хороши, дядя Иванъ, возьми дороги хоть: вѣдь всѣ распаханы?..

— Распаханы!..

— А ѣздить гдѣ? Изъ-за дорогъ то скандаловъ побольше. У

Андріанова то съ Смѣляковымъ изъ-за чего побоище то вышло? Изъ-за дороги вѣдь... У Семенова...

— Ты мнѣ не рассказывай: самъ побольше тебя такихъ исторій знаю. Оттого и есть, что порядку нѣтъ. Мужикъ каждой бороздой дорожить... Уступить никому не охота, вотъ и будутъ другъ у друга хлѣбъ мять...

Начались новые рассказы о столкновеніяхъ хуторянъ другъ съ другомъ, о нищетѣ, о непорядкахъ и т. п. Казалось, не будетъ конца этимъ рассказамъ, однообразнымъ и тоскливымъ, какъ и самая жизнь хуторянъ. И лишь, когда совсѣмъ стемнѣло, и пошелъ дождь, крестьяне начали расходиться...

— Мы ужъ какъ нибудь... Ребятишекъ жалко, вотъ что главное! Дичають...

— Дичають, это вѣрно...

— Да!

— Вотъ теперь хуторъ отъ хутора во какое разстояніе, а пройдетъ годковъ пятьдесятъ, вокругъ cadaго хутора деревня будетъ...

— Плодится народъ...

— Опять земли не будетъ...

— И мы не выплатимся еще...

Такія фразы долетали отъ шедшихъ впереди меня крестьянъ...

«Мы какъ нибудь... Намъ не привыкать... Ребятишкамъ вотъ плохо,—то и дѣло приходится слышать отъ хуторянъ. И, дѣйстви-тельно, положеніе хуторскихъ ребятишекъ, по моему, самая больная сторона хуторской жизни. Вопросъ не только въ томъ, что имъ негдѣ учиться, что на долгое время большинство ихъ обречено на безграмотность и на невѣжество... Помимо этого, ребятишки въ своей дѣтской жизни лишены всего: у нихъ нѣтъ ни игръ, ни товарищей. Одиночество не такъ отражается на взрослыхъ, какъ на нихъ. Все вниманіе свое ребятишки принуждены сосредоточить на злобахъ дни жизни ихъ хутора. А такъ какъ эти злобы дня, преимущественно, безпокойны и трагичны, то дѣтишки, какъ и старшіе, живутъ въ состояніи вѣчнаго трепета...

Общезвѣстный фактъ, что ребятишки въ своихъ играхъ копируютъ жизнь взрослыхъ, на хуторахъ принимаетъ иной характеръ: замкнутые въ стѣнахъ своей избы ребятишки *живутъ* жизнью взрослыхъ, впитывая въ себя переживанія большихъ. Въ жизни большихъ нѣтъ радостей—нѣтъ ее и въ жизни ребятишекъ. Входя въ избу хуторянина, вы видите ютящихся гдѣ-нибудь въ углу ребятишекъ, хмурыхъ и молчаливыхъ.

— Чего вы все въ избѣ третесь? Шли бы на дворъ...

Ребятишки идутъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвращаются и снова забиваются въ уголъ.

- Играть не съ кѣмъ!..
- Другъ съ другомъ играйте..
- Скучно.

Знакомый врачъ, близко соприкасающійся съ жизнью хуторянъ, говорилъ мнѣ, что ребятишки хуторянъ хилѣе и апатичнѣе деревенскихъ. Объясняетъ онъ это полнымъ одиночествомъ, которое все вниманіе дѣтей сосредоточиваетъ на жизни большихъ. Нѣтъ ничего, что могло бы развлекать дѣтей, отвлекая ихъ мысль въ другую сторону. Не даромъ вѣдь они за пять верстъ хотятъ поиграть съ товарищами!..

Больно становится на душѣ, когда думаешь, что при такихъ условіяхъ растетъ новое поколѣніе.

Что выйдетъ изъ нихъ? Хмурые, апатичные, озлобленные на судьбу и людей люди...

Впрочемъ, за то они привыкнуть къ одиночеству, и имъ не придется «привыкать къ хуторской жизни»...

VII.

За невзносъ платежей, вѣрнѣе, за несвоевременную доставку ихъ—въ томъ участкѣ Ливенскаго у. Орловской губ., гдѣ я наблюдалъ жизнь хуторянъ, было «согнано» за послѣднее время 14 человѣкъ, а трое отказались сами въ виду полной невозможности выплачивать.

У тѣхъ и у другихъ, по ихъ словамъ, пропало по 20 руб., вне сенныхъ ими въ видѣ задатка, и арендная плата за два года.

Какъ среди хуторянъ, такъ и среди общественниковъ «отобранные участки» является самой злободневной темой. Нужно сказать, что общественники относятся къ этому съ нѣкоторымъ торжествомъ. «Вотъ молъ, видите теперь, каково это дѣло? Чуть что и полетѣлъ»... «Мы, молъ, раньше говорили это—не вѣрили, теперь посмотрите на дѣлѣ». Бѣдные хуторяне еще болѣе съеживаются, еще болѣе трепещутъ, а богатые поспѣшили завладѣть участками тѣхъ, которыхъ «согнали». Послѣднее обстоятельство порождаетъ много нелестныхъ для землеустроителей слуховъ и толковъ. Въ одинъ голосъ крестьяне говорятъ, что участки бѣдняковъ потому и отобраны, что ихъ нужно было передать зажиточнымъ крестьянамъ. Почему явилась необходимость этой передачи,—крестьяне объясняютъ очень просто: это почему то выгодно землеустроителямъ...

У кого и почему отобрали участки? Завѣдующій участкомъ говоритъ, что отобрали у самыхъ «нестоющихъ», крестьянъ, у которыхъ не было серьезнаго намѣренія переселиться. Они намѣренно не платили аккуратно, не внесли бы и арендной платы, но имъ пригрозили судомъ... Вѣрно ли это? Крестьяне говорятъ что нѣтъ...

Бѣднѣйшій крестьянинъ Никита Новиковъ вложилъ въ землю все, что могъ, продалъ и заложилъ послѣднее, остался «безъ корки хлѣба» и все таки у него не хватило пятнадцати рублей. Участокъ былъ отобранъ. Раззоренный крестьянъ остался не при чемъ.

— Въ раззоръ меня раззорили!—плачетъ мужикъ.—Что я теперь буду дѣлать?..

Бѣгая изъ одной избы въ другую, онъ рассказываетъ объ этомъ «поступкѣ» съ нимъ и до сихъ поръ не вѣритъ, что участокъ отобрали у него въ «серьезъ».

— Можетъ такъ еще... Пострадаютъ только... А тамъ опять...

Еще трагичнѣе положеніе крестьянина Алферова. У него семь человѣкъ дѣтей, оставшихся теперь «безъ хлѣба». Вотъ какъ онъ рассказываетъ свою печальную исторію.

— Всю жизнь мою я маюсь... Свѣтлой минуты не припомню... Взялъ участокъ — думалъ вздохну, анъ дѣло еще хуже пошло. Сами «день не ѣвши—два дня такъ», а туда неси... Носилъ, носилъ—силъ не стало... Какъ есть въ чистую раззорился... Послѣдній разъ не хватило десяти руб. Побѣжалъ туда, побѣжалъ сюда—нѣтъ. Ну что же подѣлать? Нѣтъ, такъ изъ пальца не высосешь! Продать нечего, занять негдѣ...

— И что же?

— Да ничего... Согнали! Не извѣстили даже... Пришелъ въ контору, а тамъ объявляютъ: «участокъ твой проданъ—можешь очищать»...

— За что, говорю, помиуйте!

— За недомѣу.

— Да я что же буду дѣлать? Вѣдь у меня семь человѣкъ дѣтей!

— Это, говоритъ, дѣло не наше!.. Законъ...—Богъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ законы то: мы ихъ не читали. Сманили, а потомъ — законъ!..

— Что же вы теперь думаете дѣлать?

— Жаловаться буду... Мнѣ извѣстно, кому мой участокъ то попалъ...

Я не буду передавать рассказъ Алферова о томъ, какъ онъ прибѣжалъ, какъ полоумный, домой прямо изъ конторы, «какъ заревѣли ребятишки», какъ онъ «метался за помощью»,—все это легко представить всякому. Фактъ, что мужикъ раззоренъ; желая улучшить свою жизнь, онъ превратился въ нищаго..

Не менѣе трагична и «исторія» крестьянина д. Александровки Мурашкина. У него пятеро дѣтей. Нищета, безземелье, хроническій голодъ понудили его «кинуться къ участку». Онъ кинулся. «Кряхтѣлъ, опять голодалъ, но пока были силы — несть!» Что было, все продалъ. Не хватило пустякъ.

— Нельзя-ли, говорю, дать отсрочку?

Февраль. Отдѣлъ II.

- Нельзя.
- Что же мнѣ дѣлать?
- Вѣдь у тебя корова есть!
- Есть.
- Продай ее, вотъ тебѣ и деньги.
- А ребятишки то какъ? Вѣдь молоко все-таки... питаніе...
- Какъ знаешь!..

Мурашкинъ продалъ корову. Но покупателя пришлось искать долго. «Кто побогаче-то видитъ, что мнѣ петля, и даетъ за корову самую малость... Сами понимаете — если вдругъ продать — всегда пойдетъ за безцѣнокъ... Метался-метался — такъ за пустякъ и отдалъ.—Но все же къ сроку Мурашкинъ не поспѣлъ. Деньгъ въ конторѣ не приняли, участок отобрали, и бѣднякъ остался безъ хутора и безъ коровы...

— Вѣдь вы, говорю, раззорили меня!..

— Законъ!

— Но какой же это законъ, что пускать людей по міру?

— Ну, это, говорить, дѣло не твое... Вотъ когда, говорить, ты будешь законы писать, пиши хорошіе!..

Приведенные примѣры типичны для «согнанныхъ», поэтому я не буду перечислять другихъ крестьянъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать. Всѣ они объясняютъ неодоимку нищетой; поспѣшную продажу ихъ участковъ «придиркой»; всѣ они наиболѣе бѣдны; всѣхъ за участки заставила «ухватиться» нужда...

Примѣры эти прекрасно подтверждаютъ мысль, которую то и дѣло высказываютъ хуторяне: «на волосѣ висимъ, чуть что и скосвырнуть; все всаживаемъ, съ каждымъ днемъ больше и больше нищаемъ, а чуть чуть натягиваемъ...

Эта постоянная боязнь, что «скосвырнуть» изъ-за пустяка, эти ежедневные наглядные примѣры, какъ изъ-за пустяковъ «скосвыриваютъ» —рождаютъ угнетенное и подавленное настроеніе. Этимъ и объясняется полное отсутствіе у хуторянъ жизнерадостности, веселья... Всѣ они хмурые, задумчивые... Разговариваютъ неохотно и на всякаго пріѣзжаго смотрятъ съ боязливой задумчивостью...

Всегда гнететъ одна и та же мысль: «чуть что и согнать»... Характерно, что и болѣе зажиточные хуторяне и тѣ «всегда побаиваются»... Ихъ фонды, конечно, болѣе прочны, но — «все можетъ случиться»...

Описывая хуторянина Василія Никишина, взятаго мною за типичнаго представителя бѣдныхъ хуторянъ, я говорилъ уже, какъ гнететъ его эта мысль. Крестьянинъ с. Студенова Грибановъ нѣсколько зажиточнѣе Никишина. Продавши домъ, надѣлъ, задолжавъ «побольше шести полусотъ», онъ собралъ 1200 руб. и всѣ ихъ «всадилъ въ участокъ». Семейное положеніе дало ему возможность взять два хутора, и теперь, по его словамъ, «онъ только думаетъ о томъ, что же нынѣ—завтра предадутъ»...

— Покою нѣтъ. Остался не при чемъ, доходъ такой, что чуть не плачу; ѣсть стали вдвое хуже... Чую, что не устоять мнѣ..

Начинаются математически точные подсчеты, неопровержимо доказывающіе, что «изъ долговъ при такихъ дѣлахъ никакъ не вылѣзть»...

О лишенныхъ участковъ хуторянахъ мнѣ пришлось говорить съ однимъ счѣнь симпатичнымъ священникомъ. Мнѣнія его особенно интересны потому, что до самаго послѣдняго времени онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ хуторскихъ хозяйствъ. Теперь же, послѣ наблюденій жизни хуторянъ,—священникъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, которые дали и мои наблюденія.

— По обязанности моего сана мнѣ часто приходится бывать у хуторянъ, видѣть ихъ и въ горѣ, и въ радости... Скорѣе, чѣмъ кому либо другому, они открываютъ мнѣ свою душу, и я долженъ прямо сказать, что большинство ихъ живетъ изъ рукъ вонъ плохо... Во всѣхъ отношеніяхъ плохо... У многихъ скота нѣтъ вовсе, хлѣба на зиму не хватаетъ, а о тѣхъ, которыхъ согнали съ земли, и упомянуть нечего...

— Чѣмъ вы объясняете это?

— Причинъ много — переселеніе раззоряетъ людей, а съ перваго же шагу платежи—оправиться не даютъ; «дошибаютъ», какъ они говорятъ... Для чиновниковъ, которые осматриваютъ хутора, все кажется лучше, чѣмъ въ дѣйствительности... Нужно сказать вамъ, что дѣйствительное положеніе сами хуторяне отъ нихъ скрываютъ: боятся! Скажи, говорятъ, всю правду то, а они и сгонятъ съ хутора—скажутъ платить будетъ нечѣмъ. Вотъ и прихорашиваются. А мнѣ виднѣй: ѣздилъ я за «новинкой»—къ кому ни пріѣду, ведетъ къ сусѣку: смотрите, батюшка,—нѣтъ! И вѣрю. Прихожане меня любятъ и никогда не обманываютъ. Недавно вотъ одинъ за другимъ эти согнанные начали бѣгать... Прибѣжить—реветъ: «батюшка, заступись!» А я что могу подѣлать? Утѣшать совѣстно, слушаю, да молчу... Не знаю, чѣмъ кончится эта затѣя. Одно ясно для меня: народнаго горя она не избудеть... Многие сбѣгутъ—повѣрьте моему слову. Въ первый годъ ужъ 17 человекъ, чего вы хотите? Всѣ кричатъ — въ раззоръ раззорили! Конечно, кое-кто и наживется... Богатые еще лучше поправятся. Колобашкинъ, вонъ, 60 десятинъ имѣетъ, а еще взялъ пять хуторовъ на подставныхъ лицъ. Этимъ выгодно... А участки эти, которые Колобашкинъ взялъ, какъ разъ и принадлежать тѣмъ, которыхъ согнали...

Все это видятъ крестьяне, все великолѣпно понимаютъ и по-своему учитываютъ...

VIII.

11-го октября въ Ливенскомъ у. Орловской губ. состоялась первая прославленная потомъ на всю Россію, «сельскохозяйственная выставка скота и продуктовъ полеводства хуторскихъ хозяйствъ». На выставку имѣли право приводить скотъ лишь хуторяне, уже выселившіеся на участки. Описывая эту выставку, какой-то губернаторскій чиновникъ впадаетъ въ такой лирическій экстазъ, что пишетъ о томъ, чего не было въ дѣйствительности: плоды собственного воображенія выдаетъ за факты, а фактамъ даетъ ложное освѣщеніе. «Выставленный скотъ и продукты полеводства дали такой результатъ двухлѣтней самостоятельной хозяйственной дѣятельности хуторянъ, котораго нельзя было получить въ теченіе полулѣтковой сельско-хозяйственной работы въ общинѣ» *). Но по единогласному отзыву всѣхъ компетентныхъ лицъ—выставленный скотъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго крестьянскаго скота. Опубликованное ранѣе условіе, что на выставку будетъ приниматься рогатый скотъ не моложе 6 мѣсяцевъ и не старше 5-6 лѣтъ—въ дѣйствительности не соблюдалось: принимался скотъ всѣхъ возрастовъ. Официальное лицо, присутствовавшее на выставкѣ, категорически утверждало при разговорѣ со мной, что «принимали скотъ 8—9 и болѣе лѣтъ. Въ настоящее время всѣхъ выселившихся хуторянъ въ этомъ участкѣ—160. Могли они представить на выставку скота любого возраста—147 головъ. На одного хуторянина приходится менѣе 1 головы рогатаго скота. Но всѣ ли 147 головъ принадлежали выселившимся хуторянамъ? Положительно утверждаю, что это не такъ. Во-первыхъ, официально выяснилось, что скотъ приводили крестьяне, взявшіе отруба, но еще не переселившіеся; во-вторыхъ, нѣкоторые такъ называемые «хуторяне» привели по 3—6 головъ скота. Такимъ образомъ, на дѣйствительныхъ хуторянъ остается количество очень ничтожное.

Описывая хутора, я говорилъ о дворовомъ Прятковѣ. Я видѣлъ его корову, за которую онъ получилъ «денежную награду» въ 3 руб. Обыкновенная крестьянская коровенка, цѣна которой 30—35 руб. То же и у другихъ настоящихъ хуторянъ, имѣющихъ коровъ. Дѣло только въ томъ, что многіе изъ нихъ рогатаго скота не имѣютъ вовсе.

«Изъ 147 хуторянъ, выставившихъ скотъ,—пишетъ казенное перо,—74 получили денежные награды, а трое—почетныя награды департамента земледѣлія: двѣ бронзовыя и одну серебряную медали за отличное содержаніе и кормленіе рогатаго скота». Поразительно фальшиво звучитъ эта громкая тирада. Что это за «хуто-

*) „Орловск. Вѣстн“. № 256.

ране», получившіе медали за отличное содержаніе и кормленіе скота? Серебряную медаль получилъ *управляющій имѣніями крестьянскаго банка — Калининковъ*, выставившій три головы рогаго скота. Въ число «хуторянъ» г. управляющій попалъ потому, что при разбивкѣ на хутора имѣнія В. Кн. Андрея Владиміровича, за нимъ осталось помѣщичья усадьба въ 28 десятинъ съ великолѣпными каменными постройками. Понятно, что г. Калининковъ можетъ имѣть хорошо откормленный скотъ; очень можетъ быть, что скотъ его получилъ медаль вполне заслуженно, но какое отношеніе имѣетъ это къ крестьянскимъ хуторамъ?

Бронзовую медаль получилъ богатый лавочникъ Захаровки Сахаровъ, о которомъ я уже говорилъ. Человѣкъ этотъ имѣетъ земельку, недавно взялъ отрубъ, но на него еще не переселился. Имѣетъ въ Захаровкѣ великолѣпный домъ, лавочку. Хуторъ для него — лѣтняя резиденція. Третью медаль получилъ богатый мужикъ, купившій второй княжескій хуторъ съ постройками при д. Ивановкѣ.

Вотъ вамъ три «хуторянина», отлично содержащіе и кормящіе скотъ! Повѣрьте, господа, что люди эти отлично кормили скотъ задолго до 1906 года!..

А настоящіе хуторяне? Они получили денежныя награды отъ 1 до 10 руб., при крайне поощрительной оцѣнкѣ ихъ скота!..

Дай Богъ хуторянамъ великолѣпнаго скота и всяческой зажиточности! Но теперь у громаднаго большинства ихъ нѣтъ ни того, ни другого.

Выставлены были кое-какіе корнеплоды. Но кто ихъ выставилъ? Лукъ, напр., выставилъ «хуторянинъ» Сахаровъ, много лѣтъ занимающійся бахчевнымъ дѣломъ. Въ теченіе его долготѣней практики, несомнѣнно, у него родился лукъ и лучшаго качества. Гдѣ же «результаты, которыхъ нельзя получить въ теченіе полувѣковой работы въ общинѣ?»

«Многіе изъ крестьянъ уже завели люцерну»... Любопытно, кто эти «многіе»? Вотъ я объѣздилъ хутора и не нашелъ этихъ «многихъ». Не понимаю, откуда взялъ ихъ губернаторскій чиновникъ!..

Заключая свой дифирамбъ, чиновникъ пишетъ: «до какой степени хутора, какъ сельско-хозяйственная система землевладѣнія, отвѣчаетъ экономическимъ потребностямъ мелкаго собственника и насколько выгоды хуторскаго хозяйства оцѣнены крестьянами, можно судить по факту, что товарищество, купившее землю графа Комарова, расположенную по сосѣдству съ Захаровскими хуторами, раздѣлило свою землю на хутора самостоятельно, безъ участія землеустроительныхъ органовъ, послѣ многолѣтняго владѣнія на общинныхъ началахъ, какъ только увидѣло живой примѣръ хуторскаго хозяйства у Захаровцевъ».

Фактъ, дѣйствительно, очень важный, если бы только онъ существовалъ.

Обращаюсь къ видному земскому дѣятелю, стороннику хуторской системы.

— Вѣрнѣ этотъ фактъ?

— Положительно утверждаю: выдуманно все отъ слова до слова. Комаровцы и не думали выходить на хутора. Да и смысла имѣть никакого.

Обращаюсь къ управляющему имѣніями крестьянскаго банка.

— Выдуманно. Вообще здѣсь много неточностей. Комаровцы живутъ по старому.

Спрашиваю у комаровцевъ.

— Вѣрно ли это?

— Нѣтъ, живемъ, какъ жили!

Гораздо любопытнѣе, какъ выставка эта, — приведенная въ такой восторгъ казеннаго корреспондента, — отразилась въ пониманіи хуторянъ.

— Вы были на выставкѣ?

— Какъ же. 3 рубля получилъ за корову.

— Расскажите, какъ это было.

— Да, чего, умора!.. Просто комедь ломали. Разослали сначала намъ афиши. Начали мы толковать. Потомъ чиновникъ ѣдетъ: «гони, говорить, скотъ!» «Незавидный, молъ, ваше благородіе!» «Ничего, говорить, валяй». Ну, что же, разъ говорить—надо вести, а тамъ денегъ еще обѣщали. Вымыли мы съ бабой корову — погналъ я. Пришелъ — тамъ все форменно: флаги, мѣсто для начальства, дорожки песочкомъ посыпаны, елочки поватыканы. Посмотрѣли корову, записали. Гляжу: народу много; есть и не хуторяне: мужикъ знакомый съ комаровской земли 6 головъ привелъ. Спрашиваю сосѣда: разѣ это, говорю, хуторянинъ? Вѣдь онъ собственникъ! «Все равно, говорить, начальству хочется, чтобы головъ больше было». Ну, говорю, ладно,—дѣло не наше. Гляжу — Сахаровъ съ лукомъ стоитъ, а говорили, чтобы только скотъ. Потѣха! Торгуешь, что ли? спрашиваю. «Нѣтъ, говорить, начальству поглядѣть любопытно». Какой-то чиновникъ смотритъ коровъ и любитъ. «Я, говорить, люблю такихъ. Ростъ не великъ, а молочисты». Мы молчимъ.

— Дальше что было?

— Дальше—подошелъ ко мнѣ одинъ тоже нашъ хуторянинъ и говоритъ: «Слышалъ, говорить, четыре заводскихъ бычка для насъ привели; хуторянамъ, вишь, раздавать будутъ». — Кому же? — спрашиваю. «А это, говорить—неизвѣстно». Въ это время пріѣхалъ чиновникъ. Посмотрѣлъ скотину. «Все, говорить въ порядкѣ». Затѣмъ началъ намъ говорить: «старайтесь, говорить, и мы васъ наградимъ». Сосѣдъ-отъ мой опять подѣлокъ бокъ мнѣ тычетъ: «какъ кончить, говорить, бери его на руки и качай». — Зачѣмъ? — спра-

шиваю. «Тогда, говорить, бычекъ попадетъ тебѣ безпремѣнно».— Когда кончилъ онъ, я хочу схватить его, а боюсь. Гляжу другой нашъ шустрый мужиченко ужъ подбѣжалъ къ нему и цапъ за ноги. Мы за нимъ. Кто за руки, кто подъ спину подталкиваетъ... Я боялся было, а потомъ вижу—онъ доволенъ. Потомъ стали награды раздавать: кто первый-то схватилъ, тому красненька попала, а мнѣ трешна. Бычкомъ тоже обдѣлили. Такъ что напрасно только тратилъ я свои силы. Мужики тоже ругались. «Лучше бы, говорить, эти деньги поровну намъ раздѣлили, потому что всѣ мы всегда готовы уважить».

— Кому же попали бычки?

— Одинъ управляющему, а остальные три—богатымъ мужикамъ. Спрашивали мы тогда: «почему же намъ-то вѣше благородіе?» «Вы, говорить, народъ бѣдный и настоящаго прокорму не можете имѣть; а бычкамъ, говорить, нужна хола, потому что они—скотъ нѣжный. Для коровъ же вашихъ, они всегда должны оказывать содѣйствіе по рублю за каждый разъ». Мужики вошли въ обиду: «мы, говорить, день потратили, а главная добыча пошла богачамъ. Вѣдь, говорить, если по рублю за разъ брать, то на эти деньги бычка очень даже хорошо можно прокормить». Но никакого вниманія не было.

— Этимъ дѣло и кончилось?

— Кончилось. Пригналъ я корову домой—гляжу кое-кто изъ другихъ хуторовъ пришелъ.—«Какъ, говорить, дѣла?»—«Трешну, молъ, получилъ».—«Надо бы, говорить, могарычи».—«Ладно», говорю.—Разсказалъ имъ про бычковъ; здѣсь съ горя всю трешну мы и пропили.

— Для чего же это выставка была?

— Кто ихъ пойметъ. Начальству, видно, скотину нашу желательно было поглядѣть. А тамъ выбрали кто побогаче и наградили бычками...

Эти четыре бычка — злоба дня хуторскихъ разговоровъ. Дѣло въ томъ, что специально для крестьянъ, выселившихся на хутора, на счетъ казны куплены были четыре бычка — чистокровные сementалы. О бычкахъ этихъ разговоръ шелъ давно, и многіе на нихъ рассчитывали. Розданы они были одинъ «хуторянину» Калинникову, а три—зажиточнымъ крестьянамъ. Роздали ихъ на такихъ условіяхъ: кормить три года, уступая на ставку только *коровамъ хуторянкамъ*, по 1 рублю за случку. Деньги идутъ въ пользу «хуторянина», содержащаго бычка. Черезъ три года же бычекъ поступаетъ въ полную собственность «хуторянина».

— Кто побогаче, тѣмъ и награда, и бычки...

— Знали бы, лучше бы не гоняли скотину на эту выставку...

— Рука руку моетъ...

— Только обѣ грязныя дѣлаются...

— Нѣтъ, по моему, пожаловаться начальству,—только и всего.

- «Хуторяне» тоже. Куда угодно примажутся...
 — Имъ бы только взять...

Такимъ образомъ, на выставкѣ, какъ и въ жизни, рѣзко вырисовались два типа хуторянъ: богатые, пользующіеся всѣми преимуществами хуторской жизни и казенной опеки, и громадное число бѣдняковъ, имѣющихъ по одной скотинкѣ, которымъ больше общаются, чѣмъ дѣлаютъ... О хуторянахъ, вовсе не имѣющихъ скота,—нечего и говорить... И выставка въ концѣ концовъ показала одно: скота у хуторянъ мало и качество его незавидно...

О такомъ итогѣ выставки единодушно говорятъ какъ сами хуторяне, такъ и мѣстные общественные дѣятели. Всѣ говорятъ, что въ рамкахъ помпезной обстановки скотъ хуторянъ и сами они производили довольно жалкое впечатлѣніе... И только всѣмъ довольные г.г. землеустроители находятъ возможнымъ и изъ этой выставки сдѣлать выводъ о благоденствіи хуторянъ...

Ив. Коноваловъ.

О Всероссийскомъ фельдшерскомъ съѣздѣ.

Недавно вышли изъ печати «Труды II го всероссійскаго съѣзда фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушеровъ», состоявшагося въ Кіевѣ съ 10 по 17 іюня 1909 г. Какъ практическая роль фельдшеровъ въ Россійской медицинской организаціи, такъ и характеръ профессиональнаго движенія въ ихъ средѣ имѣютъ несомнѣнное и серьезное общественное значеніе; поэтому будетъ не лишнимъ ознакомиться съ работами съѣзда этихъ культурныхъ тружениковъ деревни, несущихъ на своихъ плечахъ тяжелую общественную ношу, но совершенно обойденныхъ общественнымъ вниманіемъ.

Съѣздъ состоялъ изъ 466 участниковъ (въ томъ числѣ 14 врачей), съѣхавшихся со всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи и изъ многихъ мѣстъ Сибири и Кавказа. Главный контингентъ членовъ съѣзда (около 50%) составляли фельдшера, служащіе въ земствахъ. Болѣе половины членовъ (около 55%) пріѣхали на съѣздъ по личной инициативѣ и на свои средства, остальные были делегированы фельдшерскими обществами или группами (66 чел.), уѣздными земствами (50 чел.), желѣзнодорожными управленіями

(10 челов.) и пр. Вся масса членовъ съѣзда состояла изъ болѣе культурныхъ представителей фельдшерскаго сословія — школьных фельдшеровъ и фельдшерницъ; «войсковыхъ» же фельдшеровъ, т. е. не получившихъ спеціальной школьной подготовки, на съѣздѣ было всего лишь 6 человекъ.

Работы съѣзда коснулись разнообразныхъ сторонъ фельдшерской жизни, но ихъ можно раздѣлить на четыре главныхъ группы: 1) о правовомъ положеніи фельдшеровъ, 2) объ образованіи ихъ, 3) объ условіяхъ ихъ труда и быта и 4) объ организационномъ движеніи въ ихъ средѣ. Если мы сдѣлаемъ краткій обзоръ работъ съѣзда по этимъ четыремъ отдѣламъ, то получимъ достаточное представленіе о такъ называемомъ фельдшерскомъ вопросѣ, занимающемъ весьма существенное мѣсто въ нашей общественной медицинѣ.

I.

Правовое или, вѣрнѣе, безправное положеніе фельдшеровъ достаточно ярко изображено въ принятой съѣздомъ «Запискѣ», предназначенной для внесенія въ Государственную Думу черезъ отдѣльных ея членовъ. Нѣкоторыя данныя этой «Записки» весьма любопытны. Оказывается, что по официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, касающимся сельскаго населенія, въ 1906 году врачами принято 57% общего числа больныхъ, обратившихся за медицинскою помощью, фельдшерами — 43%. Но есть цѣлый рядъ губерній и областей, гдѣ количество принятыхъ фельдшерами больныхъ далеко превышаетъ среднюю по имперіи цифру и доходитъ до 71% и даже 84% (Ставропольская губернія, Кубанская область). Больные принимаются фельдшерами самостоятельно не только на фельдшерскихъ пунктахъ (которыхъ имѣется около 4.000), но и во врачебныхъ амбулаторіяхъ, — во время отсутствія врачей по разнымъ причинамъ и даже при нихъ, когда бываетъ большой наплывъ больныхъ. Въ большинствѣ мѣстностей эти больные записываются, какъ принятые врачами, и потому точнаго количества ихъ установить нельзя, но по даннымъ, опубликованнымъ въ трудахъ нѣкоторыхъ врачебныхъ съѣздовъ и отчетахъ земскихъ управъ, видно, что во врачебныхъ амбулаторіяхъ принимается фельдшерами не менѣе 33% обращающихся въ эти амбулаторіи больныхъ. Такимъ образомъ, въ общемъ по имперіи фельдшера лѣчатъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины больныхъ. Вдобавокъ на ихъ долю выпадаетъ главная тяжесть борьбы съ эпидеміями, они ведутъ въ сельскихъ общественно-медицинскихъ учрежденіяхъ все аптечное дѣло, оспопрививаніе, больничное хозяйство, медицинскую статистику и проч.

Нужно замѣтить, что и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, — въ Англіи, Америкѣ, Японіи, — существуетъ типъ самостоятельныхъ

врачевателей, не получивших высшего образованія и по своей научно-практической подготовкѣ соответствующихъ русскимъ школьнымъ фельдшерамъ. Очевидно, это явленіе для культурныхъ и богатыхъ странъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что есть цѣлый рядъ болѣзней, настолько легко поддающихся опредѣленію и лѣченію, что они одинаково успѣшно могутъ быть полезны какъ врачами, такъ и фельдшерами.

Но въ то время, какъ англійскій *common practitioner* или японскіе *tasuiyosi*, неся извѣстный общественный трудъ, обладаютъ и соответственными правами, русскіе фельдшера совершенно безправны.

По нашему врачебному уставу, несмотря на вышеуказанную широкую самостоятельную дѣятельность фельдшеровъ, они считаются въ числѣ лицъ, «не признанныхъ въ званіи медицинскомъ» и «не имѣющихъ права заниматься никакою отраслью врачебной практики». Въ ст. 607 уст. врач., гдѣ перечисляются медицинскія ученныя степени и званія и гдѣ указаны зубные врачи и даже повивальныя бабки, о фельдшерахъ совершенно не упоминается. Въ силу ст. 389 врач. уст. фельдшера не могутъ выписывать лѣкарствъ изъ аптекъ. Согласно ст. 224 и 226 практика фельдшеровъ признается незаконнымъ дѣйствіемъ, наказуемымъ по ст. 104 уст. о наказ., налагаемыхъ миров. судьями. Между тѣмъ, въ другихъ статьяхъ (163, 170, 178, 187, 202, 204, 205) сказано, что для оказанія врачебной помощи сельскому населенію состоятъ врачи и *фельдшера* и учреждаются *фельдшерскіе* пункты.

Вслѣдствіе такого противорѣчія между дѣйствительною ролью фельдшеровъ, въ которую они вовлечены насущными требованіями жизни, и устарѣвшими писанными законами, на практикѣ получается положеніе, не только весьма тяжелое и несправедливое по отношенію къ фельдшерамъ, но и крайне неудобное для больныхъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ числа приведенныхъ въ «Заниски о правовомъ положеніи фельдшеровъ».

Фельдшеръ лѣчитъ больного, но удостовѣреніе о болѣзни можетъ выдать только врачъ, который больного не видѣлъ. Единственнымъ надежнымъ средствомъ при дифтеритѣ признается въ настоящее время противодифтеритная сыворотка, но по закону фельдшера, часто являющіеся въ деревняхъ единственными врачевателями, не имѣютъ права выпрыскивать сыворотку; съ другой стороны, если бы они отказывались дѣлать выпрыскиванія противодифтеритной сыворотки при дифтеритѣ, то ихъ увольняли бы со службы. Фельдшерамъ воспрещено хлороформировать больныхъ при операціяхъ, производимыхъ врачами, а между тѣмъ въ сельской больничной практикѣ найти консультанта-врача часто бываетъ совершенно невозможно. Фельдшера всюду прививаютъ предохранительную оспу, но не имѣютъ права выдавать удостовѣреній объ этомъ. Фельдшера имѣютъ на своихъ рукахъ цѣлыя аптеки, но,

будучи призваны къ больному въ вольной практикѣ, не имѣютъ права выписать по рецепту лѣкарство, даже хотя бы противоядіе при отравленіи.

«Фельдшеръ,—говорится въ «Запискѣ»,—исполняя свой профессиональный долгъ, всегда рискуетъ сѣсть на скамью подсудимыхъ, примѣры чему бывали и могутъ быть постоянно.

«Одно сельское общество въ Могилевской губ. пригласило на службу фельдшера. Мѣстный аптекаръ не захотѣлъ отпускать лѣкарства по рецептамъ фельдшера, и послѣднему волей-неволей пришлось готовить и выдавать лѣкарства самому. Фельдшеръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, и судья приговорилъ его за незаконное врачеваніе и незаконный отпускъ лѣкарства къ штрафу. Спустя нѣкоторое время у судьи заболѣлъ ребенокъ. За отсутствіемъ въ мѣстечкѣ врача, приглашаютъ фельдшера. Послѣдній, ссылаясь на бывшій обвинительный приговоръ, итти къ больному отказался. Тогда судья, пришедши къ фельдшеру въ сопровожденіи пристава, на основаніи опять-таки закона, потребовалъ немедленно отправиться къ больному. Фельдшеръ подчинился, осмотрѣлъ больного, прописалъ средство (хлоралъ), аптекаръ отпустилъ. Когда, на другой день, фельдшеръ, будучи недоволенъ надменнымъ отношеніемъ къ нему судьи, категорически отказался опять пойти къ больному, то былъ составленъ протоколъ, и судья другого уже участка наложилъ на фельдшера штрафъ, признавъ его виновнымъ въ нежеланіи подать помощь больному».

Призведенный случай весьма характеренъ, какъ иллюстрація того совершенно безправнаго положенія, въ которомъ находится, въ отношеніи своей профессиональной дѣятельности, цѣлая армія культурныхъ общественныхъ работниковъ. Исходя изъ тѣхъ положеній, что по различнымъ причинамъ населеніе не можетъ быть обезпечено врачебною помощію не только теперь, но и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и что медицинская подготовка фельдшеровъ соотвѣтствуетъ ихъ фактической самостоятельной дѣятельности,—съѣздъ нашелъ необходимымъ предоставленіе школьнымъ фельдшерамъ и фельдшерицамъ права медицинской практики и прописыванія лѣкарствъ изъ аптекъ; при этомъ хирургическая практика ограничивается только областью такъ называемой малой хирургіи, а прописываемыя лѣкарства должны быть лишь изъ числа поименованныхъ въ россійской фармакопее и не превышать опредѣленныхъ въ ней дозъ.

II.

Фельдшерскія школы, какъ по объему программъ, такъ по составу преподавателей и снабженію учебными пособіями и клиническимъ матеріаломъ,—чрезвычайно разнообразны. Есть школы съ весьма плохими преподавателями, такъ какъ таковыми волей-неволей должны быть ординаторы тѣхъ больницъ, при которыхъ существуютъ школы; нѣкоторыя школы, особенно частныя, весьма плохо обставлены научными пособіями, не имѣютъ анатомическихъ музеевъ и клиническаго матеріала для практическихъ занятій. Но, съ другой стороны, есть такія школы (Харьковская), которыя обставлены всѣми пособіями, необходимыми для изученія медицины, и богатыми клиниками, при чемъ многіе медицинскіе предметы преподаются университетскими силами, а химія и физика—преподавателями средне-учебныхъ заведеній. Въ одніѣ фельдшерскія школы принимаются питомцы сельскихъ училищъ, въ другія—только лица съ образованіемъ не ниже 4-хъ, 6-ти классовъ или даже полного курса гимназій.

Такое разнообразіе въ отношеніи общаго и спеціальнаго образованія фельдшеровъ—по мнѣнію съѣзда—объясняется, главнымъ образомъ, противорѣчивыми взглядами на роль и значеніе фельдшера: въ то время, какъ одни считаютъ назначеніемъ фельдшера роль непосредственнаго помощника врача въ самомъ узкомъ значеніи этого слова, другіе полагаютъ, что фельдшеръ долженъ быть подготовленъ и къ самостоятельной медицинской дѣятельности, къ которой его призываютъ дѣйствительныя требованія жизни.

Любопытное явленіе представляютъ собою частныя фельдшерско-акушерскія школы, которыя стали открываться съ 1902 года. При существующихъ законоположеніяхъ эти школы-коммерческія предпріятія возникаютъ безпрепятственно, имѣютъ бутафорскую обстановку въ смыслѣ пособій и клиническаго матеріала, стараются набрать побольше ученицъ и сами же выдаютъ имъ дипломы. Такъ какъ такихъ частныхъ фельдшерскихъ школъ въ Россіи около 150-ти, то можно себѣ представить, какимъ онѣ служатъ обильнымъ разсадникомъ невѣжественнаго фельдшеризма.

Разбираясь въ вопросѣ о частныхъ фельдшерскихъ школахъ, съѣздъ пришелъ къ совершенно правильному рѣшенію: признавая частную инициативу въ этомъ дѣлѣ желательной, съѣздъ нашелъ нужнымъ лишить эти школы права выдавать дипломы, предоставивъ это особымъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ; дабы гарантировать правильную, научную постановку дѣла, съѣздъ нашелъ необходимымъ, чтобы разрѣшеніе на открытіе частныхъ фельдшерскихъ школъ давалось лишь коммиссіями изъ представителей мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ, врачебныхъ

и фельдшерскихъ обществъ. Такимъ образомъ, и частная инициатива не будетъ стѣснена, и прекратится непозволительная фабрикація плохо подготовленнаго фельдшерско-акушерскаго персонала.

Вообще же, по вопросамъ школьной подготовки фельдшеровъ коммиссія, въ составъ которой входило 9 директоровъ и преподавателей фельдшерскихъ школъ и 10 фельдшеровъ, пришла къ слѣдующимъ выводамъ: званіе медицинскаго фельдшера или фельдшерицы можетъ быть получено только прохожденіемъ полного курса фельдшерской школы, полученіе же этого званія путемъ экстерната признано вреднымъ и недопустимымъ; типъ фельдшерской школы долженъ быть однообразнымъ для всей Россіи и для лицъ обоего пола; вступной экзаменъ—не ниже двухкласснаго министерскаго училища; общеобразовательный курсъ фельдшерской школы долженъ дать учащимся общее развитіе въ объемѣ не менѣе 6-ти классовъ мужской гимназіи; продолжительность обученія—6 лѣтъ; связь фельдшерской школы съ высшей медицинской школой должна выражаться въ допущеніи фельдшеровъ на медицинскіе факультеты университетовъ.

Кромѣ реформы фельдшерскихъ школъ, съѣздъ призналъ необходимымъ устройство для нихъ повторительныхъ курсовъ и научныхъ командировокъ, за счетъ правительственныхъ, общественныхъ и другихъ учреждений, гдѣ служить фельдшерско-акушерскій персоналъ; курсы должны устраиваться въ университетскихъ городахъ и въ тѣхъ изъ губернскихъ, гдѣ есть больницы перваго разряда и соотвѣтствующій педагогическій персоналъ.

III.

Объ условіяхъ труда и быта фельдшерско-акушерскаго персонала на съѣздъ былъ представленъ обильный матеріалъ, шли оживленныя пренія. Работа фельдшера тяжела и изнурительна. Онъ постоянно долженъ быть наготовѣ: днемъ и ночью, въ будень и въ праздникъ; свободныхъ дней въ недѣлѣ нѣтъ, отпуска даются рѣдко, съ большими препятствіями, при чемъ трудъ отлучившагося или заболѣвшаго въ большинствѣ случаевъ распределяется между остальными сослуживцами. Въ большихъ городскихъ больницахъ фельдшера живутъ въ конурахъ, а работу несутъ необычайно трудную. Достаточно сказать, что, напр., въ Кіево-Кирилловской губернской земской больницѣ работа распределяется такимъ образомъ: фельдшера находятся на службѣ съ 7 час. утра до 3—4 час. дня и съ 7 до 9 вечера, т. е. 10—11 часовъ въ сутки, а въ дни дежурствъ—съ 9 час. веч., положимъ, 1 числа до 9 часовъ вечера 2-го, плюсъ 10—11 час. наканунѣ, итого 34—35 часовъ почти непрерывнаго труда! То же самое въ большинствѣ

московскихъ больницъ и петербургскихъ. Мало того, что такой трудъ изнурителенъ и потому, какъ показываетъ статистика, даетъ высокій процентъ смертности фельдшеровъ отъ чахотки, но трудъ этотъ еще и опасенъ, вслѣдствіе постоянной возможности заразиться отъ непосредственнаго соприкосновенія съ заразными больными или занести заразу въ семью. И за такой трудъ фельдшера получаютъ настолько нищенское вознагражденіе, что его не хватаетъ на предметы первѣйшей необходимости; дѣти фельдшеровъ часто остаются необученными по неимѣнію средствъ. Когда же фельдшеръ, отдавшій свои силы на служеніе обществу, умираетъ, то семья его сплошь и рядомъ остается въ самомъ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, такъ какъ страхование жизни фельдшеровъ, даже отъ заразныхъ болѣзней, рѣдко гдѣ примѣняется.

Фельдшеръ зависимъ отъ всѣхъ, начиная отъ земскаго начальника или деревенскаго кулака и кончая старостой или десятскимъ. Кромѣ того, фельдшеръ находится въ полнѣйшей зависимости отъ врача, который фактически всегда воленъ карать его и миловать. Жалобы фельдшеровъ на несправедливость и негуманное отношеніе къ нимъ врачей раздавались на сѣздѣ весьма настойчиво. Это, быть можетъ, самое больное мѣсто фельдшерской жизни и дѣятельности. Оно и понятно: при полномъ безправіи фельдшеровъ и полной зависимости ихъ отъ врачей положеніе болѣе слабой стороны, естественно, должно быть весьма тяжелымъ.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ фельдшера принимаютъ участіе во врачебно-санитарныхъ коллегіальныхъ органахъ. Это явленіе получило довольно широкое распространеніе въ земствахъ въ 1905 — 1906 г.г., когда вообще высоко стояли въ обществѣ демократическія идеи. Хотя представительство фельдшеровъ въ этихъ органахъ ничтожно по количеству, все же оно даетъ фельдшерамъ нѣкоторую возможность защищать свои интересы. Во времена короткой гражданской «весны» фельдшера были даже допущены къ участію въ работахъ X-го Пироговскаго сѣзда. Теперь, однако, реакціонная волна хлестнула и въ эту сторону: фельдшеровъ, несущихъ на своихъ плечахъ половину земско-медицинскаго дѣла, изгоняютъ изъ врачебно-санитарныхъ коллегіальныхъ органовъ, а организаціонный комитетъ предстоящаго XI-го Пироговскаго сѣзда отказалъ въ допущеніи представителей отъ фельдшеровъ, несмотря на то, что фельдшерскіе вопросы включены въ программу работъ этого сѣзда.

Обсудивъ тяжелыя условія быта фельдшеровъ и ихъ профессиональной дѣятельности, фельдшерскій сѣздъ въ своей резолюціи высказалъ рядъ пожеланій, заключивъ послѣднія вполне основательнымъ мнѣніемъ, что «для проведенія въ жизнь многихъ положеній резолюціи нужна планомѣрная и организованная работа самихъ фельдшеровъ, для чего необходимы организаціи ихъ на мѣстахъ».

IV.

Профессиональное движеніе въ фельдшерской средѣ захватило пока только наиболѣе сознательную часть, и изъ 30.000 фельдшеровъ состоятъ членами профессиональных фельдшерскихъ организацій не болѣе $\frac{1}{10}$ доли.

Въ данное время болѣе половины мѣстныхъ фельдшерскихъ обществъ (23) слиты въ федеративный союзъ, а съ 1906 года въ С-Петербургѣ существуетъ Общество российскихъ фельдшеровъ, организующее въ разныхъ мѣстахъ имперіи филиальныя отдѣленія. На очереди вопросъ о сляніи этихъ двухъ параллельныхъ всероссийскихъ организацій.

Какъ I-й (1907 г.), такъ и II-й (1909 г.) всероссийскіе фельдшерскіе съѣзды признали наиболѣе цѣлесообразной организацію «на территоріальныхъ началахъ, принимая за единицу губернскія и уѣздныя общества, основанныя и дѣйствующія въ области мѣстныхъ интересовъ на началахъ полной автономіи; всѣ губернскія и уѣздныя организаціи входятъ въ одну центральную—союзъ обществъ». Несомнѣнно, что такая система профессиональнаго объединенія имѣетъ вполне логическія основанія, и къ осуществленію этой системы стремятся, какъ существующій «Союзъ фельдшерскихъ обществъ», такъ и развѣтвляющееся на филиальныя отдѣленія «Общество российскихъ фельдшеровъ».

Надо думать, что съ развитіемъ профессиональнаго самосознанія въ фельдшерской средѣ,—въ особенности подъ вліяніемъ фельдшерскихъ съѣздовъ и корпоративной печати («Фельдшеръ» и «Фельдшерскій Вѣстникъ»),—организаціонное движеніе будетъ захватывать все большее число фельдшеровъ и выливаться въ наиболѣе цѣлесообразную форму. Тому порукою — тяжелое социальное-правовое положеніе этихъ забытыхъ культурныхъ общественныхъ труженниковъ, побуждающее ихъ къ сплоченной самозащитѣ.

Совершенная необеспеченность фельдшеровъ на случай инвалидности и смерти служила предметомъ обсужденія съѣзда, который принялъ по этому поводу слѣдующую резолюцію: «признавая необходимымъ страхование за счетъ государства всего трудящагося класса, включая и лицъ фельдшерско-акушерскаго званія, съѣздъ, до осуществленія этого, заходитъ нужнымъ страхование фельдшерско-акушерскаго персонала на случай смерти и инвалидности за счетъ тѣхъ общественныхъ, частныхъ, а равно и правительственныхъ учреждений, на службѣ которыхъ этотъ персоналъ состоитъ».

Въ заключеніе,—въ виду господствующаго въ обществѣ, распространяемаго небезпристрастной врачебной массой, тенденціознаго взгляда на роль и значеніе фельдшеровъ, — съѣздъ призналъ не-

обходимымъ изданіе сборника по исторіи фельдшерскаго института въ Россіи.

Имѣютъ ли фельдшера право на общественное вниманіе? Отвѣтомъ это могутъ служить слѣдующія данныя.

Установлено, что каждая 1.000 человѣкъ населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ врачи, даетъ до 1.500 обращеній за медицинскою помощью; по желѣзнодорожной статистикѣ—почти до 2.000. Между тѣмъ, въ среднемъ по имперіи изъ каждой 1.000 населенія обращалось за помощью всего 375 человѣкъ; остальные остались безъ помощи или пользовались у знахарей. Теперь земства расходуютъ на медицину болѣе $\frac{1}{3}$ своихъ средствъ, и больше расходовать не могутъ, а по вычисленіямъ земскихъ врачей одно лишь поддержаніе земской медицины *in statu quo* требуетъ возрастанія ассигновокъ на нее въ размѣрѣ, превышающемъ 3% въ годъ *). Слѣдовательно, обезпечить все количество больныхъ *врачебной* помощью—невозможно и мечтать: на это не хватило бы народнаго бюджета. Наконецъ, по мнѣнію многихъ врачей, масса болѣзней, легко поддающихся распознаванію и лѣченію, съ успѣхомъ могутъ быть пользуемы научно подготовленными фельдшерами. Поэтому фельдшерскіе представители находятъ въ Россіи *врачебно-фельдшерскую* систему общественно-медицинской помощи самой естественной, наиболѣе отвѣчающей социальнo-экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни населенія и не идущей въ разрѣзъ съ научными требованіями.

Для насъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнна общественная необходимость фельдшеровъ на весьма долгое время; а разъ это такъ, то было бы большою общественною несправедливостію держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, игнорируя исполнѣ понятное стремленіе ихъ къ лучшему правовому, общественному и матеріальному положенію.

Г. П. Задера.

*) „Восьмой Пироговскій съѣздъ“, выпускъ VI, стр. 316.

Выборная борьба.

I.

Лорды отклонили историческій бюджет 1909 года, отказавшись пропустить его, покуда не выскажутся избиратели. Это, какъ извѣстно уже читателямъ, повело къ роспуску парламента и къ новымъ выборамъ. Такимъ образомъ, предложено было высказаться верховному трибуналу, т. е. народу. Познакомимся прежде всего съ избирательными адресами вождей партіи. Премьеръ въ своемъ адресѣ намѣчаетъ исторію кризиса. Государству понадобились добавочныя средства на флотъ, на расширеніе дѣйствія закона о пенсіяхъ и на новыя соціальныя реформы (Главнымъ образомъ, на государственное страхование отъ безработицы). Бюджетъ 1909 года долженъ былъ найти деньги на все это, при чемъ исходнымъ пунктомъ принимался принципъ свободной торговли. «Проектированы были новые налоги на предметы роскоши, на излишества, а также на монополіи, но не на предметы первой необходимости. Бюджетъ долго и всесторонне обсуждался коммонерами и въ концѣ концовъ былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Сторонники, такъ называемыхъ, тарифныхъ реформъ,—продолжаетъ премьеръ,—считали осуществленіе бюджета смертнымъ приговоромъ для своихъ плановъ. Вслѣдствіе этого протекціонисты выдвинули впередъ всѣ тѣ громадныя силы, которыми располагаютъ. И въ результатъ Верхняя палата, пренебрегая совѣтами наиболѣе освѣдомленныхъ и осторожныхъ представителей торіейской партіи, отклонила смѣту на годъ. Такимъ образомъ лорды совершили поступокъ, безпримѣрный въ исторіи Англіи, и нарушили конституцію... Другими словами, Верхняя палата посягнула на конституцію, чтобы спасти протекціонизмъ отъ смертельнаго удара».

«Цезарю», т. е. избирателю, къ которому обращается премьеръ, предлагается высказаться по двумъ пунктамъ: 1) одобрить бюджетъ 1909 года и 2) признать принципъ свободной торговли. «Затѣмъ вамъ предстоитъ рѣшить еще одинъ вопросъ,—продолжаетъ премьеръ:—признаете ли вы за Палатой лордовъ право контролировать финансы страны?» Верхняя палата предоставляетъ торіейскому министерству дѣлать, что угодно. Конкретными примѣрами является школьный законъ 1902 года и законъ о продажахъ крѣпкихъ напитковъ 1904 года. Съ другой стороны, Верхняя палата не даетъ либеральному министерству, какимъ бы большинствомъ оно ни располагало въ Нижней палатѣ, возможности осуществить сколько нибудь крупную реформу.

«Ограниченіе права veto Верхней палаты поэтому является самой насущной реформой». На большомъ предвыборномъ митингѣ въ Альбертовой залѣ премьеръ категорически заявилъ, что если страна возвратитъ еще разъ либераловъ къ власти, то онъ станетъ во главѣ правительства только въ томъ случаѣ, если получить возможность реформировать Верхнюю палату, что избавитъ его партію отъ униженій, которыя она испытала за послѣдніе четыре года.

Въ своемъ избирательномъ адресѣ Черчель прямо начинаетъ съ необходимости реформировать наслѣдственную Верхнюю палату. «Джентльмены! Наступило время рѣшить какъ нибудь вопросъ о Палатѣ лордовъ».—Такова первая фраза избирательнаго адреса министра, котораго ненавидятъ такъ же, какъ и Ллойдъ-Джорджа. Министру финансовъ не могутъ простить, что онъ—внукъ сельскаго работника и племянникъ сапожника. Черчелю не прощается, что онъ—внукъ герцога. «Надо отнять право абсолютнаго veto у наслѣдственныхъ, титулованныхъ законодателей,—продолжаетъ Черчель.—Мы не должны терпѣть со стороны титулованнаго дворянства несправедливыхъ домогательствъ права контролировать финансы страны и распускать палату. И если избиратели не осудятъ рѣшительно вторженія лордовъ въ права коммонеровъ, выразившагося въ отклоненіи бюджета,—палата богатыхъ магнатовъ изъ послушнаго орудія въ рукахъ консерваторовъ превратится въ неограниченнаго повелителя. У власти станетъ возможно только такое правительство, которое заручится заранѣе расположеніемъ лордовъ. И это право назначать правительство будетъ всегда принадлежать лордамъ. Они его передадутъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Свободные люди не могутъ признать такихъ притязаній. Англійская конституція стала бы тогда менѣе свободна, чѣмъ конституціи Франціи или Соединенныхъ Штатовъ. Канада, Австралія и Новая Зеландія давали бы тогда народу большую возможность контролировать собственныя дѣла». Черчель дальше объясняетъ, что походъ палаты магнатовъ противъ коммонеровъ имѣетъ глубокія социальныя причины. Рабочіе начинаютъ пользоваться избирательной машиной для достиженія собственныхъ цѣлей и посылаютъ теперь въ парламентъ своихъ непосредственныхъ представителей. По мнѣнію Палаты лордовъ, въ Нижней палатѣ дѣла обстоятъ плохо. Худо было уже то, что за диссентерами и католиками признаны были политическія права. Еще хуже стало тогда, когда энергичные фабриканты центральныхъ и сѣверныхъ графствъ добились избирательныхъ правъ и попали въ парламентъ рядомъ съ сыновьями лордовъ и съ ихъ ставленниками. И вотъ теперь въ парламентъ попадаютъ тредъ-юніонисты, углекопы, машинисты, кооператоры, приказчики. Въ парламентъ попали даже люди, открыто называющіе себя социалистами. Палату общинъ все болѣе и болѣе занимаетъ рабочій вопросъ. Магнаты крайне подозрительно отно-

сятся ко всему этому. Выступленіе лордовъ противъ бюджета имѣетъ цѣлю вообще распускать парламентъ, если онъ носитъ слишкомъ демократическій характеръ. «Самымъ важнымъ вопросомъ является теперь не то, что лорды сдѣлали въ ноябрѣ, а что избиратели сдѣлаютъ въ январѣ,—продолжаетъ Черчель.—Передъ избирателями лежатъ два пути. Если населеніе подастъ голосъ за консервативную палату лордовъ, то оно этимъ самымъ предоставитъ имъ накладывать абсолютное veto не только на законопроекты вообще, но и на финансовые билли. Голосованіе за либеральную палату общинъ не только уничтожитъ право лордовъ накладывать абсолютное veto на финансы, но и вообще на законопроекты. Если въ рукахъ лордовъ останется власть, которую они временно захватили, народному представительству нанесенъ будетъ ударъ. Мы вступимъ въ періодъ олигархіи». Дальше въ избирательномъ адресѣ указывается на важное значеніе свободной торговли для демократіи. Что еще намѣрено сдѣлать либеральное правительство, если снова получить полномочія? Оно осуществитъ рядъ социальныхъ реформъ. Передъ современными законодателями стоятъ вопросы о бѣдности и безработицѣ. Съ этими бѣдствіями партія будетъ бороться путемъ реформы системы общественного призрѣнія и путемъ государственной страховки отъ безработицы *).

Соціальныя реформы намѣчены также въ избирательномъ адресѣ Джона Бернса: министръ земствъ и муниципалитетовъ говоритъ о распространеніи пенсіи на стариковъ, получавшихъ общественную помощь, и о реформѣ законовъ и призрѣніи бѣдныхъ. «Призракъ безработицы нельзя отогнать тѣми заклинаніями, которыя рекомендуютъ протекціонисты. Необходимо оздоровить предварительно почву и тогда можно рассчитывать на здоровое, крѣпкое дерево». Последнія слова избирательнаго адреса туманны и крайне растяжимы. Въ прошлыхъ статьяхъ, посвященныхъ борьбѣ за «революціонный бюджетъ», я привелъ уже обращенія Ллойдъ-Джорджа и вождей рабочей партіи къ избирателямъ.

Взгляды протекціонистовъ лучше всего выражены въ избирательномъ адресѣ Джозефа Чемберлена и въ возваніи къ населенію, которое онъ выпустилъ вмѣстѣ съ Бальфуromъ. Передъ нами нѣкоторое подобіе положенія, описаннаго въ романахъ о Сидѣ. Когда Сидъ Кампеадоръ скончался, испанцамъ предстоялъ еще одинъ рѣшительный бой съ маврами. И на мертваго дон Родриго Діаца надѣли латы, накрыли голову шлемомъ и опустили забрало. Затѣмъ усадили безжизненное тѣло въ сѣдло, поставили спереди доску, чтобы трупъ держался прямо, увязали ремнями и вложили въ неостывшія еще руки мечъ. Потомъ, съ боевымъ кличемъ: «*Cierra España!*»—испанцы кинулись на мавровъ, ведя въ поводу громаднaго коня Сиды. И мусульмане дрогнули и побѣжали, завидѣвъ страшнаго Сиды Кампеадора. У

*) Times, December 29, 1909.

консерваторовъ есть свой Сидъ—Джозефъ Чемберленъ. Еще сравнительно недавно не было въ Нижней палатѣ болѣе искуснаго и сильнаго борца, чѣмъ крайній радикаль и республиканецъ, а потому консерваторъ и дживго. Джозефъ Чемберленъ обладалъ талантомъ увлекать за собою толпу. «Старый Джо» пользовался большою популярностью, даже чѣмъ «Дизи» (Дизраэли), хотя Биконсфильдъ былъ и талантливѣе, и проницательнѣе. Для доказательства стоитъ прочесть теперь трилогію Дизраэли (романы «Coningsby», «Sybil» и «Tancred»). Въ нихъ съ поразительной проницательностью Биконсфильдъ предсказалъ еще въ сороковыхъ годахъ торжество демократіи и выступленіе англійскихъ массъ, какъ рѣшающей политической силы. Предсказанія же «Джо» всегда оправдывались... наоборотъ. Итакъ «Джо» очень популяренъ. Но ни для кого не секретъ, что бирмингемскій «Сидъ Кампеадоръ» теперь даже не трунъ, а хуже трупа. Дряхлость поразила не столько тѣло, сколько умъ. И, тѣмъ не менѣе, «Сидъ Кампеадора» передъ началомъ историческихъ выборовъ усадили на коня. Протекціонисты двинулись въ бой, ведя живой трунъ. Въмѣсто «Sierra Esraña!» они испустили боевой кличъ: «Tax the foreigner!» (Обложите налогами иностранца). «Программа maximum» протекціонистовъ подписала именемъ Джозефа Чемберлена. «Выборы, по всей вѣроятности, рѣшатъ нѣсколько вопросовъ,—читаемъ мы въ программѣ. Прежде всего выяснится окончательно судьба бюджета, представленнаго намъ правительствомъ. Я не могу думать, что бюджетъ этотъ будетъ одобренъ вами. Составители этой смѣты говорятъ, что они облагаютъ богатыхъ больше, чѣмъ бѣдныхъ; но въ дѣйствительности бюджетъ облагаетъ неодинаковыми налогами людей съ одинаковыми средствами. Вся тяжесть налоговъ падаетъ на англичанъ. Составители бюджета не пытались даже принять мѣры къ тому, чтобы платили также иностранцы, которые пользуются нашими рынками и употребляютъ всѣ усилія, чтобы закрыть свои рынки передъ британскими фабрикатами. Я убѣжденъ, что послѣдствіемъ принятія бюджета будетъ уменьшеніе спроса на трудъ. Такимъ образомъ положеніе безработныхъ еще ухудшится». Лорды, отклонивъ бюджетъ, исполнили свой долгъ передъ народомъ, продолжаетъ Чемберленъ. Англія находится въ отчаянномъ положеніи. Спасти ее можетъ только протекціонизмъ. «Внимательно изучивъ вопросъ о тарифныхъ реформахъ, я пришелъ къ заключенію, что наступила пора построить фискальное обложеніе на другомъ базисѣ, чѣмъ сдѣлали это кобдениты шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Если свободная торговля была полезна тогда, когда Англія имѣла монополію въ производствѣ, она вредна теперь, когда исключительное положеніе болѣе не существуетъ и когда система свободного ввоза отвергается, какъ всѣми иностранными государствами, такъ и родственнымъ намъ по крови населеніемъ самоуправляющихся колоній». Тарифную реформу необходимо осу-

пещивить немедленно. Она возродитъ англійскую промышленность и сблизитъ метрополию съ колоніями. Избиратели должны еще потому высказаться за консерваторовъ, что либералы обфцали Ирландіи гомруль. «И это они несомнѣнно сдѣлаютъ, если избиратели дадутъ либераламъ полномочія сократить права Верхней палаты». Ирландія, пользующаяся областнымъ сеймомъ, будетъ,— по мнѣнію Чемберлена,—представлять большую опасность для имперіи. Главная сила Чемберлена, съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ республиканца сталъ джинго, заключается въ замѣчательномъ талантѣ бить въ большой патріотическій барабанъ и восклицать: «отечество въ опасности!» Въ полномъ объемѣ талантъ этотъ проявился въ 1899 году, наканунѣ южно-африканской войны. Теперь талантливый представитель Бирмингэма дряхлѣ, руки у него дрожатъ, а голова—затуманена. Но чьи-то услужливыя руки взяли колотушку и бьютъ тревогу за Чемберлена. Либеральное правительство,—читаемъ мы въ воззваніи,—достойно осужденія потому, что оно не приняло достаточныхъ мѣръ къ защитѣ береговъ Англій. Но протекціонисты имѣютъ теперь новаго союзника, громящаго радикаловъ за то, что они не обращаютъ достаточнаго вниманія на флотъ и на армію. За одно съ радикалами новый союзникъ этотъ громить и парламентскую рабочую партію.

Читатели «Русскаго Богатства» знакомы съ замѣчательно талантливымъ публицистомъ Робертомъ Блэтчфордомъ, основателемъ и редакторомъ блестящей народной газеты «Clarion». Незадолго передъ выборами Робертъ Блэтчфордъ сдѣлалъ шагъ, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на его многочисленныхъ поклонниковъ и сильно осуждается ими. Дѣло идетъ о рядѣ статей, помѣщенныхъ Блэтчфордомъ въ ультра шовинистской газетѣ «Daily Mail» подъ общимъ названіемъ «Германія и Англія». Статьи эти были потомъ выпущены газетой отдѣльной брошюрой и усиленно распространялись во время послѣднихъ выборовъ консервативной партіи. Содержаніе статей Блэтчфорда сводится къ слѣдующему. Германія стремится къ господству въ Европѣ. Для достиженія этого ей надо сломить власть Великобританіи. Всѣ попытки къ разрѣшенію осложненія путемъ мирныхъ переговоровъ или третейскаго суда не приведутъ ни къ чему. Ничто, кромѣ силы, не заставитъ Германію отказаться отъ ея намѣреній. Если Франція будетъ побѣждена, одна Англія не можетъ устоять противъ Германіи. Въ настоящее время вслѣдствіе слабости своей арміи Великобританія не въ силахъ помочь Франціи. Если британскій народъ не сдѣлаетъ большихъ усилій, чѣмъ теперь съ цѣлью увеличенія своей арміи и флотъ, Англія потеряетъ свои колоніи. Министры знаютъ трагическое положеніе страны, но боятся сказать о немъ народу. «Наступила пора, чтобы народъ и правительство признали эти факты,—говоритъ Блэтчфордъ.—Германія сдѣлала намъ вызовъ. Если мы проявимъ слабость, то погибли. Мы не можемъ относиться съ пре-

зрѣніемъ къ нашему непріятелю. Мы не можемъ уйти отъ него. Мы устоимъ противъ него только тогда, когда подготовимся къ борьбѣ съ такою же энергіей, какъ и онъ» *). И социалистъ и анти-милитаристъ Блэтчфордъ доказываетъ дальше необходимость не только сильнаго флота, но и общей воинской повинности. Эту мѣру рѣшаются предлагать только пары, не отвѣтственные передъ избирателями. Конскрипція до такой степени ненавистна англичанамъ, что, по словамъ покойнаго маркиза Солсбери, министерство, которое рѣшится внести въ Нижнюю палату билль подобнаго рода, не проживетъ и четверти часа. И вотъ передъ выборами консерваторы нашли талантливаго социалиста для прославленія мѣры, которую они сами не смѣютъ выставить. Общая воинская повинность,—доказываетъ Блэтчфордъ,—превращаетъ замухрышекъ въ «молодцовъ». «Я видѣлъ, какъ прибывали въ полкъ продавцы съ лотка, фабричные и хулиганы, темные, грязные, грубые, сутулые. Черезъ шесть мѣсяцевъ ихъ нельзя было и узнать. Они превращались въ чистыхъ, молодцеватыхъ, стройныхъ солдатъ, поведеніемъ которыхъ нельзя было и нахвалиться. Я самъ прошелъ черезъ казарму и убѣжденъ, что военная служба спасла мнѣ жизнь. Я знаю, что солдатчина принесла мнѣ больше пользы, чѣмъ какое-либо другое испытаніе въ моей жизни» **). Черезъ посредство своей газеты «Clarion» (подписка ея, послѣ появленія статей Блэтчфорда въ «Daily Mail», упала на половину) Блэтчфордъ устроилъ опросъ читателей. Имъ предложено было отвѣтить на десять вопросовъ. И первый изъ этихъ вопросовъ: «Желаете ли вы введенія общей воинской повинности?» Надо сказать, что подавляющее большинство читателей отвѣтило отрицательно.

Въ своемъ избирательномъ адресѣ Джозефъ Чемберленъ, хотя и усиленно бьетъ въ большой патріотическій барабанъ, но рѣшается говорить только о сильномъ флотѣ. «Вамъ предстоить рѣшить, нуженъ ли однопалатный парламентъ или двухпалатный; хотите ли вы укрѣпить узы, соединяющія имперію, или разорвать ихъ; надобно ли усилить народную оборону или пренебречь ею. Рѣшите, надобно ли развить земледѣліе и промышленность или отдать ихъ на жертву иностранцамъ; надобно ли увеличить спросъ на трудъ или усилить безработицу?»

Чемберленъ-сынъ, занимавшій въ кабинетѣ Бальфура постъ канцлера казначейства, въ своемъ адресѣ къ избирателямъ зоветъ спасать конституцію. «Политика нынѣшняго правительства можетъ быть формулирована такъ. Оно стремится уничтожить veto Верхней палаты съ цѣлю, чтобы Нижняя палата, разъ избранная, могла безпрепятственно властвовать, не считаясь съ мнѣніемъ народа, поставившаго правительство у власти. Если либералы

*) «Robert Blatchford», Germany und England. P. 20.

**) Ib. P. 34.

одержатъ побѣду, то они желаютъ использовать новый абсолютизмъ для разрушенія конституціи и для уничтоженія узъ, соединяющихъ Англію съ Ирландіей. Палата общинъ явится тогда абсолютнымъ повелителемъ народа, а правительство будетъ абсолютнымъ повелителемъ коммонеровъ. Такимъ образомъ, тираннія является передъ вами, какъ народное правительство, и разрушаетъ вольности, которыя, будто бы, собирается охранять. Я одинаково возстаю, какъ противъ однопалатной системы, такъ и противъ употребленія, которое правительство желаетъ сдѣлать изъ нея» *). Дальше, въ избирательномъ адресѣ сына слышится такой же раскатъ патріотическаго барабана, какъ и въ адресѣ отца. Англія въ опасности, потому что флотъ въ пренебреженіи. Германія скоро будетъ имѣть больше дреднотовъ, чѣмъ Англія. И тогда, что будетъ съ имперіей... Самый важный изъ вопросовъ внутренней политики,—заканчивается Остинъ Чемберленъ,—положеніе безработныхъ. «Бѣдственное положеніе ихъ потеряло свой случайный характеръ и превратилось въ хроническое явленіе. Правительство предложило паллиативы, затрагивающіе зло лишь поверхностно, и отказалось примѣнить единственное лѣкарство, уничтожающее болѣзнь въ корнѣ (т. е. протекціонизмъ)... Надо увеличить спросъ на трудъ, и только тарифная реформа можетъ сдѣлать это. На базисѣ, предлагаемыхъ тарифными реформами, и при помощи средствъ, которыя онѣ доставятъ, можно создать болѣе сильную, счастливую и богатую націю».

Наканунѣ выборовъ «Сиды Камнеадора» опять усадили на коня. Тринадцатаго января появились два воззванія: одно подписано Джозефомъ Чемберленомъ, другое—имъ и Бальфуromъ. «Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ британцамъ,—говорится въ первомъ воззваніи. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ патріотамъ. Я говорю вамъ, что съ нашей промышленностью дѣла обстоятъ плохо. Другія націи прогрессируютъ быстрѣе, чѣмъ мы. Мы теряемъ наше положеніе на промышленныхъ рынкахъ. Система, именуемая свободной торговлей, не есть честное соперничество. Я могъ бы вамъ назвать десятки отраслей промышленности, которымъ иностранная конкуренція нанесла смертельный ударъ. А когда отрасль промышленности гибнетъ, страдаютъ рабочіе. Я хочу ввести такое обложеніе, которое бы поощряло, а не губило промышленность. Моя система обложенія, не увеличивая стоимости предметовъ первой необходимости, разовьетъ промышленность и, такимъ образомъ, усилитъ спросъ на трудъ. Я не знаю ни одной отрасли промышленности, которая не выиграла бы отъ введенія тарифныхъ реформъ **)

Въ другомъ заявленіи Чемберленъ и Бальфуръ даютъ торжественное обѣщаніе, которое трудно исполнить: населенію гарантируютъ, что пошлины на хлѣбъ и на мясо не поднимутъ стоимости этихъ продуктовъ.

*) «Times», December 31, 1909.

**) «Times», January 14, 1910.

За избирательный адрес рабочей партіи, приведенный мною въ письмѣ «Конституціонный кризисъ» («Русское Богатство», декабрь, 1909 года), на нее напали социаль-демократическая газета «Justice» и «Clarion», Блэтчфорда. «Какъ социалистъ и какъ англичанинъ, — пишетъ Блэтчфордъ, — я прямо говорю Рабочей партіи, что она спустила свой флагъ и продала движеніе (либераламъ). Десятки тысячъ рабочихъ въ странѣ возмущены и стыдятся за вождей, которымъ никогда больше не довѣрятъ». Мы увидимъ дальше, что Рабочая партія, потерявшая, будто бы, довѣріе массъ, одержала большія побѣды на выборахъ, тогда какъ восемь независимыхъ кандидатовъ, выставленныхъ социаль-демократами и поддержанные «Justice» и «Clarion'омъ», всѣ потерпѣли пораженіе.

II.

Передъ началомъ выборовъ кто-то увѣрилъ лордовъ, что стоитъ имъ показаться передъ населеніемъ, чтобы оно перешло на ихъ сторону и всецѣло одобрило политику Верхней палаты. И въ первый разъ въ парламентской исторіи Англіи лорды устроили цѣлый рядъ митинговъ съ цѣлью защиты Верхней палаты. Выступленіе это нельзя назвать уснѣшнымъ. Оно сопровождалось всюду безчисленными скандалами. Слушатели ставили благороднымъ ораторамъ затруднительные вопросы. Какъ только стало извѣстно, что лорды собираются выступить передъ публикой, въ «Daily News» появился рядъ фантастическихъ бесѣдъ «герцога» съ сельскимъ рабочимъ, лавочникомъ и клэркомъ подъ общимъ названіемъ «The Duke goes canvassing» (Герцогъ идетъ обращать избирателя). Эти «бесѣды» были потомъ вынуждены отдѣльной брошюрой, которую радикалы усиленно распространяли во время выборовъ. Приведу кое-какія выдержки изъ этой брошюры. Герцогъ бесѣдуетъ съ плотникомъ о хлѣбныхъ налогахъ.

— Господинъ плотникъ, — говоритъ герцогъ, — помогите мнѣ ввести налогъ на хлѣбъ.

— Но это будетъ очень тяжело для меня и моихъ дѣтей, — отвѣчаетъ плотникъ.

— Нисколько. Я тоже буду платить этотъ налогъ.

— Ёдите ли вы больше хлѣба, чѣмъ я?

— Нѣтъ, меньше. Во-первыхъ, я не занятъ ручнымъ трудомъ, во-вторыхъ, мнѣ необходима болѣе вѣжная пища.

— Тогда, значить, вы будете платить меньше налоговъ, чѣмъ я?

— Да, но вѣдь это будетъ справедливо: кто ѣстъ меньше — меньше платить.

— Если на мою долю придется въ недѣлю пять шиллинговъ

налоговъ на предметы первой необходимости, а на вашу долю четыре шиллинга, то мнѣ придется труднѣе, чѣмъ вамъ.

— Вы будете платить всего только на одинъ шиллингъ больше въ недѣлю, чѣмъ я.

— Да, но пять шиллинговъ составляютъ седьмую часть моего еженедѣльнаго дохода. Представляютъ ли четыре шиллинга такую же часть вашего дохода?

— Нѣтъ.

— Я вырабатываю тридцать пять шиллинговъ въ недѣлю. Сколько зарабатываете вы?

— Я ничего не зарабатываю. Моя земля приноситъ мнѣ тысячу фунтовъ ст. въ недѣлю.

— Кто создалъ стоимость земли?

— Плательщики налоговъ, проложившіе улицы, затѣмъ домовладѣльцы, построившіе зданія, и народъ, который работаетъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ.

— Какой налогъ платите вы на увеличивающуюся цѣнность земли?

— Совсѣмъ не плачу.

— Значитъ, дѣло обстоитъ такъ. Вы хотите, чтобы я отдавалъ одну седьмую часть своего заработка въ видѣ налога на пищевые продукты, тогда какъ вы будете платить одну пятитысячную часть вашего дохода, извлеченную изъ работы другихъ людей. Будетъ ли это справедливо?

— Да, конечно.

— Ну, я съ этимъ не согласенъ. Я не знаю, почему мои дѣти должны не доѣдать только для того, чтобы собрать вамъ полностью тысячу фунтовъ въ недѣлю, которую вы не зарабатываете? Вы очень долго отвергивались отъ обложенія незаработаннаго приращенія. Теперь настало время, чтобы цѣнность земли, созданная трудами народа, была обложена справедливо.

— Вы грубиянъ.

— Лучше быть грубияномъ, чѣмъ человѣкомъ, живущимъ на чужой счетъ.

А вотъ герцогъ выясняетъ «мистеру Смиту» одинъ неясный пунктъ.

— Наконецъ, хоть вы, мистеръ Смитъ, какъ истинный демократъ, признаете, что я—вашъ другъ,—говоритъ герцогъ.—Я отклонилъ, т. е. хочу сказать, я отказался скрѣпить своимъ согласіемъ бюджетъ, покуда не справятся съ вашимъ мнѣніемъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Вы защищаете меня отъ Палаты общинъ?

— Да, отъ тиранніи радикально-соціалистической толпы, во главѣ которой стоитъ маленький валійскій адвокатъ, сынъ школьнаго учителя. Слышите? Его отецъ былъ школьный учитель, а дядя—сапожникъ.

— Кто избралъ палату общинъ?

— Гм! Я думаю, народъ.

— А кто избралъ васъ?

— Меня не избрали, а родили.

— Такъ! Вы родились для того, чтобы заботиться обо мнѣ. Какимъ образомъ досталось вамъ это право?

— Гм! Видите. Моя прабабушка была... другомъ короля. Онъ пожаловалъ ей за это земли, а ея сына возвели въ санъ герцога.

— И вы всѣ съ тѣхъ поръ герцоги?

— Да, вы вѣдь знаете про наслѣдственный принципъ.

— И вашъ родъ всегда будетъ герцогами и всегда станетъ печься о насъ?

— Да, такъ оно устроено.

Такихъ діалоговъ въ брошюркѣ, выпущенной «Daily News», много. Когда лорды выступили передъ избирателями, повторились сцены, которыя предвидѣла фантазія публициста. Вотъ, напримѣръ, выступленіе лорда Паунса. Благородный графъ собралъ фермеровъ во дворѣ своего замка, чтобы объяснить имъ, почему онъ голосовалъ противъ бюджета. Оказалось, что смиренные сельскіе работники, которые вообще безотвѣтны, заражены ядомъ радикализма.

— Палата лордовъ отдала только бюджетъ на судъ избирателей,—началъ графъ Паунсъ.—Если населеніе дѣйствительно желаетъ имѣть этотъ бюджетъ, то оно будетъ имѣть его. Неужели вы полагаете, что 300 лордовъ или хотя бы вся Верхняя палата, какъ бы сильна она ни была, можетъ противостоять народной волѣ? Это абсурдъ. Мой долгъ былъ голосовать противъ бюджета. И вы были бы очень плохаго мнѣнія обо мнѣ, поступи я иначе.

— Я плохого мнѣнія о васъ теперь,—раздалось изъ толпы сельскихъ работниковъ.

— У палаты лордовъ было основаніе предполагать,—продолжалъ ораторъ,—что народъ не желаетъ бюджета. Ллойдъ-Джорджъ и вся братья думали, что имъ удастся создать революцію.

— Да здравствуетъ старина Ллойдъ-Джорджъ! — раздается въ толпѣ.

— Старина Ллойдъ-Джорджъ на дняхъ только назвалъ четырехъ самыхъ способныхъ представителей Верхней палаты вахляями.

— Удивительно, если бы они не были вахляями!

— Какъ могутъ говорить о финансахъ тори, если они просадили 250 мил. ф. ст. въ южной Африкѣ?—задалъ кто то вопросъ.

— Какое это отношеніе имѣетъ къ лордамъ?

— А вотъ какое. Коли просадили даромъ деньги, значитъ, раззорили страну. Раззоривъ страну, создали безработицу.

— Либералы хотятъ, чтобы Палата лордовъ была камерой куколъ,—продолжалъ графъ.—Пожелалъ бы мой пріятель, подающій рѣпику изъ толпы, сидѣть рядомъ съ куклами.

— Лучше сидѣть съ куклами, чѣмъ слушать ихъ лопотанье.

Но въ общемъ, въ деревняхъ у лордовъ была послушная и молчаливая аудиторія. Не такъ обстояло дѣло въ городахъ. Вотъ, напримѣръ, выступленіе лорда Клинтонъ въ Коршэмъ (городокъ верстахъ въ 150 отъ Лондона).

— Избирателямъ приходится рѣшить теперь рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ,—началъ лордъ Клинтонъ,—стоитъ назвать только тарифныя реформы, бюджетъ, гомруль и отдѣленіе церкви въ Уэльсѣ. Въ высшей степени важнымъ вопросомъ является также Палата лордовъ.

— Ого!

— Палата лордовъ отказалась пропустить бюджетъ до тѣхъ поръ, покуда населеніе не выскажется по поводу его. Конечно, лорды сдѣлали крайне серьезный шагъ; но положеніе дѣлъ требовало этого. Я глубоко убѣжденъ, что Палата лордовъ поступила совершенно правильно.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Лорды не пропустили бюджетъ, такъ какъ считаютъ, что онъ несправедливо относится къ десяткамъ тысячъ людей.

— Не тѣмъ ли, что содержитъ обложеніе незаработаннаго приращенія?

— Либералы выставили лозунгъ: «Лорды возстали противъ народа».

— Совершенно вѣрно.

— Нѣтъ, неправда. Правильный лозунгъ былъ бы: «лорды стали за народъ»!

— Не надо намъ такихъ защитниковъ. Пожалуйста, о насъ не думайте!

— Радикалы именуютъ свой финансовый билль «бюджетомъ бѣдняковъ»,—продолжалъ Клинтонъ.—Какъ можно именовать такъ бюджетъ, который накладываетъ на бѣдняковъ новыя налоги?

— Мы вносили свою долю на сооруженіе дредноутовъ. Почему лорды не желаютъ платить свою долю?

— Нельзя обложить большимъ налогомъ капиталъ безъ того, чтобы это не огазилось на интересахъ народа,—продолжалъ лордъ.

— Вамъ то уже жаловаться не на что! Ваше незаработанное приращеніе не обложено!

— Если обложить капиталъ, то это заставить его эмигрировать, что, въ свою очередь, создастъ безработицу,—развивалъ лордъ свой взглядъ.

— Другими словами, вы хотите обложить трудъ.

— Нѣтъ, надо обложить не капиталъ и не трудъ, а иностранца.

— Что за пустяки! Почему же Германія, нуждающаяся теперь въ 25 мил. ф. ст., заключаетъ заемъ вмѣсто того, чтобы обложить иностранца?

Еще болѣе шумный пріемъ былъ устроенъ лорду Уиллоби де Брокю и герцогу Норфолькскому. Иные лорды удалялись, не будучи въ состояніи кончить, другіе мужественно пытались «to face the music», какъ говорятъ англичане. Въ общемъ, выступленіе лордовъ кончилось полной неудачей.

III.

И вотъ началась историческая избирательная борьба. Англіійскій умъ любитъ точность и конкретность. Онъ стремится сжать каждую теорію въ формулу и выразить ее потомъ графически. Въ искусствѣ передать тезисъ, путемъ рисунка или чертежа англичане не знаютъ соперниковъ. И никогда обывателю не предложено было столько формулъ и столько тезисовъ, выраженныхъ «чертами и рѣзами», какъ во время этой выборной борьбы. Обѣ партіи выпустили миллионы экземпляровъ брошюръ и листовъ, въ которыхъ въ сжатомъ видѣ изложены аргументы противниковъ и сторонниковъ бюджета. Познакомимся сперва съ этой литературой. Вотъ агитаціонная брошюра, изданная протекціонистами. Аргументы ихъ сформулированы такъ: 1) Бюджетъ, изгнавъ изъ Англіи капиталъ, привлечетъ еще больше иностранныхъ фабрикаторовъ, которые, конкурируя съ англійскими товарами, усилятъ безработицу и понизятъ заработную плату. Тарифная реформа принесетъ болѣе широкій спросъ на трудъ и повыситъ, поэтому, заработную плату. Почему же вамъ не попробовать перемѣну? 2) Бюджетъ ассигновалъ на сооруженіе новыхъ военныхъ кораблей меньше, чѣмъ германскій бюджетъ 1909—1910 года. Это одинъ изъ самыхъ скандальныхъ и унижительныхъ фактовъ въ нашей политической исторіи.

Составитель бюджета высказался противъ «безполезныхъ расходовъ» на флотъ. Каждый голосъ, поданный за Ллойдъ-Джорджа, повзоту, является голосомъ за ослабленіе нашего флота, голосомъ противъ Великобританіи и за побѣду надъ нами Германіи. Тарифная реформа, создавая прочный фінансовый базисъ, стремится усилить флотъ. Такимъ образомъ, тарифная реформа означаетъ національную безопасность и защиту труда. Голосуйте же за Тарифъ и за Англію. Почему вамъ не попробовать перемѣну? 3) Радикалы и социалисты не могутъ вамъ обѣщать больше, чѣмъ обѣщали на послѣднихъ выборахъ 1906 года. Они сулили тогда удешевленіе продуктовъ и всеобщее, безпримѣрное благополучіе. Въ дѣйствительности пребываніе радикаловъ у власти сопровождалось уменьшеніемъ работы, пониженіемъ заработной платы и повышеніемъ цѣнъ. Почему же вы опять должны оказать довѣріе радикаламъ? Кто стоитъ теперь у власти? Разрушители британскаго капитала и дворники, охраняющіе интересы иностранцевъ. Они совершили много безумствъ и представляютъ опасность для

народа. Вы открыли, что представляют собою министры. Такъ прогоните же ихъ! Вамъ къ новому году надобно новое правительство. Почему же не попробовать перемѣну? *).

«Что правительство сдѣлало для рабочихъ?»—читаемъ мы въ памфлетѣ, выпущенномъ радикалами. Дальше слѣдуетъ обзоръ законодательства за четыре года: узаконеніе пикетированія и охраненіе капиталовъ трэджъ-юніоновъ, восьмичасовой рабочей день для углекоповъ; законъ о мелкихъ надѣлахъ; распространеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ на всѣхъ служащихъ вообще; биржи труда—и, наконецъ, государственная пенсія для стариковъ. Вотъ другой листокъ, обращенный къ сельскимъ работникамъ **). «Вспомните, что дѣло идетъ о вашемъ хлѣбѣ насущномъ. Тори хотятъ ввести налогъ на хлѣбъ, чтобы поднять ренту на землю и спасти помѣщиковъ отъ обложенія ихъ владѣній. Ваша пенсія въ опасности. Вы получили пенсію, голосовавъ за либераловъ въ 1906 году. Подавъ теперь голосъ за нихъ, вы сохраните пенсію. Не поддавайтесь ни угрозамъ, ни посуламъ... Помните, что теперь начинается борьба за землю, которую отобрали у васъ... Не бойтесь голосовать. Помните, что избирательные ящики хранить тайну такъ же вѣрно, какъ могила». «Спасайте дѣтей!»—читаемъ мы въ листѣ того же названія. «Предполагаемый налогъ на молочные продукты повыситъ стоимость молока. Налогъ на мясо повыситъ цѣны на скотъ, что, въ свою очередь, поведетъ къ вздорожанію молока. Молоко—лучшая пища для дѣтей. Протекціонисты обѣщаютъ понизить пошлины на табакъ, какъ замѣну пошлинъ на хлѣбъ, мясо и на молочные продукты. Взрослые люди умираютъ вслѣдствіе недостатка хлѣба и мяса. Дѣти умираютъ отъ недостатка молока. Никто не умеръ еще отъ недостатка табака. И тѣмъ не менѣе протекціонисты собираются перенести пошлину съ трубки взрослого на соску ребенка. Тарифная реформа означаетъ налогъ на колыбель» ***). Вотъ листокъ, выпущенный радикалами, специально отвѣчающій на запугиваніе нѣмецкимъ вторженіемъ. «Съ цѣлью засыпать пескомъ глаза избирателямъ, дѣлаются неудачныя попытки посѣять вражду между Великобританіей и Германіей. Обвиненіе правительства въ томъ, что оно ничего не сдѣлало для флота, представляетъ собою абсолютную ложь. Въ этомъ году Франція и Германія вмѣстѣ ассигновали на флотъ 32.892.043 ф. ст. Англія же одна ассигновала 35.142.700 фун. ст. Цифры эти сами говорятъ за себя. Не давайте въ обманъ. У васъ въ рукахъ теперь возможность покончить съ узурпаторами-лордами. Голосуйте за бюджетъ» ****). «Что означаетъ

*) Leaflet № 245.

**) To the Rural voter.

***) Leaflet „Save the Child!“.

****) Leaflet „The German Scarecrow“.

дрэднотъ? Высчитано, что прибыль отъ сооруженія одного дрэднота составляетъ двѣсти тысячъ ф. ст. Дрэднотъ сжигаетъ сорокъ тоннъ лучшаго угля въ часъ. За каждую тонну угля помѣщики, на чьей землѣ находятся копи, получаютъ отъ шахтовладѣльцевъ по 1 шил. 3 пенса (54 коп.). Каждый дрэднотъ, такимъ образомъ, представляетъ для помѣщика доходъ въ 40 фун. ст. въ день. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что помѣщики требуютъ сооруженіе новыхъ дрэднотовъ. Бюджетъ заставляетъ и помѣщиковъ вносить свою долю на сооруженіе военныхъ кораблей. Голосуйте за бюджетъ».

Перейдемъ теперь къ «формуламъ». «Что означаетъ радикализмъ?—говоритъ одна изъ нихъ. Что будетъ, если либералы снова станутъ у власти? Черезъ пять лѣтъ, въ такомъ случаѣ у Англіи не будетъ ни Ирландіи, ни колоній, ни церкви, ни питейныхъ домовъ, ни пива, ни денегъ, ни работы, ни надежды. Будутъ только нѣмцы, лимонадъ и куча жи». «Не давайте себя обманывать!—гласитъ «формула» радикаловъ. «Если вы будете поддерживать протекціонистовъ, то они получатъ муку, а вамъ достанутся отруби». «Въ Чикаго, въ томъ городѣ, откуда везутъ къ намъ хлѣбъ, «куортересъ» (четырефунтовая коврига) стоитъ 10 пенсовъ, а у насъ пять пенсовъ». «Лордъ Биконсфильдъ сказалъ, что протекціонизмъ не только умеръ, но уже осужденъ за гробомъ». «Бюджетъ ассигновалъ три милліона для безработныхъ и восемнадцать милліоновъ на социальныя реформы. Лорды вышвырнули бюджетъ. Вышвырните лордовъ».

«Что такое тарифная реформа? Одинъ работникъ на два мѣста. Что такое свободная торговля? Одно мѣсто на двухъ работниковъ».

«Что сдѣлаютъ лорды для безработныхъ? Обложить налогомъ ихъ хлѣбъ. Что сдѣлаютъ либералы для рабочихъ? Застрахуютъ ихъ отъ безработицы».

«Если протекціонизмъ такъ выгоденъ для рабочихъ, то почему же въ Германіи на каждаго выборахъ работники голосуютъ за свободную торговлю?»

На это протекціонисты отвѣчаютъ другими вопросами: «Если свободная торговля такъ выгодна для народа, то почему же остальные государства не вводятъ у себя эту систему?»

«Въ Саксоніи три года тому назадъ бѣдняки ѣли собакъ».

Избиратели придумывали свои формулы, которыми пользовались во время предвыборныхъ собраній для «heckling», т. е. для того, чтобы ставить въ затруднительное положеніе кандидата неожиданнымъ восклицаніемъ или вопросомъ.

Вотъ, напримѣръ, выступленіе консервативнаго кандидата генерала Уельби въ одномъ изъ кварталовъ восточнаго Лондона (Tower). Ораторъ развиваетъ тезисъ, что наслѣдственные законодатели—вѣрные стражи народной свободы.

— Что дѣлали лорды, прежде чѣмъ бюджетъ былъ посланъ къ нимъ?—спрашиваетъ ораторъ. И въ отвѣтъ раздается изъ залы:

— Спали, куда ихъ не разбудили тори.

Генераль дальше объясняетъ, что страхи, которыми пугаютъ фригредеры, если пройдутъ тарифныя реформы, ни на чемъ не основаны. Много было сказано по поводу конины, которой питаются массы во Франціи и въ Германіи. Собственно говоря, въ конинѣ нѣтъ ничего ужаснаго. Мясо это пахнетъ дичью, а вкусомъ похоже на сладкую говядину.

— Такъ сами и питайтесь ею!—слышится совѣтъ.

— Что касается чернаго хлѣба,—невозмутимо продолжаетъ генераль,—то по поводу его радикалы говорятъ уже совсѣмъ вздоръ. Нѣмцы питаются чернымъ хлѣбомъ, вмѣсто бѣлаго, не по нуждѣ, а потому, что первый вкуснѣе. Нѣмцы, живущіе въ Лондонѣ, выписываютъ себѣ черный хлѣбъ, какъ luxury (роскошь). До какой степени этотъ черный хлѣбъ, называемый пумперникелемъ, вкусенъ, доказывается тѣмъ, что самъ король у насъ потребляетъ его, какъ предметъ роскоши.

И генераль демонстрируетъ маленькій хлѣбецъ «пумперникель». «Въ Германіи всѣ питаются тѣмъ, что считается роскошью въ Виндзорскомъ дворцѣ»,—заканчиваетъ ораторъ. Повидимому, онъ очень доволенъ, что нашелъ отличный аргументъ.

— Сколько стоитъ вашъ пумперникель?—раздается вопросъ. Генераль смущенъ: неизвѣстный «heckler» своимъ вопросомъ разбилъ всю рѣчь. Ораторъ послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчаетъ, что «пумперникель» стоитъ въ гастрономическомъ магазинѣ 4¹/₂ пенса.

— Очевидно, не этимъ хлѣбомъ питаются массы въ Германіи,—замѣчаетъ «heckler»,—имъ не по карману платить по 4¹/₂ пенса за хлѣбецъ въ 1¹/₂ фунта.

— Генераль,—предлагаетъ кто-то въ залѣ,—я съѣмъ ломоть вашего пумперникаля, если вы согласитесь съѣсть кусокъ моего чернаго хлѣба. Мы его сегодня только получили изъ Берлина. Закусите вотъ сосиской съ кониной. Мы ее тоже выписали изъ Германіи. Хотите, представлю удостовѣреніе, что именно такими сосисками питаются тамъ массы.

Генераль отмахивается и отказывается принять своеобразный вызовъ.

Вотъ митингъ, устроенный консервативнымъ кандидатомъ въ St. George's in the East (бѣдный кварталъ въ восточномъ Лондонѣ). Тамъ тоже предлагались неожиданные вопросы.

— Юніонистская партія, если одержитъ побѣду на выборахъ,—начинаетъ кандидатъ,—станетъ у власти, чтобы дать рабочимъ...

— Конину и черный хлѣбъ,—подсказываетъ «heckler».

— Нѣтъ, высокую заработную плату и занятіе для всѣхъ,—

продолжает ораторъ.—Къ пребываніе у власти будетъ благодѣтельно...

— Для помѣщиковъ и пивоваровъ,—спокойно подаетъ реплику «heckler».

Въ залѣ начинаютъ пѣть грубый и нелѣпый гимнъ въ честь пива, сложенный, говорятъ, во времена Георга III:

«Beer, beer, glorivus beer»!

Кандидатъ машетъ безнадежно руками. Когда пѣніе прекращается, ораторъ принимается развивать тезисъ: «налогъ на хлѣбъ отнюдь не подниметъ стоимости продукта»!

— Если налогъ не повышаетъ цѣны, то почему же кабатчики стали требовать за пинту пива 2½ пенса вмѣсто двухъ, какъ только бюджетъ былъ внесенъ въ Нижнюю палату?—задаетъ вопросъ «heckler».

Ораторъ дальше пытается доказывать, что принятіе протекціонизма сразу понизитъ число безработныхъ.

— Въ Америкѣ безработныхъ только 6,7%,—говоритъ онъ.

— Вы втираете народу очки (You are hoodwinking the people here)!—негодуетъ «heckler».—Въ Соединенныхъ Штатахъ безработные составляютъ не 6,7%, а 32,7%.

— Быть можетъ, вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ еще про палату лордовъ?—невозмутимо спрашиваетъ ораторъ.

— Черезъ недѣлю ея не будетъ больше!—успокаиваетъ кто-то.

— Итакъ, я заканчиваю: тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ и налоги на иностранцевъ.

— Тарифная реформа означаетъ болѣе счастливыхъ герцоговъ!—саркастически восклицаетъ «heckler».

— Тарифная реформа означаетъ рабочій домъ для всѣхъ!—подаетъ другой въ тонъ.

— При тарифной реформѣ не будетъ больше черныхъ тумановъ!—слышится еще реплика.

— Куры станутъ нестись дважды въ день.

— Коровы будутъ давать по бочкѣ молока въ удой.

— Кукушки начнутъ сами высидывать яйца.

— Иностранцы будутъ платить за лордовъ налоги на наслажденія.

Публика входитъ во вкусъ новой игры въ догадки.

— При введеніи протекціонизма мы разведемъ перечныхъ, коричныхъ и ванильных деревья во всѣхъ нашихъ палисадникахъ и убьемъ импортъ и Явы и Суматры.

— Такъ вы говорите, что тарифная реформа принесетъ всѣмъ больше работы?—справляется кто-то у кандидата.

— Конечно.

— Рѣшительно всѣмъ?

— Разумѣется.

— Я—гробовщикъ. Дастъ ли и мнѣ протекціонизмъ больше кліентовъ?

Хохотъ и апплодисменты награждаютъ heckler'a.

«Heckling» признается до такой степени важнымъ, что радикальныя газеты совѣтовали, какъ лучше дѣлать это. Что же касается протекціонистовъ, то они открыли настоящую школу «heckling» для своихъ ораторовъ.

IX.

Самымъ любопытнымъ во время этой выборной компаніи были безчисленные рисунки, «posters», выпущенные двумя главными партіями. И протекціонисты, и фритредеры затратили громадныя деньги на «постеры». Въ одной изъ старыхъ утопій изображается городъ будущаго, стѣны котораго покрыты геометрическими чертежами и доказательствами теоремъ, чтобы дѣти и взрослые прохожіе, забывшіе уже школьные предметы, усваивали хорошо всего Эвклида. Нѣчто подобное представлялъ собою Лондонъ во время выборовъ. Нѣтъ ни одной свободной стѣны, ни одного забора вокругъ строящагося зданія, которые не были бы залѣплены громадными «постерами» (рисунками). Слесарь, спѣшащій утромъ на работу съ козовымъ мѣшкомъ съ инструментами на плечахъ; чернорабочій, толкающій тачку; фургонщикъ съ возомъ, нагруженнымъ бочками; приказчикъ изъ мелочной лавки,—словомъ, весь тотъ народъ, у котораго нѣтъ времени, охоты или возможности познакомиться съ литературой борьбы, долженъ хоть по «постерамъ» узнать, въ чемъ дѣло. Въдъ и слесарь, чернорабочій, и фургонщикъ принадлежать къ числу семи мил. избирателей, которымъ предстоитъ рѣшить судьбу 42-хъ миллионнаго народа. Обѣ партіи затратили очень много таланта, работы и денегъ, чтобы въ рисункахъ передать если не «всего Эвклида», то хоть всѣ тезисы, выставленные теперь. Познакомлю читателей съ тѣми положеніями, которыя отстаиваются въ этихъ безчисленныхъ постерахъ. Протекціонисты затратили на рисунки вообще больше денегъ, чѣмъ радикалы, и нашли художниковъ съ большимъ темпераментомъ. Это—первое впечатлѣніе. Затѣмъ мы видимъ, что почти ни одинъ рисунокъ не рѣшается защищать лордовъ. О нихъ умалчиваютъ плакаты консервативной партіи и защищаютъ по преимуществу «тарифныя реформы». Протекціонизмъ долженъ прежде всего явиться радикальнымъ средствомъ отъ безработицы. Вотъ рисунокъ, изображающій работника, который предлагаетъ товарищамъ голосовать «за тарифныя реформы» и «за охрану британскихъ рабочихъ». Цѣлая серія рисунковъ изображаетъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вслѣдствіе свободной торговли и конкуренціи со стороны «иностранца». Вотъ вереница жалкихъ безработныхъ, скованныхъ общей цѣпью (свободной тор-

говлей). Веревницу гонить иностранный капиталистъ, въ рукахъ котораго бичъ: «свободный ввозъ». Подпись гласитъ: «Невольники свободной торговли, отстаиваемой радикалами». Другой рисунокъ. Джонъ Буллъ грустно стоитъ у окна своей столовой и смотритъ на процессію безработныхъ, тянущуюся на улицѣ. Комната оклеена французскими обоями, обставлена австрійской мебелью, украшена богемскими зеркалами и нѣмецкими фотогравюрами. На столѣ находятся: баварское пиво, аргентинское мясо, датская ветчина, русская курица, американскій хлѣбъ, французскій сахаръ и пр. Словомъ, все произведено руками иностранцевъ, все выращено и выхолоено въ чужой странѣ и привезено въ Англію. Джонъ Буллъ даетъ заработокъ иностранцамъ, а своихъ согражданъ оставляетъ безъ работы. Таковъ смыслъ «постера». Подпись гласитъ: «Система свободной торговли доставляетъ мнѣ довольно дешево предметы; но какова она для тѣхъ бѣднѣхъ, которые проходятъ теперь по улицѣ! Все это пора измѣнить». Вотъ рисунокъ, составленный съ большимъ темпераментомъ. Изображаетъ онъ семью безработныхъ. «The breadgariner» (т. е. большакъ) сидитъ, мрачно опустивъ голову. Жена рабочаго плачетъ. Въ комнатѣ голо. Подпись гласитъ: «Свободная торговля!» И подумать только, что этотъ «постеръ» заимствованъ изъ Америки! Тамъ онъ служитъ для борьбы... съ протекціонизмомъ и для защиты свободной торговли. Взглянувъ на этотъ рисунокъ, можно подумать, что британская торговля совершенно погибла. Между тѣмъ вывозъ британскихъ фабрикантовъ теперь на 48 мил. ф. ст. больше, чѣмъ въ 1905 году.

Британская торговля въ 1908 году оцѣнивается колоссальной суммой въ 1.049,681.000 ф. ст., т. е. въ десять милліардовъ рублей. Вы помните «морского старика», который въ арабской сказкѣ взобрался на спину къ Синдбаду Мореходцу, потерпѣвшему кораблекрушеніе? На эту тему протекціонисты нарисовали одинъ «постеръ». Синдбадъ это—британскій рабочій. Морской старикъ, сидящій у него на плечахъ,—иностранный конкурентъ британскихъ промышленниковъ. «Выпусти мои руки,—молится замученный британскій рабочій, который вотъ вотъ упадетъ.—Дай мнѣ возможность работать!» Еще постеръ. Ночь. Изъ воротъ фабричнаго зданія (британская промышленность) нѣсколько подозрительныхъ субъектовъ (тутъ Соединенные Штаты, Германія и Россія) выносятъ, крадучись, британскій капиталъ. У воротъ въ будкѣ, укрывшись національнымъ флагомъ, крѣпко спитъ сторожъ—Джонъ Буллъ. Сонъ не натураленъ: сторожъ одурманенъ дымомъ изъ жаровни, поставленной у будки. На жаровнѣ, конечно, надпись: «свободная торговля». Подпись гласитъ: «Пробудись, сторожъ»!

Такъ какъ у кого нибудь изъ работниковъ могутъ возникнуть соображенія, что для массы выгоднѣе, когда обложенъ капиталъ, а не хлѣбъ, то рядъ плакатовъ пытается опровергнуть этотъ взглядъ.

Вотъ громадный рисунокъ, изображающій два пирога. На одномъ пирогѣ съ надписью «капиталь» сидитъ кроваво-красная собака съ надписью о с о ц и а л и з м ѣ. На другомъ пирогѣ надпись «заработокъ». Подпись гласитъ: «Рабочіе, вы не можете съѣсть пирогъ-капиталь такъ, чтобы остался въ неприкосновенности пирогъ-заработокъ». Другими словами,—чѣмъ больше налоги падаютъ на богатыхъ людей, тѣмъ невыгоднѣе для массъ. Это любимый экономическій тезисъ протекціонистовъ. Тотъ же тезисъ иначе развивается на плакатѣ, озаглавленномъ «Хитрость полярнаго путешественника». Ллойд-Джорджъ въ костюмѣ эскимоса кормитъ бѣдную собаку (трудъ) ея же собственнымъ хвостомъ (надпись на хвостѣ—капиталь). Хвостъ отрѣзанъ ножомъ, на клинкѣ котораго значится социализмъ.

Еще рисунокъ, развивающій тотъ же тезисъ. Рабочіе, подавленные налогами (это, конечно, сильный полетъ фантазіи: въ Англіи получающіе меньше 1600 руб. въ годъ не знаютъ совсѣмъ подоходнаго налога), стоятъ на распутии. Одна дорога направо ведетъ къ безчисленнымъ дымящимся фабрикамъ: это—дорога «тарифныхъ реформъ». Другая дорога ведетъ налѣво въ пустыню. Надпись гласитъ, что это дорога «свободной торговли». «Пора повернуть направо,—говоритъ одинъ изъ работниковъ.—Тамъ повидимому, работа для всѣхъ. Налѣво—только голодуха».

Второй тезисъ, развиваемый рисунками консервативной партіи, я могъ бы формулировать великолѣпнымъ стариннымъ русскимъ выраженіемъ: тарифная реформа принесетъ массамъ «гостѣбу толсто-транезную». При протекціонизмѣ рабочіе не захотятъ и глядѣть на австрійскую баранину: они будутъ объѣдаться «жирной, вкусной, основательной» и даже «честной» (honest) «говядиной британскаго происхожденія». При развитіи этого тезиса полетъ фантазіи протекціонистовъ не знаетъ границъ. Германія изображается земнымъ раемъ для рабочихъ, хотя тамъ трудящееся населеніе питается хуже, живетъ тѣснѣе, получаетъ меньше и работаетъ дольше, чѣмъ въ Англіи.

Правда, протекціонизмъ думаетъ обложить пошлиной хлѣбъ. Отъ этого, говорятъ, онъ вздорожаетъ. Это неправда. Отъ таможенныхъ пошлинъ продукты дешевѣютъ. Такъ торжественно увѣряютъ Бальфуръ и Чемберленъ. Но предположимъ даже, что хлѣбъ вздорожаетъ. Что же? Не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ! Есть еще пиво, трубочка, говядина, пироги съ почками и пр. И все это при введеніи тарифныхъ реформъ должно обязательно подешевѣть. Такъ именно и утверждаетъ «постеръ», озаглавленный «человѣку надобенъ не только хлѣбъ». Рисунокъ раздѣленъ на двѣ части. Направо видны двое пригорюнившихся рабочихъ. На столѣ у нихъ только хлѣбъ. Это—при системѣ свободной торговли. У жены лицо сморщено, а у мужа животъ такъ втянулся, что за поясъ панталонъ можно свободно засунуть цѣлую подушку. Налѣво та же пара; но у обо-

ихъ лица сіяють и лоснятся. У него животъ вздулся, какъ барабанъ. У ней, вмѣсто морщинъ, на лицѣ сіяющая улыбка. Онъ держитъ на готовѣ вилку и ножъ, а она несетъ громадный пирогъ съ почками. Будетъ чѣмъ и «промытъ прирогъ»: на столѣ солидная бутылка. Портретъ Чемберлена на стѣнѣ показываетъ, что эту «толсто-трапезную гостьбу» рабочіе будутъ имѣть тогда, когда «тарифная реформа» вытѣснитъ протекціонизмъ.

Третій тезисъ тотъ, что только партія тарифныхъ реформъ можетъ защитить Англію отъ нападенія непріятеля. Покуда у власти радикалы и социалисты, Джонъ Буль не можетъ спать спокойно: каждую ночь его могутъ разбудить сигнальные рожки германской пѣхоты, высаженной за нѣсколько часовъ до того на англійскій берегъ.

Цѣлый рядъ плакатовъ развиваетъ тезисъ, что при тарифныхъ реформахъ налоги платитъ «иностранецъ». Прибавлю еще «постеры», на которыхъ изображенъ Джонъ Буль въ отчаянной схваткѣ съ гидрой социализма. Эти рисунки свидѣлствуютъ, главнымъ образомъ, о полетѣ фантазіи художниковъ, а затѣмъ показываютъ, что протекціонисты очень невыгоднаго мнѣнія о сообразительности публики. По этимъ рисункамъ выходитъ, что кабинетъ захваченъ анархистами, во главѣ которыхъ, конечно, Ллойд-Джорджъ и Черчель. Одинъ постеръ изображаетъ захваченный морскими разбойниками корабль. У мачты лежитъ связанный Джонъ Буль, а два пирата, — министры финансовъ и торговли, — спустили «юніонъ джэксъ» (національный флагъ) и собираются поднять разбойничій черный флагъ съ черепомъ и двумя перекрещенными костями. Вотъ Джонъ Буль въ роли Геркулеса. Онъ поражаетъ дубиной красную гидру, обхватившую его щупальцами. На гидру, конечно, значитъ «социализмъ». «Убей ее, Джонъ, теперь!» — гласитъ подпись. Вѣроятно, эти «постеры» назначены для самыхъ глупыхъ «обитателей виллъ», для невѣжественныхъ, тупоголовыхъ, забытыхъ клэрковъ, подъ шелковымъ цилиндромъ которыхъ находятся чугунный лобъ и куринные мозги. У мелочнаго лавочника самой средней сообразительности должна мелькнуть мысль: «если государственный корабль дѣйствительно захваченъ такими страшными пиратами и анархистами, но почему же этихъ разбойниковъ поддерживаютъ самыя промышленныя графства Англіи? Если министры дѣйствительно «социалисты», думающіе уничтожить «конституцію, имперію, собственность, семью и религію, то почему всѣ свободныя церкви и два епископа англійской церкви поддерживаютъ этихъ страшныхъ людей? Вѣдь какъ ни какъ, а князья государственной церкви должны же защищать «собственность, семью и религію»! Даже тупоголовый клэркъ придетъ къ заключенію, что, вѣроятно, «социализмъ» не такая ужасная вещь, если нѣсколько священниковъ англиканской церкви открыто заявляютъ себя «социалистами».

Читатель имѣетъ теперь представленіе о всемъ томъ «политическимъ Эвклидѣ», который протекціонисты втолковывали массамъ во время выборовъ. Избирателямъ настоятельно совѣтуется не вѣрить «ни на столько» обѣщаніямъ радикаловъ. Бюджетъ—задушилъ бы рабочихъ, если бы, къ счастью, не подосѣли консерваторы. Одинъ «постеръ» изображаетъ рабочаго, согнувшагося подъ тяжестью свертка, на которомъ надпись: «Бюджетъ Ллойдъ-Джорджа 13 милл. ф. ст. налоговъ на пищу; 56 мил. ф. ст. на пиво, табакъ и водку». Министръ финансовъ, конечно, не вводилъ такіе колоссальные налоги. Художникъ изобразилъ графически всѣ косвенные налоги, существующіе вообще въ Англіи и введенные за послѣднія сто лѣтъ. Вотъ Ллойдъ-Джорджъ въ видѣ героя дѣтской пѣсни. Онъ натянулъ лукъ (бюджетъ) и хотѣлъ пустить стрѣлу въ голубя (капиталъ), а убилъ на смерть ворону (трудъ). Подпись составляетъ пародію на дѣтскую пѣсенку:

Lloydie-Georgie
Bent his bow
Aimed at a pigeon
And killed a crow“.

(т. е. Ллойдъ-Джорджъ натянулъ свой лукъ. Онъ намѣтилъ въ голубя, а убилъ ворону).

Джонъ Буллъ съ ужасомъ и отвращеніемъ зажалъ носъ. Дворецкій Аскитъ поставилъ на столъ блюдо (политика радикальной партіи) и снялъ крышку. Оттуда вырвались вонючіе пары: «соціализмъ» и «конфискація». «Фу!—кричитъ Джонъ Буллъ,—уберите эту вонь. — Блюдо приготовлено изъ гнилыхъ избирательныхъ ялицъ».

И, несмотря на то, что конструктивная программа радикальной кажется протекціонистамъ «конфискаціей» и «соціализмъ»,—консерваторы сами взяли оттуда рядъ пунктовъ: государственную страховку отъ безработицы, реформу законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и даже выкупъ земли.

Перейду къ тезисамъ, отстаиваемымъ плакатами либеральной партіи.

Всѣ они могутъ быть сформулированы: «Радикальная реформа наслѣдственной палаты и свободная торговля».

«Съ кѣмъ вы желаете быть: съ демократіей или съ тѣми, которые за интересы паровъ?»—спрашиваетъ работникъ на плакатѣ. Вотъ генеалогическое дерево лорда Нельсона. «У великаго Нельсона былъ братъ, у котораго былъ племянникъ, у котораго былъ двоюродный братъ, засѣдающій теперь въ Верхней палатѣ. Шестидесять семь лѣтъ онъ получаетъ по пяти тыс. ф. ст. отъ страны. За что? За то, что у него былъ двоюродный братъ, у котораго былъ дядя, который приходился братомъ великому Нельсону. Нынешній лордъ Нельсонъ не оказалъ никакихъ услугъ Англіи. Онъ

голосовалъ противъ пенсіи для стариковъ». Вотъ «постеръ», изображающій плачущаго лорда, не желающаго платить небольшого земельного налога. Рабочій утѣшаетъ его: «Полно, нечего хныкать! Если я плачу полпенни на фунтъ табаку, то полпенни на фунтъ вашего дохода васъ не раззоритъ». Толстый герцогъ, на вздувшемся брюхѣ котораго значится «незаработанное приращеніе», выплясываетъ какой то лихой джигъ. Подпись гласитъ: «Тарифная реформа означаетъ болѣе счастливыхъ герцоговъ». Конь (трудъ) тащить въ гору тяжело нагруженный реформами возъ. Фургонщикъ Ллойдъ-Джорджъ желаетъ припречь заводскаго, большого, сильнаго коня въ герцогской коронѣ, который до сихъ поръ ничего не дѣлалъ. «Ну, красавчикъ, — говоритъ фургонщикъ, — ты долго отбѣдался овсомъ и гулялъ на свободѣ. Пора теперь и тебѣ поработать». Та же тема развивается въ другомъ постерѣ. Британія стоитъ, нагруженная узлами. Тутъ «государственная пенсія», «флотъ», «школы» и пр. «Будь вы хоть немного джентльменомъ, — говоритъ Британія стоящему рядомъ, засунувъ руки въ карманы, герцогу, — вы помогли бы мнѣ нести часть этихъ узловъ». «Не могу, — отвѣчаетъ герцогъ. — Вы видите, руки у меня заняты». «Постеры» пытаются выяснить, что «тарифная реформа» грозитъ британской промышленности гибелью. Вотъ разбойничій корабль, на мачтѣ котораго поднять черный флагъ: «Протекціонизмъ». Пираты (лордъ Лэнсдаунъ и Бальфуръ) взяли въ плѣнъ Джонъ Булля и заставляютъ его «пойти по доскѣ» (Пираты, по преданіямъ, прикрѣпляли послѣ боя перпендикулярно къ борту корабля доску, на которую ставили плѣнныхъ, завязавъ имъ предварительно глаза. Плѣнные, которыхъ заставляли идти впередъ, доходили до конца доски, падали въ море и погружались сейчасъ же на дно, такъ какъ руки у нихъ были связаны. Джонъ Булля долженъ упасть въ море, на которомъ значится «монополія». «Тарифная реформа, — гласитъ подпись, — означаетъ шагъ впередъ съ завязанными глазами. Протекціонизмъ является главной доской въ платформѣ консерваторовъ. Будьте осторожны. Не ходите по этой доскѣ!»

Второй тезисъ, развиваемый «постерами» радикальной партіи, тотъ, что «гостьбу толстотрапезную» можетъ дать только свободная торговля. Цѣлый рядъ рисунковъ исправляетъ ошибки, сдѣланныя протекціонистами. «Въ Германіи четверть пшеницы стоитъ на одиннадцать шиллинговъ дороже, чѣмъ въ Англіи». «Тамъ люди питаются кониной, которая въ Германіи въ такой же цѣнѣ, какъ въ Англіи мороженная австрайлійская и аргентинская баранина». «Каждый голосъ за протекціонистовъ, это — голосъ за маленькую ковригу противъ большой». «Протекціонизмъ не можетъ создать работы для всѣхъ: въ Соединенныхъ Штатахъ безработныхъ больше, чѣмъ въ Англіи». «Британскіе рабочіе! Прежде, чѣмъ подать голосъ за протекціонизмъ, прочтите слѣдующее: «Morgenpost» приводитъ официальные цифры, показывающія количество лошадей

и собакъ, убитыхъ въ Германіи 1908 году ради мяса, которое покупается рабочими. Лошадей убито 136.575, а собакъ — 6.362. Цифра убитыхъ лошадей, въ сравненіи съ 1907 г., уменьшилась на 10.000; но число убитыхъ собакъ увеличилось на 99 въ сравненіи съ 1907 г. и на 159 въ сравненіи съ 1906 годомъ. Въ 1909 году спросъ на лошадиное и на собачье мясо въ Германіи, несомнѣнно, увеличился, что обусловливается поднятіемъ цѣнъ на мясо лучшаго достоинства. За первые девять мѣсяцевъ 1909 года убито лошадей на 9.217 и собакъ на 497 больше, чѣмъ за соотвѣтствующіе девять мѣсяцевъ 1908 году. Въ общемъ ежегодно въ Германіи употребляется 45 мил. ф. конины и 140.000 ф. собачины». Тутъ же рисунокъ. Кошка, выгибая спину, трется у ногъ дѣвочки, которая держитъ на палочкѣ нѣсколько кусковъ конины *). «Нѣтъ, кисенька,—говоритъ дѣвочка,—это ужинъ не для тебя, а для папы». Что бы еще нагляднѣе показать массамъ невыгодность протекціонизма, фритредеры устроили спеціальныя выставки въ бѣдныхъ кварталахъ. Въ окнахъ избирательныхъ бюро либеральныхъ кандидатовъ выставлены были образцы пищевыхъ продуктовъ съ обозначеніемъ цѣнъ въ Англіи и Германіи. И надо было видѣть домовитыхъ хоряекъ, сравнивавшихъ цѣны! «Смотрите, пожалуйста!—мѣшечекъ крупчатой муки стоитъ въ Берлинѣ 1 ш. 3¼ п. У насъ онъ стоитъ 10½ п. А хлѣбъ? Въ Берлинѣ коврига стоитъ 6¾ п. У насъ—5¾ п. Что вы скажете на этотъ цвѣтъ? Какъ нѣмцы не помрутъ отъ такого чернаго хлѣба? На него христіанину смотрѣть тошно!» Надо знать, что въ окнахъ были выставлены лучшіе пеклеванники. Что если бы англичанамъ показать тотъ хлѣбъ, которымъ питается половина всего населенія Россіи!

Вотъ рисунокъ, изображающій накрытый столъ. На немъ—хлѣбъ, масло, сыръ и баранья нога. «Если вы подадите голосъ за консерваторовъ,—объясняетъ подпись,—то вы выскажетесь за налоги на всѣ эти продукты».

Бартоломеусъ говоритъ, что пиявки рождаются изъ труповъ коней, утонувшихъ въ болотѣ. Авторъ рисунка беретъ эту теорію зоолога XVI вѣка и истолковываетъ ее своеобразно. Утопивъ свободную торговлю, протекціонизмъ породитъ массу пиявокъ,—тресты. Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ «политическій Эвклидъ», который пропагандировался на улицахъ обѣими партіями. А теперь нѣсколько словъ о пропагандѣ при помощи пѣсенъ.

*) Въ Англіи спеціальныя поставщики доставляютъ мясо для кошекъ.

V.

Въ каждой странѣ въ періодъ сильнаго общественнаго движенія пѣсня является одной изъ любимыхъ формъ распространенія извѣстныхъ идей. Стоитъ только вспомнить безчисленные пѣсни, сложенные во Франціи во время великой революціи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, «отъ тѣна убѣжавъ», стали достояніемъ всего міра, какъ, напр., «Марсельеза» или «Ca ira». Другія, въ томъ числѣ едва ли не болѣе мощныя, забыты.—Стоитъ назвать лишь «Chant du départ» Шенье *). Последняя пѣсня произвела такое сильное впечатлѣніе въ свое время, что во времена реставраціи консерваторы воспользовались напѣвомъ, на который составили свои слова.

Въ особенности пѣсня является любимой формой пропаганды въ Англіи. Пѣсни здѣсь остаются памятниками общественнаго или религіознаго движенія, напоминая собою раковины, вкрапленныя въ геологическій пластъ. Каждая новая религіозная секта въ Англіи прежде всего обзаводится своимъ собственнымъ пѣсенникомъ. И, повидимому, чувство «self-respect» (самоуваженія) сектанта находится въ прямой пропорціи съ толщиной его книжки гимновъ. Каждое экономическое или политическое движеніе въ Англіи, прежде всего, прибѣгаетъ къ пѣснѣ. Мы имѣемъ здѣсь пѣсенники социаль-демократическіе, фритредерскіе, кооперативные, рабочіе и пр. Политическій кризисъ 1909—10 годовъ нашелъ безчисленныхъ поэтовъ. Обѣ партіи пустили въ обращеніе почти столько же пѣсенъ, сколько и «постеровъ». Каждая пѣсня сложена на вѣсѣмъ извѣстномъ напѣвѣ. Нѣкоторыя пѣсни только обновлены, п. ч. имъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Послѣдующія поколѣнія лишь забыли эти боевыя строки. Такова, напр., «молитва» Шелли изъ «Оды къ западному вѣтру». Фритредеры воспользовались этой пѣсней, такъ какъ въ ней населеніе призывается къ возстанію противъ господъ (the lords); выходитъ, какъ будто бы противъ лордовъ.

«Англичане, зачѣмъ вамъ пахать для господъ, держащихъ васъ въ подчиненіи?—говорится въ пѣснѣ Шелли.—Зачѣмъ вамъ ткать такъ усердно и рачительно богатые платья, которыя носятъ ваши тираны?

*) Вотъ первая строфа:

„La victoire, en chantant, nous ouvre la barrière,
La liberté guide nos pas,
Et du Nord au Midi la trompette guerrière
A sonné l'heure des combats;
Tremblez, ennemis de la France,
Rois ivres de sang et d'orgueil
Le peuple souverain s'avance,
Tyrans, descendez au cercueil.“

«Зачѣмъ вамъ кормить, одѣвать и оберегать, отъ колыбели до могилы, неблагодарныхъ трутней, которые готовы не только выпить изъ васъ потъ, но и выпить всю кровь?»

«Зачѣмъ вамъ, пчелы Англіи, ковать оружіе, цѣпи или бичи для того, чтобы лишенные жала трутни испортили вынужденный результатъ вашего труда?»

«Развѣ у васъ есть досугъ, уютъ, спокойствіе, кровь, пища, нѣжный бальзамъ любви? Что вы покупаете дорогой цѣной вашего труда и страданія?»

«Зерно, которое вы сѣете, жнетъ другой; богатства, которое вы находите, копить другой. Платье, вытканное вами, на плечахъ у другого. Оружіемъ, выкованнымъ вами, пользуются другіе.

«Сѣйте, но не допускайте, чтобы тираны собирали жатву. Найдите богатства, но не отдавайте ихъ обманщикамъ. Тките платья; но пусть ихъ не носятъ лѣнтяи. Выковывайте оружіе, но только, чтобы защитить себя.

«Вы ютитесь въ подвалахъ, чердакахъ и мурьяхъ. Вы сооружаете дворцы для другихъ. Зачѣмъ вы потрясаете цѣпами, которыми сами же выковали? Взгляните, на васъ сверкаетъ сталь, которую вы же сами закаляли.

«Плугомъ и заступомъ, мотыкой и станкомъ вы сами копаете себѣ могилы и мастерите гробъ. Вы ткете себѣ саванъ и ждете, чтобы прекрасная Англія обратилась въ вашъ склепъ».

Эти отлитые изъ бронзы стихи, сильные, «какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря» (выраженіе Бѣлинскаго), обновляются каждый разъ, когда въ Англіи есть какое нибудь сильное политическое движеніе. Остальные пѣсни, пущенныя въ обращеніе во время выборовъ, самаго послѣдняго происхожденія. Надо сознаться, что поэзія въ нихъ часто отсутствуетъ; пѣсни эти напоминаютъ травы въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ: въ іюнѣ онѣ пышно вырастаютъ, а въ іюлѣ совершенно выгораютъ и пропадаютъ. Приведу нѣсколько образчиковъ. Вотъ, напримѣръ, пѣсня «The Old Issue», посвященная лордамъ.

«Вы наложили цѣпи на народъ въ тотъ самый день, когда родилась страна. Въ теченіе вѣковъ вы отказывали намъ въ правѣ обрабатывать собственную землю. Наши предки терпѣливо несли ярмо, надѣтое вами, и рабами ушли въ безвѣстныя могилы. Они были такъ покорны, что вы ихъ считали не людьми, а рабами.

«Вы властвовали долго; наконецъ, вы убѣдили себя, что ваше право божественнаго происхожденія; что вамъ принадлежитъ поверхность земли и всѣ богатства, таящіяся въ нѣдрахъ ея; что когда люди пожинаютъ посѣянное ими, вы должны забрать себѣ возможно большую долю, хотя сами рѣшительно ничего не дѣлаете.

«Мы терпѣли ваше насилье. Мы работали, чтобы обезпечить вамъ досугъ. Мы прибѣгали на вашъ зовъ, какъ трусливый рабъ на зовъ влечь властелина. Порою мы роптали и проклинали вашу

власть, но вы лишь глумились. Въ самомъ дѣлѣ, что значили наши косы и вилы противъ вашихъ мечей и кольчугъ?

«Хитростью и обманомъ вы захватили себѣ лучшія земли. Вы увѣрили насъ, что мы—чужіе въ той странѣ, гдѣ родились. Лорды, намъ принадлежатъ рыбы въ рѣкахъ и птицы въ воздухѣ. А мы работаемъ всю жизнь, имѣя впереди только отчаянье.

«И долго вы беззаботно валялись на шелковомъ ложѣ. И вамъ не грезилось даже, что наступитъ день, когда ваше безпечальное житье кончится. И вотъ теперь Демось пробуждается отъ сна. освѣженный. Вы можете слышать его боевой кличъ. Народъ глядитъ на богатства, захваченныя вами, и спрашиваетъ: «на какомъ основаніи вы владѣете ими?».

Той же темѣ посвящена «Пѣсня мужей Англіи», пользовавшаяся большимъ успѣхомъ во время выборовъ.

«Есть страна, славная отъ вѣка. Имя ей — дорогая старая Англія. За свободу ея въ былые годы много сражались наши предки. И если мы желаемъ теперь отстоять наши права, то снова должны сгрудиться и нанести ударъ, какъ сдѣлали это наши отцы». Затѣмъ слѣдуетъ призывъ:

«Strike! Strike! Englishmen, for freedom,
Comrades, rally to the call,
For the House of Lords says, «Nay»
When the people want their way,
Lo we'll mend it or we'll end it once for all».

(«Разите, разите! Англичане! Товарищи, соберитесь на зовъ для борьбы за свободу. Палата лордовъ сказала нѣтъ, когда народъ выразилъ свое желаніе. Мы поэтому разъ на всегда измѣнимъ или уничтожимъ ее».)

«Когда тори подняли крикъ, что необходимо строить новые дредноты, — они не сказали, откуда достать средства. И вотъ явился бюджетъ. Тогда консерваторы начали вопить: «Введите пошлины на пищевые продукты! Пусть рабочіе платятъ за военные корабли.»

«Но мы отстоимъ еще нашъ бюджетъ. Народъ вѣдь не забылъ, какъ во времена протекціонизма кладовыя въ рабочихъ квартирахъ были пусты. Надо обложить налогомъ землю. Пусть и помѣшники внесутъ свою справедливую долю.»

Англичане—большіе любители комическихъ пѣсенъ. И среди «выборной поэзіи» не мало произведеній подобнаго рода. Вотъ, напримѣръ, одна пѣсня.

„Lord Augustus Vere de Vere,
Of me you shall not win a vote:
You thought to catch the country's heart
And on the flowing tide to float.
At me you smiled, but unbeguiled
I saw the snare and refrained;

Descendent of a hundred earls,
You are not one to be sustained»

(т. е. Лордъ Августъ Веръ де Веръ, мой избирательный голосъ вы не получите. Вы рассчитывали уловить сердца населенія и придти опять съ приливомъ. Вы улыбались мнѣ, но такъ какъ у меня уже раскрылись глаза, то я видѣлъ капканъ и напѣвалъ: «Васъ, потомка сотни графовъ, не слѣдуетъ поддерживать»).

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, вы освѣжаете въ моей памяти старыя воспоминанія. Основательница вашего благороднаго рода была болѣе чѣмъ любезна съ веселымъ королемъ Карломъ. Но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что вы и ваши потомки не должны вѣчно составлять законы для Англіи только потому, что ваша прабабушка была хороша собою.

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, основываете ли вы ваше право на любезности веселаго короля Карла или еще на чемъ-нибудь другомъ? Не на томъ ли, въ такомъ случаѣ, что вашъ предокъ укралъ народную землю, огородивъ ее? Вы, повидимому, полагаете, что если вашъ предокъ отнять у насъ землю, вы можете отобрать у насъ свободу.

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, вы должны искать себѣ болѣе глупаго ученика. Я говорю про васъ правду и мало печалюсь, если она горька. Попытайтесь залучить на свою сторону тѣхъ, которымъ мило рабство. Они лишь умиляются при видѣ герцогской коронки и питаютъ слѣпую вѣру въ «породу».

Не мало было выпущено «политическихъ басенъ». Вотъ, напримеръ, басня про «Лордика и про баронета по прозвищу «Денежный Мѣшокъ».

«Лордикъ и сэръ Денежный Мѣшокъ гуляли разъ рука объ руку на морскомъ берегу. Сердце ихъ радовалось при видѣ громаднаго количества песка. «Было бы великолѣпно,—сказали они,—если бы весь этотъ песокъ можно было пустить народу въ глаза».

«Начнемъ доказывать,—сказалъ Лордикъ,—Тому, Гарри, Дику и Джону, что, если они не пойдутъ съ нами, ихъ работа уйдетъ». «Игра стоитъ свѣчей!»—лукаво замѣтилъ сэръ Денежный Мѣшокъ.

«О, рабочіе!»—тотчасъ же началъ Лордикъ.—«Пойдите вслѣдъ за нами. Обсудимъ дѣло хорошенько. Наша цѣль, конечно, устроить такъ, чтобы вы ничего не платили».

«Одинъ рабочій откликнулся: «какъ хорошо, что такіе важные господа говорятъ съ нами, хотя я совершенно не понимаю ихъ словъ». Товарищъ его сказалъ: «ихъ аргументъ кажется мнѣ слабымъ».

«И тогда заговорилъ сэръ Денежный Мѣшокъ: «Я слышалъ, что радикалы обложили налогомъ вашъ табакъ и ваше пиво. Вотъ почему мы плачемъ. Намъ совсѣмъ не жалко, что нашу землю хотятъ обложить налогомъ».

«Совершенно вѣрно,—вставилъ свое слово Лордикъ.—За демо-

кратію мы готовы умереть». Но тутъ рабочій многозначительно улыбнулся и подмигнулъ товарищу.

«Наступило время обсудить основательно всѣ вопросы,—продолжалъ Лордикъ.—Пора ввести тарифъ и заставить иностранца раскошелиться въ нашу пользу. Но, благодаря вашему Ллойдъ-Джорджу, у насъ все еще старая система фискальныхъ обложеній.

«Стойте!—воскликнулъ рабочій,—мы слышали уже все это. Напрасно станете терять время. Наши глаза раскрылись, и мы вамъ не вѣримъ ни на грошъ.

«Лордикъ и сэръ Денежный Мѣшокъ вздохнули тяжело нѣсколько разъ. Они проклинали бесполезный песокъ, лежащій на морскомъ берегу. Въ самомъ дѣлѣ: что въ песокъ, если его нельзя пустить въ глаза народу?»

VI.

Протекціонисты ожидали побѣду на выборахъ. Бывшій феній, революціонеръ и динамитчикъ г. Гарвинъ, являющійся теперь главнымъ вдохновителемъ консерваторовъ, предсказывалъ въ «Observer», что протекціонисты будутъ имѣть большинство въ 200 голосовъ. Специальный корреспондентъ Times'a, выяснивъ въ цѣломъ рядѣ статей положеніе въ разныхъ графствахъ, пришелъ къ заключенію, что у протекціонистовъ будетъ большинство въ 70—80 голосовъ. Особенно поразительныя побѣды протекціонисты ждали въ Лондонѣ. Первый же день выборовъ принесъ съ собою нѣкоторыя разочарованія для консерваторовъ. Первый день предшествующихъ выборовъ 1906 года явился настоящимъ Мукденомъ для консерваторовъ. Были забаллотированы почти всѣ министры кабинета съ Бальфуоромъ во главѣ. У премьера въ Манчестрѣ отнялъ мѣсто рабочій, никогда раньше не выставлявшій своей кандидатуры. Въ этомъ году такихъ поразительныхъ сюрпризовъ, доказывающихъ глубокое недовольство населенія своимъ правительствомъ, не было. Весь кабинетъ переизбранъ. Въ первый день консерваторы выиграли нѣсколько мѣстъ; однако, сейчасъ же выяснилось, что нѣтъ «обвала» (landslide) министерской партіи. Опредѣлилось, что протекціонисты не могутъ рассчитывать даже на номинальное большинство въ одинъ голосъ, если выборы и дальше будутъ идти въ такой же пропорціи. И дни шли за днями. Протекціонисты выигрывали мѣста; но не могли добиться абсолютнаго большинства. И когда выборы закончились, консерваторы очутились въ меньшинствѣ, хотя либералы тоже не могли особенно ликовать по поводу побѣды. Постараюсь теперь выяснитъ положеніе партій.

Послѣ выборовъ 1906 года консерваторовъ было 130, союзныхъ съ ними либераловъ-юніонистовъ (чемберленовцевъ)—28, либераловъ—383, націоналистовъ—83 и рабочихъ—46. Такимъ образомъ, консервативная партія располагала 158 голосами, а министерство

въ особенныхъ случаяхъ могло располагать 512 голосами. Консервативная партія была совершенно разгромлена. Въ самомъ дѣлѣ, на «солдатскихъ выборахъ» 1900 года консерваторы и юніонисты получили 402 мѣста, либералы только 186, и ирландцы—82.

За четырехлѣтнее пребываніе у власти либералы потеряли на дополнительныхъ выборахъ рядъ мѣстъ. Правда, убыль шла не въ такой пропорціи, какъ у консерваторовъ, когда они стояли у власти, но, тѣмъ не менѣе, она была очень замѣтна. Наканунѣ выборовъ консерваторы и юніонисты имѣли въ Нижней палатѣ 170 мѣстъ, либералы—371, рабочіе—46 и націоналисты—83.

Посмотримъ, какое положеніе дѣлъ создали выборы 1910 года. Выборную карту Англіи можно окрасить въ нѣсколько цвѣтовъ, при чемъ каждый разъ одною краскою надо покрывать цѣлыя графства. Мы видимъ, прежде всего, «кельтское кольцо», т. е. окраины, населенныя шотландцами, валійцами и ирландцами. Когда-то шотландская національность враждовала съ англійской. Теперь отъ этой вражды остались только воспоминанія. Шотландцы давно уже слились съ англичанами въ одну народность. Шотландцы, безъ сомнѣнія, составляютъ самую энергичную, настойчивую, трудолюбивую и практичную часть англійской народности. Ихъ невозможно провести «на мякинѣ» фантастическими тезисами о томъ, что при протекціонизмѣ налоги будутъ платить «иностранцы». Шотландцы слишкомъ практичны для этого. Это—нація, давшая рядъ блестящихъ экономистовъ (Адамъ Смитъ, Макъ-Кулохъ и др.) и финансистовъ. Большіе шотландскіе города отлично понимаютъ всю невыгоду протекціонизма. Что же касается шотландской деревни, то крофтеры имѣютъ старые счеты съ лордами. Къ тому же всего за годъ до выборовъ лорды отвергли земельный билль, специально назначенный для Шотландіи. И вотъ вся эта окраина голосовала на выборахъ за радикаловъ. Премьеръ Аскитъ тоже выбранъ въ Шотландіи. Въ этомъ году онъ получилъ даже больше голосовъ, чѣмъ въ 1906 году. Если протекціонисты прошли въ двухъ-трехъ округахъ въ Шотландіи, то только какъ рѣдкое исключеніе. Побѣда объясняется каждый разъ необыкновенной популярностью кандидата. Уэльсъ, какъ города, такъ и каменноугольные округа, дояленъ своему «Дэвиду», т. е. Ллойдъ-Джорджу. Княжество Уэльское голосовало за радикаловъ. У Ирландіи былъ когда-то длинный счетъ къ Англіи. Къ счастью, значительная часть этого счета (вѣротерпимость, земля, мѣстное самоуправленіе, школы)—покрыта уже. Въ счетѣ «неоплаченнымъ» остается еще одинъ только пунктъ—областной сеймъ. Когда-то помѣщики имѣли полное основаніе бояться гомруля. Они были увѣрены, что областной ирландскій сеймъ первымъ дѣломъ устроить принудительный выкупъ земли. Теперь—земля выкуплена. Въ западныхъ графствахъ остались еще упорные помѣщики, отказывающіеся продать свои луга; но и этотъ вопросъ почти уже разрѣшенъ. Теперь сопротивленіе противъ «гомруля»

основано, главнымъ образомъ, на старомъ предубѣжденіи. Въ лучшемъ случаѣ вы услышите отъ англичанина, возстающаго противъ областного сейма, такой аргументъ: «Rome rule means Rome rule», т. е. гомруль означаетъ господство католической церкви. Протестанты опасаются, что при гомрулѣ верхъ возьмутъ въ Ирландіи католическіе священники и проведутъ законы, стѣснительные для другихъ вѣроисповѣданій. Англиканская церковь судить по собственному опыту: она то же самое дѣлала когда-то въ Ирландіи, пока Гладстонъ не провелъ законъ объ отдѣленіи тамъ церкви отъ государства. Ирландцы протестуютъ противъ такихъ подозрѣній и указываютъ на то, что въ національномъ движеніи участвуютъ одинаково, какъ католики, такъ и протестанты. Парнеллъ былъ протестантомъ. Итакъ, ирландцы имѣютъ еще одинъ счетъ къ Англіи. И передъ выборами премьеръ обѣщаль погасить счетъ. Ирландская партія теперь не такъ объединена, какъ въ 1909 году.

Ирландцы были противъ тѣхъ пунктовъ бюджета, въ которыхъ говорится о налогѣ на водку, находя ихъ убыточными для себя. Передъ выборами въ Ирландіи шла полемика по поводу того, какъ держаться по отношенію къ либеральной партіи. Одни доказывали, что ее необходимо поддерживать, такъ какъ она обѣщаетъ гомруль. Другіе отвѣчали, что либералы хотятъ разорить Ирландію новыми налогами на водку. Въ рядахъ націоналистовъ произошелъ расколъ. Большинство партіи, съ вождемъ ея Рэдмондомъ, стояло за коалицію съ либералами противъ общаго врага — лордовъ. Вотъ, напр., выдержка изъ главнаго органа націоналистовъ «The Freeman's journal». «У ирландской партіи одна задача: заколотить покрѣпче гробъ, въ которомъ лежитъ veto лордовъ. И если г. Аскитъ, дѣйствительно, желаетъ покончить съ этимъ veto, онъ всегда найдетъ за собою Ирландскую партію». Съ другой стороны, меньшинство партіи, съ Вильямомъ О'Брайеномъ во главѣ, напало на большинство за то, что оно собирается поддержать бюджетъ и такимъ образомъ «измѣнить Ирландію». «Нѣтъ больше никакого сомнѣнія въ томъ, что Ирландская партія замышляетъ черную измѣну, подобной которой не было со времени уничтоженія ирландскаго парламента,—пишетъ Вильямъ О'Брайенъ (Надо помнить, что ирландскіе публицисты выбираютъ всегда самыя страшныя прилагательныя, которыя употребляютъ не иначе, какъ въ превосходной степени). Ирландскіе націоналисты собираются помочь правительству въ дѣлѣ проведенія бюджета, который прибавитъ Ирландіи еще два мил. ф. ст. налоговъ. Быть можетъ, ошибочно сказать, что Ирландская партія отвѣтственна за одну изъ самыхъ подлыхъ измѣнъ, когда-либо извѣстныхъ въ исторіи. Фактъ тотъ, что Ирландская партія больше не существуетъ. Съ членами ея болѣе не совѣтуются. Имъ приказываютъ только слѣпо повиноваться и выполнять планы, выработанные предвари-

тельно Диллономъ и О'Коннеромъ *) совместно съ правительствомъ. Ирландскимъ депутатамъ велятъ только голосовать. Всѣхъ талантиливыхъ людей независимаго образа мыслей вытѣснили изъ партій. Вожди собираются допустить въ партію только тѣхъ, которые будутъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Диллона. Ни въ одной странѣ никогда еще не существовало подобной автократіи. Въ исторіи не было примѣра подобнаго загрязненія общественной жизни. Никогда еще ирландскому народу никто не наносилъ подобнаго оскорбленія». Читатели, незнакомые съ манерами ирландской полемики, отнюдь не должны понимать статью Вильяма О'Брайена буквально. Она показываетъ только, что въ рядахъ ирландской партіи опять началась та ожесточенная борьба личностей, примѣры которой мои читатели найдутъ и на востокѣ отъ 11° в. д. по Пулковскому меридіану! Эта борьба личностей, во время которой идейно близкіе люди возводятъ другъ на друга обвиненія въ самыхъ черныхъ поступкахъ, причинила Ирландіи великія бѣдствія.

Въ результатъ слѣдующее. Изъ выбранныхъ 82 націоналистовъ одиннадцать «о'брайенистовъ». Собственно говоря, и эти одиннадцать не однородны. Мы видимъ тутъ еще «хилистовъ», т. е. послѣдователей Хили.

Перейдемъ теперь къ Англіи. Прежде всего мы должны выдѣлить здѣсь два промышленныхъ міра, т. е. центральныя графства, съ Бирмингэмомъ во главѣ и Ланкаширъ съ Манчестромъ. Одинъ промышленный міръ обрабатываетъ неволокнуистыя вещества, другой—волокнуистыя (хлопокъ и шерсть). Первый міръ «кровно» заинтересованъ въ введеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимыя изъ Германіи фабрикаты. Ланкаширъ также «кровно» заинтересованъ въ томъ, чтобы осталась система свободной торговли. И центральныя графства голосовали за «тарифныя реформы», тогда какъ Ланкаширъ высказался противъ протекціонизма. Если въ «черной странѣ», какъ называютъ царство хлопка, въ видѣ рѣдкаго исключенія, прошелъ протекціонизмъ, то только вслѣдствіе такъ называемой борьбы «на три угла». Такъ было, между прочимъ, въ Wignley, гдѣ социаль-демократы выставили одного изъ своихъ восьми кандидатовъ, Гайндмана. Голоса раздѣлились и, такъ какъ въ Англіи нѣтъ перебаллотировокъ, то мѣсто досталось протекціонисту, хотя онъ получилъ только относительное большинство. Большіе промышленные города, кромѣ городовъ съ верфями, которымъ протекціонисты обѣщали громадныя заказы, высказались, главнымъ образомъ, за фритредеровъ (исключеніе составляетъ Ливерпуль). Протекціонисты рассчитывали на колоссальную побѣду въ Лондонѣ. Громадная метрополія, въ противоположность всѣмъ континенталь-

*) Коммонеры и публицисты. О'Коннеръ, кромѣ того, видный историкъ.

нымъ столичнымъ городамъ, которые всё настроены болѣе радикально, чѣмъ провинціи,—вообще гораздо консервативнѣе провинціи. Во время «солдатскихъ» выборовъ 1900 г. либералы получили въ Лондонѣ только 8 мѣстъ изъ 59. Только въ 1906 году, во время «обвала» консервативной партіи, либералы отняли у ней въ Лондонѣ 30 мѣстъ. Такимъ образомъ, столица оказалась представленной либеральнымъ большинствомъ. На послѣднихъ выборахъ либералы потеряли въ Лондонѣ 17 мѣстъ, но все же протекціонисты рассчитывали на болѣе блестящую побѣду. Они были увѣрены, напимѣръ, что отнимутъ Батерси у Бернса, но тотъ получилъ большинство въ 555 человекъ. Въ Вуличѣ протекціонистъ побѣдилъ «Виля» Крукса, известнаго коммонера рабочаго (ему я посвятилъ въ прошломъ году въ «Русскомъ Богатствѣ» отдѣльное письмо). Побѣда обуславливалась тѣмъ, что Крукса все время не было въ Англіи. Онъ пріѣхалъ въ самый день выборовъ. Результатъ выборовъ въ Вуличѣ можетъ показать, до какого напряженія достигли политическія страсти во время борьбы. Настоятель церкви въ Вуличѣ назначилъ Те Деумъ въ ознаменованіе избавленія округа отъ социалиста и врага религіи. Такъ какъ Те Деумъ могъ кончиться крупнымъ скандаломъ, то епископъ отмѣнилъ его. Главнымъ образомъ протекціонисты имѣли успѣхъ въ сельскихъ округахъ. Были цѣлыя графства, которыя посылали только консерваторовъ. О размѣрахъ пораженія, понесеннаго фритредерами въ сельскихъ округахъ, говоритъ 51 мѣсто, потерянное тамъ ими. Успѣхъ протекціонистовъ въ сельскихъ округахъ объясняется многими причинами. Помѣщики надѣются, что тарифныя реформы поднимутъ цѣны на землю. Фермеры рассчитываютъ, что при протекціонизмѣ увеличится спросъ и цѣны на ихъ продукты. Важное значеніе играли «множественныя воты»: многіе помѣщики имѣютъ по 5, 6 и больше голосовъ. При помощи автомобилей, владѣльцы плюральныхъ вотовъ могли быстро передвигаться и голосовать въ одинъ день въ разныхъ округахъ.

Затѣмъ надо указать также на устрашеніе темныхъ сельскихъ работниковъ, а въ исключительныхъ случаяхъ — на спаваніе. Бывали случаи, что сквайръ бился объ закладъ съ своими работниками, кто пройдетъ: фритредерь или протекціонистъ. Сквайръ высказывалъ предположеніе, что пройдетъ фритредерь. Въ случаѣ «проигрыша» онъ обѣщалъ пить пивомъ всѣхъ даромъ. Въ одномъ кабацѣ послѣ «проигрыша» сквайръ заплатилъ 200 ф. ст. за пиво. Нѣкоторые случаи стануть достояніемъ суда. Посмотримъ теперь, какъ выражаются въ цифрахъ результаты выборовъ 1910 года. Протекціонисты получили 273 мѣста, либералы—275 мѣстъ, націоналисты—82 мѣста и рабочіе—40 (Въ то время, какъ я пишу эту статью, неизвѣстны еще результаты въ трехъ округахъ. Два изъ нихъ, по всей вѣроятности, подадутъ голоса за протекціонистовъ, а одинъ—за фритредера). Такимъ образомъ, консерваторы выиг-

рали 103 мѣста, либералы потеряли 36 мѣстъ, а рабочіе—6 мѣстъ, хотя эта потеря, собственно, только номинальная. Въ старомъ парламентѣ рабочая партія представляла собою коалицію изъ собственно рабочихъ депутатовъ и, такъ называемыхъ, «lib.-lab.», т. е. депутатовъ, поддерживаемыхъ рабочей партіей. Теперь всѣ коммюнеры, входящіе въ составъ рабочей партіи, объединены и сплочены. На выборахъ социаль-демократы выставили своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ. Газета «Justice» (с.-д.) и «Clarion» (Блэтчфорда) употребили всѣ усилія, чтобы скомпрометировать рабочую партію въ глазахъ массы. «Неужели кто-нибудь вѣритъ, что рабочая партія независима отъ либераловъ?—писалъ «Clarion.—Неужели есть кто-нибудь, знакомый съ исторіей независимой рабочей партіи, который не зналъ бы, что она дальше теперь отъ социализма и ближе къ либерализму, чѣмъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ?...» «Clarion» доказывалъ дальше, что въ рабочей партіи былъ только одинъ настоящій социалистъ, Викторъ Грейсонъ, но отъ него всѣ отвернулись. Социаль-демократы выставили восемь кандидатовъ, въ томъ числѣ Гайнмана и Грейсона. Всѣ они забаллотированы.

VII.

Вслѣдствіе любви къ точности и наглядности, англичане изобразили графически результаты выборовъ. Консерваторамъ результаты представляются въ такомъ видѣ. Рядомъ съ большимъ, жизнерадостнымъ, крѣпкимъ на ногахъ Бальфуromъ стоитъ «живая пирамида». Въ основаніи ея вождь ирландцевъ Радмондъ, у него на плечахъ сидитъ вождь рабочихъ Кейръ-Гарди, а на плечахъ у послѣдняго стоитъ Аскитъ, стараясь сохранить равновѣсіе. На придачу Радмонда тянетъ за полы Вильямъ О'Брайенъ. Смыслъ рисунка, конечно, тотъ, что либеральная партія, располагающая большинствомъ только вслѣдствіе поддержки ирландцевъ и рабочихъ, находится въ отчаянномъ положеніи. Стоитъ только толкнуть ее, и она упадетъ. Вотъ почему вся консервативная печать предсказываетъ, что министерству не жить долго. Новые выборы предвидятся многими даже въ этомъ году. Консервативная печать не только отмѣчаетъ слабость новаго правительства, но усиленно подчеркиваетъ еще, что оно держится при содѣйствіи «революціонеровъ» ирландцевъ и «соціалистовъ» рабочихъ. Ирландцы же «хотятъ гибели имперіи», а «соціалисты», какъ это повѣдалъ лордъ Розбери, замышляютъ «уничтожить собственность, семью и религію». Правда, Кейръ-Гарди очень религіозный человѣкъ, а лордъ Розбери, вѣроятно, скорѣе поклонникъ Болингброка, чѣмъ Кальвина, но пугаютъ, обыкновенно, людей, не умѣющихъ думать.

Покуда, конечно, очень трудно сказать что-нибудь объ устойчивости коалиціи, — коалиціи вообще слабы. Но положеніе ли-
Февраль. Отдѣлъ II.

беральной партіи не такое отчаянное, какъ изображаютъ консерваторы. Возьмемъ, прежде всего, зависимость отъ ирландцевъ. Въ парламентской исторіи Англіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ извѣстны пять министерствъ, зависѣвшихъ отъ ирландцевъ. Въ числѣ этихъ министерствъ—два консервативныхъ. Первое—фрит-редерское министерство имѣло большинство только въ два голоса. Оно, тѣмъ не менѣе, продержалось у власти слишкомъ пять лѣтъ. Затѣмъ мы видѣли у власти консервативное министерство, имѣвшее большинство въ восемь голосовъ. Министерство Дизраэли (1874—80) всецѣло зависѣло отъ ирландцевъ. Оно продержалось шесть лѣтъ. Наиболѣе памятно глэдстоновское министерство, ставшее у власти въ 1892 году. Либеральная партія, вмѣстѣ съ ирландцами, располагала большинствомъ всего только въ 40 голосовъ. Это министерство продержалось три года. Оно осуществило такой важный законопроектъ, какъ гаркортонскій бюджетъ (налогъ на наслѣдства). Несмотря на упорную оппозицію, министерство тогда провело черезъ Нижнюю палату билль о гомрулѣ, который былъ отвергнутъ лордами. Итакъ, коалиція съ ирландцами еще не означаетъ полнаго безсилія и немедленной гибели министерской партіи. Ирландская печать настроена примирительно по отношенію къ либераламъ. Вождь партіи, Редмондъ, говоритъ, что націоналисты будутъ работать вмѣстѣ съ либералами, такъ какъ премьеръ общалъ Ирландіи областной сеймъ. «Революціонность» ирландцевъ не пугаетъ либераловъ, потому что въ нее не вѣрятъ даже тори. Ирландцы представляютъ собою любопытный и не единственный примѣръ народа, глубоко консервативнаго по всей природѣ своей, но котораго уродливая и бессмысленная политика «державной народности» толкала постоянно на путь революціонныхъ эксцессовъ. По природѣ своей оранжисты, т. е. тѣ, которыхъ выставляютъ образцами консерватизма и лояльности, гораздо болѣе прогрессивны и, если хотите, революціонны, чѣмъ ирландцы-католики. Въ націоналистическомъ движеніи теперь принимаютъ участіе сыновья помѣщиковъ, которыхъ когда-то бойкотировали и даже подстрѣливали.

Бернардъ Шоу любитъ парадоксы, но заявленіе, которое онъ дѣлаетъ въ предисловіи къ «John Bull's Other Island»,—совпадаетъ вполне съ дѣйствительностью. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—даже оранжистъ въ глубинѣ души мечтаетъ о самоуправленіи Ирландіи... Какъ человѣкъ здравомыслящій, ирландецъ (протестантъ) не можетъ быть консерваторомъ... Не можетъ быть ничего болѣе ненормальнаго, какъ консервативная протестантская партія, отстаивающая порядокъ, на который посягаетъ революціонная католическая партія... Протестантъ-индивидуалистъ, свободный мыслитель, вѣрить въ самопомощь... католикъ же... тори, консерваторъ, защитникъ церкви. Послушаніе онъ ставитъ себѣ въ законъ... Только грубая сила можетъ поддерживать этотъ противоестествен-

ный союз политической революціи съ папскѣй реакціей, смѣлаго индивидуализма съ подчиненіемъ. Отнимите грубую силу, предоставьте Ирландіи дѣлать что-либо иное, кромѣ кусанія давящей ее руки, и ненормально соединенные политическіе элементы перемѣстятся въ соотвѣтствіи съ истиннымъ протестантизмомъ». Въ моихъ письмахъ я не разъ указывалъ, что вопросъ объ областномъ сеймѣ въ Ирландіи—дѣло недалекаго будущаго. Если вопросъ не будетъ разрѣшенъ либералами, то сдѣлають это консерваторы. Вотъ и теперь, несмотря на то, что консервативная печать коритъ либераловъ за союзъ съ «революціонерами» ирландцами,—«Daily Mail» выступила со статьей, озаглавленной «Чего хотятъ ирландцы?» Въ статьѣ доказывается, что въ гомруль нѣтъ ничего страшнаго. Канада, Австралія, Новая Зеландія, Южная Африка имѣють нѣчто гораздо большее, чѣмъ гомруль, а между тѣмъ онѣ ультра-лояльны. Ирландцы, въ сущности, могутъ быть вѣрными союзниками консерваторовъ: они за собственность, за религію и за протекціонизмъ. И т. д.

Перейдемъ теперь къ рабочей партіи. Она вполне независима, но во главѣ ея стоятъ практическіе люди, ставящіе на первый планъ не абстрактный догматъ. Судя по статьѣ Снодэна (одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей рабочей партіи), появившейся въ «Daily News», рабочая партія, сохраняя свою независимость, настроена примирительно по отношенію къ либераламъ. Рабочая партія,—говоритъ Снодэнъ,—не намѣрена ставить министерскую партію въ отчаянное положеніе чрезвычайными требованіями. Рабочіе будутъ настаивать только на выполненіи обѣщаній, данныхъ министрами во время выборовъ. «Правительство не можетъ сдѣлать чрезвычайныхъ уступокъ, даже если бы рабочая партія настоятельно потребовала ихъ,—говоритъ Снодэнъ.—Рабочая партія можетъ вступать въ соглашеніе съ правительствомъ. Министерская партія должна обѣзаться провести извѣстныя реформы. За это рабочая партія даетъ обязательство поддерживать министерство». «Правительство,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Снодэнъ,—набросало планъ реформъ для борьбы съ безработицей. Этотъ планъ практиченъ, наученъ и вполне пріемлемъ для рабочихъ». Снодэнъ имѣетъ въ виду государственную страховку отъ безработицы. Рабочіе депутаты внесли два года тому назадъ законопроектъ, извѣстный подъ названіемъ *Right to Work Bill*, т. е. право на трудъ. Сводится онъ къ слѣдующему: государство *обязано* или доставить работу индивидууму, нуждающемуся въ ней и желающему трудиться, или поддерживать его. Билль этотъ не прошелъ. Онъ далъ основаніе консерваторамъ ужасаться чрезмѣрности требованій социалистовъ. Теперь Снодэнъ доказываетъ, что рабочія биржи, открытыя съ 1 февраля, и *Development Act*,—принятый парламентомъ въ концѣ 1909 года, это—признаніе перваго требованія, заключающагося въ *Right to Work Bill*. Что же касается государ-

ственного страхования отъ безработицы, то это—признаніе второй части билля (Государство *обязано* поддерживать желающаго работать индивидуума, если не найдетъ для него занятій).

Мы видимъ, что рабочіе могутъ сговориться съ либеральной партіей. Рабочую партію теперь больше всего занимаетъ вопросъ объ отмѣнѣ рѣшенія палаты лордовъ по поводу дѣла Осборна. Объ этомъ я писалъ подробно. Суть дѣла заключается въ томъ, что палата лордовъ, какъ высшая судебная инстанція, признала незаконнымъ обязательный сборъ съ членовъ трэдъ-юніоновъ въ пользу парламентской рабочей партіи. Такимъ образомъ, выбранные представители остаются безъ средствъ. По заявленію рабочихъ, рѣшеніе лордовъ имѣетъ для трэдъ юніоновъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ приговоръ по поводу желѣзнодорожной стачки въ долину Тафъ. Читатели знаютъ, что значеніе этого рѣшенія сведено къ нулю закономъ о трэдъ-юніонахъ 1906 года. Теперь рабочая партія будетъ настаивать на проведеніи билля, который узаконитъ бы обязательный сборъ, если большинство трэдъ-юніонистовъ выскажется за него. Отъ того, согласится ли министерство принять билль рабочихъ, какъ правительственный законопроектъ,—зависятъ добрыя отношенія между либеральной и рабочей партіями.

Выборы кончились не абсолютной побѣдой либераловъ; совершенно неизвѣстно, какія комбинаціи могутъ возникнуть въ парламентѣ въ недалекомъ будущемъ; но уже теперь опредѣляются крайне любопытные результаты. Начать съ того, что консервативная партія теперь выставляетъ такую программу социальныхъ реформъ, которая поразила бы ее своимъ радикализмомъ годъ тому назадъ. Въ первую голову идетъ государственное страхование отъ безработицы и другія «соціалистическія» мѣры. Затѣмъ консервативная партія спѣшитъ съ заявленіемъ, что Верхняя палата нуждается въ реформахъ. Въ прессѣ этой партіи появляется цѣлый рядъ проектовъ преобразовать палату наслѣдственныхъ законодателей. Что касается Ирландіи, то мы видѣли отношеніе «Daily Mail». Однимъ словомъ, «консерватизма» и «либерализма» въ старомъ смыслѣ въ Англіи больше нѣтъ. Двѣ главныя партіи раздѣляются между собою отношеніемъ къ таможенной политикѣ и объ, силою вещей, вынуждены становиться все болѣе и болѣе демократичными.

Діонео.

Политика.

Английскіе выборы и английскій кризисъ.—Дѣла Ближняго и Дальняго Востока.—Текущія событія.

I.

Послѣдніе выборы въ Англіи происходили четыре года тому назадъ, въ январѣ 1906 года. Парламентъ, вышедшій изъ тѣхъ выборовъ, передалъ власть въ руки либераловъ и получилъ отъ избирателей полномочія на проведеніе широкой демократической программы. Воспользоваться этими полномочіями либеральное правительство не могло, вслѣдствіе систематическаго сопротивленія палаты лордовъ всякимъ законодательнымъ начинаніямъ, а въ 1909 году это сопротивленіе лордовъ распространилось и на финансовыя начинанія, чего раньше лорды не дерзали. Конфликтъ обострился и пришлось обратиться къ суду страны. Январскіе выборы 1910 года и были этимъ судомъ.

Напомнимъ сначала поучительныя цифры выборовъ 1906 и 1900 годовъ, которые могутъ служить введеніемъ къ событіямъ 1910 года и показываютъ, какія огромныя амплитуды имѣютъ колебанія политической исторіи великой націи. Въ 1900 году англичане воевали въ Южной Африкѣ съ бурами, страна была возбуждена и духъ имперіализма и джингоизма владѣлъ сердцами народа. Либералы стояли за уступки и миръ и потерпѣли поражение. Однако, владѣя большинствомъ въ обѣихъ палатахъ парламента, консерваторы не ограничились покореніемъ буровъ, но провели нѣсколько реакціонныхъ законовъ, встревожившихъ націю, и за это были съ трескомъ удалены отъ власти.

Вотъ эти цифры:

Избрано было:

<i>Въ Лондонѣ.</i>	въ 1900 г.	въ 1906 г.
Либераловъ и раб. партіи . . .	8	42
Консерваторовъ.	54	20
<i>Въ городахъ Соед. королевства.</i>		
Либераловъ и раб.	62	157
Националистовъ.	11	13
Консерваторовъ.	149	52
<i>Въ селахъ (графствахъ).</i>		
Либераловъ и раб.	116	231
Националистовъ.	71	70
Консерваторовъ.	190	70

<i>Въ университетахъ.</i>		
Консерваторовъ	9	9
<i>Итого.</i>		
Либераловъ и раб.	186	430
Націоналистовъ	82	83
Консерваторовъ	402	157
<hr/>		
S. . .	670	670

Либералы и рабочіе показаны вмѣстѣ, потому что въ 1900 году ихъ не раздѣляли въ отчетахъ о ходѣ выборовъ.

Въ парламентѣ 1900 года консерваторы имѣли 402 голоса (въ палатѣ общинъ) противъ 268 всѣхъ остальныхъ партій. Они не нуждались въ союзахъ и коалиціяхъ. Они господствовали безусловно, и господство ихъ невозможно было оспаривать. Палата лордовъ шла объ руку съ палатою общинъ. Консерваторы были вершителями судебъ Британіи.

Въ 1906 году либералы безъ рабочей партіи получили 379 мандатовъ, съ рабочими 430 противъ 291 голоса въ первомъ случаѣ и 240—во второмъ. Они тоже не нуждались въ союзахъ и коалиціяхъ (хотя рабочая партія шла объ руку съ либералами). Они тоже безусловно господствовали, но оппозиція палаты лордовъ парализовала это господство. Имъ удалось провести законъ о пенсіяхъ рабочимъ въ старости, но это единственное демократическое начинаніе, что оказалось возможнымъ осуществить въ теченіе четырехъ лѣтъ правленія либеральнаго кабинета. Даже исправить рѣзко реакціонный клерикальный школьный билль Бальфура лорды не допустили. Билль о принудительномъ выкупѣ земли у ирландскихъ ландлордовъ былъ искаженъ верхнею палатою, которая, наконецъ, отвергла и демократическій бюджетъ. Ясно стало, что никакое правительство, кромѣ консервативнаго, окажется невозможнымъ, если палата лордовъ не будетъ упразднена или реформирована кореннымъ образомъ.

Такимъ образомъ, отмѣна права безусловнаго veto верхней палаты стала основнымъ пунктомъ избирательной борьбы въ январѣ 1910 года. Этотъ пунктъ и демократическій бюджетъ и выдвинули либералы въ своей агитаціи. Консерваторы съ своей стороны постарались на первый планъ поставить вопросъ о введеніи покровительственныхъ пошлинъ, что будто бы уничтожить безработицу и повысить заработную плату.

Выдвигались, какъ неотразимое доказательство въ пользу протекціонизма, примѣры Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Германской имперіи. Особенно обольстительнымъ былъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Очень высокія таможенные пошлины (порю прямо запретительныя) и очень высокая заработная плата въ Штатахъ какъ бы рекомендовали англичанамъ слѣдовать по пути, одобренному ихъ заатлантическими соплеменниками. Примѣръ Рос-

си могли бы имъ показать совсѣмъ иное: высокія пошлыны и весьма низкую заработную плату. Сельское населеніе въ Россіи многочисленно, но бѣдно. Въ Штатахъ тоже многочисленно, но богато. Русскіе селяне не имѣютъ средствъ много покупать, и тутъ никакія пошлыны не помогутъ. Если мало покупается, то мало и продается, мало выплачивается и рабочему: понижается плата, растетъ безработица. Богатые же селяне великой американской республики покупаютъ много и даютъ барыши фабрикантамъ и высокую заработную плату фабричнымъ рабочимъ, но безработица нерѣдко угнетаетъ и американскіе рынки. Германія занимаетъ середину между Россіей и Соединенными Штатами. Здѣсь тоже многочисленное сельское населеніе, не такое состоятельное, какъ за Атлантическимъ океаномъ, но гораздо состоятельнѣе, чѣмъ въ Россіи. Здѣсь заработная плата выше русской и ниже американской. Здѣсь безработныхъ больше, чѣмъ въ Америкѣ, и меньше, нежели въ Россіи. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ численности и состоятельности сельскаго населенія.

Въ Англіи сельское населеніе очень малочисленно и уже этого одного было бы достаточно, чтобы не цитировать примѣровъ Америки и Германіи. Кромѣ того, въ Ирландіи и Шотландіи сельское населеніе очень бѣдно. Никакой протекціонизмъ не создастъ здѣсь внутренняго рынка. Внутренній покупатель можетъ быть призванъ къ жизни и въ Англіи, но не покровительными пошлынами. Только возвращеніе подъ культуру обширныхъ территорій, нынѣ, по прихоти ихъ владѣльцевъ, занятыхъ лугами для скотоводства и лѣсами для охоты, могло бы дать толчекъ къ возрожденію внутренняго рынка, а затѣмъ, вообще, подъемъ благосостоянія обширныхъ трудящихся слоевъ населенія. Демократическій бюджетъ 1909 года и дѣлать первые шаги по этому пути, но эгоизмъ экономически господствующихъ классовъ заставилъ ихъ выдвинуть на авансцену борьбы никуда не годное по существу средство, но эффектное и способное на первыхъ порахъ произвести серьезное впечатлѣніе. Страшная экономическая сила, исчисляемая сотнями, а можетъ быть, и тысячами милліардовъ, ланлорды и крупная буржуазія Соединеннаго Королевства, сплотилась для борьбы съ демократіей и для соблазна малыхъ сихъ, кромѣ матеріальнаго давленія и денежныхъ ресурсовъ, пролила крокодиловы слезы надъ участію безработныхъ и недостаточно обезпеченныхъ и обѣщала все исцѣлить таможенною пошлыною.

Отмѣна veto лордовъ и демократическій бюджетъ—это было на выборахъ 1910 года платформою либераловъ, рабочихъ и націоналистовъ.

Протекціонизмъ явился платформою консерваторовъ: *соціализмъ или протекціонизмъ*, произнесъ Джозефъ Чэмберленъ, *другого нтъ выхода!*

Эти двѣ платформы и предстали на выборъ націи въ избира- тельной кампаніи съ 15 января по 3 февраля 1910 года.

Огромная сплоченность, огромные матеріальные ресурсы, огром- ная солидарная дѣятельность и столь же огромный и солидарный обманъ еще не вполнѣ сознательныхъ элементовъ избирательнаго корпуса составляли и могучую силу, и главную надежду консерва- торовъ.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ противоположномъ лагерѣ. Своимъ властнымъ поведеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также избирательными интригами противъ своихъ союзниковъ, либералы оттолкнули не только ирландскихъ націоналистовъ, но и рабочую партію, которая шла на выборы, исполненная чувства солидарно- сти съ своими либеральными союзниками.

Превосходная платформа, и не всегда достойное поведеніе, это—либералы.

Недостойная платформа и недостойное поведеніе, но цементи- рованная солидарностью, энергіей и богатствомъ, это—консерва- торы.

Результаты видны изъ нижеслѣдующей таблички.

Избрано было: въ 1910 г. въ 1906 г.

Въ Лондонѣ.

Либераловъ	25	38
Рабочихъ	4	4
Консерваторовъ . . .	33	20
S =	62	62

Въ городахъ.

Либераловъ	103	129
Рабочихъ	19	18
Націоналистовъ . . .	13	13
Консерваторовъ . . .	87	52
S =	222	222

Въ графствахъ.

Либераловъ. . . .	147	212
Рабочихъ	17	19
Націоналистовъ . . .	69	70
Консерваторовъ . . .	138	70
S =	371	371

Въ университетахъ.

Консерваторовъ . . .	9	9
----------------------	---	---

Итого.

Либераловъ. . . .	274	379
Рабочихъ	40	51
Націоналистовъ . . .	83	83
Консерваторовъ . . .	273	157
S =	670	670

Либералы потеряли 105 мандатовъ, рабочая партія—11. Консерваторы выиграли 116 мѣстъ. Они въ меньшинствѣ въ палатѣ общинъ, но настолько сильны, что могутъ импонировать и довольно рѣшительно вліять на ходъ событій. Перспективы либеральной партіи не важныя. Но объ этомъ ниже, а теперь dokonчимъ обзоръ выборовъ.

Соединенное Королевство (United Kingdom) состоитъ изъ четырехъ частей: англо-Саксонской Англіи (по числу избирателей и депутатовъ, превосходящей остальные вмѣстѣ), полу-саксонской полу-кельтической Шотландіи и совершенно кельтическихъ Ирландіи и Уэльса.

Англія съ Лондономъ имѣетъ 465 мандатовъ изъ 670, оставляя всего 205 для трехъ другихъ партнеровъ. На голосованіи 1910 года получены были въ Англіи слѣдующіе результаты:

Оказалось выбранными.

Либераловъ	185
Рабочихъ	33
Націоналистовъ.	1
Консерваторовъ.	229

Здѣсь не включены университеты и нѣкоторые избирательные округа, откуда еще нѣтъ детальныхъ свѣдѣній. Въ 1906 году Англія прислала 292 либераловъ и 45 рабочей партіи. На нынѣшнихъ выборахъ она отняла 107 мѣстъ у либераловъ и 12 у рабочихъ, передавъ ихъ консерваторамъ. Если бы чисто англійскій парламентъ засѣдалъ отдѣльно, то консерваторы противъ всѣхъ остальныхъ партій имѣли бы большинство десяти голосовъ, а съ пятью университетскими—даже пятнадцать.

Кельтическія составныя части Соединеннаго Королевства оказались болѣе стойкими въ своихъ программахъ. Онѣ сохранили колеблющееся большинство за коалиціей противъ лордовъ. Съ такимъ же исключеніемъ четырехъ университетовъ и нѣкоторыхъ запоздалыхъ округовъ даемъ слѣдующія данныя:

Въ Шотландіи.

Либераловъ	53
Рабочихъ.	2
Консерваторовъ.	9

Въ Уэльсѣ.

Либераловъ	24
Рабочихъ	3
Консерваторовъ.	2

Въ Ирландіи.

Либераловъ	1
Націоналистовъ	81
Консерваторовъ.	17

Итого.

Либераловъ	78
Рабочихъ	5
Націоналистовъ.	82
Консерваторовъ.	28

Въ заключеніе этого обзора выборовъ привожу изъ Daily News цифры поданныхъ голосовъ:

Противъ лордовъ	3	503	487
За лордовъ	3	095	616
Большинство противъ	—	497	871

II.

Противъ лордовъ высказалось большинство націи и послало парламентское большинство въ 124 голоса. Это несомнѣнная побѣда, но, можно думать, побѣда Пирра.

Либераловъ 274, консерваторовъ—273 (въ томъ числѣ 264 избранныхъ народомъ и 9 университетскихъ). Если бы обѣ партіи были другъ съ другомъ наединѣ, то такой составъ парламента требовалъ бы или новаго роспуска, или компромисса на основахъ status quo. Но партіи не наединѣ. Имъ соприисутствуютъ еще двѣ партіи съ 123 голосами. Прочная коалиція съ этими голосами или партіей хотя бы съ одною ирландскою можетъ дать постоянное большинство той или другой изъ борющихся партій.

Ирландцы на битву шли солидарно съ либералами. Ихъ лидеръ Редмондъ передъ выборами сказалъ рѣчь о необходимости союза съ либералами. Надо вмѣстѣ съ ними сломить палату лордовъ, а тогда либералы, уже дважды проведеніе гомруль-билль черезъ палату общинъ, конечно, не будутъ въ состояніи отказать ирландцамъ въ гомрулѣ. Они его дадутъ. Что касается бюджета, то въ этомъ между ирландцами не было согласія. И теперь изъ 83 ирландскихъ націоналистовъ, восемь противъ бюджета. За отмѣну veto лордовъ—всѣ. Избирательныя тренія очень охладили союзниковъ. Кромѣ того, ирландцы заподозрили либераловъ въ неискренности. Въ результатѣ почти разрывъ между обѣими партіями.

Гомруль, т. е. политическая автономія Ирландіи, это цѣль націоналистовъ. Отмѣна veto лордовъ—это средство. Но если лорды согласятся на гомруль? Тогда вѣдь можно veto имъ и оставить: вѣдь ирландскія дѣла будутъ рѣшаться не въ Лондонѣ, а въ Дублинѣ, и безъ лордовъ! И вотъ Редмондъ сразу завязываетъ переговоры и съ Асквитомъ, и съ Бальфуромъ. Лидеръ консерваторовъ склоненъ дать автономію. Онъ беретъ склонить къ тому же и палату лордовъ. Взамѣнъ того ирландцы соединяются съ консерваторами, вмѣстѣ низвергаютъ либеральное министерство и вмѣстѣ утверждаютъ бюджетъ 1910 года, какъ былъ до инициіа-

тивы Ллойда-Джорджа (т. е. приблизительно бюджет 1909 года). Дѣло, значить, за согласіемъ лордовъ на гомруль и за условіями дальнѣйшей коалиціи.

Съ Асквитомъ у Редмонда пошли совѣтъ инныя рѣчи. Вашъ демократическій бюджетъ мы поможемъ утвердить, но только послѣ того, какъ проведемъ anti-veto-bill. Такая постановка вопроса ирландцами совершенно понятна. Имъ прежде всего надобно устранить главное препятствіе гомрулю, лордовъ. Безъ этого націоналисты не согласны поддерживать министерство и оно осуждено на паденіе. Въ этомъ вопросѣ и рабочая партія солидарна съ націоналистами, потому что лорды стоятъ поперекъ дороги всякимъ демократическимъ начинаніямъ. И рабочіе такъ же, какъ и націоналисты, не довѣряютъ либераламъ, ихъ искренности и ихъ готовности до конца исполнить свои обѣщанія.

Это недовѣріе въ средѣ лѣвыхъ партій и есть Ахиллесова пята либеральнаго кабинета. Но есть еще и другая опасность. Король уже уклонился дать Асквиту обѣщаніе пригрозить лордамъ новыми назначеніями въ ихъ среду. *Пусть лорды опять отвергнутъ бюджетъ, тогда я могу это сдѣлать*, будто бы сказалъ Эдуардъ, а до тѣхъ поръ мое вниманіе не будетъ вполне конституціонно. Между тѣмъ, для исполненія кабинетомъ требованія ирландцевъ и рабочихъ о приоритетѣ anti-veto-bill'я необходимо обѣщаніе короля.

Такимъ образомъ, въ тиши происходятъ переговоры вождей и зрѣютъ важныя событія. Тянули нѣкоторое время съ тронною рѣчью, но пришлось, однако, ее прочесть передъ обѣими палатами. Король самъ читалъ, лорды сидѣли, члены палаты общинъ, со своимъ спикеромъ во главѣ, стояли за рѣшеткой, все, какъ во времена Джона Безземельнаго, хотя дѣйствительная реальная власть не у сидящихъ лордовъ, а у почтительно стоящихъ коммонеровъ.

Прочитанная въ понедѣльникъ 21 (8) февраля тронная рѣчь сначала, по обычаю коснулась внѣшней политики, констатируя отличныя отношенія со всѣми державами, сообщила объ успѣшной реформѣ законодательныхъ совѣтовъ въ британской Индіи и заявила о необходимости еще повысить расходы по морскому вѣдомству. Эта часть рѣчи была прослушана всѣми партіями съ удовлетвореніемъ. Жгучіе вопросы упомянуты въ концѣ рѣчи. Сначала о бюджетѣ. Потомъ о лордахъ, именно, указывается на серьезныя затрудненія, возникающія вслѣдствіе нерѣдкаго разногласія между Верхнею и Нижнею палатами. Тронная рѣчь говорить, что будутъ внесены «предложенія, направленные къ точному опредѣленію отношеній между обѣими палатами въ томъ смыслѣ, что палатѣ общинъ предоставляется полная компетенція въ финансовыхъ вопросахъ и превосходство въ отношеніи законодательства».

Асквитъ въ обстоятельной рѣчи дополнилъ лаконизмъ тронной

рѣчи. Премьеръ заявилъ, что главною задачею настоящей сессіи правительство ставить вопросы о бюджетѣ и о правѣ veto палаты лордовъ. Впереди будетъ выдвинутъ вопросъ о veto. Палатѣ общинъ будутъ предложены резолюціи по этому вопросу. Только послѣ того, какъ палата общинъ ясно и точно въ этихъ резолюціяхъ выскажетъ свой взглядъ, будетъ направленъ въ палату лордовъ бюджетъ съ дарованіемъ ему обратной силы, а резолюціи будутъ уже въ формѣ спеціального билля внесены на разсмотрѣніе парламента. «Правительство,—сказалъ Асквиль,—связываетъ свою судьбу съ судьбою этихъ двухъ биллей».

За Асквитомъ говорилъ Редмондъ. Онъ заявилъ, что ирландцы поддержать кабинетъ и согласятся теперь же утвердить бюджетъ, если кабинетъ обѣщаетъ, что anti-veto-bill станетъ закономъ уже въ этомъ году. А можетъ ли это обѣщать Асквиль? Король уже заговорилъ. Именно здѣсь и видна черная точка всего политическаго положенія. Заявленіе Редмонда показываетъ, что соглашеніе съ нимъ еще не достигнуто. Въ этомъ опасность.

Бальфуръ по жгучимъ вопросамъ пока молчитъ. Закулисные переговоры, очевидно, не закончены. Бальфуръ ограничился тѣмъ, что выразилъ удовольствіе по поводу той части тронной рѣчи, въ которой упоминалось о необходимости увеличить расходы по морскому вѣдомству. Извѣстно, что нападки на недостаточную заботливость либеральнаго кабинета о морской оборонѣ британскихъ острововъ служили въ рукахъ консерваторовъ однимъ изъ ихъ козырей во время избирательной борьбы.

Телеграммою агентства Рейтера отъ 23 (10) февраля с. г. сообщается, что Редмондъ сдѣлалъ новое заявленіе о положеніи, которое займетъ ирландская національная партія по отношенію къ кризису, переживаемому министерствомъ Асквита. Редмондъ сказалъ, что въ настоящемъ фазисѣ кризиса націоналисты не будутъ дѣлать затрудненій правительству. Такое же заявленіе сдѣлали и авторитетные вожди рабочей партіи. Иначе говоря, Асквиль и его министерство не будутъ теперь низвергнуты. Имъ дается срокъ выполнить ихъ программу, которая является и программой націоналистовъ и рабочихъ. Эти партіи хотятъ испытать степень искренности либераловъ, увѣренность въ которой поколеблена избирательными махинаціями.

Назначить ли король необходимое число новыхъ лордовъ для проведенія черезъ верхнюю палату финансоваго билля (бюджета) и anti-veto-bill'я—въ этомъ весь вопросъ. Отказъ короля въ такомъ назначеніи не былъ бы явнымъ нарушеніемъ писанной конституціи, но явнымъ нарушеніемъ всѣхъ конституціонныхъ традицій британскаго парламентаризма. Рѣшится ли на это Эдуардъ VII, до сихъ поръ образецъ лояльности и конституціонной корректности?

Діагнозъ кризиса довольно отчетливо выяснился. Прогнозъ—затруднителенъ.

III.

Дѣла на Ближнемъ Востокѣ развиваются въ опасномъ направленіи. Центромъ опасности является все та же несчастная Греція съ военнымъ бунтомъ во главѣ управленія. Министерство Мавромихалиса, поставленное самою военною лигою, было низвергнуто этою лигою за недостаточное послушаніе распоряженіямъ офицерскаго комитета. На его мѣсто, по требованію этого комитета, было назначено министерство Драгумиса, при чемъ военнымъ министромъ назначенъ глава военной лиги Сорбасъ. Былъ созванъ безгласный парламентъ, который утвердилъ созывъ національнаго (учредительнаго) собранія, но, согласно настоятельному совѣту державъ, назначилъ выборы на осень 1910 года. Державы этого потребовали съ цѣлью дать успокоиться возбужденію и въ надеждѣ, что это успокоеніе лишитъ критскій вопросъ опаснаго и остраго значенія. Однако, господамъ офицерамъ военной лиги это не понравилось и они выступили съ требованіемъ, чтобы выборы въ національное собраніе были произведены немедленно.

Между тѣмъ, Турція приняла всѣ необходимыя предварительныя мѣры, чтобы нанести грекамъ серьезный ударъ въ случаѣ, если бы національное собраніе приняло въ свой составъ критскихъ депутатовъ и тѣмъ признало бы присоединеніе Крита къ греческому королевству. Сто пятьдесятъ тысячъ отборнаго турецкаго войска сосредоточено на горахъ Олимпа и въ долинѣ Быстрицѣ, отлично вооруженнаго и снабженнаго. Войска продолжаютъ прибывать, и греческая граница обкладывается все тѣснѣе и тѣснѣе. Въ Эпирѣ военныя приготовленія носятъ преимущественно оборонительный характеръ (хотя албанцы къ чему то готовятся), но въ Фессаліи турки намѣрены быстрымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ нанести ударъ всѣмъ шовинистскимъ замысламъ господствующей въ Аѣинахъ военной партіи. Таково заявленіе турецкихъ министровъ, и едва ли какая-либо держава пожелаетъ имъ помѣшать въ этомъ. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, что созданное немедленно національное собраніе приметъ въ свою среду критскихъ депутатовъ и приведетъ къ военному конфликту съ Турціей.

Греки тоже готовятся къ войнѣ. Ихъ армія тоже сосредоточена въ Фессаліи съ главною квартирою въ Лариссѣ, съ корпусными квартирами въ Кардитѣ, Воло и Лариссѣ. Если армія укомплектована, то три корпуса составятъ съ добровольцами (всегда многочисленными въ Греціи) до 110—115 тыс. храбраго и патріотическаго войска, но значительныя силы оставлены въ Аѣинахъ и отряды въ разныхъ частяхъ страны. Военная лига не довѣряетъ

населенію. Поэтому тысячъ 30—35 не выведены въ Фессалію. Кромѣ того, отъ 10 (23) февраля сообщаютъ, что Драгумисъ сдѣлалъ распоряженіе по ессалійскимъ желѣзнымъ дорогамъ о постоянной готовности поѣздовъ въ Лариссъ, Воло и Кардитъ для перевозки войскъ въ Аѳины и другія ненадежныя мѣста. Затѣвать внѣшнюю войну и готовиться къ междоусобной,—таковъ тотъ опасный тупикъ, куда завела греческую націю военная лига, продолжающая свою тираннію. Она не дозволила королю повидаться со старшимъ сыномъ, наслѣдникомъ Константиномъ. Она деспотически диктуетъ парламенту законы. Она уже вызвала протестующее движеніе во флотъ и манифестаціи протеста въ Аѳинахъ. Манифестантамъ она грозитъ военной репрессіей.

И здѣсь діагнозъ давно ясенъ. Прогнозъ установить невозможно.

У Турціи были непріятности съ Болгаріей, но, кажется, совершенно улажены, и съ этой стороны новому турецкому режиму опасности, повидимому, не предвидится. Была, однако, тревожная телеграмма, что не только въ Аравіи, но и въ Сиріи и въ Месопотаміи арабы встаютъ противъ турковъ. Телеграмма эта, однако, не изъ Дамаска или Бейрута, но изъ Берлина и можетъ оказаться уткой. Утиный заводъ въ берлинской прессѣ довольно обширный. Во всякомъ случаѣ, прошло нѣсколько дней, а фактовъ въ этомъ направленіи не огласилось. Надо помнить все таки, что столкновение между арабами и турками возможно. Надо помнить такъ же, что кромѣ 250 тысячъ низами (войска первой линіи, всегда подъ ружьемъ), турки имѣютъ еще 400—650 тысячъ редифа, составляющаго войска 2-ой линіи, такъ же хорошо обученныя, какъ и низамъ, а затѣмъ еще ополченіе (ихтіагъ и мустахфизъ). Даже соединеннымъ грекамъ и арабамъ не сломить турецкія вооруженныя силы, но соединеніе арабовъ и грековъ едва ли мыслимо. Именно въ Сиріи они постоянно враждуютъ. За всѣмъ тѣмъ для самой Турціи и ея новаго режима было бы лучше не столько полагаться на свою военную силу, сколько справедливымъ признаніемъ національныхъ правъ арабовъ привязать ихъ къ общему отечеству. Константинопольское правительство уже допустило въ этомъ отношеніи аналогичную ошибку въ Македоніи и восстановило противъ себя македонскихъ болгаръ. Въмѣсто реформъ, которыхъ все еще ожидаетъ Македонія, пущены были въ ходъ репрессія, военныя экспедиціи, висѣлицы, а это вызвало новое этническое движеніе...

Во всякомъ случаѣ, несмотря на тучи, появившіяся на горизонтѣ Ближняго Востока и на зловѣщіе слухи по поводу этихъ тучъ, покада дѣла на этомъ Востокѣ надо признать сносно удовлетворительными. Кровь еще не льется, не гремятъ пушки, не горятъ города и села. И есть надежда избѣгнуть всѣхъ этихъ горестныхъ перспективъ. Пусть воронье, котораго всегда найдется, зловѣще каркаетъ, но, можетъ быть, все ограничится нашествіемъ

утокъ на вѣнскія и берлинскія газеты (иногда и на другія), испуганныхъ карканьемъ хищниковъ. Воронье усердно каркаетъ и про дѣла Дальняго Востока. Намъ все хотять убѣдить, что весною разразится вторая русско-японская война, къ которой присоединится и русско-китайская.

Усердно въ этомъ смыслѣ каркаютъ изъ Берлина, но еще усерднѣе изъ нѣкоторыхъ петербургскихъ редакцій, до 1904 года собиравшихся Японію шапками закидать, а нынѣ празднующихъ труса передъ тою же Японіею и съ ужасомъ всякій мелкій симптомъ толкующихъ, какъ надвигающуюся грозу. Такъ, изъ Харбина *Новому Времени* отъ имени биржевого комитета телеграфируютъ: «Съ новаго года китайцы запретили подвозъ хлѣба на желѣзную дорогу. Хлѣбная компанія сорвана, убытки нечислимые. Русской колоніи грозитъ голодъ; войсковые поставщики расторгли контракты; снабженіе Пріамурья прекратилось. Зимующіе здѣсь (и въ Благовѣщенскѣ) пароходы остались безъ грузовъ, а уссурійскія мельницы безъ зерна». Газета бьетъ тревогу. Трусы празднуютъ труса. Ясно, что весною будетъ война! Между тѣмъ, дѣло разъяснилось проще. Въ Манчжуріи большой неурожай, многимъ мѣстностямъ угрожаетъ голодъ, въ виду чего китайское правительство и воспретило вывозъ хлѣба изъ Манчжуріи. Затѣмъ, по представленію русской дипломатіи, китайцы разрѣшили временно подвозъ изъ нѣкоторыхъ менѣе пострадавшихъ мѣстностей. Азартъ былъ совершенно напрасный.

Быть можетъ, однако, этотъ случай послужитъ урокомъ русской администраціи, которая забыла пословицу: «На чужой караванъ рта не разѣвай». Подъ бокомъ Забайкалья, гдѣ всегда хлѣба достаточно. Оно и кормило сначала Пріамурье. Оно же дастъ теперь и пищу пріамурскому населенію, и грузы пароходамъ. Не все ли равно пароходчикамъ, вести зерно нерчинскаго или гиринскаго происхожденія? Позади Забайкалья лежатъ Восточная и Западная Сибирь, давно ищущія рынковъ для своего хлѣба. Желѣзная дорога его доставитъ въ Пріамурье. Наконецъ, моремъ можетъ быть доставленъ хлѣбъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Австраліи. Надо только немного заботы...

Нѣкоторая черная точка на Дальнемъ Востокѣ видна со стороны Цзинь-Чжоу-Айгунской желѣзной дороги. Извѣстно, что китайское правительство уже даровало концессію на сооруженіе этой линіи американской компаніи. Россія и Японія протестовали, Англія ихъ поддержала, но послѣдніе извѣстія изъ Вашингтона гласятъ, что американская компанія, опираясь на полученную концессію, готовится приступить къ сооруженію дороги. Отъ Цзинь-Чжоу до Цицикара препятствій не встрѣтится, но у Цицикара, много не доходя, надо будетъ перейти полосу отчужденія восточно-китайской желѣзной дороги (какъ официально именуется манчжурка). Здѣсь могутъ возникнуть тренія, но не съ японцами, а съ

американцами. До разрыва дѣла, конечно не дойдетъ, а будетъ найденъ компромиссъ. Весьма вѣроятно, что онъ будетъ найденъ и до начала постройки.

IV.

Венгерскій кризисъ продолжаетъ развиваться. Кунъ-Хедервари теперь работаетъ надъ подготовкою выборовъ, которые дальше осени отложить нельзя, не дѣлая государственнаго переворота. Самъ первый начавшій въ бытность хорватскимъ баномъ серію нарушенийъ хорватской автономіи, теперь онъ началъ свою министерскую дѣятельность съ отставки бана Рауха, особенно ненавистнаго хорватамъ, которыхъ сеймъ онъ разогналъ и, пріостановивъ дѣйствіе конституціи, управлялъ бюрократически и произвольно. Конечно, Раухъ исполнялъ волю императора Франца-Иосифа, но эта политика все таки связана съ его именемъ, да и не всякій бы и взялся проводить ее въ жизнь. Раухъ взялся, и вотъ Кунъ-Хедервари его перваго приносить въ жертву, отставляетъ отъ должности, а конституцію возстановляетъ въ силѣ. Будутъ выборы, соберется Загребскій сеймъ и Кунъ-Хедервари можетъ надѣяться, что хорваты приплюютъ въ Будапештскій сеймъ депутатовъ, склонныхъ поддерживать его политику. Divide et impera, давно сказано.

Хорваты, послѣ мадьяръ, самая сильная и сплоченная національная группа. Ими заручиться не худо. Нѣмцы будутъ поддерживать Куна ради своего кайзера. Но вѣдь надо же и мадьяръ. Графу удалось сговориться со Стефаномъ Тиссой, который собралъ вокругъ себя остатки бывшей либеральной партіи, которая четверть вѣка стояла во главѣ правительства и ладила съ Вѣной. Ея уступчивость Вѣнѣ и цѣлый рядъ скандальныхъ разоблаченій и повели къ ея распаденію. Теперь Тисса и Хедервари вновь ее организовали, и она составила ядро будущей министерской партіи. Затѣмъ она усилилась распаденіемъ такъ называемой конституціонной партіи. Лидеръ этой послѣдней гр. Андраши дѣйствовалъ въ продолженіе кризиса солидарно съ вождями другихъ партій и вмѣстѣ съ Бекерле, Анновы, Кошутомъ и Юстомъ требовалъ отдѣльнаго венгерскаго банка и таможенной автономіи. Однако, въ его партіи нашлись недовольные позиціей, занятой графомъ Андраши. Когда съорганизовалась «либеральная» партія, то этихъ недовольныхъ оказалось уже большинство и на собраніи партіи рѣшено ее упразднить. Значительное большинство вошло въ составъ партіи Стефана Тиссы. Бывшіе либералы, бывшіе конституціоналисты, хорваты и нѣмцы, вотъ тѣ элементы, на которыхъ Хедервари можетъ опереться на выборахъ.

Императоръ Францъ-Иосифъ даровалъ Босніи и Герцеговинѣ конституцію, жалкую хартію, исполненную противорѣчій и стремленіемъ поселить раздоръ между разными группами населенія.

Полнаго текста ея мы еще не имѣемъ и вернемся еще къ этому событію, если это потребуется, когда получимъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Императоръ издалъ эту хартію отъ своего только имени, какъ неограниченный монархъ аннексированныхъ провинцій, но уже раздались протесты, что актъ долженъ былъ пройти и черезъ вѣискій, и черезъ будапештскій парламентъ.

Въ Пруссіи внесенъ въ ландтагъ законопроектъ объ избирательной реформѣ, вызвавшій справедливое негодованіе всѣхъ культурныхъ слоевъ Германіи. Берлинскій кайзеръ конкурируетъ съ вѣискимъ въ насажденіи реакціи. Событія эти еще не выяснились.

С. Южаконъ.

Крушеніе уральской горной промышленности.

На Уралѣ среди горно-рабочаго населенія развивается голодовка, которая угрожаетъ охватить весь горнозаводскій районъ. Тамъ происходитъ, повидимому, полное крушеніе старой горнозаводской промышленности. Удѣлѣтъ, вѣроятно, лишь немногія отдѣльныя предпріятія. Въ настоящее время нѣкоторые заводы уже закрыты, остальные сократили производительность или готовятся ликвидировать дѣло. Въ будущемъ,—при дальнѣйшемъ сокращеніи производства и по мѣрѣ продаванія рабочими своего имущества (продаются скупщикамъ избы, усадьбы, скотъ),—положеніе ихъ будетъ прогрессивно ухудшаться.

Конечно, для Россіи голодовки — не новость: крестьяне земледѣльческихъ мѣстностей почти ежегодно голодаютъ то здѣсь, то тамъ. Но все же, какъ ни ужасна крестьянская голодовка, она прекращается съ наступленіемъ новаго урожая. Голодовкѣ горно-рабочихъ не предвидится конечнаго срока даже и въ отдаленномъ сравнительно будущемъ, потому что когда вырастетъ на развалинахъ старой новая промышленность—никому не извѣстно. Переходъ же горнозаводскихъ мастеровыхъ къ какимъ-либо другимъ заработкамъ въ ближайшемъ будущемъ не возможенъ, потому что, благодаря практиковавшейся почти до послѣднихъ дней политикѣ пресѣченія всякихъ «постороннихъ» занятій въ предѣлахъ заводскихъ округовъ (дабы населеніе не отвлекалось отъ заводскихъ работъ), здѣсь почти не существуетъ никакой промышленности, кромѣ горной. Это преслѣдованіе «постороннихъ» занятій было столь сурово и настойчиво, что, напримѣръ, огнедѣйствующія кустарныя производства воспре-

Февраль. Отдѣлъ I.

щались безусловно *). Поэтому гвоздарни, слесарни, кузницы, гончарныя и т. п. заведенія считались преступнымъ дѣломъ и, если кое-гдѣ возникали, то подѣ страхомъ разгрома. Теперь отношеніе къ кустарной промышленности измѣнилось. Во имя интересовъ заводскаго дѣла она уже не преслѣдуется, наоборотъ, — теперь говорятъ о необходимости развитія мѣстныхъ металлообрабатывающихъ промысловъ для расширенія сбыта заводскихъ продуктовъ. Но послѣдствія многолѣтней политики «пресѣченія» не такъ-то легко вычеркнуть изъ жизни. По щучьему велѣнію безработный мастеровой безъ денегъ, кредита и орудій производства не превратится въ промышленника, хотя бы и мелкаго, и потому едва ли стоитъ говорить о такомъ чудесномъ превращеніи, какъ о средствѣ спасенія горнорабочихъ отъ голодовки.

Затрудненія, переживаемыя уральской горной промышленностью, хотя и называютъ почему то «кризисомъ», но въ сущности никакого сходства съ кризисомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова они не имѣютъ. Дѣло въ томъ, что кризисы, время отъ времени испытываемые отдѣльными отраслями промышленности, являются слѣдствіемъ перепроизводства продуктовъ. Для Урала корень зла заключается не въ производствѣ, а въ технической отсталости заводовъ, въ неумѣлой организаціи дѣла, и вообще въ непригодности предпріятій для жизни въ нормальныхъ условіяхъ. Уральскій кризисъ это — расплата за 2 вѣковую монополію и за чрезмѣрную покровительственную политику, которая, съ одной стороны, стоила потребителямъ и казнѣ миллиарды рублей, а съ другой — до такой степени усыпила энергію предпринимателей и остановила техническій прогрессъ заводовъ — подачками, льготами, запретительными таможенными пошлинами и т. п. мѣрами, — что при первомъ же появленіи внутренняго конкурента, зародившагося по сую сторону таможенной стѣны, Уралъ оказался совершенно передъ нимъ беззащитнымъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что легкой побѣдѣ надъ Ураломъ новоявленнаго конкурента много способствовало чудовищное мотовство уральскихъ магнатовъ, безпощадно расточавшихъ извлекаемые изъ предпріятій богатства, не заботясь ни о запасныхъ фондахъ на черные дни, ни о техническихъ улучшеніяхъ заводовъ.

«Внутреннимъ врагомъ», вызвавшимъ уральскій кризисъ, явилась южно-русская металлургическая промышленность, зародившаяся въ концѣ 1870-хъ годовъ минувшаго столѣтія и съ тѣхъ

*) Въ казенныхъ заводахъ — закономъ (ст. 11 положенія о населеніи казенн. горн. зав.), а въ частныхъ — практикой, произвольно распространившей это запрещеніе на все заводское населеніе Урала. Остальныя (не огнедѣйствующія) мелкія и кустарныя производства воспрещались на многихъ частныхъ и посс. заводахъ особыми условіями, прилагавшимися къ уставнымъ грамотамъ.

поръ быстро развивавшая свою производительность. До самаго послѣдняго времени уральскіе магнаты не усматривали, однако, въ этомъ новомъ горнозаводскомъ районѣ ближайшей для себя опасности и не готовились къ ея отраженію. Можетъ быть, имъ было трудно представить возможность крушенія тѣхъ порядковъ, которые держались съ Петровскаго времени неизбежно. А сущность этихъ порядковъ заключалась въ томъ, что заводчики были всегда господами рынка и изготовляли продукты, какіе хотѣли и какъ хотѣли, продавали свои продукты, опять-таки кому хотѣли, и цѣны брали, какія имъ угодно было установить. Покоились такіе порядки на томъ фактѣ, что производительность русскихъ металлургическихъ заводовъ всегда отставала отъ спроса, и послѣдній никогда не удовлетворялся сполна. Съ начала 1900 годовъ положеніе мѣняется. Въ эти годы, благодаря южной промышленности, производство догнало спросъ и въ результатѣ явилось небывалое и невиданное до сего времени зрѣлище конкуренціонной борьбы между двумя горнозаводскими районами, въ результатѣ которой Уралъ оказался побѣжденнымъ, при чемъ выяснилось, что большинство уральскихъ предприятий могло существовать только въ искусственной атмосферѣ и совершенно неспособно къ жизни въ нормальныхъ условіяхъ,—за невозможностью для нихъ вырабатывать достаточно дешевые продукты. Для того, чтобы возродиться, Уралъ долженъ заново перестроиться и заново переорганизоваться. Когда и при какихъ обстоятельствахъ начнется это переустройство—предугадать невозможно. Во всякомъ случаѣ, въ ближайшіе годы этого ожидать нельзя.

Такимъ образомъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ населенія уральскаго горнаго района является чрезвычайно серьезнымъ и при томъ неотложнымъ вопросомъ. Правительство,—каково бы ни было его отношеніе къ трудовымъ классамъ,—не можетъ остаться къ нему безучастнымъ, не можетъ хотя бы потому, что ужасы вымиранія миллионнаго населенія слишкомъ ужъ сильно ударили бы по нервамъ и, кромѣ того, привлекли бы къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Съ другой стороны, уральскіе горнорабочіе имѣютъ особое основаніе рассчитывать на помощь со стороны государства. Это особое основаніе заключается въ томъ, что они были поставлены законами государства и органами государственной власти въ совершенно исключительныя условія, съ цѣлью прикрѣпленія ихъ къ заводамъ, при чемъ судьба мастеровыхъ на мѣренно связывалась крѣпкими путами съ заводскимъ производствомъ для предупрежденія недостатка рабочихъ рукъ. Изъ этихъ именно соображеній мастеровымъ не были даны земельные надѣлы при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости (кромѣ усадьбы, 200 кв. саж. выгона и 1 дес. покоса на ревизскую душу), и по той же причинѣ ставились препятствія къ развитію среди заводскаго населенія промышленныхъ производствъ и кустарныхъ промысловъ.

Ясно, что, предпринимая политику искусственного прикрѣпленія горнорабочаго населенія къ заводамъ, правительство возлагало на себя и отвѣтственность за послѣдствія этой политики.

Исходя изъ этой отвѣтственности, принятой на себя государствомъ, не трудно доказать право уральскихъ горнорабочихъ на помощь съ его стороны болѣе существенную, чѣмъ продовольствіе хлѣбомъ (или деньгами) въ теченіе года изъ расчета по 2 пуда на взрослого и по 1 пуду на малолѣтняго ежемѣсячно, о чемъ говорилъ министръ торговли и промышленности въ отвѣтъ на запросъ Государственной Думы по поводу Нижнетагильскихъ поссес-заводовъ. Изъ помянутаго отвѣта министра торговли и промышленности, къ сожалѣнію, можно усмотрѣть лишь то, что правительство не сознаетъ всей тяжести этой отвѣтственности, которая усугубляется тѣмъ, что къ моменту катастрофы, такъ долго подготавливавшейся, у него (правительства) не оказалось никакого плана дѣйствій, кромѣ шаблонной мѣры прокорма голодающихъ въ теченіе года, какъ будто по прошествіи этого года явится откуда-то изобиліе плодовъ земныхъ. На самомъ же дѣлѣ слѣдующій за прокормомъ годъ только ухудшитъ положеніе.

Многое можно было бы сказать о томъ, что именно слѣдуетъ предпринять для предупрежденія надвигающагося бѣдствія за счетъ обязательствъ, вытекающихъ изъ принятой на себя государствомъ отвѣтственности за дальнѣйшую судьбу уральскаго горнорабочаго населенія, но касаться этого вопроса теперь я не буду. Цѣль настоящей замѣтки гораздо скромнѣе. Не о затратахъ государства на поддержаніе этого населенія я буду говорить и не о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы обезпечить ему приложеніе своего труда, а только о томъ, чтобы государство оказало дѣйствительную защиту голодающему населенію отъ хищническихъ посягательствъ на то достоиніе, какое у послѣдняго имѣется, и на тѣ имущественныя права, которыми оно располагаетъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ такое ужъ слишкомъ скромное желаніе, потому что вѣдь всѣ и каждый могутъ требовать подобной защиты отъ государства и отказать въ ней оно никому не можетъ. Между тѣмъ вопросъ о дѣйствительной защитѣ достоинства и имущественныхъ правъ населенія этой окраины вовсе не пустой вопросъ. Убѣдиться въ томъ, что это не пустой, а, можетъ быть, одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ мѣстной жизни, не трудно, хотя бы сравненіемъ тѣхъ средствъ защиты, которыми располагаютъ горнозаводскіе крестьяне съ вооруженіемъ посягателей на ихъ достоиніе и имущественныя права—заводовладѣльцевъ. Первые не имѣютъ ни денежныхъ средствъ, ни вліятельныхъ покровителей, у нихъ нѣтъ въ услуженіи ни опытныхъ юристовъ, ни благосклонно относящагося къ нимъ мѣстнаго начальства. Уральскіе заводовладѣльцы имѣютъ все это въ избыткѣ. Прежде всего многіе изъ нихъ сами достаточно вліятельные люди, нѣтъ у нихъ

недостатка ни въ высшихъ покровителяхъ, къ которымъ можно смѣло забѣгать съ задняго крыльца въ нужную минуту, ни въ наемныхъ перьяхъ и законникахъ. Заводчики собираются въ сѣзды, имѣютъ постоянное бюро. Они объединяются въ профессиональные союзы и синдикаты, участвуютъ во всероссійской организаціи фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ одномъ только они чувствуютъ теперь недостатокъ—въ деньгахъ. Но если ихъ нѣтъ для расплаты съ рабочими, то на судебныя и другія тяжбы съ населеніемъ деньги у нихъ всегда находятся. Все это въ общемъ составляетъ такое солидное вооруженіе, предъ которымъ защитныя средства населенія совершенно ничтожны и не спасаютъ его даже отъ такихъ посягательствъ, которыя по своему существу явно нелѣпы. Напримѣръ, захотѣли заводчики, чтобы лѣсъ, растущій на собственной землѣ крестьянъ, принадлежалъ имъ, заводчикамъ, и эта юридическая нелѣпость сейчасъ же воспріила силу. Такой лѣсъ сталъ считаться собственностью заводчиковъ. Послѣ рѣшенія вопроса въ этомъ именно смыслѣ мѣстнымъ губернскимъ присутствіемъ настоящихъ собственниковъ настойчиво преслѣдовали за «самовольныя» порубки на ихъ же землѣ. Случалось, сажали въ тюрьму только за то, что эти злосчастные земельные собственники свозили срубленный заводууправленіемъ на ихъ участкахъ лѣсъ къ себѣ на храненіе, не взирая на то, что эта процедура передачи на храненіе совершалась по распоряженію сельскаго старосты и въ присутствіи понятыхъ. Мало того, земскіе начальники увольнялись за то, что они осмѣливались *иногда* оправдывать «порубщиковъ», заготовлявшихъ дрова на своихъ собственныхъ участкахъ, опять-таки несмотря на то, что оправданія допускались только въ тѣхъ случаяхъ, когда «преступленіе», по мнѣнію этихъ земскихъ начальниковъ, было не доказано *).

Другой случай: захотѣло Н. Тагильское заводууправленіе провести желѣзную дорогу, которая по проекту шла мѣстами черезъ чужіе (крестьянскіе) участки, черезъ чужіе дома и по улицамъ селеній, и такъ какъ это происходило на Уралѣ, то заводууправленіе, конечно, не спрашивало согласія владѣльцевъ этихъ участковъ, домовъ и жителей селеній, а собственной властью утвердило проектъ и привело его въ исполненіе. На сколько помнится, протестовъ противъ такого своеобразнаго отношенія къ чужой собственности было немного, да и тѣ пришлось взять обратно. Такъ, напримѣръ, торговецъ, у котораго снесли каменный домъ, начиналъ было судебный процессъ, но въ виду того, что онъ былъ торговецъ желѣзомъ и находился въ зависимости отъ завода (тогда заводчики еще господствовали надъ рынкомъ и съ покупателями не церемонились), предпочелъ въ концѣ концовъ не ссориться съ заводууправленіемъ...

*) Рѣшеніемъ сената, отмѣнивашаго упомянутое постановленіе губернскаго присутствія, прекратило эту вакханалію.

Подобныхъ случаевъ въ жизни края такъ много, и въ массѣ своей они составляютъ такую душливую и развращающую атмосферу, что, можно сказать, имущественныя права населенія ограничены тамъ болѣе, чѣмъ слабо.

Вотъ почему затронутый мною вопросъ оказывается не празднымъ, а, напротивъ, чрезвычайно важнымъ и насущнымъ вопросомъ для этого края.

Въ данный моментъ владѣльцы уральскихъ заводовъ продолжаютъ походъ противъ чрезвычайно цѣнныхъ для населенія правъ, предоставляемыхъ ему закономъ 3 декабря 1862 года. Эти права заключаются въ томъ, что въ случаѣ закрытія завода или уменьшенія его производительности мастера получаютъ земельныя надѣлы изъ заводской дачи по высшей нормѣ, установленной для крестьянъ помѣщичьихъ и, во 2-хъ, годовое продовольствіе за счетъ заводовладѣльца (въ томъ случаѣ, если послѣдній не предупредитъ о предполагаемомъ закрытіи завода мастеровыхъ и мѣстнаго земскаго начальника за годъ впередъ). Въ настоящее время, когда предстоитъ закрытіе многихъ заводовъ, законъ 1862 года заводчики находятъ очень для себя неудобнымъ, и потому выдвигаютъ проектъ «добровольнаго» надѣленія горнозаводскихъ крестьянъ землей, но, конечно, на совѣтъ другихъ основаній и при условіи отмѣны неудобнаго для нихъ закона 3 дек. 1862 г. Проектъ этотъ уже выработанъ, и, можетъ быть, вскорѣ же будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Гос. Думы. Въ свое время я ознакомлю читателей съ его содержаніемъ, а теперь останавливаться на немъ не буду.

При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости мастерамъ частныхъ и посессионныхъ заводовъ закономъ 19 февр. 1861 г. было дано земли, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, очень немного, — всего по 1 дес. покоса на рев. душу, 200 кв. саж. выгона да усадебное мѣсто. Съ изданіемъ положенія «объ окончательномъ выкупѣ» мастера получили право собственности на свои скудныя участки. Казалось бы, дѣло кончено, и права крестьянъ на эти земли навсегда за ними укрѣплены.

На самомъ дѣлѣ происходитъ совсѣмъ другое. Въ первой половинѣ 1908 года, т. е. по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ укрѣпленія надѣльных участковъ за населеніемъ на правѣ собственности, одно изъ посессионныхъ заводоуправленій — Алапаевское предъявляетъ къ мѣстному земскому начальнику требованіе объ обязательномъ обмѣнѣ надѣльных покосовъ, предоставленныхъ мастерамъ Нейво-Шайтанскаго завода положеніемъ 19 февраля 1861 г. (т. е. тѣхъ самыхъ, которые состоятъ у послѣднихъ на правѣ собственности). Имѣя въ виду безспорныя права собственности мастеровыхъ на землю и руководствуясь рѣшеніями сената по аналогичнымъ дѣламъ, земскій начальникъ отказалъ заводоуправленію въ этой претензіи. Губернское присутствіе также при-

няло на сей разъ сторону крестьянъ. Наконецъ, 2-й департаментъ сената, куда было перенесено дѣло, оставилъ жалобу заводоуправленія безъ послѣдствій.

Опять-таки вопросъ казался бы конченъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло министръ внутреннихъ дѣлъ, по протесту котораго оно переносится въ общее собраніе сената для пересмотра. Рѣшеніе этой послѣдней инстанціи будетъ окончательнымъ. Послѣдуетъ оно вскорѣ же, можетъ быть, въ теченіе этого мѣсяца.

Я не знаю, изъ какихъ побужденій министръ вн. дѣлъ вступилъ за поправныя, по его мнѣнію, права заводоуправленія, но почему заводоуправленіе заинтересовалось покосами мастеровыхъ, мнѣ извѣстно.

Оказывается, не только одно Алапаевское заводоуправленіе предъявило претензію объ обязательномъ обмѣнѣ надѣльных покосовъ. Такую же претензію предъявило къ своимъ мастеровымъ и соседнее Нижне-Тагильское заводоуправленіе. Мнѣ болѣе извѣстны обстоятельства дѣла, касающіяся Висимо-Шайтанскаго завода Н. Тагильскаго посессионнаго округа. Поэтому, изболѣвая подкладку дѣла и подлинную сущность его, я буду имѣть въ виду именно эту мѣстность.

Алапаевскій и Нижне-Тагильскій посессиональные округа находятся въ районѣ мѣсторожденія платины. Какъ извѣстно, кромѣ этого района, платины нѣтъ ни въ одной мѣстности земного шара (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, гдѣ платина добывается въ ничтожныхъ количествахъ). Можно сказать, этотъ районъ, находящійся на среднемъ Уралѣ, является поставщикомъ платины для всего міра. Хотя платиносодержащія земли расположены въ Россіи, но торговля этимъ рѣдкимъ металломъ находится въ рукахъ заграничнаго синдиката «Платина». Имѣетъ ли какое-нибудь отношеніе къ настоящему дѣлу синдикатъ «Платина»,—мнѣ неизвѣстно. Но заводоуправленія весьма заинтересованы тѣмъ, чтобы всѣ платиносодержащія земли находились въ ихъ рукахъ. На покосахъ же мастеровыхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, послѣдніе открыли присутствіе платины и стали ихъ разрабатывать. Многіе, однако, предпочли пока не обнаруживать своего открытія, справедливо опасаясь, что землю у нихъ могутъ отобрать. Для того, чтобы отнять эти платиновые розсыпы заводоуправленія, дѣйствительно, не остановились предъ юридическими трудностями этого предпріятія и начали дѣло объ обязательномъ обмѣнѣ платиносодержащихъ покосовъ на пустыя земли.

Такимъ образомъ существо этого дѣла очень просто и побужденіе заводоуправленія вполне ясно: ему нужно захватить чужіе платиновые розсыпы.

Чтобы оцѣнить значеніе для населенія В. Шайтанскаго завода ожидаемаго рѣшенія сената, надо имѣть въ виду, что у мастеровыхъ этого завода, кромѣ добычи платины на своихъ покосахъ

никакихъ другихъ источниковъ заработка нѣтъ, т. к. горный заводъ съ начала 1908 года закрытъ.

Формальная же сторона претензіи заводоуправленія на обмѣнъ покосовъ (только эта формальная сторона и составляетъ предметъ судебного разбирательства) имѣетъ слѣдующія основанія.

Поссессиональнымъ крестьянамъ,—въ дополненіе къ надѣламъ, предоставленнымъ по положенію 19 февраля 1861 г., — особымъ закономъ 19 мая 1893 года было рѣшено отдать земли, находящіяся въ фактическомъ владѣніи населенія «не по найму отъ заводоуправленій», при чемъ право собственности на эти земли, предоставляемыя закономъ 19 мая 1893 года, населеніе приобрѣтало черезъ 15 лѣтъ, т. е. съ 19 мая 1908 года. Въ теченіе же 15-лѣтняго періода заводоуправленіямъ предоставлялось право производить развѣдки ископаемыхъ и требовать въ случаѣ нахождения ихъ обязательнаго обмѣна земель на другія. Но, конечно, новымъ закономъ нельзя было отнимать права собственности, приобретеннаго по законамъ прежнимъ; поэтому въ правилахъ 19 мая 1893 г. сдѣлана оговорка о томъ, что право требовать обязательнаго обмѣна не распространяется на тѣ земли, которыя ранѣе были приобретены населеніемъ на правѣ полной собственности. Конечно, эта оговорка относится какъ разъ къ тѣмъ покосамъ, даннымъ по положенію 19 февраля 1861 года, которыя пытается отнять у крестьянъ заводоуправленіе.

Сами заводчики и министръ вн. дѣлъ утверждаютъ, что у населенія нѣтъ права собственности на покосы, т. к. будто бы положеніе о выкупѣ на горнозаводскихъ крестьянъ не было распространено и земли эти не были выкуплены. Министръ вн. дѣлъ даже выдвигаетъ и то соображеніе, что разъ будетъ признано право собственности крестьянъ на покосы, то потребуетъ громадная сумма на выдачу заводоуправленіямъ выкупной ссуды.

Однако, соображенія заводовладѣльцевъ и министра вн. д. совершенно не основательны. Положеніе о выкупѣ, такъ же какъ Мѣстное Великор. положеніе были распространены на горнозаводскихъ крестьянъ (послѣднее съ нѣкоторыми изыятіями, не имѣющими никакого отношенія къ данному дѣлу.

Но такъ какъ по этому закону (положеніе о выкупѣ) крестьяне переводились въ разрядъ собственниковъ по мѣрѣ утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ, а вслѣдствіе медленности этой процедуры ликвидація обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ затягивалась, то въ дополненіе къ нему послѣдовалъ новый законъ—объ окончательномъ выкупѣ (28 декабря 1881 г.), которымъ всѣ помѣщичьи крестьяне (а въ томъ числѣ горнозаводскіе) переводились въ разрядъ собственниковъ—безотносительно къ тому, состоялась ли выкупная операція, или еще не состоялась.

По многимъ основаніямъ, о которыхъ теперь говорить не буду,

земли поссесс. крестьянъ никакой выкупной операціи и не подлежали.

На заводахъ же Нижне-Тагильскаго посс. округа земли по уставнымъ грамотамъ были даны крестьянамъ безвозмездно, безъ платежа оброка, такъ что переводить горноз. крестьянъ этого округа съ оброка на выкупъ было бы невозможно по той простой причинѣ, что самого оброка не назначалось, при чемъ въ тѣхъ же уставныхъ грамотахъ (имѣющихъ силу закона) значится, что всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращаются.

Правда, было распоряженіе трехъ министровъ о пріостановкѣ дѣйствія закона 28 декабря 1881 г. на горнозаводскихъ крестьянъ, но это распоряженіе трехъ министровъ, какъ и многіе министерскіе циркуляры, юридически ничтожно и не имѣетъ никакого вѣса, такъ какъ прямо противорѣчитъ закону.

Таковы существо и формальная сторона судебного дѣла, въ которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ всталъ не на сторону населенія, о мѣрахъ къ поддержанію котораго правительство должно позаботиться въ виду надвигающагося бѣдствія, а на сторону заводоуправленія, которое, кстати сказать, утратило уже право на всѣ земли, находящіяся въ его поссессіонномъ владѣніи, благодаря нарушенію всѣхъ условій, на которыхъ эти земли были даны въ поссессию *).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что и другіе члены правительства не часто встаютъ на сторону населенія въ спорѣ его съ заводоуправленіями. Примѣромъ можетъ служить хотя бы недавній протестъ министра юстиціи Щегловитова противъ постановленія сената по дѣлу мастеровыхъ Павловскаго завода графа Строганова о надѣленіи мастеровыхъ этого завода (согласно закону 3 дек. 1862 г.) по числу наличныхъ, а не ревизскихъ душъ.

До наступленія такъ называемаго кризиса за уральскими заводчиками признавалось право на исключительное пользованіе трудомъ мѣстнаго горнорабочаго населенія, и это право ревниво ими оберегалось. Хотя на многихъ заводахъ и тогда уже наблюдался громаднѣйшій избытокъ рабочихъ рукъ, заводчики, вопреки очевидности, отрицали этотъ фактъ и наоборотъ, — жаловались на необеспеченность заводовъ рабочими.

Теперь промышленность рушится, заводы прекращаютъ свое существованіе, и населеніе дѣлается обузой, отъ которой надо избавиться. Но свалить эту обузу съ плечъ не такъ то легко, п. ч. существуетъ рядъ законовъ, обезпечивающихъ за населеніемъ извѣстныя права въ случаѣ прекращенія заводскаго дѣйствія. При помощи наемныхъ перьевъ и законниковъ, высокихъ покровителей

*) Вопросы о томъ, почему именно права поссессіонеровъ на состоящія въ ихъ владѣніи земли утрачены, — я теперь не касаюсь.

и благосклоннаго начальства заводчики пытаются теперь вытравить или, по крайней мѣрѣ, обезцѣнить эти права населенія подмѣномъ неудобныхъ для нихъ законовъ другими, или толкованіемъ ихъ въ выгодномъ для себя смыслѣ.

Такимъ образомъ, скромный и даже странный на первый взглядъ вопросъ о защитѣ имущественныхъ правъ населенія при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами мѣстной жизни оказывается столь важнымъ и существеннымъ, что его можно, пожалуй, поставить на одинъ уровень съ другимъ кореннымъ вопросомъ уральской жизни—объ исполненіи государствомъ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ принятой имъ на себя отвѣтственности за послѣдствія насильственнаго прикрѣпленія горнорабочаго населенія къ заводамъ.

И. Сиговъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Не по коню, а по кучеру.—II. Коза или Ольга Штейнъ?—III. Укрывательство съ ихъ стороны.—IV. Наше укрывательство.—V. Судебное безсиліе.—VI. Оружіе, которое приходитъ въ негодность.—VII. Радоваться ли намъ?—VIII. О политическомъ лицедействѣ вообще и о судебной реформѣ въ частности.

I.

«Судъ надъ адвокатами»—такъ для краткости, а можетъ быть, и для выразительности, нѣкоторыя газеты въ своихъ судебныхъ отчетахъ называли дѣло о побѣгѣ Ольги Штейнъ. На скамьѣ подсудимыхъ по этому дѣлу, разбиравшемуся въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, находились два присяжныхъ повѣренныхъ—Л. А. Бауновъ и Г. С. Аронсонъ. Вмѣстѣ съ ними долженъ былъ бы сидѣть и третій адвокатъ, членъ Государственной Думы, О. Я. Пергаментъ, если бы онъ не умеръ, подавленный тяжестью взведеннаго на него обвиненія...

Кромѣ адвокатовъ, на скамьѣ подсудимыхъ находился еще Шульцъ, бывший морской офицеръ, но роль его въ процессѣ была совершенно особая: это былъ оговорщикъ—главный козырь обвиненія. Все время чувствовалось, что онъ гораздо ближе къ прокурору, который во многихъ случаяхъ объединялъ его интересы со своими, чѣмъ къ другимъ подсудимымъ.

Такимъ образомъ газетное выраженіе, въ предѣлахъ своей краткости, можно сказать, соответствовало дѣйствительности. Нельзя ему отказать и въ выразительности. Да, это былъ судъ надъ адвокатами,—не первый уже судъ. Это лишь одинъ изъ многочислен-

ныхъ эпизодовъ той упорной и систематической кампаніи, какая ведется въ послѣдніе годы противъ адвокатовъ, какъ корпораціи и даже какъ института. Данному судебному процессу предназначалась, повидимому, въ этой кампаніи крупная роль. При его помощи открывалась вѣдь возможность скомпрометировать присяжную адвокатуру въ лицѣ очень видныхъ ея представителей и при томъ скомпрометировать очень сильно. О. Я. Пергаментъ былъ председателемъ одесскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, Л. А. Базуновъ состоитъ товарищемъ председателя петербургскаго совѣта,—и вотъ этихъ то лицъ, профессиональная и общественная репутація которыхъ стояла очень высоко, представился случай забрызгать грязью,—той отвратительной грязью, въ которой, пользуясь покровительствомъ «сановныхъ старичковъ» (въ томъ числѣ и Побѣдоносцева), такъ долго купалась Ольга Штейнъ... Послѣ этого понятны тѣ усилія, которыя были приложены, чтобы посадить названныхъ адвокатовъ на скамью подсудимыхъ. Понятна и та группировка силъ, которая сама собой получилась въ процессѣ.

Отмѣчу здѣсь одинъ фактъ, ясно показывающій, какъ распредѣлились общественныя силы между «сторонами». Присяжный повѣренный фонъ-Брикманъ, назначенный судомъ въ защитники Шульцу, отказался отъ этой обязанности, ссылаясь на то, что его клиентъ настаиваетъ на такомъ способѣ защиты, который «не согласуется съ условіями профессиональной этики». Но Шульдъ не остался безъ защитника: на помощь прокурору явился въ этой роли не стѣсненный и, повидимому, не стѣсняющійся какой-то «этикой», г. Замысловскій, одинъ изъ лидеров крайней правой въ Государственной Думѣ.

Судъ надъ адвокатами, какъ и полагается въ цивилизованныхъ странахъ, происходилъ во имя «общественной совѣсти». На нее именно усиленно ссылался все время представитель обвинительной власти. Для успокоенія возмущенной общественной совѣсти онъ и требовалъ наказанія адвокатамъ,—между прочимъ, за то, что они подрываютъ основныя начала судебныхъ уставовъ...

Но общественная совѣсть, которая имѣла на этотъ разъ возможность высказаться устами присяжныхъ засѣдателей, оказалась нисколько не возмущенной адвокатами. Она оправдала ихъ, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказаннымъ участіе въ преступномъ дѣяніи прокурорскаго пособника, Шульца.

«Не для отвѣта пришли мы сюда—началь свою рѣчь защитникъ Аронсона присяжный повѣренный Бобрищевъ-Пулкинъ, — а привлечь къ отвѣту обвиненіе». «Вы посадили — закончилъ тотъ же защитникъ свою вторую рѣчь—на скамью подсудимыхъ адвокатовъ и сами понесете расплату». Осужденными, дѣйствительно, оказались не адвокаты, а прокуратура.

Этотъ смыслъ приговора, вынесеннаго общественною совѣстью, былъ подчеркнутъ трогательною и вмѣстѣ съ тѣмъ внушительною

манифестаціею. Въ залѣ суда разыгралась рѣдкая сцена: присяжные засѣдатели обвинялись съ оправданными ими Базуновымъ и Аронсономъ. Обращаясь къ послѣднимъ съ привѣтвенною рѣчью, бывшій старшиной присяжныхъ г. Городецкій высказалъ сожалѣніе, что восемь дней они вынуждены были воздерживаться отъ приговора и держать подъ этимъ дамокловымъ мечомъ подсудимыхъ, тогда какъ вздорность взведеннаго на нихъ обвиненія ясна была для нихъ съ самаго начала.

Не менѣе выразительно реагировала на исходе процесса присутствовавшая въ судѣ публика. При выходѣ Базунова изъ залы товарищи по профессіи подняли его на руки и, при оваціяхъ тысячной толпы, собравшейся въ коридорахъ суда, внесли въ верхній этажъ, въ помещеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и тамъ посадили на принадлежащее ему мѣсто товарища предсѣдателя, съ котораго онъ добровольно устранилъ себя на время состоянія подъ судомъ и слѣдствіемъ. Немедленно состоялось импровизированное засѣданіе совѣта, въ присутствіи всѣхъ, кто могъ вмѣститься въ комнату. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей оправданнымъ, засѣданіе закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти не дожившему до этого момента О. Я. Пергаменту.

Такимъ образомъ судъ надъ адвокатами далъ совсѣмъ иные результаты, чѣмъ на какіе былъ рассчитанъ. Ударъ пришелся не по коню и даже не по оглоблямъ, а по кучеру, задѣвъ при этомъ довольно больно и барина...

Нанесеніе на адвокатуру оказалось на этотъ разъ отбитымъ съ урономъ для нападающихъ. Нечего и говорить, что этотъ фактъ не пройдетъ безслѣдно въ общественной жизни. Послѣ непрерывныхъ поражений, какія мы терпѣли въ послѣдніе годы, эта, хотя маленькая и частичная, но все-таки побѣда надъ темными силами реакціи, несомнѣнно, внесетъ струю бодрости въ общественное настроеніе. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главное значеніе привлеченнаго къ себѣ такое вниманіе процесса.

II.

Наставшая на обвиненіи адвокатовъ, прокуроръ убѣждалъ присяжныхъ не полагаться на «общественное мнѣніе». Надо сказать что онъ самъ, благодаря своей неосторожности, обнаружилъ это мнѣніе передъ ними.

— Извѣстны ли вамъ—спросилъ онъ одного изъ свидѣтелей—газеты, благосклонныя къ Базунову и Аронсону?

— Я думаю—отвѣтилъ свидѣтель,—что всѣ порядочныя газеты на ихъ сторонѣ...

Прокурору осталось послѣ этого одно—такъ или иначе опорочить общественное мнѣніе. «Публика въ этомъ залѣ—заявилъ онъ

присяжнымъ—подобрава, а пресса пристрастна». Но онъ и самъ, повидимому, чувствовалъ, что всеу клянется общественною совѣстью, которая будто бы говорить его устами и которая будто бы отлична въ данномъ случаѣ отъ общественнаго мнѣнія. Изложить ея доводы онъ оказался не въ состояніи: его четырехчасовая обвинительная рѣчь, какъ было констатировано тамъ же, въ судѣ, представляла безсвязный наборъ фразъ, и онъ не въ силахъ оказался ее кончить. На слѣдующій день, спустивъ тонъ, онъ счелъ за лучшее отъ многого изъ сказаннаго наканунѣ отказаться. Бесиліе прокурора, оказавшагося не въ состояніи справиться съ возложенной на него задачей, въ сущности, было вполне естественно: общественной совѣсти, именемъ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать, за нимъ не было.

И это обнаружилось въ данномъ процессѣ съ такою очевидностью, что даже г. Меньшиковъ, который будетъ покраснорѣчивѣе выступавшаго въ судѣ прокурора, и тотъ растерялся. Въ очередномъ письмѣ къ своимъ ближнимъ онъ обрушился не на адвокатовъ, а на Ольгу Штейнъ, какъ будто ей была посвящена вся предшествующая недѣля. Но и около Ольги Штейнъ, которая, по его же словамъ, «проникла въ высшія сферы и умѣла четверть столѣтія совершать фантастическія дѣла, опираясь на зачарованныхъ ею старичковъ-министровъ, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, статсъ-секретарей и генераль-адъютантовъ, которыхъ, казалось бы, прямая обязанность была преслѣдовать всякое мошенничество», долго задерживаться г. Меньшикову было, конечно, неудобно. Поэтому онъ, со свойственною ему находчивостью, поспѣшилъ отвести глаза своихъ читателей... къ козѣ, «кормилницѣ бѣдныхъ».

Коза или Ольга Штейнъ?—патетически восклицаетъ онъ въ своемъ фельетонѣ.—Я рѣшительно предпочитаю козу. Слѣдуетъ серьезно пожалѣть, что цѣлый рядъ вліятельныхъ жертвъ обольстительной еврейки не заинтересовался въ свое время козой. Одинъ Побѣдоносцевъ при его могуществѣ или Половцевъ при безмѣрномъ богатствѣ—какими они могли бы оказаться благодѣтелями русскаго народа, если бы посвятили козѣ столько же вниманія, сколько Ольга Штейнъ! *)

«Корова,—поясняетъ г. Меньшиковъ,—теперь не подѣ силу крестьянину... Содержать одну корову стоитъ столько же, сколько восемь козъ». Особенно пригодны, по его мнѣнію, козы теперь, когда крестьянъ сдѣлали хуторянами. Повидимому, онъ предвидитъ, что на хуторѣ мужикъ и послѣдней коровы долженъ лишиться.

Да и вообще коза, по сравненію съ Ольгой Штейнъ, имѣетъ множество преимуществъ.

Не уступая знаменитой авантюристкѣ въ темпераментѣ и въ женскихъ

*) „Новое Время“, 7 февраля.

слабостяхъ, домашняя коза отличается, однако, громадными преимуществами въ смыслѣ общеживотной нравственности. Ни одна коза не ловила высокопоставленныхъ старичковъ, не вымогала при ихъ посредствѣ у ювелировъ многотысячныя ожерелья, не раззоряла влюбленныхъ въ нее козловъ...

Съ экономической точки зрѣнія преимущества домашней козы безспорны, да и съ этической тоже: «ни одной козѣ не удавалось развести вокругъ себя столько грязи въ обществѣ»... Поэтому «роль козы оказывается не лишенной глубокаго общественнаго и даже государственнаго значенія».

Къ сожалѣнію, Побѣдоносцевъ давно уже сгнилъ въ могилѣ и призывъ г. Меньшикова по отношенію къ нему является запоздалымъ. И Половцевъ, можетъ быть, уже не отзовется, но кое-кто козами, быть можетъ, и заинтересуется.

По крайней мѣрѣ, націоналисты, которые займутъ, повидимому, въ ближайшее время политическую авансцену, именно при помощи козъ намѣрены сдѣлаться «благодѣтелями русскаго народа». Ихъ планъ и имѣть въ виду г. Меньшиковъ. Княземъ С. П. Урусовымъ, — сообщаетъ онъ, —

задумано „Россійское общество козоводства“, при чемъ онъ имѣетъ заявленія объ открытіи уже 16 отдѣловъ общества. Вотъ прекрасное начинаніе, которое можно привѣтствовать отъ всего сердца! Не 16, а тысячу отдѣловъ нужно, чтобы ввести въ жизнь народа этотъ древній благодѣтельный промыселъ.

А возродить этомъ промыселъ нужно. «Корова теперь не подь силу крестьянину — пусть заводитъ козу». Въ козѣ — спасеніе...

Раньше на грядковую культуру разсчитывали, теперь на козу надѣются, а потомъ, быть можетъ, выдвинутся другіе «благодѣтели русскаго народа» и скажутъ: довольно съ мужика ретираса и даже простой банки, въ которую онъ могъ бы собирать собственное удобреніе, — той самой банки, которую г. Меньшиковъ еще во времена Побѣдоносцева и Плеве рекламировалъ, какъ самое вѣрное средство для рѣшенія аграрнаго вопроса.

Планы какъ будто разныя, но результатъ можетъ быть только одинъ — нищета народная. Точно также и вкусы могутъ быть различныя: однимъ нравится «пухлая женщина», въ родѣ Штейнъ, другимъ — этакая козочка, однимъ — домашняя, другимъ — дикая. Но въ итогѣ, когда его подводитъ даже г. Меньшиковъ, все равно получаются: «минимумъ общественной нравственности и максимумъ всякаго распутства».

Пожалуй, и въ томъ есть разница: одни больше козой занимаются, другіе по преимуществу Ольгой Штейнъ интересуются, одни къ «экономикѣ» пристрастіе имѣютъ, другіе — на «этику» налегаютъ. Но для всего круга могущественныхъ и богатыхъ людей это — не дилемма, это — двѣ стороны одного и того же, говоря высокимъ стилемъ, міроотношенія. Коза или Ольга Штейнъ?

Ничего другого въ виду не имѣется. По крайней мѣрѣ, въ трудную минуту, когда всталъ вопросъ о совѣсти, даже г. Меньшиковъ, при всей его находчивости, никакихъ иныхъ цѣнностей не высмотрѣлъ: метнулъ глазами въ одну сторону—Ольга Штейнъ, перевелъ ихъ въ другую—«народная кормилица»...

III.

Совѣсть—не съ ними... Понятны ихъ растерянность и наша радость, когда этотъ фактъ обнаруживается съ такою непрекращаемою очевидностью, какъ это было въ дѣлѣ Базунова и Аронсона. Эти чувства съ той и другой стороны такъ естественны, что, слѣдя за перипетіями политической борьбы и останавливаясь на данномъ ея эпизодѣ, ихъ достаточно лишь отмѣтить.

Но дѣло не въ томъ вѣдь только, кого общественная совѣсть ударила и кто кого при ея помощи одолѣлъ въ данномъ пунктѣ—правые или лѣвые. Указанный фактъ чреватъ несравненно болѣе важными послѣдствіями и въ нѣкоторыя изъ нихъ я попрошу читателей всмотрѣться.

Возьмемъ за исходную точку данный случай. Адвокаты обвинялись въ томъ, что будучи защитниками Ольги Штейнъ, посоветовали и помогли ей скрыться отъ суда. Покойный О. Я. Пергаментъ будто бы сказалъ еще ей при этомъ: такому суду (или правительству) отдаваться не стоитъ. Воспользовавшись однимъ изъ перерывовъ въ судебномъ засѣданіи, Ольга Штейнъ бѣжала и хотя потомъ была поймана въ Америкѣ, адвокаты оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Ихъ судили, какъ укрывателей мошенницы...

Такъ было скомпоновано дѣло. Уже заранѣе не трудно было предвидѣть, что ударъ разсчитанъ плохо, что онъ придется не въ то мѣсто, въ которое его желали направить. «Всякій, кто не ходитъ въ шорахъ,—ворчитъ теперь «Новое Время»,—отлично видѣлъ, чѣмъ кончится процессъ. Но были такіе, которые не видѣли, такъ какъ иначе незачѣмъ было тянуть къ суду. Перестарались»...

Перестарались... Въ самомъ дѣлѣ, не тѣмъ же были возмущены посадившіе адвокатовъ на скамью подсудимыхъ, что мошенница укрывалась отъ правосудія. Велика, подумаешь, важность!

Сбѣжала... Ну, съ позволенія сказать, туда ей и дорога! Пусть тамъ за тридевять земель обрабатываетъ иностранныхъ ротозѣевъ. Нѣтъ, позвольте! А кто шубу подавалъ? Кто газету съ расписаніемъ побѣдовъ показывалъ? И пошло и побѣхало... Завертѣлась судебная машина, и въ итогъ получился глупѣйшій процессъ *).

Не въ какомъ-то правосудіи было дѣло, а въ адвокатахъ. И вотъ съ ними-то просчитались. Въ результатѣ получилось, что

*) „Новое Время“, 9 февраля.

«прокуратура постаралась своими руками поддержать пошатнувшиеся авторитеты и, больше того,—поставила их на нѣкоторый пьедесталь гонимыхъ».

Да, ударъ былъ плохо рассчитанъ. Съ одной стороны, истинные укрыватели мошенницы всѣмъ были извѣстны,—даже г. Меншиковъ, какъ мы видѣли, упомянувъ объ Ольгѣ Штейнъ, не могъ обойти всѣхъ этихъ «старичковъ-министровъ, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, статсъ-секретарей и генералъ-адъютантовъ, которыхъ, казалось бы, прямая обязанность была преслѣдовать всякое мошенничество», и которые, тѣмъ не менѣе, въ теченіе четверти столѣтія покровительствовали Ольгѣ Штейнъ, занимавшейся «фантастическими дѣлами». Даже если взять ея побѣгъ со скамьи подсудимыхъ, то опять-таки ясно, кто были его «попутчики».

Развѣ адвокаты, — говорилъ Бобринцевъ-Пушкинъ, — оставляли О. Штейнъ на свободѣ—то подѣ домашнимъ арестомъ, то подѣ залогомъ въ 10 тыс. руб., когда претензій къ ней было на нѣсколько сотъ тысячъ? Прокуратура увѣряетъ, что она слѣдила за тѣмъ, чтобы О. Штейнъ изъ тюрьмы не сносилась съ внѣшнимъ міромъ, но она все-таки сносилась и, съ помощью Побѣдоносцева и Половцева, добилась все-таки освобожденія подѣ домашній арестъ. А какой былъ это арестъ—извѣстно: дѣйствія полиціи тов. прок. Гвоздановичъ называлъ преступными, но судать теперь не полицію, а адвокатовъ *).

Наконецъ, если взять непосредственныхъ пособниковъ побѣга, то среди нихъ были лица, оказавшіеся не привлеченными къ отвѣтственности. Такъ не былъ привлеченъ, напримѣръ, давшій деньги на побѣгъ Амбургеръ (нынѣ уже умершій),—не былъ привлеченъ, какъ объяснялъ прокуроръ, потому что онъ находился въ свойствѣ съ бѣжавшей мошенницей. Не была привлечена мать Шульца...

Старуха Шульцъ—объяснилъ представитель обвинительной власти—помогала бѣгству, она дала паспортъ, но нѣтъ такого прокурора, который сталъ бы привлекать эту дряхлую старушку **).

Другими словами, мать Шульца была освобождена отъ суда,

*) Цитирую по „Рѣчи“ отъ 6 февраля. Спустя нѣсколько дней (9 февраля) по поводу этихъ, оглашенныхъ на судѣ, фактовъ, въ газетахъ появилось разъясненіе канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника. Въ разъясненіи говорится, что Ольгѣ Штейнъ дѣйствительно „чинами полиціи разрѣшались кратковременныя отлучки изъ квартиры“, но что „въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не имѣется никакихъ указаній о порядкѣ отбыванія домашняго ареста“. Въ разъясненіи подтверждается также, что прокуроромъ с.-петербургскаго окружнаго суда былъ возбужденъ вопросъ о привлеченіи чиновъ полиціи къ уголовной отвѣтственности, но что совѣщательное при с.-петербургскомъ градоначальникѣ присутствіе постановило это дѣло прекратить и что послѣ этого никакихъ сообщеній отъ прокуратуры не поступало.

**) Цит. по „Новому Времени“ отъ 5 февраля

какъ пояснилъ защитникъ Базунова, Казариновъ, прокурорскою милостью... Не былъ бы, можетъ быть, привлеченъ къ отвѣтственности и самъ Шульцъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ побѣгѣ, если бы не требовался оговорщикъ для адвокатовъ. Во всякомъ случаѣ прокуратура ничего, повидимому, не имѣла противъ того, чтобы этотъ укрыватель избѣжалъ наказанія. Между прочимъ одинъ изъ свидѣтелей, священникъ Флеровъ, показалъ, что мать Шульца показывала цѣлый ворохъ свидѣтельствъ о его ненормальности. «Добыть эти свидѣтельства и представить ихъ въ судъ, такъ какъ это должно обезпечить полное оправданіе ея сына, по ея словамъ, посоветовалъ ей прокуроръ окружного суда Трегубовъ». Послѣдній, какъ она говорила св. Флерову, не только советовалъ ей добыть эти свидѣтельства, но и прямо «приказывалъ», дабы производство о Шульцѣ можно было выдѣлить изъ настоящаго дѣла.

Другой свидѣтель, присяжный повѣренный Эдельгаузъ, показалъ, что къ нему лѣтомъ 1909 года явилась мать Шульца и заявила, что черезъ одного хорошаго знакомаго ея сына лицомъ судебнаго вѣдомства, стоящимъ близко къ наблюденію за дѣломъ О. Штейнъ, общано было Е. Шульцу, если онъ оговоритъ защитниковъ О. Штейнъ, освободить его отъ суда и перевести на положеніе свидѣтеля...

Укрыватели у мошенницы, несомнѣнно, были; возможно, что были и укрыватели этихъ укрывателей... Но не противъ нихъ ударъ былъ направленъ. Такъ стояло дѣло съ одной стороны.

Съ другой, — слишкомъ маловѣроятнымъ представлялось обвиненіе въ укрывательствѣ, предъявленное къ адвокатамъ. Ради чего они стали бы укрывать мошенницу? Обвинять, что они сдѣлали это изъ сочувствія къ ней или изъ корыстныхъ мотивовъ, — обвинять въ этомъ данныхъ адвокатовъ, — не рѣшилась даже прокуратура. Пришлось приискивать другіе мотивы для ихъ участія въ укрывательствѣ, — объяснять его ихъ брезгливостью или самолюбіемъ...

Слабо обоснованное съ фактической стороны, обвиненіе адвокатовъ и съ юридической точки зрѣнія представлялось, по меньшей мѣрѣ, спорнымъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, обвинять защитника въ укрывательствѣ, если онъ даже посоветуетъ кліенту скрыться? Ну, а если онъ только предупредить его о неизбѣжности обвинительнаго приговора и тѣмъ дастъ толчекъ къ побѣгу? А если онъ подастъ совѣтъ въ родѣ того, какой прокуроръ Трегубовъ подалъ матери Шульца, чтобы ея сынъ могъ избавиться отъ наказанія? Или посоветуетъ кліенту умолчать о нѣкоторыхъ изобличающихъ его обстоятельствахъ, не признаваясь въ совершенномъ имъ дѣланіи? Будетъ ли это укрывательствомъ?

Вмѣшавшись въ отношенія между адвокатомъ и его подзащитнымъ, — въ интимнѣйшія по существу отношенія, — можно зайти очень далеко. Можно врѣзаться клиномъ между ними, совершенно

изолировать ихъ другъ отъ друга, обратить защиту въ пустую формальность... Я вовсе не хочу сказать, что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ и не должно быть никакого сдерживающаго начала. Такое начало имѣется даже въ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ, имѣется оно и въ отношеніяхъ защитника къ его подзащитному. Это—этика, общая и профессиональная, не позволяющая адвокату вмѣсто защиты «обѣдать» и «вызывать» преступника. Вопросъ въ томъ, есть ли и можетъ ли быть мѣсто въ этихъ отношеніяхъ уголовному закону?

Реакція въ своемъ походѣ противъ адвокатуры, несомнѣнно, стремится къ тому, чтобы сдѣлать защитника постороннимъ лицомъ для подсудимаго, такъ же какъ она стремится сдѣлать студента постороннимъ посѣтителемъ университета. Она желаетъ устранить всѣ преграды, которыя мѣшаютъ ей добраться до «преступника», и обезсилить его, чтобы легче было на него обрушиться. Но насъ сейчасъ интересуетъ не политическая, а юридическая сторона дѣла. Для постановки же этой послѣдней важно одно: имѣются ли въ положительномъ законѣ тѣ нормы, на основаніи которыхъ адвоката, посовѣтовавшаго подсудимому скрыться, можно было бы обвинить въ укрывательствѣ?

По смыслу судебныхъ уставовъ отношенія между повѣреннымъ и его кліентомъ, между защитникомъ и его подзащитнымъ, являются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе близкими, чѣмъ отношенія между братомъ и сестрой, между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женой. Мать или жена могутъ, напримѣръ, свидѣтельствовать, что подсудимый признался имъ въ совершенномъ преступленіи, но защитникъ свидѣтельствовать объ этомъ не можетъ: такъ же какъ и духовнику, законъ прямо запрещаетъ ему это. Подсудимый можетъ разговаривать съ нимъ, какъ съ самимъ собой, подѣлиться самыми сокровенными своими мыслями, признаться во всѣхъ совершенныхъ имъ когда либо преступленіяхъ,—и никакой судъ не вправѣ даже спросить защитника объ этомъ.

Самъ подсудимый не отвѣчаетъ за побѣгъ, не отвѣчаютъ за содѣйствіе побѣгу и ближайшіе его родственники. Должны ли отвѣчать за это адвокаты?

Одинъ свидѣтель показалъ, что «бывшій прокуроръ палаты, камергеръ Камышанскій, не находилъ состава преступленія во всемъ этомъ дѣлѣ, и если бы онъ оставался на посту прокурора, дѣло не могло бы получить движенія». Никто не заподозритъ, конечно, г. Камышанскаго, что онъ не захотѣлъ или не умѣлъ истолковать законъ въ желательномъ для реакціи смыслѣ. Всѣ знаютъ, какъ онъ толковалъ законы, въ качествѣ прокурора, и толкуетъ ихъ теперь, въ качествѣ Вятскаго губернатора. Сумѣлъ же онъ засадить quorum первой Думы въ тюрьму, сумѣлъ же онъ оштрафовать заразъ семь редакторовъ... Если же въ данномъ случаѣ онъ не находилъ состава преступленія, то, очевидно, только по-

тому, что боялся «перестараться». Другіе были менѣе осторожны и... «перестарались».

Такъ было скомпоновано дѣло. И вотъ съ этимъ то дѣломъ правительство пришло въ судъ присяжныхъ. Въ этомъ заключалась, конечно, главная неосторожность. Въ коронномъ судѣ и такое дѣло можно было бы выиграть. Здѣсь же на бѣду и предсѣдатель оказался «приличнымъ», т. е., какъ и полагается быть предсѣдателю, непристрастнымъ. «Не одобровать ему»—говорили въ публикѣ, и «Новое Время», дѣйствительно, уже начало противъ него кампанію. Какъ бы то ни было, дѣло сорвалось. Въ результатѣ получился «глупѣйшій процессъ», обнаружившій съ полною для всѣхъ очевидностью, на какой сторонѣ были и остались укрыватели...

Это—не единичный, конечно, случай укрывательства съ той стороны. Укрыватели расположились тамъ очень широко и поднимаются очень высоко. Къ сожалѣнію,—и читатели, поймутъ это,—я лишень возможности пройти по всему ихъ фронту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскому писателю приходится вспоминать завѣтъ ап. Павла, который совѣтовалъ вѣрнымъ даже не говорить о «сихъ мерзостяхъ». И въ данномъ случаѣ этотъ завѣтъ приходится вспоминать...

IV.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что на другой сторонѣ «укрывателей» нѣтъ вовсе?

Не будемъ обольщаться побѣдой,—тѣмъ, что не они насъ, а мы ихъ изобличили. Постараемся прямо взглянуть въ лицо правдѣ и по совѣсти отвѣтить на поставленный вопросъ.

Отрѣшимся отъ особенностей данного случая. Забудемъ, что рѣчь шла, съ одной стороны, о Пергаментѣ, Базуновѣ и вообще объ адвокатурѣ, а съ другой—объ Ольгѣ Штейнъ и ея покровителяхъ, что вопросъ стоялъ о мошенницѣ и ея укрывателяхъ. Возьмемъ аналогичный случай, но только въ анонимной формѣ. Представимъ себѣ, что нѣкто посовѣтовалъ и даже помогъ подсудимому скрыться. Допустимъ, что онъ еще прибавилъ при этомъ: такому суду не стоитъ отдаваться...

Такіе случаи, вѣдь, возможны,—возможны и въ нашей средѣ. Дѣло, однако, не въ томъ, что такіе случаи возможны; важно то, какъ мы къ нимъ относимся: возмущается ли наша совѣсть или она остается спокойной?

Припоминается мнѣ такой фактъ. Года два тому назадъ мнѣ пришлось судиться по обвиненію въ принадлежности къ крестьянскому союзу. На скамьѣ подсудимыхъ по этому дѣлу находилось больше 20 лицъ, собранныхъ чутъ ли не со всѣхъ концовъ Петербургской

губерніи, въ значительной части другъ съ другомъ до этого незнакомыхъ. Почему изъ множества людей, затронутыхъ крестьянскимъ движеніемъ и прикосновенныхъ къ нему, на скамью подсудимыхъ были посажены именно данныя лица,—посажены въ качествѣ «сообщества»,—это могли бы объяснить только жандармы, производившіе предварительное слѣдствіе. Особенно непонятнымъ представлялось привлеченіе къ этому дѣлу двухъ лицъ: одного студента и одной медички. Цѣлую недѣлю тянулся процессъ, передъ судомъ прошло около сотни свидѣтелей, былъ оглашенъ цѣлый рядъ документовъ,—и объ этихъ подсудимыхъ не было сказано ни слова. Изъ обвинительнаго акта было извѣстно лишь, что въ самомъ концѣ 1905 года они были арестованы на финляндской жел. дорогѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, при чемъ у нихъ были найдены кое-какія брошюры,—можетъ быть, потомъ и запрещенныя, но въ то время совершенно свободно продававшіяся въ книжныхъ магазинахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, чуть ли не на всѣхъ собраніяхъ. По свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія въ Теріокахъ, откуда они возвращались, происходилъ передъ тѣмъ съѣздъ крестьянскаго союза. На этомъ основаніи они и были привлечены къ дѣлу. Надо сказать, что на тѣхъ же основаніяхъ привлекался и еще рядъ лицъ, освобожденныхъ потомъ отъ обвиненія, такъ какъ выяснилось, что въ Теріокахъ въ эти дни происходилъ съѣздъ учительскаго союза, да и вообще мало ли по какимъ дѣламъ люди ѣздить по желѣзной дорогѣ. Но эти два лица остались причисленными къ крестьянскому союзу. Свѣдѣнія охраннаго отдѣленія о томъ, что въ Теріокахъ происходилъ крестьянскій съѣздъ, судомъ не провѣрялись, да и вообще объ этомъ съѣздѣ на судѣ совсѣмъ рѣчи не было. Для суда несомнѣненъ былъ лишь одинъ фактъ, что эти два лица ѣхали по финляндской желѣзной дорогѣ.

Присутствовавшая въ судѣ публика не сомнѣвалась, что этихъ то двоихъ подсудимыхъ, конечно, оправдаютъ. Увѣренъ былъ въ этомъ и ихъ защитникъ,—самое большее, что онъ допускалъ, это возможность обвиненія по 132 ст., т. е. за провозъ запрещенной литературы черезъ границу, хотя литература была петербургскаго происхожденія и никѣмъ въ то время не запрещенная. Не особенно вѣрили въ свое оправданіе сами подсудимые.

На сколько велика была эта вѣра, ясно будетъ изъ слѣдующаго. Медичка, просидѣвшая послѣ ареста нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, была выпущена потомъ подъ залогъ въ 200 руб. За два года, протекущихъ до суда, она успѣла окончить медицинскій институтъ, сдѣлалась врачомъ и такимъ образомъ перемѣнила свое званіе. Кромѣ того, она вышла замужъ и, стало быть, перемѣнила фамилію. Для властей, знавшихъ ее въ качествѣ курсистки и подъ дѣвичьей фамиліей, она какъ бы исчезла.—даже повѣстку о явѣ въ судъ вручить ей онѣ были не въ состояніи. Извѣстенъ рядъ аналогичныхъ случаевъ, когда обвиняемые и заподозрѣнные со-

всѣмъ скрывались въ такихъ условіяхъ отъ розыска. И въ данномъ случаѣ подсудимая смѣло могла бы не являться,—самое большее, чѣмъ она рисковала, это потерей залога. Но она все-таки въ судъ явилась, хотя и была въ послѣднемъ періодѣ беременности: слишкомъ ужъ хотѣлось очиститься, да и деньгами рисковать не хотѣла. Довѣріе же къ суду было полное.

Однако, палата, оправдавъ довольно многихъ изъ подсудимыхъ по этому процессу, данныхъ лицъ признала виновными въ принадлежности къ противозаконному сообществу, при чемъ постановила, до вступленія приговора въ законную силу, увеличить залогъ, а до внесенія денегъ заключить приговоренныхъ подъ стражу. Самыхъ подсудимыхъ этотъ приговоръ захватилъ совершенно врасплохъ: денегъ для залога у нихъ не было. Для медички ихъ собрали тутъ же въ публикѣ, но для студента не хватило, и изъ залы суда его отправили въ домъ предварительнаго заключенія.

Помню, какое недоумѣніе породилъ у присутствовавшей публики приговоръ палаты въ этой именно его части. Что это значитъ? Очевидно, у судей были какія-нибудь негласныя свѣдѣнія,—только такъ и могла публика объяснить себѣ совершенно неожиданный исходъ процесса, который прошелъ у нея передъ глазами.

Возмущенному чувству нуженъ былъ хотя какой-нибудь выходъ,—и оно нашлось... противъ адвокатовъ.

— Зачѣмъ они не предупредили подсудимыхъ? Они-то вѣдь знаютъ, что такое русскій судъ!..

— Почему они не посовѣтовали этой медичкѣ на всякій случай уйти изъ суда, когда палата пошла совѣщаться? Ушла бы—и кончено дѣло: властямъ ея новая фамилія не извѣстна (судилась она подъ дѣвичьей), уѣхала бы въ провинцію, поступила бы на земскую службу... А теперь съ груднымъ ребенкомъ должна будетъ сидѣть въ крѣпости...

Я взялъ именно этотъ случай изъ числа тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе къ «укрывательству» съ нашей стороны, не только потому, что лично пришлось пережить его, но и въ виду того положенія, въ какомъ очутились адвокаты. Общественная совѣсть обвиняла ихъ въ томъ, что они не сдѣлались... укрывателями.

Я говорю: общественная совѣсть... Для меня,—да и для читателей, я увѣренъ,—несомнѣнно, что общественная совѣсть была въ данномъ случаѣ не съ «ними», не съ судьями. Если бы судило общество,—хотя бы въ лицѣ присяжныхъ,—оно, конечно, оправдало бы подсудимыхъ, которые, если не считать какихъ-то жандармскихъ соображеній, въ силу которыхъ они были посажены на скамью подсудимыхъ, были изобличены только въ томъ, что ѣхали по желѣзной дорогѣ. Оправдало бы, прежде всего, по недоказанности предъявленнаго къ нимъ обвиненія. Оправдало бы, наконецъ, по челоуѣчеству, такъ какъ нашло бы, съ одной стороны, невозможнымъ вваливать тяжесть отвѣтственности за громадное движе-

нѣ, въ которомъ участвовалъ чуть не весь народъ, на плечи отдѣльныхъ личностей, а съ другой стороны—признало бы мотивы, которыми руководились подсудимые, можетъ быть, и ошибочными, но не такими, чтобы за нихъ преслѣдовать. Оправдало бы, наконецъ, и по существу, такъ какъ нашло бы дѣяніе, въ которомъ обвинялись подсудимые (въ данномъ случаѣ—принадлежность къ крестьянскому союзу) вовсе не преступнымъ.

Потому вѣдь такіа дѣла и не передаются на судъ общественной совѣсти, что она слишкомъ часто оправдывала бы обвиняемыхъ. Потому вѣдь и установленъ для такихъ дѣлъ особый судъ... Я знаю, что могутъ быть и имѣются теоріи, оправдывающія такой судъ. Людямъ, которые мыслятъ государство, какъ нѣчто особое отъ народа и чуть ли не противоположное послѣднему въ своихъ интересахъ, представляется опаснымъ довѣрить его защиту народной совѣсти. Но не въ теоріяхъ сейчасъ дѣло. Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить тѣ послѣдствія, которыми это сказывается въ жизни.

Нужны, оказывается, укрыватели. Нужны они обществу, чтобы укрыть справедливость, какъ оно ее понимаетъ, отъ государства, которое желаетъ на нее обрушиться. Не судъ нуженъ общественной совѣсти, а укрыватели...

И эта настоятельная потребность даетъ о себѣ знать въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Укажу хотя бы на слѣдующую. Достаточно извѣстенъ фактъ, какъ трудно бываетъ во многихъ случаяхъ обвиненію найти достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ часто оно вынуждено прибѣгать къ ихъ фабрикаціи и какъ, за всѣмъ тѣмъ, рискованно для него положиться на тѣхъ, кого оно нашло или сфабриковало.

Возьмите хотя бы то же дѣло о побѣгѣ Ольги Штейнъ. Много ли дали обвиненію свидѣтели, вызванные прокуроромъ и Шульцемъ? Несравненно больше вѣдь они дали защитѣ, и прокурору пришлось потомъ ихъ всячески опорачивать. «Есть волки въ овечьей шкурѣ, люди съ крестомъ на груди, но съ отсутствіемъ совѣсти»,—такъ, на примѣръ, онъ отзывался объ одномъ изъ такихъ свидѣтелей, о священникѣ Флеровѣ. Убѣждалъ онъ не вѣрить и другому свидѣтелю, одному изъ наиболѣе уважаемыхъ петербургскихъ адвокатовъ, прис. повѣренному Гольдштейну, вызванному со стороны Шульца. «Въ *вашемъ* довѣріи,—отвѣтилъ ему потомъ Бобринцевъ-Пушкинъ,—Гольдштейнъ не нуждается, онъ проживетъ честнымъ человѣкомъ безъ него».

Мало этого: прокуроръ выступилъ даже съ теоріей, что вообще показанія свидѣтелей, даваемые на судѣ, не многого стоятъ. И, дѣйствительно, русской прокуратурѣ отъ свидѣтельскихъ показаній—одного изъ важнѣйшихъ судебныхъ доказательствъ—выгодѣе было бы во многихъ случаяхъ отказаться. Припоминается мнѣ процессъ, въ которомъ передъ судомъ прошло свыше 40 свидѣтелей, вызванныхъ обвинительною властью, и лишь одинъ изъ нихъ

подтвердилъ показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Всѣ другіе показали другое, совершенно не то, что нужно было прокурору.

— Въ виду запаматованія свидѣтеля, прошу огласить ранѣе данное имъ показаніе...

Вновь и вновь приходилось прокурору заявлять это ходатайство. Сначала онъ дѣлалъ это довольно равнодушно, потомъ все нервнѣе и въ концѣ-концовъ дошелъ чуть не до бѣшенства, видя, какъ всѣ собранныя обвиненіемъ доказательства рушатся. Свидѣтели упорно стояли на новой версіи, утверждая, что они теперь лучше припомнили, или что раньше они показали изъ страха, а теперь говорятъ по совѣсти, или, наконецъ, что жандармы не то записали, что они говорили... Прокуроръ отозвался потомъ о нихъ, какъ о лжесвидѣтеляхъ, и убѣждалъ судъ не тому вѣрить, что они говорили теперь, подъ присягой, а тому, что они рассказывали раньше, наединѣ съ жандармами.

— Не слишкомъ ли много, г. прокуроръ, лжесвидѣтелей?—бросилъ ему потомъ выступавшій въ этомъ процессѣ О. О. Грузенбергъ. Не слишкомъ ли много ихъ среди лицъ, которыя вами самимъ были вызваны въ качествѣ «достоверныхъ»?

Да, не слишкомъ ли много?.. И не слишкомъ ли легко успокаиваютъ они себя тѣмъ, что это лжесвидѣтели? Вѣдь эти люди вернутся въ свою среду, и тамъ никто не усомнится въ ихъ честности.

Лжесвидѣтели... Всѣ мы знаемъ, какъ нѣкій римлянинъ, отвѣчая допрашивавшимъ его судьямъ, положилъ руку на огонь и сказалъ, что тысяча римскихъ юношей поклялись убить врага ихъ родины. Онъ солгалъ,—этотъ римлянинъ. Но не какъ лжесвидѣтеля записала его исторія на своихъ страницахъ.

Я заимствую этотъ примѣръ у Н. Г. Чернышевскаго, которому пришлось какъ-то коснуться вопроса объ отношеніи между честностью и правдивостью. По общему правилу онѣ совпадаютъ, должны совпадать. Бываютъ, однако, случаи—исключенія,—когда онѣ рѣзко расходятся: нужно солгать, чтобы поступить по чести и по совѣсти. И «ложь бываетъ во спасеніе». Да, даже христіанскіе учителя знаютъ эту ложь, способную спасти душу. Не удивляйтесь же, если свидѣтель, только что поцѣловавшій крестъ и евангеліе, скажетъ вамъ не совсѣмъ то, что было въ дѣйствительности.

Судъ призванъ выяснить правду, всю правду, и во имя ея онъ допрашиваетъ свидѣтеля. И послѣдній долженъ рассказать ему правду, всю правду... Но если свидѣтель заранѣе знаетъ, что судъ воспользуется только частью правды для того, чтобы при ея помощи уничтожить другую часть той же правды, не менѣе цѣнную и для него, свидѣтеля, быть можетъ, еще болѣе дорогую? Что ему дѣлать въ такомъ случаѣ? Что ему дѣлать, если великую двуединую

правду намѣрены разрѣзать и, воспользовавшись истиной, убить справедливость? Не предпочтетъ ли свидѣтель въ такомъ случаѣ спасти душу? И если онъ разскажетъ не только правду или не всю правду, то можно ли его назвать лжесвидѣтелемъ? Встаньте на его точку зрѣнія, и для васъ ясно станетъ, что судъ, который добивается узнать только часть правды и который, завѣдомо, не скажетъ въ своемъ приговорѣ всей правды, какую знаетъ онъ, свидѣтель, является въ его глазахъ лжесудомъ.

И въ такомъ положеніи свидѣтели оказываются во многихъ случаяхъ... Откинемъ даже тѣ непосредственныя послѣдствія, какими сказывается политическая борьба, перенесенная на судебную арену и обращающая нерѣдко судъ въ одну изъ сторонъ, открыто участвующую въ дѣлѣ. Представимъ себѣ, что коронный судъ (тѣмъ вѣдь онъ и хорошъ, какъ утверждаютъ его защитники) стоитъ самъ внѣ политической борьбы и въ то же время сохраняетъ свою независимость отъ тѣхъ, которые судей поставили и которые въ исходѣ политической борьбы очень сильно заинтересованы. Соблюдая полное безпристрастіе, этотъ судъ устанавливаетъ въ своемъ приговорѣ правду, всю правду, при томъ ту ея часть, которая называется справедливостью, онъ беретъ изъ закона. Но вѣдь свидѣтели то знаютъ эту часть правды въ томъ видѣ, въ какомъ народъ хранитъ ее въ своемъ правосознаніи.

Между писаннымъ закономъ и народнымъ правосознаніемъ всегда возможно нѣкоторое расхожденіе, какъ потому, что законъ слишкомъ медлителенъ и не всегда поспѣваетъ за народной жизнью и мыслью, такъ и потому, что онъ слишкомъ грубъ въ своихъ нормахъ и не предусматриваетъ всего разнообразія индивидуальных случаевъ. Сгладить эту разницу составляетъ одну изъ задачъ суда совѣсти, и онъ можетъ это сдѣлать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе доказано и по закону считается преступнымъ, онъ можетъ все-таки признать подсудимаго невиновнымъ. Сблизить нѣсколько нормы писанаго права съ народнымъ правосознаніемъ можетъ до известной степени и коронный судъ путемъ соотвѣтствующаго толкованія закона. И этотъ судъ, когда расхожденіе между живою народною совѣстью и отвердѣвшею въ законѣ волею законодателя не велико, можетъ поэтому достаточно удовлетворительно выполнять свою задачу.

Но у насъ это расхожденіе всегда было значительно... Характерно, что судебные уставы воспрепятствуютъ сообщать присяжнымъ о наказаніи, которое ожидаетъ подсудимаго. Если въ комнатѣ, гдѣ совѣщаются присяжные, окажется уголовное уложеніе, то это уже достаточный поводъ для отмѣны вынесеннаго ими вердикта. Составители судебныхъ уставовъ какъ бы опасались, что представители общественной совѣсти слишкомъ часто будутъ не соглашаться съ тою частью правды, которая должна вноситься въ приговоръ изъ закона, и слишкомъ часто станутъ отходить отъ истины, которая

обнаружилась на судѣ, чтобы приблизиться къ справедливости, которая требуется въ жизни.

Еще характернѣе, что цѣлый рядъ дѣяній съ самаго начала былъ изъятъ изъ вѣдѣнія суда совѣсти и, несомнѣнно, потому именно, что присяжные могутъ рѣзко разойтись съ той оцѣнкой, какая дана имъ въ законѣ и какая желательна правительству.

И это расхожденіе между народнымъ правосознаніемъ и писаннымъ закономъ съ теченіемъ времени все увеличивалось. Народная жизнь и народная мысль быстро прогрессировали, а уголовный законъ остался, въ лучшемъ случаѣ, неподвижнымъ. Послѣ тѣхъ громадныхъ потрясеній, какія произошли въ народной жизни, и тѣхъ громадныхъ переменъ, какія совершились въ народномъ сознаніи въ послѣдніе годы, уголовный законъ и народная совѣсть разошлись во многихъ случаяхъ до полной противоположности: преступное по закону, является безразличнымъ, а иногда и похвальнымъ съ точки зрѣнія народного правосознанія.

Прибавьте теперь къ этому тѣ послѣдствія политической борьбы, которыя мы откинули. И самъ по себѣ судъ далеко не всегда остается къ ней безразличнымъ, да и по отношенію къ правительству онъ оказался не въ состояніи сохранить свою независимость. Въ своихъ толкованіяхъ закона онъ не только не сближаетъ его съ народнымъ правосознаніемъ, но еще больше отдаляетъ первый отъ послѣдняго и, такимъ образомъ, въ его приговорахъ иногда вовсе не оказывается той справедливости, которой требуетъ общественная совѣсть.

И по отношенію къ той части правды, которую составляетъ истина, судъ далеко не всегда оказывается безпристрастнымъ. Достаточно извѣстно, на примѣръ, какъ предсѣдатели руководятъ иной разъ судебнымъ слѣдствіемъ и преніями, какъ охотно они раздвигаютъ ихъ рамки въ ту сторону, которая нужна правительству, препятствуютъ раздвинуть ихъ въ ту, которой заинтересовано общество. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ классическій примѣръ, какъ было проведено дѣло Лопухина.

Что же удивительнаго, если граждане лицомъ къ лицу съ такимъ закономъ и такимъ судомъ превращаются въ укрывателей? Не о томъ ужъ приходится думать, какъ бы настигнуть при помощи суда преступника, а о томъ, какъ бы укрыть отъ суда невиннаго. И эта склонность къ укрывательству захватила уже очень широкіе круги.

Припомните, сколько за послѣдніе годы рассмотрѣно русскими судами хотя бы только литературныхъ и политическихъ дѣлъ, по которымъ общественная совѣсть, завѣдомо, рѣзко расходится съ уголовнымъ закономъ! Сколько, съ другой стороны, дѣлъ объ убійствахъ, разбояхъ, грабежахъ и т. д. изъято изъ общей подсудности, т. е. отъ суда общественной совѣсти, и передано въ

военные трибуналы!. Приведу маленький, но характерный на этотъ счетъ фактъ.

По установившемуся въ с.-петербургскомъ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ обычаю, помощникъ могъ получить званіе присяжнаго повѣреннаго лишь въ томъ случаѣ, если онъ не меньше десяти разъ выступалъ въ качествѣ защитника въ судѣ съ присяжными засѣдателями. И вотъ отъ этого обычая пришлось теперь отказаться. Оказались помощники, неустанно работавшіе въ теченіе всего стажа, какъ защитники,—«не выходившіе изъ фрака», какъ говорятъ адвокаты,—и не смогшіе насчитать въ своей практикѣ десяти дѣлъ съ присяжными засѣдателями. Можно было бы назвать нѣсколько именъ, извѣстныхъ на всю Россію адвокатовъ, которые ни разу не выступали въ судѣ присяжныхъ. Слишкомъ много дѣлъ въ военныхъ судахъ и особыхъ присутствіяхъ!

Подумайте, сколько прошло по этимъ дѣламъ подсудимыхъ, свидѣтелей, публики... Сколько лицъ непосредственно освоилось уже съ психологіей укрывательства. Сколько людей пережило ее, такъ сказать, заочно, слушая рассказы и читая газетные отчеты!.

Я упомянулъ лишь о такихъ дѣлахъ и о такихъ судахъ, въ которыхъ завѣдомо не участвуетъ народное правосознаніе. Но вѣдь и съ судомъ присяжныхъ дѣло обстоитъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ благополучно. Не рѣдко вѣдь возникаютъ сомнѣнія, можно ли приговоры, постановленные съ ихъ участіемъ, считать выраженіемъ общественной совѣсти.

Какъ бы то ни было, довѣріе къ суду въ широкихъ уже кругахъ общества подорвано. А въ народныхъ массахъ оно и не было воспитано. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, оно могло взяться въ крестьянствѣ?. Не волостные же суды могли его воспитать и тѣмъ паче не земскіе начальники...

V.

Читатели не подумаютъ, конечно, что такое отношеніе къ суду я считаю нормальнымъ. Мнѣ хотѣлось лишь напомнить о томъ положеніи, въ какомъ находится русское правосудіе.

Съ одной и съ другой стороны—укрыватели... Не рѣдко судъ, какъ я уже упоминалъ, присоединяется къ одной изъ этихъ сторонъ или насильно къ ней бываетъ притянутъ,—онъ самъ какъ бы становится укрывателемъ. Напомню хотя бы то, какъ обыкновенно проходятъ процессы, въ которыхъ бываетъ замѣшана полиція. Само собой понятно, что въ такихъ случаяхъ судъ какъ бы исчезаетъ: остаются лишь двѣ стороны, между которыми и происходитъ борьба съ заранѣе предрѣшеннымъ, въ сущности, исходомъ.

Мнѣ хотѣлось бы, однако, въ дальнѣйшемъ исходить изъ пред-

положенія, что судъ сохраняетъ безпристрастіе и независимость. Допустимъ, что онъ озабоченъ только одной правдой: онъ желаетъ выяснитъ истину, чтобы сочетать ее со справедливостію.

Вникните въ его положеніе,—и для васъ ясно станетъ его безсиліе. Въѣдъ даже на свои вспомогательные органы онъ не можетъ положиться. Цѣлый рядъ характерныхъ эпизодовъ вскрылся на этотъ счетъ во время хотя бы того же суда надъ адвокатами. Нѣкоторые изъ нихъ я уже приводилъ. Можетъ ли судъ настигнуть преступника, если прокуроръ освободилъ его отъ суда собственною милостію? Не легко суду наказать преступника и въ томъ случаѣ, если самъ прокуроръ учитъ его, какъ избѣгнуть наказанія. Но вотъ вамъ и еще эпизодъ.

Допрашивается слѣдователь Александровъ.

— Настоящее дѣло таково—показываетъ онъ,—что свиданія Шульца со Штейнъ должны были быть запрещены до самаго слушанія дѣла. Это мое категорическое мнѣніе, и я о немъ поставилъ въ извѣстность прокурорскій надзоръ, который со мною согласился.

— Значитъ, если бы эти свиданія состоялись даже по окончаніи слѣдствія...

— Это, несомнѣнно, повредило бы правосудію.

Слѣдователь желалъ облегчить правосудіе и прокурорскій надзоръ съ нимъ соглашался. Но потомъ тутъ же, гдѣ-то около суда и, вѣроятно же всего, въ томъ же прокурорскомъ надзорѣ, нашлись люди, которые постарались повредить ему.

— Въ концѣ 1909 г. — заявилъ суду Бобрищевъ-Пушкинъ, — между Шульцемъ и Штейнъ состоялось нѣсколько свиданій, и при томъ разрѣшенныхъ официально, о чемъ можно удостовѣриться изъ записей въ тюремной книгѣ. Въ частности, одно свиданіе происходило 24 декабря 1909 года, когда по официальному сообщенію Ольга Штейнъ хворала натуральной оспой. Для выясненія того, какимъ образомъ даны были эти свиданія, прошу вызвать члена тюремной инспекціи Д. Н. Талалаева и обращаю вниманіе, что г. Шульдъ отрицалъ сношенія съ Штейнъ.

— Но сношенія и свиданія — это разныя вещи! — пробуетъ увѣрить Замысловскій.

Что свиданія были, этого не отрицалъ и представитель прокурорскаго надзора. Но были и «сношенія», какъ ихъ назвалъ г. Замысловскій. Братъ Шульца, между прочимъ, показалъ, что священникъ Флеровъ «принесъ имъ много пользы, такъ, напримѣръ, онъ проносилъ письма изъ тюрьмы къ нимъ и отъ нихъ въ тюрьму къ Е. Шульцу». То же подтвердилъ и другой свидѣтель, лейтенантъ Корецкій, который, по его словамъ, «однажды даже возилъ пакетъ съ такими письмами отъ Шульцевъ къ о. Флерову».

О. Флеровъ это — тюремный священникъ, и на него, оказывается, судъ не можетъ положиться. Еще меньше онъ можетъ положиться на полицію, которая производитъ розыски, не можетъ онъ положиться, какъ мы видѣли, и на свидѣтелей. Даже докумен-

тамъ, которые ему представляютъ, онъ не можетъ вѣрить. Чувствуя свое безсиліе выяснить истину, онъ хватается за жандармовъ, за охранныя и сыскныя отдѣленія, за негласныя свѣдѣнія—за все, что не проверено и что въ силу этого не опровергнуто,—и въ результатъ еще больше роняетъ авторитетъ правосудія. Но къ этой сторонѣ я не буду возвращаться. Интереснѣе сейчасъ отмѣтить другую.

Возьмемъ тѣ случаи, когда суду удается такъ или иначе выяснить, въ возможныхъ для него предѣлахъ, истину, обнаружить и настичь преступника. Онъ опускаетъ на его голову мечъ,—и вдругъ этотъ мечъ оказывается картоннымъ.

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить у насъ о святости и неизблемости судебныхъ приговоровъ? Извѣстны вѣдь случаи, когда ихъ отмѣняла, напримѣръ, охрана. Судъ приговорить человека къ каторгѣ, тамъ онъ и долженъ находиться;—оказывается, однако, что онъ состоитъ на службѣ въ качествѣ сотрудника.

Хорошо извѣстенъ и другой способъ отмѣнять судебные приговоры. Для этого нужно только своевременно записаться въ союзники. Неохотно русскіе суды судили и осуждали, напримѣръ, погромщиковъ, но все-таки такихъ приговоровъ было не мало. Многіе ли изъ нихъ сохранили до конца свою силу?

Имѣются и другіе способы... Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда судебные приговоры формально выполнены, въ своей существенной части они оказываются аннулированными. Не въ томъ вѣдь только дѣло, что судъ причинить своимъ приговоромъ физическую боль или заставить претерпѣть матеріальныя неудобства и лишенія; еще важнѣе нравственный ударъ, который онъ наноситъ подсудимому.

И вотъ этотъ-то ударъ во многихъ случаяхъ оказывается совершенно недостижимымъ цѣли.

Гурко—осужденъ, но въ своихъ сферахъ онъ, какъ былъ, такъ и остается *persona grata*. Не разъ ужъ появлялись слухи, что его назначать даже министромъ. Про низшія должности, въ особенности, полицейскія, и говорить нечего, — тамъ осужденные—не рѣдкость. Получившій одинъ изъ самыхъ сильныхъ въ нравственномъ отношеніи судебныхъ ударовъ, Шмидъ, не постѣснился явиться даже въ Государственную Думу. И послѣ того, какъ онъ былъ выгнанъ оттуда, онъ еще выступалъ въ роли представителя духовенства.

Юскевичъ-Красковскій и Половневъ были осуждены за убійство. И ихъ не только освободили отъ наказанія,—они слѣлались героями, въ ихъ честь былъ устроенъ праздникъ. И по сейчасъ ихъ превозносятъ. «Земно кланяюсь имъ и ихъ страданіямъ—пишетъ какой-то Азъ-Люди въ «Русскомъ Знамени». — Ради сихъ двухъ праведниковъ-страдальцевъ, Богъ нашъ, по обѣтованію, сохранить наше отечество непоколебленнымъ» *).

*) Цитирую по „Голосу Москвы“, отъ 12 февраля.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Такъ относится къ судебнымъ приговорамъ одна сторона... Но и у другой они не пользуются нравственнымъ авторитетомъ.

— Я знаю, — заявилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ г. Аронсонъ, — что сочувствіе товарищей будетъ всегда на моей сторонѣ и, когда я сойду съ этой скамьи, они будутъ пожимать мнѣ руки такъ же, какъ пожимали послѣ каждаго выпада прокурора.

— Прокуроръ меня обвиняетъ, — говорилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ г. Базуновъ, — въ томъ, что я заручился общественнымъ сочувствіемъ. Да, это такъ. И оно не оставитъ меня до могилы...

Представьте себѣ, что прокуратура сумѣла бы достигнуть поставленной ей цѣли, и «адвокаты» были бы осуждены, — ихъ авторитетъ въ той средѣ, гдѣ они имъ пользуются, нисколько этимъ, вѣроятно, не былъ бы поколебленъ.

Еще недавно къ «лишенному правъ» имѣлось въ общественной средѣ опредѣленное отношеніе: человѣка, имѣющаго на паспортѣ такую отмѣтку, многіе не рѣшились бы оставить въ своемъ домѣ. Нравственная личность опороченнаго по суду стояла очень низко въ общественномъ мнѣніи. Имѣется ли такое отношеніе теперь? и тѣмъ болѣе сохранится ли оно потомъ, когда возвратятся изъ тюремъ, изъ ссылки и изъ каторги, отправленные туда въ такомъ громадномъ числѣ судебными приговорами послѣднихъ лѣтъ?

Вспоминается мнѣ одна дѣвочка, — дочь интеллигентныхъ родителей, проводившихъ значительную часть своей жизни въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Выросшая въ средѣ ссыльныхъ, она была искренно поражена, когда у ея отца оказался пріятель, никогда не сидѣвшій въ тюрьмѣ: такъ она привыкла, что тамъ побывали всѣ друзья ихъ семьи, всѣ хорошіе люди, которыхъ она знала.

Таково отношеніе къ тюрьмѣ, давненько уже сложившееся въ замкнутыхъ кружкахъ интеллигенціи. Мнѣ кажется, что подобное этому отношеніе складывается теперь въ широкихъ кругахъ народа къ судебнымъ приговорамъ. Дѣти растутъ, не думая и не предполагая, что судъ, какъ таковой, можетъ нравственно убить человѣка, что онъ можетъ кого-либо опорочить... Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что кары, расточаемыя теперь въ такомъ изобиліи русскимъ судомъ, будутъ даже разсматриваться потомъ, какъ своего рода знаки отличія...

VI.

Общественная совѣсть не съ ними, — сказалъ я. Когда это обнаруживается съ полной очевидностью, то ихъ на минуту охватываетъ растерянность. Но вообще то они ни мало не смущены этимъ: судъ-то вѣдь въ ихъ рукахъ. И они широко пользуются имъ въ своихъ видахъ.

Словъ нѣтъ, судъ—это могущественное оружіе въ политической борьбѣ. Но оно изъ числа тѣхъ, которыя особенно быстро притупляются. Въ значительной мѣрѣ русскій судъ, какъ мы видѣли, утратилъ способность наносить мѣткіе и сильные удары, обнаруживать и настигать тѣхъ, кого имъ нужно: общественная среда смыкается передъ нимъ, укрывая «преступниковъ». Реакціонеры чувствуютъ это и спѣшатъ отточить находящееся въ ихъ рукахъ оружіе.

Возьмите хотя бы этотъ походъ противъ адвокатовъ. Съ ихъ точки зрѣнія, это—несомнѣнные укрыватели. Это адвокаты облегчаютъ заключеннымъ сношенія съ волей, это они сбиваютъ своимъ допросомъ свидѣтелей, это они своими рѣчами вызываютъ сочувствіе къ подсудимымъ. И вотъ прилагаются всѣ усилія, чтобы обуздать адвокатуру: защитниковъ лишаютъ свиданій съ обвиняемыми, вмѣшиваются въ отношенія между ними, «обрываютъ» адвокатовъ во время судоговоренія, стараются, съ одной стороны, запугать ихъ судебными процессами, съ другой—скомпрометировать. Вообще «они» не прочь были бы свести на нѣтъ институтъ защиты. Тогда имъ легче будетъ добираться съ судебнымъ мечомъ до враговъ правительства...

Но они забываютъ, что письма изъ тюрьмы и въ тюрьму можетъ пронести не только адвокатъ, но и священникъ,—человѣкъ съ крестомъ на груди и не всегда, быть можетъ, съ отсутствіемъ въ ней совѣсти. Помогать «сношеніямъ» иногда не отказывается даже тюремщикъ... Они не хотятъ понять, что свидѣтель и безъ адвокатскаго вмѣшательства чувствуетъ, гдѣ правда, и инстинктивно становится на ея защиту, что не адвокатъ сбиваетъ его съ нужнаго имъ толка, а общественное мнѣніе. Они упускаютъ изъ виду, что и помимо адвокатскихъ рѣчей общественное сочувствіе тѣмъ, кого они судятъ, часто бываетъ обезпечено.

Справедливость можно убить на судѣ, но нельзя и во всякомъ случаѣ не скоро удастся убить ее въ народномъ правосознаніи. И чѣмъ большею опасностью грозитъ ей судъ, тѣмъ плотнѣе становится атмосфера укрывательства.

Главное же, чѣмъ больше «оттачиваютъ» они находящійся въ ихъ рукахъ судъ, тѣмъ все больше и больше теряетъ онъ свою нравственную силу. Взять хотя бы ту же защиту, которую они стремятся свести на нѣтъ. Приведу по этому поводу слова, на которыя сослался въ своей прекрасной рѣчи по дѣлу Гиллерсона О. О. Грузенбергъ. «Отрицаніе защиты есть отрицаніе правосудія. Процессъ, гдѣ обвиняемый поставленъ лицомъ къ лицу противъ обвиненія, вооруженнаго всесильною помощью государства, не достоинъ имени судебного разбирательства; онъ превращается въ травлю».

Судъ—сказалъ я—могучее оружіе. Но они совсѣмъ уже почти сточили этотъ мечъ, который далеко еще не исполнѣн и далеко еще

не весь былъ закаленъ въ горнилахъ исторической жизни. Теперь едва ужъ виднѣется полоска стали, а дальше идетъ желѣзо... Правда, изъ желѣза легко ковать цѣпи, но не онѣ вѣдь имъ нужны.

«Государство — говорилъ О. О. Грузенбергъ — знаетъ чуткую отзывчивость общества и даже въ тѣ тяжелые историческіе моменты, когда близорукий страхъ за утрату той или иной отжившей формы толкаетъ его къ неоглядному произволу, онъ предпочитаетъ скорѣе симулировать судъ, чѣмъ отъ него отказаться» *).

Не цѣпи имъ нужны, не средства для физическаго только воздѣйствія. И безъ того такихъ средствъ, начиная отъ кулачной расправы и кончая карательными экспедиціями, имѣется богатый ассортиментъ въ ихъ распоряженіи.

— Вѣдь наказать человѣка — хитрость не велика, позвольте вамъ сказать. Взялъ, посадилъ его въ темную, или тамъ всыпалъ горячихъ — это труда не составляетъ. Хитрости тутъ большой нѣтъ... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойти, виновенъ ли, молъ, ты, или же нѣтъ, — вотъ что главное!.. А такъ то, не разобравши дѣловъ — то, да предать наказанію — тутъ правды, я такъ думаю, нѣтъ нисколько! **).

Такъ думаетъ буфетчикъ какого-то пароходика, совершающаго рейсы на какой-то рѣчкѣ; къ этому выводу придетъ всякій, кто задумается объ отношеніяхъ власти къ обывателю. И они вынуждены съ этимъ считаться.

Имъ нуженъ нравственный авторитетъ, безъ котораго государство обращается въ разбойничью организацію. И они чувствуютъ, что прежде всего и больше всего въ судѣ видитъ этотъ авторитетъ населеніе.

Нерѣдко — говорилъ въ цитированной уже рѣчи г. Грузенбергъ — несправедливый отвратительный налогъ, непроизводительная трата народныхъ средствъ тревожатъ не такъ глубоко общественную совѣсть, будятъ въ ней не столь острое чувство протеста, какъ сознаніе напрасно загубленнаго судомъ человѣческаго существованія. Надъ мертвой зыбью равнодушной повседневности внезапно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ культурнаго міра вспыхиваютъ негодованіе и боль по поводу отдѣльнаго случая судебной неправды. Чувства эти растутъ и крѣпнутъ, захватываютъ и объединяютъ множество людей, заставляя ихъ на время забыть антагонизмъ національных, религіозныхъ и классовыхъ интересовъ. Въ эти дни самая робкая, задавленная страхомъ душа шлетъ свой горячій укоръ государству... Общество, и понинѣ прощая государству много грѣховъ, не желаетъ попускать одного грѣха — неправосудія.

Именно судъ имъ нуженъ, а не карательная экспедиція... И вотъ этотъ то судъ реакція почти весь уже «сточила».

*) Цитирую по „Рѣчи“ отъ 30 октября 1909 г.

**) Гл. И. Успенскій. „Маленькіе недостатки механизма“.

VII.

Оружіе, которымъ владѣетъ нашъ врагъ, приходитъ въ негодность... Но намъ нельзя этому радоваться.

Дѣло, повторяю, не въ томъ только, кто кого больше ударитъ. Какъ бы не пострадало и не погибло при этомъ то, изъ-за чего самая борьба ведется! Они желаютъ упрочить свое право, мы желаемъ утвердить народное, но какъ бы не исчезла та основа, на которой только и можетъ держаться всякое право!

Не судъ только я имѣю въ виду. Судъ, какъ учрежденіе, если бы онъ оказался даже совсѣмъ разрушеннымъ, возстановить было бы, пожалуй, не такъ трудно. Человѣчествомъ созданы уже достаточно совершенныя формы суда и нужно только ими воспользоваться. Гораздо важнѣе народная психологія, тотъ комплексъ мыслей и чувствъ, который имѣется въ народномъ сознаніи и на который опирается судъ въ своей дѣятельности.

Выше я упомянулъ, что дѣти растутъ безъ страха передъ судомъ. Прибавлю, что они растутъ и безъ надежды на него. Мы это по себѣ знаемъ.

Возьму хотя бы насъ, писателей. Еще не такъ давно на судъ мы надѣялись,—можно сказать, мечтали о томъ, когда насъ судить будутъ. Даже петиціи объ этомъ подавали. Подобно вышеупомянутому буфетчику, мы думали:

— Который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который ежели есть преступникъ или, такъ сказать, злодѣй какой-нибудь, такъ того наказывай. Больше ничего...

И такъ же, какъ этотъ буфетчикъ полагали, что для этого именно «дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ». Теперь мы уже не мечтаемъ о судѣ, мы на опытѣ узнали, для чего именно дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ, даже слишкомъ хорошо узнали. И, какъ писатели, мы уже не можемъ воспитывать довѣріе къ суду, поддерживать надежду на него.

Въ качествѣ писателя, посмотришь-посмотришь иной разъ во кругъ и невольно вспомнишь странницу Феоклушу съ ея разсказами о «поганыхъ странахъ», гдѣ суды, «что ни судятъ они, все неправильно».

— И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все наоборотъ*).

Невольно иной разъ подумаешь, не на счетъ ли Россіи этой

*) А. Н. Островскій „Гроза“.

странницѣ видѣніе было,—въ родѣ какъ бы пророчество?. Вѣдь почти то же самое намъ теперь въ своихъ статьяхъ писать приходится...

Но утратой страха передъ судомъ и надежды на него не ограничиваются тѣ измѣненія, какія происходятъ въ народной психологіи подъ давленіемъ неумолимыхъ фактовъ жизни.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы тотъ выборъ между правдивостью и честностью, между истиной и справедливостью, о которомъ я говорилъ выше. Труденъ и мучителенъ этотъ выборъ. Между тѣмъ не объ исключительныхъ людяхъ шла у насъ рѣчь. Во многихъ случаяхъ этотъ выборъ оказывается неизбежнымъ и для заурядныхъ людей, даже для малоразвитыхъ и нравственно неустановившихся. Какой слѣдъ онъ оставляетъ въ ихъ душѣ? И какими послѣдствіями эта необходимость «кривить душой» можетъ сказаться въ коллективной психологіи?

Общественная совѣсть разрѣшаетъ, какъ мы видѣли, а иногда и требуетъ, чтобы человѣкъ солгалъ передъ лжесудомъ, она позволяетъ и даже заставляетъ ложью предотвращать несправедливость. Тѣ, которыхъ прокуроръ называлъ «лжесвидѣтелями», а я—«укрывателями», возвращаются изъ суда съ сознаниемъ исполненнаго ими долга,—такъ и общество относится къ нимъ... Но это не можетъ вѣдь пройти совершенно безслѣдно: постепенно можетъ вѣдь установиться пренебрежительное отношеніе вообще къ судебной истинѣ, и не караемая общественнымъ мнѣніемъ ложь начнетъ разрастаться. Найдутся люди, которые станутъ пользоваться общественнымъ попустительствомъ не только ради справедливости, но и ради корысти... Представьте же себѣ, что вы получите, наконецъ, настоящий судъ и законы, совпадающіе съ народнымъ правосознаніемъ. Будетъ ли обезпечена тогда правда, вся правда въ судебныхъ приговорахъ? Справедливость, какъ ее понимаетъ въ данный моментъ общество, будетъ выражена въ законѣ, но вѣдь нужно еще найти истину въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не окажется ли и настоящий судъ въ затрудненіи? Какъ бы ему не пришлось считаться съ подлинными лжесвидѣтелями!..

Возьмите, наконецъ, отношеніе къ судебнымъ приговорамъ, какое все больше устанавливается, если уже не установилось, съ той и другой стороны,—справа и слѣва. Судебные приговоры, какъ мы видѣли, аннулируются въ полной мѣрѣ или въ наиболѣе существенной, моральной, ихъ части. Такимъ образомъ исчезаетъ всѣми признанная юридическая квалификація людей и ихъ дѣяній. Но эта квалификація нужна вѣдь не только тѣмъ, которые въ данный моментъ дѣйствуютъ именемъ государства, но и народу, который создалъ это государство, между прочимъ, для борьбы съ лиходѣями. Въ чемъ онъ найдетъ отъ нихъ защиту?

Правда, и съ упраздненіемъ суда въ его распоряженіи для борьбы съ лиходѣями остается средство: это—общественное мнѣ-

ніе, этическая квалифікація людей и ихъ дѣяній. Но это средство, завѣдомо, недостаточно: слишкомъ оно слабо и не всякаго оно можетъ поразить въ надлежащей мѣрѣ; въ то же время оно слишкомъ неумовимо, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его можно было фиксировать. Не случайно вѣдь общественное мнѣніе ищетъ себѣ поддержку и выраженіе въ судебныхъ приговорахъ,—если не официального суда, то суда чести или третейскаго.

Если бы дѣло касалось только политическихъ дѣятелей и политическихъ дѣяній, то общественное мнѣніе сравнительно легко могло бы функционировать. Оно, вѣроятно, очень скоро приспособилось бы къ официальнымъ приговорамъ и стало бы ихъ воспринимать по своему: по ихнему закону такъ выходитъ, а по нашему, стало быть, напротивъ... Но въ томъ-то и дѣло, что грань между политическими и уголовными дѣяніями не всегда видна, во многихъ случаяхъ она оказывается стертой.

Эта грань постерлась уже во время революціи, въ разгаръ которой уголовщина примѣшалась къ политикѣ, и общественное мнѣніе не всегда оказывалось въ состояніи отличить, гдѣ кончается одна и начинается другая. Теперь эта грань преднамѣренно стирается реакціей, которая, съ одной стороны, перемѣшиваетъ политическихъ преступниковъ съ уголовными, съ другой—чистыя дѣянія съ позорящими. Настоящій судъ, конечно, сравнительно легко разобрался бы въ этой путаницѣ и тѣмъ облегчилъ бы общественное мнѣніе въ его борьбѣ съ порочностью и преступностью. Но такого суда нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, на приговоры суда, какой имѣется, нельзя положиться.

Съ одной стороны, получаютъ вѣдь такіе приговоры: убійца, грабитель, клеветникъ... Но можетъ ли общество положиться на эти аттестаціи, когда ему извѣстно, что Базуновъ и Пергаментъ чуть-чуть не были объявлены укрывателями мошенничества? Вѣдь если бы ихъ дѣло рассматривалось въ судебной палатѣ или въ военномъ судѣ, то почти навѣрняка такъ бы и было. Возьмите «клеветниковъ»... Какъ много уже русскихъ писателей обвинено въ распространеніи якобы завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, т. е. объявлено клеветниками. Но можетъ ли у кого быть увѣренность, что они дѣйствительно были таковыми?

Съ другой стороны, получаютъ такіе приговоры: нѣтъ, не убійца, не воръ, не мошенникъ... Но и на нихъ вѣдь общество не рѣшается положиться. Я только что упомянулъ о «клеветникахъ» въ печати... Не такъ давно г. Пуришкевичъ судился за распространеніе путемъ печати завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности фондовой комиссіи студентовъ горнаго института и былъ оправданъ судомъ. Но въ обществѣ нѣтъ увѣренности, что этотъ оправдательный приговоръ болѣе справедливъ, чѣмъ тѣ обвинительные приговоры, которые вынесены тѣмъ же судомъ многимъ писате-

лямъ за распространіе «ложныхъ свѣдѣній» о дѣятельности правительства.

Положиться на приговоры суда нельзя, но и игнорировать ихъ—тѣмъ болѣе всегда понимать наоборотъ—тоже не возможно. Обвинительные приговоры вѣдь выносятся и подлиннымъ преступникамъ; оправдываются вѣдь и невинные люди. Въ конечномъ счетѣ судебные приговоры не только не облегчаютъ этическую работу общества, но еще затрудняютъ ее, усиливая путаницу. Въ общественной средѣ, несомнѣнно, имѣются порочные люди, остающіеся безнаказанными; такъ же несомнѣнно, что имѣются совершенно чистые люди, объявленные порочными. И общественное мнѣніе далеко не всегда оказывается въ состояніи разобраться въ этомъ.

У насъ очень любятъ говорить о переоцѣнкѣ моральныхъ цѣнностей. Одни ждутъ, что при этомъ будутъ открыты какія-то новыя богатства; другіе переоцѣнкой именно объясняютъ терпимое отношеніе общества къ заведомо порочнымъ своимъ элементамъ. Всѣ эти разговоры о переоцѣнкѣ—пустяки, конечно: не такъ-то легко приобретаются новыя моральныя цѣнности и не такъ-то легко общество отказывается отъ тѣхъ, которыя уже приобретены имъ. Гораздо важнѣе и несомнѣннѣе, по моему мнѣнію, другой фактъ: общество, привыкшее въ своей этической работѣ къ правовой поддержкѣ, не всегда пользуется, да и не въ состояніи воспользоваться, имѣющимися въ его распоряженіи этическими нормами.

Говорятъ, что право, которое не дѣйствуетъ, умираетъ; но и мораль, которая не дѣйствуетъ, сохраниться вѣдь не можетъ. Я не знаю, куда мы въ концѣ концовъ придемъ: можетъ быть, въ обществѣ съ особою силою вспыхнетъ моральное чувство, и оно безъ государственной поддержки справится съ имѣющимися въ его средѣ порочными и преступными элементами; но возможно, что оно упадетъ въ нравственное безразличіе и тогда государство, при всѣхъ своихъ ресурсахъ и какъ-бы ни была реформирована его организація, не скоро съ ними справится...

Можно было бы указать и другія возможныя послѣдствія того лжесуднаго состоянія, въ которомъ очутилась Россія. Но и сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы понять, какая опасность грозитъ намъ. Утрачивается уваженіе къ суду, атрофируется потребность въ немъ... Рѣчь идетъ уже не о судѣ только, но и о тѣхъ основахъ, на которыхъ зиждется моральный авторитетъ государства,—его истинная мощь и его истинное величіе.

Не широки у насъ эти основы,—далеко не во всей еще массѣ населенія онѣ заложены. И не глубоко еще онѣ нашей исторіей врыты. Тѣмъ легче онѣ могутъ быть расшатаны.

Но не мы, конечно, будемъ этому радоваться...

VIII.

Русская политическая жизнь въ предназначенной ей области напоминаетъ собою театральное представленіе. Такъ же, какъ на сценѣ, напримѣръ, происходитъ въ ней смѣна дѣйствующихъ лицъ: появляются одни, исчезаютъ другія, — не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя группы.

Куда дѣвались, напримѣръ, социалисты-революціонеры? Еще недавно ихъ было такъ много и они были такъ видны. А теперь...

У поверхностнаго наблюдателя легко вѣдь можетъ, пожалуй, получиться впечатлѣніе, что отъ социалистовъ-революціонеровъ остались только Бурцевъ и изобличаемые имъ провокаторы.

Да и вообще лѣвые какъ-то стушевались, — отошли къ сторонкѣ или вовсе ушли со сцены.

За то октябристы, напримѣръ, видны, какъ на ладони. Третій уже годъ они занимаютъ авансцену. А передъ тѣмъ вѣдь ихъ не удостоивали почти вниманія. Припомните хотя бы зиму 1905—1906 годовъ, — кто тогда думалъ объ октябристахъ?

Въ жизни, конечно, они и тогда были — только ихъ не было или ихъ не замѣчали на сценѣ. Точно такъ же и теперь: социалисты-революціонеры, конечно, не совсѣмъ исчезли, — они только не участвуютъ въ «дѣйствіи», находятся какъ бы за кулисами. Правильнѣе, быть можетъ, будетъ сказать: они ушли въ залу, смѣшались съ публикой, находятся среди зрителей, слѣдящихъ за дѣйствіемъ, какое происходитъ на сценѣ, но непосредственно въ немъ не участвующихъ.

Я имѣю, конечно, въ данномъ случаѣ въ виду не клички, подъ которыми выступали и выступаютъ дѣйствующія лица, не опредѣленныя ихъ сочетанія, не партійныя группировки. Послѣднія могутъ, пожалуй, довольно быстро складываться и распадаться. Но необходимые для нихъ элементы — люди съ данными идеалами и интересами, съ данной соціальной позиціей и душевнымъ складомъ, съ данными мыслями, чувствами, склонностями и навыками, — довольно медленно, по общему правилу, нарастаютъ и исчезаютъ въ жизни.

Такова одна изъ условностей политической сцены: не всѣ имѣющія въ странѣ силы принимаютъ непрерывное и равномерное участіе въ политическихъ дѣйствіяхъ. Съ этой условностью приходится считаться и въ другихъ странахъ, но у насъ она проявляется съ особою силою, — быть можетъ, потому, что мы слишкомъ недавно еще пользуемся политическою и при томъ очень убогою сценою; можетъ быть, потому, что мы еще не научились вести политическую борьбу. Можно сказать, что мы ведемъ ее такъ же, какъ воюютъ дикія племена и даже иррегулярныя войска,

вродѣ нашихъ казаковъ. Съ гикомъ и крикомъ они набрасываются на непріятеля, но, встрѣтивъ энергичный отпоръ, рассыпаются и бѣгутъ съ поля битвы. Но это еще не значитъ, что они окончательно разбиты, совсѣмъ уничтожены. Гдѣ-то тамъ—«въ кустахъ»—они, быть можетъ, оправятся духомъ, опять соберутся и вновь появятся. Кто-то уже сравнивалъ политическую борьбу, какъ она ведется у насъ, съ извѣстными кулачными боями, съ «маневрами партіей на партію», съ дракой «стѣнка на стѣнку». Сначала одни гонятъ своихъ противниковъ черезъ все поле, потомъ другіе,—и наблюдатель, который пожелалъ бы уяснить себѣ соотношеніе силъ и найти линію равновѣсія между ними, оказался бы въ большомъ затрудненіи.

Имѣется въ политической жизни и другая условность, тоже сближающая ее съ театральнымъ представленіемъ и опять-таки особенно замѣтная у насъ: не все, имѣющее значеніе, для исхода драмы совершается на сценѣ, передъ глазами зрителей; многое происходитъ (или предполагается происходящимъ) гдѣ-то тамъ, за кулисами. Отъ искусства драматурга зависитъ такъ скомпоновать пьесу, чтобы все существенное происходило передъ публикой. Чѣмъ больше послѣдняя видитъ и чѣмъ меньше ей приходится узнавать изъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ и по догадкѣ, тѣмъ лучше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, считается пьеса.

И вотъ если бы съ этой мѣркой подойти къ политической драмѣ, которая происходитъ въ Россіи, то пришлось бы признать ея автора совершенно безталаннымъ. Наиболѣе существенные ея моменты совершаются гдѣ-то внѣ общественнаго кругозора—за правительственными кулисами и въ подпольѣ. На политической сценѣ нерѣдко происходитъ скучная и никому ненужная канитель, перемежающаяся чисто-водевильными выходками, тогда какъ въ жизни совершается въ это время несомнѣнная трагедія. Возможно, что и это объясняется нашей непривычкой къ политической жизни, слишкомъ тѣсной для нея сценой, неумѣньемъ однихъ и нежеланіемъ другихъ занять на ней подобающее имъ мѣсто.

Съ особою силою обѣ стѣсненныя мною условности даютъ о себѣ знать въ переживаемое нами время.

На политической сценѣ происходитъ движеніе. Трудно пока сказать,—начнется ли новый актъ, которому обыкновенно предшествуетъ спускъ занавѣса, или только новое явленіе. Во всякомъ случаѣ готовится новая комбинація дѣйствующихъ лицъ: октябристы должны будутъ, повидимому, уступить свое мѣсто націоналистамъ. Но это не значитъ, конечно, что картина, которая получится послѣ этого на политической сценѣ, будетъ соответствовать соотношенію силъ, какое имѣется въ жизни.

Съ одной стороны, хорошо вѣдь извѣстно, что за правительственными кулисами скрываются другія силы, оказывающія несомнѣнное вліяніе на ходъ русской драмы. Не разъ вѣдь возни-

каль даже вопросъ, гдѣ находится дѣйствительное правительство: на сценѣ или за кулисами. Нѣкоторые вѣдь полагають, что правительство г. Столыпина это—только видимость. Да и что такое представляетъ изъ себя это правительство? Генераль Толмачевъ, вызвавъ къ себѣ какъ-то редактора «Одесскаго Слова», завѣрилъ его, что г. Столыпинъ, какъ ему хорошо извѣстно, «такой же убѣжденный и вѣрноподанный монархистъ, какъ и всѣ крайніе правые» *). Если это такъ, то выходитъ, что г. Столыпинъ только прикидывался октябристомъ; и теперь онъ, можетъ быть, только прикинется націоналистомъ, а въ дѣйствительности будетъ выполнять то, что считаютъ нужнымъ и возможнымъ скрывающіеся за г. Дубровинымъ.

Съ другой стороны, какъ ни обезсилены сейчасъ лѣвые, нельзя думать, что именно націоналисты представляютъ изъ себя равнодѣйствующую имѣющихся въ странѣ силъ, что именно ихъ выступленіе знаменуетъ установившееся равновѣсіе, что на козоводствѣ именно успокоится Россія. Напротивъ, неожиданность ихъ появленія на политической сценѣ означаетъ скорѣе другое: вѣдь не жизнь ихъ выдвинула, а какъ будто режиссеромъ они какимъ выпущены. И если бы нужно было аргументировать, что равновѣсіе еще не найдено и не установилось, то въ этомъ именно появленіи новыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ отсутствіи на сценѣ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ драмѣ раньше, можно было бы найти одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что не наступилъ еще моментъ развязки.

Выступленіе націоналистовъ ознаменовалось, какъ извѣстно, манифестаціей по финляндскому вопросу. И нетрудно, конечно, понять, что этотъ актъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ развитію драмы что это одно изъ тѣхъ скучныхъ и ненужныхъ дѣйствій, которыми «безталанный авторъ» занимаетъ публику. Походъ противъ Финляндіи начать уже давно и ведется съ достаточной энергіей. Ободрять его участниковъ не зачѣмъ, да и не можетъ этого сдѣлать данная манифестація: каждому изъ политическихъ дѣятелей ясно, что это только симуляція общественнаго мнѣнія, рассчитанная на невзыскательную публику, главнымъ образомъ, заграничную.

По виду манифестація была обставлена довольно внушительно, въ ней приняли участіе пѣлыми десятками профессора трехъ университетовъ: Одесскаго, Кіевскаго и Харьковскаго. Авторитету заграничныхъ профессоровъ былъ противопоставленъ авторитетъ еще большаго числа отечественныхъ. Но какихъ профессоровъ? Духъ-Банко въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ» сопоставилъ какъ-то тѣхъ и другихъ: среди заграничныхъ—Вундтъ, Гирке, Еллинекъ, а среди Кіевскихъ «Бобчинскихъ», какъ онъ ихъ назвалъ,—минералогъ Армашевскій, филологъ Бубновъ, акушеръ Муратовъ... Можетъ

*) „Рѣчь“, 23 сентября 1909 г.

быть, ихъ и знаютъ въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ студенты, но для Россіи и тѣмъ болѣе для за-границы это совершенно невѣдомые люди, даже въ своей спеціальности.

Но не въ этомъ даже суть... Могутъ ли всѣ эти Одесскіе, Кіевскіе и Юрьевскіе профессора сказать, что они подписали то, что думаютъ, въ чемъ увѣрены? Не повторили-ли они просто-на-просто тѣхъ словъ, которыя значились въ роли, врученной имъ режиссеромъ? Пусть они минералоги, филологи, акушеры, но настолько-то понять вопросъ, хотя онъ и не по ихъ спеціальности, они все-таки могутъ. Дѣйствительно-ли они увѣрены, что финляндской культурѣ ничто не угрожаетъ? Развѣ не угрожаетъ ей безправіе, которымъ поражена Россія? Развѣ не угрожаетъ ей раззореніе, если таможенная граница будетъ снята? Развѣ не угрожаетъ ей казнокрадство, если финляндскія желѣзныя дороги будутъ подчинены нашему министерству путей сообщенія?.. Многие изъ профессоровъ, вѣроятно, и сами не вѣрятъ тому, что подписали. Тѣмъ менѣе повѣрятъ имъ на слово другіе. Больше бы повѣрили, если бы они прямо сказали: какъ націоналисты, мы считаемъ позволительнымъ придавить Финляндію и выжать изъ нея все, что можно.

Это не значитъ, конечно, что данный фактъ пройдетъ безслѣдно въ общественной жизни. Проманифестировавъ съ націоналистическимъ флагомъ, гг. профессора, быть можетъ, перешли нѣкоторую черту. «Кіевскія Вѣсти» уже отмѣтили, что волей-неволей они оказались въ одной компаніи съ доносчиками. И вернуться назадъ, вырваться изъ объятій, въ которыя они попали, имъ будетъ уже не такъ легко. На русской школѣ, на русской наукѣ, на русской культурѣ это, быть можетъ, и скажется. Но для той цѣли, которую они себѣ поставили, — для того, чтобы отстоять престижъ Россіи, — что они сдѣлали? Не больше чѣмъ могутъ сдѣлать маріонетки, когда ихъ дергаютъ за нитки. Впрочемъ, быть можетъ, они еще себѣ карьеру обезпечили, да и то не извѣстно, на долго ли...

Такой же характеръ видимости, представленія, симуляціи имѣютъ и другія явленія, происходящія на политической сценѣ. Возьмите хотя бы этотъ пріемъ французскихъ парламентаріевъ будто бы русскими парламентаріями. По своей убѣдительности эта демонстрація русской конституціи можетъ превзойти развѣ только демонстрацію русскаго богатства, какую показавъ французскимъ гостямъ г. Коконцевъ.

Русскую же конституцію достаточно хорошо демонстрируетъ и Дума. Достаточно взять любой актъ изъ ея дѣятельности, чтобы немедленно обнаружилась симуляція. Сейчасъ она закончила постановительное чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ и перешла къ обсужденію «бездефицитнаго бюджета». Это какъ будто новинка. Но и раньше вѣдь роспись сводилась безъ дефицита, — только плохо

дефицитъ скрывали, и его слишкомъ легко всѣ обнаруживали. Теперь надѣются, что лучше спрятали,—не только изъ отдѣла «обыкновенныхъ», но и «чрезвычайныхъ» расходовъ вычеркнули, — и тѣмъ заразъ двухъ зайцевъ убили: съ одной стороны, передъ иностранцами финансовое благополучіе засвидѣтельствовали, съ другой—передъ соотечественниками плодотворность думской работы продемонстрировали. Стало быть, не зря существуетъ Дума... Но и хорошо спрятанный дефицитъ уже началъ обнаруживаться: Государственный Совѣтъ, повидимому, не очень озабоченъ успѣхами Думы и уже обнаружилъ намѣреніе кое-что вычеркнутое ею вставить и кое-что вставленное ею вычеркнуть, — и дефицитъ опять выгянетъ. Между тѣмъ такъ важно было бы иллюстрировать плодотворность думской работы, — особенно послѣ той выходки, которую выкинули крайніе правые.

Во время преній о мѣстномъ судѣ они устроили водевильный выходъ съ переодѣваніемъ.—и тѣмъ сразу обнаружили все безсиліе Думы, какъ у насъ принято говорить,—всю ея ненужность, какъ правильнѣе, можетъ быть, было бы выразаться. Эта выходка такъ смутила самихъ «парламентаріевъ», что многіе изъ нихъ заговорили о необходимости спустить занавѣсъ. Крайне характерно, что о роспускѣ Думы заговорили даже октябристы,—правда, не совсѣмъ, повидимому, серьезно. Въ «Голосѣ Москвы» г. Еропкинь высказалъ какъ то сожалѣніе, что «наша молодая новая конституція не примѣняетъ правила роспуска Думы, когда основные проекты, выработанные правящимъ большинствомъ проваливаются», а то не дурно было бы, по его мнѣнію, проучить такимъ путемъ «лукавыхъ» и «мудрствующихъ». Не совсѣмъ понятно только, кого именно г. Еропкинь разумѣетъ подъ «лукавыми» и «мудрствующими»,—повидимому, крайнихъ правыхъ и кадетовъ, которые не умѣютъ подлаживаться къ «видимому» правительству, но, можетъ быть, и октябристовъ, которые оказались по словамъ г. Еропкина, «наиболѣе неисправными»: «будь они всѣ на мѣстахъ, результаты голосованія могли бы получиться совсѣмъ иные» *).

Возможно, что Думу еще и распускаютъ, но, если это сдѣлаютъ, то, конечно, для того, чтобы побольше впустить въ нее націоналистовъ и правыхъ, которыхъ не хватаетъ теперь для «правлящаго большинства». Несомнѣнно пока одно: законопроектъ о мѣстномъ судѣ, какъ заявили правые, считается неприемлемымъ,—неприемлемымъ, хотя въ точности и неизвѣстно, для кого именно: для Государственного Совѣта, для видимаго правительства, или, что вѣрнѣе, для невидимаго.

Мѣстный судъ это—главная изъ реформъ, обѣщанныхъ и подготовленныхъ октябристами. И вотъ она-то потерпѣла крушеніе, какъ потерпѣли уже или еще потерпятъ его и всѣ другія за-

*) «Голосъ Москвы», 4 февраля.

тѣянные ими реформы. «Парламентаріи», убѣдившись еще развѣ томъ, что они переливаютъ изъ пустого въ порожнее, даже заскучали. «Засѣданія, посвященныя судебной реформѣ—писали газеты, день ото дня становятся все скучнѣе и скучнѣе» *). Разъ даже какъ-то засѣданіе не могло состояться, потому что парламентаріи оказались «не въ числѣ». Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, тянуть эту ненужную канитель?.. Но разъ уже взялись играть роль, то нужно ее выполнять. Постатейное чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ кончено, будетъ онъ принятъ, вѣроятно, и въ третьемъ чтеніи. Какъ-никакъ русская конституція функционируетъ, думская работа идетъ успѣшно.

Впрочемъ, я готовъ допустить, что послѣ обработки въ Государственномъ Совѣтѣ и согласительной комиссіи, законопроектъ окажется даже «приемлемымъ», и мѣстный судъ будетъ, хотя и не скоро, инсценированъ. Но вѣдь мы видѣли, какой процессъ происходитъ въ жизни: тамъ разрушаются самые устои, на которые судъ могъ бы опереться...

О жизни долженъ былъ я писать въ качествѣ ея обозрѣвателя. Думаю, что читатели не упрекнутъ меня за то, что я такъ много мѣста удѣлилъ упраздненію суда и такъ мало судебной реформѣ и вообще политическому лицедѣйству. Во всякомъ случаѣ, они поймутъ, почему я такъ сдѣлалъ.

А. Пѣшехоновъ.

† Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ.

14 мая 1824 г.—7 января 1910 г.

Скончался на 86 году, предпоследній петрашевецъ **)—Д. Д. Ахшарумовъ. Умеръ онъ въ Баку, послѣ тяжелой болѣзни, послѣ страшныхъ страданій, бывшихъ послѣдствіемъ недавно перенесенной тяжелой операціи. Мучительно закончились послѣдніе грустные дни глубокаго старика, такъ много пережившаго, такъ жизнерадостнаго по натурѣ, такъ страстно любившаго жизнь и все живое. И не озарились эти послѣдніе его дни осуществленіемъ той мечты, ради которой ему такъ мучительно хотѣлось «пожить еще, чтобы увидѣть настоящую зарю новой жизни»...

Двадцатипятилѣтнимъ юношей Д. Д. Ахшарумовъ былъ привлеченъ къ дѣлу Петрашевскаго и приговоренъ къ смертной казни черезъ расстрѣліаніе. По конфирмаціи этотъ приговоръ былъ замѣ-

*) «Биржевыя Вѣдомости» 5 февраля.

**) Последнимъ теперь остается Н. С. Кашкинъ, живущій въ Калугѣ.

нень 4 годами арестантскихъ ротъ военнаго вѣдомства и отдачей въ рядовые въ Кавказскій отдѣльный корпусъ по отбытіи ротъ.

«Я былъ въ то время—пишетъ самъ Дм. Дм. въ своихъ воспоминаніяхъ (Изъ моихъ воспоминаній 1849 года. Вольскъ, 1903)—совершенный юноша, несмотря на мой 25-лѣтній возрастъ, мечтающій, увлекающійся, исполненный горячихъ и несбыточныхъ желаній, то болѣзненно оживленный, то такъ же быстро упадающій духомъ»... «Я тогда только-что окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ восточныхъ языковъ... Произведенія знаменитыхъ поэтовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, были для меня самымъ лучшимъ чтеніемъ... Лѣтомъ со страстью занимался я ботаникой и зоологіей... Медицинскія книги привлекали меня тоже... Астрономія Гершеля была прочтена мною съ большимъ любопытствомъ... Языкознание и сравнительное изученіе языковъ казалось мнѣ весьма интереснымъ... Съ жадностью стремился я приобрѣтать себѣ познанія по всемъ отраслямъ наукъ (кромѣ философіи, политической экономіи и математики, которыя въ то время казались мнѣ слишкомъ утомительными). Событія 48-го года, происходившія въ Италіи, Франціи и Германіи, сильно интересовали меня. Соціальное ученіе Fourier, сочиненія его *Le nouveau monde industriel*, также различныя брошюры послѣдователей его *Considerant*, *Toussenel* и другихъ и популярнѣйшіе журналы того времени *Almanach phalanstirien* и болѣе ученый *Phalange* увлекали меня нерѣдко до того, что я забывалъ все прочее. Въ это время жизнь моя носилась въ какихъ-то идеальныхъ мечтаніяхъ, отчего и избранъ былъ мною факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы уѣхать куда-то на дальній юго-востокъ. Петербургъ же... казался мнѣ ничтожествомъ, въ сравненіи съ привольной жизнью среди южной природы.

«Никто не свѣдущъ достаточно въ великой наукѣ жизни и только трудомъ, терпѣніемъ и опытностью немногими приобрѣтается мудрость,—потому столько ошибокъ жизни, сожалѣній и упрековъ»... такъ заканчиваетъ Д. Д. Ахшарумовъ свою авто-характеристику.

Свой «преступный» кружокъ и дѣло онъ характеризуетъ такъ:

«То, что въ 49-мъ году вмѣнялось намъ въ вину, и за что, послѣ восьми-мѣсячнаго одиночнаго заключенія, полемымъ уголовнымъ судомъ мы были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ, въ настоящее время показалось бы маловажнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія: у насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ-же люди... Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія: приносились городскія новости, говорилось громко обо

всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ специалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... Нашъ кружокъ, выразившій собою современныя общечеловѣческія стремленія, былъ однимъ изъ естественныхъ передовыхъ явленій въ жизни народа... мы были произведенія образованнаго класса земли русской... Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточившійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ годовъ, носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ... Всѣ мы вообще были то, что теперь называютъ либералами, но общественнаго союза въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи между нами не было, и мысли наши, хотя выражались словами въ разговорахъ и ими иногда пачкались наединѣ клочки бумаги, но въ дѣйствіе онѣ никогда не переходили. Между нами были нѣсколько человѣкъ, называвшихся фурьеристами,—такъ назывались мы потому, что восхищались сочиненіями Фурье и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организованнаго труда, видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій... «Болѣе подходящимъ для насъ было-бы названіе «русскихъ социалистовъ» 1849 года, въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ социальныхъ ученій во Франціи. Наше возбужденное, какъ бы протестующее состояніе и было настоящимъ отголоскомъ событій, совершившихся въ Европѣ въ 1848 году».

Таковъ былъ, по правдивой характеристикѣ Д. Д. Ахшарумова, этотъ крамольный «союзъ», таковы были эти страшные преступники, приговоренные къ смерти и по особой милости лишь отправленные въ каторгу и многолѣтнюю ссылку... Въ воспоминаніяхъ Ахшарумова сквозитъ не то сожалѣніе, что слишкомъ мало было сдѣлано, не то стремленіе умалить совершенное и значеніе того маяка и убѣжища непридуманной мысли и общественной энергіи, какимъ былъ кружокъ для интеллигентнаго общества конца 40-хъ годовъ (Ахшарумовъ долго не могъ добиться разрѣшенія на печатаніе своихъ воспоминаній, многое долженъ былъ передѣлывать и исключать, пока, наконецъ, получилъ разрѣшеніе, въ 1902 году, издать свои воспоминанія, но лишь на правахъ рукописи, въ количествѣ не болѣе 200 экз.,—что и было сдѣлано въ 1903 г. въ г. Вольскѣ).

И «воспоминанія» Ахшарумова свидѣтельствуютъ, что и въ самомъ дѣлѣ—онъ не былъ трибуномъ, не имѣлъ въ своей натурѣ струны борца, активнаго творца лучшаго будущаго. На протяженіи всѣхъ страницъ всегда мы видимъ, прежде всего, чистаго и благороднаго русскаго интеллигента, богатаго своей внутренней

жизнью и въ ней по преимуществу переживающаго все окружающее. Общественнаго интереса «Воспоминанія» въ себѣ заключаютъ весьма немного—и не только потому, что авторъ по цензурнымъ соображеніямъ избѣгалъ такихъ темъ, а явно по натурѣ современнаго, воспитавшаго автора, общества, которое долгими и тяжкими годами безвременья было загнано въ переживанія чувствъ и настроеній своихъ личныхъ и того узкаго слоя, къ которому принадлежали отдѣльные его члены.

Несомнѣнно, въ обществѣ того времени было весьма значительное число лицъ, относившихся вполне сознательно къ окружавшимъ ихъ ужасамъ общественнаго разложенія и униженія, но отъ этого сознанія до способности ставить себѣ активную цѣль въ подготовленіи возможности выйти изъ этого мертваго болота,—дистанція огромнаго размѣра... И отъ этого пункта, на которомъ стоялъ, повидимому, Ахшарумовъ, его многіе товарищи по дѣлу и весьма многіе интеллигенты разныхъ степеней и разнаго рода «лишніе люди» — до другого, на которомъ стояли Герценъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Петрашевскій—разстояніе, дѣйствительно, большое...

Петрашевскаго Ахшарумовъ и рисуетъ такимъ «человѣкомъ другого берега», который ясно и опредѣленно поставилъ себѣ задачей сформировать изъ матеріала, какой давало петербургское общество, кругъ лицъ, проникнутыхъ не только общимъ пониманіемъ ужаса своего времени, но и активнымъ стремленіемъ бороться за лучшую жизнь. «Онъ имѣлъ большую библіотеку, говоритъ Ахшарумовъ о Петрашевскомъ,... и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми, мало ему знакомыми, но казавшимися ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебивало у него и разѣхалось въ разные города Россіи, и преимущественно въ университетскіе... Совсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственной цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей».

И разница между этимъ крупнымъ человѣкомъ, которому судьба не дала сдѣлать все то большое, на что былъ онъ способенъ,—и однимъ изъ тѣхъ, кто, какъ и многіе десятки другихъ, могъ-бы и долженъ былъ-бы унести съ собой въ провинцію нѣсколько книгъ Петрашевскаго, воспитанное имъ общественное сознаніе и готовность, въ добрый на то часъ, поддержать всякое прогрессивное начинаніе,—въ немногихъ словахъ можетъ быть подчеркнута воспоминаніемъ о томъ, какъ оба отнеслись къ своему дѣлу и къ своему будущему: Ахшарумовъ подалъ изъ тюрьмы прошеніе на высочайшее имя о помилованіи (хотя впоследствии и сожалѣлъ о томъ), а Петрашевскій отказался принять помилованіе, предложенное ему Александромъ II, и умеръ на поселеніи...

Само собой, что приведенной параллелью мы несколько не имѣемъ въ виду послать какой-либо упрекъ благородной памяти Д. Д. Ахшарумова,—но всякій можетъ только то, что можетъ, и мы считаемъ необходимымъ выяснять рельефнѣе картину среды, въ которой разыгралась тяжелая драма «дѣла Петрашевскаго», общественную цѣнность лицъ, которымъ пришлось разбитыми жизнями и долгими годами мученій заплатить за честь присутствія своего въ первыхъ рядахъ интеллигенціи 40-хъ годовъ. Судьба выдвинула въ этотъ первый рядъ и Д. Д. Ахшарумова. На это онъ имѣлъ право по всему основному складу своихъ стремленій и идеаловъ,—и не его вина, если въ натурѣ его не было элементовъ бойца, а звучали струны «лишняго человѣка», поэта страданій благородной души, угнетенной окружавшей дѣйствительностью. Одно изъ своихъ тюремныхъ стихотвореній онъ начинаетъ словами:

Гора высокая, вершина чуть видна,
Пустыня жаркая, нѣтъ ни дождя, ни тѣни;
Вся терніемъ густымъ обложена она
И знойнымъ воздухомъ удушливыхъ растений.
И мнѣ, безсильному, досталось идти
По столь тяжелому пустынному пути...

И это трагическое «безсиліе» не разъ приходитъ на память читателю воспоминаній. Тяжелый крестъ, крестъ передовыхъ борцовъ, упалъ на плечи рядового интеллигента, правда, далеко опередившаго жалкій средній уровень общества Николаевской эпохи, но совершенно не подготовленнаго къ роли передового борца...

«Я привожу его (стихотвореніе), пишетъ Ахшарумовъ, какъ оно есть; оно выражаетъ мрачное, экзальтированное, болѣзненное состояніе человѣка, истомленнаго долгимъ одиночнымъ заключеніемъ за стремленіе выйти изъ безобразной, душной окружающей насъ общественной среды».

Ужасъ пережитой эпохи подчеркивается этимъ признаніемъ, что одного «стремленія» было достаточно, чтобы попасть въ ряды ожесточенно преслѣдуемыхъ и искореняемыхъ «преступниковъ». И то, что Ахшарумовъ пронесъ неугашеннымъ чрезъ тяжелыя испытанія, тотъ священный огонь вѣры въ лучшее будущее и жажды его которыя и привели его къ эшафоту, что во всей своей долгой послѣдующей жизни онъ всегда горячо и чутко жилъ жизнью того же передового отряда русской интеллигенціи, въ рядахъ котораго и началъ свое общественное служеніе,—само по себѣ свидѣтельствуеетъ, что было въ этомъ человѣкѣ кое-что незаурядное.

Это незаурядное—богатство духовныхъ силъ и глубоко продуманная и прочувствованная гуманность, ставшая «второй натурой» и нашедшая рѣшеніе «проклятыхъ вопросовъ» лишь въ упорной общественной работѣ.

Но, какъ не былъ онъ «вождемъ» въ кружкѣ петрашевцевъ, такъ не былъ онъ имъ и въ дальнѣйшей жизни.

По окончаніи срока заключенія въ «ротахъ» въ Херсонѣ, Ахшарумовъ былъ назначенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, а въ 1857 году былъ помилованъ, произведенъ въ прапорщики, вышелъ въ отставку, принятъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, откуда перевелся въ Медицинскую академію, по окончаніи которой (съ серебряною медалью) былъ за границей для продолженія своего медицинскаго образованія, работалъ у Дюбуа-Реймона въ Берлинѣ, гдѣ и написалъ диссертацию, доставившую ему степень доктора медицины. Затѣмъ онъ служить военнымъ врачомъ въ разныхъ мѣстахъ и прочно устранивается въ 1873 году въ Полтавѣ, гдѣ занимаетъ мѣсто медицинскаго инспектора (до 1882 г.) и живетъ до 1888 года.

Въ 1885 году его постигаетъ глубокое горе — потеря жены, бывшей всегда для него большой нравственной опорой. Быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что на это горе Ахшарумовъ реагировалъ, между прочимъ, попыткой проникнуть въ тайны жизни путемъ ознакомленія съ ученіемъ спиритовъ. Въ позднѣйшее время мы не помнимъ, чтобы онъ возвращался къ этимъ попыткамъ, но тогда, по его словамъ, онъ достигъ того, что на попытку вызова духа усопшей супруги получилъ нѣкоторое удовлетвореніе: онъ видѣлъ «не духъ жены, а что-то вроде эссенціи ея»... Намъ кажется знаменательнымъ и характернымъ для Ахшарумова этотъ протестъ противъ стихій, эта жажда выйти за предѣлы «человѣческаго» тамъ, гдѣ эти предѣлы мучительно его остановили.

Въ 1888 году Ахшарумовъ переезжаетъ въ Ригу, гдѣ поступилъ въ политехникумъ его сынъ. Въ Полтаву онъ возвратился въ 1908 г., уже сильно ослабѣвшимъ, почти дряхлымъ, но все еще бодрымъ душою, чуткимъ ко всему окружающему. Онъ продолжалъ работать по специальнымъ медицинскимъ вопросамъ, надъ которыми всегда много работалъ, интересуясь по преимуществу вопросами общественной медицины. Ему много обязано полтавское земство участіемъ въ его разработкѣ постановки земской медицины, ему же принадлежитъ много работъ по изученію дифтерита, о чумѣ, сифилисѣ, сибирской язвѣ, о проституціи (возмущаясь существующимъ положеніемъ дѣла, онъ горячо стоялъ за уничтоженіе унизительной и бесполезной регистраціи), по оспопрививанію (гдѣ онъ явился убѣжденнымъ противникомъ прививокъ).

Въ послѣдніе годы онъ собиралъ матеріалы для большой работы по туберкулезу, все мечтая, что еще поправится, окрѣпнетъ и тогда примется за работу «по настоящему».

Жизнь въ этомъ маленькомъ, изможденномъ тѣлѣ была огромная. Для возвращенія себѣ чувства жизни, возможности работать, онъ готовъ былъ на все. Не разъ приходилось ему прибѣгать къ операціямъ — и очень мѣтко, очень рельефно это безстрашіе предъ очень опасными и мучительными операціями характеризо-

валъ какъ-то Вл. Гал. Короленко, говоря, что Д. Д. Ахшарумовъ, какъ корабль въ бурю, выбрасываетъ за бортъ, одно за другимъ, все, чѣмъ былъ нагруженъ, все, что теперь стало ему уже не нужно,—только-бы добраться до гавани...

Переездъ въ Полтаву не далъ Ахшарумову главнаго, на что онъ рассчитывалъ: прежнія связи оборвались, разсѣялись — въ Полтавѣ уже не было многихъ изъ тѣхъ, кто зналъ и любилъ его, съ другой стороны, не появилась и практика, на которую онъ рассчитывалъ, въ которой нуждался, т. е. средства его были весьма ограничены. Самъ всегда больной, слабый, онъ въ дѣйствительности былъ не въ силахъ заниматься практикой, но какъ-то не видѣлъ этого, подозрѣвалъ, что къ нему почему-то относятся неблагопріятно, ворчалъ иногда, что коллеги не хотятъ привлекать его къ совѣщаніямъ... Одиночество, матеріальная стѣсненность накладывали очень грустные, тяжелые тоны на послѣдніе годы догравшей жизни... Буквально объ одиночествѣ, конечно, нельзя говорить: въ Полтавѣ все-же былъ небольшой кружокъ людей, любившихъ его, бывавшихъ у него и интересовавшихся его положеніемъ. Жилъ послѣдніе годы онъ въ Полтавѣ на квартирѣ, гдѣ въ томъ-же дворѣ жили домовладѣльцы — люди, горячо къ нему расположенные, и не менѣе того любившіе и цѣнившіе его ихъ друзья,—но это все было «не то»: старикъ видѣлъ шедшую мимо него жизнь, участвовалъ въ ней душой, зналъ о ней и видѣлъ ее,—но самъ уже не могъ, не въ силахъ былъ принимать въ ней активное участіе — и это было ему тяжело, это создавало для него ту отчужденность, при которой онъ чувствовалъ себя въ сторонѣ, вѣѣ жизни.

Бурные освободительные годы Д. Д. переживалъ всей душой. Трогательныя минуты испыталъ онъ, когда къ нему явилась депутація отъ избирательнаго собранія губерніи, только что избраннаго депутатовъ первой русской Думы. По заключеніи выборовъ болѣе ста избирателей и всѣ избранные депутаты сошлись въ залѣ гостиницы за общимъ обѣдомъ, куда пригласили и В. Г. Короленко. Одна изъ рѣчей была посвящена предтечамъ современнаго «освобожденія» и была закончена предложеніемъ отъ имени собравшихся почтить привѣтствіемъ Д. Д. Ахшарумова. Горячо принявъ предложеніе, собраніе сейчасъ же избрало депутацію, которой и поручило поѣхать привѣтствовать престарѣлаго петрашевца. Въ числѣ депутатовъ, избранныхъ въ составъ депутація, были Г. Б. Юлосъ, Я. К. Имшенецкій, депутатъ-рабочій г. Жигель. Старикъ «никакъ не ожидалъ такой чести», былъ глубоко растроганъ, расплакался и благодарилъ депутатовъ.

Подъемъ настроенія въ это время отразился и на этомъ преклонномъ старикѣ, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что самъ онъ — уже не работникъ на той нивѣ, на которой ему стало такъ особенно привлекательно поработать.

Послѣдовавшая реакція его глубоко поразила, придавила. Долго

ждавшій радостныхъ дней свободы, такъ мечтавшій о томъ, чтобы увидѣть лучшее время и только тогда умереть, онъ вдругъ увидалъ, что до этихъ «настоящихъ» дней еще очень и очень далеко... Какъ-то по дѣтски жадно онъ спрашивалъ друзей, посѣщавшихъ его, какъ они думаютъ, долго ли продлится еще этотъ ужасный періодъ реакціи, и по дѣтски глубоко огорчался, если спрашиваемый думалъ, что много лѣтъ еще не пройдетъ, пока наступитъ «настоящій день». — «Ахъ, Боже мой, — говорилъ онъ, — я вѣдь, навѣрное, не доживу до этого»... И вся его слабая, изможденная, маленькая фигура изображала глубокую подавленность и страданіе.

Но во время московскаго возстанія онъ еще готовъ былъ бороться. Глубоко трогательная и вмѣстѣ комичная картина была, когда старецъ, во время возстанія, слушалъ рассказъ о томъ, что дѣлается въ Москвѣ.

— Эмилія, Эмилія! — обращался онъ къ своей женѣ, въ оба глаза глядѣвшей за едва ходящимъ супругомъ, — Эмилія, слышите? Тамъ дерутся! Собирайтесь, я ѣду, я ѣду!.. Я хочу идти на баррикады!..

И Дмитрій Дмитріевичъ возбужденно вставалъ, халатикъ распахивался, супруга бросалась успокаивать воинственнаго бунтовщика...

Вторая супруга Ахшарумова, — его вѣрная подруга и еще болѣе — няня и сидѣлка, на своихъ плечахъ вынесшая всѣ старческія болѣзни Дм. Дм., жила долго въ семьѣ Ахшарумовыхъ еще при жизни покойной первой супруги въ качествѣ воспитательницы дѣтей (двухъ сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ нынѣ одинъ, живущій въ Баку). Преданности и глубокому самопожертвованію ея Дм. Дм., конечно, много былъ обязанъ тѣмъ, что ему удалось, среди постоянныхъ болѣзней, дотянуть до такого преклоннаго возраста, въ какомъ онъ умеръ. Большимъ ударомъ для Дм. Дм. была ея тяжелая болѣзнь, на излеченіе которой въ ея родномъ воздухѣ сѣвера рассчитывали оба.

Въ маѣ 1909 года Ахшарумовы выѣхали въ Петербургъ. Помимо болѣзни жены (астма), при которой надѣялись, что ей станетъ легче въ климатѣ болѣе влажномъ и прохладномъ. Дм. Дм-ча туда влекла и неопредѣленная, но очень горячая надежда, что тамъ онъ сумѣетъ найти большой и близкій кругъ знакомыхъ, что поправится жена, поправится самъ онъ (въ это время онъ уже принципиально рѣшилъ сдѣлать себѣ еще одну операцію, — на нее полтавскіе врачи, въ виду ея серьезности и слабости престарѣлаго больного, — не рѣшались).

— Вотъ, поправлюсь, буду работать, у меня еще много есть, что нужно сдѣлать, — говорилъ онъ.

Надеждамъ этимъ, однако, не было суждено осуществиться. Знакомые, конечно, встрѣтили его тепло, но слишкомъ всѣ заняты въ Петербургѣ, замучены своей повседневной работой, слишкомъ

велики разстоянія въ Петербургѣ, чтобы могло установиться то тѣсное общеніе, которое было нужно старцу для того, чтобы не чувствовать себя въ сторонѣ. Да и войти въ интересы жизни друзей сразу, конечно, было трудно. Впрочемъ, очень скоро оказалось, что и не время думать объ этомъ: здоровье Эмилии Германовны становилось все хуже, и въ іюнѣ она умерла.

Пишущему эти строки не пришлось, со времени выѣзда изъ Полтавы, встрѣчаться съ Дм. Дм., но легко можно себя представить, какъ былъ подавленъ онъ, какъ растерялся этотъ полуживой старикъ, когда отъ него отошла его вѣрная многолѣтняя подруга, безъ которой онъ буквально шага не могъ сдѣлать.

Онъ переѣхалъ въ Баку, къ сыну. Тамъ и прошли его послѣдніе дни. Въ ноябрѣ онъ настоялъ на операціи железы, мучившей его старческимъ ея перерожденіемъ. Операція была очень тяжела, а страданія послѣ нея такъ сильны, что онъ, самъ врачъ, отзывался о нихъ, что никогда не думалъ, что человѣкъ можетъ перенести такіа ужасныя страданія... Онъ и не перенесъ: усталое сердце, очевидно, не выдержало—и 7 января Д. Д. Ахшауровъ скончался отъ паралича сердца...

Первыя воспоминанія мои о Дмитріѣ Дмитріевичѣ относятся къ далекому уже времени 70-хъ годовъ. Ребенокъ тогда, я лежалъ въ постели, въ сильномъ жару, а около меня сидѣлъ Дм. Дм. и въ мучительномъ какомъ-то раздумьѣ твердилъ:

— Что же ему прописать, что же ему прописать?

И рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ становится теперь другое, послѣднее, накануне его отъѣзда въ Петербургъ.

Какъ ни былъ онъ угнетенъ, озабоченъ всей суетой и заботами, связанными съ отъѣздомъ, но и въ этотъ разъ онъ не могъ не задать своего обычного мучительнаго, истинно-проклятаго вопроса:

— Какъ же вы думаете, неужели эти ужасы еще долго продлятся?

И въ отвѣтъ на мой грустный отвѣтъ—опять мучительнымъ раздумьемъ, какой-то растерянностью, недоумѣніемъ сжалась вся его фигура.

— Что же дѣлать, Боже мой, что же дѣлать? — мучительно повторялъ онъ...

И мнѣ вспомнилось такое далекое старое:

— Что же ему прописать?... Что ему прописать?..

Въ этихъ двухъ моментахъ теперь для меня сливается воспоминаніе о Д. Д. Ахшауровѣ. Слишкомъ ужасное время его воспитало, дало ему на всю жизнь отвращеніе къ лжи и мраку нашей исторіи, горячую жажду и стремленіе къ свѣту свободы и чело-
вѣчности, но не дало темперамента и силъ героя, вождя, передо-
вого борца, поставило передъ его глазами огромную задачу, ги-
гантскую работу—и не дало счастья быть въ силахъ, сумѣть все

Февраль. Отдѣлъ II.

цѣло отдаться радости самоотверженнаго самозабвенія въ этой работѣ...

Миръ праху твоему, несчастный русскій гражданинъ...

Мих. Сосновскій.

НОВЫЯ КНИГИ

Борисъ Лазаревскій. Семья. Разказы. Изд. «Прогрессъ». Спб. 1910. Стр. 289. Ц. 1 р.

Сборникъ новыхъ разказовъ г. Лазаревскаго откровенно тенденціозенъ. Каждый разказъ отдѣльно можно было разсматривать, какъ случайное обличеніе, не замѣчая его предиаѣренности и поучительности. Сборникъ же открывается эпиграфомъ изъ Дружинина: «Литература не роскошь жизни, а самая жизнь» и явно желаетъ наставлять читателя въ истинныхъ путяхъ жизни, раскрывая предъ нимъ всю пагубность путей ложныхъ. «Семья» называется книга г. Лазаревскаго и картину современной русской интеллигентной семьи должна показать намъ. Въ разказѣ «Сила» молодой ученый и очень порядочный человекъ профессоръ Цѣтковъ, любящій жену и имѣющій милыхъ дѣтей, увлекся физическимъ обаяніемъ дѣвушки, живущей у него въ домѣ; физической измѣны еще не было, но, истерзанная его похотливымъ малодушіемъ, жена измѣнила ему; онъ бросился подъ поѣздъ. Въ разказѣ «Бѣда» жена ученаго, умная и порядочная женщина, въ отсутствіи мужа, уѣхавшаго за границу, физически увлеклась молодымъ человекомъ и, чтобы скрыть отъ мужа слѣды этого увлеченія, обратилась къ акушеркѣ; операція вытравленія плода не удалась, и бѣдная Елизавета Валеріановна умерла послѣ тяжкихъ страданій. Въ разказѣ «Правда» умный и порядочный герой разказываетъ любимой дѣвушкѣ, какъ лжетъ, безстыдно измѣняя ему, его жена. Въ разказѣ «Жизнь безконечная», герой—тоже умный и порядочный человекъ, отправившій послѣ десятилѣтней совместной жизни свою бывшую жену къ ея любовнику,—очень небрежливому человеку, разказываетъ о постигшихъ его въ больницѣ видѣніяхъ; его навѣстила та, которая при жизни была женой негодая-распутника—и благословляетъ его на «жизнь безконечную» внѣ земныхъ горестей. Въ разказѣ «Вечеръ» Нина Петровна «восемь лѣтъ была замужемъ, потомъ сошлась съ какимъ то нежелавшимъ идти въ священники семинаристомъ и два съ половиной мѣсяца была «счастлива». Когда Нина Петровна заикнулась о томъ, что, кажется,

будетъ ребенокъ, семпнаристъ обѣжалъ и поступилъ на содержаніе къ другой барынь». Нина Петровна живетъ временно у своей сестры Анны Петровны, которая замужемъ за учителемъ Фешинымъ, и размѣренное, сытое и тоскливое семейное счастье Фешиныхъ представляется ей и читателю еще болѣе тягостнымъ, чѣмъ ея нелѣпая и уродливая авантюра. Въ разсказѣ «Тапгейзеръ» разсказчикъ передаетъ читателю, какъ безсмысленно измѣняетъ ему его жена съ трусливымъ ничтожествомъ, студентомъ, «болѣе похожимъ на приказчика изъ мясной лавки или на цирковаго борца, чѣмъ на студента». Въ разсказѣ «Конецъ» Елена Ивановна послѣ связи съ Богоявленскимъ—«господиномъ въ темномъ шуллерскомъ пенснѣ, неопредѣленной профессіи, котораго она полюбила за чисто лакейскую красоту и за то, что товарищи мужа, художники, презирали его, а ей казалось, будто завидовали»,—попробовала опять сойтись съ мужемъ, а когда не удалось, отравилась.

Такъ однообразны схемы разсказовъ г. Лазаревскаго. Онъ пытается оживить ихъ мелкими черточками наблюденій, пытается сдѣлать индивидуальнѣе и интереснѣе свои образы, но немного выходитъ изъ этого. Хуже всего то, что прочтешь—и не задумаешься. Средства истрачены не малыя, сюжеты сплошь трагическіе съ необходимыми въ концѣ самоубійствами, вопросы самыя захватывающіе, а между тѣмъ роковая печать незначительности легла на все это пестрое разнообразіе подробностей—и, захлопывая книжку г. Лазаревскаго, расстаешься съ ней равнодушно, чувствуя не только непобѣдимое безразличіе, но и недоувѣріе. Это не потому, чтобы авторъ былъ лишенъ дарованія—нѣтъ, маленькое дарованіе, маленькая наблюдательность у него есть, но ничего достойнаго изъ этого не выходитъ. Не выходитъ потому, что маленькому дарованію не осилить тѣхъ большихъ вопросовъ, которые съ такой безжалостной расточительностью предъявляетъ человѣку жизнь. Даже геній не рѣшаетъ ихъ одною божественной стихійностью безсознательнаго наблюденія, а вноситъ въ ихъ освѣщеніе, въ ихъ постановку и рѣшеніе сознательную мысль. И геній тенденціозенъ, но онъ умѣетъ быть тенденціознымъ; для него тенденція только лѣса, которые можно убрать, когда постройка готова. У такихъ, какъ г. Лазаревскій, вся постройка только лѣсами держится. Уберите его тенденции, назойливыя, дѣтски безпомощныя и грубо-обличительныя—и его образы распадаются въ житейскую пыль, сѣрую и удушливую. Грязно и тягостно въ его разсказахъ, и нѣтъ никакого просвѣтлѣнія, никакого освобождающаго подъема въ отношеніи автора къ его сюжетамъ и образамъ. Онъ обличаетъ съ легкимъ сердцемъ—и легко читателю разстаться съ нимъ. Онъ хотѣлъ изобразить современную интеллигентную русскую семью въ галлерей образовъ, предъ чудовищнымъ ничтожествомъ, пошлостью, похотливостью, легкомысліемъ, истерической неустойчивостью которыхъ должны были бы померкнуть самыя неистовыя обвиненія

«Вѣхъ», а между тѣмъ, его книга не задѣваетъ, не раздражаетъ, не вызываетъ на полемику. Совершенно ясно, что здѣсь слабѣйшій человѣкъ не сумѣлъ совладать съ тѣмъ матеріаломъ, который былъ предъ нимъ, не сумѣлъ раздѣлить, не сумѣлъ обобщить, ухватился за маленькую идейку и крѣпко держится за эту рѣшетку, чтобы не свалиться. Не глубокіе, осложненные, роковые, но культурой переработанные половые инстинкты властвуютъ надъ его героями, потому что онъ не умѣетъ схватить въ жизни большія живыя проявленія этихъ инстинктовъ, не чувствуетъ ихъ, не умѣетъ изобразить: мелкіе люди, сбитые съ панталыку мелкой животностью—вотъ то, что у г. Лазаревского торжественно называется «Семья». Не мудрено, что всякій—сколько бы онъ ни видѣлъ ужасовъ въ разложеніи современной семьи, сколько бы онъ ни думалъ надъ вопросами пола—всегда скажетъ: мнѣ эта «Семья» чужда, она внѣ моихъ вопросовъ, внѣ моей жизни. И если эти половые психопаты травятся и бросаются подъ поѣздъ, я остаюсь равнодушнымъ: не потому, что они ничтожны, а потому, что они недействительны. Всѣ мы видѣли что то такое, но совѣмъ не то.

О покойномъ Менделѣевѣ рассказываютъ, что онъ въ послѣдніе годы жизни съ увлеченіемъ отдыхалъ на романахъ Дюма-отца. «Очень интересно,—говорилъ онъ:—на одной страницѣ шесть человѣкъ убьютъ—и никого не жалко!» Вотъ такъ и съ героями г. Лазаревского.

„**Фіорды**“. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели въ переводахъ А. и П. Ганзенъ. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ:

„Сборникъ 2“. («Мой первый успѣхъ» Э. Грига, перев. съ датскаго «Ледникъ» I. Ленсена, пер. съ датскаго; «Сила вѣры» I. Бойера, пер. съ норвежскаго; «Разказы» П. Гальстрема, пер. съ шведскаго). Спб. 1909. Цѣна 1 руб.

„Сборникъ 3“. («Когда цвѣтетъ молодое вино», Бьернсона, пер. съ норвежскаго; «Дикій лѣсъ», О. Нильсона, пер. съ шведскаго). Спб. 1909. Цѣна 1 руб.

«Когда цвѣтетъ молодое вино». Тогда всѣ пьяны счастьемъ. И старые и молодые.

Это — мотивъ въ комедіи Бьернсона: «Когда цвѣтетъ молодое вино».

Броненосцу „Турденшаль“, стоящему въ Бергенѣ, посланъ приказъ отправиться во Францію, какъ только получится извѣстіе о смерти Бьернсона. Броненосецъ развелъ пары и каждую минуту готовъ къ отплытію.

Въ виду заявленія консилиума врачей о полной безнедежности больного, сдѣланы всѣ приготовленія для траурнаго убранства судна.

Больной въ безсознательномъ состояніи.

А это изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій.

Броненосецъ готовится отплыть для «послѣднихъ почестей» не-коронованному королю Норвегіи.

А онъ еще пьянъ отъ «молодого вина»—въ душахъ влюбленныхъ.

Этотъ контрастъ придаетъ особое очарованіе мѣстами наивной пьесѣ Бьернсона. Читаешь, и на первомъ планѣ, между строкъ, онъ самъ, когда его собственные дни были на перелѣтѣ. Это не помѣшало ясности его творчества. Эту ясность обычно зовутъ дѣтской ясностью, хотя это не всегда бываетъ справедливо въ отношеніи дѣтей. Но знаменитый старикъ быть счастливымъ: у него была эта ясность; съ нею онъ жилъ, съ ней написалъ послѣднія страницы.

Та же неискоренимая вѣра въ доброе начало человѣческихъ душъ. Въ нихъ много сору; въ человѣческихъ отношеніяхъ много ложнаго, благодаря уродливо сложившейся жизни и культурѣ; много въ нихъ исковерканнаго. Но попробуйте по Бьернсону—отскрести всѣ эти сорные остатки, предразсудки, наслоенія историческихъ и прочихъ условій, вы по Бьернсону найдете непременно алмазы. Нужно только попробовать и сумѣть.

Комедія, помѣщенная въ 3-мъ сборникѣ «Фіорды», духъ отъ духа Бьернсона. Тѣ же качества; тѣ же и недостатки. Передъ читателемъ кучка влюбленныхъ—милая, ясная молодая душа въ которыхъ «цвѣтетъ молодое вино». Опьянены счастьемъ юные, и это заставляетъ «цвѣсти» даже старое вино: въ душахъ стариковъ—матери и отца... Иногда пьеса наивна; но и это не мѣшаетъ; ибо это не «личина» писательская, какъ сейчасъ принято говорить, а живая душа, которая не можетъ, а потому и не должна быть иною... Простые, несложные характеры; простенькая, несложная фабула. Но «цвѣтетъ молодое вино», и вся эта душевно несложная молодежь притягательна или привлекательна.

Какъ мы уже упомянули, даже старики отецъ и мать въ изображеніи Бьернсона оказываются зараженными этой красотой юности и любви. Забываются десятки лѣтъ житейской накипи; сменяется соръ, накопившійся между супругами за эти десятки лѣтъ и вновь для нихъ ощутимо ясно то, что связало ихъ когда то: чувство огромной взаимной цѣнности.

Хорошая вещь—жизнь, гдѣ столько отведено мѣста поэзіи. Вотъ чувство, съ которымъ вы перевертываете послѣднюю страницу послѣдней комедіи Бьернсона.

Иной характеръ имѣетъ пьеса другого норвежскаго художника Югана Бойера («Сила вѣры»). Вмѣсто Бьернсоновской простоты у Бойера сложная путаница условій и душевныхъ движеній, развернутая авторомъ съ яркой убѣдительностью. Герой Бойера несомнѣнно «честный» человѣкъ. Но этотъ несомнѣнно честный человѣкъ совершаетъ несомнѣнно безчестный поступокъ. И — «ничего»! Не подумайте, однако, что на «честнаго» человѣка у Бойера свалились горы злосчастья, придавившія его и «честность». Нѣтъ, никакихъ сверхъестественныхъ причинъ не было. Было только сте-

ченіе неблагоприятныхъ мелкихъ обстоятельствъ. На помощь имъ пришло мелкое самолюбіе, и честный человѣкъ, еще вчера гордившійся своей безупречною, поддерживаетъ ложное обвиненіе въ подлогѣ, идетъ въ судъ, торжественно подтверждаетъ ложное обвиненіе и примиряется съ годичныхъ тюремнымъ заключеніемъ и грядущимъ позоромъ за несовершенное преступленіе.

Никакихъ экстраординарныхъ условий; все совершается въ кругѣ житейскихъ мелочей; и тѣмъ не менѣе все совершается въ предѣлахъ вѣроятной правды въ изображеніи Бойера.

И сама тема, взятая норвежскимъ писателемъ, интересна. И авторъ умѣетъ держать читателя въ состояніи напряженнаго ожиданія.

Ждешь какихъ-нибудь монологовъ о мученіяхъ совѣсти и пр. и пр. И напрасно ждешь. У Бойера ничего этого не оказывается. На лицо только удовлетворенное самолюбіе, правда, омраченное сознаниемъ вины, но—но тѣмъ не менѣе *удовлетворенное*. Вопросъ для героя въ концѣ концовъ сводится только къ тому, какъ отнесутся къ нему дѣти: сынъ и дочь. Но когда и дѣти, которымъ хочется, которые страстно *хотятъ* вѣрить въ безупречность отца, сумѣли вопреки очевидности повѣрить въ желательное, въ отцовскую безупречность, «честный» человѣкъ Бойера искренно счастливъ.

Вотъ и все, чѣмъ результируется драматическое положеніе въ пьесѣ Бойера.

Отъ этой интересной, но холодной скептической вещи пріятно перейти къ небольшому автобіографическому разсказу композитора Грига, широко извѣстнаго и въ Россіи. Грига просили разсказать о первомъ успѣхѣ въ его художественной карьерѣ. Это и дало ему поводъ для небольшого разсказа объ юношескихъ годахъ, гдѣ не было «перваго» успѣха, были только различные успѣхи положительнаго и «отрицательнаго» характера. Къ послѣднимъ Григъ относитъ всевозможныя разочарованія и непріятности, постигавшія его молодое дерзновеніе. Это бывало очень непріятно, но Григъ считаетъ и это «отрицательными успѣхами» въ своемъ прошломъ. Но если все таки требовать отъ него прямого отвѣта, то Григъ даетъ и прямой отвѣтъ: «первый успѣхъ» былъ достигнутъ послѣ всѣхъ «горестей и радостей, разочарованій и триумфовъ дѣтства и первыхъ ученическихъ лѣтъ», когда онъ, наконецъ, разобрался въ самомъ себѣ, въ своихъ склонностяхъ: «узнать, чего я *хотѣлъ*» или, какъ онъ выражается словами Ибсена: «нашелъ себя самого».

Очень пріятенъ въ этомъ разсказѣ Грига самый тонъ разсказа—тонъ мягкаго юмора надъ самимъ собой и «отрицательными успѣхами». Вопреки правилу: никто не судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ, Григъ принимаетъ къ разбирательству свои столкновенія изъ категоріи «отрицательныхъ успѣховъ» и чаще всего выноситъ приговоръ не въ свою пользу: виноваты оказываются не

дарители этихъ «успѣховъ», а онъ самъ, не дававшій объективныхъ признаковъ для высокой оцѣнки...

Не менѣе интересны два письма молодого Грига о встрѣчѣ съ знаменитымъ Листомъ, рѣшительно поддержавшемъ вѣру Грига въ будущее. Портретъ Листа въ этихъ письмахъ къ родителямъ—увлекательная художественная миниатюра.

Вкратцѣ отмѣтимъ, что въ рецензируемыхъ двухъ книгахъ имѣются еще обширный бытовой романъ «Дикій лѣсъ» Оссиана Нильсона (тема отношенія интеллигенціи и рабочей массы) и такой же обширный фантастическо-научный «Ледникъ» Юганнеса Іенсена, знакомаго читателямъ по роману «Колесо», печатавшему въ «Р. Б.» въ прошломъ году. Первый принадлежитъ шведскому писателю; второй—норвежскому. Первый очень интересенъ, хотя правильной оцѣнкѣ его мѣшаетъ незнакомство читателя съ изображеннымъ бытомъ; второй—скучнѣе: тема его многа о ледниковомъ періодѣ и первомъ человѣкѣ. Авторъ не хочетъ слишкомъ далеко уйти отъ научныхъ данныхъ, но прочно уходитъ отъ поэзіи.

Нельзя не отмѣтить три красивыхъ разсказа шведскаго писателя Пера Гальстрема. Это разсказы легенды, полные поэзіи и драматизма.

Вообще оба сборника (2 и 3) составлены интересно и разнообразно.

Переводчики А. и П. Ганзенъ,—своего рода аккредитованные представители Скандинавіи при литературѣ Льва Толстого и Достоевскаго.

Д-ръ Александръ Пфендеръ. Введеніе въ Психологію. Переводъ съ нѣмецкаго І. А. Давыдова. Спб. 1909., 368 стр., ц. 2 руб.

Въ нашей философской литературѣ существуетъ нѣсколько «Введеній въ философію» (оригинальныхъ и переводныхъ), но это первое «Введеніе въ психологію», появляющееся на русскомъ языкѣ. Многочисленность «Введеній въ философію» объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно значительная неопредѣленность понятія «введеніе» позволяетъ различнымъ авторамъ трактовать свой предметъ весьма не одинаково. При чемъ существуетъ два основныхъ типа «введеній». У однихъ авторовъ «введеніе» является болѣе элементарнымъ изложеніемъ предмета, предназначеннымъ для начинающихъ и подготовляющимъ этихъ начинающихъ къ усвоенію всѣхъ трудностей предмета. Другіе же авторы считаютъ, что «введеніе» должно заключать въ себѣ изложеніе общихъ вопросовъ, изучаемыхъ данной наукой, такъ что ихъ «введеніе» занимается освѣщеніемъ основныхъ проблемъ этой науки.

Книга Пфендера принадлежитъ ко второму типу «введеній». И наиболѣе существеннымъ недостаткомъ книги является то обстоятельство, что самъ авторъ, какъ бы не вполне ясно представляетъ

себѣ, для какого читателя предназначена его книга. «Задача настоящаго «Введенія»,—говоритъ авторъ на стр. 3,—заключается въ томъ, чтобы устранить препятствія, затрудняющія въ настоящее время доступъ къ научной психологіи; въ томъ, чтобы вновь достигнуть по отношенію къ психологіи естественной, безпристрастной точки зрѣнія, и укрѣпить эту точку зрѣнія путемъ предварительнаго оріентированія въ психологіи».

«Ясно, что дѣйствительное разрѣшеніе этой задачи можетъ быть полезнымъ не только новичкамъ въ психологіи, но оно могло бы значительно содѣйствовать развитію и самой психологіи».

Что авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ «новичковъ», «начинающихъ», это онъ заявляетъ и въ другихъ мѣстахъ книги; самая книга начинается слѣдующими словами: «Предполагаемое введеніе въ психологію хочетъ показать въ возможно элементарномъ видѣ, что такое психологія и чего она хочетъ» (предисловіе). Но мы вполне согласны съ проф. Джемсомъ Анджелломъ, который, рецензируя въ № 80 «Philosophical Review» книгу Пфендера, говоритъ, что она доступна лишь читателямъ, которые не побоятся никакихъ трудностей. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на дѣйствительно весьма ясное изложеніе предмета, книга нашего автора никоимъ образомъ не можетъ считаться *элементарнымъ* введеніемъ для начинающихъ.

Столь же ошибается нашъ авторъ, когда думаетъ, что задача его книги состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть «естественной, безпристрастной точки зрѣнія» (стр. 3). И мы опять таки согласны съ тѣмъ-же рецензентомъ американскаго философскаго журнала, который говоритъ, что Пфендеръ является несомнѣннымъ партизаномъ идеалистической точки зрѣнія, партизаномъ не всегда справедливымъ къ своимъ противникамъ.

Мало того, въ своей книгѣ Пфендеръ не только является партизаномъ извѣстнаго широкаго философскаго теченія, но, сверхъ того, часто проявляетъ свою приверженность къ одному определенному теченію въ психологіи, именно, къ ученію извѣстнаго мюнхенскаго психолога Т. Липпса.

Оба наши замѣчанія сдѣланы не съ цѣлью уменьшить достоинство книги Пфендера, а съ цѣлью заранее ознакомить читателей, съ какой книгой они будутъ имѣть дѣло, а именно съ книгой, во первыхъ, не элементарной, а во вторыхъ, не излагающей предмета съ «естественной, безпристрастной точки зрѣнія». Но несмотря на все это, книга Пфендера все-таки является и замѣчательно ясно написанной книгой, и книгой глубоко-научной.

Книга эта раздѣлена на двѣ части: часть первая «Предметъ задачи и методъ психологіи», часть вторая «Психологическая дѣйствительность, ея качества и законмѣрность». Въ мірѣ существуютъ двѣ «дѣйствительности»: «матеріальная дѣйствительность» и «психическая дѣйствительность». Матеріальная дѣйствительность

представляет собой пространственно-протяженный міръ. Психическая дѣйствительность не пространственна, ее нельзя опредѣлить, ее каждый изъ насъ знаетъ по собственному переживанію: она извѣстна намъ или въ формѣ «предметнаго сознанія», какъ познаніе внѣшняго міра, или въ формѣ «чувства», какъ особаго состоянія нашего «я», или въ формѣ стремленія. Три главныхъ вопроса разсматриваются авторомъ въ этой первой части. Во первыхъ, онъ защищаетъ полную независимость психологіи; особенно опаснымъ считаетъ онъ предпосылки, почерпнутыя изъ теоріи познанія. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о взаимодействіи между матеріальной и психической дѣйствительностями; здѣсь онъ подвергаетъ энергической критикѣ теорію психо-физическаго параллелизма. Наконецъ, касаясь вопроса о методѣ въ психологіи, онъ заявляетъ, что единственнымъ самостоятельнымъ методомъ здѣсь является методъ «субъективный».

Во второй части авторъ даетъ «общую характеристику психической дѣйствительности», затѣмъ знакомитъ читателей съ «нѣкоторыми основными понятіями психологіи» и, наконецъ, излагаетъ (весьма кратко) «основные законы психической жизни». Здѣсь онъ, между прочимъ, весьма подробно, даже съ излишними повтореніями, выясняетъ различіе между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія». На смѣшеніи этихъ двухъ совершенно различныхъ вещей основано не мало психологическихъ и философскихъ ученій, но послѣ прочтенія книги Пфендера у каждаго читателя уже навсегда останется ясное представленіе о различіи между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія».

Другою характерною особенностью второй части книги является энергическая защита авторомъ существованія «психическаго субъекта, или я» при всякомъ проявленіи психической дѣйствительности. Это «я» является тѣмъ объединяющимъ элементомъ, который даетъ единство всѣмъ разнороднымъ проявленіямъ психической дѣйствительности, а также объединяетъ прошедшее, настоящее и будущее психики индивида.

Въ книгѣ, написанной въ качествѣ «введенія» нельзя, конечно, найти новыхъ теорій и вполне оригинальныхъ ученій, но за то все, что изложено въ этой книгѣ, изложено съ замѣчательной ученостью и ясностью.

Проф. Н. О. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1909. Стр. V + 524. Ц. 3 р.

Профессоръ Каптеревъ является однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей русской церковной старины, но, несмотря на это или, быть можетъ, именно поэтому, на судьбѣ его произведеній, посвященныхъ реформамъ патр. Никона и дѣя-

тельности первых вождей раскола, какъ нельзя болѣе ярко отразились общія условія развитія русской науки. Эти его произведенія имѣютъ свою исторію, въ высокой степени поучительную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно типичную. Съ изслѣдованіями о реформахъ Никона проф. Каптеревъ выступилъ въ печати еще въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Но мысль, проводившаяся имъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, — мысль, согласно которой Никонъ не возстановлялъ въ русской церкви старый, а вводилъ сравнительно новый обрядъ, отстаиваемый же раскольниками обрядъ былъ не испорченный, а древне-русскій и вмѣстѣ съ тѣмъ древне-православный обрядъ, лишь въ послѣдствіи подвергшійся у грековъ измѣненіямъ, — показала крайне опасной тогдашнимъ православнымъ полемистамъ съ расколомъ. Одинъ изъ нихъ, проф. Субботинъ, выступилъ и съ печатными возраженіями противъ этой мысли. Въ возгорѣвшейся полемикѣ побѣда осталась не на сторонѣ проф. Субботина, но тогда онъ нашелъ другой способъ борьбы. Онъ обратился съ извѣтомъ къ занимавшему должность оберъ-прокурора синода Побѣдовосцеву и хотя Н. О. Каптеревъ и послѣ того сохранилъ свою кафедру въ духовной академіи, но отъ печатанія своихъ статей о Никонѣ ему пришлось надолго отказаться. И только теперь, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ времени, онъ вновь предпринималъ обнародованіе труда, посвященнаго патриарху Никону.

Основная мысль этого труда, двадцать лѣтъ тому назадъ явившаяся новою даже для большинства специалистовъ, съ той поры успѣла уже прочно войти въ научный обиходъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе проф. Каптерева, переработанное имъ совершенно заново и не столько возстановляющее, сколько дополняющее и продолжающее прежнія его работы, полно захватывающаго интереса. Широко пользуясь и печатнымъ, и архивнымъ матеріаломъ, авторъ воспроизводитъ въ этомъ изслѣдованіи чрезвычайно яркую картину какъ самой Никоновской реформы, такъ и той борьбы, которая разыгралась на ея почвѣ въ русскомъ обществѣ XVII столѣтія. Рѣзкими и увѣренными штрихами, значеніе которыхъ еще болѣе подчеркивается спокойнымъ тономъ его повѣствованія, обрисовываетъ онъ какъ сущность этой борьбы, такъ и отдѣльныя фигуры ея участниковъ, начиная съ царя Алексѣя Михайловича, его духовника Стефана Вонифатьева и патриарха Никона и кончая такими противниками послѣдняго, какъ протопопъ Иванъ Нероновъ и протопопъ Аввакумъ. У самого Никона авторъ рѣшительно отнимаетъ роль инициатора церковной реформы. Указывая, что мысль о такой реформѣ зародилась и даже начала осуществляться, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, еще до занятія Никономъ патриаршаго престола, онъ всю инициативу реформы переноситъ на царя Алексѣя Михайловича и его духовника, воспитавшихъ греко-фильскія тенденціи и въ Никонѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обстоятельно показываетъ, какой стремительный и случай-

ный характер получила церковно-обрядовая реформа въ руках Никона, пропитавшагося такими тенденціями и нашедшаго опору для своихъ чрезмѣрно поспѣшныхъ дѣйствій въ неосмотрительныхъ совѣтахъ и указаніяхъ отдѣльныхъ греческихъ іерарховъ, призжавшихъ въ Москву ради сбора здѣсь милостыни. Обрисовавъ затѣмъ—ту смуту, какую вызвала въ русскомъ обществѣ Никоновская реформа, и, въ частности, сопротивление, оказанное ей кружкомъ столичнаго и провинціального духовенства, группировавшимся раньше около царскаго духовника, а теперь выставившимъ изъ своей среды первыхъ дѣятелей раскола, проф. Каптеревъ заканчиваетъ первый томъ своего изслѣдованія изложеніемъ обстоятельствъ оставленія Никономъ патриаршей кафедры и того смутнаго и неопредѣленнаго положенія, въ какомъ осталось послѣ того дѣло церковной реформы. Въ слѣдующемъ, второмъ томѣ своего труда авторъ обобщаетъ подвергнуть изслѣдованію, съ одной стороны, завершеніе этого дѣла реформы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ другой,—ту часть дѣятельности Никона, которая въ его собственныхъ глазахъ являлась важнѣйшей и которая сводилась къ попыткѣ возвысить «священство» надъ «царствомъ».

Въ развитіи частныхъ своихъ положеній проф. Каптеревъ порою, думается намъ, допускаетъ нѣкоторыя преувеличенія. Едва-ли возможно, напримѣръ, безусловно согласиться съ тою чрезмѣрно свѣтлой характеристикой, какую даетъ онъ Алексѣю Михайловичу, и точно также едва-ли возможно принять для послѣдняго ту роль главнаго инициатора и чуть-ли не главнаго дѣятеля церковной реформы, которую отводитъ ему авторъ. Въ изображеніи этой роли г. Каптеревъ черезчуръ щедро пользуется вмѣсто доказательствъ предположеніями. Если Никонъ бесѣдовалъ съ іерусалимскимъ патриархомъ Паисіемъ, то это могло происходить, по мнѣнію проф. Каптерева, только по желанію царя и Стефана Вонифатьева (66). Никонъ созываетъ соборъ 1654 г. и этотъ созывъ совершился опять-таки, «конечно, съ совѣта царя и Стефана» (136). Если отбросить всѣ подобныя предположенія, мало основанныя, чтобъ не сказать, совсѣмъ не основанныя на фактахъ, событія примутъ въ нашихъ глазахъ нѣсколько иной видъ, сравнительно съ тѣмъ, какой придаетъ имъ авторъ. То же самое замѣчаніе можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ частямъ книги проф. Каптерева. Авторъ самъ, напримѣръ, съ полною отчетливостью указываетъ тѣ общія условія, которыя дѣлали неизбежнымъ появленіе церковнаго раскола, но это не мѣшаетъ ему, дойдя до характеристики протопопа Аввакума, заявить, что «собственно имъ, Аввакумомъ, и созданъ церковный расколъ» (318). Можно было бы указать въ изложеніи автора и другіе примѣры подобныхъ преувеличеній. Но всѣ эти частныя преувеличенія и спорныя утвержденія теряютъ свое значеніе передъ крупными достоинствами книги г. Каптерева, обуславливающими ея глубокой интересъ, и можно только отъ души по-

желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ обѣщаннаго авторомъ второго тома этой книги.

Кн. В. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. Спб., 1909 Стр. X + 424. Ц. 3 р.

Книга г. Вяземскаго, какъ сообщаетъ въ предисловіи къ ней самъ авторъ, представляетъ собою студенческое конкурсное сочиненіе, написанное еще въ 1905 г. на тему, данную историко-филологическимъ факультетомъ петербургскаго университета, и тогда же удостоенное награды золотой медалью. «Необходимость представить его къ извѣстному сроку—прибавляетъ къ своему сообщенію г. Вяземскій—во многомъ стѣсняла автора. Какъ бы то ни было, онъ рѣшается его печатать почти безъ всякихъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено на судъ факультета осенью 1905 года» (VII). Въ сущности объ этомъ рѣшеніи можно пожалѣть. Если бы г. Вяземскій, не стѣсненный болѣе никакими сроками, далъ себѣ трудъ передъ напечатаніемъ своего изслѣдованія внимательно пересмотрѣть и переработать его, оно могло бы, вѣроятно, много выиграть. Въ настоящее же время на немъ лежитъ слишкомъ яркая печать ученической работы, значительно ослабляющая его научную цѣнность.

Положивъ въ основу своего изслѣдованія «журналы, протоколы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта», изданные въ «Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества», г. Вяземскій не потрудился самостоятельно разработать другіе источники, относящіеся къ исторіи изучаемаго имъ учрежденія. Благодаря этому онъ въ рядѣ случаевъ поставилъ себя въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ болѣе ранней исторической и историко-юридической литературы, затрагивавшей судьбы названнаго учрежденія. Эта зависимость идетъ такъ далеко, что г. Вяземскій не только включаетъ произведенія другихъ авторовъ, ранѣе его писавшихъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ число своихъ «источниковъ», но и дѣйствительно трактуетъ въ своемъ изложеніи мнѣнія этихъ авторовъ наравнѣ съ показаніями источниковъ. Особенно сильно проявляется такая зависимость г. Вяземскаго отъ его предшественниковъ въ первой части его труда, посвященной разрѣшенію вопросовъ о происхожденіи и значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Г. Вяземскій старается, правда, занять въ этихъ вопросахъ самостоятельную позицію, но этому препятствуютъ и недостаточное знакомство его съ источниками, и недостаточная ясность его общихъ юридическихъ представлений. Сообразно этому и выводы его въ обоихъ указанныхъ вопросахъ отличаются больше стремленіемъ къ оригинальности, чѣмъ серьезностью и обоснованностью. Вопросъ о реорганизаціи верховнаго управленія въ смыслѣ созданія объединяющаго дѣятельность администраціи учрежденія возникъ еще въ послѣдніе годы жизни Петра I. Это извѣстно и г. Вяземскому и

тѣмъ не менѣе онъ приписываетъ возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта исключительно «ослабленію верховной власти» послѣ смерти Петра и совершившемся въ это время паденію вліянія генераль-прокурора Ягужинскаго и самымъ категорическимъ образомъ утверждаетъ, что Верховный Совѣтъ въ сущности лишь замѣнилъ собою при своемъ основаніи генераль-прокурора и долженъ былъ дѣлать то самое дѣло, которое «при Петрѣ дѣлалъ съ блестящимъ успѣхомъ Ягужинскій» (5, 7, 12, 17). Не менѣе поверхностны и наивны выводы автора и по другому вопросу, разбираемому имъ въ этой первой части его труда, вопросу объ общемъ значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Слѣдуя указаніямъ проф. Коркунова и проф. Алексѣева, г. Вяземскій какъ будто отвергаетъ оригинальную теорію, дѣтъ пятнадцать тому назадъ выставленную проф. Филипповымъ, теорію, согласно которой Верховный Совѣтъ «именемъ государя правилъ государствомъ» и тѣмъ самымъ ограничивалъ власть государя. Но, отвергнувъ эту теорію, г. Вяземскій немедленно вслѣдъ за тѣмъ вновь возстановляетъ ее уже отъ своего имени. Ссылаясь на слова Екатерины I въ указѣ 1 января 1727 г. («Мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ»), г. Вяземскій выводитъ изъ нихъ заключеніе, что съ этой поры Совѣтъ «дѣлается своеобразнымъ учрежденіемъ, ограничивающимъ самодержавную власть государя, но не имѣющимъ передъ нимъ рѣшающаго голоса» (28). И при этомъ автору, повидимому, совершенно не приходитъ въ голову то простое соображеніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшающаго голоса, не можетъ быть и никакого ограниченія.

Нужно, однако, оговориться, что первая часть книги г. Вяземскаго является лишь своего рода введеніемъ въ послѣднюю, не занимающимъ въ ней особенно виднаго мѣста. Гораздо болѣе самостоятельности проявляетъ авторъ въ разработкѣ двухъ слѣдующихъ частей своего труда, посвященныхъ разсмотрѣнію организаціи и дѣлопроизводства Верховнаго Совѣта и дѣятельности этого учрежденія, и сообразно этому названныя части книги имѣютъ большее значеніе, хотя и онѣ не вполне свободны отъ указанныхъ недостатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится, однако, отмѣтить, что, говоря о дѣятельности Верховнаго Совѣта въ ряду другихъ учреждений, авторъ недостаточно полно ознакомился съ литературою вопроса, упустивъ изъ виду нѣкоторые новѣйшія работы, соприкасающіяся съ его темой, какъ, напримѣръ, работу г. Богословскаго объ областной реформѣ Петра В. и работу г. Кизеветтера о посадской общинѣ въ XVIII вѣкѣ. Съ другой стороны, въ прямой противовѣсъ проф. Филиппову, занявшему нѣкогда въ своемъ изслѣдованіи о послѣ-петровскомъ сенатѣ своеобразную позицію прокурора по отношенію къ Верховному Тайному Совѣту,

г. Вяземскій во всемъ своемъ изложеніи выступаетъ въ роли своего рода адвоката Совѣта, и эта роль нерѣдко отвлекаетъ его вниманіе отъ существа дѣла и придаетъ чересчуръ поверхностный характеръ его выводамъ. Во всѣхъ областяхъ государственной жизни авторъ стремится отмѣтить «благотворное» вліяніе Верховнаго Совѣта и тамъ, гдѣ у него не хватаетъ аргументовъ для обнаруженія такого вліянія, охотно замѣняетъ ихъ предположеніями. «Слѣдуетъ признать,—утверждаетъ, напр., онъ, заговоривъ о роли Совѣта въ сферѣ суда,—что надзоръ Верховнаго Тайнаго Совѣта приносилъ свою пользу, такъ какъ, хотя мы и лишены возможности близко услѣдить за ходомъ отдѣльных дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, однако несомнѣнно, что постоянныя настоянія и постоянное давленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не могло не оказывать на нихъ значительнаго благотворнаго вліянія» (370). Подобные выводы, конечно, не могутъ имѣть серьезной цѣны. Но на ряду съ ними г. Вяземскій далъ все-таки систематическій сводъ свѣдѣній о дѣятельности Верховнаго Совѣта, почерпнутыхъ изъ протоколовъ послѣдняго, и въ этомъ заключается серьезная сторона его книги, придающая ей извѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что попутно авторъ извлекаетъ подчасъ изъ своихъ матеріаловъ любопытныя свѣдѣнія, касающіяся различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи въ изучаемый имъ періодъ.

Д. К. Петровъ, профессоръ с.-петербургскаго университета. **Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти** Спб., 1909. Стр. VII + 192 + VII.

Бываютъ на свѣтѣ удивительные ученые труды, появленіе которыхъ можетъ найти себѣ сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе исключительно въ непомѣрномъ трудолюбіи господъ ученыхъ. Къ разряду такихъ именно трудовъ принадлежитъ книга проф. Петрова. Весь внѣшній аппаратъ учености—многочисленныя подстрочныя примѣчанія, рядъ ссылокъ на самые разнообразныя источники и изслѣдованія—имѣется на-лицо въ этой книгѣ. Нѣтъ въ ней только одного—сколько-нибудь серьезнаго содержанія.

Заглавіе книги г. Петрова можетъ вызвать большой интересъ къ ней со стороны читателей, мало знакомыхъ съ литературною дѣятельностью упомянутыхъ въ этомъ заглавіи испанскаго и итальянскаго поэтовъ начала XIX столѣтія—Хосе Эспронседы и Габріэля Россетти. И такой интересъ, пожалуй, можетъ быть еще болѣе усиленъ предисловіемъ автора. «Политическая поэзія—говоритъ онъ въ этомъ предисловіи—почетомъ у изслѣдователей не пользуется. И совершенно напрасно! Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не стихи или куплеты, сочиняемые на случай, а

законченныя, цѣльныя и въ художественномъ отношеніи, драмы, поэмы, сатиры и т. п., въ которыхъ отражаются мысли великаго писателя, думы и мечты цѣлаго поколѣнія или эпохи. Таковы, напримѣръ, оды Пиндара, «Божественная Комедія» Данте или «Германъ и Доротея» Гете. Выяснить ихъ политическое содержаніе—задача, безспорно, привлекательная». Не мы, во всякомъ случаѣ, станемъ оспаривать привлекательность подобной задачи. И тѣмъ не менѣе, думается намъ, всякій читатель, который возьметъ на себя трудъ просмотрѣть книгу г. Петрова до конца, неизбѣжно испытаетъ глубокое разочарованіе. Причина этого неизбѣжнаго разочарованія въ сущности очень проста. Ни Хосе Эспронседа, ни Габріэль Россетти не удѣляли въ своемъ поэтическомъ творествѣ много вниманія современной имъ Россіи Николая I. У Эспронседы есть небольшое «русское» стихотвореніе «Пѣснь казака» (*El canto del cosaco*), въ значительной мѣрѣ навѣянное аналогичнымъ стихотвореніемъ Беранже, среди же произведеній Россетти есть опять-таки небольшое стихотвореніе, вызванное посѣщеніемъ Рима въ 1845 г. Николаемъ I и свиданіемъ его съ папой Григоріемъ XVI (*Niccolo I di Russia in Italia*). Между этими двумя стихотвореніями нѣтъ никакой связи, оба они въ сущности не особенно значительны и каждое изъ нихъ въ лучшемъ случаѣ могло бы дать поводъ развѣ лишь для очень небольшого историко-литературнаго этюда. Г. Петровъ же умудрился написать объ нихъ цѣлую книгу чуть не въ 200 страницъ. Достигъ онъ этого тѣмъ же самымъ способомъ, каковымъ находчивый солдатъ въ сказкѣ сварилъ кашу изъ топорика. Читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Петрова, помимо самыхъ стихотвореній Эспронседы и Россетти, приводимыхъ и въ подлинникѣ, и въ пересказѣ, и біографіи обоихъ этихъ поэтовъ, и изложеніе отношеній Наполеона I къ Испаніи, и рассказъ объ испанской революціи 1820 г., и рядъ замѣчаній о декабристахъ и Николаѣ I, и многое еще другое. Но у солдата, варившаго кашу изъ топорика, сварилась, по крайней мѣрѣ, та каша, которая была ему нужна. Про книгу же г. Петрова нельзя сказать и этого. Включеніе въ нее самаго разнообразнаго фактическаго матеріала сильно увеличило ея размѣры, но, конечно, не придало ей характера сколько-нибудь цѣльнаго историко-литературнаго изслѣдованія, и въ концѣ концовъ она является довольно безпорядочной грудой чрезвычайно разнородныхъ фактическихъ свѣдѣній, въ большинствѣ своемъ общезвѣстныхъ, и отрывочныхъ критическихъ замѣчаній, по большей части наивныхъ и банальныхъ. Тому, кто захочетъ извлечь изъ этой груды небольшія крупинки имѣющагося въ ней цѣннаго матеріала, предстоитъ запастись большою дозой терпѣнія.

„Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ“. Сост. Коммиссией по пересмотру книгъ при книжномъ складѣ Подвижнаго Музея подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Спб. 1910 г., стр. VIII + 555 + 56 + 7 + V. Ц. 2 р. 60 к.

Все шире и энергичнѣе растутъ книжные запросы самообразующихся читательскихъ массъ, растеть предложеніе въ отвѣтъ на этотъ спросъ, удовлетворяемый изъ разнообразныхъ источниковъ, и попытку разобратъ въ этихъ источникахъ представляетъ собою лежащій предъ нами указатель. Объемистый и содержательный, онъ ставитъ себѣ довольно ограниченныя задачи: онъ стремится только систематизировать существующую литературу по исторіи и общественнымъ вопросамъ, отдавая небольшое вниманіе отдѣлкѣ названныхъ въ немъ сочиненій и выбирая изъ нихъ лишь наиболѣе распространенныя и общепризнанныя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что такой указатель необходимъ. Какъ правильно отмѣчаютъ составители, ихъ книга должна обслуживать преподавателей и лекторовъ народныхъ аудиторій, вырабатывающихъ свой курсъ, подготовляющихся къ лекціи или подбирающихъ пособія для слушателей, библіотекарей, пополняющихъ библіотеки или помогающихъ читателямъ въ выборѣ книгъ, лицъ, занимающихся пополненіемъ своего историческаго образованія: «для всѣхъ ихъ часто бываетъ необходимымъ просто знать, иногда даже лишь вспомнить главнѣйшія книги, относящіяся къ тому или другому отдѣлу исторіи, быть увѣреннымъ, что та или иная книга, по заглавію подходящая для изученія даннаго вопроса, не является въ дѣйствительности бумажнымъ хламомъ». Въ этомъ перечисленіи лицъ и нуждъ, обслуживаемыхъ указателемъ, какъ будто забыта одна категория читателей, и не маловажная: читатели, совершенно неподготовленные, не имѣющие никакихъ историческихъ свѣдѣній. Между тѣмъ указатель и ихъ имѣетъ въ виду: весь матеріалъ, сообщаемый имъ, распределенъ по четыремъ группамъ въ порядкѣ возрастающей трудности, и это распределеніе, быть можетъ, слишкомъ дробное, отънять всякій, кто будетъ пользоваться указателемъ съ просвѣтителными цѣлями.

Составители призываютъ къ указанію недостатковъ и надо думать, что этотъ запросъ ихъ встрѣтитъ довольно энергичный откликъ. Ихъ исполненіе порядкомъ отстало отъ ихъ замысла. Посвятить себя изысканію пробѣловъ и противорѣчій указателя нѣтъ возможности, но и бѣглый его просмотръ убѣждаетъ, что такихъ недостатковъ набралось въ немъ не мало. Кто знаетъ трудности библіографической работы, да еще коллективной и добровольческой, тотъ понимаетъ всю извинительность этихъ недостатковъ и недоразумѣній, но ради пользы дѣла замалчивать ихъ не годится.

Возьмемъ систему указателя. Историческая часть его распадается на отдѣлы русской и всеобщей исторіи; послѣ общихъ обозрѣній и тамъ, и здѣсь идутъ сочиненія, расположенныя по эпо-

хамъ; затѣмъ въ русскомъ отдѣлѣ идутъ указанія, распредѣленныя по вопросамъ, а въ всеобщемъ—по странамъ; въ предѣлахъ этихъ раздѣловъ мы опять находимъ, конечно, хронологическое распределение. Такимъ образомъ, принципы сталкиваются, получаются недоразумѣнія, и «система» приводитъ только къ недоумѣннымъ вопросамъ, а подчасъ и къ пародіямъ на указатель. Такъ, напримѣръ, русская исторія въ отдѣлѣ «по эпохамъ» въ императорскомъ періодѣ указана по императорамъ; въ отдѣлѣ «по вопросамъ» есть подотдѣлъ «общественное движеніе и литература», гдѣ опять сочиненія перечислены по царствованіямъ. Что изъ этого получилось? То, напримѣръ, что если читатель изъ четвертой группы, предполагающей «кромѣ общаго развитія и болѣе детальнаго знакомства съ отдѣльными сторонами русской исторіи», захочетъ узнать, чего онъ не читалъ по вопросамъ общественнаго движенія и литературы въ царствованіе императора Николая II, то онъ найдетъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ «Указателя» три, ровно три книги, число коихъ, однако, менѣе фантастично, чѣмъ ихъ выборъ. Это: 1) В. Анучинъ «Казнь Якова Стеблянскаго», 2) В. Львовъ «Девяностые годы и творчество Вересаева», 3) П. Милуковъ «Годъ борьбы». Читатели третьей группы, требующей лишь «нѣкотораго общаго развитія и знакомства съ общимъ ходомъ исторіи», получаютъ четыре книги: 1) В. Владиміровъ «Карательныя экспедиціи», 2) Л. Гуревичъ «9 января 1905 г.», 3) Ф. Данъ «Изъ исторіи рабочаго движенія», 4) Кульчицкій «Анархизмъ въ Россіи». Правда, есть еще указанія въ отдѣлѣ «по эпохамъ»; здѣсь оказались только книги, пригодныя для группы 3; ихъ десять; изъ нихъ семь о войнѣ; кромѣ нихъ отмѣчены: «Записки губернатора» кн. Урусова, брошюра о военно-полевой юстиціи Н. Фалѣева и статья изъ «Вѣстника Европы» 1894 г.: «Итоги царствованія Александра III». Правда, кой-что можно еще найти въ отдѣлѣ общественныхъ вопросовъ, но также случайно и прихотливо. Гдѣ же система? Мы пережили за послѣдніе двадцать лѣтъ литературную борьбу марксизма съ народничествомъ, модернизма съ реализмомъ, мистицизма съ позитивизмомъ: гдѣ литература по этимъ вопросамъ? Въ указатель, гдѣ есть, ну, напримѣръ, брошюра Рязанова. Группа «Освобожденія труда», ц. 5 коп., нѣтъ сочиненій Н. К. Михайловскаго, нѣтъ боевыхъ сборниковъ идеалистовъ и реалистовъ, нѣтъ А. И. Богдановича, нѣтъ книгъ Розанова, нѣтъ Бердяева, нѣтъ Струве, точно ничего не было. Такихъ пробѣловъ сотни; достаточно напомнить, что ни звукомъ не упомянуть «Дневникъ» Никитенко, и что то же самое происходитъ въ отдѣлѣ всеобщей исторіи. Тамъ, напримѣръ, нѣтъ не только Бокля, но и Ренана, среди историческихъ народовъ востока нѣтъ евреевъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Составители, очевидно, должны внимательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть систему и составъ своего указателя. Иначе онъ останется грудой

Февраль. Отдѣлъ II.

сырья, полезность которой будет лишь печальнымъ свидѣтельствомъ нашего рокового историческаго *pis-aller*. Конечно, будутъ пользоваться и этимъ указателемъ. Самъ авторъ этой рецензiи, вѣрно, будетъ имъ пользоваться и будетъ благодаренъ тѣмъ, которые самоотверженно продѣлали эту громадную работу. Но результаты этой работы не очень удовлетворительны—надо же сказать эту правду.

Очень полезное и хорошо исполненное приложеніе къ указателю составляетъ давно необходимый «Обзоръ библиографическихъ указателей научно-популярной литературы, беллетристики и дѣтскихъ книгъ». Приложенъ также «Списокъ книгъ по теорiи и исторiи музыки».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссiи по прiобрѣтенiю этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1910 г. — **А. В. Кассовскій**. Основы метеорологiи. Ц. 4 р.—**Г. А. Лоренцъ**. Курсъ физики. Пер. подъ ред. Н. Костерана. Т. I. Ц. 2 р. 75 к.—Проф. **Ф. Кеджори**. Исторiя элемент. математики. Пер. Тимченко. Ц. 2 р. 50 к.—**С. Роу**. Геометрическія упражненія съ кускомъ бумаги. Ц. 90 к.—**Р. Нимфюръ**. Воздухоплаваніе. Пер. съ нѣм. Ц. 90 к.—**В. Рамзай**. Введеніе въ изученіе физической химiи. Пер. П. Маликова. Ц. 40 к.—**К. Граффъ**. Комета Галлея. Ц. 30 к.—**П. Зееманъ**. Происхожденіе цвѣтовъ спектра. Съ прил. ст. **В. Рича**, Линейные спектры и строеніе атомовъ. Ц. 30 к.—**В. А. Гернетъ**. Объ единствѣ вѣщества. Ц. 25 к.—**С. Ньюкомъ**. Теорiя движенія луны. Исторiя и современное состояніе этого вопроса. Ц. 20 к.

Изд. Н. Н. Ключкова. М. 1910. **П. Макіавелли**. Князь. Пер. С. М. Роговича. Ц. 60 к.—**Г. Еллинекъ**. Правительство и парламентъ въ Германiи. Пер. А. А. Рождественскаго. Ц. 35 к.—**Ж. Пулантъ**. Очеркъ социологiи. Пер. Э. Струве подъ ред. А. С. Яшенко. Ц. 85 к.—**Авг. Бебель**. Изъ моей жизни. Пер. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „Звено“. М. 1910.—**В. Башкинъ**. Разказы. Т. II. Ц. 1 р.—**Камилла Лемонъ**. Собр. сочин. Т. I.

Самецъ. Романъ. Т. II. Последній баронъ. Ц. по 1 р. за т.—**Альфредъ Бинъ**. Душа и тѣло. Пер. С. А. Лопашовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Ки-во „Образованіе“. Спб. 1910.—**Вл. Вагнеръ**. Біологическія теорiи и вопросы жизни. Ц. 85 к.—**Г. Лоренцъ**. Электропная теорiя. Пер. Г. А. Котляра. Ц. 40 к.

Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1910.—**В. В. Асенаріусъ-Мальцева**. Разказы. Ц. 1 р.—**Л. Фробениусъ**. Дѣтство человѣчества. Пер. С. Д. Чулока. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1910.—**С. Елатъевскій**. Заграничей. Ц. 1 р.—**А. Серафимовичъ**. Разказы. Т. IV. Ц. 1 р.—**Евг. Чириковъ**. Въ царствѣ сказокъ. Ц. 2 р.—**Ник. Бердиевъ**. Духовный кризисъ интеллигенціи. Ц. 1 р. 80 к.—**В. Муйжель**. Разказы. Т. III. Ц. 1 р.—**Д. Мережковскій**. Больная Россiя. Ц. 1 р. 25 к.—**Гр. Ал. Толстой**. Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1910.—Библиотека „Нашихъ дѣтей“: № 1. Стихотворенія **Н. Некрасова**, **Н. Некитина** и **И. Сурикова**. Ц. 20 к.—2. Стихотв. **С. Фюга**, **С. Надсона** и **Д. Мережковскаго**. Ц. 20 к.—3. Стихотв. **А. Апухтина**, **О. Тютчева** и **А. Голеницева-Бутузова**. Ц. 20 к.—4. Стихотв. **В. Козло-**

ва, Н. Языкова и Е. Баратын-ского. Ц. 20 к.—**Эри. ф.-Вольц-генз.** Сказки и небылицы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1910.—**Петръ Кожевниковъ.** Разказы. Т. II. Ц. 1 р.—**Сер. Ценскій.** Разказы. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к.—**Г. Дж. Уэллсъ.** Собр. сочинений. Тт. 4 и 5. По 1 р. за т.

Кн.-во „Жизнь и Знаніе“. Спб. 1910.—**Э. Вурмъ и В. Адлеръ.** Алкоголизмъ и рабочіе. Двѣ рѣчи. Пер. К. Михайлова. Ц. 20 к.—**Сазерландъ-Форжъ.** Человѣкъ сталъ летать. Ц. 15 к.—**В. М. Величкина.** Что разсказывала мама. Разказы для млад. возраста. Съ англ. Ц. 70 к.

А. Баулина. Зори вечернія. Спб. 1910.—**Его же.** Думы и пѣсни. Спб. 1907.—**Его же.** Орывки. Спб. 1908.
Ари. Фыринъ. Голова медузы. 1-я книга стиховъ. 1910. Ц. 20 к.

С. Мицловъ. На зарѣ вѣка. Истор. романъ. Изд. 4-е. Спб. 1910. Ц. 75 к. Скоморошья и бабьи пѣсни. Изд. М. Багринымъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Викторъ Эрманъ. Разказы. Т. I. М. Ц. 1 р. Кн.-во „Золотая осень“.

Коллэтъ Ивэръ. Принцессы науки. Романъ. Пер. М. Дицъ. Изд. А За-руднаго. Спб. 1910.

Л. Д. Зайдель. Выходцы изъ чер-ты осѣдлости. Сборникъ разказовъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Викторъ Евтихѣвъ. L'amour est tout. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Валтеевскій. Вокругъ трона. Екатерина II, Императрица Всероссій-ская. Полный перев. А. Ф. Гретманъ. М. 1910. Ц. 3 р. Изд. Сфинксъ.

Н. Е. Мельниковъ. Ложь и прав-да. Спб. 1910. Ц. 40 к.

М. Нѣмовъ. Злые соблазны. М. 1910. Ц. 1 р. Изд. „Основа“.

Н. Рудинскій. Записки земскаго врача. 2-е изд. Спб. 1910. Ц. 1 р. Исторія Россіи XIX в. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. В. 30-й. 1910.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Сост. при участіи проф. и препод. подъ ред. проф. М. В. Дов-наръ-Запольскаго. Т. I. Ц. 2 р. М. 1910.

Книга для чтенія по исторіи Новаго времени. Т. I. Ц. 2 р. 75 к. Изд. И. Д. Сытина.

П. В. Бузескулъ. Краткое введе-ніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харь-ковъ. 1910.

В. Мачинскій. О человѣческой культурѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Даневская. Открытіе Америки.

Изд. 7-е подъ ред. Н. Рубакина. М. 1910. Ц. 60 к.

Ари. Петровъ. Политическая жизнь Японіи 1910. Ц. 75 к.

А. Г—кенъ. Бетховень. Жизнь. Личность. Творчество. Ч. II. Личность. Спб. 1910. Ц. 75 к.

А. Черняевъ. Воспитательная си-стема, основанная на біографіяхъ ве-ликихъ людей. Спб. 1909.

Л. В. Щеглова (В. А. III). Ме-режковский. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Пережитое. Сборникъ, посвящ. общей и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. II. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

М. С. Корелинъ. Очерки итальян-скаго возрожденія. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 1 р.

А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи IX—XIX ст. Историч. очеркъ. Изд. ж. „Русская Мысль“. М. 1910. Ц. 50 к.

Н. Джонсонъ. Чеховъ и его твор-ческий путь. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.

Дм. Ростовцевъ. „Развратница“. „Кухонная коммисія при министер-ствѣ“ Оомы Томата. 1910. Женева.

Орестъ Семинъ. Основные во-просы мѣстнаго самоуправленія. Зем-ская реформа на Кавказѣ. Баку. 1910. Ц. 50 к.

Проф. Г. М. Гусифовъ. О раз-множеніи и половомъ влеченіи чело-вѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ. 1910.

Н. Шрейберъ. Учрежденіе судеб-ныхъ установленій. Спб. 1910. Ц. 5 р.

П. Юшковичъ. Столпы философ-ской ортодоксіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Алекс. Балаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908). Подъ ред. А. Л. Волы-нскаго при сотрудничествѣ Н. Г. Мо-лостова и П. А. Сергѣенко. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1910. Ц. 12 р.

С. Фоминъ. Семь мѣсяцевъ въ Египтѣ и Палестинѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

А. В. Мериуловъ и М. А. Хей-синъ. Какъ организовать и вести по-требительное общество. Спб. 1910. Ц. 50 к.

С. В. Фарфоровскій. Ногайцы Ставропольской губ. Историко-этно-граф. очеркъ. Тифлисъ. 1909.

Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевою. Вып. II. Пѣсни Новгороднія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Вопросы и нужды учительства. Ред. Е. А. Звягинцева. М. 1910. Ц. 10 к.

О В. Ө. Коммисаржевской.

Какой-то бессмысленной жестокостью отзывались извѣстія изъ Ташкента о Вѣрѣ Өедоровнѣ Коммисаржевской.

Въ видѣ трупа, исковерканнаго и изуродованнаго, вернется въ Петербургъ, вернется та талантливая, милая, умная, съ гордыми печальными глазами женщина, которую мы знали и любили,— которая владѣла нами.

Вѣра Өедоровна не взяла на себя роли въ «Жизни человѣка», когда это Андреевское резюме о жизни-злосчастіи ставилось въ ея театрѣ.

Но она не ушла отъ страшной роли въ пьесѣ жизни.

Жизнь и случай совершили плагиатъ у Леонида Андреева.

Жилъ Человѣкъ, одаренный талантомъ художника, въ призваніи видѣвшій свой долгъ и отдававшій жизнь и поэтическую душу этому призванію... Остальное... Бродячая доля актрисы. Далекій Ташкентъ. Прогулка по базару. Пригланувшійся коверъ. И финалъ страшнѣе, чѣмъ въ выдумкѣ.—Тамъ, въ пьесѣ, камень, брошенный изъ-за угла въ голову. Такъ его хоть видно. А здѣсь смерть, впитанная въ пригланувшемся коврѣ, спрятавшаяся, какъ василискъ въ старыхъ сказкахъ, что убивалъ взглядомъ, не будучи самъ видимъ.

Только вмѣсто страшныхъ словъ—страшныя подлинныя муки...

При мысли о «Коммисаржевской» въ памяти прежде всего выступаютъ, настойчиво заслоняя остальное, образы пассивнаго страданія,—образы, въ ея толкованіи приобрѣтавшіе чарующую симпатію.

Для беспомощныхъ въ жизни, для неспособныхъ брать свою долю энергіей натиска, для не умѣвшихъ завоевывать свое женское счастье—она была на сценѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ Чеховъ въ литературѣ. Она требовала для своихъ подзащитныхъ мягкаго, нѣжнаго сожалѣнія и любви, и мы, зрители, подчинялись ей. Впрочемъ, слово «требовала» не вѣрно передаетъ то, что бывало между ней и нами. Мы просто любили этихъ безсильныхъ и слабыхъ людей.

Образы женской энергіи, завоевательнаго натиска удавались ей меньше. Можетъ быть, эти яркіе цвѣты жизни были ей менѣе со-звучны, чѣмъ блѣдныя; но, быть можетъ, они возбуждали въ ней менѣе дѣятельное чувство отъ того, что ихъ не надо было защищать, а ей были близки именно тѣ, что нуждались въ защитѣ и въ поэтической ласкѣ сочувственнаго толкованія.

Было и еще въ ней и у нея, — о чемъ нельзя не вспомнить даже въ этой краткой замѣткѣ. У нея такъ красиво звучала, не

теряясь, но и не выдвигаясь впереди образовъ,—идея, одушевлявшая автора.

Это придавало особенный характеръ ея сценической дѣятельности, дѣлая ее кровно-близкимъ человѣкомъ для литературы въ качествѣ литератора со сцены, если такъ можно выразиться.

Мы не хотѣли бы ослабить оцѣнку Вѣры Ѳедоровны, какъ артистки, употребивъ невѣрное слово.

Она была артисткой, художницей—это не нуждается въ утвержденіи, но она была не только актрисой. Для нея роли были не только матеріаломъ для сценическаго перевоплощенія, матеріаломъ для выигрышной «игры». Для нея образы значили и знаменовали нѣчто, что было ей важно и о чемъ она хотѣла разсказать въ образахъ и убѣдить. Она становилась въ положеніе критика-толкователя и охотно брала на себя передачу литературныхъ образовъ, которые вызывали противорѣчивыя толкованія. Такова, напр., была Ибсеновская Гильда, ради которой ставился «Строитель Сольнесъ»—пьеса не сценичная, а потому и неблагодарная для театра. Сложная, перегруженная символами пьеса могла привлечь ее только какъ «сценическаго литератора», критика-толкователя Ибсена.

Но еще ярче—и трагичнѣе—сказалась эта особенность Коммиссаржевской въ послѣднюю полосу ея жизни—въ періодъ ея новаторскихъ попытокъ.

Развѣ не идетъ сейчасъ общее бѣгство отъ человѣческаго къ надчеловѣческому? И она повиновалась этому общему стремленію... Владѣя необыкновеннымъ очарованіемъ реалистической игры, способная играть на нашихъ чувствахъ, какъ умѣла она, — В. Θ. вдругъ отказалась отъ этой власти и отъ этого обаянія. Почудились ей другіе голоса, властно призывавшіе на подвигъ исканія новыхъ путей, новыхъ завоеваній въ искусствѣ, новой истины о жизни. У всѣхъ на памяти эти попытки въ театрѣ на Офицерской. И мы увидѣли Вѣру Ѳедоровну въ своего рода власяницѣ художества.

Эти попытки не были успѣшны. Но здѣсь, какъ и всегда, примѣнимы слова Бранда. «Когда нибудь поймутъ, что величайшею побѣдой является паденье!» Эти слова Ибсеновскаго священника по формѣ—парадоксъ, но въ психологической основѣ—безспорная истина. Что лучше въ человѣкѣ, какъ не борьба во имя Бога, признаннаго за Бога? Что цѣннѣе и красивѣе этой борьбы? А если такъ, то не завтрашняя побѣда — мѣрило для оцѣнки человѣка, а лишь самое дѣло, стремленіе совершить это дѣло. Чѣмъ бы ни кончилось...

Попытки Коммиссаржевской не были успѣшны. Но отъ этого обликъ Коммиссаржевской—въ нашей памяти—внутренне не утратилъ, а приобрѣлъ.

Не стало этого человѣка; не стало этого художника-иска-

теля и творца, поэтическому вдохновенію котораго мы обязаны столькими минутами, лучшими минутами.

Какія удивительныя, музыкальныя, грустныя души живутъ среди насъ и жили бы, неразгаданныя и далекия, если бы не нашлось женщины, способной ихъ показать — о нихъ ярко разсказать—въ сценическихъ образахъ.

И ея не стало...

Больше не будетъ ни пѣсень, ни слезъ.

А. Е. Рѣдько.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ А. Артемова, изъ Москвы—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ И. О., изъ Самары—3 р.

Итого.	6 р.
А всего съ прежде поступившими	288 р. 34 к

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ **—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ О. Н.—3 р.; отъ „Я. Т. Д. въ 6-у годовщину смерти Н. К. Михайловскаго 28-го января“—6 р.

Итого.	12 р.
А всего съ прежде поступившими.	186 р. 15 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. Шинкмана, изъ Томска—50 р.; черезъ М. П.—70 р.; отъ Л.—6 р.; отъ д-ра Николаева—10 р.; отъ рабочихъ Шлиссельбургской м-ры—31 р.; отъ группы Екатеринбургцевъ, учащихся въ Высш. Учесн. Зав. г. СПб.—3 р. 90 к.; отъ Д. Голубятникова—1 р.; отъ А. П.—20 р.; отъ А. Н. Тахчогло, изъ Одессы—30 р.; отъ В. К. П.—15 р.; отъ В. Горбачевъ, изъ ст. Филоновской—100 р.; отъ Е. Н.—7 р.; изъ одного мелвѣжяго уголка Весъегонскаго уѣзда, Тверск. губ., переслалъ Б. Р.—7 р. 50 к.; отъ С. Латошниковъ—5 р. 50 к.; отъ Кона—2 р. 33 к.; отъ Закопанца—25 р.; отъ Н. Никонова, изъ Архангельска—9 р.; отъ кружка интеллигенціи со ст. Товаркова, Сызр. Вяз. ж. д.—16 р.; отъ Н, черезъ П. Ф. Якубовича—200 р.; отъ Екатеринбургцевъ: Б. А.—2 р.; №№ Vivus—4 р., З. Г.—2 р. 50 к.; отъ А. С.С.—10 р.

Итого	627 р. 73 к.
-----------------	--------------

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

КАБЛ

и. А.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.**В. Г. КОРОЛЕНКО.** Исторія моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.**П. И. КОРЕНЕВСКИЙ.** Престыянский „Генрихъ Блокъ“. Цѣна 10 коп.**Л. МЕЛЬШИНЪ.** Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.**В. В. МУЙЖЕЛЬ.** Разказы. Т. II. Цѣна 1 руб.**А. В. ПЫШЕХОНОВЪ.** Наканунъ. Цѣна 60 коп.

— Въ темную ночь. Цѣна 1 руб.

— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

А. ВЕРНЕРЪ. Разказы. М. 1909. Ц. 1 руб.**НОВАЯ КНИГА****Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).****Соціалисты Запада и Россіи.**

(Фурье.—Марксъ.—Энгельсъ.—Лассаль.—Жюль Воллэсъ.—Вилиамъ Моррисъ.—Чернышевскій.—Лавровъ.—Михайловскій).

Продается въ книж. складѣ М. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28) и въ другихъ магазинахъ.

1 р.
50 к.
въ мѣс.**ГИМНАЗІЯ**1 р.
50 к.
въ мѣс.**НА ДОМУ****Среднее Учебное Заведеніе заочно.****РАСХОДУЯ 1 р. 50 к. ВЪ М-ЦѢ,** никакихъ больше расходовъ! Учебныхъ пособій не требуется! Всякій имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новейшимъ педагогическимъ методамъ.**ПОЛНЫЙ КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,** подготовиться къ любому экзамену по разнымъ программамъ, на званія учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. училищъ, аптек. ученик-цы, вольноопред. 1 и 2-го разряда, на класен. чинъ и т. д.

Проспекты высылаются бесплатно.

Адр.: С.-Петербургъ, Изд. Т-ву «БЛАГО», Коломенская, 33—11.

Открыта подписка на новое издание
Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ:

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО.

при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изданіе ставитъ себя цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итогъ тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской литературы, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи“ дастъ не только схему, но и возможно богатую фактами картину культурнаго развитія. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, къ каждой изъ пяти частей „Русской Исторіи“ будутъ даны особыя прилож. (всего 25—30 печатн. лист.), заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатыми комментаріями. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ богато иллюстрирована снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (до 100 иллюстрацій на отд. листахъ, воспроизведенныхъ способами *Mezzotinto Duplex* и *Mattdruckkunst*), а также историческими картами и короткограммами. Указанныя выдержки въ связи съ особенностями самаго текста и иллюстраціями къ нему должны сдѣлать „Русскую исторію“ своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведен. и учителей начальной и средней школы. Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большого формата въ 10 выпускахъ. Цѣна изданія по предварительной подпискѣ съ пересылкой 20 р.; 2 р. уплачивается при заказѣ и по 1 р. 30 к. при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.—Первый выпускъ выйдетъ въ февралѣ с. г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ва „МІРЪ“.
Карусь Штерне

„ЭВОЛЮЦІЯ МІРА“.

Научно-популярн. исторія мірознанія и началъ культуры. Переводъ подъ ред. В. К. Агафоновъ съ посл. нѣм. изд., переработан. В. Вельше, съ дополн. статьями проф. Н. А. УМОВА и Н. А. Морозова. Изданіе составитъ 10 вып., по 128—169 стр. каждый, и будетъ заключ. около 820 рисунк. въ т. ч. 49 однолинейныхъ цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна изданія съ пересылкой безъ переплета 15 руб.; въ издѣлкахъ дерматиновыхъ переплетѣ 3-хъ томахъ 17 р. 25 к. Условія подписки: 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждаго выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждаго тома, по 10 к. за переводъ платежа. Вышло 8 выпусковъ.

Исторія русской литературы XIX ВѢКА.

Подъ ред. академика Д. Н. Овсяннико-Буленинскаго.

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ С. К. Мановскаго.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО.

Главная контора Т-ва „Міръ“, Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: Спб., Невскій, 104, Киевъ, Кузнецкая, 14, № 5.

ХОРОШИЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ КНИГИ

ЗА ПОЛЦѢНЫ И ДЕШЕВЛЕ.

Книгопродавцамъ по особому соглашенію исключительная скидка.

В. Башининъ. Стихотворенія: Гражданскіе мотивы. Лирика.—100 стр. въ худож. обложкѣ. Въмѣсто 50 к.—25 к. ...Есть въ этой книгѣ что-то благородно-искреннее, благоуханное и подкупающе-правдивое... Черезъ всю книгу проходитъ струя молодой свѣжести и весеннихъ ароматовъ... Радостный боевой кличъ идетъ вслѣдъ за скорбной пѣснью матери, потерявшей сына въ борьбѣ за свободу, пѣсней о женской долѣ, о безработицѣ. («Рѣчь», 19 апрѣля 1907 г.).

Мультипли. Повѣсти, легенды и сказки. Перев. и вступ. статья Ал. Чеботаревской. «Переводчица чрезвычайно умѣло выбрала лучшіе отрывки изъ разныхъ произведеній этого писателя, напоминающаго собою, по силѣ страстности, до которой доходитъ его протестъ, другого яркаго врага человѣческой пошлости, Фр. Ницше». (Русск. Вѣдом.» 9 янв. 1907 г.). Кн. издана оч. хор. 240 стр. въ худ. обл. Вм. 1 р.—50 к.

Р. Гаммеджъ. Исторія Чартизма. Пер. съ англ. Погосовой. 512 стр. Вм. 2 р.—1 р. ...Читатель, который прочтетъ интересный и обильный по собранному матеріалу трудъ Гаммеджа, будетъ имѣть полную и ясную картину движенія англійскаго пролетаріата въ пользу «Хартинъ»... Мы еще разъ рекомендуемъ приобрести эту книгу читателю, желающему познакомиться съ Чартизмомъ... Переводъ безукоризненный... («Современ. Міръ», февр., 1907 г.). ...Книгѣ Гаммеджа болѣе полуцѣна, но это ни на волосъ не уменьш. ея выдающагося интереса. («Товарищъ», 28 марта 1907 г.).

И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. I. Источники научнаго социализма. II. Цитаты. III. Теорія капитала. IV. Программы рабочихъ партій Западной Европы. 320 стр. Въмѣсто 1 р.—50 к. ...Принципы научнаго социализма весьма детально расчислены на рядъ основныхъ положеній, и цитаты на нихъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса сгруппированы весьма обстоятельно... («Образованіе», Октябрь, 1906 г.).

П. А. Берлинъ. Политическія партіи въ Западной Европѣ, ихъ доктрины, организація и дѣятельность. 272 стр. Въмѣсто 1 р. 25 к.—65 к. ...П. Берлинъ преодолѣлъ всѣ препятствія и не только не упустилъ ничего изъ стараго, но и ввелъ въ трактующій вопросъ кое-что новое. Мы имѣемъ въ виду страницы, посвященныя синдикализму, обыкновенно замалчиваемому даже въ новыхъ книгахъ о политическихъ партіяхъ. («Товарищъ», 4—V, 07). ...Авторъ обладаетъ большою эрудиціей, приводитъ много данныхъ; принципиальное отношеніе (марксистское) строго выдержано. («Критич. Обзоръ», 1907 г. в. II).

Гильомонъ. Исповѣдь простаго человѣка. Записки крестьянина. Перев. съ франц. Ал. Чеботаревской. 224 стр.—II. Въмѣсто 70 к.—35 к. «Исповѣдь простаго человѣка принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній новѣйшей французской беллетристики. Написанный просто, искренно, выпукло, романъ поражаетъ своей художественной объективностью. Точно въ самомъ дѣлѣ читаешь исповѣдь крестьянина... Это не только крупное художественное произведеніе, но въ то же время превосходная картина жизни и быта французскихъ фермеровъ (métauxers). («Правда», мартъ, 1906 г.).

А. Дюпри. Государство и роль министровъ во Франціи. Перев. съ фр. Е. Овсяникова. 175 стр. Вм. 60 к.—30 к.

А. Дюпри. Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Государство и роль канцлера въ Германіи. Перев. съ франц. Гольденберга. 125 стр. Вм. 60 к.—30 к.

А. Дюпри. Государство и роль министровъ въ Англіи. 136 стр. Вм. 60 к.—30 к. «Эти сочиненія пользуются широкой извѣстностью, какъ лучший трудъ по данному вопросу»... (Русск. Вѣд.). Положительныя стороны ихъ столь велики, что работу Дюпри можно смѣло рекомендовать тѣмъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ правительственной организаціей главнѣйшихъ изъ существующихъ государствъ. Лучшей сводной работы по этому вопросу на русскомъ языкѣ не существуетъ. («Образованіе», июнь, 1907 г.).

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. проф. Бородинъ, Лапшина и Щеголева. 2 тома, около 800 стр. Въмѣсто 1 р. 60 к.—за 1 р. 25 к.

Высылаютъ наложеннымъ платеж. книжный магазинъ И. Г. Маламыго.

«ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Суворовскій проспектъ, 5. Телефонъ 107-31.

Пересылка по почтовому тарифу. Упаковка за счетъ магазина. Новый сокращенный каталогъ удешевленныхъ книгъ высылается бесплатно.

Первая **ГРУППА ХУДОЖНИКОВЪ** (Оконч. Императорск. въ Россіи Академію Художествъ).
Принимаетъ всевозм. художественныя работы, какъ-то: портреты съ натуры и съ фотографій маслян. краск., акварелью, тушью, карандашомъ и т. д.; стѣнную роспись храмовъ во всѣхъ стиляхъ и проч. Портреты маслян. красками съ фотографич. карточ. 40×50 с-м. отъ 15 р. ТАКЖЕ исполняетъ портреты со всевозможн. фотографич. карт. тиса дорогихъ фотогравюръ. Портреты «фотогравюра» 47×60 сант. 8 р., акварель 12 р.; въ рамѣ на 2 р. дороже. Портреты съ поразительнымъ сходствомъ (обыкновеннаго типа) 10×12 верш. въ роскошной декаденской рамѣ 3 р., прозрачными акварельн. красками 4 р. Рамы по желанію: бѣлаго цвѣта, оливковаго и бордо. Перес. за счетъ заказч. Срокъ исполненія 15 дней. При заказѣ портр. красками необходимо указать цвѣтъ глазъ, волосъ и проч. Адресовать: только въ Главную контору Ателье, Завѣдывающему В. Степанову, С.-Петербургъ, Невскій, 69—34.

**СКЛАДЫ
ЧАЕВЪ**

И. Е. ДУБИННИНА.

МОСКВА, Покровка, 55.

Вы навѣрно часто встрѣчали наши объявленія, но можетъ быть еще недостаточно уяснили себѣ-почему Вы должны выписывать такіе товары, какъ чай, какао и кофе непосредственно изъ складовъ фирмы И. Е. Дубиннина. Это должно быть ясно для всѣхъ.

Главныхъ причинъ-три:

**Необыкновенно высокое качество товаровъ,
постоянная ихъ свѣжесть,
огромная выгода и экономія.**

Качество нашихъ товаровъ уже всѣмъ хорошо извѣстно. Они пользуются доброй и полной заслуженной славой по всей Россіи. Всѣ товары Вы получаете отъ насъ всегда безусловно свѣжіе, образцоваго качества и кромѣ сего по самымъ выгоднымъ оптовымъ цѣнамъ. Для ознакомленія мы предлагаемъ слѣдующіе наши товары, которые заслужив. особаго вниманія:

1. Знаменитый ЧАЙ ЦАРСКАЯ РОЗА, выдающийся своимъ нѣжнымъ ароматомъ, свѣжестью и вкусомъ старинныхъ кяхтинскихъ чаевъ. Для постоянного домашняго употребленія нѣтъ лучше, нѣтъ пріятнѣе и выгоднѣе чая Царской Розы.

2. Цейлонскій ЧАЙ ЯНХАО самый сильный и самый экономичный чай въ мірѣ. Онъ выдерживаетъ всякую воду и поэтому незамѣнимъ для мѣстностей съ грубой и известковой водой.

Кто желаетъ попробовать эти чаи, тотъ можетъ выписать на пробу по полуфунту того и другого, а всего 1 фун. за 1 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

3. КАМЕРУНЪ КАКАО. Самый лучший какао въ мірѣ, въ высшей степени питательный, полезный и пріятный напитокъ. Кто соблюдаетъ посты или постныдни должны для поддержанія здоровья пить Камерунъ какао, какъ самый питательный, совершенно постный-растительный продуктъ. Приготовленіе его самое простое: порошокъ кладется въ чашку и заваривается кипяткомъ. На пробу можно выписать 1 фунтъ Камерунъ какао за 1 р. 45 к. съ перес. на нашъ счетъ.

4. КОФЕ. ПАРИЖСКИЙ МЕЛАНЖЪ знаменитая смѣсь по Парижскому рецепту изъ всѣхъ лучшихъ сортовъ кофе. Если Вы хотите имѣть образцовый кофе-выписывайте Парижскій Меланжъ: лучшаго кофе не можетъ и быть. Одинъ фун. кофе Парижскій Меланжъ высып на пробу за 1 р. 25 к. съ перес. на нашъ счетъ.

Если же Вы хотите познакомиться и попробовать сразу всѣ эти товары, то можете выписать на пробу всѣхъ ихъ по четверти фунта-всего 1 ф. за 1 р. 65 к. 4 ф. за 5 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

Требованія просимъ адресовать:

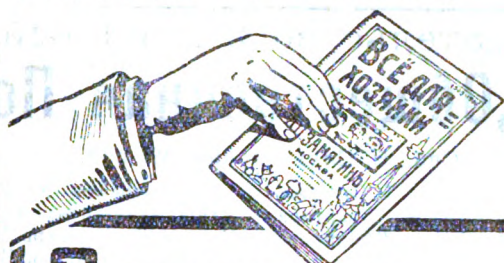
**СКЛАДЫ И. Е. ДУБИННИНА, МОСКВА,
ЧАЕВЪ И. Е. ДУБИННИНА, Покровка, 55.**

Всѣ подробныя свѣдѣнія о чаѣ, кофе и какао высылаемъ бесплатно.

ТАБЛЕТКИ

ЮГУРТ

д-ра **ТРАЙНЕРА** для приема послѣ еды (Болгарскія палочки, реком. Мичигокина и др. медик. авторит.) при всѣхъ желудочно-кишеч. заблѣзаніяхъ. Превосходно регулируютъ пищевареніе и запоры. Цѣна 2 р. Палоч. пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. леченіе). Продажа съ аптекахъ и лучшихъ аптекъ магаз. Литература высылается бесплатно. С.-Петербургъ, О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—31, д. Зингера.

Замятинъ и ПРАКТИЧНАЯ ХОЗЯЙКА

Возьмите обыкновенную открытку, напишите Вашъ адресъ и опустите ее въ ящикъ. Черезъ пару дней Вы получите роскошный богато иллюстрированный прейсъ-курантъ Замятинъ. Замятинъ въ Москвѣ знаетъ все. Это извѣстный магазинъ лампъ и хозяйственныхъ вещей. У Замятинъ есть все. Самый большой выборъ, лучшее качество, и притомъ самые низкія цѣны.

Если Вы живете въ провинціи, то Вы должны были покупать то, что Вамъ предлагаютъ или что есть на мѣстѣ. Теперь Вамъ этого больше дѣлать не надо. Вы лишь посмотрите прейсъ-курантъ Замятинъ, выберете то, что Вамъ нравится, что Вамъ нужно и пришлите заказъ Замятину! Вы немедленно все получите, по той цѣнѣ, которую Вы хотите заплатить.

Мы выполняемъ всѣ заказы безъ задержки и Вы по крайней мѣрѣ знаете, что получите товаръ самаго лучшаго качества.

Въ Прейсъ-курантъ Вы найдете фотографію и описаніе каждой вещи и рядомъ цѣну. У Замятинъ есть все для хозяйки: отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ роскошныхъ сортовъ товара.

Замятинъ уже 17 лѣтъ работаетъ съ провинціей и продаетъ всевозможные предметы тысячамъ покупателей. И все остается довольны. Молодая хозяйка найдетъ у насъ полное хозяйство отъ 32 руб. Впрочемъ пришлите намъ только Вашъ адресъ, мы Вамъ вышлемъ бесплатно прейсъ-курантъ, а затѣмъ судите сами. Опустите открытку въ ящикъ сегодня. Не откладывайте. Адресуйте:

А. П. ЗАМЯТИНЪ,

МОСКВА, Средніе ряды, № 28, 29, 30. Тел. магаз. 16-02, монторы 162-26.

МАГАЗИНЪ ОТДѢЛЕНІЙ НЕ ИМѢЕТЪ.

На запросахъ просить упоминать: въ розничное отдѣленіе.

„СПЕРМИН^{оль}“

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ обмѣна веществъ (диабетъ, подагра, рахитъ), при неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой слабости, спинной сухоткѣ, невралгіи, при переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операцій и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, разстройствѣхъ сердечной дѣятельности (миокардитъ, ожиреніе сердца), сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за 1/2 часа до еды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра Ф. М. Блюментала въ Москвѣ, оказалось, что „СПЕРМИН^{оль}“ Леопольда Столкинда содержитъ цѣлебной части спермина значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. Пеля и другихъ фирмъ.—Копія протокола анализа высылается бесплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДА и К^о**.
МОСКВА, Никольская, 17/19. БЕРЛИНЪ О, 27/4.

Книгоиздательство и книжный складъ Т-ва „Общественная Польза“

Спб., Б. Подъяческая, 39, соб. д.

Башкинъ В. Разказы, т. I. Содержаніе. Сестры. Молодо-зелено. Квартира. Тетя Ларя. Последние дни Рѣпникова. Книжница. Ц. 1 р.

Башкинъ В. Разказы т. II. Содержаніе. Больные. Потянуло. Москалевы. Начало. Красные маки. Ц. 1 р.

Беме. Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработаны для печати Маргаритою Беме, съ вступит. ст. Франка.

Бодляръ. Цвѣты зла. Съ 2-мя портретами и характеристикой автора. Переводъ П. Якубовича-Мельшина. Ц. 1 р.

Беренштамъ, Владиміръ. Въ огнѣ защиты. Изъ впечатлѣній политическаго защитника. Ц. 75 к.

Бѣлевичъ. „Наши чтенія“. Устройства литерат. вечеровъ и сборн. стихотвор. по декламации. Ц. 1 р. 50 к.

Бунамовъ, Н. Записки. Моя жизнь въ связи съ общерусской жизнью, преимуществ. провинціальной. 1837—1905 гг. Съ портретомъ и факсимиле Ц. 1 р. 75 к.

Гаринъ, Н. (Н. Г. Михайловскій). Сказки для дѣтей. Съ мног. иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., въ пакѣ 1 р. 50 к.

Елпатьевскій С. „Близкія тѣни“. Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ, Успенскомъ. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, С. „За границей“. Содержаніе. 1) Первые впечатлѣнія: Ривьера, Италия, Швейцарія, Парижъ. 2) Римъ. 3) Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ. Островъ Джерсей. 4) Во французскомъ вагонѣ. 5) Темный островъ (Корсика). 6) Ницца. 7) Италия. 8) Мессинское землетрясеніе. Ц. 1 р.

Корчемный, В. Разказы: 1) Лунная соната. 2) Записки стараго художника. Ц. 1 р.

Кармень. Разказы, т. I. Ц. 1 р.

Ладыженскій. Далекіе дни и друг. разказы. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разказы, т. III. Содержаніе. Старуха земля. Мечты. Леонть. Старый Каморъ. Въ одномъ домѣ. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разказы, т. IV. Ц. 1 р.

Никоновъ, Б. Въ стѣнахъ гимназіи. Ц. 1 р. 25 к.

Первухинъ, М. Догорающія лампы. Сборн. разск. Ц. 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. Расколъ вверху. Очерки религіозн. исканій въ привилегированной средѣ. Ц. 1 р.

Преміровъ, М. Нѣмыя дали. Разск. Содержаніе. Дѣти города. Украли День. Скорбный листъ. Тихая сказка. Гемма. Счастье. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Разказы. Содержаніе. На зеленомъ дугу. Слѣпой кругъ. Качающійся фонарь. Въ виноградникѣ. Жадный. Въ вагонѣ. Вѣтеръ. На улицѣ. Какъ было. Старуха. На рѣкѣ. Разбитый домъ. Ц. 1 р.

Толстой, А. Н., графъ Сорочья сказка. Ц. 1 р.

Федоровъ, А. Разказы Ц. 1 р. Подвигъ. Романъ Ц. 1 р. Камни. Изд. 2-е. Ц. 1 р. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Избранные разказы въ переводѣ Куприна, Бальмонта, Лукьянова, Батюшкова и др., Ц. 1 р.

Чириковъ, Е. Моя книга. Дѣтскіе разказы съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к., въ переп. 1 р. 80 к.

Чириковъ, Е. Въ царствѣ сказокъ. Съ иллюстр. въ пер. 2 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

Вельскій. Записки педагога. Съ вступ. письмомъ проф. Лесгафта. Ц. 1 р.

Волынский, А. Ф. М. Достоевскій. Крит. ст. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій. Исторія русской литературы. Ц. 40 к.

Мережковский, Д. Л. Толстой и Достоевскій, т. I. Жизнь и творчество. Ц. 2 р., т. II. часть I. Религія. Ц. 1 р. 50 к., т. II. часть 2. Религія. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковский, Д. Вѣчные спутники. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковский, Д. Больная Россія. Ц. 1 р. 25 к.

Овсяннико-Куликовскій, Д. проф. Собр. соч. т. I. Гоголь, т. II. Тургеневъ, т. III. Толстой. Ц. 1 р. 25 к., т. IV. Пушкинъ, т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій. Ц. 1 р. 25 к., т. VI. Психологія мысли, чувства и творчества, т. VII. Исторія русской интеллигенціи, ч. I. 1 р. 50 к., т. VIII. Исторія русск. интеллиген., ч. II. 1 р. 50 к.

Стекловъ, Ю. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. Ц. 2 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Составляетъ новыя и пополняетъ существующія бібліотеки: общественныя, публич., школьн., сельск., заводск. и т. д.

По предварительному соглашенію высылаетъ магазинамъ, бібліотекамъ и т. д. всѣ вновь выходящія книги, или по отдѣльнымъ отраслямъ, немедленно по выходѣ.

Заказы высылаются налож. плат.

Каталоги по требованію бесплатно.

случайно скупленные

ОСТАТКИ ИЗДАНИЙ ПРЕДЛА-
ГАЮТСЯ ЗА

ПОЛЦѢНЫ и ДЕШЕВЛЕ французско-русский словарь

этимологический, содержащий въ по-
степенномъ порядкѣ всѣ слова, разобран.
и сгруппиров. по корнямъ сост. Так-
кедья. Удост. больш. преміи Императ.
Петра Великаго. Рекоменд. учен. ком.
Мин. Народн. Просв. 2 тома 1320 стр.
Вмѣсто 7 руб. за 2 руб. 50 коп.

ЛЮТЕНАУ. Естественная и социаль-
ная религія. Физич. Антропологич. и
психологич. религіи. Жречество. Афин-
ская государств. религія. Соціальн. ре-
лигія. Монотеизмъ. Христіанство. Рели-
гія и этика. Религія въ настоящ. 1908 г.
290 стр. вмѣсто 1 р. за 50 к.

ЗАРНИЦЫ, № 1 сборникъ. Купринъ,
А. Яблоновскій, В. Башкинъ, Таятъ,
Н. Морозовъ, Бунинъ, А. Рославель,
Цензоръ, Овсянко-Куликовскій, Горн-
фельдъ, И. Петрунkevичъ, О. Кокош-
кинъ, Н. Щепляинъ, Кн. Д. Шахов-
ской, О. Пергаментъ, М. Славинскій,
А. Петрищевъ. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ВЕРШИНЫ. Сборн. В. Базаровъ, П.
Берлинъ, И. Бунинъ, В. Кранихфельдъ,
А. Луначарскій, Д. Крачковскій, Л. Мар-
товъ, В. Муйжель, М. Невѣдомскій,
Нарвусъ, Потресовъ, П. Юшкевичъ,
Сем. Юшкевичъ и друг. 420 стр. 1909 г.
Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ФОНЪ-ГУКЪ. Крикъ жизни. У Киев-
скихъ монаховъ. Неутѣшная. вдова.
и друг. разск. Вм. 1 руб. за 40 к.

В. Т. ВЪЛИНСКІЙ въ его письмахъ
и сочиненіяхъ; Состав. Евг. Соловьевъ.
(Скриба) Издан. 2-е. 250 стран. 60 к.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЕРЪ. Міръ, какъ
воля и представленіе. Популярн. излож.
В. М. Голыкова. Вм. 60 к. за 30 к.

Пересылка за счетъ покупателя.

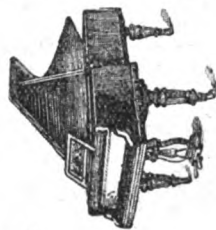
Съ требован. обращаться въ книж-
ный магазинъ **А. К. ГОМУЛИНА.** Спб.,
Литейный, 49. Тел. 84—26.

Цѣны указаны безъ пересылки, упаковка
бесплатно.

Пересылка по дѣйствительной стои-
мости на счетъ покупателя высылается
наложен. при задаткѣ $\frac{1}{3}$ заказа.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ.

НОВАЯ МОДЕЛИ.

РОЯЛИ

ПІАНИНО

Допускается разсрочка.

Беккеръ, Шредеръ, Дидерихсъ, Ренишъ,
Мюльбахъ, Вестемейеръ и др.

Поставщикъ

Императорской Моск.

Консерваторіи.

МОСКВА,

Газетный переулочъ № 6.

Каталоги бесплатно.

М. К. Трудень

СРЕДСТВО

действительное противу кашля, простуды, бронхита и гриппа.

Средство признано превосходным во Франции уже 20 летъ. Ежегодная продажа 1 мил. короб. Сосанемъ этихъ па-

стилокъ, имѣющ. пріятн. вкусъ, можно предохранить себя отъ всѣхъ болѣзн. горла и бронховъ. Цѣна коробки 90 коп. Пастиллы «Понселэ» прод. во всѣхъ апт. и апт. маг. В. Билера, Спб., Невскій, 49. Рус. Общ. торг. апт. тов. Казанская, 12.

Курсы газетной техники.

1-е въ Рос. Сунт. 5-й г. Лично и заочно подготов. лицъ об. пола въ сотруднички Спец.: фельет., статист., разск., корреспонден., стеногр. и пр. Вид. свид. рск. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет на жалов. Подр. за 7 к. м. Лекціи и матер. Леон. Андреева, Амфитеатрова, Дорощевича, Куприна, Юшкевича. Одесса, Дерибасовская, д. Мих. № 21, Чивонабару.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТЪ РАЗСТРОЙСТВА ЖЕЛУДКА, ХОЛЕРИНЫ, ПОНОСА ХУДОГО ПИЩЕВАРЕНІЯ. ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЕТСЯ ТАМЪ ГДѢ НѢТЪ ВРАЧЕВЪ ИЛИ ПОМОЩИ. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ Ф.А.Д. РИХТЕРЬ. С. ПЕТЕРБУРГЪ НИКОЛАЕВСКАЯ УЛ. Д. № 16.

ДАМЫ И БАРЫШНИ. Благодарности, полученные мною почти отъ всѣхъ моихъ заказчицъ, даютъ мнѣ право просить отнестись ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, въ чемъ и Вы убѣдитесь. За точное и добросовѣстное исполненіе заказа ручаюсь. Советую выпустить по фабричнымъ цѣнамъ **НОВУЮ ПОСЛѣДНЯГО СЕЗОНА.** Изящн. бархатная блузка, грудь, воротничокъ и манжеты роскошно вышиты, шелкомъ гладью въ прикрасномъ видѣ, годная къ шитью на каждую фигуру. Цвѣта: черный, бордо, темносиній, темно-зеленый, табачный вышито за 5 руб. 25 коп. наложеннымъ платежомъ и безъ задатка.

Блузка изъ чист. шерст. матеріи **„ВУАЛЬ“** съ такой же роскошной вышивкой

Блузка изъ чистаго шелковаго канаса, вышита гладью или ажуромъ сортъ Prima

Блузка изъ канаса № 2 такой же вышивкой

Блузка изъ самой модной шелковой матеріи **„ПОПЕЛИНЪ“** съ роскошной вышивкой

Изъ шелк. флорентина вышита гладь, или ажуромъ цвѣта: черный, кремъ, розовый, голубой, пунцовый, табачный и др. Фасонъ послѣднѣго журааа прилагаю безплатно.

Англіійская Верхняя Юбка изъ самаго элегантнаго, моднѣйшаго и практичнаго шевіота, шитье, отдѣлка и крой по новѣйшимъ моделямъ съ высокой таліей цвѣта: черный, т.-синій, коричневый, табачный, темно и свѣтло-серый, затканная новомодными искрами вышито за

Юбка изъ гладкаго Шевіота Прима отдѣл. Шелков. тесьмой и пуговъ съ высокой таліей

Юбка изъ чисто-шерст. матер. **„ГЛОРИЯ“** съ роскошной отдѣлкой съ шелков. поясомъ

Юбка изъ Альпака отдѣл. пуговъ.

Юбка изъ Шелковист. Альпаги ничѣмъ не отличающейся отъ шелк. матер. отдѣл. блестящ. тесьмой крой кокетка

Юбка изъ загран. шерст. матер. **„ВЕНЕРА“** съ высокой таліей отдѣл. либерти и пуговъ, спереди въ складк. и кокеткой послѣд. новостъ

Юбка изъ Полосатой матеріи **„КОВЕРНОТЪ“** отдѣл. либерти пуговъ кокеткой съ высок. таліей

Юбка изъ загран. бархата, отдѣлана ш. рокой шелков. тесьмой съ обыкновенной таліей

Такая же юбка съ Корс. т. е. высок. тал. на 1 руб. 50 коп. дороже

Всѣ юбки могутъ быть черныя, темно-синія, табачныя и другіе цвѣта. При заказѣ указать объемъ въ бедрахъ, талии и длину юбки.

Адр.: Вышивальня **„МАРІА“** Варшава, Пасья, II, отд. 3

Р. К.	
4	
6 90	
5 25	
6 75	
4 10	
5 25	
7 75	
8 75	
6 50	
8 75	
11 25	
12	
14 50	

Каталогъ книгъ

(Остатки изданій В. Солдатенкова и др. по удешевленной цѣнѣ) высылаются безплатно книжнымъ магазиномъ **И. М. ФАДѢЕВА.** Москва, Моховая ул., домъ графа Беккендорфа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на общ.-пол. литер.

ЕЖЕНЕД.
ГАЗЕТУ

„Разсвѣтъ“, (6-ой годъ изданія.)

Единств. еврейск. газ. на русск. языкѣ выходящую при ближайшемъ участіи Ю. Д. Бруцуска, С. К. Репштейна, Б. А. Гольдберга, А. М. Гольдштейна, В. Е. Жаботинскаго, А. О. Зайденмана, А. Д. Идельсона и Д. С. Пасманника.

При одномъ изъ первыхъ номеровъ „Разсвѣта“ за 1910 г. подписч. получ. въ видѣ безпл. приложенія справочн. книжку „Разсвѣта“, содерж. помимо календаря и евр. хронологіи: законы о евреяхъ, обзоръ всѣхъ общ.-евр. и русско-евр. учредж., условія поступл. въ учебн. завед. въ Россіи и загран., эмиграц. свѣдѣнія, статист. данныя и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россію: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к. За границу: на годъ—6 р., на полгода—3 р., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к.

Подп. приним. только съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля и 1 окт.

Адресъ Ред. и Конт. Спб., Торговая, 17.

ЗЕРНА ВИШИ
GRAINS DE VICHY

ИЗЛЕЧИВАЮТЪ
ЗА ПОРЪ
1-2 вечера передъ обѣдомъ.
Во всѣхъ аптекахъ.
Коробка 1 руб.

Имѣются въ Центральн. аптекар. магазинѣ
Б. Шаскольскаго, Невскій, 27.

ф. Сакъ-Талли.

ЗАВОДЪ: С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 60.
МАГАЗИНЫ: Невскій пр., № 8 и 60.
Москва, Кузнецкій мостъ с. д.

Часовни, кресты, надгробн. ограды. Ка-
мины, къ нимъ приборы и экраны, чугу-
н. наполнители, и керосиновыя ПЕЧИ.

Кухонныя экономич. ОЧАГИ.

Устройство прачешень и конюшенъ.

Денежныя Шкафы и ящики.

Вѣсы системы Фербенксъ. Кресла-
самокаты для больныхъ.

Элегантныя дѣтскія Коляски. Желѣзная
садовая мебель.

Шосейныя натки.

Требуйте прейсъ-куранты. — При требова-
ніи прошу ссылаться на № журнала.

ЛУЧШІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ для РЫБНОЙ ЛОВЛИ

И. ГЛАЗУНОВЪ МОСКВА.

Столешн. пер.

ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ
и РУКОВОДСТВО УЖЕНІЯ
высыл. БЕЗПЛАТНО.
Каталогъ съ образцами
высыл. за 3 семикоп. марки.
ЦѢНЫ ВЪ
КОНКУРЕНЦІИ.

Оптомъ и
въ розницу.

КНИГО-
ПРОДАВЕЦЪ

К. ГУБИНСКИЙ. С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Владимирскій, 7.

Высылаю всѣ книжныя новости. Пополняю и составляю всевозможныя библіотеки. Каталогъ бесплатно.

Майковъ, П. Біограф. Ив. Ив. Бецкой ц. 4 р. за 1 р.

Штиглицъ, А. Исслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Степановскій, И. К. Вологодская старина. Историко-археологическій сборн. Вологда, 1890 г. ц. 3 р. за 1 р.

Зибель, Н. И. Давидъ Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общ.-экономич. изслѣдован. изд. III, 1898 г. ц. 2 р. 25 к. за 1 р. 75 к.

— Собр. соч. въ двухъ том. съ портр. автора ц. 5 р. 50 к. 1900 г. за 4 р.

Маттеи, А. Король нищихъ. Романъ, перев. Гейнце ц. 1 р. за 30 к.

Шпильгагенъ, Ф. О чемъ щебетала ласточка ц. 2 р. за 1 р. 20 к.

Гетчинсонъ, Г. Очерки первобытн. міра. Перев. Журовской ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Шопенгауэръ, Арт. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Н. Соколова ц. 4 р. за 3 р.

Мишле. Женщина и любовь. Физиология ц. 1 р.

Поповъ, Н. Около трона. Дневникъ М. Абендъ. Романъ изъ жизни соврем. аристократовъ ц. 1 р. за 50 к.

Складчина. Литерат. сборн. сост. изъ труд. русск. литерат. ц. 3 р. за 1 р. 25 к.

Альманахъ оккультистъ ц. 60 к.

Мережковский, Д. Трилогія. «Христосъ и Антихристъ», въ 3 част. ц. 5 р. 75 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолы. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокр. ц. 1 р. 50 к. за 60 к.

Франке, Куно. Истор. нѣм. лит. въ связи съ разв. обществ. силъ. Съ 39 портр. Перев. съ англ. П. Батина за 1 р. 25 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожд. обществ. строя соврем. Франціи. Стар. порядокъ. Пер. Г. Лопатина ц. 2 р. 50 за 1 р. 25 к.

Никитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1887 гг.) ц. за 2 т. 7 р. за 3 р.

Лемке, Мих. Очерки по истор. русск. ценз. и журналист. XIX ст. Съ 19 портр. и 81 каррик. 3 р. за 1 р. 20 к.

Бори. Парижскіе шелопан. Романъ ц. 2 р. за 1 р.

— Красавецъ Роланъ или клубъ вильяшниковъ. Ром. ц. 3 р. за 75 к.

Маакъ. Путешеств. на Амуръ. съ атлас. изъ 32 табл. ц. 20 р. за 10 р.

Гансъ Фреймаркъ. Какъ узнать свою судьбу по линіямъ рукъ. Со многими иллюстраціями ц. 75 к. за 45 к.

Бертеруа. Новія (плясунья Помпей). Ром. изъ жизни античн. міра ц. 75 к.

Шмидтъ, Н. Дневникъ грудного младенца ц. 60 к.

Долороза. Рафаэла. Ром. танцовщицы (одна изъ мног.) ц. 1 р. 25 к. за 1 р.

Клара Фибихъ. Крестъ въ Венѣ. Сенсационный романъ ц. 1 р. 25 к.

Надежда Санжаръ — Записки Анны. 1910 г. ц. 1 р. (Интересная новинка!).

Міръ половыхъ страстей. Карт. полов. жизни мужчины и женщины ц. 1 руб.

Альтенбергъ. Сказки жизни ц. 1 р.

Гитонъ. Жизнь людей черезъ 1000 л. Утопическій романъ ц. 60 к.

Бронгаузъ-Ефронъ. Энциклопед. слов. Полн. (86 т.), ц. 258 р. за 110 р.

Біографія композитора. съ IV—XX в. съ портр. Больш. т. 927 стр. ц. 6 р. за 3 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи, философіи права 6 т. (безъ 1-го) ц. 18 р. за 9 руб.

Листовскій, И. Историческіе итоги. Спб. 1892 г. ц. 3 р. за 1 р.

Вангольдъ. Географія въ эстампахъ, 16 гравирован. эстамповъ въ перепл. ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Гюи-Мопассанъ 12 т.—6 р. Жуковский, В. А. 12 т.—1 р. Данилевскій 24 т.—

3 р. Генрихъ Гейне 16 т.—1 р. 50 к. Гоголь, Н. В. 12 т.—2 р. 50 к. Салты-

ковъ-Шедринъ, М. Е. 40 т.—6 р. Боборыкинъ, П. Д. 12 т.—2 р. 50 к. Станюковичъ 40 т.—4 р. 50 к. Горбуновъ

4 т.—1 р. Гр. А. Толстой 10 т.—3 р. Лѣсковъ 36 т.—3 р. Шеллеръ-Михай-

ловъ 50 т.—4 р. Чеховъ, А. П. 16 т.—6 р. Гончаровъ 12 т.—6 р. Григоровичъ,

Д. В. 12 т.—6 р. Тургеневъ 12 т.—9 р. Достоевскій 24 т.—9 р. Успенскій,

Г. 28 т.—4 р. Гауптманъ 10 т.—2 р.

Крестовскій, В. Собр. соч., 8 т. ц. 10 р. за 8 р. Крыловъ, П. Полн. собр. сочин.

ц. 1 р. Немировичъ-Данченко, Вас. Соч. 30 кн. за 5 р. Соловьевъ, Вс. Соч. 40 кн.

за 6 р. Диккенсъ, Ч. Собр. соч. 35 т. за 12 р. 50 к. Додз, А. Собр. соч. 12 т.

ц. 6 р. Шекспиръ. Соч. 5 т. богато-иллюстр. изд. Брок.-Ефр. ц. 37 р. 50 к.

за 25 р. (въ перепл.). Шиллеръ. Полное собр. соч. богато иллюстр. изд. Брокг.-

Ефронъ. 4 т. ц. 30 р. за 20 р. (въ перепл.). Шницлеръ. Соч. 6 т. ц. 6 р. Сѣп-

цовъ, В. Соч. изд. Губинскаго, ц. 2 р. 25 к. Лейкинъ. Соч. 34 т. ц. 36 р. 35 к.

(каждый т. прод. отдѣльн.). Потѣкинъ, А. Полн. собр. соч. 12 т. изд. «Прогр.» ц.

въ перепл. 18 р. за 12 р. Ростопчина, Е. Соч. 2 т. Спб. 90 г. ц. 5 р. (изд. распро-

дано). Жюль Вернъ. Полное собраніе сочиненій 88 том. ц. 10 руб. Майнъ-Ридъ.

Сочиненія 40 томовъ цѣна 6 р.

Цѣны безъ пересылки.

С.-Петербургъ.

Кирпичный, 1.

ЕСЛИ ВАШИ ВОЛОСЫ

выпадаютъ, если у Васъ есть жирная или сухая перхоть, если Вы страдаете зудомъ кожи головы и желаете имѣть прекрасные волосы, то сообщите свой адресъ, и Вы получите брошюру «Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія», составленную Врачами-Специалистами 1-й Россійской Волосолечебницы въ С.-Петербургѣ, совершенно бесплатно.

ЛАБОРАТОРІЯ „ДЕВЕСЪ“.
СПБ., Кирпичный, 1.

Безплатно высылается всѣмъ

указавшимъ на это объявленіе и сообщившимъ свой адресъ только что вышедшій Каталогъ книгъ—удешевленныхъ, антикварныхъ и новыхъ книжн. магаз. П. ГЛѢБОВА. Спб., Пет. стор., Большой пр., 35.

Между прочими предлагаются слѣдующія книги:

Проф. А. ТРАЧЕВСКІЙ. РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

2 тома, 2-е исправл. и дополн. изд. 1900 г., съ 72 рис., 540 стр. Древняя исторія, въ 1 томѣ, 3-е исправл. изд. 1901 г., съ рис. 377 стр. Средняя исторія, въ 1 томѣ, 3-е исправл. изд. 1901 г., 111 рис., 366 стр., Новая исторія, одинъ томъ (1500—1750 гг.), 2-е исправленное и дополненное изданіе 1900 г., 700 стр.

За всѣ 5 томовъ вмѣсто 8 руб. 50 к.—2 р. 50 к.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ. ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Изданіе Картографическаго заведенія Ильина.

ПО ЦѢНѢ по 1 р. за томъ вмѣсто 8 р. Имѣются слѣдующіе томы:

Т. VIII. Индія и Индо-Китай — съ 6 рис. и карт. на 2-хъ лист., 751 стр.

Т. IX. Средняя Азія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Азіатская Турція и Аравія—съ 84 рис. съ карт. 803 стр.

Т. X. Сѣверная Африка, Бассейнъ Нила съ 57 рис. съ карт. 543 стр.

Т. XI. Сѣверная Африка, Тунисъ, Алжирія, Марроко, Сахара—съ 82 рисун. 742 стр.

Т. XII. Восточная Африка, Атлантич. архипелаги, Сенегамбія и Восточн. Суданъ—съ 64 рис. 604 стр.

Т. XIII. Южная Африка, Южный Атлантический Океанъ, Камерунъ, Габ-

бонъ, Конго, Ангола-де-Мара, Лимпопо, Кубанга, Мозамбикъ, Занзибаръ — съ 75 рис., 688 стр.

Т. XIV. Океанъ и океанск. земли, Мадагаскаръ, Маскаренскіе острова, Инсулинды, Филиппинскіе острова, Мала-незія, Австралія, Полинезія — съ 77 рис., 797 стр.

Т. XV. Сѣверная Америка, Гренландія, Полярный архипелагъ, Аляска, Канада, Нью-Фаундлендъ — съ 55 рис., 575 стр.

Т. XVI. Соединенные Штаты — съ 66 рис., 664 стр.

Т. XVII. Западная Индія и Мексика — съ 73 рис., 780 стр.

Книги по желан. высыл. налож. платеж. Перес. по казенному тарифу. Каталогъ бесплатно.

Книги за Высылает Центральный А. А. КЛИ

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., здан. Ново-Александра

Русские писатели.

бывш. прилож. къ „НИВЪ“ и др.

ВОБОРЫКИНЪ. 12 т., ц. 2 р. 50 к. **ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ.** (Каспаръ), 34 вып., ц. 3 р. **ГАНЪ.** 6 т., ц. 1 р. **ГАУТТМАНЪ.** 10 т., ц. 1 р. 50 к. **ГОГОЛЬ.** 12 т., ц. 2 р. 50 коп. **ГОРБУНОВЪ.** 4 т., ц. 75 к. **ГРЕБЕНКА.** 10 т., ц. 3 р. **ГРАНОВСКИЙ.** 2 т., ц. 75 к. **ГЮИ ДЕ-МОПАСАНЪ.** 13 т., ц. 4 р. 50 к. **ГЕЙНЕ.** 16 т., ц. 1 р. **ДАНИЛЕВСКИЙ.** 24 т., ц. 4 р. **ДЕРЖАВИНЪ.** 4 т., съ пред. Грота, ц. 2 р. 50 к. **ЖУКОВСКИЙ.** 12 т., ц. 1 р. 50 коп. **ЗУДЕРМАНЪ.** 12 т., ц. 2 р. **ИВЕНЪ.** Ген. 13 т., ц. 3 р. **КОНРАДИ.** 2 т., ц. 2 р. 50 к. **КРАШЕВСКИЙ.** 12 т., ц. 3 р. **ЛЭСКОВЪ.** 36 т., ц. 4 р. **МИХАЙЛОВЪ-ШЕЛЛЕРЪ.** 50 т., ц. 4 р. **МАЧТЕТЪ.** Г. Соч. 12 т., ц. 6 р. **ПЕЧЕРСКИЙ (МЕЛЬНИКОВЪ).** 22 т., ц. 6 р. **МОРДОВЦЕВЪ.** 26 т., ц. 4 р. **НЕКРАСОВЪ.** Кому на Руси жить хорошо. Отд. поэма въ пер. 1 р. 50 к. **САМАРОВЪ.** 20 т., ц. 3 р. **САЛТЫКОВЪ-ЩЕДРИНЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СТАНЮКОВИЧЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СОЛОВЬЕВЪ.** Всевол. 40 т., ц. 7 р. **ТОЛСТОЙ, А.** 10 т., ц. 4 р. **УСПЕНСКИЙ.** ГЛѢВЪ. 28 т., ц. 4 р. **ЧЕХОВЪ.** 16 т., ц. 7 р. **БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.** изд. Т-ва „Пресвѣщеніе“. 20 т. въ редакц. пер. ц. вмѣсто 120 р за 46 р. **БОЛЬШОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИ СЛОВАРЬ.** изд. Брокгауза и Ефрона. 82 полут., въ ред. пер. ц. вм. 246 р. за 140 р. **АЛЬБРЕХТЪ.** д-ръ. Тайны и болѣзни женщ. и дѣвушки. ц. 1 р. 50 к., за 75 к. **ЕГО-ЖЕ.** Женскія груди. О женск. грудяхъ и женской красотѣ вообще. ц. 1 р. за 50 к. **«БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА».** съ атласомъ рис. строен. женск. тѣла, ц. 2 р. за 1 р. **БЕРНЭДЪ, А.** Въ вихрѣ наслажденій. (Записки массажистки). Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к. **БУЛАНОВЪ, В.** Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассн. художн., ц. 4 р., за 2 р.

Библиотечка оккультиста.

1) **ПАРКЕРЪ, ДЖ.** Сила внутри насъ. Спб. 2) Альманахъ «Оккультистъ». 3) **НИТИБУСЪ.** Черный драконъ или сборникъ магическ. рецептовъ. 4) **ЗАЙКИНА, Л.** Хиромантія или тайны руки съ 154 рис. 5) Тайны или наука объ опредѣленіи характера и наклон.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ, кромѣ тѣхъ, на которыя таковая указана.

человѣка посредствомъ изслѣдов. руки. ц. за всѣ 5 кн. въ пер. 2 р. 50 к.

ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРНЪ, К. д-ръ. Избѣжаніе материнства, съ 19 рис. въ текст. Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ГИТТОНЪ, Г. Жизнь людей черезъ 1000 л. Въ 3000 году. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

ДЕВОРЪ, Д. Наши Шекспировъ и Гете. Литературный памфлетъ. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

ДЮФУРЪ, П. Куртизанки Парижа, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

ЛАВУНСКИЙ, С. Въ аду страстей. (Дневникъ содержанки), ц. 1 р., за 50 к.

ЛОРИ, А. д-ръ. Какъ увеличить и укрѣпить женскій бюстъ, ц. 1 р., за 50 к.

МАЛОХОВСКАЯ, Е. Настольная поваренная книга, ц. 2 р., за 1 р.

МАНТЕГАЦЦА, П. Физиологія любви. ц. 1 р., за 50 к.

МИЛЛЕРЪ, І. «Моя система», 5 минутъ ежедневной работы или здоровья, ц. 75 к. за 37 к.

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. Въ тихомъ омутѣ. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

МОРГЕНСТЕРНЪ, И. Психографологія или наука объ опредѣленіи внутрен. міра человѣка по его почерку, ц. 8 р., за 4 р.

ГАНСОНЪ, ОЛА. Женщина, какихъ много. Новеллы. Къ физиологіи современной любви, ц. 1 р., за 50 к.

ГЕНТАМЕРОНЪ. 70 новеллъ королевы Наваррской Маргариты Валуа. ц. 1 р. за 50 к.

ГОРБУНОВЪ, С. Сны изъ народнаго быта, ц. 1 р. за 50 к.

БОККАЧО, ДЖ. Избранныя новел. изъ „Декамерона“, ц. 80 к., за 40 к.

ЕЛЕНЦІЙ, М. (псевдонимъ). Свобода любви. Старая и новая нравствен., воли природы. Исторія свободн. любви и пр. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

„Избранныя сочиненія русскихъ писателей“.

1) И. Котляревскій и Квитко-Освеняненко; 2) А. С. Пушкинъ; 3) А. Т. А. Савковъ; 4) Т. Н. Грановскій; 5) Н. В. Гоголь; 6) В. Г. Бѣлинскій; 7) К. Ф. Рылѣевъ и 8) Гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко.

ПОЛЦЪНЫ!

Книжный Складъ МОЛОВА.

ровскаго рынка, № 163, у Измайловскаго моста.

и М. Горькій, съ портрет. и факсимиле автор. Всего около 800 стр., цѣна съ пер. за 8 том. 1 р. 75 к.

ХОРОШІЙ ТОНЪ или искусство быть всегда занимат. въ обществѣ. Практ. руков. для дамъ и мужчинъ, ц. 1 р., за 50 к.

КУРСЪ КРОЙКИ, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ, съ 520 рис. въ текстѣ, ц. 3 р., за 1 р. 50 к.

Новѣйшія книги по полов. вопросу.

1) **ЖАФФЕ-КОЧЕЙНОНЪ**. Абортъ. Стремленіе къ бездѣтному браку. 2) **ЕГО ЖЕ**. Эротическое помѣшательство. 3) **ЖОВАННИ**, проф. Источеніе мужчины и его лѣченіе. 4) **ГОЛОВИНЪ**, А. Д-ръ. Бѣлы у женщинъ. 5) **КРЬЕВЪ**, А. Д-ръ. Поллюція. 6) **ЖЕРАРЪ**. Новѣйшія причины безплодія у обоихъ половъ. **СЕКРЕТНЫЯ БОЛѢЗНИ**. Распознаваніе ихъ, мѣры противъ заболѣваній, лѣченіе и рецепты лекарствъ. Цѣна за 7 кн. 6 р., съ перес. 3 р. 50 к., отдѣльно по 75 к.

НОТАРИ, Г. «Эти» женщины. Сцены современнаго жизни (Дневникъ проститутки), ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Поступило въ продажу иллюстр. 22 сборн. пикантныхъ юморист. стихотв., шутокъ и острогъ.

1) Амуръ и Венера; 2) Веселая вдова; 3) Въ чужой постели; 4) Гимны амора; 5) Дамы веселья; 6) Захоу — полюблю; 7) Качели; 8) Китайка; 9) Любовь XX в. 10) Матчюшъ; 11) Наши кокетки; 12) Пестеръ. Карменъ; 13) Петерб. ночи; 14) Тихо и плавно качается...; 18) Торреадоръ; 19) Три сестры; 20) У васъ есть что предъ-явить? 21) Чары любви и 22) Экспроприация. Около 600 стр., ц. 3 р. 30 к. съ пересылкой, за 2 р. 20 коп.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Миръ, какъ воля и представленіе. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

ПОСЛѢДН. НОВОСТИ! 4 литературно-художеств. сборника А. Куприна, И. Бунина, А. Каменскаго, Д. Аннунціо, Н. Морозова, Д. Овсяннико-Куликовскаго, Н. фонъ-Гукъ и др. извѣст. писат. 1) «ПРИЗВОЙ», 2) «ПРО-ПЛЕВЫ», 3) «ЗАРНИЦЫ» и 4) «КРИКЪ ЖИЗНИ», около 900 стр. съ рис. Цѣна за 4 тома 5 р. съ перес. 3 р. 20 к., отдѣльно по 1 р. за томъ.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ бесплатно.

РЕНАНЪ, Э. Апостолъ Павелъ, ц. 1 р. 10 к., за 55 к.

ЕГО ЖЕ. Апостолы, ц. 75 к., за 37 к.

ЕГО ЖЕ. Жизнь Іисуса, ц. 80 к. за 40 к.

РОМАНОВЪ, С. И. Словарь для ружейныхъ охотниковъ, сомнож. рисунк., 572 стр. ц. 3 р. 50 к., за 1 р. 75 к.

РУБАКИНЪ, К. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста, ц. 85 к., за 42 к.

ЕГО ЖЕ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Очерки и наброски публициста, ц. 80 к., за 40 к.

САЛЬНИКОВЪ, А. Настольный. Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы, ц. 60 к., за 30 к.

Новѣйшіе полные самоучители.

1) французскаго, 2) нѣмецкаго, 3) англійскаго и 4) латинскаго языковъ. Съ приложеніемъ прописей и главн. прав. чисто и правописанія, 771 стр. цѣна за всѣ 4 самоуч. 3 р., съ перес. 2 р.

ФИЛОСОФОВЪ, Д. В. Слова и жизнь. Литературные споры нов. времени (1901—1908 гг.). Ц. 1 р. 25 к., за 62 к.

КСЕНДЗА ХИНИКВИ. Дѣвушки и ихъ «просвѣтителы». Предсмертныя разоблаченія и факты изъ жизни «безбрачныхъ» ксендзовъ. Ц. 1 р., за 50 к.

ШЕРВЕНЪ. Запканіе и способы самоубіенія. Ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

«ГАЛЛЕРЕЯ КРАСАВИЦЪ». Большой т. in folio съ 208 фотогравюрами съ картинъ извѣстн. русск. и иностр. художн. Ц. 5 р. съ перес. 3 р. 25 к.

ПОСЛѢДН. ПРОИЗВЕД. ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО. Серія неизданныхъ въ Россіи сочин. 12 вып., около 500 стр. за всѣ 12 вып. съ перес. 1 р. 75 к.

ЛОТИ, П. Современная жизнь турецкихъ гаремовъ. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

900 СОВѢТОВЪ страдающ. различными болѣзнями изв. проф.: Рунге, Эйхгорста, Багинскаго и др.

Беременнымъ, чахоточнымъ, малокровн., секр. бол., золотушнымъ, рахит., диабет., геммороемъ и др. Цѣна за всѣ 10 в. 5 р. съ перес. 2 р.

ШОЙЭНЪ. Бѣлыя рабыни. Позоръ XX в. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

«ЭРОСЪ». Сборникъ изящной европейской литературы ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ

РОССИЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ.

— ПОСТОЯННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ ИЗДАНИЙ —

Брейткопфъ и Гертель.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальн. знанія всѣхъ
РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ издательствъ.

ОПЕРЫ и ЛИБРЕТТО. — ПОСТОЯННО ВСѢ НОВОСТИ. — ПОРТРЕТЫ и ОТКРЫТЫЯ
ПИСЬМА СЪ ПОРТРЕТАМИ ВСѢХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ МУЗ. ДѢТЕЛЕЙ. — ВСѢ РУССКІЕ
и ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ и ПОДПИСКА НА НИХЪ. — СВѢЖІЯ СТРУНЫ — НОТНАЯ
БУМАГА.

**ЗАКАЗЫ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЯЮТСЯ
БЫСТРО И АККУРАТНО. ОТПРАВКА СЪ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМЪ.**

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. № 6, бр. ДЖАМГАРОВЫХЪ.

Для телеграммъ: **МОСКВА, РУССМУЗИК.**

**Вездѣ на мѣстѣ
Не занимая мѣста**

ВОТЪ ЧПМЪ	АМЕРИКАНСКИХЪ
ОБЪЯСНЯЕТСЯ	СОСТАВНЫХЪ
КОЛОСАЛЬНЫЙ	БИБЛИОТЕЧН.
УСПѣХЪ	ШКАФОВЪ

Т-во. *И. Блок* ПРЕДСТАВЛ. повсюду
МОСКВА

Объявл. книжн. магаз. Климонова (на оборотѣ).

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

МАРТЪ.

1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПОДЪ НЕБОМЪ. Ивана Шмелева.
2. ВОЗЗРѢНІЯ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
НА ГОСУДАРСТВО. Окончаніе Евг. Колосова.
3. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ. I—IV. Л. Мельшина.
4. ЖИЗНЬ БЕЗЪ КИСЛОРОДА. В. Садинова.
5. ИСТОРИЯ ЮНОЙ РЕНАТЫ ФУКСЪ.
Романъ. Продолженіе. Якова Вассермана.
6. СЪРЫЕ ДНИ. Разсказъ Александра Невѣрова.
7. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ въ СИБИРИ (По не-
изданнымъ письмамъ и семейному ар-
хиву). Часть первая. Н. С. Русанова.
8. ЗИМОЙ. Стихотвореніе. Я. Тисленко.
9. БРАТСТВО. Романъ Джона Гэльсуорси.
10. ИЗЪ АНГЛИИ. Діонео.
11. АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ МАКЕ-
ДОНИИ Влад. Винторова-Топо-
рова.
12. БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ (Замѣтки публи-
циста о смертной казни) Вл. Короленко.
13. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПІЯ (Изъ
ликвидационной практики на Украинѣ) С. Ефремова.
14. ПОЛИТИКА. С. Южанова.
15. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. А. Пѣшехонова.
16. НОВЫЯ КНИГИ.
17. ДОКТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ РО-
ЗАНОВЪ С. Елпатьевского.
18. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Этотъ № разсылаются подписчикамъ по трактатамъ №№ 82, 83, 85, 87 и 88. Каталогъ
розничнаго склада металлическихъ издѣлій А. В. Бабушева, С.-Петербургъ,
Невскій пр., д. № 51.

КИПАТОК
без огня.

СТУДЕНОЕ
без льда.

Патент. во вс. мірѣ
НАСТОЯЩІЕ СОСУДЫ

ТЕРМОСТЬ

только со штемп. THERMOS-ПАТЕНТ сохран.
напитки и кушанья **БЕЗЪ СГНЯ** и **БЕЗЪ ЛЬДА**
24 часа горячими или 2 недѣли холодными.

Продаются въ магазинахъ: дорожн. принадлеж.,
оружейн., аптекарск., посудныхъ и т. п. Исключ.
прод. для вс. Россіи фирмы: Export-Bureau
J. Feinstein, Berlin N. W. 52, Thomasius, 18.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Наст. только со шт. THERMOS-PATENT.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЬ

ПРОДАЮТСЯ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН. МАГАЗИНАХЪ КОМПАНИИ.

РАЗСРОЧКА
ПЛАТЕЖА

ОТЪ **1** РУБ.

РУЧНЫЯ
МАШИНЫ

ОТЪ **25** РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ
ПОДДѢЛОКЪ.

МАГАЗИНЫ ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ ИМПЕРІИ.

ЗНАМЕНЕ СЪВѣЩАЮЩЕГО

Сахаторія „СОКОЛЬНИКИ“

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА,

Москва, Сокольники, Поперечн. просѣкъ. Телеф. 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней. **НЕРВН. ВНУТРЕН., ОВМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у влѣдѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Теа. 102-77.

ЛѢЧЕБНИЦА д-ра МЕД. Н. П. ПОСТОВСКАГО

ДЛЯ НЕРВНО- И ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ.

Плата въ мѣсяцъ отъ 60-ти руб. до 200 руб. Москва, Трехгорная застава, д-ра Тѣстова. Телеф. лѣчебницы 99-82. д-ра Постовскаго 241-60.

В. ГАБЮ

Москва, Никольская, 15
существ. съ 1868 года.
поставщикъ желѣзн. до-
рогъ, земствъ, офицерск.
общ. и друг. учреждений.

Громадн. выборъ

Мужскихъ и дамскихъ часовъ
золотыхъ, серебряныхъ,
серебр.-оксидированныхъ,
стальн., перламутровыхъ,
и никелевыхъ.

РЕГУЛЯТОРЫ

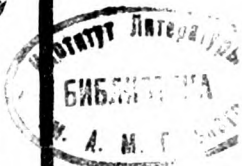
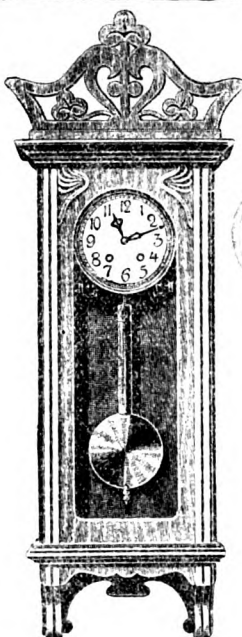
Стѣнные

Столовые
Часы: дерев. стильные
бронз. и мраморн.

Часы: Стальные и
круглые.

БУДИЛЬН., КАРЕТН., ЧАСЫ, КОНТР. ЧАСЫ ДЛЯ
ПРОВ. СТОРОЖЕЙ; ЗОЛОТ. И СЕРЕБР. ИЗДѢЛ.

ПОДРОБН. ИЛЛЮСТРИР. ПРЕЙС-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ. УКАЗЫВА-
ЮЩИМЪ НА ЭТО ОБЪЯВЛЕНІЕ, БЕЗПЛАТНО.

БЕЗВРЕДНАЯ КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ИЗЯЩНЫЙ, ЕСТЕСТВЕННЫЙ И НАТУРАЛЬНЫЙ ЦВѢТЪ!

Придворнаго парфюмера АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ.

Окрашиваетъ въ черный, коричневый, русый и темно-наштановый цвѣта.

Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмер-
ныхъ складахъ Россійской Имперіи.

Главный складъ для всей Россіи: А. ЗИГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенная, 15—1.

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ

РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальн. знанія всѣхъ

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ издательствъ.

ОПЕРЫ и ЛИБРЕТТО. — ПОСТОЯННО ВСѢ НОВОСТИ. — ПОРТРЕТЫ и ОТКРЫТЫЯ
ПИСЬМА СЪ ПОРТРЕТАМИ ВСѢХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ МУЗ. ДѢЯТЕЛЕЙ. — ВСѢ РУССКІЕ
и ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ и ПОДПИСКА НА НИХЪ. — СВѢЖІЯ СТРУНЫ — НОТНАЯ
БУМАГА.

ЗАКАЗЫ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЯЮТСЯ БЫСТРО
и АККУРАТНО. ОТПРАВКА СЪ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМЪ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. № 6, Бр. ДЖАМГАРОВЫХЪ.
Для телеграммъ: МОСКВА. РУССМУЗИК.

Книжный магазинъ КРЫЛОВ А (см. стр. 2, 3, 4 и 5).

КНИГИ:

Антикварная торговля и магазинъ

П. П. КРЫЛОВА С.-Петербургъ,
Владимірскій, 3.

Предлагаетъ полныя собранія сочин. русскихъ и иностран. писателей
въ русскомъ переводѣ цѣны безъ пересылки.

Авдѣевъ, М. Сочиненія 2 т.	8 —	Томе Нивы 16 т.	1 —
Авѣенко, В. Сочиненія 12 т.	18 —	Гейнце, Н. Сочиненія 8 т. (24 р.)	12 —
Айзмандъ, Д. Сочиненія 1 т.	1 —	Гербель, Н. Стихотворенія 2 т.	2 50
Аксаковъ, И. С. Сочиненія 7 т.	11 —	Герценъ, А. Сочиненія 7 т.	7 —
Аксаковъ, И. С. Сочиненія 3 т.	8 —	Гете, В. Сочиненія 8 т.	15 —
Аксаковъ, С. Т. Сочиненія 2 т.	3 —	Гнѣдичъ, Н. Сочиненія 6 т.	1 50
Альбовъ, М. Сочиненія 8 т.	8 —	Гоголь, Н. Сочиненія 1 т.	1 75
Алмазовъ, Б. Сочиненіе 3 т.	5 —	Томе 12 т. изд. Нивы	2 50
Андерсонъ. Сочиненія пер. Ган- зенъ 4 т. (8 р.)	5 —	Томе 1 т. изд. Вольфа пер.	2 50
Андреевъ, Л. Сочиненіе 7 т.	7 75	Голенищевъ-Нутузовъ сочиненія 3 т. 5 —	
Апухтинъ, А. Стихотворенія	4 —	Гончаровъ, И. Сочиненія 9 т.	13 50
Афанасьевъ, А. (Чужбинскій) Собр. сочиненій 9 т.	20 —	Томе изд. Нивы 12 т.	5 50
Байронъ, Л. Сочиненія пер. подъ редакт. Гербеля. 3 т.	10 —	Горбуновъ, И. Сочиненія 2 т.	4 —
Томе изд. Ефрона съ гравюрами 3 т. пер. (22 р. 50 к.)	15 —	Томе прил. Нивы.	75
Бальзакъ. Сочиненія 20 т.	6 —	Горькій, М. Сочиненія 9 т.	9 —
Баратынский, Е. Сочиненія	50	Гофманъ, сочиненія 8 т.	4 —
Батюшковъ, К. Сочиненія 1 т.	2 50	Градовскій, А. Сочиненія 8 т.	18 —
Томе со стат. Л. Майкова и при- мѣч. В. Сантова 3 т.	18 —	Грановскій, Т. Сочиненія 2 т.	75
Бенедиктовъ, Сочиненія 2 т.	2 50	Гребенка, Е. Сочиненія 2 т.	2 —
Беранже. Собраніе сочиненій 4 т. 6 р. 4 —		Томе 10 т.	3 —
Берне, Л. Сочиненія 3 т.	5 —	Грибоѣдовъ, А. Сочиненія 1 т.	1 —
Благосвѣтловъ, Т. Сочиненія	3 50	Григоровичъ, Д. Сочиненія 12 т. Нивы	5 —
Боборыкинъ, П. 12 т. изд. Нивы	2 —	Гусевъ-Гренбургскій, Сочин. 2 т.	2 —
Брандесъ, П. Сочиненія 12 т.	7 —	Гюго, В. Сочиненія 12 т.	6 —
Бретъ Гартъ. Сочиненія 11 т.	6 —	Гюи де-Мопасанъ, сочиненія 13 т. 4 —	
Томе 6 т.	2 —	Гюи, М. Сочиненія 6 т.	8 50
Бунинъ, И. Сочиненія 3 т.	3 —	Давыдовъ, Д. Сочиненія 3 т.	1 50
Бьернстjerne-Бьернсонъ собр. со- чиненій 2 т.	3 —	Даль, В. Сочин. 10 т. изд. Воль- фа (12 р.)	8 —
Бѣлинскій, В. Сочиненія 4 т.	3 50	Данилевскій, Г. Сочиненія Нивы 24 т.	3 —
Томе 4 т. изд. Павленкова 4 т.	4 25	Дарвинъ, Ч. Сочиненія 4 т.	9 —
Вагнеръ. (Котъ-Мурлыка) сочи- ненія 7 т.	12 25	Дельвигъ. Бар. Сочиненія	50
Вальтеръ-Скоттъ сочиненія 18 т.	10 —	Державинъ, Г. Сочин. общедост. изд. безъ рисунк. 7 т.	7 —
Веневитиновъ. Стихотворенія	50	Диккенсъ, Ч. Сочиненія 10 т.	15 —
Вернеръ, Э. Сочиненія 10 т.	12 —	Томе изд. Пантелѣева 35 т.	10 —
Вяземскій, П. Сочиненія 12 т. рѣдкое изд.	40 —	Дмитріевъ, И. Сочиненія 2 т.	1 —
Ганъ. Сочиненія 6 т.	1 —	Добролюбовъ, Н. Сочиненія 4 т.	4 —
Гаринъ. Сочиненія 10 т.	9 60	Додз, А. Сочиненія 12 т.	6 —
Гаршинъ, В. Сочиненія 1 т.	2 —	Достоевскій, Ф. Сочиненія 12 т.	12 —
Гауптманъ. Сочиненія 10 т. Нивы.	1 50	Томе 24 кн. прил. Нивы	8 50
Гейне, Г. Сочин. изд. Вольфа 12 т.	8 —	Томе роскошное изд. 14 т.	25 —
		Екатерина II, сочиненія 1 т.	1 —
		Елеонскій, С. Сочиненія 1 т.	1 —
		Жадовская, Ю. Сочиненія 4 т.	6 —
		Жандръ, Н. Сочиненія 2 т.	4 —

Книжный магазинъ П. П. Крылова Спб., Владимирскій, 3.

Жемчужниковъ, А. Сочиненія 2 т.	3 —	Марлитъ, Е. Сочиненія 10 т.	10 —
Жуковский, В. Сочиненія 1 т.	1 75	Мачтетъ. Сочиненія 12 т.	6 —
Тоже 12 т. Нивы.	1 —	Мей, Л. Сочиненія 5 т.	12 50
Жюль-Верна. Сочиненія 88 кн.	10 —	Михайловъ, М. Стихотворенія 1 т.	3 —
Загоскинъ, М. Сочиненія 2 т.	6 —	Михайловъ, А. (Шейдеръ). Сочин.	
Зандъ, Ж. Сочиненія 18 т.	7 —	50 кн. прил. Нивы.	4 —
Засодимскій, П. Сочиненія 2 т.	3 —	Тоже 15 т.	25 —
(6 р.)	3 —	Михайловскій, Н. Сочиненія 6 т.	12 —
Зиберъ, И. Сочин. 2 т. (5 р. 50 к.)	3 —	Мицкевичъ, А. Сочиненія 4 т.	4 —
Златоврацкій, Н. Сочиненія 3 т.	4 —	Мольеръ. Сочиненія 1 т.	2 —
Золя, Э. Собр. сочиненій 29 т.	10 —	Мордовцевъ, О. Сочиненія 50 кн.	
Зудерманъ. Сочиненія 3 т.	4 50	изд. Сѣвера.	12 —
Ибсенъ. Сочиненія 18 т.	3 —	Муравьевъ. Сочиненія 2 т.	1 50
Тоже 8 т. изд. Скирмунта.	12 —	Мятлевъ, И. Сочиненія 1 т.	1 —
Измайловъ, А. Сочиненія 3 т.	1 50	Тоже 2 т.	4 —
Иннокентій. Сочиненія 12 т.	8 —	Надсонъ. Стихотворенія 1 т.	2 —
И. Р. Стихотворенія 1 т.	3 50	Найденовъ, С. Пьесы 1 т.	1 —
Ивелевичъ, К. Сочиненія 4 т.	6 —	Наумовъ. Сочиненія 2 т.	3 —
Кантемиръ, А. Сочиненіе 2 т. ред.		Некрасовъ, Н. Стихотворенія 2 т.	5 —
Ефремова.	3 50	Немировичъ-Данченко соч. 30 кн.	5 —
Каразинъ Н. Сочиненія 20 т.	4 —	Никитинъ, И. Сочиненія 2 т.	3 —
Каразинъ. Сочиненія 3 т.	3 —	Нордау, М. Сочиненія 12 т.	7 —
Каронинъ. Сочиненія 2 т.	3 —	Омешко. Я. Сочиненія 12 т.	6 —
Козловъ, И. Сочиненія 1 т.	1 —	Озеровъ. Сочиненія 1 т.	1 —
Козловъ, П. Сочиненія 4 т. (5 р.)	2 —	Омулевскій. Сочиненія 2 т.	3 —
Кольцовъ, А. Стихотворенія 1 т.		Осиповичъ. (А. Новодворскій) со-	
изд. Акад. 60 к. 85 к. и	1 50	чиненія 1 т.	1 50
Кюанъ-Дойль. Приключ. сыщика		Островскій, А. Сочиненія 10 т.	16 —
Шерлока Холмса 5 т.	4 —	Панаевъ, И. Сочиненія 6 т.	12 50
Копради. Сочиненія 2 т. (5 р.)	2 50	Пассекъ, Т. Сочиненія 3 т.	6 —
Короленко, В. Сочиненіе 6 т.	6 75	Печерскій (Мельниковъ). Сочин.	
Котляревскій, И. Сочин. на Мало-		14 т. пер. 10 р. тоже 22 т.	5 —
русск. языкѣ	1 —	Писаревъ, Д. Сочиненія 7 т.	6 35
Крестовскій, Вс. Сочиненія 8 т.		Писемскій, А. Сочиненія 24 т. пер. 18 —	
(10 р.)	8 —	Плещеевъ, А. Сочиненія 3 т.	11 —
Крыловъ, И. Сочиненія 4 т.	5 —	Погоскій, А. Сочиненія 4 т.	8 —
Тоже 2 т.	1 —	Поль-де-Кокъ. Сочиненія 12 т.	12 —
Крыловъ (Н. Александровъ) Дра-		Полежаевъ, А. Сочиненія 1 т.	1 —
мат. сочин. 9 т.	13 50	Полонскій, Я. Сочиненія 10 т.	20 —
Крыжовъ, П. Сочиненія 3 т.	9 —	Тоже стихотворенія 5 т.	6 —
Куркинъ, А. Сочиненія 7 т.	7 25	Помяловскій, Н. Сочиненія 2 т. пер. 4 —	
Курчичевъ, И. Сочиненія 12 т.	12 —	Потапенко, И. Сочиненія 12 т.	18 —
Куратовъ, А. Сочиненія 18 т.	3 —	Потѣхинъ, Л. Сочиненія пер. 12 т.	12 —
Куркинъ, Н. Юморист. рассказы		Поз, Э. Сочиненія 2 т.	1 —
и романы отъ 75 к. за томъ до	2 —	Прусь, Б. Сочиненія 5 т.	6 —
Куратовъ, М. Сочиненія 2 т.	1 50	Прутковъ, Н. Сочиненія 1 т.	2 —
из 1 т.	1 —	Пушкинъ, А. Сочиненія 1 т.	1 50
Тоже 1 т. пер. изд. Вольфа.	2 50	Тоже 1 т. пер.	2 50
Тоже 2 т. изд. Глазунова 2 т.	3 —	Тоже 8 т. ред. Ефрем. изъ Суворина 15 —	
Курингъ. Сочиненія пер. русск.		Ренанъ, Э. Сочиненія 12 т.	7 —
писателей 5 т.	5 —	Рескинъ. Сочиненія 10 т.	5 —
Курносозъ, М. Сочиненія 1 т.	1 —	Розенгеймъ. Стихотворенія 2 т.	3 —
Куровой, А. Сочиненія 12 т.	12 —	Ромеръ, Ф. Сочиненія 4 т.	5 —
Куринъ и Елчаниновъ. Сочиненія		Рѣшетниковъ, Ф. Сочиненія 2 т.	3 50
1 т.	2 —	Рылѣевъ, К. Сочиненія 1 т.	75 —
Куровъ, Н. Сочиненія 36 кн. Нивы.		Саласъ, С. Сочиненія 29 т.	43 —
из 12 т. изд. Маркса.	15 —	Салтыковъ. (Щедринъ) Сочиненія	
Куровъ, П. Сочиненія 10 т.	10 —	40 кн. Нивы.	4 —
Куровъ А. Сочиненія 4 т.	4 —	Тоже 12 т.	12 —
Куримовъ. Сочиненія на даль-		Самаровъ, Г. Сочиненія 20 т.	3 —
немъ востокѣ 10 т.	15 —	Сементновскій, Р. Сочиненія 3 т.	7 50
Куримовичъ. Сочиненія 3 т.	11 —	Сенневичъ, Т. Сочиненія 7 т.	6 —
Куръ-Тезинъ. Сочиненія 11 т.	5 —	Сеньковский (Бар. Врамб.) Соч. 9 т.	4 —
Куровъ, Е. Сочиненія 2 т.	4 —	Серафимовичъ, А. Сочиненія 2 т.	2 —

Книжный магазинъ П. П. Крылова, Спб., Владимірскій, 3.

Скабичевскій, А. Сочиненія 2 т.	3 —
Скиталецъ. Сочиненія 2 т.	2 —
Слѣпцовъ, В. Сочиненія 1 т.	2 25
Случевскій К. Сочиненія 6 т.	8 —
Смайльсъ, С. Сочиненія 6 т.	4 50
Соловьевъ, Вл. Сочиненія 8 т.	16 —
Соловьевъ Вс. Сочиненія 40 т.	6 —
Спасовичъ, В. Сочиненія 10 т.	15 —
Спенсеръ, Т. Сочиненія 11 т.	16 50
Станюковичъ, К. Сочиненія 40 т.	4 —
Томе 13 т.	19 50
Стасовъ, Вл. Сочиненія 3 т. (12)	5 —
Стахѣвъ. Сочиненія 12 т.	7 —
Сумбатовъ. А. Сочиненія 3 т.	5 —
Телешовъ, Н. Сочиненія 2 т.	2 —
Теккерей, В. Сочиненія 12 т.	6 —
Терпигоревъ С. Сочиненія 6 т.	9 —
Толстой, Л. Сочиненія 14 т.	14 —
Толстой, А. Сочиненія 4 т.	7 —
Томе Нивы 10 кн.	2 —
Тургеневъ, И. Сочиненія 10 т.	15 —
Томе Нивы 12 т.	7 —
Успенскій, Г. Сочиненія 28 т.	4 —
Фетъ, А. Сочиненія 3 т.	5 —
Флоберъ, Г. Сочиненія 4 т.	2 —
Фонъ-Визинъ Д. Сочиненія 1 т.	1 —
Томе первое полное собр. соч. 1 т.	4 —
Хмѣльницкій. Сочиненія 3 т.	3 —
Чеховъ, А. Сочиненія 11 т.	16 50

Томе Нивы 16 кн.	6 50
Чириковъ, Е. Сочиненія 8 т.	8 —
Шараповъ, С. Сочиненія 3 т.	4 50
Шашковъ, С. Сочиненія 2 т.	4 —
Шевченко, Т. Кобзарь 1 т.	1 50
Шекспиръ, В. Сочиненія 3 т. пер. подъ ред. Гербеля	10 —
Томе съ гравюрами изд. Ефрона 5 т. пер. (37 р. 50 к.)	21 —
Шекспиръ, В. Сочиненія перев. А. Соколовскаго 8 т.	10 —
Шелгуновъ, Н. Сочиненія 3 т.	5 —
Шелли. Соч. 3 т. Бальмонта	6 —
Шиллеръ. Сочиненія 3 т. пер. подъ ред. Гербеля.	8 —
Томе съ гравюрами изд. Ефрона 4 т. пер. (30 р.)	16 —
Шницлеръ. Сочиненія 1 т.	1 75
Томе. 6 т.	6 50
Шопенгауэръ, А. Сочиненія	8 —
Шнйльгагенъ, Ф. Сочиненія 23 т.	10 —
Эберсъ. Сочиненія 13 т.	6 —
Эркманъ-Шатрианъ. Сочиненія 2 т.	3 —
Юшневичъ, С. Сочиненія 6 т.	5 60
Яблоновскій, А. Сочиненія 1 т.	1 —
Языковъ, Н. Стихотворенія 2 т.	3 —
Якушинъ, П. Сочиненія 1 т.	2 —
Ясинскій (М. Бѣлинскій). Сочиненія 4 т.	4 —

**Кромѣ того предлагаю слѣдующія случайно
приобрѣтенныя остатки изданій по удешев-
ленной цѣнѣ.**

«Гербы». Городовъ, губерній, об- ластей и посадовъ Россійск. Имперіи съ 1649 г. по 1900 г. съ описаніемъ въ роскоши. переп. Вм. 12 р. за	3 —
Игумновъ. Уставъ граждан. судо- пр-ва съ законодат. мотивами, разъясн., дополнен. и измѣнен. 2 т. изд. 2 ое Вм. 7 р. за	2 —
Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ въ его устр-вѣ и дѣятельн. М. 89. Вм. 3 р. 50 к. за	2 —
Положеніе о пошлинахъ съ иму- ществъ, переходящ. безмездн. способами съ разъясн. Пр. Сен. и М-ва Фин. сост. С. Михайловъ и Берберовъ. Спб. 904. Вм. 3 р. за	2 —
Сборникъ законовъ о Россійск. дворянствѣ съ разъясненіями и рѣшен. сост. Блосельдъ съ дополнен. Спб. Вм. 3 р. 50 к.	2 50
Сводъ гражданск. законовъ. Съ разъясн. сената и алфавитн. указат. Подъ ред. Акимова. Спб. 903. Вм. 2 р. за	60
Справочная книга для полицей-	

скихъ и горно-полицейск. уряд- ник. и стражниковъ съ рѣшен. сост. Чичинадзе Спб. 904 Вм. 2 р. 50 к. за	1
Общій уставъ Россійск. жел. дор. и всѣ издан. по 1-ое Августа 1903 г. въ развит. и дополнен. его и правила; состав. Змировъ 1904. Вм. 4 р. 50 к.	1
Русская народная музыка, изслѣд. П. Сокальскаго. Харьк. 1888. Вм. 3 р.	2
Каутскій К. Предшественники но- вѣйш. социализма. Т. I отъ Платона до анабаптистовъ, т. II отъ Т. Мора до кануна велик. француз. революціи. Спб. 907. Вм. 3 р.	1
Прудонъ. Что такое собствен- ность. Спб. 907. Вм. 75 за	
Савичъ Г. Русское горное законо- дательство, съ разъясн. уставъ горный. Спб. 1905 годъ. Вм. 7 р. за	3
Окултныя науки. Ригель, личныя магнетизмъ. Северинъ. Гипно-	

Книжный магазинъ П. П. Крылова, Спб., Владимирскій, 3.

тзмъ, магнетизмъ и внушеніе. Марре. Спиритизмъ Спб. 910	1 50	произвед. М. Ломоносова, Н. Карамзина и И. Дмитріева. Варшава.	1 —
«Вѣсть Египта». или наука о душахъ и звездахъ. Перев. и изд. Запугасова. В. 1910	2 25	То-же. Произвед. Н. Гоголя, Д. фонъ-Визина и В. Озерова. Варшава	1 —
«Тайны карточной» игры, сенсацион. разоблачен. всѣхъ нов. шулерск. приемовъ и клубн. орган. Съ рис. Спб. 909. Вм. 2 р. за	75	То-же. Произвед. И. Крылова, А. Кантемира и Е. Баратынскаго. Варшава	1 —
Иллюстриров. истор. суевѣрій и волшебства отъ древ-сти до нашихъ дней съ 154 рис. М. 901. Вм. 4 р. за	2 50	То-же. Произвед. М. Хераскова, А. Сумарокова и Импы Екатерины П. Варшава.	1 —
«Книга здоровья». Общедост. домашн. лечебникъ. Подъ ред. профес. Быстрова, Тарханова. Целя и др. Съ 280 рис. Спб. Вм. 3 р. за	1 50	То-же. Произвед. Г. Державина, В. Жуковскаго и К. Батюшкова. Варшава.	1 —
«Энциклопедическій медицинск. словарь» состав. Виларе подъ ред. проф. Тарханова 3 т. въ пер. Вм. 21 р. за	10 —	То-же. Произвед. комедіи В. Капниста «Ябеда» и романтич. поэмы И. Богдановича «Душенька» Варшава	1 —
Соловьевъ С. Исторія Россіи, съ древнѣйш. временъ. 29 т. въ 6 кв. съ указ. въ пер.	25 —	Памятники. Исторія Крестьянъ XIV — XVI в.в. подъ ред. Вормса, Готье, Кизеветтера и Яковлева. М. 1910	1 60
Нееловъ. Д. Устройство плотинъ 3 т. съ атлас. черт. пер.	30 —	Пржевальскій Н. Изъ Зайсана чрезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ картами рис. и политип. Спб. 83. Вм. 7 р. за	5 —
Библия или книги священных. писан. въ рис. перев. съ 230 рисун. Г. Доре. 3 т. въ роскошн. пер. (богатое изд.). Вм. 75 р. за	40 —	Иннокентія. Арх. Таврич. Сочин. съ портр. роск. пер.	3 —
Скрябчинскій. Самоучитель строителя, искусства въ 5 част. съ 237 черт. и приложен. атл. на 64 стран. изд. 8-ое.	3 —	Глинскій Б. Очерки русск. прогресса. Спб.	2 —
Романовичъ. Гражданск. архитектура 4 т. съ атлас. пер.	12 —	Тиме Ив. Основы машиностроенія 3 т. съ 3. атл. Спб. пер.	25 —
Красовскій. Гражданская архитектура съ атлас.	8 —	Карловичъ В. Основанія и фундаменты. Съ атл. Спб. 69 пер.	8 —
Подолія. Историч. описаніе изд. съ Высоч. соизвод. при М-вѣ В. Д. Батюшковымъ съ хромолит., фототип., грав. и картами Спб.	2 —	Плотничныя и столярныя работы при внутрен. отдѣлки зданій, полы, двери, окна и т. д. Съ 372 черт. и 82 табл. Спб. 901 пер.	8 —
Бессарабія, истор. описаніе. То-же изд. съ фототип. грав. и карт. Спб.	2 —	Штукенбергъ Л. Производство желѣзнодорож. изысканій. Спб. 904.	3 —
Лоргенштернъ. Психографологія, или наука объ опредѣл. внутрен. чедовѣка по его почерку. Спб. Вм. 8 р.	3 —	Кнаббе. Современ. оборудованіе машиностроит. заводовъ и желѣзнодорожн. мастерскихъ. Съ атл. Спб. 900 Вм. 12 р.	8 —
Илюмовъ, П. Государств. хозяйст. Россіи въ перв. четв. XVIII стол. и реформа Петра Велик. Спб. 905	3 50	Дорошенко. Горное искусство. Съ атл. Спб. 80 пер.	10 —
Гарраръ. Жизнь и труды свят. Апостола Павла. Иллюстр. изд. въ роскошн. пер.	7 —	Иннокентія. Арх. Таврич. Соч. съ портр. въ роскошн. пер.	3 —
Гоминъ. Главнѣйшія особен-ности языка и слога			

Полный каталогъ книгъ высылается бесплатно. Составленіе библиотекъ и читаленъ и высылка вновь выходящихъ книгъ, а также розыскиваніе всевозможныхъ рѣдкихъ и распроданныхъ изданій.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ

О. В. Езерскаго.

существующіе съ 1874 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій проспектъ, № 43.

ТЕЛЕФОНЪ № 22-70.

МОСКВА.

Б. Тверск. 18, д. О. Е. Езерскаго.

ТЕЛЕФОНЪ № 22-63.

Награды ВЫСОЧАЙШІЯ:

1860 г. орд. Св. Станисл. 3-й ст.

1884 » » » Владим. 4-й ст.

1893 » » » 3-й ст.

Награды медалями:

1874 г. Лондонъ.

1876 » Филадельфій.

1882 » Москва.

1885 » С.-Петербургъ.

1889 » Парижъ.

1893 » Чикаго.

1894 » Боровичи.

1898 » С.-Петербургъ.

1898 » Пенза.

1903 » Смоленскъ.

» » Орелъ.

» » Харьковъ.

» » Ярославль.

» » С.-Петербургъ.

1904 » Юрьевъ.

1905 » Льежъ, въ Бельгій

1908 » Ростовъ на Дону.

1909 » Италія, Римъ.

Золотая медаль:

1909 г. Италія, Римъ.

1909 » Туринъ, Италія.

Почетный отзывъ:

1878 г. Парижъ.

Похвальный листъ:

1897 г. Кіевъ.

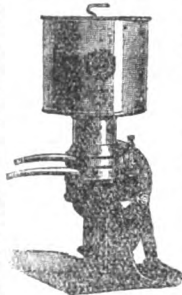
Gran Premio:

1909 г. Римъ, Италія.

1909 » Туринъ, Италія.

ТОЛЬКО СЕПАРАТОРЫ

„Альфа-Лаваль“

ПОКУПАЮТЪ ТѢ, КТО
ЗНАЕТЪ, КАКОЙ СЕ-
ПАРАТОРЪ ВЫГОД-
НѢЕ и ЛУЧШЕ.
ВЪ СИБИРИ, выраба-
тывающей ежегодно
около 5.000.000 пуд.
масла.

Работаетъ

80% сепараторовъ

„Альфа-Лаваль“

См. № 39 журн. «Мол. хоз.» за 1909 г.
Каталоги, а также брошюры по травос-
ѣянію, скотоводству и маслодѣлію без-
платно высылаютъ.

торг. д. «Альфа-Нобель».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОМСКЪ.

ВАРШАВА.

ОДЕССА.

Только-что вышли из печати

25

пѣсень сибирскихъ
каторжанъ, бро-
дягъ и инородцевъ.

Собралъ и записалъ въ Сибири
В. Н. ГАРТЕВЕЛЬДЪ

№ 1-й до 8-го д. муж. хора въ партитурѣ, № 9-й до 25-го д. одного голоса фортепиано.

Подкандалный маршъ
арр. для форт. — 60 коп.

Подробное оглавление съ цѣнами высылается бесплатно.

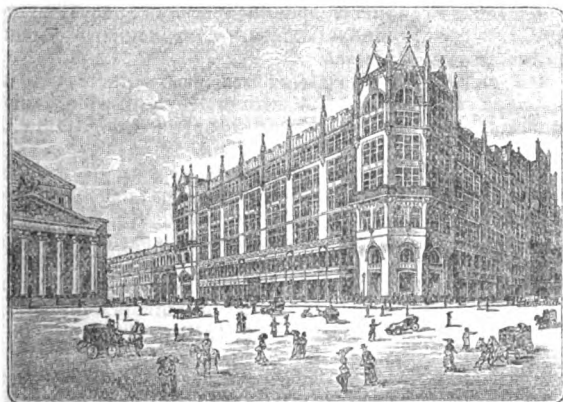
Юлій Генрихъ Циммерманъ.
С.-Петербургъ, Морская, 34.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Рига, Сарайная, 15.
Высылаю налож. платежомъ.

БЕЗЪ ЗНАНІЯ НОТЫ!
БЕЗЪ УЧИТЕЛЯ!
ВЪ КОРОТКОЕ ВРЕМЯ!

можно научиться играть на:
Балабайнѣ, по самоучителю Насонова-Андреева, часть I и II по 75 к.
Обѣ части вмѣстѣ 1 р. 25 к.
Гитарѣ—7-и струн., по самоучителю Деккеръ Шенка 1 р. Къ нему 11 продолженій—альбомовъ, сод. пѣсы, танцы, романсы. Каждый альбомъ по 1 р.
Мандолинѣ, по самоучителю Андерсена 1 р. Къ нему 8 альбомовъ, сод. пѣсы, танцы, романсы. Каждый альб. по 75 к.
Каталоги нотъ для балабайн, гитары и мандолины высылаются
—**бесплатно.**—

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ, Морская, 34.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Рига, Сарайная, 15.
Высылка въ провинцію налож. платеж.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ.

**ВЕЛИЧАЙШІЙ
ВЪ РОССІИ**

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

МАГАЗИНЪ

**Москва,
ПЕТРОВКА, 2.**

Вышелъ изъ печати
прейсъ-курантъ на се-
зонъ весны и лѣта
1910 года, который
разсылается всѣмъ
желающ. **БЕЗПЛАТНО.**

ТАБЛЕТКИ

ЮГУРТ

д-ра ТРАЙНЕРА для приѣма посѣ-
тѣй (Волгарскія палочки, рекоменда-
Мечниковымъ и др. медиц. авторит.)
при всѣхъ желудочно-кишечн. за-
болеваніяхъ. Превосходно регулируютъ пищева-
реніе и запоръ. Цѣна 2 р. Налож.
пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. лечение). Продажа съ аптекахъ и лучш. аптек.
магаз. Литература высылается бесплатно. С.-Петербургъ, О. П. Петерсонъ.
Невскій, 28—31, д. Зингера.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ И МАГАЗИНЪ

М. П. МЕЛЬНИКОВА

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 57. Телефонъ 82—77. Фирма основана въ 1888 году.

Продаю хорошія книги по дешевымъ цѣнамъ.

Высылаю наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка. Периодически выходящіе каталоги высылаю бесплатно. Составляю и пополняю всевозможныя бібліотеки по сходнымъ цѣнамъ, по возможности безъ задержки. Цѣны безъ пересылки.

Каутскій Карлъ. Предшественники новейшаго социализма. Два тома. Т. I отъ Платона до Анабаптистовъ, т. II отъ Томаса Мора до Коммуны великой французской революціи. Спб. 1907 г. Ц. 3 р. за 1 р. 25 к.

Тихонравовъ, Н. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 г. Два тома. Спб. 1874 г. Ц. 8 р. за 3 р.

Милюновъ, П. Государственное хозяйство Россіи съ перв. четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. 2-е изданіе. Спб. 1905 г. в.м. 3 р. 50 к. за 2 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. въ его письмахъ и соч. (1810—1848). Сост. Евг. Соловьевъ. 2-е изд. Спб. 1906 г. Ц. 60 к.

Комедія Аристофана. Переводъ съ французскаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова французскаго яз., разобранныя и группированныя по корнямъ. Сост. П. Таккея. Два больш. т. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія русской литературы изд. 8-е, совершенно передѣланное и доведенное до 1891 г. Соч. К. П. Петрова. Спб. 1892 г. Вм. 2 р. за 50 к.

Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. въ двухъ томахъ. Спб. 1902 г. Вм. 1 р. 50 к. за 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Пѣсня про царя Ив. Вас., молод. оприч. и удал. купца Калашни. съ рис. С. С. Соломко. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. за 1 р.

Прудонъ, П. Ж. Что такое нравственность или изслѣдованіе о принципѣ права и власти. Спб. 1907 г. Ц. 75 к. за 40 к.

Ибсенъ, Генрихъ. Собр. соч. въ 6-ти томахъ. Спб. 1896 г. Цѣна 3 р.

Патріархъ Никонъ. Историч. ром. въ 2-хъ том. соч. М. А. Филиппова. Спб. 1899 г. вмѣсто 1 р. 50 к. за 1 р.

Амфитеатровъ А. Случайные рассказы. Спб. 1890 года. Цѣна 1 р. за 50 к.

Павель Седиръ. Магич. растенія окулт. ботаника, Германическая медицина, Палингенезія—универсалъ Словарь ботаническій. Спб. 1909 г. Ц. 2 р. за 1 р.

Антрактъ. Художественный сборникъ для декламации, рассказы для сцены, юмористическія и сатирическія стихотворенія, комическія сцены, монологи мелодекламации, комическіе куплеты, танцы. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. за 1 р. 25 к.

Записки Видоначальника парижской тай-

ной полиціи въ трехъ томахъ. Спб. 1877 г. Вм. 5 р. за 1 р. 50 к.

Страсть. Новый сенсационный романъ В. де-Соссея. Любовь талантливаго художн. Пьеръ де-Соленжъ и парижской красавицы Бланшъ Брюле. Романъ въ короткое время разошелся во Франціи въ колоссальномъ количествѣ экземпляровъ. Спб. 1910 года. Цѣна 1 р. 25 к. за 1 р.

Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассныхъ художниковъ изъ знаменитыхъ картинныхъ галлерей, съ пояснительнымъ текстомъ Булгакова. Спб. 1909 г. Вм. 4 р. за 1 р. 50 к.

Самая смѣшная книга. Художественный, юмористическій и сатирическій сборникъ. Сост. Балакиревъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб. 50 к. за 1 р.

Правила игры „Винтъ“, принятыя во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Составилъ П. И. Альбовъ. Спб. 1905 г. Цѣна 50 к. за 30 к.

Вилли. Игры Принца, романъ. Спб. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к. за 1 р. Въ своемъ новомъ произведеніи знаменитый авторъ «Клодины» яркими красками рисуетъ необузданную жизнь современнаго высш. общества.

Проданныя женщины. Проституція и развратъ въ античномъ мірѣ въ средніе вѣка и въ настоящее время. Спб. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к. за 75 к.

Міръ животныхъ Европы, ихъ жизнь и нравы. Соч. профессора д-ра В. Гаана. Съ 240 рис. Больш. томъ. Вм. 3 р. за 1 руб. 50 к., въ роскошномъ коленкор. переплетѣ. 2 р. Спб. 1902 г.

Красный фонарь. Романъ. Пер. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Сочиненія Эльзы Фрузаель. Спб. 1910 г. Вмѣсто 1 р. 25 к. за 80 к.

Тысяча и одна ночь. Арабскіе сказки и рассказы Шахразады. Полный русскій переводъ. Съ 51 иллюстр. Четыре тома. Спб. 1903 г. Ц. 10 р. 50 к. за 4 р.

Тайны карточной игры. Сенсационныя разоблаченія всѣхъ новѣйшихъ шулерскихъ пріемовъ и клубной организаціи. Спб. 1909 г. Ц. 2 р. за 75 к.

Ремизовъ, Алексѣй. Прудъ. Романъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к. за 50 к.

Біографіи композиторовъ. Съ IV по XX вѣкъ. Съ портретами большой томъ 900 стр. М. 1904 г. Ц. 6 р. за 3 р. 50 к.

Официальнымъ учрежденіямъ заказы исполняются безъ задатка.

МАРТЪ.

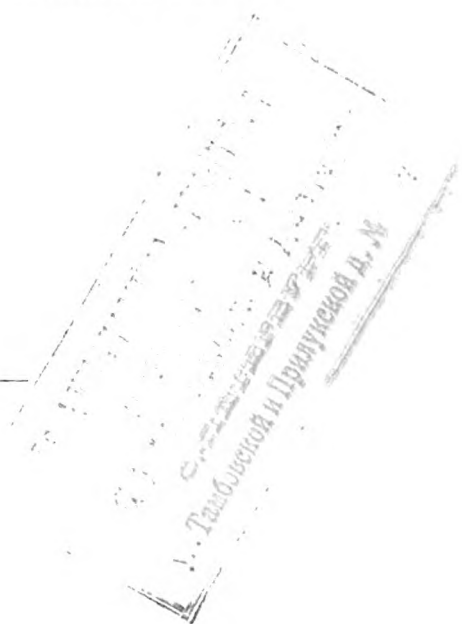
1910.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

И. К. ...
КАВУ ...
... А. ...
Име. № 14907 ✓

Продолжается приемъ подписки на 1910 годъ
(XVIII-ый годъ изданія)
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горюфелда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, П. В. Моніевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южанова и П. Ф. Янубевича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р. на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—75 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79, Мошжиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская 20 *).*—въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 к., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.**

Подписка въ разсрочку, или не вполне оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ **НЕ ПРИНИМАЕТСЯ** до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы была мала удержанная сумма.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений!

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакихъ участій въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщившіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору журнала или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бирдеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу принятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такіа стихотворенія уничтожаются.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

95499н.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Подъ небомъ. <i>Ивана Шмелева</i>	13— 49
2. Возрѣнія Н. К. Михайловскаго на государство. <i>Евг. Колосова</i> . Окончаніе.	50— 68
3. Школьные годы. <i>Л. Мельшина</i> . I—IV	69—100
4. Жизнь безъ кислорода. <i>В. Садикова</i>	101—120
5. Исторія юной Ренаты Фуксъ. Романъ. <i>Якова Вас- сермана</i> . Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой. Продолженіе	121—154
6. Сѣрые дни. Разсказъ. <i>Александра Невърова</i> . . .	155—172
7. Чернышевскій въ Сибири (По неизданнымъ пись- мамъ и семейному архиву). <i>Н. С. Русанова</i> . Часть первая	173—205
8. Зимой. Стихотвореніе <i>Я. Тисленко</i>	205
9. Братство. Романъ. <i>Джона Гэльсуорси</i> . Переводъ съ англійскаго Э. К. Пименовой. Продолженіе . .	206—240
10. Изъ Англіи. <i>Джонео</i>	1— 30
11. Аграрный вопросъ въ Македоніи. <i>Влад. Викто- рова-Топорова</i>	30— 49
12. Бытовое явленіе (Замѣтки публициста о смертной казни). <i>Вл. Короленко</i>	49— 71
13. Бюрократическая утопія (Изъ ликвидаціонной прак- тики на Украинѣ). <i>С. Ефремова</i>	72—110
14. Политика: Греческій кризисъ.—Аграрный вопросъ въ Эссаліи.—Балканскія дѣла.—Конституціонная борьба въ Англіи.—Текущія событія. <i>С. Южакова</i> . .	111—123
15. Хроника внутренней жизни: I. Хомяковъ и Дума.— II. Г. Гучковъ и октябристы.—III. Г. Милуковъ и студенты. <i>А. Пъшехонова</i>	123—145

(См. на оборотѣ)

16. Новая книги.

А. С. Гринь. Рассказы.—Д. Мережковский. Больная Россия. — Вильямъ Джемсъ. Многообразіе религиознаго опыта.—Максимъ Ковалевскій. Соціологія.—В. К. Хорошко. Самоубійство дѣтей.—Морисъ Фридманъ. Что такое въ дѣйствительности сыскное агентство Пинкертонъ.—Книга для чтенія по исторіи новаго времени.—М. Н. Чернышевскій. Біографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854—1909 гг.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 145—164

17. Докторъ Павелъ Петровичъ Розановъ. *С. Елпатьевскаго*. 164—169

18. Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

19. Объявленія.

ОТЪ КОНТОРЫ. Въ объявленіи Т-ва «Книжный Кредитъ», напечатанномъ въ № 2 нашего журнала, пропущенъ адресъ: С.-Петербургъ, Съезжинская ул., д. 19.

Т-во «**КНИЖНЫЙ КРЕДИТЪ**» продаетъ съ льготной разсрочкой изданія Суворина, Риккера, Девриена, Общественной Пользы, Голике и Вильборгъ, Вольфа и друг. (Подробное объявленіе см. въ февральскомъ № «Русскаго Богатства» с. г. на страницѣ 5).

Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Литературный Фондъ съ самаго своего основанія считалъ себя обязаннымъ оказывать поддержку недостаточнымъ литераторамъ и ученымъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія ихъ дѣтей. Въ послѣднее время онъ расходовалъ около 4 тысячъ руб. въ годъ на стипендіи и на взносъ платы въ разныя высшія и среднія учебныя заведенія; кромѣ того, располагалъ нѣкоторымъ числомъ безплатныхъ вакансій въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но при расширившемся кругѣ кліентовъ Фонда, значительномъ повышеніи платы въ учебныхъ заведеніяхъ всей этой помощи въ настоящее время оказывается недостаточно. Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ своихъ средствъ, Литературный Фондъ вынужденъ ограничивать свою помощь взносомъ платы лишь за одного сына, или за одну дочь; бывають случаи, что взносъ дѣлается только единовременный съ предупрежденіемъ кліента, что Фондъ не принимаетъ на себя обязательства за будущее; иногда уплачивается только часть взноса, встрѣчаются и прямыя отказы.

Нынѣ Комитетъ Литературнаго Фонда, желая дать возможно болѣе широкое развитіе пособіямъ на воспитаніе и образованіе, постановилъ: 1) учредить специальный капиталъ, проценты съ котораго должны расходоваться только на выдачу пособій на воспитаніе и образованіе, 2) предложить ближайшему общему собранію Фонда зачислить въ этотъ капиталъ около 16.000 р., полученныхъ по духовному завѣщанію Евгеніи Алексѣевны Поповой, и 3) обратиться за содѣйствіемъ къ русскому обществу, всегда отзывчивому на нужды образованія.

Всякое пожертвованіе въ этотъ капиталъ будетъ считаться неприкосновеннымъ, при чемъ жертвователи могутъ по своему усмотрѣнію ставить тѣ или другія условія.

Пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Лонгина Федоровича Пантелѣева.

Предсѣдатель Комитета Л. Пантелѣевъ.

СПБ., Бассейная ул., д. № 42.

ПОДЪ НЕБОМЪ.

I.

Вскинуть ружье и идти. Идти лѣсами. Пить въ оврагахъ. Сидѣть у костровъ. Ночевать на плотяхъ, подъ звѣздами. Глядѣть въ небо. Утромъ пройти овсами по росѣ, слушая жаворонка. Вечерами прощаться съ солнцемъ въ поляхъ. На зорькѣ дремать у воды... Грозу ждать и ловить ухомъ грохотъ набѣгающаго грома. Уйти изъ города, отъ этой царапающейся въ стѣнахъ жизни, разбитой на часы, отъ рева и стука, отъ мертваго свѣта, подвѣшеннаго на желѣзныхъ столбахъ. Въ природу уйти...

Тамъ время плыветъ отъ зари до зари, и пѣтухи вольнымъ крикомъ замѣняютъ часы на городскихъ башняхъ. Живая луна бродитъ себѣ въ бездорожномъ просторѣ, а ночь... Она—тутъ, стоитъ у костра и слушаетъ... Безсонная мошкara толчется столбикомъ, вспыхиваетъ и гаснетъ. Ночная птица вывернется, сверкнетъ и потонетъ.

Зарницы играютъ за краемъ земли... Тихо...

И вдругъ, какъ пистолетный выстрѣлъ, щелкнетъ сухой ударъ кнута за березнякомъ въ лугахъ.

Весеннія мечты...

Онѣ наплывали въ шумѣ вешней воды и звали. Шептали шорохомъ набухавшихъ почекъ, звенѣли въ утреннемъ крикѣ птицъ. Онѣ рвались въ душныя палаты нашей больницы, мѣшаясь съ бредомъ. И гомонъ грачей, и лучи солнца вечеромъ бились въ крѣпкія окна...

Но не до нихъ было: въ городѣ вспыхнула эпидемія сыпного тифа. Мы работали, не покладая рукъ. Палаты были завалены живыми трупами. Ихъ выбрасывали городскіе низы, обездоленные и слабые. И они умирали безъ претензій, какъ бы выполняя положенное. Слабѣющими глазами спрашивали они:

— Скоро?

И вытягивались, покорные.

Но былъ одинъ... Я его зналъ немного. Бывало, сопровождалъ онъ меня въ скитаніяхъ. Его почему-то звали—„Дробь“. Должно быть, за прыгающую походку. Высокій и тонкій, тихій, всегда о чемъ-то думающій.

Онъ не хотѣлъ умирать. Огромнымъ напряженіемъ воли хватался онъ за ускользающую жизнь. Съ мучительной тоской провожалъ пурпуровые отсвѣты заходящаго солнца. Въ бреду, казалось, слышалъ шумные крики весеннихъ стай и шепталъ:

— Божьи птицы...

Онъ видѣлъ ихъ и звалъ. И онѣ прилетали,—и лицо его становилось покойнымъ, и взглядъ—свѣтлымъ.

Все мы съ тревогой стояли надъ нимъ, сторожили тихіе шаги угасавшей жизни. Его пульсъ замиралъ, и предсмертный потъ выступалъ на высохшемъ, покоробленномъ тѣлѣ.

Но жизнь опять вспыхнула. Онъ выздоровѣлъ.

Къ июлю эпидемія прекратилась. Теперь можно вскинуть ружье и идти... Въ луга! Подъ солнцемъ! Въ тихія заводи, въ лѣсную глушь, на „Проваль“, въ эти крѣпкія, неприступныя мѣста.

Какъ-то, подъ вечеръ, зашелъ Василій Николаевичъ столкнуться о предстоящей охотѣ. Конечно, на „Проваль“, но нужно найти проводника.

Дробь... Лучшаго спутника трудно было отыскать въ цѣломъ уѣздѣ.

— Конечно, Дробь. Только врядъ ли онъ въ городѣ... Бродить, пожалуй, гдѣ-нибудь по уѣзду, выискиваетъ матеріалецъ для чучелъ, слушаетъ зябликовъ и считаетъ звѣзды. Добываетъ сторожкаго зимородка. Подстерегаетъ выдру. Глядитъ въ засыпающій костеръ и думаетъ... А его тѣсная конура на окраинѣ городка теперь пуста.

Но мы ошиблись.

Дробь появился на кухню и просилъ переговорить по дѣлу. Онъ вошелъ, какъ всегда, осторожно и даже конфузливо, держа что-то завернутое въ газету. На немъ была все та же, знакомая намъ, кацавейка, затертая подъ кожу, и сапоги съ выглядывавшими пальцами. И тотъ же знакомый запахъ валянаго платья острой струйкой вошелъ съ нимъ въ комнату.

— А я къ вамъ-съ,—началъ онъ, раскланиваясь и улыбаясь глазами.—Штучку одну принесть. Вотъ-съ, за ваше расположеніе и уходъ, по случаю излѣченія...

И сталъ медленно разворачивать газету.

У него былъ мягкій, открытый взглядъ, довѣрчивый и грустный. У тихихъ дѣтей бываетъ такой взглядъ. Послѣ

болѣзни Дробь сталъ еще выше ростомъ и тоньше, и его голова толкачикомъ стала, какъ-будто, еще меньше.

— Пожалуйте-съ... Роскошный дятелъ! Долбить березу, какъ въ натурѣ! И для Василя Николаевича есть-съ. Очень хорошая сорока.

Разговорились. Здоровье его теперь въ порядкѣ, но дѣло вовсе не въ здоровьи. Къ чему даже и здоровье, если и здоровому человѣку жить очень тяжело, когда онъ не можетъ понимать всей сути жизни? А ея никто понимать не желаетъ, а всякій норовить,—какъ бы кого прищемить, и потому даже при полномъ здоровьи и благополучии „душа не можетъ располагать себя, какъ слѣдуетъ“.

Это была его старая пѣсенка о „сuti“ жизни. Сколько разъ гдѣ-нибудь въ глуши, на привалѣ, начиналъ онъ свои мечтательныя рѣчи объ этой „сuti“, и всякій разъ Василій Николаевичъ хлопалъ его по плечу и говорилъ:

— Плюнь, Дробь, на это дѣло и береги свое здоровье. Ни до какой, братъ, „сuti“ не додумашься.

Дробь вздыхалъ и глядѣлъ въ небо. Онъ любилъ глядѣть въ небо.

Теперь, сидя на краешкѣ стула и обжигаясь чаемъ, онъ опять говорилъ о „сuti“, но въ тонѣ его уже не было прежней тоскливой нотки и вопроса. Въ немъ слышалось что-то иное, скрытое и ободряющее.

— Живутъ, какъ все равно слѣпые щенки на навозѣ, и мучаются, и проникнуться не хотятъ. А ежели бы всѣ прониклись!.. Да вотъ, какъ я вамъ объясню. Какъ ежели кто пойметъ всю суть жизни, такъ такая въ немъ можетъ произойти радость... И все ему радостно! И солнышко, и дождичекъ... И даже комарикъ, ужъ на что махонькій и даже кровью питается, а и тотъ ему, какъ родной. И даже въ самой тяжелой нуждѣ будетъ и въ скорби, а не захочется помирать. И нѣтъ въ немъ никакого страха...

Въ голосѣ Дроби слышалась увѣренность, и въ глазахъ блилась радость. И я вспомнилъ, какъ не хотѣлось ему самому умирать, и какъ онъ благодарилъ меня на выпискѣ. Не разрѣшилъ ли онъ свой неотвязный вопросъ о „сuti“?

— Брось, братъ, Лазаря-то пѣть,—сказалъ Василій Николаевичъ, и Дробь покорно умолкъ.—Дѣло вотъ въ чемъ. Собираемся мы на Проваль..

— На Проваль? Это хорошо...

И глаза, и все его маленькое лицо засвѣтились тихимъ свѣтомъ вдругъ набѣжавшей радости.

— Это, я вамъ скажу, очень даже хорошо, на Проваль...

— Мѣста богатые?

Дробь отвѣтилъ не сразу.

— Мѣста тамъ, дѣйствительно, богатыя, и охота хорошая... По всей округности, много дичи, по зарослямъ...

— Ну, а на самомъ Провалѣ, говорятъ, даже лебеди есть...

— Да вѣдь... есть, конечно... Есть лебеди. Какъ не быть! Но только я туда не возьмусь вести.

— Развѣ такъ трудно?

— Не могу я повести, — уже рѣшительно сказалъ Дробь. — Вотъ вокругъ все укажу, а... Да зачѣмъ вамъ, когда по всей округности дичь?

— Лебеда бы интересно...

— Лебеда? Ну, поищите. Кто другой, можетъ, проведетъ... Да никто не проведетъ. Тутъ по всей губерніи нѣтъ такого человѣка.

И по его лицу опять пробѣжала тихая радость.

— Но самъ- то ты могъ бы?

— Нѣтъ, не могу я повести.

— А что?

— А то, что ни въ какой странѣ міра нѣтъ подобнаго сему зрѣнію природы и правды Божіей! Нигдѣ!.. Ибо много слезъ приняла та земля... Вѣдь вотъ я говорю... суть... Вы располагаете, что я это такъ, для утѣшенія души языкомъ болтаю... — сказалъ Дробь съ легкимъ укоромъ и какъ бы извиняясь. — А вѣдь я по проникновенію говорю, а не то, чтобы... Говорятъ, вонъ, всѣ: Провалъ, Провалъ... А кто тамъ что видалъ?

— А что же тамъ видѣть надо?

— Что видѣть... А ежели тамъ знаменіе?

— Ну, братъ... Какое же знаменіе въ болотахъ?

— Да-съ, вотъ и въ болотахъ. А такое, я вамъ скажу, знаменіе, что теперь мнѣ вся жизнь объявилась, вся суть! Какъ на ладонькѣ, все равно. И ничего мнѣ теперь не страшно. Ничего!..

Въ глазахъ его дрожала свѣтлая увѣренность, что то, что онъ узналъ и теперь носить въ себѣ, — самое важное и несомнѣнное для него.

— Значитъ, теперь всю „суть“ разрѣшилъ?

Дробь понялъ усмѣшку. Радость сбѣжала съ лица его и глаза погасли.

Онъ затаился.

— Ну, хорошо. Значитъ, ведешь?

— Что же-съ... По всѣмъ чащамъ проведу. Только на середку, чтобы стрѣлять... не возьмусь. Этого невозможно.

Въ окна глядѣло небо. Оно было еще свѣтло. Густѣли умерки, а на крестѣ колокольни еще дрожало золото. По-

гасло. Ласточки съ рѣзкими криками рѣзали небо острымъ, сверкающимъ полетомъ.

Свѣтлое, тихое небо... Хорошо подъ такимъ небомъ идти въ неизвѣстныя широкія дали. Идти, пока силъ хватить, пока не остановитъ глубокой оврагъ, темныя стѣны лѣса, и ночь не накроетъ.

А вотъ уже и костеръ горитъ, и смотришь въ перебѣгающіе языки огня, и ни о чемъ не думаешь.

II.

Къ „Провалу“ мы подходили вечеромъ. Солнце уже касалось краемъ острыхъ вершинокъ частаго ельника. Узкая тропка путалась петлями среди непролазныхъ зарослей. Начинаясь глушь, молчаливая, замкнутая, спрашивающая. Давящая глушь. Можжуха, крушина и боярышникъ, калина и ракитникъ, увитые ежевикой и верескомъ, упрямые и молчаливые, боролись въ ней за вершки свободного пространства, тѣсня глухой, мѣшанный лѣсъ. И вся подозрительная тишина лѣсная была наполнена этой неумолимой борьбой, молчаливой и жуткой.

Быть можетъ, десятки лѣтъ назадъ повалившіяся деревья еще поблескивали на солнцѣ изумрудною плѣсенью, почернѣвшія, какъ опавшія стропила забытаго пожарища. Ъдкимъ духомъ гриба и гнили тянуло изъ чащъ. Тяжкимъ, какъ погребная затхлость. Въ логахъ вдругъ обдавало тепломъ, застойнымъ запахомъ душныхъ къ ночи растеній.

Послѣ неудачной двухдневной охоты въ заросляхъ и болотцахъ мы пробирались ближе къ Провалу. Гдѣ-то на полянкѣ, у какого-то дѣда Софрона, предполагался ночлегъ. Какъ всегда, подъ открытомъ небомъ, у костра. Мы будемъ слушать ночные голоса, сторожить первые лучи солнца. Дятлы разбудятъ насъ упрямымъ стукомъ, и красногрудки-зарянки споютъ намъ робкую пѣсенку утра.

Дробь подвигался молча. Онъ согнулся, точно несъ на себѣ что-то тяжелое. Глушь ли его давила, какъ насъ, или дума лежала на сердцѣ,—не знаю.

Мертвымъ вѣяло въ этихъ глухихъ мѣстахъ. Мертвымъ и тревожнымъ. Что-то таилось и стерегло. Даже сетера чувствовали себя непокойно: не забѣгали впередъ, останавливались, слушали...

Дробь шелъ увѣренно въ путанной сѣткѣ едва примѣтныхъ тропинокъ. Поглядывалъ на вершинки деревьевъ. Всматривался во что-то на мшистыхъ стволахъ сосенъ.

Чаще встрѣчались ямы съ темной водой, зароставшія

Мартъ. Отдѣлъ I.

лягушечникомъ и болотнымъ пострѣломъ. На потныхъ мѣстахъ, въ овражкахъ, молчаливо-загадочно вытягивалъ стройныя, сочныя колонки дудочникъ. Птицы не отзывались. Звезя и жая, неотвязными тучами кружились комары. Кружились мерцающею сѣтью.

Все болѣе темнѣло. Забѣжавшій, было, впередъ сетеръ вдругъ остановился, вслушался и залаялъ. Вздогнуло и побѣжало гулкое, недовольное эхо, смѣшалось съ лаемъ другого сетера, и лѣсная глушь всполошилась. Во всѣхъ сторонахъ, въ густыхъ заросляхъ, бились и прыгали тревожныя, пугающіе голоса. Пугали таившуюся лѣсную тайну. Гнали и гнали ее.

— Собачку-те придержите!..—донесся спереди просительный старческий голосъ.—Эй, мила-ай!..

Мы отозвали собакъ.

— Дѣдушка Софронъ, ты?—окликнулъ Дробь.

Никто не отозвался. Въ слабомъ просвѣтѣ, изъ-за поворота тропки, подвигался на насъ кто-то въ бѣлой рубахѣ.

— Святой вечеръ... Пошли вамъ Господи...

Мы увидѣли тощаго босого старика.

— У дѣдушки былъ? — спросилъ Дробь. — Какъ дѣдушка-то?

— Заходилъ въ горенку, поклончикъ положилъ... Померъ онъ, царство небесное, святой человѣкъ, померъ... Намедни хоронили на Кузьму-Демьяну... А что?

Дробь метнулся.

— Ка-акъ померъ? Дѣдъ-то Софронъ?!

— Преставился. Полегше бы вы... Дороги-то тутъ нѣту, топко... Время-те ночное, опасное время-те... Тряско...

И старичекъ ушелъ въ темноту.

Дробь стоялъ, опутивъ голову, повислый, пришибленный.

— Померъ... Вотъ и померъ...

Плакалъ онъ? Въ темнотѣ не видно было его лица.

— Божій человѣкъ!.. Святая душенька... Померъ! Дѣдъ Софронъ!—точно позвалъ Дробь, и въ голосѣ его была скорбь.

Помолчали.

— Надо идтить. Ночь.

Да, уже была ночь. Уже проглянули звѣзды, и яснѣлъ молодой остророгій мѣсяцъ. Неизвѣстная птица начала давать острые зигзаги своего хищнаго ночного полета. Что-то мычало и бухало въ сторонѣ, тянуло, какъ въ трубу, точно кто-то далекій билъ за лѣсами въ огромный тягучій бубень. Мы пробирались ощупью. Собаки трусили и жались къ ногамъ.

— Здѣсь,—сказаль Дробь.

Посвѣтлѣло, и мы увидѣли небольшую поляну и на ней срубъ съ двускатной дерновой крышей. Торчалъ старый обуглившійся пенъ, какъ одинокій сторожъ этого глухого угла.

— Здѣсь ночевать надо,—сказаль Дробь.—А ежели Проваль глядѣть пожелаете, надо съ солнцемъ. Здѣсь безъ солнца шагу нельзя ступить. Вокругъ—трясина да оконца.

Онъ принялся собирать хворостъ.

— Чортъ знаетъ, куда забрались! Какая тутъ охота?—ворчалъ Василий Николаевичъ.—Зналь бы я...

Онъ постлаль резиновый плащъ и растянулся на спинѣ.

Я люблю глухія мѣста, и лѣсные ночлеги, и зыбкіе, таинственные голоса изъ неизвѣстной дали. И грозы, захватывающія на бездорожьяхъ, и путающіяся тропки, и завтрашній день, таящійся за ночью.

— Мѣста тутъ строгія,—говорилъ Дробь, разжигая костеръ.—А слезъ тутъ что пролито, слезъ...

И, точно въ отвѣтъ, опять что-то замычало и заплакало.

— Выпь вопить. Тутъ ей много.

Костеръ разгорался. При вспыскахъ длинныхъ языковъ пламени надъ низенькой дверкой избушки что-то блеснуло. Должно быть, крестъ. Старый, изъѣденный плѣсенью.

— Вотъ и померъ,—скорбно говорилъ Дробь, прилаживая надъ огнемъ походный чайникъ.—И не стало теперь такихъ людей на землѣ. Нѣтъ такихъ людей!

— А что?

— Господи, да вѣдь утѣшитель былъ! Къ нему въ горенку всякій скорбь свою несъ, горе свое горькое. И такъ онъ къ сердцу принимать могъ, что вся-то тягость пропадала. Дѣдъ Софронъ!..

Дробь точно звалъ неизвѣстнаго намъ дѣда Софрона. Но молчала глушь. Мелкимъ, холоднымъ пламенемъ поблескивалъ крестъ, да кто-то все вскрикивалъ въ темнотѣ за душу хватающимъ крикомъ,—какой-нибудь жалкій ночной звѣрекъ. И опять все затихало, и тогда слышно было, какъ булькало въ чайникѣ, да сетера щелкали зубами на комаровъ.

Дробь взялъ пылавшій сукъ и пошелъ къ избушкѣ. Поднялся и я. Заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ дверка, и на насъ потянуло прохладной затхлостью.

Глиняная, разваливающаяся печурка, кучка еловыхъ вѣтокъ на землѣ и черная иконка въ уголку.

Дробь положилъ поклонъ.

— Дѣдъ Софронъ! Пришелъ я къ тебѣ...

Когда мы вышли, ночь уже совсѣмъ упала, и остророгій мѣсяцъ завалился за вершины.

Яркое сверканье въ далекомъ небѣ. А внизу... За пламеннымъ кругомъ костра черной стѣнной грудились лѣсныя тѣни и давили. За ними глушь, глушь. Тьма за ними.

Рѣзкимъ ударомъ по кованому серебру покатилося въ тиши и разсыпалось стонущимъ звономъ.

— Кричить...—душевно сказалъ Дробь.—Она кричить...

— Кто—она?

— Душа Божья... Святая душа.

И вздохнулъ.

— Если лебеди святые...—стозвался Василий Николаевичъ. — А ты, Дробь какъ тамъ хочешь, а на лебедей веди.

— Нѣтъ, ужъ тамъ ихъ не достать никакимъ ружьемъ... Даже штуцеромъ не достать! Туда ежели съ ружьемъ идтить,—только себя загубить. Назадъ-то ужъ дороги не будетъ.

— А безъ ружья?..

— А безъ ружья... если, конечно, нѣтъ страха,—можно...

— А съ ружьемъ почему?..

— Да вѣдь... ступайте! А я не могу. Вѣдь тутъ шагу ступить нельзя—все заколожено. Тутъ даже какой посторонней птицѣ и той ходъ заказанъ, а не то что...

Что-то треснуло въ чащѣ и пошло, пошло... Сетера вскочили съ короткимъ ворчаньемъ, вглядываясь въ темноту, но не рѣшались идти.

— Лось, должно, прошла. Туда и лоси-то ходу нѣтъ, и никакому звѣрю. А человѣку и подавно. Вотъ дѣдъ Софронъ, онъ могъ. Онъ все могъ. Онъ превыше всѣхъ былъ. Превыше умныхъ и разумныхъ. Потому былъ въ немъ духъ силы. И вотъ много я повидалъ людей, и ни у кого-то не было духа силы. Такъ все, какъ вѣтеръ полевой... А у него былъ!..

— Что же это за духъ силы?

— А вотъ правду могъ всѣмъ сказать. И никого не боялся. И за всѣхъ маленькихъ людей, за всѣхъ обиженныхъ стоялъ. Кто грабилъ кого, кто тѣснилъ, кто не по закону шелъ... Никого не боялся! И въ тюрьмѣ сидѣлъ за правду, и въ Сибири былъ,—и все ничего. Вотъ какой человѣкъ! Такъ говорилъ, что все равно, какъ пѣснопѣнія пѣлъ... Такой человѣкъ... И вотъ, какъ сталъ слабнуть тѣломъ, ушелъ отъ міра и поселился въ этой самой трущобинѣ.

— Да, — продолжалъ онъ.—И отсюда всѣхъ утѣшалъ... Когда у меня сыночекъ на пожарищѣ сгорѣлъ махонькій, и потомъ, какъ жену мою, Настеньку, на фабрику Карасева приводнымъ ремнемъ насмерть изувѣчило, такъ я два года

безъ памяти ходилъ и не могъ покою найти... Ну, а дѣдъ Софронъ душу мою поддерживалъ. Вотъ какой былъ!

Надъ нами блѣднѣла дорога Млечнаго Пути. Дѣвичьи Зори, три яркія звѣзды близъ него, теплились тихимъ свѣтомъ. И снова прозвучалъ издалека, какъ разбившійся тонкій хрусталь, крикъ лебедя. Точно грустно звалъ къ себѣ.

Дробь подкинулъ въ костеръ еловыхъ вѣтокъ. Брызнули и разсыпались съ трескомъ тысячи искръ. Вадрогнули тѣни и отступили. Сверкнулъ и ушелъ въ черноту старый крестъ.

— Конечно,—задумчиво заговорилъ опять Дробь,—маленькій я человѣкъ, такъ себя и понимаю. Но вѣдь для чего же нибудь создалъ меня Творецъ? И жукъ имѣетъ себѣ мѣсто и все таки удовольствіе... И комаръ имѣетъ. Ишь ихъ сколько! Для чего нибудь и они. А я все же—по образу и подобию... Такъ неужели же для одной скорби и горя? А сколько я его перевидалъ! И сталъ я себя пытатъ. Уйдешь, бывало, въ лѣсъ, — на волѣ-то лучше мысли играютъ, — заночуешь. Костерокъ разведешь... Сидишь въ тишинѣ лѣсной и думаешь. Господи! Для чего такъ много горя? И для чего массы людей въ недостаткѣ и бѣдствіяхъ, а самое малое количество въ изобиліи? И сталъ я такъ располагать, что это не такъ все... Но не могу дойти до самой сути. Даже къ поцу на духъ ходилъ и спрашивалъ, какъ и что. А онъ говоритъ, что это все по премудрому установленію. И никакого утѣшенія не далъ. Хорошо. Вотъ съ годъ тому забрелъ я въ эти мѣста. Выпь надо было взять для чучелы. Ходилъ-ходилъ и попалъ въ трясины. Не могу выбратъся. Ерзаю по кочкамъ, по уремѣ этой... Проваливался сколько разовъ, да палка при мнѣ долгая была. Упаду, а за палку-то и держусь, и не даетъ она потонуть то. Бился день цѣльный. Заночевалъ на кустахъ. А подъ ногами вода блеститъ. Думаю—погибель моя. И стало мнѣ жалко погибать въ такой обстановкѣ непріятной, и сталъ я роптать. Бѣдный я человѣкъ, потерялъ и жену, и сыночка, и все... Всю-то жизнь, какъ все равно пчела, трудился и теперь погибаю въ болотѣ. И какъ возропталъ, стало мнѣ страшно. Прямо до жути. Сижу на кусту и дрожу. Туманъ поднялся, крики по окружности. Выпи режутъ. А подъ ногами все—буль-буль... буль-буль... Точно возится что въ трясинѣ, дышетъ. И вижу вдругъ сквозь туманъ, внизу, огоньки... Потянется, походить эдакъ и сгаснетъ, желтенькіе... А звѣздъ и не видно. Тума-анъ, гнилой туманъ. Даже духъ захватываетъ. Передъ тѣмъ, какъ свѣтатъ, тихо вдругъ стало. И слышать—чуть-чуть голосокъ позываетъ. То-оненько такъ, ровно комарикъ на уху.

Сталь слушать. Опять... И слышу, будто поетъ: „Го-осподи помилуй!“ Закричалъ я тутъ крикомъ. И стало отзываться по закоулочкамъ лѣснымъ, то тутъ, тамъ... И вотъ слышу я, явственно такъ:

„Гдѣ-ѣ ты-и?“

А я ему:

„Здѣ-ѣсь! Погиба-аю!“

— Гляжу, а ужъ свѣтать зачало. Крикнетъ онъ, и я крикну. И все ближе. Слышу — чвокъ-чвокъ по водѣ, по трясинкѣ-то... „Гдѣ ты, родимый?“ — спрашиваетъ. Отозвался я. А ужъ смотрю — солнышкомъ брызнуло. Розовый туманъ сталъ и плыветъ по вѣтерочку. И вижу — стоитъ старичокъ сѣденькій, тощій, въ бѣлой рубашечкѣ, лычкомъ подпоясанъ. Въ рукѣ шесть долгій, а на ногахъ плетушки ивовыя, какъ дощечки, чтобы нога не вязла. То-ошій старичокъ, со-всѣмъ легкій, какъ прутокъ... И на пояскѣ у него еще плетушки. „Спаси тя Христось,“ — говоритъ. — „Привязывай и слѣдуй.“ Даже заплакалъ я отъ радости. „Спасибо, говорю, дѣдушка! Спасъ ты мою душу.“ А онъ ясно такъ улыбнулся и говоритъ: „Не ты первый, не ты послѣдній. Иди! Самъ Господь указалъ мнѣ спасать погибающихъ.“

— Это и былъ дѣдъ Софронъ?

— Онъ. Жизнь мою спасъ! Привелъ меня сюда. Всѣ-то ему кочки извѣстны. Привелъ и говоритъ:

„Нѣтъ въ тебѣ духа силы! Смерти ты боишься!“

— А я молчу, потому и виравду страхъ одолѣлъ.

„Воды, — говоритъ, — боишься, трясую боишься, а людей и подавно боишься!“

— Молчу и дивлюсь на такія его слова. А онъ опять:

„Нѣту въ тебѣ духа силы! Смерти не надо бояться. Бойся зла, а не смерти. Зло тысячу смертей ведетъ.“

— И долго говорилъ о злѣ и неправдѣ. И такъ мнѣ понравился, что прожилъ я у него болѣ мѣсяца и всю душу ему открылъ. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ разъ: „Вѣры въ тебѣ мало и силы нѣтъ, и въ душѣ твоей никакой прочности нѣтъ. Оттого и тоска въ тебѣ. Но я съ тебя ее сыму...“ Эхъ, дѣдъ Софронъ!.. — опять позвалъ Дробь глухо и печально.

— Ну, что же онъ тебѣ сказалъ?

— А вотъ что. Придегъ правда!.. Придетъ! — съ увѣренностью повторилъ Дробь. — Должна придти!

Ярко горѣли звѣзды. Длинные, какъ тонкія брилліантовые нити, бились къ землѣ ихъ сверканія, и ломались, и путались, и трепетали. И было такъ тихо, что, казалось, ухо ловило это сверкающее трепетанье.

Тонъ ли увѣренности, какимъ говорилъ Дробь, или эта близость къ природѣ; даль ли города съ его назойли-

выми шумами и грязными неправдами; или этотъ чистый звѣздный просторъ,—но страстно хотѣлось, чтобы все, все стало вдругъ красивой и тихой сказкой, чтобы пришла она и закрыла жизнь, сдѣлала бы ее такой, какой эта жизнь никогда не бываетъ, но какой когда-нибудь должна же быть.

III.

— Все это мѣсто, — Дробь развелъ руками,—можетъ, вширь на 7 верстъ, да, пожалуй, и вдлинь столько, — сейчасъ одинъ непролазь. Озерки, бочаги, болота, засосы. Провалы бездонные, ржавые. Даже въ сухіе года подступа нѣтъ. Съ версту пройдешь, а дальше... Дальше, на середкѣ,—не видать никому. Сказывали, будто лужайки тамъ съ такими цвѣтами... Кто разъ увидить—не забудеть. Такая красота Божья, такой рай, что... во всей землѣ нѣтъ такого рая!..

Дробь вздохнулъ и сталъ смотрѣть въ небо.

— И никто не видалъ?

— Дѣдъ Софронъ видалъ, а другой никто изъ здѣшнихъ. Исходилъ я всѣ деревни вокругъ и спрашивалъ. Никто... Потому всѣ боятся смерти. И нѣтъ въ нихъ духа силы пройти и узрѣть счастье!

— Счастье?

— Да... Ежели пожелать сильно, всѣмъ духомъ, такъ можно найти.

Помолчали.

— И я... я тоже видалъ... — скромно сказалъ Дробь и вздохнулъ.

Ярче и ярче горѣли звѣзды; должно быть, мѣсяцъ совсѣмъ завалился за закраину. Ночь свѣжѣла. Легкія волны болотнаго тумана стлались вокругъ, наплывали къ огню и таяли. И вспышки костра теперь безсильны были вырвать изъ тьмы сверкающую мѣдь креста.

Дробь, сгорбившись, сидѣлъ у костра, блѣдный, изможденный, и ежилъ въ своей изношенной кацавейкѣ. Должно быть, его била лихорадка.

— Что, Дробь, холодно?

— Лихорадка меня одолеваетъ. Какъ на эти мѣста попаду, такъ и почнетъ грызть. Тяжкій тутъ воздухъ.

Я смотрѣлъ на его заплатанную кацавейку, на выдающіяся острыми буграми лопатки и узловатыя руки. Даже здѣсь, подъ небомъ, чувствовался острый запахъ его заносеннаго платья... Но и душа его чувствовалась, дѣтски-чистая, таящая въ себѣ, быть можетъ, очень красивый міръ...

...Старыя кацавейки и тулупы, съ неизбежными сѣрыми

швами, пиджаки съ чужого плеча... Вереницы включенныхъ головъ подъ сбитыми картузами. Скуластыя лица, уныло взглядывающія на Божій міръ. Затхлымъ запахомъ сырыхъ угловъ и черствыхъ корокъ пахнетъ отъ нихъ. Какъ помятыя клещи кузнецовъ, выставились изъ рукавовъ узловатыя руки, и нащупывающія смыслъ рѣчи вытягиваются изъ большихъ ртовъ, какъ ржавыя цѣпи тяжелыхъ якорей. Черна ихъ судьба. Тяжкіе молоты бьютъ и плющатъ ихъ на всѣхъ путяхъ и перекресткахъ куда-то подвигающейся жизни. И кто знаетъ, какіе несознанные міры несутъ они подъ неказистой своей покрывкой? Какіе взмахи таятся въ нихъ?! И, Боже, какой, быть можетъ, нѣжный ростокъ уже готовъ брызнуть изъ этихъ сѣрыхъ морщинъ растрескавшагося человѣчества!..

— Такъ вотъ...—продолжалъ Дробь.—Это теперь—Проваль. А давнымъ-давно, въ старыя времена, еще, можетъ, когда и самого Ивана Грознаго на свѣтъ не было, стояли въ этихъ самыхъ мѣстахъ высокія и богатыя хоромы славнаго и могущественнаго князя боярина. Только, конечно, прозвище его теперь неизвѣстно. Погибло, какъ, все равно, дымъ. И слѣда не осталось. Да-а... А вокругъ все сады, и всякое устройство. И такъ было все богато устроено, что даже крыши золоченыя были. А на самой маковкѣ золотой пѣтушекъ сидѣлъ и по вѣтру вертѣлся. И даже ку-ка-ре-ку кричалъ. И такъ былъ этотъ самый бояринъ богатъ, что всѣ-то подвалы у него полнымъ-полны были всякаго добра. И то сказать, сколько, можетъ, тысячъ народу на него одного работало,—какъ тутъ богатству не быть! Вѣдь вѣрно? А земли у него,—все кругомъ его было. Ну, и весело ему, конечно. Что ни день—праздникъ. Гостей полно въ домъ, всякія удовольствія, все. Такъ съ утра до ночи гулянки и гулянки. Только, конечно, кто пируетъ, а кто и горе горюетъ. Такъ-то вотъ и у него. Земли у него, можно сказать, гряда, ну и работали на него мужики-крестьяне. И труждались, круглый годъ съ зари до зари маялись. Такъ въ постоянной работѣ пребывали, что и своей земельки-то убрать некогда. Развѣ ночью когда или ребятенками. А бурмистровъ надъ ними наставлялъ такихъ, что прямо какъ псы. Такъ ему въ глаза и глядятъ. Извѣстно ужъ: баринъ хорошъ, а холопъ и того лучше. Такъ мало ему, завелъ онъ еще такой порядокъ: только это съ работами уберутся, навозятъ ему въ амбарищи всякаго добра, наскребутъ себѣ на земелькѣ кой-чего, чтобы только съ голоду не подохнуть, а онъ тутъ-ка-тутъ. Сквозь по всѣмъ вотчинамъ и ѣдетъ. А ужъ бурмистры-то знаютъ свое дѣло. Сгоняютъ къ нему дѣвокъ да парней, а онъ сидитъ себѣ на коникѣ, бока поглаживаетъ да паль-

цемъ тычетъ. Отбираетъ, какихъ получше. Парней—въ дворню тамъ, въ слуги, для охоты и все такое, а дѣвокъ, извѣстно... для времяпровожденія. И погонять, значить, ихъ къ нему, да... А по деревнямъ-то вой, плачь, хуже солдатчины. А кому будешь жаловаться? Можетъ, и суда-то тогда никакого не было. А что ему и судъ, ежели онъ всѣхъ судей по самую маковку золотомъ могъ засыпать! Гдѣ правды-то искать? До Бога высоко, до царя далеко. Но только, конечно, были и такіе, которые искали. И вотъ, какъ кто пойдетъ эту самую правду искать, тутъ ему и конецъ, потому по всѣмъ дорогамъ стража, сейчасъ заберутъ и въ подвалы. Такіе подвалы подъ всѣми хоромами были, прямо какъ темная темница,—дна не видать. И сиди тамъ до самой смерти. Вотъ какое было житье...

Дробь говорилъ пѣвучимъ говоркомъ, какъ рассказываютъ сказки. Слушали мы этотъ монотонный пересказъ и глядѣли въ ночь. Она стояла надъ нами и вокругъ и тоже слушала. Дробь смотрѣлъ черезъ наши головы въ глушь, точно не намъ рассказывалъ, а этой чащѣ или тому, что въ ней таилось.

— Да-да...—продолжалъ онъ, поправляя развалившійся костеръ.—Вотъ какое было житье... А то, бывало, закатится съ гостями гулять,—такъ цѣлой ордой и повалягъ, сворой. Ну, и, конечно, со всякими припасами и все такое. И какъ перепьются всѣ,—тутъ и пошло дѣло. Изъ ружей палятъ, на лошадяхъ скачутъ, топчутъ, что ни попало; все, что есть, стравятъ. По деревнямъ рыщутъ, бабъ этихъ—такъ прямо силкомъ; мужиковъ застрачиваютъ. Вотъ такъ-то разъ и перепились всѣ, и давай требовать у боярина, чтобы порадовалъ онъ ихъ какой веселой потѣхой. Потому, видите, очень ужъ скучно имъ было. А бояринъ-то ужъ сильно во хмелю былъ. Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и расходилось у него сердце. И говоритъ онъ: „Милые вы мои гости и друзья! для васъ, говорить, я все могу предоставить и показать свое могущество. И такую, говорить, я вамъ потѣху устрою, что всѣ глаза проглядите“.—Д-а... Ну, и устроилъ... Только это подѣзжаютъ они къ деревенькѣ, а дѣло-то ночное было, и всѣ, конечно, спятъ, въ деревенькѣ-то... И убогонькая такая была деревенька-то, бѣдная, подъ бугорчкомъ стояла. Вотъ и подѣхали къ ней. Стали на коняхъ на бугорочкѣ, а бояринъ и наказываетъ, значить, молодцамъ: „Станьте, говорить, вокругъ этой самой деревеньки, чтобъ кошкѣ и той ни ходу, ни выходу не было!“—Да съ четырехъ-то концовъ и запалилъ. А дѣло-то ночное было, волкъ въ бору еще и глазъ не продралъ, и такъ это зорька чу-уть брезжить стала. Такъ сразу все полымемъ и

охватило, вразъ. Затрещало это, затрещало, закрутило, такъ искрой и сыплеть. Ды-мъ, собаки воютъ, лошаденки бьются, визгъ, крикъ, ничего не разберешь. Повыскакалъ народъ, конечно, кидаются отъ огня, а выходу нѣтъ. Слуги не пускаютъ, нацѣливаютъ съ ружей-то, и бѣжать некуда. А гости съ бугорочка смотрятъ себѣ и никакой жалости не понимаютъ. Только это, — глядь-поглядь, — стоитъ подь бугорочкомъ старушка махонькая, горбатенькая. Откуда и взялась — неизвестно. И кричитъ въ голосъ, Господа Бога призываетъ. И только, было, одинъ молодецъ на нее нацѣлился, какъ все равно свело ему руки. И всталъ передъ нимъ старичокъ, сѣденькій, и въ рукъ у него палочка калиновая, какъ посохъ. Ну, прямо какъ изъ земли выросъ. Махнулъ палочкой, — такъ сразу весь пожаръ дымомъ и задушило. И стало видать, какъ это зорька совсѣмъ разгорается. Испугались гости, сразу и хмель соскочилъ; и бояринъ даже перепугался. А мужички на землю пали и плачутъ отъ радости, видятъ, что Господь избавителя имъ послалъ, угодника божія. Вотъ старичокъ и говоритъ боярину: „Что же это ты, говоритъ, дѣлаешь? Нечестивый ты человекъ! Само солнышко ясное и то потемнѣло на небѣ отъ твоего беззаконія. Угодники божіи гнѣвомъ вострепетали, слезами затуманились очи у ангеловъ. Забылъ ты, что есть правда у Господа? Такъ знай же, что никакими звонами ее не вызволишь, ни въ какія хоромы отъ нея не схоронишься. Но ты, говоритъ, помни: вотъ тебѣ срокъ — годъ. И ежели въ этотъ годъ отъ дѣлъ своихъ не отступишься, не начнешь жить по правдѣ, не облегчишь своихъ подначальныхъ, будетъ тебѣ великое наказаніе. Ибо ты теперь какъ волкъ хищный. А чтобъ, говоритъ, ты зналъ, что я отъ самого Господа Бога посланъ, будутъ тебѣ разныя знаменія. А ты примѣчай и помни!“ — И даже палочкой пригрозилъ.

— Но только, видно, ослѣпленіе на боярина нашло, али хмель ему шибко въ голову ударилъ, только онъ осерчалъ. Обидно ему показалось, что такъ старичокъ при народѣ его срамилъ. Какъ дернетъ коня изо всей силы, такъ на дыбы и взвилъ, да ка-акъ зыкнетъ: „Какъ ты, такой-сякой, смѣешь такъ со мною разговаривать?! Срамить меня передъ моими подначальными?! Такъ я же тебя проучу“. — Хлопнулъ въ ладошки и приказываетъ, стало быть, ваять старичка и заключить въ темницу. Ну, прямо какъ въ ослѣпленіи былъ. Хорошо... Подбѣжали слуги, подхватили старичка. И только они его подхватили, какъ разъ солнышкомъ-то и брызнуло, какъ молоньи заиграли. И стало ничего не видать, ослѣпило. А какъ раскрыли глаза-то, — нѣту старичка. Нѣтъ и нѣтъ. А замѣсто него въ рукахъ — полѣн-

нища старая! Только руки себѣ въ кровь ободрали. Вотъ какъ обернулось-то!

— И все-то это было...—сказалъ Дробь и вздохнулъ.— Конечно, можетъ, и не все, какъ дѣдъ Софронъ сказывалъ, а многое было. Вѣдь вѣрно?

Я молчалъ. Василій Николаевичъ подремывалъ.

— Было,—съ увѣренностью сказалъ Дробь.—Потому эта правда съ этихъ самыхъ мѣстовъ идетъ.

Неподалеку протянуло съ легкимъ свистомъ. Сетера вскочили, вытянулись и нюхали воздухъ.

— Утки, Дробь?

— Гуси. На Проваль ушли,—никто не возьметъ.

— Такъ вотъ... Перепугались всѣ, жуть взяла. Видятъ, дѣло-то не спроста. А бояринъ сидитъ на коникѣ, голову опустилъ и въ землю глядитъ. А на дворѣ день бѣлый, птички поютъ. А на сердцѣ тоска черная. Что дѣлать-то! Поворотили коней и поѣхали къ хоромамъ. И ни слова никто не говоритъ. Хорошо-съ... Вотъ и подъѣзжаютъ они къ дворамъ. А тихо такъ было... И такъ было тихо, что даже и травинка не шелохнется, и даже струйка на прудкахъ не играетъ. Прямо, какъ въ ковшѣ стоитъ вода-то, какъ замерзла. Но только смотреть,—вертится пѣтушокъ на маковкѣ. И совсѣмъ вѣтру нѣтъ, а онъ, какъ юла, вертится. Вертится и вертится. Что за диво? Дивятся слуги и пальцами въ пѣтушка показываютъ. И бояринъ смотритъ. И только слово хотѣлъ сказать.—налетѣлъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, такъ и гнетъ. Прямо вихорь, такъ и рветъ. И сорвало тутъ съ боярина шапку. Ну, тутъ и понятно стало: только съ его и сорвало, съ хозяина-то... Быть, стало быть, бѣдѣ. Только, конечно, ему-то не говорятъ, а промежъ себя шепчутся. А пѣтухъ-то не вертится. Не вертится—и конечно дѣло. Задумался бояринъ, голову опустилъ, брови насупилъ. Чуетъ,—не къ добру. Даже лицомъ почернѣлъ. И подзывать онъ къ себѣ Прошку, пѣсенника своего любимаго, и, стало быть, спрашиваетъ:—„Скажи ты мнѣ, Прошка мой любимый, что это можетъ обозначать?“—Потому у него Прошка въ родѣ какъ за мудреца былъ и всѣ ему сны объяснялъ. Такъ вотъ... И только это Прошка ротъ разинулъ, пѣтушокъ вдругъ и закричи, пѣтушокъ-то... И закричалъ онъ по человѣчъему: „Тошнехонько, кричитъ, сидѣть мнѣ на маковкѣ, изболѣлися глазки мои яхонтовы! А ты, бояринъ, годи, придетъ твой часъ!“... Да только и сказалъ, не успѣлъ... Увидалъ Прошка, что бояринъ совсѣмъ какъ бѣлый сталъ, прицѣлился съ рушницы да и сбилъ пѣтушка съ маковки. Да-а... Сбилъ да и говоритъ: „Ничего, говоритъ, бояринъ, не бойся. Хотя и колдовская птица, а и ее

пуля взяла, и ничего не будетъ: не успѣла она зарокъ сказать. А ты зачурайся и все!—Вотъ онъ какой былъ, Прошка! Обрадовался бояринъ, перекрестился да и зачурался со всѣми гостями.—Позвали попа, кропили мѣсто святой водой, Прошкѣ, конечно, рубликъ пожаловали. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Костеръ потухалъ. Подъ сѣрымъ сѣтчатымъ пепломъ мигали золотыя точки, вспыхивали и затягивались. Ближе надвигались тѣни. Въ небѣ Млечный Путь бѣлой дорогой прорѣзалъ голубыя поляны. И вдругъ... золотая нитка скользнула. Еще... еще золотая нитка. Яркія, какъ игра зарницъ, падающія звѣзды.

— Бѣлые Пути играютъ,—сказалъ Дробь.—Тамъ у нихъ свое дѣло.

Онъ долго смотрѣлъ на небо, ждалъ, когда опять заиграютъ „бѣлые пути“. Ихъ было много, іюльскихъ метеоритовъ.

— Кончилось, да не совсѣмъ. Напала на всѣхъ тоска, такая тоска, что сна рѣшились. Чуютъ, не къ добру все это. И прямо даже жуть забрала. Но только день за днемъ, день за днемъ,—все и позабылось. И пошло все чередъ-чередомъ, по старому. Осень подошла. Пособирали бурмистры сборы, и никакого облегченія. А тамъ и зима. День-деньской постукиваютъ воротища, все подводы и подводы къ боярину во дворы ѣдутъ, добро везутъ. Сыпаютъ въ амбары муку, крупу, день и ночь все сыпаютъ. Кругомъ полны амбары насыпали, до самаго до верху. Цѣлый мѣсяцъ все сыпали. И то взять,—со всѣхъ деревень подвозъ. И урожай выдался такой, что и не запомнить. Радуетъ бояринъ, потому принимаетъ это, какъ за Божіе благословеніе. Но только вотъ какое дѣло вышло: не поютъ пѣтушки на боярскомъ дворѣ, и нигдѣ по вотчинамъ и по деревнямъ не поютъ. Что такое? Не поютъ и не поютъ. Вотъ оно, знаменіе-то! И молебны служили, и знахарей допрашивали,—нѣтъ, не поютъ. А тутъ и весна идетъ, Гарасимъ Грачевникъ грачей гонить. И объявилась тутъ на небѣ звѣзда съ хвостомъ. Походила-походила и ушла подъ землю. Такъ тутъ и порѣшили: быть бѣдѣ. И половодье же было въ тотъ годъ, прямо, какъ потопъ. Осерчалъ Антипа-половодъ, все затопилъ, но только бояринъ и въ усь не дуетъ. Ждетъ—сѣно будетъ хорошее. Ну, Егорій прошелъ, борозды провелъ; съ-за моря касаточки прилетѣли, весну привели. Опять тягота началась. Съ утра до ночи работа и никакого облегченія. И все-то позабылъ бояринъ. Извѣстно—нѣтъ нужды, такъ и думушки нѣтъ. А какъ разъ тутъ и годъ вышелъ, какъ старичокъ-то объявился.

Дробь поправиль костеръ, подбросиль сучьевъ.

— Теперь самое главное начинается. Теперь будетъ об-
являться правда.

И продолжалъ.

— На Казанскую было дѣло. Ра-анымъ-рано, еще и сол-
нышко не вставало, ударила гроза! А хоть бы тучка на небѣ!
Чи-истое, какъ стекло, все равно. И такъ-то ударило, что
скинулся бояринъ съ постели. Скинулся и на крылечко
выбѣгъ. Глядитъ,—нѣтъ ничего, заря занимается, ясная та-
кая заря, а молонья такъ и рветъ, такъ и рветъ. Потомъ
опять ка-акъ ахнетъ, такъ все и полегло, всѣ сады, какъ
вихорь налетѣлъ. И такая игра по небу, такая игра пошла,—
жуть беретъ. Прямо—тысячи молоній. Какъ все равно пляска.
Съ разныхъ сторонъ, съ разныхъ сторонъ. Потомъ опять
ка-акъ вдарить, такъ все съ деревь и посыпалось. Шу-умъ,
такой шумъ. Прямо—свѣтопредставленье. И вдругъ—закри-
чалъ пѣтушокъ съ курятника. И весело такъ: ку-ка-ре-ку!
Сколько, можетъ, мѣсяцевъ зарокъ на себѣ носилъ, а тутъ
какъ свобода ему дана. И таково весело закричалъ, что на
сердцѣ заиграло. И пошло, и пошло, кругомъ заиграли пѣ-
тушки, закукарекали. Ну, прямо, какъ радость чувтъ. И
такъ-то боярину гру-устно стало. И запала ему тоска на
сердце. Рветъ ему сердце пѣтушій крикъ. Рветъ и рветъ.
А это, стало быть, встосковалась въ немъ правда. Вѣдь,
конечно, я такъ полагаю, въ каждомъ человѣкѣ есть эта
самая правда, въ нутрѣ, и никакъ ее нельзя заморить; и
ужъ обязательно должна она хоть разокъ голосъ подать.
Вотъ она у него и заняла. Стоитъ онъ на крылечкѣ и гля-
дитъ. И солнышко уже выбираться стало. А по деревнямъ-
то такой пѣтушиный крикъ идетъ,—никогда такого не было.
Выбѣгъ народъ, смотритъ на солнышко, крикъ слушаетъ,
радуется: ослобонилъ Господь пѣтушковъ. И такая у всѣхъ
радость на сердцѣ, какъ ангелы поютъ. Да-а.. И какъ гля-
нуль тутъ бояринъ на поля, такъ и обомлѣлъ. Кровь... Кру-
гомъ-то краснымъ-красно. Горитъ, какъ, все равно, огнемъ
играетъ, и даже какъ паръ красный стелеть, даже дымить,
какъ живое что... И видить онъ, стало быть,—летитъ стража
ко двору, кони въ мылѣ. Влетѣли во дворъ и докладаютъ:
такъ и такъ, выступила кровь по всѣмъ мѣстамъ, а съ-подъ
земли позываетъ что, ровно какъ стонетъ. Докладываютъ, а
сами дрожмя- дрожать. И только это доложили,—нѣтъ ни-
чего, пропало,—опять все, какъ и раньше. И видятъ,—клу-
бить-вертитъ по дорогамъ, бубенцы играютъ, заливаются.
Катятъ повозки съ гостями, верховые скачутъ. Какъ разъ
бояринъ-то именинникъ былъ, на Прокопія Устюжскаго.
Прокопѣемъ его звали. И ужъ пономарикъ съ колоколенки

вызванивается. И гостей ждуть. Ну, хорошо... Хоть и тяжело на сердцѣ, а справлять надо.

— Ну, и справили. Отстояли службу, молебень отпѣли и сѣли за столы пировать. Ну, а тутъ ужъ дѣло извѣстное: въ праздникъ и у воробья пиво, а не то что... Тоску-то и замотало, и не позываетъ. Трубы трубятъ, въ колокольцы звонятъ,—пропировали день цѣлый. А ужъ дѣло къ вечеру, ночка подбирается. А гости пьютъ и пьютъ. И затуманилось у нихъ въ головахъ. И слышать—шумить галочье, шумить, безпокоится; крикомъ кричить. Прямо какъ тучи—галокъ набралось, и кружить надъ хоромами. Покружили-покружили—и нѣтъ ихъ. Только никто значенія не даетъ. Ладно. Чернымъ-черно на завалѣ, ночь пришла. Бочки смоленыя зажгли,—во дворѣ день бѣлый. Вотъ и вышли гости во дворъ, и ужъ пьяненькіе: ходятъ, покачиваются, головушками поматываютъ, ножки у нихъ играютъ. И бояринъ тоже, какъ слѣдуетъ. И нѣтъ ужъ въ немъ никакой тоски. Вотъ и говоритъ онъ гостямъ: „Любезные вы мои гости! Есть, говорить, у меня звѣрь лютый, огромный медвѣдь. Приберегъ я его для праздника васъ потѣшить, себѣ душеньку отвести. И есть у меня лихой человѣкъ, въ колодку закованъ, суда ждетъ. Ослушался онъ моего приказа, за дѣвченку-сестренку вступился, бурмистра моего заporоль. И хочу я милость ему оказать. Ежели поборетъ медвѣдя голой рукой,—отпущу на волю“.

— Вотъ и посѣли гости на крылечко, вокругъ стражу поставили. Вышелъ паренекъ изъ погреба и чуетъ, что на смерть вышелъ. Покрестился на небо, поглядѣлъ, скоро ли солнышко встанетъ. Но очъ, черная ночь, и даже мѣсяца не видать. Выпустили и медвѣдищу, прямо какъ чудище. И видятъ все, что, стало быть, обязательно задереть его медвѣдище, и никакой жалости. Только никто и не ждалъ, что вышло. Шарахнулся медвѣдище, за ворота пошелъ, и никакъ его остановить невозможно. А за воротами-то народъ, что на праздникъ собрался. И только, было, этотъ самый медвѣдище повалилъ, вдругъ, откуда ни возьмись—какъ молонья прошла. И видятъ: стоитъ супротивъ медвѣдищи старичокъ сѣденькій, и въ рукахъ у него палочка калиновая. Такъ все въ ноги ему и повалились, признали его. А боярину-то и не видать старичка за воротами то. Тутъ и началось. Тронулъ старичокъ медвѣдя палочкой и показываетъ ему, чтобы въ лѣсъ шелъ. Ну, тотъ и пошелъ, все равно какъ овца, смирный. Вотъ тутъ-то старичокъ и говорить: „Пришелъ, говорить, я къ вамъ по божьему повелѣнію. Дошли слезы ваши до Господа, и хочетъ онъ правду вамъ показать, чтобы совсѣмъ вы въ отчаяніе не пришли. И

вотъ, говорить, несу я мѣру и возмѣрю всѣмъ по правдѣ. И вотъ смотрите теперь: засіяетъ солнышко, и объявится правда. И будетъ судъ праведный!“ Вотъ какъ сказалъ!..

Въ голосѣ Дроби дрожалъ восторгъ. Тихая грусть, съ которой онъ рассказывалъ сказку, теперь смѣнилась возбужденіемъ. Онъ даже вытянулъ руку и двигалъ ею, точно грозилъ кому-то. А глаза смотрѣли поверхъ костра въ темноту.

Туманъ на полянѣ густѣлъ.

— И вдругъ какъ сіяніе полилось отъ старца, и стало во дворѣ бѣло-бѣло, какъ день. Даже зажмурились гости. И поднялась опять тоска съ души у боярина; чуетъ онъ страхъ, и такъ чуетъ, все равно, какъ смерть подходитъ. И какъ глянулъ онъ на старичка, такъ ему все вдругъ и стало видимо. И вся-то ему жизнь его стала видима, какъ на ладонькѣ: и все, что онъ горя сдѣлалъ, и каждая-то слеза на сердце ему падаетъ и точитъ, какъ огнемъ жжетъ. И напалъ вдругъ на него столбнякъ: ни рукой, ни ногой не можетъ шевельнуть, какъ паларичъ. И языкъ отнялся.

— А на небѣ и заря занялась, заиграли пѣтушки. И какъ заиграли пѣтушки,—зашипѣли костры да бочки, зачಾದили копотью и погасли. И такъ вдругъ ти-ихо стало. Такая святая тишина, какъ въ церкви... И вдругъ повалились стѣны у подваловъ, раскрылись двери, и начали выходить, которые подъ замками сидѣли. Вышли они, стало быть, и стали рядомъ со старичкомъ, какъ птенцы малые подъ матернее крыло, ровно кто сказалъ имъ. И на боярина смотрять. И такъ-то грустно смотрять! И пуще его тоска грызеть. Да-а... И вдругъ въ колоколь ударило на колокольникъ. Повалились заборы вокругъ двора, и видно, какъ изъ деревень народъ валить, бѣжитъ на звонъ. Вотъ тутъ старичокъ и говорить боярину: „Нѣту въ тебѣ раскаянія, и не пошли тебѣ знаменія въ прокъ. Теперь на себя пеняй,—настало время правды, и вотъ тебѣ судъ. Но милостивъ Господь и не хочетъ твоей гибели. И вотъ я тебѣ скажу. Не умрешь ты, доколѣ правды не увидишь, которая придетъ во всю землю. И вотъ превращу я тебя въ птицу-выпь, и примешь ты на сердце великую скорбь и тоску, и будешь ты мучиться и вопить. И будешь такъ тосковать, покуда не придетъ правда во всю землю“. И только сказалъ,—пропалъ бояринъ.. Замычала выпь, снялась съ крылечка и полетѣла на болотину. Такъ всѣ и ахнули. А потомъ и говорить гостямъ: „А вы, говорить, гости, сейчасъ же собирайтесь и уѣзжайте, ибо еще не пришло ваше время. А коли не выберетесь отсюда до солнышка, не найти вамъ пути-дороги“. Ну, гости собрались, и какъ вымело ихъ все равно. Только

пыль по дорогѣ закрутилась. Махнулъ тутъ старичокъ палочкой, и нѣтъ никого на дворѣ. Зашумѣло галочье, залѣса полетѣло: ни единого-то слуги не осталось. Стало быть, и имъ въ наказаніе за обиды... Только это галочье сокрылось, смотреть,--выбѣжала на крылечко боярыня, повалилась старичку въ ноги, слезами заливается. А старичокъ ей и говоритъ: „Поздно ты спохватилась, поздно! Не старалась ты за сиротъ, за вдовъ. Будь же ты кукушкой, тоску свою тоскливую выплакивай!“ И обернулась боярыня въ кукушечку и пропала. Только дочка одна осталась, боярышня. А была она душевная всегда, плакала въ своей горницѣ и за отца тосковала. Но, конечно, никому помощи оказать не могла. Да-а... Почуяло ея сердце неладное. Вотъ проснулась она и смотреть въ окошечко. И все-то ей явственно стало. Видить, что какъ сиротинка одна осталась. И схватила ее тоска смѣртная, вскочила она на окошечко и выкинулась. Да не допала до земли-то: не попустилъ старецъ, обернулъ ее на ходу въ бѣлую лебедь. И полетѣла она стрѣлой по небу, и такъ-то весело закричала!

— Поднялось солнышко, заиграли птицы, засвистали. А въ боярскихъ хоромахъ, какъ на кладбищѣ—никого-то нѣтъ, ни души. Стоять мужички, шибко обробѣли, а старичокъ таково ласково смотреть. И вотъ и говорить имъ: „Не пришла еще пора объявиться правдѣ на всей землѣ, и не всѣ еще люди могутъ принять правду. Но вы ужъ очень много скорби всякой приняли и слезъ много пролили, и будетъ вамъ за это награда, потому какъ ни одна-то слеза не забыта у Господа. Всѣ онѣ у ангеловъ въ чаши собраны, и всѣмъ имъ счетъ ведется. Но только ежели оставлю я васъ здѣсь жить, придутъ сильные, и опять будетъ для васъ скорбь. А лучше укрою я васъ до поры до времени. И не будетъ для васъ работы тяжелой, а дамъ я вамъ свѣтлыя воды, укрою васъ болотами непроходимыми“.

Вывелъ ихъ всѣхъ онъ за околицу и поставилъ на горкѣ. Всѣ сюда собрались, со всей округи. Вотъ вывелъ онъ ихъ и сталъ, значить, лицомъ къ боярскимъ хоромамъ. Всталъ и палочкой обвелъ вкругъ. Зашатались тутъ хоромы и провалились подъ землю, и ничего-то не видать стало, туманъ поднялся, гу-устой туманъ. А какъ протянуло вѣтеркомъ-то,—и мѣста узнать нельзя: болота да кочки, камышъ и камышъ, совсѣмъ пустое мѣсто. Куда и сады подѣвались. Смотрять,—и кругомъ ничего; и деревни, и церкви божіи — все подъ землю ушло. И туманъ вкругъ, ту-уманъ, болота и болота. И такая-то прорва кругомъ, что ни пѣшему пройти, ни на конѣ, ни въ лодкѣ. Ну, прямо—ни пути, ни дороги. Только еще луга не тронуло. Только вдругъ смот-

рять, — и луга укрываться стали. Бѣжи-ить вода, откуда и взялась — неизвѣстно, захватываетъ луга, заливаютъ; и такая-то свѣтлая, — прямо какъ серебро, какъ стеклышко блеститъ. И все прибываетъ, и все прибываетъ, вокругъ все заливаютъ и къ самой той горкѣ подбирается, вотъ-вотъ затопитъ. Совсѣмъ оробѣли мужики, думаютъ, что потопъ наступилъ. Подошла къ горкѣ и остановилась.

— Вотъ старичокъ покрестилъ народъ и говоритъ: „Не бойтесь, говоритъ, ничего, потому все это вамъ не въ смерть, а въ избавленіе. Будете всѣ вы птицами небесными и будете на этихъ водахъ жить и дожидать правду. И никто васъ не тронетъ здѣсь, никто не доберется, потому непроходимыя тутъ кругомъ болота. И вотъ ждите дня. Много годовъ пройдетъ, и придетъ день свѣтлый, придетъ. И проснетесь вы на зорькѣ, и не будетъ здѣсь ни болотъ, ни трясинъ, ибо будетъ вертроградъ райскій по всей землѣ. Ибо придетъ тогда правда свѣтлая, и слезы обернутся въ каменья самоцвѣтныя. И примете вы тогда ликъ человѣческій“.

— И только сказалъ это, — плеснулись воды. Набѣжить струйка, плеснетъ до ногъ, и поплыветъ лебедь; набѣжить еще, плеснетъ, и еще лебедь бѣлый. И поплыли бѣлыми птицами. И такой-то крикъ поднялся веселый, — прямо какъ праздникъ. Такъ всѣ бѣлыми лебедями и обернулись, и уплыли. И остался старичокъ на горкѣ, на самой маковкѣ, одинъ-одинешенекъ. Такъ до самой ночи и простоялъ, все молился. А какъ солнышку заходитъ, поставилъ онъ въ самую маковку посошокъ свой и ушелъ, въ туманъ укрылся. Такъ вотъ все и обернулось. Да-а... А какъ встало солнышко по утру, приплыли лебеди къ маковкѣ и видятъ: стоитъ деревцо-калинка, и вся-то ягодой красной осыпана..

— И вотъ сколько годовъ прошло съ того дня!.. — Дробь понизилъ голосъ, точно сообщалъ тайну. — Сколько всего было, народу сколько народилось... а перемерло-то сколько! И слезъ-то что пролито... И, можно сказать, огромное количество во всемъ перемѣнѣ случилось, а свѣтлыя воды стоятъ и стоятъ, какъ и въ самый тотъ день. И свѣтлыя же онѣ, какъ слеза, свѣтлыя. И нѣтъ туда ни пути, ни дороги... Ни звѣрю дикому, ни птицѣ хищной, никому. И какъ положенъ зарокъ, — и самой смерти нѣтъ туда ходу. И въ зиму ходу нѣтъ. Подыметъ мятель, закрути-ить и собьетъ съ дороги. И вотъ, какъ придетъ весна, уберется калинка та цвѣтомъ, что снѣгомъ. И сказывалъ мнѣ дѣдъ Софронъ, будто на Казанскую слышать даже, какъ изъ-подъ воды колоколокъ позываетъ. Да-да... И видѣлъ я ту самую калинку... Стоитъ, сто-ить... И вотъ, будто, какъ подойдешь

осень, навалются ночи темныя,—и почнуть съ той калинки ягоды сыпаться, и вотъ плыву-уть тогда къ маковкѣ, подь калинку, лебеди тѣ и обирають ягоды всѣ до единой. И потомъ скрываются съ воды, а куда—неизвѣстно. И вотъ какъ я вамъ скажу: никто не знаетъ,—куда. Нѣтъ и нѣтъ. И не видалъ никто, куда улетають, откуда прилетаютъ. А только нѣтъ ихъ зимой и по осени. И тихо такъ на водахъ тѣхъ свѣтлыхъ, и не всплеснетъ никто. И даже свиста крыльяго не слышать. А въ какіе края улетають,—никому неизвѣстно.

— Такъ и будетъ. А до которой поры такъ будетъ,—конечно, никому не дано знать: ото всѣхъ укрыто... А только, конечно, придетъ время...

Дробь вздохнулъ.

— Да-а... Только когда?..

И умолкъ. И сколько великой грусти было въ этомъ вопросе:

„Когда?“

Сказка кончилась.

IV.

Только теперь замѣтилъ я, что разсвѣтъ стоитъ близко, за острыми вершинами елей. Онѣ яснили... Уже чуялось розовое дрожанье за ними. И уже не было звѣздъ. Онѣ только что такъ ярко горѣли, только что видѣлъ я ихъ тихое мерцанье,—и нѣтъ ихъ. Погасли вдругъ. Точно сорвалъ ихъ кто и затанулъ синеватый, вздрагивающій пологъ.

Дробь сидѣлъ тихій, недвижный. Раньше онъ смотрѣлъ передъ собой, въ ночь, въ сѣрые проблески робко подбравшагося утра. Теперь онъ глядѣлъ въ небо.

Костеръ погасъ. Голубой дымокъ курился, тянулъ по неслышному вѣтерку. Все было просто, сѣро кругомъ: и сухостой, и кусты можжевельника, принимавшіе ночью причудливыя формы, и врѣзавшаяся въ землю избушка, и обгорѣлый пенъ, и утренніе голоса. Въ сторонѣ, слышно, кричали гуси. Шумѣли дрозды гдѣ-то неподалеку, шумѣли назойливо, точно спорили о чемъ-то. Сетера еще спали. Капли росы покрывали болотные сапоги и резиновый плащъ. Все было просто, знакомо просто. Сказка ушла съ ночью, и бѣлый день велъ за собой все, что было вчера, что будетъ завтра.

Я всматривался въ блѣдное лицо Дробы, видѣлъ морщины и какія-то черныя точки, какихъ не замѣчалъ раньше. Слышалъ тяжелый запахъ его заносенной одежды.

Онъ поймалъ мой взглядъ, заморгалъ, и по его лицу проползло недовольство. Можеть быть, на то, что пришелъ день, развѣялъ грезы, напомнилъ, что жизнь все та же...

— Спать будете? — спросилъ онъ хрипло. — Вонъ баринъ спитъ...

Василій Николаевичъ уже спалъ, накрывшись плащомъ.

Говорить не хотѣлось, но я чувствовать, что Дробь ждетъ вопроса и самъ хочеть спросить.

— Я самъ все это видалъ, — сказалъ онъ. — Господи, какъ хорошо! И такая красота, такая красота...

Нѣтъ, не это онъ хотѣлъ сказать, не это. Въ глазахъ его я видѣлъ еще невысказанный вопросъ.

Сѣренькій дятликъ прыгалъ неподалеку, вертѣлся, точно засматривалъ на насъ: должно быть, никогда не видалъ ни людей, ни собакъ.

— И какъ вы полагаете.. *Этого* не будетъ?..

— Чего?

— А вотъ... что придетъ такое время... Какъ сказано: „и насажду вертоградъ“... А?..

Что я могъ сказать? И что я знаю? А онъ смотрѣлъ въ глаза, жадно смотрѣлъ и ждать. И, какъ будто, чего-то боялся. Но что же я могъ сказать? Сказать, что и я хочу, хочу, чтобы пришло оно, далекое, далекое... То укрытое невѣдомо гдѣ царство правды когда слезы обратятся въ камни самоцвѣтные... Какими силами и какими путями? Чѣмъ я знаю? И что могъ я сказать ему? Сказать, что нечего ждать вертограда? Что никакіе старички не придутъ и никакими палочками ничего не измѣнять? Сказать, что слезы падаютъ не въ хрустальныя чаши ангеловъ, а льются соленымъ потокомъ на черную землю?

Онъ понялъ мой взглядъ. И не далъ ничего сказать. Но я и не сказалъ бы, не сказалъ... Развѣ я знаю, не за близкой-ли гранью таится тихое, въ розовомъ блескѣ солнца, желанное?

— Никому это неизвѣстно... — мечтательно отвѣчалъ онъ самъ на свой вопросъ. — Это тайна. Ее Господь сокрылъ отъ умныхъ и разумныхъ. А будетъ, будетъ... Что же, спать будете?

И сейчасъ же сказалъ:

— Какой теперь сонъ... Солнышко...

Я поднялся и потянулся, вбирая сочную свѣжесть утра. Да, какой теперь сонъ, когда все дрожитъ въ солнцѣ! Косые лучи его уже прорвались зеленымъ полусвѣтомъ въ заросли. Сетера проснулись и потягивались съ тонкимъ визгомъ, выбрасывая влажные, розовые языки. Они взглядывали на меня и переводили морды на заросли, точно звали туда, дальше...

Нѣтъ, сказка не ушла съ ночью. Она звучала во мнѣ, тихо томила какой-то позывающей грустью. Не она ли раз-

лита кругомъ, въ этой чащѣ, въ зеленомъ полусвѣтѣ, въ чуждыхъ неведомыхъ трясинахъ, въ свѣжихъ голосахъ утра, доносящихся отсюда со стороны „Провала“?

Гдѣ-то тутъ, гдѣ-то есть, должны быть они, свѣтлыя озера и бѣлыя птицы, и цвѣты, и тихія церквушки, и умирающій благовѣстъ... послѣдніе колокольные звоны и туманы. Гдѣ-то здѣсь. Тихая, какъ вечернее небо, грусть... Чего-то жаль... потеряннаго, такого простого и покойнаго, и такого далекаго, какъ сны дѣтства. Они, эти сны, приходили сегодня ночью и стучались, робкіе, въ мое сердце. А оно было глухо и пусто. Куда убѣжали сны? И зачѣмъ такъ назойливо-ярко глядитъ эта гнилая избушка на полянѣ, и крестъ такъ рѣзко кричить зеленой плѣсенью?

Томила грусть въ это яркое лѣсное утро...

— Дробь! Такъ, значить, тамъ,—я показалъ въ заросли,—озера и бѣлыя птицы?..

— Да, я видѣлъ.

Онъ видѣлъ ихъ.. Они... тамъ. И я не увижу ихъ! Но я хочу ихъ видѣть, и слушать крики, и глядѣть въ покойныя дали. Хочу, хочу. Но сидящій во мнѣ, неизвѣстно откуда пришедшій, холодный и злой, властно закрываетъ сердце и гонитъ красивые, тихіе сны. Пусть гонитъ!

Гдѣ-то въ глуби себя я чувствую иную силу, родную, близкую и мощную, какъ жизнь, какъ міръ, какъ это всеохватывающее небо. Она входитъ въ меня, втягивается, какъ земляные соки въ порожденную ими травинку. И близко я ей, этой извѣчной силѣ, разлитой широкимъ потокомъ.

Вдали отъ людского боя и шумовъ, на полянѣ, въ густыхъ мхахъ и росѣ, въ солнцѣ и подъ небомъ, среди болотъ и топей, въ этой природной гущѣ, — я близокъ былъ этой извѣчной силѣ. Она брала меня и растворяла. И былъ я ея ничтожнымъ кусочкомъ, червемъ, и вѣткой осинки, и каплей росы, и мхомъ, и трещинкой на старомъ пнѣ, и струйкой янтарной смолы, играющей душистымъ яхонтомъ. И „Дробь“, согнувшійся, какъ болотный кустикъ, былъ близокъ мнѣ; и сѣрый дятликъ, присматривающійся и беззаботный.

Божья коровка ползла по рукѣ. Она была величественна. Мала и величественна. Она была такой же каплей всего, какъ и я, какъ лѣсъ, какъ солнце, какъ плѣсня съ неба, плѣсня невидимыхъ птицъ, потерявшихся въ молочномъ золотѣ утра. О, если бы пришелъ Онъ, таинственный Онъ, неизвѣстный Хозяинъ всего, и однимъ взглядомъ, глубокимъ, какъ небо, превратилъ меня въ эту божью коровку, въ цвѣтокъ ромашки у моихъ ногъ, въ тонкіе побѣги травы! Ахъ, скорѣй бы, скорѣй! Пришелъ и установилъ верто-

градъ... И возмѣрилъ мѣрой! Но зналъ я, что никто не придетъ. Никто. Ибо уже пришелъ Онъ и разлился широкимъ потокомъ во всемъ и живетъ... Нѣтъ, не придетъ никто.

И тысячи зданій настроятъ подъ небо, поведутъ тысячи новыхъ путей, и миллионы словъ новыхъ кинутъ въ пространство. И далекъ будетъ вертоградъ, и не будетъ возмѣрено. И слезы будутъ мѣшаться съ грязью, и вопли съ веселыми бубенцами. И не изсякнутъ ручьи и рѣки, ибо не перестанутъ плакать. И не будетъ тишины райской, и не перестанутъ вопить.

И было жалко Дробь, что его обманули. Кто? Я не зналъ. Но кто-то обманулъ насъ обоихъ. Меня—и я не вѣрилъ. Его—онъ слишкомъ сильно вѣрилъ. И не только вѣрилъ, но искалъ. Искалъ подтвержденія и находилъ.

Дробь смотрѣлъ на меня испытующе, точно мѣрилъ.

— На Проваль-то пойдете?

Томила усталость послѣ безсонной ночи. Да вѣдь и сказка прошла.

Я понялъ его ожидающій взглядъ. Нѣтъ, я не спугну его красивый мѣръ.

— Пойду.

— Тамъ сами все увидите...

И онъ прошелъ въ избушку.

Солнце уже поднялось надъ зарослями, и теперь вся поляна была залита играющимъ блескомъ утра. Старая рябина, осыпанная пышными гроздьями коралловыхъ ягодъ, горѣла сквознымъ вздрагивающимъ яхонтомъ надъ избушкой дѣда Софрона. Въ ней-то и возились дрозды. Яркой цвѣтной семейкой выглядывали изъ ельника мухоморы. Долгія плети пыльнаго плауна тянулись густой, путающейся сѣткой.

Запримѣтивъ дроздовъ, сетера подняли лай, и Василій Николаевичъ проснулся.

— А-а-а...

Дробь вышелъ изъ избушки, волоча ивовыя плетенки.

— Это зачѣмъ?

— А это... переползать будемъ. Она увязнуть не дастъ.

— Значить, будемъ вязнуть?

— Да вѣдь... обязательно. Не обойтись. Такъ сдѣлано, что ни пути, ни дороги. Я тутъ сколько бился, чтобы проникнуть!

Онъ скрылся въ ельникъ и вытащилъ изъ зарослей длинный шестъ и узенькія дощечки.

— А это бродни болотныя. Топко на нихъ. А пожже гдѣ,—на плетенкахъ. Легъ и гребись. Иначе нельзя. Вѣдь

здѣсь, гдѣ кусты, гдѣ кочки, гдѣ трясушка, гдѣ живая вода. Въ одномъ мѣстѣ маленько обязательно вплавь.

Василій Николаевичъ отказался. Дробь покачалъ головой.

— Нѣтъ въ васъ духа силы... Эхъ, господа-а!

Посмотрѣлъ на солнце.

— Ежели идти, такъ идти. Раньше полдня не обернемся.

Ярко было на полянѣ. Дрозды дрались и трепыхались въ рябинѣ, рвали грозди, и тяжелыя кисти съ глухимъ стукомъ шлепались въ крышу избушки. Уже начинало пахнуть острымъ духомъ болотной сырости, разогрѣтой солнцемъ — чѣмъ то прянымъ, медовымъ, сочнымъ.

V.

Двинулись по едва примѣтной тропѣ, въ зеленомъ полусвѣтѣ зарослей. Тропка вертѣлась, переходя въ узкіе лабиринты кустовъ. Начали попадаться лужи съ темной водой, съ глянцами на днѣ листьями. Чувствовалось подрагиваніе почвы. Рѣдѣли и отступали заросли. Чаше встрѣчалась лозина. Корявый ольшаникъ пушился по сторонамъ. Парило. Тропка стерлась. За лозинами, вправо, блеснула болотина.

— Тутъ начинается Проваль, — сказалъ Дробь. — Гляди-ка!

Онъ ступилъ въ сторону, на кочку, поднялъ шесть и сталъ опускать. Шесть подрожало и вдругъ, точно прорывая что-то, ушелъ весь.

Подъ нами была трясина.

— Глы-бы!.. Можетъ, и дна нѣтъ. Дѣлъ Софронъ сказывалъ, — яблонька неподалечку тутъ росла, да грозой сбило. Надо полагать, — здѣсь сады-то были... А тутъ, значить, все это мѣсто — терема...

Шесть былъ вытянутъ, и воздухъ долго выходилъ пузырями, точно живой кто-то пускалъ ихъ настойчиво и съ передышкой.

Буль-буль... буль-буль...

Дробь осмотрѣлся, поискалъ что-то на кусту ольхи и сказалъ:

— Теперь пожалуйста на кочку. Отсюда начинается бездорожье. — А вы, ежели назадъ, такъ отсюда и ступайте... — сказалъ онъ Василию Николаевичу. — А дальше окна пойдутъ, скрытыя отъ глаза неопытнаго. Теперь вокругъ — смерть!.. Шагъ — и смерть, шагъ — и смерть!..

Онъ говорилъ возбужденно, захлебываясь. Точно было пріятно ему сознавать эту прятанную, кругомъ разлитую

смерть, прикрытую солнцемъ, зеленѣющими буграми, тонкой изумрудной травой. Точно она была въ его власти, такая простая, какъ этотъ шестъ, которымъ тычетъ онъ въ хлюпающія трясины. Точно онъ можетъ въ любую минуту вызвать ее или отстранить.

Василій Николаевичъ колебался: идти ли. Посмотрѣлъ на кочку, заглянулъ впередъ. Тянулись по торфянику крючковатые кусты ольхи. Кой-гдѣ матовымъ блескомъ чернѣла крушина. Кой-гдѣ что-то ярко играло коралломъ. Должно быть, калина.

— Пойду дроздовъ стрѣлять.

И ушелъ, свистнувъ сетеровъ.

Было тихо. И въ этой тишинѣ чуялась огромная, думающая, слѣдящая за нами тайна. Она разбросала кругомъ подстерегающія петли, она глядѣла изъ-за кустовъ и кочекъ, слѣдила въ бездонныя окна, затянутыя изумрудной корочкой мховъ... Дышала жаромъ распаленныхъ болотъ, вертѣлась въ трескъ легкихъ стрекозъ. Чмокала, всасывая слѣды, жадная, булькающая, вздыхающая, ревниво укрывая только что нащупанную дорогу.

Дробь шелъ увѣренно, перепрыгивая съ кочки на кочку, вглядываясь, примѣряя шестомъ. Онъ точно слушалъ, что говорили эти притаившіяся трясины. Все было спутано, но онъ находилъ дорогу. Я осторожно выступалъ за нимъ, прислушиваясь къ дрожанію почвы.

Съ годами болотная поросль затянетъ окна, заполнитъ трясины. Кусты захватятъ пространство, и бездорожье уступитъ. И легче будетъ дорога къ свѣтлымъ водамъ. А можетъ быть, и свѣтлыя воды схлынуть, и будутъ на нихъ мочежины и кочки, и будутъ пробиваться по нимъ ржавые кустики, и бѣлыя птицы покинутъ ихъ...

— Вонъ она, кочка-то обманная! — сказалъ Дробь, показывая на мховый бугорокъ. — Погибалъ я тутъ разъ. Прыгнулъ на нее, а тамъ одна видимость. Все подъ ей сопрѣло.

Онъ ткнулъ шестомъ и кочка сдвинулась, открывъ ржавое мѣсто, наполнявшееся водой. Слышалось урчанье и чмоканье.

Кочки кончились. Открылась долина, поросшая мелкой, жесткой осочкой. Сильнѣй и сильнѣй хлюпало подъ ногами. Сильнѣй дрожало.

— Теперь начинается. По самой прорвѣ идемъ!.. — восторженно говорилъ Дробь. — Только не бойтесь. Она, трясинка-то, любить, когда ее боятся. Сейчасъ и начнетъ играть. Не бойтесь!.. Какъ оступитесь, начнете топнуть, — сейчасъ на плетушку брюхомъ. Не возьметъ! А теперь на

бродни стать надо... Ногу-то въ петельку суйте... вотъ такъ...

Онъ поставилъ дощечки съ петлями на осочку, сталъ въ нихъ, покачался, нашелъ равновѣсіе и началъ свободно описывать круги по трясинѣ, выдавливая ржавую жидкость.

Подъ нимъ чвокало и плавно ходило, какъ палуба корабля въ качку.

Я сталъ на бродни, ступилъ и зашатался, но онъ подхватилъ меня.

— Ничего, ничего. Дальше еще хуже будетъ, — съ той же восторженностью говорилъ Дробь.—Тс... Слушайте...

Онъ поднялъ палецъ.

— Тс... Они, они...

Я не слыхалъ ничего. Но онъ, должно быть, слышалъ. Это было видно по его насторожившейся фигурѣ, по глазамъ. Въ нихъ горѣлъ знакомый огонекъ свѣтлаго восторга.

— Да кто они?

— Кричать...—вдумчиво и нѣжно сказалъ онъ.—Божьи птицы... Къ себѣ зовутъ...

Почва заходила подо мной. Я потерялъ равновѣсіе.

— Дробь!!!

— Руку, руку давайте!

Онъ во время подхватилъ меня и теперь велъ, какъ ребенка, бережно, съ тихимъ укоромъ заглядывая въ глаза.

— Маловѣрье!—говорилъ онъ.—Духъ силы надо имѣть, и не будетъ страшно. И здѣсь-то, въ природѣ Божіей, надо, а тамъ-то, съ людьми-то...

Я цѣпился за его жилистую руку и чувствовалъ, какъ идетъ отъ него на меня ободряющая сила.

— Стойте, жидко... Оконце тутъ.

Сму все было извѣстно въ этомъ бездорожномъ просторѣ

Снова онъ опустилъ шею, и тотъ ушелъ свободно: подъ нами была глубокая вода.

Трясина дрогнула, точно прорвалась подъ ногами. Я опять потерялъ равновѣсіе и схватился за плечо „Дроби“. Я понималъ, что падаю, и уже не выпущу его. Мнѣ уже нѣтъ до него дѣла. Его я не выпущу. Я буду биться, я буду рвать его рубаху, давить его подъ себя. Огромная груда быстро бѣгущихъ мыслей... Онъ понималъ все. Это я видѣлъ по его метнувшемуся взгляду. Но онъ самъ бросился ко мнѣ и обнялъ, столкнулся со мной грудъ съ грудью. И мы нашли опору, какъ приставленные одна къ другой дощечки.

Такъ мы стояли, обнявшись, молчаливые. И стрекозы трепетали надъ нами. Что имъ до насъ? Что намъ до нихъ? Мы не смотримъ подъ ноги и давимъ ихъ и цвѣты на лугу, нѣжные вѣнчики, выбравшіеся поглядѣть на солнце.

Я дышалъ въ лицо Дроби, въ это худое, взмокшее, устьянное черными точками. Онъ дышалъ мнѣ въ лицо, и свѣтлы были его глаза. И видѣлъ я въ нихъ золотыя точки отражавшагося солнца. А трясина колыхалась подъ нами. И пѣли голубыя стрекозы.

— Ничего, ничего, родимый...—говорилъ Дробь.—Не надо такъ...

Онъ говорилъ со мной, какъ съ ребенкомъ.

— Теперь ничего... Маловѣрье, маловѣрье! Господь съ нами... Сейчасъ...

Моя голова лежала у него на плечѣ. Я ясно чувствовалъ, какъ билось его сердце: тукъ-тукъ-тукъ...

Онъ медленно завелъ за спину руку и, оторвавъ привязанную тамъ плетушку, бросилъ передо мной.

— Теперь на нее... Трафъ, трафъ!..

— Ну, вотъ и хорошо...—говорилъ онъ, когда мы оба уже лежали на плетенкахъ.—Теперь, какъ въ ботничкѣ. Стрекозки-то, стрекозки!..

Откуда ихъ столько? Кругомъ играла, сверкая и переливаясь на солнцѣ, сѣтка. Сѣтка сверканій. И какой звонъ и трескъ! Тонкія и сквозныя, онѣ засыпали насъ, щекотали лицо, облѣпляли платье, пугались и опять льнули и льнули въ знойной испаринѣ болотъ. Онѣ точно приглядывались къ намъ, какъ утренній дятликъ на полянѣ.

А надъ нами было тихое небо, сѣверное нѣжное небо, чуть тронутое золотой лазурью. И мелкія, рѣдкія облака. Они плыли. И не было страха подъ такимъ небомъ. Въ сонномъ звонѣ тонкихъ стрекозъ не было страха.

— Испугались маленько? Ничего... Правѣй бы надо было. Тамъ погуще. Шесть-то куда я задѣвалъ?.. Куда я шесть-то... Безъ его...

Я зналъ, что онъ хочетъ сказать словами „безъ него“... Снова сторожила насъ тайна, невидимая, равнодушная. Не она ли шепчетъ въ усыпляющемъ звонѣ стрекозъ, стоитъ, душная въ тяжеломъ болотномъ зноѣ? И снова былъ страхъ подъ этимъ далекимъ небомъ.

Дробь вытянулъ шею и нащупывалъ взглядомъ зеленый просторъ. Онъ искалъ. И голубыя стрекозы сновали сверкающимъ трепетомъ и, какъ-будто, тоже искали.

— Стойте... Вонъ онъ гдѣ...

Я увидѣлъ шесть. Шагахъ въ десяти онъ торчалъ изъ осочки на четверть. Дробь медленно, точно стоялъ на хрупкомъ стеклѣ, приподнялся.

— Тише, тише...—зашепталъ онъ.

И все же трясина заколыхалась. Шесть точно толкнуло снизу. Онъ выкинулся и снова юркнулъ. Не совсѣмъ. Оста-

лась одна сверкающая подъ солнцемъ, залакированная головка. Надъ ней трепетали стрекозы. Онѣ трепетали бы такъ около нашихъ глазъ, путались тонкими лапками въ волосахъ, если бы мы медленно тонули въ трясинѣ. Что имъ до насъ?

— Ахъ ты... Уйдетъ...

Все во мнѣ вытянулось въ одну мучительную, дрожащую мысль. Острую и мгновенную. Глаза съ жадною болью глядѣли на кончикъ шеста, впивались въ него, точно я думалъ сдержать его, закрѣпить силою взгляда.

Уйдетъ? Такъ много зависѣло отъ этого поблескивающего кусочка съ голубой стрекозкой на немъ. Уйдетъ? Нѣтъ. Кончикъ не двигался. А стрекозки потрескивали и цѣплялись.

— Тсс... Не трожьте...

Продолжая стоять на колѣняхъ, онъ вытянулъ изъ кармана бечевку и и сдѣлалъ петлю. Досталъ ключикъ и привязалъ его къ петлѣ. Вытянулъ шею, привѣсилъ, мѣря глазами, и бросилъ. Ключикъ сверкнулъ, мелькнула бечевка, и петля захватила головку. Вспорхнули и затрепетали стрекозы.

— Безъ него по этимъ мѣстамъ пропадешь.

Смерть... Какое простое слово! Голубыя стрекозы... Вонъ одна бьется съ перебитымъ крыломъ, кружится въ ямкѣ съ водой, и крыло ея все еще играетъ на солнцѣ. Всѣ эти звонкіе, нѣжные рои скоро растають... и новые рои будутъ кружиться въ душномъ зноѣ болотъ. Смерть... Какое простое слово!..

Болота тянулись, тянулись... Вонъ пугливыя стайки чирятъ. Одинокое по бугоркамъ сторожатъ чуткія цапли. Кой-гдѣ бѣлѣютъ позднія пушинки водяного хлопчатника, чернѣютъ вальки дружнаго палочника.

— Далеко еще?

— Съ версту.

Стрекозы гнались, звенѣли, заглядывали въ лицо. Кто мы? Откуда? Зачѣмъ? Заросли лягушечника и рдеста играли изумрудомъ, осыпанные свѣжнымъ цвѣтомъ.

Почва заколебалась. „Дробь“ схватилъ меня за плечо.

— Теперь ползти надо. Гуща пошла... Ложитесь.

Онъ выбросилъ плетенки. Съ огромнымъ трудомъ продвинулись мы до гривки и снова стали на бродни.

— Во-онъ,—указалъ „Дробь“ на сверкавшую подъ солнцемъ полоску.—Это будетъ протокъ. А тамъ вонъ до гривки... А за ней и конецъ.

Солнце палило. Томила усталость. Хотѣлось сидѣть на полянкѣ и слушать дроздовъ.

Переплыли протокъ, и ноги нащупали твердую почву.

— Смотрите-ка, калинка! Вонъ она, калинка-то...

На гривкѣ краснѣли кусты калины. Что они говорили мнѣ, эти красные прутья?

На гривкѣ Дробь ускорилъ шаги, и я потерялъ его изъ виду, за зарослями. Кусты рѣдѣли. Свѣжимъ просторомъ хлынуло въ меня, открытымъ пространствомъ воды. Цвѣты! На луговинкѣ росли цвѣты. Маленькіе голубые колокольчики, розовая смолянка, золотой лютикъ и крупныя незабудки у воды. Послѣ ржавыхъ кочекъ и жесткой осычки они были прекрасны. Снѣжныя нимфеи и желтыя кувшинки на сочныхъ шейкахъ раскрывались подъ солнцемъ, недвижныя. Серебряными и золотыми очами глядѣли снѣ въ небо.

Цвѣты... Они были чисты, какъ небо. Здѣсь прикасались къ нимъ вѣтеръ и роса въ вечеру. Да солнце лучами. Они были чисты, какъ звѣзды.

Дробь стоялъ, освѣщенный солнцемъ, на луговинкѣ, полого спускавшейся къ свѣтлымъ водамъ.

— Вотъ, вотъ...—восторженно шепталъ онъ.—Все это мѣсто, а тамъ, дальше... А вонъ островокъ, повыше-то... Калинка тамъ... самая та калинка...

Смотрѣлъ я. Маленькіе островки лежали на водѣ, дремали подъ солнцемъ. Торчали какіе-то кустики на одномъ.

— Калинка-то... Видите?

— Да, да,—говорилъ я, боясь спугнуть радостное волненіе Дрови.—А гдѣ же... бѣлыя птицы?

Птицъ не было.

Дробь осмотрѣлся. Приложилъ руку къ глазамъ.

Птицъ не было.

Какъ мертвыя, лежали свѣтлыя воды. А онъ искалъ на нихъ, вглядывался напряженно. Ждалъ.

И вдругъ лицо его оживилось, посвѣтлѣло.

— А время-то какое теперь? Полдень скоро. Теперь всякая птица въ травкѣ по камышамъ стоитъ...

И опять приложилъ ладонь къ глазамъ и смотрѣлъ.

Такъ мы сидѣли на луговинкѣ и глядѣли на свѣтлыя воды. Онѣ горѣли расплавленнымъ металломъ и слѣпили. Клонило ко сну въ сонномъ звонѣ стрекозъ...

— Лебеды! лебеды!..

Дробь сжималъ мою руку и показывалъ пальцемъ въ пространство.

— Да вы глядите! Вонъ, вонъ, у островка-то...

Я вглядывался и ничего не видѣлъ. Играющее бѣлое золото дрожало въ глазахъ. Слѣпили воды. Нѣтъ, я ничего не видѣлъ.

— Господи, да глядите вы! Въ осочку уйдетъ... Да вы глядите!

Онъ чуть не плакалъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и я видѣлъ. Онъ хотѣлъ,—ну, что же... Я буду видѣть.

И я сказалъ:

— Да, вижу. Должно быть, это и въ самомъ дѣлѣ лебедь...

— Да лебедь! Ужъ больно бѣлъ. Только далеко больно... А можетъ, и не лебедь... А на зорькѣ... Господи, что здѣсь на зорькѣ! Я, бывало, все зорьку заставлялъ. Всю-то ночь сидишь и слушаешь. А они-то тамъ, въ теми-то... нѣтъ-нѣтъ—и отзовется. Ровно къ себѣ кличутъ. Теперь не видать, ушелъ.

Дробь сидѣлъ у воды, охвативъ руками колѣни, и смотрѣлъ. И грезилъ. Здѣсь было все: и калинка, и цвѣты, и свѣтлыя воды... А тамъ... за топами и трясинами,—его жизнь...

Такъ мы сидѣли у свѣтлыхъ водъ и молчали. И голубыя стрекозы пѣли намъ. О чемъ?

Да, у него было красивое царство. А у меня? Какое царство было у меня? Гдѣ мои бѣлыя птицы и свѣтлыя воды? И гдѣ несказанные цвѣты? Гдѣ мой Богъ и моя правда, и моя вѣра? И гдѣ мои цѣли? Зачѣмъ пестрые лоскутки лежатъ на пути моемъ, и воля моя дрябла, и нѣтъ во мнѣ безграничныхъ, жгучихъ стремлений?

Такъ мы сидѣли на берегахъ свѣтлыхъ водъ и молчали.

Эхо выстрѣла докатилось до насъ.

— Не пора ли?

И видѣлъ я, какъ не хочется ему уходить.

Я лежалъ и смотрѣлъ въ небо. Что тамъ, въ его глубинѣ? Какіе міры таятся и какія царства созидаются? И не ползутъ ли и тамъ тайны? И не тянется ли и тамъ небо, тихое, безстрастное?

Путались мысли, давила истома. Ни говорить, ни думать... Лежать, только лежать подъ солнцемъ, отдаться разлитому кругомъ, тихому, незнаемому... Милая стрекозка! Она, глупая, бонсея сѣсть на мою руку. Она не знаетъ, какъ это просто и не опасно. Но, можетъ быть, она считаетъ меня какимъ-то загадочнымъ и таинственнымъ существомъ... Сильнымъ и всемогущимъ... Глупая!..

— Смотрите! Смотрите!..

Я поднялъ голову и увидалъ красоту.

Невдалекѣ отъ насъ, изъ-за островка, выплывалъ лебедь. Бѣлый, сверкающій въ золотомъ просторѣ. Онъ плылъ медленно, красиво выгибая тонкую шею. Свободный и гордый.

— Видите, видите! — шепталь Дробь. — Они, они... Божьи птицы...

Должно быть, лебедь замѣтилъ насъ или услыхалъ восклицаніе Дроби. Сверкнулъ крыльями, плавно взялся съ воды и потянулъ, одинокій, въ играющія дали. И въ рѣзкомъ крикѣ его дрожала печаль.

Потонулъ...

Мы долго слѣдили за его сверканьемъ. Грустно было. Пустынны были свѣтлыя воды и жгли глаза.

— Не пора ли?

Дробь поднялся. Онъ смотрѣлъ въ даль, какъ-будто ждалъ, не появятся ли опять бѣлыя птицы.

Но не было ихъ. Въ знойномъ воздухѣ немолчно трепетали сухимъ звономъ голубыя стрекозы. Да откуда-то налетѣла пара тоскливыхъ чибисовъ и съ крикомъ закружилась надъ нами, точно искала потерянный гнѣзда.

Снова мы плыли, ползли на плетенкахъ, шатались на лыжахъ, провожаемые рѣемъ стрекозъ и крикомъ чибисовъ.

VI.

Мы нашли Василия Николаевича на полянѣ. Онъ лежалъ въ тѣни, подъ рябиной, рядомъ съ грудой набитыхъ дроздовъ. Въ рябинѣ было тихо. Въ ельничкѣ валялись пестрые кусочки сбитыхъ ногой мухоморовъ. Только парочка сѣренкихъ дятликовъ прыгала по обгорѣлому пню и присматривалась къ сетерамъ. Они лѣниво лежали, какъ сфинксы, выставивъ груди, и подрагивая розовыми, сочными языками.

— Ну, что? Бѣлыя птицы какъ?

Дробь молчалъ.

— Ну, а старичка не видали?

Дробь не отозвался. Онъ досталъ изъ сумки ломоть хлѣба, ушелъ на пенекъ и принялся закусывать.

— Ну-ну, старина, не сердись.

— Не сердитый я, а не хорошо слушать...

Рѣзко крикнуло неподалеку. Сетера лѣниво повели носами, продолжая играть сквозными на солнцѣ языками. На вѣткѣ осины сидѣла желтогрудая иволга.

— А ну-ка..

Василій Николаевичъ протянулъ руку, досталъ ружье. Приложился, не мѣняя положенія, какъ лежалъ, лѣниво и небрежно.

Иволга вскрикнула и пропала въ чащѣ. И такъ же лѣниво опустилось ружье.

— Скучно... Ко дворамъ надо.

Передъ вечеромъ возвращались мы назадъ, къ деревнѣ, гдѣ ожидали насъ лошади. Снова брели глухими тропками. Гуще и гуще закрывали заросли, оставшіяся позади топи, а за ними свѣтлыя воды.

Въ половинѣ дороги, въ самой гущѣ лѣсной, мы повстрѣчали бабу съ бѣлоглавымъ мальчикомъ. Мальчикъ держался за руку и шель, откинувши и поднявъ голову, какъ ходять слѣпые. Онъ шель толчками, выставляя впередъ правую ручку.

Баба дала дорогу и поклонилась. Мальчикъ прижался къ ней, и на его напряженномъ лицѣ отразился испугъ.

— Куда, родная?— участливо спросилъ Дробь. — Къ дѣдушкѣ?

— Къ ему, къ водичкѣ... Къ колодезнику его. Глазки вотъ помочить сыночку. Слѣпенькій онъ у меня съ отродвь...

Мальчикъ совсѣмъ прижался къ матери и взглядывался въ насъ мутными, недвижными глазами.

— И въ городъ-то возила его, и въ стекло-то на его глядѣли.. И все ничего.

— А ты опять привози. Мы будемъ смотрѣть его,—сказалъ выразительно Василій Николаевичъ.

— Да ужъ куда ужъ... Вотъ святой человекъ... молится снѣ за насъ. Ходили мы къ ему, какъ живъ былъ, царство небесное... Мочилъ ему водичкой-то... Полегшило. Теперь хоть огонечекъ узнаеть.

— Ну, пошли тебѣ!—сказалъ Дробь.—Ты вѣруй, вѣруй!..

Баба пошла. И мальчикъ опять выставилъ ручку и шель.

Мы подвигались молча. И лѣсъ вокругъ тоже молчалъ. И птиць не было слышно. Жуткая тишина стояла. Было около шести, но темно не по времени. Скоро мы поняли, почему было такъ тихо и такъ быстро темнѣло.

Громыхнуло надъ лѣсомъ. Громыхнуло глухо и тяжело. Въ просвѣтѣ показался край густой, слонстой тучи съ рыхлой, обвисавшей бѣлой каймой. Она шла грузно и низко, и вѣяло холодомъ отъ нея. Чувствовалась бѣгущая свѣжая струя.

И еще громыхнуло. Шла гроза.

— Съ градомъ туча-то!—сказалъ Дробь.

Да, это была не весенняя туча,жданная туча первой шаловливой грозы, когда среди сіяющаго дня вдругъ загремитъ, загремитъ въ голубомъ просторѣ. Смотришь, — а вотъ она, тучка: выдвинулась изъ-за молодого березняка, схватила солнце... Сверкнула, прорвалась, ударила роскошнымъ бѣгучимъ серебромъ,—и вотъ уже гремитъ далеко гдѣ-то...

полями бродитъ мутная сѣтка дождя... И уже вер-

тится въ синевѣ, и уже сыплеть трелями затаившійся, было, жаворонокъ.

Стало совсѣмъ темно, и мертвымъ потянуло изъ чащъ. Теперь мы видѣли сверканье молній.

И сухо треснуло, и покатило грохотомъ по вершинамъ. И сразу прорвалось, ударило могучимъ градомъ.

Какъ высыпало!..

И пошло крошить и дробить, и щелкать, и прыгать, и рвать.

Мы укрылись въ чащѣ. Но градъ билъ и здѣсь, и сестера съ виагомъ жалась къ ногамъ, подъ плащи.

Сыпало бѣшеной сѣткой, густой и холодной. И стало бѣло отъ града и отъ порѣдѣвшаго, обшарпаннаго лѣса.

— Засѣмѣть бабу-то!—сказалъ Дробь, кутаясь въ кацавейку.—И парнишка-то гололобый!..

Они еще не успѣли дойти до поляны. Теперь они жмутся гдѣ-нибудь въ чащѣ. Ихъ бьетъ, и мальчикъ слѣпными глазами силится проглянуть и понять. И ужасъ стоитъ въ его душѣ.

Градъ кончился. Теперь начался ливень. Стало яснѣть.

Мы двинулись.

На дорогѣ было какое-то мѣсиво грязи, остатковъ града, листьевъ и сучьевъ. Все это хрустѣло подъ ногами, скрежетало, сочилося. Чьи-то перебитыя кости. И пахло въ лѣсу мертвымъ. И воспоминалось утро тихое, и яркія грозди рябины, и трескъ стрекозъ въ зноѣ болотнаго покоя.

Скоро лѣсъ кончится, и мы увидимъ просторы полей. И солнце увидимъ!..

Просторы полей!..

Я вспомнилъ эти просторы. Они раскинулись золотыми коврами созрѣвающей ржи. Вчера еще шли мы по ней, вбирая тягучій ароматъ хлѣба, и Дробь говорилъ объ урожаѣ.

Просторы полей!..

Ломая кусты, выбиралась корова. За ней бѣжалъ тонкій, пугающій голосокъ:

— Э-го-го-го-ой!..

И еще корова.

Лѣсъ порѣдѣлъ, и мы увидали стадо. Сидѣлъ подъ березой пастухъ и выглядывалъ изъ-подъ рогожи. И лицо пастуха было злое, и не хотѣлось ему вылѣзть изъ-подъ мокрой рогожи. Онъ слѣдилъ за гонимъ подпаска и кричалъ хрипло:

— А-я-я-я-я-й!..

Унылая, какъ выкрики его и мальчишки, жизнь глядѣла на насъ. И опять вспомнилось солнце, и яркій кораллъ калины, и тишина.

А вотъ и поля... Ихъ нѣтъ. Они побиты градомъ. И бурое тянется далеко, смятое, сбитое съ грязью. Точно раз-металь кто попрѣвшее сѣно. И эта прѣль дышитъ во всемъ просторѣ и умираетъ.

Шли мы по вязкой, плывущей глинѣ, попадая въ колдобины.

— Побило...—говорилъ Дробь.—Вотъ она жизнь-то!

Да, это была жизнь. Сказка осталась за лѣсами.

На бугрѣ, за полями, торчитъ черная деревушка. Вправо еще чернѣетъ. Онѣ глядятъ на побитый просторъ. Глядятъ почернѣвшими очами, какъ глядѣли тысячу лѣтъ. И кто знаетъ,—сколько еще будутъ глядѣть онѣ? И стоятъ, и будутъ стоять.

Сопрѣетъ на поляхъ. Усыплетъ бѣломъ снѣгомъ. И черная, изъ-подъ бѣлыхъ шапокъ будутъ глядѣть онѣ въ тоскующій бѣлый просторъ. И придетъ весна. И выѣдетъ сѣятель, и посѣетъ. И наплывутъ тучи, и побьютъ, и уплывутъ. И опять будетъ сѣятель сѣять. А за лѣсами гдѣ-то свѣтлыя воды съ бѣлыми птицами... И гдѣ-то, быть можетъ, уже готовятъ мѣры, чтобы возмѣрить все, привести въ эти тоскующія, измѣнчивые просторы лучезарную сказку. И гдѣ-нибудь, на граняхъ лѣтъ, уже накапливаетъ отраженіе будущего.

Кто знаетъ?

А теперь... Какая сказка закроетъ эти побитыя поля, и кто подыметъ разбитые колосья? Такъ что же не придетъ никто и не скажетъ, и не укажетъ въ далекое, далекое? Такъ что же не приходитъ никто и не скажетъ, что грядетъ путина справедливая и уже близко? Такъ что же не приходитъ никто и не укроетъ топами и трясинами?

Никто не придетъ.

Черныя деревни дремали по взгорьямъ. И было въ нихъ тихо.

А мы шли подъ плащами и скользили. Вонъ что то чернѣетъ впереди, на фонѣ уплывающей тучи. Должно быть, грачъ вышелъ на поля выбирать сѣбѣ зерна. Нѣтъ, это мужикъ. Стоитъ, какъ черный столбъ на распутьи.

Идемъ. И мужикъ не глядитъ. И мертвымъ тянетъ съ полей.

VII.

Мы сушили въ избѣ. На лавкѣ сидѣлъ хозяинъ и молчалъ. Глядѣлъ на свои желтые, поломанные ногти. Помытый самоваръ потрескивалъ угольками. У притолоки стояла хозяйка и равнодушнымъ, бездумнымъ взглядомъ глядѣла на все. Тощая кошка приюживалась къ нашимъ сапогамъ,

Изъ окна видно было, какъ босоногій малышъ прыгаль въ лужѣ, распугивая утокъ. Край синей тучи таялъ. За нимъ ширилось багровое сіянье. И брызнуло огнемъ. Край солнца выглянуло. Оно садилось.

А подъ окномъ уже толпа ребятишекъ прыгала въ лужѣ, разбрасывая воду сверкающими брызгами. Шумные, какъ воробьи по веснѣ. Шлепали темныя ноги по водѣ. Сбивались и путались звонкіе голоски.

Сол-нышко, сол-нышко,
Умы-валось сол-нышко
Ро-со-ю лу-го-во-ю,
Во-до-ю до-жде-во-ю,
По по-лю хо-ди-ло,
Клю-чи хо-ро-ни-ло,
Клю-чи-ки зла-ты-е...

Солнце заливало ихъ тихимъ, багровымъ огнемъ. Оно остановилось надъ краемъ убѣгающей тучи и слушаетъ, слушаетъ... Глядитъ, покойное, на все: и на шумливыхъ ребятъ, и на побитыя градомъ поля... И всѣмъ ярко подъ солнцемъ.

Побитыя градомъ поля... Но еще грѣтъ и свѣтитъ. И сѣмена новаго сѣва зрѣютъ. И не боятся града. Смѣются солнцу. Не имъ ли свѣтитъ оно и не для нихъ ли хоронить золотые ключи? И эти ключи когда-нибудь отомкнутъ далекое, незнаемое...

Вонъ они, побитыя поля, вѣчныя, рождающія все подъ градомъ. Они дышатъ... И снова подымутъ ихъ желѣзными зубьями и бросятъ сѣмя.

Солнце садилось. Опускалось въ невѣдомыя царства.

Дробь вышелъ на крылечко. Сидѣлъ на порогѣ и смотрѣлъ на ребятъ. Слушалъ звонкіе голоски. Можетъ быть, думалъ о свѣтлыхъ водахъ и бѣлыхъ птицахъ. А можетъ быть, и видѣлъ, и слышалъ ихъ.

Бѣлыя птицы... Не ихъ ли звонкіе голоса?

А малыши прыгали и подымали брызги. Шумные, какъ воробьи по веснѣ. И голоски ихъ пѣли:

Сол-нышко, сол-нышко...

Иванъ Шмелевъ.

Воззрѣнія Н. К. Михайловскаго на государство.

(Къ вопросу объ отношеніи русской интеллигенціи къ праву и государству).

(Окончаніе).

III.

Сопоставляя ученіе Н. К. Михайловскаго объ обществѣ съ его взглядами на государство, мы должны были констатировать нѣкоторое несоотвѣтствіе между тѣмъ, что составляетъ суть его соціологическихъ взглядовъ, и его политической публицистики. Соціологическое ученіе Михайловскаго сложилось почти сразу и, однажды сложившись, росло послѣдовательно изъ одного и того же корня, тогда какъ въ области политической публицистики Михайловскій, прежде чѣмъ найти себя, долженъ былъ пережить извѣстный кризисъ. Въ этомъ отношеніи Михайловскій первой половины 70-хъ гг. нѣсколько отличается, какъ указывалъ это неоднократно онъ самъ (ср. т. VI, стр. 464), отъ Михайловскаго второй половины этого же десятилѣтія. До второй половины 70-хъ гг., точнѣе до 1877—1878 гг. у Михайловскаго не было столь яснаго признанія взаимной обусловленности политической и экономической сторонъ въ общественномъ движеніи, «принципа свободы и принципа социализма, Земли и Воли», какъ то мы находимъ у него во второй половинѣ 70-хъ гг. «Если мы будемъ искать наиболѣе живой струны современной цивилизаціи, то найдемъ ее—говоритъ Михайловскій, въ одной статьѣ 1873 г.—въ производствѣ матеріальныхъ богатствъ. Здѣсь бьется теперь пульсъ исторіи, и только по временамъ притягиваютъ къ себѣ общее вниманіе чисто политическіе и при томъ старозавѣтные идеалы» *), подъ которыми Михайловскій тутъ разумѣетъ политическія попонзновенія германскаго юнкерства, поднявшаго голову послѣ войны 1870—1871 гг. Что же касается политическихъ идеаловъ не старозавѣтныхъ, а новыхъ демократическихъ, то объ от-

*) См. ст. „На вѣнской всемірной выставкѣ“, т. II, 509.

ношеніи къ нимъ Михайловскаго можно судить по его знаменитой тирадѣ въ статьѣ о «Бѣсахъ» Достоевскаго, гдѣ, между прочимъ, говорится: «для общечеловѣка, для сітоуеп'а, для человѣка, вкусившаго общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходовъ и проч). И мы желаемъ этого, конечно. Но, если всѣ связаннныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы. Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ» (т. I, 869, февраль 1873 г.).

«Да будутъ они прокляты»—это, конечно, было слишкомъ сильно сказано. Впослѣдствіи (въ ноябрѣ 1886 г., см. т. VI, стр. 463—464), охваченный уже совершенно инымъ общественнымъ настроеніемъ, Михайловскій называлъ эти слова «слишкомъ эмфатическими», оговариваясь, однако, о тогдашнемъ настроеніи, что «оно именно таково было и доходило до предѣловъ мало даже вѣроятныхъ, о чемъ разскажетъ въ свое время исторія». И въ ряду этихъ предѣловъ эмфатическое восклицаніе «да будутъ они прокляты» занимало далеко не крайній еще пунктъ. «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы», люди того времени готовы были отказаться отъ всякихъ благъ и привилегій, довольствуясь въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ. *„Пусть стѣкнутъ, мужика стѣкнутъ же—вотъ какъ примѣрно можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи“* (тамъ же, курсивъ мой). «Я далекъ отъ намѣренія — оговаривается, однако, Михайловскій — представлять въ смѣшномъ видѣ характерную черту русской революціи. Напротивъ, я думалъ о ней съ глубокимъ умиленіемъ. Она свидѣтельствуетъ о такой глубокой чистотѣ, передъ которой меркнуть всѣ уличенія въ безнравственности... Имѣю ли я право что-нибудь знать, когда народъ пресмыкается въ мракѣ невѣжества? Имѣю ли я право кричать отъ боли, отдавать наносимые мнѣ удары, желать себѣ простора, когда побой терпѣть и народъ? Мнѣ часто случалось улавливать эти и подобные вопросы не только въ мысляхъ, но и въ словахъ, даже въ дѣйствіяхъ русскихъ революціонеровъ. Святые вопросы! Но—вдругъ мѣняется свой тонъ Михайловскій—при данныхъ обстоятельствахъ они обращаются на практикѣ въ источникъ противорѣчій, недоразумѣній, нерѣшимости, потери времени и силъ. Мучительные вопросы, какъ говорятъ французы, вставляютъ палки въ колеса, мѣшаютъ отдаться призыву жизни и свободы, мѣшаютъ, наконецъ, даже назвать настоящимъ именемъ собственную дѣятельность и вести ее твердо, сознательно, систематично» (см. «Политич. письма», письмо 2-е).

Конецъ послѣдней тирады снова насъ возвращаетъ къ общему

ходу нашего изложенія. Очевидно, что какъ бы ни относился Михайловскій въ свое время къ «святымъ вопросамъ» русской революціи, распространять это отношеніе къ нимъ на всю его литературную дѣятельность нельзя. Михайловскій въ теченіе ея не въ безвоздушномъ пространствѣ жилъ. «Вы смѣтаетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности социальныхъ реформъ передъ политическими,—говорилъ Михайловскій въ статьѣ о «Бѣсахъ» Достоевскаго.—Это характерная для насъ мысль» (т. I, стр. 868—869). Характерная, но не для конца 70-хъ годовъ. Въ итогѣ, разумѣется, всегда будутъ наиглавнѣйшими реформы социальные, какъ мнѣющія основныя современнаго строя, но отсюда еще далеко до противопоставленія политики социализму, борьбѣ экономической въ духѣ приведенныхъ только что словъ Михайловскаго. Несомнѣнно, что къ концу 1870-хъ гг. Михайловскій параллельно тому, какъ его политическое сознание росло вмѣстѣ съ ростомъ всего тогдашняго общественнаго движенія, окончательно сбросилъ съ себя бывшее политическое настроеніе и далъ для русскаго социализма ту самую формулу социальной борьбы, которую нынѣ принялъ официально Интернаціональ— вмѣстѣ съ Руссо онъ самъ былъ человѣкомъ, «чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ социализма, Земли и Воли»...

Какъ видитъ читатель, въ своей характеристикѣ этой части воззрѣній Михайловскаго мы останавливаемся только на противопоставленіи ихъ крайнихъ пунктовъ, совершенно не касаясь того, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и какимъ путемъ шла смѣна политическаго индифферентизма у Михайловскаго рѣзко выраженнымъ настроеніемъ въ пользу политики. Мы поступаемъ такъ потому, что намъ нужно характеризовать не самую эволюцію политическихъ взглядовъ Михайловскаго, а результаты этой эволюціи въ ихъ общемъ видѣ. Результаты же эти были именно таковы, какъ это сказано выше. Право, какъ и политика, имѣетъ самостоятельное значеніе и задачей социализма является не противопоставленіе борьбы за право борьбѣ за социализмъ, а выработка собственной теоріи права. Было бы, разумѣется, преувеличеніемъ сказать, что Михайловскій далъ такую теорію права,—достаточно ужъ того, что онъ вплотную подошелъ къ вопросу о необходимости ея и, если не далъ намъ теоріи права, то указалъ путь, направленіе, въ которомъ она должна строиться и, кромѣ того, уяснилъ себѣ во всемъ ея объемѣ мысль о моральномъ долгѣ «борьбы за право»...

Михайловскій, авторъ по малой мѣрѣ слишкомъ эмфатической тирады по адресу правъ и свободы: «да будутъ они прокляты»,—и этотъ же самый Михайловскій въ роли защитника моральнаго долга борьбы за право,—это, пожалуй, звучитъ парадоксально. Но

видѣ такимъ же парадоксомъ для многихъ критиковъ Михайловскаго казалась и мысль о томъ, что онъ вовсе не былъ аполитикомъ, а, наоборотъ, въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди провозвѣстниковъ идеи о неотложной необходимости политической реформы въ Россіи. Просмотрѣть эту роль Михайловскаго въ нашей исторіи послѣднихъ 40 лѣтъ чрезвычайно трудно, и, однако, самые патентованные представители «настоящей, объективной науки» ее просмотрѣли. Не говоря уже о г. Кистяковскомъ и цѣлой фалангѣ единомыслищихъ съ нимъ писателей изъ пресловутыхъ «Вѣхъ», вотъ, напр., что писалъ по поводу одного мѣста какъ разъ въ «Политическихъ письмахъ социалиста» лидеръ русской социаль-демократіи Г. В. Плехановъ. Михайловскій, по его словамъ,—«противопоставлялъ социализмъ политикѣ», что «было догматомъ, унаслѣдованнымъ нашими революціонерами отъ Прудона и Бакунина» и оставленнымъ у насъ лишь «съ появленіемъ русскихъ марксистовъ» *).

«Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки...—заявляетъ, какъ мы знаемъ, Михайловскій—...принципъ этотъ называется конституція, земскій соборъ». Но у г. Плеханова принципъ этотъ называется «догматомъ, унаслѣдованнымъ... отъ Прудона и Бакунина». Странныя понятія у г. Плеханова о Бакунинѣ и Прудонѣ **). Вопреки г. Плеханову Михайловскій одинъ изъ первыхъ оставилъ у насъ анархистское пренебреженіе политикой, опередивъ въ этомъ отношеніи русское общественное движеніе своего времени на весь періодъ «Земли и Воли». И опередилъ онъ не только «землепольцевъ»,—до сихъ поръ русскіе социаль-демократы не сравнялись съ Михайловскимъ въ вопросѣ о соотношеніи политики и экономіи, ибо Михайловскій рядомъ съ социологическимъ рѣшеніемъ вопроса о политической свободѣ далъ этическое его освѣщеніе, чуждое совсѣмъ социаль-демократамъ, въ видѣ противопоставленія мотивовъ *чести* мотивамъ *совѣсти*,

*) См. ст. г. Плеханова въ сборникѣ «Терніи безъ розъ». О заслугахъ русскихъ марксистовъ ср. также у г. Кистяковского, который повторяетъ («Вѣхи», 2 изд., стр. 138—139) тутъ г. Плеханова, но, впрочемъ, съ оговорками.

**) На сколько далека была на дѣлѣ Михайловскій во второй половинѣ 70-хъ гг.—когда, между прочимъ, самъ г. Плехановъ, по его собственному сознанию (см. объ этомъ въ № 54 «Искры»), находился еще въ невѣдѣніи, «что же собственно представляетъ изъ себя современный социализмъ и почему и въ какой мѣрѣ онъ исключаетъ политику»,—отъ догматовъ Бакунина и Прудона, показываетъ отзывъ одного изъ русскихъ бакунистовъ (см. «Община», 1878, май, ст. В. Черкезова) о первомъ же публичномъ исповѣданіи Михайловскимъ своего политическаго символа вѣры. «Тутъ невольно остановишься въ раздумьи передъ степенью ясности принциповъ русскихъ общественныхъ партій и ихъ взаимныхъ отношеній»—писалъ В. Черкезовъ по этому поводу.

при чемъ однимъ изъ слѣдствій этого противопоставленія и является его идея о моральномъ долгѣ «борьбы за право».

Какъ извѣстно изъ «правительственнаго сообщенія» (опубликованнаго въ 1884 г.), «Отечественныя Записки» были закрыты постановленіемъ 4-хъ министровъ, между прочимъ, за рѣчь, произнесенную на студенческой сходкѣ однимъ изъ редакторовъ этого журнала. Давно не тайна, что гнѣвъ правительства въ данномъ случаѣ вызвалъ какъ разъ Н. К. Михайловскій, дѣйствительно, произнесшій въ началѣ 80-хъ годовъ сравнительно большую, особенно для него, почти никогда не выступавшаго на публичныхъ собраніяхъ, рѣчь политическаго характера. Теперь почти невозможно возстановить цѣликомъ то, что говорилъ тогда Михайловскій, однако сохранился одинъ отрывокъ изъ его рѣчи и этотъ отрывокъ какъ разъ формулируетъ столь важную для насъ параллель между голосомъ чести и голосомъ совѣсти. «Насъ одушевляютъ два чувства»:—говорилъ въ своей рѣчи Н. К. Михайловскій—«одно я назову чувствомъ долга или совѣсти, а другое—чувствомъ чести. Первое говоритъ намъ, что мы виноваты передъ народомъ, на счетъ котораго мы живемъ, а второе говоритъ намъ, что и передъ нами виноваты тѣ, которые насъ ежечасно, ежеминутно оскорбляютъ» *).

«Совѣсть есть сознаніе виновности преступности. Принимаясь за свою щемящую работу, она ставитъ передъ человѣкомъ образы замученныхъ, оскорбленныхъ, притѣсненныхъ имъ, картины совершенныхъ имъ насилій, обмановъ, звучитъ у него надъ ухомъ стопами, упреками, жалобами, и, плотно обступивъ всѣмъ этимъ, требуетъ искупительной жертвы. Жертвы эти приносятся разными людьми на разный манеръ, но во всякомъ случаѣ это должна быть жертва, лишеніе и, прежде всего, конечно, отказъ отъ того слада жизни, противъ котораго протестуетъ совѣсть. И если человѣкъ, несмотря на всѣ побужденія совѣсти, не можетъ отъ него отказаться, не можетъ переломить свою натуру или привычку, онъ долженъ принести въ жертву свою жизнь. Только смертью утоляются въ такомъ человѣкѣ угрызенія совѣсти. Честь, напротивъ, есть сознаніе напрасно претерпѣнныхъ обидъ и оскорбленій. Человѣку проснувшейся чести не въ чемъ винить себя: онъ ни передъ кѣмъ не виноватъ, а передъ нимъ, можетъ быть, и есть виноватые. Проснувшаяся честь терзаетъ его картинами вынесеннаго имъ срама и насилія, и для утоленія этихъ терзаній нужны не лишенія какія-нибудь, не жертвы, а, напротивъ, просторъ всѣмъ сдавленнымъ до толъ силамъ, удовлетвореніе всѣмъ притиснутымъ насиліемъ или обманомъ запросовъ души» (см. т. V, стр. 181, ст. о Щедринѣ).

И въ другомъ мѣстѣ: «Какъ совѣсть требуетъ сокращенія бюд-

*) Приведено въ видѣ эпиграфа къ ст. А. В. Пѣшихонова объ Успенскомъ въ книгѣ «Къ вопросу объ интеллигенціи». Спб. 1906.

жега личной жизни и потому, въ крайнемъ своемъ развитіи, усложняется лишеніями, оскорбленіями, мученіями, такъ честь требуетъ расширенія личной жизни, и потому не мирится съ оскорбленіями и бичеваніями. Совѣсть, какъ опредѣляющій моментъ драмы, убиваетъ ея носителя, если онъ не въ силахъ принизить, урѣзать себя до извѣстнаго предѣла. Честь, напротивъ, убиваетъ героя драмы, если униженія и лишенія переходятъ за извѣстные предѣлы. *Совѣсть поступаетъ личною неприкосновенностью, личнымъ достоинствомъ, личнымъ довольствомъ, личнымъ счастьемъ вообще. Честь, напротивъ, всего этого требуетъ*» (см. т. IV, 659, ст. «Житейск. и худож. драмы»).

Такова эта «превосходная этическая параллель», какъ выразился о ней когда-то г. Струве*), такъ, впрочемъ, и не понявшій ея политическаго значенія. Параллель эта, дѣйствительно, превосходна, и вмѣстѣ съ тѣмъ для Михайловскаго симптоматична. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ замѣчательной датой для литературной дѣятельности Михайловскаго—и встрѣчаемся не въ послѣдній разъ,—съ той гранью въ развитіи его общественныхъ идей, которая знаменуется эпохой 1878—1879 годовъ. Мы видѣли уже, что въ это именно время осложнилось его политическое міросозерцаніе, теперь мы должны прибавить, что къ этому же времени у него назрѣлъ и моральный кризисъ, назрѣлъ и вылился въ ученіе о чести и совѣсти, сформулированное имъ впервые въ началѣ (январь—февраль) того же 1879 года, въ статьѣ «Житейскія и художественныя драмы». И если-бъ мы хотѣли выразить этотъ поворотъ въ настроеніи Михайловскаго его же терминами, — то мы должны были бы сказать, что первая эпоха до 1878 г. была эпохой повышеннаго развитія мотивовъ *совѣсти* въ поведеніи русской интеллигенціи, вторая же, напротивъ, мотивы совѣсти уравнивала мотивомъ *чести*.

«Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя—говорить Михайловскій въ цитатѣ, приведенной уже у насъ.—Мы были согласны въ юридическомъ смыслѣ довольствоваться акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды... Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же». Вотъ типичный голосъ совѣсти первой половины 1870-хъ годовъ. Тогдашняя интеллигенція, подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы 19 февраля 1861 года сознала свою огромную историческую вину передъ народомъ, свой «долгъ народу», представленіе о которомъ было колыбелью для новорожденной идеи русской демократіи, и поставила своей задачей искупленіе этого долга. Образы замученныхъ, оскорбленныхъ, притѣсненныхъ, картины совершенныхъ надъ народомъ насилій, обмановъ звучали

*) См. стр. LXXX его предисловія къ книгѣ г. Бердяева о Михайловскомъ.

надъ ея ухомъ стенами, упреками и жалобами, я требовали испу-
дительной жертвы. Это былъ великій историческій моментъ, и Ми-
хайловскій въ очеркахъ «Въ перемежку» вполне справедливо го-
ворилъ о «дивной красотѣ нашего покаянія». «Истинно говорю я
вамъ—обращался онъ тутъ, между прочимъ, къ своимъ «братьямъ
по духу»—истинно говорю вамъ: съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ святая
Русь, никто болѣе насъ поэтического апофеоза не заслуживалъ. И
мы его, наконецъ, получимъ. Ахъ, если бы я былъ первоклассный
художникъ, если бы я могъ разлиться въ звукахъ, въ образахъ,
въ краскахъ,—я воспѣлъ бы васъ, мученики исторіи, и изломалъ
бы затѣмъ перо, рѣзецъ и кисти, потому что, отвѣдавши сладкаго,
не захочешь горькаго, не запоешь подблюдныхъ пѣсень» (см. т. IV,
239).

Дивная красота покаянія интеллигенціи 70-хъ годовъ была не
въ самой только наличности идеи долга народу, въ сознаніи не-
справедливо претерпѣнныхъ имъ обидъ и злосключеній, а и въ
тѣхъ общихъ выводахъ, которые тогда отсюда дѣлались. Вѣдь
сами то по себѣ тогдашніе интеллигенты народу непосредственно
никакихъ обидъ не наносили, не мучили, не оскорбляли, значить,
и голосу своей щемящей совѣсти они въ этомъ случаѣ должны
были дать нѣкоторое особенное истолкованіе. Они и дали его,
или, вѣрнѣе, нашли въ «чувствѣ личной отвѣтственности за свое
общественное положеніе» (томъ IV, 279; курс. подл.). Вотъ что
требовало у нихъ «сокращенія бюджета личной жизни» и заставля-
ло ихъ «поступаться личною неприкосновенностью, личнымъ
счастьемъ вообще». «Народъ освобожденъ, но счастливъ ли на-
родъ?» И если народъ несчастенъ, то и я отвѣтственъ за его
общественное положеніе, а если я отвѣтственъ за его положеніе,
то имѣю ли право я быть счастливъ, разъ народъ страдаетъ,
имѣю ли я право заботиться о своей неприкосновенности, о своихъ
правахъ, когда народъ безправенъ и не пойметъ самой идеи по-
литической неприкосновенности. А такъ какъ въ то же время
требовалось отдать «все для народа», то отсюда могъ быть только
одинъ выводъ. Либо тѣ права и привилегіи, которыя мы полу-
чили на счетъ народа, помогутъ намъ расквитаться съ «нашимъ
долгомъ народу», помогутъ приобщить народъ къ благамъ совре-
менной культуры, вывести его изъ рабства, нищеты, притѣсненій
на широкую дорогу историческаго развитія, либо они только уве-
личатъ нашъ «долгъ народу», и въ такомъ случаѣ «да будутъ они
прокляты». Въ такомъ случаѣ пусть ярмо страданій будетъ оди-
наково для всѣхъ и не будетъ ни для кого привилегій и какихъ
либо исключеній. «Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же». Такъ Ми-
хайловскій и выразилъ это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи.
И «хотя меня за это изъ нѣкоторыхъ литературныхъ подворотень—
говорилъ онъ впоследствии—«хватали за икры», но я твердо знаю,
что выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей

нашего времени; ту именно, которая придаетъ 70-мъ годамъ оригинальную фязіономію, и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшныя, неисчислимыя жертвы, объ чемъ, впрочемъ, говорить еще рано» («Литер. зам.», 1880 г., IV, 949).

Теперь объ этихъ жертвахъ, конечно, говорить можно, но теперь приходится говорить и не только о нихъ однѣхъ. Къ тому времени, какъ была написана Михайловскимъ послѣдняя тирада, настроеніе 70-хъ годовъ рѣзко измѣнилось, и у новаго времени на смѣну старыхъ пришли *свои* «святые вопросы». «Имѣю ли я право что-нибудь знать? Имѣю ли я право кричать отъ боли, отдавать наносимые мнѣ удары... когда побой терпѣть и народъ?»—такъ спрашивалъ народникъ первой половины 70-хъ годовъ. Но какъ же мнѣ не кричать отъ боли, не отдавать наносимые мнѣ удары, когда «булавочный уколъ въ наше время чувствительнѣе раны отъ желѣзнаго посоха Іоанна Грознаго» (см. «Полит. письма»), когда не всякую степень униженія способенъ вынести человѣкъ проснувшейся чести? Можетъ быть, конечно, что свобода и права лишь увеличатъ нашъ долгъ народу, но вѣдь можетъ быть еще и иначе, и надо сначала доказать, что иначе быть не можетъ. А кромѣ того *человѣкъ проснувшейся чести не можетъ ужъ потому поступиться правами и свободой, что эти свобода и права для него благо сами по себѣ*, что честь убиваетъ героя драмы, если униженія и лишенія переходятъ за извѣстные предѣлы, и человѣкъ проснувшейся чести не можетъ поступиться личнымъ достоинствомъ, личнымъ довольствомъ, личною неприкосновенностью, личнымъ счастьемъ вообще. «Святые вопросы» стараго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и столь недавняго времени, теперь сдѣлались вопросами «мучительными», которые «вставляютъ палки въ колеса, мѣшаютъ отдаться призыву жизни и свободы», тогда какъ эти призывы столь ясны, настойчивы, законны. «Насъ ежеминутно, ежечасно бьютъ и оскорбляютъ», нашъ врагъ не щадитъ насъ, за что-же мы будемъ систематически щадить его», отказываясь отъ завоеванія необходимыхъ намъ правъ, гарантій личной неприкосновенности и общественной самостоятельности. «Если мы въ самомъ дѣлѣ находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій»—вотъ что говорилъ въ то время голосъ жизни и человѣческаго достоинства (см. «Литер. зам.» 1880 г., IV, стр. 958). И «неужели же»—съ горечью замѣчаетъ Михайловскій—«наша интеллигенція упустить этотъ единственный историческій моментъ и призоветъ на себя печать Каина, который убилъ своего родного брата, но и самъ изнылъ отъ позора?»

Такова была въ общемъ историческая драма русскаго интеллигента 70-хъ годовъ. Переходъ отъ вѣтхій совѣсти къ императивному голосу чести съ ея моральнымъ долгомъ борьбы за право

совершился, конечно, не сразу, и мысль о политической борьбѣ съ трудомъ усваивалась русскимъ разночинцемъ 70-хъ годовъ, ибо надъ нимъ угрозой стоялъ призракъ новыхъ кандаловъ для народа и новаго рабства—экономическаго. «Я вижу тебя, моя несчастная родина»—говорилъ Михайловскій въ «Политическихъ письмахъ».— «Бѣлая пелена снѣга лежитъ на твоихъ поляхъ и лугахъ. Ледъ сковалъ твои рѣки, пруды и озера. Еловые вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжной сѣдины. Каждая береза обвита бѣлымъ саваномъ. Глухо. Мертво... Но вотъ начинается теплиться жизнь. Это русская революція. Ярче, ярче разгорается ея благодатный огонь, кругомъ оттаиваетъ саванъ снѣга и... обманъ! Эти люди умѣютъ умирать и не хотятъ жить. Они говорятъ, что не имѣютъ права жить, потому что, завоевывая себѣ жизнь путемъ систематической политической борьбы, они должны будутъ подать руку либераламъ и помочь имъ наложить новое ярмо на народъ. Они не видятъ, что сила обстоятельствъ все равно роковымъ образомъ влечетъ ихъ къ политической борьбѣ и что вопросъ только въ томъ, вести ли ее урывками, безъ системы, лично за себя и для себя, или за всю родину и для всей родины»...

Мы знаемъ, какъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ Михайловскимъ еще во время полного почти господства бакунинскихъ традицій въ русскомъ революціонномъ движеніи. Намъ остается только прибавить, что съ тѣхъ поръ, съ середины 70-хъ годовъ и до конца своей жизни, онъ остается неизмѣнно вѣренъ этому однажды выработанному у него принципу, постоянно на тысячу примѣровъ развивая его конкретныя приложенія или, напротивъ, освѣщая ужасъ общественной жизни, построенной на захватѣ коллективной власти въ рукахъ немногихъ. «Итакъ, свободная мысль и сообразно ея указаніямъ и подъ ея контролемъ происходящее правительственное вмѣшательство въ видахъ удовлетворенія массъ, вотъ — говоритъ Михайловскій, — остовъ, который долженъ быть облеченъ плотью и кровью политической формы» (IV, 1000). «Литературныя замѣтки» 1880 года, «Записки современника» 1881—1882, «Письма посторонняго» 1883—1884, статья о закрытіи «Отечественныхъ Записокъ», передовыя статьи въ №№ 3 и 4—«Самоуправленія», «Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ» 1891—1892 гг., воззваніе «Свободное слово»—цѣлкомъ посвящались Михайловскимъ развитію этой основной мысли его политической публицистики. И эта работа Михайловскаго по вѣдренію въ умы русской интеллигенціи идеи о причинахъ ея правового убожества была тѣмъ цѣннѣе исторически, что вслѣдъ за общественнымъ подъемомъ 70-хъ годовъ наступила мрачная полоса общественной реакціи, вліяніе которой мы чувствуемъ до сихъ поръ. Правда, г. Кистяковскій замѣчаетъ въ своей статьѣ, подводя итоги политической дѣятельности Михайловскаго и его времени, что въ 80-хъ годахъ «наша интеллигенція не была даже

въ состояніи вполне отчетливо сознавать всю бездну безправія русскаго народа», ибо и въ тогдашней руководящей литературѣ, т. е. прежде всего, у того же Михайловскаго, «не было теоретическихъ формулъ, которыя бы опредѣляли это безправіе» («Вѣхи», 2-ое изд. 138). Но это невѣрно.

IV.

На построеніи Михайловскимъ «теоретическихъ формулъ» для права, къ характеристикѣ которыхъ мы должны теперь перейти, сказалась до извѣстной степени та-же судьба, какъ и на его отношеніи къ политикѣ. Говоря такъ, мы разумѣемъ, однако, не самый фактъ поворота въ его общественныхъ взглядахъ около эпохи 1878 — 1879 гг., а то, въ какомъ отношеніи къ теоретическимъ взглядамъ находился его политическій индифферентизмъ первой половины 70-хъ годовъ. Мы видѣли во всѣхъ предыдущихъ главахъ, что, какъ авторъ теории борьбы за индивидуальность, вполне имъ выработанной уже къ 1875 году, Михайловскій безусловно былъ или, вѣрнѣе, долженъ былъ быть на сторонѣ правового конституціоннаго государства, всѣ положительныя стороны котораго собственно теоретически были освящены даже тогда, когда въ 1869—1871 гг., имъ, до ученія о борьбѣ за индивидуальность, была выставлена теорія общественнаго раздѣленія труда. И, однако, мы не видимъ Михайловскаго вплоть до середины 70-хъ годовъ въ рядахъ ревностныхъ защитниковъ правового строя. Это было несомнѣнной непоследовательностью съ его стороны и такая непоследовательность отразилась также и на характерѣ его аполитизма, ибо его аполитизмъ того времени связывался страннымъ образомъ—какъ это мы знаемъ—съ ученіемъ о государственномъ вмѣшательствѣ *) въ народную жизнь, въ духѣ Луи-Блана и Ферд. Лассалья. Лассаль и Луи-Бланъ, перечисленные примѣнительно къ традиціямъ русскаго аполитизма 70-хъ годовъ, вотъ собственно, что представляли изъ себя политическіе взгляды Михайловскаго въ то время, когда общее настроеніе эпохи влекло его къ аполитизму, но чувство такта подсказывало ему признаніе прогрессивности государственнаго воздѣйствія въ видахъ удовлетворенія народныхъ интересовъ. И если со временемъ Михайловскій, какъ политикъ, слился съ Михайловскимъ социологомъ и взгляды его сложились въ одну стройную и опредѣленную теорію, то это было куплено цѣной обходнаго движенія, которое должна была

*) См. объ этомъ также въ статьяхъ Н. С. Русанова: «Политика Н. К. Михайловскаго», «Былое», № 7, за 1907 г., стр. 126 и «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ», «Русск. Бог.», 1905 г., № 1, стр. 150—152.

сдѣлать его политическая мысль, прежде чѣмъ она пришла къ выше разсмотрѣннымъ нами результатамъ..

Послѣ этихъ замѣчаній понятно, въ какомъ отношеніи мы сопоставляли «теоретическія формулы» Михайловскаго въ области права съ его отношеніемъ къ политикѣ. Собственно и здѣсь, какъ и въ отношеніи къ политикѣ, основная мысль подсказывалась ему всѣмъ ходомъ его воззрѣній. Свои воззрѣнія на государство Михайловскій выводилъ изъ признанія безусловныхъ правъ всесторонне развитой личности, правъ, которыя личность реализуетъ въ процессѣ борьбы за индивидуальность. Естественно было бы ждать, что ту же идею личности Михайловскій долженъ былъ выставить въ области права. «Личность въ правѣ»—вотъ что подсказывалось ему общимъ ходомъ его воззрѣній. Такъ, дѣйствительно, Михайловскій и поступилъ въ концѣ концовъ, но первоначальный толчокъ для развитія своей мысли въ этомъ направленіи онъ получилъ на сторонѣ и, по первому взгляду, вдали отъ основного источника своихъ теоретическихъ взглядовъ—именно въ теоріи Дюринга о чувствѣ мести, какъ источникѣ права. Получивъ, однако, этотъ толчокъ, Михайловскій затѣмъ внесъ въ свою очередь существенные коррективы въ юридическія построенія Дюринга, благодаря чему вдвинулъ эту часть своихъ воззрѣній въ основное русло своихъ теоретическихъ взглядовъ. Въ общемъ картина въ ея схематическомъ видѣ получилась здѣсь слѣдующая.

Философію общественности Дюринга Михайловскій излагалъ въ 70-хъ гг. неоднократно. Въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» Михайловскій прямо рекомендуетъ своимъ читателямъ Дюринга, наравнѣ съ Ланге, говоря, что въ «Европѣ нѣтъ писателей, которые были бы ближе къ правдѣ, чѣмъ эти двое, хотя они далеко не одно и то же» (IV, 412) и хотя въ ихъ сочиненіяхъ далеко не все равноцѣнно, а въ ихъ, собственно Дюринга, нравственной фізіономіи далеко не все симпатично. Кромѣ «Писемъ о правдѣ и неправдѣ», относящихся къ 1877 г., и почти одновременно съ ними Михайловскій писалъ о Дюрингѣ въ статьѣ «Изъ западно-европейской жизни и литературы», напечатанной анонимно въ «Отечественныхъ Запискахъ» *) и не вошедшей ни въ одно изъ собраній его сочиненій, и затѣмъ позже, въ августѣ и сентябрѣ 1878 г., снова вернулся къ Дюрингу, проводя параллель между нимъ и Ренаномъ. Въ послѣднемъ случаѣ центромъ вниманія Михайловскаго сдѣлалась, какъ уже сказано, теорія права Дюринга,

*) См. № 9 за 1877 г., стр. 155. «Письма о правдѣ и неправдѣ», напечатанныя въ свое время тоже анонимно, появились въ №№ 10, 11 за 1877 г. и № 1 за 1878 гг. «Отеч. Зап.» Слѣдуетъ еще замѣтить, что статья «Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга», о которой говорится у насъ въ текстѣ, перепечатана въ III т. сочиненій Михайловскаго не совсѣмъ полностью: выпущены первыя полемическія и послѣднія, очень интересныя, между прочимъ, страницы.

хотя Михайловскій касается тутъ и другихъ взглядовъ Дюринга, между прочимъ, его теоріи нравственности, «довольно блѣдной» и «какъ бы недоѣланной». «Человѣкъ самъ по себѣ, внѣ связи съ другими людьми, не несетъ никакихъ обязанностей, а имѣетъ только хотѣнія—излагаетъ Михайловскій эту теорію.—Система нравственныхъ обязанностей поконится не на изолированной волѣ, а на взаимности междуличныхъ отношеній. Въ этихъ же послѣднихъ первымъ несомнѣннымъ фактомъ представляется естественная равноцѣнность двухъ соприкасающихся волей. Если кто-нибудь заявляетъ, что его воля вообще цѣннѣе моей, то фактическаго оправданія этого своего положенія онъ можетъ достигнуть только какимъ нибудь внутреннимъ или внѣшнимъ насиліемъ; нравственной же связи въ подобныхъ отношеніяхъ нѣтъ. Взаимное воздержаніе отъ обидъ и насилій, то есть признаніе чужой воли равноцѣнною своей, есть первый законъ междуличной морали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходный пунктъ справедливости. Воля единичнаго человѣка, не будучи обязана подчиняться чужой волѣ, тѣмъ самымъ обязывается не подчинять себѣ волю другого человѣка» (т. III, 231—232).

Вполнѣ понятно огромное значеніе этого положенія для теоріи нравственности, гдѣ оно должно занять, по мнѣнію Михайловскаго, роль краеугольнаго камня, но понятно также, что и для права оно имѣетъ столь же крупную роль. «Если воля единичнаго человѣка, не будучи обязана подчиняться чужой волѣ, тѣмъ самымъ обязывается не подчинять себѣ волю другого человѣка» — то это положеніе, казалось бы, и должно быть сдѣлано основной «теоретической формулой» для права. Такова и есть, какъ это мы увидимъ сейчасъ, мысль самого Михайловскаго, но Дюрингъ, по его словамъ, нѣсколько отклонился отъ нея, такъ какъ, разыскивая источникъ права, онъ нашелъ его не здѣсь, а въ чувствѣ мести, сдѣлавъ это чувство фундаментомъ для всей своей философіи права. «Оскорбленіе, обида, насиліе, ничѣмъ не вызванныя, составляютъ первоначальную несправедливость. Они вызываютъ реакцію, выражающуюся въ обиженномъ потребностью возмездія, воздаянія, проще говоря—мести. Съ такой же необходимостью, съ какою въ механикѣ слѣдуютъ другъ за другомъ паденіе и отраженіе, за обидой слѣдуетъ влеченіе къ мести. Влеченіе это есть, очевидно, учрежденіе самой природы, направленное къ самосохраненію. Оно то и есть основаніе всего права». При этомъ «цѣль мести состоитъ не въ предупрежденіи будущихъ обидъ и насилій и не въ полученіи вознагражденія за обиду, а въ восстановленіи оскорбленной воли и ея значенія» (тамъ же, 238, 239). И такъ какъ месть теряетъ при этомъ свой личный характеръ, то Дюрингъ и требуетъ общественной организаціи мести, предлагая съ этой цѣлью рядъ практическихъ мѣропріятій. Вывести людей изъ того ужасающаго положенія, въ которомъ они находятся теперь, можетъ только «обобщеніе и правильная организація мести».

Несомнѣнно, Михайловскій излагалъ всѣ эти взгляды Дюринга съ полнымъ сочувствіемъ, и несомнѣнно, что для этого сочувствія, помимо теоретическаго единомыслія, были въ свое время опредѣленные основанія и въ тогдашнемъ общественномъ настроеніи, на что неоднократно указывалъ въ своихъ статьяхъ Н. С. Русановъ, вполне правильно подчеркнувшій тотъ пунктъ «ученія Дюринга, который всего болѣе интересовалъ Михайловскаго» *). Но несомнѣнно точно также, что все это совпаденіе во взглядахъ Дюринга и Михайловскаго имѣло въ литературной дѣятельности самого Михайловскаго лишь эпизодическое значеніе. Любопытно, что статьи Михайловскаго о Дюрингѣ рѣзко обрываются 1878 годомъ,—Дюрингъ, такъ усиленно пропагандировавшійся имъ передъ тѣмъ, совершенно исчезаетъ со страницъ его сочиненій, и врядъ ли это простая случайность. 1877—1878 годы были, какъ мы знаемъ, временемъ нѣкотораго поворота въ общественномъ настроеніи Михайловскаго, и внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ тотъ фактъ, что философія права Дюринга сыграла въ этомъ поворотѣ въ высокой степени плодотворную роль, такъ какъ она помогла Михайловскому найти себя, помогла ему поставить передъ собой и своимъ поколѣніемъ идею о моральной законности и моральной необходимости борьбы за право. Идея о мести, какъ о психологическомъ источникѣ права,—это есть первое, еще несовершенное и неясное, выраженіе *голоса чести* съ его императивными требованіями, какъ противовѣса до сихъ поръ господствовавшему *голосу совѣсти*. Къ концу 70-хъ годовъ, именно къ 1879 году, Михайловскій, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда жизненныхъ фактовъ, уже далъ полную картину моральной антитезы этихъ двухъ понятій, и естественно, что Дюрингъ сталъ ему не нуженъ. Ученикъ,—если только здѣсь уместно это слово,—быстро перенялъ своего учителя и далъ собственное моральное обоснованіе идеи «борьбы за право». Что же касается обоснованія теоретическаго, то имъ у Дюринга Михайловскій былъ не доволенъ уже тогда, когда онъ еще находился подъ несомнѣннымъ обаяніемъ его идеализаціи источника права въ чувствѣ мести.

«Очевидно,—говоритъ Михайловскій по этому послѣднему поводу о Дюрингѣ въ той же статьѣ 1878 года—что лежащая, по его мнѣнію, въ основаніи уголовного права *месть есть только показатель степени претерпѣнной личностью несправедливости*, нѣчто вродѣ натуральнаго термометра и при томъ термометра не совсѣмъ вѣрнаго, потому что, какъ онъ и самъ очень вѣрно замѣчаетъ, месть по необходимости, по самой своей природѣ хватается дальше внѣшняго итога нанесеннаго личности зла. Едва ли мы поэтому

*) См. его упомянутую выше ст. „Политика Н. К. Михайловскаго“, стр. 130, а также ст. „Идейныя основы Народной Воли“, въ № 9 „Былого“ за 1907 г., стр. 57.

ошибемся, если скажемъ, что съ точки зрѣнія самого Дюринга идея мести требуетъ своего дополненія въ видѣ положительнаго воздаянія каждому по достоинству, *и по отношенію ко всей области права имѣетъ не самостоятельное значеніе, а производное отъ нравственнаго закона равноцѣнности соприкасающихся волей*. Само чувство мести коренится въ этомъ законѣ и имъ должно ограничиваться, какъ и чувства зависти и ревности. *На немъ же должны быть построены все общественныя функціи и отношенія*, при чемъ нормальная роль уголовной юстиціи только и будетъ состоять въ общественной организаціи мести. Ей предоставляется, слѣдовательно, совершенно спеціальная функція возстановленія достоинства обиженной личности и униженія воли, нанесшей ей обиду. Самое же содержаніе интересовъ и достоинства личности, равно какъ опредѣленіе условий ихъ развитія, должно быть выведено не изъ мести, а изъ какого-нибудь болѣе общаго и при томъ положительнаго основанія, по Дюрингу—изъ закона равноцѣнности соприкасающихся волей, хотя и подъ контролемъ мести» (т. III, 245).

Итакъ, вотъ какова теоретическая формула, конструированная Михайловскимъ для построенія права. Наши правовыя понятія должны быть производными отъ нравственнаго закона равноцѣнности двухъ соприкасающихся волей. Или, говоря иначе, основной теоретической предпосылкой права должно быть представленіе объ автономіи, суверенитетѣ, самоцѣльности человѣческой личности. «Значить, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своихъ размышленій—говоритъ Михайловскій—интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а—личности. Она составитъ для васъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи правды»... («Письма о правдѣ и неправдѣ», т. IV, 460). Не трудно, конечно, видѣть, что теорія права, построенная на такомъ основаніи, можетъ быть вдвинута въ общую теорію личности, которой исчерпываются всѣ соціологическіе взгляды Михайловскаго, при чемъ посредствующее звено между теоріей личности вообще и въ частности теоріей права мы имѣемъ уже въ видѣ взглядовъ Михайловскаго на государство. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, на какой основѣ построены всѣ взгляды Н. К. Михайловскаго на государство. Не на представленіи ли абсолютной цѣнности человѣческой личности, выше интересовъ которой для Михайловскаго не существуетъ ничего? Когда-то г. Бердяевъ, полемизируя съ Михайловскимъ, выставлялъ въ противовѣсъ его взглядамъ, которые онъ считалъ неудовлетворительными, свой «идеаль» въ формѣ основной идеи Кантовой этики, «въ силу которой,—какъ говорилъ Н. К. Михайловскій,—человѣкъ есть цѣль въ самомъ себѣ и никто не можетъ имъ пользоваться, какъ средствомъ, не дѣлая его вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью». «Это очень высокій идеаль, даль освѣщающій критерій,—прибавлялъ Михайловскій—но мнѣ кажется, что я въ своихъ писаніяхъ не очень отступаю отъ него, ибо мой

«человѣкъ», человѣческая личность, есть тоже самоцѣль, которую никто не можетъ обращать въ средство, въ орудіе, въ органъ» (см. т. I, «Посл. соч.», стр. 476). «Мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники, священники, подьячіе, какъ простые, несамостоятельные органы моей жизни»—такъ формулируетъ Михайловскій современное государство, тенденціи котораго нарушаютъ основныя требованія Кантовой этики, положенной, напротивъ, Михайловскимъ въ основу своихъ политическихъ взглядовъ. «Я хочу жить всей доступной для человѣка жизнью»—говорить его «профанъ»—«значитъ, не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту» и т. д. Слѣдовательно, личность по представленію «профана» есть тоже самоцѣль, которая, при каждой попыткѣ обратить ее «въ средство, въ орудіе, органъ, наполняетъ міръ шумомъ борьбы за свою индивидуальность.

Такое отправной пунктъ взглядовъ Михайловскаго на государство, поскольку они основаны на его теоріи борьбы за индивидуальность. Что же касается взглядовъ Михайловскаго на построение права, то вполне понятно, какимъ путемъ они примыкаютъ къ тому же источнику всѣхъ обобщеній Михайловскаго. Если личность не можетъ быть принесена въ жертву надо мной стоящаго цѣлаго, то равнымъ образомъ она не должна вопреки своимъ желаніямъ приноситься и въ жертву всякой другой личности—отсюда законъ равенства двухъ соприкасающихся волей: *требованіе полной изъ равноправности, какъ производнаго отъ идеи полной изъ равноцѣнности*. Можетъ, однако, случиться такъ, а въ современной жизни, при современномъ «безчеловѣчномъ общественномъ строѣ», и постоянно такъ случается, что права одной личности нарушаются ради правъ другой, или ради поползновеній цѣлаго. Ни съ моральной, ни съ политической стороны это недопустимо. «Личная жизнь можетъ быть пожертвована обществу, но эта жертва должна основываться на взаимности и сочувствіи—случай довольно рѣдкій въ обычной современной жизни—а не на преклоненіи передъ античною нелѣпностью всепоглощающаго цѣлаго» (статья о Ренанѣ, III, 246). Напротивъ, «воля единичнаго человѣка, не будучи обязана подчиняться чужой волѣ, тѣмъ самымъ обязывается не подчинять себя волю другого человѣка». При нарушеніи же этого правила я и въ правѣ, и обязанъ протестовать противъ всякихъ попытокъ «внутреннимъ или вѣнпнымъ насиліемъ» принудить меня хотя бы, скажемъ, «къ преклоненію передъ античною нелѣпностью всепоглощающаго цѣлаго». Психологическій источникъ для этого понятенъ: «оскорбленія, обида, насиліе... вызываютъ реакцію... потребность возмездія, воздаянія»... Они пробуждаютъ, по Дюрингу, голосъ мести, по Михайловскому—голосъ чести, оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Они приводятъ практически къ признанію святости, неприкосновенности моего права, къ мысли, что свобода—священное достояніе человѣка, что она благо сама по себѣ. Съ этимъ

«жгучимъ чувствомъ личности», которое (см. т. V, стр. 185) «и есть проснувшаяся честь» — Михайловскій и прожилъ всю свою жизнь до самой могилы, въ немъ онъ «нашелъ себя», на почвѣ его онъ духовно сроднился съ тѣми людьми — «мучениками исторіи», по поводу которыхъ имъ были сказаны слова: «жадно и скорбно слѣдилъ я за тѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался»...

На этомъ пока мы можемъ оставить изложеніе взглядовъ Михайловскаго на теорію права, съ тѣмъ лишь, однако, чтобы вернуться къ его взглядамъ на государство вообще. Всегдашняя черта Михайловскаго, — необыкновенная гармоничность и полнота его міровоззрѣнія, ярко сказалась и въ этомъ случаѣ. Творецъ теоріи личности, авторъ ученія о борьбѣ за индивидуальность, апостолъ пробудившейся чести русскаго народа, онъ во всѣхъ своихъ самыхъ отвлеченныхъ обобщеніяхъ оставался человѣкомъ земли, сыномъ своего народа. Поэтому ни борьба за индивидуальность, ни теорія личности не помѣшали, а, напротивъ, помогли ему оставаться постоянно демократомъ, какъ равно голосъ чести не заглушилъ въ немъ голоса совѣсти, сознанія личной отвѣтственности за свое общественное положеніе. Его теорія личности не есть культъ индивидуализма, его борьба за индивидуальность не есть отрицаніе общности. Сама теорія личности есть въ его представленіи теорія демократіи, какъ демократія — теорія индивидуализма, ибо «ходъ развитія европейской мысли привелъ» его «къ признанію труда такимъ общественнымъ элементомъ, интересы котораго не могутъ противорѣчить интересамъ человѣческой личности» (см. т. I «Литер. восп.», стр. 159). Отсюда въ параллель принципу «личности въ правѣ» Михайловскій выставилъ принципъ удовлетворенія интересовъ труда въ области практической политики, давъ программу мѣръ, помощью которыхъ можно міръ мечты и «рай небесный сюда на землю перенести». Голосъ чести въ этомъ отношеніи дополнился у него мотивомъ совѣсти, какъ нѣкогда мотивы совѣсти были корректированы голосомъ чести.

Свобода — великая и благотворная вещь, свобода есть благо сама по себѣ, но помните, предостерегаетъ своихъ читателей Михайловскій, что, «оцѣнивая политическую свободу, какъ таковую, даже не съ точки зрѣнія какого-нибудь иного, болѣе обширнаго принципа, мы не могли не замѣтить періодически повторяющагося въ Европѣ и особенно въ быстро живущей Франціи страннаго круговращенія: политическая свобода, купленная иногда цѣною цѣлаго океана крови, падала отъ ничтожнаго толчка Бонапарта или другого охочаго до власти человѣка, чтобы потомъ вновь подниматься со страшными усилиями и вновь падать. Этотъ томительный круговоротъ объясняется тѣмъ, что ни разу еще политическая свобода, при своемъ зарожденіи, не осложнилась существенно помощью народу, который поэтому хладнокровно, а иногда даже со-

чувственно смотрѣлъ, какъ богиня свободы шаталась и падала съ своего пьедестала».

Такъ писалъ Михайловскій въ «Литературныхъ замѣткахъ» за сентябрь 1880 г. (см. IV, 950—951). Но то же самое повторяетъ онъ въ «Политическихъ письмахъ»: «Конституцію сочинить не трудно; ее напишетъ и Валуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи, во всякую данную минуту могутъ разорвать хартію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована миллионная масса народа». Отсюда и практическій выводъ: «въ концѣ концовъ только тотъ политическій порядокъ окажется непоколебимымъ, который не шарлатански, какъ это не разъ случалось въ Европѣ, а искренно и честно заинтересуетъ собою миллионы» (т. IV, 951). А заинтересовать ихъ онъ можетъ, очевидно, однимъ путемъ; разъ сами по себѣ реформы политическія неспособны воплотить народныя массы, значитъ, онѣ должны быть дополнены чѣмъ-то такимъ, что придастъ имъ особую цѣнность и особое значеніе, т. е., конечно, реформами социальными, измѣненіемъ общественнаго положенія работника. «Вы говорите—возражалъ Михайловскій отъ лица Луи-Блана сторонникамъ буржуазіи и буржуазнаго либерализма,—что свобода есть единственное средство для достиженія благосостоянія. Я не меньше васъ дорожу свободой народа, но мнѣ кажется, что вы смѣшали цѣль со средствомъ. Не пугайте меня тѣмъ, что вы меня прославите ретроградомъ, реакціонеромъ, врагомъ революціи 1789 года. Я въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно ея врагъ и заявляю это открыто. Вы говорите, что революція освободила народъ. Да, она освободила его отъ сенъеріальной юрисдикціи, отъ сервитутовъ, права охоты и т. п. Но она дала ему новыхъ господъ, и эти господа—вы. Вы говорите, что въ промышленномъ обществѣ человѣкъ, лишенный собственности, орудій труда, кредита, свободенъ. Я утверждаю, что это—неправда. Пусть вы невиноваты въ осужденномъ исторіей фактѣ. Выбирайте ему, какое хотите, названіе, но не называйте же его свободой. Свобода по нашему опредѣленію есть право пользоваться своими силами и способностями, по скольку пользованіе это не стѣсняетъ чужихъ правъ. Это фикція, если не насмѣшка. Свобода есть не право, а возможность пользоваться своими способностями и силами. Дайте народу эту возможность, и я скажу, что онъ свободенъ» (см. т. III, 62). Дать народу эту возможность и должны реформы социальныя, которыми мы вмѣстѣ съ тѣмъ уплачиваемъ нашъ «долгъ» ему.

Всѣмъ подобнымъ реформамъ Михайловскій не придавалъ какого-то всеисцѣляющаго значенія, значенія «прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы». Правда, онъ ожидалъ отъ нихъ — и эти его ожиданія далеко не потеряли всего своего значенія донинѣ — возможности «особаго пути развитія для Россіи», но и въ этомъ случаѣ Михайловскій былъ далекъ

отъ мысли о непосредственномъ переходѣ къ социалистическому строю. «Конституціонный режимъ»—говорилъ онъ еще въ 1879 г.—есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія социальнаго вопроса... Миръ и въ челоуѣцѣхъ благоволеніе принадлежитъ далекому будущему. Мы съ вами не доживемъ до него» (см. «Политич. письма»). Задача нашего поколѣнія болѣе скромная, хотя въ извѣстномъ смыслѣ не менѣе отвѣтственная. Пусть мы не доживемъ до полного разрѣшенія социальнаго вопроса, но мы можемъ поставить своей задачей такъ измѣнить соотношеніе общественныхъ силъ даннаго момента, чтобы открылся широкій и просторный или даже «особый» путь для ликвидаціи современнаго строя. Трудность помимо трудностей чисто практическаго характера—состояла бы при этомъ лишь въ томъ, чтобы опредѣлить по даннымъ анализа социальныхъ отношеній, каковы должны быть тѣ мѣры, благодаря которымъ стало бы возможнымъ желательное для насъ соотношеніе общественныхъ силъ. Что въ число этихъ мѣръ не должно входить отрицаніе правового государства,—это мы уже знаемъ и знаемъ слишкомъ хорошо, чтобы доказывать еще разъ. Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что «конституціонный режимъ» самъ по себѣ «не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ», да и вообще «политическая свобода безсильна измѣнить взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самого общества, она можетъ только обнаружить ихъ, вывести на всеобщее позорище, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно, придать большую яркость, обострить эти отношенія» («Литерат. зам.» 1880, IV, 950). Политическая свобода, какъ солнце, свѣтитъ одинаково надъ «добрыми» и «злыми». Нужно, слѣдовательно, найти такую практическую комбинацію, при которой политическая свобода освѣтила бы инныя, чѣмъ раньше, отношенія между добрыми и злыми.

И поколѣніе 70-хъ годовъ нашло такую комбинацію, выдвинувъ при рѣшеніи вопроса о свободѣ рѣшеніе вопроса объ основномъ экономическомъ интересѣ русскаго народа,—о землѣ. «Русскій народъ—говорилъ Михайловскій—грудью встанетъ за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглос нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова», какъ извѣстно, объявившій въ свое время (16 іюля 1879 г.) вздорными всѣ слухи въ народѣ о дополнительныхъ прирѣзкахъ земли къ крестьянскимъ надѣламъ. Слѣдовательно, зданіе свободы должно быть построено прежде всего на основѣ опредѣленныхъ социальныхъ реформъ, въ частности, какъ главнѣйшей изъ нихъ, реформъ земельныхъ отношеній, общій характеръ которой Михайловскій тутъ же опредѣлялъ весьма точнымъ образомъ. «Меня спрашиваютъ»,—говорилъ онъ (см. «Политич. письма»),—«какъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу грядущей русской конституціи циркуляръ

Макова, вовсе не затрагивающій вопроса о политическихъ реформахъ? Отвѣчаю: косвенно онъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу конституціи организаціей избирательнаго права, непосредственно же онъ можетъ быть на вѣки изгнанъ, чтобы и память о немъ погибла, «аки Обры, ихъ же нѣсть племени ни наслѣдства», установленіемъ основного государственнаго закона въ родѣ американскаго Homestead Law, только въ болѣе опредѣленной, послѣдовательной формѣ. Америка, страна колоссальной наживы, не убоялась ввести у себя, хотя отчасти, принципъ принадлежности земли земледѣльцу. Тѣмъ легче будетъ утвердить этотъ принципъ у насъ, гдѣ онъ и безъ того живетъ не только въ душѣ народа, но и въ сознаніи каждаго порядочнаго интеллигентнаго человѣка. «Воля всѣмъ, земля земледѣльцу», т. е. тому, кто трудится,—вотъ лозунгъ, съ которымъ мы должны идти въ «борьбу за право».

Евг. Колосовъ.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

I.

Пересадка и шоколадъ.—Звѣревъ и „панашенька“.

Побрякивая связкой ключей, сторожъ Андреянъ молча подвелъ меня къ стеклянной двери, настежь распахнулъ ее и толстымъ, корявымъ пальцемъ слегка пихнулъ меня въ спину. Сдѣлавъ впередъ шагъ, я остановился въ недоумѣніи, почти въ ужасѣ: ряды длинныхъ скамеекъ, занимавшихъ одну половину большой, свѣтлой комнаты, были почти пусты, а въ другой, жужжа, какъ рой потревоженныхъ пчелъ, копошилось нѣсколько десятковъ подростковъ и юношей, изъ которыхъ многіе успѣли уже обзавестись замѣтной растительностью на верхней губѣ. Въ самой гущѣ толпы, воинственно размахивая длинными жилистыми руками, стоялъ долговязый блѣдный юноша лѣтъ семнадцати, а сзади, спереди и по бокамъ его сидѣло на корточкахъ человѣкъ 10—12 школьниковъ; проворно и неожиданно вскакивая на ноги, они то и дѣло наносили ему, куда попало, жестокіе удары... По правиламъ игры, голіаѳъ могъ отвѣчать ударами же въ томъ только случаѣ, если успѣвалъ застичь противника еще стоящимъ на ногахъ; сидѣвшій на корточкахъ былъ для него уже неуязвимъ.

Шумъ стоялъ въ классѣ невѣроятный.

— Что, братъ Фоска, хорошаго леща съѣлъ? Вкусно?..— сверкая зелеными глазками, спрашивалъ великана только что успѣвшій опуститься на полъ не менѣе плотно скроенный верзила съ веснушчатымъ, краснымъ лицомъ и бѣлыми, торчащими щетиной, волосами.

— Ну, помни и ты, Полушкинъ: попадешься мнѣ въ лапы, не возрадуешься!—со злобой отвѣчалъ „Фоска“, разминая могучія плечи и тоже „зыркая“ глазами на ускользнувшую жертву.

И было ясно, что въ самомъ дѣлѣ не возрадуется По-

душкинъ, когда захваченъ будетъ на мѣстѣ преступленія...

Вѣроятно, только азарту игры и шуму затрепичитъ, щедро сыпавшихся отовсюду на плечи и спину „Фоски“, я обязанъ былъ тѣмъ, что классъ не обратилъ никакого вниманія на скромный приходъ крошечнаго, застѣнчиваго мальчугана въ красной рубашкѣ (формы мнѣ не успѣли еще сшить), празднично приодѣтаго и припомаженнаго. Бѣглымъ, растеряннымъ взглядомъ окинулъ я пустовавшія парты и боязливо и быстро юркнулъ на одну изъ самыхъ заднихъ скамеекъ; тамъ я выбралъ свободное мѣстечко и притихъ, какъ зайченокъ, спрятавшійся въ кустъ во время шумной охоты.

Вскорѣ явилось еще много учениковъ, и начался урокъ. Къ неопишуемой своей радости, я былъ, казалось, совсѣмъ забыть великовозрастнымъ населеніемъ класса, избѣжавъ на этотъ разъ всякихъ насмѣшекъ и заушеній, которыми такъ пугали меня передъ поступленіемъ въ гимназію. Добрая половина I-го класса состояла изъ „стариковъ“ отъ 14 до 17 лѣтъ, сидѣвшихъ въ немъ уже два и даже три года, и имъ, конечно, не по нутру было получить въ товарищи десятилѣтняго клопа (мнѣ даже не было полныхъ 10 лѣтъ). Но удобный моментъ для откровеннаго изліянія чувствъ былъ упущенъ, и приходилось ждать другого...

Время шло быстро и незамѣтно, среди множества мелкихъ школьныхъ событій и новыхъ впечатлѣній. Однажды, мѣсяца два спустя, я сидѣлъ, какъ всегда чинный и внимательный, на одномъ изъ утреннихъ уроковъ, какъ вдругъ сторожъ Андреянъ съ самымъ подобострастнымъ видомъ распахнулъ классную дверь,—и торжественно-медленной походкой, держа въ рукахъ какой-то свитокъ, вошелъ инспекторъ Иванъ Павловичъ Звѣревъ.

Это былъ одинъ изъ немногихъ гимназическихъ педагоговъ, которыхъ ученики не только страшно боялись, но и уважали и даже любили (Звѣревъ преподавалъ въ старшихъ классахъ латинскій языкъ). Бояться этого человѣка, дѣйствительно, были всѣ основанія: въ гнѣвѣ онъ становился ужасенъ—лицо темнѣло, сѣдые баки и толстыя губы тряслись, какъ студень, а тяжело нависшія, какъ у гоголевскаго Вія, вѣки приподнимались, и на виноватаго устремлялись такіе страшные, свирѣпыя глаза, что у того душа уходила, что называется, въ пятки... Единственнымъ спасеніемъ было абсолютное, мертвое молчаніе, даже въ томъ случаѣ, если бы гнѣвъ инспектора былъ и совершенно неоснователенъ.

Даже и въ обычное время, когда Иванъ Павловичъ не

очень сердился,—съ губъ его то и дѣло срывались по адресу учениковъ грубыя выраженія, вродѣ: „сапоги въ смятку!“— „ни уха, ни рыла, братецъ, не смыслишь“, и т. п.

Но подъ маской внѣшней суровости,—и гимназисты хорошо это знали,—въ немъ скрывалось, въ сущности, рѣдкое стариковское добродушіе. Ученики нерѣдко ухитрялись подслушивать рѣчи учителей во время засѣданій Педагогическаго Совѣта, и всегда оказывалось, что грозный инспекторъ являлся тамъ горячимъ защитникомъ всякаго провинившагося гимназиста, принципиальнымъ врагомъ суровыхъ каръ, особенно же такъ часто практиковавшагося въ тѣ времена исключенія изъ гимназіи съ волчьимъ билетомъ. Кромѣ того, онъ былъ постоянно на ножахъ съ „попомъ“ и „грекомъ“, которые пользовались преимущественной нелюбовью гимназистовъ, и ужъ это одно должно было стяжать Ивану Павловичу добрую славу.

Въ официальныхъ отношеніяхъ съ учениками Звѣревъ, однако, всегда оставался вѣренъ разъ усвоенной внѣшней суровости и жесткости. Случалось, напр., что, распекиши накануне какого-нибудь ученика, на другой день онъ сознавалъ свою несправедливость и чувствовалъ очевидную потребность публично принести повинную, но дѣлалъ онъ это всегда въ крайне своеобразной формѣ.

— Ну, братецъ, въ башкѣ-то у тебя простокваша вмѣсто мозговъ. Вѣдь ты Петровъ? А я тебя вчера за Иванова принималъ. Ты чего-жъ молчалъ, дубина ты стоеросовая?

Попробовала бы, однако, „дубина стоеросовая“ исправить своевременно ошибку самолюбиваго старика!

Иванову доставалась на этотъ разъ усиленная порція отборной ругани. Но все видѣли, что дѣлается это уже для одной только формы. Петровъ явился накануне громоотводомъ, отвлекшимъ на себя главный зарядъ гнѣва...

Когда Иванъ Павловичъ переводился впоследствии въ другую гимназію на директорское мѣсто, все мы ходили къ нему прощаться, и каждый классъ поднесъ ему на память свою фотографическую группу.

Таковъ былъ инспекторъ Звѣревъ. При появленіи его все шумно поднялись съ мѣстъ, не исключая и сидѣвшаго за каедрой учителя.

— Пересадка! Пересадка!—пронеслось по классу гулкимъ шепотомъ.

Я ничего не понималъ.

— Вотъ, братцы,—заговорилъ Звѣревъ, бросая на насъ изъ-подъ своихъ плотныхъ, огромныхъ вѣкъ загадочный взглядъ и развертывая таинственный свитокъ, который держалъ въ рукахъ.—Кто что заслужилъ, то и получай! Не

хочешь учиться, или отъ природы ни уха, ни рыла не смыслишь,—ступай въ Камчатку! А не то,—прямо въ трубочисты или, еще лучше, въ золотари!

По классу пробѣжалъ было легкій хохоть и тотчасъ же стихъ: Звѣревъ вдругъ принялъ усиленно-строгій видъ, показывая тѣмъ всю неумѣстность легкомысленнаго настроенія въ столь торжественную минуту.

— Первымъ ученикомъ объявляется Вересовъ Алексѣй.

Это было такъ неожиданно и такъ странно, что нѣсколько секундъ я сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи, не трогаясь съ мѣста. Должно быть, я ослышался? Или въ классѣ есть другой Вересовъ? Вѣдь успѣхи мои далеко не были такими блестящими...

— Вересовъ! Вересовъ! Оглохъ, что ли?—зашипѣло нѣсколько десятковъ голосовъ, и я увидѣлъ, какъ всѣ оборачивались ко мнѣ, сверкая то удивленными, то прямо злыми глазами.

— Собирай книги и переходи на первое мѣсто,—подтвердилъ, обращаясь уже несомнѣнно ко мнѣ, грозный инспекторъ.—Молодчага! Даромъ, что воробей. И впередъ утирай, братъ, носъ всему этому дубью, Фоссамъ, Гущинымъ, Подушкинымъ.

Въ классѣ произошелъ затѣмъ полный кавардакъ: для того, чтобы перейти на новое мѣсто, всякій вызванный ученикъ долженъ былъ дожидаться, когда раньше занимавшій это мѣсто узнаетъ, куда онъ долженъ уйти. И всѣ стояли съ книгами въ рукахъ, беспомощно тыкаясь изъ угла въ уголъ, и въ такой безтолочи прошелъ весь урокъ.

Всѣ находились почему-то въ неописуемомъ волненнѣи, даже самые лѣнливые изъ учениковъ, съ полнымъ презрѣннѣемъ относившіеся обыкновенно къ своимъ учебнымъ неудачамъ. Всѣхъ страшно занималъ новый видъ, принятый комнатою. Великаны, съ начала года сидѣвшіе на первыхъ или среднихъ скамьяхъ, очутились почему-то всѣ въ „Камчатку“, а чѣмъ мѣсто было ближе къ учительской каедрѣ, тѣмъ ростъ учениковъ дѣлался все меньше и меньше. Точно кто-то нарочно подбиралъ насъ. Я, самый маленькій, гордо возсѣдалъ теперь на первомъ мѣстѣ первой скамейки.

Но естественно-горделивое чувство, признаться, немедленно же смѣнилось у меня страхомъ, какъ только инспекторъ покинулъ классъ: я ожидалъ, что ко мнѣ тотчасъ же подойдутъ обитатели Камчатки и продѣлаютъ надо мной всѣ принятыя въ такихъ случаяхъ каверзы... Однако часъ мой, видно, еще не насталъ, и, казалось, по прежнему никто не обращалъ на меня особеннаго вниманія.

Новой каплей, переполнившей чашу моего волненія,

былъ раздавшійся въ большую переѣзную по всѣмъ коридорамъ торжественный кличъ гимназическаго сторожа:

— Господа первые и вторые ученики, пожалуйста внизъ, на квартиру господина инспектора!

— Черти, ступайте же шоколадъ трескать!—со всѣхъ сторонъ кричали на меня и на второго ученика.

Мы нерѣшительно двинулись впередъ. Въ столовой Ивана Павловича мы застали уже робко жавшуюся кучку лучшихъ учениковъ другихъ классовъ. Длинный, покрытый скатертью, столъ весь уставленъ былъ вазами съ бисквитами и другими печеньями. Тотчасъ же раздался густой, добродушно-сердитый басъ хозяина.

— Ну, чего жъ стоите столбами?! Садитесь, сейчасъ подадутъ.

И, дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ лакей внесъ и водрузилъ на столъ огромную кастрюлю вкусно дымящагося шоколада, разливать который принялся самъ Иванъ Павловичъ (семьи у него не было).

— Пейте, братцы... чтобы все до послѣдней капли... И бисквиты чтобы съѣсть всѣ до крошки! Голодное брюхо къ ученью глухо.

Хозяинъ, видимо, радовался больше насъ самихъ: довольная улыбка раздвигала его баки, и все время угощенія онъ смотрѣлъ намъ прямо въ ротъ,—обстоятельство, надо признаться, нѣсколько отравлявшее удовольствіе и заставлявшее насъ обжигать языкъ и губы.

Такое пиршество Иванъ Павловичъ устраивалъ изъ года въ годъ послѣ каждой пересадки и, вѣроятно, искренно былъ огорченъ, когда „пересадки“ вскорѣ отмѣнены были приказомъ свыше.

За шоколадомъ для меня послѣдовала, однако,—полынь.

Первый сигналъ къ обнаруженію общей злобы противъ „перваго ученика“ поданъ былъ, какъ это ни странно, учителемъ ариметики—70-лѣтнимъ Венертомъ, общимъ любимцемъ, котораго гимназисты, до старшихъ классовъ включительно, звали не иначе какъ „папашенька“.

Войдя въ классъ и увидавъ наше неожиданное перемѣщеніе, онъ вдругъ сдѣлалъ комичное, притворно-изумленное лицо и остановился, точно сомнѣваясь, туда ли попалъ. Сухошавый и весь бритый, онъ вообще походилъ на актера.

— Папашенька, я тутъ!—заоралъ кто-то басомъ изъ Камчатки.

— И я тутъ! И я!—заревѣли оттуда же другіе голоса.

Папашенька заткнулъ пальцами уши, зажмурилъ глаза и, быстро засмѣнивъ ногами, взбѣжалъ на кафедру. Но глаза его, какъ глаза подстерегающаго мышей кота, лукаво

выглядывали изъ щелей и вдругъ странно расширились, увидавъ на первомъ мѣстѣ меня. Казалось, онъ впервые видѣлъ мое лицо, мою фигуру и силился что-то припомнить. Папашенькино любопытство тотчасъ же было, конечно, подмѣчено классомъ.

— Первый-то ученикъ, смотрите, папашенька: у него тройка по ариѳметикѣ!..

— У него и всего-то пять четверокъ. Ни одной пятерки. Вотъ такъ первый!..

Это была правда. Я какимъ-то чудомъ попалъ въ первые ученики, имѣя всего одну пятерку — за поведеніе; но чудо объяснялось очень просто: у другихъ дѣла обстояли еще хуже... Надо, впрочемъ, сказать, что многіе изъ попавшихъ въ Камчатку отличались хорошими математическими способностями и были, поэтому, папашенькиными любимцами. Въ ихъ лицѣ онъ чувствовалъ теперь какъ бы собственную обиду...

— Папашенька, онъ вѣдь зубрила! Иду я разъ вечеромъ мимо ихъ дома, заглядываю въ окно: смотрю — сидитъ надъ книжкой, а уши полотенцемъ повязаны. Зубрить такъ, что только трескотня идетъ: тр... тр... тр!..

— Охъ-хо-хо! Хо-хо!

— Цыцъ! — притворно окрысился папашенька. — Всякъ Еремѣй про себя разумѣй. Не зря же въ генералы попадаютъ, а за какія нибудь заслуги. Вотъ докажи-ка, первый ученикъ, что они на тебя врутъ безсовѣстно. Иди къ доскѣ. Напиши намъ, братецъ... два милліона двадцать тысячъ двѣсти два!

Я вышелъ къ доскѣ, почти пятаясь отъ волненія и заранее предчувствуя что-то ужасное, и, разумѣется, написалъ полную ерунду. Камчатка разразилась громкимъ, злорадствующимъ хохотомъ, а папашенька молча, но видимо тоже очень довольный, улыбался однѣми губами. Онъ ограничился однимъ только убивающимъ словомъ:

— Садись!

И приступилъ къ объясненію новаго урока. Отмѣтки ставилъ онъ обыкновенно въ учительской, но еще въ тотъ же день зоркіе глаза учениковъ подглядѣли въ классномъ журналѣ, что было выставлено имъ въ моей клѣткѣ: десятки рукъ потянулись ко мнѣ съ разныхъ партъ, единодушно показывая единицу.

— Первый ученикъ получилъ колъ! Первый ученикъ получилъ колъ! — вѣсть эта моментально разнеслась чуть не по всей гимназіи, и даже гимназисты старшихъ классовъ, встрѣчаясь со мной, казалось, глядѣли на меня съ явнымъ собогданованіемъ. Однако, и на этотъ разъ никакихъ физиче-

скихъ заушеній не послѣдовало: вѣдь лежачаго, говорить пословица, не бьютъ, а я, дѣйствительно, производилъ, должно быть, на всѣхъ впечатлѣніе лежачаго... Единица страшно поразила мое воображеніе.

Братъ Викторъ, въ тотъ же день узнавшій про мою бѣду, усиленно принялся просвѣщать меня по части ариѳметики, и когда папашенька опять явился на урокъ, я нѣсколько разъ привставалъ съ своего мѣста и робкимъ, умоляющимъ голосомъ говорилъ:

— Папашенька, вызовите меня! Я теперь и билліоны, и квадрильоны знаю.

Но папашенька дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ. „Первый ученикъ“ просто пересталъ для него существовать...

Невольный страхъ закрадывался порой въ дѣтское сердце, страхъ будущаго; грозная ариѳметика казалась мнѣ порою неумолимымъ чудовищемъ, которое должно раздавить всю мою жизнь, и я нерѣдко ловилъ себя на тайныхъ мечтахъ о скорой папашенькиной смерти, которая спасла бы меня отъ жестокой игры злого старика... Другого счастливаго исхода я положительно не могъ себѣ представить!

И — словно какой-то благодѣтельствовавшій мнѣ злой волшебникъ подслушалъ ребяческія мечты: Венерть, дѣйствительно, вскорѣ тяжело заболѣлъ и пересталъ ходить въ гимназію. Одинъ только еще разъ явился онъ на урокъ, — задыхающійся и страшно одряхлѣвшій, опираясь на тяжелую палку, а затѣмъ вскорѣ и умеръ. Папашеньку похоронили и — забыли.

Жизнь моя потекла послѣ этого мирно и спокойно, не угрожая, казалось, никакими особенными огорченіями и тревогами. Каковъ же былъ мой ужасъ, каково общее изумленіе, когда явившійся черезъ два мѣсяца объявлять новую „пересадку“ Звѣревъ неожиданно провозгласилъ:

— Первый ученикъ Олесовъ!

— Вересовъ? — переспросилъ кто-то, думая, что Иванъ Павловичъ обмолвился.

— Слушать ухомъ, а не брюхомъ! — сердито отвѣтилъ онъ. Первый ученикъ Олесовъ! Второй...

У меня захолонуло на сердцѣ.

— Второй — Смирновъ, третій — Кашинъ, четвертый — Елкинъ, пятый — Петровскій...

Мнѣ казалось, что я качусь съ высокой горы въ какую-то черную страшную яму; колѣни дрожали, зубы стучали другъ о друга...

— Шестой — Киселевъ, седьмой — Вороновъ, восьмой — Ружейниковъ...

„Боже мой, куда же я попалъ?“ думалъ я почти вслухъ, едва удерживая рыданія.

— Девятый—Вересовъ!—провозгласилъ, наконецъ, Звѣревъ и невольно остановился и поднялъ на меня свои тяжелыя, страшныя вѣки.—Да, братецъ... оно того... Ну что-жъ дѣлать! Постарайся исправиться.

И сталъ продолжать чтеніе списка.

Когда инспекторъ вышелъ изъ класса, все вокругъ зашумѣло и заревѣло. Вся Камчатка, какъ одинъ многоголовый звѣрь, долго сдерживавшій свою ярость,—бросилась ко мнѣ, гогоча и улюлюкая. Я съ трудомъ разбиралъ отдѣльные дикіе выкрики.

— А, а, а! О, о, о! На девятого слетѣлъ... Съ перваго на девятого!

Терпѣливо, молча, переносилъ я свои книжки и тетради съ первой парты на стоявшую рядомъ вторую, но у меня ихъ вырывали изъ рукъ и раскидывали по всей комнатѣ. Я наклонялся и поднималъ, но слѣдовали новыя и новыя швырки...

Однако, я удерживался отъ слезъ; напротивъ, все время я чувствовалъ, что въ груди подымается какой-то злой комокъ, который вотъ-вотъ разорвется и ударить по моимъ врагамъ. И, внезапно-негаданно даже для самого себя, я вдругъ съ такой силой вцѣпился въ волосы одному вертѣвшемуся по близости верзилѣ, что тотъ не своимъ голосомъ взвылъ на весь классъ. И въ ту же минуту я почувствовалъ, что кто-то властный и сильный держитъ меня самого за ухо. Это былъ незамѣтно вошедшій учитель.

— Это что?! Драка? Во время урока? Въ чемъ дѣло?

Потушившись, я упорно молчалъ, а верзила продолжалъ выть и, держась за голову, что-то невразумительно-жалобно лепеталъ. На новыя вопросы учителя я оставался нѣмъ, какъ рыба, и онъ отправилъ меня въ уголъ—стоять весь урокъ „носомъ къ стѣнѣ“.

Эта неожиданная и непріятная исторія принесла мнѣ, однако, и нѣкоторую пользу, такъ какъ подняла въ глазахъ товарищей мою репутацію: оказывалось, съ одной стороны, что не такъ ужъ безнаказанно можно обижать меня, а съ другой — я не фискаль и не хуже другихъ умѣю блюсти законы товарищества...

Въ тотъ же день я и дома обнаружилъ достаточное для своихъ лѣтъ упорство характера. Братъ Викторъ сообщилъ обо всемъ матери, и на семейномъ совѣщаніи рѣшено было меня поучить, при чемъ экзекуторскія обязанности братъ охотно взялъ на себя. Не успѣлъ я переступить порогъ

нашей квартиры, какъ онъ уже встрѣтилъ меня съ плеткой въ рукѣ и съ грозною рѣчью:

— Что, братецъ, слетѣлъ на девятого?! Лѣнтяй ты этакій, скотина бездушная, не думаешь о томъ, что учишься на послѣдніе материнскіе гроши?..

При первыхъ же словахъ мать горько заплакала. Оправившись отъ перваго смущенія, я началъ было доказывать, что никакой вины за мной нѣтъ, такъ какъ отмѣтки мои за вторую четверть буквально тѣ же, что и за первую, но Викторъ ничего не хотѣлъ слушать и, продолжая кричать, энергично размахивалъ передъ самымъ моимъ носомъ плеткой, очевидно, ожидая лишь, чтобы я снялъ ранецъ и раздѣлся. Но я, должно быть, тотчасъ же сообразилъ всю безнадѣжность своихъ оправданій и, не снимая ранца, какъ стрѣла изъ лука, пустился на утекъ. Съ легкостью бѣлки взобрался я на большую кухонную печку и спрятался за трубу. Бросившійся въ погоню Викторъ едва успѣлъ хлестнуть по ней своей плеткой, послѣдовать же за мной на печку не рѣшился, такъ какъ я уже отламывалъ комки твердой глины и съ грозной жестикуляціей и сверкающими глазами готовъ былъ швырять ими куда и во что попало...

Пришлось вступить въ переговоры.

— Дьяволенокъ ты этакій!—въ яростномъ безсиліи кричалъ Викторъ,—если ты не хуже учился, такъ почему же на девятого слетѣлъ?..

Но на этотъ мудреный вопросъ я и самъ себѣ не могъ отвѣтить. Я молчалъ...

II.

Мой учитель Бобковъ.—Гимназисты былыхъ временъ.

При нашей гимназій существовалъ закрытый пансіонъ для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ жили внѣ города. Въ этомъ учрежденіи господствовали совершенно особые нравы, по которымъ пансіонеровъ легко было отличить отъ приходящихъ: необыкновенно развязные и грубые, учились они всѣ значительно хуже приходящихъ, были грязны и нечистоплотны, а разговоръ ихъ изобиловалъ циничными, подчасъ прямо кабацкими выраженіями. Однимъ изъ излюбленныхъ ругательствъ было, почему-то, слово „несчастный“.

Вѣроятно, эти грубые, дикіе нравы зависѣли въ значительной степени отъ вѣчнаго недоѣданія, въ которомъ попечительное начальство держало пансіонеровъ. Страшно было порой глядѣть на голодное сверканіе глазъ этихъ дѣтей и юношей, когда въ ихъ присутствіи кто-нибудь изъ

приходящихъ учениковъ вынималъ изъ ранца принесенный изъ дому завтракъ и начиналъ ѣсть. Тотчасъ же окружала его стая голодныхъ попрошайекъ... Впрочемъ, если обладатель завтрака былъ малъ и физически слабъ, то въ классѣ среди бѣлаго дня нерѣдко происходилъ самый откровенный грабежъ,—и обиженный не смѣлъ даже пикнуть передъ силой организованной шайки!

Въ числѣ этихъ пансіонеровъ былъ нѣкто Бобковъ, почему-то преслѣдовавшій меня съ особеннымъ ожесточеніемъ. Нерѣдко я получалъ отъ него тычки, на которые не смѣлъ отвѣтить, нерѣдко мои завтраки исчезали въ его ненасытной глоткѣ, но всего этого гонителю моему было, повидимому, мало, и вскорѣ послѣ того, какъ я „слетѣлъ на девятого“, онъ придумалъ еще особое издѣвательство. Однажды я былъ удивленъ какой-то необыкновенной его ласковостью: на перемѣнахъ онъ неотступно слѣдовалъ за мною по пятамъ и закидывалъ меня странными, якобы дружескими вопросами.

— У тебя, что же, и мамаша и папаша живы?

— Да.

— А братцы и сестрицы есть?

Я молчалъ.

— Ахъ, несчастный! Чего же ты молчишь? Коли станешь отдавать мнѣ съ завтрашняго же дня свои завтраки, такъ вотъ тебѣ моя рука: никто ужъ больше не посмѣетъ тебя пальцемъ тронуть! Бобковъ твой вѣчный другъ:

Ты дуракъ, я дуракъ,

Дураки мы оба,

Я твой другъ, ты мой другъ,

Мы друзья до гроба!

И Бобковъ крѣпко трясъ мою руку, и такъ нѣжно заглядывалъ мнѣ въ глаза, что допускать шутовство съ его стороны казалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, я былъ насторожѣ.

Когда окончились уроки, и ученики стали укладывать въ ранцы свои книги и тетради и понемногу выходить изъ класса, Бобковъ продолжалъ вертѣться возлѣ меня и даже помогалъ мнѣ укладываться. Эта небывалая услужливость становилась уже явно подозрительной: всѣ пансіонеры давно ушли обѣдать,—и вотъ, когда, застегнувъ ранецъ, я тоже собирался выскользнуть изъ класса, Бобковъ удержалъ меня за руку.

— Вернись-ка на минуту, мнѣ поговорить съ тобой нужно.

Я вернулся, хотя и безъ особенной охоты: классъ былъ уже совершенно пустъ.

— Сядемъ здѣсь, — продолжалъ Бобковъ съ прежнимъ наивнымъ видомъ и ласковой усмѣшкой. — Ты говоришь, у тебя сестрица есть? Катенька? Ты ей поклонись отъ меня.

— Хорошо, поклонюсь. А о чемъ ты говорить хотѣлъ?

— Да такъ, объ разномъ. Тебя, что же, обѣдать теперь ждутъ дема?

— Да, надо идти.

И я привсталъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ идти. Но Бобковъ опять заступилъ мнѣ дорогу.

— Посидимъ еще немножечко.

— Да вѣдь тебѣ самому пора обѣдать.

— Пора-то пора, да для милаго дружка и сережка изъ ушка. Для тебя я и поголодать готовъ.

— Зачѣмъ же голодать? Пойдемъ обѣдать, — продолжалъ я наивно и еще сдѣлавъ тщетную попытку пройти въ коридоръ.

— А если не придешь въ время домой, что тебѣ будетъ?

— Ничего. Никто и не узнаетъ, во время ли я пришелъ.

— Ну, это ты врешь, братъ! До семи часовъ вечера не пущу, такъ пропишутъ ижицу! Подумаютъ, что сидѣлъ безъ обѣда. Аль, можетъ, сфискалишь?

До семи часовъ?! Мнѣ даже жутко стало при мысли, что у учителя моего хватить терпѣнія не выпускать меня изъ своихъ когтей нѣсколько часовъ подъ рядъ. Чувство бѣшен-ной злобы внезапно охватило меня, и со всей доступной мнѣ дѣтской силой я кинулся на Бобкова; но послѣдній не былъ застигнутъ врасплохъ: онъ былъ и старше, и несравненно сильнѣе меня.

— Ахъ, несчастный! — говорилъ онъ, одной рукой скручивая мнѣ назадъ руки, а другой дѣлая моему лицу все-ленскую смазь. — Зубрило ты несчастный! Домой торопиться? Голову полотенцемъ обвяжешь и зубрить? Нѣтъ, шалишь, братъ, у меня не вырвешься... Я тебя весь вечеръ тутъ про-моро.

И часа полтора онъ, дѣйствительно, „прокараулил“ меня и отпустилъ, должно быть, потому только, что жестоко, наконецъ, самъ проголодался.

А на другой день Бобковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выклянчилъ у меня завтракъ, при чемъ крестился и божился, что больше ужъ мучить послѣ уроковъ не станетъ. И точно, на нѣсколько дней я получилъ пощаду, но послѣ того онъ еще не разъ оставлялъ меня „безъ обѣда“. Стоило мнѣ немного замѣшкаться по окончаніи уроковъ, отстать отъ другихъ уходившихъ домой товарищей, какъ ужъ мой учитель оказывался тутъ, какъ тутъ, — и однажды, помню, онъ

продержалъ меня въ этомъ оригинальномъ карцерѣ битыхъ три часа... Какъ у него хватало терпѣнія?

Я молилъ, плакалъ, выбивался изъ силъ въ тщетныхъ стараніяхъ вырваться въ коридоръ — ничто не помогало. Громко кричать, чтобы привлечь вниманіе сторожа, — я, однако, не смѣлъ, изъ ложнаго страха прослыть фискаломъ... Временами я прибѣгалъ къ хитрости: закрывалъ глаза и совершенно затихалъ, принимая равнодушный, сонный видъ. Этимъ я надѣялся скорѣе утомить своего палача. Но когда черезъ четверть часа я пріоткрывалъ одинъ глазъ, — къ ужасу моему оказывалось, что онъ съ прежней довольной усмѣшкой сидитъ противъ меня и зорко стережетъ каждое мое движеніе. Тогда мной снова овладѣвалъ порывъ безсильнаго бѣшенства!..

Давнымъ-давно позабыты всѣ мелкія огорченія ранней школьной жизни, — тычки, удары и вселенскія смази, — но эти обиды, такъ сказать, моральнаго характера все еще живутъ гдѣ-то въ глубинѣ сознанія и порою даютъ о себѣ знать, какъ невытащенная заноза...

Бобковъ перевелся вскорѣ въ другую гимназію. Много лѣтъ спустя мы очутились оба въ одномъ университетѣ и, столкнувшись на какомъ-то студенческомъ собраніи, узнали другъ друга и вспомнили, что учились когда-то вмѣстѣ. О бывшихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы не заикнулись при этомъ ни однимъ словомъ; но память, очевидно, непроизвольно рисовала картину за картиной: оба мы явно испытывали чувство неловкости, и намъ почему-то трудно было глядѣть въ глаза другъ другу...

И мы постарались никогда больше не встрѣчаться...

Въ пансіонѣ, по какимъ-то страннымъ причинамъ, находили пріютъ наиболѣе великовозрастные и мало способные ученики. Впрочемъ, въ концѣ 60-хъ, въ началѣ 70-хъ годовъ гимназія наша вообще была переполнена учениками самаго почтеннаго вида, съ густой растительностью на лицѣ, съ могучими басами и даже октавами. Когда какой-нибудь Брякелевъ или Лупандинъ читалъ за обѣдней Апостола въ гимназической церкви, то отъ звѣрскаго гудѣнья ихъ голосовъ дрожали стекла въ окнахъ, и удивленный чехъ Мичатекъ, не понимая хорошенько, законно ли такое чтеніе, или же составляетъ своего рода преступную шалость, сопѣлъ носомъ такъ, будто аккомпанировалъ чтенію... Но и такимъ, несомнѣнно уже взрослымъ дѣтинамъ, строго-на-строго запрещалось, напр., куренье, и бывали даже случаи исключенія изъ гимназіи съ „волчьимъ билетомъ“ пойманныхъ въ этомъ ужасномъ преступленіи! Начальство третировало ихъ до самаго конца, какъ малыхъ ребятъ, а въ то же время

отлично знало, что у многихъ изъ нихъ имѣются уже секретныя болѣзни...

Всего за два года до моего поступленія въ гимназію ученикъ старшаго класса Л. застрѣлилъ изъ ревности товарища своего Т. и пошелъ за это на четыре года въ каторгу. Показывали также въ концѣ гимназическаго коридора мѣсто, гдѣ, по преданію, застрѣлился отъ несчастной же любви гимназистъ Гречановскій, и были обрызганы кругомъ мозгами и кровью стѣны и даже потолокъ... Стѣны давнымъ-давно были вымыты и покрашены, а жуткое воспоминаніе все еще жило и пугало воображеніе младшихъ поколѣній, и помню, проходя по этой части коридора, когда всѣ классныя двери были закрыты и кругомъ стояла жуткая мертвая тишина,—я старался не смотрѣть въ таинственный уголъ, но потомъ, бывало, вдругъ что-то потянетъ туда: оглянешься—и трусливо бросишься со всѣхъ ногъ прочь!

Изъ лично мнѣ памятныхъ великовозрастныхъ гимназистовъ воображеніе чаще всего рисуетъ мнѣ фигуру упомянутаго выше Брякелева. Высокаго роста, худощавый молодой человѣкъ съ длинными рыжеватыми усами и какой-то скорбной складкой, залегшей между бровями, онъ молчаливо и одиноко расхаживалъ, помню, во время переменъ по длинному гимназическому коридору и внушалъ мнѣ, малышу, почтительный, какой-то почти суевѣрный ужасъ. Однажды, расшалившись, я нечаянно набѣжалъ на него въ узкомъ проходѣ, около лѣстницы. Большая жилистая рука опустилась на мой вспотѣвшій лобъ, и, инстинктивно зажмурившись, я ожидалъ, что мнѣ будетъ сейчасъ-же крышка... Но грубая, сильная рука неожиданно ласково погладила меня по взъерошеннымъ волосамъ, и грозная октава, отъ которой дрожали стекла гимназическихъ оконъ, мягко и просто сказала:

— Ахъ, шалунишка!..

Съ тѣхъ поръ я часто вертѣлся у ногъ Брякелева, ожидая новой ласки. Но онъ не обращалъ больше на меня вниманія, и скорбная дума по прежнему бороздила его лобъ во время одинокихъ прогулокъ по коридору. О чемъ онъ думалъ? Не предчувствовалъ ли уже стерегшей его дорогу мрачной судьбы?..

Брякелевъ окончилъ семиклассный гимназическій курсъ на 26-мъ году жизни, просидѣвъ въ нѣкоторыхъ классахъ по три года (все время въ пансіонѣ), и въ то же самое лѣто, купаясь, утонулъ у себя на родинѣ... Стоило, въ самомъ дѣлѣ, жить и столько страдать!

Возрастъ кончавшихъ курсъ гимназистовъ значительно понизился лишь послѣ того, какъ вышло запрещеніе оста-

ваться въ одномъ классѣ дольше двухъ лѣтъ; но чуть ли не еще большее количество верзилъ-усачей перебѣжало въ военныя гимназіи и кадетскіе корпуса, когда въ министерство Толстого усилили программу изученія латинскаго языка и ввели греческій. Съ этой поры гимназисты начали явно уравниваться и въ лѣтахъ, и въ ростѣ, и тамъ и сямъ встрѣчались еще лишь отдѣльные экземпляры, по прежнему ужасавшіе учителей-чеховъ тугимъ усвоеніемъ герундіевъ и аористовъ, а насъ, малышей, громадностью кулаковъ и упругостью бицепсовъ. Да и тѣ какъ то быстро начали вянуть: молчаливо и угрюмо сидѣли въ своихъ Камчаткахъ, запоемъ читая романы Дюма и Понсонъ-дю-Террайля, и почти не принимали участія въ общественной жизни класса.

Живо помню, какъ нашъ второй классъ въ союзѣ съ первымъ игралъ въ большую перемѣну въ снѣжки съ третьимъ классомъ, и какъ третьеклассники при этомъ почти всегда колотили насъ и съ позоромъ загоняли со двора въ коридоръ. Тогда мы кидались къ своимъ силачамъ, Фоссу, Чоглокову и Слезницкому, съ мольбою хотъ выглянуть на дворъ, хотъ на минуту только показаться ненавистнымъ врагамъ, а тѣ упрямо отнѣкивались, не желая оторваться отъ интереснаго чтенія. Какимъ то раннимъ старческимъ одряхлѣніемъ вѣяло отъ этихъ 18 лѣтнихъ поклонниковъ Рокамболя и Монте-Кристо, и стоило порой неимоверныхъ усилій затронуть и расшевелить въ нихъ боевое честолюбіе.

Когда это, наконецъ, удавалось, мы всей оравой кидались обратно во дворъ съ оглушительнымъ ревомъ „ура!“—и, словно чуя неминуемую бѣду, хотъ и не зная еще хорошенько, въ чемъ дѣло, третьеклассники моментально скатывались внизъ съ высокой лѣсницы и въ дикомъ, паническомъ ужасѣ бѣжали восвояси... Слѣдомъ, чуть не до самыхъ дверей ихъ класса, катилась наша бурная торжествующая лавина, выкликая громкія и грозныя имена Чоглокова и Слезницкаго... А сами виновники славной побѣды шли, между тѣмъ, сзади лѣнливимъ шагомъ, нехотъ разминая богатырскія плечи и тяжело передвигая слоновьи ноги. Съ снисходительной усмѣшкой брали они по комку снѣга въ руки и, постоявъ съ минуту посреди двора въ угрожающей позѣ, той же лѣнливой походкой возвращались въ классъ, чтобъ опять погрузиться въ запретное чтеніе.

Они самі, какъ будто, уже чувствовали себя „последними могиканами“, представителями навѣки отошедшей славной эпохи!

III.

Поэтъ Ласочкинъ.

Какъ сейчасъ вижу остренькій подбородокъ и лукавые сѣрые глазки. Тихонькіе раскатыстые смѣшки уморительно морщатъ маленькій носикъ, и руки сгибаются при этомъ ниже колѣнъ.

Это—Пестовъ, поступившій прямо въ третій классъ и сразу же обратившій на себя общее вниманіе. Онъ очень маленькаго роста, при томъ сильно хромою на одну ногу, но какъ-то такъ умѣетъ держаться, что компаніей его не брезгуютъ самые большіе и сильные представители класса... Попытки физическаго насилія онъ ловко обращаетъ въ шутку (да, быть можетъ, силачи и стѣсняются обижать калѣку), а самъ онъ, умный и тонко-наблюдательный мальчикъ, владѣетъ острымъ и опаснымъ оружіемъ насмѣшки, котораго всѣ боятся. Во время перемѣнъ Пестовъ занимаетъ обыкновенно одно и то же мѣсто въ комнатѣ, у окна, гдѣ стоитъ, заложивъ одну руку за обшлагъ плотно облегающаго его худенькое тѣло мундирчика, и что-то нашептываетъ своимъ сосѣдямъ, вызывая съ ихъ стороны громкій хохотъ...

— А вѣдь правда, правда! Именно на жирафу походить... Какъ живой!

Пестовъ тоже довольно хихикаетъ. Около него собирается цѣлый кружокъ товарищей, въ которомъ онъ явно главенствуетъ. Меня тянетъ въ этотъ веселый уголокъ, но какъ туда попасть?

Однако, должно быть, любопытство мое было такъ велико, что его скоро замѣтили и оцѣнили, и, къ великому моему удовольствію, Пестовъ, рассказывая что-нибудь товарищамъ, дружески сталъ смотрѣть въ мою сторону, улыбаться, и очень скоро какъ-то само собой вышло, что я сдѣлался однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ собиравшагося вокругъ него маленькаго клуба. И чѣмъ больше я узнавалъ во время этихъ коротенькихъ бесѣдъ на перемѣнахъ Пестова, тѣмъ больше проникался уваженіемъ къ развитію и начитанности этого оригинальнаго маленькаго человѣчка.

Не было, казалось мнѣ, книги на свѣтѣ, которой бы Пестовъ уже не прочелъ, вопроса, котораго-бы давно не рѣшилъ. Больше всего интересовался онъ естествознаніемъ, которое, кстати сказать, было въ совершенномъ загонѣ въ гимназіяхъ моего времени. Въ это время онъ хорошо уже былъ знакомъ, напр., съ Брѣмомъ, сочиненія котораго, кажется, совсѣмъ еще не были извѣстны русскимъ читателямъ.

Онъ рассказывалъ товарищамъ о своихъ акваріумахъ, терраріяхъ, объ интересныхъ ящерицахъ, рыбахъ и птицахъ, которыя у него жили,—и, выросшій въ деревнѣ, на лонѣ природы, я, тѣмъ не менѣе, только разѣвалъ ротъ отъ изумленія, слушая про всѣ эти чудеса.

Хорошо помню, какъ, описывая однажды дома сестренкѣ Катѣ своихъ школьныхъ товарищей и рисуя ей образъ новаго пріятеля, я, не умѣя лучше выразить свою мысль, сказалъ о немъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ:

— Это... ну, это... великій мальчикъ!

Чувства мои не могли, разумѣется, укрыться отъ самого Пестова. Увлеченіе мое явно льстило ему; его благосклонность ко мнѣ все росла и росла, и однажды, когда прозвенѣлъ къ началу урока звонокъ, онъ сказалъ мнѣ, довѣрчиво понизивъ голосъ:

— Ты еще не знаешь про меня всего... Зайди какъ-нибудь ко мнѣ на квартиру... Я тебѣ одинъ только уголокъ въ моей жизни покажу—и ты будешь пораженъ, ослѣвленъ!

Всѣ другіе члены кружка успѣли уже убѣжать на свои мѣста; мы шли по классу замедленными шагами, и Пестовъ, дружески положивъ мнѣ на плечо руку, продолжалъ говорить тихо и нѣсколько грустно:

— Товарищи наши, надо сказать правду, въ общемъ довольно отстаый народъ. Не съ кѣмъ поговорить по душѣ, про что думаешь, что читаешь...

Въ эту самую минуту я случайно поймалъ на задней партѣ, гдѣ сидѣлъ самъ, горящій насмѣшкой и даже, какъ мнѣ показалось, ненавистью взглядъ красавца Ласочкина. Я какъ-то невольно сконфузился и, грубовато отстранивъ обнимавшую меня руку Пестова, поспѣшилъ на свое мѣсто.

— Что, сладко поеть?—довольно громко спросилъ меня Ласочкинъ, когда я проходилъ мимо, язвительно при этомъ усмѣхаясь.

— А что?—спросилъ я дѣланно-равнодушнымъ тономъ.

— Да вѣдь это... это... діаволъ въ человѣческомъ образѣ!

Обыкновенно Ласочкинъ,—человѣкъ вообще молчаливый и замкнутый,—могъ говорить свободно, но когда былъ чѣмъ-нибудь сильно взволнованъ, начиналъ заикаться. То же было съ нимъ и теперь.

— Вотъ, ужь, п...погоди... Онъ тебя д...доведетъ до добра

— Да,—подтвердилъ и Гладковъ, сидѣвшій на той же скамьѣ между мной и Ласочкинымъ.—Это вѣрно: Пестовъ—штучка!

Гладковъ былъ упитанный, краснощекій бутузъ, мало самъ по себѣ интересный и склонный со всѣми и во всемъ соглашаться.

Начавшийся урокъ прервалъ бесѣду, но, признаюсь, смутила она меня невѣроятно. Съ одной стороны, Пестовъ, несомнѣнно, „великій мальчикъ“, а съ другой—есть, оказывается, товарищи, которые далеко отъ него не въ восторгѣ и знаютъ про него что-то нехорошее. И товарищи эти... напимѣръ, этотъ Ласочкинъ... его тоже нельзя вѣдь назвать совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ? Съ нимъ я тоже давно мечтаю сблизиться: въ классѣ онъ держится всегда такъ независимо и гордо, хранить всегда такое загадочное молчаніе...

Когда наступила новая перемѣна, я не пошелъ въ компанію Пестова и, въ мрачной задумчивости, остался сидѣть на своемъ мѣстѣ. Напрасно Пестовъ, какъ бы привлекая мое вниманіе, рассказывалъ что-то особенно, повидимому, веселое и интересное,—слушатели его такъ и покатывались со смѣху,—я не пошелъ. А Ласочкинъ, и въ обычное время рѣдко покидавшій на перемѣнахъ свою парту, не переставалъ громко шептать, не глядя, впрочемъ, на меня:

— Вишь, вишь: діаволь! діаволь!

И странный, горячій шепотъ этотъ будилъ во мнѣ и страхъ, и любопытство... Послѣднее одолѣло, и я, наконецъ, спросилъ:

— А чѣмъ онъ дьяволъ? Ты съ нимъ до гимназіи былъ знакомъ?

Ласочкинъ не отвѣтилъ прямо на вопросъ.

— Его задача—вр..ражду вездѣ сѣять... тт...товарищей ссорить!

— А объ какомъ такомъ уголкѣ намекалъ онъ? Вудто есть у него такой уголокъ, на который если бы я взглянулъ, такъ былъ бы пораженъ.

— Ну, что-жъ, взгляни. если хочешь. Сходи... Онъ сумѣетъ об...ольстить человѣка, забрать въ руки. А потомъ, когда откроешь ему душу, онъ... онъ... онъ... наплюетъ туда! Какъ демонъ, насмѣ...ется! Самолюбцы! Хотеть, чтобы всѣ молча передъ нимъ преклонялись.

Красивое лицо Ласочкина вдругъ поблѣднѣло; его подергивали судороги, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ послышатся всхлипыванья...

Разговоръ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что еще нѣсколько дней къ ряду я не выходилъ на перемѣнахъ изъ-за своей парты и даже старался не глядѣть въ сторону Пестова. За то отношенія съ Ласочкинымъ становились все ближе и ближе. Сидѣвшій между нами Гладковъ должно быть, почувствовавъ, что мѣшаетъ завязывавшимся отношеніямъ, самъ предложилъ одному изъ насъ свое мѣсто, и сближеніе пошло послѣ того еще быстрѣе.

Новые друзья не могли досыта наговориться и, не ограничиваясь тѣмъ, что во время перемѣнъ ходили безъ устали по длинному гимназическому коридору, дѣлая самыми интимными мыслями и чувствами,—еще и во время уроковъ нерѣдко мѣнялись дружескими записочками, какъ бы опасаясь забыть явившуюся неожиданно мысль. А вскорѣ и этого оказалось мало, и между нами начался регулярный, дѣятельный обмѣнъ длинными, заготовленными на дому письмами.

На сколько Пестовъ былъ умъ реальный, положительный, на столько же Ласочкинъ не обращалъ, казалось, никакого вниманія на прозаическій міръ дѣйствительности и весь виталъ въ области надземныхъ грезъ и мечтаній. Горячо и много говорили мы и спорили о безсмертіи души, о цѣли нашего существованія, но, кажется, всего больше и охотнѣе—о дружбѣ. Когда кто-нибудь изъ насъ затрагивалъ эту тему, оба мы приходили почему-то въ необычайное волненіе и чувствовали, что какой-то невидимый токъ проходитъ между нами... Нерѣдко во время скучнаго урока я ловилъ себя на томъ, что не отрываю глазъ отъ стройной фигуры сидящаго рядомъ товарища, съ красивымъ и гордымъ очеркомъ лица, и что большіе темные глаза Ласочкина, съ такими длинными, изсиня-черными рѣсницами, эти загадочные глаза, умѣющие смотрѣть порой такъ нѣжно, а порой, напротивъ, такъ враждебно и надменно, положительно завораживаютъ меня, какъ глаза змѣи—маленькую птичку...

Скоро эти повышенныя отношенія замѣчены были всѣми товарищами и стали одно время настоящей притчей во языцѣхъ. Надъ Ласочкинымъ смѣялись, правда, лишь изподтишка, и на всѣ насмѣшки онъ отвѣчалъ обыкновенно презрительнымъ молчаніемъ. За то меня донимали съ большою развязностью и настойчивостью. Но когда кто-то вздумалъ разъ отъ словесныхъ издѣвательствъ перейти къ дѣлу и показать мнѣ „салазки“,—Ласочкинъ, бывшій на два, на три года старше меня и потому самъ обладавшій порядочной силой, пришелъ въ страшную ярость и далъ такой энергичный отпоръ моему обидчику, что надолго отбилъ у того охоту давать волю рукамъ... Насмѣшки съ этихъ поръ сразу прекратились.

Что касается Пестова, я очень долго избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ, но однажды столкнулся лицомъ къ лицу и не могъ уклониться отъ объясненія.

— Ты, пожалуйста, не думай, что я огорченъ твоей измѣной,—сказалъ мнѣ бывшій другъ,—я хочу только преду-

предить тебя... потому что знаю: ты, въ сущности, простой и добрый малый...

— Въ чемъ дѣло? О чемъ предупредить?—спросилъ я, дѣлая искусственно-равнодушный видъ.

— Ты долженъ знать, что это за человѣкъ.

— Ну, какой же это человѣкъ?..

— Такой... Самъ скоро меня вспомнишь! Гордоць первой пробы... Ужо стихами одними заморить!

— Стихами? Развѣ онъ пишетъ стихи?

— Какъ же... И если ты посмѣешь сказать правду, что они изъ рукъ вонъ плохи, ты наживешь себѣ смертельнаго врага, какъ я нажилъ. Ты во всемъ долженъ стать безпрекословнымъ рабомъ.

— Ничимъ рабомъ я не былъ и не буду!—гордо возразилъ я.

— Ну, я только предупреждаю...

— Спасибо,—сказалъ я холодно и ушелъ въ классъ, сильно заинтересованный извѣстіемъ, что Ласочкинъ, сверхъ всѣхъ прочихъ достоинствъ, еще и поэтъ.

Конечно, послѣдній сейчасъ же узналъ о всѣхъ подробностяхъ моей бесѣды съ Пестовымъ. Онъ язвительно разсмѣялся.

— Уже сказалъ тебѣ про стихи? Ну, такъ и я скажу: Пестовъ столько же смыслить въ поэзіи, сколько вотъ этотъ мой сапогъ въ ананасахъ. Черствый и трезвый умъ, способный только въ гр...язи и п...розѣ жизни копаться!

— Ты все же покажи мнѣ свои стихи,—зайскивающимъ тономъ просилъ я Ласочкина.

— Хорошо. Завтра же.

И на слѣдующій день Ласочкинъ, дѣйствительно, вручилъ мнѣ одинъ изъ своихъ обычныхъ изящныхъ конвертиковъ, на которомъ его женственно-красивымъ почеркомъ написанъ былъ мой адресъ. Но, противъ обыкновенія, онъ сказалъ:

— Только прочти дома. Я не люблю, когда стихи мои читаютъ при мнѣ.

Я думаю, ни одна молоденькая барышня не раскрываетъ съ такимъ замираніемъ сердца первую любовную записочку, съ какимъ я распечаталъ этотъ конвертъ, едва только вышла послѣ уроковъ изъ подъѣзда гимназіи. На листкѣ почтовой бумаги красовалось стихотвореніе подъ заглавіемъ „Клятва друзей“. Самые звуки стиховъ давно позабыты мной, но не въ нихъ было и дѣло. „Клятва друзей!“—эти два слова выражали именно то, чѣмъ горѣла моя душа, чѣмъ полны были днемъ и ночью строческія мечты! Кажется, тутъ же по дорогѣ къ дому, ни разу до тѣхъ поръ не пи-

савъ стиховъ,—я сочинилъ пламенный стихотворный отвѣтъ: „Клятва въ вѣчной дружбѣ“ и на другой день передалъ его Ласочкину. Такъ какъ я, съ своей стороны, не предупреждалъ его о нежеланіи быть немедленно прочитаннымъ, то онъ тутъ же разорвалъ мой конвертъ и бѣгло, про себя, прочелъ мои восторженные стихи. При этомъ мнѣ показалось, что болѣзненная гримаса исказила его красивыя черты... Но онъ скрылъ свое недовольство и только сказалъ, сверкнувъ глазами:

— Такъ помни же, Вересовъ: мы теперь навѣки друзья! Ничего другъ отъ друга не скрывать! Во всемъ помогать другъ другу! А за измѣну...

— За измѣну—смерть!—патетически воскликнувъ я, вызвавъ невольную усмѣшку на серьезномъ лицѣ Ласочкина.

— Слушай,—продолжалъ я,—напишемъ къ завтрашнему же дню „Уставъ дружбы“. Оба напишемъ, а потомъ выберемъ лучшіе пункты.

Ласочкинъ благосклонно согласился.

— А что касается стиховъ,—прибавилъ онъ,—ты не думай, что я хочу стать лирическимъ поэтомъ. Нѣтъ, я буду баснописцемъ.

— Да вѣдь есть уже Крыловъ?—робко замѣтилъ я,—и говорить, выше его подняться невозможно.

— Пустое! Кто говорить? Крыловъ недосыгаемъ, конечно, въ смыслѣ народнаго слога, но содержаніе у него отсталое. Наше время далеко впередъ ушло, и давно уже новый сатирикъ нуженъ.

Я попросилъ Ласочкина поскорѣе познакомить меня и съ этимъ родомъ его поэтическаго творчества, и на другой же день имѣлъ счастье получить первую басню, которая, какъ и все исходившее отъ Ласочкина, разумѣется, показалось мнѣ шедевромъ. Но меня осѣнила несчастная мысль послѣдовать за другомъ и въ эту область: онъ приносилъ мнѣ ежедневно по одной баснѣ, а я—по двѣ, по три, и не прошло двухъ недѣль, какъ я испекъ около полусотни басенъ, которыя самому мнѣ искренно казались ни въ чемъ не уступающими крыловскимъ...

За то Ласочкину произведенія мои, должно быть, очень скоро надоѣли и—сначала въ мягкой формѣ, а потомъ все жестче и суровѣе—онъ сталъ критиковать ихъ, какъ со стороны формы, такъ и содержанія. Немножко задѣтый, я, въ свою очередь, осмѣлился указать своему другу-сопернику нѣкоторые дефекты въ его стихахъ... Защищаясь, онъ сразу же взялъ гнѣвный, почти надменный тонъ и, наконецъ, пересталъ приносить и показывать мнѣ новыя свои басни. Это была первая черная кошка, пробѣжавшая между нами...

Впрочемъ, у меня лично было въ ту пору такъ еще мало литературнаго самолюбія, что я очень скоро и изъ головы выбросилъ идею сдѣлаться не только вторымъ Крыловымъ, но и вообще поэтомъ, и добродушіе мое, видимо, обезоружило Ласочкина: дружескія отношенія опять, какъ будто, наладились...

Но къ веснѣ подоспѣла другая исторія. Предстояшіе переходные экзамены изъ III въ IV классъ создавали у всѣхъ нервное, раздражительное настроеніе: на перемѣнахъ меньше прежняго шалили; во время уроковъ въ классѣ чаще обыкновеннаго стояла серьезная, жуткая тишина. Боялись преимущественно письменной работы по латинскому языку; замѣтно трусилъ ея и Ласочкинъ.

— А знаешь,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—вѣдь есть вѣрнѣйшее средство улучшить зрѣніе.

Имѣть острое зрѣніе, чтобы можно было списывать съ тетрадей далеко сидящихъ лучшихъ учениковъ,—это была завѣтная мечта всякаго гимназиста.

— Стоитъ только сходить въ баню, хорошенько намылить глаза мыломъ и потерпѣть съ полчаса... Вотъ видѣть-то станешь!

Однако, самъ онъ почему-то не рѣшался на такой опытъ, а предпочиталъ воспользоваться моими дружескими услугами: у меня была репутація одного изъ первыхъ въ классѣ латинистовъ, и я долженъ былъ передать экзаменаціонный черновикъ свой Ласочкину. Такъ и было сдѣлано. Самый процессъ этой передачи произведенъ былъ артистически, по заранѣ условленному плану, но случилась другая, совершенно непредвидѣнная бѣда: самъ „первый латинистъ“ сдѣлалъ переводъ съ русскаго на латинскій, по крайней мѣрѣ въ черновикѣ, такъ изумительно плохо, что даже Ласочкинъ кое-какія фразы подвергъ сомнѣнію и написалъ по-своему. Природная мнительность его сразу же забила послѣ этого тревогу: ага! Не очевидно ли, что у меня было предательское намѣреніе провалить его на экзаменѣ, чтобы оставить на второй годъ въ III классѣ?..

Подозрѣніе это онъ, по своему обыкновенію, не высказалъ открыто, а затаилъ въ глубинѣ души. Я не могъ, однако, не замѣтить, что, разставаясь на каникулы, Ласочкинъ простился со мной очень сухо и холодно...

Забѣгая далеко впередъ, скажу, въ заключеніе этой главы, нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Пестова, съ которымъ читатель уже не встрѣтится больше въ моихъ запискахъ.

Въ ближайшее же лѣто съ нимъ случилось несчастіе на охотѣ. Думая, что ружье не заряжено, онъ сталъ вытаски-

вать его изъ лодки дуломъ къ себѣ, и зарядъ дроби попалъ ему въ бедро и безъ того больной ноги. Мальчикъ выказалъ при этомъ поразительное мужество. Несмотря на большую потерю крови и страшныя боли, онъ за всю дорогу до дому не проронилъ ни одного стопа, а когда его встрѣтила испуганная и плачущая мать, — съ улыбкой утѣшала ее... По счастью, дробь искусно вынули, и рана зажила, но Пестовъ все таки долго проболѣлъ и принужденъ былъ остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Такимъ образомъ я обогналъ его въ ученьи...

Странно, что послѣ этого несчастнаго случая онъ началъ удивительно быстро развиваться физически, мужать, обрастать растительностью; руку пожималъ товарищамъ и знакомымъ такъ крѣпко, что рѣдко кто удерживался отъ гримасы боли... Новаго тѣснаго сближенія между нами никогда уже не произошло, но внѣшнее-дружественныя товарищескія отношенія не прерывались и въ университетѣ, гдѣ Пестовъ избралъ, разумѣется, естественный факультетъ. Онъ и въ студенческіе годы имѣлъ всегда бодрый, самоувѣренный видъ, отличался веселостью и остроуміемъ, но одна черточка характера, нѣкогда мнѣ импонировавшая, сдѣлалась, повидимому, господствующей и теперь непріятно отъ себя отталкивала: самодовольствомъ такъ и вѣяло отъ каждаго слова, взгляда и шага этого жизнерадостнаго юноши... И, какъ нѣкогда въ дѣтскіе годы, онъ любилъ говорить:

— Ахъ, если-бъ зналъ ты, что я дѣлаю дома... какъ занимаюсь... Если-бъ хоть въ щелочку заглянулъ!

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Пестовъ очень усердно и добросовѣстно занимался своей наукой, но какими-либо особыми творческими дарованіями, повидимому, не обладалъ; по крайней мѣрѣ, во всѣ послѣдующіе годы имя его ни разу не мелькнуло ни въ общей, ни въ специальной литературѣ... Вѣрнѣе всего, что изъ него вышелъ обыкновенный провинціальный учитель физики, честный, въ высшей степени аккуратный и... не менѣе того довольный собою.

IV.

Уличная дружба. — Рюхи. — Жебунихины яблочки. — Крѣпкая голова.

По природѣ своей мягкій и общительный, въ эту раннюю пору моей жизни я, помню, жадно устремлялся навстрѣчу всякой возможности общенія съ людьми, цѣплялся за всякое даже призрачное обѣщаніе живого и теплаго чувства, а

жизнь, между тѣмъ, давала одни лишь обиды и разочарованія, и годы моего отрочества, а затѣмъ и юности прошли удивительно одиноко и сторванно отъ остального человѣческаго міра, внѣ истиннаго товарищества и дружбы.

Семья наша, послѣ продажи Исаева и собственного городского дома *), поселилась на самомъ краю города у священника Богоявленскаго. Домъ, въ которомъ жилъ самъ священникъ, помѣщался на той же улицѣ, отдѣляясь отъ насъ лишь большой лужайкой, въ глубинѣ которой стояла старенькая, покрытая уже мохомъ древности, церковка. За ней кончался городъ; тамъ, на безконечномъ лугу, паслись поповскія коровы, и дѣти окрестныхъ мѣщанъ собирались играть въ лапту и горѣлки.

Попъ былъ оригинальный, вѣрнѣе сказать—въ немъ были всѣ главныя черты, которыя приписываются обыкновенно попамъ, но въ преувеличенномъ, утрированномъ видѣ. Жадный и завистливый, одѣтый невообразимо неряшливо, онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ вокругъ своего дома и по ближайшимъ улицамъ и, какъ Плюшкинъ, подбиралъ въ полы рванаго подрясника все, что только валялось на землѣ и могло привлечь его вниманіе: заржавѣвшую булавку, пуговицу, стальное перо, осколокъ тарелки съ яркими разводами или черепокъ отъ горшка. Каждаго прохожаго останавливалъ и начиналъ спрашивать о денежныхъ дѣлахъ его самого и всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, при чемъ всѣ такіе разговоры оканчивались чаще всего перекурами и перебранкой... Но это бывало въ трезвые дни отца Симеона, — несравненно больше было у него дней пьяныхъ, когда, „нализавшись вдрызгъ“, онъ валялся въ канавахъ, грязный и нерѣдко окровавленный, страшно богохульствуя, пока не находились какіе-нибудь добрые люди и не отводили его домой, а еще чаще — пока не вытрезвлялъ его сонъ.

Когда я узналъ о. Симеона, онъ былъ уже старикомъ далеко за 70 лѣтъ, совершенно опустившимся физически, съ крайне антипатичнымъ, пухлымъ пьянымъ лицомъ, большою зеленой бородой и маленькими, злыми, острыми, какъ шпильки, глазами. Пилъ онъ феноменально много, и даже когда казался совершенно трезвымъ, разило отъ него, какъ отъ винной бочки... Рассказывали, что и въ алтарь онъ носилъ съ собой водку, и пьяный нерѣдко выкрикивалъ, что ни Бога, ни чорта на свѣтѣ нѣтъ, а религія выдумана попами и богатыми людьми для дураковъ... Запой его вообще бывали ужасны: драчливый и въ обыкновенное время, старикъ

*) «На ранней зорькѣ»: «Р. Б.». 1909 г., январь—мартъ.

былъ способенъ тогда на все, я думаю—даже на убійство... Попадья и дѣти убѣгали отъ него изъ дому и скрывались у знакомыхъ и родственниковъ по цѣлымъ недѣлямъ.

У отца Симеона было всего два сына, изъ которыхъ старшій Петръ пошелъ по стопамъ родителя и года за два до нашего переѣзда въ ихъ домъ умеръ отъ бѣлой горячки совѣмъ еще молодымъ человѣкомъ. Младшій, мой ровесникъ и тезка, только что поступилъ въ I классъ гимназін. Это былъ явно болѣзненный мальчикъ съ желтымъ одутловатымъ лицомъ и разнаго рода „тиками“: почти не переставая, моргалъ глазами, нервно подергивалъ шеей, поводилъ правымъ плечомъ...

При первомъ же случаѣ запоя отца, Алеха сбѣжалъ къ намъ и, проживъ у насъ нѣсколько дней, близко сошелся со мною. Несмотря на большую разницу въ развитіи (я былъ уже въ III классѣ, а онъ только что поступилъ въ I), мы скоро стали почти неразлучны и, нѣжно обнявшись, цѣлыми часами бродили по окрестнымъ улицамъ и закоулкамъ и по безконечному лугу за старой церковью. Во время этихъ прогулокъ юный Богоявленскій съ глубокой грустью повѣствовалъ мнѣ о безобразномъ поведеніи своего отца, о несчастной жизни матери, о трагической смерти старшаго брата...

— Знаешь, Алеха, — говорилъ онъ, — ученые доказали, что это наследственно... болѣзнь такая! Можетъ быть, и мнѣ та же судьба...

— Да развѣ... ты уже пьешь? — съ неподдѣльнымъ страхомъ спрашивалъ я.

Богоявленскій подергивалъ плечомъ и начиналъ часто-часто моргать глазами.

— Видишь ли, какъ тебѣ сказать... — отвѣчалъ онъ съ горькой задумчивостью: — могу, пожалуй, запитъ! Знаешь, мать каждую осень приготовляетъ множество вкуснѣйшихъ наливокъ изъ грушъ, яблоковъ и всякихъ ягодъ. Такъ вотъ, бываетъ, заберусь я потихоньку въ кладовку и начинаю тянуть изъ разныхъ бутылей... Столько пью, что ты и представить себѣ не можешь. Подъ конецъ самому даже страшно станеть! Вдругъ вижу — Петруха, будто, въ углу стоитъ, весь въ бѣломъ, оскалилъ зубы и тихо такъ, тихо смѣется... Тогда я дѣру изъ кладовой и больше ужъ долго туда не заглядываю.

Слушая такіе рассказы, я проникался къ новому пріятелю какимъ-то особеннымъ, острымъ чувствомъ сожалѣнія и давалъ себѣ молчаливую, но жаркую клятву, во что бы то ни стало, спасти его отъ страшной участи старшаго брата. Орудіемъ спасенія будетъ, конечно, наша дружба! Однако,

вскорѣ оказалось, что друзей у Алехи Богоявленскаго и безъ меня много, гораздо больше, чѣмъ я бы желалъ...

Почти каждый вечеръ, лишь только заходящее солнце золотило косыми лучами церковные кресты, и веселые стрижи начинали летать кругомъ съ отчаяннымъ визгомъ, — за церковью собиралась — всегда одна и та же — компанія дѣтей-подростковъ, въ которой Богоявленскій являлся обычнымъ, признаннымъ предводителемъ. Онъ приносилъ съ собой большой мячъ, садился, какъ царь на тронѣ, на крылечкѣ церковной сторожки и, окруженный толпой поклонниковъ (и даже льстецовъ, называвшихъ его не иначе, какъ „Алексѣй Симеоновичъ“), начиналъ довольно деспотически обсуждать вопросъ объ игрѣ, которая желательна въ этотъ вечеръ, и объ игрокахъ, которые будутъ участвовать въ той или другой партіи. Въ эти минуты Алеха уже не казался мнѣ такимъ симпатичнымъ, какъ въ бесѣдахъ наединѣ; напротивъ, я чувствовалъ, что чѣмъ больше собирается вокругъ него дѣтей, тѣмъ выше и глуше встаетъ между нимъ и мною какая-то стѣна, и, недавно еще равноправный и даже, пожалуй, импонирующій пріятелю, я вдругъ превращаюсь для него въ игрушку, съ которой онъ можетъ дѣлать, что хочетъ... Я, въ свою очередь, какъ-то съеживался и настораживался, становился грустнымъ, молчаливымъ и нервнымъ... Однако, самъ Богоявленскій долгое время, какъ будто, не замѣчалъ этой разницы въ отношеніяхъ нашихъ наединѣ и при товарищахъ, и случалось порою, очень нѣжно и сентиментально рассказывать обо мнѣ окружающей толпѣ мальчиковъ, рекомендуя имъ меня въ такихъ выраженіяхъ, что я даже чувствовалъ неловкость.

— Вѣдь это сынъ судьбы... Слышали, судья у насъ Вересовъ былъ? Такой честный, что за тысячи не могли его купить... Вотъ и Алеха такой же башковитый парень: мы ровесники съ нимъ, а онъ ужъ меня на цѣлыхъ два класса обогналъ! Что годъ, то въ другой классъ переходитъ, что годъ, то награду получаетъ! Но мы съ нимъ друзья закадычные, на жизнь и на смерть! Правда вѣдь, Алеха, да?

Я кивалъ головой въ знакъ согласія, хотя въ то же время мнѣ почему то казалось и чувствовалось, что Богоявленскій нисколько въ этомъ согласіи не нуждается; закончивъ свою патетическую рѣчь, онъ вдругъ яростно векакивалъ на ноги и бросалъ мячикомъ въ какого-нибудь карапуза, который, по его мнѣнію, нарушалъ общественную тишину и порядокъ: какъ признанный всѣми вождь и глава кружка, онъ считалъ себя обязаннымъ слѣдить за порядкомъ...

Скоро я началъ подмѣчать, что Алеха глядитъ мнѣ въ

глаза какъ-то странно, непрямо и неискренно... А во время игры явно игнорируетъ мое присутствіе и даетъ мнѣ самыя заурядныя роли...

Должно быть, я пробовалъ протестовать противъ такого обращенія съ собою, и тогда очень скоро наступилъ конецъ „дружбѣ на жизнь и на смерть“.

Однажды, когда обычная компанія собралась въ обычное время на церковной лужайкѣ, и всѣ главныя дѣйствующія лица усѣлись на крылечкѣ сторожки, я предложилъ начать игру въ лапту.

— Дрянъ!—откликнулся тотчасъ же Богоявленскій, глядя куда-то въ сторону. Лицо его и плечи нервно подергивались, какъ всегда въ минуты сильнаго возбужденія.

— Что дрянъ?—съ изумленіемъ спросилъ я, и всѣ невольно переглянулись, какъ бы тоже недоумѣвая, игра ли въ лапту, или я самъ названъ былъ „дрянью“.

Алеха не отвѣтилъ на мой вопросъ, а я упрямо повторилъ свое предложеніе. И тутъ, совершенно неожиданно для меня, произошла дикая, нелѣпая сцена.

— А! ты думалъ, что ты третьеклассникъ, сынъ судьи, такъ мы по твоей дудкѣ плясать будемъ?!—съ внезапно исказившимся отъ злобы лицомъ закричалъ, вскакивая на ноги, Богоявленскій. При этомъ онъ разразился грубой, извозничьей бранью и, наклонивъ внизъ по бараньи голову (это была его манера драться), сталъ наносить мнѣ лбомъ самыя нешуточные удары въ грудь.

— Уйди! Убью!

Публика весело загоготала, одобрительными криками привѣтствуя доблестнаго бойца, и я, съ недоумѣніемъ, но глубоко пристыженный, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, ретироваться домой.

Порвать, однако, окончательно послѣ этого случая съ Богоявленскимъ и его кружкомъ у меня не хватило гордости и силы характера: такъ заманчивъ былъ для моей одинокой души этотъ шумный дѣтскій мірокъ за церковью!.. Всякій разъ, какъ румяный вечеръ тихо спускался на городъ, сердце мое начинало мучительно-сладко трепетать и ныть... Я поспѣшно одѣвался и, убѣждая самого себя идти куда-нибудь въ другую часть города, неизмѣнно шелъ, все-таки, на обычное мѣсто за старенькой церковью, гдѣ раздавались уже веселые ребяческіе голоса, и тамъ стоялъ въ сторонѣ отъ игры, одинокій и молчаливый, какъ тѣнь Банко, чувствуя свое безконечное униженіе... Никто не обращалъ на меня никакого вниманія...

Кончилась эта пытка лишь послѣ того, какъ Богоявленскій въ началѣ зимы неожиданно заболѣлъ какой-то серьез-

ной болѣзнью и пересталъ выходить изъ дому. И веселый дѣтскій кружокъ распался тогда и разсѣялся...

Исторія этой неудавшейся дружбы внѣ стѣнъ гимназіи, помню, надолго оставила во мнѣ чувство какого-то горестнаго недоумѣнія...

Кстати, расскажу въ этой главѣ еще и о другомъ уличномъ клубѣ, въ которомъ немного позднѣе, весною и лѣтомъ того же учебнаго года, я принималъ самое дѣятельное участіе.

На широкой пыльной улицѣ, пролегавшей невдалекѣ отъ той же церкви, почти подъ самыми окнами поповскаго дома, по праздникамъ устраивалась игра въ городки или, какъ у насъ говорили, въ рюхи. Начинала обыкновенно мелкота, ребятишки 8—9 лѣтъ, съ которыми даже и я брезговалъ связываться; но мало-по-малу подходили наблюдатели старшаго возраста, подававшіе малышамъ совѣты.

Тотъ или другой изъ заправскихъ игроковъ, какъ бы шутя или для примѣра, выбрасывалъ одну, другую палку, и постепенно къ игрѣ возбуждался общій интересъ.

— Что-жъ, братцы, не игрануть ли, а?—вдругъ спрашивалъ какой-нибудь мѣщанинъ, окидывая вызывающимъ взглядомъ толпу взрослыхъ.

— Да вѣдь какъ сказать, — отзывался кто-нибудь изъ толпы, почесывая ухо: — время-то, оно, конечно, подходящее... Вотъ слеталъ бы кто изъ ребятъ за Ефимъ Иванычемъ!

— А вонъ и самъ Ефимъ Иванычъ на поминѣ легокъ!

Заслоняя ладонями глаза отъ солнца, всѣ пристально вглядывались въ пыльную дорогу. Да, не могло быть сомнѣнія: это онъ! Идетъ, не торопясь, обычной своей важной степенной походкой, шагая красивыми мѣрными шагами и сверкая на солнцѣ бутылками праздничныхъ сапогъ. Зачѣмъ Ефиму Иванычу торопиться? Онъ вѣдь знаетъ, что его и безъ того ждуть съ нетерпѣніемъ, что во всякой бесѣдѣ и во всякомъ серьезномъ занятіи ему съ охотой дадутъ первенствующее мѣсто.

Медленно подходитъ онъ къ кучкѣ знакомыхъ мѣщанъ, важно и не спѣша приподнимаетъ козырекъ своей блестящей новой фуражки, какъ бы посылая общій привѣтъ, а къ болѣе солиднымъ и уважаемымъ членамъ компаніи подходитъ пожать и руку, пожать съ тою же молчаливой и чинной серьезностью. У Ефима Иваныча плотная, но еще стройная фигура сорокалѣтняго здороваго мужчины, занимающагося физическимъ трудомъ; лицо его слегка попорчено оспой и почти лишено растительности, но не безъ пріятности. Въ одномъ ухѣ у него болтается яркая серьга... Всѣ движенія чинны и какъ-то изящно размѣрены..

— Игранѣмъ, Ефимъ Ивановичъ, а?

Ефимъ Ивановичъ величественно, молча, пожимаетъ плечами: что-жъ, онъ противъ общества не пойдетъ.

Бѣгутъ тотчасъ же въ сосѣдній домъ за „струментомъ“. То ребятенки бросали прежде въ дѣтскія рюшки дѣтскія палочки, а теперь на сцену появляются настоящія: въ огромной корзинѣ приносятъ рюхи—солидные деревянные кругляки, числомъ болѣе пятидесяти штукъ на городъ; палки—тяжелыя, увѣсистыя, съ гладко обточенными ручками... „Города“—тоже огромные—очерчены по самой серединѣ плотно прибитой дороги.

Игроки дѣлятся на двѣ партіи; во главѣ одной изъ нихъ Ефимъ Ивановичъ.

Я и до сихъ поръ съ величайшимъ наслажденіемъ вспоминаю, какъ „билъ“ самъ Ефимъ Ивановичъ,—это было зрѣлище, поистинѣ достойное наблюденія художника.

Скинувъ съ одного плеча поддѣвку и слегка поплевавъ на правую руку, въ которой держалъ палку, онъ принималъ вдругъ необыкновенно живописную позу: весь корпусъ его какъ-то особенно величаво отклонялся назадъ, а вытянутая впередъ палка долго и зорко цѣлилась въ непріятельскій городокъ; лишь черезъ нѣсколько мгновеній,—въ то время какъ одна нога дѣлала удивительно-граціозный, подкрадывающійся шагъ впередъ,—рука съ палкой начинала медленно-медленно опускаться внизъ и вмѣстѣ отходить вправо, и все туловище, съ змѣиной гибкостью, какъ бы падало въ ту же правую сторону... Лицо Ефима Ивановича, передъ тѣмъ необычайно спокойное и серьезное, становилось постепенно строгимъ, суровымъ и подъ конецъ,—я сказалъ бы даже—свирѣпымъ... Глаза загорались внезапно страшнымъ огнемъ и, казалось, пожирали городокъ... И вдругъ—быстрый, какъ молнія, мощный ударъ и громкій трекъ разлетѣвшейся въ осколки вражеской крѣпости! Она вся поднята на воздухъ мѣткимъ, грознымъ ударомъ...

Тридцати-сорока рюхъ, какъ не бывало. Съ полтора лишь десятка ихъ валяется тамъ и сямъ, въ разныхъ углахъ города.

— А, да и ловко-жъ!

— Подъ самый подъ корень угодилъ!—раздаются кругомъ громкія похвалы.

Ефимъ Ивановичъ, лихо мотнувъ бѣлой серьгой, быстро накидываетъ на плечо спущенный рукавъ поддѣвки и отходитъ въ сторону, преувеличенно скромный и степенный, но лицо его не умѣетъ все же скрыть законнаго чувства самоудовлетворенія: оно все сіяетъ познаніемъ виртуозно сдѣланнаго „разжога“ (почина)...

Вотъ этотъ-то самый Ефимъ Ивановичъ, подбирая себѣ однажды партію, и остановилъ свой орлиный взоръ на мнѣ, предложивъ играть у него на самыхъ маленькихъ палкахъ. Восторгу моему и гордости не было, понятно, предѣловъ! И я весь, помню, задрожалъ отъ страха, когда кто-то изъ соратниковъ Ефима Иваныча замѣтилъ недовольнымъ тономъ:

— Вотъ, младенца супротивъ чорта беремъ!

Дѣло въ томъ, что въ противной партіи на тѣхъ же палкахъ долженъ былъ выступить долговязый и разбитной Микитка, парень лѣтъ 18, съ широко развѣвавшимися по воздуху нанковыми шароварами и хорошо привѣшеннымъ во рту языкомъ. Но Ефимъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на моего соперникъ, сказалъ только спокойно и коротко:

— Пушай!

О, съ какимъ чувствомъ безконечной благодарности и благоговѣнія посмотрѣлъ я на своего покровителя! Какимъ милымъ и прекраснымъ показалось мнѣ въ эту минуту его строгое, изрытое оспой лицо! И какъ рабски силился я подражать ему во всѣхъ движеніяхъ, когда очередь „бить“ дошла до меня! Такъ же по журавлиному, важно и медленно выступалъ я впередъ и такъ же долго цѣлился передъ тѣмъ, какъ бросить палку... Но, странное дѣло: въ то время, какъ надъ Ефимомъ Ивановичемъ никто почему-то не смѣялся,—глядя на меня, публика хваталась за животики, а Микитка даже катался по землѣ и кричалъ:

— Ой-ой, братцы, помру!..

Смѣхъ, однако, прекратился, когда первой же палкой я вышибъ рюху, засѣвшую передъ тѣмъ въ ямку, а вторымъ ударомъ „выколупнулъ“ такую же другую.

— Вотъ такъ артистъ!—прошелъ кругомъ поощрительный шепотъ.

А Ефимъ Ивановичъ открыто заявилъ, что только этихъ двухъ „сволочугъ“ онъ и боялся. Партія, дѣйствительно, была выиграна.

Съ этого дня я вошелъ среди уличныхъ игроковъ въ славу, какъ искусный „ковыряльщикъ“ попавшихъ въ щекотливую позицію отдѣльныхъ рюхъ. Вожди партій стали охотно брать меня даже на среднія роли, тогда какъ страшный противникъ мой Микитка такъ и остался до конца на послѣднихъ палкахъ.

— Охъ, и женить же меня, братцы, эта рюха, чуетъ мое сердечушко, что женить!—горестно предупреждалъ онъ публику почти всякій разъ, какъ собирался бросить палку.

И, сдѣлавъ свирѣпый разбѣгъ, но почти не мѣтаясь, швы-

рялъ ее съ такимъ остервенѣніемъ, такъ комично болтая при этомъ широкими нанковыми шароварами, что всѣ громко хохотали. И многіе невольно при этомъ отодвигались, такъ какъ случилось разъ, что вмѣсто рюхи Микитка угодилъ одному зрителю въ брюхо...

Бросая палку, онъ выворачивалъ, кромѣ того, на бокъ языкъ, откидывалъ далеко въ сторону одну ногу и потомъ высоко поджималъ ее подъ себя; а, продѣлавъ всѣ эти эволюціи, низко-низко присѣдалъ къ землѣ и пристально вглядывался въ даль:

— Попалъ?!

Рюха, „какъ живая“, продолжала стоять на мѣстѣ.

— Ахъ ты, мать честная, вѣдь нѣтъ?—съ забавнымъ изумленіемъ спрашивалъ Микитка хохочущую публику: — ну, не говорилъ ли я, ребята, что женить меня эта стерва?..

Но, очевидно, и въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ жизни Микитка былъ прирожденный неудачникъ: въ концѣ этого же лѣта товарищъ по охотѣ на утокъ выпалилъ ему случайно весь зарядъ дробіи въ животъ, и черезъ два дня веселый обладатель широкихъ нанковыхъ шароваръ скончался въ страшныхъ мученіяхъ..

Когда вскорѣ послѣ того и Ефимъ Ивановичъ куда-то исчезъ съ горизонта,—игра въ городки совсѣмъ прекратилась. Отчасти это было для меня и ксати, потому что, благодаря увлеченію уличной жизнью, научные успѣхи мои пошли замѣтно подъ гору, и переходные экзамены въ IV классъ я выдержалъ еле удовлетворительно.. Приходилось нѣсколько подтянуться и усиленно засѣсть за книжки.

Это было первое лѣто, проведенное мною не на лонѣ природы, а среди пожирающей скуки и унынія городскихъ пыльных улицъ. Такого тихаго и соннаго до одури захолустья, казалось мнѣ, и не было другого на Руси! Нигдѣ ни малѣйшаго движенія, ни одного живого, разумнаго звука... Ворота и ставни вездѣ наглухо затворены. Лишь изрѣдка пропоетъ гдѣ-нибудь пѣтухъ, какъ будто для того только, чтобы убѣдиться—живъ онъ самъ, или тоже давно умеръ... И часто я думалъ: „Зачѣмъ живутъ люди? Почему они устроили изъ своего существованія такую убивающую скуку, когда могли бы жить весело, ярко и радостно?“

Не такія-ли, приблизительно, мысли обуревали и сына сосѣдской кухарки Ваньку, который часто говорилъ мнѣ:

— Ску-ушно! Пойдемъ яблоки воровать къ Жебунихѣ?

Жебунихинъ садъ, огромный, страшно запущенный, ого-роженъ былъ дырявымъ и мѣстами совсѣмъ повалившимся заборомъ, изъ-за котораго такъ заманчиво выглядывали янтарныя антоновскія яблоки, что, дѣйствительно, нужно было

поборотъ искушеніе поворовать ихъ. Но одинъ Ванька идти на такое дѣло не рѣшался, и я нерѣдко составлялъ ему компанію... Замирая отъ страха, мы перелѣзали черезъ ветхій заборъ и подбирали опавшую „боровинку“ (а случалось, и стряхивали прямо съ дерева), набивали румяными яблоками карманы штановъ и куртокъ и убѣгали проворно и тихо, какъ мыши, продѣлавши все въ какихъ-нибудь двѣ-три минуты. Подвиги эти всегда счастливо сходили намъ съ рукъ. Но разъ пришла намъ въ голову злополучная мысль взять съ собой въ экспедицію и маленькаго Ванькинаго братишку—Петьку. Съ нимъ набѣгъ не могъ уже быть такимъ молніеноснымъ; мы немного замѣшкались... Вдругъ за деревьями мелькнулъ хорошо намъ знакомый желтый платокъ самой Жебунихи... Мы съ Ванькой задали тотчасъ же стрекача, а Петька, побѣжавъ слѣдомъ, съ испугу заревѣлъ благимъ матомъ и этимъ открылъ подслѣповатой старухѣ присутствіе враговъ.

— Ахъ вы, гаденыши этакіе! Ахъ, проклятые!—завопила она, кидаясь въ погоню.—То-то, гляжу я, яблоки пропадать стали... А это вонъ кто! Я вамъ покажу! Крапивою, крапивою я васъ!

Для меня съ Ванькой угроза эта имѣла лишь академическое, такъ сказать, значеніе,—нашъ и слѣдъ давно простылъ. Но злополучнаго Петьку обозленная старуха стала вскорѣ настигать, и, видя неминуемую гибель, бѣдняга закричалъ:

— Ахъ, бабушка, я ока...

Не помню ужъ, наказала-ль Жебуниха Петьку крапивою, несмотря на такое извиняющее, по его мнѣнію, обстоятельство; но на меня съ Ванькой она почему-то даже не пожаловалась родителямъ.

Сидимъ мы съ Ванькой и Петькой у калитки нашего дома и немилосердно скучаемъ. Солнце нещадно печетъ, и нигдѣ кругомъ ни звука, ни шороха. Идти воровать яблоки или огурцы—страшно, а дѣлать больше рѣшительно нечего.

Вдругъ мы поднимаемъ головы и смотримъ другъ на друга съ недоумѣніемъ: что за странные крики? Еа! да вѣдь это Прозоровскій, опять пьяный, идетъ... Вотъ потѣха-то будетъ!..

Дѣйствительно, по срединѣ улицы, прямо изъ кабака идетъ къ намъ отставной солдатъ Прозоровскій, необычайно добродушный, вѣчно пьяненькій старикашка. Онъ даже маленькимъ дѣтямъ не страшень, хотя всегда что-то громко кричить и съ кѣмъ-то забавно ругается.

— Ахъ, курица тебя лягни! Не знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь? Я—Прозоровскій, унтерцеръ... у меня—Егорій...

— Прозоровскій!—кричимъ мы, забѣгая ему впередъ.—Хочешь за двѣ копѣйки горшокъ разбить?

— Какъ такъ за двѣ, курица васъ лягни? У Прозоровскаго лобъ—три копѣйки законная цѣна!

Ванька бѣжитъ отыскивать старый горшокъ, а у меня въ карманѣ есть три копѣйки, которыя я заблаговременно выпросилъ у матери на покупку булки въ гимназіи и безъ которыхъ въ первый же день учебныхъ занятій мнѣ придется остаться голоднымъ. Полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ выходятъ, между тѣмъ, двѣ-три кухарки, сапожникъ, слесарь. Прозоровскій снимаетъ свою шапчонку-блинъ и яростно бросаетъ на землю, обнажая совершенно лысую шишковатую голову.

— Безъ шапки стану бить, курица васъ лягни!—похвально оное, вызывая общій хохотъ.

Однако, когда Ванька подаетъ ему довольно-таки большой горшокъ изъ-подъ гречневой каши, онъ, хотя и пьяный, задумывается, поднимаетъ съ земли шляпенку и, молча, опять натягиваетъ на голову.

— Ага, заслабила гайка?—хохочетъ публика.

— За пять копѣекъ согласенъ!—рѣшаетъ старикъ и еще разъ съ сердцемъ кидаетъ шапку себѣ подъ ноги.

— А, курица васъ лягни!..

Но добавочныхъ двухъ копѣекъ ни у кого не отыскивается, и шапка снова водворяется на лысой головѣ. „Тр-рахъ!!..—раздается вдругъ страшный звукъ, и кругомъ летятъ битые осколки—не черепа, правда, а глинянаго горшка..

Получивъ условленное вознагражденіе, бравый кавалеръ съ торжествомъ поворачиваетъ назадъ къ кабаку, а пораженные зрители качаютъ головами и говорятъ:

— Ну, и башка-жъ у дьявола здоровая!..

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь безъ кислорода.

Энергія жизненныхъ проявленій таится гдѣ-то въ сокровенныхъ нѣдрахъ организма, она почерпается изъ неистощимаго запаса какихъ то неизвѣстныхъ, своеобразныхъ веществъ, создающихъ все новыя и новыя возможности жизни. Достаточно внести въ мертвую органическую или даже минеральную среду опредѣленнаго состава, достаточно внести въ такую питательную среду на концѣ проволоки ничтожное количество зародышей жизни, напр., какихъ либо бактерій, и эти бактеріи, развиваясь, начинаютъ превращать мертвую матерію въ живую, онѣ создаютъ изъ элементовъ минеральной или неорганизованной органической среды жизнедѣятельную протоплазму съ ея неизвѣданной глубиной и разнообразіемъ проявленій. Живые зародыши какъ бы заражаютъ жизнью мертвую среду, если они находятъ въ ней источники своей жизненной энергіи. Могуществомъ ея соприкосновенія создаются или размножаются на счетъ элементовъ среды какія-то сложныя сочетанія атомовъ, являющіеся носителями жизненныхъ проявленій, возникаютъ какіе-то неизвѣстные процессы, способные претворять пищевыя вещества въ индивидуальное тѣло организма. Происходитъ накопленіе жизненнаго резерва, могущаго каждую минуту по мѣрѣ потребности разлагаться съ выдѣленіемъ тепла, движенія и многихъ иныхъ родовъ энергіи, напр., энергіи психической и эмоціональной. И что самое загадочное въ жизни, это то, что, осуществляя себя, т. е. тратя свой жизнедѣятельный резервъ, она въ то же время организуетъ новыхъ носителей жизни, создаетъ новые запасы резерва и при томъ въ такомъ изобиліи, что переступаетъ предѣлы индивидуальности.

Создающія и разлагающія теченія находятся въ подвижномъ равновѣсіи жизни. Эта система равновѣсія весьма эластична, и только непреодолимое преобладаніе разлагающихъ процессовъ лишаетъ ее той своеобразной организаціи, которая создаетъ внутреннее сопротивленіе и заразительность жизни. Распадъ системы ведетъ неминуемо къ смерти. Но весьма часто при неблагопріятныхъ условіяхъ эта система испытываетъ какое-то внутреннее пере-

сочетаніе; она можетъ, не испытывая распаденія, переходить въ неподвижное равновѣсіе, въ состояніе скрытой, латентной жизни, представляющей лишь возможность жизни или жизнь, лишенную всякихъ проявленій жизнедѣтельности. Разъ носитель жизни достигъ подобной внутренней компенсаціи силъ, система становится невѣроятно упорной по отношенію къ самымъ, казалось бы, разрушительнымъ вліяніямъ. Единственное отличіе ея отъ мертвого или неорганическаго состоянія, это—способность возрожденія жизни. Латентная жизнь это—какой-то таинственный предѣлъ, находящійся и по ту сторону жизни, и по ту сторону смерти, гдѣ жизнь и смерть встрѣчаются чуждыми и далекими другъ-другу, какъ тѣни чего-то, какъ возможности.

Тогда какъ обычная актуальная форма жизни протекаетъ при болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ условіяхъ внѣшней среды,—она зависитъ отъ температуры ея, наличности влаги, кислорода, не говоря уже о необходимости восполняющихъ траты питательныхъ веществъ,—жизнь латентная является какъ-бы обособленной, эмансипированной не только отъ внѣшнихъ вліяній, но и отъ времени. Новѣйшія изслѣдованія Дженнеровскаго Института въ Лондонѣ показали, что большинство бактеріальныхъ споръ и даже многіе микроорганизмы оказались способными безъ ущерба переносить продолжительное время холодъ жидкаго водорода, т. е., температура въ 252° ниже нуля не убивала въ нихъ способности возстановленія жизни при нормальныхъ условіяхъ. Макфэйдень сохранялъ многіе микроорганизмы при температурѣ жидкаго воздуха, т. е. при 200° ниже нуля, и они свыше года сохраняли способность жизни. Жизненные проявленія, какъ установлено, повышаются при нарастаніи температуры среды, окружающей организмъ. Интенсивность жизни увеличивается въ два съ половиной раза при каждомъ повышеніи температуры на 10 градусовъ. Если допустимъ аналогичныя соотношенія при пониженіи температуры среды, то интенсивность жизни при 220° ниже нуля будетъ въ одинъ миллиардъ разъ менѣе, чѣмъ при нормальной температурѣ. Та трата жизненнаго резерва, которая происходитъ пр 10° Цельсія въ теченіе одного дня, при 220° ниже нуля можетъ произойти лишь въ теченіе трехъ милліоновъ лѣтъ.

Неизбѣжное для актуальной жизни присутствіе влаги нисколько не обязательно для латентной жизни. Обычно жизнедѣтельные процессы осуществляются только въ растворахъ особаго рода, въ коллоидныхъ, студенистыхъ образованіяхъ матеріи, особомъ твердо-жидкомъ ея состояніи. Влага внѣшней среды поглощается организованной живущей матеріей, создаетъ въ ней подвижность частей и пробуждаетъ новую энергію, энергію капиллярности, сообщаетъ посредствомъ своеобразнаго разъединенія элементовъ—іонизаціи—запасы электрической энергіи коллоиднымъ структурамъ. Живые

организмы заключаютъ въ себѣ свыше 80% воды, развивающіеся организмы даже свыше 90%.

Мы не можемъ себѣ представить жизни въ отсутствіи воды. Это *nonsens*, это нѣчто абсолютно несовмѣстимое съ понятіемъ жизни. И тѣмъ не менѣе такая форма жизни существуетъ, это латентная жизнь. Спores и споры способны сохранять свою способность проростанія даже при абсолютной сухости. Шредеръ держалъ даже зеленую воздушную водоросль *Pleurococcus vulgaris* свыше 20 недѣль въ условіяхъ абсолютной сухости, и растение не утрачивало жизни. Способность проростанія спores можетъ сохраняться многіе сотни лѣтъ при условіяхъ храненія при обыкновенной температурѣ.

Въ древнихъ египетскихъ гробницахъ находили зерна пшеницы, такъ называемую «муміевую пшеницу», сохранившую способность проростать. Въ одной римской гробницѣ, къ которой въ теченіе по крайней мѣрѣ 1800 лѣтъ не прикасалось ничто живое, были обнаружены способныя къ жизни бактеріи. Споры бактерій способны пребывать въ состояніи латентной жизни многіе десятилетия, а можетъ быть сотни лѣтъ, тая въ нѣдрахъ своихъ субмикроскопическихъ тѣлецъ чудовищную силу жизни, силу превращенія мертвой матеріи въ живыя существа.

Когда мы вспомнимъ объ распространеніи болѣзнетворныхъ микробовъ среди людей и животныхъ, то невольно поражаемся, какое ничтожное количество этого живого контагія, и какое сравнительно ничтожное время—инкубаціонное время—необходимо для того, что зародыши путемъ размноженія заполнили весь организмъ, и отравили его продуктами своей жизни, ядами или задушили тканіи его, безпощадно отнимая доступный имъ кислородъ. И это можетъ совершить микроорганизмъ, десятки лѣтъ пребывавшій въ состояніи латентной жизни. Отвлечемся на минуту отъ «случайной подробности» въ проявленіи жизни, отъ болѣзнетворности того или иного микроорганизма, и передъ нами во всей его исполинской высотѣ поднимается наиболѣе существенное и основное свойство жизни, это ея заразительность. Споры многіхъ бактерій величиною въ 0.0002 миллиметра, и даже меньшія споры, видимыя только при посредствѣ недавно изобрѣтеннаго ультра-микроскопа—эти носители ультрамикроскопическаго жизненнаго резерва, попадая въ благоприятныя условія развитія, создаютъ въ короткое время миллиарды новыхъ живыхъ существъ, подобныхъ себѣ, разрушая другія живыя структуры, и возсоздавая изъ ихъ остатковъ свою поработавшую силу. И сколько ни есть на землѣ организмовъ каждый стремится заразить своею жизнью все живое и мертвое, и изъ ничтожнаго зародыша воздвигнуть свое преобладаніе. Борьба безконечныхъ жизнетворныхъ началъ вырабатываетъ индивидуальность, эту невосприимчивость къ зараженію чуждой жизнью и утвержденіе своей, видовой жизни. И не только неблагопріят-

ныя виѣшнія условія побуждають организмы спастись въ таинственныхъ предѣлахъ латентной жизни, но и отъ чуждой имъ разрывительной жизни устремляются они къ ней, погружаясь въ нирвану небытія, гдѣ ничто не грозитъ ихъ индивидуальности.

Въ природѣ жизнь выше индивидуальности, хотя она и протекаетъ лишь въ индивидуальныхъ, специфическихъ формахъ. Тамъ, гдѣ трепещетъ ненасытное стремленіе заразить все своею жизнью, вѣтъ исчезновенія жизни, и сама смерть есть только утрата индивидуальности, претвореніе одной формы жизни въ другую.

II.

Распадъ, являющійся источникомъ энергіи, въ большинствѣ случаевъ осуществляется при посредствѣ кислорода воздуха. Огромное большинство организмовъ не можетъ жить безъ кислорода; окислительные процессы поддерживаютъ горѣніе жизни.

Теплообразованіе и механическая работа происходятъ насчетъ окислительнаго распада резервныхъ веществъ жизнедѣятельныхъ тканей. Кислородъ необходимъ, помимо того, какъ для животныхъ, не производящихъ избытка тепла, такъ и для формъ, лишенныхъ свободной подвижности. Ростъ и размноженіе тѣсно связаны съ доступомъ кислорода, при недостаткѣ его они быстро прекращаются. Только что оплодотворенныя яйца морскихъ ежей и рыбъ при замѣнѣ кислорода окружающей среды водородомъ, останавливаются въ развитіи и начинаютъ развиваться вновь при доступѣ воздуха. То же самое наблюдалось относительно яицъ лягушки и гидроидныхъ полиповъ. Сѣмена растений при проростаніи нуждаются въ усиленномъ притока кислорода. Кислородъ является насущной потребностью на всѣхъ ступеняхъ жизни. Онъ служитъ веществомъ, предохраняющимъ протоплазму отъ продуктовъ ея же жизнедѣятельнаго обмѣна. И чѣмъ интенсивнѣ послѣдній, тѣмъ настоятельнѣе обнаруживается потребность въ кислородѣ. Теплокровные теряютъ сознание и погибаютъ, стоитъ только на нѣсколько минутъ прекратить дыханіе. При дыханіи воздухомъ, содержащимъ лишь 7% кислорода, Шпекъ уже по истеченіи двухъ минутъ чувствовалъ головокруженіе и впадалъ въ забытіе. Дыхательный центръ и сѣрое вещество мозга чрезвычайно чувствительны къ недостатку кислорода, и быстро отмираютъ, вызывая смерть организма.

Значеніе кислорода состоитъ въ томъ, что онъ окисляетъ первичные ядовитые продукты жизнедѣятельности; въ отсутствіи кислорода организмъ погибаетъ отъ самоотравленія. Переутомленная электрическимъ раздраженіемъ изолированная мышца быстро восстанавливаетъ свою сократимость въ присутствіи кислорода, при недостаткѣ послѣдняго этого не происходитъ. Какъ разъ наиболѣе опасные бактеріальные яды образуются при культивированіи бактерій внѣ доступа воздуха.

Холерныя запятыя производятъ болѣе сильный ядъ при безкислородной культурѣ, чѣмъ при кислородной. Дифтерійный токсинъ быстро ослабѣваетъ при совмѣстномъ дѣйствіи воздуха и свѣта, тогда какъ свѣтъ въ отсутствіи кислорода не измѣняетъ яда. Точно также и культуры сибирской язвы и куриной холеры испытываютъ уменьшеніе ядовитости надъ вліяніемъ воздуха. Ужасающіе по своей губительности бактеріальные яды представляютъ изъ себя вещества редуцирующія, т. е. жадно поглощающія кислородъ. Цианистый калий, самый сильно дѣйствующій ядъ, вызываетъ мгновенную смерть, приостанавливая внезапно всякіе окислительные процессы въ тканяхъ. Аналогичное вліяніе оказываютъ, однако въ меньшей степени, морфій, хининъ, антипиринъ, никотинъ, атропинъ и т. д.

И, несмотря на это интимное и универсальное значеніе кислорода, возможны оказываются и такія формы жизни, при которыхъ присутствіе или отсутствіе кислорода совершенно безразлично, — латентная жизнь. И мало того, существуютъ и такія формы жизни, при которыхъ кислородъ является весьма губительнымъ для продолженія жизни, является ядомъ, а не ядообезвреживающимъ веществомъ—это анаэробіозъ или аноксибіозъ.

Цѣлый рядъ бактерій можетъ жить лишь при полномъ отсутствіи кислорода, при соприкосновеніи съ воздухомъ онѣ погибаютъ. Въ атмосферѣ, лишенной кислорода, онѣ не только способны поддерживать свою жизнь, но и расти и размножаться, превращая питательную среду въ жизнедѣтельную протоплазму. Таковы, напр., бактеріи столбняка, шумячаго карбункула и др.; они называются обязательно-анаэробными бактеріями, въ отличіе отъ условно-анаэробныхъ, могущихъ переносить безъ вреда отсутствіе кислорода и хорошо произрастающихъ въ кислородной средѣ. Обязательно-аэробныя бактеріи требуютъ непремѣнной наличности кислорода, какъ необходимаго условія жизни.

Источникомъ энергіи анаэробныхъ организмовъ служатъ различныя питательныя вещества окружающей ихъ среды. Кислородъ, необходимый для расщепленія сложныхъ органическихъ соединений, возникаетъ при самыхъ процессахъ расщепленія. Этотъ интрамолекулярный кислородъ вызываетъ незримое, внутреннее горѣніе, осуществляющее жизнедѣтельность. Окислительная способность этого связаннаго кислорода, освобождающагося въ самый моментъ дѣйствія, значительно превосходитъ окислительную способность атмосфернаго или чистаго кислорода.

Поразительная сила взрывчататаго вещества, напр., нитро-кѣтчатки или нитро-глицерина, сила, сосредоточенная уже въ ничтожныхъ количествахъ, проявляется также безъ всякаго вмѣшательства внѣшняго окисленія. Бурный окислительный распадъ идетъ всецѣло насчетъ того кислорода, который былъ связанъ внутри частицъ и освобождается въ моментъ взрыва. Прочно уравновѣшенная система, въ которой кислородъ находился въ состояніи

бездѣтельности, подѣ влияніемъ удара сотрясенія или внутренняго пересчетація элементовъ, превращается въ нестойкое, саморазрушающееся видоизмѣненіе; протекающій весьма бурно распадъ ведетъ къ внезапному сосредоточенію свободной энергіи. Подобное развитіе энергіи насчетъ связаннаго кислорода происходитъ не только среди организованныхъ или органическихъ образований; оно свойственно даже минеральнымъ смѣсямъ веществъ весьма стойкихъ въ отдѣльности. Смѣсь порошковъ алюминія и окиси желѣза, такъ называемый термитъ, при прикосновеніи раскаленной проволоки испытываетъ бурный процессъ перекисленія: кислородъ, связанный съ желѣзомъ, освобождается и окисляетъ металлическій алюминій; за счетъ минеральнаго кислорода развивается свыше 150.000 тепловыхъ единицъ на 54 вѣсовыхъ единицы алюминія.

III.

Мобилизація свободной энергіи взрывчатыхъ веществъ или термита происходитъ при условіяхъ, несовмѣстимыхъ съ проявленіями жизни, распадъ идетъ при развитіи огромныхъ количествъ тепловой энергіи. Для разложенія сахаристыхъ веществъ, бѣлковъ и жировъ, этихъ резервныхъ веществъ организма, необходимы также весьма глубокія воздѣйствія, примѣненіе крѣпкихъ кислотъ и щелочей, при болѣе или менѣе высокой температурѣ. Жизнедѣятельный распадъ осуществляется какими то иными путями; онъ протекаетъ при низкихъ температурахъ и тѣмъ не менѣе вызываетъ глубокую мобилизацію энергіи. При условіяхъ прижизненныхъ, условіяхъ біодинамическихъ въ обычный ходъ явленій происходитъ вмѣшательство новыхъ факторовъ, одни изъ нихъ возбуждаютъ распадъ въ томъ или иномъ направленіи, другіе вызываютъ чудовищное ускореніе обычно при данныхъ температурахъ лишь весьма медленно протекающихъ процессовъ. Въ живыхъ организмахъ находятся особые вещества, называемыя *энзимами* или *ферментами*, которые способны ускорять реакціи, подобно повышенной температурѣ. Въ присутствіи энзимовъ при низкой температурѣ осуществляются процессы, свойственные лишь высокимъ температурамъ. Эти загадочныя вещества обладаютъ своеобразными свойствами, они строго специфичны, т. е. производятъ распадъ лишь опредѣленнаго какаго-либо вещества и лишь въ извѣстномъ направленіи и до совершенно опредѣленной ступени, помимо того они, повидимому, неистощимы. Минимальное количество фермента возбуждаетъ распадъ огромныхъ массъ подлежащихъ его вліянію веществъ, и при этомъ ферментъ не разрушается, не утрачивается и даже не ослабѣваетъ въ своей силѣ. Существуютъ ферменты, которые возбуждаютъ не разложеніе того или иного вещества, а возсозданіе

новыхъ веществъ, болѣе сложныхъ, чѣмъ первоначальные, эго--
конструирующіе ферменты.

Природа энзимовъ еще совершенно неизвѣстна; это, по всей
вѣроятности, въ высшей степени сложныя бѣлковоподобныя веще-
ства съ многочисленными функціями. Одна изъ этихъ функцій—
ускореніе реакцій—можетъ быть свойственна и болѣе извѣстнымъ
тѣламъ, напр., такъ называемымъ неорганическимъ катализа-
торамъ,—коллоидно-распыленнымъ растворамъ металловъ, плати-
ны, серебра, иридія, осмія и др. или воднымъ растворамъ
солей. Въ сущности явленіе ускоренія реакцій подъ вліяніемъ ка-
кого-либо третьяго вещества, изъясненіе катализа, представ-
ляетъ весьма распространенное и общее свойство. Согласно Ост-
вальду, нѣтъ веществъ, которыя бы не нарушали нормальной ско-
рости взаимодействій между какими-либо двумя другими, либо
ускоряя, либо замедляя ихъ, т. е. проявляясь положительными или
отрицательными катализаторами. Неистощимость энзима или ката-
лизатора обусловлена тѣмъ, что онъ вступаетъ самъ въ реакцію,
образуетъ мало стойкое промежуточное вещество, которое, разла-
гаясь, даетъ конечный продуктъ и возстановливаетъ въ первоначальномъ неизмѣнномъ видѣ возбуждатель и передатчикъ реакціи,
катализаторъ. Напр., платина вызываетъ огромное ускореніе раз-
ложенія перекиси водорода. Эго происходитъ оттого, что платина
соединяется сначала съ перекисью водорода, получается соедине-
ніе, которое очень быстро разлагается на кислородъ, воду и
платину.

При жизнедѣятельныхъ процессахъ катализъ играетъ огромную
роль, особенно въ виду коллоиднаго состоянія среды, значительно
обостряющаго каталитическія вліянія. Физическія свойства и хи-
мическая структура коллоидныхъ составныхъ частей плазмы, а
также природа находящихся въ ней минеральныхъ солей отчасти
объясняютъ великое разнообразіе и специфичность энзиматиче-
скаго процесса, какъ каталитическаго вліянія, но никоимъ обра-
зомъ нельзя исчерпать понятіе энзима катализомъ. Энзимамъ, дѣй-
ствительно, свойственно каталитическое вліяніе, но оно является
одной изъ безчисленныхъ функцій и, быть можетъ, не самой суще-
ственной. Въ настоящее время принимаютъ, что жизнедѣятельное
проявленіе осуществляется работой великаго множества энзимовъ,
разлагающихъ и создающихъ, направляющихъ и предопредѣляю-
щихъ движеніе и строеніе веществъ, входящихъ въ составъ живого
тѣла. Извлекая изъ различныхъ частей растений и изъ различ-
ныхъ органовъ разнообразныхъ животныхъ эти энзимы, мы съ
каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждаемся въ ихъ повсе-
мѣстномъ распространеніи и въ ихъ значеніи для жизни. Намъ
извѣстны ферменты, растворяющіе крахмалы, различные діастазы
растительные и животные, ферменты, осуществляющіе различныя
стадіи осахариванія крахмала и пептонизацію бѣлковъ, ферменты,

разлагающіе сложныя сахаристыя вещества и глюкозиды, ферменты, омыляющіе жиры, ферменты, свертывающіе казеинъ и альбумозы, свертывающіе и уплотнительные ферменты крови и растительныхъ соковъ; ферменты, производящіе многочисленныя специфическія превращенія внутри организма, ферменты безчисленныхъ бактеріальныхъ броженій и, наконецъ, окислительные ферменты, способствующіе процессамъ окисленія.

IV.

Одно и то же вещество, сравнительно простого строенія, напр., сахаръ,—этотъ наиболѣе распространенный источникъ энергіи въ организмахъ,—можетъ подъ вліяніемъ различныхъ жизнедѣятельныхъ возбудителей испытывать самыя различныя ферментаціи. Дрожжи и плѣсени разлагаютъ его на спиртъ и углекислоту; рядъ бактерій вызываетъ въ сахаросодержащихъ жидкостяхъ броженія: молочнокислое, уксусное, масляное, слизистое, лимоннокислое, протоновое и др. *Leuconostok* почерпаетъ энергію сахара, превращая его въ болѣе сложныя вещества, подобныя декстрину и клѣтчаткѣ.

Ферментаціи или броженія это—процессы, протекающіе почти всецѣло въ условіяхъ бескислородныхъ, аноксидотическихъ. Энзимъ живого существа вступаетъ въ сочетаніе, напр., съ сахаромъ, и полученное сложное соединеніе испытываетъ разложеніе, предопредѣляемое природой фермента, видовой особенностью жизни. Какіе бы, однако, ни возникли при этомъ продукты распада или видоизмѣненія питательнаго вещества, самъ энзимъ восстанавливается во всей своей первоначальной активности.

Конечные продукты броженій, накапливающіеся по мѣрѣ размноженія организмовъ, являются продуктами разложенія не питательной среды, а тѣхъ веществъ, которыя создала протоплазма изъ нихъ, пересоставляя ихъ интрамолекулярными ферментативными вліяніями, разлагая ихъ, и усваивая съ большей или меньшей полнотой заключенную въ нихъ энергію.

Броженія настолько тѣсно связаны съ интимнымъ существомъ жизни, они до такой степени уподобляются ей по неисчерпаемости и предопредѣленности проявленій, что казалось возможнымъ объединять ихъ, казалось возможнымъ въ ферментахъ видѣть то безструктурное начало жизни, которое, подобно катализатору, приобщаясь къ мертвой матеріи, дѣлаетъ ее источникомъ энергіи. Интересны поэтому попытки раздѣленія ферментативныхъ функцій отъ жизнедѣятельныхъ, изолированіе энзимовъ отъ живой плазмы, давшее возможность изучать броженія безъ вмѣшательства живыхъ существъ, въ чистомъ видѣ. Долголѣтній споръ между Либихомъ и Пастеромъ, относительно химической или біодинамической природы процессовъ броженія, нашелъ себѣ примиреніе въ открытіи Бух-

неромъ зимазы, фермента спиртового броженія. Такъ какъ спиртовое броженіе является источникомъ энергіи въ бескислородной жизни многочисленныхъ организмовъ, а также въ виду принципиальнаго общаго значенія изслѣдованій Бухнера для всей области ферментацій мы должны будемъ нѣсколько подробнѣе остановиться на зимазѣ.

Еще въ 1828 году Берцеліусъ высказалъ теорію броженія, такъ назыв. контактную теорію, согласно которой разложеніе сахара дрожжами происходитъ въ силу контакта, аналогично, напр., дѣйствію платины на перекись водорода. Это въ сущности впервые высказанное воззрѣніе о катализѣ при посредствѣ фермента.

Либихъ представлялъ себѣ броженіе, какъ особаго рода окислительный процессъ, при которомъ возникавшая химическая энергія распадающихся дрожжей сообщалась сахару и обуславливала его разложеніе. Инфекціонное дѣйствіе микроорганизмовъ являлось выраженіемъ того-же состоянія непрерывной саморазрушаемости ихъ тѣла. Господство Либиховскихъ воззрѣній было устраниено изысканіями Пастера, несомнѣнно, доказавшаго, что броженіе не имѣетъ мѣста внѣ живого существа, что броженіе это—витальный или біодинамическій процессъ. Нѣкоторое примиреніе между Либихомъ и Пастеромъ вноситъ энзимная теорія Морица Траубе, постулирующая въ живыхъ дрожжевыхъ клѣткахъ наличность особаго рода весьма легко саморазлагающихся веществъ, энзимовъ, передающихъ энергію разложенія другимъ веществамъ и такимъ путемъ вызывающихъ броженіе. Многочисленные попытки извлеченія энзима изъ дрожжевыхъ клѣтокъ долгое время не увѣнчивались успѣхомъ, пока, наконецъ, Гансъ Бухнеръ не примѣнилъ новаго метода. Онъ растиралъ сухія дрожжи съ мелкимъ пескомъ или инфузорной землей и полученную тѣстообразную массу подвергалъ подъ гидравлическимъ прессомъ давленію, достигавшему до 90 килограммовъ на одинъ квадратный сантиметръ. Изъ дрожжей при этомъ выступаетъ такъ наз. «гидравлическій сокъ», обладающій свойствомъ сброживать сахаръ, совершенно подобно живымъ дрожжамъ. Антисептическія вещества (хлороформъ, томзолъ), убивающія живыя существа, нисколько не нарушаютъ бродильной способности гидравлическаго сока. Если послѣдній пропустить черезъ фарфоровую свѣчу Пастера, задерживающую въ своихъ порахъ абсолютно всѣ микроорганизмы, бродильная сила не утрачивается. Несомнѣнно, броженіе происходитъ внѣ клѣточно, оно не является біодинамическимъ процессомъ. Оно вызвано особымъ энзимомъ, который Бухнеръ назвалъ зимазой. Энзимы стоятъ на границѣ между мертвой и живой матеріей, они не живые, ибо они безструктурны и имъ не присущи способности ассимиляціи и размноженія, и въ то же время они не мертвые, такъ какъ производятъ непрерывную мобилизацію энергіи, и являются носителями нѣкоторыхъ жизненныхъ функций.

Бродильная способность дрожжей возникает на почвѣ недостатка въ кислородѣ, это особаго рода приспособленіе организма къ условіямъ анаксібоза. То же наблюдается и у весьма филогенетически близкихъ дрожжамъ плѣсневыхъ грибовъ; аэробно они не способны къ спиртовому броженію, послѣднее появляется лишь при недостаткѣ кислорода. Приспособленіе дрожжей къ бескислородному, интрамолекулярному дыханію сдѣлало ихъ совершенно безразличными къ доступу кислорода, они совершенно не въ состояніи пользоваться свободнымъ кислородомъ, присутствіе его, напротивъ, задерживаетъ интенсивность ихъ жизни.

V.

Безкислородное расщепленіе сахара на спиртъ и углекислоту спиртовое броженіе, очень широко распространено въ природѣ; оно даетъ возможность эмансипаціи жизни отъ внѣшняго кислорода, казалось-бы, столь незамѣнимаго для живого существа. Еще Пастеръ наблюдалъ, что плоды при храненіи ихъ въ безвоздушномъ пространствѣ развиваютъ спиртъ и углекислоту, производимыя заключающейся въ нихъ зимазой. Спиртовое броженіе сѣмянъ при проростаніи — также анаэробный, энзиматическій процессъ. Анаэробное дыханіе плѣсней можетъ происходить даже безъ наличности сахара, на счетъ пептона, хинной или винной кислотъ. Бухнеръ и Стоклаза установили, что дыханіе растений — процессъ энзиматическій, это типическое спиртовое броженіе. Дыханіе растений независимо отъ ихъ жизни, отъ ихъ живой протоплазмы. Гидравлическій сокъ растений способенъ къ такому же выдѣленію углекислоты, къ такому же броженію, какъ и живые, неприкосновенные организмы. Если убить растенія замораживаніемъ ихъ при 20° ниже нуля, какъ это дѣлалъ Палладинъ, если убить ихъ такимъ образомъ, не нарушая кѣлочной структуры, то такіа мертвыя растенія выдѣляютъ при полномъ отсутствіи кислорода такое же количество углекислоты, какъ и живые организмы. При этомъ образуется довольно значительное количество спирта. Энзиматическій процессъ протекаетъ такимъ образомъ, что изъ сахара или иныхъ резервныхъ веществъ первоначально вслѣдствіе вѣдшательства разлагающаго энзима образуется молочная кислота; послѣдняя уже подъ вліяніемъ другого возста новляющаго энзима превращается въ спиртъ и угольную кислоту.

Иногда въ отсутствіи кислорода происходитъ образованіе одной только углекислоты безъ сопровожденія спирта. Здѣсь работаетъ опять таки своеобразный энзимъ, карбоназа, осуществляя иной ходъ превращеній питательнаго матеріала.

Иногда при спиртовомъ броженіи принимаютъ участіе энзимы

окисляющіе, каталазы и энзимы раскисляющіе, редуцирующіе—редуктазы. Окисляющія вліянія оказываютъ замедляющее дѣйствіе на теченіе анаэробнаго дыханія. Въ живомъ организмѣ, въ живомъ растеніи, въ живой протоплазмѣ эти взаимно-тормозящіе энзиматическіе процессы раздѣлены и уравновѣшены; они протекаютъ каждый, не нарушая стремленій и скоростей другого. Многочисленные энзимы, вырабатываемые протоплазмой, можно уподобить продуктамъ отдѣленія, секретамъ железъ. Протоплазма энзиматически функционируетъ, какъ весьма сложный комплексъ разнородныхъ железъ, истощающихъ ферменты, мобилизаторы энергіи. Ферменты производятся протоплазмой первоначально въ видѣ неактивныхъ видоизмѣненій, зимогеновъ, которые въ моментъ воздѣйствія становятся активными, весьма вѣроятно, вступая въ сочетаніе подобно токсинамъ съ какимъ-либо катализаторомъ. Иногда ферменты способны преобразоваться въ особые антиферменты, которые парализуютъ специфическое дѣйствіе своего фермента. Подобные антиферменты связываютъ окислительные ферменты, мѣшающіе анаэробному дыханію, происходящему въ восстановительной средѣ.

Анаэробные процессы имѣютъ исключительно важное значеніе въ жизни растений. Они вызываютъ превращеніе стойкихъ, трудно окисляемыхъ веществъ въ вещества, весьма легко разлагающіяся, подѣ вліяніемъ даже весьма слабыхъ окисленій. При нормальныхъ условіяхъ дыханія растений, т. е. при доступѣ кислорода, промежуточные, легко окисляющіеся, привычные продукты дыханія (спиртъ, ацетонъ и т. д.) тотчасъ же подвергаются окисленію. Поэтому установленіе природы первичнаго, интрамолекулярнаго, внутренняго дыханія, какъ спиртоваго броженія, долгое время ускользало отъ науки, и лишь раздѣленіе аэробнаго и анаэробнаго дыханій открыло истинный смыслъ явленій.

Нѣкоторые аэробныя растенія могутъ жить въ бескислородной средѣ, не выдѣляя при этомъ совершенно углекислоты. Процессъ жизни идетъ насчетъ неполнаго расщепленія питательнаго матеріала. Выдѣленіе или невыдѣленіе углекислоты не является, такимъ образомъ, критеріемъ жизни или смерти. Жизнь протекаетъ въ глубинѣ протоплазмы съ такою же энергіей и непреодолимостью, безразлично совершается ли дыханіе съ поглощеніемъ кислорода и выдѣленіемъ углекислоты или бескислородно, или даже безъ всякаго выдѣленія углекислоты, какъ продукта горѣнія.

VI.

Анаэробное дыханіе можетъ быть свойственнымъ не только низшимъ организмамъ, не только растительнымъ формамъ. Оно встрѣчается, напр., у кишечныхъ паразитовъ и представляетъ весьма своеобразный видъ броженія, при которомъ конечнымъ продуктомъ является не спиртъ и углекислота, а валеріановая кислота. Глисты, населяющіе кишечный каналъ, находятся въ такихъ идеально-благопріятныхъ условіяхъ жизни, что вовсе не нуждаются въ тратѣ энергіи на теплообразование, они существуютъ какъ бы въ живомъ термостатѣ. Они не ощущаютъ потребности въ кислородѣ уже потому, что ихъ тепловой балансъ всегда уравновѣшенъ. Согласно Буже, аскариды, дѣйствительно, расходуютъ кислорода въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ организмъ, напр., собаки. Источникомъ энергіи служитъ распадѣніе особаго сахаристаго вещества, гликогена, составляющаго часто болѣе половины вѣса тѣла глисты. Гликогенъ подѣ влияніемъ энзима испытываетъ своеобразное броженіе, распадаясь на валеріановую кислоту, углекислоту и водородъ. Такое же распадѣніе гликогена производитъ гидравлическій сокъ глисть, получаемый по способу Бухнера, что неоспоримо доказываетъ энзиматическую природу процесса. Возможность анаэробнаго существованія аскаридъ обуславливается тѣмъ, что продукты броженія выдѣляются наружу и не нуждаются въ дальнѣйшемъ окисленіи для своего обезвреживанія. При этомъ, однако, приходится использовать лишь около 25% всей энергіи гликогена. Такое въ высшей степени непроизводительное расточеніе резервнаго вещества, служащаго источникомъ жизнедѣятельности, возможно единственно при паразитизмѣ, т. е. при идеально благопріятныхъ условіяхъ питанія.

Въ большинствѣ случаевъ продукты анаэробнаго дыханія устраняются путемъ дальнѣйшаго окисленія, освобождающаго вмѣстѣ съ тѣмъ и остаточную, неиспользованную, заключающуюся въ нихъ энергію.

Вейнландъ наблюдалъ анаэробное разложеніе жира у личинокъ мухъ, гдѣ жиръ играетъ роль резервнаго матеріала. Жиръ распадался энзиматически, въ отсутствіи кислорода на углекислоту, водородъ и какую-то жирную кислоту. Аналогичныя броженія являются источниками жизнедѣятельности пѣавокъ, дождевыхъ червей и инфузорій. При низкой температурѣ въ отсутствіи кислорода лягушки продолжаютъ выдѣлять углекислоту; энергія ихъ жизненныхъ проявленій не ослабѣваетъ, она одинакова при оксидозѣ и аноксидозѣ.

И въ организмѣ теплокровныхъ животныхъ кислородъ не играетъ роли непосредственнаго агента при расчлененіи и распаде-

нія сложныхъ резервныхъ веществъ. Иначе совершенно непонятно, почему вещества, имѣющія наибольшее сродство къ кислороду, такія, какъ жиры, на самомъ дѣлѣ въ организмѣ не испытываютъ значительнаго распада, а скорѣе отлагаются въ тканяхъ, и въ то же время вещества въ высшей степени трудно окисляемыя, такія, какъ бѣлки, сгораютъ гораздо легче жира. Разложеніе бѣлковъ, напр., при мышечной работѣ не находится вовсе въ зависимости отъ количества поступившаго въ организмъ кислорода. Напротивъ, интрамолекулярный бескислородный распадъ или превращеніе веществъ опредѣляетъ размѣры потребности въ кислородѣ и размѣры его участія во вторичныхъ окислительныхъ процессахъ.

Аноксидотическій процессъ нарушается, разстраивается и, наконецъ, прекращается совершенно, какъ только въ тканяхъ начинаютъ накапливаться продукты броженія, продукты неполнаго сгорания питательныхъ веществъ. Послѣднія не должны образоваться въ избытѣ, а лишь въ такомъ количествѣ, которое успѣвало бы сгорать и выдѣляться, не угнетая интрамолекулярнаго дыханія, этого самаго интимнаго проявленія жизни. Часто, повидимому, самыя ничтожныя видоизмѣненія въ строеніи питательнаго вещества, служащаго источникомъ жизни, превращаютъ его въ ядъ, убивающій всякую жизнѣдѣтельность. Неизмѣнно и необходимо возникающіе въ процессѣ жизни возстановленія, редукиціи даютъ, какъ мы видѣли выше, поводъ къ отравленію, и поэтому самой насущной потребностью живого организма, самой неустанной заботой его является обезвреживаніе, удаленіе этихъ редукитивныхъ веществъ. Химическая, физическая и біодинамическая структура протоплазмъ, свойственныхъ различнымъ носителямъ жизни, можетъ быть, однако, на столько однообразна, что одно и то же вещество можетъ для различныхъ животныхъ являться въ одномъ случаѣ ядомъ, въ другомъ случаѣ — источникомъ жизни. Мало того, въ зависимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, сопротивляемость одного и того животнаго тому или иному отравленію можетъ испытывать глубокія колебанія.

При болѣе высокой температурѣ тѣла теплокровныхъ животныхъ ускореніе аноксидотического процесса, сопровождающагося всегда образованіемъ редукитивныхъ веществъ, усиливается на столько значительно подъ вліяніемъ температуры, что только при поспѣшномъ вмѣшательствѣ кислорода возможно своевременно устранить возникающіе продукты броженія, грозящіе неминуемой гибелью организму. Поэтому-то, напр., лягушки, прекрасно переносящія отсутствіе кислорода при низкихъ температурахъ, быстро погибаютъ безъ кислорода при температурѣ, свойственной теплокровнымъ животнымъ.

Наоборотъ, нѣкоторые теплокровные, впадая въ состояніе спячки, при чемъ температура ихъ тѣла падаетъ до температуры, Мартъ. Отдѣлъ I.

окружающей среды, не ощущают обычной потребности въ кислородѣ. У зимоспящихъ скорость протеканія процессовъ, сопровождающихся образованіемъ углекислоты, замедляется до едва уловимаго темпа, и наступаетъ аноксibiозъ.

Въ періодъ зимней спячки температура тѣла теплокровныхъ млекопитающихъ можетъ падать ниже нуля. Всѣ жизненныя проявленія настолько понижены, что зимоспящее животное трудно отличить отъ мертвого. Но жизнь все же теплится гдѣ-то въ сокровенныхъ нѣдрахъ тѣла. По пробужденіи животное совершенно нормально и ничѣмъ не обнаруживаетъ своего недавняго пребыванія за гранью жизни. По наблюденіямъ Сесси зимоспящіе сурки нечувствительны къ вліянію ядовитыхъ газовъ, они не погибаютъ при продолжительномъ погруженіи ихъ въ воду. Мадагаскарскій танрекъ при наступленіи засухи впадаетъ въ аналогичное состояніе лѣтней спячки. То, что происходитъ при пробужденіи въ организмѣ лѣто- и зимо-спящихъ животныхъ, чрезвычайно загадочно. Пробужденіе сопровождается быстрымъ повышеніемъ температуры. Сурки просыпаются въ теченіе пяти часовъ при чемъ температура тѣла подымается съ 5° до 16°, а черезъ девять часовъ достигаетъ 35°. Суслики пробуждаются въ теченіе двухъ часовъ, при чемъ въ послѣдніе сорокъ минутъ температура ихъ тѣла возрастаетъ съ 21° до 32°. Частота дыханія за это время не обнаруживаетъ ни малѣйшаго ускоренія. Для того, чтобы нагрѣть тѣло животнаго въ теченіе сорока минутъ на одиннадцать градусовъ, требуется колоссальное развитіе энергіи, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что организмъ содержитъ свыше 70% воды, вещества съ весьма высокой удѣльной теплоемкостью. Нагрѣваніе идетъ исключительно засчетъ аноксibiотическихъ процессовъ, ибо, судя по равномерной частотѣ дыханія, поглощеніе избыточнаго внѣшняго кислорода не наблюдается. Процессъ пробужденія зимоспящихъ можетъ быть уподобленъ послѣдовательному ряду взрывовъ; это бурное распадентіе какихъ-то мало устойчивыхъ соединеній возвращаетъ жизнь изъ загадочнаго самозабвенія въ ея привычное русло.

Состоянія, подобныя зимней спячкѣ животныхъ, наблюдаются иногда и у человѣка, это—случаи мнимой смерти или летаргіи. Глубокое и продолжительное замираніе жизни вызывается многими наркотическими средствами, при чемъ продукты жизнедѣятельнаго самоотравленія возникаютъ либо въ весьма ничтожныхъ количествахъ, либо, что вѣроятнѣе, способны обезвреживаться въ условіяхъ аноксibiоза.

Индійскіе факиры или іогины обладаютъ способностью произвольно впадать въ состояніе мнимой смерти; они хоронятъ себя заживо и затѣмъ вновь возвращаются къ жизни послѣ нѣсколькихъ недѣльнаго пребыванія въ могилѣ безъ пищи и воздуха. Подобныя указанія мы находимъ у Прейера, Брайда и Поля. Джонъ Чейнъ,

профессоръ въ Дублинѣ, описываетъ слѣдующій случай произвольной летаргіи. Англійскій полковникъ Таузендъ могъ въ любое время по собственной волѣ останавливать свое кровообращеніе и дыханіе и впадать въ получасовую летаргію. Комиссія врачей не могла констатировать у него ни пульса, ни сердечной дѣятельности, ни какихъ-либо дыхательныхъ движеній. Уже опасались, что онъ дѣйствительно мертвъ, но онъ ожилъ, сталъ снова дышать и двигаться. Йогины путемъ продолжительныхъ воздержаній отъ пищи и сна развиваютъ въ себѣ способность произвольно останавливать дыханіе. Они скрываются въ узкія подземныя пещеры, недоступныя рѣзкимъ колебаніямъ температуры, и при посредствѣ самовнушенія, фиксируя кончикъ носа или междубровное пространство, впадаютъ въ летаргію. Иногда они подрѣзаютъ уздечку языка, проглатываютъ послѣдній. Йогина замуровываютъ или заключаютъ въ гробъ, откуда онъ извлекается по прошествіи шести недѣль и воскресаетъ къ жизни. Поль упоминаетъ три болѣе или менѣе достовѣрныхъ случая торжественнаго погребенія мнимоумершихъ йогиновъ. Брайдъ подробно описываетъ случай погребенія факира даже безъ гроба, путемъ непосредственнаго зарыванія въ землю. Къ могилѣ былъ приставленъ караулъ изъ магометанскихъ солдатъ, фактически ненавидѣвшихъ индуистскую религію и весьма ревностно охранявшихъ могилу погребеннаго «святителѣ». Черезъ нѣсколько дней факиръ былъ извлеченъ изъ могилы и постепенно проснулся.

VII.

Анаэробное расщепленіе резервнаго матеріала въ организмѣ приводитъ къ накопленію избытка легко окисляемыхъ продуктовъ, подлежащихъ воздѣйствію внѣшняго кислорода. Это вторичное окисленіе, дыханіе въ обычномъ смыслѣ, представляется процессомъ весьма сложнымъ, процессомъ не столько физико-химическимъ, сколько біодинамическимъ. Онъ осуществляется при вмѣшательствѣ только такихъ факторовъ, которые присущи исключительно живымъ организмамъ. И здѣсь главную роль играютъ источаемые ротоплазмой особые дыхательные энзимы.

Въ живомъ организмѣ при сравнительно низкихъ температурахъ способны протекать такіе мощные окислительные и редуцирующие процессы, какіе вызываются обычно лишь весьма сильными реагентами или весьма высокими температурами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самоокисленіемъ или тихимъ окисленіемъ. При окисленіи какого-либо вещества, напр., водорода, на ряду съ устойчивыми продуктами окисленія возникаютъ чрезвычайно малоустойчивыя перекиси, отличающіяся несравненно большею окислительною силою, чѣмъ кислородъ воздуха. Кислородъ, переходя

форму перекиси, испытываетъ какъ-бы обостреніе, онъ активизируется и становится способнымъ окислять вещества, недоступныя обыкновенному кислороду.

Вещества, поглощающія кислороды и превращающія его въ перекисное состояніе, являются передатчиками кислорода, они непрерывно возстаовляются, отдавая активированный кислородъ, и непрерывно захватываютъ новый, не исчезая, не утрачивая своей природы и своихъ свойствъ.

Способность передачи кислорода свойственна многимъ неорганическимъ тѣламъ,—напр., окиси азота, платинѣ, мѣстнымъ солямъ, нѣкоторымъ органическимъ краскамъ. Въ живомъ организмѣ окислительные ферменты найдены впервые Жаке. Водныя вытяжки различныхъ частей растительныхъ и животныхъ обнаруживаютъ, напр., способность быстрого окисленія бензилового спирта въ бензойную кислоту, или салицилового алдегида въ салициловую кислоту. Окисленіе происходитъ при обыкновенной температурѣ. Оно обусловлено присутствіемъ въ тканяхъ особой оксидазы. Последняя, подобно зимазѣ, не связана непосредственно съ жизнедѣятельностью протоплазмы; она источается, сецернируется ею и, разъ возникши, не утрачиваетъ своихъ окислительныхъ свойствъ въ присутствіи, напр., карболовой кислоты, убивающей протоплазму.

Окислительные ферменты чрезвычайно распространены въ природѣ, можно думать, что они весьма разнообразны и обладаютъ такой же предопредѣленностью дѣйствія, какъ и многіе ферменты анаэробнаго дыханія.

Наиболѣе полно изученной оксидазой является лакказа, способствующая окисленію млечнаго сока лакового дерева въ черный лакъ. Лакказы найдена въ картофелѣ, артишокахъ, георгинахъ, яблокахъ, грушахъ, каштанахъ и т. д., а также въ проростающихъ сѣменахъ различныхъ растений. Лакказа содержитъ въ себѣ слѣды, т. е. ничтожнѣйшія количества, марганца, повидимому, играющаго специфическую роль, ибо никакой иной металлъ, кромѣ марганца, не въ состояніи усиливать окислительной способности растительныхъ и животныхъ оксидазъ. Марганецъ играетъ роль передатчика кислорода, онъ, однако, не можетъ воспроизводить самъ по себѣ всѣхъ свойствъ лакказы и даже далеко уступаетъ ей по своей окисляющей силѣ. Возьмемъ слабый растворъ гидрохинона, медленно окисляющагося на воздухѣ. Если мы будемъ учитывать поглощаемый кислородъ, то оказывается, что растворъ гидрохинона въ присутствіи 0.1 грамма лакказы въ теченіе шести часовъ поглотитъ 0,2 куб. снт. кислорода, въ присутствіи 0.001 гр. марганца 0,3 куб. снт. кислорода, а въ присутствіи и лакказы и марганца—6,3 кислорода. Лакказа весьма часто встрѣчается въ различныхъ грибахъ; продуктомъ ея дѣятельности всегда являются пигменты, возникающіе изъ безцвѣтныхъ составныхъ частей подъ вліяніемъ окисленія. Разрѣзы грибовъ и плодовъ по

пребываніи на воздухѣ пріобрѣтають различныя окраски, бурую, красную, черную, голубую. Еще рѣзче выражены эти окраски при соприкосновеніи съ воздухомъ водныхъ вытяжекъ растений. Весьма интересна тирозиназа, превращающая тирозинъ въ черный пигментъ. Она способна проявлять свое специфическое, окисляющее дѣйствіе даже въ 50%-ныхъ спиртовыхъ растворахъ. Это исключаетъ всякую возможность смѣшенія ферментативной функціи съ жизненнымъ проявленіемъ.

Среди растительныхъ оксидазъ любопытна еще эноксидаза ферментъ, вызывающій особую болѣзнь вина, состоящую въ томъ, что болѣное вино утрачиваетъ свойственную ему окраску и выделяетъ красно-бурый осадокъ. Это измѣненіе отнюдь не бактеріальнаго происхожденія, такъ какъ ни фильтрованіе черезъ свѣчу Пастера, ни прибавленіе сулемы не устраняетъ его. Напротивъ, нагреваніе вина до 60° или прибавленіе минимальнаго количества сѣрной кислоты уничтожаетъ вредное начало, окислительный ферментъ, вызывающій образованіе нерастворимаго пигмента. Но существуютъ эноксидазы, представляющіе желанное и весьма драгоцѣнное явленіе. Именно это—эноксидазы, обусловливающія букетъ вина. Онѣ весьма специфичны и образуются при созрѣваніи опредѣленныхъ сортовъ винограда.

Въ листьяхъ индиговыхъ растений найдена оксидаза, способствующая превращенію безцвѣтнаго бѣлаго индиго въ индиго синее. Особая оксидаза зрѣлыхъ оливокъ производитъ окисленіе оливкового масла, съ образованіемъ различныхъ кислотъ. Большинство окрасокъ цвѣтовъ и плодовъ есть продуктъ ферментативной работы.

Среди оксидазъ, встрѣчающихся въ животномъ организмѣ, чрезвычайно важное значеніе имѣетъ сахарная оксидаза, окисляющая сахаръ въ крови и тканяхъ и являющаяся, такимъ образомъ, непосредственнымъ претворителемъ энергіи, динамизируя резервное вещество въ источникъ жизни. Недостаточность или утрата способности протоплазмы къ отдѣленію сахаро-окисляющаго фермента влечетъ за собой тяжелое разстройство обмѣна, такъ наз. діабетъ или сахарное мочеизнуреніе.

Для того, чтобы поглотить кислородъ воздуха, недостаточно еще находиться въ средѣ, содержащей кислородъ. Для этого необходимо обладать чрезвычайно сложнымъ, чрезвычайно чувствительнымъ окислительнымъ аппаратомъ, подобно тому, какъ для усвоенія углекислоты и солнечной энергіи для растений потребенъ особый хлорофильный аппаратъ. И въ то время, какъ въ процессъ передачи окислительныхъ вліяній исключительное значеніе имѣетъ присутствіе марганца, въ процессъ возсозданія, накопленія энергіи подобную специфическую передаточную, направляющую и ускоряющую роль играетъ другой металлъ, а именно, магній.

VIII.

Окисляющее дѣйствіе различныхъ оксидазъ весьма ограничено, вѣрнѣе, оно всегда специфично, т. е. распространяется лишь на совершенно опредѣленные вещества и превращаетъ послѣднія лишь до совершенно опредѣленной окислительной степени. Многія оксидазы оказываются способными передавать кислородъ воздуха исключительно лишь соединеніемъ такъ назыв. ароматическаго ряда, обладающимъ совершенно опредѣленнымъ строеніемъ частицы.

Очень характерно еще то, что дѣйствіе оксидазъ и на эти вещества не является глубокимъ. Оно никогда не приводитъ къ полному окисленію углерода до угольной кислоты, но оно почти всегда ведетъ къ образованію интенсивно окрашенныхъ соединений пигментовъ.

Повидимому, все значеніе дыхательныхъ оксидазъ сосредоточивается именно на образованіи пигментовъ. Бываютъ иногда случаи, когда, напротивъ, окисленіе вызываетъ исчезновеніе пигмента. Пигментъ дыни, каротенъ, испытываетъ, напр., обезцвѣчиваніе при доступѣ воздуха; въ отсутствіи воздуха обезцвѣчиванія не происходитъ. Подъ вліяніемъ формалина энзиматическій процессъ нарушается, и окраска сохраняется при доступѣ воздуха. Каротенъ является готовымъ уже дыхательнымъ пигментомъ, способствующимъ передачѣ кислорода воздуха тканямъ. Въ растеніяхъ такія вещества очень распространены. Они неизбѣжны въ процессѣ дыханія. Иногда дыхательные пигменты возникаютъ сами при окисленіи изъ безцвѣтныхъ пигменто-образователей или дыхательныхъ хромогеновъ.

Такіе хромогены у бактерій и растеній играютъ такую же роль какъ гемоглобинъ, пигментъ крови у животныхъ, они способны рыхло связывать кислородъ воздуха и вновь выдѣлять его. Въ этомъ смыслѣ, напр., дубильныя кислоты, находящіяся всегда въ огромныхъ количествахъ въ растеніяхъ, являются настоящими резервуарами кислорода, изъ которыхъ ткани почерпаютъ по мѣрѣ надобности свой кислородный запасъ при посредствѣ ферментативныхъ воздѣйствій.

Дыхательные пигменты, происходящіе изъ хромогеновъ, могутъ вновь превращаться въ хромогены при дѣйствіи редуцирующихъ веществъ, всегда возникающихъ въ растеніяхъ при окислительныхъ процессахъ. Хромогенъ такимъ путемъ, не испытывая утраты или измѣненія, служитъ передаточнымъ пунктомъ; онъ сообщаетъ тканямъ кислородъ воздуха черезъ посредство оксидазъ и пигментовъ.

Редукція дыхательныхъ пигментовъ реализуется опять-таки

работой новыхъ энзимовъ, редуктазъ. Они весьма широко распространены въ растительномъ и животномъ мірѣ. Они ведутъ къ обезцвѣчиванію пигментовъ, возбуждаютъ многообразные, редуктивные біодинамическіе проявленія. Если окислительные процессы преобладаютъ надъ восстановительными, растенія пріобрѣтаютъ яркую окраску, вслѣдствіе скопленія дыхательныхъ пигментовъ. Весною молодые почки испытываютъ интенсивное дыханіе, и потому онѣ всегда сильно окрашены. Яркая окраска цвѣтовъ и плодовъ обусловлена повышенной энергіей ихъ дыханія. Дыхательные хромогены образуются насчетъ сахаристыхъ веществъ. При кормленіи растеній сахаромъ, количество пигмента въ листьяхъ значительно увеличивается. Энзиматически, путемъ внутримолекулярнаго дыханія сахаристыя вещества даютъ первичные продукты анаэробнаго броженія; послѣдніе отчасти превращаются въ хромогены, эти передатчики кислорода отчасти сгораютъ, доставляя источникъ жизненной силы.

Между основными біологическими пигментами животнаго и растительнаго царства, между гемоглобиномъ и хлорофилломъ, установлено тѣснѣйшее химическое родство. Оба они способны превращаться въ одни и тѣ же продукты, производныя пиррола, оба они даютъ рядъ весьма сходныхъ промежуточныхъ соединений. И, тѣмъ не менѣе, фізіологическое значеніе обоихъ пигментовъ весьма различно. Хлорофиллу присуща, главнымъ образомъ, функція разложенія углекислоты подъ вліяніемъ свѣта при выдѣленіи свободнаго кислорода. Гемоглобинъ, напротивъ, поглощаетъ кислородъ, является резервуаромъ кислорода, подобно дубильнымъ веществамъ или дыхательнымъ хромогенамъ растеній. Истинными передатчиками кислорода, истинными виновниками всякаго окисленія и здѣсь, и тамъ служатъ дыхательныя энзимы—оксидазы.

Энзиматическіе процессы распространяются не только въ глубинѣ интрамолекулярной, анаэробной жизни, они проникаютъ собой всякое проявленіе жизнедѣятельности. Всякое проявленіе жизни осуществляется при посредствѣ самыхъ разнообразныхъ ферментаций. Особенно со времени открытія нерастворимыхъ внутреннихъ энзимовъ, эндо-энзимовъ, тѣсно связанныхъ съ протоплазмой, и со времени обнаруженія конструирующихъ энзимовъ, начинаютъ открываться новыя надежды къ уясненію тайны жизни.

До сихъ поръ были извѣстны преимущественно разлагающіе энзимы, способствующіе разложенію бѣлковъ, жировъ и сахаристыхъ веществъ, способствующіе окисленіямъ и расщепленіямъ вообще, энзимы, претворяющіе сложныя соединенія въ простѣйшія. Но еще большее значеніе имѣютъ энзимы, созидающіе, превращающіе непрерывно, какъ будто простымъ своимъ соприкосновеніемъ, вещества болѣе или менѣе простаго строенія въ сложныя составныя части протоплазмы. Это какой то обратный процессъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не источеніе протоплазмы фермен-

товъ, а какъ бы возсозданіе протоплазмы изъ ферментовъ или при посредствѣ ферментовъ. Выше мы имѣли случай упомянуть о подобномъ конструирующемъ броженіи *Leuconostoc'a*, создающего изъ сахара крахмалъ. Такое же синтетическое броженіе ведетъ къ образованію крахмала въ растеніяхъ и глюкогена у животныхъ. Гидравлическій сокъ дрожжей, предварительно лишенный глюкогена, по прибавленіи сахара вызываетъ вновь возникновеніе глюкогена этого сахарнаго резерва животныхъ тканей. Свертывающіе бѣлковыя энзимы ведутъ къ образованію еще болѣе сложныхъ веществъ. Большинство ферментовъ способно видоизмѣняться не только въ форму безразличную или противодѣйствующую первоначальной работѣ фермента (зимогены и антиферменты), они часто приобретаютъ возможность активировать совершенно обратные процессы. Такимъ образомъ, разлагающій энзимъ можетъ видоизмѣниться въ созидающій именно то соединеніе, которое онъ первоначально способенъ былъ только разлагать. Энзимы синтетическихъ броженій обуславливаютъ то вѣчно идущее обновленіе организма, которое составляетъ загадку и сущность жизни. Благодаря ихъ неистощимости и предопредѣленности, они поддерживаютъ неизсякающую жизненную силу въ ея видовыхъ и индивидуальныхъ особенностяхъ, передавая ее изъ поколѣнія въ поколѣніе, динамизируя и заражая жизнью мертвую матерію. Въ настоящее время эта проблема, самая заманчивая и, къ сожалѣнію, еще едва затронутая, служитъ единственной руководящей нитью въ таинственномъ лабиринтѣ жизни.

В. Садиковъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ. Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Ренатѣ все это казалось лихорадочнымъ кошмаромъ. Когда она подошла къ воротамъ сада, передъ ними стоялъ Вандереръ и почти непрерывно звалъ ее. Съ нимъ была собака Ангелюсъ; она нетерпѣливо фыркала и, увидѣвъ Ренату, завyla отъ радости. Между тѣмъ Рената всего разъ видѣла и покормила животное. Теперь она чувствовала себя въ безопасности; она весело кликнула собаку, которая неустанно кружилась вокругъ нея и рыла передними лапами землю. Она протянула руку Вандереру, молча и съ тревожнымъ вопросомъ смотрѣвшему на нее, и быстро поцѣловала его въ губы, какъ будто прося не спрашивать. И этотъ бѣглый поцѣлуй заставилъ его забыть все. Но когда они шли по тускло освѣщенному коридору, на стѣнахъ котораго висѣли выцвѣтшіе пейзажи, она на мгновеніе остановилась и съ отчаяніемъ подумала: ложь. Во второй разъ. Но она не могла рассказать этого Ансельму. Не только потому, что безотчетный страхъ мѣшалъ ей вызывать въ памяти отдѣльные моменты этого часа: въ одномъ пунктѣ она чувствовала себя глубоко виноватой. Поэтому-то она и поцѣловала Ансельма. Этотъ поцѣлуй означалъ: я сумѣла выбрать.

Они пошли дальше и вошли въ столовую. Вдругъ Ансельмъ заговорилъ, и Рената испуганно подняла на него глаза. Онъ произнесъ имя того человѣка, о которомъ она все время думала.

— Знаешь, кто такой этотъ Грауманъ? Ты помнишь его, Рената? Говорятъ, что онъ анархистъ, по крайней мѣрѣ,

теоретическій. Его изгнали, и теперь онъ живетъ на швейцарской границѣ, скрываясь какъ хищный звѣрь въ западнѣ.

— Откуда ты знаешь это?—беззвучно спросила Рената, подходя къ печи, чтобы согрѣться. Она открыла желѣзную дверцу и поднесла руки къ огню.

— Ахъ... случайно. Какъ ты можешь оставаться въ лѣсу такъ долго, Рената! Ты совсѣмъ посинѣла отъ холода. Ахъ, дорогая, что только тебѣ можетъ придти въ голову.—Онъ нагнулся и страстно прижалъ ея руку къ губамъ.

— Ты принесть мнѣ газеты, Ансельмъ?

Онъ всплеснулъ руками въ комичномъ смущеніи. Онъ совсѣмъ забылъ объ этомъ.

— Гдѣ же ты былъ такъ долго?

— Въ клубѣ.

— Въ клубѣ? Развѣ въ Констанцѣ есть клубъ? Что же ты тамъ дѣлалъ?

— Игралъ, Рената.—Онъ стоялъ у окна спиной къ ней.

Она молчала. Она закрыла глаза и представила его себѣ за карточнымъ столомъ, играющаго спокойно и безъ увлеченія, какъ человѣкъ, котораго ничто не тревожитъ. „Развѣ это доставляетъ тебѣ удовольствіе, Ансельмъ?“—хотѣла спросить она. Но эти слова прозвучали только въ ея душѣ.

Они сѣли за столъ и Вандереръ началъ оживленно рассказывать.

— Вѣдь ты еще не видѣла, какъ слѣдуетъ стараго города, Рената. Мы должны когда-нибудь посмотрѣть старые улицы и переулки, старые дома. Напримѣръ, домъ, гдѣ былъ заключенъ Гусъ, котораго сожгли, и восхитительныя тихія площади, напримѣръ, Церковная площадь. А какіе тамъ есть старые дворцы! Все это настоящія историческія книги.

— Я не люблю историческихъ книгъ.

— Ты предпочитаешь книги съ исторіями, правда?

Въ этотъ моментъ въ сѣняхъ раздался шумъ голосовъ, все усиливавшійся. Одинъ голосъ принадлежалъ Винивааку, другой былъ чужой. Рената быстро встала. Она испуганно смотрѣла на дверь. Раздался громкій злобный лай Ангелюса, послышались быстрые, приближающіеся шаги; дверь распахнулась, и на порогъ появился господинъ, незнакомый Вандереру. Онъ былъ строенъ; въ немъ было что-то неуловимо благородное. Бѣлокурая борода, подстриженная четырехъугольникомъ, обрамляла лицо съ тонкими чертами, на которыя годы не наложили замѣтныхъ слѣдовъ. Онъ остановился на порогѣ, впереди взволнованнаго Виниваака, и, снявъ пенснэ, не отрываясь, смотрѣлъ на Ренату.

Рената стояла, какъ окаменѣлая. Она была смертельно блѣдна.

Незнакомецъ вошелъ, закрылъ дверь передъ носомъ Виниваака, который успѣлъ только взглянуть на Вандерера и съ сожалѣнiемъ пожать плечами, и съ короткимъ, сдержаннымъ поклономъ положилъ шляпу на стулъ.

— Ты, вѣроятно, не ожидала меня видѣть, Рената, — сказалъ онъ, видимо стараясь говорить вѣжливо и спокойно. — Но я долженъ былъ одинъ разъ поговорить съ тобою. Какой бы свободной и самостоятельной ты себя ни воображала, есть вещи, которыя я долженъ сказать тебѣ. Я думаю, ты выслушаешь меня. Его лобъ покраснѣлъ, но было видно, что онъ сильно борется съ собою, чтобы не измѣнить своему намѣренiю оставаться въ границахъ спокойствiя и холодности.

— Говори, отецъ, — отвѣтила Рената, съ трудомъ произнося слова и тяжело переводя дыханiе. Съ такимъ же трудомъ она сдѣлала краснорѣчивый жестъ, заключавшiй все, что могло казаться необходимымъ для объясненiй относительно Вандерера.

— Въ сущности говорить нечего, — сказалъ фабрикантъ, стискивая руки. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу.

Онъ старался говорить съ почти адвокатскимъ спокойствiемъ, но Рената видѣла, что руки его дрожали, когда онъ разворачивалъ бумагу.

— Ты оставила намъ только нѣсколько словъ, — началъ опять господинъ Фуксъ. — Мы нашли записку гораздо позже; вѣтеръ забросилъ ее подъ шкафъ, и твоя мать случайно нашла ее, очнувшись въ одинъ прекрасный день въ твоей комнатѣ отъ обморока. Ты нашла нужнымъ въ нѣсколькихъ словахъ... ну слушай сама: „Я слѣдую за человѣкомъ, котораго избрала свободно. Я иду съ нимъ, не скованная никакимъ внѣшнимъ принужденiемъ. Простите и дайте мнѣ уйти. Дайте мнѣ найти свою судьбу, и если я буду несчастна, дайте мнѣ быть несчастной такъ, какъ я этого хочу. Не забывайте меня“.

Рената едва держалась на ногахъ. Ее потрясло то, какъ отецъ прочелъ эти нѣсколько строкъ. Приблизивъ листокъ къ самымъ глазамъ, онъ разбиралъ ихъ по слогамъ, какъ человѣкъ, едва умѣющий читать, при каждой фразѣ утомленно закрывая покраснѣвшiе глаза. Она вспомнила, какъ часто видѣла отца радостнымъ и веселымъ, въ особенности послѣ хорошаго обѣда, когда въ его беззаботной веселости было что-то заразительное.

— Но я полагаю, Рената, что эти слова о свободѣ и внѣшнемъ принужденiи не болѣе, какъ романтическiя

бредни. Только это я и хотѣлъ спросить тебя, ради этого я не отдыхалъ ни одного дня, пока не узналъ, гдѣ ты—впрочемъ, это было уже не такъ трудно, когда мы узнали, кого ты избрала. Итакъ, я предполагаю это и спрашиваю тебя, живешь ли ты теперь, какъ честная женщина, и могу ли я передъ всѣмъ міромъ сказать, что ты моя дочь.

Суровость судьи въ словахъ и тонѣ отца заставила Ренату судорожно насторожиться и болѣзненно обострила ея чувствительность. Ея смиреніе превратилось въ упорство, мягкость въ оцѣпенѣніе; ей казалось, что ее хотятъ вернуть въ ея прежнюю тюрьму. Въ ней вдругъ пробудилось бурное, непосредственное чувство своего единства съ Ансельмомъ. Оно внушило ей стремительныя слова:

— Какъ бы я ни жила, отецъ,—такъ я хочу и хотѣла жить. Свободно, какъ ты это называешь,—честно, какъ я. Я хочу чувствовать и жить *каждый* день, а не умирать душевно въ любви, которая держится на привычкѣ. Этого мнѣ не замѣнить никакая обезпеченность жизни, она для меня -- могила.

Нѣсколько мгновеній въ комнатѣ было тихо; Рената какъ будто оцѣпенѣла въ глубокомъ изумленіи отъ своихъ собственныхъ словъ.

Фабрикантъ взялъ свою шляпу, осмотрѣлся вокругъ блуждающими глазами, машинально вынулъ часы и сказалъ запинаясь:—Хорошо. Очень хорошо, что я знаю это. Плохо для твоей матери, плохо для всѣхъ насъ. Я проклинаю тебя, Рената, да, я проклинаяю тебя и надѣюсь, что когда-нибудь ты будешь молить о помощи у моей двери, какъ жалкая нищая.

Слабый крикъ Ренаты, стукъ двери, тяжелые удаляющіеся шаги, рокотъ озера, тихое шипѣнье газоваго пламени...

Рената тихо плакала. Ансельмъ шагаль по комнатѣ, по обыкновенію прищелкивая пальцами, порядочно раздосадованный, что во всей этой сценѣ игралъ столь мало значительную роль.—Проклинаю, ха-ха,—бормоталъ онъ.—Точно въ бульварномъ романѣ.—Онъ криво улыбнулся.

— Успокойся, дорогая, не плачь. Стоитъ ли! Правда, твой старикъ могъ бы избавить насъ отъ этой эффектной сцены. Но и ты не должна была говорить ему въ лицо такія вещи. Это не имѣетъ никакого смысла. Ты могла спокойно сказать ему, что все обстоитъ такъ, какъ онъ хочетъ. Если даже это и не правда. Вѣдь раньше или позже мы должны будемъ сдаться. Свѣтъ сильнѣе насъ. Ты слишкомъ хорошаго мнѣнія о немъ. Смотри, Рената, предположимъ, что я былъ

бы холоднымъ спекулянтъ и не любилъ бы тебя такъ безумно и бросилъ бы тебя...

Онъ весело продолжалъ говорить съ сознаниемъ своего превосходства: онъ не теряется въ этомъ сложномъ положеніи. Онъ не замѣчалъ, что Рената перестала плакать и слушала съ недовѣріемъ и ужасомъ. Наконецъ, ея ледяное, безжизненное лицо и стиснутые зубы заставили его замолчать.

II.

Когда Рената на слѣдующее утро проснулась, Ансельмъ еще спалъ. Она слегка приподнялась, опершись головой на руку. Задумчиво разсматривала она его раскраснѣвшее, возбужденное лицо съ падающими на лобъ влажными волосами и толстыми губами. Затѣмъ она повернулась къ окну, которое не было завѣшено, потому что въ него заглядывало только сѣрое небо и далекіе, окутанные туманомъ лѣса.

Ансельмъ вдругъ проснулся, и его взглядъ упалъ на Ренату.—Что съ тобой?—спросилъ онъ, сейчасъ же придя въ себя.

Рената улыбнулась и свободной рукой отвела волосы съ его лба. Онъ притянулъ ее къ себѣ, но она вздохнула и взглянула на него быстрымъ испытующимъ взглядомъ. Онъ повторилъ свой вопросъ. Рената посмотрѣла на небо и шепнула:—Ты такъ опытенъ.—Она, краснѣя, схватила его руку и крѣпко сжала ее. Въ ней горѣло желаніе видѣть теперь его лицо, но она не рѣшалась посмотрѣть на него.

— Но вѣдь ты должна была этого ждать,—успокаивающе сказалъ Ансельмъ. Она сдѣлала быстрое движеніе и повернулась къ нему лицомъ, какъ будто не понимая.

— Но вѣдь тогда, Ансельмъ, ты сказалъ... ты не помнишь? Ты не помнишь того вечера у насъ, когда мы вдвоемъ сидѣли у камина, и ты сказалъ мнѣ...

— Да, Рената. Я сказалъ тебѣ, что не имѣю понятія о любви.

Рената молчала нѣсколько секундъ, какъ будто тщательно взвѣшивая каждое его слово, затѣмъ она холодно и съ внутреннимъ отвращеніемъ сказала:

— Значитъ, это не одно и то же, Ансельмъ?—Она устало опустила руки на одѣяло движеніемъ, полнымъ разочарованія. Теперь она видѣла искаженное гнѣвомъ лицо своего отца гораздо яснѣе, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда оно было передъ ней.

Ансельмъ избѣгалъ говорить объ этомъ. Все утро они говорили о путешествіи; они рѣшили въ первой половинѣ

января поѣхать на югъ, въ Италію, Грецію, можетъ быть даже малую Азію. Ренатъ хотѣлось видѣть то, о чемъ она читала въ безчисленныхъ книгахъ и что казалось ей сказкой. Ансельмъ избѣгалъ говорить и о томъ, что со времени послѣдняго вечера занимало еще больше его мысли. Свобода была для него пустымъ звукомъ; кто не знаетъ принужденія, для того не существуетъ свободы. А та свобода, которой хотѣла Рената, казалась ему равнозначущей съ неувѣренностью теперь, когда онъ любилъ ее всѣмъ существомъ, и образъ ея преслѣдовалъ его даже во снѣ. Такимъ образомъ имъ руководило скорѣе стремленіе къ эгоистичному спокойствію увѣреннаго обладанія, чѣмъ желаніе не отличаться отъ свѣта и общества клеймомъ необычайнаго. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы властно настоять на своемъ, къ тому-же онъ боялся разрушить ея иллюзіи о себѣ.

Поэтому онъ старался окутать все непроницаемымъ покровомъ нѣжности, который долженъ былъ помѣшать видѣть ей, на самомъ же дѣлѣ дѣлалъ его слѣпымъ къ тому, что происходило въ ея душѣ. Онъ нанялъ изящный экипажъ, чтобы она могла выѣзжать; абонировался на журналы модъ и выписалъ изъ Парижа дорогіе туалеты. Онъ покупалъ цѣнные предметы искусства, чтобы украсить домъ, и не задумываясь тратилъ крупныя суммы на вещи, которыя когда-либо понравились ей на мгновеніе. Онъ выписалъ мольбертъ, рамы, полотно и краски, но оказалось, что у Ренаты пропало желаніе рисовать. Когда она въ первый разъ опять взяла въ руки кисть и палитру, чтобы сдѣлать эскизъ уголка озера съ опушкой лѣса, ею овладѣло странное отвращеніе къ этой работѣ. Новый рояль, который Ансельмъ выписалъ изъ Вѣны, тоже не радовалъ ее. Она полюбила ничего не дѣлать цѣлыми часами, читала романы, большей частью выбирая такіе, въ которыхъ описывалась женская доля, безразлично, въ какихъ краскахъ, съ какой силой: это увлекало ее. Среди другихъ ей попалась въ руки книга подъ названіемъ: „Безъ возврата“. Она читала ее, не отрываясь, но въ концѣ почувствовала себя разочарованной. Она сказала о своемъ впечатлѣніи Ансельму, но онъ нашель, что это хорошая книга, хорошо написанная. Почему-то онъ выражался при этомъ аффектированно. Затѣмъ онъ сообщилъ Ренатѣ, что сегодня въ клубѣ познакомился съ Петеромъ Грауманомъ, который вернулся изъ одного изъ своихъ таинственныхъ путешествій.

Рената испугалась, но сдѣлала видъ, что едва слушаетъ. Она равнодушно пожала плечами и вышла изъ комнаты. Въ маленькой комнаткѣ перваго этажа, которую она выбрала для себя, она сѣла за письменный столъ; она чертила пе-

ромъ по бумагѣ, смотрѣла въ окно, брала въ руки то книгу, то иллюстрированный журналъ, но не могла найти покоя. Она услышала, что Ансельмъ вышелъ изъ дому, подошла къ окну, спряталась за красными гардинами и смотрѣла всѣмъ ему, пока онъ не скрылся на поворотѣ, ведущемъ къ озеру. Тогда она вышла изъ комнаты; ей захотѣлось поиграть на роялѣ.

На лѣстницѣ она въ изумленіи остановилась. Снизу доносился безпорядочный шумъ и крикъ. Кричали, перебывая другъ друга, нѣсколько голосовъ: одинъ плачущій, другой пронзительный, злобный, третій низкій, грозный, четвертый успокаивающій. Ко всему этому присоединялся лай Ангелюса. Рената быстро спустилась внизъ и въ сумракѣ съ трудомъ различила слѣдующую сцену: Виниваакъ изо всѣхъ силъ билъ свою дочь суковатой дубиной, а мать, сжимая кулаки, подзадоривала его. Кизеветтеръ, ночной сторожъ, очевидно, пришедшій въ гости, старался успокоить то одного, то другую. Когда Рената вошла въ сѣни и остановилась, испуганная и возмущенная, стало тихо. Всѣ повернулись къ ней. Даже Ангелюсъ пересталъ лаять, хотя это, казалось, доставляло ему большое удовольствіе; дружелюбно помахивая хвостомъ, подошелъ онъ къ свей госпожѣ и заворчалъ, когда Маріанна Виниваакъ на колѣняхъ подползла къ Ренатѣ и съ плачемъ схватила край ея платья. Рената вздрогнула и отшатнулась. Все это происходило въ той части сѣней, куда выходили комнаты Виниваака. Старуха съ робкой угодливостью бросилась зажигать огонь. Кизеветтеръ почтительно стоялъ, обнаживъ голову, точно въ церкви, Виниваакъ растерянно смотрѣлъ на стѣну. Рената спросила, въ чемъ дѣло, хотя догадывалась, что ей отвѣтятъ. Она отдала бы часть своей жизни, чтобы не услышать этого отвѣта.

— Эта стерва связалась съ негодяемъ,—мрачно загремѣлъ Виниваакъ. Онъ подошелъ ближе, поднялъ дубину, и дѣвушка съежилась какъ звѣрь.

Кизеветтеръ вмѣшался, пустивъ въ ходъ свое краснорѣчіе и знаніе свѣта. Онъ не хотѣлъ упустить случая высказать свои гуманные взгляды. Ангелюсъ началъ свирѣпо лаять, такъ что вѣсть утѣшенія и мира, возвѣщенная ночнымъ сторожемъ, осталась не услышанной. Оказалось, что Кизеветтеръ былъ предметомъ ожесточенной ненависти Ангелюса. Рената, внутренне точно парализованная всей этой сценой, ласково подняла дѣвушку, взяла свой носовой платокъ и вытерла ей мокрое отъ слезъ лицо. Старуха вдругъ стала горько плакать, а Виниваакъ сдѣлалъ самый изысканный изъ своихъ поклоновъ. „Какая вы добрая,“ — пролепетала, не открывая глазъ, избитая.

Рената попросила Виниваака пощадить дочь и ушла. Поглощенная мыслями, она долго ходила по комнатѣ, забывъ зажечь огонь; затѣмъ она сѣла въ темнотѣ за рояль и начала тихо играть. Она сидѣла такъ до прихода Ансельма, который въ изумленіи всплеснулъ руками, заставъ ее въ полномъ мракѣ. „Я привелъ гостя, Рената!“ оживленно воскликнулъ онъ, зажигая лампу, и Рената увидѣла Петра Граумана, съ почтительной вѣжливостью подходившаго къ ней. Онъ поцѣловалъ руку, которую она машинально протянула ему; ни однимъ движеніемъ не намекнулъ онъ на ихъ прежнюю встрѣчу. Благодаря этому, разговоръ легко завязался, и Рената съ краснорѣчіемъ, которое ей самой казалось непонятнымъ, рассказала мужчинамъ, что произошло у Винивааковъ. Ансельмъ ограничился замѣчаніемъ, что это позорно. Грауманъ же только раздвинулъ углы губъ и нѣсколько разъ пригладилъ ладонью волосы съ затылка напередъ, ловя губами воздухъ, какъ рыба. Ансельмъ смутился и попросилъ Ренату сыграть что-нибудь. Она съ улыбкой повернулась, откинула крышку рояля и заиграла, какъ будто на урокъ музыки, „Первую утрату“ Шумана.

III.

Ужинъ былъ оконченъ. Петеръ Грауманъ принялъ мину ученаго и сказалъ, необыкновенно отчетливо произнося слова:

— Въ низшихъ классахъ народа, гдѣ слѣдуютъ голому инстинкту, господствуетъ въ сущности горадо бѣлая воля къ счастью.

— Воля къ счастью?—спросила Рената.

— Да. Волей къ счастью я называю забвеніе всѣхъ предразсудковъ относительно чувственной жизни, которые у насъ распространены такъ, какъ фразы въ книжномъ нѣмецкаго языка.

— Вы правы,—замѣтилъ Вандереръ.—*Эти* люди еще отваживаются дѣйствовать.

— Да! Да!—подтвердилъ Грауманъ со своимъ страннымъ, саркастическимъ пафосомъ.—И ясно, что вѣроятность такой смѣлости должна становиться тѣмъ меньше, чѣмъ выше словіе: аристократка, которая послѣдовала бы примѣру фрейлейнъ Виниваакъ, неминуемо погибла бы.

— Почему неминуемо погибла бы?—спросила Рената, блѣднѣя.

Грауманъ посмотрѣлъ въ сторону съ бѣглой, циничной усмѣшкой. Въ ней было что-то мелькающее, неуловимое.

— Выродившееся или, если хотите, утонченное тѣло не

можетъ вести здоровую, чувственную жизнь. А въ этомъ все дѣло. Прежде всего банкротство такъ называемыхъ иллюзій; это ясно: кто разъ повернулъ спину анемичнымъ идеаламъ общества, того оно выбрасываетъ въ вѣчный мракъ. Инстинктъ самосохраненія. Я могу представить себѣ женщину, одаренную правильнымъ инстинктомъ, которая пожертвовала бы своимъ общественнымъ положеніемъ, — изъ смутнаго стремленія... какъ бы выразиться... изжить себя до конца. Но она должна была бы задохнуться и ослѣпнуть. Въ міръ не было бы для нея ни свѣта, ни воздуха, и такъ какъ двери общества, которое она покинула, заперты навсегда, ея инстинктъ—можно назвать это и порываніемъ—гналъ бы ее все глубже. А отнятыя иллюзій не возмѣщаются жизненной силой. Я знаю много примѣровъ такого рода, и всегда это была одна и та же исторія. Христіанское смиреніе и самоотреченіе здѣсь борятся съ неудовлетворенностью цѣлыхъ поколѣній. Это великолѣпный матеріалъ для будущаго основателя религій—эти женщины, усталыя отъ ожиданія восторговъ. Но я думаю, мы оставимъ эту тему. Не сыграете ли вы намъ еще что-нибудь? Вы знаете французскія пѣсни?

— Я думаю, это... не такъ несомнѣнно, какъ вы представляете!—сказала Рената, не слыша послѣднихъ словъ.— Вѣдь каждый живетъ по своему, на свой собственный ладъ. Вѣдь мы не вагоны, которые тащитъ одинъ паровозъ.

На это Грауманъ отвѣтилъ своимъ фыркающимъ смѣхомъ, который онъ изъ соображеній приличія старался по возможности заглушить.

— Наоборотъ, мы именно!—возразилъ онъ съ снисходительной веселостью и слегка ядовитой благосклонностью.— Поэтому-то слова и излишни. Машина работаетъ за насъ. Если же кто-нибудь взбунтуется и дернетъ ручку тормоза, онъ за это жестоко поплатится.

— Значитъ, вы думаете, что чувственность стоитъ въ центрѣ жизни?—спросилъ Вандереръ робко и вѣжливо.

— Да! Да!

Лицо Граумана выразило преувеличенную торжественность.

— Но вѣдь вы анархистъ?

— Да? Откуда вы знаете это, господинъ Вандереръ? Какое отношеніе это собственно имѣетъ къ нашей темѣ? Впрочемъ, надо же быть чѣмъ-нибудь. Одинъ—кучеръ, другой—министръ. Если правительство предложитъ мнѣ чинъ гофрата, я буду гофратомъ!

Рената въ тоскѣ встала; у нея было желаніе незамѣтно ускользнуть. Было мучительно сидѣть противъ этого человека, взгляды котораго безпрепятственно касались ея, точно

пальцы, для котораго платье было какъ будто стекломъ и въ словахъ котораго былъ какой-то другой смыслъ, какое-то гораздо болѣе грозное значеніе, чѣмъ казалось на первый взглядъ. Она сѣла въ кресло, стоявшее въ сторонѣ, въ тѣни.

Петеръ Грауманъ рассказывалъ о своей жизни. Его отецъ палъ во время междоусобной войны. Онъ, по всей вѣроятности, родился въ Австраліи, хорошенько онъ не знаетъ. Онъ былъ поваромъ на атлантическомъ пароходѣ и кочегаромъ при доменной печи. Въ калифорнскихъ розсыпяхъ онъ составилъ себѣ состояніе и промоталъ его въ Парижѣ въ теченіе двухъ недѣль.

Что-то неуволимое придавало его словамъ печать правды. Грауманъ рассказывалъ все это съ нескрываемой насмѣшкой надъ самимъ собой, съ очевиднымъ напряженіемъ избѣгая рискованныхъ выраженій; заключилъ онъ фривольной цитатой изъ пѣсенекъ Аристиды Брюана, которую тихо пропѣлъ, нагнувшись впередъ, и руками изображая аккомпанементъ на гитарѣ. Что-то доставляло ему необыкновенное удовольствіе; Рената видѣла это по похотливой и хищной улыбкѣ, не сходившей съ его устъ. Быть можетъ, это было напряженное и возбужденное состояніе Вандерера, въ любезности котораго къ Грауману было что-то внушавшее Ренатѣ страхъ. Когда Грауманъ смотрѣлъ на него, онъ машинально кивалъ головою, какъ будто выражая одобреніе. Каждый взглядъ говорилъ о добровольномъ подчиненіи. Рената была раздражена; она не могла смотрѣть на него и чувствовала себя одинокой. Она считала его болѣе самостоятельнымъ, независимымъ, неподатливымъ, болѣе гордымъ, твердымъ въ своихъ мнѣніяхъ; она думала, что онъ болѣе способенъ скептически отнестись къ такому человѣку, какъ Грауманъ, что онъ умѣетъ доводамъ противопоставить доводы, а не отдается, какъ юноша, безотчетному чувству симпатіи. Ей хотѣлось, чтобы его любезность была притворная, чтобы она оказалась ловушкой, поставленной тому и ясно показывающей его превосходство. „Ты такъ опытенъ“, — сказала она ему. Но разочарованіе, которое она испытала при этомъ, быть можетъ, только скрывало за собой признаніе: я такъ неопытна, защити меня ты, знающій. Ей хотѣлось, чтобы Ансельмъ отнесся съ пренебреженіемъ къ презрительнымъ рѣчамъ Граумана о дешевой мудрости свѣта или веселымъ рассказамъ о его авантюрахъ.

Когда Петеръ Грауманъ, почтительно, съ напыщенной любезностью простившись съ Ренатой, собрался уходить; Вандереръ проводилъ его до воротъ. Ночь была теплая, небо было покрыто пушистыми, лимонно-желтыми облаками. Они нѣсколько времени стояли молча. Грауманъ, засунувъ

руки въ карманы плаща, недовольно смотрѣлъ на озеро и насвистывалъ сквозь зубы. Вдругъ онъ сказалъ:

— Поздравляю васъ!

И въ отвѣтъ на удивленное и смущенное лицо Вандерера прибавилъ:

— Ну, съ этой женщиной, чортъ побери!

Онъ прищелкнулъ языкомъ. Вандереръ опустилъ голову, неприятно задѣтый. Затѣмъ Грауманъ совершенно другимъ голосомъ, очень серьезно и видимо равнодушно спросилъ:

— Не можете ли вы одолжить мнѣ пятьдесятъ франковъ?

Вандереръ, краснѣя, далъ ему пять золотыхъ монетъ, хотя достаточно было четырехъ, такъ какъ это были марки.

— Благодарю васъ!—патетически и выразительно сказалъ Грауманъ и простился дружескимъ рукопожатіемъ.

Рука у него была толстая, влажная и холодная. Вандереръ смотрѣлъ вслѣдъ, какъ онъ, пошатываясь, шелъ при невѣрномъ ночномъ освѣщеніи. Калабрійская шляпа имѣла видъ купола, а приземистая фигура—четыреугольника. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе чего-то фантастическаго.

Когда Вандереръ вернулся, Ренаты уже не было въ гостиной. Она была въ спальнѣ. Онъ послѣдовалъ за ней, быстро подошелъ къ ней и хотѣлъ ее поцѣловать. Но она сжала губы и сурово покачала головою. Она была въ рубашкѣ, и мягкая кожа на ея шеѣ и плечахъ сверкала въ полуосвѣщенной комнатѣ. Ансельмъ взялъ ея руку, сѣлъ возлѣ нея и прижался губами къ ея затылку. Онъ обнялъ ее съ почти женственной нѣжностью и спросилъ:

— Развѣ мы не счастливы, Рената? Развѣ ты не счастлива?

Она смотрѣла въ сторону, слегка наморщивъ лобъ. Она не любила этого въ немъ. Онъ не долженъ былъ быть мягкимъ. Онъ не долженъ былъ быть грустнымъ, какъ бы тиха ни была ночь, какъ бы серебристо ни свѣтилъ мѣсяцъ. Но... она прислонилась головой къ его плечу и закрыла глаза. Она не хотѣла думать.

Они сидѣли такъ, пока колоколъ пробилъ одиннадцать. Вандереръ всталъ на колѣни, чтобы снять съ нея ботинки. Въ то время, какъ онъ былъ занятъ этимъ, она спросила:

— Ты вѣришь въ Бога, Ансельмъ?

Онъ удивленно поднялъ глаза и засмѣялся:

— Что это тебѣ пришло въ голову, Рената?

— Ахъ, собственно я никогда серьезно не думала объ этомъ. Но все мнѣ кажется такимъ спутаннымъ. Должно же быть что-нибудь... надъ случайностями, какъ ты думаешь?

Ансельмъ не зналъ, что отвѣтить. Онъ заговорилъ о Грау-

манъ, такъ какъ ему хотѣлось знать мнѣніе Ренаты. Но ей уже хотѣлось спать.

Два часа спустя, когда все было погружено въ глубокій сонъ, раздался сильный звонокъ. Вандереръ и дочь Ваниваака одновременно вышли въ коридоръ. Это была срочная телеграмма отъ брата Ансельма: „Пріѣзжай немедленно въ Вѣну. Твое присутствіе настоятельно необходимо. Твое и мое состояніе на картѣ“.

IV.

Когда Ансельмъ, дрожа отъ холода опять вошелъ въ комнату, онъ уже на столько овладѣлъ собой, чтобы быть въ состояніи пока скрыть отъ Ренаты это извѣстіе. Но Рената едва проснувшись отъ звонка и сейчасъ опять заснула. На лицѣ ея было мирное, дѣтское выраженіе. Бѣлый лобъ, обрамленный темными волосами, казался щитомъ, охраняющимъ ее отъ опасностей.

Ансельмъ не спалъ всю ночь; онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ все объ одномъ, охваченный такимъ страхомъ и тоскою, что постель казалась ему ложемъ пытки. Мысли смѣнялись, перебывая одна другою. Передъ окнами разстилался темный ландшафтъ; онъ оперся локтемъ о подушку и машинально смотрѣлъ въ зеркало; мало-по-малу онъ сталъ различать въ немъ свой образъ, бѣлый и далекій. Вдругъ онъ увидѣлъ въ немъ еще одинъ образъ, и такъ испугался, что горло его точно сдавила судорога. Это проснулась Рената; она мягко спросила его, почему онъ не спитъ. И онъ, подъ впечатлѣніемъ своего испуга, сказалъ откровенно:

— Рената, ты могла-бы перенести бѣдность? Что, если-бы мы были такъ бѣдны, какъ Виниваакъ, даже еще бѣднѣе?

Рената весело засмѣялась своимъ мелодичнымъ смѣхомъ и отвѣтила:—Какой ты смѣшной!.. Изъ-за этого ты не спишь?

— Нѣтъ, Рената, не говори „смѣшной“, а подумай.

— Да... что-же мнѣ сказать? Я не знаю. Я никогда не была бѣдна.

Она опять засмѣялась и слегка поцѣловала его въ щеку.

— Мой братъ... ты не слышала звонка, Рената? Мой братъ телеграфируетъ мнѣ, чтобы я немедленно пріѣхалъ въ Вѣну. Наше состояніе на картѣ.

Рената всплеснула руками, хотѣла что-то сказать, но промолчала.

— Онъ, очевидно, спекулировалъ,—задумчиво продолжалъ Ансельмъ.

— Ну, Рената, что ты скажешь теперь?

Рената молчала. Она чувствовала въ тѣлѣ странную тяжесть. Послѣ продолжительнаго молчанія, длившагося не меньше четверти часа, Рената спросила:—Когда-же ты ѣдешь?

— Завтра вечеромъ въ восемь часовъ. Въ десять идетъ прямой поѣздъ изъ Брегенца.

— Ты возьмешь меня съ собой?

— Нѣтъ, Рената, это не годится; подумай только..

— Ты хочешь оставить меня одну здѣсь?—Рената прижалась къ нему съ испугомъ и мольбой. Вандереръ долго говорилъ, доказывая ей, что это необходимо.

— Я не хочу оставаться здѣсь,—прошептала она.—Здѣсь такъ ужасно одиноко.

— На три дня, Рената. Можетъ быть, все это только пустая тревога, тогда мы поѣдемъ путешествовать. Теперь спи, моя дѣвочка.—Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ, и она заснула.

Твердость, съ какой онъ настоялъ на своемъ, произвела на нее успокаивающее дѣйствіе. Остальное—„бѣдность“ было для нея хотя страшнымъ, но пустымъ словомъ. Она не могла себѣ ясно представить, что за нимъ скрывается, ея мысли только играли имъ.

Наконецъ, забрезжилъ день; Ансельмъ слѣдилъ за его приближеніемъ, какъ слѣдять за передвиженіемъ часовой стрѣлки. Сначала все было сѣро, съ темными цвѣтными пятнами на сѣромъ фонѣ, затѣмъ появилась красная полоса, разгоравшаяся все больше и больше, затѣмъ по небу потекли великолѣпные пучки свѣта, точно ставшіе видимыми звуки фанфаръ. Старая картина,—думалъ Ансельмъ, какъ будто ища въ этомъ утѣшенія: для него въ утренней зарѣ заключалась угроза, и ему хотѣлось-бы, чтобы всегда продолжалась ночь и никогда не наступалъ этотъ день.

Онъ всталъ, одѣлся, вышелъ изъ дому и принялся бродить по берегу въ сопровожденіи Ангелюса, который, радостно фыркая, бросался то въ одну сторону, то въ другую. Скоро онъ вернулся домой, сѣлъ за письменный столъ и написалъ брату довольно безсвязное письмо; въ немъ онъ извѣщалъ о часѣ своего пріѣзда,—но въ общемъ говорилъ больше всего о любви.—Онъ отнесъ письмо на почту, долго слонялся по деревнѣ, подарилъ франкъ какому-то мальчугану, опять вернулся въ виллу, и узналъ отъ Маріанны, что Рената все еще спитъ. Затѣмъ пришла утренняя почта, но она принесла только газеты. Ансельмъ велѣлъ принести свой чемоданъ, уложилъ вещи; въ концѣ концовъ онъ усталъ быть одинъ, подкрался къ постели Ренаты и ласками разбудилъ ее. Она улыбнулась ему, слегка пристыженная тѣмъ, что онъ уже

всталъ, и обвила руками его шею. Ея беззаботность усилила тревогу, снѣдавшую его.

Утро и день прошли, какъ всегда. Въ пять часовъ, съ наступленіемъ темноты, Ансельмъ былъ уже готовъ къ отѣзду. Онъ поручилъ Винивааку доставить чемоданъ въ восемь часовъ на вокзалъ. Онъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы ѣхать пароходомъ. Болѣе поздняя почта тоже не принесла никакихъ разъясненій изъ Вѣны. Рената видѣла въ этомъ невниманіе, Ансельмъ-же — плохое предзнаменованіе: растерянность, безнадежность; идя съ Ренатой по дорогѣ въ Констанцъ, онъ молча думалъ объ этомъ.

День былъ теплый безъ осенней сырости, безъ ноябрьскаго вѣтра. Воздухъ былъ точно въ сентябрѣ, но на озерѣ было сильное волненіе. На пристани они сѣли на скамью. Унылое зрѣлище уходящаго дня приковало ихъ. Нѣсколько грустно настроенные, сидѣли они рука объ руку. Вода плескалась о каменный берегъ, по волнующейся поверхности носились лодки, а когда приходилъ пароходъ, вода разъ за разомъ съ шумомъ взлетала кверху. Ренатѣ стало холодно, и они поехали въ городъ. Они шли по улицамъ, обмѣниваясь рѣдкими фразами въ ясномъ предчувствіи грядущихъ событий. Рената освоилась съ мыслью, что остается одна, и находила наивное утѣшеніе въ томъ, что будетъ ежедневно получать письма отъ Ансельма.

— Я люблю получать письма, — сказала она. Ансельмъ поражался, сколько искренности и дѣтской наивности скрывалось за внѣшней сдержанностью и зрѣлостью ея существа. Но его пугало ея непониманіе того, что должно рѣшиться въ ближайшіе дни.

Вечеромъ городъ показался ему еще болѣе привѣтливымъ и очаровательнымъ. Онъ восхищался каждымъ переулкомъ, каждымъ домикомъ, каждой мансардой. Ренатѣ тоже многое казалось давно знакомымъ и близкимъ. Изъ какого-то кабака донеслись звуки скрипки и женскій голосъ. Они съ любопытствомъ приблизились. Улица была совершенно пуста; рядомъ, въ саду стоялъ огромный вязъ. Низкія, узкія окна кабака были завѣшаны; теперь они слышали только скрипку, наигрывавшую какое-то интермеццо. Затѣмъ запѣло женское контральто. — Это былъ красивый голосъ, звучный и тяжелый, полный страсти. Рената опустила голову и слушала. Отчетливо доносились слова:

Розы, двѣ розы грустятъ на кустѣ
Время имъ скоро поблекнуть.
Ты умерь, милый, въ живой красотѣ,
Но не можешь твой образъ померкнуть...
Розы, двѣ розы грустятъ на кустѣ...

Лилии, двѣ лилии у стана легли,
 Умчались вешнія рѣки,
 Дни счастья и свѣта такъ быстро ушли,
 Одно осталось навѣки...

Лилии, двѣ лилии у стана легли...

V.

Первый вечеръ Рената провела за чтеніемъ и игрой на роялѣ; въ одиннадцатъ часовъ она уже спала. Но на слѣдующее-же утро наступили тѣ пустые часы, которыхъ нельзя заполнить ничѣмъ, никакимъ ожиданіемъ, никакой работой, никакими воспоминаніями, которые текутъ медленно, какъ масло, и омрачаютъ настроеніе уже одной своей пустотой. Къ этому еще присоединилось безнадежно-сѣрое небо, а къ полудню снѣгъ, падавшій непрерывно большими бѣлыми хлопьями. Озеро глотало эти хлопья, точно голодная пасть, горы стали бѣлыми, деревня вся исчезла въ бѣломъ, только хвойный лѣсъ глядѣлъ по прежнему мрачно. „Я засыпана снѣгомъ“,—не выходило у нея изъ головы. Въ снѣгахъ сидѣла на ступенькѣ лѣстницы Маріанна и пѣла: „Радуйтесь жизни“,—все одну и ту-же строфу, звонкимъ голосомъ, въ которомъ звучала надежда. Ренатѣ казались странными эти слова въ такихъ устахъ. Правда, Маріанна сорвала розу, прежде чѣмъ она отцвѣла, и какъ-бы скудно ни горѣлъ огонекъ ея жизни, она радовалась ей.

Такъ прошелъ первый день, за нимъ второй. Писемъ не было. На третью ночь Рената не могла спать; утромъ, вставъ съ постели, она испугалась, увидя свое изображеніе въ зеркалѣ. Утренняя почта не принесла ничего. Рената ходила, не находя покоя, внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, изъ комнаты въ комнату. Она позвала собаку, какъ будто ища у нея защиты и утѣшенія, и Ангелюсъ превзошелъ самого себя въ предупредительности. Казалось, онъ нарочно преувеличиваетъ свою неуклюжесть и неловкость, чтобы развеселить свою госпожу; но все было напрасно. Рената не пила, не ѣла; она не отходила отъ окна, изъ котораго можно было увидѣть синій мундиръ почтальона; напрасно. Она хотѣла телеграфировать, но ея мысли начали болѣзненно путаться.

Въ четыре часа стало уже темно. Въ комнату, ковыляя, вошелъ Виниваакъ и съ церемоннымъ поклономъ доложилъ о приходѣ господина Граумана; онъ сейчасъ же прибавилъ, что вѣдь никого нѣтъ дома. Очевидно, онъ заранѣе радовался, что сможетъ спровадить ненавистнаго гостя. Но Рената и не подумала сдѣлать это; она ухватилась за гостя,

какъ за послѣднюю поддержку. Когда Грауманъ вошелъ, она взглянула на него съ такимъ ожиданіемъ, что тотъ, довольно улынувшись, отмѣтилъ про себя этотъ взглядъ, какъ что-то интимное.

— Я слышалъ, что вашъ супругъ уѣхалъ,—началъ онъ такъ торжественно, какъ будто собирался держать рѣчь. Я не хотѣлъ упустить...—Онъ запнулся, снялъ перчатки и неуверенно посмотрѣлъ на кончики своихъ ботинокъ, такъ какъ поведеніе Ренаты ставило его втупикъ.

Машинально, какъ бывший солдатъ вздрагиваетъ при звукахъ команды, Рената принялась за исполненіе своихъ обязанностей хозяйки. Она сѣла и попробовала вести разговоръ, какъ дѣлала это столько разъ раньше, но ей показалось, что говорить не она, а какой-то другой, чуждый ей голосъ. Она хотѣла предложить Грауману какой-то вопросъ, который передъ тѣмъ казался ей важнымъ, но чужой голосъ говорилъ о совершенно другихъ вещахъ. Вдругъ она очнулась; среди разговора Грауманъ небрежно и какъ будто съ добродушнымъ участіемъ бросилъ нѣсколько словъ и эти слова имѣли отношеніе къ Ансельму. Онъ сказалъ:

— Я никогда не подумалъ бы, что вы могли полюбить такого человѣка, какъ Вандереръ.

Рената подняла голову и проникательно взглянула на Граумана. Онъ постарался избѣгнуть ея взгляда, раздвинулъ губы, при чемъ нижняя губа совершенно исчезла подъ зубами, и продолжалъ, сначала немного запинаясь:

— Я не хочу этимъ ничего сказать противъ него. Напротивъ, я считаю его превосходнымъ человѣкомъ. Но Господи Боже мой, развѣ вамъ этого достаточно? Развѣ вамъ не нуженъ мужчина? Развѣ вамъ нужно расплывчатое нѣчто, не превышающее средняго мѣщанскаго уровня? Вы сами чувствуете это, но вы слишкомъ горды, чтобы сознаться себѣ въ этомъ. Вы отлично знаете его. Онъ всегда по слабости сдѣлаетъ то, чего ни въ какомъ случаѣ не долженъ дѣлать. Типичный образчикъ нашихъ молодыхъ людей: безцвѣтные, безжизненные, безъ костей, безъ кулаковъ, безъ способности наслаждаться, безъ таланта цѣнить прекрасное! Если у него умретъ кошка, онъ будетъ горевать, не изъ любви къ животному, а изъ сантиментальности. Каждый новый путь повергаетъ его въ смущеніе, каждый настоящій человѣкъ пугаетъ его. Я отлично знаю, что дѣлаю въ данный моментъ. Вы можете приписать это моральному дефекту во мнѣ или назвать это просто низостью. Въ такихъ вещахъ я анархистъ, въ другихъ—едва ли. Вы видите, я совсѣмъ разбитъ. Судите же меня.

Рената встала и холодно сказала:

— Вы сами отвѣтили себѣ. Я не понимаю, чего вы хотите. Если вы даже анархистъ въ этихъ вещахъ, адѣсь вамъ незачѣмъ бросать бомбы.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы не поняли меня!—воскликнулъ Грауманъ съ смѣшнымъ отчаяніемъ. — Меня только ужасала мысль, что вы прикованы на всю жизнь къ такому человѣку!

— Прикована! — презрительно отвѣтила Рената. — Я не прикована и онъ тоже. Мы оба свободны. Мы не были ни въ ратушѣ, ни въ церкви.

— Рената!—казалось, крикнулъ чей то предостерегающій голосъ. Но она упрямо отвернулась и прижалась лбомъ къ холодному стеклу окна. Она не замѣтила безграничнаго изумленія Петера Граумана. Его манеры въ одно мгновеніе странно измѣнились, какъ будто съ его членовъ сняли оковы. Онъ всталъ и, заломивъ руки за спину, прошелся по комнатѣ. На его лицѣ выражалась профессорская торжественность, иногда смѣнявшаяся бѣглой улыбкой. Вдругъ онъ остановился возлѣ Ренаты, отечески взявъ ее за руку и сказалъ: „Бѣдное дитя!“ Онъ выпустилъ руку и посмотрѣлъ на молодую дѣвушку съ едва сдерживаемой похотливостью.

У Ренаты было такое чувство, какъ будто она сейчасъ упадетъ. Руки казались ей свинцовыми, а воздухъ удушливымъ. Въ блестящихъ карихъ глазахъ гостя она читала ясно, какъ будто при свѣтѣ молніи, нескрываемую радость, безудержное желаніе, ликованіе: „онъ бросилъ тебя“, и увѣренность: „ты будешь принадлежать мнѣ“. Она думала, что своимъ отвѣтомъ вызоветъ все то восхищеніе и деликатность, которая скрываются въ любомъ свѣтскомъ человѣкѣ. То, что она увидала теперь, было для нея тяжелымъ ударомъ. Ощущеніе грязи вспыхнуло сильнѣе, непреодолимѣе, неоспоримѣе, чѣмъ когда-либо.

Такъ какъ начало смеркаться, она заученными движеніями принесла съ углового столика маленькую лампу и зажгла ее. Она не рѣшилась зажечь газовые рожки на люстрѣ. Болѣзненное, лихорадочное чувство стыда говорило ей, что движеніе рукой вверхъ можетъ раздѣть ее въ глазахъ этого человѣка. Когда лампа разгорѣлась, она опустила шторы на окнахъ, и произведенный этимъ шумъ немного успокоилъ ее. Она выглянула въ саль, не тамъ ли Виниваакъ, она позвала бы его. Но передъ ней одиноко лежалъ высокій голубоватый снѣгъ. Она попыталась представить себѣ, что она одна, но ея мысли вертѣлись, какъ колеса, вокругъ фигуры, которая спокойно, точно каменная, стояла у зеркала и самымъ внимательнымъ обра-

зомъ слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Когда окно было закрыто, она приняла рѣшеніе выйти изъ комнаты и взяла лампу, стоявшую на рояли. Въ этотъ моментъ она скорѣе почувствовала, чѣмъ услышала, что Грауманъ подходитъ къ ней. Ее охватилъ ужасъ, ей казалось, что сердце ея разорвется. Она обернулась съ необыкновенной быстротой, и лампа въ ея рукѣ бросила яркій свѣтъ на лицо Петера Граумана. Онъ улыбался. Она никогда не могла забыть этой зовущей и увѣренной улыбки. Онъ протянулъ къ ней руку, и она, не издавъ ни звука, уронила лампу на полъ. Въ тотъ же моментъ вся комната была въ огнѣ.

Хотя она лежала безъ сознанія, ей казалось, что она ясно слышитъ все: крики сбѣжавшихся людей, даже спокойнѣе, холодное объясненіе Граумана, что здѣсь случилось. Затѣмъ ея сознаніе омрачилось совершенно. Ее вынесли, когда пламя уже почти добралось до ея тѣла.

Когда она очнулась, у ея постели сидѣли Маріанна и врачъ изъ Констанца. Врачъ, веселый старикъ, приложилъ много труда, чтобы привести ее въ себя, и радовался своему успѣху. Ея первый вопросъ былъ, есть ли письмо; отвѣтъ гласилъ утвердительно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

„Дорогая Рената, событія послѣднихъ дней такъ потрясли меня, что у меня не было силъ писать тебѣ. Даже теперь я дѣлаю это съ трудомъ, потому что то, что я долженъ сказать тебѣ, ужасно. Приѣхавъ сюда, я въ квартирѣ брата засталъ величайшее смятеніе, растерянные лица, чиновниковъ суда, врача. Самыя худшія мои предчувствія подтвердились. Ночью мой братъ застрѣлился. Къ чему описывать тебѣ впечатлѣніе, которое это произвело на меня. Я не въ состояніи сдѣлать это. Не знаю, что теперь будетъ. Мы бѣдны. Рената, я бѣденъ. Съ сегодняшняго дня я нищій. Мой братъ вложилъ свое и мое состояніе въ очень сомнительное предпріятіе, и теперь все погибло. Я не думаю, чтобы послѣ общаго подсчета у меня осталось больше тысячи гульденовъ. Домъ въ Вѣнѣ, имѣніе въ Гойзернѣ, вилла на Боденскомъ озерѣ,—все погибло. Братъ вложилъ не только наличный капиталъ, онъ выдавалъ и векселя.

Что теперь будетъ? У меня нѣтъ родныхъ, въ сущности нѣтъ и друзей, я стою совершенно одинъ передъ полной

нищетою. Ты не знаешь, что это значитъ, Рената. Я тоже не зналъ этого, но будущее не избавитъ меня ни отъ чего изъ всего того, что молча переносятъ миллионы людей. Но ты! Ты, Рената! Разумъ отказывается служить мнѣ. Будешь ли ты достаточно сильна, можешь ли ты быть достаточно сильна, чтобы перенести это, любимая! Не дрожишь ли ты передъ лишеніями? Не будешь ли ты жалѣть? Найдешь ли ты въ себѣ достаточно довѣрія, чтобы ждать рядомъ со мною, пока я воздвигну себѣ новый прочный домъ? Эти мысли мучать меня день и ночь. Моей гордостью было бы показать тебѣ, что могутъ сдѣлать для тебя мои руки, но будешь ли ты достаточно стойка, чтобы помочь мнѣ своей вѣрой въ меня?

Теперь намъ предстоитъ слѣдующее: я сегодня же уѣзжаю въ Мюнхенъ. Тамъ у меня всего больше видовъ: у меня тамъ есть нѣкоторыя связи, возникшія на почвѣ моихъ химическихъ знаній и занятій. Ты тоже должна уѣхать. Если ты боишься ѣхать одна, я пріѣду за тобой. Напиши сейчасъ же по моему мюнхенскому адресу. Я представляю себѣ, съ какими чувствами ты вступишь опять въ этотъ городъ, но не рисуй себѣ этого въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Мы пробудемъ тамъ самое большее недѣлю, затѣмъ я поѣду въ Берлинъ. Ты сможешь жить такъ уединенно, что никто не будетъ и подозрѣвать, гдѣ ты. Вѣдь твои родители уже не живутъ въ Мюнхенѣ. Я не могу больше жить безъ тебя. Эти нѣсколько дней были сплошнымъ мучительнымъ голодомъ по тебѣ. Пиши мнѣ, что ты думаешь, не скрывай отъ меня ни одной самой мимолетной мысли и повѣрь мнѣ, что я черезъ все раздѣляющее насъ пространство могу замѣтить каждую тѣнь, которая пробѣгаетъ по твоему дорогому лицу. Я никогда не думалъ, что страсть можетъ такъ овладѣть всѣмъ моимъ существомъ. Твой Ансельмъ“.

„Дорогой Ансельмъ, у насъ былъ пожаръ. Лакъ на роялѣ испортился, голубая вышитая покрывка и одна портьера обуглились, кромѣ этого больше не случилось ничего. Не сердись, я по своей неловкости уронила лампу. Милый Ансельмъ, я не понимаю, зачѣмъ ты тратишь такъ много словъ. Само собой разумѣется, что я сдѣлаю то, что ты хочешь. Я поѣду въ Мюнхенъ, здѣсь къ тому же слишкомъ одиноко. Здѣсь я не могла бы остаться. Надо же видѣть и людей. Здѣшнихъ людей я боюсь. Разъ мы пробудемъ въ Мюнхенѣ всего нѣсколько дней, это не играетъ роли. Не играетъ роли и то, что скажутъ люди. Ахъ, Ансельмъ, не бойся же такъ бѣдности. Ты будешь

зарабатывать достаточно, больше, чѣмъ намъ нужно. Вѣдь ты способенъ и уменъ. Извѣстіе, что твой братъ лишилъ себя жизни, потрясло меня. Когда это случается съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ людей—это ужасно, о чужихъ слушаешь равнодушно. Я думаю, что никогда не была бы способна на это. Я слишкомъ люблю жизнь. Я представляю себѣ, каково на душѣ у тебя. Ахъ, иногда и я боюсь будущего, но не потому, что мы теперь бѣдны. Я не могу тебѣ объяснить этого, особенно на бумагѣ. Завтра я еще не поѣду, потому что мнѣ нужно время, чтобы уложиться, и потому что завтра пятница. Значитъ, въ субботу двухчасовымъ поѣздомъ. Если бы только мы уже были вмѣстѣ! Я безпокоилась, что такъ долго не было письма. Горячо цѣлую тебя. Твоя Рената. Ангелиуса я возьму съ собою”.

II.

Съ легкимъ сердцемъ простилась Рената съ озеромъ и лѣсомъ, съ виллой и городомъ. Единственнымъ воспоминаніемъ обо всемъ этомъ остался Ангелюсъ. Онъ лежалъ у ея ногъ и испытующе смотрѣлъ на нее своими карими глазами: затѣмъ онъ впалъ въ пріятную дремоту, которой благопріятствовалъ однообразный шумъ колесъ. Съ каждымъ часомъ въ Ренатѣ росъ страхъ передъ Мюнхеномъ. Ей стало ясно, что ея откровенность и правдивость въ событіяхъ прошедшихъ недѣль обратились противъ нея самой. Она не понимала, какъ могла рѣшиться поѣхать туда, гдѣ столько завистливыхъ глазъ будутъ слѣдить за каждымъ ея взглядомъ, выкапывать наружу каждый уголокъ ея прошлаго. И все же благородное упорство и чувство своей правоты побуждали ее взглянуть въ лицо своимъ врагамъ, которые до сихъ поръ скрывались для нея во мракѣ. Она вѣрила, что искреннее, честное слово должно заглушить всякую враждебность, уничтожить тайное и явное недоброжелательство. Она мечтала о томъ, чтобы личными усилиями завоевать обратно тѣ симпатіи, которыя считала утраченными только потому, что друзья не поняли причины ея поступковъ. Ей было трудно рѣшиться поѣхать въ чужой городъ, такъ какъ она начала тосковать по своему прежнему обществу, которое вдругъ представилось ей въ прекрасномъ мягкомъ свѣтѣ. У нея было такое чувство, какъ будто она добровольно разстается съ чѣмъ-то необходимымъ для нея.

Въ семь часовъ вечера поѣздъ съ грохотомъ вѣхалъ подъ своды центрального вокзала. Ансельмъ встрѣтилъ

Ренату и усадилъ ее въ экипажъ, стараясь по возможности сдержать страстныя изъявленія преданности со стороны Ангелюса. Когда Рената, усталая и въ то же время возбужденная, сѣла въ экипажъ, и карета, дребезжа оконными стеклами, затряслась по мостовой, ее охватилъ непонятный ужасъ передъ перемѣной обстоятельствъ, которую она понимала подъ словомъ бѣдность. Она взглянула на Ансельма; онъ казался блѣднымъ и измученнымъ и съ болѣзненнымъ вниманіемъ наблюдалъ за каждымъ измѣненіемъ въ ея лицѣ. Улицы, ярко освѣщенныя дуговыми лампами, были бѣлы отъ снѣга. Они молча сидѣли въ тѣсномъ экипажѣ. Они такъ тосковали другъ по другѣ, онъ изъ любви, она—отъ одиночества, что теперь не знали, о чемъ говорить.

Въ квартирѣ Ансельма ихъ ждали теплыя комнаты и накрытый къ ужину столъ.—Я условился съ хозяйкой, что оставляю за собой двѣ комнаты,—сказалъ Вандереръ.—Мебель изъ остальныхъ комнатъ она покупаетъ у меня и сдаетъ ихъ жильцамъ.—Онъ сѣлъ на диванъ возлѣ Ренаты, порывисто обнялъ ее и положилъ ея голову къ себѣ на плечо. Черезъ нѣсколько времени она со страхомъ почувствовала, что его тѣло сотрясается, какъ будто отъ толчковъ, и услышала, что онъ плачетъ. Скованная ужасомъ, она не рѣшалась ни шевельнуться, ни поднять глазъ. Она никогда не видѣла плачущаго мужчины. Однако она преодолѣла свой испугъ и нѣжно и сострадательно погладила его по щекѣ. Но, несмотря на глубокое огорченіе, она сердилась на него. Еще поздно ночью, засыпая, она думала съ тоской: онъ не долженъ былъ плакать.

Она долго слышала въ сосѣдней комнатѣ его безпокойные шаги и не могла заснуть. Хотя было тихо, ей казалось, что въ ея уши вливается потокъ подземныхъ шумовъ. Это былъ городъ. Это было дыханіе города, бѣненіе его крови, глухіе звуки, которые онъ издавалъ во снѣ. Ночное небо казалось здѣсь другимъ, болѣе озабоченнымъ; тучи, казалось, носились быстрѣе, а въ шумѣ мятели было что-то жалобное. Рената была рада, что теперь ночь и что она лежитъ въ теплой постели. Она представляла себѣ, что находится въ пустынномъ полѣ; она спѣшитъ одна въ морозъ по снѣгу къ какому-то дому, до котораго еще безконечно далеко. Среди этихъ мыслей она заснула и не видѣла, что Ансельмъ со свѣчей въ рукѣ подошелъ къ ея постели и долго смотрѣлъ на нее, какъ будто на ея мирномъ челѣ могъ прочесть будущее.

На слѣдующее утро за завтракомъ Рената весело спросила:

— Сколько же денегъ у насъ есть, Ансельмъ?

Онъ покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Лучше не спрашивай. Голодать намъ еще не придется, Рената.

Рената засмѣялась, но слово голодать, какъ онъ его произнесъ, прозвучало для нея новымъ никогда неслыханнымъ звукомъ. Ансельмъ пошелъ въ городъ, простившись съ ней съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто ему предстояло выполнить какія-то серьезныя рѣшенія. Вернувшись, онъ мрачно сообщилъ, что встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, и всѣ уже знаютъ, что Рената Фуксъ здѣсь.—Это прямо загадка,—наивно сказалъ онъ.—Мы какъ будто попали въ гнѣздо шпионовъ.—Послѣ обѣда Рената ушла, а онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ за письменнымъ столомъ. Она вернулась только съ наступленіемъ темноты, и онъ замѣтилъ въ ея костюмѣ какую-то перемѣну. Присмотрѣвшись къ ней, онъ увидѣлъ, что на ней новый отдѣланный мѣхомъ зимній жакетъ.

— Ну, какъ я тебѣ правлюсь!—воскликнула она торжествующе, съ блестящими глазами.—Онъ былъ мнѣ крайне необходимъ.

— Сколько стоитъ жакетъ?—съ тяжелымъ сердцемъ спросилъ Ансельмъ.

— О, страшно дешево! Всего восемьдесятъ марокъ. На распродажѣ.

— Развѣ у тебя были еще деньги, Рената?

— Послѣднія. Красивый жакетъ, правда? Идетъ мнѣ?

Она была точно ребенокъ. Онъ не осмѣлился сказать ни слова упрека и только молча опустилъ голову. Рената сейчасъ же поняла, о чемъ онъ думаетъ. Она не знала, что сказать, и беспомощно смотрѣла передъ собой. „Мы бѣдны“, думала она и сдвинула брови, какъ будто стараясь проникнуть въ смыслъ этихъ словъ. Она нагнулась къ Ансельму, задумчиво провела рукой по его волосамъ и перелистала рукопись, лежавшую передъ нимъ. На заглавномъ листѣ было написано: „Альбуминаты или бѣлковыя вещества“.

— Что это ты дѣлаешь, Ансельмъ?

— Работаю.

— Ты много получишь за это?

— Не знаю, дорогая.

— Больше ста марокъ?

— Едва четвертую часть, Рената. Этихъ денегъ едва хватило бы на рукава твоего жакета.

Рената сняла жакетъ и молча сѣла въ уголъ. Почему было не сказать прямо?—съ горечью думала она. Скоро послѣ этого Ансельмъ собрался уходить. Онъ сказалъ, что условился встрѣтиться съ однимъ журналистомъ, по фамиліи

Стиве. Встревоженный ея молчаніемъ, онъ подошелъ къ ней. Она попыталась отвѣтить на его взглядъ, но его глаза какъ будто не могли остановиться. Въ эти нѣсколько секундъ Вандереръ ощущалъ свою любовь такъ, какъ будто невидимая гигантская рука перенесла его въ раскаленное пространство. Лицо его стрѣльчески исказилось. Совершенно ошеломленный этимъ ощущеніемъ, но считая нужнымъ что-нибудь сказать, онъ спросилъ не то шутя, не то по юношеской глупости:—А ты не измѣнила мнѣ, Рената, пока я былъ въ Вѣнѣ?

Рената вздрогнула, какъ будто подъ грядущимъ ударомъ. У нея было такое ощущеніе, точно въ ярко освѣщенной комнатѣ кто-то погасилъ всѣ огни. На моментъ все потемнѣло передъ ея глазами.—Вѣдь это ребячество,—прошептала она, встала и хотѣла выйти въ другую комнату. Но Вандереръ почти грубо схватилъ ее, и она упала къ нему на руки. Безпомощно, безвольно лежала ея голова на его плечѣ. Его шляпа упала на полъ, и онъ цѣловалъ ее съ такой жадностью, съ какой голодный набрасывается на пищу. Рената не отвѣчала на его поцѣлуи. Она сжала губы, и ей казалось, что она сама какъ будто со стороны видитъ, какъ становится все блѣднѣе. „Онъ взялъ меня, какъ будто я его вещь“, думала она.

III.

Снѣгъ пересталъ идти. Въ торжественной тишинѣ лежали, точно покрытыя разостланными холстами, улицы, по которымъ шагаль Вандереръ съ довольствомъ сытаго человѣка. Онъ набралъ въ руку снѣга и смочилъ горѣвшіе виски. Затѣмъ онъ, напѣвая пѣсенку съ ритмомъ которой соразмѣривалъ свои шаги, пошелъ дальше, не останавливаясь посмотрѣлъ на звѣзды, блескъ которыхъ оживлялъ небо, и предсказывалъ хорошую погоду. Одну изъ звѣздъ—онъ рѣшилъ, что это Юпитеръ—онъ съ чувствомъ побѣдителя назвалъ звѣздой своей судьбы. Бросая зеленое сіяніе, какъ изумрудъ, горѣла она между двумя башнями церкви, словно путеводный огонь надъ небесными вратами.

Въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ человѣкъ, у котораго все въ порядкѣ, пришелъ Вандереръ въ маленькій кабачекъ, гдѣ обыкновенно собирались художники, и гдѣ онъ условился встрѣтиться со Стиве. По комнатѣ точно нити тумана или тонкій шелкъ носился зловонный табачный дымъ, а нѣсколько молодыхъ учениковъ академіи производили за карточными столами столько шума, что въ нихъ сразу можно было узнать хозяевъ этого не осо

бенно опрятнаго уголка. Стиве сидѣлъ въ углу, сгорбившись, сонно вытянувъ ноги, весь окутанный дымомъ своей сигары. При входѣ Вандерера онъ сейчасъ же высунулъ изъ облака дыма свою тонкую яйцевидную голову, какъ будто продѣлавъ въ немъ окно. Со своей робкой вѣжливостью и покорной боязливой улыбкой протянулъ онъ Вандереру свои сухіе пальцы, которые тотъ осторожно пожалъ, какъ будто боясь ихъ сломать.

Стиве сначала долго распространялся о необходимости перемѣны погоды, о плохомъ воздухѣ въ кафе, но затѣмъ замолчалъ и исчезъ въ своемъ шатрѣ изъ дыма. Вандереръ далъ ему рукопись своей статьи, которую Стиве хотѣлъ помѣстить, какъ популярную, въ газетѣ къ которой имѣлъ отношеніе. Стиве взялъ ее, нѣсколько разъ кивнулъ головой въ знакъ благодарности и спросилъ Вандерера, повидимому равнодушно, играетъ ли онъ въ пикетъ.

Они сыграли партію, и Стиве проигралъ. Проигралъ и вторую, разнервничался, дрожащими пальцами мѣшалъ карты, иногда безъ всякой причины любезно улыбался, что придавало его лицу что-то скорбное. Наконецъ, Вандереръ извинился, что изъ-за поздняго часа долженъ прекратить игру. Стиве взялъ доску, долго съ усердіемъ считалъ, складывалъ, чиркалъ и, наконецъ, положилъ грифель съ подтверждающимъ „гм“. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана маленькій кожаный кошелекъ, который былъ разорванъ и выглядѣлъ, какъ грязныя лоскутья на платьѣ арлекина. Онъ порылся пальцами въ отдѣленіяхъ, въ которыхъ позвякивало нѣсколько никелевыхъ монетъ, задумчиво посмотрѣлъ въ свой стаканъ, пощупалъ карманъ куртки и затѣмъ серьезно и съ сожалѣніемъ извинился что забылъ „свои“ деньги. Вандереръ успокоилъ его и спросилъ, не можетъ ли онъ служить ему. Стиве не отказался: онъ прижалъ два пальца ко лбу и отвѣтилъ утвердительно. Но онъ попросилъ Вандерера напомнить ему объ этомъ завтра же, иначе можно легко забыть. Онъ, какъ будто сомнѣваясь въ чемъ-то, покачалъ головой и расправилъ усы. Въ его движеніяхъ было что-то отчаявшееся, какъ у посаженной въ клѣтку птицы.

Они вмѣстѣ вышли на улицу; снѣгъ началъ падать мелкими хлопьями. Черезъ триумфальныя ворота проѣхалъ возъ съ молокомъ, и маленький красный фонарь подъ дышломъ бросилъ яркое пятно на снѣгъ.

— Значить, вы рѣшили зарабатывать свой хлѣбъ газетной работой?—немного высокопарно спросилъ Стиве, зябко запахивая свой не особенно плотный плащъ. И онъ иронически прибавилъ:—Бумаги имѣется довольно. — Онъ неслышно ковылялъ по снѣгу своими длинными, неуверенными

шагами вслѣдъ за своей тѣнью, опустивъ голову и засунувъ руки глубоко въ карманы плаща.

— Развѣ у васъ въ этой области такой плохой опытъ?— спросилъ Вандереръ, который въ мысляхъ былъ уже дома.

— Опытъ! Я исковеркалъ этимъ всю свою жизнь. Я могу сказать спокойно: исковеркалъ, исковеркалъ всю жизнь. Имѣть талантъ очень хорошая вещь. Но надо было бы имѣть талантъ, какъ напримѣръ, имѣютъ красивое лицо: если его нѣтъ, то его, можетъ быть, и недостаетъ, но пользы отъ него нѣтъ никакой. Кому талантомъ надо зарабатывать хлѣбъ, тому приходится очень горько. Если каждое утро приходится проявлять талантъ, страница за страницей, листъ за листомъ, то очень горько. Да, у меня есть опытъ въ этой области, и я могу имъ подѣлиться съ вами отъ всей души.

— Вы, можетъ быть, видите все въ слишкомъ черномъ свѣтѣ,—нерѣшительно сказалъ Вандереръ.

— Позвольте, это фраза, я во все не „вижу“,—я подвожу балансъ, точь-въ-точь какъ это дѣлаетъ купецъ. Да, отдаться жизни и міру со свѣжей радостью и описывать ихъ—очень пріятная вещь. Очень милая, если тебя тянетъ къ этому. Но при ремеслѣ журналиста это у васъ быстро пройдетъ. Излить свою душу въ пасхальномъ или рождественскомъ фельетонѣ вамъ вѣдь не захочется. Вотъ и прибѣгаешь къ фразамъ, отъ которыхъ тошнить. Тошнить въ сто разъ больше, когда являются ваши добрые знакомые и хвалятъ „великолѣпную, полную настроенія картинку“. Сначала вы находите страннымъ, что эти добрые люди вдалились въ обманъ. Потомъ вамъ становится ясно, что всѣмъ это совершенно безразлично или же что вамъ солгали. Мало-по-малу вы становитесь равнодушны и лживы. Правда въ мірѣ существуетъ только для того, кто самъ чувствуетъ ее. Говорить объ этомъ нельзя. И не забывайте, что Пасха и Рождество возвращаются, повторяются неумолимо каждый годъ. И каждый годъ вы спускаетесь все ниже (по наклонной плоскости). Вы сидите въ театрѣ и слушаете тупо и скептически, потому что вы видите всю обратную сторону. Ни одинъ актеръ не можетъ захватить васъ, потому что вѣдь вы знаете этого интригана-любownika, притворяющагося такимъ искренно пылкимъ, знаете глунаго резонера и тщеславнаго молокососа—благороднаго отца; знаете ужимки героини и всю гамму чувствъ индеецъ такъ-же хорошо, какъ свой платяной шкафъ. И какъ бы позорно ни играли, какія бы гнусныя пьесы ни исполнялись, вы должны молчать, хотя бы вы лопались отъ злости, потому что редакторъ находится въ связи съ такой-то, или директоръ принялъ пьесу съ друга, или теноръ женихъ фрейленъ

такой-то, отецъ, которой поддерживаетъ матеріально издателя газеты. Неизвѣстныхъ и нелюбимыхъ ваше перо можетъ уничтожать сколько угодно, хотя-бы тѣ отъ этого истекали кровью. О, я знаю это! О патриотизмъ и другихъ прекрасныхъ вещахъ нечего и говорить. Когда вы идете на собраніе, вы должны знать, что вамъ придется восхвалять орущаго на трибунѣ олуха, всѣхъ идіотовъ, которые тамъ горячатся изъ-за Гекубы. Они должны восхвалять каждого совѣтника коммерціи. И мелкаго чиновника въ его юбилей, и вѣрнаго посыльнаго, и убѣжище для инвалидовъ, и пѣвческій фереинъ—все это вы должны восхвалять или, по крайней мѣрѣ, „выражать свое глубокое уваженіе“. При этомъ платятъ вамъ, какъ дровосѣку, за то вы имѣете удовольствіе видѣть всю сѣть интригъ, злости, тщеславія, безсилія, грубости, произвола и глупости. Сначала у васъ отъ всего этого цѣпенѣтъ сердце; если-же нѣтъ, значитъ у васъ его не было никогда. Но затѣмъ вы тупѣете. Смотрите спокойно, какъ всякіе плуты пробиваются, а порядочные люди остаются внизу, надрываются, получаютъ десять пфенниговъ за строчку, а вечеромъ играютъ замасленными картами, какъ я. Весь міръ представляется вамъ огромнымъ складомъ бумаги, а небо кажется чернымъ отъ типографской краски. Каждое утро вы находите на своемъ письменномъ столѣ ту-же кипу газетъ, наполненныхъ сотнями тысячъ пустяковъ, которые будутъ проглочены всѣми филистерами съ тѣмъ-же жаднымъ равнодушіемъ, что и въ предыдущее утро. Въ этихъ газетахъ вы какъ будто за прозрачнымъ покровомъ увидите и все ничтожество и все рассчитанное фиглярство этого мірка. Вы не можете понять, что это должно продолжаться такъ вѣчно, это однообразное воодушевленіе ничѣмъ, восхваленія и безумныя рекламы. О, вначалѣ! Вначалѣ и у меня были идеалы и, быть можетъ, и талантъ. Теперь со всѣмъ этимъ кончено. Телѣга застряла въ общей грязи. Отвращеніе, отвращеніе это единственное, что остается. Отвращеніе и равнодушіе, повѣрьте мнѣ. Вы тогда были такъ добры ко мнѣ съ тѣми деньгами, поэтому я говорю съ вами такъ. Тогда эти деньги были точно вода на раскаленное желѣзо. Мнѣ никто не можетъ помочь, развѣ что кто-нибудь смогъ-бы снять съ меня тѣ пятнадцать лѣтъ, которые я провелъ въ этой убійственной профессіи. Для меня не существуетъ больше ничто,—ни искусство, ни поэзія, ни любовь, ни дружба, ничто. Я способенъ чувствовать только отвращеніе. Да и то не всегда.

Стиве замолчалъ. Бандереръ ничего не отвѣтилъ, не зная, что отвѣтить. На улицѣ не было ни души, хотя только что пробило двѣнадцать часовъ,—на всѣхъ колоколь-

няхъ всѣхъ церквей, вдали и вблизи, глухими и звонкими ударами, медленными и торопливо-легкомысленными. Каждый могъ выбрать напоминаніе о времени по своему вкусу, какъ погруженный въ мысли, такъ и торопящійся. Къ этимъ ударамъ присоединился лай собакъ во дворѣ ветеринарной школы, а съ той стороны сквозь ясный зимній воздухъ парка донеслось тупое пѣніе пьяныхъ кутилъ.

— Милый городъ!—сказалъ Стиве.—Здѣсь можно погибнуть и никто не замѣтитъ этого.

— Да, да!—вздыхнулъ Вандереръ, не находившій словъ въ отвѣтъ на эти полные отчаянія сарказмы. Его молчаніе должно было казаться деликатнымъ и сочувственнымъ, но въ глубинѣ души эти изліянія были ему немного непріятны. Здоровый не переноситъ зрѣлища истекающаго кровью человѣка. Какъ далека намъ чужая душа, извивающаяся въ судорогахъ! Стиве дружески пожалъ Вандереру руку и исчезъ въ темнотѣ. Ему казалось, что его признанія сблизили его съ Вандереромъ. А между тѣмъ онъ хорошо зналъ, что истинныхъ друзей имѣютъ только счастливые.

Вандереръ тихо открылъ дверь своей квартиры, зажегъ огонь и подкрался къ постели Ренаты. Онъ нагнулся и слегка поцѣловалъ ее въ лобъ, почти не коснувшись кожи. Онъ не замѣтилъ, что она только притворялась спящей.

IV.

Когда Рената осталась одна, къ ней пришла хозяйка Вандерера, фрау Корвинусъ—молодая женщина съ угодливой улыбкой на красивомъ лицѣ кокетки. У нея была осторожная походка, и ея манера говорить была не менѣе осторожна. Она старалась всегда выражаться какъ можно ласковѣе, и Рената сразу почувствовала недовѣріе къ ней. Но у нея были манеры дамы и практическій умъ тѣхъ женщинъ, оружіе которыхъ не страсть, а хитрость. Она сейчасъ же съ готовностью принялась рассказывать Ренатѣ цѣлый рядъ исторій о бракахъ и молодыхъ людяхъ, при чемъ была очень ядовита и умѣла ловко ставить себя внѣ рассказываемаго. Она разсыпалась въ похвалахъ Вандереру и недовѣріе Ренаты усилилось. Безъ всякихъ вопросовъ со стороны Ренаты фрау Корвинусъ стала рассказывать о его прежнемъ образѣ жизни,—поскольку онъ былъ ей извѣстенъ. Она со смѣхомъ созналась, что нѣкоторыя изъ его писемъ не остались тайной для нея, потому что онъ трогательно довѣрчивъ. Рената притворилась веселой и сдѣлала видъ, что все это забавляетъ ее. Затѣмъ хозяйка, развеселившись, расска-

зала объ одной дѣвушкѣ, которая ей особенно понравилась, и которая провела здѣсь одну ночь, за два дня до его отъѣзда.

— За два дня?—пробормотала Рената, которая вдругъ почувствовала будто вокругъ нея стало необыкновенно мало воздуха.

— Ну, можетъ быть, за три или четыре. Вѣдь вы не придадите этому значенія? А то я лучше буду молчать. Видите ли, я давно перестала относиться серьезно къ мужчинамъ и ихъ привычкамъ. Да, такъ эта дѣвушка была очень блѣдная, я ее помню такъ ясно. Я принесла завтракъ, и она спряталась за ширмами. Господинъ Вандереръ засмѣялся и подвелъ ее къ столу, и я видѣла, какіе заплаканные глаза были у нея. Онъ называлъ ее Эльвиной и все время поддразнивалъ ее и смѣялся.

Фрау Корвинусъ продолжала болтать со своимъ сквернымъ акцентомъ:

— Довѣрять нельзя ни одному мужчине, надо крѣпко натягивать капать и не выпускать поводьевъ изъ рукъ.

Рената думала только объ имени, которое услышала: она разлагала его на отдѣльные звуки, а буквы, составлявшія его, свѣтились передъ ней на потолокъ, надъ абажуромъ лампы, во мракѣ передъ окнами, точно свѣтляки, и у каждой было гримасничающее лицо, а съ него свисали, какъ пламя, женскіе волосы.

Въ коридорѣ жеманный голосъ позвалъ:

— Клотильда!

Фрау Корвинусъ встала и сказала, насмѣшливо подмигивая:

— Это мой супругъ!

Ангелюсъ, устроившій себѣ ложе у двери, заворчалъ, потому что ему доставляло мало удовольствія быть привратникомъ у такихъ сомнительныхъ личностей. — Онъ былъ рѣдкимъ знатокомъ людей.

Рената легла, потушила огонь и шесть буквъ закружились передъ ней въ танцѣ факеловъ. Въ то же время Ренату радовала мысль, что она завтра утромъ выйдетъ изъ дому на морозный, зимній воздухъ въ новомъ, отдѣланномъ мѣхомъ жакетѣ, о которомъ она вдругъ вспомнила съ нѣжностью. Когда пришелъ Вандереръ и поднесъ свѣчу къ ея лицу, мысли ея закружились, какъ вспугнутыя птички. Но глаза она не хотѣла открыть. Развѣ это онъ? Развѣ это не можетъ быть кто-нибудь чужой? Ансельмъ—какое чуждое имя; Вандереръ—какой чуждый звукъ! Она знала, что онъ стоитъ и улыбается, какъ будто говоря: „Бѣдная Рената! Я долженъ тебя любить“. Теперь онъ поцѣлуетъ ее. Его ды-

ханіе, отъ котораго пахнетъ сигарой, коснется ея. Онъ раздѣлся со спокойной неторопливостью, которую она знала, какъ будто всѣ дѣла всего міра должны заснуть на то время, когда спитъ Ансельмъ Вандереръ. Онъ потушилъ свѣчу, не снѣвша взбѣль пуховое покрывало, — это раздражило ее, — слегка вздохнулъ, и скоро въ комнатѣ стало такъ же тихо, какъ прежде. Вѣтеръ слабо шумѣлъ сухими вѣтвями, снѣжные хлопья ударялись о стекла, какъ будто кто-то стучалъ пальцемъ, что-то царапалось о стѣну, лѣниво тащились по снѣгу, точно въ войлочныхъ туфляхъ, дрожки.

Утромъ господинъ Корвинусъ попросилъ у Вандерера „аудіенціи“. Онъ не зналъ, какъ записать Ренату. Ансельмъ сумѣлъ обойти это непріятное положеніе, и преданный Корвинусъ, глаза котораго отъ готовности услужить стали совсѣмъ стеклянными, выказалъ себя очень скромнымъ и почитливымъ. Оттомаръ Корвинусъ былъ изящный и благовоспитанный человѣкъ. Онъ былъ способенъ произнести больше ста двадцати словъ въ минуту и такъ и дѣлалъ постоянно. Его манеры держались на золотой серединѣ между робкимъ нахальствомъ и наглой привѣтливостью. Онъ былъ очень опитенъ въ искусствѣ подлакиванія, часто бралъ на себя роль подпольнаго адвоката, чужая самую ничтожную выгоду на самомъ болѣнномъ отдаленіи, гдѣ для другихъ нуженъ былъ бы телескопъ, всегда говорилъ съ возбужденіемъ невинно осужденнаго и вѣчно былъ начиненъ тайными миссіями, перученіями, предпріятіями. Онъ былъ человѣкомъ чести. Его лѣвая рука точно знала, что дѣлаетъ правая. Но Ангелюсъ составилъ себѣ несправедливое мнѣніе о господинѣ Корвинусѣ и былъ вознагражденъ за это пинкомъ со стороны Вандерера. И по заслугамъ.

Ансельмъ вернулся обратно въ комнату, гдѣ его со страхомъ ждала Рената, начавшая всюду чутъ опасности. Онъ объяснилъ ей, чего хотѣлъ Корвинусъ, но такъ торопливо заговорилъ о другомъ, что Рената поняла, что здѣсь грозитъ непріятность. Нѣсколько минутъ онъ старался весело болтать, строилъ планы на будущее. Затѣмъ онъ всталъ, взялъ руку Ренаты, удивленно смотрѣвшей на него, и торжественно сказалъ:

— Милая, дорогая, пора, наконецъ, мнѣ поговорить съ тобой совершенно откровенно. Я знаю, какъ ты смотришь на это, и ты знаешь, какъ смотрю я. Въ душѣ мы останемся тѣмъ же, чѣмъ были, но вѣдь мы не можемъ измѣнить обычаевъ и законовъ общества. Я никогда не перестану носить тебя на рукахъ, повѣрь мнѣ, я не допущу до тебя ни одной заботы. Въ концѣ концовъ, намъ не нуженъ пасторъ. И только хочу, чтобы мы могли держать высоко голову по-

редъ свѣтомъ... Рената, останься же, что съ тобой? Я не понимаю тебя!

Рената встала. Она смотрѣла на стѣну и твердо произнесла свое „нѣтъ“. Кто знаетъ, можетъ быть, вчера еще она встрѣтила бы съ радостью его слова. Еще вчера была бы она готова разстаться съ былыми воздушными мечтами, потому что теперь ея опора была скорѣе въ довѣріи къ нему, чѣмъ въ мечтахъ, сила которыхъ ослабѣла.

Пораженный ея рѣзкимъ отказомъ, Вандереръ сталъ настаивать еще упорнѣе. Этотъ шагъ вдругъ началъ казаться ему важнѣе всего остального (исключительно благодаря ея сопротивленію), и онъ привелъ основанія, которыхъ раньше никогда не коснулся бы изъ деликатности. Рената попросила времени на размышленіе. Ее утомилъ этотъ словесный приступъ. Но это не заставило его замолчать. Плѣненный ея блѣднымъ, покорнымъ лицомъ, онъ сѣлъ рядомъ съ ней и сталъ говорить о томъ, какъ упорно онъ будетъ работать, какъ онъ добьется богатства, какъ обрушившееся на него несчастье принесетъ только пользу, закаливъ его, давъ ему почувствовать свои таланты и силы.

Рената опустила голову. Она вѣрила ему. Не совсѣмъ однако: потому что она не любила обѣщаній, отъ исполненія которыхъ къ тому же не ставила въ зависимость своего счастья. Когда Ансельмъ спросилъ ее, любить ли она его еще, она уже не растерялась, а со вздохомъ прислонилась къ его плечу и отвѣтила утвердительно. Она хотѣла быть съ нимъ откровенной, быть можетъ, только для того, чтобы разогнать свои сомнѣнія въ немъ, и она рассказала ему, что произошло у нея на виллѣ съ Петеромъ Грауманомъ. Въ тонѣ ея разказа было что-то смягчающее, какъ будто она просила прощенія для Петра Граумана. Когда она кончила, Ансельмъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Видно было, что ея разказъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ. Но такъ какъ все кончилось хорошо, то онъ подумалъ о томъ, какое выраженіе придать своему лицу, такъ какъ Рената, повидимому, ждала отъ своего признанія совершенно опредѣленнаго дѣйствія. Его черты смѣнили свое задумчиво мрачное выраженіе на сдержанно и безсильно гнѣвное. Рената робко наблюдала за нимъ, и когда онъ, проходя мимо, задѣлъ ея платье, она съ мольбой схватила его за руку. Онъ улыбнулся, не зная, какому чувству отдаться, и поцѣловалъ ее. Но этого Рената не ожидала. Когда его лицо очутилось такъ близко къ ней, она быстро заглянула въ его глаза и увидѣла въ нихъ образъ Эльвины.

Вандереръ, чувствовавшій каждую самую незначительную

перемѣну въ ея настроеніи, подумалъ, не можетъ ли онъ сообщить ей что-нибудь пріятное. Но ничто не приходило ему въ голову. И онъ разсказать, что редакторъ той газеты, съ которой онъ ведетъ переговоры, пришелъ вчера вмѣстѣ со Стиве и принялъ его статью. Рената проявила къ этому очень слабый интересъ, и онъ пожалѣлъ, что солгалъ. Его точно обожгло тоскливое предчувствіе будущихъ обмановъ. И въ то время, какъ онъ думалъ объ этомъ, какъ будто какой-то бѣсъ заставилъ его прибавить:—Да, Стиве даже думаетъ, что талантливый человѣкъ скорѣе всего можетъ пробыть на поприщѣ журналиста.

V.

Городъ началъ дѣйствовать на Ренату угнетающе. У нея появилась чувствительность къ шуму, которая раньше была ей чужда. Пристальные взгляды мужчинъ оскорбляли ее; если кто-нибудь шелъ за ней, ее охватывалъ гнетущій страхъ. Часто она приходила домой, прерывисто дыша, прижимая руки къ груди, блѣдная отъ волненія. Немало способствовалъ этому одинъ случай, не вышедшій у нея изъ ума.

Она шла въ сумерки мимо дворцоваго сада и собиралась перейти на Бріеннерштрассе. Она всегда выходила одна, такъ она условилась съ Ансельмомъ. Погода была теплая, снѣгъ таялъ, и широкая площадь была полна грязи. Она осторожно подобрала юбки и шла, не обращая вниманія на многочисленные экипажи. Въ этотъ моментъ со стороны Триумфальныхъ воротъ подкатила изящная коляска, и такъ какъ дорогу заграждали нѣсколько возовъ, кучеръ пустилъ лошадей шагомъ. Рената машинально взглянула въ лицо кучеру и обомлѣла... Но уже видна была внутренность экипажа, въ углу котораго неподвижно сидѣлъ герцогъ. Онъ посмотрѣлъ на Ренату такъ, какъ будто ждалъ этой встрѣчи, и въ лицѣ его не измѣнилась ни одна черта. Но ее ужаснулъ полный уничтожающаго и холоднаго презрѣнія взглядъ, который онъ бросилъ на нее. Его глаза въ невѣрномъ сумрачномъ свѣтѣ были похожи на зеленныя озера; въ нихъ было что-то смѣющееся, холодное, ядовитое.

Это продолжалось одно мгновеніе. Она остановилась, не въ силахъ сдѣлать ни шагу, и смотрѣла вслѣдъ экипажу съ дѣтской растерянностью. Вдругъ чья то сильная рука схватила ее и оттащила назадъ, такъ что она зашаталась, и въ тотъ же моментъ мимо нея промчался другой экипажъ, обогнавшій герцогскій. Рената испуганно посмотрѣла на

человѣка, оттащившаго ее: это былъ Гудштиккеръ, который весь блѣдный, все еще держалъ ее за руку. Онъ проводилъ ее черезъ площадь. Она безмолвно позволила ему вести себя. Вначалѣ она не узнала его. Онъ сейчасъ же вспомнилъ, кто она, такъ какъ у него была необыкновенная память на лица,—объ этомъ онъ сейчасъ же сообщилъ ей не принужденнымъ тономъ. Рената протянула ему руку, торопливо и безсвязно поблагодарила и поспѣшно ушла. Рука у нея еще болѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее схватилъ Гудштиккеръ. Опустивъ голову, шла она все дальше, пока не стало темно; ей казалось, что ее преслѣдуютъ жадные глаза, бывшіе свидѣтелями сцены съ Гудштиккеромъ.

Популярная статья Вандерера была отослана ему обратно съ вѣжливой благодарностью. Рената не узнала объ этомъ ничего. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что имѣнія на Боденскомъ озерѣ и въ Зальцкаммергутѣ проданы съ аукціона. Вырученныхъ денегъ едва хватило на то, чтобы покрыть долги. Это было большимъ разочарованіемъ для Вандерера, который надѣялся, что къ его скуднымъ сбереженіямъ что-нибудь прибавится. Объ этомъ Рената сначала тоже ничего не узнала. Наоборотъ, Ансельмъ умышленно обманывалъ ее относительно своего положенія. Этотъ неразумный образъ дѣйствій скоро отомстилъ за себя. Нѣсколько дней спустя Рената случайно нашла одно изъ писемъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому. Когда она прочла его, ее охватилъ такой страхъ, что она была близка къ потерѣ сознанія. Въ дѣловитыхъ словахъ было для нея что-то неотвратимое, чреватое послѣдствіями. Ей представилось, что теперь она понимаетъ многое. Она долго думала о томъ, почему Ансельмъ не сказалъ ей правды въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но, какъ всегда, она и теперь не въ состояніи была говорить, когда онъ пришелъ домой. Онъ замѣтилъ, что что-то случилось, потому что она казалась разсѣянной, даже разстроенной. Настойчивыми разспросами онъ въ концѣ концовъ выпыталъ у нея слово за словомъ то, что она, можетъ быть, все-таки сама открыла бы ему, если бы онъ былъ сдержаннѣе. Но сознаніе, что и самъ онъ многое скрываетъ отъ нея, дѣлало его неувѣреннымъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ потратилъ много словъ на доказательство того, что поступилъ правильно, не обременяя ее безъ нужды заботами. Онъ сказалъ ей, что все это ничего не значить при его молодости и способностяхъ, что онъ горитъ желаніемъ узнать, чего можетъ достигъ, и что то, что удалось другимъ, конечно, удался и ему. Она устало слушала его объясненія; его надежды возбуждали въ ней легкое недо- вѣріе. Ей было бы пріятнѣе, если бы онъ отнесся равно-

душиѣ къ ея страхамъ. Въ концѣ концовъ онъ обнялъ ее и поцѣловалъ, какъ будто говоря: теперь все по старому. „Онъ не знаетъ меня“, уныло думала Рената, молча позволяя ему цѣловать себя. Но мало-по-малу его поцѣлуи заставили ее забыть свои тревожныя мысли, и ея затуманенные глаза умоляли его только сдержать свою бурную страсть.

Онъ безъ всякаго повода принялся увѣрять ее, что они могутъ не бояться ничего плохого, что у него достаточно источниковъ помощи. Онъ сообщилъ ей также, что взялъ напрокатъ рояль, чтобы она не могла такъ много думать. Рената улыбнулась и, обрадованная, внимательно посмотрѣла на него. Ангелюсъ присоединился къ нимъ и весело помахивалъ хвостомъ, какъ будто разсѣявшееся облако плохого настроенія тяготѣло и на немъ. Онъ относился къ Ренатѣ съ необыкновенной любовью.

Въ дѣйствительности же у Вандерера не было никакихъ точекъ опоры. Его страсть и желаніе избавить Ренату отъ работъ заставляли его считать дѣйствительными вещи, которыхъ онъ только желалъ. Можетъ быть, онъ думалъ, что ему помогутъ друзья, можетъ быть, онъ *взглянулъ* въ своихъ друзей, Богъ знаетъ, какъ онъ себя это представлялъ. Его живое воображеніе позволяло ему видѣть за близящимся мракомъ уже зашедшее солнце. Онъ обманывалъ и себя, и Ренату.

Рояль, прибывшій на слѣдующій день, не завоевалъ симпатіи Ренаты. „Старая шарманка“, пошутила она, и чтобы доказать это, пробренчала на немъ уличную пѣсенку. Въ самомъ дѣлѣ звуки были деревянные, мертвые. Она съ грустью вспоминала о своемъ дорогомъ роялѣ въ родительскомъ домѣ и почти не подходила къ инструменту. Вандереръ теперь часто приносилъ мелочи—подарки для Ренаты. Эта нервная потребность дѣлать подарки была новой въ немъ. Большею частью это были пустячки—какой-нибудь коврикъ, шаль, красивая почтовая бумага, на которой ей некому было писать, или лакомства. Все это было непріятно Ренатѣ, она чувствовала въ этомъ молчаливое требованіе благодарности и ожиданіе, что подарки поддерживать въ ней хорошее настроеніе. На сколько увеличилось бы ея отвращеніе къ этой странной дани его чувствъ, если бы она знала, что онъ началъ продавать нѣкоторыя цѣнныя вещи, большей частью старыя фамилійныя драгоценности. Старьевщики уже ценили, съ кѣмъ имѣють дѣло, и безцеремонно эксплуатировали его. Такимъ образомъ нѣкоторое время у него было достаточно денегъ, и для компаніи Герца, Уибелейзена, Ксиландера, съ которой онъ вечеръ

за вечеромъ игралъ въ карты, онъ представлялъ пріятное пріобрѣтеніе. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ атмосферѣ кажущейся свободы, преувеличенной непринужденности, хмельного легкомыслія, остроумной меланхолии. Эта атмосфера оныняла его, дѣлала требованія дня менѣе значительными, усыпляла разсудительность, необходимую для того, чтобы хоть внѣшне оставаться властелиномъ своей судьбы. Среди людей, игравшихъ своими не сбывшимися надеждами, онъ чувствовалъ себя внѣ опасности, чувствовалъ себя независимымъ, даже стоящимъ на твердой почвѣ. Онъ познакомился съ Гудитиккеромъ, пришелъ отъ него въ восторгъ и расхвалилъ Ренатъ новаго знакомаго въ преувеличенныхъ выраженіяхъ. Онъ все больше втягивался въ омутъ тѣхъ привычекъ, которыя больше требуютъ отъ человѣка и отнимаютъ у него больше силъ, чѣмъ работа. Наряду съ этимъ его любовь къ Ренатъ росла съ каждымъ днемъ. Она отнимала у него спокойствіе, потому что онъ чувствовалъ, что она не находитъ такого-же пылкаго отклика. Чѣмъ больше онъ замѣчалъ, что Рената тихо и робко наблюдаетъ его, тѣмъ больше его тянуло въ шумную компанію. Когда они бывали вмѣстѣ нѣсколько часовъ, Рената по какой-то таинственной причинѣ приходила въ плохое настроеніе. Она сама не отдавала себѣ въ этомъ отчета. Иногда ее раздражала нѣкоторая напыщенность его взглядовъ и сужденій, иногда его подавленность, за которой она чувствовала какое-то замалчиваніе; маленькія странности, которыхъ она раньше никогда не замѣчала. Привычки, которыя казались ей смѣшными, и которыя она высмѣивала. Вмѣсто того, чтобы не обращать на это вниманія, онъ блѣднѣлъ, печально смотрѣлъ на нее и привнималъ обиженный видъ. Тогда она добродушно смѣялась и покачивала головой. И ей казалось, что она медленно пробуждается отъ сна, долго сковывавшаго ея члены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЪРЫЕ ДНИ.

(Разсказъ).

Посвящается П. А. Зелинцовой.

1.

Въ четыре часа становится темно.

Въ восемь—приходитъ ночь, длинная, глухая, упорно-молчаливая. Мягко скользятъ крылатыя тѣни, безшумно качаются въ тишинѣ полей. Мертвымъ тѣломъ лежитъ земля подъ сухимъ поцѣлуемъ снѣговъ.

Валентина присаживается къ столу, смотреть въ окно и вздыхаетъ украдкой.

— Опять ночь!

Беретъ синій карандашъ, плечи прячетъ въ пуховой платокъ и сидитъ, кроткая, послушная, уронивъ голову. На губахъ—тоненькая, чуть *видная* улыбка. Возлѣ глазъ двѣ три припухшихъ морщинки, а по щекамъ синія жилки и острые пятна румянца. Синія жилки узорчато зарисовали лѣвую щеку, и видно, какъ бьется въ нихъ кровь.

Валентина—церковная учительница Васильковской школы изъ Степановскаго прихода. Ей двадцать пять лѣтъ.

Посмотрѣть пристально—назовешь старухой.

Спина согнута, плечи натянуты, заострены, а походка вдумчивая, неувѣренно-тихая. Шаги мелкіе, осторожные, словно дѣвушка боится не такъ ступить. Въ движеніи рукъ, въ подъемѣ плечъ, въ вспыхивающихъ зрачкахъ глазъ есть что-то грустное, тревожно-неспокойное. Глаза осѣли, ушли на дно и смотрятъ устало, неохотно, безнадежно-выгорающіе. Лицо затянулось печалью, и улыбка тонкая, холодная?

Восемь лѣтъ въ Васильковкѣ—и старуха!

Голосъ глухой, обрывчатый, точно ударъ по желѣзу. Лицо далекое, чужое, и улыбка не своя, не прежняя. Глаза изгорѣли и начали меркнуть. А восемь лѣтъ назадъ—они

были нѣжные, лучистые и свѣтили лампадами въ сумеркахъ вечера. Голосъ былъ трельчатый, волнующій, а смѣшники дрожали серебромъ.

Прежней Валички нѣтъ!

Умерла.

Тоненькой свѣчкой растопилась здѣсь—въ Васильковкѣ Степановскаго прихода.

Утромъ Валентина подолгу стоитъ передъ зеркаломъ и забывчиво щуритъ глаза. Изъ стекла тускло и мертво смотритъ усталое, незнакомое лицо съ желтымъ отливомъ, съ розсыпью синенькихъ жилокъ.

— Старуха!

Стоитъ Валентина передъ зеркаломъ и не слышитъ, какъ у порога рассказываетъ сторожъ изъ школы:

— Лентина Михайловна, ребятники домой бѣгутъ. Деять часовъ ужъ... А-а, Лентина Михайловна?

— Что... Что... Ну, говори! Чего ты тутъ глумишь?

— Учить-то будете, што ли?

— Буду... буду... Учить буду... Сейчасъ!

А кто то упирается въ плечо и насмѣшливо шепчетъ, прижимаясь къ волосамъ:

— Ста-ару-уха!

Смѣется Валентина рѣдко.

Съ восьми часовъ утра и до трехъ съ половиной работаетъ въ школѣ. Учить 70 человекъ васильковскихъ ребятшекъ. Сердится, обижается и украдкой вытираетъ глаза. Голова кружится, начинается тошнить, а школа и вся Васильковка оторвутся, поплывутъ и провалятся въ чужую пустоту. Сердце нальется желчью, раздраженіемъ,—а вортуѣдко и сухо. Съ занятій приходитъ слабая, замученная и размятая. Покачивается на ногахъ, точно опьяненная, и тискаетъ голову.

— Господи, устала какъ!

Ляжетъ въ кровать—и не можетъ уснуть. Закроетъ глаза, а они раскрываются и испуганно смотрятъ въ черноватую стѣну, словно уродливый призракъ по ней.

Вонъ сучекъ.

Ахъ, какой маленькій сучекъ и красный! Настоящій пупыръ на угреватой щекѣ. Вонъ другой сучокъ... третій... А вонъ еще... и еще. Много! Больше десятка. И все одинаковые. Какіе смѣшные сучки! А стѣна черная, и узорчатая паутина на ней. А въ паутинѣ околѣвшая муха. Съ синимъ брюшкомъ и безиогая. Навѣрное, тоже хотѣлось жить,—а околѣла... Безжалостный паукъ, въ твоихъ сѣтяхъ задохнулась она... А это что... Погоди... Что это такое? Чу...

Тукъ-тукъ... тукъ-тукъ-тукъ...
Это подъ ситцевой кофточкой.
Сердце мечется.

Валентина прячется въ одѣяло, щекой прижимается къ подушкѣ,— а одѣяло жжетъ, горячить, камнемъ давить на плечи и хотеть задушить. Опять поднимаетъ голову и пристально смотритъ воспаленными глазами, точно потерянная среди незнакомаго лѣса безъ дорогъ и безъ тропинокъ. Ничего не видать.

Только темныя точки прыгаютъ и крутятся, какъ черныя безымянныя птички, да скрещиваются и перевиваются острыя полоски. На столѣ противъ двери туалетное зеркало въ малиновой обкладкѣ; а въ стеклѣ согнутая фигура съ русской головой, съ больными почернѣвшими глазами, замученной улыбкой на поблѣднѣвшихъ губахъ.

И уголь кровати.

— Это я!

И опять прижимается къ подушкѣ, опять прячетъ голову и не хотеть смотрѣть, боится увидѣть во второй разъ.

— Нѣтъ, не усну... Развѣ уснешь теперь?

Валентина поправляетъ волосы, медленно сходить съ кровати и садится у окна. Смотритъ внимательно, ищетъ, разглядываетъ близкаго и роднаго, чтобы замѣтить, подошелъ, приласкалъ и сѣлъ рядомъ. Разскажалъ-бы свѣтлую сказку, побаякалъ, покружилъ и заставилъ бы сладко расплакаться и рассыпать серебро смѣшинокъ... какъ когда-то!

А когда?—Давно. Восемь лѣтъ—цѣлая вѣчность. Длинная лѣтопись... Улица узкая, запачканная, и положены по ней бугроватыя снѣга, синіе, точно больные. По снѣгамъ идетъ баба, толстая, распухшая беременностью, и кажется, что двигается теплая, отсырѣвшая куча.

Вонъ другая бабенка, бойкая, вертлявая. Стоитъ на дорогѣ и по-сорочьи стучитъ языкомъ, а слова падаютъ въ стороны крупнымъ горохомъ. Еще подалѣе—снѣгоносый Базякъ, прекрасный работникъ и не менѣе прекрасный пьяница и озорникъ по всему Степановскому приходу изъ трехъ деревень.

Базякъ—пьяный.

Онъ плыветъ, раскорячивъ ноги и цѣлуетъ съ бугроватыми снѣгами. Мокрая борода у него на боку, голова безъ шапки, а лицо проморожено. Вотъ онъ садится на дорогу, руки растопыриваетъ и хотеть уснуть. Подходить Бозякова жена; говорить ласковое, теплое, а сама плачетъ. Базякъ ловить ее за плечо, по смѣшному цѣлуетъ въ губы, потомъ звѣрски бьетъ кулакомъ по затылку, а самъ уходитъ по улицѣ и поетъ пѣсню о счастья, котораго нѣтъ.

Базякъ—тоже живой человѣкъ. У него свое горе. Смѣшной онъ немного, грубый, а вѣдь пѣсня у него славная, душевная, только тяжелая и больно хлещетъ по ушамъ, точно ремнями.

Валентина ходитъ по комнатѣ, обиженная и растревоженная. Подойдетъ къ другому окну, посидитъ и опять отойдетъ. Раскроетъ книгу, пробѣжитъ по строчкамъ, а черезъ минуту—снова у окна, а потомъ снова за книгой. Зашумятъ, задвигаются свѣжіе листы, точно поднятыя, спящія птицы, въ тѣсный кругъ разсядутся ушедшіе изъ жизни, повитые скорбью и страданіемъ...

Тяжело.

Надѣнетъ Валентина шубу изъ бѣлаго мѣха, приколетъ черную шапочку и уйдетъ погулять за Васильковку.

Гуляеть недолго.

Скучно да и жутко кружиться по снѣгамъ блуждающей птицей. Воздухъ наливается сумеречной темнотой; позади и впереди тянутся, толкаются тѣни, а кругомъ слабые шорохи, жалобные крики снѣжинокъ.

Вернется обратно.

Зажжетъ металлическую лампочку съ чистенькимъ абжуромъ голубого стекла, присядетъ къ столу и начнетъ забывчиво обрывать кисточки у пуховаго платка на плечахъ. Достанетъ тетради, синій карандашъ и украдкой вздохнетъ, какъ будто спокойно.

— Опять—ночь!

Къ вискамъ подольетъ кровь, въ глазахъ потемнѣетъ, а Валентина сидитъ, опрокинувшись надъ работой. Броситъ карандашъ, отодвинетъ тетради, а сама охнетъ.

— Охъ, какъ устала! Какъ болить грудь! Неужели ужъ одиннадцать? Да, одиннадцать. Черная стрѣлка на часахъ показываетъ—она знаетъ. Скоро будетъ двѣнадцать. Еще разъ семь обернется большая-то по бѣлому кругу—тамъ и утро. Идти на работу. Съ восьми и до трехъ съ половиной. Потомъ въ комнатѣ до двѣнадцати ночи. И снова до трехъ съ половиной... И опять до двѣнадцати ночи...

Ровненько и безъ скачковъ, словно въ новенькомъ аппаратѣ, непопорченномъ еще мухами и пылью.

Валентина ходитъ изъ угла въ уголь, мягко прижимаетъ половицы и слушаетъ, какъ шумитъ въ ушахъ и колетъ булавками.

Въ комнатѣ тихо. Тепло. Немного душно.

Три окна на улицу прикрыты коленкоромъ. Подъ коленкоромъ сухобокая герань съ подсохшими листьями. На сундукъ голубоглазая кошка, въ лѣнливой растяжкѣ, засыпающе

хруската носомъ. Звуки падаютъ сухіе, проржавленные и непріятно шуршать по ушамъ.

Въ печи догорають березовыя полѣнья. Красными бабочками сплетаются искры, тянутся по кирпичу красивой цѣпочкой. Вылетаютъ наружу, прыгаютъ, смѣются, танцуютъ, только не говорятъ. А то-бы живыя.

Вспыхнетъ, разгорится пламя, разовьется въ широкую ленту, поцѣлуетъ, приласкается и мягко обовѣетъ черноватая стѣна.

Валентина всегда топить печь поздно ночью и любить смотрѣть, какъ пляшутъ искры, спрыгивая съ кирпичей. Она беретъ стулъ, присаживается, а ноги въ башмачкахъ протягиваетъ къ огню.

— Погрѣться, что ли, посидѣть...

Плечи у Валентины вздрагиваютъ, поднимаются, и все тѣло покачивается, какъ тростинка надъ прудомъ. Голосъ непріятный стукающій, точно говоритъ другой, чѣмъ-то раздавленный.

За стѣной бултыхается ставень и стучить въ раму, какъ голодный зубъ. Съ далекаго конца Васильковки, словно изъ ущелья какого, ползетъ, выбивается душная пѣсня Бозяка. Камешками падаетъ сверху—и прямо въ голову. Мѣшаетъ думать, не даетъ припомнить что-то веселое и свѣтлое...

Напрасно болитъ голова.

Обманчиво горятъ блѣдныя щеки.

Не было ни веселаго, ни свѣтлаго. Все это—утренній сонъ и волненіе крови. Свѣтлое—впереди, да и будетъ-ли еще, а позади только двадцать пять лѣтъ, какъ двадцать пять тяжелыхъ каменьевъ, молча легли одинъ на другой безъ крика и безъ злого упрека. И лежатъ могильной пирамидой, а въ нихъ медленно гниетъ и доживаетъ вырванный кусокъ жизни.

Вотъ твоё дѣтство.

Грязная изба. Пьяный отецъ. Больная мать. Проклятая нужда и постоянная скорбь замученныхъ глазъ.

Потомъ маленькое чудо. Хорошенькая сказка.

Ты попала въ учительскую школу.

Высокій домъ подъ жестью. Крѣпкія стѣны по тюремному. Ключокъ неба изъ узенькихъ оконъ, искорка зимняго солнца.

Чудныя ночи... Сладкія слезы... Тихія надежды.

Тебѣ 16 лѣтъ.

Въ заключеніе—Васильковка, въ которой сидишь.

Еще что? Еще нѣтъ ничего.

Все!

А время идетъ... идетъ... идетъ...

Кажется, тихо; а если бѣжать, не догонишь. Вотъ опять

ночь. Позади утро. Холодное, скучное, съ мутнымъ горизонтомъ. А тамъ опять ночь. Эта же тишина. Пощелкиваніе угольковъ въ печи. Шорохъ половицъ и Базякова пѣсня. Гм... И снова работа. Тошнота... головокруженіе. А время 25 лѣтъ...

Да, Валентина, двадцать пять.

Потомъ будетъ двадцать шесть, двадцать семь и такъ по порядку, пока не перестанетъ двигаться послѣдняя кровинка. Глаза полиняють, омертвѣють, а подъ ними рубцами лягутъ сухія морщины, и кожа на щекахъ повиснетъ мѣшечками. Высохнетъ улыбка, а ротъ сдѣлается некрасивымъ, угловатымъ: это придетъ старость твоя.

Бѣлизной покроетъ русые волосы, и будутъ они, какъ изъ снѣжинокъ.

„Тукъ-тукъ... тукъ-тукъ!“ стучить подъ сидцевой кофточкой. — Глубое, глубое сердце! Замолчи, пожалуйста! День и ночь все бьешь ты по одному мѣсту... Бо-ольно!

Валентина сидитъ около печки, а изъ глазъ падаютъ маленькія слезки и кажутся отъ огня кровавыми.

А часовой языкъ торопится, покачивается и кричитъ въ уши увѣренно: „Такъ-такъ.. Такъ-такъ-такъ...“

Стучитъ мѣдный языкъ и какъ будто шутить, какъ будто заигрываетъ. Бѣгаютъ стрѣлки, кружатся по бѣлому кругу, важно ворочаютъ черные носики, а минуточки летятъ, минуточки падаютъ и разсыпаются. Какъ листья падаютъ съ дерева осенью, когда поднимается вѣтеръ. Покачнется верхушка, дрогнуть упругіе сучья—и листочекъ поплыветъ внизъ, тихонько ляжетъ на землю и тихонько пропадетъ въ землѣ.

Былъ листочекъ—и нѣтъ.

Однимъ меньше.

Былъ—и не стало.

Высоко висѣлъ на вѣткѣ, тянулся къ солнышку, мучился въ темное ненастье, а теперь свернулся въ трубочку и лежитъ у корней маленькимъ незарытымъ мертвецомъ.

Просто.

А какой ужасъ въ этой простотѣ!

Не успѣешь посмотреть на часовой кружечекъ, не успѣешь подумать и погадать,—а ужъ языкъ стукнулъ, ударило по ушамъ противное „такъ“—и минуточки нѣтъ!

Была и сорвалась листочкомъ. Улетѣла воробьемъ.

За ней бѣжитъ другая, коротенькая, схожая съ первой; третья, четвертая, пятая...—И тоже не вернутся.

Раскачается языкъ, тикнетъ по старому мѣсту, вырветъ и броситъ назадъ...

...Были—и нѣтъ!

И не жалко ихъ. И памяти онѣ не оставили. И не больно, не досадно, что сорвались и разсыпались,—а смотрѣть грустно. И глаза тоскуютъ. И сердце чаще стучить въ кость молодочкомъ. Тонкой паутиной ложится печаль на лицо, все холоднѣе улыбка. Все мучительнѣе надрывается грудь. Заплакать-бы, какъ въ дѣтствѣ о разбитой куклѣ!

Стройно и натянуто идутъ и проходятъ дни, одинъ за другимъ, длинною цѣпью.

Какъ солдаты.

Круглые, угловатые, одинаковые, точно подбритые: съ тяжелой усталостью, съ тупымъ раздраженіемъ.

Ни одной улыбки.

Только сердце тукаетъ дятломъ, да башмачки поютъ и плачутъ, когда Валентина ходитъ по комнатѣ ночью.

II.

Въ субботу пріѣхала Катрикъ, сосѣдка-учительница, за восемь верстъ изъ Маюровки.

Катрикъ—молоденькая.

Ростомъ невысокая, стройная, хрупкая, какъ водяная купавка. Глаза синіе, а выраженіе дѣтское: ясное, правдивое, точно стоитъ на молитвѣ. Иногда они и вспыхиваютъ, дымятся, какъ потушенные свѣчи. Въ такія минуты Катрикъ плачетъ долго и настойчиво, будто дразнить кого, а себя—потѣшаетъ. Послѣ слезъ долго смѣется, поетъ пѣсни,—а потомъ опять плачетъ, но уже тихо и безъ слезъ, съ сухими глазами.

Голосъ у Катрикъ мягкій, переливчатый, немного насмѣшливый. Бываетъ и грустный, безпокойно звенящій, съ маленькой хрипотой. Зубы мелкіе, острые и похожи на тоненькіе гвоздочки. Лицо нѣжное, дѣвственно-непомятое, но уже нѣсколько блѣдное, впрочемъ, скорѣе отъ малокровія. Кожа на щекахъ прозрачная, эластичная. Волосы короткіе, темнаго цвѣта и лежатъ по плечамъ волнистые небрежно и красиво раскиданнымъ шелкомъ.

Катрикъ—хорошенькая.

Таинственно-очаровывающая, она похожа на вечернее небо въ искрахъ и огняхъ умирающаго солнца.

Къ Валентинѣ пріѣзжаетъ часто, больше по субботамъ и непременно вечеромъ въ шесть часовъ, всегда точно и аккуратно, какъ въ канцелярію. Зайдетъ въ комнату и улыбнется.

— Встрѣчай, Валичка, къ тебѣ ѣду... на зимовку.

Валентина удивится и нарочно разсердится.

Мартъ. Отдѣлъ I.

— Вѣдь ты не хотѣла больше пріѣзжать? Помнишь? Ну, такъ и убирайся назадъ въ свою Маюровку... Ступай!

— Не хотѣла, Валичка, а вотъ пріѣхала... Ничего ты тутъ не подѣлаешь. Когда еще въ сани садилась, а потомъ полемъ ѣхала,—все думала, что повезутъ по другой дорогѣ, въ другое мѣсто... А дорога, смотрю, старая знакомая, и лошади остановилась у твоей школы. И сама я вотъ сижу у тебя; и рядомъ со мной ты и твоя красавица-кошка съ голубыми глазами. Ничего не подѣлаешь, Валя.

Смѣются.

— Ну, что новенькаго привезла, Катя?

— Но-овенькаго? Видѣла себя въ прошлую ночь на какомъ-то праздникѣ. Все танцевала, прыгала и влюбилась въ медицинскаго студента. Каталась съ нимъ по морю, хохотала надъ Маюровкой и слушала, какъ кричатъ морскія птицы... Потомъ вышла замужъ за медицинскаго студента. Потомъ надоѣла ему, наскучила,—онъ бросилъ меня и самъ уѣхалъ. Я сѣла на какую-то дорогу и заплакала. А когда проснулась—расхворалась и не ходила на занятія. Попы сдѣлалъ запросъ: почему не занималась. Вотъ и новенькое!

Опять смѣются.

Бываютъ дни, когда Катрѣ не хочется ни ходить, ни сидѣть, ни лежать, ни говорить.. Голова до того разбита, что легче-бы ее расколоть, какъ ненужный черепокъ. Сердце забьеть, застучитъ и мучительно ждешь: вотъ сейчасъ прошибетъ кости, покатится по полу, лопнетъ и заохлодѣетъ. Больно запоешь и заплачешь хрупкое тѣло. Забурлитъ, поднимется молодая кровь и начнетъ гонять, словно на потѣху кому, изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Подбѣжить Катрикъ къ окну. Прижмется лицомъ, и стоитъ неподвижная. Небо холодное, сизое, застеклѣвшее, точно глазъ околѣвшей скотины. Облака висятъ низко, надъ крышами избъ, разорваннымъ тѣломъ. А за Маюровкой степь—круглая, пустая, съ крестами у церквушекъ по селамъ. Вонь далеко-далеко прыгаютъ дрянныя санишки съ рогатымъ задкомъ. Опрокидываются на-бокъ, пропадаютъ въ снѣгу—и опять прыгаютъ, опять бѣгутъ, плывутъ запуганной пгичей.

Можетъ быть, это и не санишки,—а умираетъ человекъ. Кувыркается, машетъ руками; дрыгаетъ головой, взвертываетъ ноги и не можетъ умереть. Можетъ быть, онъ и не умираетъ, а такъ себѣ, только дразнить, только смѣется надъ дѣвушкой у окна.

Какъ обожженная, отбѣжить Катрикъ. Мечется, извивается, забѣгаетъ въ уголъ. Стоитъ въ темномъ углу, блѣдная, вздрагивающая, а въ синихъ глазахъ—мольба и испугъ.

Кто-то невидимый и злой хлещетъ, гоняетъ и не даетъ

мѣста. Забѣжить въ спальную—въ маленькій ящикъ съ однимъ окномъ и по мертвому упадетъ въ постель, раскинетъ руки, разорветъ, прокусаетъ подушку. Тоска.

Начнетъ считать, только-бы уснуть, только-бы закрутить, перепутать мысли.

— Разъ... два... три... три... десять... двѣнадцать... три три-и пятнадцать сорокъ восемь... восемь... девять... три... три... четыре пять... три-и-и...

Кто-то тянетъ за ногу.

Кто-то скоблить въ волосахъ...

Свищетъ въ уши. Щекочетъ спину.

Кто-то стоитъ сбоку и заколачиваетъ въ голову острый, горячій гвоздь.

„Разъ... два... три...“

Катрикъ прыгаетъ съ кровати и опять бѣжить къ окну, а въ голову колотять.

„Разъ... два... три! Разъ-два... три... три-три-три!“

Безликій и неощутимый вплетается въ темные волосы, входитъ въ мучительно-дѣланную улыбку, растворяется въ крови, смотритъ изъ цвѣточныхъ глазъ и ласкаетъ, баюкаетъ голосомъ любимаго отца:

„Милая дѣвушка, ребенокъ мой нѣжный! Лягъ и усни. Застуди кровь, оборви дыханіе—и ты узнаешь покой.. Узнаешь и благословишь Небытіе.. Скучно тебѣ? А жизнь обманетъ, какъ глупая цыганка. Дряннымъ пальцемъ сотреть румянецъ на щекахъ, пивкой высосетъ кровь и броситъ, ненужную истоптанную ботинку... Посмотри на Валентину... Скучная сказка!“

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“—замученно мечется сердце.

— Я хочу жить. Я еще не любила. И не знаю любви. Маленькое я. Ма-аленькое... Не убивайте... Я хочу жить... Слышите: хо-очу-у!..

Катрикъ стоитъ у окна и плачетъ молча и безъ слезъ, съ сухими глазами.

— А въ городѣ теперь весело... Тамъ—вѣчный праздникъ. И жизнь тамъ—огромная лампа, гдѣ сгораютъ быстро, не чувствуя мукъ... А горѣть надо—все равно. Какъ кусокъ дерева, сгоришь за длинной работой для другихъ, которымъ не нужна... Состаришься и позеленѣешь, а своей жизни нѣтъ и не будетъ... Машина! Дурацкая кукла на пружинныхъ ногахъ... Дьявольское веретено. Веретено... веретено. Кукла. Ма-ашина...

Въ комнатѣ пусто.

Со стѣны опрокинулась клочковатая тѣнь. Двигается, качается и виситъ безглазымъ, непридушеннымъ тѣломъ.

Въ окна смотреть сумерки, темно-молочныя съ жиденькой мутью. А за ними тихо, не дыша, черной кошкой, осторожно и легко ползетъ ночь. Скоро вольется въ комнату, обовьетъ стѣны, разляжется по угламъ,—и будетъ въ комнатѣ жутко и непріятно, какъ подъ умирающимъ взглядомъ. Зажжешь керосиновую лампу, а отъ нея посыпятся красныя точки и станутъ дрожать въ темнотѣ, какъ непросохшія слезы изъ крови.

— Уѣхать, что ли, куда-нибудь... Или уйти...

А уѣхать и уйти некуда и не къ кому.

Въ Липовкѣ за семь верстъ учитель-алкоголикъ. Никуда не ѣздитъ самъ и никого не принимаетъ. По вечерамъ запирается, окна завѣшиваетъ, чтобы не видѣли, и въ мрачномъ одиночествѣ пьетъ до слезъ, до глухого проклятiя... Говорятъ, что онъ — подлецъ, обманулъ жизнь, а жизнь — обманула его. Чтобы отомстить, плюетъ на все человѣчество, а прежде всего—на самого себя. Человѣкъ въ общемъ помѣшанный и, во всякомъ случаѣ, больной. Къ такому не поѣдешь.

Былъ еще учитель въ Гороховомъ, но теперь въ тюрьмѣ... второй годъ. На его мѣстѣ—человѣкъ незначительный, мелкій карьеристъ, пошлякъ и заноза. Въ Кривулинской школѣ какой-то семинаристъ, — необыкновенно умный и необыкновенно скучный...

Есть, впрочемъ, попъ-завѣдующій, а у попа — матушка; но это, такъ сказать, „культурная мебель“. Къ нимъ Катрикъ ходитъ только за бумагой на школу да сказать, что въ школѣ холодно, а мужики не везутъ дровъ.

Близкій человѣкъ—одна Валентина.

Но скучно и у нея.

Надоѣло смотрѣть въ лицо и видѣть одно и то же выраженіе—скорбное, тревожно-ожидющее. Надоѣло и опротивѣло двигать щеками, спрашивать, отвѣчать и сидѣть молча по пѣлому часу. Валентина спроситъ и расскажетъ то же, что спрашивала и рассказывала раньше, о своей печали, о пустыхъ вечерахъ, о безконечной работѣ и одинокой безвыходности... Въ знакомыхъ словахъ, обрывчатой рѣчью торопливо повторить, что ей уже двадцать пять лѣтъ, а она еще не жила для себя, а хочется жить. Хотя бы одинъ коротенькій часъ свѣтлой красивой жизни, чтобы вырвать крошечный кусочекъ счастья и радости. Она нѣжно обниметъ Катрю, стиснетъ ей плечи, разгорится лицомъ,—и польется жалобная откровенность, лишняя, ненужная, а пожалуй, и смѣшная...

— Катенька... Катенька... цыпленочекъ милый... Птичка ты хорошенькая...

Потомъ тихонько уколеть, чтобы облегчить обиду свою:
— Посохнешь!

И засмѣются обѣ одинаково растерянно, кѣмъ-то напрасно обиженные.

Тоскливымъ звономъ по мертвому задрожать, закачаются смѣшинки и до боли простукають голову.

Катрикъ стоитъ у окна. Думаетъ.

— Ну, буду сидѣть... Мучиться буду. Лягу и усну. Ходить стану. Топать ногами... Свистать стану, какъ мужчины... Кричать буду,—а къ Валькѣ не побѣду. Зачѣмъ? Чего дѣлать? Та же тоска... Та же тревога... Не нужно... Не надо... Вотъ раздѣнусь сейчасъ, лягу и буду мечтать... О людяхъ, о птицахъ... О большихъ корабляхъ... О маленькихъ лодкахъ... Представляю себѣ море... морской песокъ... морскія брызги... морскія дали... И синий дымокъ парохода... Будто я въ морѣ... Будто я ѣду... А потомъ расплачусь и усну... Послѣ слезъ непременно уснешь. И боли затихнутъ, какъ подъ камнемъ... Я знаю... знаю я... знаю...

Катрикъ не слышитъ и не сознаетъ, какъ кричить сторожку черезъ стѣну.

— Николай, сходи ступай за лошадей...

— Куда, Катерина Сергѣевна, ѣхать-то?... Какъ сказать-то? — спрашиваетъ Николай.

— Въ Васильковку... Въ Васильковку... Да иди, пожалуйста, поскорѣе... Ахъ, какой ты мѣшокъ... Вѣги бѣгомъ... Пожалуйста, бѣги бѣгомъ... Ужасно некогда...

III.

Вотъ и въ Васильковкѣ.

Катрикъ закрыла глаза и не вылѣзаетъ изъ саней. Будто дремлетъ и не видитъ, что пріѣхали и стоятъ у крыльца школы.

— Слѣзайте, барышня! Катерина Сергѣевна, выходите!

Возница беретъ Катрю за плечи и легонько трясетъ.

— Ба-арышня, али ужъ уснула... Вылизайти!

— А? что, пріѣхали?

— Да-авно ужъ... Насилу разбудилъ васъ...

Катрикъ заходитъ на крыльцо.

Зябко пожимаетъ плечами и стоитъ у дверей. Глаза сощурены, а длинныя рѣсницы побѣлѣли отъ мороза. Руки положены въ рукава. Волосы выбились, и по нимъ бѣлыми мушками легли крупинки снѣжинокъ.

— Вотъ и пріѣхала... Вотъ и доѣхала... Часъ ѣзды—и здѣсь. Валька, навѣрное, сидитъ у стола и вяжетъ салфеточку... Можетъ быть, чулки штопаетъ... Она рѣшительно все сама дѣлаетъ... И платье сама шьетъ, и кофточки чинить... И ужинъ готовить сама... Удивительная! Да вѣдь оттого и пальцы на рукахъ потресканы, и кожа проколота булавками да иголками. Гм... а можетъ быть, сидитъ и тихонько плачетъ и поетъ пѣсню, нарочно невеселую... На сундукъ—кошка, хруститъ носомъ... А Валька—поетъ. Смѣшно! Сяду и я рядомъ. Тоже буду пѣть... потомъ молчать. Буду смотрѣть на часы и ждать двѣнадцати, чтобы лечь и проспать до десяти. Смѣшно! А раньше и не уснешь... Развѣ слѣзть съ крыльца тихонько и уйти назадъ... Нанять лошадей и прокружиться всю ночь по бѣлому снѣгу, безъ мыслей и безъ цѣли... Впрочем... Да не все ли равно... Не хочу... не надо...

Катрикъ идетъ въ комнату и, не глядя, говоритъ отъ порога:

— Здравствуй, учительница! Ждала, что ли?

— Конечно, ждала. Ты что, какая сегодня? Не хвораешь ли... Выраженіе то у тебя большое... Или случилось что?

Валентина за тетрадами.

На ней бѣлая кофточка по весеннему, съ голубыми листочками. Бѣлый цвѣтъ трогательно и нѣжно отгнѣяетъ легкую желтизну подтянутыхъ щекъ, слабый румянецъ и затаенность тоскующихъ глазъ. Волосы переплетены. Русая коса виноградной кистью упала черезъ плечо.

— А я все съ работой, — морщится Валентина. — Ужасно надоѣло... Ты что стоишь, Катя, — садись... Да ты озябла... Смотри, посинѣла вся... Раздѣвайся скорѣе...

Катрикъ язвить:

— А я думала, салфеточки вяжешь!

Валентина смотритъ на тающія снѣжинки въ волосахъ, на розовыя щеки и спрашиваетъ упавшимъ голосомъ:

— Опять нервы?

— Тоскую...

Катрикъ сбросила шубу, размотала платокъ на головѣ и сѣла рядомъ.

— Тоскую, Валичка! Мыльную петлю таскаю на шеѣ и все жду: вотъ сейчасъ вздернуть концы, перерѣжутъ горло, подтянуть тѣло—и закачаешься трупомъ. Внизу—яма. Надъ головой крышка, а выше крышки солнышко... птицы... И слышатся чьи то веселыя пѣсни... Кому-то весело... А мнѣ грустно...

— Ты больная, Катя... Брось, не думай... Ты еще не жила а уже думаешь о смерти... Брось, пожалуйста...

— Валька... Валька, не утѣшай!.. Не надо... не говори... Сиди молча... Слушай, какъ стучить у меня сердце... Считай! Разъ... два... два-а. А вотъ и нѣтъ! Наступили сапогомъ. Впрочемъ, наплевать на сердце!.. Не нужно... Не считай... Ты что смотришь на меня? А у тебя все по прежнему? Да... Да... да... И комната старая... прежняя... И три окна на улицу... Хоть бы разбила одно... И герань вчерашняя... И картинка на стѣнѣ все та же... И стулья стоятъ въ такомъ же порядкѣ... Ску-учно, Валька!

Валентина обижается.

— Зачѣмъ же ты ѣдешь? Вѣдь знала же, что ничего нѣтъ...

— А чортъ его знаетъ, зачѣмъ я ѣхала!.. Не хотѣла и слѣзать-то у тебя, да ямщикъ ткнулъ рукавицей въ плечо и говоритъ: „Вылѣзайте, барышня, пріѣхали!“ Вотъ и вылѣзла.

— Чудная ты, Катя! — улыбается Валентина. — Хохотать бы только надъ тобой...

— Что же не хохочешь? Хохочи! А по моему, ты, Валя, чудная-то...

— Я-а?

— Да-а, ты. И знаешь, просто смотрѣть на тебя жалко...

— Серьезно?

— Ей-Богу. Словно кнутомъ тебя высѣкли. Ты стыдишься заплакать, а самой и больно, и досадно, и обидно...

Валентина стала вдругъ маленькой, смѣшной старушенкой, какія стоятъ все у церкви на паперти въ праздники, съ дубовымъ подошкомъ, съ просительнымъ взглядомъ негрѣющихъ глазъ. Она сидитъ, смущенная, растерянная; смотритъ на голубые листочки по бѣленькой кофточкѣ, — и не видитъ ни одного листочка. Возьметъ карандашъ и подержитъ въ рукахъ; положить на столъ, посмотреть издали — и опять возьметъ. Забывчиво почертитъ по бумагѣ — и снова броситъ въ сторону отъ себя. Придвинетъ тетради, сложитъ ихъ въ красивую стопку — и вдругъ раскидаетъ по столу. Выдернетъ кисточку у платка и улыбнется, не шевеля губами.

Сердце бьется безпокойно, съ длинными перерывами. То застучитъ часто, подтянется кверху, то сразу оборвется, упадетъ и замолчитъ. Кажется, что нѣтъ никакого сердца, а вмѣсто него — кусокъ холоднаго мяса. И кровь давно перестала двигаться и застыла свинцомъ. Мысли въ головѣ — разбитыя клочья. Словно вѣтеръ дохнулъ на нихъ, разорвалъ и бросилъ по сторонамъ. И закрутились онѣ, какъ перья, пущенныя сверху.

Катрикъ смотритъ на Валентину, — пристально, затаивъ дыханіе.

Удивленно, точно въ первый разъ, разсматриваетъ руки, тонкіе пальцы, смятую складочку въ юбкѣ и русую косу черезъ плечо.

Вотъ другая складочка...

Изогнулась, перевилась и бесильно умерла.

Вотъ третья.

Натягивается, тихонько вздрагиваетъ, тихонько дышитъ, словно червячекъ. А пальцы—тонкіе, безкровные, и кожа на нихъ синеватая. У покойниковъ такія руки... Навѣрно, холодныя... А лицо...

Господи, какое лицо!

Посмотрѣть издали—ничего не замѣтишь. Самое обыкновенное лицо: немного усталое, помятое, немного печальное. Красивое даже... привлекательное... А всмотрись въ каждую жилку, въ каждое пятнышко... Послѣди, какъ непримѣтно дрожать эти вонъ дьявольскія морщинки подъ глазами и возлѣ ушей.

— Нѣтъ, не надо смотрѣть. Не надо... Не нужно... А то еще расплачешься и проплачешь до утра, а утѣшать никто не придетъ. Не надо смотрѣть...

— Вонъ на сундукѣ—кошка. Развѣ подойти къ кошкѣ и сдѣлать что-нибудь смѣшное... Ну, хоть погладить, потрепать за уши... Заткнуть ей носъ платкомъ и смотрѣть, какъ будетъ задыхаться, брыкать головой и царапать когтями.

— Кыс-кыс-кыс!..

Не слышитъ.

— Спать, что ли, или просто притворяется? Взять вотъ за хвостъ и ударить головой объ стѣну. И пусть жалуется... Пусть плачетъ... А Валентина, навѣрное, знаетъ, о чемъ я думаю? Только не хочетъ спросить... Развѣ рассказать ей все... И про лицо... и про пальцы... и... и... и... А сама-то я?.. Да что же сама... Пусть и сама... Пусть и я... Пусть... Развѣ не все равно... А кошка проклятая смотритъ прямо мнѣ въ глаза... Проснулась... Надо выгнать ее... Фу, дьяволъ, да она смѣется... Смотри... смотри... Ва-аличка!

Катрикъ ближе прижимается плечомъ и по ребячьи прячетъ голову въ грудь. Тѣло дрожитъ, лобъ холодѣетъ, а ноги стынуть, точно на льдинѣ стоитъ.

— Ва-аличка!

— Катя... Катя... Ты что? Что съ тобой?

— Спрячь меня... Закрой шалью... Бо-оюсь... Кошка...

Валентина прижимаетъ Катрину голову, разглаживаетъ волосы и утѣшаетъ, а сама не сознаетъ, что говоритъ. Мысли далеко. Не здѣсь—не въ комнатѣ.

— У тебя лихорадка, Катя... Ты дрожишь... Выпей хины...

— Ва-аличка!..

— Катя, да ты пугаешь... И взглядъ дикій... стеклянный какой-то... Что съ тобой?..

— Не нужно хины, Валичка, не надо... Ты о чемъ сейчасъ думала?..

— Ни о чемъ я не думала... И у самой голова что-то разболѣлась...

— Нѣтъ, ты думала... Я знаю... Все знаю... Только не рассказываешь... Ты боишься меня и всегда скрываешь мысли... А меня считаешь за дѣвчонку... Ну, и не надо... Не рассказывай, я знаю... И сама скажу тебѣ...

— Опять ты, Катя, начинаешь... Ну, думала, какъ-бы шубу купить... И изъ бѣлья что-нибудь... Видишь—пустяки. И рассказывать не стоитъ... Вспомнила гороховскаго учителя, и тюрьму, въ которой онъ сидитъ... Вспомнила смотрителя изъ уѣздной тюрьмы съ пятнышкомъ на щекѣ и пупырчатымъ носомъ... Смѣшной такой изъ себя, а ласковый... Вотъ и размечталась...

— Валичка, ты врешь!

— Вотъ ты какая, Катя... Каждую мелочь заставляешь рассказывать... Ну, припомнила еще, какъ въ прошломъ году... Да ты знаешь... Сватать меня псаломщикъ изъ Лебяжьяго... а я не пошла... Онъ напился съ горя пьянымъ и расшибъ себѣ носъ въ коридорѣ... А я хохотала... Видишь—все пустяки.

— Валичка, ты врешь... Ты не рассказываешь...

Катрикъ смотритъ въ лицо и говорить тихо, словно въ бреду.

— Врешь, Валентина... Хочешь, я скажу тебѣ, о чемъ ты думала... Я вѣдь знаю...

— Ка-атя!

— Ну, ладно... ладно... не буду... Только не Катя я, а Екатерина Сергѣевна... Дай-ка мнѣ хины... Да ты не вставай, не нужно хины... Одѣнь теплѣе шалью... Вотъ такъ... Не сердись, Валя. Грустно что-то... Смотрю на твое лицо, на твои волосы, на твои пальцы, на бѣленькую кофточку—грустно. Слушаю, какъ дрожитъ сердце, какъ дышешь ты, какъ говоришь, какъ сама я говорю—тоже грустно... Не знаю почему, только тяжело мнѣ... Можетъ быть, скоро умру...

— Какъ ты мрачно думаешь, Катя! Вѣдь это мучительно...

— А ты весело думаешь?

Катрикъ неосторожная: говорить, будто одна и не чувствуетъ другого. Бросить маленькое слово, а оно ножами изрѣжетъ сердце въ мелкіе кусочки и больно хлестнетъ по ушамъ.

— Ты не искренно это Катя... Просто съ цѣлью... Ты очень злая...

Катрикъ не слушаетъ. Говорить, а похоже, — читаетъ книгу.

— На могилу мнѣ положите доску и напишите: „Здѣсь лежитъ Катрикъ, учительница изъ Махоровки. Умерла восемнадцати лѣтъ... Очень хотѣлось жить, а умерла... Все ждала счастья, бредила счастьемъ и, умирая, прокляла счастье...“ — Слышишь, Валентина, у-у-ми-ра-я, про-кля-ла-а!...

Молчать.

— Валентина, скажи откровенно, я красивая или нѣтъ?

Валентина не отвѣчаетъ.

Катрикъ встаетъ и подходитъ и зеркалу. Смотрить.

— Ты лучше была, Валентина. Погляди: у меня и носъ неправильный, и глаза косоватые, и уши слишкомъ большія... Да и ротъ какой то... Дурнушка я... Ты лучше была... И не полюбить никто меня! Мимо пройдутъ—и не остановятся. А я хочу, чтобы полюбили... Валька, любить тебя кто-нибудь? я бы, навѣрное, съ ума сошла, если бы полюбилъ умный и красивый... Я бы собакой стала его, только бы полюбить...

— Я уйду, Катя... Пусти... не держи...

— Куда ты уйдешь? Захвати и меня!..

— Уйду спать.

— Ха-ха-ха!.. Спать! Да вѣдь девять часовъ еще только... А мы, знаешь, въ двѣнадцать привыкли... А дома вонъ я и въ два не усну. Лежу на кровати и думаю... О чемъ думаю—и сама не знаю... А спать не охота... Словно въ камерѣ какой сижу и все считаю дни, когда выпустятъ на свободу... Нѣтъ, ты посиди, не ложись... Давай говорить о жизни. Слушай, Валентина. Давай говорить... Не смотри на меня. Закрой лицо. Я расскажу одна. Ну, слушай! «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ...» Нѣтъ, погоди... Это вѣдь сказка... Начну по другому... Не мѣшай, Валентина! Жили двѣ дѣвушки, Валя и Катя... Впрочемъ, зачѣмъ же имена... Такъ и будемъ прямо говорить: жили двѣ дѣвушки... Одна была молоденькая, а дру-у-га-я...

Валентина поднимается съ мѣста и идетъ въ спальную.

— Ну, давай, спать, Валя, давай. Иди ложись... Перекрестись три раза и скажи: Господи Иисусе, благослови меня на сонъ грядущій... Ха-ха!..

Катрикъ беретъ Валентину за руки и упорно смотреть въ лицо острымъ, обжигающимъ взглядомъ.

— Ну, слушай: а другая—ста-аруха... Желтая бумага... Старушо-онка... Съ узенькой грудью... Съ потерянными глазами... Обѣимъ имъ хотѣлось жить, до слезъ хотѣлось, до сумашествія, а жизни у нихъ не было, и была одна работа, огромная шпулька, безконечная нитка...

— Ка-а-тя!

— Смотрѣли онѣ впередъ, и впереди стоялъ вчерашній день. Смотрѣли назадъ—кошмарная пустота. И рабочий верстакъ... Маленькій проклятый ящикъ... Я-ящикъ... Крошечный сундучекъ...

Катриксъ стучить ботинкой и истерически кричить.

— Су-унду-чекъ!! А въ этомъ сундучкѣ, словно кофточки, словно непутныя юбки,—наши думки... наши мысли... нашъ разумъ... наша кровь... наше тѣло... Наша скорбь... На-а-аша мо-олодость!!

Ротъ у Катри свернулся на бокъ. Губы побѣлѣли. Синіе глаза смотреть дико и темно. Хрупокое тѣло разломилось, безнадежно погнулось, а красивая голова безумно качается на плечахъ.

— Валька... Валичка... Валентина... а я жить хочу! Для себя... счастья хочу я... своего... маленького... быстрого, а своего... А гдѣ оно?.. Кто его даст? Любить я хочу... Слушай же... Ну, слышишь, что ли?—Блудница я... Какъ и ты... Какъ и всѣ... Блу-удни-ца-а!..

Катрикъ хватаетъ воздухъ, вскидываетъ тоненькія руки — и не слышитъ, какъ подкашиваются ноги, какъ плыветъ и падаетъ тѣло.

— Блу-уд-ни-ца-а!..

VI.

Два часа ночи.

Тихо. Пусто.

Хоть-бы снѣжинка хрустнула за окномъ. Хоть-бы пѣсню кто запѣлъ или крикнулъ!

Только мѣдный языкъ у часовъ, какъ голодный щенокъ, одностонно щелкаетъ зубами, рветъ время, складываетъ въ кучки, глотаешь минуточки и опять по старому мѣсту: «такъ-такъ... такъ-такъ... такъ-такъ...»

Разболѣлись уши, разболѣлась голова, мучительно и горько расплакалось тѣло подѣ короткими тупыми ударами безъ конца и безъ счета.

Въ спальной слабо горитъ керосиновая лампа убавленнымъ фитилемъ. Зеленый огонекъ разрядилъ, разукрасилъ черноватая стѣны длинными стрѣлками, тонкими извивами; мягко позолотилъ сѣрую ткань паутины. Круглымъ пятномъ легъ на потолокъ и ходить, вздрагиваетъ, качается, точно живой.

Валентина сидитъ, прислонившись къ стѣнѣ. По губамъ разорванно легла скорбная улыбка. Маленькая слезка про-

бѣжала по щекѣ темной дорожкой, рассыпалась и припала огнемъ желтоватую кожу.

Въ глазахъ—ни упрека, ни мольбы, ни раскаянія. Какъ два острыхъ гвоздя, они впились въ пространство, всосали въ себя пустоту—и заглодѣли.

И сердце не бьется. Покрываломъ смерти лежитъ на груди тонкая кофта изъ бѣлаго.

Катрикъ—на кровати.

Маленькія дѣтскія ноги стыдливо оголились до коленъ и свѣсилась внизъ, какъ отрубленные кости съ розовымъ мясомъ,—слабо и безпомощно.

Лицо въ подушкѣ.

Темные волосы испуганно разметались въ стороны и протянулись вдоль плечъ тонкими шелковинками. Тѣло трепыхается, колотится; плечи заостренно поднимаются вверхъ, слабо падаютъ внизъ—и опять поднимаются.

Катрикъ плачетъ.

Безъ словъ... Безъ движенія мысли...

Можетъ быть, сейчасъ нужно умереть. Поплакать тихонько, чтобы никто не видалъ, и не вставать на занятія... А, можетъ быть, ничего и не случилось... Все просто... Все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ... Стоитъ только вотъ сейчасъ же встать, пройтись по комнатѣ, освѣжить голову, расчесать волосы и оправиться передъ зеркаломъ. Подойти къ Валентинѣ, взять ее за руки, размѣяться—и снова все по старому. Валентина присядетъ къ столу, рядомъ разлжется кошка, затопятъ печку, а Катрикъ будетъ читать книгу. Потомъ стануть говорить, смѣяться, вспоминать знакомыхъ, лѣтнія каникулы,—а потомъ лягутъ и уснутъ... Да и что такое случилось? Отчего тяжело поднимается грудь? Кто наступилъ на нее?

— Ва-аличка!

Валентина не слышитъ.

Сидитъ по прежнему и безучастно смотритъ въ Катрины плечи, на ея повисшія ноги.

— Ва-аличка...

Не отвѣчаетъ.

Опять дрожитъ маленькое тѣло, торопливо вскакиваютъ и падаютъ плечи. Испуганно мечутся темные волосы рассыпаннымъ шолкомъ...

Александръ Невъровъ.

Чернышевскій въ Сибири.

(По неизданнымъ письмамъ и семейному архиву).

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ сняли запретъ съ имени Чернышевскаго, появилось нѣсколько замѣтокъ и воспоминаній о его пребываніи въ Сибири. Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній были довольно интересны. Но все же они не даютъ намъ надлежащаго понятія о томъ, какъ жилъ, а, главное, какъ мыслить этотъ удивительный русскій человѣкъ. До сихъ поръ не разсѣялись еще легенды, связанныя съ Чернышевскимъ въ Сибири и по возвращеніи оттуда. Поэтому нечего говорить читателю, съ какимъ чувствомъ волненія я приступилъ къ изученію писемъ Чернышевскаго семей и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, относящихся къ этой полосѣ его жизни. Я позволю себѣ выразить тутъ же глубокую признательность Михаилу Николаевичу Чернышевскому (младшему сыну Николая Гавриловича), который любезно предоставилъ въ мое распоряженіе эти драгоценныя документы.

Тщательность, съ какою были собраны и классифицированы эти бумаги, напомнила мнѣ западно-европейскіе приемы почтенія къ мыслителямъ. У насъ зачастую бываетъ, что не только фیزیологическіе, но и идейные родные не умѣютъ ни составлять архива, ни хранить надлежащимъ образомъ писемъ, ни вообще собирать документовъ, относящихся къ жизни и дѣятельности ихъ духовныхъ отцовъ и учителей. М. Н. Чернышевскій показалъ мнѣ примѣръ того, что и у насъ въ Россіи есть люди, понимающіе значеніе чувства пѣтета, чувства идейнаго почтенія къ великимъ мертвецамъ. Всѣ письма Чернышевскаго, за исключеніемъ немногихъ въ началѣ его переписки, сохраняются у сына въ образцовомъ порядкѣ, не только въ оригиналахъ, но и въ копіи. Всѣ они классифицированы, вложены въ рубашки съ указаніями на наиболѣе выдающіяся мѣста ихъ содержанія. Равнымъ образомъ сохраняются

всѣ документы, прямо или косвенно соприкасающіеся съ этими письмами. И все это вмѣстѣ носить общую и специальную нумерацію. Не забыты даже такія реликвіи, какъ засушенные цвѣты, которые Чернышевскій трогательно собиралъ для своей жены и посылалъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, образовался гербарій изъ 20 листовъ Виллюйской флоры, собранной руками великаго русскаго мыслителя.

Я, разумѣется, не думаю знакомить читателей вплотную съ содержаниемъ каждого письма. Эта часть задачи, надѣюсь, будетъ удачно исполнена г. Евг. Ляцкимъ, который пока подробно разрабатываетъ письма болѣе ранняго періода и дневники молодого Чернышевскаго. Кромѣ того, я полагаю, что эти письма на столько драгоценны и въ біографическомъ, и въ идейномъ смыслѣ, что они заслуживаютъ непременно того, чтобы быть изданными цѣликомъ, можетъ быть, съ нѣкоторыми выпусками мѣстъ, имѣющихъ черезчуръ интимный характеръ. Моя цѣль иная. Я хочу познакомить читателей, главнымъ образомъ, съ идейной стороной жизни Чернышевскаго въ Сибири. Меня привлекаетъ задача показать, что читалъ, какъ реагировалъ на это чтеніе, что думалъ самостоятельный мыслитель, всегда отличавшійся смѣлостью критической оцѣнки. Внѣшнія же условія его существованія интересуютъ меня преимущественно по столько, по сколько они даютъ намъ понятіе о томъ, при какихъ обстоятельствахъ жилъ и мыслилъ Чернышевскій въ ссылкѣ. Но, само собою разумѣется, я нисколько не отказываюсь отъ изображенія этихъ внѣшнихъ условій, когда они вносятъ новую черточку, лишній штрихъ въ условія жизни Чернышевскаго, хотя, главнымъ образомъ, повторяю, меня интересуетъ исторія умственной работы великаго человѣка. Первая часть моего этюда и будетъ посвящена его внѣшней жизни. Во второй я сгруппирую взгляды Чернышевскаго на различные вопросы теоріи, а отчасти и практики.

Писемъ Чернышевскаго изъ Сибири очень много. По моему подсчету, число ихъ равняется 278. Всего меньше сохранилось писемъ отъ перваго періода жизни Чернышевскаго (на каторгѣ). Съ 1865—1871 осталось только 21 письмо. И немудрено. Первые письма были уничтожены послѣ покушенія Каракозова, когда многіе документы въ Петербургѣ были истреблены во время и изъ боязни наступившей реакціи. Итакъ, первое письмо Чернышевскаго помѣчено 19 апрѣля 1865 года, а послѣднее носить дату 10 августа 1883 г. Всего менѣе писемъ было въ 1872 г. (9) и въ 1879 г. (11). Съ другой стороны, были года, какъ, напр., 1876, 1877 и 1878, когда число писемъ превышало 30 и приближалось къ 40. Кромѣ того, надо сказать, что если нѣкоторыя, правда, немногочисленные, письма состоятъ всего изъ нѣсколькихъ строкъ, то другія достигаютъ размѣровъ печатнаго листа и болѣе и принимаютъ форму настоящихъ диссертаций.

Изученіе этихъ писемъ даетъ мнѣ уже теперь право сказать,

что почти у всѣхъ насъ, интересовавшихся нашимъ великимъ учителемъ, было невѣрное представленіе о томъ, какимъ остался Чернышевскій въ ссылкѣ и по возвращеніи изъ нея. Со скорбью, съ искренней душевной болью мы считали нужнымъ констатировать тотъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнный фактъ, что Чернышевскій вернулся изъ-за Уральскаго хребта лишь тѣмъ прежняго Чернышевскаго. Между тѣмъ его сибирскія письма рисуютъ намъ его человѣкомъ, оставшимся на высотѣ своей обычной силы и самостоятельности мысли и страдавшимъ лишь отъ того, что его колоссальный логическій аппаратъ часто работалъ впустую, вѣдъ примѣненія къ живымъ общественнымъ вопросамъ, что порвалась великая электрическая цѣпь, шедшая отъ него къ его читателямъ и ученикамъ, и что онъ не могъ реагировать непосредственно, какъ писатель и дѣятель, на явленія дѣйствительности. Я уже не говорю о томъ, что эти письма подкрѣпляютъ меня въ томъ представленіи, какое я всегда имѣлъ о Чернышевскомъ: Чернышевскій былъ не только человѣкомъ великаго ума, но и чрезвычайно энергичнаго характера и благороднаго сердца. Я по праву называлъ его, и не одинъ разъ, «Прометеемъ русской революціи»...

Посмотримъ прежде всего, каковы были внѣшнія условія его жизни въ Сибири. Не гонясь, какъ я уже сказалъ, за подробной передачей писемъ, я буду, однако,—зачастую въ хронологическомъ порядкѣ,—давать понятіе читателю о той обстановкѣ, въ которой протекала жизнь Чернышевскаго.

20 мая 1864 г. Чернышевскій, какъ извѣстно, былъ отправленъ изъ Петербурга на каторгу. Первые извѣстія отъ него были съ дороги изъ Тобольска въ іюнь 1864 г. А 10 іюля того же года онъ достигъ Усолья (на Ангартѣ), и отсюда, по его словамъ, начался считаться срокъ его каторжныхъ работъ. Въ концѣ лѣта все того же 1864 г. онъ былъ водворенъ въ Кадаѣ, рудникѣ Нерчинскаго горнаго округа, недалеко отъ границы Монголіи. Отсюда, изъ Кадаи было имъ послано первое сохранившееся въ коллекціи письмо къ женѣ, какъ мы уже сказали, отъ 19 апрѣля 1865 г. Сюда же лѣтомъ слѣдующаго 1866 г. пріѣзжала его жена со вторымъ сыномъ, Михаиломъ, въ то время 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ. Крайне типично для русскихъ порядковъ это посѣщеніе. Мать, ребенокъ и бывший ихъ спутникомъ докторъ Павлиновъ выѣхали весной 1866 г. Путь ихъ лежалъ въ Москву и Нижній по желѣзной дорогѣ, оттуда въ Казань и Пермь на пароходѣ, отъ Перми черезъ Екатеринбургъ до Иркутска на почтовыхъ лошадяхъ. Здѣсь «многоочитіи» соглядатаи административнаго вѣдомства почему-то сообразили, что эта компанія,—замѣтьте, съ мальчикомъ 8-ми лѣтъ!—ѣдетъ для того, чтобы насильно освободить Чернышевскаго. Поэтому въ Иркутскѣ они были задержаны на цѣлыхъ два мѣсяца, и доктору Павлинову не было разрѣшено сопровождать дальше молодую женщину

и ребенка. Въмѣсто этого ей дали въ товарищи путешествія вѣчно пьянаго жандармскаго ротмистра, который нѣсколько разъ своими безобразными выходками доводилъ жену Чернышевскаго до истерики. Путники выѣхали изъ Иркутска 12 августа, пріѣхали въ Кадаю 23 августа—и 27 августа, т. е. на 4-й день пріѣзда, были вынуждены отправиться снова во свояси, такъ какъ пьяный ротмистръ не давалъ остаться супругамъ вмѣстѣ и одной минуты. На отъѣздѣ настоялъ самъ же Чернышевскій, глубокое чувство любви котораго къ женѣ и дѣтямъ и благородная натура препятствовали принимать долѣе трехъ дней эту ужасную жертву. Снова началось длинное путешествіе. Въ Петербургъ пріѣхали только 26 октября, проѣхавъ въ обѣ стороны 12,440 верстъ, изъ нихъ 9,160 на лошадахъ, и издержавъ 1,500 рубл.

Чѣмъ была Кадая? Официально это былъ рудникъ. На самомъ же дѣлѣ для Чернышевскаго это была жизнь въ небольшомъ домикѣ, помѣщавшемся на склонѣ среброносной горы, въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ производились работы. Не безъ волненія перебираю я въ данный моментъ нѣсколько листиковъ крошечной тетрадки, вывезенной съ мѣста мальчикомъ и состоящей изъ нарисованныхъ тушью видовъ жилища, гдѣ находился Чернышевскій, и окружающей его мѣстности. Эти рисунки принадлежатъ одному изъ бывшихъ въ то время въ Кадаѣ политическихъ каторжныхъ и не лишены нѣкотораго художественнаго таланта. Одинъ—два вида поистинѣ заставляютъ ваше сердце сжиматься глубокой тоской... Вотъ передъ вами небольшой домикъ, выходящій тремя окнами на улицу, съ воротами налѣво, состоящими изъ трехъ громадныхъ столбовъ, съ перекладиной наверху, и зловѣще напоминающими висѣлицу. Надъ домикомъ нависло мрачное небо, на половину скрывающее своими тучами луну и нѣсколько звѣзд... А вотъ и другой видъ. На первомъ планѣ бѣжатъ разыгравшаяся молодая лошадь; дальше все тотъ же домикъ, но уже съ другой стороны; а еще дальше рядъ горныхъ бугровъ, уходящихъ одинъ за другимъ на край горизонта. Два маленькихъ креста вырисовываются на блѣдномъ небѣ: то могилы М. Л. Михайлова (за годъ умершаго передъ тѣмъ и, по свидѣнію, имѣвшаго возможность нерѣдко встрѣчаться съ Николаемъ Гавриловичемъ въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія) и еще кого-то изъ каторжниковъ... Кстати: по любопытной игрѣ судьбы въ числѣ сосланныхъ въ Кадаю «политическихъ» находился итальянецъ, поваръ Кавура, того самого Кавура, политическое величіе котораго такъ безжалостно развѣнчивалось «Современникомъ». Этотъ мастеръ своего дѣла,—по всей вѣроятности, захваченный въ плѣнъ въ рядахъ польскихъ повстанцевъ,—ужасно любилъ Чернышевскаго и старался всячески баловать его вкусы, хотя Николай Гавриловичъ, какъ извѣстно, отнюдь не былъ гастрономомъ. При отъѣздѣ жены и сына Чернышевскаго кавуровскій поваръ приготовилъ на дорогу цѣлую кор-

зину необыкновенно вкусныхъ крендельковъ, воспоминаніе о которыхъ врѣзалось въ душу мальчика.

Какъ же жилъ тутъ Чернышевскій? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно всегда читать его письма заднимъ числомъ. Потому что, скрывая неизмѣнно отъ своихъ родныхъ все тяжелое въ настоящемъ, онъ порою вынужденъ обмолвиться словомъ-двумя правды, когда говоритъ о прошломъ. Такъ, въ письмѣ отъ 2 октября 1866 г., благодаря свою жену за кадайское посѣщеніе, онъ сообщаетъ ей новость, яко бы улучшившую его положеніе. Его домикъ былъ отданъ подъ помѣщеніе солдатамъ, а самъ онъ переведенъ изъ Кадай въ Александровскій заводъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ прежняго мѣстожительства. И вотъ что сообщаетъ Чернышевскій: «Комнатки, въ которыхъ я живу теперь, чище и уютнѣе тѣхъ, которыя занималъ я въ Кадаѣ. А главное: стѣны и рамы гораздо лучше, не пропускаютъ мороза. По правдѣ говоря, мой ревматизмъ довольно сильно чувствовалъ во время здѣшнихъ зимнихъ буръ плоховатость стѣнъ кадаинскаго моего домика. Но здѣшнія комнаты хороши». Итакъ, вотъ какъ было въ Кадаѣ. Какъ же было на Александровскомъ заводѣ? Достаточно сказать лишь одно читателю: въ литературѣ сохранились вполне достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Чернышевскій помѣщался посреди большого огороженнаго зданія, между двумя камерами, въ которыхъ жило около ста человѣкъ поляковъ, страшно любившихъ Чернышевскаго, но угощавшихъ его именно по этому самому мучительными серенадами съ утра до ночи (русскіе «государственные» жили, какъ извѣстно, черезъ площадь, въ другомъ зданіи, гдѣ помѣщалась раньше заводская полиція). Нѣсколько лучше стало ему, когда по окончаніи такъ называемаго срока испытуемыхъ, Чернышевскій могъ попасть на вольную квартиру за оградой.

Въ письмѣ отъ 27 іюня 1867 г. есть совсѣмъ идиллическое описаніе домика, который принадлежалъ одному изъ дьячковъ заводской церкви и въ которомъ одна комната, выходившая окнами на улицу, давала пріютъ Чернышевскому. Чернышевскій хочетъ увѣрить жену, что ему здѣсь очень хорошо жить, во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ въ Кадаѣ. Онъ благодаритъ родныхъ за присылку книгъ и сигаръ, проситъ ихъ присылать ему книги и журналы, русскіе и иностранные, — журналы, а не газеты, такъ какъ послѣднія строго воспрещались, — упоминаетъ о томъ, что имъ получено 500 рублей, и что этихъ денегъ достанетъ ему очень на долго. Дѣйствительно, онъ издерживалъ тутъ не болѣе 10-ти руб. въ мѣсяцъ. Въ письмѣ отъ 2 августа 1867 г. эта идиллія принимаетъ еще болѣе опредѣленное очертаніе. Чувствуется, что Чернышевскій во что бы то ни стало хочетъ дать извращенно оптимистическое мнѣніе о своемъ житьѣ-бытьѣ. Такъ, не безъ нѣкотораго комическаго паѣкса онъ упоминаетъ, что «здѣсь есть лавки, въ которыхъ всегда можно найти варенье, довольно порядочное, сардинки,

вовсе хорошія, и разныя тому подобныя деликатности». Тутъ же онъ сообщаетъ, что «въ это лѣто онъ съ усердіемъ купается» и полагаетъ, что ревматизмъ его пройдетъ отъ этого. И какъ бы въ подкрѣпленіе послѣдней новости продолжаетъ разрабатывать тему уже въ осеннемъ письмѣ отъ 2 октября 1867 г., бросая ретроспективный взглядъ на прошедшее лѣто. Купанье, — пишетъ онъ, — прогнало у него «остатки скорбута, ревматизма и вообще малокровія, которое, кажется, было основною причиною боли въ боку и въ ногахъ». Такъ что только теперь мы узнаемъ, что всѣмъ этимъ Чернышевскій былъ награжденъ еще въ тюрьмѣ и въ первые годы сибирской жизни.

Далѣе слѣдуетъ въ перепискѣ большой перерывъ, — какъ увидимъ далѣе, перерывъ сознательный. Какъ ни какъ, въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1868 г. Чернышевскій, благодаря за высылку журналовъ «Вестминстерское Обозрѣніе», «Атенеумъ» (онъ пишетъ иностранныя названія почти всегда по русски, такъ какъ его корреспонденція тщательно пересматривается властями, и онъ опасается, какъ бы то или другое непонятое начальствомъ слово не повело къ задержанію письма), «Вѣстникъ Европы», *Revue des Deux Mondes* и констатируя, что онъ со всѣми окружающими живетъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, очевидно, для завершенія картины своего благополучнаго житія, резюмируетъ свое положеніе такъ: «Моя жизнь и вовсе сдѣлалась очень похожа на ту, какую я велъ въ Петербургѣ».

Слѣдующее письмо, отъ 18 апрѣля 1868 г., было передано женѣ съ оказіей, черезъ одну даму. И тутъ Чернышевскій даетъ нѣсколько больше волю своимъ мыслямъ и чувствамъ. Онъ надеется, что скоро кончится его теперешнее положеніе, и онъ попрежнему можетъ быть «полезнымъ». У него вырывается любопытное признаніе, что онъ уже «давно предполагалъ возможность такой перемѣны въ жизни, какая случилась», но только не рассчитывалъ, что «подобная перемѣна такъ на долго отниметъ у него возможность работать». Онъ очень огорчается тѣмъ, что не заботился раньше обезпечить положеніе своей семьи, но за то тѣмъ съ болѣею надеждою увѣряетъ себя и своихъ, что скоро наступитъ для него періодъ, когда, — не далѣе какъ черезъ годъ, — «отечественная литература будетъ наводнена моими сочиненіями». Въ этомъ же письмѣ онъ съ необыкновенною энергіею отговариваетъ свою жену снова ѣхать къ нему «по горамъ и камнямъ, черезъ рѣчки безъ мостовъ, по пустынямъ, гдѣ не найдешь куска хлѣба изъ порядочной пшеницы». Онъ умоляетъ ее подождать до того времени, когда ему можно будетъ «переехать на ту сторону Байкала» и поселиться въ самомъ Иркутскѣ и даже въ Красноярскѣ.

Во всѣхъ своихъ письмахъ къ женѣ онъ выражаетъ живѣйшее безпокойство относительно ея здоровья и неоднократно проситъ у нея извиненія, что причинилъ ей большое горе и внесъ цѣлу

катастрофу въ ея жизнь. Но ему снова начинаетъ казаться, что скоро «кончается срокъ ему быть празднымъ» (письмо отъ 29 апрѣля 1870 г.). Въ это время онъ, очевидно, уже серьезно обдумалъ планъ возобновленія своей литературной дѣятельности, но уже въ беллетристической формѣ, и пишетъ одновременно, соблюдая крайнюю конспирацію, А. Н. Пыпину и М. М. Стасюлевичу (котораго онъ называетъ по ошибкѣ Михаиломъ Семеновичемъ) о своемъ желаніи приняться за новую для него отрасль дѣятельности, посылая пока маленькую поэму «Гимнъ Дѣвѣ Неба» *).

Въ высокой степени любопытно для характеристики положенія Чернышевскаго и его собственной психологіи письмо съ оторванной датой, относящееся, повидимому, къ январю 1871. Это письмо также шло съ оказіей и ярко рисуетъ намъ надежды, разочарованія, и снова надежды и задушевные думы Чернышевскаго. Оно прежде всего содержитъ въ себѣ рассказъ о томъ, какъ онъ жилъ съ половины 1868 г. Оказывается, что въ половинѣ іюля этого года начальство, какъ ему кажется, непритворно опечаленное, передало ему приказъ высшихъ властей поселиться снова въ тюрьмѣ (причиной этого, какъ мы знаемъ, былъ побѣгъ одного изъ политическихъ). вмѣстѣ съ тѣмъ Чернышевскій уже начинаетъ недоумѣвать, почему еще не кончился срокъ его приговора. Дѣло въ томъ, что онъ прибылъ въ Усолье, какъ уже было сказано, 10 іюля 1864 г. По закону, въ подробности котораго намъ нечего входить здѣсь, полагавшіяся ему семь лѣтъ наказанія сводились, — какъ объясняетъ Чернышевскій, — къ 73 мѣсяцамъ, такъ что 10 августа 1870 г. онъ уже собственнo долженъ былъ бы быть освобожденъ отъ каторжныхъ работъ. Но если даже администрація и не знаетъ въ точности этого закона, то все же даже для полныхъ семи лѣтъ срокъ истекаетъ 10 іюля 1871 г. Въ этой надеждѣ Чернышевскій проситъ жену справиться у какого нибудь законника въ Петербургѣ. Онъ убѣжденъ, что скоро всѣ злоключенія кончатся, и снова ихъ жизнь пойдетъ весело и хорошо.

И вдругъ среди этихъ упованій и надеждъ личнаго характера развертывается нашъ великій Чернышевскій, человѣкъ рѣдкаго ума, стоической энергіи и благороднѣйшаго сердца. Онъ пишетъ: «А что касается лично до меня, я самъ не умѣю разобрать, согласился ли бы я вычеркнуть изъ моей судьбы этотъ переворотъ, который повергнулъ тебя на цѣлыя девять лѣтъ въ огорченія и лишенія. За тебя я жалѣю, что было такъ. За себя самого совершенно доволенъ. А думая о другихъ, — объ этихъ десяткахъ милліоновъ нищихъ, — я радуюсь тому, что безъ моей воли и заслуги придано больше прежняго силы и авторитетности моему

*) Эта поэма, увидѣвшая свѣтъ лишь гораздо позже («Русская Мысль», 1885), перепечатана, вмѣстѣ съ большимъ отрывкомъ письма къ г. Стасюлевичу, въ «Полномъ собраніи сочиненій Н. Г. Чернышевскаго»; Спб., 1906, т. X, часть 1, стр. I—III и 1—12.

голосу, который зазвучитъ же когда нибудь въ защиту ихъ. Лстить имъ я не гоужсь. Горьки и обидны для нихъ мои мысли о нихъ. Но и здѣсь я не лстилъ товарищамъ моей судьбы; постоянно говорю имъ только горькое и обидное для нихъ,—и, однако же, они прощаютъ мнѣ мои оскорбляющія ихъ слова. Тѣмъ легче будутъ прощать русскіе своему родному.

«Для всего контингента Западной Европы начинается новый періодъ жизни. Когда отразятся результаты торжества Германіи на Россіи? Мы здѣсь еще не знаемъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло по требованію русскаго правительства имѣть флотъ на Черномъ морѣ. Но, мой милый другъ, ни въ одномъ изъ важныхъ вопросовъ исторіи Европы и Америки въ послѣднія десять лѣтъ мои соображенія не оказались ошибочными. И теперь легко предвидѣть, что будетъ съ Россіею черезъ два-три года,—или черезъ годъ? Вотъ этого только еще не вижу я отсюда: будетъ ли отсрочка хоть на три или хоть на два года столкновенію Россіи съ Западной Европой, или оно уже началось. Бѣдный русскій народъ, тяжело придется ему въ этомъ столкновеніи. Но результатъ будетъ полезенъ для него. И тогда, мой другъ, понадобится ему правда. Я ужъ не молодъ, мой другъ; но помни: наша съ тобой жизнь еще впереди. Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ тебѣ: «онъ слишкомъ самонадѣянъ», или: «онъ слишкомъ много предсказываетъ»; не смущайся этимъ замѣчаніемъ и знай: я могу говорить объ историческихъ дѣлахъ, потому что я много учился и много думалъ. Чему быть, тому не миновать. И тогда мы съ тобою увидимъ, жалѣть ли намъ о томъ, что вотъ столько лѣтъ пришлось мнѣ, отъ нечего дѣлать, все учиться, все думать. Мы увидимъ: это пригодилось для нашей родины».

Но въ этомъ же письмѣ, словно зловѣщее предсказаніе надвигавшейся на Чернышевскаго судьбы, намъ встрѣчаются слѣдующія строки: «Ни здѣсь, ни въ Иркутскѣ не могутъ рѣшать ровно ничего, какъ только рѣчь идетъ обо мнѣ. Я какъ будто не подвластенъ никому, нигдѣ, кромѣ Петербурга».

Пока, впрочемъ, Чернышевскій сообщаетъ, что въ ожиданіи переѣзда онъ пересталъ писать безконечный рядъ повѣстей, изъ которыхъ одна цѣпляется за другую. Но, по его мнѣнію, и прежнихъ хвѣтитъ «для наполненія десятковъ книжекъ и журналовъ». Посылая своимъ роднымъ уже пачку этихъ произведеній, могущихъ, какъ ему кажется, быть сейчасъ же напечатанными, онъ рассказываетъ о содержаніи той «Драмы безъ развязки», которая въ полномъ своемъ составѣ будетъ называться «Другимъ нельзя». Въ недостающихъ пока полтора дѣйствіяхъ столь много, какъ иронически замѣчаетъ Чернышевскій, безнравственности, «что и подумать страшно: мужъ учитъ жену всему дурному: другимъ нельзя, а тебѣ, Леночка, можно, потому что ты милая дѣвица». Упоминаетъ также Чернышевскій о томъ, что кой-какія его драмы

исполняются здѣсь его товарищами, молодыми людьми, — поляками, караковцами, и т. п., — тяготящимися своей судьбой, къ которой онъ самъ гораздо болѣе равнодушенъ.

II.

Но уже начинается новый зловѣщій періодъ въ жизни Чернышевскаго. По какимъ бы юридическимъ хитросплетенностямъ ни считать срокъ пребыванія Чернышевскаго на каторгѣ, но онъ во всякомъ случаѣ кончался. Однако, — увы! — тѣмъ временемъ, какъ сообщаетъ офиціальный документъ эпохи (см. ниже), состоялось засѣданіе комитета министровъ «по настоящему дѣлу», и «послѣдовала по оному» высочайшая резолюція. Рѣшено было «причислить Чернышевскаго по окончаніи имъ срока каторжныхъ работъ къ одному изъ ближайшихъ къ городу Виллюйску селеній (наслеговъ) и помѣстить его въ то зданіе, въ коемъ помѣщался ранѣе арестантъ № 11 (Огрызко), подъ особо строгимъ надзоромъ». Это рѣшеніе приводилъ въ исполненіе генераль-губернаторъ Восточной Сибири, посылая о семъ предписаніе отъ 2 декабря 1871 года за № 104 Виллюйскому окружному исправнику (см. статью «Н. Г. Чернышевскій въ Виллюйскѣ»; «Минувшіе Годы», 1908, мартъ, стр. 1). И вотъ, около 18 декабря 1871 г., Чернышевскій пишетъ своимъ очень короткое письмо, въ которомъ сообщаетъ о томъ, что пріѣхалъ въ Иркутскъ и будетъ продолжать путь до мѣста назначенія. Но о немъ обѣщается написать, «когда познакомится съ нимъ по собственному опыту». Впрочемъ, даже и это письмо не обходится безъ обычной сильно оптимистической струи: «Надѣюсь, буду жить тамъ такъ же удобно, какъ удобно бду туда». Итакъ, для Чернышевскаго начинается новая полоса. вмѣсто надеждъ на приближеніе къ Россіи и начала правильной литературной работы — жизнь въ ужасномъ затерянномъ углу, жизнь по сравненію съ которой пребываніе Чернышевскаго на каторгѣ могло показаться раемъ, такъ какъ въ Кадаѣ и на Александровскомъ заводѣ у Николая Гавриловича были все же интеллигентные товарищи, а въ Виллюйскѣ—никого. Чѣмъ же объяснить это непомѣрное ожесточеніе противъ человѣка, семь лѣтъ отбывшаго на каторгѣ? «Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, — гласитъ совершенно секретная инструкция, — и значеніе, которымъ пользуется онъ въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особія мѣры для отстраненія Чернышевскому возможности побѣга или отклоненія его вреднаго вліянія на общество» («Минувшіе Годы» стр. 2).

Для постоянного наблюденія за Чернышевскимъ назначается жандармскій унтеръ-офицеръ и два казачьихъ урядника. Имъ вмѣ-

няется въ обязанность безотлучно оставаться въ домѣ при «государственномъ преступникѣ». Даже ночью они должны заходить въ комнату, гдѣ спитъ Чернышевскій, подѣ какимъ-нибудь предлогомъ. Посѣщать Чернышевскаго можно лишь съ разрѣшенія и по записи унтеръ-офицера. Надо усугублять надзоръ за Чернышевскимъ во время лѣта, такъ какъ тогда преступнику захочется. можетъ быть, гулять по городу,—выходить за городъ и дѣлать въ его какія бы то ни было прогулки ему не дозволено. И въ городѣ, при посѣщеніи другихъ лицъ, онъ долженъ сопровождаться унтеръ-офицеромъ. Содержанія Чернышевскому полагается 12 руб. въ мѣсяцъ, но въ томъ лишь случаѣ, если у него не будетъ присылки денегъ изъ дому или частнаго заработка. Само собою разумѣется, письма отъ Чернышевскаго и къ Чернышевскому должны просматриваться губернаторомъ.

И вотъ начинается для изгнанника новая жизнь, несравненно худшая, чѣмъ та, которую онъ вѣлъ раньше. По его стоицизмъ по прежнему не надломленъ. И по прежнему глубокое чувство любви къ женѣ и роднымъ заставляетъ его изукрашать свое положеніе. Онъ бы, кажется, изукрасилъ его еще болѣе, если бы ему не мѣшала одна ужасающая его мысль: а ну, какъ прійдетъ его жена, которой въ личномъ смыслѣ онъ только живетъ и дышетъ? По необходимости среди массы прикрасъ встрѣчается кой-какая правда. Въ письмѣ отъ 31 января 1872 г. мы находимъ изображеніе Вилюйска. «Это очень маленькій городъ. Въ немъ нѣтъ ни одной лавки. Товары, какіе нужны для жителей, продаются торговцами въ ихъ собственныхъ квартирахъ. Изъ того, что нужно мнѣ въ числѣ этихъ мѣстныхъ товаровъ, есть чай и сахаръ. Вилюйскъ находится въ 710 верстахъ отъ Якутска, почти прямо на западъ. Климатъ почти одинаковый. Воздухъ здѣсь очень здоровый (Просимъ читателей сравнить это съ тѣмъ, что будетъ дальше. Н. Р.). Вилюй—большая рѣка; въ ней много рыбы; превосходной... между Якутскомъ и Вилюйскомъ вовсе нѣтъ русскаго населенія; живутъ только якуты... станціи большею частью по сорока и даже пятидесяти верстѣ... зимою путь недуренъ, если снѣга выпали не очень глубокіе... кромѣ зимняго пути другого удобнаго нѣтъ; отъ весны до осени, почту въ Якутскъ возятъ верхами, а проѣзжающихъ вовсе не бываетъ, кромѣ совершенно необходимыхъ случаевъ, когда путникъ рѣшается ѣхать по болотамъ верхомъ. Почта въ Якутскъ ходитъ разъ въ два мѣсяца».

Засимъ начинается обычное прикрашиваніе дѣйствительности: «Что касается меня, я здѣсь живу удобно: домъ, въ которомъ я помѣщаюсь, имѣетъ большой залъ и пять просторныхъ комнатъ; все это очень опрятно; совершенно тепло. Почему я расположился такъ просторно? Потому что домъ стоялъ пустой, и если бы я не поселился въ немъ, оставался бы пустымъ. Это лучший домъ въ городѣ, и былъ бы недурнымъ домомъ даже и не въ такомъ кро-

жечномъ городѣ». Нечего говорить читателю, что столь достопримѣчательное палаццо было просто на просто острогомъ, въ которомъ ранѣе помѣщался извѣстный полякъ, Огрызко, и который сохранилъ поэтому громкое названіе «польскаго дворца».

Новое письмо отъ 27 марта 1872 г. и новыя детали, должествующія изобразить райскую жизнь Чернышевскаго, котораго опять смущаетъ только одна досадная гипотеза: какъ бы не пріѣхала сюда жена, ссылаясь на такія хорошія условія существованіе: «Я совершенно здоровъ по своему обыкновенію. Живу, какъ уже и писалъ тебѣ отсюда, по прежнему хорошо. Новаго въ моемъ бытѣ нѣтъ ровно ничего; кромѣ того развѣ, что вмѣсто хорошаго мяса, которымъ исключительно кормился за Байкаломъ, гдѣ нѣтъ рыбы, кормлюсь теперь, по своему предпочтенію къ рыбѣ, гораздо больше ею (здѣсь она прекрасна), нежели мясомъ,—которое здѣсь, впрочемъ, тоже недурно и въ которомъ, благодаря доброжелательности здѣшнихъ жителей, запасаются имъ на годъ, не имѣю недостатковъ. Тѣ, кто живетъ здѣсь своимъ хозяйствомъ, заготавливаютъ все необходимое на цѣлый годъ, кромѣ рыбы, которая почти постоянно попадаетъ въ продажѣ. Вообще Виллюйскъ нѣчто въ родѣ маленькаго оазиса среди пустыни; да и самъ этотъ оазисъ почти ничего не производитъ. Даже скотоводство въ городѣ ничтожно: кругомъ города—пески, лѣса и болота; сѣнокосныхъ мѣстъ мало. Поэтому и населеніе въ городѣ существуетъ почти только торговлею съ якутами, разбросанно живущими по рѣкѣ...

«Морозы прошли; дня три ужъ солнце грѣетъ такъ, что снѣгъ изъ сухого началъ дѣлаться нѣсколько влажнымъ, около середины дня, разувѣтся; къ утру опять бываетъ рассыпающимся въ пыль, какъ земля въ засуху. Трава показывается здѣсь въ половинѣ мая. Въ половинѣ сентября земля снова застываетъ.

«Но въ комнатахъ здѣшнихъ домовъ тепло и въ самые жестокіе морозы, дровъ не жалѣютъ виллюйцы. Кромѣ печей, у нихъ есть, какъ они называютъ, камельки; камелекъ—очагъ якутскаго фасона; дрова горятъ на немъ съ утра до ночи. Впрочемъ, есть въ городѣ, кромѣ домиковъ русской постройки, и юрты; это—будто землянка, только не врытая въ землю, а обсыпанная (вѣрнѣе: облѣпленная) землею или засохшею грязью. Вмѣсто стеколъ въ окошечкахъ юрты зимою—льдины, лѣтомъ—пузырь; льдины зимою вставляютъ въ окна нѣкоторые даже изъ зажиточныхъ виллюйцевъ, воображая, будто бы льдина теплѣе двойной рамы».

О ужасъ! жена, успокоенная письмами мужа, хочетъ непременно ѣхать въ Виллюйскъ. И Чернышевскій хоть до нѣкоторой степени вынужденъ теперь сказать правду о своей ревиденціи (въ письмѣ отъ 3 апрѣля). «Ты хочешь ѣхать сюда жить? О, мой милый другъ, умоляю тебя, повремени исполненіемъ этого желанія. Можетъ быть, черезъ полтора года, можетъ быть, черезъ годъ, можетъ быть и черезъ полгода, я попрошу тебя доставить мнѣ

счастье видѣть тебя и дѣтей. Но подожди, пока это будетъ моею просьбою къ тебѣ. До той поры, повремени. Объясню тебѣ нѣкоторыя изъ причинъ, дѣлающихъ эту отсрочку необходимою. Вилуйскъ лежитъ въ климатѣ, слишкомъ несоотвѣтствующемъ условіямъ твоего здоровья. Для меня этотъ воздухъ не вреденъ, Но вспомни, что мой организмъ, хоть далеко не атлетическій, совершенно крѣпокъ, и нервы у меня—апатичные, какъ у самаго флегматическаго быка или барана. Съ твоими нервами, съ твоимъ здоровьемъ жить здѣсь положительно невозможно.

«Прибавь: здѣсь нѣтъ медика; и ближайшіе медики—въ Якутскѣ, за 700 верстъ; эти 700 верстъ удобны для проѣзда лишь три, четыре мѣсяца въ годъ; въ остальные времена года, если послать за медикомъ, посланный едва ли дотащится до него въ недѣлю; а медикъ—разумѣется, неспособный переносить трудностей пути, какъ полудикій, здѣшній разсылный, якутъ или обьякутившійся русскій (забывшій и говорить по русски)—медикъ едва ли можетъ и доѣхать здоровымъ,—если будетъ имѣть возможность поѣхать. Но можетъ случиться, что онъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, не будетъ имѣть этой возможности: число медиковъ въ Якутскѣ очень невелико: у каждаго изъ нихъ свои обязанности, отъ которыхъ нельзя отлучиться, не передавъ ихъ другому на время отлучки, а передать ихъ иногда некому».

Дальше слѣдуютъ по истинѣ трагическія въ своемъ спокойствіи строки, которыя показываютъ намъ обстановку, куда высшей власти было угодно перенести Чернышевскаго: «Я не опасаясь за себя, что я сдѣлаюсь боленъ: судя по прошлымъ годамъ и по нынѣшнему своему гигиеническому состоянію, я считаю себя застрахованнымъ еще на нѣсколько лѣтъ отъ болѣзней или отъ упадка здоровья. Но занемочь здѣсь сколько нибудь серьезно—это значило бы, навѣрное: умереть. Не тревожся, это я говорю только въ объясненіе, почему не могу согласиться, чтобы ѣхала сюда ты: ко мнѣ самому эти опасности не прилагаются, по крайней мѣрѣ, лѣтъ еще на десять или на пятнадцать: я мужчина, я здоровъ, я постоянно спокоенъ мыслями, очень остороженъ въ гигиеническомъ отношеніи: потому, пока не придутъ старческія немощи,—а до нихъ еще не близко мнѣ,—мнѣ не нужны ни медики, ни аптеки».

Рѣшается сказать Чернышевскій кое что и объ истинномъ характерѣ своего Эльдорадо: «Вилуйскъ—это, по названію, городъ; но въ дѣйствительности, это даже не село,—даже не деревня въ русскомъ смыслѣ слова. Это нѣчто такое пустынное и мелкое, чему подобнаго въ Россіи нѣтъ. Надобно вообразить хуторъ, въ которомъ возможно жить лишь потому, что онъ подлѣ города или большого села, гдѣ есть товары,—и надобно перенести воображеніемъ этотъ хуторъ въ пустыню, за 700 верстъ отъ ближайшаго рынка; да и на этомъ рынкѣ слишкомъ часто не бываетъ слишкомъ многихъ самыхъ необходимѣйшихъ товаровъ: мнѣ говорили, напримѣръ, что

далеко не всегда можно купить въ Якутскѣ тарелку или ножъ съ вилкою или самый простой стаканъ: привезенные прошлымъ лѣтомъ всѣ раскуплены—и жди до слѣдующаго лѣта, когда привезутъ. Цѣны—очень дорогія, разумѣется, если и найдешь нужную вещь. Опять: не смущайся этимъ за меня; что необходимо для меня, я имѣю все; пишу это не для фразы, а по чистой правдѣ. Но за то помнишь: я не только не нуждался никогда въ комфортабельной обстановкѣ, я всегда стѣснялся и тяготился всѣми тѣми житейскими удобствами, которыя необходимы для людей, не снабженныхъ отъ природы моими телячьими нервами... Но не только тебѣ, женщинѣ,—даже и Сашѣ, юношѣ, и вѣроятно не слишкомъ любящему комфортъ,—было бы слишкомъ неудобно жить здѣсь. А мнѣ,—хорошо; это я говорю серьезно, а не только для твоего успокоенія».

Это письмо, представляющее такую умышленную смѣсь правды и сочинительства, заканчивается, однако, многозначительными словами, въ которыхъ выражается не ироническое по обыкновенію, а серьезное мнѣніе Чернышевскаго о себѣ самомъ: «Благодарю Сашу за желаніе ѣхать съ тобой, когда ты поѣдешь. Тѣмъ, что онъ бросилъ бы университетъ для этого, нечего было бы смущаться: хоть я и порядочно много отсталъ отъ ученаго движенія, но смѣю полагать, что все еще остаюсь человѣкомъ обширной и глубокой учености, и что въ бесѣдахъ со мною Саша напелъ бы достаточную замѣну университетскихъ лекцій. Поживши со мною два-три года, онъ могъ бы вернуться хорошимъ соискателемъ на профессорскую кафедру въ Петербургскомъ, въ какомъ ли угодно другомъ университетѣ».

Въ письмѣ отъ 17 мая звучатъ аккорды, которые положительно напоминаютъ діалогъ изъ «Русскихъ Женщинъ» Некрасова. Помните:

Но вы не будете тамъ жить:
Тотъ климатъ васъ убьетъ;
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ!

Но на сей разъ генераломъ, останавливающимъ молодую женщину ѣхать въ глубь Сибири, является Чернышевскій. И не то что бы онъ усугублялъ мрачную картину той заброшенности, среди которой живетъ самъ. Наоборотъ, онъ поднимаетъ лишь уголъ занавѣса, скрывающаго ужасную дѣйствительность. Воспользовавшись тѣмъ, что ему надо было упомянуть объ аккуратномъ полученіи писемъ, Чернышевскій продолжаетъ «...Но путь и далекъ, и труденъ: бываютъ запаздыванія въ проѣздѣ почтъ; поэтому, не смущайся и не огорчайся, если бы иногда случалось тебѣ остаться безъ письма отъ меня дальше, нежели ты рассчитывала бы»... И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, зловѣще, опять таки точно слова генерала изъ «Русскихъ Женщинъ», звучитъ лишь частичная правда изъ устъ Чернышевскаго: «Да, моя Радость (sic! въ письмахъ къ женѣ

Чернышевскій употребляетъ для такихъ выраженій, свидѣтельствующихъ о его глубокомъ чувствѣ къ Ольгѣ Сократовнѣ, неизмѣнно прописную букву Н.Р.), путь сюда далекъ и очень труденъ: да, самая почта почти круглый годъ не въ силахъ идти сюда безъ страшныхъ опасностей и долгихъ промедленій. Отъ половины апрѣля до конца года, восемь съ половиною мѣсяцевъ, переѣздъ отъ Иркутска до Якутска—тяжелое и очень рискованное предпріятіе; труднѣе, чѣмъ какія-нибудь путешествія по внутренней Африкѣ. Отъ Иркутска сюда въ эти мѣсяцы ѣзда положительно невозможна для людей, непривычныхъ вести якутскій образъ жизни. Около Нового Года, ледъ на Ленѣ и на другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ перестаетъ покрываться глубокою водою съ тонкою обманчивою коркою, сквозь которую проваливаются и нерѣдко тонутъ проѣзжіе, еще чаще подвергаясь опасности окоченѣть въ этой водѣ и не провалившись (эти наплывы воды поверхъ льда, съ обманчивою ледяною скорлупою, называются здѣсь наледями). На три съ половиною мѣсяца, дорога дѣлается не болѣе опасною, чѣмъ всякая другая почтовая дорога. Но только самая дорога, по которой ѣхать; а ѣхать по ней все таки очень трудное дѣло: пустыня; пищи не найдешь; никакой помощи въ случаѣ какого нибудь обыкновеннаго дорожнаго приключенія; станціи—громадныя разстоянія (сюда отъ Якутска, обыкновенно по 50 верстъ); лошади, по недостатку корма, слабы, чрезвычайно слабы; дики, пугливы»...

Дорисовываются и новые штрихи города: «А здѣсь? Вотъ что здѣсь: меня просили... достать хоть $\frac{1}{4}$ ф. мыла (мнѣ купцы по доброму расположенію соглашались продавать вещи не изъ магазиновъ, а изъ принадлежащихъ къ ихъ собственному хозяйству; такъ я купилъ, напримѣръ, подсвѣчникъ, немножко горчицы, нѣчто вроде тарелки и тому подобное). Я просилъ:—Дайте хоть $\frac{1}{4}$ мыла—«у самихъ нѣтъ; нечего дать вамъ»—отвѣтъ купцовъ, и отвѣтъ совершенно искренній. И купцы эти! Одинъ между ними—богачъ; такой богачъ, что, по всеобщему убѣжденію, «можетъ купить весь городъ со всѣмъ округомъ»—подлинное выраженіе жителей. Этотъ купецъ—самъ ухаживаетъ за скотомъ; на его женѣ—платье, какое постыдится надѣть горничная въ Петербургѣ, или хоть бы въ Саратовѣ. Ъдутъ они разъ въ сутки. Скрыжничество?—Нѣтъ; дѣло проще и хуже скрыжничества: первый здѣшній богачъ считался бы челоѣкомъ бѣднымъ въ какомъ угодно русскомъ городѣ... Я присмотрѣлся къ нищетѣ; очень присмотрѣлся. Но къ виду этихъ людей я не могу быть холоденъ: ихъ нищета мутитъ и мою закорюзлую душу. Я пересталъ ходить въ городъ, чтобы не встрѣчать этихъ несчастныхъ; избѣгаю тропинокъ, по которымъ бродятъ они на опушкѣ лѣса»...

Дальше, нѣсколькими рѣзкими чертами, Чернышевскій изображаетъ ужасающую забитость мѣстныхъ жителей, особенно якутовъ: какъ они при встрѣчѣ снимаютъ шапку за двадцать шаговъ, и

стоять на 30-градусномъ морозѣ съ открытыми головами; и какъ Чернышевскій не можетъ, не зная якутскаго языка, убѣдить ихъ надѣть шапку. Ибо, когда онъ старался объяснить имъ это жестами, они спасались бѣгствомъ, думая, что онъ хочетъ ихъ прибить. «Что это такое? Люди ли это, или хуже забытыхъ собакъ, животныя, которымъ нѣтъ имени?—Люди, и добрые, и неглупые, даже можетъ быть даровитѣе европейцевъ (говорятъ, что якутскія дѣти учатся въ школахъ лучше русскихъ). Но это жалкіе нищіе дикари, какихъ нѣтъ жалче на свѣтѣ; дикари, подобные готтентотамъ, хуже негровъ Центральной Африки». А сами русскіе! Ихъ страхъ передъ всякимъ общеніемъ съ людьми! И Чернышевскій рассказываетъ: «Купчиха говоритъ мнѣ: «У насъ есть служанка нѣмая; хорошая служанка».—«Почему же это вы держите нѣмую? Это неудобно, нѣмая служанка».—«Мы боимся такихъ, которыя говорятъ...»—«Что такое? Семейство воровъ? Или дѣлаютъ фальшивыя деньги?—Нѣтъ, доброе и честное семейство. Но по здѣшнему, это умъ, имѣть нѣмую служанку... Такова то страна, Виллюйскій край. Для меня, это все равно. Я не имѣю надобности ни разговаривать съ людьми, ни видѣть ихъ: книга замѣняетъ ихъ мнѣ. Но другимъ, жить здѣсь было бы невыносимо».

Раньше, мы видѣли, Чернышевскій очень восхвалялъ климатъ Виллюйска. Теперь у него, можетъ быть, противъ его воли, а, можетъ быть, и сознательно, чтобы отговорить жену отъ повѣздки въ Сибирь, прорываются инныя ноты: «А климатъ!—«Бываютъ здѣсь убійства?—«Нѣтъ, народъ смирный; но самоубійства часты».—«Отчего же?»—«Отъ солитера; здѣсь почти у всѣхъ солитеръ, и наводитъ такую меланхолію, что человѣкъ возьметъ, да повѣсится».—Кромѣ того: множество всяческихъ недуговъ; климатъ Петербурга идеальнѣе здороваго климата сравнительно со здѣшнимъ».

Въ письмѣ отъ 1 іюня Чернышевскій, очевидно, испугавшись, какъ бы его жена не пришла въ ужасъ отъ жизни своего мужа, считаетъ уже снова нужнымъ приняться за ученую дозировку смѣси правды и сочинительства. Такъ, съ одной стороны, выходитъ, что онъ живетъ не безъ удобствъ и съ «комфортомъ», питая чувства искренней признательности къ окружающимъ его людямъ за ихъ милое съ нимъ обращеніе. И потомъ вдругъ оказывается, что хозяйки того самого семейства, гдѣ онъ столуется, принуждены употреблять невѣроятныя усилія, чтобы кормить его. Напримѣръ, здѣсь очень трудно найти мясо или рыбу, по крайней мѣрѣ въ теченіе полугода. Кухарки не умѣютъ готовить. И сами дамы этого семейства принуждены стоять у печи для Чернышевскаго. Стыдась того, что [его] хозяйкамъ приходится употреблять много хлопотъ на приготовленіе особой пищи для него, онъ какъ то сказалъ имъ: а вы присылайте мнѣ то, что сами ѣдите. Въ результатѣ ему стала подаваться «ячменная каша на водѣ съ примѣсью молока. Не-

вкусно,—это бы еще такъ и быть; но сколько ни ѣсть, все-таки чувствуешь себя голоднымъ. А ты знаешь, я не обжора. Всѣ жившіе со мною въ Россіи ли, въ Сибири ли, находили, что я ѣмъ довольно мало. Но здѣсь—ѣдятъ такъ, что я не могу быть сытъ». И вотъ на четвертый день даже самъ неприхотливый Чернышевскій принужденъ былъ отказаться отъ національнаго вилюйскаго кушанья.

Въ этомъ же письмѣ, Чернышевскій даетъ самый горячій советъ своему старшему подроставшему сыну—ему было въ то время 18 лѣтъ—совѣтоваться обо всемъ съ матерью, и не дѣлать ничего такого, чего она не одобритъ. А на особомъ листкѣ, приложенномъ М. Н. Чернышевскимъ къ письму, мы читаемъ списокъ книгъ, о полученіи которыхъ Чернышевскій извѣщаетъ свою семью. Всего этихъ книгъ было 25 томовъ. Приведу наиболѣе типичныя, или почему либо казущіяся мнѣ интересными изъ этихъ книгъ, для того, чтобы читатель могъ имѣть представленіе о томъ, въ какихъ сферахъ вращалась тогда мысль Чернышевскаго, и какія данныя питали въ это время его умъ. Мы находимъ, напримѣръ, здѣсь Леера «Лекціи о войнѣ 1870 года»: читатель припомнитъ, какое значеніе Чернышевскій приписывалъ международному европейскому потрясенію, вызванному столкновеніемъ между Франціей и Германіей. Немного къ этой же области относятся первые четыре тома (пятый вышелъ лишь позже: въ 1875 г.) французскаго оригинала «Исторіи Наполеона I» Ланфрэ, который, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ рѣзкаго отношенія ко Второй Имперіи, подвергъ самой безжалостной критикѣ легенду Наполеона I, служившаго прообразомъ для философовъ и поэтовъ новѣйшаго бонапартизма.

Изъ книгъ общаго научно-философскаго содержанія упомяну въ особенности Дарвина «Происхожденіе человѣка» и Маркса «Капиталъ»,—обѣ въ русскомъ переводѣ. Ниже мы увидимъ, какъ рѣзко относился Чернышевскій къ Дарвину, становясь на точку зрѣнія убѣжденнаго послѣдователя Ламарка. Но въ высшей степени замѣчательно, что нигдѣ, ни въ одномъ изъ своихъ писемъ, и, повидимому, разговоровъ, Чернышевскій не обмолвился ни словомъ относительно книги Маркса, составившей поистинѣ эпоху въ области политической экономіи и социологіи. Ниже мы представимъ нѣсколько соображеній, казущихся намъ правдоподобными, почему Чернышевскій не реагировалъ на «Капиталъ». Изъ русскихъ книгъ Чернышевскій получилъ, между прочимъ, новое четырехтомное изданіе Добролюбова, трудъ Пыпина объ «Общественномъ движеніи при Александрѣ I», а также, по части беллетристики, «Свой Хлѣбъ» Рѣшетникова и «Раззореніе» Успенскаго. Изъ иностранной беллетристики мы находимъ два романа Шпильгагена (въ переводѣ), къ которому Чернышевскій, какъ извѣстно, питалъ большую симпатію: «Одинъ въ полѣ не воинъ» и «Нѣмецкіе піонеры»—одно изъ луч-

шихъ, и одно изъ слабѣйшихъ (своимъ налетомъ національ-либерализма) произведеній романиста.

Короткое письмо отъ 11 октября 1872 г. интересно лишь тѣмъ, что въ немъ снова и снова выражается высокое, одухотворенное чувство любви Чернышевскаго къ своей женѣ,—чувство, подобнаго которому я не встрѣчалъ нигдѣ выраженнымъ не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. «Ты знаешь, что твоя любовь ко мнѣ, все счастье моей жизни. Стало быть, нечего говорить о томъ, желалъ бы я, чтобы жить намъ съ тобою вмѣстѣ, если бы это было возможно. Но возможно ли, это вопросъ, который подлежить рѣшенію въ Петербургѣ». Для этого, по мнѣнію Чернышевскаго, приходилось бы внести дѣло на высочайшее усмотрѣніе. Но если бы даже дѣло принесло благопріятный оборотъ, то Чернышевскій рѣшительно отказывается видѣть свою жену не только въ Вилуйскѣ, но даже въ Якутскѣ. Для него «это было бы смертельнымъ мученіемъ».

И въ письмѣ отъ 2 декабря Чернышевскій возвращается къ этому предмету. Но снова принужденъ прибавить такія черты «своей жизни, которыя, наконецъ, могутъ дать намъ настоящее понятіе объ условіяхъ существованія Чернышевскаго въ Вилуйскѣ. «Дѣло не въ морозахъ; морозъ въ 20 или въ 45 градусовъ—это ужъ почти все равно; поэтому, собственно къ морозу здѣшнему намъ русскимъ и привыкать почти не нужно,—дѣло въ самомъ климатѣ, въ воздухѣ: онъ не хорошъ, кромѣ, какъ во время сильныхъ морозовъ. Кругомъ болота. А земля вѣчно мерзлая внизу. Всѣ мѣсяцы тепла проходятъ въ томъ, что она понемножку оттаиваетъ; поэтому, отъ начала здѣшней весны до конца здѣшней осени длится то нездоровое время, какое бываетъ въ Россіи только двѣтри недѣли, пока высыхаетъ, согрѣваясь, промерзавшая зимой земля. Здѣсь эта сырость воздуха отъ высыханія земли—сырость вовсе не такая, какъ отъ дождя,—проходитъ только зимой»...

Но тутъ Чернышевскій опять спохватывается. Онъ желаетъ убѣдить свою жену, что ему, наоборотъ, здѣсь очень хорошо, такъ какъ онъ старается вести вполне гигиеническую жизнь, въ точности выполняя разъ навсегда начертанный себѣ планъ существованія. Говоритъ онъ, напримѣръ, о томъ, что хотя ходьба внушаетъ ему крайнее отвращеніе, однако, онъ каждый день дѣлаетъ длинный моціонъ, считая его необходимымъ для своего здоровья. Эти утвержденія Чернышевскаго надо, разумѣется, принимать съ извѣстной поправкой: онъ всегда старался свести это упражненіе къ возможному минимуму и дѣйствительно проводилъ почти все время исключительно въ чтеніи. Любопытна лишь автобіографическая черта, которую мы находимъ въ этомъ же письмѣ Чернышевскаго, забывающаго на сей разъ о своемъ ироническомъ отношеніи къ собственному якобы вялому характеру,—что и заставило нѣкоторыхъ не особенно вдумчивыхъ писателей принимать

въ серьезъ эти жалобы Чернышевскаго на свое безволие: «Я небреженъ, неостороженъ, забывчивъ во всемъ томъ, о чемъ, по моему мнѣнію, не стоитъ думать. Но въ чемъ кажется мнѣ полезно, въ томъ я держу себя, какъ хочу. Для смѣха скажу: если бы вздумалось мнѣ выучиться пѣть, и тому, я думаю, выучился бы, хоть другого такого голоса и другихъ такихъ ушей поискать».

III.

Прошелъ ужъ годъ, какъ Чернышевскій живетъ въ ужасныхъ виллюйскихъ условіяхъ: мы въ 1873 г. Въ письмѣ отъ 8 февраля этого года мы встрѣчаемся сначала съ нѣкоторыми взглядами Чернышевскаго относительно личной и семейной жизни. Эти взгляды высоко характерны для человѣка, котораго реакціонная клика прославила на всю Россію пропагандистомъ самыхъ низкихъ человѣческихъ инстинктовъ и грубо-матеріальныхъ потребностей. Пусть читатель обратитъ вниманіе хотя бы на слѣдующія строки: «Живи со дня на день, такъ, чтобы не задумываться много о прошломъ, не раздумывать много о будущемъ. Въ прошломъ все хорошо. И пусть думаютъ о немъ наши дѣти, которымъ полезно думать хорошее о матери и отцѣ: чѣмъ больше уважаютъ и любятъ дѣти своихъ старшихъ, тѣмъ лучше для ихъ собственной жизни. А самимъ намъ съ тобой можно и не слишкомъ интересоваться вопросами о томъ, хорошіе ли мы люди. Каковы были, таковы и останемся: не хуже, не лучше, чѣмъ были до сихъ поръ. Это о прошломъ. А будущее—кому-жъ оно извѣстно?..»

Но здѣсь могучая мысль Чернышевскаго снова разворачивается, и, въ связи съ размышленіями о личной жизни, онъ высказываетъ любопытный взглядъ относительно большинства тѣхъ людей, которые считаютъ себя учеными, не будучи ими на самомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ, что судить о будущемъ можно «только людямъ, много изучавшимъ всеобщую исторію человѣчества; только тѣмъ, которые вмѣстѣ и ученые, и мыслители. Я причисляю себя къ нимъ». Между тѣмъ «такихъ людей очень мало на свѣтѣ. И общество, и масса ученыхъ это—флюгеры, которые вертятся во всѣ стороны, у которыхъ въ мысляхъ неурядица, а въ разговорахъ семь пятницъ на одномъ днѣ, не только на одной недѣлѣ».

Любопытно развитіе слѣдующихъ мыслей, которыми Чернышевскій видимо считаетъ нужнымъ поддержать упадокъ духа у жены. Но эти мѣста надо читать, не забывая ни на минуту, что вся корреспонденція Чернышевскаго проходила черезъ администрацію. Здѣсь кажущаяся объективность связана съ жесточайшей ироніей. Такъ, онъ говоритъ, что «историческія запутанности и надобности принуждаютъ официальныхъ людей принимать

иногда и какія-нибудь официальные мѣры, измѣняющія домашнюю жизнь какого-нибудь отдѣльнаго частнаго человѣка невыгоднымъ для него и его семейства образомъ». И продолжаетъ: «Но тѣ изъ официальныхъ людей, которые занимаютъ положенія достаточно высокія для того, чтобы имѣть широкій кругозоръ, не руководятся въ этихъ случаяхъ никакими личными неприятными чувствами и не имѣютъ лично ничего, кромѣ уваженія, къ человеку, напримѣръ, такому, какъ твой мужъ. И я не имѣю никакого неудовольствія ни на кого изъ отдѣльныхъ официальныхъ людей, ни на какое официальное собраніе ихъ». Въ подтвержденіе Чернышевскій съ очевидной глубочайшей ироніей цитируетъ отношеніе къ нему сената и въ особенности «предсѣдательствовавшая» Корниолина Пинскаго,—того самаго сената, который совершилъ величайшее юридическое преступленіе, осудивъ Чернышевскаго на каторгу безъ всякихъ документовъ, имѣющихъ значеніе въ правильномъ судопроизводствѣ; и того самаго Корниолина Пинскаго, который, показывая подложный документъ Чернышевскому, тѣмъ не менѣе выражалъ латинской фразой боязнь шуллера, какъ бы подсудимый не вырвалъ у него сфабрикованной бумажки: *Oculis, non manibus*—«смотрите глазами, но не касайтесь руками». И Чернышевскій совѣтуетъ своей женѣ примѣняться къ «историческимъ надобностямъ». Въ заключеніе жесточайшая иронія: «Не стоитъ ни дивиться, ни особенно огорчаться тебѣ, что вышла на нѣсколько времени неприятная для тебя перемѣна въ нашей съ тобой частной жизни. Смотри на это хладнокровнѣе. На Кавказѣ, въ Крыму, въ войнѣ Пруссіи съ Австріею, Германіи съ Франціею—сколько десятковъ тысячъ женъ потеряли мужей навсегда? Какъ быть! И кому изъ официальныхъ людей въ какомъ-нибудь изъ этихъ государствъ было это пріятно? Но какъ быть! Такъ выходило. Никто тутъ не могъ поступать иначе».

Перелистывая рядъ писемъ все изъ того же 1873-го года, мы видимъ, что Чернышевскій продолжаетъ увѣрять жену въ благополучіи своего положенія. Говорить, что ему не надо ни шубы, ни бѣлья,—все это у него имѣется,—а вотъ только прислали бы ему очки, и онъ даетъ мѣрку своихъ крайне близорукихъ глазъ, да просить о присылкѣ «книгъ серьезныхъ; разумѣется, не русскихъ, а болѣе ученыхъ, чѣмъ русскія издѣлія науки». Онъ собственно нуждался бы въ особенности здѣсь въ новомъ изданіи Брокгауза (у него было лишь очень устарѣвшее изданіе 1853 года) и въ географическомъ атласѣ Штилера. Любопытно, кстати сказать, съ какимъ чутьемъ Чернышевскій умѣлъ оцѣнивать истинно научныя вещи, находившіяся на высотѣ современныхъ требованій: еще не видя англійскаго атласа Джонстона, онъ совершенно вѣрно догадывается, что большинство картъ въ немъ должно быть хуже штилеровскихъ. Увѣрять Чернышевскій свою семью и относительно того, что у него денегъ вполне достаточно для доста-

вленія себѣ всякаго комфорта. Присланныхъ ему за послѣднее время 400 рублей хватить, по крайней мѣрѣ, года на два.

Въ письмѣ отъ 10 іюня 1873 г. Чернышевскій даетъ описаніе вилуйской весны и своего весенняго времяпрепровожденія. И это описаніе будетъ повторяться у него цѣлыми годами, то болѣе сжатое, то болѣе распространенное, но неизмѣнно преслѣдующее цѣль убѣдить своихъ, какъ ему хорошо живется: «Живу по прежнему совершенно спокойно и удобно, безо всякихъ непріятностей или недостатковъ. Теперь здѣсь началось тепло; земля покрылась зеленью, деревья распустились, цвѣтутъ. Какимъ же деревьямъ цвѣсти здѣсь? Есть и такія: рябина, боярышникъ, дикій шиповникъ. Я, по своему обыкновенію, довольно много хожу, для поддержанія здоровья; и теперь эти прогулки могутъ заслуживать имени прогулокъ даже и въ обыкновенномъ русскомъ смыслѣ слова: благодаря зелени, цвѣтамъ, пріятно бродить по полямъ и кустарникамъ».

Мы уже видѣли, что дѣти Чернышевскаго, оставленные имъ маленькими мальчиками въ Россіи, теперь все больше и больше подростаютъ и дѣлаются юношами: старшему, Сашѣ, въ 1873 г. было уже 19 лѣтъ, младшему, Мишѣ, шелъ 16-й. И вотъ письма Чернышевскаго мало-по-малу начинаютъ принимать характеръ диссертаций, въ которыхъ онъ считаетъ нужнымъ дѣлиться мыслями по разнымъ важнымъ теоретическимъ, а отчасти и жизненнымъ, вопросамъ со своими дѣтьми. Въ его перепискѣ встрѣчаешь все чаще и чаще выраженіе его взглядовъ на науку и научную работу мысли.

Такъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1873 г. онъ пишетъ, по поводу обѣщанія старшаго сына прислать ему еще нѣсколько книгъ: «Я просилъ бы помнить при выборѣ посылаемыхъ мнѣ книгъ, что въ прежніе мои годы я былъ человѣкомъ ученымъ. Въ эти десять или болѣе лѣтъ, я, конечно, не могъ не сдѣлаться человѣкомъ отсталымъ отъ движенія науки. Но, быть можетъ, эта моя отсталость менѣе велика, нежели кажется это, вѣроятно, для ученыхъ, не проводившихъ много лѣтъ вдали отъ большихъ библіотекъ. Я могъ бы привести въ примѣръ, сходный съ моими книжными недостатками, жизнь тѣхъ ученыхъ, которые работали для науки до изобрѣтенія книгопечатанія; нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ были все-таки люди ученые даже и по нынѣшнему масштабу учености. Я просилъ бы присылать мнѣ только ученые трактаты, имѣющіе серьезную важность въ наукѣ. Новыя ли это книги, или старыя, все равно. «Исторія Рима» Нибура, или «Исторія Греціи» Грота были бы прочтены или перечитаны мною съ гораздо большимъ интересомъ, чѣмъ маловажныя новыя книги, хоть ужъ и очень стары. Еще гораздо старше Геродотъ, Тукидидъ *), Титъ

*) Чернышевскій очень часто замѣняетъ буквой Т букву Θ въ напи-

Ливій, Цицеронъ, Цезарь, Тацитъ; но не менѣ хороши для моего чтенія. Я привожу названія книгъ только для примѣра; я не прошу, чтобы прислали мнѣ именно эти книги. Для людей, столько работавшихъ головой, какъ я, ужъ почти все равно, къ какой отрасли науки относится книга; лишь была бы эта книга важнаго научнаго значенія: различныя отрасли знаній почти всѣ почти одинаково интересны для нихъ... О томъ, чтобы тратились деньги на покупку новыхъ книгъ для присылки мнѣ, я не прошу; лучше взять изъ старыхъ, валяющихся на полу въ пыли, не имѣющихъ ровно никакой цѣны для продажи, никому ненужныхъ книгъ, тѣ старинныя изданія, которыя важны для науки; и расходъ будетъ меньшій, и пріятность мнѣ гораздо больше. Напомню также: на русскомъ языкѣ почти вовсе нѣтъ книгъ важныхъ для науки; поэтому изъ русскихъ книгъ лишь очень немногія имѣютъ занимательность для меня. Но, конечно, я только высказываю свои интересы; а за всякую присылаемую мнѣ книгу я искренно благодаренъ, и, за недостаткомъ другихъ книгъ, всякую присылаемую читаю отъ первой страницы до послѣдней и черезъ нѣсколько времени перечитываю, и черезъ нѣсколько времени перечитываю опять и опять».

Въ письмѣ отъ 10 августа новыя штрихи вѣдшей жизни. Проговорившись, что важнѣйшая для всѣхъ здѣсь забота—обѣдъ, и что по мѣстнымъ условіямъ «цѣлое лѣто проходить въ непрерывныхъ опасеніяхъ оставаться голодными», Чернышевскій спохватывается и начинаетъ усердно доказывать, что онъ не только счастливъ, потому что не любитъ мяса, а рыбу, которой здѣсь довольно, но что онъ даже произвелъ настоящій молочный кризисъ на «здѣшной биржѣ». Онъ скупаетъ и выпиваетъ все молоко. Онъ успѣлъ добиться того, что богачи даютъ ему отъ своего личнаго потребленія двѣ бутылки въ день. И не безъ юмора продолжаетъ: «Двѣ бутылки это—удой отъ трехъ коровъ,—таковы здѣшнія коровы. Но качество молока недурно». Благодаря такому колоссальному, какъ видите, потребленію молока «отъ трехъ коровъ, если не отъ четырехъ», Чернышевскій пьетъ чай съ утра до ночи и выпиваетъ его болѣе трехъ фунтовъ въ мѣсяцъ безъ помощи гостей.

санін иностранныхъ словъ. У него вообще замѣчается своя орфографія. Такъ, лишь въ самые послѣдніе годы переписки онъ рѣшается замѣнить свое «палую» обычнымъ «цѣлую». Очень своеобразны и его знаки препинанія, при разстановкѣ которыхъ онъ слѣдуетъ гораздо больше логическому и разговорному смыслу, чѣмъ нашей банальной и зачастую схоластической системѣ пунктуации. Для удобства читателей мы, однако, не всегда считали возможнымъ буквально слѣдовать въ этомъ отношеніи Чернышевскому, который для произведенія, если можно такъ выразиться, извѣстнаго эффекта на читателей своихъ писемъ или для выраженія извѣстнаго отѣнка мысли не стѣсняется порою отдѣлять, напр., запятыми подлежащее отъ сказуемаго, дополненія отъ его опредѣленія и т. п.

Вслѣдъ за нѣкоторыми строками, въ которыхъ прорывается опять истина, относительно скудности здѣшнихъ прогулокъ, такъ какъ солнце никогда не успѣваетъ просушить ложбинъ, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ, Чернышевскій выгодно отзывается о сравнительно здоровомъ климатѣ самого города, стоящаго на песчаномъ возвышеніи. Но видъ жителей постоянно вызываетъ въ его чувствительномъ сердцѣ сожалѣніе и состраданіе. Напримѣръ, говоря о якутахъ, онъ пишетъ: «Это народъ хилый, болѣзненный, потому что пища у нихъ очень плохая. До сихъ поръ они еще не бросили, напримѣръ, свою такъ называемую сосновую кору, — это верхній, молодой пластъ древесины, лежащій прямо подъ корою, а не самая кора; пластъ, подобный липовому лыку. Его и сдираютъ съ дерева въ видѣ лыка; сушатъ, рѣжутъ — и выходятъ лыковая лапша; или даже толкутъ, сильно высушивши, — и выходятъ нѣчто подобное какому нибудь сору; и ѣдятъ это снадобье; и даже хвалятъ».

Въ письмѣ отъ 16 августа 1873 г. у Чернышевскаго впервые ясно обнаруживается мысль, которая скоро превратится у него въ настоящую манію: встревоженный извѣстіями о томъ, что здоровье его жены порою неудовлетворительно, Чернышевскій старается убѣдить ее въ необходимости поѣхать въ Крымъ или, еще лучше, за границу, въ особенности въ Южную Италію. Эта мысль о женѣ заставляеть въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, — вѣрнѣе сказать, лѣтъ, — работать могучій умъ Чернышевскаго надъ изученіемъ климатологій. Во второй части моей работы я коснусь нѣкоторыхъ сторонъ этихъ занятій. Пока отмѣчу лишь, что практическія указанія, которыя Чернышевскій даетъ своей женѣ относительно сравнительной дешевизны жизни за границей, обнаруживаютъ по истинѣ основательныя и точныя для того времени свѣдѣнія о матеріальныхъ условіяхъ жизни Россіи, съ одной стороны, и Италіи, Испаніи, Португаліи — съ другой. Во всемъ, въ великомъ, какъ въ мелочахъ, обнаруживается эта сила и проницательность ума Чернышевскаго, который необыкновенно трезво и самостоятельно обращается съ книжными данными и почти безошибочно выдѣляетъ верно истинны изъ мякины или, какъ онъ однажды выразился, вымываетъ крупицы золота изъ грудъ песку...

Изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ виллюйскимъ климатомъ Чернышевскій не безъ юмора сообщаетъ о томъ, что «кусокъ льда, положенный въ комнатѣ, очень долго лежитъ совершенно сухимъ камнемъ; и твердость его — изумительна: я не поручусь, что нельзя употреблять его вмѣсто кремня для огнива». Но выводъ изъ этого факта довольно оптимистическій: какъ ни какъ, а морозы вещь довольно здоровая, разумѣется, здоровая для него, Чернышевскаго, который соблюдаетъ всѣ необходимыя предписанія гігіены, напримѣръ: не пьетъ никогда сырой воды и, кромѣ того, окружилъ себя «довольно комфортабельной обстановкой».

Итакъ, письмо за письмомъ заключаетъ въ себѣ то ту, то другую прорывающую деталь изъ дѣйствительной жизни, которую Чернышевскій неизмѣнно старается выставить въ самомъ благоприятномъ для себя смыслѣ, не останавливаясь передъ сознательнымъ искаженіемъ настоящихъ условій. Если когда онъ и сообщаетъ своимъ роднымъ нѣкоторыя подробности, бросающія мрачный свѣтъ на его обычную обстановку, то дѣлаетъ онъ это лишь крайне осторожно, стараясь подчеркнуть исключительно комическую сторону своихъ жизненныхъ затрудненій, изъ которыхъ, по его словамъ, онъ выходитъ всегда побѣдителемъ. Такъ, въ письмѣ отъ 28 сентября, онъ спокойно сообщаетъ, что всѣ продукты, имѣющіеся здѣсь въ лавкахъ, покупаются лишь одинъ разъ въ году и на цѣлые 12 мѣсяцевъ впередъ отъ лѣтней до лѣтней ярмарки въ Якутскѣ. Но сейчасъ же реляція о томъ, что у него «ужь сдѣлать запасъ чаю, сахару, табаку и всего тому подобнаго до слѣдующей осени».

Если онъ въ чемъ-нибудь терпитъ недостатокъ, то, молъ, лишь въ томъ, «чего нельзя получить здѣсь ни при какихъ условіяхъ» и что въ сущности имѣетъ свою забавную сторону. Таково, напримеръ, его обстоятельное юмористическое повѣствованіе о томъ, что здѣсь ни за какія деньги нельзя имѣть русскихъ щей, французскаго супа, а лишь замѣняющія ихъ вещи, изготовленныя по якутски. Дѣло въ томъ, что здѣшнія кухарки имѣютъ обыкновеніе, котораго ничѣмъ нельзя искоренить, варить мясо, кладя съ нимъ въ кастрюлю огромный кусокъ коровьяго масла. Масло стоитъ дорого: сорокъ коп. фунтъ. Вкусъ получается противный. И однако, никакими средствами нельзя было ему уговорить кухарокъ пожертвовать этимъ необходимымъ, по ихъ мнѣнію, ингредиентомъ. И финаль: «Но, разумѣется, эти и тому подобныя мелкія неудобства здѣшней жизни ровно ничего не значать для человѣка, такого равнодушнаго къ житейскимъ пустякамъ, какъ я».

Въ послѣдующихъ письмахъ конца 1873 г., сообщая о томъ, что денегъ у него довольно, что ихъ хватитъ болѣе, нежели на два года, и благодаря своего сына Сашу за присылку журнала «Знаніе» за послѣдніе три года, а также «Вѣстника Европы», Чернышевскій очевидно, подъ вліяніемъ чтенія дарвиновскаго «Происхожденія человѣка», посвящаетъ не мало страницъ, почти цѣлую диссертацию, своему взгляду на Дарвина и дарвинизмъ. Теоретическаго содержанія этой любопытной критической оцѣнки мы коснемся во второй половинѣ этого этюда. Но нельзя теперь же пройти молчаніемъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ выражается взглядъ Чернышевскаго на современныя ему книги въ Западной Европѣ и Россіи: «Ты видишь, могутъ ли удовлетворять меня (похвальные, впрочемъ) труды моихъ милыхъ ученыхъ соотечественниковъ», — пишетъ онъ старшему сыну въ письмѣ отъ 1 ноября 1873 г. — «И видишь, какъ цѣню я книги, дѣлающія эффектъ въ кругу даже

передовыхъ ученыхъ Западной Европы: книги хорошия; но—новаго въ нихъ для меня, слыхивавшаго о Лапласѣ и Спинозѣ (обычная шутивая манера выражаться: Чернышевскій, конечно, основательно зналъ авторовъ, о которыхъ пишетъ. Н. Р.), и знавшаго когда то Фейербаха чуть ли не наизусть,—новаго въ нихъ для меня только техническихъ мелочи, въ родѣ спектральнаго анализа, котораго, разумѣется, не знали люди времени, когда формировался мой образъ мыслей. А изъ этого слѣдуетъ, что какія найдутся брошенныя въ пыли старыя дѣльныя книги,—не русскія ребяческія издѣлія, конечно,—тѣ и годятся мнѣ; и нѣтъ нужды тратить деньги на покупку новыхъ для меня. Лишь бы были книги, въ свое время бывшія хорошими; достоинство хорошаго не эфемерно».

Опять слѣдуетъ, очевидно для развлечения родныхъ, нѣсколько юмористическихъ деталей изъ жизни Чернышевскаго. Онъ преважно, на примѣръ, сообщаетъ о томъ, какъ пускаетъ въ ходъ мѣстный приемъ для отнятія у молока непріятнаго запаха, который оно получаетъ зимой, такъ какъ коровъ приходится здѣсь доить по случаю страшныхъ морозовъ только въ хлѣву. Для сей операціи одинъ за другимъ берутся горячіе угли изъ печи и погружаются въ молоко, которое въ результатѣ, благодаря такой «химической процедурѣ», оказывается годнымъ для употребленія. Взяло, наконецъ, краснорѣчіе Чернышевскаго верхъ и надъ упрямую кухарку: въ супъ коровьяго масла больше не кладется. Правда, другія детали не столь прельстительны. На примѣръ, рыба привозится сюда съ низовьевъ Лены за 1200 или 1400 верстъ,—та самая рыба, которою въ первыхъ письмахъ Чернышевскаго кишѣли рѣки страны. Оказывается, что и мясо, нужное для 10.000 человѣкъ, работающихъ на золотыхъ приискахъ Ленской системы, получается съ юга, съ Китайской границы. Ибо настѣищъ кругомъ нѣтъ, и скота не достаетъ. А лѣсъ? Деревья, которыя окружаютъ городъ, такъ мизерны, что, на примѣръ, его домъ построенъ изъ матеріала, привезеннаго за 500 верстъ.

И опять оптимистическій фейерверкъ, выпускаемый Чернышевскимъ съ цѣлью успокоить вмѣстѣ и разсмѣшить жену: «Повѣрь, моя милая, у меня достаточно денегъ, чтобы покупать все необходимое, нисколько не скупясь. Въ комнатѣ у меня стоитъ сундукъ непомѣрной величины; сравнительно со всѣми сундуками, какіе выдваны въ Россіи, онъ то же, что Лена передъ вашими рѣками. Этотъ сундукъ заваленъ чуть ли не до верху чаемъ и сахаромъ: въ другомъ углу тоже цѣлый магазинъ табаку. Смѣхъ, я тебѣ говорю, мой милый другъ»...

Чернышевскій продолжаетъ состязаться въ юморѣ съ Диккенсомъ для успокоенія и увеселенія своихъ родныхъ. Онъ переходитъ къ отношеніямъ, установившимся между нимъ и жителями: «Много забавнаго въ здѣшней моей жизни. На примѣръ: въ цѣломъ городѣ я самый свѣтскій и самый аристократичный человѣкъ. Изящество

моихъ свѣтскихъ манеръ приводить жителей въ благоговѣнїе: ни Бруммель, ни графъ д'Орсе, ни княгиня Меттернихъ не достигали той высоты свѣтскаго превосходства, на какую возведенъ я здѣшнимъ общественнымъ мнѣнїемъ. И,—повѣришь ли?—оцѣнка не болѣе, чѣмъ справедлива. Но, что еще менѣе правдоподобно: я даю мудрые совѣты относительно земледѣлія, ухода за лошадьми; я, не умѣющій отличить соху отъ плуга, старую лошадь отъ жеребенка; и все таки совѣты мои, дѣйствительно, мудры. Спрашиваютъ, положимъ: отчего это лошадь стала слаба?—Я отвѣчаю: Должно быть, она не кормлена?—Да, ужъ пять дней не кормлена.—Я въ свою очередь спрашиваю: Почему же такъ?—Потому что хозяинъ собирается ѣхать на ней въ дорогу. На сытой лошади нельзя ѣхать: она не выдержитъ дороги. Я пускаюсь толковать, что не мѣшаетъ, однако, же давать кормъ лошадямъ. И все здѣсь такъ».

Къ разряду такихъ же юмористическихъ описаній всѣхъ прелестей здѣшней жизни вообще, а жизни его, Чернышевскаго, въ частности, принадлежитъ и письмо отъ 24 ноября,—письмо, которое, однако, довольно неожиданно кончается опять таки цѣлой диссертацией, направленной противъ теоріи борьбы за существованіе Дарвина. Вѣрный своему плану говорить о жизни ума Чернышевскаго во второй половинѣ своего этюда, я и на сей разъ останавлиюсь пока только на нѣкоторыхъ мѣстахъ первой части письма, описывающаго бытъ Чернышевскаго.

Распространившись съ обстоятельностью, равной лишь пафосу, о своихъ зимнихъ и лѣтнихъ прогулкахъ, Чернышевскій указываетъ на препятствія, полагаемыя его бродяжническому духу мѣстными условіями. Напримѣръ: «Въ лѣсу—тихо, и можно бы бродить хоть половину сутокъ». Но вотъ бѣда: «Не взирая на благоговѣнїе передъ моею свѣтскостью, о которомъ я писалъ тебѣ, въ рекомендацію своимъ достоинствамъ, всѣ здѣсь смѣются надо мною, что въ эти свои путешествія я не отваживаюсь удалиться отъ городишка и на одну версту: этому препятствуетъ моя ученость, знающая, что медвѣдь выходитъ временами изъ берлоги. Натурально, здѣсь онъ не можетъ дѣлать этого: крѣпость его сна соразмѣрна холоду. Но я все таки не вѣрю его сну. «Ну, что же, если бы онъ и встрѣтился?»—говорятъ здѣсь: «Медвѣдь все равно, что корова; вреда отъ него не можетъ быть никакого, если не начать бить его палкой. Бить его палкой не безопасно; обыкновенно, онъ убѣгаетъ, правда; но бывали, говорятъ, случаи, что иной медвѣдь разсердится, и самъ станетъ драться; пустяки это рассказываютъ; не дерется медвѣдь, всегда убѣгаетъ; но все же, лучше не бить его, а идти мимо; что онъ тебѣ мѣшаетъ?—То и не за что его бить; иди мимо».—Въ самомъ дѣлѣ, здѣшняя порода медвѣдей—совершенно ероткое животное. Верстъ тысячи за двѣ къ востоку есть медвѣди обыкновенныхъ медвѣжьихъ привычекъ: смирны, сытые; голодные, нападаютъ на скотъ. Здѣсь, никогда. Хозяева стадъ постоянно ви-

дятъ медвѣдей, «пасущихся», по здѣшнему выраженію, вмѣстѣ со скотомъ; и коровы ходятъ себѣ рядомъ съ медвѣдемъ, и телята.—Порода совсѣмъ особая.—Но, само собой, верстъ на десять кругомъ города медвѣдь никогда не показывается: невозможно ему. Половина жителей—хорошіе стрѣлки; ружья у нихъ топорной работы, конечно; но—привычка и острота зрѣнія дѣлаютъ ихъ мастерами охотничьяго дѣла».

И вдругъ весь этотъ поддѣльный юморъ, переходящій временами въ столь любимую Чернышевскимъ добродушную мистификацію, прорѣзывается, какъ молніей, фразой, идущей отъ самаго сердца великаго мыслителя, затеряннаго въ ужасающей пустыни. Помните:

Истомился въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной...

А теперь читайте: «И вся сумма жизни отъ истоковъ Лены до океана составляетъ такую сумму знаній и новостей, которой достаточно на полчаса разговора въ годъ. Больше надобно не требовать: все тоже, все тоже.—Такъ и у меня въ письмахъ о себѣ самомъ». Но этотъ крикъ гениальнаго мыслителя, замирающій въ ледяномъ пространствѣ, сейчасъ же уступаетъ мѣсто теоретическому интересу, который Чернышевскій проявляетъ теперь въ перепискѣ со своимъ старшимъ сыномъ. Съ бодрой и смѣлой ироніей онъ начинаетъ научную часть своего письма: «Для разнообразія и для исполненія обязанностей отцовской любви, развѣ не побесѣдовать ли опять съ Сашею о Дарвинѣ и всей компаніи новѣйшихъ открывателей Америки?»

IV.

Но если Чернышевскій старался забыть, забыть свою искалѣченную жизнь въ юмористическихъ описаніяхъ вилюйскаго быта или въ научной перепискѣ, то не могла его забыть передовая Россія. Повидимому, уже давно въ кружкахъ революціонной молодежи возникала мысль о томъ, чтобы вынуть изъ-подъ спуда этотъ истиннѣ великій свѣточъ русской мысли. Уже во время процесса Каракозовцевъ было извѣстно, что нѣкоторые революціонеры задумывали похитить Чернышевскаго. Два раза, въ 1872 и 1873 г., «удалый добрый молодецъ»,—я говорю о Германѣ Александровичѣ Лопатинѣ,—намѣревался освободить Чернышевскаго, попадался, сажался въ тюрьму, убѣгалъ и снова принимался за свой планъ. Слухи объ этихъ попыткахъ не могли не доходить до Чернышевскаго. Но онъ, конечно, ясно понималъ, что не при его дѣйстви-тельномъ состояніи здоровья можно было рѣшиться на этотъ отважный шагъ. Зная, что онъ, по всей вѣроятности, не будетъ въ со-

стоянии совершить побѣга, жалѣя вмѣстѣ съ тѣмъ гибели молодыхъ силъ, Чернышевскій желалъ освѣдомить всѣхъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, что онъ твердо рѣшилъ не бѣжать. При томъ, всякая попытка революціонеровъ освободить Чернышевскаго отзывалась на усиленіи надзора и стѣсненіи жизни великаго узника.

Почти совсѣмъ паканунѣ новаго года, въ письмѣ отъ 30 декабря 1873 г., Чернышевскій считалъ нужнымъ предупредить своихъ единомышленниковъ о фантастичности задумывавшихся ими плановъ. Онъ пишетъ своей женѣ слѣдующія строки, которыя, конечно, нужно читать, не забывая ни на минуту, что онѣ фильтровались администраціей на всѣхъ ступеняхъ чиновной лѣстницы: «...Кстати, но поводу дѣлакія предположеній о будущемъ. Въ Европѣ и въ Россіи, и во всякой на свѣтѣ странѣ, есть очень много безтолковыхъ людей. Отъ безпокойныхъ людей могутъ выходить всяческіе глупые слухи. Могли какіе-нибудь слухи быть и обо мнѣ; могли тревожить тебя. Не тревожься. Мое здоровье хорошо. Но я не могу переносить ничего, физически труднаго. Одна ночь, проведенная въ сырости, убила бы меня. Слѣдовательно, я не могу желать ничего, физически труднаго, и ни на что подобное не могу бы согласиться. И, даю тебѣ, мой милый другъ, честное слово: не уѣду отсюда никакимъ другимъ способомъ, какъ тотъ, которымъ пріѣхалъ сюда. Не могу. Мое здоровье не позволяетъ. Потому и не можетъ быть у меня сомнѣнія въ томъ, что единственный способъ уѣхать отсюда, возможный для меня, ѣхать съ тѣми удобствами, съ какими я ѣхалъ сюда. Иначе, не имѣю физической силы. И даю тебѣ честное слово: не соглашусь ѣхать иначе».

А что состояніе здоровья Чернышевскаго было уже въ это время на столько расшатано, что онъ ясно видѣлъ невозможность рѣшиться на побѣгъ, мы узнаемъ ниже изъ его писемъ Пыпину и своимъ сыновьямъ, писемъ, въ которыхъ, несмотря на всевозможныя смягченія, онъ все-таки счелъ нужнымъ дать хоть нѣкоторое истинное понятіе о болѣзняхъ, все болѣе и болѣе подтачивавшихъ его организмъ. Любопытно тутъ слѣдующее. Люди, окружавшіе Николая Гавриловича, — я говорю о представителяхъ мѣстной власти, — конечно, не могли не видѣть, какъ угасалъ и старѣлся этотъ гордый человѣкъ, стойчески выносившій всѣ физическія и нравственныя страданія. Но никто изъ нихъ, по рутинѣ ли, или по боязни навлечь на себя гнѣвъ начальства, не далъ ни малѣйшаго понятія правящимъ сферамъ о томъ, какъ тяжело было на самомъ дѣлѣ нездоровье Чернышевскаго. А впрочемъ, что вышло бы изъ этого? И поневолѣ спрашиваешь себя: да не входило ли уже въ заранѣе обдуманнѣйшій планъ именно «сферъ», именно тѣхъ, кто распоряжался историческими судьбами Россіи, сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы Чернышевскій по возможности рано былъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ? Вѣдь еще въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ въ «высшихъ сферахъ» рѣдко высказывался взглядъ на необхо-

димостью во чтобы то ни стало держать въ далекой и гибельной ссылке такого опаснаго врага современнаго строя, какимъ, по ихъ мнѣнію, былъ Чернышевскій. Никакія просьбы, никакія официальные радости не могли смягчить на верхахъ правительственной лѣстницы непреклоннаго желанія продолжать томить въ заточеніи Чернышевскаго...

Мы знаемъ, напримѣръ, что начало 1874 г. ознаменовалось бракомъ Маріи Александровны, дочери царствовавшего Императора Александра II, съ принцемъ Единбургскимъ. Друзья и вообще лица, расположенныя къ Чернышевскому, употребляли всѣ усилія, чтобы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для облегченія участи Чернышевскаго. Такъ я могу истолковать тотъ фактъ, что въ февралѣ того же 1874 г. между старшимъ сыномъ и женой Чернышевскаго завязывается переписка, составляющая часть коллекціи писемъ, относящихся къ этому году. Сынъ пишетъ матери, что теперь, именно теперь должно какъ можно скорѣе обратиться съ просьбою на высочайшее имя и написать вмѣстѣ съ тѣмъ докладную записку шефу жандармовъ, графу Петру Шувалову, о томъ, не будетъ ли признано возможнымъ хоть до нѣкоторой степени улучшить условія невѣроятно тяжелой жизни Чернышевскаго. На это прошеніе, помѣченное 12 февраля 1874 г. и городомъ Саратовымъ, гдѣ проживала тогда Ольга Сократовна Чернышевская, не послѣдовало никакого отвѣта: Прометей русской революціи долженъ былъ по прежнему оставаться прикованнымъ къ скалѣ.

Чернышевскій, впрочемъ, сравнительно мало думаетъ о своей болѣзни. Его страшно, какъ мы уже упомянули, беспокоитъ мысль о нездоровьи его жены, свѣдѣніе о которомъ проскользнуло въ нѣкоторыхъ изъ ея писемъ. Онъ напрягаетъ теперь всѣ силы своего ума для отысканія выхода изъ того, по его мнѣнію, тяжелаго положенія, въ которомъ находится дорогое для него существо. По его соображеніямъ, женѣ непремѣнно нужно ѣхать въ теплый климатъ, не куда-нибудь въ Россію, не на южный берегъ Крыма, а именно въ Западную Европу, изученіе южныхъ климатовъ которой занимаетъ у него теперь не мало времени. Для осуществленія этого плана, ей нужны деньги, ей нуженъ паспортъ. И вотъ онъ старается дѣлать съ своей стороны все, что, по его мнѣнію, нужно для облегченія возможности его женѣ жить въ иныхъ, не русскихъ, условіяхъ. Онъ твердо рѣшаетъ про себя: надо, чтобы ему не посылались больше изъ Россіи деньги, — каждая копейка, отправленная ему въ Сибирь, кажется ему урванной у жены. Поэтому съ самаго начала 1874 г. онъ съ особенной настойчивостью и убѣдительностью начинаетъ доказывать въ своихъ письмахъ въ Россію, что онъ ни въ чемъ не нуждается, что скопившихся у него 400 рублей хватитъ неизвѣстно на сколько времени, тѣмъ болѣе, что ему теперь отъ начальства выдается по 17 рублей въ мѣсяцъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ систематически начи-

наетъ говорить въ своихъ письмахъ, что онъ не только живетъ хорошо, но и «роскошествуетъ».

Крайне занимаетъ его также вопросъ о паспортѣ жены: ему представляется, что его женѣ угрожаютъ препятствія въ полученіи заграничнаго паспорта именно благодаря тому, что она—его жена. Желаетъ онъ, наконецъ, по возможности ослабить у нея чувство къ нему, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе она могла жить вдали отъ Россіи. И вотъ этотъ человѣкъ, для котораго любовь къ женѣ составляла такой исключительно-важный элементъ въ личной жизни, придумываетъ трогательно маккиавелевскій планъ самопожертвованія. Нужно возбудить въ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ родныхъ чувство раздраженія къ нему, Чернышевскому, чувство, которое бы позволило его семьѣ, что называется, махнуть на него рукой. Цѣлый рядъ писемъ клонится къ этой цѣли.

Пока, въ письмѣ къ своему родственнику И. Г. Терсинскому (женатому на двоюродной сестрѣ Николая Гавриловича и служившему въ святѣйшемъ синодѣ) отъ 16 марта 1874 г. онъ снова и снова, очевидно, чтобы повліять на жену и близкихъ родныхъ со стороны, возвращается къ изображенію всѣхъ блаженствъ своего существованія, снова напираетъ на то, что ему денегъ совершенно не нужно. Но тутъ же начинаетъ говорить и о другомъ вопросѣ, паспортномъ, для рѣшенія котораго онъ обращается съ усиленной просьбой къ уже упомянутому Терсинскому помочь Ольгѣ Соколовнѣ въ полученіи заграничнаго паспорта.

Въ письмѣ къ женѣ отъ 11 апрѣля 1874 г. Чернышевскій сугубо подчеркиваетъ прелести здѣшняго климата. Оказывается, напримѣръ, что «въ первое лѣто» его жизни здѣсь Чернышевскій «купался въ рѣкѣ около двухъ мѣсяцевъ. На мелкихъ мѣстахъ вода согрѣвалась днемъ до такой степени, что можно было оставаться въ ней сколько угодно часовъ; и я проводилъ иногда цѣлый день въ томъ, что забавлялся купаньемъ. Прошое лѣто было дождливое, и я купался мало. Нынѣшнее, судя по раннему началу оттепелей, обѣщаетъ быть долгимъ и жаркимъ; если будетъ такъ опять, буду забавляться купаньемъ».

Въ письмѣ отъ 28 мая 1874 г. радужныя краски на его житье-бытье еще усиливаются. Оказывается, что онъ живетъ не только безъ всякихъ непріятностей или неудобствъ и въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми здѣшними людьми, но что онъ живетъ даже въ изобиліи: «Вообще, моя милая Радость, ты будешь имѣть вѣрное понятіе о моей здѣшней жизни, если будешь представлять ее себѣ такою, какую, бывало, вели и, вѣроятно, до сихъ поръ ведутъ въ своихъ деревняхъ помѣщики средняго сорта, небогатые, но далеко не бѣдные люди, спокойнаго и беззаботнаго характера». Оказывается, что даже сама природа, по крайней мѣрѣ въ изображеніи Ник. Гаврил., вступаетъ въ заговоръ, чтобы внушить роднымъ Чернышевскаго самыя идиллическія представленія о его существо-

ваніи: «А погода здѣсь ужъ теплая, прекрасная. Рѣка въ полномъ разливѣ. Появляется трава. Распускаются деревья. Прогулки снова стали для меня дѣломъ удовольствія, а не одной только гигиенической пользы, какъ было во время морозовъ». Правда (письмо отъ 8 іюня), добродушные жители Вилюйска не особенно интересный народъ: «Видаюсь я съ ними довольно мало, потому что мои разговоры скучны для нихъ; а занимательны ли для меня ихъ разговоры, о томъ и сомнѣваться, конечно, было бы напрасно. — «Нынѣ погода хороша». — «Да, хороша» — этимъ обменомъ мыслей исчерпывается, конечно, весь запасъ того, что я и они, мы имѣемъ общаго въ нашихъ умственныхъ и житейскихъ интересахъ». Но зато у него «есть книги; глаза мои до сихъ поръ не знаютъ утомленія; потому я никогда не испытываю скуки».

Возвращаясь къ вопросу о своемъ хорошемъ положеніи въ Вилюйскѣ (письмо отъ 18 іюня), Чернышевскій снова обстоятельно рассказываетъ, что здѣсь купцамъ приходится запасаться продуктами разъ въ году на ярмаркѣ въ Якутскѣ. Этимъ случаемъ пользуются обыкновенно знакомые купцовъ для того, чтобы приобретать черезъ ихъ посредство необходимыя для обихода вещи. И такъ какъ Чернышевскій находится въ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстными торговцами, то онъ по крайне дешевой цѣнѣ успѣваетъ заготовить всѣмъ необходимымъ для своей жизни. Такъ, у него уже имѣется все, что надо, до будущаго года. Теперь во всю первую половину года онъ не израсходовалъ и десяти рублей. Денегъ ему еще останется такимъ образомъ на двѣ годовыя ярмарки. Слѣдуетъ финаль, котораго уже ждетъ привыкшій къ этимъ оборотамъ читатель: «Поэтому прошу: не присылай мнѣ ни денегъ, ни вещей. У меня всего много; всего съ избыткомъ; и на долго».

Каждое новое письмо приноситъ дополнительныя свѣдѣнія о райскомъ житіи Чернышевскаго. Пускается въ ходъ даже мѣстный колоритъ, чтобы поднять настроеніе своихъ родныхъ. Описываются не безъ юмора «зоологическія приключенія» (письмо отъ 18 августа). Они состоятъ, на примѣръ, въ томъ, что на дворѣ дома приходитъ дикая утка съ шестью утятами, съ крыши падаетъ жаворонокъ, еще не умѣющій летать, берется въ плѣнъ летучая бѣлка. И даже, — говоритъ Чернышевскій, — «теперь вздумалъ поселиться на дворѣ моего дома — орелъ изъ породы рыболововъ; да, орелъ; слыханное ли у натуралистовъ дѣло? Орелъ живетъ на дворѣ человѣческаго жилища. Съ орломъ нельзя поступать, какъ съ утятами или бѣлкой: онъ волшебникъ; якуты не смѣютъ стрѣлять его; вообще не годится обижать его. Итакъ, онъ живетъ у меня на дворѣ неприкосновеннымъ. Что будетъ дальше, неизвѣстно, разумѣется, но очевидно, что не будетъ ничего удивительнаго, если поселится на моемъ дворѣ чернобурый лисица. Прошлымъ лѣтомъ, у самыхъ воротъ моихъ происходило же сраженіе у дворовой собаки съ геронстаемъ».

Видѣтъ съ тѣмъ и почти въ одно и то же время обрисовывается и планъ кампаніи, которую Чернышевскій рѣшилъ вести противъ чувствъ расположенія къ нему у родныхъ, чувствъ, мѣшающихъ, по его мнѣнію, Ольгѣ Сократовнѣ поѣхать за границу, а роднымъ забыть совершенно о немъ. Въ письмѣ отъ 29 сентября, умышленно придравшись къ нѣкоторымъ выраженіямъ жены, касающимся ея отношеній съ семьей А. Н. Пыпина, кормившаго два семейства и бывшаго чрезвычайно нѣжнымъ и деликатнымъ человѣкомъ въ этой сферѣ, Чернышевскій считаетъ необходимымъ написать своему старшему сыну нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ рѣзко осуждаетъ «глупость и пошлость» своихъ родныхъ и ставитъ обязанностью сына... «перестать видѣться съ людьми, которые оскорбляютъ твою мать». Въ концѣ этого письма, обращаясь снова къ женѣ, Чернышевскій дѣлаетъ даже,—умышленно грубо, замѣтьте это,—предположеніе, что недоразумѣнія съ Пыпиными выходятъ исключительно на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Было, видите ли, время, когда Чернышевскій получалъ по 15.000 р. въ годъ. А теперь онъ становится только обузой, и, конечно, роднымъ это очень досадно. Письмо отъ 22 октября является дальнейшимъ развитіемъ тонкаго психологическаго похода. Оно заключается въ себѣ лишь нѣсколько строкъ. Напримѣръ: «Совѣтую тебѣ не огорчаться глупостью родныхъ. Прошу передать Сашѣ и Мишѣ мое желаніе, чтобы они перестали видѣться съ тѣми, кто огорчаетъ тебя». Мы увидимъ дальше, для чего, по мнѣнію Чернышевскаго, надо было писать именно такъ...

Увы! планъ кампаніи, придуманный Чернышевскимъ съ такимъ макиавелизмомъ, рушится, хотя самъ Николай Гавриловичъ еще не замѣтилъ этого: въ Петербургѣ Пыпинъ пишетъ очень длинное письмо, черновикъ котораго, отъ 10—31 декабря, сохраняется въ коллекціи писемъ, находящихся у меня передъ глазами. Какъ видно, оно писалось долго, съ тремя перерывами и касалось различныхъ вопросовъ, вызванныхъ письмами Чернышевскаго къ женѣ и дѣтямъ о необходимости перервать съ Пыпиными всякія сношенія. Письмо проникнуто глубокою любовью и уваженіемъ къ Чернышевскому, симпатіей къ семьѣ изгнанника, оставшейся на попеченіи у Пыпина. Пыпинъ, волнуясь, но шагъ за шагомъ старается распутать клубокъ недоумѣній, въ который сплетаются странныя, на половину непонятныя обвиненія Чернышевскаго. Но Чернышевскій не получилъ еще въ далекой Сибири этого письма, и продолжаетъ думать, что его замысль окончательно восторжествоуетъ. Пока онъ продолжаетъ убѣждать свою жену въ необходимости ѣхать за границу.

Любопытно для характеристики тонкаго аналитическаго ума Чернышевскаго, что онъ, затерянный въ далекихъ тундрахъ Сибири, очень убѣдительно и на основаніи данныхъ доказываетъ,—а другихъ данныхъ, кромѣ книгъ и общихъ соображеній у него не

могло быть,—что въ Западной Европѣ жизнь дешевле, чѣмъ въ Россіи (письмо отъ 15 января 1875 г.). И тутъ же онъ дѣлаетъ любопытный экскурсъ въ сторону анализа бюджета простыхъ людей и людей изъ привилегированныхъ сословій у насъ и на Западѣ. Уже въ то время Чернышевскій съ успѣхомъ показываетъ, что столь распространенное въ Россіи мнѣніе о сравнительной дешевизнѣ нашей жизни покоится на грубой ошибкѣ. Да, конечно, во многихъ мѣстахъ Россіи хлѣбъ и мясо дешевле, чѣмъ въ Европѣ, но это имѣетъ важность лишь для бюджета «самыхъ низшихъ классовъ простонародья». Уже у «ремесленниковъ» издержки на мясо и хлѣбъ отступаютъ на задній планъ въ сравненіи съ издержками на чай или кофе, сахаръ, одежду, обувь, квартиру. А между тѣмъ всѣ эти вещи дороже въ Россіи, чѣмъ въ Западной Европѣ. Что касается до людей цивилизованныхъ классовъ, у которыхъ привычки лучше и издержки на нихъ по необходимости больше, то здѣсь выгода рѣшительно поворачивается въ сторону Запада: «Въ Парижѣ или Лондонѣ на пятьсотъ рублей въ годъ можно жить такъ же хорошо, какъ въ Петербургѣ на тысячу рублей. А жизнь въ провинціи для нихъ—въ русской провинціи еще дороже, чѣмъ въ Петербургѣ; въ Западной Европѣ наоборотъ: въ провинціи какой-нибудь страны дешевле, чѣмъ въ столицѣ той же страны».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая убѣдить жену, что у нея хватитъ средствъ для поѣздки за границу, онъ сообщаетъ ей о своемъ намѣреніи заняться теперь писаніемъ доступныхъ для пониманія средней публики «сказокъ»,—сказокъ, которыя ни мало не будутъ походить на его прежнюю публицистику, не могутъ быть встрѣчены недоверіемъ въ официальномъ мірѣ, а потому и могутъ послужить серьезнымъ источникомъ заработка. Но, озабоченный думами о своей женѣ, Чернышевскій обращаетъ также большое вниманіе на умственное развитіе своихъ сыновей. Къ этому времени относится его очень длинное письмо,—настоящая диссертация,—къ сыну Сашѣ по поводу нѣкоторыхъ его математическихъ работъ: о характерѣ этого письма мы скажемъ позже. Видно, во всякомъ случаѣ, что Чернышевскій прежде всего ставитъ самостоятельность и энергію мысли, а къ формальностямъ университетскаго преподаванія относится крайне скептически. Цитирую лишь слѣдующій постскриптумъ для сына въ письмѣ къ женѣ отъ 8 марта 1875 г.: «Если вздумаешь отложить на годъ университетскій экзаменъ, не смущайся этимъ: экзамены—формальности, важныя для формы, но и только. Знаешь ты, Гегель—онъ нынѣ вышелъ изъ моды, и, точно, устарѣлъ; но по силѣ ума и громадности знаній, никто изъ нынѣшнихъ ученыхъ въ подметки не годится ему—знаешь ли, что ему написали въ аттестатѣ?—«Посредственныхъ способностей чело-
вѣкъ». И добро бы, онъ былъ небреженъ въ школьныхъ предметахъ; ошибка была бы не такъ смѣшна; но онъ былъ аккуратенъ

и прилежень, какъ бытъ. Навѣрное, когда его такъ аттестовали, въ цѣлой Германіи было мало стариковъ, такихъ ученыхъ, какъ этотъ юноша;—эти формальности тоже, что сапоги: для удобства жизни полезны; отъ ума и знаній также далеки: въ самомъ низу, какъ нельзя дальше».

Тѣмъ временемъ къ Чернышевскому пришло письмо Пыпина и, конечно, должно было глубоко взволновать его: всѣ хитроумныя сплетенія рушились; приходилось признаваться въ военной хитрости. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Н. С. Русановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ Н. Е. Кудрина „Лавровъ, человѣкъ и мыслитель“ (Русское Богатство, февраль, отд. I) на страницѣ 226, 21 строка снизу послѣ словъ: «умѣренно-либеральныхъ органахъ» пропущена фраза: («разумѣется, этотъ эпитетъ можетъ прилагаться къ «Русскому Слову» лишь въ первые года полтора его существованія»).

З И М О Й.

Слѣва—горы, справа—лѣсъ.

Скучный, мрачный сводъ небесъ.

Вдаль дорога змѣйкой вьется, завлекая и маня.

Подъ санями снѣгъ скрипитъ.

Кто-то мимо насъ спѣшитъ.

Гдѣ-то пѣсня раздается, буйной удалью звеня.

День проходить. Ночь близка.

Въ сердцѣ давняя тоска.

Завываетъ вѣтеръ шалый. Кони движутся чуть-чуть.

И, борясь со сладкимъ сномъ,

Весъ въ снѣгу и малъ, какъ гномъ,

Дремлетъ мой ящикъ усталый, свѣсивъ голову на грудь.

Тѣду ночи, тѣду дни,

То на солнцѣ, то въ тѣни,

Въ затуманенную вьюгой, непривѣтливую даль,

И бѣжить, бѣжить со мной

Въ край далекій, въ край родной

Раннихъ дней моихъ подруга, неизмѣнная печаль.

Я. Тисленко.

БРАТСТВО.

Романъ. *Джона Гальсуорси.*

Перев. съ англійскаго Э. Н. Пименовой.

ХII.

На всѣхъ парусахъ.

Старый продавецъ газетъ сказалъ правду: Гилэри чувствовалъ себя на столько молодымъ, что вмѣсто того, чтобы отправиться домой, сѣлъ въ омнибусъ и поѣхалъ въ свой клубъ. „Перо и чернила“ — такъ назывался этотъ клубъ, потому что человѣкъ, основавшій его, ни о чемъ другомъ и думать не могъ. Однако, онъ скоро разочаровался въ своемъ дѣтищѣ и покинулъ его. Кухня въ этомъ клубѣ ползавалась дурною репутаціей, и всѣ его члены подчасъ горько жаловались на то, что нельзя пойти въ этотъ клубъ и не встрѣтить тамъ какого-нибудь знакомаго. Клубъ помещался въ Доверъ стритъ. Туда приходили для разговоровъ, и въ клубѣ были сдѣланы спеціальныя приспособленія для храненія зонтиковъ и книгъ, еще не исчезнувшихъ изъ библіотеки. Книги исчезали не вслѣдствіе хищническихъ наклонностей членовъ клуба, а потому, что каждый изъ нихъ, въ пылу разговора, забывалъ, уходя, положить книги на мѣсто. Коричневые занавѣсы на окнахъ никогда не были подняты тоже по той причинѣ, что въ пылу своихъ споровъ члены клуба всегда спускали ихъ. Въ общемъ члены клуба не очень-то долюбивали другъ друга, и каждый въ душѣ удивлялся, зачѣмъ это другіе члены клуба занимаются литературой. Ко всему, что было написано другими, они относились съ недоброжелательствомъ. Вынужденные иногда высказаться по поводу какого-нибудь писателя, они говорили, что, безъ сомнѣнія, то, что онъ написалъ, очень хорошо, но только они никогда не читали его произведеній! Очевидно, это было однимъ изъ главныхъ

принциповъ клуба, что члены его не должны были читать произведеній другъ друга, иначе вѣдь имъ пришлось бы говорить авторамъ прямо въ лицо, что они не любятъ ихъ произведеній. Исключеніе составляли лишь критики по профессіи. Ихъ статьи всѣ читали и, конечно, съ разными чувствами. Но случалось порой, что кто-нибудь изъ членовъ, нарушая обычаи клуба, вдругъ получалъ особенное пристрастіе къ литературнымъ произведеніямъ другого члена. Если же онъ выражалъ словами свое восхищеніе этими произведеніями, то всегда вызывалъ чувство неловкости у своихъ слушателей и легкой досады, такъ какъ похвала относила не къ ихъ произведеніямъ.

Ежегодно весной, обыкновенно въ мартѣ, въ клубѣ замѣчалось оживленіе. Члены обращались другъ къ другу съ вопросами, отчего до сихъ поръ не учреждена академія изящной литературы, отчего не принимаются мѣры противъ литературнаго перепроизводства, отчего не выдается ежегодная премія за лучшее литературное произведеніе? Но это продолжалось недолго. Всѣ такія желанія быстро испарялись, словно ихъ уносило въ широко открытыя окна весной, и жизнь клуба возвращалась въ прежнюю колею. Въ общественномъ отношеніи члены клуба были очень милыми людьми, но каждый лепѣялъ въ душѣ мечты о славѣ и утроемъ, когда приходила почта и газеты, каждый изъ нихъ съ замираніемъ сердца ждалъ, не принесетъ ли она осуществленіе этой мечты.

Гилэри оставался въ клубѣ до половины девятаго; завязался споръ, въ которомъ онъ не хотѣлъ принимать участія, поэтому онъ досталъ свой зонтикъ и вышелъ на улицу.

Былъ часъ, когда въ Пикадилли еще пусто. Людской потокъ отхлынулъ къ театрамъ, и отлива еще не наступило. Деревья, покрытыя молодыми листьями, широко протягивали свои вѣтви. Въ глубинѣ аллеи было уже темно и только кое-гдѣ показывались какія-то блуждающія тѣни. Гилэри шелъ быстро, не замѣчая ничего, поглощенный своими думами. Отъ природы добрый, онъ не могъ не испытывать пріятнаго чувства отъ сознанія, что только что доставилъ радость другому существу. Но какъ всѣ натуры, склонныя къ самокритикѣ, онъ не могъ въ то же время вполне отдаться этому чувству, и оно скоро исчезло, оставивъ послѣ себя ощущеніе пустоты и разочарованія.

Не замѣчая этого, Гилэри привлекалъ взоры женщинъ, быстро проходившихъ мимо. Какая то странная, брезгливая застѣнчивость, выражающаяся въ его лицѣ, заставляла женщинъ, привыкшихъ къ другому выраженію мужскихъ лицъ, обращать на него особенное вниманіе. Гилэри не

смотрѣлъ на нихъ, но все же сознавалъ ихъ присутствіе. Онъ внушали ему болѣзненное любопытство и вмѣстѣ состраданіе. Одна изъ нихъ развязно подошла къ нему. Хотя она была выше ростомъ и пониже маленькой натурщицы, краски ея были ярче, волосы завиты, и на головѣ красовалась большая шляпа съ перьями, тѣмъ не менѣе, она все же удивительно напоминала эту дѣвушку, и это сходство поразило Гилэри. Взглянувъ ему въ лицо, женщина дерзко засмѣялась. Гилэри вздрогнулъ и ускорилъ шаги.

Онъ пришелъ домой въ половинѣ десятаго. Въ комнатѣ Стона еще горѣла лампа, и окно, по обыкновенію, было широко открыто, но, противъ обыкновенія, была освѣщена и спальня Гилэри. Онъ поднялся на верхъ и, открывая дверь, увидѣлъ, къ величайшему своему изумленію, фигуру своей жены. Она сидѣла, откинувшись на спинку кресла и сложивъ руки. Онъ не видѣлъ ея лица, потому что оно было въ тѣни, но такъ какъ она повернула голову, словно прислушиваясь къ чему то, то онъ видѣлъ ея бѣлую шею. Это былъ неподвижный, туманный образъ женщины, какъ будто только изслѣдующей, критикующей и наблюдающей жизнь, но, не принимающей въ ней прямого участія.

Гилэри колебался, какъ ему поступить, войти ли въ комнату или скрыться незамѣченнымъ своею странною посятительницей.

— А, это вы!—сказала она.

Гилэри подошелъ къ ней. Несмотря на то, что его жена нисколько не заботилась объ усиленіи своего обаянія, тѣмъ не менѣе она была удивительно изящна. Послѣ девятнадцатилѣтней супружеской жизни, когда онъ, казалось, изучилъ каждую линію ея лица и тѣла, всѣ тайны ея природы, она все еще ускользала отъ него. Ея способность постоянно ускользать, придававшая ей особенную прелесть въ его глазахъ вначалѣ, стала съ теченіемъ времени раздражать его и въ концѣ концовъ потушила то самое пламя, которое однажды зажгла въ немъ. Онъ такъ часто пытался, но никогда не могъ заглянуть въ ея душу, постигнуть ея сущность. Отчего она была такая? Отчего она всегда смѣялась надъ собой, надъ нимъ, надъ всѣмъ рѣшительно? Отчего она портила себѣ собственную жизнь, собственное счастье? Она могла быть обольстительной, физически и умственно, но, отказываясь подчиниться своему уму или своимъ чувствамъ, она сама разрушала свое обаяніе.

— Я не знаю, зачѣмъ я пришла,—проговорила она.

Гилэри не нашелся ничего отвѣтить на это и сказалъ:

— Я очень жалѣю. Я обѣдалъ въ городѣ..

— Вѣтеръ утихъ?.. Въ моей комнатѣ холодно.

— Да. Она выходит на сѣверо-востокъ. Оставайтесь здѣсь.

Ея рука коснулась его руки и ея живое прикосновеніе взволновало его.

— Съ вашей стороны очень мило предлагать мнѣ это. Но намъ лучше не начинать того, что мы не можемъ сохранить,—возразила она.

— Оставайтесь,—повторилъ онъ и сталъ на колѣни около ея кресла.

И вдругъ онъ началъ покрывать поцѣлуями ея лицо и шею. Онъ ощущалъ ея отвѣтные поцѣлуи, и на мгновеніе они заключили другъ друга въ горячія объятія. Затѣмъ, точно по взаимному согласію, руки ихъ разжались и опустились. Они избѣгали смотрѣть другъ на друга, какъ на шалившія дѣти, но на лицѣ у нихъ появилась тонкая усмѣшка, какъ будто говорившая: „Вѣдь мы же не животныя!“

Гилэри всталъ и сѣлъ на свою кровать, Біанка продолжала еще нѣсколько времени сидѣть въ креслѣ неподвижно, и только чуть замѣтная улыбка дрожала въ углахъ ея губъ. Они не обмѣнялись больше ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ... Она тихо встала и, пройдя позади него, вышла изъ комнаты.

Гилэри испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто ему насыпали пеплу въ горло. Онъ подошелъ къ дверямъ ея комнаты и долго стоялъ, прислушиваясь. Ни малѣйшаго звука не было слышно. Если бъ она плакала или даже если бъ она смѣялась — все это было бы лучше, нежели такое молчаніе! Онъ сжалъ голову руками и сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ...

XIII.

Ночные звуки.

Проходя въ свой рабочій кабинетъ, Гилэри остановился у дверей Стона. Мысль объ этомъ старикѣ, всецѣло отдавшемся своей идеѣ и не доступномъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, подѣйствовала на него освѣжающимъ образомъ.

Стонъ въ своей неизмѣнной коричневой шерстяной рубашкѣ чѣмъ-то былъ занятъ въ углу комнаты. Легкій аромат какао ощущался въ воздухѣ.

— Закройте дверь,—сказалъ онъ.—Я варю какао. Хотите чашечку?

— Я не мѣшаю вамъ?—спросилъ Гилэри.

Стонъ пристально посмотрѣлъ на него потомъ отвѣтилъ:

— Я не могу работать, когда пью какао. Это вредно.

Мартъ. Отдѣлъ I.

— Въ такомъ случаѣ, если позволите, я останусь.

— Какао кипить,—сказалъ онъ.

Онъ снялъ кастрюльку съ огня и потушилъ его, затѣмъ досталъ двѣ чашки и, наполнивъ одну изъ нихъ, подаль ея Гилэри.

— Мнѣ бы хотѣлось прочесть вамъ три или четыре страницы, которыя я только что закончилъ. Можетъ быть, вы могли бы сдѣлать какія-нибудь замѣчанія,—проговорилъ онъ... Впрочемъ, я прежде выпью какао, а потомъ прочту вамъ.

Гилэри поднялъ воротникъ своего куртка, защищаясь отъ ночнаго холода, проникавшаго въ комнату черезъ открытое окно. Его чашка была пуста. Онъ уже выпилъ какао, такъ какъ чувствовалъ голодь. Вдругъ онъ услышалъ странный звукъ и увидѣлъ, что Стонъ стоитъ, высунувъ, языкъ. Торопясь скорѣе начать чтеніе, онъ не остудилъ какъ слѣдуетъ свою чашку и обжегъ языкъ.

Гилэри поспѣшно подошелъ къ нему.

— Вы сильно обожглись?—спросилъ Гилэри съ участіемъ... Попробуйте взять въ ротъ глотокъ холоднаго молока.

— Молока не осталось,—сказалъ Стонъ и, поднеся чашку ко рту, выпилъ остатокъ какао.

„Чего бы я не далъ, чтобы обладать его чистосердечіемъ!“ подумалъ Гилэри.

Послышался шелестъ бумаги и какое-то бормотаніе. Гилэри различилъ слова:

— „Пролетаріатъ, съ цинизмомъ, свойственнымъ истинно нуждающимся людямъ, жаждетъ богатства и досуга, которыми обладаютъ его болѣе счастливые сосѣди. Этотъ цинизмъ даже у лидеровъ пролетаріата прикрывается лишь тогда, когда они достигаютъ извѣстнаго положенія въ общественномъ мнѣніи. Въ теченіе долгой ночи своей борьбы за существованіе у нихъ хватило энергіи только на то, чтобы формулировать свои самыя настоятельныя нужды изо дня въ день. Это вздымающееся и волнующееся море живыхъ существъ, медленно, безъ настоящаго сознанія и руководства, путемъ лишь длительныхъ движеній, то приливающихъ, то отливающихъ, стремилось отодвинуть нѣсколько дальше берега и начертать новую форму соціальной жизни“.—Мистеръ Стонъ остановился и замѣтилъ: — Тутъ она сдѣлала ошибку во время переписки...—Онъ поправилъ и продолжалъ: „По синезеленой поверхности этого волнующагося моря неслась легкая флотилія лодочекъ, паруса которыхъ надувались дыханіемъ тѣхъ, кто самъ двигался съ нею, но по волѣ вѣтра нужды. Путешествіе

этой флотилии въ сущности представляет передовое движеніе этой эпохи. На кормѣ каждой изъ лодочекъ этого небольшого отряда всегда находился какой-нибудь изъ побочныхъ продуктовъ существующей системы и онъ-то и надувалъ паруса. Теперь мы рассмотримъ эти побочные продукты“.

Стояъ сдѣлалъ паузу и заглянулъ въ чашку. Тамъ еще оставалось нѣсколько капель, онъ выпилъ ихъ и продолжалъ чтеніе:

— „Братоубійственный принципъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, составлявшій въ тѣ времена основу морали въ Англіи, превратилъ эту страну въ гигантскую бойню. Среди труповъ безчисленныхъ жертвъ этого принципа процвѣтали и толстѣли мясники, физически укрѣпляемые запахомъ крови и древесныхъ опилокъ, пропитанныхъ ею. Они произвели на свѣтъ много дѣтей. Слѣдуя закону природы, предохраняющему отъ перепроизводства, извѣстная пропорція этихъ дѣтей рождалась съ заложеннымъ въ нихъ чувствомъ отвращенія къ крови и опилкамъ. Нѣкоторые, вынужденные ради денегъ идти по стопамъ отцовъ, дѣлали это неохотно. Другіе, благодаря отцовской дѣятельности, оказались въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, что могли уже отказаться отъ подобнаго дѣла. Но занимались ли они этимъ дѣломъ по необходимости или нѣтъ, у всѣхъ замѣчалась одна общая характерная черта. Они питали отвращеніе къ запаху крови и опилокъ, у нихъ появились качества, доселѣ мало извѣстныя и вообще презираемыя, — не безъ нѣкотораго основанія, какъ мы это увидимъ потомъ.

„Совѣстливость, эстетизмъ, отвращеніе къ опустошеніямъ, ненависть къ несправедливости — все это, соединяясь со свойственнымъ людямъ во всѣ времена стремленіемъ дѣйствовать, составляло главныя двигательныя силы, побуждавшія ихъ къ работѣ. Въ практическихъ дѣлахъ тѣ, кто вынужденъ былъ работать при существующихъ условіяхъ соціальной жизни, побуждались къ болѣе гуманнымъ родамъ дѣятельности, какъ-то: къ искусству, педагогикѣ, духовной профессіи, медицинѣ и платному представительству отъ имени своихъ ближнихъ. Тѣ же, кого необходимость не принуждала ни къ одному изъ этихъ родовъ дѣятельности, занимались наблюденіями и жаловались на положеніе вещей. Съ каждымъ годомъ возрастало число лодочекъ, на которыхъ эти люди отплывали отъ берега и пускались въ путешествіе, все болѣе и болѣе надувая свои паруса. Оглядываясь назадъ на отправленіе этихъ лодочекъ въ такое, казалось бы, пріятное путешествіе, мы можемъ

уяснить себѣ причину, почему имъ было суждено только вертѣться на одномъ мѣстѣ, поднимаясь и спускаясь вмѣстѣ съ поверхностью волнующагося моря, слѣдуя другъ за другомъ въ вѣчномъ круговращательномъ движеніи. Причина заключается въ слѣдующемъ: для движенія впередъ надо было, чтобы тотъ, кто надувалъ парусъ, находился въ морѣ, а не на лодкѣ...”

Стонъ умолкъ. Гилэри взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ пристально смотритъ на листъ бумаги, какъ будто его самого удивляла послѣдняя фраза. Но скоро опять послышался его бормочущій голосъ. Чтеніе возобновилось.

— Какъ въ физическихъ процессахъ природы, такъ и въ социальной дѣятельности существуетъ только одинъ плодотворный факторъ — таинственное и плодотворное влеченіе, называемое любовью. Этому влеченію, этому растворенію одного существа въ другомъ, обязано своимъ происхожденіемъ все прогрессирующее разнообразіе формъ, извѣстное подъ именемъ жизни. Этотъ таинственный факторъ, — безсознательная всепоглощающая любовь, — отсутствовалъ въ усиліяхъ тѣхъ, кто раздувалъ паруса флотилии. Они обладали разумомъ, сознаніемъ, пылали нетерпѣніемъ, негодованіемъ и возмущеніемъ, но у нихъ не было любви къ ма сѣ своихъ ближнихъ. Они не могли выброситься въ море. Ихъ сердца пылали, но вѣтеръ, раздувавшій пламя ихъ сердецъ, не былъ пропитанъ солью и морскими испареніями вселенной. Это былъ иссушающій вѣтеръ пустыни. Для того, чтобы было иначе, человѣкъ долженъ былъ ждать великаго импульса, побуждающаго его ко всеобщему братству и забвенію самого себя. Онъ ждалъ его такъ же, какъ ждеть цвѣтеніе алоэ, выбрасывающій послѣ столькихъ лѣтъ ожиданій такой чудный цвѣтокъ...”

Стонъ кончилъ, и хотя онъ продолжалъ стоять и смотрѣть на Гилэри, но, повидимому, не видѣлъ его. Впрочемъ, и Гилэри старался не смотрѣть ему въ лицо и только когда молчаніе начало тяготить его, онъ съ нѣкоторымъ лукавствомъ спросилъ Стона.

— А вы знаете, что случается съ алоэ послѣ цвѣтенія?

Стонъ сдѣлалъ какое-то движеніе, но ничего не отвѣтилъ.

— Алоэ умираетъ, — сказалъ Гилэри.

— Нѣтъ, — возразилъ Стонъ. — Это не смерть, а покой, — миръ...

— Развѣ можно находиться въ мирѣ съ собой? — сказалъ Гилэри.

Стонъ внимательно посмотрѣлъ на своего зятя, но не прибавилъ ни слова. Потомъ, положивъ рукопись на конторку, сказалъ: — Теперь я долженъ поупражняться — и, го-

воря это, онъ началъ развязывать шнурокъ, обмотанный вокругъ талии.

Гилэри поспѣшилъ выйти. Въ дверяхъ, однако, онъ оглянулся и увидѣлъ Стона, безъ рубашки, стоящаго на носкахъ, съ вытянутыми руками и сложенными ладонями, точно для молитвы. Его штаны медленно сползали внизъ...

„Разъ, два, три, четыре, пять!“—и затѣмъ Гилэри услышалъ шумное выдыханіе...

Поднявшись въ коридоръ, залитый луннымъ свѣтомъ, падающимъ изъ окна, помѣщающагося въ концѣ, Гилэри снова остановился и прислушался. Единственнымъ звукомъ, долетѣвшимъ до него, было легкое храпѣніе Миранды, спавшей въ ванной комнатѣ. Гилэри вернулся въ свою спальню и долго просидѣлъ въ креслѣ, погруженный въ размышленія. Наконецъ, онъ всталъ, открылъ окно и облокотился на подоконникъ. Луна освѣщала своими серебристо-бѣлыми лучами деревья сосѣдняго сада и покатыя крыши конюшенъ и дворовыхъ строеній. Но черныя стѣны оставались нетронутыми луннымъ свѣтомъ и какъ-то странно темнѣли. Ничто не шевелилось. Гдѣ-то часы пробили два. Вдругъ изъ тишины донеслись слабые, отдаленные звуки, точно дыханіе какого-нибудь чудовища или заглушенные удары далекаго барабана. Казалось, эти звуки неслись со всѣхъ сторонъ спящаго въ блѣдномъ сіяніи луны города. Они то нарастали, то падали, ритмически усиливаясь и ослабѣвая, точно стоны безнадежныхъ и голодныхъ... По Гай-стритъ проѣхалъ кабриолетъ. Гилэри напряженно прислушивался къ стуку копытъ и звону колокольчиковъ. Они затихли вдали, но въ наступившей тишинѣ Гилэри снова различилъ звуки, точно бѣненіе гигантскаго сердца города, вторившаго бѣненію его собственнаго сердца. Звуки все усиливались, приближались и, наконецъ, онъ различилъ характерное грохотаніе и понялъ, что это не было эхо человѣческихъ битвъ, къ которымъ онъ прислушивался, а просто-на просто стукъ телѣгъ, ѣхавшихъ на рынокъ въ Ковентъ Гарденъ...

XIV.

Прогулка.

Тиме Даллисонъ, несмотря на свою дѣятельную жизнь, находила все таки время записывать свои впечатлѣнія и мысли на страницахъ старой школьной тетрадки. Она дѣлала это безъ всякой опредѣленной цѣли, просто вслѣдствіе избытка юношеской энергіи и желанія высказаться. Такое желаніе она замѣчала у всѣхъ окружающихъ, у своихъ подругъ

студентокъ, у своихъ пріятелей молодыхъ людей, въ гостиной своей матери и въ студіи своей тетки. Она считала это даже своимъ долгомъ, такъ же, какъ и остальная молодежь, ея сверстники и сверстницы. Дѣвушки прежняго поколѣнія, время королевы Викторіи, мечтали только о замужествѣ и были очень сантиментальны. Дѣвушки же новаго поколѣнія хотѣли насладиться своею молодостью и жизнью. Тиме никогда не перечитывала то, что было написано ею раньше. Она, впрочемъ, не интересовалась своими прежними мыслями. Это было уже прошлое. Для всѣхъ же другихъ это было святая святыхъ, къ которой никто не смѣлъ прикоснуться. Она хранила тетрадку со своими мыслями и впечатлѣніями на днѣ ящика комода, вмѣстѣ съ носовыми платками, бантиками и блузками и обломкомъ карандаша, безъ всякаго порядка и послѣдовательности заносила въ свой дневникъ свои впечатлѣнія.

Рано утромъ въ маѣ она сидѣла на постели, спустивъ голыя ноги, и вся розовая отъ сна, съ распущенными волосами, блестящими глазами, быстро записывала что-то карандашомъ, точно боясь, что впечатлѣніе ускользнетъ отъ нея. Иногда она останавливалась и, потягиваясь съ наслажденіемъ, смотрѣла въ окно. Потомъ снова принималась писать.

„Вчера я зашла въ комнату дѣдушки и стояла, пока онъ диктовалъ маленькой натурщицѣ. Я нахожу, что дѣдушка великолѣпнѣе, по мнѣнію же Мартина энтузіастъ хуже бесполезнаго человѣка. Народъ, говоритъ онъ, не долженъ барахтаться постоянно въ идеяхъ и мечтахъ. Онъ называетъ идеи дѣдушки „палеолитическими“. Но я не люблю, когда онъ смѣется надъ дѣдушкой. Мартинъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ. Я не думаю, однако, чтобы онъ нашелъ много такихъ восьмидесятилѣтнихъ стариковъ, которые могли бы купаться круглый годъ въ рѣчкѣ, убирать сами свою комнату, готовить для себя пищу и проживать только 90 фунтовъ изъ 300 фунтовъ пенсіи, а остальное отдавать. Мартинъ говоритъ, что это неразумно и что книга о всеобщемъ братствѣ—вздоръ. Мнѣ это все равно, но только мнѣ нравится, что дѣдушка можетъ писать такъ, цѣлый день. Мартинъ не согласенъ со мной. Онъ такой холодный, этотъ Мартинъ. Это самое худшее въ немъ. Его невозможно вывести отъ себя, и онъ какъ будто всегда критикуетъ и насмѣхается. Это меня выводитъ изъ себя... Маленькая натурщица—настоящая обманщица. Я бы могла написать то, что она пишетъ вдвое скорѣй. А она останавливается, смотреть по сторонамъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, точно у нея много времени впереди. Дѣдушка такъ поглощенъ своими мыслями, что онъ ничего этого не замѣчаетъ. Она лю-

бить перечитывать то, что написала, повторять слова.—Эта дѣвушка не годится ни для какой другой работы, кромѣ позированія. Тетя Би говорила, что она позируетъ хорошо... Что то странное есть въ ея лицѣ. Она напоминаетъ мнѣ отчасти мадонну Ботичелли въ Национальной галлерей, не столько чертами лица, сколько выраженіемъ, почти тупымъ... Бя руки красивы и ноги меньше моихъ. Она двумя годами старше меня, я спросила ее, зачѣмъ она сдѣлалась натурщицей? Это такая гадкая работа! Она отвѣчала, что рада была хоть какому-нибудь заработку. Я спросила ее, отчего она не поступила въ лавку или въ услуженіе? Она отвѣтила не сразу, но потомъ сказала, что у нея не было никакихъ рекомендацій, она не знала, куда обратиться... Потомъ вдругъ она надулась и сказала, что не желаетъ...“.

Но тутъ Тиме остановилась и, не кончивъ фразы, принялась набрасывать профиль маленькой натурщицы.

„На ней было прехорошенькое платье, совсѣмъ простое, но хорошо сшитое. Оно, навѣрное, стоитъ не меньше трехъ-четырехъ фунтовъ. Ей, значитъ, не такъ уже плохо живется, или, быть можетъ, кто нибудь подарилъ ей...“

Тиме снова сдѣлала маленькую паузу.

„Она выглядѣла гораздо красивѣе въ этомъ новомъ платьѣ, нежели въ старой коричневой юбкѣ... Дядя Гилэри обѣдалъ у насъ вчера. Мы говорили о социальныхъ вопросахъ. У насъ всегда возникаютъ такіе разговоры, когда онъ приходитъ. Я все таки люблю дядю Гилэри! У него такіе славные, добрые глаза, и онъ такой всегда тихій и кроткій, что на него невозможно сердиться. Мартинъ называетъ его слабохарактернымъ и порицаетъ его за то, что онъ, по словамъ Мартина, стоитъ внѣ жизни. Я бы сказала, что онъ не только не можетъ заставить никого поступить такъ или иначе, но и самъ онъ, какъ мнѣ кажется, всегда видитъ обѣ стороны каждаго вопроса. Это препятствуетъ ему имѣть опредѣленное мнѣніе. Пожалуй, Гамлетъ долженъ былъ походить на него, впрочемъ, вѣдь никто не знаетъ, каковъ былъ въ дѣйствительности Гамлетъ. Я сказала дядѣ Гилэри, что я думаю о низшихъ класахъ. Съ нимъ можно говорить объ этомъ. Я ненавижу манеру отца все обращать въ шутку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего серьезнаго. Я сказала ему, что по моему мнѣнію нѣтъ никакой пользы копать на поверхности этой грязи, а что надо стараться проникнуть въ корень вещей. Я сказала также, что деньги и классовыя различія—это такія пугала, которыя давно уже слѣдуетъ оставить. Мартинъ говоритъ, что въ отношеніи социальныхъ вопросовъ и бѣдныхъ всѣ дѣйствуютъ по любительски. Между тѣмъ намъ надо освободиться отъ всѣхъ старинныхъ сенти-

ментальныхъ взглядовъ и стараться все разсматривать съ точки зрѣнія здоровья. Отецъ называетъ Мартина „санитистомъ“, а дядя Гилэри говоритъ, что нельзя употреблять законъ, вмѣсто мыла, чтобы мыть народъ, такъ какъ онъ все равно, будетъ такъ же грязенъ на другой день...”

Тиме положила тетрадь. Въ саду на площади, запѣла птичка. Ея звонкое веселое чириканье раздавалось въ листьяхъ платановъ, и, казалось, она восхваляла небо, солнце, деревья и зеленую траву, покрытую росой. Тиме нѣсколько минутъ прислушивалась къ голосу птички, и плечи ея вздрагивали отъ удовольствія. Потомъ она быстро вскочила и побѣжала брать утреннюю ванну.

Въ десять часовъ утра она уже вышла изъ дому. По субботамъ у нея не было занятій, но такъ какъ ея мать и ея отецъ желалъ, чтобы она оставалась съ ними, то ей большею частью приходилось проводить это свободное время въ ихъ обществѣ. По субботамъ отецъ рано уходилъ изъ суда и если ему удавалось уговорить свою жену и дочь сопровождать его, то онъ отправлялся въ Ричмондъ играть въ мячъ. Если же онъ не соглашался, то онъ уходилъ въ клубъ и занимался чтеніемъ статей въ журналахъ по разнымъ социальнымъ вопросамъ для того, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ какимъ нибудь новымъ социальнымъ движеніемъ.

Тиме шла одна по улицѣ, нахмутивъ брови, какъ будто занятая какими нибудь серьезными мыслями, не замѣчая восхищенныхъ взглядовъ, которые порою бросали на нее прохожіе. Въ одной изъ боковыхъ аллей, вытянувъ свои длинныя ноги, сидѣлъ на скамейкѣ ея кузень, Мартинъ Стоунъ. Онъ сейчасъ же всталъ, какъ только она подошла.

— Опять опоздала,—сказалъ онъ.

— Куда же мы пойдемъ сегодня?—спросила Тиме.

— Мы можемъ обойти Ноттингъ Хилль сегодня, если опять пойдемъ къ мистриссъ Хюггсъ. Послѣ обѣда я должна быть въ госпиталь,—отвѣчалъ онъ.

Тиме нахмурилась. — Я завидую тебѣ, что ты живешь одинъ Мартинъ. Это скучно жить въ семьѣ,—сказала она.

Мартинъ ничего не возразилъ, но Тиме видѣла, что онъ чуть-чуть наморщилъ свой длинный носъ. Они шли нѣсколько минутъ молча, мимо большихъ домовъ, спокойно разглядывая ихъ. Въ ихъ молчаніи не было ни смущенія, ни неловкости; они какъ будто даже не сознавали, что молчать и съ интересомъ разсматривали все кругомъ своими пытливыми глазами, въ которыхъ свѣтилось ненасытное любопытство молодости.

— Тутъ граница. Мы будемъ сейчасъ на мѣстѣ,—сказалъ Мартинъ.

— Въ самомъ мрачномъ?—спросила Тиме.

— Нѣтъ еще. Самое мрачное впереди.

Они прошли по длинной кривой улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись низкіе домики, съ облупившимися стѣнами, обнаруживавшіе всѣ признаки гнетущей нищеты. Въ канавкахъ валялись маленькіе обрывки бумаги и солома. Весенній вѣтерокъ поднималъ ихъ и крутилъ въ воздухѣ.

— Эта улица производитъ на меня жуткое впечатлѣніе,—сказала Тиме вздрагивая.

Мартинъ кивнулъ головой:—Это еще не такъ плохо, замѣтилъ онъ—Худшее впереди, въ полумили отсюда. Здѣсь еще идетъ свирѣпая борьба... А дальше они уже перестали бороться.

Узкая кривая улица казалась безконечной. Они прошли мимо убогихъ лавчонокъ, и на углу какого-то переулка Мартинъ остановился. — Мы пойдемъ теперь туда,—сказалъ онъ.

Тиме чуть-чуть сморщила носъ. Мартинъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты боишься?—спросилъ онъ

— Я не боюсь, Мартинъ, только я не могу выносить этого запаха,—отвѣчала она.

— Ты привыкнешь къ нему.

— Да... я знаю... только я забыла свой носовой платокъ надушенный эвкалиптомъ.

Мартинъ досталъ изъ кармана свой носовой платокъ, который даже не былъ развернутъ. — Возьми мой,—предложилъ онъ.

— Это такъ нелѣпо дѣйствуетъ на меня!.. Мнѣ стыдно, что я должна брать твой платокъ!—сказала она.

— Не бѣда! Пойдемъ.

Дома въ этомъ узкомъ переулкѣ казалось были наполнены женщинами, внутри и снаружи. У многихъ были на рукахъ младенцы. Однѣ работали, другія смотрѣли въ окна или болтали на порогѣ домовъ. Всѣ съ любопытствомъ посматривали на проходившую мимо молодую парочку. Тиме украдкой взглянула на своего спутника. Онъ шелъ, какъ всегда, большими размѣренными шагами, и на его блѣдномъ лицѣ было прежнее наблюдательное и слегка саркастическое выраженіе. Держа носовой платокъ наготовѣ, Тиме старалась придать себѣ такую же невозмутимость, какая составляла отличительную черту ея спутника. Она посмотрѣла на дома. Три женщины сидѣли, а двѣ стояли передъ ними

Одна изъ нихъ, молодая женщина съ открытымъ, круглымъ лицомъ находилась, повидимому, въ послѣдней стадіи беременности. Другая, смуглая, съ растрепанными сѣдыми волосами, курила глиняную трубку. У одной изъ сидящихъ совсѣмъ еще молоденькой женщины лицо было сѣроватаго цвѣта, точно грязный листъ бумаги, а полъ глазомъ виднѣлся огромный синякъ. Другая разстегнула свое изодранное платье и кормила ребенка. Третья сидѣла на верхней ступенькѣ, подбоченясь. Лицо у нея было красно, какъ у пьяницы; и она выкрикивала какія-то грубыя сальныя шутки сосѣдкѣ, выглядывавшей изъ окна напротивъ. У Тиме сердце судорожно сжалось. „Какой ужасъ! Какой ужасъ!“ хотѣлось ей крикнуть, но она удержалась и, кусая губы, отвернулась, чтобы не видѣть этихъ женщинъ, подвергавшихъ свой собственный полъ,—ея полъ!—такому поруганію. Женщины разсматривали ее сначала съ тѣмъ же неопредѣленнымъ и жгучимъ любопытствомъ, съ какимъ и она смотрѣла на нихъ; но къ этому любопытству примѣшивалась у нихъ тайная враждебность и критика, какъ будто онѣ почувствовали въ ея незапятнанной чистотѣ и скромности, въ краскѣ, покрывшей ея щеки, и въ ея опрятной одеждѣ, скрытое осужденіе себѣ. Своими жестами и выраженіемъ лица онѣ старались показать, что нисколько не довѣряютъ ея добродѣтели, что не считаютъ себя хуже ея.

— Дать бы эту куклу Биллю, онъ бы заставилъ ее поработать, эту...

Взрывъ хохота покрылъ послѣднія слова говорившей, и Тиме не разслышала эпитета, который ей предназначался.

Мартинъ сжалъ губы. Щеки Тиме пылали. Въ концѣ переулка онъ остановился возлѣ какой-то лавчонки.

— Зайдемъ сюда,—обратился онъ къ Тиме.—Ты увидишь, гдѣ они покупаютъ свои припасы.

Въ дверяхъ стояла красивая женщина небольшого роста, въ папильоткахъ, и возлѣ нея маленькая дѣвочка, покрытая сыпью, и худая, коричневая собаченка.

Холодно поклонившись, Мартинъ сдѣлалъ знакъ женщинѣ, чтобы она отошла. Лавочка была величиной въ десять квадратныхъ футовъ. На прилавкахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ, были поставлены тарелочки съ пирожнымъ, колбасами, старыми бараньими костями и мятными лепешками. Тутъ же лежало мыло, хлѣбъ, маргаринъ и сало въ банкахъ, сахаръ, копченныя селедки въ большомъ количествѣ, соленныя печенія и разныя другія вещи. Пара убитыхъ рябчиковъ висѣла на стѣнѣ. Ничто не было прикрыто, и мухи роємъ облѣпляли всѣ предметы. За прилавкомъ молоденькая дѣвушка отрѣзывала для какой-то бѣдной и худой женщины кусокъ сыра,

придерживая его своею сильною и грязною рукой. Около сыра, на прилавкѣ, лежала кошка.

Всѣ оглянулись на молодую парочку, вошедшую въ лавку.

— Кончайте прежде, — сказалъ Мартинъ, обращаясь къ продовщицѣ, — а потомъ дадите мнѣ на три пенни леденцовъ.

Дѣвушка, сдѣлавъ большое усиліе, отрѣзала, наконецъ, засохшій сыръ. Худая женщина взяла его и, сильно закашлявшись, вышла. Продавщица, не спуская глазъ съ Тиме, засунула свои грязные пальцы въ жестянку, чтобы отдѣлать леденцы, которые приклеились. Завернувъ ихъ въ клочокъ газетной бумаги, она протянула свертокъ Мартину. Тотъ слегка притронулся къ локтю Тиме, стоявшей неподвижно, потупивъ глаза. Они вышли изъ лавочки. Мартинъ отдалъ конфеты дѣвочкѣ съ сыпью на лицѣ.

Улица кончалась широкою дорогою, по сторонамъ которой виднѣлись жалкія лачужки.

— Здѣсь уже полный мракъ, — сказалъ Мартинъ. — Вдоль всей этой дороги живутъ или погибшіе, пьяницы, бродяги, чахоточные или безработные. Посмотри на ихъ лица.

Тиме послушно подняла глаза. Люди, живущіе здѣсь, или совсѣмъ не замѣчали ее, или же бросали на нее хмурые, злобные взгляды. На подоконникахъ въ нѣкоторыхъ домахъ она замѣтила чахлыя растенія въ горшкахъ, въ одномъ даже висѣла клѣтка съ канарейкой. Наконецъ, на поворотѣ, Тиме вступила въ еще болѣе мрачную область. Тутъ уже были только полуразрушенныя постройки, дома съ разбитыми или заколоченными окнами, лавчонки, гдѣ продавалась жареная рыба, низенькія харчевни, дома безъ дверей. Мужчинъ было больше, чѣмъ женщинъ. Нѣкоторые везли телѣжки, наполненныя тряпьемъ и бутылками; другіе стояли небольшими группами у кабаковъ, ссорясь или болтая. Иногда попадался какой-нибудь юноша, худой и истощенный, съ отчаяніемъ шагавшій вдоль дороги, толкая свою телѣжку. Изъ лавочки, торгующей желѣзнымъ товаромъ и жареной рыбой, показался продавецъ, въ грязномъ фартукѣ. Онъ поглядывалъ на солнце, на дорогу, но, повидимому, ничто окружающее не производило на него унылаго впечатлѣнія. Среди прохожихъ попадались женщины, несшія узлы подъ своими платками или свертки газетной бумаги съ какою-нибудь провизіей. Лица у этихъ женщинъ были большею частью красныя и огрубѣлыя, но иногда попадались и изсиня-блѣдныя лица. У всѣхъ было одинаковое выраженіе тупой покорности судьбѣ. Ни удивленія, ни возмущенія, ни стыда или отвращенія нельзя было замѣтить у нихъ. Эти чувства замѣняла у нихъ животная уступчивость проституттокъ или грубая искусствен-

ная веселость. Не питая никаких надеждъ на измѣненіе своей участи, даже не представляя себѣ другой жизни, онѣ не тратили своихъ силъ на безплодныя мечтанія и надежды. Иногда на дорогѣ встрѣчались старики и старухи, ковылявшіе съ трудомъ. Они точно пчелы, неуспѣвшія во время умереть и застигнутыя зимой, осуждены были на медленное угасаніе въ холодныхъ сумеркахъ своей старости.

Въ самомъ центрѣ дороги Тиме увидала телѣгу съ боченками пива, запряженную тремя сильными лошадьми. Возница, точно какое-то божество, возсѣдалъ на высокомъ сидѣніи, не спуская глазъ съ лошадей. Сзади дремалъ его товарищъ. Телѣга ѣхала медленно, грохоча колесами, точно подраживая видомъ своего чудовищнаго груза людей, для которыхъ въ этомъ грузѣ заключались всѣ радости и все счастье ихъ мрачнаго существованія.

Молодые люди дошли до перекрестка и остановились. Пробѣгая дорога раздѣлялась въ этомъ мѣстѣ.

— Отсюда дорога ведетъ прямо въ Кенсингтонъ, — сказалъ Мартинъ. — Дальше уже нѣтъ ничего интереснаго, пока мы не дойдемъ до Собачьей улицы.

Тиме съ содроганіемъ прошептала:

— Мартинъ, я больше не могу!.. Пойдемъ куда-нибудь на свѣжій воздухъ. Эта грязь душитъ меня...

Она приложила руку къ груди.

— Пойдемъ по этой дорожкѣ, — сказалъ онъ.

Они повернули налѣво, по дорогѣ, обсаженной деревьями. Наконецъ-то, Тиме могла вздохнуть свободно. Она вновь подняла голову и, заломивъ руки, воскликнула:

— Мартинъ, что-нибудь должно быть сдѣлано!

Молодой докторъ ничего не отвѣчалъ. Лицо его сохраняло прежнее слегка насмѣшливое выраженіе. Онъ только сжалъ руку своей спутницы и взглянулъ на нее съ полуснисходительной улыбкой.

XV.

Второе паломничество въ Собачью улицу.

Мартинъ Стонъ и его спутница прямо направились къ мистриссъ Хюггсъ. Они нашли ее за стиркой бѣлья для ребенка. Въ каминѣ былъ разведенъ скудный огонь и мистриссъ Хюггсъ развѣшивала передъ нимъ крошечныя дѣтскія вещи, руки у нея были обнажены, глаза и лицо покраснѣли и на рукахъ виднѣлись слѣды соды и засохшаго мыла. Ребенокъ сидѣлъ, привязанный къ подушкѣ, и надъ нимъ висѣло отцовское ружье и олеографія, изображающая рожденіе

Спасителя. Въ воздухѣ носился запахъ мокраго бѣлья, сырыхъ стѣнъ и селенокъ и какъ то инстинктивно чувствовалось, что тутъ свили себѣ гнѣздо горе и нужда.

Молодые люди усѣлись на подоконникѣ.

— Можно открыть окно, мистриссъ Хюггсъ?—спросила Тиме,—или это повредитъ ребенку?

— Нѣтъ, миссъ.

— Что такое съ вашими руками?—спросилъ Мартинъ.

Швея промолчала, погрузивъ свои руки въ мыльную пѣну, окружавшую дѣтское платице, которое она стирала.

— Подождите. Я хочу посмотрѣть, — сказалъ Мартинъ.

Мистриссъ Хюггсъ подняла руки. Кисти опухли и побѣлѣли.

— Звѣрь!—воскликнула Тиме.

— Это сдѣлано вчера,—проговорилъ Мартинъ.—Вы не прикладывали арники?

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, конечно,—пробормоталъ врачъ, вынимая изъ кошелька шесть пенсовъ и кладя ихъ на подоконникъ.—Купите арники и приложите ее къ рукѣ. Только смотрите, не повредите кожи.

Тиме не выдержала.—Отчего вы не уйдете отъ него, мистриссъ Хюггсъ?—вскричала она.—Какъ вы можете жить съ такимъ звѣремъ?

Мартинъ нахмурился.

— Была у васъ вчера какая нибудь особенная стычка?—спросилъ онъ.—Или какъ обыкновенно?

Мистриссъ Хюггсъ повернула лицо къ огню. Ея плечи вадрагивали. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, затѣмъ она снова принялась стирать платице.

— Если вамъ это не помѣшаетъ, то я закурю,—сказалъ Мартинъ.—Какъ зовутъ вашего младенца? Билль?.. Ну-ка, Билль, посмотри на меня!—Онъ протянулъ ребенку палецъ, который тотъ схватилъ.—Вы сами его кормите?

— Да, сэръ.

— Онъ который у васъ по счету?

— Я потеряла троихъ, сэръ. Остался только его братъ

Стенли.

— Вы имѣли каждый годъ по ребенку?

— Нѣтъ, сэръ. Я пропустила два года... изъ-за войны.

— Хюггсъ былъ раненъ?

— Да, сэръ, въ голову.

— А!... Ну, а лихорадкой онъ также хворалъ?

— Да, сэръ.

Мартинъ притронулся концомъ трубки ко лбу и сказалъ:—Должно быть, винные пары частенько попадаютъ ему сюда?

Мистриссъ Хюггсъ ничего не отвѣтила. Она выжимала платице, но ея заплаканное лицо выражало досаду на то, что для ея мужа подыскиваютъ какія-то извиненія.—Онъ не долженъ былъ бы такъ обращаться со мной,—прошептала она.

Всѣ трое стояли около кровати, на которой торжественно возсѣдалъ ребенокъ.

— Я бы не обращала на него вниманія, мистриссъ Хюггсъ, я бы не осталась съ нимъ ни одной минуты, если бъ я была на вашемъ мѣстѣ!—воскликнула Тиме.—Это ваша обязанность, какъ женщины!

Услышавъ напоминаніе о ея обязанностяхъ, мистриссъ Хюггсъ обернулась. На ея исхудаломъ лицѣ появилось мстительное выраженіе и она тихо отвѣтила:

— Да, миссъ? Но я не знаю, что мнѣ дѣлать?

— Возьмите дѣтей и уходите. Какая польза въ ожиданіи? Мы вамъ дадимъ денегъ, если у васъ ихъ недостаточно.

Мистриссъ Хюггсъ молчала.

— Согласны? — спросилъ Мартинъ, выпуская клубы дыма.

— Сейчасъ же уходите, какъ только вашъ мальчуганъ вернется изъ школы,—продолжала съ жаромъ Тиме.—Хюггсъ никогда васъ не найдетъ. Это будетъ хорошій урокъ для него. Ни одна женщина не должна терпѣливо сносить то, что вы переносите отъ него. Это недостойно.

Мистриссъ Хюггсъ густо покраснѣла и вдругъ разразилась цѣлымъ потокомъ словъ.

— Да!—вскричала она. — И оставить его этой молодой дѣвушкѣ, предоставить ему погрязнуть въ пороки! Послѣ того, какъ я была его женой восемь лѣтъ и родила ему пятерыхъ дѣтей! Послѣ всего того, что я сдѣлала для него! Я никогда не желала лучшаго мужа, чѣмъ онъ былъ для меня, пока не явилась она, эта блѣднолицая дѣвушка, со своимъ важнымъ видомъ и полуоткрытыми губами, ясно указывающими что она такое! Пусть она остается со своимъ ремесломъ! Пусть позируетъ голая,—она только для этого и годится! Пусть къ ней ходятъ сюда приличные люди!...—Мистриссъ Хюггсъ потрясала кулаками, подступая къ Тиме, такъ, что та невольно отскочила отъ нея.—Онъ никогда прежде не билъ меня! Эти побои я получила изъ-за ея новаго платья,—прокричала она.

Ребенокъ, испуганный голосомъ матери, заревѣлъ. Ми-

стриссъ Хюггсъ тотчасъ же взяла его на руки и прижала его къ своей истощенной груди.

— Мои руки распухли, оттого что я боролась съ нимъ прошлую ночь,—проговорила она нѣсколько спокойнѣе.— Онъ клялся, что уйдетъ и бросить меня. Но я держала его. И вы думаете, что я пушу его къ этой молодой дѣвушкѣ? Нѣтъ! Пусть онъ раньше убьетъ меня!...

Въ этихъ словахъ какъ будто вылилась вся страсть, накопившаяся въ ея сердцѣ, и лицо ея снова приняло выраженіе тупой покорности и смиренія.

Во время этой вспышки Тиме отошла къ дверямъ и стояла у дверей, опутивъ глаза. Но когда мистриссъ Хюггсъ замолчала, Тиме взглянула на Мартина, и въ глазахъ ея выразилась просьба уйти скорѣе. Однако Мартинъ смотрѣлъ не на нее, а на мистриссъ Хюггсъ, спокойно покуривая свою трубку. Наконецъ, онъ вынулъ ее изъ рта и, указавъ на ребенка, сказалъ:

— Этому маленькому джентльмену не очень-то полезно выносить такія вещи.

Всѣ трое взглянули на ребенка. Онъ такъ прижался къ груди матери, вцѣпившись въ нее своими слабыми рученками и кривыми ножками и зарывшись головкой въ ея платье, какъ будто хотѣлъ продѣлать когда-нибудь отверстіе въ ея тѣлѣ, чтобы скрыться въ немъ отъ жизни. Въ этомъ стремленіи вернуться въ лоно матери было что-то необыкновенно жалкое, словно какое-то тупое отчаяніе. Это маленькое созданіе еще такъ мало прожило на свѣтѣ, но и этого оказалось уже достаточно для него. Мартинъ опять взялъ трубку въ ротъ и проговорилъ:

— Вы понимаете? Такъ не годится! Ребенокъ не выдержитъ! Если вы не будете въ состояніи кормить его, то я ни на мгновеніе не поручусь за его жизнь. Судите сами, что ожидаетъ васъ, если вы будете продолжать такъ волноваться!..

Съ этими словами онъ сдѣлалъ знакъ Тиме, и они вмѣстѣ вышли изъ комнаты.

XVI.

Подъ вязами.

Весна была въ полномъ разгарѣ. Она была въ сердцахъ людей и во всѣхъ растеніяхъ, которыя ярко зеленѣли и наливалось сокомъ. Ощущеніе полноты жизни, прилива новыхъ силъ заслоняло все остальное и все казалось такимъ ничтожнымъ передъ этимъ возрожденіемъ природы.

Весна заставляла стариковъ оглядываться на молодыхъ женщинъ, а молодыхъ мужчинъ и женщинъ, идущихъ рядомъ, тѣснѣе прижиматься другъ къ другу.

Въ широкой аллеѣ, подъ вязами, всѣ скамьи были заняты людьми, грѣвшимися на солнышкѣ. Старые генералы и нянюшки съ дѣтьми, пасторы и безработные сходились въ этомъ мѣстѣ, чтобы подышать весеннимъ воздухомъ и полюбоваться видомъ зеленѣющихъ деревьевъ. Мартинъ и Тиме тоже присѣли тутъ отдохнуть. Но въ ихъ манерахъ уже не было ни того спокойствія, ни той безопасности, съ которою они начали свою прогулку.

— Тебя это потрясло,—сказалъ Мартинъ.—Видъ крови всегда такъ дѣйствуетъ, съ непривычки... И ты такая же, какъ другія...

— Я не такая, Мартинъ!—воскликнула Тиме.—Какъ тебѣ не стыдно!

— Такая же,—подтвердилъ онъ спокойно.—Въ васъ всѣхъ много эстетизма, масса благихъ намѣреній, но на настоящее дѣло вы не способны.

— Пожалуйста, не обижай моихъ родныхъ. Они такъ же добры, какъ ты...

— О, конечно, они добры! И они отлично видятъ зло, понимаютъ его. И отнюдь не недостатокъ сознанія мѣшаетъ имъ дѣйствовать. Но твой отецъ чиновникъ. Онъ такъ много думаетъ о томъ, чего онъ не долженъ дѣлать, что никогда ничего не дѣлаетъ, такъ же какъ и Гилэри, который слишкомъ много думаетъ о томъ, что онъ долженъ дѣлать, и поэтому тоже никогда ничего не дѣлаетъ. Вотъ и ты! Ты явилась сегодня къ этой женщинѣ съ совершенно опредѣленными идеями и, когда увидѣла, что факты не таковы, какъ ты воображала, — ты сейчасъ же и растерялась.

— Нельзя вѣрить всему, что они рассказываютъ. Вотъ что мнѣ противно. Я думала, Хюггсъ просто бьетъ ее. Я не подозрѣвала, что ея ревность...

— Разумѣется, ты не могла это подозрѣвать. Ты думаешь это. Люди такъ же легко обнаруживаютъ свои чувства, какъ мы? Они не дѣлаютъ этого, если не бываютъ къ этому вынуждены.

— Ну, хорошо! Но мнѣ все это противно. Это такая грязь!

— О Господи!

— Конечно. У меня нѣтъ никакого желанія помогать женщинѣ, которая можетъ такъ говорить и чувствовать, или этой дѣвушкѣ, или кому бы то ни было изъ нихъ!

— Что тебѣ за дѣло до того, что они говорятъ и чув-

отвуютъ! Вовсе не это нужно. Тутъ просто говорить здравый смыслъ. Твои родные посадили туда эту дѣвушку. Теперь они же должны позаботиться, чтобы она ушла отсюда. Тутъ весь вопросъ въ томъ, что нужно для здоровья.

— Я не знаю, здорово ли это или нѣтъ, но только я не желаю имѣть никакого дѣла съ этими людьми. Я не думаю, чтобы ты могъ помогать людямъ, если они твоей помощи не хотятъ.

Мартинъ свистнулъ.

— Ты грубъ,—замѣтила Тиме съ неудовольствіемъ.

— Грубъ лишь съ виду. Въ этомъ вся разница.

— Къ худшему.

— Не думаю... Тиме!

Она не отвѣчала.

— Посмотри на меня,—сказалъ онъ.

Тиме медленно подняла на него глаза.

— Ты съ нами, или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Конечно.

— Нѣтъ!

— Да!

— Ну, хорошо. Не будемъ спорить объ этомъ. Дай мнѣ твою руку.

Онъ взялъ ея руки, и лицо его слегка покраснѣлось.

Вдругъ она освободила свои руки.

— Здѣсь дядя Гилэри,—сказалъ она.

Дѣйствительно, по аллеѣ шелъ Гилэри въ сопровожденіи Миранды. Онъ заложилъ руки за спину и, слегка согнувшись, смотрѣлъ въ землю. Мартинъ и Тиме провожали его взглядомъ.

— По обыкновенію, онъ погруженъ въ самосозерцаніе,—прошепталъ Мартинъ.—Онъ всегда такъ гуляетъ. Я пойду, расскажу ему...

— Не надо!—воскликнула Тиме, густо покраснѣвъ.

— Отчего?

— Оттого что эти новыя...—Она хотѣла сказать: „платья“, но остановилась.

Гилэри направлялся къ ихъ скамейкѣ, не замѣчая ихъ, но Миранда, увидѣвъ Мартина, остановилась. Собаченка помнила, что этотъ „человѣкъ дѣйствія“ однажды выдралъ ее за уши и поэтому, хотя и безсознательно, но все-таки старалась увлечь своего господина въ другую сторону. Однако, Гилэри уже увидѣлъ свою племянницу и пошелъ прямо къ ней.

— Вы намъ были нужны,—обратился къ нему Мартинъ, когда онъ сѣлъ рядомъ съ Тиме. — Мы были только что у Хьюгсовъ въ Собачьей улицѣ. Тамъ готовится кризисъ.

Мартъ. Отдѣлъ I.

Вы, или, я не знаю, кто, помѣстили туда эту дѣвушку и теперь вы должны убрать ее оттуда, какъ можно скорѣе.

— Разскажите, въ чемъ дѣло?—сказаль Гилэри, но лицо его стало непроницаемымъ.

— Эта женщина ревнуетъ ее. Вся бѣда отъ этого.

— Только отъ этого?—переспросилъ Гилэри.

— Я не знаю, что тутъ можетъ сдѣлать дядя Гилэри,—вмѣшалась Тиме.—Если они такіе ужасные... Право, я не думала, что бѣдники могутъ быть такъ непріятны! Я увѣрена, что ни эта женщина, ни эта дѣвушка не стоятъ нашего участія...

— Я вовсе и не говорю, что онѣ стоятъ этого,—проворчалъ Мартинъ.—Весь вопросъ тутъ въ здоровьѣ.

Гилэри посмотрѣлъ на обоихъ и сказалъ:

— Я вижу. Но дѣло это очень щекотливое.

Мартинъ презрительно усмѣхнулся.

— Ахъ, ваша всегдашняя деликатность!—воскликнулъ онъ.—Что пользы въ ней? Что хорошаго она сдѣлала? Это проклятіе, отъ котораго вы всѣ страдаете. Отчего вы не можете дѣйствовать? Вы можете потомъ раздумывать объ этомъ!

Впалыя щеки Гилэри слегка вспыхнули.

— А ты развѣ никогда не думаешь раньше, чѣмъ дѣйствуешь, Мартинъ?—замѣтилъ Гилэри.

Мартинъ поднялся съ мѣста и всталъ передъ Гилэри.

— Видите ли,—сказаль онъ.—Я никогда не интересуюсь вашими тонкостями. Я пользуюсь своими глазами и носомъ. Я вижу, что эта женщина не въ состояніи будетъ выкормить своего ребенка, если она будетъ постоянно находиться въ такомъ нервномъ состояніи. Тутъ вопросъ о здоровьѣ для обоихъ, матери и ребенка.

— Неужели для тебя все имѣетъ интересъ только съ точки зрѣнія здоровья, Мартинъ?—спросилъ Гилэри.

— Конечно. Возьмите кого угодно, хотя бы тѣхъ же бѣдняковъ. Чего имъ не хватаетъ? Здоровья, ничего другого, кромѣ здоровья! Изобрѣтенія и открытія разрушили старый порядокъ, на которомъ все держалось, и мы должны создать новый порядокъ,—порядокъ здоровья. Толпа еще не понимаетъ, что ей нужно, но она ищетъ, и когда мы покажемъ ей, въ чемъ она нуждается, то она ухватится за это.

— Кто это „мы“?—спросилъ Гилэри.

— Кто „мы“? Слушайте. Въ то время, какъ всѣ реформаторы заклеываютъ другъ друга, мы спокойно идемъ за ними. Мы просто уяснили себѣ тотъ элементарный фактъ, что никакія теоріи не могутъ служить базисомъ для ре-

формъ. Мы дѣйствуемъ, только основываясь на указаніяхъ нашихъ глазъ и носа. Если то, что мы видимъ или обоняемъ, плохо, то мы стараемся исправить это при помощи практическихъ и научныхъ способовъ.

— Что жъ, вы этотъ способъ примѣняете и къ человѣческой природѣ?

— Въ природѣ человѣка нуждаться прежде всего въ здоровьѣ.

— Что-то не похоже на это!

— Возьмемъ, напримѣръ, случай съ этой женщиной...

— Хорошо, — сказалъ Гилэри. — Но врядъ ли вы докажете мнѣ, что тутъ все дѣло въ здоровьи, Мартинъ.

— Слушайте. Женщина ничего не стоитъ; она вообще плоха. Мужъ ея тоже, человѣкъ раненый въ голову и не ведущій трезваго образа жизни, — это конченый человѣкъ. Дѣвушка тоже ничего не стоитъ. Обыкновенный типъ, любящій удовольствія...

Замѣтивъ, что Тиме покраснѣла, Гилэри закусилъ губы.

— Единственное, что заслуживаетъ вниманія, это — дѣти, — продолжалъ Мартинъ. — Тутъ есть на лицо ребенокъ и, слѣдовательно, самое главное, это — чтобы мать могла какъ слѣдуетъ присматривать за ребенкомъ. Обратите вниманіе только на это, а все остальное предоставьте собственной судьбѣ.

— Извините меня, но я никакъ не могу отдѣлать вопросъ о здоровьѣ ребенка отъ всѣхъ остальныхъ вопросовъ и обстоятельствъ этого случая, — возразилъ Гилэри.

Мартинъ зло засмѣялся.

— Ну, конечно, — сказалъ онъ. — Вы найдете въ этомъ извиненіе для ничего недѣланія!

Тиме взяла за руку Гилэри и, обратившись къ Мартину, воскликнула: — Ты грубое животное!

Мартинъ поглядѣлъ на нее, словно хотѣлъ сказать ей: „Я нисколько не обижаюсь этимъ. Я даже горжусь этимъ названіемъ. При томъ же, вѣдь и тебѣ нравится эта грубость!“

— Лучше быть грубымъ, нежели ничего не дѣлающимъ дилетантомъ! — проговорилъ онъ.

Тиме еще тѣснѣе прижалась къ дядѣ, словно хотѣла защитить его, и воскликнула: — Ты — просто варваръ, Мартинъ!

— Ничуть! — сказалъ Гилэри, улыбаясь, но въ лицѣ его что-то дрогнуло. — Діагностическій талантъ Мартина только дѣлаетъ ему честь. — Приподнявъ шляпу, Гилэри простился съ ними и продолжалъ свою прогулку.

Молодые люди тоже встали и смотрѣли вслѣдъ удаляв-

шемуся Гилэри. Лицо Мартина выражало раскаяніе и досаду, а Тиме готова была заплакать.

— Это не причинить ему никакого вреда!—сказалъ Мартинъ.—По крайней мѣрѣ, онъ встряхнется.

Тиме съ негодованіемъ посмотрѣла на него.

— Я иногда ненавижу тебя, Мартинъ!—воскликнула она.—Ты такъ грубъ... Ты нечувствителенъ, какъ толстокожее животное...

Мартинъ схватилъ ее за руку..

— А у тебя кожа слишкомъ чувствительна. Всѣ вы одинаковы, дилетанты!

— Предпочитаю быть дилетантомъ, нежели грубымъ.

Мартина какъ-то передернуло, но онъ все таки улыбнулся, и эта улыбка окончательно вывела изъ себя Тиме. Она вырвала у него руку и побѣжала вдогонку Гилэри.

Мартинъ невозмутимо посмотрѣлъ ей вслѣдъ, затѣмъ досталъ свою трубочку и началъ методически набивать ее табакомъ, осторожно придерживая своимъ мизинцемъ желтыя волокна. Закуривъ трубку, онъ всталъ и пошелъ домой.

XVII.

Два брата.

Если Стефану Даллисонъ не удавалось найти партнеровъ для игры въ мячъ по субботамъ, то онъ отправлялся въ клубъ и читалъ тамъ журналы. И то, и другое было для него необходимымъ упражненіемъ, сохраняющимъ крѣпость его тѣла и бодрость ума. Онъ былъ хорошимъ работникомъ, хорошимъ мужемъ, хорошимъ отцомъ и ничего нельзя было сказать про него, кромѣ того, что онъ всегда былъ аккуратенъ и что онъ никогда не измѣнялъ себѣ ни въ чемъ. Между нимъ и его женой всегда существовало полное единеніе. Они оба желали имѣть только одного ребенка—не больше: оба не хотѣли отставать отъ времени, но боялись заходить далеко, и оба теперь находили положеніе Гилэри очень неловкимъ. Когда Сесилія, лежа рядомъ съ мужемъ въ огромной супружеской кровати, рассказала ему о Хюггсахъ, то потомъ они еще долго разговаривали объ этомъ самымъ постепеннымъ и серьезнымъ тономъ. Стефанъ былъ того мнѣнія, что Гилэри самъ долженъ намѣтить себѣ линію поведенія въ этомъ вопросѣ. Стефанъ не рѣшался дѣлать заключеній и даже скрылъ отъ своей жены свои опасенія. Сесилія же повторила ему то, что она сказала Гилэри. „Это такое грязное дѣло, Стефанъ!“—воскликнула она, но тутъ

же оба, точно по предварительному соглашенію, рѣшили:
„Все это глупости!“

Въ сущности, чѣмъ отличался этотъ эпизодъ отъ тѣхъ, о которыхъ Сесилія ежедневно читала въ газетахъ или которые встрѣчала въ романахъ и въ драмахъ? Но онъ противорѣчилъ ея идеаламъ добродѣтели и хорошаго вкуса, и поэтому ея семья не могла быть замѣшана въ такомъ дѣлѣ. Если же онъ все таки касался ея семьи, то ей ничего не оставалось, какъ считать это пустяками.

Такъ было, пока не пришла Тиме отъ своего дѣдушки, котораго она зашла навѣстить. Она рассказала о новомъ хорошенькомъ платьѣ маленькой натурщицы. Она сообщила объ этомъ за обѣдомъ, который, какъ всегда, былъ очень обдуманъ, такъ какъ Сесилія заботилась о томъ, чтобы Стефанъ ѣлъ только то, что было полезно его здоровью, и не получалъ обильной пищи, что могло бы вредно отразиться на его организмѣ. Точно по молчаливому соглашенію всѣ усадились въ свои тарелки, и никто ни сдѣлалъ ни одного замѣчанія по поводу рассказа Тиме. Какъ-то невольно всѣмъ пришли въ голову слова: „грязное дѣло“, но никто ничего не сказалъ.

Разрѣзывая дичь на своей тарелкѣ, Стефанъ думалъ: „Если Гилэри дѣйствительно даетъ ей деньги и платья и тому подобныя вещи, то онъ гораздо хитрѣе, чѣмъ я думалъ. Или тутъ что-нибудь не такъ! Би сама виновата въ этомъ, но, разумѣется, это не удержитъ Хюггса. Полагаю, что этому субъекту просто нужны деньги... Проклятіе!..“

Размышленія Сесилии были нѣсколько иного рода:

„Я знаю, что эта дѣвушка не могла купить себѣ платья изъ своего собственнаго заработка. Я думаю, что она порядочная дрянь. Мнѣ непріятно это думать, но что же дѣлать! Не могъ Гилэри поступить такъ глупо послѣ всего того, что я говорила ему! Если же она такая гадкая, то это очень облегчаетъ дѣло. Только Гилэри какъ разъ принадлежитъ къ тому сорту людей, которые никогда не вѣрятъ дурному! Что дѣлать?..“

Очень трудно было такимъ людямъ, какъ Стефанъ и его жена, и вообще людямъ ихъ круга и класса, несмотря на всѣ свои благія намѣренія, дѣйствительно понять существованіе своихъ „тѣней“. Они видѣли эти „тѣни“ на тротуарахъ улицы, знали, что эти люди живутъ, потому что видѣли ихъ собственными глазами, но они не чувствовали ихъ, такъ какъ ихъ отдѣляла тщательно сотканная социальная сѣть. Стефанъ и Сесилія, и тысячи имъ подобныхъ, смотрѣли на эти „тѣни“, какъ на „народъ“, знали ихъ, какъ обитателей трущобъ, какъ населеніе округовъ, гдѣ суще-

ствуютъ разныя отрасли изнуряющей промышленности, какъ рабочихъ и людей, которые могутъ выполнять для нихъ разнаго рода непріятныя работы. Но какъ человѣческія существа, обладающія страстями и способностями, они имъ не были извѣстны. Начало этого взаимнаго непониманія надо было бы искать во мракѣ отдаленныхъ поколѣній, но причина все таки была до такой степени ясна и проста, что о ней никто даже не упоминалъ. Люди класса и круга Сесилии и Стефана отлично сознавали въ тайникахъ своей души, что хотя они могутъ давать деньги, посвящать свое время, говорить разныя хорошія слова, но сердца ихъ всегда останутся закрытыми, если... если они не закроютъ своихъ глазъ, ушей и носовъ! Этотъ ничтожный фактъ самъ по себѣ былъ важнѣе всѣхъ философскихъ ученій, всѣхъ парламентскихъ актовъ и проповѣдей, которые когда-либо произносились на эту тему. Онъ раздѣлялъ классъ отъ класса, человѣка отъ его „тѣни“, такъ же ненамѣнно, какъ великій основной законъ, отдѣлившій свѣтъ отъ тьмы...

Въ эту ночь Стефанъ, проработавъ долго надъ проектомъ закона о банкротствѣ, съ большими предосторожностями вошелъ въ супружескую спальню и легъ въ постель, очень довольный, что не разбудилъ Сесилии. Но Сесилия не спала, она только не подавала вида мужу, замѣтивъ всѣ его предосторожности. Однако это внушило ей мысль, что Стефанъ пришелъ къ какому-нибудь заключенію, и она долго не могла заснуть отъ безпокойства.

Стефанъ, дѣйствительно, всесторонне обдумалъ это дѣло. Онъ нѣсколько разъ произвелъ мысленный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ ему фактовъ. Онъ зналъ, что Біанка и Гилери (объ этомъ сообщила ему Сесилия) прекратили супружескія отношенія по неизвѣстной причинѣ. Онъ зналъ, что Гилери принимаетъ участіе въ маленькой натурщицѣ, тоже по неизвѣстной причинѣ. Но за то извѣстно было, что она бѣдна, что Стонъ даетъ ей работу, и она живетъ у мистриссъ Хьюгсъ и что у нея появились новыя платья! Однако Стефанъ, обдумывая эти факты, все таки пришелъ къ заключенію, что его братъ могъ быть не виноватъ, но что во всякомъ случаѣ онъ поступилъ неосторожно. Впрочемъ, это его дѣло, и Стефанъ очень хотѣлъ считать все это дѣло не стоющимъ вниманія и думать, что ничего изъ этого не произойдетъ. Однако онъ не могъ. Во-первыхъ, ему мѣшала присущая ему любовь къ аккуратности и порядку. Онъ хотѣлъ, чтобы всегда все было на своемъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, онъ чувствовалъ недоумѣніе и отвращеніе къ Біанкѣ и, въ-третьихъ, у него было глубокое убѣжденіе, несмотря на всю свою симпатію къ низшимъ классамъ, что они всегда хотятъ что-нибудь получить. Всѣ

вопросъ былъ въ томъ, сколько они хотятъ получить и благоразумно ли вообще давать имъ что-нибудь? Въ концѣ концовъ Стефанъ рѣшилъ, что это было бы неблагоразумно. Но какъ поступить тогда—онъ не зналъ, и это мучило его. Онъ страшился всякаго скандала и, кромѣ того, очень любилъ брата. Если бъ знать, по крайней мѣрѣ, какъ будетъ вести себя Біанка! Но онъ совершенно не могъ предугадать это.

И вотъ поэтому, въ субботу, сидя въ клубѣ, онъ вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ чтенію журналовъ. Онъ испытывалъ какое-то нервное безпокойство и рѣшилъ прямо отправиться домой.

На порогѣ своего собственнаго дома онъ столкнулся съ братомъ, который выходилъ оттуда.

— Я только что встрѣтилъ Тиме и Мартина въ паркѣ,—сказалъ ему Гилэри.—Тиме притащила меня сюда съ собой завтракать, и я просидѣлъ до этихъ поръ.

— И этого молодого „санитиста“ она такъ же взяла съ собой?—спросилъ Стефанъ нѣсколько недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ.

— Очень радъ. Этотъ молодой человѣкъ дѣйствуетъ на мои нервы.

Потомъ, взявъ своего старшаго брата подъ руку, Стефанъ сказалъ:

— Не хочешь ли вернуться? Или, можетъ быть, ты пойдешь со мною прогуляться?..

— Прогуляться?—спросилъ съ удивленіемъ Гилэри.

Несмотря на то, что они были такъ непохожи другъ на друга, а можетъ быть, именно поэтому, оба брата были искренно привязаны другъ къ другу. Они могли иногда возмущаться другъ противъ друга, но никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ они ни могли бы измѣнить другъ другу.

Предшествуемые Мирандой, которая бѣжала впереди, они пошли мимо цвѣточныхъ клумбъ къ парку, разговаривая о разныхъ индифферентныхъ вещахъ, хотя въ душѣ каждый угадывалъ, о чемъ думаетъ другой.

Стефанъ заговорилъ первый.

— Сисси сказала мнѣ, что этотъ субъектъ... Хюггсъ причиняетъ какія-то непріятности.

Гилэри кивнулъ головой.

Стефанъ съ нѣкоторою тревогой посмотрѣлъ на брата, и онъ показался ему не такимъ, какъ прежде, менѣе индифферентнымъ и даже менѣе кроткимъ, чѣмъ обыкновенно.

— Онъ, должно быть, порядочный негодай, не такъ ли?—спросилъ Стефанъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Гилэри.— Не думаю.

— Навѣрное, такъ, дружище,—сказалъ Стефанъ и, ласково пожавъ руку брата, прибавилъ:—Слушай! Не могу ли я быть тебѣ полезенъ?

— Въ чемъ?—спросилъ Гилэри.

— А въ томъ, про что говорить этотъ негодяй!

— Нѣтъ,—возразилъ Гилэри.— Тутъ ничего нѣтъ или есть нѣчто совсѣмъ другое, а не то, что предполагаютъ люди.

Стефану не понравилось это замѣчаніе. Онъ увидѣлъ, что Гилэри угадалъ его подозрѣнія, и это ему было непріятно.

— Ты не долженъ терять головы, дружище,—сказалъ онъ.

Они проходили въ это время по мосту. Внизу молодыя парочки катались на яликахъ, и при каждомъ взмахѣ весель сверкали брызги воды, отражая солнечные лучи. Гилэри облокотился на перила.

— Слушай, Стефанъ!—сказалъ онъ.—Я принимаю участіе въ этомъ ребенкѣ. Это такое безпомощное, маленькое созданіе, и она, повидимому, отдала себя подъ мое покровительство. Я ничего тутъ не могу подѣлать. Но это все! Ты понимаешь?

Эти слова подняли цѣлую бурю въ душѣ Стефана, точно его братъ обвинилъ его въ какихъ-то низменныхъ взглядахъ. Чувствуя потребность оправдаться, онъ поспѣшилъ отвѣтить.

— Конечно, я понимаю, дружище. И не думай, пожалуйста, что я бы придалъ этому какое-либо значеніе, если бы ты даже зашелъ далеко въ этомъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, это твое дѣло. Я имѣю въ виду лишь общее положеніе вещей.

Изложивъ, такимъ образомъ, свою точку зрѣнія, Стефанъ нѣсколько успокоился, такъ какъ ему казалось, что онъ возстановилъ въ глазахъ своего брата репутацію человѣка либеральнаго образа мыслей. Нѣкоторое время оба брата молчали. Стефанъ тоже облокотился на перила моста, рядомъ съ Гилэри и смотрѣлъ на ныряющихъ въ водѣ утокъ. Наконецъ, Гилэри снова заговорилъ:

— Если Біанка не позаботится о томъ, чтобы помѣстить этого ребенка куда-нибудь въ другое мѣсто, то это сдѣлаю я.

Стефанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата. Онъ произнесъ эти слова съ какою-то несвойственной ему рѣшительностью.

— Милый мой,—возразилъ Стефанъ,—я бы не сталъ обращаться съ этимъ къ Би. Женщины такія странныя созданія.

Гилэри улыбнулся. Стефанъ заключилъ изъ этого, что къ Гилэри вернулся его прежній индифферентизмъ.

— Мнѣ кажется, было бы лучше для тебя сразу порѣшить это дѣло. Предоставь это сдѣлать Сисси, — сказалъ Стефанъ.

Глаза Гилэри гнѣвно сверкнули.

— Покорно благодарю! — замѣтилъ онъ. — Но я нахожу, что это только наше дѣло!

— Поэтому-то тебѣ и трудно все сообразить, — поспѣшно возразилъ Стефанъ. — Этотъ Хюггсъ можетъ вести себя очень неприлично. Я бы ни за что не сталъ доставлять ему поводъ... Я говорю о покункѣ платья для этой дѣвушки и т. д.

— Я знаю, — сказалъ Гилэри.

— Ну, вотъ видишь ли! Я не думаю, чтобы Біанка взглянула на эти вещи съ твоей точки зрѣнія. Если бь... если бь между вами существовало согласіе, тогда другое дѣло! Кажется, эта дѣвушка довольно привлекательна... въ своемъ родѣ, конечно!..

Гилэри надѣло стоять и смотрѣть на воду, и онъ повернулъ въ другую сторону. Стефанъ старался не глядѣть на него. Уваженіе, которое невольно внушалъ ему Гилэри, какъ то особенно давало себя чувствовать, и это было ему непріятно. Съ каждымъ словомъ этого разговора онъ чувствовалъ, что почва ускользаетъ у него.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Гилэри спросилъ:

— Ты не довѣряешь моей способности дѣйствовать?

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно возразилъ Стефанъ. — Но я вообще не хочу, чтобы ты дѣйствовалъ.

Гилэри засмѣялся, но Стефанъ почувствовалъ, сколько горечи заключается въ этомъ смѣхѣ, и ему стало больно.

— Во всякомъ случаѣ, дружище, мы вѣдь можемъ полагаться другъ на друга, не правда ли? — сказалъ онъ.

Гилэри крѣпко пожалъ руку брата и, растроганный этимъ пожатіемъ, Стефанъ воскликнулъ:

— Меня возмущаетъ, что тебѣ приходится имѣть непріятности изъ-за такого гадкаго дѣла!

Свистъ автомобиля, быстро приближавшагося къ нимъ, заставилъ ихъ оглянуться, и они услышали голосъ: „Какъ вы поживаете?“ Мистеръ Пюрсей, приложивъ руку къ шляпѣ, привѣтствовалъ ихъ. Онъ промчался мимо, оставивъ за собою сильный запахъ бензина.

— Знаешь ли, — заговорилъ Стефанъ, — я все-таки думаю, что дѣло это — сущіе пустяки.

— Нѣтъ, — возразилъ Гилэри, — это нѣчто большее. Я не хочу тебя тревожить, но полагаю, что какъ ты, такъ и нашъ

юный пріятель Мартинъ, слишкомъ мало придаете значенія эмоциональной сторонѣ человѣческой природы.

На лицѣ Стефана отразилось сильное безпокойство.

— Я не понимаю, — пробормоталъ онъ.

— Мы вѣдь не машины, — сказалъ Гилэри. — Можетъ быть, и тутъ ты найдешь своего рода теплоту, если не силу... Откровенно говорю тебѣ, что я не совѣмъ безнаказанно переношу свое брачное одиночество. Я, въ самомъ дѣлѣ, не могу отвѣчать ни за что! Лучше, чтобы ты зналъ это, Стефанъ. Вотъ и все.

Стефанъ замѣтилъ, что тонкія руки Гилэри дрожали, когда онъ говорилъ, и это сильнѣе всего встревожило его.

Они прошли къ берегу рѣки. Не глядя на брата, Стефанъ сказалъ спокойно: — Я не могу такъ просто смотрѣть на это, дружище. Я не могу видѣть, что ты попадаешь въ непріятную передѣлку. Для меня это невысказано.

Онъ замѣтилъ, что этотъ возгласъ, дѣйствительно идущій отъ сердца, растрогалъ брата. Теперь надо было только усилить впечатлѣніе.

— Ты такъ много значишь для насъ, — сказалъ Стефанъ, — Сисси и Тиме будутъ очень огорчены, если ты и Би...

Онъ запнулся. Гилэри смотрѣлъ на него, и по лицу его скользила легкая, ироническая усмѣшка. Стефану стало неловко. Онъ понялъ, что братъ угадалъ его желаніе извлечь пользу изъ своего порыва. Проницательность Гилэри раздражала его.

— Конечно, я не имѣю права давать тебѣ совѣты, — замѣтилъ онъ. — Но по моему, тебѣ слѣдуетъ бросить это дѣло. Дѣвушка не стоитъ твоего участія. Отправь ее въ это общество, какъ оно тамъ называется, которое устроила мистриссъ Талентсъ Смолльписъ...

Раздавшійся хохотъ заставилъ Стефана отвернуться. Онъ не привыкъ видѣть своего брата смѣющимся, и потому былъ пораженъ.

— Вотъ и Мартинъ, — сказалъ Гилэри, — онъ также хочетъ, чтобы это дѣло было рѣшено на строго гигиеническихъ основаніяхъ!

Уязвленный этими словами, Стефанъ съ горячностью возразилъ:

— Пожалуйста, не смѣшивай меня съ этимъ молодымъ „санитисомъ“! Я просто думаю, что очень многое относительно этой дѣвушки еще должно быть выяснено.

— А тогда?

— Тогда... тогда можно будетъ поступить съ нею соответствующимъ образомъ.

Это замѣчаніе такъ явно взволновало Гилэри, что Стефанъ поспѣшилъ прибавить:

— Ты, конечно, упрекнешь меня въ холодности. Но вѣдь ты, дружище, слишкомъ чувствителенъ!

Гилэри вдругъ остановился.

— Не сердись, Стиви,—сказалъ онъ,—но мы лучше тутъ разстанемся. Мнѣ надо все это хорошенько продумать...

Онъ повернулъ назадъ и усѣлся на скамью, противъ солнца.

Онъ долго смотрѣлъ на воду, но какъ будто ничего не видѣлъ. Стефанъ сильно разсердилъ его. Братъ такъ умѣетъ придать всему опредѣленный характеръ! Положимъ, каждому обыденному наблюдателю все это можетъ показаться очень смѣшнымъ. Что бы сказалъ о немъ такой человѣкъ, наприкладъ, какъ Пюрсей? Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не бросить все это, какъ совѣтуетъ Стефанъ?... Но тутъ Гилэри вступилъ на зыбкую почву чувства. Отказать въ дружеской поддержкѣ дѣвушкамъ, потому что это грозитъ ему самому непріятностями, было невысказано. Но развѣ онъ знаетъ, что она не имѣетъ друзей? Развѣ ему что-нибудь извѣстно о ней? Можетъ быть, у нея есть другіе ресурсы? Онъ вѣдь не знаетъ ея исторіи. Его врожденная деликатность не дозволяла ему распрашивать ее. Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ частную жизнь другихъ!

Дѣло осложнялось еще домашними непріятностями въ семьѣ Хюггса. Такой человѣкъ, какъ Гилэри, не могъ игнорировать этого.

Его размышленія остановились на Біанкѣ. Вѣдь она его жена! Каковы бы ни были его чувства къ ней, каковы бы ни были ихъ отношенія, онъ все же не долженъ ставить ее въ ложное положеніе. Онъ былъ далекъ отъ мысли причинять ей непріятность и хотѣлъ бы оградить ее, какъ и всякаго другого, отъ огорченій и отъ безпокойства. Онъ сказалъ Стефану, что интересъ, который онъ принимаетъ въ дѣвушкахъ, носить чисто покровительственный характеръ. Такъ и было въ дѣйствительности. Но съ той ночи, когда онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, залитую луннымъ свѣтомъ, онъ сталъ испытывать какое то странное чувство, точно человѣкъ, лежащій въ лихорадкѣ и прислушивающійся къ звукамъ отдаленной, чувственной и пріятной музыки.

Прохожіе, видѣвшіе Гилэри спокойно сидящимъ на скамьѣ, не подозрѣвали, конечно, какія чувства волнуютъ его, какія глубокія мысли стремились вырваться наружу и воплотиться въ дѣйствіяхъ. Гилэри сидѣлъ, не шевелясь и точно прислушиваясь къ внутренней работѣ, которая совершалась въ немъ...

XVIII.

Біанка.

Въ этотъ день Біанка стояла въ своей мастерской передъ картиной, изображающей „Тѣнь“. Она смотрѣла на фигуру маленькой натурщицы, на ея блѣднорозовыя полуоткрытыя губы и странные, блѣдноглубые глаза, выглядывающіе изъ тѣни въ полосу свѣта. Лицо Біанки было нахмурено; она какъ будто досадовала на то, что эта картина заслонила собой всѣ ея другія произведенія. Съ чего это ей вздумалось рисовать такую картину? Какія чувства волновали ее, когда эта дѣвушка позировала ей? Что заставило ее изобразить на полотнѣ эту полусвѣщенную фигуру, съ затаенной мольбой протягивающую руки? Не любовь и не ненависть руководили ею тогда, а лишь то непреодолимое побужденіе, которое овладѣваетъ художникомъ и заставляетъ его творить, воплощая идею, завладѣвшую имъ.

Біанка отошла отъ картины и приблизилась къ портрету своего мужа, который она нарисовала десять лѣтъ тому назадъ. Она нѣсколько разъ переводила глаза отъ портрета къ картинѣ, и взоръ ея былъ суровъ и непреклоненъ. Гордость заставила ее отдалиться отъ Гилэри, когда же она почувствовала свою слабость, то ея гордость возмущалась еще больше и привела къ окончательному отчужденію. Она замкнулась въ своей гордости и всѣмъ своимъ обращеніемъ какъ будто говорила своему мужу: „Живите собственной жизнью! Мнѣ было бы стыдно показать вамъ, что я придаю какое-нибудь значеніе тому, что произошло между нами“. Гордость не позволяла ей заглянуть въ собственную душу и сознаться, что за ея всегдашней насмѣшливостью и свободою обращенія всегда скрывалась жажда привязанности и уваженія. Благодаря этой гордости, составлявшей основную черту ея натуры, никто не замѣчалъ, чего собственно не хватаетъ ей. Не понялъ и Гилэри, что испортило его супружескую жизнь. Сотни разъ онъ былъ сбивъ съ толку, натыкаясь на стѣну, которой окружала себя Біанка. Онъ не могъ постигнуть ея дисгармонической натуры и послѣ всякой неудачи, что-то словно обрывалось въ немъ, пока, наконецъ, не изсякъ и самый источникъ его привязанности. Она утомила его, иссушила его сердце, такъ какъ онъ долженъ былъ долго страдать, не понимая, въ чемъ заключалась его ошибка. И эта трагедія женщины, жаждущей любви и между тѣмъ медленно убивающей это чувство въ сердцѣ мужчины, продолжалась

изъ года въ годъ, скрытая подъ маской виѣшней предупредительности и любезности. Впрочемъ, для Гилэри это давно уже перестало быть трагедіей. Любовь къ ней умерла въ его сердцѣ; она была заморожена. Но и Біанка страдала. Ревнивое желаніе быть любимой имъ не умерло у нея въ сердцѣ, несмотря на всю ея холодность. Она инстинктивно чувствовала, что будь онъ болѣе грубый человѣкъ, не такой щепетильный и деликатный, какъ Гилэри, то онъ бы могъ обуздать ее и покорить своей волѣ. И въ глубинѣ души она постоянно испытывала такое чувство досады противъ своего мужа, и ей казалось, что не она виновата въ томъ, что они идутъ разными дорогами...

Гордость сгубила ее, но она же составляла ея главное очарованіе и была источникомъ многихъ великодушныхъ побужденій и добрыхъ поступковъ, которые она совершала тайкомъ. Вообще она всегда была готова насмѣхаться надъ собой, надъ каждымъ своимъ порывомъ, словно боялась, чтобы кто нибудь не заглянулъ въ ея душу. Она смѣялась надъ собой, когда надѣвала свѣтлое платье, которое было ей къ лицу и нравилось Гилэри, потому что не хотѣла допускать въ себѣ желанія нравиться ему.

Въ то время, какъ Біанка стояла передъ картиной въ своей студии, Хюггсъ расхаживалъ по улицамъ рядомъ съ лошадыю, запряженною въ телѣгу, куда онъ сбрасывалъ всѣ отбросы и мусоръ, подбираемый на улицѣ. Онъ добросовѣстно исполнялъ эту работу въ теченіе восьми часовъ, серьезный и молчаливый, изрѣдка лишь обращаясь къ лошади съ короткими фразами. Но на его квадратной физиономіи, съ черными усиками и еще болѣе черными глазами не было замѣтно никакого волненія. Впрочемъ, обстоятельства его жизни были таковы, что пріучили его скрывать свои чувства подъ маскою равнодушія и пассивности. Съ двадцатилѣтняго возраста онъ поступилъ въ солдаты, былъ раненъ и, выйдя въ отставку, получилъ мѣсто мусорщика въ приходѣ. Онъ всегда былъ молчаливъ и не умѣлъ краснорѣчиво выражать свои мысли. Тенерь же, послѣ того, какъ онъ былъ раненъ въ голову, онъ испытывалъ порою странное ощущеніе пустоты въ головѣ и не могъ собрать своихъ мыслей. Достаточно было двухъ стакановъ пива, чтобы онъ потерялъ способность владѣть собой, а въ этотъ день онъ выпилъ три стакана въ Зеленомъ кабачкѣ, куда имѣлъ обыкновеніе заходить послѣ работы; поэтому у него вдругъ явилось смутное желаніе пойти въ тотъ домъ, куда ежедневно отправлялась маленькая натурщица. Онъ старался убѣдить себя, что это его доля, и онъ съ очень смѣшаннымъ чувствомъ позвонилъ у дверей мистриссъ Даллисонъ

Однако, по привычкѣ лицо его оставалось непроницаемымъ, когда онъ стоялъ передъ Біанкой, потупивъ глаза и комкая шапку въ рукахъ. Біанка съ любопытствомъ разсматривала его, въ особенности, огромный шрамъ на лѣвой сторонѣ его головы, рѣзко выдѣлявшійся среди его черныхъ, коротко остриженныхъ волосъ.

— Я пришелъ,—сказалъ онъ угрюмо,—чтобы вы знали это. Я вовсе не хотѣлъ идти въ этотъ домъ... вовсе не хотѣлъ видѣть кого-нибудь...

Біанка замѣтила, что ему было трудно высказать свою мысль. Его губы и рѣсницы дрожали, несмотря на то, что лицо по прежнему оставалось тупо-равнодушнымъ.

— Моя жена наговорила вамъ сказокъ про меня, — продолжалъ онъ.—Она сказала вамъ, что я ее билъ... Я нисколько не интересуюсь тѣмъ, что она говоритъ обо мнѣ людямъ, на которыхъ она работаетъ. Но все же я хочу сказать: я никогда бы не дотронулся до нея, если бъ она первая не сдѣлала этого. Смотрите! Вотъ знаки ея ногтей!—Онъ засучилъ рукавъ и показалъ свою татуированную руку, на которой видна была царапина. —Я пришелъ сюда не изъ-за нея, это никого не касается!—прибавилъ онъ.

Біанка повернулась къ своимъ картинамъ и спросила:

— Ну, такъ зачѣмъ же вы пришли? Вы видите, я занята.

Лицо Хюггса сразу измѣнилось, пассивность исчезла и глаза засверкали гнѣвомъ. Чувствовалось, что въ груди его клокочетъ страсть. Будь на мѣстѣ его женщина, Біанка, пожалуй, нашла бы неприличной такую вспышку, но видъ мужской страсти доставлялъ ей нѣкоторое удовлетвореніе. Однако это продолжалось лишь одно мгновеніе. Цѣлая погасла, и лицо Хюггса приняло прежнее выраженіе. Біанка испытала легкое разочарованіе, словно она хотѣла, чтобы эта вспышка продолжалась и даже угрожала бы до нѣкоторой степени ея жизни.

Хюггсъ поглядѣлъ на картины и, ткнувъ пальцемъ въ ту, которая изображала „Тѣнь“, сказалъ:

— Это о ней я пришелъ говорить съ вами.

— Я не имѣю ни малѣйшаго времени слушать,—холодно возразила Біанка.

Но Хюггсъ не унимался. Онъ увидѣлъ портретъ Гилэри и сказалъ:—Я бы ихъ бросилъ вмѣстѣ въ одну кучу, если бы былъ на вашемъ мѣстѣ!..

Біанка прошла мимо него къ двери и властно проговорила:—Или я, или вы, ктонибудь долженъ оставить эту комнату!

Выраженіе лица Хюггса въ эту минуту не было ни угрюмымъ, ни злобнымъ, а только глубоко печальнымъ.

— Послушайте, леди! Не будьте строги ко мнѣ за то, что я пришелъ къ вамъ сюда. Я вамъ ничего не сдѣлаю дурного. У меня есть собственная жена, и Богу извѣстно, сколько мнѣ хлопотъ изъ-за этой дѣвушки! Я брошусь въ воду рано или поздно... Это вотъ „онъ“ далъ ей эти наряды, что и заставило меня придти сюда..

Біанка открыла дверь и повелительно произнесла:

— Прошу васъ, уходите!

— Я уйду, уйду!—прошепталъ онъ и, склонивъ голову, вышелъ.

Біанка посмотрѣла въ окно, когда онъ вышелъ на улицу, а затѣмъ вернулась на свое прежнее мѣсто, къ картинамъ. Какой-то комокъ остановился у нея въ горлѣ, и лицо ея лишилось своего прежняго высокомернаго спокойствія. Она стояла нѣсколько времени, не шевелясь, пока не справилась со своимъ волненіемъ. Тогда она поставила картины на прежнія мѣста и вышла въ коридоръ, который соединялъ ея студию съ домомъ. Простоявъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь, у двери отца, она, наконецъ, спокойно отворила дверь и вошла.

Мистеръ Стонъ стоялъ посреди комнаты съ листками бумаги въ рукахъ и диктовалъ маленькой натурщицѣ, которая усердно писала, низко нагнувъ голову. Когда вошла его дочь, Стонъ протянулъ ей свободную руку и сказалъ:

— Я поговорю съ тобой, когда продиктую три страницы!

Біанка сѣла у окна. Голосъ ея отца, растягивающаго каждое слово, звучалъ какъ-то особенно монотонно. Онъ диктовалъ:

„Тогда обнаружились нѣкоторыя зачаточныя попытки къ сліянію классовъ“...

На Біанку слабый голосъ отца, диктовавшаго безъ всякихъ пониженій и повышеній звука, производилъ такое же впечатлѣніе, какъ шелестъ вѣтерка. Впрочемъ, все ея вниманіе было сосредоточено на молодой дѣвушкѣ, которая видимо старалась ничего не пропустить.

Мистеръ Стонъ остановился.

— Вы написали слово: „безумно“?—спросилъ онъ.

Молодая натурщица подняла голову.

— Да, мистеръ Стонъ!—отвѣчала она.

— Вычеркните его.

Стонъ смотрѣлъ въ окно на деревья, тяжело дыша. Маленькая натурщица, воспользовавшись перерывомъ, тихонько пошевелила пальцами, которые, очевидно, свела судорога отъ долгаго писанія. Біанка не спускала съ нея глазъ, точно хотѣла запечатлѣть ея образъ въ своей душѣ, и въ неподвижности ея испытующаго взгляда было что-то жестокое,—

жестокое, какъ для нея самой, такъ и для этой молодой дѣвушки.

— Я не могу подыскать подходящее слово,—сказаль, наконецъ, Стонъ.—Оставьте пустое мѣсто.

Онъ снова началъ диктовать:

„Ни этотъ нѣжный братскій интересъ, питаемый чело-
вѣкомъ къ челоуѣку, ни любопытство, возбуждаемое явле-
ніями, только, какъ явленіями“...

Его голосъ, какъ будто, устремлялся впередъ по узень-
кой тропинкѣ, среди застывшихъ въ вѣчномъ спокойствіи
пространствъ вселенной, къ его любимой идеѣ, свѣтившей
ему вдаль, точно далекая, но яркая луна, такая же чарующая
и холодная и льющая потоки своего серебристаго свѣта на
произносимыя имъ слова, которыя молодая дѣвушка стара-
тельно выводила на бѣлой бумагѣ...

Вдругъ онъ остановился и, поглядѣвъ на свою дочь,
словно изумленный ея присутствіемъ, спросилъ:

— Ты хочешь мнѣ что-нибудь сказать, моя дорогая?

Біанка покачала головой.

— Продолжайте!—сказаль Стонъ.

Но глаза маленькой натурщицы встрѣтились съ глазами
Біанки, пристально устремленными на нее. На лицѣ моло-
дой дѣвушки появилось тоскливое, недоумѣвающее выра-
женіе. Она точно спрашивала: „Что же я вамъ сдѣлала,
что вы такъ смотрите на меня?“ Продолжая машинально
писать, молодая дѣвушка чувствовала, что Біанка не спус-
каетъ съ нея своихъ жесткихъ, насмѣшливыхъ глазъ и въ
свою очередь взглядывала на нее мрачными, злобными гла-
зами. Ни та, ни другая не слушали Стона, не понимали
смысла его рѣчей, относясь къ нему такъ же, какъ жизнь
относится къ философіи и будетъ относиться къ ней до конца.

Стонъ остановился, какъ будто взвѣсивая свою пос-
лѣднюю фразу.

— Мнѣ кажется, это правда,—прошепталъ онъ, разду-
мывая, потомъ вдругъ обратился къ дочери:

— Ты согласна со мной, моя дорогая?

Онъ, видимо, съ безпокойствомъ ждалъ ея отвѣта. Біанка
поглядѣла на его сѣдые волосы, на его тонкую шею и сказала:

— Да, отецъ, я вполнѣ согласна.

— Ахъ!—воскликнулъ Стонъ.—Я очень радъ, что ты
подтверждаешь это. Я безпокоился... Продолжайте!

Біанка встала. На щекахъ у нея показались яркія пятна.
Она пошла къ двери, и маленькая натурщица проводила ее
долгимъ, внимательнымъ взглядомъ, въ которомъ отража-
лось и возмущеніе, и глубокая приниженность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Англіи.

I.

Повидимому, политическій кризисъ въ Англіи принялъ затяжной характеръ. Послѣ выборовъ у протекціонистовъ въ парламентъ оказалось 273 мѣста, а у фритрадеровъ 275. У власти стало либеральное министерство, но судьба его очутилась въ рукахъ союзныхъ партій, т. е. рабочихъ и ирландцевъ. Извѣстный русской публикѣ проф. Дайси (юніонистъ по политическимъ убѣжденіямъ) такъ формулировалъ до открытія парламента результаты общихъ выборовъ.

«Ни одна партія не можетъ быть довольна результатами. Одной изъ нихъ нелѣпостью является какъ утвержденіе, что побѣдило правительство, такъ и заявленіе, что одержала верхъ оппозиція. Правительство потеряло сто мѣстъ, доставшихся оппозиціи. Кабинетъ уже не занимаетъ такого гордаго положенія, какъ въ 1906 году, когда министерству не была страшна даже коалиція противъ него всѣхъ парламентскихъ партій. Съ другой стороны, юніонисты не добились такихъ результатовъ, какъ въ 1895 и 1900 годахъ. Консерваторы имѣли неожиданный успѣхъ во многихъ графствахъ, но потерпѣли также и непредвидѣнные пораженія, въ особенности въ Лондонѣ. Авторитетъ юніонистовъ возросъ; но въ нынѣшнемъ парламентѣ они не могутъ организовать сильнаго правительства. Консерваторы не должны забывать, что если либеральный кабинетъ будетъ поддержанъ всѣми не юніонистами, — то онъ располагаетъ большинствомъ въ сто двадцать голосовъ. Такимъ образомъ, если бы вождь оппозиціи составилъ кабинетъ въ нынѣшнемъ парламентѣ, министерство это пало бы подъ натискомъ коалиціи (т. е. либераловъ, ирландцевъ и рабочихъ). Чтобы продержаться у власти, Бальфуру пришлось бы вступить въ союзъ съ ирландскими гомрулерами, а это совершенно непріемлемо для юніонистовъ.

«Въ первый разъ въ парламентской исторіи Англіи, — продолжаетъ проф. Дайси, — мы видимъ министерство, зависящее всецѣло отъ «группъ». Ни одна изъ этихъ группъ не держитъ въ своихъ рукахъ равновѣсія парламента. Всѣ группы объединены только

нелюбовью къ компактной и организованной оппозиціи. У либераловъ, ирландцевъ и рабочихъ общее только — ненависть къ союзу, соединяющему Англію съ Ирландіей.

«Вердиктъ, вынесенный избирателями на общихъ выборахъ, можетъ быть разнo истолкованъ даже людьми, совершенно безпристрастными и любящими свою родину... Средній человѣкъ, взвѣсившая результаты выборовъ, повидимому, заключилъ бы, что, хотя, съ одной стороны, не видно осужденія лордовъ за отклоненія финансоваго билля 1909 года, но, съ другой стороны, большинство въ 120 голосовъ не можетъ быть принято за неодобреніе бюджета. Искренніе либералы имѣютъ основаніе утверждать, что страна одобрила финансовую политику министерства; но искренніе консерваторы со спокойной совѣстью могутъ доказывать, что потеря правительствомъ ста мѣстъ свидѣлствуетъ о томъ, что страна противъ революціонной политики, какъ въ области финансовъ, такъ и въ вопросѣ о реформѣ Верхней палаты. Положеніе дѣлъ сильно осложнено позиціей, занятой ирландскими націоналистами. Они открыто высказываются противъ бюджета, но готовы голосовать за него, такъ какъ либералы обѣщали имъ гомруль.

«Изъ всѣхъ партій въ Нижней палатѣ самая сильная теперь — юніонистская. Она объединена по всѣмъ вопросамъ. Въ настоящій моментъ она пользуется большимъ моральнымъ авторитетомъ, чѣмъ когда-либо имѣли ея оппоненты. Выводъ изъ всего этого тотъ, что партія, во главѣ которой стоитъ Бальфуръ, идетъ теперь по пути къ побѣдѣ». Проф. Дайси полагаетъ только, что юніонистамъ строго надо избѣгать союза съ ирландцами. А о такомъ союзѣ протекціонисты заговорили, какъ только выяснился результатъ выборовъ. Указывалось, что ирландцы противъ бюджета, что они протекціонисты, что католики за религіозное воспитаніе въ школахъ, тогда какъ «радикалы и социалисты безбожники», готовые совершенно устранить священниковъ отъ дѣла воспитанія. Правда, ирландцы за областной сеймъ, но и тутъ протекціонисты находили возможность соглашенія. Во-первыхъ, — доказывали они, — идея гомруля теперь сильно ослабѣла въ Ирландіи послѣ того, какъ она получила мѣстное самоуправленіе и послѣ выкупа земли. Во-вторыхъ, что собственно означаетъ гомруль? — только самоуправленіе, объясняли нѣкоторыя консервативныя газеты. «Ирландцы добиваются только того, что имѣютъ уже Австралія, Новая Зеландія, Канада и Южная Африка. Самоуправленіе сдѣлало эти колоніи еще болѣе лояльными. Проф. Дайси абсолютно противъ гомруля. Юніонисты, по его мнѣнію, должны дать Ирландіи не самоуправленіе, а сильную власть. Вотъ почему, несмотря на возможность для протекціонистовъ стать у власти при содѣйствіи ирландцевъ проф. Дайси абсолютно не совѣтуетъ юніонистамъ вступать въ соглашеніе сейчасъ же послѣ выборовъ, еще раньше, чѣмъ открылся парламентъ, намѣтилась уже необходимость новыхъ общихъ выбо-

ровъ. Консерваторы намѣтили даже программу, съ которой собирались выступить передъ избирателями. Она состояла изъ трехъ пунктовъ: протекціонизмъ, реформа Верхней палаты и социальныя реформы. Анализъ этой программы въ высшей степени интересенъ, такъ какъ показываетъ, что старый «консерватизмъ» не только въ континентальномъ смыслѣ, но и въ грамматическомъ значеніи слова совершенно исчезъ въ Англіи. На континентѣ подъ консерватизмомъ подразумѣвается реакція, возвращеніе къ отжившему, къ мертвому. По точному смыслу слова консерватизмъ означаетъ сохраненіе въ нетронutomъ видѣ существующаго. Новый англійскій консерватизмъ предлагаетъ рядъ радикальныхъ реформъ, измѣняющихъ совершенно настоящее положеніе дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый пунктъ программы говоритъ о «тарифныхъ реформахъ». Для Англіи это будетъ революціонной мѣрой. Дальше мы видимъ въ программѣ реформу Верхней палаты, т. е. измѣненіе конституціи. Въ рубрикѣ социальныхъ реформъ мы находимъ измѣненіе законовъ объ общественномъ призрѣніи бѣдняковъ, государственную страховку отъ безработицы, выкупъ земли, расширеніе дѣйствія закона о пенсіяхъ и пр. Проф. Дэйси говоритъ, что безпристрастный человекъ не можетъ рѣшить, за что именно высказались избиратели. Повидимому, наслѣдственные законодатели полагаютъ, что одинъ пунктъ освѣтился достаточно ясно на выборахъ: ненависть къ лордамъ. И вотъ мы видимъ рядъ проектовъ, зародившихся въ Верхней палатѣ и имѣющихъ цѣлью преобразовать этотъ институтъ. Защитники лордовъ теперь признаютъ, что либералы имѣютъ нѣкоторыя основанія жаловаться на пристрастность лордовъ. Пожалуй,—соглашаются сами лорды,—Верхняя палата не такое идеальное учрежденіе, какъ полагалось недавно. И вотъ даже одинъ изъ самыхъ консервативныхъ пэровъ,—лордъ Онсло,—выступаетъ съ проектомъ реформы Верхней палаты.

«Наслѣдственный принципъ и первородство не находятъ защитниковъ въ комитетѣ, назначенномъ лордами для изслѣдованія вопроса о реформѣ,—писалъ лордъ Онсло незадолго до открытія парламента.—Мы все согласны съ тѣмъ, что каждый пэръ долженъ заслужить свое право быть законодателемъ. Все остальные пэры, не имѣющіе этого права, должны быть исключены... Затѣмъ, дальше, все мы признаемъ, что въ Верхнюю палату необходимо выпустить струю свѣжаго воздуха... Единственный пунктъ разногласія,—какъ осуществить это. Мы остановились на небольшомъ числѣ пожизненныхъ пэровъ» *). Лордъ Розбери идетъ дальше. Каждый городъ съ населеніемъ, больше чѣмъ въ 250 тысячъ, выбираетъ одного представителя въ Верхнюю палату, а сами лорды выбираютъ изъ своей среды 150—200 законодателей. Другой лордъ рекомендуетъ такой проектъ реформы. Пэры выбираютъ изъ своей

*) The Reform of the House of Lords. Times. February 8.

среды 200 законодателей. Затѣмъ король по совѣту перваго министра, передъ открытіемъ парламента, назначаетъ еще 80—100 сенаторовъ изъ лицъ, выдвинувшихся своею продолжительною дѣятельностью въ Нижней палатѣ или въ графскихъ совѣтахъ. Старинная пословица говоритъ, что дьяволъ, когда состарится, становится схимникомъ. Нѣчто подобное дѣлаютъ и наслѣдственные законодатели. Надо отдать имъ справедливость, что въ своихъ проектахъ «посхимиться» они приложили всѣ старанія, чтобы «власяница» была только маскарадная, не стѣсняющая тѣла. Въ самомъ дѣлѣ. Въ Верхней палатѣ консервативные лорды относятся къ либеральнымъ лордамъ, какъ 5:1. Если ввести избирательный принципъ, то консерваторы выберутъ только своихъ. Тогда въ Верхней палатѣ не будетъ ни одного либеральнаго лорда. Нѣчто подобное мы видимъ теперь въ Шотландіи. Тамъ пары выбираютъ изъ своей среды представителей въ Верхнюю палату. Ну, вотъ, среди шотландскихъ паровъ былъ только одинъ сторонникъ бюджета, и его именно товарищи забаллотировали.

Итакъ, передъ открытіемъ парламента консерваторы, сознавая слабость министерства, уже намѣчали программу для слѣдующихъ выборовъ.

Положеніе министерства, мнѣ кажется, лучше всего было представлено Punch'омъ. Журналъ изобразилъ премьера рыцаремъ въ полномъ вооруженіи. Паладинъ съ горестью глядитъ на крошечнаго осѣдланнаго пони съ надписью: «Результаты выборовъ 1910 года». «Я просилъ боевого коня,—говоритъ рыцарь,—а мнѣ дали вотъ что». Какъ только закончились выборы, либеральныя и ирландскія газеты стали напоминать премьеру его рѣчь въ Альбертовой залѣ въ декабрѣ прошлаго года. Аскитъ сказалъ тогда, что либералы, если получаютъ большинство, станутъ у власти только при одномъ условіи: министерство должно быть увѣрено, что его законодательная программа не будетъ разрушена лордами. Всѣ истолковали тогда рѣчь Аскита въ томъ смыслѣ, что либеральное министерство постарается прежде всего совершенно отнять у лордовъ право veto въ финансовыхъ вопросахъ и ограничить это право во всѣхъ остальныхъ вопросахъ. Такое примѣненіе дѣйствующаго закона можетъ быть осуществлено только обычнымъ законодательнымъ путемъ. Другими словами, билль объ ограниченіи правъ лордовъ долженъ, послѣ разсмотрѣнія его коммонерами, перейти въ Верхнюю палату. Было очевидно, что лорды отвергнутъ такой билль. И вотъ всѣ поняли Аскита въ томъ смыслѣ, что премьеръ въ своей рѣчи въ Альбертовой залѣ говорилъ о «гарантіяхъ», добытыхъ отъ короны; о такихъ гарантіяхъ, которыя получалъ въ 1832 году отъ Вильгельма IV лордъ Грэй, когда надо было сломить сопротивление Верхней палаты. Имѣя такія гарантіи, т. е. письменное обѣщаніе короля назначить 500 новыхъ лордовъ,

премьеръ можетъ разсчитывать, что Верхняя палата приметъ билль о veto.

Немедленно послѣ выборовъ въ печать проникли слухи, что кабинетъ колеблется въ томъ, какой путь избрать. Говорили, что министры не согласны между собою относительно того, съ чего начать раньше. Одни, будто бы, желали прежде всего внести законопроектъ о veto. Другіе министры стояли за то, чтобы палата приняла раньше бюджетъ 1909 года, а потомъ уже приступила къ разсмотрѣнію законопроекта о veto. Потомъ въ печать проникъ новый слухъ. Выходило, что нѣкоторые умѣренные министры стоять не за отбѣну veto, а за реформу Верхней палаты на демократическихъ началахъ.

Трудно понять даже, какъ могли проникать въ публику слухи, если принять во вниманіе, что засѣданія кабинета держатся въ глубокой тайнѣ даже отъ остальныхъ министровъ. А между тѣмъ слухи, въ общемъ, были вѣрны. Безчисленныя варіаціи наводили на вопросъ, имѣетъ ли премьеръ тѣ гарантіи, о которыхъ говорилъ въ Альбертовой залѣ? Если эти гарантіи получены отъ короля, то можетъ ли быть вопросъ, что слѣдуетъ дѣлать? На основаніи каждаго слуха газеты строили безчисленныя догадки. Передъ самымъ открытіемъ парламента Рабочая партія и ирландцы рѣшительно заявили, что откажутся поддерживать министерство, если оно не приступитъ прежде всего къ ограниченію veto лордовъ. «Я слышалъ,—заявилъ отъ имени Рабочей партіи вождь ея Барнесъ,—что, несмотря на свою рѣчь въ Альбертовой залѣ, премьеръ собираетъ статью у власти, не заручившись гарантіями отъ короля относительно veto. Говорятъ также, что и вопросъ о veto собирается рѣшать послѣ разсмотрѣнія бюджета. Если это такъ, то порядокъ дѣлъ совершенно неприемлемъ для Рабочей партіи. Понадобятся новые выборы прежде, чѣмъ вопросъ о лордахъ будетъ рѣшенъ. Чѣмъ скорѣе наступятъ эти выборы, тѣмъ лучше. Конечно, желающіе, чтобы бюджетъ обсуждался раньше, чѣмъ билль о veto, могутъ сослаться на запутанность финансовъ. На это можно возразить, что отвѣтственность должна пасть на тѣхъ, которые отклоненіемъ бюджета запутали финансы, т. е. на лордовъ. Если дѣйствительно предстоить немедленно разрѣшить вопросъ объ ассигновкахъ, то можно прибѣгнуть къ краткосрочному займу».

Заявленіе Барнеса произвело крайне сильное впечатлѣніе не только потому, что оно явилось своего рода ультиматумомъ, но и потому, что въ немъ въ значительной степени отразились взгляды радикаловъ. «Если правительство изберетъ правильный путь,—писать Morning Leader,—то надобности въ общихъ выборахъ теперь нѣтъ. Ни въ коемъ случаѣ не надо разсматривать бюджетъ раньше, чѣмъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о veto. Палата, принявъ бюджетъ раньше, чѣмъ получить серьезныя гарантіи, сдѣлаетъ безъ боя позиціи, которыя выиграла во время общихъ выборовъ».

Съ особенной опредѣленностью и точностью высказались по поводу того, что разсматривать раньше: бюджетъ или veto, — ирландцы. Сперва взгляды націоналистовъ были сформулированы историкомъ Т. П. О'Коннеромъ. Ошибочно думать, — писалъ онъ въ *Freeman's Journal*, что ирландцы противъ бюджета вообще и противъ налоговъ на спиртъ въ частности. Нѣкоторые либералы, считаясь съ взглядами ирландцевъ на бюджетъ, предлагаютъ даже вносить его въ парламентъ частями, начиная съ налоговъ, противъ которыхъ націоналисты не возражаютъ. Это — вѣрный способъ не спасти, а сгубить бюджетъ. Ирландцы не столько противъ бюджета, какъ противъ тактики, въ силу которой желаютъ начать съ разсмотрѣнія бюджета, — продолжаетъ О'Коннеръ. Ирландцы примутъ бюджетъ цѣликомъ, если предварительно пройдетъ билль о veto. «Редмондъ готовъ проглотить бюджетъ, если получить извѣстiе, что премьеръ имѣетъ гарантію отъ короля и что билль о veto станетъ, такимъ образомъ, закономъ въ нынѣшнемъ же году, даже если лорды того не пожелаютъ. Иначе премьеръ долженъ выйти въ отставку и предоставить консерваторамъ распутывать тотъ финансовый узелъ, который создали по ихъ совѣту лорды».

Если министерство будетъ идти по правильному пути, — продолжаетъ О'Коннеръ, — ирландцы будутъ лояльно голосовать вмѣстѣ съ либералами. Въ противномъ случаѣ націоналисты подадутъ голосъ противъ правительства. Бюджетъ — любимое оружіе противъ лордовъ, поэтому, оно ни въ коемъ случаѣ не должно быть выпущено изъ рукъ. „У насъ накопился теперь дефицитъ слишкомъ въ двадцать тысячъ ф. ст. Все это произошло потому, что лорды вмѣшались въ контроль надъ финансами страны. Мы ни въ коемъ случаѣ не должны помогать лордамъ и тори выбраться изъ той пропасти, куда они попали по собственной злости. Каждый либералъ, каждый ирландецъ, которые протянутъ хоть палецъ лордамъ или тори, будутъ содѣйствовать своей же собственной гибели. Либералы хотятъ оправить бюджетъ снова лордамъ. Развѣ это не будетъ признаніемъ собственного поражения? Въ самомъ дѣлѣ, если лорды отвергли бюджетъ въ прошломъ году, — они могутъ отклонить его и въ этомъ году. „Но лорды не дерзнутъ сдѣлать это снова“ — говорятъ намъ. Быть можетъ, такъ. Но можемъ ли мы сказать съ увѣренностью, что лорды пропустятъ бюджетъ?»

По мнѣнію О'Коннера, правительству слѣдуетъ держаться другой тактики. Надо, прежде всего, внести билль о veto. Можно обойтись даже и безъ билля, а принять соотвѣтственную резолюцію. Министерство, внося этотъ билль, должно предварительно заручиться гарантіями отъ короны, что лорды не отклонятъ законопроектъ. Если же король не дастъ гарантію, то министерству надлежитъ выйти въ отставку. «Но насъ спросятъ: что тогда станетъ съ бюджетомъ? — продолжаетъ О'Коннеръ. Прежде всего, слѣдуетъ помнить, что, хотя министерство и выйдетъ въ отставку, бюджетъ не будетъ

отклоненъ партіями, посланными въ парламентъ для борьбы съ лордами. Передъ Бальфуромъ, когда онъ станетъ у власти, будутъ два пути. Онъ можетъ или принять бюджетъ цѣликомъ, или внести его, вычеркнувъ пункты относительно обложенія незаработаннаго приращенія. Если бюджетъ будетъ принятъ цѣликомъ, то не все ли равно, кто его внесетъ: радикалы ли или консерваторы? Если же бюджетъ будетъ внесенъ въ изуродованномъ видѣ, то оппозиція, соединившись вмѣстѣ, разобьетъ консервативное министерство. У власти снова станетъ тогда Аскитъ». Итакъ, кризисъ намѣтился еще раньше, чѣмъ открылся парламентъ.

II.

О'Коннеръ говоритъ объ отношеніяхъ ирландской партіи къ бюджету. Но націоналисты, какъ читатели «Русскаго Богатства» уже знаютъ, дѣлятся теперь на двѣ партіи. У нихъ есть большинство и меньшинство по отношенію къ бюджету. Партія меньшинства, или независимые, насчитываетъ только 11 человекъ, но она играетъ и будетъ играть видную роль. Мнѣ кажется, будетъ умѣстно сказать вообще нѣсколько словъ объ ирландской партіи, которой въ парламентѣ 1910 года будетъ принадлежать рѣшающая роль. Во главѣ «независимыхъ» стоятъ Вильямъ О'Брайенъ и Т. Хили. Въ 1881 году Парнелль основалъ двѣ газеты съ цѣлью отстаиванія программы земельной лиги. Газеты эти сыграли видную роль въ исторіи парнелльскаго движенія. Одна изъ нихъ называлась «United Ireland», другая — «Irishman». Для редактированія ихъ Парнелль пригласилъ молодого 28-милѣтняго коркского журналиста Вильяма О'Брайена, который вполне подтвердилъ англійскую поговорку, что ирландцы рождаются журналистами, ораторами и заговорщиками. Ирландцы вообще славятся остроуміемъ, но именно этой черты въ характерѣ О'Брайена совершенно нѣтъ. Передъ нами—фигура мрачная, ненавидящая, вѣчно серьезная. Узкая, длинная борода, тонкія, поджатые губы, горбатый носъ, вѣчно нахмуренный лобъ, недовѣрчивый взглядъ изъ-за очковъ—такова внѣшность О'Брайена. Повидимому, католическая семинарія, въ которой воспитывался онъ, наложила на него неизгладимый отпечатокъ. У Вильяма О'Брайена темпераментъ обличителя. Онъ видитъ или подозреваетъ всюду измѣну. По убѣжденію Вильяма О'Брайена, англичанинъ, будь то консерваторъ или радикалъ, можетъ помышлять только объ угнетеніи Ирландіи. Когда нѣтъ надобности въ данный моментъ обличать угнетателей, Вильямъ О'Брайенъ ищетъ «измѣну» въ рядахъ націоналистовъ. Стиль статей О'Брайена такой же, какъ тонъ рѣчей средневѣковыхъ католическихъ монаховъ, обличавшихъ передъ трибуналами инквизиціи колебанія въ вѣрѣ. Это—стиль мрачный, проникнутый нена-

вѣстью, не знающій лошады. Уже въ самомъ началѣ редакторской дѣятельности Вильямъ О'Брайенъ попадаетъ подъ судъ за рѣзкую до крайности статью «Accusing Spirits». Дѣло идетъ о столь обыкновенномъ случаѣ при примѣненіи законовъ чрезвычайной охраны. Четыре террориста были преданы суду по обвиненію въ убійствѣ нѣсколькихъ человѣкъ и приговорены къ смертной казни. Трое изъ осужденныхъ признались, но выгораживали четвертого, Майлса Джайса, который категорически отрицалъ взводимыя на него обвиненія. Тѣмъ не менѣе судъ вынесъ всѣмъ одинаковый приговоръ, и осужденные были казнены. Въ Ирландіи всѣ считали Майлса Джайса жертвой судебной ошибки. И Вильямъ О'Брайенъ въ своей статьѣ съ поразительной рѣзкостью обрушился на вѣдѣ короля и на правительство, обвиняя ихъ въ судебномъ убійствѣ. Автора привлекли къ суду, но оправдали. Это былъ первый изъ десяти процессовъ, къ которымъ потомъ привлекался О'Брайенъ. Въ 1886 году Парнелль предупредилъ правительство, что въ Ирландіи произойдутъ большія волненія, если будетъ отклоненъ земельный билль. Предсказаніе оправдалось: въ декабрѣ 1886 года сталъ дѣйствовать «планъ кампаніи», и вмѣстѣ съ этимъ началась аграрная война. Какъ извѣстно, «планъ кампаніи» состоялъ въ томъ, что справедливая земельная рента, утвержденная лигой, вносилась фермерами,—въ случаѣ отказа помѣщиковъ принять уменьшенную плату,—въ кассу лиги. Авторомъ «плана кампаніи» по утвержденію биографа Парнелля, былъ Вильямъ О'Брайенъ *).

Дышавшій непримиримой ненавистью планъ кампаніи вполне совпадаетъ съ мрачнымъ характеромъ Вильяма О'Брайена. Лояльность не составляетъ отличительной черты О'Брайена. Лучше всего это подтверждается отношеніемъ къ Парнеллю. Пятнадцатаго ноября 1890 года начался процессъ о разводѣ капитана О'Ши съ женой. Поводомъ было прелюбодѣяніе г-жи О'Ши съ Парнеллемъ. Черезъ два дня судъ вынесъ рѣшеніе, которое привело въ восторгъ безчисленныхъ враговъ вождя ирландцевъ, пришедшихъ въ отчаяніе, когда походъ «Times'a» кончился неудачей. Всѣ видные дѣтели ирландской партіи обѣщали остаться вѣрными Парнеллю. Вильямъ О'Брайенъ тогда находился въ Америкѣ. Послѣ разгрома «плана кампаніи» онъ бѣжалъ въ тотъ моментъ, когда уже былъ изданъ приказъ объ арестѣ. Изъ Америки О'Брайенъ прислалъ телеграмму, въ которой обѣщалъ стойко поддерживать «великаго вождя Ирландіи, который изъ пустынь рабства и отчаянія довелъ свой народъ до порога освобожденія». А черезъ нѣсколько дней (26-го ноября) суровый обличитель, усматривающій всюду измѣну, самъ измѣнилъ своему вождю. Барри О'Брайенъ рассказываетъ, что бѣгству Вильяма О'Брайена изъ Ирландіи помогъ феній, предложившій свою собственную яхту. Когда феній потомъ узналъ про

*) См. Barry R. O'Brien, «The Life of Charles S. Tarnell. vol. II. p. 170.

то, что спасенный имъ покинулъ Парнелля, то выразилъ сожалѣніе, почему раньше не потопилъ яхты въ англійскомъ каналѣ. Вильямъ О'Брайенъ потомъ возвратился въ Англію, былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ пробылъ шесть мѣсяцевъ. Въ тюрьмѣ онъ написалъ свое лучшее произведеніе, свой единственный романъ «When we were Boys». Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Парнелля націоналисты вели междоусобную войну и обличали другъ друга въ измѣнѣ. Вильямъ О'Брайенъ тогда чувствовалъ себя въ родной сферѣ и для достиженія большого успѣха основалъ даже собственную газету «Irish People». Въ 1900 году ирландская партія снова соединилась. Вслѣдствіе давленія извѣ (главнымъ образомъ изъ Америки, гдѣ живутъ 15 милл. ирландцевъ) междоусобица прекратилась. И Вильямъ О'Брайенъ на нѣсколько лѣтъ сходитъ со сцены. Борьба за бюджетъ снова выдвинула его. Вильямъ О'Брайенъ сталъ выразителемъ той части Ирландіи, которая находитъ крайне убыточными для себя налоги на спиртъ. На почвѣ борьбы противъ бюджета у О'Брайена явилась не только маленькая партія, но и широкая возможность обличать своихъ и усматривать «измѣну». Статьи Вильяма О'Брайена, направленные теперь противъ Редмонда, дышать такой ненавистью, слова: «измѣна», «предательство», «губители родины» встрѣчаются въ нихъ такъ часто, какъ будто дѣло идетъ о величайшемъ политическомъ грѣшникѣ. А между тѣмъ, никто изъ ирландцевъ не пользуется такимъ полнымъ довѣріемъ своихъ соотечественниковъ въ Ирландіи и въ Америкѣ, какъ вождь парламентской партіи.

Вильямъ О'Брайенъ — ненавистникъ-«желчевикъ», не знающій юмора. Другой вождь «независимыхъ» націоналистовъ Т. Хили представляетъ полную противоположность. Это, если можно такъ выразиться, — карманное изданіе Мефистофеля, живая книжечка въ 32 долю, ядовитая, остроумная, проказливая и при всемъ томъ содержательная. О'Брайенъ — сухъ и мраченъ. Въ рѣчахъ его слышатся шипѣніе пламени костра, на который охранитель вѣры возвелъ свою жертву. Хили — веселъ и забавенъ; его сарказмы вызываютъ часто хохотъ въ палатѣ (смѣются не тѣ, противъ которыхъ насмѣшки направлены). Вильямъ О'Брайенъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, когда металлическимъ, холоднымъ, злобнымъ голосомъ обличаетъ въ «измѣнѣ» (всегда наиболѣе преданныхъ дѣлу борцовъ). Хили любитъ разставлять капканы, заманивать туда противника и потомъ хохотать надъ ними. Въ искусствѣ ставить ловушки у Хили нѣтъ равнаго въ парламентѣ... Я сказалъ, что Хили содержателенъ. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса въ Ирландіи.

Перейдемъ теперь къ партіи націоналистовъ. Вопреки англійской поговоркѣ, вождь націоналистовъ — не журналистъ. Адвокатъ по профессіи, Редмондъ въ парламентѣ съ 1881 года. Первый разъ онъ былъ избранъ двадцати семи лѣтъ. Какъ и большинство

націоналистовъ, онъ получилъ боевое крещеніе при Парнеллѣ. Въ 1900 году обломки націоналистической партіи выбрали Редмонда вождемъ, и съ тѣхъ поръ она снова стала большой силой. Посѣщающій парламентъ въ первый разъ не можетъ не обратить вниманія на Редмонда. Лицо у него выражаетъ умъ, силу и рѣшительность. Лицомъ онъ поразительно похожъ на покойнаго «африканскаго Наполеона», Сесилия Родса. Какъ то на дняхъ я видѣлъ въ «Times'ѣ» статью Генри Хауордса: «Г. Редмондъ между дьяволомъ и глубокимъ моремъ» (англійское выраженіе, равнозначущее между двухъ огней»). Авторъ-консерваторъ лицемѣрно скорбитъ по поводу того, что бѣднаго вождя ирландцевъ обмануть и проведутъ коварные либералы. Трудно даже представить себѣ нѣчто болѣе противорѣчащее дѣйствительности, чѣмъ Редмондъ въ роли простака. Редмондъ не только прекрасный ораторъ и отличный полемистъ, но еще замѣчательно проницательный вождь и умный, смѣлый стратегъ. За десять лѣтъ пребыванія у власти консерваторы потеряли одно серьезное пораженіе. Нанесъ его имъ Редмондъ. И сказалъ, что онъ пользуется громаднымъ вліяніемъ въ Ирландіи и за океаномъ. Соотечественники ему довѣряютъ. Какъ искусный стратегъ, для котораго интересы Ирландіи—все, Редмондъ, повидимому, велъ и ведетъ переговоры и съ либералами, и съ консерваторами. Партія націоналистовъ напоминаетъ теперь ирландскаго крестьянина, который привезъ на рынокъ въ мѣстечко свиней. Проницательный крестьянинъ живо замѣтилъ, что кромѣ него продавцовъ нѣтъ. И вотъ онъ выслушиваетъ предложенія всѣхъ покупателей, взвѣшиваетъ, что выгоднѣе, и старается не продешевить.

Ирландская партія насчитываетъ въ своихъ рядахъ нѣсколько очень талантливыхъ и знающихъ писателей, которые даютъ научную обосновку требованіямъ народа. Таковъ прежде всего великій авторитетъ по всѣмъ парламентскимъ вопросамъ Свифтъ Макъ-Нейлъ, университетскій товарищъ Аскита. Свифтъ Макъ-Нейлъ — прямой потомокъ брата великаго сатирика. Перу Макъ-Нейля принадлежатъ цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій о старомъ ирландскомъ парламентѣ, объ ирландской промышленности и пр. *). Теперь Свифтъ Макъ-Нейлъ состоитъ профессоромъ перваго ирландскаго университета, основаннаго въ прошломъ году. Крупное участіе въ выработкѣ программы ирландской партіи, биллей ея и запросовъ принимаютъ также Т. П. О'Коннеръ и Джонъ Диллонъ. Первый — талантливый журналистъ и лучший историкъ парнеллевскаго движенія («The Parnell Movement» выдержало много изданій). Джонъ Диллонъ — только журналистъ. Въ концѣ прошлаго вѣка онъ явился виднымъ кандидатомъ на постъ вождя партіи. Между нимъ и Ред-

*) Назову: «The Irish Parliament: What it Was, and What it Did: — English interference with Irish industries».

мондомъ было соперничество; но Джонъ Диллонъ подчинилъ личное самолюбіе общему дѣлу. О'Коннеръ теперь много работаетъ въ радикальныхъ англійскихъ газетахъ. Повидимому, ему удалось убѣдить ихъ, что взглядъ ирландцевъ на вопросъ о veto — самый правильный.

III.

Тронная рѣчь отличалась въ этомъ году необыкновенной лаконичностью и ясностью. Она сильно разочаровала радикаловъ, рабочихъ и ирландцевъ. Король указалъ, что въ прошломъ пропущены большія разногласія между обѣими палатами. «Вамъ будетъ предложенъ проектъ, — продолжалъ король, — имѣющій цѣлью въ возможно болѣе скоромъ времени опредѣлить отношенія между обѣими палатами и обезпечить нераздѣльный авторитетъ Палаты общинъ въ вопросахъ финансовыхъ и преобладающее значеніе въ остальномъ законодательствѣ». Тронная рѣчь въ Англіи всегда составляется кабинетомъ, который отвѣтственъ передъ коммоне-рами за каждое слово ея. Въ этомъ году въ тронной рѣчи была странная и необычная вставка: «по мнѣнію моихъ совѣтниковъ». Этими словами король какъ будто бы подчеркивалъ, что реформа Верхней палаты всецѣло внушена ему кабинетомъ. Тронная рѣчь никого не удовлетворила, и это выяснилось, какъ только начались дебаты по поводу адреса. Вождь оппозиціи заявилъ, что, по его мнѣнію, на выборахъ министерство не получило полномочій ни покончить съ лордами, ни ввести бюджетъ 1909 года, ни дать Ирландіи областной сеймъ. Затѣмъ поднялся Аскитъ, чтобы изложить программу министерства. Правительство, заявилъ премьеръ, намѣрено внести резолюцію о veto и одновременно приступить къ обсужденію бюджета, отклоненнаго лордами. Своимъ сторонникамъ Аскитъ заявилъ, что у него не только нѣтъ гарантій отъ короны, но что онъ даже и не просилъ ихъ.

«Я скажу совершенно откровенно палатѣ, что у меня нѣтъ гарантій и что я не обращаюсь за ними». Правительство не можетъ просить авансомъ гарантій у короны, когда еще не выработанъ билль. Конституціонный министръ при такихъ условіяхъ не можетъ просить гарантій, а конституціонный государь не можетъ дать ихъ. Министерство намѣрено немедленно внести резолюцію о veto въ Нижнюю палату. Какъ только это рѣшеніе, содержащее принципъ реформы, пройдетъ въ обѣихъ палатахъ, министерство внесетъ соотвѣтственный резолюціи билль, который долженъ стать закономъ въ эту же сессію. Съ судьбой законопроекта министерство свяжетъ свою судьбу, т. е. выйдетъ въ отставку, если не сможетъ превратить билль въ законъ. Что же касается бюджета 1909 года, то его нельзя откладывать. Его надо рассмотреть *pari passu* съ резолюціей объ ограниченіи полномочій лордовъ въ силу

государственныхъ соображеній. «Теперь у насъ 21 февраля, — объяснилъ Аскитъ, — а финансовый годъ истекаетъ 31 марта... Если бюджетъ не будетъ сейчасъ же принятъ, государство не въ состояніи будетъ выполнить своихъ финансовыхъ обязательствъ». Необходимо ассигновать суммы на флотъ, на армію, на гражданскую службу. На государственные расходы послѣ отклоненія бюджета взято около 20 мил. ф. ст. по краткосрочнымъ обязательствамъ, которые должны быть теперь покрыты.

«Перехожу дальше къ расходамъ вѣдомствъ, — продолжалъ Аскитъ. Ассигнованія должны быть отпущены раньше конца финансового года. Не только это. Раньше, чѣмъ истечетъ финансовый годъ, парламентъ уже долженъ отпустить необходимыя суммы на флотъ, на армію и на гражданскую службу. Къ первому апрѣлю казна можетъ быть полна; доходы могутъ поступать въ изобиліи, но изъ этихъ денегъ нельзя будетъ израсходовать ни одного пенса, если предварительно Палата не дастъ на то своихъ полномочій. Такимъ образомъ, если Палата общинъ не займется сейчасъ же финансовыми вопросами, то перваго апрѣля придется остановить всѣ платежи. Нельзя будетъ израсходовать ни пенса на флотъ или на пенсію для стариковъ». Министръ дальше выяснилъ, что отклоненіе бюджета повело за собою прекращеніе платежа подоходнаго налога. Казна терпитъ громадныя убытки. По точной буквѣ закона плательщики имѣютъ право отказываться отъ взноса подоходнаго налога, такъ какъ парламентъ не утвердилъ еще бюджета.

Аскитъ, предвидя, что ему по поводу гарантій напомнятъ его рѣчь въ Альбертовой залѣ, заявилъ, что его не поняли. Въ декабрѣ онъ имѣлъ въ виду не королевскія гарантіи, а законодательныя. Смыслъ рѣчи въ Альбертовой залѣ, — по толкованію Аскита, — тотъ, что либеральное министерство останется у власти только при томъ условіи, если обѣ палаты примутъ законопроектъ объ ограниченіи права veto лордовъ.

Объясненія Аскита были встрѣчены очень холодно либеральной партіей. Какъ только премьеръ кончилъ, поднялся Редмондъ. Вздвинутой, но сильной рѣчи онъ выяснилъ отношеніе къ вопросу о veto не только націоналистовъ, но и радикаловъ и рабочихъ. Вождь націоналистовъ обвинилъ премьера въ томъ, что онъ желаетъ уклониться отъ точныхъ обѣщаній, данныхъ въ Альбертовой залѣ въ декабрѣ прошлаго года, т. е. что либеральное министерство не станетъ у власти, не испросивъ предварительно у короны гарантій. Всѣ поняли рѣчь Аскита въ этомъ именно смыслѣ. Теперь интерпретація смысла ея является новостью для всѣхъ. Не только рядовые коммонеры поняли рѣчь премьера въ томъ смыслѣ, что онъ возьметъ гарантіи отъ короля. «Не буду утомлять палату длинными цитатами, — продолжалъ Редмондъ. — Приведу только одну выдержку, въ которой обѣщанія взять го-

ралліи сдѣланы еще въ болѣе категорической формѣ, чѣмъ въ рѣчи премьера. Въ концѣ декабря канцлеръ казначества (Ллойдъ-Джорджъ) произнесъ рѣчь, которая была потомъ отпечатана отдѣльной брошюрой и усиленно распространялась во время выборовъ. «Что касается меня,—говорилъ Ллойдъ-Джорджъ,—то я не остался бы часа въ либеральномъ кабинетѣ, не зная я, что министерство рѣшило стать у власти только при томъ условіи, если ему предоставлена будетъ самая широкая возможность превратить въ законъ билль объ ограниченіи veto». До послѣдняго момента,—продолжалъ Редмондъ,—все партіи были увѣрены, что министерство дало торжественныя обѣщанія испросить гарантіи. На основаніи этого обѣщанія и связаннаго съ нимъ намѣренія дать Ирландіи гомруль, ирландская партія поддержала правительство на общихъ выборахъ.

«Конечно, нельзя требовать, чтобы конституціонный государь сказалъ своему первому министру: «Даю вамъ гарантію осуществить при помощи моей королевской прерогативы какой угодно законопроектъ». Но именно невозможность предъявленія такихъ требованій къ конституціонному государю,—сказалъ Редмондъ,—является аргументомъ въ пользу необходимости немедленнаго внесенія въ парламентъ билля о veto». Изъ тронной рѣчи совершенно не видно, что именно собирается дѣлать правительство. Намѣревается ли оно внести билль о реформѣ Верхней палаты, т. е. объ измѣненіи конституціи? Такая реформа заняла бы много времени и кромѣ того, она не нужна теперь.

«Мы желаемъ, чтобы право лордовъ накладывать veto было ограничено,—продолжалъ Редмондъ при бурныхъ апплодисментахъ не только націоналистовъ, но и либераловъ.—Когда это будетъ осуществлено, тогда или либералы, или консерваторы могутъ заняться на досугѣ реформой Верхней палаты. Итакъ, необходимо немедленно, не теряя часа, внести въ Нижнюю палату билль или хотя резолюцію объ ограниченіи veto. И если эта резолюція, принятая громаднымъ большинствомъ въ Нижней палатѣ, будетъ отклонена лордами, у премьера явится возможность обратиться къ королю со слѣдующими словами: «Вы видите, государь, что Верхняя палата несомнѣнно отклонитъ законопроектъ, основанный на резолюціи». Въмѣсто того, чтобы бесполезно обсуждать постатейно въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ законопроектъ, который, несомнѣнно, будетъ отклоненъ потомъ лордами, министры должны заранѣе, когда Верхняя палата отклонитъ резолюцію, испросить гарантіи у короны. И если король откажетъ въ этихъ гарантіяхъ, министры должны немедленно выйти въ отставку. Таковъ одинъ путь, лежащій теперь передъ правительствомъ. Есть еще другой путь: принять предварительно бюджетъ. Сдѣлавъ это, министерство, по мнѣнію Редмонда, совершитъ самоубійство. «Принявъ теперь бюджетъ, раньше чѣмъ рѣшенъ вопросъ о veto, министерство отброситъ пол-

номочія, полученные на послѣднихъ выборахъ.» Премьеръ предлагаетъ отправить бюджетъ къ лордамъ, которые по старой конституціи имѣютъ право снова отклонить его. Наслѣдственные законодатели уже разъ добились роспуска парламента. Теперь министры хотятъ дать имъ возможность снова добиться общихъ выборовъ.

«Утвердивъ бюджетъ и отложивъ билль о veto, вы этимъ самымъ признаете за лордами тѣ права, которыхъ они добиваются». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ энтузіазмъ страны остынетъ, и если тогда министерство обратится къ избирателямъ за полномочіями, оно будетъ разбито. Говорятъ, бюджетъ надо принять немедленно для предупрежденія финансоваго хаоса и большихъ потерь для казначейства. Но цѣлости и безопасности имперіи ничто не угрожаетъ, если финансовый кризисъ будетъ продолжаться еще три или четыре недѣли. Финансовый кризисъ представляетъ собою отличное оружіе, которое будетъ отброшено въ тотъ самый моментъ, когда Нижняя палата приметъ бюджетъ. Въ Ирландіи, во всякомъ случаѣ, не намѣрены сдѣлать этого. Всѣ бюджеты за исключеніемъ смѣты 1908 года (пенсія для престарѣлыхъ), по мнѣнію Редмонда, содержали въ себѣ несправедливость по отношенію къ Ирландіи. Вотъ почему націоналисты неизмѣнно всегда голосовали противъ второго чтенія каждаго бюджета. И тѣмъ не менѣе ирландцы теперь готовы голосовать за бюджетъ 1909 года, если будутъ увѣрены, что у министерства есть возможность превратить въ этомъ же году въ законъ билль о veto. «Мы готовы заплатить эту цѣну за ограниченіе veto,—продолжалъ Редмондъ,—но мы не желаемъ бросить нашу плату на вѣтеръ... Положеніе дѣлъ очень не выгодно для министерства; но оно можетъ быть улучшено. Я долженъ сказать премьеру и товарищамъ его, что мы всѣми силами поддержимъ ихъ въ борьбѣ съ Верхней палатой. Мы не желаемъ создать кризисъ и не хотимъ отставки министерства. Если министерство падетъ, это будетъ плохо для него и для насъ. Мы не ищемъ ссоры; но мы не можемъ также слѣпо слѣдовать за первымъ министромъ». Въ заключеніе своей рѣчи Редмондъ формулировалъ свои требованія. Министерство должно опредѣленно заявить, что выйдетъ въ отставку, если не получитъ отъ короны гарантіи, при помощи которыхъ возможно провести въ Верхней палатѣ въ этомъ же году билль объ ограниченіи veto лордовъ. До тѣхъ поръ, покуда эти гарантіи не получены, бюджетъ 1909 года не долженъ быть утвержденъ.

Рѣчь Редмонда произвела такое сильное впечатлѣніе, что нѣкоторое время послѣ окончанія ея продолжалось молчаніе. И когда вождь Рабочей партіи Барнесъ предложилъ закрыть засѣданіе, чтобы лучше обдумать положеніе дѣлъ,—всѣ согласились. Предварительно отъ имени крайнихъ радикаловъ внесена была поправка къ адресу, въ которой выражено сожалѣніе, что въ тронной рѣчи ничего не говорится про гарантіи. Такая поправка является порицаніемъ, выраженнымъ министерству его же сторонниками.

Либеральныя газеты, комментируя рѣчи премьера и Редмонда въ день открытія парламента, замѣтно склонялись на сторону вождя націоналистовъ. «Г. Аскитъ объяснилъ, что его не поняли,— читаемъ мы на другой день въ передовой статьѣ «Daily News». Когда онъ сказалъ въ Альбертовой залѣ, что ни одно либеральное министерство не станетъ у власти, если не будетъ имѣть гарантій, то подразумѣвалъ только соотвѣтственный законъ, а не гарантіи короны, при помощи которыхъ возможно ограничить veto лордовъ.. Аскитъ не обращался къ коронѣ за гарантіями и не намѣренъ обращаться. Правительство намѣрено обратить всю свою энергію на урегулированіе финансовъ и на ограниченіе veto лордовъ. Одновременно съ бюджетомъ внесена будетъ въ Нижнюю палату резолюція, которая послужитъ базисомъ для предстоящаго билля. Раньше пасхи и резолюція, и бюджетъ должны быть приняты Нижней палатой...

«Редмонда нельзя осуждать за то, что онъ остался недоволенъ толкованіемъ, которое премьеръ далъ своей рѣчи въ Альбертовой залѣ,—продолжаетъ Daily News. Точно также, какъ Редмондъ, поняли рѣчь въ декабрѣ прошлаго года всѣ журналисты, всѣ политическіе дѣятели и рядовые граждане. Никто не заподозритъ премьера въ прибіганіи къ уловкамъ; но приходится тѣмъ не менѣе пожалѣть, что столь ясный и точный въ обычное время г. Аскитъ,—выразился такъ темно и неудачно въ Альбертовой залѣ. Еще болѣе приходится пожалѣть о томъ, что Аскитъ до сихъ поръ не нашелъ нужнымъ выяснитъ, что всѣ заблуждаются. Во время выборовъ либеральныя и радикальныя кандидаты пользовались рѣчью Аскита для доказательства, что министерство возьметъ гарантіи отъ короны. И только вчера премьеръ нашелъ возможнымъ объяснить странѣ, что вся она пребывала въ заблужденіи до сихъ поръ... Совѣтъ, поданный Редмондомъ министерству, вполне правильный. Правительство поступитъ хорошо, если приметъ этотъ совѣтъ.. Если по второстепенному вопросу машина, созданная послѣдними выборами, сломится, вся отвѣтственность падетъ на министерство» *). Чтобъ оцѣнить эту передовую статью, надо имѣть въ виду ту лояльность, которую выражаютъ всегда англійскія изданія и политическіе дѣятели къ своимъ вождямъ.

Другія либеральныя газеты указывали министерству на то, что планъ дѣйствія намѣченъ еще покойнымъ сэромъ Генри Кэмпбеллемъ Баннерманомъ въ его резолюціи противъ Верхней палаты **).

*) Daily News February 22.

**) Двадцать шестого іюня 1907 года премьеръ внесъ въ парламентъ слѣдующую резолюцію: «Чтобы дать возможность волѣ народа выразиться всецѣло, необходимо ограничить право лордовъ отвергать законопроекты періодомъ существованія одного парламента». Другими словами: если билль отклоняется Верхней палатой, коммюнеры разсматриваютъ его еще разъ и опять посылаютъ его къ наслѣдственнымъ законодателямъ. Если

Консервативныя газеты съ Times'омъ во главѣ не обрадовались расколу въ рядахъ либераловъ. Онѣ не поспѣшили съ совѣтами, какъ скорѣе опрокинуть министерство. Напротивъ, газеты оппозиціи, повидимому, больше всего опасались, что министерство падетъ, и что протекціонистамъ придется немедленно стать у власти. Times выражалъ увѣренность, что министерство найдетъ какой нибудь выходъ. Газета заговорила о патріотизмѣ и о необходимости поддержать «правительство его величества». Оппозиція проявила еще большую робость, чѣмъ газеты ея. На другой день, вмѣсто того, чтобы выставить рѣшительную и опасную для кабинета поправку къ адресу, которая должна была неизбѣжно повести къ паденію министерства, консерваторы подняли старый вопросъ о протекціонизмѣ. Внося соотвѣтственную поправку къ адресу, оппозиція доподлинно знала, что министерство по вопросу о тарифахъ побѣдитъ.

IV.

Дебаты по поводу протекціонизма, тѣмъ не менѣе, были интересны. Въ парламентѣ сторонники тарифныхъ реформъ не рѣшились, конечно, выступать съ такими экономическими тезисами, какъ на общихъ выборахъ. «Тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ», «при тарифныхъ реформахъ всѣ налоги платятъ иностранцы» и др. утвержденія подобнаго рода слишкомъ нелѣпы, чтобы самый невѣжественный коммонеръ рѣшился повторить ихъ въ палатѣ передъ нѣсколькими сотнями отличныхъ экономистовъ, проницательныхъ финансистовъ, негоціантовъ и фабрикантовъ. Остинъ Чэмберлэнъ, внося поправку, ограничился поэтому, главнымъ образомъ, изображеніемъ ужасовъ безработицы. По мнѣнію бывшаго министра финансовъ консервативнаго кабинета, безработица обуславливается не колебаніями въ торговлѣ и не тѣмъ, что за оживленіемъ въ промышленности слѣдуетъ кризисъ. Безработица—явленіе хроническое. Оно тѣсно связано съ настоящей системой, безразлично, наблюдается ли оживленіе или застой въ промышленности. Недавно Англія переживала періодъ необыкновеннаго разцвѣта промышленности и, тѣмъ не менѣе, безработица наблюдалась и тогда,—продолжалъ Остинъ Чэмберлэнъ. Чѣмъ это объяснить? Почему и въ хорошіе, и въ плохіе годы мы одинаково видимъ людей, ищущихъ работу, но не могущихъ найти ее? Явленіе объясняется тѣмъ,—продолжалъ ораторъ,—что спросъ на трудъ въ Англіи не возрастаетъ пропорціонально съ ростомъ населенія и съ спросомъ на международныхъ рынкахъ. Міръ богатѣетъ и Англія тоже бога-

и на этотъ разъ лорды отклоняютъ законопроектъ, то коммонеры разсматриваютъ его еще разъ, и тогда онъ становится закономъ, независимо отъ согласія Верхней палаты. Съ этимъ проектомъ мы еще встрѣтимся дальше.

тѣтъ пропорціонально съ нимъ. «Ллойдъ-Джорджъ утверждалъ, что Англія самая богатая въ мірѣ страна, но я сомнѣваюсь въ этомъ,—продолжалъ Чэмберленъ. —Теперь Соединенные Штаты, вѣроятно, богаче Англіи. Предположилъ, однако, что мы богаче всѣхъ. Неужели этимъ ограничиваются всѣ заботы страны? Мѣрой для фискальной системы является не то, что она доставляетъ наибольшую сумму богатствъ, а возможно болѣе справедливое распределение ихъ. При правильной фискальной системѣ возможно большее число индивидуумовъ должно имѣть возможность жить въ довольствѣ. И, прилагая эту мѣрку, мы найдемъ, что нынѣшняя фискальная система неудовлетворительна. Она не поддерживаетъ продуктивности труда въ такой же пропорціи съ ростомъ населенія, какъ 20 лѣтъ тому назадъ. Такое явленіе, какъ безработица, наблюдается, несмотря на то, что всюду спросъ на фабрикаты растетъ. И, несмотря на это, англійскіе рабочіе вынуждены обращаться къ биржамъ труда, чтобы найти себѣ занятіе. Земля въ Англіи не производитъ столько продуктовъ первой необходимости, сколько она могла бы дать. Въ то же время громадныя территоріи въ колоніяхъ пустыютъ и не являются естественнымъ резервуаромъ для прироста населенія въ метрополіи». Спасеніемъ можемъ явиться только «научный тарифъ». По мнѣнію Чэмберлена, англійскіе рабочіе, стоя за свободную торговлю, играютъ въ руку нѣмецкимъ фабрикантамъ. Германскіе рабочіе,—увѣряетъ ораторъ,—смѣются надъ своими англійскими товарищами, защищающими вредную для себя систему.

Отъ имени англійскихъ рабочихъ Чэмберлену отвѣтилъ Рамсей Макъ-Дональдъ. «Повидимому, предшествующій ораторъ не знаетъ совершенно положенія дѣлъ въ Германіи, если утверждаетъ, что социаль-демократическая партія тамъ смѣется надъ англійской рабочей партіей за приверженность къ свободной торговлѣ»,—сказалъ Макъ-Дональдъ. Ссылаясь на официальные данныя, полученные отъ членовъ рейхстага, Макъ-Дональдъ доказывалъ, что германскіе социаль-демократы стоятъ за свободную торговлю. Въ декабрѣ 1906 года *Vorwärts* въ длинной статьѣ выяснялъ, какъ тарифы въ Германіи подняли вверхъ цѣны не только на мясо, но и на хлѣбъ, масло, яйца, а въ особенности на молоко.

Дальше представитель рабочей партіи переходитъ къ зависимости, которая, будто бы, существуетъ между свободной торговлей и безработицей. «На послѣднихъ выборахъ протекціонисты утверждали, что тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ. Теперь они не рѣшаются уже дѣлать такихъ категорическихъ заявленій»,—продолжалъ ораторъ. Онѣ указали на примѣръ Германіи и Америки, гдѣ, несмотря на высокіе тарифы, безработица все таки существуетъ. Въ Германіи протекціонизмъ отстаивается юнкерской партіей. Если бы власть въ рейхстагѣ находилась въ рукахъ социаль-демократовъ, Германія немедленно перешла бы къ свобод-

ной торговлѣ. Макъ-Дональдъ описалъ дальше конгрессъ въ Германіи, на которомъ присутствовалъ. На митингъ были уполномоченные представители отъ 3 милл. избирателей. И этотъ конгрессъ высказался за свободную торговлю. Въ Америкѣ во время президентскихъ выборовъ нѣсколько кандидатовъ заявили, что протекціонизмъ не принесетъ Соединеннымъ Штатамъ ожидаемыхъ выгодъ. Указывалось, что система эта сковываетъ американскую промышленность, и выяснялось, что, если Соединенные Штаты желаютъ захватить нейтральные рынки, они должны понизить ввозныя пошлины.

Но самый рѣшительный отвѣтъ Чамберлену далъ Ллойдъ-Джорджъ. Канцлеръ казначейства указалъ, что въ своихъ рѣчахъ въ защиту свободной торговли онъ выставилъ четыре тезиса, которые не были отвергнуты защитниками тарифныхъ реформъ. Больше того, протекціонисты въ своихъ рѣчахъ ни разу не рѣшались даже касаться этихъ тезисовъ. Первое положеніе заключается въ томъ, что Англія все еще владѣетъ наиболѣе развитой международной торговлей во всемъ мірѣ. Исчисляется она въ тысячу мил. ф. ст. Германія имѣетъ торговлю въ 700 мил. ф. ст., Франція—въ 427 мил. ф. ст. Соединенные Штаты очень богаты. Они имѣютъ населеніе вдвое больше, чѣмъ Англія, а между тѣмъ торговля Сѣверо-Американской республики начисляется въ 625 мил. ф. ст. Второй тезисъ заключается въ томъ, что Англія вывозитъ за границу больше, чѣмъ какая либо другая страна въ мірѣ, обработанныхъ товаровъ. Экспортъ Англіи превышаетъ на 83 мил. ф. ст. экспортъ Германіи. Соединенное королевство отправляетъ на международные рынки фабрикатовъ на 296 мил. ф. ст., Франція—на 118 мил. ф. ст., а Соединенные Штаты—на 156 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, фритредерская Англія отправляетъ за границу больше товаровъ, чѣмъ протекціонные Соединенные Штаты и Франція, взятые вмѣстѣ. Этотъ тезисъ тоже не подлежитъ сомнѣнію. Дальше слѣдуетъ третье неоспоримое положеніе. Англія перевозитъ на своихъ карабляхъ столько товаровъ, своихъ и чужихъ, сколько всѣ другія страны, взятія вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, англійскій коммерческій флотъ исчисляется въ 11,5 мил. тоннъ, тогда какъ германскій—въ 2,8 мил. тоннъ. Коммерческій флотъ Англіи въ четыре раза больше германскаго и больше флотовъ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Наконецъ, Ллойдъ-Джорджъ выставилъ послѣдній неоспоримый тезисъ. Въ фритредерской Англіи рабочіе получаютъ большую заработную плату, чѣмъ въ какой либо другой странѣ на континентѣ. Въ Германіи, гдѣ положеніе рабочихъ лучше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ на континентѣ, заработная плата на 25% ниже англійской. Къ этому надо прибавить еще, что въ Англіи рабочий день короче, чѣмъ на континентѣ. Англійскіе рабочіе не только получаютъ больше за меньшее количество труда, чѣмъ гер-

манскіе, но покупательная сила денегъ, вслѣдствіе свободной торговли, въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ. Цѣны на пищевые продукты и на предметы первой необходимости въ Англіи ниже чѣмъ въ какой либо другой странѣ.

— Начинаются опять сказки про черный хлѣбъ и про отбросы которыми будто бы питаются нѣмецкіе рабочіе!— крикнули тутъ иронически нѣкоторые члены оппозиціи.

— Я сейчасъ коснусь и черного хлѣба, и отбросовъ,— спокойно отвѣтилъ канцлеръ казначейства.—Меньше всего я хочу отступить отъ того, что сказалъ во время выборовъ. Напротивъ, попытаюсь доказать все сказанное официальными данными. Станетъ ли кто либо здѣсь отрицать, что конина потребляется въ пищу германскими рабочими?.. Будетъ ли кто оспаривать, что рабочіе въ Германіи ѣдятъ черный хлѣбъ?

— Ржаной хлѣбъ,—поправляетъ протекціонистъ Джессъ Коллингсъ.

— Я называю его чернымъ хлѣбомъ.

— Ржаной, а не черный!.

— Развѣ хлѣбъ этотъ не черный?—спросилъ Ллойдъ-Джорджъ.

— Нѣтъ.

— Повидимому, ко всѣмъ другимъ своимъ недостаткамъ, члены оппозиціи присоединяютъ еще неспособность различать цвѣта,— продолжалъ канцлеръ казначейства.—Сами нѣмцы называютъ свой хлѣбъ чернымъ. Подъ этимъ названіемъ его спрашиваютъ здѣсь въ Лондонѣ въ нѣмецкихъ лавкахъ.

— Нѣтъ!—кричатъ члены оппозиціи.

— Какого же цвѣта, въ такомъ случаѣ этотъ хлѣбъ? Я не думалъ, что при опредѣленіи цвѣта его возникнетъ какое нибудь сомнѣніе. Говорятъ, нѣкоторые члены оппозиціи увѣряютъ, что черный хлѣбъ отличная пища... для рабочихъ (Раздается хохотъ и крики нѣтъ). Я хотѣлъ бы знать во всякомъ случаѣ, сколько черного хлѣба съѣдаетъ членъ оппозиціи, восхвалявшій этотъ продуктъ?.. Убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи достопочтенный джептльмэнъ соблюдаетъ строжайшую діету. Онъ обвиняетъ меня въ томъ, что на выборахъ я сказалъ, будто черный хлѣбъ мы не дадимъ даже бродягамъ. Вотъ что я дѣйствительно сказалъ тогда: «Протекціонисты увѣряютъ насъ, что черный хлѣбъ превосходенъ, очень питателенъ, вкусенъ и сытенъ. Появляются ли здѣсь бродяги когда нибудь»? Мнѣ отвѣтили утвердительно. Тогда я сказалъ: «Ну, такъ вотъ, какъ только покажется бродяга въ ближайшее время, дайте ему кусокъ нѣмецкаго черного хлѣба. Вы избавитесь отъ нищаго. Онъ будетъ избѣгать вашъ домъ, какъ будто тамъ предлагаютъ, вмѣсто хлѣба, ядъ».

Надо знать, что черный хлѣбъ, выставленный фритредерами во время выборовъ, привелъ въ ужасъ рабочихъ, привыкшихъ къ лучшему крупчатому хлѣбу. А между тѣмъ демонстрировался только

лучшій пеклеваникъ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ бы на англійскихъ рабочихъ нашъ крестьянскій хлѣбъ, а въ особенности хлѣбъ «голодный»!.

Ллойдъ Джорджъ дальше перешелъ къ потребленію конины въ Германіи.

— Станетъ ли здѣсь въ палатѣ кто-нибудь отрицать, что лошадиное мясо употребляется въ Германіи въ большомъ количествѣ?—спросилъ канцлеръ казначейства.

— Да!—крикнули на скамьяхъ оппозиціи.

— Въ такомъ случаѣ я приведу официальные данныя. Цифры, сообщенныя хемницкимъ муниципалитетомъ, говорятъ, что городскія бойни выпускаютъ ежегодно 646 тысячъ фунтовъ лошадиного мяса. Тѣми же бойнями выпущено въ прошломъ году 15 тысячъ собачьяго мяса. Быть можетъ, нѣкоторые члены оппозиціи назовутъ собачину тоже и вкусной, и питательной. Въ Англіи мы называемъ этотъ родъ мяса падалью. Во Франціи, судя по официальнымъ даннымъ, на бойняхъ убиваютъ лошадей и ословъ. Протекціонисты рекомендуютъ англійскимъ рабочимъ черный хлѣбъ. Рекомендуютъ ли они также собачину, конину и ослитину? Въ протекціонной Германіи дешевле только одинъ родъ мяса—собачье. Конина дороже тамъ, чѣмъ хорошая австралійская баранина въ Англіи *).

Ирландцы не участвовали въ голосованіи по поводу свободной торговли; но тѣмъ не менѣе поправка протекціонистовъ была отклонена большинствомъ въ 31 голосъ.

V.

Итакъ, политическій кризисъ назрѣвалъ, хотя протекціонисты не желали его. Въ рядахъ министерской партіи происходила борьба между умѣренными либералами и радикалами. Послѣдніе настаивали на томъ, чтобы министерство исполнило обѣщаніе, данное на выборахъ, т. е. чтобы оно немедленно начало борьбу съ лордами и держало бы бюджетъ, какъ оружіе. Радикалы напоминали правительству про тѣ униженія, которыя заставили его пережить лорды за послѣднія четыре года. Если теперь будетъ упущенъ моментъ,—говорили радикалы,—либеральное правительство сильно скомпрометируетъ себя въ глазахъ избирателей. Такой моментъ, когда коалиція, располагающая большинствомъ въ 120 голосовъ, полу-

*) Читатели знаютъ, вѣроятно, что бараньи туши немедленно послѣ свѣшиванія складываются въ герметически закупоренныя камеры въ трюмахъ специальныхъ кораблей, замораживаются тамъ и затѣмъ отправляются въ долгое сорокадневное плаваніе въ Англію. Туши прибываютъ въ Англію крѣпкія, какъ камень, и совершенно свѣжія. Трудно повѣрить, что это мясо прибыло изъ страны антиподовъ.

чила на выборахъ полномочія для борьбы съ лордами,—не повторится скоро. Надо дѣйствовать смѣлѣе.

Умѣренные либералы и старые глэдстоніанцы были въ нерѣшительности. У нихъ являлось, повидимому, опасеніе, что ограниченіе veto поведетъ фактически къ однопалатной системѣ. И тутъ пробудился страхъ передъ новой демократіей, который съ такою откровенностью высказалъ лордъ Розбери. И вотъ умѣренные либералы заговорили о томъ, что необходимо не столько ограничить veto Верхней палаты, сколько реформировать ее на демократическихъ началахъ. Другими словами, необходимо замѣнить наследственную Верхнюю палату выборной. Радикалы, какъ ирландцы и рабочіе, усмотрѣли въ реформѣ Верхней палаты нѣчто новое, на что министры не получили полномочій. Печать, поддерживавшая раньше министерство, распалась на два лагеря. Двадцать восьмого февраля премьеръ долженъ былъ предъявить парламенту программу занятій. И въ этотъ день ожидался рѣшительный кризисъ, т. е. отпаденіе радикаловъ и голосованіе ихъ вмѣстѣ съ ирландцами и рабочими противъ министерства.

«Суть дѣла заключается вотъ въ чемъ,—писала 25 февраля «Westminstere Gazette», являющаяся офиціозомъ умѣренныхъ либераловъ въ кабинетѣ.—Большинство членовъ кабинета убѣждено, что страна противъ однопалатной системы. Вотъ почему выступленіе министерства съ такимъ проектомъ, который фактически означаетъ однопалатную систему, поведетъ неизбежно къ пораженію либераловъ на ближайшихъ выборахъ. Съ другой стороны, если бы резолюція относительно ограниченія veto была соединена съ проектомъ реформы Верхней палаты на демократическихъ началахъ, правительственный проектъ не былъ бы встрѣченъ такъ враждебно. Можно думать, что демаркаціонная линія, раздѣляющая теперь избирателей, стоящихъ вообще за реформу Верхней палаты, лежитъ между наследственнымъ принципомъ и выборами. И если вопросъ относительно Верхней палаты станетъ снова передъ избирателями, то всѣ юніонисты подадутъ голосъ за наследственную палату, а либералы и радикалы—за выборную».

О томъ, какъ отвесились радикалы къ слуху, что министерство собирается внести параллельно съ резолюціей объ ограниченіи veto проектъ реформы Верхней палаты, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. На двадцать восьмое февраля сэръ Джонъ Дальзіель (крайній радикалъ) отъ имени группы въ пятьдесятъ человекъ внесъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что правительство не имѣетъ полномочій отъ избирателей на осуществленіе реформы Верхней палаты. Въ радикальной прессѣ, соблюдавшей лояльность по отношенію къ кабинету, появился рядъ рѣзкихъ статей. Вотъ, напримеръ, выдержки изъ статьи, озаглавленной «Виги одержали верхъ въ кабинетѣ» и появившейся въ Reynolds' Newspaper. «Какъ только радикалы готовы были обнародовать демократическую программу,

намѣченную еще покойнымъ Кэмпбеллемъ Баннерманомъ,—виги, оставшіеся еще въ кабинетѣ, выработали новый проектъ реформы Верхней палаты на выборныхъ началахъ. Это означаетъ, что виги собираются создать такую вторую палату, которая станетъ еще упрямѣе на пути демократическихъ реформъ, чѣмъ Палата лордовъ. Въ этомъ именно вся суть кризиса». Газета увѣряла, что, будто бы, во главѣ «виговъ» стоятъ иностранный министр, сэръ Эдуардъ Грей, военный министр Хальдэнъ и самъ Аскитъ. Дальше утверждалось, что «виговъ» поддерживаетъ Черчель. Во главѣ радикаловъ министерства, по увѣренію «Reynolds's Newspaper», стоятъ Ллойд-Джорджъ и Гаркортъ. «Чтобы вполнѣ понять точное положеніе дѣлъ, надо вспомнить все случившееся послѣ всеобщихъ выборовъ,—читаемъ мы въ газетѣ.—Къ всеобщему изумленію Аскитъ послѣ выборовъ, вмѣсто того, чтобы немедленно добиваться аудіенціи у короля, отправился за границу. Во время его отсутствія Хальдэнъ, лордъ Морлей и Макъ-Кенна совѣщались съ его величествомъ. Эти министры абсолютно противъ испрашиванія какихъ бы то ни было гарантій, которыя бы помогли превращенію билля относительно сокращенія veto Верхней палаты въ законъ. Виги рѣшили свести къ нулю полномочія, полученныя либеральной партіей на послѣднихъ выборахъ». Газета предсказываетъ дальше, что либеральное министерство доживаетъ послѣдніе дни. Дѣятельность (точнѣе, бездѣятельность) кабинета огняла у послѣдователей его мужество. Уныніе, переживаемое теперь либеральной партіей, таково, что, по мнѣнію газеты, оно должно неминуемо повести къ распаденію. «Reynolds's Newspaper» утверждаетъ, что кабинетъ поставилъ многихъ коммонеровъ въ крайне затруднительное положеніе по отношенію къ избирателямъ, которымъ они обѣщали покончить съ правомъ veto лордовъ. Коммонеры, давая обѣщаніе, полагались всецѣло на заявленіе Аскита.

Дальше газета увѣряла, что разладъ въ кабинетѣ долженъ неминуемо повести къ отставкѣ Ллойд-Джорджа. «Онъ остается еще членомъ кабинета только изъ чувства лояльности и изъ желанія видѣть осуществленіе бюджета». «Положеніе дѣлъ,—заканчиваетъ газета,—крайне огорчаетъ всѣхъ истинныхъ демократовъ. Никогда еще до сихъ поръ не было такой возможности осуществить на практикѣ демократическіе принципы. И эта возможность, повидимому, уничтожена тѣмъ, что вожди отказываются вести за собою армію туда, куда она рвется. На этихъ дняхъ должна рѣшиться судьба министерства» *).

Болѣе умѣренная газета «Daily News», всегда вѣрно поддерживавшая министерство, тоже отнеслась отрицательно къ слуху, что правительство намѣрено соединить вмѣстѣ два билля: объ ограниченіи veto и о реформѣ Верхней палаты, и внести ихъ въ пар-

*) Reynolds's Newspaper, February, 27.

ламентъ одновременно съ бюджетомъ. «Всѣ радикалы абсолютно противъ такого соединенія, — читаемъ мы въ «Daily News» отъ 26 февраля. — Избиратели высказались рѣшительно противъ veto Верхней палаты; но относительно реформы ея — страну не спрашивали». Газета говоритъ дальше, что въ виду разногласія въ кабинетѣ, — можно ожидать отставки нѣкоторыхъ министровъ. По мнѣнію «Daily News», передъ прогрессистами, возстающими противъ veto, открыты теперь два пути. Прежде всего, борьба при помощи гарантій. Пусть министерство внесетъ резолюцію объ ограниченіи veto. Она будетъ принята въ Нижней палатѣ большинствомъ въ 120 голосовъ. Если лорды отклоняютъ эту резолюцію, то выяснится вполне, какъ они поступаютъ, когда будетъ внесенъ соответственный законопроектъ. Тогда премьеръ долженъ обратиться къ коронѣ за гарантіями, т. е. взять обѣщаніе о назначеніи въ случаѣ надобности 500 новыхъ пэровъ. И если король этихъ гарантій не дастъ, министерство должно выйти въ отставку и обратиться къ верховному суду, къ народу, рѣшающему судьбы коммунеровъ, лордовъ и короны. Единственнымъ пунктомъ программы предстоящихъ выборовъ долженъ быть вопросъ о veto. Это — одинъ путь.

Другой путь это — референдумъ. Правительство вноситъ бюджетъ и билль о veto и затѣмъ предлагаетъ коронѣ назначить референдумъ по этимъ вопросамъ. Для референдума потребуются специальный законопроектъ, который лорды, конечно, могутъ отклонить; но это сильно повредитъ имъ въ глазахъ избирателей. «Безъ сомнѣнія, — продолжаетъ газета, — референдумъ представляетъ собою нѣчто новое въ Англіи, но вѣдь и дѣло идетъ о перемѣнѣ въ конституціи, т. е. о совершенно исключительномъ вопросѣ».

Любопытно отмѣтить, что проектъ референдума былъ предложенъ впервые въ прошломъ году консерваторами для выясненія отношенія избирателей къ бюджету 1909 года. Тогда радикалы отнеслись совершенно отрицательно къ референдуму.

Я упомянулъ выше, что вождь ирландской партіи выразилъ мнѣніе не только націоналистовъ, но и радикаловъ. «Услышавъ про то, что тонъ рѣчи г. Редмонда былъ рѣзкій, — провинціальныя читатели предположить, что она заставила объединиться либеральную партію, говоритъ «Daily News». И предположеніе будетъ совершенно ошибочное. Напротивъ. Случилось какъ разъ обратное. Рѣчь Аскита была принята на скамьяхъ либеральной партіи гробовымъ молчаніемъ; тогда какъ почти каждая фраза Редмонда подчеркивалась аплодисментами... Не Аскитъ, а Редмондъ выразили идеалы радикальной партіи». Наканунѣ рѣшительнаго парламентскаго засѣданія Т. П. О'Коннеръ предсказывалъ либеральной партіи полное крушеніе, если она выдвинетъ реформу Верхней палаты.

«Правительство находится въ большой опасности, — писалъ О'Коннеръ. — И оно само создало опасное положеніе. Говорятъ, правительство, вмѣсто того, чтобы внести простой билль объ огра-

ниченіи veto Верхней палаты, намѣревается предложить законопроектъ о реформѣ. Если министерство дѣйствительно сдѣлаетъ это,—оно неминуемо погибнетъ. Теперь не время передѣлывать конституцію. Намъ нужны короткія, простыя и рѣшительныя мѣры. Конечно, проекты реформъ вообще желательны. Безъ сомнѣнія, Верхнюю палату нельзя оставить надолго въ томъ же положеніи, какъ теперь; но время для такихъ реформъ еще не наступило. Чтобы имѣть возможность преобразовать Верхнюю палату, необходимо предварительно отнять у ней право отклонять законопроекты, выработанные коммонерами. Какая польза въ биллѣ о реформѣ Верхней палаты, если за ней остается право veto? Вѣдь лорды отклоняютъ билль о реформѣ, какъ отклонили бюджетъ. Говорить о реформахъ теперь все равно, что припрятать коня сзади, а не спереди вѣса. Билль о реформѣ раздѣлитъ голоса той партіи, которая объединена теперь ненавистію къ наслѣдственнымъ законодателямъ».

Выяснимъ теперь отношеніе Рабочей партіи къ кризису. Радикалы требуютъ ограниченія veto потому, что видятъ въ Верхней палатѣ тормазъ, мѣшающій осуществленію необходимыхъ политическихъ соціальныхъ реформъ. Радикалы противъ реформы Верхней палаты, ибо превращеніе ея изъ наслѣдственной въ выборную только усилитъ ее. Введеніе представительнаго принципа, по мнѣнію радикаловъ, придастъ Верхней палатѣ большій авторитетъ въ глазахъ населенія. Такимъ образомъ «тормазъ» только окрѣпнетъ. Ирландцы противъ реформы Верхней палаты, потому что она можетъ навсегда покончить съ вопросомъ объ областномъ сеймѣ. Рабочая партія вообще за однопалатную систему и въ ограниченіи veto видитъ первый шагъ къ достиженію намѣченнаго идеала. Отношеніе Рабочей партіи къ разногласію по поводу veto было выяснено въ рѣчи Хендерсона, произнесенной въ Barnard Castle 26 февраля.

«Не желая поставить правительство въ затруднительное положеніе,—сказалъ Хендерсонъ,—я долженъ, однако, отмѣтить, что оно само въ значительной степени виновато, если создался кризисъ. Прежде еще, чѣмъ парламентъ собрался, по переговорамъ съ націоналистами видно было, что положеніе правительства очень опасно. Когда тронная рѣчь была произнесена, рабочіе убѣдились, что извѣстная часть отвѣтственности за кризисъ лежитъ на министерствѣ». Заключительная часть тронной рѣчи разочаровала рабочихъ, продолжалъ Хендерсонъ. Въ послѣднихъ строкахъ рѣчи есть одно или два слова, которыми обусловливается нынѣшнее затруднительное положеніе министерства. «Эта палата (т. е. палата лордовъ),—читаемъ мы въ тронной рѣчи,—должна быть преобразована и наделена полномочіями». Въ этихъ словахъ сторонники министерства усмотрѣли серьезное отступленіе отъ политики, намѣченной самимъ же правительствомъ. На сколько вопросъ касается лордовъ, избиратели высказались недавно или за ограниченіе veto, или за уничто-

желіе Верхней палаты. Первое предложеніе было выставлено либералами и радикалами, а второе (уничтоженіе Верхней палаты) рабочими. На выборахъ никто, кромѣ сэра Эдуарда Грея, не говорилъ о реформѣ Верхней палаты. Всѣ кандидаты, поддерживавшіе политику министерства, опирались на рѣчь премьера въ Альбертовой залѣ... Теперь выясняется, что премьеръ думалъ сказать совсѣмъ не то, что всѣ усмотрѣли въ его рѣчи. Никто изъ знающихъ перваго министра не заподозрилъ его въ желаніи отступить отъ своего слова; но въ то же время всѣ сторонники его имѣютъ серьезное основаніе жаловаться. Въ самомъ дѣлѣ, если они невѣрно истолковали рѣчь въ Альбертовой залѣ, премьеръ, знавшій, какъ его слова истолкованы, долженъ былъ поспѣшить съ разъясненіями.

А между тѣмъ, хотя всѣ кандидаты ссылались во время выборовъ на рѣчь перваго министра, не было никакихъ попытокъ выяснить истинный смыслъ ея. И въ результатъ то, что націоналисты отказали министерству въ поддержкѣ. Рабочіе, вмѣстѣ съ націоналистами и радикалами, думаютъ, что правительство не получило полномочій отъ страны на реформу Палаты лордовъ. Хендерсонъ дальше выясняетъ, что у Рабочей партіи больше общаго съ министерской партіей, чѣмъ у послѣдней съ ирландцами. Националистовъ можетъ объединить съ либералами только борьба съ лордами. По вопросу о бюджетѣ ирландцы и либералы расходятся. Националисты на выборахъ выступали противъ бюджета. Что касается Рабочей партіи, то она за бюджетъ. На выборахъ рабочіе кандидаты выступали защитниками бюджета. Такимъ образомъ, при правильной политикѣ со стороны кабинета союзъ Рабочей партіи съ министерской вполне возможенъ. Рабочіе безусловно противъ реформы Верхней палаты. Они желали бы, чтобы министерство внесло сразу не резолюцію, а билль объ ограниченіи veto. Вождь Рабочей партіи Барнесъ въ рѣчи, произнесенной въ Гримеби, выступилъ рѣшительно противъ проекта реформы Верхней палаты, но въ той же рѣчи Барнесъ проявляетъ еще большую сговорчивость, чѣмъ Хендерсонъ. «Рабочей партіи необходимъ бюджетъ 1909 года,—сказалъ Барнесъ. Если партія будетъ увѣрена, что правительство намѣрено осуществить какъ бюджетъ, такъ и билль противъ лордовъ, то ей будетъ безразлично, въ какомъ порядкѣ эти мѣры поступать въ парламентъ. При увѣренности въ осуществленіе намѣченныхъ законопроектовъ, Рабочая партія будетъ поддерживать министерство.

Другими словами, это означаетъ, что Рабочая партія ничего не имѣетъ противъ рассмотрѣнія бюджета одновременно съ биллемъ о veto.

Скажу теперь еще нѣсколько словъ объ отношеніи къ кризису меньшинства «ирландской партіи». Вильямъ О'Брайенъ изложилъ свой взглядъ въ рѣчи, произнесенной въ Mitchelstown (Ирландія). «Жизнь бюджета 1909 года висѣла на волоскѣ,—сказалъ вождь

меньшинства. Редмонду и националистамъ стоило сказать слово, и отъ бюджета, который прибавить 2 мил. ф. ст. новыхъ налоговъ къ тѣмъ, которые уже уплачиваетъ Ирландія, — не осталось бы и слѣда. Но Редмондъ не сказалъ этого слова. Несмотря на свои хвастливыя рѣчи, произнесенныя специально для того, чтобы пустить ирландскому народу пыль въ глаза, Редмондъ и не скажетъ этого слова, покада его не заставятъ. Пусть же общественное мнѣніе въ Ирландіи выскажется громко! Пусть Редмондъ знаетъ, какъ относится Ирландія къ его обѣдамъ вмѣстѣ съ членами кабинета *)! Редмондъ и партія его торгуются по поводу гомруля съ шайкой англійскихъ социалистовъ и радикаловъ, у которыхъ такъ же мало шансовъ увлечь за собою Англію, какъ и бросить корону въ Темзу. Эти самые люди изувѣчили законъ о приобрѣтеніи земли и осудили 250,000 фермеровъ на долготѣнную зависимость отъ помѣщиковъ. Своимъ бюджетомъ они причинили Ирландіи еще большее зло. Скажи представители Ирландіи хотя бы одно слово въ парламентѣ, бюджетъ былъ бы похороненъ на вѣки, Эринъ былъ бы спасенъ. Но они молчали и будутъ молчать. Ирландцы слишкомъ запутались своими преступными переговорами съ социалистами и радикалами. Ирландіи теперь остается только послать въ парламентъ вѣрныхъ людей, которые внимательно слѣдили бы за тайными обѣдами, на которыхъ измѣнники національнымъ интересамъ сговариваются съ Ллойдъ-Джорджемъ и его социалистами. Редмондъ и братья его должны помнить, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имъ надо предстать передъ избирателями въ Ирландіи, которымъ она измѣнила и которыхъ предала. Избиратели навяжутъ на шею измѣнникамъ бюджетъ и утопятъ ихъ въ морѣ общественнаго презрѣнія».

Такъ высказались всѣ парламентскія группы и партіи до 28 февраля, когда премьеръ долженъ былъ внести въ Палату общинъ программу министерской партіи. Казалось, что коалиція уперлась въ тупикъ, и долженъ произойти взрывъ при обсужденіи резолюціи, внесенной радикаломъ сэромъ Джономъ Далзіелемъ («Правительство не имѣетъ полномочій на реформу Верхней палаты»). Казалось, что паденіе министерства неизбежно. Благопріятнымъ симптомомъ являлось то, что немедленное паденіе кабинета невыгодно для всѣхъ партій. Общія выборы стоятъ очень дорого. Въ особенности дорого стоили послѣдніе выборы. Рабочей партіи пришлось собрать деньги подъ «метелочку». Либералы и консерваторы истощили свои боевые фонды. Ирландцы должны ждать денегъ отъ своихъ соотечественниковъ въ Соединенныхъ

*) Ненавистникъ и «желчевикъ», усматривающій всюду измѣну, имѣетъ въ виду переговоры съ ирландцами въ домѣ Ллойдъ-Джорджа. Повидимому, переговоры эти не дали никакихъ положительныхъ результатовъ.

Штатахъ. Если бы выборы поставили у власти консерваторовъ, имъ пришлось бы немедленно распутывать сложный финансовый узелъ. И вотъ мы видимъ, какъ наканунѣ рѣшительнаго засѣданія 28 февраля, консервативная пресса совѣтуетъ протекціонистамъ поддержать министерство въ случаѣ, если ирландцы и рабочіе будутъ угрожать ему. Мотивировалось это, конечно, не тѣмъ, что протекціонистамъ невыгодно теперь паденіе кабинета, а «патріотизмомъ».

VI.

Наконецъ, состоялось историческое засѣданіе 28 февраля, исходъ котораго дѣлалось такъ много догадокъ. Заявление, сдѣланное премьеромъ въ парламентъ въ тотъ вечеръ, показываетъ, что мнѣніе лѣваго крыла радикальной партіи одержало верхъ. «Виги», повидимому, уступили по всѣмъ пунктамъ. Заявление Аскита сводится къ слѣдующему. До 24 марта Нижняя палата занята финансовыми вопросами: она ассигнуетъ необходимыя суммы на флотъ, на армію и на гражданскую службу. Затѣмъ наступаетъ короткій перерывъ по случаю пасхи (за границей она въ этомъ году очень ранняя). Двадцать восьмого марта парламентъ снова собирается, и тогда премьеръ вноситъ немедленно резолюцію такого рода, что право Верхней палаты накладывать veto на финансовые билли уничтожается, а право отклонять законопроекты другого рода ограничивается періодомъ существованія парламента.

Эта резолюція не имѣетъ связи съ биллемъ реформы Верхней палаты на демократическихъ началахъ, который министерство внесетъ впослѣдствіи.

Подъ такой реформой подразумѣвается уничтоженіе наслѣдственнаго принципа и замѣна его выборнымъ.

Хотя резолюція содержитъ только принципъ будущаго законопроекта, но она должна пройти по закону всѣ тѣ формы, какъ и обыкновенный билль. Другими словами, резолюція, выдержавъ три чтенія въ Нижней палатѣ, должна пойти къ лордамъ. Независимо отъ того, скрѣпятъ ли лорды своимъ согласіемъ резолюцію или отклоняютъ, министерство внесетъ билль, построенный на резолюціи. «Оно употребитъ всѣ мѣры, упомянутыя въ конституціи», чтобы этотъ законопроектъ сталъ закономъ въ эту же сессію. Кабинетъ свяжетъ свое существованіе съ судьбою билля.

Заявленіе было достаточно опредѣленно; но вождь ирландцевъ постарался выяснитъ все недоговоренное.

Націоналисты желаютъ помочь правительству провести государственную смѣту,—сказалъ Редмондъ. Они охотно поддержатъ министерство, если оно исполнитъ всѣ свои обѣщанія. Правительство намѣрено послать резолюцію, принятую коммонерами, въ

Верхнюю палату. Но что министерство сдѣлаетъ, если лорды отклоняютъ резолюцію или просто задержать ее подъ предлогомъ, что имъ надо имѣть предварительно билль? Этотъ пунктъ не выясненъ премьеромъ. Если онъ намѣренъ, въ случаѣ когда лорды отклоняютъ резолюцію, обратиться къ королю за гарантіями, то почему премьеръ прямо не сказалъ этого? Что собирается дѣлать премьеръ, если корона откажетъ въ гарантіяхъ? Обратится ли онъ немедленно тогда къ странѣ? Если первый министръ дастъ точные отвѣты на эти вопросы,—продолжалъ Редмондъ,—если онъ скажетъ, кромѣ того, что станетъ съ бюджетомъ, куда резолюція будетъ обсуждаться,—то націоналисты поддержать правительство. Если же точнаго отвѣта не будетъ, ирландцы будутъ голосовать противъ заявленія Аскита. Редмондъ указалъ, что оппозиція боится теперь больше всего немедленнаго роспуска парламента.

— Вы предпочли бы, конечно, референдумъ,—сказалъ вожьдъ ирландцевъ, обращаясь къ консерваторамъ.—Что далъ бы плебисцитъ?

— Убилъ бы гомруль!—крикнулъ кто-то на скамьяхъ оппозиціи.

— Нѣтъ, плебисцитъ отложилъ бы на неопредѣленное время вопросъ объ ограниченіи права лордовъ.

Раздались оглушительные апплодисменты на скамьяхъ оппозиціи.

— Теперь, когда достопочтенные джентельмэны достаточно натѣшились,—спокойно продолжалъ Редмондъ,—пусть они послушаютъ меня еще минуту. Что далъ бы референдумъ? Плебисцитъ не можетъ быть устроенъ безъ соответственнаго закона. Сторонники консерваторовъ въ Верхней палатѣ отклонили бы этотъ законопроектъ о назначеніи плебисцита. Весь вопросъ былъ бы отложенъ надолго. Ограниченіе права veto Верхней палаты могло бы состояться тогда лишь послѣ двухъ общихъ выборовъ.

Ллойдъ-Джорджъ постарался выяснитъ вполне намѣренія правительства. Палатѣ остается ждать только нѣсколько недѣль до послѣ пасхи. Если министерство не исполнитъ тогда своихъ обѣщаній,—сказалъ канцлеръ казначейства,—оно всецѣло будетъ въ рукахъ коммонеровъ. Разрушеніе власти лордовъ важно не столько для всего англійскаго народа, какъ для маленькихъ національностей, входящихъ въ составъ его. Министерству приходится сокрушить страшную силу, п. ч. она опирается на помѣщиковъ и на «trade» (всѣхъ заинтересованныхъ въ выкуриваніи и продажѣ крѣпкихъ напитковъ). Чтобы успѣшно бороться съ этою силою, необходимо объединиться всѣмъ партіямъ. Ллойдъ-Джорджъ дальше перешелъ къ вопросу о гарантіяхъ.

«Нѣкоторые изъ насъ дали вполне опредѣленные обѣщанія избирателямъ по вопросу о гарантіяхъ. Отъ этихъ обѣщаній мы не

намѣрены отступиться. Напротивъ. Мы или побѣдимъ, или падемъ при приведеніи ихъ въ исполненіе». Но министры заранѣе не могутъ просить короля дать гарантіи. Кабинетъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы резолюція возможно скорѣе прошла въ обѣихъ палатахъ. «Могу увѣрить всѣхъ нашихъ друзей,—продолжалъ Ллойд-Джорджъ,—что, внося резолюцію, мы не собираемся пахать песокъ. Мы останемся у власти только въ такомъ случаѣ, если будемъ имѣть полную увѣренность, что наше предложеніе станетъ закономъ».

Другими словами: министры не могутъ просить у короля гарантіи теперь, когда резолюція еще не намѣчена; но впоследствии такіа гарантіи будутъ испрошены, иначе министерство выйдетъ въ отставку.

Что касается бюджета то разсмотрѣніе его отложено до тѣхъ поръ, покуда пройдетъ резолюція объ ограниченіи veto.

Крайніе радикалы высказали свое одобреніе министерству. Вождь Рабочей партіи тоже удовлетворился объясненіями премьера и Ллойд-Джорджа. «Мы поняли рѣчи премьера и канцлера назначенія такъ, что въ случаѣ, если лорды отклоняютъ резолюцію, кабинетъ выйдетъ въ отставку. Мы удовлетворены и находимъ полную возможность голосовать за правительство».

Оппозиція до такой степени опасалась паденія кабинета, что не рѣшилась голосовать противъ заявленія премьера. Въ такомъ видѣ стоитъ вопросъ теперь. Кризисъ временно отложенъ приблизительно до середины мая.

Times предсказываетъ, что министерство «*are riding for a fall*», т. е. идетъ на отставку и ищетъ только мѣста, гдѣ бы «упасть помягче». Черезъ четыре дня министерство внесло предложеніе, въ силу котораго всѣ ассигновки сдѣланы только на шесть недѣль, т. е. опять до середины мая. Если тогда министерство выйдетъ въ отставку и у власти станетъ Бальфуръ, палата откажетъ ему немедленно въ необходимыхъ суммахъ. Положеніе консервативнаго министерства будетъ тогда отчаянное.

Ну, а лорды?

Въ ихъ средѣ происходитъ теперь большая смута. Прежде всего они пытаются увѣрить населеніе, что финансы страны загнаны въ тупикъ не наслѣдственными законодателями, а либеральнымъ правительствомъ. Значительная часть Верхней палаты, какъ уже было упомянуто, спѣшитъ забѣжать впередъ и вырабатываетъ проектъ собственной реформы. Никто не врагъ себѣ, поэтому «реформа» эта имѣетъ скорѣе цѣлью укрѣпить положеніе консервативныхъ лордовъ. Но болѣе ста лордовъ возстали противъ какого бы то ни было проекта реформы. Настоящее положеніе—самое лучшее,—говорятъ они. Эти лорды образовали союзъ для защиты интересовъ наслѣдственныхъ законодателей.

Положеніе дѣлъ очень обострилось. Шатаются вѣковыя основы;

но именно въ такой моментъ можно больше всего оцѣнить значеніе гражданской свободы, если она нѣчто реальное, а не обманъ. При наличности ея кризисъ проходить совершенно спокойно.

Діонео.

Аграрный вопросъ въ Македоніи.

Въ послѣднее время русская читающая публика стала все больше и больше интересоваться событіями на Балканахъ вообще и въ Македоніи въ частности.

Къ сожалѣнію, литература по балканскому вопросу, какъ уже существующая, такъ и продолжающаяся выходить въ свѣтъ, почти вся носитъ слишкомъ опредѣленный характеръ специфическаго балканскаго политиканства, въ частности же литература о македонскомъ движеніи до такой степени проникнута національными претензіями окружающихъ эту страну государствъ, что незнакому съ истиннымъ положеніемъ вещей въ Македоніи читателю кажется, будто все такъ называемое македонское освободительное движеніе протекаетъ исключительно подъ знакомъ буржуазныхъ лозунговъ.

Трудность научныхъ изслѣдованій въ самой Македоніи, малочисленность безпристрастныхъ изслѣдователей, наконецъ, недостаточная научная подготовленность тѣхъ немногихъ изслѣдователей, которые хотѣли проникнуть за кулисы политики и узкаго націонализма, — все это затрудняетъ положеніе объективнаго изслѣдователя. Подробное описаніе экономическаго строя современной Македоніи — дѣло будущаго. Пока же мнѣ хочется, хотя бы вкратцѣ, познакомить русскую публику съ главной проблемой, стоящей передъ населеніемъ Македоніи, — съ аграрнымъ вопросомъ.

I.

Несмотря на отсутствіе болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ о Македоніи, при первомъ же знакомствѣ съ этой страной сразу становится яснымъ ея преимущественно земледѣльческій характеръ. Громадное большинство населенія живетъ «на землѣ» и кормится «отъ земли», и въ тѣхъ провинціяхъ (напримѣръ, Салоникскій вилайетъ), гдѣ уже замѣчается развитіе промышленности, эта послѣдняя находится или въ зародышевой стадіи, или носитъ кустарный характеръ.

Какова же основная форма землевладѣнія въ этой земледѣльческой странѣ?

Аграрныя отношенія въ Турціи вообще, а въ Македоніи въ частности, являются остатками средневѣковыхъ отношеній между поземельной аристократіей и ея крѣпостными. Послѣ паденія балканскихъ государствъ (Византіи, Болгаріи и Сербіи) и торжества на ихъ развалинахъ османскаго абсолютизма, феодальныя отношенія значительно видоизмѣнились. Однако это видоизмѣненіе не затронуло самыхъ корней хозяйственного строя; оно ограничилось только отмѣной нѣкоторыхъ прерогативъ феодаловъ, каковая отмѣна имѣла цѣлью усиленіе центральной власти и предоставленіе относительной свободы нѣкоторой части крѣпостного населенія, въ надеждѣ, что это частичное раскрѣпощеніе ослабитъ экономическую силу покоренныхъ національныхъ группъ и христіанской церкви, которая владѣла тогда доброй половиной македонскихъ земель.

Такимъ образомъ, на мѣстѣ экономически сильныхъ феодаловъ и церковныхъ общинъ водворилась строгая централизація въ лицѣ султанскаго абсолютизма. Однимъ изъ основныхъ принциповъ этого абсолютизма было право государства въ лицѣ падишаха владѣть всей земельной наличностью страны. Хотя и формальное само по себѣ право давало, однако, падишаху возможность измѣнять по своему усмотрѣнію поземельныя отношенія. Падишахъ имѣлъ право раздавать своимъ приближеннымъ не только участки земли для обработки, но и трудъ безземельнаго сельскаго населенія.

Было бы, однако, ошибкой думать, будто раздача земельныхъ участковъ султаномъ является единственнымъ основаніемъ землевладѣнія въ Македоніи. Гораздо распространеннѣе здѣсь землевладѣніе на основаніи захвата, на основаніи права сильного. Большинство владѣній основывается именно на этомъ началѣ. Чрезвычайно любопытенъ и характеренъ процессъ народненія земельной собственности этимъ путемъ.

Племя завоевателей оказалось малочисленнѣе покоренныхъ народовъ; оно уменьшалось вслѣдствіе непрекращавшихся войнъ, которыя была вынуждена вести Имперія на первыхъ порахъ своего европейскаго существованія; покоренные народы не принимали участія въ этихъ войнахъ, и потому продолжали быстро размножаться; чтобы удержать ихъ въ подчиненіи, завоевателямъ приходилось практиковать постоянный, непрекращавшійся терроръ. Именно въ виду этого христіанамъ подѣ страхомъ смертной казни запрещено было приобрѣтать и хранить оружіе. Среди густаго христіанскаго населенія центральная власть уступила мѣсто для турецкихъ селъ,—этихъ мусульманскихъ оазисовъ, которые оружіемъ, привилегіями и азіатской жестокостью должны были держать въ страхѣ и повиновеніи покоренные народы.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще и то обстоятельство, что государственная власть въ Турціи никогда не пыталась огра-

ничать слѣдующій, анархическій по своему существу, принципъ турецкой администраціи: въ критическіе моменты владѣтельное племя имѣетъ право инициативы усмиренія покоренныхъ народовъ. Это значитъ, что малѣйшее непокорство со стороны христіанъ даетъ право турецкимъ колонистамъ двинуться по собственной инициативѣ на непокорныхъ и усмирить ихъ огнемъ, мечомъ и рабствомъ. Этому покровительствуетъ религія, противъ этого не возстаетъ законъ, турки не наказуемы за издѣательства надъ христіанами.

Совершенно ясно, что при такомъ положеніи вещей всякая сколько-нибудь крупная индивидуальность среди турецкаго населенія европейскихъ провинцій Имперіи въ любой моментъ могла собрать вокругъ себя группу вооруженныхъ товарищей и провозгласить себя патрономъ того или другого христіанскаго села. Съ теченіемъ времени такой патронъ объявлялъ себя политическимъ начальникомъ этого села, самовольно присвоивалъ себѣ титулъ бега, становился вліятельнымъ факторомъ государственно-административнаго строя, дѣлался турецкимъ аристократомъ.

Этотъ процессъ, являющійся нюансомъ средневѣковыхъ разбойническихъ отношеній, еще и теперь можно наблюдать въ Старой Сербіи и въ Албаніи (Тетово, Гостиваръ, Порѣчье, Дебръ, Охридъ и др.).

Что процессъ этотъ не остановился еще и до сихъ поръ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ наблюденія надъ экономической жизнью македонской деревни. Такъ, П. Богданову, одному изъ наиболѣе добросовѣстныхъ болгарскихъ изслѣдователей Македоніи, крестьяне одной изъ македонскихъ деревень (въ Демиръ-Хисарскомъ округѣ) рассказывали, какимъ образомъ ихъ село перешло въ частную собственность къ теперешнему владѣльцу.

По сосѣдству съ этимъ селомъ находился чифликъ (имѣніе), владѣлецъ котораго всѣми силами старался присвоить себѣ село. Чтобы покончить разъ на всегда со всѣми происками и домогательствами сосѣдняго бега, крестьяне села обратились за помощью къ другому, «болѣе доброму» бегу, который и раньше оказывалъ имъ нѣкоторыя услуги. Съ этимъ «болѣе добрымъ» бегомъ было заключено слѣдующее условіе: село поступало въ фиктивную собственность бега, который обязывался защищать крестьянъ отъ происковъ злого бега и, въ вознагражденіе за это, выговорилъ себѣ опредѣленный бакшишъ (вознагражденіе). Такимъ образомъ село избавилось отъ происковъ сосѣдняго бега, но избавилось тѣмъ, что за свои собственныя деньги продало свою самостоятельность. Однако благоденствовали крестьяне не долго, такъ какъ уже черезъ три или четыре года бегъ-покровитель продалъ свою фиктивную собственность за 3.000 турецкихъ лиръ третьему лицу, при чемъ, разумѣется, исполнилъ всѣ формальности, указанныя въ законѣ

для составленія купчихъ крѣпостей. Всѣ протесты крестьянъ остались тщетными.

— Формальности соблюдены. Вашъ искъ ни на чемъ не основанъ.

Таковъ былъ смыслъ резолюція суда, къ содѣйствію котораго обратились крестьяне *).

Можно сказать съ увѣренностью, что крупное землевладѣніе въ Македоніи народилось и развилось преимущественно этимъ путемъ. Крестьянамъ собственникамъ не подѣ силу было бороться съ набѣгами «злыхъ» беговъ, они обращались къ покровительству беговъ «добрыхъ»,—и въ результатѣ оказывались закрѣпощенными за какимъ-нибудь третьимъ, совершенно непричастнымъ къ дѣлу лицомъ, которое традиціонную узурпацію бега-покровителя облакало въ легальныя формы крѣпостного акта.

Владѣлецъ земли, независимо стѣ титула его владѣнія, пользуется неограниченнымъ правомъ продажи принадлежащей ему земли. Онъ можетъ продать землю тому, кому продать ее онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ. Интересы крестьянъ, живущихъ на продаваемомъ участкѣ, совершенно игнорируются законами, регулирующими передачу земельной собственности. Искать въ турецкихъ законахъ какихъ-нибудь статей, которыя облегчали бы откупъ земли крестьянами—дѣло безнадежное. Такимъ образомъ, фактически правомъ продавать и покупать землю пользуются исключительно крупные собственники. Случаи выкупа земли крестьянами чрезвычайно рѣдки.

Еще недавно бывали случаи, что цѣлое село продавалось казной или частнымъ владѣльцемъ за какихъ-нибудь 100—200 піастровъ (8—16 рублей), но, конечно, не нуждающимся крестьянамъ, а мусульманскимъ бегамъ. Интересна въ этомъ отношеніи исторія села Мачукова (въ Гевгелійской казѣ), описанная въ упомянутомъ мною изслѣдованіи П. Богданова. Нѣкій шахъ Пенди въ давнее время купилъ это село за 150 піастровъ. За цѣлый рядъ преступленій, совершенныхъ не только въ христіанскихъ селахъ, но и въ турецкихъ помѣстьяхъ, шахъ Пенди вскорѣ послѣ приобрѣтенія села былъ повѣшенъ по приговору суда. Имущество преступнаго шаха было взято въ казну, а село Мачуково, въ виду совершенно особенныхъ, изъ ряду вонъ выдающихся обстоятельствъ, за небольшую сумму было уступлено крестьянамъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя появляется нѣкая Ружа Ханули, племянница казненаго шаха, и заявляетъ свои претензіи на село Мачуково. При помощи взятокъ и знакомствъ наслѣдницѣ удалось присвоить себѣ село, купленное нѣкогда за 150 піастровъ. И по настоящее время село это принадлежитъ наслѣдникамъ шаха Пенди.

*) П. Богдановъ.—«Аграрныя отношенія въ Македоніи».—«Начало», кн. 3. София, 1908.

Разбойническій захватъ во всѣхъ его видахъ и отбѣнкахъ, начиная отъ грубаго захвата при помощи оружія и кончая гуманнымъ патронатомъ, т. е. защитой крестьянъ отъ насилія со стороны разбойниковъ, это—наиболѣе древній по времени и въ то же время наиболѣе распространенный титулъ владѣнія землей въ Македоніи. За нимъ уже идутъ титулы легальные: наслѣдованіе, дареніе, покупка.

Въ настоящее время, независимо отъ способовъ пріобрѣтенія, земельная собственность въ Турціи можетъ быть подраздѣлена на слѣдующія характерныя категоріи:

1. *Полная собственность* или *мюлкъ*. Владѣлецъ можетъ располагать ею всецѣло по своему усмотрѣнію.

2. Такъ называемыя *мирійскія земли* или *ерази-и-емири*. Право собственности принадлежитъ государству, и только право на пользованіе и распоряженіе уступлено государствомъ теперешнему владѣльцу и восьми степенямъ его нисходящаго потомства.

3. *Общественныя земли ерази-и-метрюкъ*. Собственность сель и городовъ, напримѣръ: базары, выгоны и дороги. Эти земли находятся въ общественномъ пользованіи.

4. *Мертвыя земли* или *ерази-и-меватъ*. Каменистые и неплодородныя земельныя участки, не вошедшіе ни въ одну изъ выше перечисленныхъ категорій; по принципу всякій нуждающійся можетъ получить право собственности на такой участокъ, подъ условіемъ согласія султана и обязательной обработки участка. Въ такомъ случаѣ участокъ становится мирійской землей.

5. *Вакуфы*. Чрезвычайно сложный институтъ, съ совершенно неизслѣдованной еще юридической природой. Въ большинствѣ случаевъ это земли, подаренныя или завѣщанныя для какихъ нибудь благотворительныхъ или общественныхъ цѣлей и временно уступленныя въ пользованіе частному лицу.

Нечего и говорить, что такое разнообразіе видовъ земельной собственности вноситъ не малую путаницу въ юридическія и экономическія отношенія.

II.

Процессъ народненія частной земельной собственности въ экономической жизни Македоніи, какъ видно изъ сказаннаго, еще далеко не закончился, и до сихъ поръ, на ряду съ легальнымъ пріобрѣтеніемъ, возможны случаи маскированнаго и немаскированнаго земельного захвата.

Вообще формы землевладѣнія нельзя считать достаточно установившимися.

Что касается разившейся на этой основѣ хозяйственной жизни, то въ этомъ отношеніи необходимо различать три главныхъ типа селъско-хозяйственныхъ предпріятій.

1. Мелкія хозяйства съ личнымъ владѣніемъ, личнымъ пользованіемъ и собственноручной обработкой земли.

2. Крупныя хозяйства стараго типа — такъ называемыя *цифлики*.

3. Современныя сельскія хозяйства, въ которыхъ обработка земли ведется при помощи наемнаго труда.

Изъ этихъ трехъ основныхъ группъ образовались разнообразныя, причудливыя комбинаціи, придающія особую пестроту македонской сельско-хозяйственной жизни.

Хозяйства первой группы сравнительно немногочисленны. Большинство изслѣдователей, въ томъ числѣ знатокъ Македоніи — болгарскій публицистъ и политическій дѣятель Антонъ Страшемировъ *), утверждаютъ, что крестьяне собственники владѣютъ едва 20% общаго количества земли, годной для обработки. На сколько я имѣлъ возможность ознакомиться съ положеніемъ вещей, эта цифра скорѣе преувеличена, чѣмъ уменьшена.

Сохранившіе свою независимость отъ беговъ, мелкіе хозяева въ большинствѣ случаевъ являются въ настоящее время бѣднѣйшими обитателями горъ, гдѣ ливни, чередующіеся съ засухами, неплодородность почвы и отсутствіе сколько нибудь рациональной системы хозяйства дѣлаютъ трудъ крестьянина донельзя малопродуктивнымъ. Упряжныя животныя здѣсь почти совершенно отсутствуютъ. Не встрѣтите здѣсь и телѣгъ для перевозки. Для этой цѣли служить почти исключительно спина «самостоятельнаго» хозяина. Животными пользуются только при пахотѣ. Все остальное дѣлается хозяиномъ и его семьей. Такимъ образомъ, становится понятной та нищета, въ которой находится большинство македонскихъ крестьянъ-собственниковъ.

Нужно сказать, что хозяйства крестьянъ-собственниковъ обременены совершенно непосильными налогами и сборами, тяжесть которыхъ еще увеличивается, благодаря архаической системѣ взысканія ихъ.

Для того, чтобы русскій читатель могъ представить себѣ ясное экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ, приведу нѣкоторые данныя, собранныя болгарскимъ изслѣдователемъ Драгановымъ **).

Вотъ, напр., гористое село Маврово, находящееся въ Калъ-канделенской (Тетовской) казѣ, въ Коссовскомъ вилайетѣ. Здѣсь имѣется 140 дворовъ. Земля, кстати сказать, не очень плодородная, распределѣна между этими дворами въ среднемъ приблизительно по 25 дулумовъ (1 дулумъ=1.250 кв. метровъ) на дворъ. Село уплачиваетъ постоянныхъ податей 530 тур. лиръ (1 лира=23 франка=9 рублей), т. е. приблизительно по 4 тур. лиры на

*) А. Страшемировъ. — *Истината по положението въ Македония*. София 1908.

**) Draganoŭ, „La Macédoine et les réformes“. Paris, 1906. стр. 53 и слѣд.

дворъ, тогда какъ 25 дулумовъ земли, принадлежащихъ каждому двору, даютъ валового урожая въ среднемъ на 20 тур. лиръ. Но, кромѣ этихъ регулярныхъ податей, крестьяне вынуждены еще платить деньги сосѣдней бандѣ арнаутовъ, чтобы обезопасить себя отъ ея нападений. Въ среднемъ каждый дворъ уплачиваетъ ежегодно отъ 6 до 20 тур. лиръ такихъ арнаутскихъ поборовъ.

Необходимо, кромѣ того, принять въ расчетъ еще и злоупотребленія при взиманіи податей. Въ названномъ селѣ, обладающемъ значительнымъ количествомъ луговой земли, десятина съ сѣна взимается не натурой, а деньгами по слѣдующему разсчету: откупщикъ податей взимаетъ одно око ($1\frac{1}{4}$ кгр.) сѣна съ каждыхъ $7\frac{3}{4}$ око, вмѣсто слѣдуемаго по закону око съ каждыхъ $8\frac{1}{3}$ око, и оцѣниваетъ это око въ 20 пара (1 пара=0,5 сант.), хотя рыночная цѣна одного око сѣна никогда не подымается выше 6—7 пара. Такимъ образомъ выходитъ, что съ каждыхъ $7\frac{3}{4}$ око сѣна, стоящихъ на рынкѣ 46—50 пара, сборщикъ получаетъ 20 пара, что составляетъ 40%.

Ново-Село въ Ихтибской казѣ (сѣверная часть Косовскаго вилайета) расположено въ долинѣ. Здѣсь есть 10 дворовъ и 300 дулумовъ земли, принадлежащей крестьянамъ и, кромѣ того, здѣсь же имѣется 400 дулумовъ земли, принадлежащей сосѣднему бегу. Имѣется небольшая роща, четверть которой принадлежитъ бегу.

Подать, взимаемая съ мѣстнаго населенія, въ 1905 году была продана бегу за 53 тур. лиры. Этотъ откупщикъ подати ввелъ совершенно своеобразное исчисленіе податей, и въ результатѣ получилось, что теперь каждый дворъ, обладающій въ среднемъ 30 дулумами земли, уплачиваетъ прямыхъ налоговъ отъ 7 до 8 тур. лиръ. Конечно, для уплаты подобной суммы крестьянамъ приходится кредитоваться у того же бега, а такъ какъ взятая у него въ кредитъ сумма не можетъ быть выплачена къ сроку, то крестьянское имущество и земли продаются съ торговъ по поразительно низкимъ цѣнамъ. Новыми пріобрѣтателями этихъ земель являются всегда мусульмане. Многія христіанскія села, еще недавно бывшія въ цвѣтущемъ состояніи, преобразовались въ чифлики, и населеніе ихъ, изъ собственниковъ, стало чифликாரями.

Для лучшей иллюстраціи экономическаго положенія македонскаго крестьянина-собственника возьмемъ самую мелкую единицу— семью средней зажиточности.

Апостолъ Георгіевъ, изъ деревни Лѣсковецъ, — отецъ семейства, состоящаго изъ 6 душъ, обладаетъ:

- 1 домомъ, стоимостью въ 10—12 тур. лиръ.
- 16 дулумами земли.
- 2 быками.
- 1 телѣгой.
- 2 ослами.

15 козами.

2 дулумами виноградника.

За обладаніе этимъ имуществомъ Георгіевъ уплачиваетъ:

Десятины	300 піастр. *)
Гарача (военная подать)	60 »
» за своего брата, которому минуло 15 лѣтъ.	60 »
Земскихъ и сельскихъ сборовъ	60 »
За полевую стражу	40 »
На содержаніе дорогъ, надъ проведеніемъ въ порядокъ которыхъ онъ, независимо отъ этого, работаетъ бесплатно 8 дней въ году	16 »
Съ каждой головы скота	5 »

Апостолъ Георгіевъ, по сравненію съ сосѣдями, считается зажиточнымъ человѣкомъ и, тѣмъ не менѣе, для уплаты податей и налоговъ ему пришлось сдѣлать долгъ въ размѣрѣ 22 тур. лиръ.

Не только экономическія условія гнетутъ мелкихъ собственниковъ. Административныя, судебныя и финансовыя власти въ Турціи еще до сихъ поръ не эмансипировались отъ средневѣковой системы управленія; представителями хозяйства являются не отдѣльныя главы семействъ, а все село въ качествѣ хозяйственной единицы, олицетворяемое двумя-тремя наиболѣе зажиточными хозяевами-первенцами. Эти первенцы по своему личному усмотрѣнію назначаютъ органъ сельской власти—коджабашіатъ, кмета, «голову», каковой и является передъ властями защитникомъ интересовъ, конечно, первенцовъ, а не всѣхъ крестьянъ вообще. Первенцы по своему положенію въ селахъ крестьянъ-собственниковъ играютъ ту же роль, какую во владѣтельскихъ селахъ играютъ помѣщики-беги. Они—ростовщики и судьи, въ ихъ лицѣ персонифицируется законодательная и исполнительная власть.

Примитивное состояніе сельского строя вызвало во многихъ мелко-собственническихъ селахъ слѣдующее, почти невѣроятное, явленіе: большинство хозяевъ въ селѣ совершенно не знаютъ своихъ приходовъ и расходовъ. Первенцы уплачиваютъ подати, собираютъ жатву, распоряжаются скотомъ, а въ Дмитровъ день (26 октября) по-ростовщически разсчитываются съ крестьянами, т. е. попросту объявляютъ, сколько крестьяне остались должны имъ, первенцамъ. Затѣмъ въ теченіе зимы они опять отпускаютъ крестьянамъ пищу, а весной—скотъ и сѣмена для предстоящихъ полевыхъ работъ.

Иногда высшіе турецкіе государственные чины вмѣшиваются въ эту ужасную жизнь мелко-собственническаго села и издають

*) 1 тур. піастръ=23 сант.=9 коп.

строгія и радикальныя постановленія, при чемъ были случаи публичнаго сожженія тефтерей—ростовщическихъ записей первенцевъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣ эти мѣры оказываются палліативами. Государство оказалось не въ состояніи упорядочить жизнь въ селѣ и введеніемъ хотя бы самаго примитивнаго самоуправления пресѣчь дальнѣйшія злоупотребленія первенцевъ. Впрочемъ, оно къ этому и не стремится. Какъ мы указали уже выше, всякая эксплуатація трудового крестьянства ведетъ къ его обезземеленію, а на сколько государство заинтересовано въ этомъ процессѣ—видно изъ слѣдующаго характернаго факта.

Совсѣмъ недавно въ Кумановѣ образовалось спеціальное общество для экспропріаціи крестьянъ-собственниковъ, при чемъ въ составъ этого общества вошли не только богатые беги, но и чиновники Оттоманскаго Земельнаго Банка. Благодаря участію въ «Обществѣ» этихъ послѣднихъ, заложенные въ банкѣ имѣнія стали поступать въ продажу совершенно незаконно, до истеченія сроковъ платежей. Возникшіе на этой почвѣ процессы были проиграны экспропріированными крестьянами. Вмѣшательство въ это дѣло иностранныхъ консуловъ не дало никакихъ результатовъ.

III.

Нисколько не лучше положеніе крестьянъ, утратившихъ свою самостоятельность и прикрѣпленныхъ къ чифликамъ, т. е. имѣніямъ турецкихъ беговъ.

О процессѣ образованія этихъ имѣній мы говорили выше. Теперь постараемся выяснитъ, какого рода отношенія существуютъ между владѣльцемъ чифлика, чифликчией, и крестьяниномъ, прикрѣпленнымъ къ чифлику, чифликаремъ.

Вначалѣ, въ ту эпоху, когда возникали чифлики, эти отношенія были отношеніями защитника къ защищаемымъ, опекуна къ опекаемымъ. Турокъ-разбойникъ становился патрономъ христіанскаго села, якобы съ цѣлью охранять это село отъ другихъ турецкихъ разбойниковъ. Затѣмъ, уже въ процессѣ охраненія, онъ присвоивалъ себѣ право владѣнія селомъ. Вся земля, входящая въ составъ чифлика, со всѣми постройками и съ нѣдрами переходила въ полную собственность бега, и населеніе, раньше жившее этой землей, оказывалось лишеннымъ главнаго и единственнаго источника въ существованію.

Оставивши себѣ лучшую, наиболѣе плодородную часть чифлика, которую онъ обрабатываетъ «хозяйственнымъ способомъ», т. е. при помощи наемныхъ рабочихъ, батраковъ, чифликчія уступаетъ худшіе участки земли крестьянамъ для обработки изъполу или за опредѣленную плату. Такимъ образомъ крестьянинъ закрѣпляется за чифликомъ, становится чифликаремъ.

Иначе и быть не можетъ, такъ какъ крестьянинъ приходитъ къ чифликчи съ «голыми руками», а этого, какъ извѣстно, для обработки земли совершенно недостаточно. Нуженъ сельско-хозяйственный инвентарь, за которымъ онъ обращается къ тому же чифликчи. Данные ему послѣднимъ телѣга, вола и т. п. записываются въ тетрадь (тефтера), въ классическую рубрику «демиръ-башъ». Это нѣчто вродѣ основного капитала «крестьянина-чифликаря, и при томъ такого капитала, который, несмотря на свою отрицательную величину, обладаетъ ясно выраженной тенденціей къ непомѣрно быстрому росту. Каждый годъ крестьянинъ дѣлаетъ погашенія, но никогда онъ не можетъ освободиться отъ демиръ-баша. Крестьянинъ, наконецъ, умираетъ, но демиръ башъ продолжаетъ жить и расти, все крѣпче и прочнѣе прикрѣпляя къ чифлику и чифликчи все нисходящее потомство перваго чифликаря. Когда чифликяръ хочетъ оставить своего хозяина, онъ долженъ выплатить полностью демиръ-башъ. Пока не выплаченъ долгъ, чифликяръ не имѣетъ права уйти. Такимъ образомъ, та личная свобода, которая предоставлена чифликярю турецкимъ кодексомъ, обращается вслѣдствіе фактической задолженности чифликярей въ юридическую фикцію. Средній долгъ чифликаря чифликчи исключительно по демиръ-башу составляетъ 10—15—20 тур. лиръ, но иногда доходитъ до 50—70 тур. лиръ.

Вслѣдъ за демиръ-башемъ идутъ другіе долги чифликаря,—долги раба своему господину.

Квартирный вопросъ рѣшается нѣсколькими способами. Наиболѣе распространеннымъ рѣшеніемъ его является условіе, по которому чифликчи даетъ чифликярю необходимыя постройки для семьи, для скота и для зерна. Починка зданій, отдаваемыхъ чифликярю, производится по инициативѣ и за счетъ владѣльца. Совершенно понятнымъ становится, поэтому, тотъ фактъ, что въ селѣ, въ которомъ имѣется 16 избъ, путешественнику негдѣ было укрыться отъ дождя, такъ какъ во всѣхъ избахъ оказались совершенно негодныя крыши.

Другое рѣшеніе квартирнаго вопроса,—это постройка чифликаремъ на землѣ хозяина собственного помѣщенія. Но это сопряжено съ большимъ рискомъ, такъ какъ хозяинъ въ любой моментъ можетъ прогнать чифликаря, и всѣ постройки, возведенныя на землѣ чифлика, ео ipso являются собственностью чифликчи.

Есть, такимъ образомъ, у чифликаря инвентарь, есть и жилище. Для того, чтобы приступить къ обработкѣ отведеннаго ему участка, не хватаетъ только сѣмянъ. Эти послѣднія выдаются ему изъ господскаго амбара.

Когда кончаются полевые работы,—приступаютъ къведенію счетовъ.

Прежде всего чифликяръ уплачиваетъ всѣ установленные закономъ и обычаемъ подати и налоги: десятину, плату полевому сто-

рожу, взятых у хозяина сѣмена и массу мелкихъ вычетовъ и поборовъ. Послѣ этихъ вычетовъ весь остатокъ дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна поступаетъ въ пользу чифликчи, а другая — въ пользу чифликаря.

Но было бы ошибкой думать, что этой второй половиной чифликарь пользуется вполне. Нѣтъ, именно изъ этой половины онъ уплачиваетъ субашію (управляющему), кмету, учителю и священнику.

Чтобы слѣды крѣпостничества, сохранившіеся въ отношеніяхъ чифликаря къ чифликчи, стали еще болѣе ясными русскому читателю, приведу наиболѣе характерныя обязанности чифликаря. Онъ обязанъ:

а) Перевезти часть урожая, принадлежащую бегу, туда, куда пожелаетъ этотъ послѣдній. Очень часто бегъ продаетъ урожай за 80—100 километровъ отъ своего имѣнія.

б) Доставить ежегодно своему бегу четыре телѣги дровъ бесплатно.

в) Если бегъ оставилъ для себя нѣкоторую часть земли, не отдавая ее чифликарямъ, или если онъ владѣетъ землей въ другомъ имѣніи, — то чифликарь обязанъ 10 дней въ году бесплатно работать на землѣ бега (право ангаріи).

г) Если бегъ имѣетъ мельницу, — чифликари обязаны работать на ней бесплатно, взаменъ чего имъ предоставляется право дароваго помола зерна на этой мельницѣ.

д) Полевая стража, при помощи которой бегъ терроризуетъ крестьянъ и заставляетъ ихъ выполнять всѣ свои требованія, а также большая часть жалованія управляющему, оплачиваются чифликарями.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ чифлика считаетъ для себя болѣе удобнымъ жить въ городѣ, онъ оставляетъ въ чифликѣ управителя-субашію. Это — въ полномъ смыслѣ слова намѣстникъ, соединяющій въ своемъ лицѣ всѣ худшія качества господина и слуги.

Нанятый владѣльцемъ чифлика за счетъ крестьянъ-чифликарей, онъ одинаково наглъ, какъ по отношенію къ своему хозяину, такъ и по отношенію къ крестьянамъ. Располагая вооруженной силой — бандами свирѣпыхъ арнаутовъ, помогающими ему охранять хозяйское добро, — онъ въ полномъ смыслѣ слова грабитъ населеніе и только небольшую часть доходовъ передаетъ своему хозяину. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что послѣ 8—10 лѣтъ службы всякій субашія оказывается въ состояніи купить управляемый имъ чифликъ, тѣмъ болѣе, что въ любой моментъ онъ можетъ понизить, на сколько хочетъ, цѣнность имѣнія и, такимъ образомъ, съ одной стороны, принудить владѣльца къ продажѣ, съ другой же стороны, самъ или черезъ подставное лицо купить имѣніе за безцѣнокъ.

Положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (батраковъ) еще

тяжелѣе. Рабочіе, которыхъ называютъ здѣсь «экономическими парнями», въ большинствѣ случаевъ женаты и имѣютъ многочисленныя семьи. Это—въ полномъ смыслѣ слова паріи; у нихъ нѣтъ ни жилища, ни убѣжища, ничего, что могло бы обезпечить имъ человѣческое существованіе. Это—представители вѣчной нищеты, которая преслѣдуетъ ихъ повсюду. Они не могутъ стать чифликарями. Они получаютъ опредѣленную годовую плату, выражающуюся въ 80—100 кгр. зерна, 100—120 піастровъ денегъ, 3—5 литрахъ керосина и 20—30 кгр. бобовъ. Это—плата за годовой трудъ отца семьи, его жены и всѣхъ дѣтей, и то лишь въ томъ случаѣ, когда бегъ находитъ нужнымъ сдержать слово. Но часто бываетъ такъ, что батрака прогоняютъ со службы незадолго до окончанія срока, не уплативши ему ни одного піастра, и тогда батраку и всей его семьѣ приходится скитаться и жить подаваніемъ впредь до нахожденія новаго мѣста, столь же мало обезпеченнаго и доходнаго.

Нѣсколько лучше положеніе батраковъ у крестьянъ-собственниковъ. Здѣсь они получаютъ отъ 500 до 600 піастровъ жалованья и значительно лучше питаются. Но число крестьянъ-собственниковъ, нуждающихся въ наемныхъ рабочихъ, очень ограничено.

IV.

Для кого же выгодны существующія аграрныя отношенія?

Конечно, не для крестьянъ-собственниковъ, земли которыхъ съ поразительной быстротой переходятъ въ руки мусульманской аристократіи и бюрократіи.

Конечно, и не для крестьянъ-чифликарей, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе закабаляемыхъ чифликчіями.

Было время, и еще недавно, когда аграрныя отношенія въ Македоніи были очень выгодны для беговъ. Въ Турціи въ XVI, XVII и даже IX вв. неоднократно подымался вопросъ о томъ, чтобы потурчить, т. е. обратить въ исламъ всѣ неправовѣрные элементы Имперіи. И всякій разъ противъ подобнаго «потурченія» энергично возставали беги, такъ какъ они хорошо понимали, что съ потурченіемъ чифликарей придетъ конецъ существующему аграрному строю. Этотъ послѣдній, оказывается, былъ для нихъ настолько выгоднымъ, что они предпочли его потурченію всѣхъ гяуровъ, т. е. высоко религіозному акту*).

Недаромъ же, утвердившись въ плодородныхъ равнинахъ Македоніи, османскіе завоеватели-спахи начали съ того, что позвали къ себѣ убѣжавшихъ въ горы болгаръ и предложили имъ обрабатывать землю новыхъ владѣльцевъ. Съ тѣхъ поръ и до на-

*) Вас. Къичевъ, — „Македония“. София, 1907. Стр. 17, 19, 41 и 47.

стоящаго времени турки видятъ въ христіанскомъ населеніи нѣтъ незамѣнимую рабочую силу.

Но въ самое послѣднее время картина начинаетъ рѣзко мѣняться. Много мелкихъ, но характерныхъ фактовъ заставляютъ думать, что существующія аграрныя отношенія перестали быть выгодными даже для чифликчій. Раззоряемые субашіями, безъ которыхъ ни одинъ владѣлецъ чифлика не можетъ обойтись, угнетаемые отсутствіемъ какой бы то ни было планоустройственной экономической политики у центральной власти, наконецъ, напуганные революціонерами, доблестные беги, гдѣ только могутъ, продаютъ свои чифлики. Въ нѣкоторыхъ районахъ крестьяне пользуются этимъ и, при малѣйшей возможности, стараются откупить участки беговъ; но въ большинствѣ случаевъ крестьянство настроено болѣе революціонно. Оно не покупаетъ земель даже тогда, когда могло бы сдѣлать это, такъ какъ надѣется на болѣе благопріятный для него исходъ македонской революціи.

Не удовлетворяя никого и внося величайшій развратъ повсюду *), существующія въ Македоніи аграрныя отношенія въ жизни населенія играютъ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе крупную роль, отодвигая на задній планъ даже вопросъ національный, игравшій до послѣдняго времени первенствующую роль въ сложномъ и пестромъ укладѣ македонской жизни.

Турецкое правительство, уже послѣ введенія въ Турціи конституціоннаго режима, не на шутку обезпечилось такимъ опаснымъ положеніемъ дѣлъ въ аграрной жизни страны. Турецкіе конституціоналисты, подобно старо-туркамъ боящіеся коренныхъ реформъ, не дерзаютъ приняться за сколько-нибудь серьезную ломку Шеріата и пытаются бороться съ аграрнымъ разваломъ страны чрезвычайными своеобразными мѣрами.

Одной изъ этихъ мѣръ является особое покровительство магометанамъ-эмигрантамъ изъ Босніи и Болгаріи. Полагая, что послѣ аннексіи Босніи и провозглашенія конституціи въ Турціи магометане массами устремятся въ Оттоманскую имперію, турецкій парламентъ уже въ іюлѣ и августѣ минувшаго (1909) года принялъ рядъ постановленій объ обязательномъ надѣленіи землей всякаго магометанина, который вернется въ Турцію (такъ называемые *мухаджиріи*). Съ этой цѣлью ассигнованы громадныя средства и образованы спеціальныя коммиссіи, завѣдующія расселеніемъ мухаджиріевъ въ предѣлахъ Македоніи и Адрианопольскаго вилайета, при чемъ коммиссіямъ этимъ даны инструкціи расселять мухаджиріевъ съ такимъ расчетомъ, чтобы какъ можно больше раздро-

*) Характерныя данныя о развратѣ, вносимомъ земельными отношеніями въ психику массъ, см. въ интересномъ собраніи документовъ: „Материалы по изучиванію на Македонія“, София, 1896. Стр. 233—4 и 236—8.

бить и отдѣлить другъ отъ друга христіанское населеніе этихъ странъ.

Съ другой стороны, въ періодъ 1902—1903 гг. изъ Македоніи эмигрировало въ Болгарію около 300.000 македонскихъ болгаръ. Земли ихъ были тогда же конфискованы турецкимъ правительствомъ. Въ настоящее время многіе изъ этихъ эмигрантовъ возвращаются на свои пепелища, но конституціонное турецкое правительство категорически отказывается возвратить имъ конфискованные у нихъ Гамидомъ участки. Земли эти и являются тѣмъ главнымъ фондомъ, изъ котораго получаютъ щедрые надѣлы мухаджиринъ.

V.

Въ виду всего, изложеннаго мною выше, я думаю, совершенно понятно, что въ настоящее время политическія партіи, дѣйствующія въ предѣлахъ Македоніи, начинаютъ все больше и больше обращать вниманіе на аграрный вопросъ. Съ большей или меньшей искренностью македонскіе политики стараются, такимъ образомъ, привлечь на свою сторону массу трудового крестьянства, которому во всякомъ случаѣ суждено играть рѣшающую роль въ будущихъ судьбахъ этой многострадающей страны.

Наиболѣе сильными политическими организаціями въ Македоніи до послѣдняго времени безспорно были такъ называемые конституціонные клубы,—сербскіе, болгарскіе и греческіе. Поддерживаемые правительствами Софіи, Вѣлграда и Аѳинъ, клубы эти еще недавно занимались почти исключительно національнымъ вопросомъ, при чемъ справедливость требуетъ отмѣтить, что занятія «національнымъ вопросомъ» въ дѣйствительности сводились къ довольно односторонней пропагандѣ узкихъ государственно-династическихъ и, во всякомъ случаѣ, шовинистическихъ идеевъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, ибо конституціонные клубы выросли и развились изъ тѣхъ «внутреннихъ» и «внѣшнихъ» національно-революціонныхъ организацій въ Македоніи, которыя, до установленія въ Турціи конституціоннаго режима, совершенно ясно и опредѣленно проповѣдывали то присоединеніе Македоніи къ одному изъ славянскихъ государствъ на Балканахъ, то раздѣлъ этой страны по «сферамъ вліянія».

Когда июльская революція въ Турціи открыла для Македоніи новыя перспективы, революціонныя организаціи поспѣшили преобразоваться въ конституціонные клубы и заявили о своемъ желаніи работать отнынѣ на новой правовой почвѣ. Но такъ какъ основа македонской жизни по существу оставалась все та же, то бѣшеная конкуренція отдѣльныхъ національностей и «аспираціи» и «домогательства» сосѣднихъ государствъ не прекращались, и въ

конституціонныхъ клубахъ происходило и происходитъ все то же, что дѣлалось раньше въ революціонныхъ организаціяхъ.

Легальные формы борьбы проникали въ эту среду съ такимъ трудомъ, что уже годъ спустя послѣ іюльской революціи мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ пережитки старой перманентной революціи. Правда, этому въ значительной степени способствовалъ и самый характеръ турецкой конституціи, но еще больше способствовалъ этому духъ національных организацій и, главнымъ образомъ, все тѣ же «аспираціи» сосѣднихъ государствъ.

Болгарія, состоящая и по духу, и по языку ближе всѣхъ другихъ балканскихъ государствъ къ населенію Македоніи, первая поняла ясно новыя условія, и лозунгъ «автономная Македонія» былъ брошенъ именно болгарами. Болгарскіе конституціонные клубы первые не только поспѣшили, по крайней мѣрѣ, официально отказаться отъ претензій на эту страну, но и перенести вопросъ въ дѣйствительно демократическую плоскость.

И раньше болгаре много дѣлали для экономическаго изслѣдованія Македоніи: въ этомъ отношеніи ихъ литература объ этой странѣ гораздо цѣннѣе и интереснѣе, чѣмъ литература сербовъ, румынъ и грековъ. Теперь же появляется цѣлый рядъ, дѣйствительно, серьезныхъ изслѣдованій.

И въ то время, какъ сербскіе конституціонные клубы продолжаютъ еще оставаться не только по духу, но даже и по внѣшнему виду агентствами сербскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которому они официально и подчинены, болгарскіе конституціонные клубы, по крайней мѣрѣ по своему внѣшнему виду, преобразовались въ демократическія организаціи.

Въ связи съ этимъ, можетъ быть, и внѣшнимъ, но все таки преобразованиемъ, стоитъ выработка болгарскими клубами аграрной программы. На конгрессѣ клубовъ, состоявшемся въ Салоникахъ въ августѣ 1909 г., былъ заслушанъ довольно обстоятельный рефератъ по аграрному вопросу въ Македоніи, и въ результатѣ конгрессомъ была принята слѣдующая аграрная программа.

*1. Въ области правового положенія земельной собственности
сельско-хозяйственныхъ отношеній.*

1. Внесеніе въ парламентъ общаго закона о земельной собственности и унификація всѣхъ различныхъ видовъ ея.

2. Отмѣна всѣхъ законовъ и распоряженій, ограничивающихъ крестьянъ въ правахъ на преимущественную покупку земель при продажѣ таковыхъ чифликчіями.

3. Назначеніе смѣшанныхъ административныхъ комиссій, которыя должны разъ на всегда установить, какія земли являются частной собственностью и какія—общественной.

4. Назначеніе смѣшанныхъ комиссій, которыя должны разъ

смотрѣть всѣ жалобы крестьянъ на незаконный захватъ ихъ земель, и въ случаѣ, если коммиссія найдетъ жалобу основательной, таковая должна быть немедленно удовлетворена, независимо отъ того, кѣмъ было совершено правонарушеніе.

5. Возвращеніе въ административномъ порядкѣ имущества всѣмъ законнымъ собственникамъ ихъ.

6. а. Проведеніе въ законодательномъ порядкѣ принципа, по которому чифликчія не можетъ удалить изъ своего имѣнія батрака до истеченія срока найма иначе, какъ по приговору суда.

6. б. Проведеніе въ законодательномъ порядкѣ правила, по которому чифликчія долженъ уплатить батраку за всѣ сдѣланныя имъ поправки и улучшенія въ хозяйствѣ даже въ томъ случаѣ, когда по приговору суда хозяинъ удаляетъ батрака изъ имѣнія.

7. Урегулированіе въ законодательномъ порядкѣ взаимоотношеній между чифликчіями и чифликчарями.

8. Отмѣна института сельскихъ сторожей и введеніе сельской полиціи.

2. По вопросу о подати и десятинѣ.

Понизить въ законодательномъ порядкѣ подать, взимаемую съ крестьянъ, и собраніе податей производить въ теченіе 8 мѣсяцевъ въ году.

3. Въ области земледѣльческаго и поземельнаго кредита.

1. Организація сельскаго банка, который облегчилъ бы населенію покупку земли и выдавалъ съ этой цѣлью ссуды въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ покупной стоимости съ взиманіемъ низкаго $\frac{1}{10}$ и съ разсрочкой погашенія долга отъ 30 до 50 лѣтъ.

2. Введеніе въ земледѣльческомъ банкѣ операций по личному кредиту.

4. По вопросу о мухаджиріяхъ.

Для предупрежденія опасности, серьезно угрожающей спокойствію мѣстнаго населенія, приостановить разселеніе мухаджиріевъ по Македоніи и Адрианопольскому вилайету.

IV.

Въ самое послѣднее время въ Македоніи возникла еще одна партія, не пользующаяся пока большой популярностью среди мѣстнаго населенія, но чрезвычайно интересная по усвоеннымъ ею программѣ, тактикѣ и методамъ борьбы.

Это такъ называемая народная федеративная партія, или, какъ ее еще называютъ, партія санданистовъ, по имени Санданскаго, бѣжавшаго со своимъ товарищемъ Паницей изъ Болгаріи.

послѣ убійства Сарафова и основавшего въ Македоніи названную партію.

Въ противоположность болгарскимъ конституціоннымъ клубамъ партія Санданскаго и Паницы не является эпигономъ старыхъ македонскихъ революціонныхъ организацій, и, конечно, ни въ коемъ случаѣ не является агентурой того или другого македонскаго теченія въ болгарскомъ правительствѣ. Возникшая самостоятельно и на совершенно новыхъ основаніяхъ, партія эта базируется исключительно на интересахъ трудовыхъ элементовъ Македоніи, и, прежде всего, на интересахъ македонскаго крестьянства.

Несмотря на то, что и самъ Санданскій, и борящіеся противъ его пропаганды болгарскіе конституціонные клубы склонны считать народную федеративную партію партией социалистической, она въ дѣйствительности таковой не является. Правда, и въ ея программѣ, принятой и утвержденной учредительнымъ собраніемъ партіи въ августѣ 1909 г. и въ органѣ партіи—газетѣ «Народная Воля» (издается въ Салоникахъ)—вы встрѣтите постоянное упоминаніе о трудовой теоріи, о классовой борьбѣ, о буржуазномъ націонализмѣ и націонализмѣ социалистическомъ, тѣмъ не менѣе смѣшеніе теорій тредъ-юніонизма, марксизма и нѣкоторыхъ формулъ, цѣликомъ заимствованныхъ изъ программы русской партіи социалистовъ-революціонеровъ, представляется слишкомъ пестрымъ и въ научномъ смыслѣ мало обоснованнымъ, чтобы социалистическій характеръ партіи считать достаточно опредѣлившимся.

Эго, конечно, отнюдь не умаляетъ заслугъ новой партіи. Еще много времени, должно быть, пройдетъ прежде, чѣмъ на македонской почвѣ утвердятся социалистическія идеи. Но уже самое стремленіе оздоровить эту почву, искоренить старое шовинистическое политиканство, — это является для Македоніи дѣломъ большимъ и серьезнымъ.

Тѣмъ цѣннѣе должно быть для насъ заявленіе органа партіи—что «народная федеративная партія, оказывая поддержку всѣмъ оппозиціоннымъ теченіямъ среди младо-турокъ, будетъ стоять на непримиримой позиціи по отношенію ко всѣмъ націоналистическимъ партіямъ, работающимъ въ Оттоманской имперіи, и единственное исключеніе въ этомъ отношеніи допускаетъ для армянской партіи, «дашнакпутью»».

Автономія Македоніи, обеспечивающая права культурному самоопредѣленію всякой націи,—вотъ политическій идеалъ народной федеративной партіи.

Поддержка всякаго прогрессивнаго теченія среди турецкихъ конституціоналистовъ и борьба со всѣми буржуазно-политическими домогательствами сосѣднихъ государствъ, — вотъ основаніе ея тактики.

Нельзя сказать, чтобы линія поведенія новой партіи была на-

жрчена очень опредѣленно. И если въ области національнаго вопроса она стала на вѣрную и здоровую точку зрѣнія, то ужъ въ области тактики сегоднешняго дня ей пришлось пережить много горькихъ разочарованій, и еще больше разочарованій ей предстоитъ пережить въ самомъ близкомъ будущемъ.

Поддерживать турецкихъ конституціоналистовъ и бороться со всѣми націоналистическими партіями въ Оттоманской имперіи,—это *contra dictio in adjecto*.

Ибо, если старая Турція не знала націонализма турецкаго, то Турція «мслодая» пропитана имъ насквозь. Иначе и быть не можетъ. Национальная идея и объединила главнымъ образомъ тѣ крайне пестрые элементы, которые въ обществѣ принято называть собирательнымъ именемъ «младотурокъ» или «Единенія и Прогресса». Защита своего отечества отъ напирющей на него съ сѣвера Европы, да еще защита своихъ чифликовъ отъ вѣчно бунтующаго крестьянства, — вотъ два главнѣйшихъ стимула, которые спаяли такъ называемые младотурецкіе элементы въ знаменитое «Единеніе и Прогрессъ», и потому базироваться, съ одной стороны, на трудовомъ крестьянствѣ, а съ другой стороны—поддерживать младотурокъ—дѣло не только трудное, но врядъ ли и благодарное. И если уже говорить о правахъ національнаго меньшинства на культурное самоопредѣленіе и тому под. вещахъ, то прежде всего слѣдовало бы стать въ рѣзкую оппозицію къ буржуазнѣйшимъ и, пожалуй, консервативнѣйшимъ, младотуркамъ—бегамъ и, поскольку Турція не перестала еще находиться въ состояніи безправія,—перенести борьбу въ плоскость болѣе революціонную.

Савданскій не могъ не понять этого. Онъ оказалъ серьезную поддержку младо-туркамъ весной 1909 года, въ кровавые дни турецкой контръ-революціи. Но какъ только Гамидъ былъ взятъ въ плѣнъ и болѣе или менѣе нормальное теченіе жизни возстановилось въ Оттоманской Имперіи, турецкій парламентъ по десятку самыхъ жизненныхъ для христіанскаго населенія вопросовъ принялъ такіа драконовскія постановленія, конституціонное большинство проявило такой грубый шовинизмъ, что уже въ № отъ 1 августа 1909 г. (№ 33) «Народная Воля» вынуждена была помѣстить передовицу—прокламацію подъ заглавіемъ: «Долой консервативный парламентъ»!

Къ сожалѣнію, ни поведеніе младотурокъ, ни даже собственная передовица ничему не научила лидеровъ народной федеративной партіи, и день спустя послѣ опубликованія указанной выше прокламаціи, а именно 2 августа 1909 г., на учредительномъ собраніи партіи была принята программа, которая страдаетъ неясностью или, еще хуже, нежеланіемъ быть ясной.

Въ частности, по интересующему насъ аграрному вопросу мы находимъ слѣдующіе пункты:

18. Ревизія спеціально избранними парламентомъ окружными комиссіями всѣхъ дѣлъ и актовъ, касающихся захваченныхъ земель, и возвращеніе этихъ послѣднихъ ихъ законнымъ собственникамъ.

19. Снабженіе неимущаго земледѣльческаго населенія въ мѣстахъ жительства земель въ предѣлахъ средней потребительной нормы, при чемъ необходимое для такого дополнительнаго надѣла количество земли должно быть взято у землевладѣльцевъ за вознагражденіе, опредѣляемое по среднимъ цѣнамъ на землю и выплачиваемое въ разсрочку въ теченіе 20 лѣтъ безъ $\frac{1}{2}\%$.

20. Земельный кадастръ и замѣна нынѣ существующихъ крѣпостныхъ актовъ такими, въ которыхъ были бы помѣщены планы данныхъ участковъ земли.

21. Необрабатываемая частная земельная собственность должна быть обложена такими же податями, какъ земли, обрабатываемыя изъ-поду.

22. Коренная реформа земледѣльческихъ кассъ и вообще упорядоченіе кредитнаго дѣла.

23. Обязательное государственное страхованіе полей отъ засухи, града и др. стихійныхъ бѣдствій.

Если не говорить объ обязательномъ надѣленіи земель неимущаго сельско-хозяйственнаго населенія, — т. е. о мѣрѣ, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть проведена въ теперешнемъ парламентѣ и которая, по мнѣнію самихъ авторовъ программы, можетъ быть только результатомъ новой революціонной вспышки, — то аграрная программа народной федеративной партіи ничѣмъ не отличается отъ аграрной программы болгарскихъ конституціонныхъ клубовъ.

Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что двѣ партіи, исходя изъ совершенно различныхъ предпосылокъ и обоснованій, удѣлили въ своихъ программахъ видное мѣсто аграрному вопросу, является лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени назрѣлъ этотъ вопросъ въ Македоніи и до какой степени всякая политическая партія, желающая дѣйствительно опереться на массы, должна теперь считаться съ нуждами македонскаго трудового крестьянства.

Я закончилъ уже статью, а изъ Македоніи съ каждымъ днемъ долетаютъ до меня все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти.

Турецкіе конституціоналисты не оправдали самыхъ скромныхъ надеждъ, возлагавшихся на нихъ христіанскимъ населеніемъ страны.

Въ парламентѣ прошелъ цѣлый рядъ законовъ (законъ объ обществахъ и союзахъ, о языкѣ въ школахъ, нѣкоторые отдѣльные аграрные законопроекты и т. д.), вскрывшихъ истинную сущность турецкой революціи.

Турецкая администрація со всѣмъ свойственнымъ ей пыломъ

прилагаетъ новые законы къ христіанамъ, и опять убійства, стычки
четь, аресты вошли въ порядокъ дня македонской жизни.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что скоро начнутся въ Македоніи со-
бытія, которыя выведутъ страну изъ сравнительнаго покоя по-
слѣднихъ лѣтъ.

Какъ бы то ни было, но теперь турецкому правительству при-
дется имѣть дѣло съ пробуждающимся не только національнымъ,
но и экономическимъ самосознаніемъ массъ.

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

Бытовое явленіе.

(Замѣтки публициста о смертной казни).

I.

12 мая 1906 года.

Ни одно изъ засѣданій всѣхъ трехъ Государственныхъ Думъ не
оставило во мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ засѣданіе
12 мая 1906 года.

Прошло полгода со дня знаменитаго манифеста. Назади оста-
лась ужасная война, Цусима, московское возстаніе, кровавый вихрь
карательныхъ экспедицій. 27 апрѣля открылась первая Государ-
ственная Дума, она должна была отмѣтить грань русской жизни,
стать въ качествѣ посредника между ея прошлымъ и будущимъ.
Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума почти единогласно
высказалась противъ смертной казни.

Это было послѣдовательно. Кромѣ общей доктрины, тутъ было
реальное требованіе, полное практическаго значенія. Во всеподан-
нѣйшемъ докладѣ гр. Витте, приложенномъ къ манифесту, призна-
валось открыто и ясно, что безпорядки, потрясавшіе въ это время
Россію, «не могутъ быть объяснены ни *частичными* несовершен-
ствами существующаго строя, ни одной только организованной
дѣятельностью крайнихъ партій». «Корни этихъ волненій,—говорилъ
глава обновляемаго правительства,—лежатъ, несомнѣнно, глубже». **И**
именно въ томъ, что «Россія пережила формы существующаго
строя» и «стремится къ строго правовому на основѣ гражданской
«свободы». «Положеніе дѣла,—говорилось далѣе въ той же запискѣ,—
требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искрен-

Мартъ. Отдѣлъ II.

ности и прямогѣ ея намѣреній». На докладѣ, въ которомъ были эти слова, государь императоръ написалъ: «Принять къ руководству всеподданнѣйшій докладъ ст.-секретаря С. Ю. Витте».

Такова была компетентная оцѣнка положенія, среди котораго созывалась первая Дума. Историческій строй, признанный свыше отсталымъ и неудовлетворяющимъ назрѣвшимъ потребностямъ современной русской жизни, — открыто бралъ на себя свою долю ответственности за волненія и смуту, охватившія Россію. «Ни организованныя партіи», ни общество не были повинны въ политической отсталости Россіи. Вина въ этомъ падала на единственныхъ ея хозяевъ и безконтрольных распорядителей. Дума сдѣлала изъ этого выводъ: оставьте же старые приемы борьбы, смягчите кары за общую вину всей русской жизни. Это и будетъ доказательство той искренности, прямоты намѣреній, о которыхъ вы говорите въ приложеніи къ манифесту.

Казалось, историческая власть стоитъ въ раздуміи передъ новой задачей. Съ 27 апрѣля, — говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей депутатъ Караваевъ, — ни одинъ смертный приговоръ не получилъ утвержденія. Напротивъ, постоянно приходилось читать, что приговоръ смягченъ, и наказаніе замѣнено другимъ» *). Въ теченіе двухъ недѣль висѣлица бездѣйствовала, палачи на всемъ пространствѣ Россіи отдыхали отъ своей ужасной работы. Среди этого затишья историческая Россія встрѣчалась съ Россіей будущей, и оба намѣряли другъ друга тревожными, пытливыми, ожидающими взглядами.

12 мая получилось извѣстіе, что висѣлица опять принимается за свою работу. Раздуміе кончилось.

Въ Думѣ происходило обсужденіе кадетскаго законопроекта о неприкосновенности личности. У проекта были, конечно, свои недостатки. На него нападали съ разныхъ сторонъ: для однихъ онъ былъ почти утопиченъ, для другихъ — слишкомъ умѣренъ. Теперь едва-ли можно сомнѣваться, что, будь онъ дѣйствительно осуществленъ хоть въ значительной части, — Россія вздохнула-бы, точно послѣ мучительнаго кошмара. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, — можетъ-ли Дума осуществить что-бы то ни было, или всѣ ея пожеланія останутся красивыми отвлеченностями. Призвана-ли она для реальной работы, или ей суждено представить изъ себя законодательную фабрику на всемъ ходу, съ вертящимися маховиками и валами, но только безъ приводныхъ ремней къ реальной жизни.

Случай для отвѣта на этотъ вопросъ скоро представился, и при томъ въ самой трагической формѣ. Обсужденіе законопроекта о неприкосновенности личности было прервано спѣшнымъ запросомъ трудовиковъ: извѣстно-ли главѣ министерства, что въ Ригѣ готовится сразу восемь смертныхъ казней.

*) Стенографич. отчетъ о засѣданіи Госуд. Думы 18 мая 1906.

Еще 11 декабря 1905 года, въ разгаръ передъ-думскихъ безпорядковъ, возстаній, усмиреній и карательныхъ экспедицій, въ Ригѣ былъ убитъ приставъ Поржидкій. Какъ извѣстно, въ Остзейскомъ краѣ вообще, въ Ригѣ въ частности, кризисъ, вызванный переломомъ застоявшейся русской жизни, проявлялся особенно рѣзко. Съ одной стороны,—убійства сыщиковъ и агентовъ власти, съ другой—ужасающія газетныя извѣстія о пыточныхъ застѣнкахъ и приемахъ полицейскихъ репрессій. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, нужно было внимательное отношеніе къ двустороннимъ проявленіемъ общей вины и общей отвѣтственности. Искренность, о которой говорилъ С. Ю. Витте, несомнѣнно, требовала передачи дѣла общему суду при обоюдныхъ гарантіяхъ. При томъ-же этого требовалъ и формальный законъ.

Убійство было совершено 11 декабря. Усиленная охрана замиѣнена военнымъ положеніемъ 24 декабря. Преданіе суду состоялось 15 апрѣля. Случилось такъ, что *формально* былъ промежутокъ, когда въ Ригѣ перестала дѣйствовать усиленная охрана, а военное положеніе еще не вошло въ силу. Поэтому военный генералъ-губернаторъ, при изыятіи дѣла изъ общей подсудности, вынужденъ былъ мотивировать это «усиленной охраной», которой въ то время уже не было. Это было незаконно, и главный военный судъ уже кассировалъ такой же приговоръ по дѣлу Югансона и Зегала, признавъ общую подсудность, и передалъ дѣло гражданскому суду.

Еще недавно министръ юстиціи на обращеніе депутатовъ по поводу казней забронировался *формальной* законностью: пока смертная казнь узаконена, она дѣйствуетъ въ законномъ порядкѣ. Теперь такой же формальный законъ защищалъ восемь жизней. Стоило только примѣнить его, и восемь рижскихъ висѣлицъ остались бы праздными. Дѣло было бы рассмотрѣно общимъ судомъ, не знающимъ смертной казни.

Тѣмъ не менѣе, разъ уже признанный незаконнымъ военный судъ состоялся и вынесъ 8 смертныхъ приговоровъ. Защитники подали кассационныя жалобы, благопріятный исходъ которыхъ не возбуждалъ сомнѣній. Тогда генералъ-губернаторъ *собственной властью* не далъ хода кассациіи.

Общее значеніе этого эпизода было совершенно ясно. Раздуміе кончалось. Исполнительная власть отстраняла судъ на общихъ основаніяхъ, и даже на мѣсто военно-судныхъ гарантій выдвигала личное усмотрѣніе рижскаго администратора. Иначе сказать: администрація опять выступала судьей въ собственномъ дѣлѣ, и на основаніи этого суда, глубоко чуждаго самому духу новыхъ учрежденій, уже готовила казни.

На этой «дегальной» почвѣ, около этихъ восьми жизней зашиѣла безкровная, но полная глубокаго драматизма борьба новой Думы со старой исторической властью. Были пущены въ ходъ заявленія, ходатайства, просьбы. Апеллировали къ челоѣколюбію,

къ великодушію, къ справедливости, къ простой формальной законности. Защита подала жалобу въ сенатъ на пріостановку непререкаемо-правильной кассациі и въ то-же время обратилась съ ходатайствомъ на высочайшее имя. Думѣ въ цѣломъ оставалось только принять запросъ. Шестидеять шесть ея членовъ подписали отдѣльное личное ходатайство...

12 мая я сидѣлъ въ ложѣ журналистовъ и запомнилъ навсегда сумеречный часъ этого дня, предъявленіе запроса, рѣчи депутатовъ, смущенныя, полныя предчувствій. Среди водворявшейся временами глубокой тишины какъ будто чуялось вѣяніе смерти и невидимый полетъ рѣшающей исторической минуты. Это была своего рода мертвая точка: вопросъ состоялъ въ томъ, въ какую сторону двинется съ нея русская политическая жизнь, куда перемѣстится центръ ея тяжести. Впередъ, къ новымъ началамъ гуманности и обновленія, или назадъ, къ старому произволу и подавленію общественныхъ силъ, стремящихся «къ правовому строю на началахъ гражданской свободы»...

Къ трибунѣ подошелъ Кузьминъ-Караваевъ. Рѣчь его была простая, короткая, безъ громкихъ словъ. Раздалось нѣсколько нерѣшительныхъ рукоплесканій и тотчасъ смолкли. Предсѣдатель поставилъ на баллотировку предложеніе: препроводить запросъ къ предсѣдателю совѣта министровъ немедленно, безъ соблюденія обычныхъ формальностей, съ указаніемъ на необходимость пріостановки исполненія приговора до рѣшенія вопроса о кассациі, до отвѣта на ходатайство...

— Кто возражаетъ противъ предложенія,—говоритъ предсѣдатель,—прошу встать.

Не поднялся никто.

Въ первой Думѣ тоже были принципиальные защитники смертной казни, и еще недавно высказался въ этомъ смыслѣ екатеринославскій депутатъ Способный. Но еще не было откровенной кровожадности нынѣшнихъ «правыхъ», требующихъ висѣлицъ даже для своихъ думскихъ противниковъ. Рѣшеніе принято единогласно. Кто не хотѣлъ видѣть въ этомъ простой справедливости,—тѣ чувствовали все таки святость милосердія и останавливались передъ ужасомъ восьми казней...

И помню, что тотчасъ по объявленіи этого постановленія, когда Дума перешла опять къ законопроекту «о неприкосновенности», зажгли электричество. Свѣтъ залилъ весь думскій залъ, предсѣдательскую трибуну, фигуру докладчика на кафедрѣ, амфитеатръ думскихъ скамей съ фигурами депутатовъ... И у меня было такое ощущеніе, какъ будто тутъ въ залѣ есть еще что-то, невидимое, но жутко—ощутительное, почти мистическое. Можетъ быть, это была неувѣренность въ спасеніи восьми жизней, а за ней неуверенность и во многомъ другомъ, что роковымъ образомъ сплелось съ судьбой этихъ безвѣстныхъ восьми людей въ Ригѣ... Дума сдѣлала

все, что могла. Но она не сдѣлала ничего,—кажется, такъ слѣдуетъ истолковать это странное ощущеніе. Здѣсь могутъ только негодовать, надѣяться, скорбѣть и высказывать пожеланія. А тамъ могутъ казнить...

Прошло шесть дней. 18-го мая на трибуну вошелъ докладчикъ Набоковъ, чтобы сообщить отвѣтъ председателя совѣта министровъ на думскій запросъ. Отвѣтъ былъ кратокъ и формаленъ. Сущность его, впрочемъ, была уже извѣстна изъ газетъ: рижскій генералъ-губернаторъ не пожелалъ ожидать исхода жалобъ на рѣшеніе завѣдомо незаконнаго суда и распорядился спѣшно казнить всѣхъ восемь приговоренныхъ...

Смыслъ этого сообщенія былъ ощутительно ясенъ: на соображенія о законности отвѣчали заявленіемъ о силѣ. Въ Думѣ полились рѣчи, полныя негодованія и горечи. «Въ отвѣтъ на нашъ запросъ,—сказалъ депутатъ Ледницкій,—намъ кинули восемь труповъ». «Нѣкоторые изъ нихъ малолѣтніе»,—прибавляетъ депутатъ Локоть. Кузьминъ-Караваевъ оглашаетъ звучащую горькой ироніей телеграмму Леруа-Болье. Просвѣщенный французъ, знатокъ и другъ Россіи, поздравляетъ Думу съ предстоящей отмѣною смертной казни. «Этимъ русскій парламентъ совершить актъ милосердія и ускорить прогрессивное развитіе человѣчества». Депутатъ Родичевъ еще пытается протестовать противъ «маловѣрія», которое темной волной хлынуло въ Таврическій дворецъ отъ этой мрачной генералъ-губернаторской демонстраціи. «Вы напишете законъ объ отмѣнѣ смертной казни,—утѣшаетъ онъ депутатовъ,—его утвердятъ, его не могутъ не утвердить. Неужели вы сомнѣваетесь, что смертная казнь уже корчится въ предсмертныхъ судорогахъ»...

Увы!—самые оптимистическіе каламбуры безсильны передъ фактомъ. А фактъ состоялъ въ томъ, что противъ потока превосходныхъ словъ и проектовъ рижскій генералъ-губернаторъ, разумѣется, въ полномъ согласіи съ правительствомъ, выдвинулъ восемь висѣлицъ. Это было такъ убѣдительно, что черезъ десять дней въ той же думской залѣ тотъ же депутатъ Родичевъ говорилъ съ горькимъ уныніемъ: «Если мы и признаемъ обсуждаемую статью (объ отмѣнѣ смертной казни) за законъ,—въ чемъ-же измѣнится положеніе дѣла? Вы убѣждены, что этотъ параграфъ станетъ закономъ и казни прекратятся?.. Но, господа, каждый изъ насъ понимаетъ, что это не такъ»...

И, дѣйствительно, это оказалось не такъ. Кто теперь вспоминаетъ на Руси, что въ засѣданіи 19 іюня 1906 года въ первую Государственную Думу внесенъ законопроектъ, состоявшій изъ двухъ статей:

Статья первая: Смертная казнь отмѣняется.

Статья вторая: Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами установлена смертная казнь,—она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ...

И что этот законопроект Государственной Думой принять... И что онъ облеченъ въ форму закона... Новый законъ унесетъ потокомъ событий, смывшихъ первую Думу, а фактъ остался. Висѣлица опять принялась за работу и еще никогда, быть можетъ со времени Грознаго, Россія не видала такого количества смертныхъ казней. До своего «обновленія» старая Россія знала хроническія голодовки и поварьныя болѣзни. Теперь къ этимъ привычнымъ явленіямъ наша своеобразная конституція прибавила новое. Среди обычныхъ рубрикъ смертности (отъ голода, тифа, дифтерита, «скарлатины, холеры, чумы) нужно отвести мѣсто новой графѣ: «отъ висѣлицы». Почти ежедневно въ преддѣутренніе часы, когда надъ огромною страной царить крѣпкій сонъ,—гдѣ нибудь по временнымъ коридорамъ зловѣще стучать шаги, кого нибудь поднимаютъ отъ кошмарнаго забытья и ведутъ, здороваго и полнаго силъ, къ готовой могилѣ...

Да, какъ не признать, что русская исторія идетъ своими собственными, самобытными и необъяснимыми путями. Всюду на свѣтѣ введеніе конституціи сопровождалось хотя бы временными облегченіями: амнистіями, смягченіемъ репрессій. Только у насъ вмѣстѣ съ конституціей вошла смертная казнь, какъ хозяйка въ домъ русскаго правосудія. Вошла и расположилась прочно, надолго, какъ настоящее бытовое явленіе, затяжное, поварьное, хроническое... къ которому, значить, «нужно привыкать»...

Въ послѣдующихъ очеркахъ, далеко не систематическихъ и не претендующихъ на исчерпывающее значеніе, мы постараемся приемотрѣться къ этому новому бытовому явленію... Нужно же хотъ знать то, отъ чего пока (и, можетъ быть, надолго) нѣтъ силы избавиться...

II.

Смертники въ N-ской тюрьмѣ.

До сихъ поръ бытъ русскихъ тюремъ зналъ опредѣленные категории заключенныхъ. Это были «высидочные», отбывавшіе срочное заключеніе по суду, подсѣдственные, пересыльные и ка-торжане.

Наше «обновленіе» дало еще новую категорію, которой тюремный жаргонъ присвоилъ зловѣщее названіе: смертники.

Интеллигентный человѣкъ, закинутый превратной судьбой въ одну изъ провинціальныхъ тюремъ (называть которую онъ не желаетъ), имѣлъ случай наблюдать, хотъ не систематически и отрывочно, бытъ этихъ людей, ждущихъ въ заключеніи смертнаго приговора, конфирмаціи, казни. Матеріалъ, добытый такимъ образомъ изъ случайныхъ встрѣчъ, разговоровъ урывками и секретно пересылавшихся писемъ—онъ предоставилъ въ наше распоряженіе и я хочу познакомить съ нимъ читателя.

Губернская тюрьма провинціального города. Архитектура обыкновенная. По угламъ главнаго корпуса четыре башни. Ходъ въ каждую башню изъ тюремныхъ коридоровъ, на которые смотрятъ въ два ряда молчаливые «глазки» камеръ. Въ концѣ коридора крѣпко запертая дверь, ключъ отъ которой хранится у особыхъ надзирателей. Одинъ изъ нихъ постоянно караулитъ входъ въ башню. За этимъ входомъ небольшой темный коридоръ, ведущій еще къ одной двери. За нею круглая башенная камера.

Камера представляетъ цилиндръ аршинъ трехъ или четырехъ въ діаметрѣ. Вверху — небольшое окно, забранное двумя рѣшетками. Рѣшетки скрадываютъ свѣтъ, а зимой, когда вставляются двойныя рамы, въ камерѣ становится такъ темно, что даже днемъ читать или писать невозможно. Вечеромъ вспыхиваетъ электрическая лампочка, подвѣшенная къ потолку. Она подвѣшена высоко и, даже стоя подъ нею, — читать можно лишь съ большимъ напряженіемъ. Ни коекъ, ни наръ въ камерѣ нѣтъ. Маленькій столикъ и два-три табурета уносятся на ночь. Спать приходится прямо на полу. Стѣны вверху блѣдно-сѣрыя. Внизу аршина на два отъ пола идетъ траурная черная полоса.

Камеры верхняго этажа каждой башни лучше. Онѣ суше, свѣтлѣе; изъ оконъ можно видѣть городъ, площадь за тюрьмой, проходящихъ по площади людей. Нижнія камеры врыты глубоко въ землю, такъ что ихъ полукруглыя окна помѣщаются на уровнѣ тюремнаго двора. Люди тутъ какъ будто опущены въ колодезь, траурно темный, холодный и сырой. Изъ оконъ они могутъ видѣть ноги гуляющихъ по двору арестантовъ. Противъ каждой башни стоитъ надзиратель съ ружьемъ.

Въ томъ году, къ которому относятся наблюденія нашего случайнаго корреспондента, ихъ перебивало свыше сорока. Это были все, сравнительно, молодые люди, преимущественно рабочіе мѣстнаго крупнаго желѣзнодорожнаго завода, осужденные по дѣламъ объ экспропріаціяхъ.

Тюремная администрація употребляетъ всѣ усилія, чтобы изолировать ихъ отъ остальныхъ заключенныхъ. Для прогулки смертниковъ отведено особое мѣсто. Въ баню ихъ тоже водятъ отдѣльно. Но, разумѣется, полная изоляція невозможна. На допросы, въ судъ, на прогулку или на свиданія ихъ проводятъ все-таки общими коридорами, и арестанты смотрятъ въ глазки на этихъ обреченныхъ, уже отмѣченныхъ печатью смерти людей. Тѣми же коридорами ведутъ ихъ въ темныя предутренніе часы на казнь, и тогда спящіе въ камерахъ арестанты тревожно вскакиваютъ, слушающаго шаги, порой стоны и предсмертные крики человѣка, прощающагося, такимъ образомъ, съ доступнымъ ему и сочувствующимъ арестантскимъ міромъ. Потомъ шаги и жалобные крики ошумѣваютъ. Въ глубокой тишинѣ на заднемъ дворѣ совершается последнее дѣйствіе страшной трагедіи... Въ камерахъ не спать и

гадають, кого это, здорового и полного силъ, повели только что къ открытой могилѣ...

Порой въ часы прогулокъ гуляющіе арестанты слышатъ откуда-то, точно изъ подъ земли голоса, громко разговаривающіе или спорящіе. Порой, особенно въ первой половинѣ того года, къ которому относится нашъ матеріалъ, изъ «смертныхъ» камеръ раздавалось пѣніе. Тогда стоящій у башни караульный начиналъ волноваться, стучалъ ружьемъ и кричалъ:

— Башня, перестань пѣть! Башня! Тебѣ говорятъ: перестань!

Если это заключеніе не дѣйствовало, на сцену являлся помощникъ начальника и кого-нибудь изъ людей, ждущихъ казни, вдобавокъ сажали въ карцеръ...

Карцеръ—темная коробка, помѣщающаяся прямо подъ тюремною церковью, низкая, сырая, холодная, съ отвратительнымъ воздухомъ. Многихъ послѣ трехъ-четырехъ дней заключенія изъ карпера выносили на рогожахъ прямо въ больницу.

Въ этихъ башняхъ порой въ одиночку, иногда группами по нѣскольку человекъ люди ждутъ приговоровъ или ихъ исполненія дни, недѣли, иногда мѣсяцы, каждый вечеръ спрашивая себя, увидятъ ли они завтрашнее утро. Въ прежнее, еще недавнее, «доконституціонное» время одинъ военный судья говорилъ мнѣ, что продолжительная отсрочка казни являлась огромнымъ шансомъ за ея отміну: нельзя казнить человека, пережившаго такой продолжительный ужасъ, хуже самой смерти. Теперь этими психологическими тонкостями, повидимому, не стѣсняются...

II.

„Будни смертниковъ“.

Всѣмъ еще памятно то одушевленіе, съ которымъ шли на смерть приговоренные къ казни или разстрѣливаемые безъ суда въ первомъ періодѣ нашей «революціи». Такъ умирали интеллигентные люди, молодая дѣвушка, желѣзно-дорожные рабочіе, матросы. Группа матросовъ, возставшихъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шмитомъ, шла на казнь дружнымъ строемъ и пѣла извѣстную народную рекрутскую пѣсню:

Послѣдній радостный денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья!
А завтра рано чуть свѣточекъ
Заплачетъ вся моя семья...

Въ этомъ зрѣлищѣ было столько одушевленія и вѣры въ значеніе жизни передъ лицомъ неизбежной смерти, что, говорятъ, эта пѣсня на югѣ приобрѣла значеніе марсельезы.

Теперь многое измѣнилось, и по мѣрѣ того, какъ смертная

казнь превратилась въ будничное бытовое явленіе—отъ нея удаляется и обволакивавшее ее прежде одушевленіе. Должно быть, труднѣе умирать за то, за что люди такъ часто умираютъ въ наше время.

Впрочемъ, нашъ корреспондентъ отмѣчаетъ, что въ первые дни послѣ приговора многіе «смертники» чувствуютъ себя сравнительно бодро. Въ свои мрачныя башенныя камеры они вносятъ еще возбужденіе недавней борьбы, полной если не возвышенныхъ, то сильныхъ ощущеній и крайняго напряженія нервовъ. Судъ и приговоръ—только послѣдній размахъ той-же волны. Въ большинствѣ писемъ, относящихся къ первымъ днямъ послѣ приговора, звучитъ еще своеобразная бодрость, даже иронія. Иныя изъ этихъ писемъ чрезвычайно характерны, и мы приведемъ ихъ въ тѣхъ отрывкахъ, какіе даетъ намъ нашъ корреспондентъ.

«Я напишу вамъ, — такъ начинается одно письмо, — но предупреждаю, что я человекъ малограмотный, неразвитой и малочитанный. *Я чувствую себя очень хорошо* *). Смерть для меня ничто. Я зналъ, что это рано или поздно, но должно быть. Я былъ увѣренъ на волѣ, что меня повѣсятъ или застрѣлятъ гдѣ-нибудь на дѣлѣ. Такъ вотъ, товарищъ, можетъ ли мнѣ казаться страшной смерть? Да, конечно, ничуть. Я не знаю, какъ другіе, но до суда и послѣ суда я былъ въ одномъ настроеніи. Только обидно: со мной приговорили одного невиновнаго. Я въ судѣ не утерпѣлъ и крикнулъ судьямъ **)... За это мнѣ попало отъ «сознательнаго конвоя»...

Еще черезъ нѣкоторое время, тотъ-же авторъ писалъ: «Вы спрашиваете, какъ я провожу время. Определить трудно. Я самъ себя не могу учесть въ этомъ случаѣ. Одно могу сказать, *что душевно я спокоенъ*. Очень даже спокоенъ. Наружный видъ, можно сказать, веселый. Съ утра до ночи смѣялся, рассказывалъ различные анекдоты, конечно, юмористическіе. Конечно, вопросъ о жизни приходитъ иногда въ голову. Задумаешься на нѣсколько минутъ и стараешься забыть это все, потому что все уже кончено для меня на этой землѣ. А разъ кончено, то такія мысли стараешься отогнать и не поднимать въ своей головѣ. Я вижу, что времени для жизни осталось очень мало, и въ такія короткія минуты ничего не могу разрѣшить. Чѣмъ понапрасну ломать голову, лучше все это забыть и послѣднее время провести веселѣе. Я самъ себя не могу определить: я какъ будто ненормальный. Иногда хочется отравиться. Отравиться тогда, когда мнѣ этого захочется. Ужъ очень не хочется идти помирать на задній дворъ, да еще въ сырую погоду, въ дождикъ. Пока дойдешь, всего измочить. А мокрому и висѣть

*) Курсивъ нашъ.

**) Многоточіе въ присланной намъ рукописи.

не особенно удобно. Да еще и то: берутъ ночью. Только разо-
слишься, а тутъ будятъ, тревожатъ... Лучше бы отравиться»...

Читатель видитъ, что здѣсь у человѣка еще хватаетъ настрое-
нія для какого-то жуткаго юмора надъ своей страшной судьбой..
«Измокнешь, а мокрому и висѣть неудобно... Только что разо-
слишься,—тревожатъ»... «Чувствую себя ничего,—пишетъ другой
приговоренный.—Даже удивленъ, что въ душѣ не сдѣлалось ника-
кого переворота. Точно ничего не случилось»... Повидимому, жизнь
обладаетъ своей инерціей движенія, и человѣкъ еще органически
не можетъ себя представить, что она скоро оборвется безъ вну-
треннихъ, органическихъ причинъ. Онъ знаетъ о приговорѣ, но
еще не можетъ его почувствовать...

Поддержать въ себѣ возможно дольше, до самой смерти это на-
строение продолжающей жизни, не дать ужасной истинѣ пустить
въ душу отравляющіе ростки,—такова теперь задача, къ которой
приспособляется весь бытъ своеобразнаго общества, населяющаго
мрачныя камеры. «Забыть и дать забыть другимъ»,—это какъ будто
правило его соціальной нравственности.

«Спать ложимся мы въ три часа ночи,—пишетъ одинъ приго-
воренный.—Это постоянно. Р. научилъ насъ играть въ преферансъ,
и мы до того имъ увлеклись, что играемъ, какъ будто бы за ин-
тересъ. Увлеклись сильно. Тутъ есть и сожалѣнія отъ проигрыша,
и маленькія радости отъ выигрыша. *Упадка духа ни въ комъ какъ
будто и не замѣчается.* Если посмотрѣть со стороны и не знать,
что мы приговорены къ смерти, то можно счесть насъ просто за
людей, отбывающихъ наказаніе. Если же наблюдать насъ, зная,
что насъ ждетъ смерть, то, вѣроятно, можно подумать, что мы не-
нормальны. Дѣйствительно, и самому приходится удивляться тому,
что мы такъ хладнокровны. По одной фразѣ вашей я замѣтилъ,
что предполагается у насъ тяжелое настроеніе духа. Представьте
себѣ, что нѣтъ. Даже напротивъ: бываетъ неестественно веселое
настроеніе. *Часто смѣхъ, шутки, пѣсни и рассказы не сходятъ
у насъ съ устъ.* О томъ, что ждетъ насъ, буквально забываемъ.
Это, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того, что сидишь не
одинъ... Чуть кто пригорюнится, такъ другой старается, *можетъ
быть ненамѣренно, оторвать его отъ тяжелыхъ мыслей и вовлечь
въ разговоръ или во что нибудь другое....* Находятъ минуты какой-
то безпричинной злобы, хочется кому-нибудь сдѣлать зло, какому-
нибудь пакость. Насколько я наблюдалъ, если такому человѣку по-
волноваться и вылить свою злобу въ руготю, то онъ понемногу
успокоится. На нѣкоторыхъ въ такіе моменты дѣйствуетъ *пѣніе.*
Затяни что нибудь,—онъ поддержитъ».

Въ такія-то минуты изъ наглухо закрытыхъ башенъ несутся
звуки пѣсенъ, и стража во дворѣ начинается, какъ мы видѣли,
тревожиться, стучать ружьями и кричать: «башня, тебѣ говорятъ,

замолчи!» Но заставить замолкнуть такую пѣсню, конечно, не легко...

«Теперешнее мое состояніе удовлетворительно, — читаемъ мы еще въ одномъ письмѣ «изъ башни», — только въ головѣ какой-то хаосъ. Хотѣлось-бы на день, на два остаться одному съ самимъ собою; но это невозможно. Жаль погибающую молодость. Къ тому что скоро придется умирать, отношусь не то, чтобы хладнокровно во все таки эта мысль не смущаетъ меня: я не водумываюсь въ нее. Чѣмъ объяснить это, — я не знаю!»

Автору этого письма хотѣлось-бы остаться одному; но именно одиночество въ этомъ положеніи ужасно. «Какъ начинается лѣзть что нибудь въ голову, — пишетъ, касаясь того-же вопроса, другой «смертникъ», — такъ я тотчасъ-же отвлекаю себя разговорами съ товарищами, лишь-бы только это удалить. А то, какъ только почувствую, что могу заснуть, стараюсь лечь спать. Мнѣ кажется, что, если бы я... сидѣлъ одинъ, то давнымъ давно покончилъ бы съ собою».

По мѣрѣ того, какъ идетъ время, спокойствіе тоже уходитъ. «Жизнь приходится считать минутами, она коротка, — пишетъ одинъ изъ приговоренныхъ, повидимому, проводящій послѣдніе дни въ одиночествѣ. — Сейчасъ пишу эту записку и боюсь, что вотъ-вотъ растворятся двери, и я ее не докончу. Какъ скверно я чувствую себя въ этой зловѣщей тишинѣ! Чуть слышный шорохъ заставляетъ тревожно биться мое сердце... Скрипнетъ дверь... Но это внизу. И я снова начинаю писать. Въ коридорѣ слышались шаги, и я бѣгу къ дверямъ. Нѣтъ, снова напрасная тревога: это шаги надзирателя. Страшная мертвая тишина давитъ меня. Мнѣ душно. Моя голова налита, какъ свинцомъ, и безсильно падаетъ на подушку. А записку все таки окончить надо. О чемъ я хотѣлъ писать тебѣ? Да, о жизни! Неправда-ли, смѣшно говорить о ней, когда тутъ, рядомъ съ тобой смерть. Да, она недалеко отъ меня. Я чувствую на себѣ ея холодное дыханіе, ея страшный призракъ неотступно стоитъ въ моихъ глазахъ... Встанешь утромъ и, какъ ребенокъ, радуешься тому, что ты еще живъ, что еще цѣлый день предстоитъ наслаждаться жизнью. Но за то ночи! Сколько она приноситъ мученій, — трудно передать... Ну, пора кончить: около двухъ часовъ ночи. Можно заснуть и быть спокойнымъ: за мной уже сегодня не придутъ».

«Я давно не писалъ вамъ, — говорится въ новомъ письмѣ (другого лица). — Все фантазировалъ, но ничего не могъ сообразить своимъ больнымъ мозгомъ. Я въ настоящее время нахожусь въ полномъ невѣдѣніи, и это страшно мучаетъ меня. Я приговоренъ вотъ уже два мѣсяца, и вотъ все не вѣшаютъ. За чѣмъ берегутъ меня? Можетъ быть, издѣваются надо мной? Можетъ быть, хотятъ, чтобы я мучился каждую ночь въ ожиданіи смерти? Да, товарищъ,

я не нахожу слова, я не въ силахъ передать на бумагѣ, какъ я мучаюсь ночами! Что нибудь—скорѣй-бы!»!

Это писалъ тотъ самый человѣкъ, который вначалѣ удивлялся, что приговоръ не произвелъ на него впечатлѣнія, и говорилъ, что смерть его нисколько не пугаетъ... Два его письма это—два полюса въ настроеніи смертниковъ: вначалѣ возбужденіе и бодрость. Потомъ возрастающій ужасъ передъ развязкой, тупой и безмолвный.

IV.

Иллюзіи и самоубійства.

Впрочемъ, въ промежуткахъ часто является мечта и надежда. «У каждаго,—говорить одинъ изъ авторовъ писемъ,—есть какая-нибудь надежда, и у каждаго фантазія доходить до геркулесовыхъ столбовъ. Хотя мы и знаемъ, что каждаго изъ нашихъ товарищей берутъ и вѣшаютъ, но все-таки (собственная) предстоящая казнь кажется невѣроятной. Кажется невѣроятнымъ: какъ это меня, здороваго, полного силъ человѣка поведутъ и повѣсятъ... У каждаго есть розовая надежда на что-то, чуть не на чудо. Нѣкоторые ждутъ помилованія. Другіе мечтаютъ о подачѣ прошенія на высочайшее имя и думаютъ какъ-нибудь провести администрацію. Говоримъ иногда объ усыпительныхъ веществахъ. Какъ бы уснуть такъ, чтобы, когда похоронять, то пришли бы товарищи и откопали бы изъ могилы. Мечтали о сдѣлкѣ съ докторомъ во время смертной казни» и т. д.

Но и надежда въ положеніи смертника, какъ гашишъ, обманчива и ядовита. «Я думаю,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—что для насъ вредны мечты въ большомъ размѣрѣ, такъ какъ черезчуръ тяжки разочарованія. Для примѣра приведу Х—ва. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что ему отмѣнять смертный приговоръ, такъ какъ объ этомъ хлопоталъ (ходатайствовалъ?) самъ судъ, да и дядя его имѣлъ большія связи. Когда пришли ночью и сказали, что пришло помилованіе, то онъ повѣрилъ этому и съ радостью пошелъ въ контору. Что же ему пришлось пережить, когда вмѣсто помилованія его потащили на висѣлицу... Мнѣ могутъ сказать, что все это неважно, такъ какъ страданій здѣсь всего вѣдь на часъ, да и то, быть можетъ, меньше. Но я не хочу мѣсяца иллюзій, чтобы пережить и часъ такихъ страданій. Лучше я буду внушать себѣ, что мнѣ скоро придется умереть. Я не скрою, что и я тоже мечтаю и строю иллюзіи, но только я не позволяю мечтѣ вкорениться глубоко. Противъ мечты о волѣ, о томъ, какъ хорошо было бы очутиться въ кругу близкихъ людей, противъ этой мечты я принимаю свои мѣры.

«Теперь приведу другой примѣръ—П—на. У него совершенно не должно было быть никакихъ надеждъ. Но вотъ, почему-то

однихъ берутъ, а его, хотя и вышелъ срокъ, оставляютъ. У него являются надежды. И вотъ онъ, который раньше соглашался умереть съ большими страданіями, чѣмъ отъ доставленнаго ему яда, теперь уже не рѣшается (отравиться) и ждетъ послѣдней минуты. Ядъ онъ принимаетъ только тогда, когда пришли и сказали: «собирайся на висѣлицу». Отъ яда онъ падаетъ безъ чувствъ. Его выносятъ на тюфякъ на свѣжій воздухъ и качаютъ... Онъ приходитъ въ себя. Подъ воротами его рветъ. Онъ приходитъ потомъ въ контору, пишетъ письма и идетъ на висѣлицу».

«И такихъ примѣровъ много,—прибавляетъ авторъ письма.— Это все послѣдствія иллюзіи»... П—въ ждалъ рѣшенія своей участи безъ двухъ дней пять мѣсяцевъ! И «хотя, повидимому, у него были хорошія, благодаря иллюзіямъ, минуты, но въ концѣ концовъ—тройныя мученія... Каждый изъ насъ хватается за соломенку, и тогда логика и разсудокъ—все летитъ къ чорту».

Удалось ли въ концѣ концовъ писавшему вышеприведенныя строки удержаться въ предѣлахъ «логики и разсудка»—мы не знаемъ. Но тѣ, кто пассивно поддаются иллюзіямъ—легко превращаются въ маніаковъ. «Изъ всѣхъ, приговоренныхъ къ смертной казни,—говорится въ одномъ письмѣ,—такого, какъ NN, я вижу впервые. Онъ хотя и не говоритъ, но, видимо, ему жалъ по-рвать съ жизнью. Онъ все ждетъ помилованія. Прошенія онъ не подавалъ, но подала его мать отъ своего имени. Теперь онъ постоянно гадаетъ на картахъ, будетъ или не будетъ онъ помилованъ. Онъ отказался покончить съ собой. Если бы я захотѣлъ описать его послѣдніе дни, то едва ли могъ бы многое описать. Жизнь его течетъ чрезвычайно однообразно и монотонно. Вечеромъ онъ ложится спать часовъ въ шесть, а встаетъ въ два, три, четыре часа. И какъ только встаетъ, такъ берется за карты и начинаетъ гадать. Днемъ иногда ляжетъ полежать и на мой вопросъ: «о чемъ вы думаете?» обыкновенно отвѣчаетъ: «я и самъ не знаю, о чемъ». Почти все время проводитъ онъ за картами и въ какой-то меланхолической мечтѣ. Можетъ быть, онъ мечтаетъ о чемъ-нибудь цѣнномъ, но только не желаетъ съ нами этимъ подѣлиться. Не знаю».

Авторъ замѣтокъ, которыми мы пользуемся при составленіи этого очерка, пишетъ, что ему удавалось по временамъ видѣть NN, о которомъ идетъ рѣчь въ предыдущемъ письмѣ. «Это еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, съ продолговатымъ лицомъ и голубыми, чѣмъ-то затуманенными и какъ будто ничего не видящими глазами. Въ сѣрой, плотно облегающей его фигуру арестантской курткѣ, шелъ онъ медленно со своимъ провожатымъ на прогулку и устало и равнодушно смотрѣлъ куда-то вдоль длиннаго коридора. Больше всего привлекали вниманіе его смертельно усталые, разсѣянные, ничего не видящіе глаза». Въ то время, когда авторъ записывалъ въ тюрьмѣ свои впечатлѣнія, ему уже рѣдко прихо-

дилось видѣть NN. Говорили, что онъ обѣщалъ властямъ выдать нѣсколько человѣкъ, если ему дано будетъ помилованіе, и что ему подали надежду на избавленіе отъ казни...

Не всѣ, конечно, отдаются такъ всецѣло во власть безграничныхъ иллюзій. Желаніе многихъ приговоренныхъ, не идутъ дальше добровольной смерти. Мы уже встрѣчали выше выраженіе этого настроенія: «Умереть, когда захочу самъ». И въ то время, какъ обыкновенное населеніе тюремъ стремится всѣми мѣрами добыть «съ воли» водку, табакъ или карты,—смертники со всевозможными ухищреніями добываютъ ядъ или ножъ.

Газеты отмѣчаютъ то и дѣло случаи самоубійства передъ казнью. Больше всего прибѣгаютъ осужденные къ ціанистому кали, рѣже къ морфію или ножу. «Любопытно—пишетъ авторъ нашихъ матеріаловъ,—что ни одинъ изъ присужденныхъ при попыткахъ къ самоубійству не прибѣгалъ къ помощи шнура или веревки, хотя достать ихъ гораздо легче». Газеты отмѣчали случаи самоповѣшенія *), но дѣйствительно они рѣже другихъ способовъ самоубійства. Смерть отъ руки палача кажется позорище и страшнѣе. Приговоренные прежде всего предпочитаютъ добровольную смерть, «когда самъ захочу», и, если можно, то она должна быть другая, не та, которую назначить имъ человѣческій судъ. Въ теченіе того года, къ которому относятся наблюденія нашего корреспондента,—одинъ изъ приговоренныхъ отравился стрихниномъ и кончилъ жизнь въ страшныхъ мученіяхъ. Другой нанесъ себѣ ударъ ножомъ въ сердце. Въ третьемъ случаѣ ударъ ножа не оказался смертельнымъ, четвертый вскрылъ себѣ рану на рукѣ обломкомъ стекла, онъ тоже остался живъ. Было также нѣсколько случаевъ неудачнаго самоотравленія...

Эти попытки и самоубійства происходятъ на глазахъ у остального населенія камеры. «Смерть товарища Я—ва,—говорится въ одномъ изъ писемъ,—произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Громадная сила воли, потрясающая картина геройской смерти. Передъ смертью онъ былъ веселъ, курилъ, разговаривалъ, смѣялся. Волненія не было замѣтно. Потомъ нащупалъ сердце, приложилъ ножъ одной рукой, а другой ударилъ: разъ! два!. Потомъ сказалъ: «Вотъ хорошо! Выньте». И началъ хрипѣть, и умеръ, не издавъ ни одного громкаго стона».

Онъ оставилъ записку: «Кончаю жизнь самоубійствомъ. Вы меня приговорили къ смерти и, быть можетъ, думаете, что я боюсь вашего приговора, нѣтъ! вашъ приговоръ мнѣ не страшенъ. Но я не хочу, чтобы надо мной была произведена комедія, которую вы намѣрены продѣлать со своимъ формализмомъ. Мнѣ грозитъ смерть. Я знаю и принимаю это. Я не хочу ждать смерти, которую вы приведете въ исполненіе. Я рѣшилъ помереть раньше. Не думайте, что я такой же трусъ, какъ вы».

*) Въ томъ числѣ одинъ наканунѣ казни въ Полтавѣ (въ авг. 1909 г.).

Для этого **мужественаго** человѣка смерть, очевидно, явилась послѣднимъ **актомъ**, если не прямой борьбы, то хоть полемики съ врагами.

V.

Послѣднія свиданія.

Два раза въ недѣлю у тюремныхъ воротъ собирается толпа народу и терпѣливо ждетъ, пока откроются двери. Это отцы, матери, братья, сестры, сыновья, дочери и жены заключенныхъ, явившіеся на свиданіе. Двери, наконецъ, отворяются. Ихъ пропускаютъ.

Длинная, узкая и грязная комната съ однимъ окномъ. Во всю длину она перегороджена двумя перегородками, внизу перегородки деревянные сплошныя, вверху до потолка изъ частой проволочной сѣтки. Между перегородками разстояніе въ два аршина. На этомъ разстояніи арестанты и ихъ родные переглядываются и переговариваются черезъ двѣ сѣтки... Такъ какъ говорить приходится **всѣмъ вмѣстѣ** и общій говоръ заглушаетъ слова, то черезъ нѣсколько минутъ «свиданная комната» переполняется шумомъ и криками. Каждый старается перекричать другихъ и закинуть дорогому **человѣку** свое слово за эти перегородки. Комната полна **нестройныхъ** отчаянныхъ выкрикиваній, визгъ женскихъ голосовъ, судорожно напряженные лица и безсильный, никому неслышный плачь подъ звонъ кандаловъ... Вотъ старая крестьянка, она притащилась въ городъ за 50 верстъ и теперь судорожно вдѣпалась скрюченными пальцами въ проволочную сѣтку. Она пытается нѣсколько разъ что-то выкрикнуть сыну, но ея старческій голосъ тонетъ въ этомъ нестройномъ грохотѣ, звонѣ и шумѣ. Она машетъ рукой и уже только смотритъ старыми заплаканными глазами... А черезъ пять-семь минутъ свиданіе прекращается. Всѣхъ выгоняютъ, и на проволочныя рѣшетки пускаютъ **новыя** партіи арестантовъ и пришедшихъ къ нимъ «съ воли». Прежнія уходятъ, унося съ собой чувство неудовлетворенности и печали. Хотѣлось сказать дорогому **человѣку** такъ много. Не сказалъ ничего. Казнены уже въ Россіи тысячи **человѣкъ**. Приблизительно столько же матерей, и еще столько же отцовъ и, можетъ быть, столько же сестеръ и братьевъ и женъ **смотрѣли** черезъ такія рѣшетки на дорогихъ людей, которымъ грозила смерть. Если это были простые рабочіе или крестьяне, то прощаться съ ними, какъ съ умирающими, приходили и другіе родственники, какихъ только допускали. И сколько тяжелаго, незабываемаго и порой непрощаемаго страданія разнесутъ эти простые люди по предмѣстіямъ городовъ и по дальнимъ деревнямъ и селамъ.

Когда приговоръ уже состоялся, — «смертникъ» получаетъ привилегію. Съ него снимаютъ кандалы и на свиданіе къ нему близ-

нихъ родственниковъ допускаютъ въ тюремную контору. И опять по дорогамъ тянутся телеги, а въ нихъ—матери и отцы, ѣдущіе на послѣднее свиданіе. Военное правосудіе по большей части совершается стремительно и, пока старая мать бредетъ пѣшкомъ или тащится на заморенной клячкѣ,—дѣло часто бываетъ кончено. Тюремный привратникъ дѣловито и безстрастно, какъ русскій мужикъ вообще умѣетъ говорить о смерти, сообщаетъ, что сынъ повѣшенъ на разсвѣтъ, въ то время, когда они тащились въ темнотѣ по плохимъ дорогамъ. Недавно,—разсказываетъ нашъ корреспондентъ,—одна изъ такихъ матерей подошла къ тюрьмѣ и стала просить прощальнаго свиданія. Въмѣсто разрѣшенія изъ тюремной конторы ей вынесли комокъ волосъ,—все, что ей осталось отъ сына. Передъ висѣлицей сынъ попросилъ ножницы, отрѣзалъ прядь волосъ и передалъ ихъ для матери. Послѣдняя воля его была добросовѣстно исполнена.

Въ прошломъ году газеты сообщали о случѣ еще болѣе печальномъ. Приговоренный къ смертной казни въ Балашевѣ Шуримовъ послалъ къ отцу письмо съ просьбой пріѣхать попрощаться передъ смертью. «Элементарная гуманность,—говоритъ сообщившій объ этомъ случаѣ корреспондентъ,—если о гуманности можетъ быть рѣчь около висѣлицы,—требовала чего-либо одного: или отказа передать письмо, или разрѣшенія этого послѣдняго свиданія. Третьяго, казалось, тутъ быть не можетъ... Но именно это третье, мучительное и безобразное въ своей безчеловѣчности, и вышло». Отецъ, бѣдный и больной старикъ, собравъ послѣдніе гроши, отправился въ Саратовъ, захвативъ съ собой и младшаго сына. Прежде всего, конечно, обратился въ судъ. Здѣсь ему посоветовали «навести справку» у командующаго войсками. На вопросъ—живъ ли еще его сынъ, сухо отвѣчали: не знаемъ. Старикъ съѣздивъ въ Казань, но и тутъ ему «справки» не дали. Вернулся въ Саратовъ и три-четыре дня обивалъ разные пороги. Ходилъ къ прокурору, къ тюремному попу, въ тюремную контору. Наконецъ, кто-то (добрая душа!) сжалился надъ тоской и слезами стараго отца и сообщилъ ему, что сынъ его уже повѣшенъ...

«Этотъ старикъ,—заключаетъ корреспондентъ,—уѣдетъ домой, въ семью, въ кругъ своихъ близкихъ знакомыхъ, друзей... И отъ него, отъ множества такихъ стариковъ, отъ всѣхъ имъ близкихъ,—будутъ требовать любви къ родинѣ, уваженія къ ея учрежденіямъ, патріотическихкихъ чувствъ»... *).

Конечно...

Однако, вернемся къ нашему «бытовому матеріалу».

Контора, въ которой «смертнымъ» даются послѣднія свиданія съ родными, раздѣлена на двѣ неравные части деревянной перегородкой въ половину человѣческаго роста. «Смертный» вводится

*) «Кіевскія Вѣсти.», 8 марта 1909 г., № 66.

за перегородку, дверца за нимъ закрывается, по обѣимъ сторонамъ становятся надзиратели. Родственники, пришедшіе на свиданіе, остаются на другой сторонѣ перегородки.

Надзиратели равнодушно слушаютъ разговоры. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, а они многихъ приводили уже къ этой рѣшеткѣ и къ висѣлицѣ. Ихъ дѣло смотрѣть, чтобы смертному не передали чего нибудь, и главное, ножа или яду, и они смотрятъ равнодушно и безстрастно. Но на человѣка свѣжаго эти свиданія производятъ неизгладимое впечатлѣніе, какъ все, въ чемъ вопросы жизни и смерти стоятъ въ такой осязательной формѣ. Нашему корреспонденту пришлось случайно быть въ конторѣ во время послѣдняго свиданія съ матерью того самаго Я—ва, который такъ мужественно покончилъ съ собой. Это было незадолго до самоубійства. Высокій, съ болѣзненно-желтымъ лицомъ и лихорадочно блестящими глазами, стоялъ онъ у перегородки, за которой были двѣ женщины. Одна, сгорбленная, закутанная въ шаль, все время плакала и постоянно вытирала глаза концомъ шали. Другая не плакала; глаза у нея были воспаленные и сухіе. Это была мать. Она не спускала глазъ съ сына, но словъ для него у нея не находилось. Такихъ словъ, которыя бы тронули, смягчили, утѣшили, которыя просто были бы у мѣста.

— Ну, какъ же ты теперь?—спрашивала она все таки тоскливо.—Какъ здоровье?..

— Что здоровье?—Повѣсятъ скоро,—хрипло отвѣтилъ сынъ и попробовалъ засмѣяться. Но смѣхъ не вышелъ и рѣзко оборвался. Опять молчаніе.

— Сны страшные видишь?—опять спрашиваетъ старуха.

— Да, разное снится,—отвѣтилъ онъ задумчиво и потомъ сказалъ легче и проще:—тамъ у меня поддевка осталась... Ее нужно бы продать...

Заговорили о поддевкѣ и оба обрадовались предмету, не имѣвшему прямого отношенія къ тому главному, что занимало обоихъ. Свиданіе скоро прекратилось. «Смертнаго» надзиратели увели въ башню, а мать ушла «на волю», которая ей была, вѣроятно, не лучше этой башни. Говорили, что она послѣ казни сошла съ ума.

«Когда родители приходятъ на свиданіе,—говорится въ одномъ изъ писемъ,—то хочется все, все имъ передать. Но этого никакъ не могу сдѣлать: ничего не выходить. Вотъ сейчасъ чувствую, что много наговорилъ бы имъ ласкательнаго, хорошаго, успокоилъ бы ихъ, но въ конторѣ этого сдѣлать не могу, потому что тамъ рядомъ со мной стоятъ люди, противные мнѣ. При нихъ я не могу выговорить ни одного ласковаго слова. Я чувствую, что надо сказать что-нибудь ласковое, хорошее, но языкъ не повинуется. Когда идешь на свиданіе, то думаешь сказать то, другое, но когда придешь, то какъ будто все позабудешь. Все изъ головы уйдетъ.

Мартъ. Отдѣлъ II.

Смотришь только на них и слушаешь, что они говорят, а самъ ни слова».

«Жду прїѣзда своихъ,—говоритъ другой приговоренный,—они прислали мнѣ десять рублей, но я отдалъ ихъ женѣ. Вотъ чело-вѣкъ, слѣпо преданный и любящій! Мнѣ положительно стыдно передъ ней. Но сказать ей, втолковать, поднять до себя у меня нѣтъ возможности. А такъ тяжело! Говоримъ мы на разныхъ языкахъ».

Человѣкъ, написавшій эти строки, приписываетъ это тяжелое отчужденіе отъ близкихъ людей разности умственныхъ уровней. Но едва ли это вѣрно. «На разныхъ языкахъ» говорятъ, повидимому, всѣ обреченные съ тѣми, кто остается послѣ нихъ на этомъ свѣтѣ. Человѣческій языкъ не приспособленъ для *такихъ* разговоровъ. Обычныя понятія робко смолкаютъ въ сознаніи своей ненужности, неумѣстности, оскорбительности. Что, въ самомъ дѣлѣ, значить вопросъ о здоровьѣ для чело-вѣка, котораго скоро повѣсятъ... И сны ему, конечно, видятся всякіе... Разговоры о будущемъ мірѣ, о Богѣ и вѣчной жизни нашъ корреспондентъ тоже не приводитъ. Объ этомъ, наряду съ другими «формальностями», передъ висѣлицей скажетъ ему тюремный священникъ, который за это получаетъ казенное жалованіе... И, конечно, радъ бы былъ получать его за что-нибудь другое...

VI.

«Автобіографія».

«Смертники» пишутъ, если только есть возможность, довольно охотно. Это—одинъ изъ способовъ скоротать страшные часы ожиданія и, кромѣ того,—оглянуться, обращаясь къ сочувственному слушателю, на себя и свою уходящую жизнь. Въ случаяхъ, когда рукой пишущаго продолжаетъ водить одушевленіе идей, за которую чело-вѣкъ сознательно отдалъ свою жизнь,—такія письма отливаются въ формы, изумляющія и трогаящія даже противниковъ. Русская печать въ послѣдніе годы нѣрѣдко имѣла случай оглашать на своихъ столбцахъ такія обращенія мертвыхъ къ живымъ, и эти голоса изъ-за могилы читались въ самыхъ глухихъ и прозаическихъ закоулкахъ жизни, заставляя забывать о противорѣчіяхъ и несогласіяхъ и напоминая только о душевной силѣ, побѣждающей и освѣщающей ужасъ смерти.

Въ этихъ «бытовыхъ» очеркахъ мы имѣемъ дѣло не съ такими освѣщенными вершинами. Нашъ матеріалъ именно бытовой, обыкновенный, прозаическій. Авторы не выдающіеся люди, письма ихъ не согрѣты одушевленіемъ какой-нибудь вѣры. Это скорѣе печальныя сумерки мысли и гражданского сознанія. Но и здѣсь условія, въ которыхъ рождаются эти предсмертныя изліянія обреченныхъ

людей, налагають на нихъ печать серьезности, придають имъ особое, печальное значеніе. Пинутся они безъ всякой задней мысли, какъ Богъ положить на душу, даже безъ надежды, что письмо проникнетъ дальше тѣснаго круга родныхъ или сосѣдней тюремной камеры. Близость смерти дѣлаетъ людей искренними и серьезными. Тому, что говорится въ такихъ условіяхъ, приходится вѣрить.

Въ нашемъ распоряженіи есть цѣлая автобіографія такого зауряднаго человѣка, приговореннаго къ смерти, и теперь, вѣроятно, уже казненнаго. Мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ она описана нашимъ корреспондентомъ.

«Вы спрашиваете о дѣтствѣ. Да, о немъ я вспоминаю отчасти съ хорошей стороны, отчасти съ сожалѣніемъ. Родился я и выросъ въ очень богатой аристократической семьѣ. Все дѣтство было сплошнымъ удовольствіемъ. Былъ окруженъ няньками, репетиторами. Зимой жилъ въ городѣ, лѣтомъ — въ прекрасномъ имѣніи. Имѣлъ ружье, лошадей, вообще все, что можно дать мальчику моего возраста. Потомъ началось ученіе. Учился въ трехъ гимназіяхъ, года полтора въ кадетскомъ корпусѣ на казенный счетъ, благодаря заслугамъ отца передъ отечествомъ и престоломъ. Нигдѣ не кончилъ и сдѣлался въ концѣ концовъ оболтусомъ. Мать по своему любила меня. Отца я помню мало. Онъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ турецкой кампаніи скончался. Насъ было четверо братьевъ и одна сестра. Долженъ вамъ сказать, что, несмотря на имѣющіяся въ нашей семьѣ большія средства, ни одинъ изъ братьевъ нигдѣ не окончилъ. Выростая, каждый сталъ отдѣляться отъ семьи и кое-какъ устранился. Одинъ изъ братьевъ отравился лѣтъ 18-ти отъ безнадежной любви. Другой женился 19 лѣтъ на горбатой дѣвушкѣ, дочери крестьянина, чѣмъ, по мнѣнію матери, оскрамилъ всю фамилію. Служить онъ теперь оберъ-кондукторомъ на Юго-Западныхъ жел. дорогахъ. Третій женился на артисткѣ провинціального театра и, сколько я помню, всегда былъ на полицейской службѣ. Теперь онъ гдѣ-то служить приставомъ или помощникомъ полицеймейстера. Помню я, что онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ, за растрату и дебоширство, но, благодаря протекціи, всегда выходилъ сухимъ изъ воды. Четвертый—я, вашъ покорнѣйшій слуга, мерзавецъ порядочный, въ особенности по отношенію къ женщинамъ. Былъ, впрочемъ, таковымъ только до ознакомленія съ политикой. Вотъ эта самая штука, «политика» захватила меня цѣликомъ. У меня явилась жажда къ ученію, и я, хотя и безтолково, началъ читать все, что попадалось подъ руку. Не забудьте, что до этого ничего, кромѣ бульварныхъ романовъ, не читалъ. Въ дѣтствѣ у меня проявлялся, хотя безсознательно, какой-то вольный духъ, изъ-за чего у меня выходили со своими крупныя ссоры. Лѣтомъ крестьянамъ разрѣшалось собирать въ нашемъ лѣсу грибы, но только тѣмъ, которые за это выходили на работу. Такихъ выдавались билетики, а остальнымъ не разрѣшалось. Не выходили на

работу, повидимому, потому, что было невыгодно. И, вотъ, на такихъ-то и дѣлались облавы, при чемъ собранные грибы, конечно, отбирались. Меня это возмущало, и я отдавалъ грибы обратно, а съ братьями по этому поводу вступалъ въ драку. Какъ ни старались втолковать мнѣ, я все-таки стоялъ на своемъ. Когда изъ-за этого произошла крупная ссора, я написалъ записку приблизительно такого содержанія: когда будете читать эту записку, меня уже не будетъ въ живыхъ. Умираю потому, что не позволяють возвращать крестьянамъ грибы. Затѣмъ я взялъ револьверъ, оставилъ эту записку на столѣ и ушелъ съ сознаниемъ, что ровно себѣ ничего не сдѣлаю. Тутъ же за мной была погоня. Я не успѣлъ добѣжать до лѣсу и былъ пойманъ. Но съ тѣхъ поръ прекратились облавы на крестьянъ, и я торжествовалъ. Этотъ случай является однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній. Старшихъ—матери, тетокъ и дядей—мы все, дѣти, избѣгали и старались поскорѣй скрыться изъ ихъ глазъ, несмотря на то, что я ни разу не былъ наказанъ ими. Насъ выводили, какъ дрессированныхъ щенятъ, къ столу. Говорили мы заученныя французскія фразы, цѣловали руку матери, пили чай и удалялись. То же самое продѣлывали мы, когда были гости. Отъ такого воспитанія ничего хорошаго для насъ не получилось. Меня, да вѣроятно, и другихъ братьевъ, ничто не тянуло къ родному углу. Мать и другіе родственники, по настоящему, чужіе для меня люди, и у меня нѣтъ къ нимъ любви. Если бы даже была у меня возможность поговорить по душѣ и приласкаться, то я отказался бы: не дастъ она мнѣ той ласки, которая мнѣ нужна, да и не займетъ она меня. Я съ ними никогда не ссорился. Письма съ поздравленіями писалъ аккуратно, такъ какъ зналъ, что это для нихъ важно. Никогда я не обращался къ нимъ съ просьбами. Всегда имъ писалъ, что здоровъ, живу хорошо, хотя на самомъ дѣлѣ мнѣ и приходилось сидѣть безъ дѣды дни по два и по три. Почему я не обращался,—не отдаю (себѣ) отчета. Я не сказалъ о сестрѣ. Она кончила въ Кіевѣ гимназію, вышла замужъ за доктора, но не по любви, а потому, что мужъ представлялся ей выгодной партіей. Съ супругомъ, сыномъ и матерью она и теперь живетъ въ Х. Мужъ ея уже профессоръ, имѣетъ громадныя связи и безусловно могъ бы сдѣлать для меня очень многое. За два года тюремнаго заключенія я ни разу не писалъ имъ. Не писалъ потому, что не зналъ ихъ взглядовъ и думаю, что ихъ скомпрометирую. Теперь мнѣ хотѣлось бы послать имъ письмо, но то, что хотѣлось бы написать—нельзя, а писать такъ,—не стоитъ. Да думаю, что на меня и на брата кондуктора смотрять, какъ на нравственныхъ уроковъ. Но теперь, въ виду смерти, мнѣ хотѣлось бы знать, пожелаютъ ли они хлопотать за меня. Если да, — то я отложилъ бы свою смерть. Повторяю: одна мысль безотвязно мучаетъ меня: умру ли тогда, когда захочу того самъ...

«Но я уклонился отъ разсказа о своей жизни. Лѣтъ 15—16-ти

я, послѣ долгихъ пререканій съ матерью, добился согласія на отъѣздъ, получилъ рублей 300 денегъ и укатилъ въ Одессу. Моя мечта была поступить на море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я добился своего и поступилъ на пароходъ «Платонъ» Россійскаго Общества и совершалъ поѣздки до Батума и обратно. Прослужилъ я въ качествѣ ученика около двухъ лѣтъ, затѣмъ заболѣлъ, пролежалъ мѣсяца четыре въ больницѣ и потомъ вышелъ. Подъ руководствомъ одной особы, довольно опытной, вскорѣ послѣ этого занялся торговлей. Три года съ лишкомъ родные не знали, гдѣ я и что со мной. Я, наконецъ, написалъ. За мной пріѣхала жена брата (котораго изъ братьевъ,—авторъ письма не сообщаетъ) и уговорила уѣхать обратно. Возвратившись въ Кіевъ, я познакомился съ институткой, очень хорошенькой, закрутилъ съ ней въ любовь, и въ результатъ—роды. Я хотѣлъ было жениться, но родные увезли ее и выдали замужъ, какъ я это узналъ потомъ... *).

Такъ началась и такъ шла эта странная сумеречная жизнь въ такой же странной сумеречной семьѣ, выдѣляющей въ одну сторону типичнаго полицейскаго-взяточника и преступника, пользующагося протекціей, чтобы избѣгнуть суда, въ другую—кандидата на висѣлицу. Все здѣсь какъ будто на своемъ мѣстѣ, все формально прилично: семья собирается за чайнымъ столомъ, дѣти подходятъ къ ручкѣ и говорятъ заученныя фразы. Но все такъ глубоко чужды другъ другу, что даже въ минуты смертельной опасности, передъ возможностью казни (и при томъ, какъ увидимъ, казни по ошибкѣ) у человѣка, написавшаго эту удивительную автобіографію, нѣтъ рѣшимости пробить брешь въ ужасающемъ семейномъ отчужденіи. Здѣсь нѣтъ ни слова о взаимной любви, ни слова о религіи, ни слова объ общемъ Богѣ... Ни откуда также не проникло еще сюда и отрицаніе религіи или семьи. Ее никто не отрицалъ. Ея просто не было. Въ такомъ состояніи, уже взрослымъ, уже отцомъ, во все еще бродягой, не членомъ общества,—авторъ встрѣчается съ «политикой».

«Политику,—говоритъ онъ,—я сначала считалъ простыми переговорами одного государства съ другимъ, но къ политическимъ преступникамъ питалъ вообще глубокое уваженіе и считалъ ихъ чуть ли не сверхъ-человѣками... Какъ могли явиться политическіе преступники при условіи, что политика—только переговоры одного государства съ другимъ, авторъ не объясняетъ, и это, конечно, тоже характерно для того умственного хаоса, въ какомъ бродитъ гражданская мысль даже сравнительно «культурнаго» русскаго человѣка. Совершенно понятно, что разобраться въ многообразномъ броженіи политическихъ идей при такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности. «Политика» тутъ обращается въ про-

*) Здѣсь мы опускаемъ личное указаніе.

стое «отрицаніе существующаго строя», и беззащитный умъ влечется туда, гдѣ это отрицаніе послѣдовательнѣе и проще.

«Въ первый разъ, — пишетъ авторъ, — я былъ арестованъ въ Кіевѣ, когда жандармскій ротмистръ изнасиловалъ въ Петербургской крѣпости политическую, кажется, И—ую *). Студенты въ Кіевѣ рѣшили отслужить по сгубленной панихиду, но имъ въ этомъ было отказано. Студенты все таки собрались, человекъ триста. Былъ тутъ и я. Намъ всѣхъ переписали, но тутъ же и выпустили. Мы собрались вновь, опять были переписаны и посажены по тюрьмамъ. Черезъ четыре мѣсяца выслали на одинъ годъ изъ Кіева».

Послѣ этого молодой человекъ поступилъ счетоводомъ на Юго-Зап. желѣзной дорогѣ, гдѣ его дядя служилъ инженеромъ. Устроился сносно, но мѣстность была лихорадочная, и онъ заболѣлъ. Пришлось уѣхать въ Самару, гдѣ ему удалось поступить конторщикомъ на желѣзную дорогу. Конторщикъ онъ былъ, вѣроятно, самый обыкновенный, и едва ли за нимъ послѣдовала даже репутація неблагонадежнаго. Такихъ маленькихъ «протестовъ» тогда было очень много. Но если бы вскрыть въ это время душу этого обыкновеннаго самарскаго конторщика, то въ ней можно было бы обнаружить представленіе о государствѣ, какъ объ учрежденіи, подъ покровомъ котораго совершаются гнусныя насилія въ глухихъ казематахъ надъ беззащитными дѣвушками. Оно покрываетъ эти насилія и наказываетъ за выраженіе негодованія. Съ такой психологической подготовкой онъ знакомится въ Самарѣ съ фельдшерицами-ученицами, къ которымъ ходили неблагонадежныя лица. «Тутъ то я и сталъ познавать всю премудрость».

Какую именно «премудрость», авторъ не объясняетъ, считая это понятнымъ...

«Вотъ моя жизнь, — такъ заканчиваетъ онъ свое жизнеописаніе. — За что я иду на висѣлицу? Скоро наступитъ смерть, и я даю вамъ слово, что не только въ этой, но и ни въ какой экспроприаціи я никогда не участвовалъ. Да, вѣроятно, я и не способенъ убить кого бы то ни было. По натурѣ я очень мягокъ и добрѣ до идиотства, такъ что буквально не способенъ на такія дѣла. Въ этомъ же дѣлѣ, за которое меня приговорили къ смерти, я виноватъ только въ томъ, что не донесъ. Да я и не зналъ точно, какъ они хотятъ обработать это дѣло. Да если бы и зналъ, то

*) Авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду громкую и памятную исторію девятистыхъ годовъ, когда молодая дѣвушка, курящая, заключенная въ крѣпости, облила себя керосиномъ и зажгла на себѣ платье. Въ городѣ много говорили о причинахъ этой смерти, и во всякомъ правовомъ государствѣ невозможно было бы оставить мрачную загадку безъ всесторонняго освѣщенія. Самодержавное правительство того времени предпочло заглушить ее, сдѣлавъ такимъ образомъ тайну служебнаго преступленія своимъ общегосударственнымъ дѣломъ. Волненія молодежи по этому поводу обошли всѣ высшія заведенія Россіи. Фамилія покойной дѣвушки была, если не ошибаюсь, Вѣтрова.

мои убѣжденія не позволили бы мнѣ сдѣлать доносъ. На судѣ мнѣ пришлось удивиться существованію мелкихъ уликъ противъ меня. Теперь я говорю вполне искренне: въ данномъ случаѣ было простое совпаденіе. *Ну, да чортъ съ ними! Не хочется объ этомъ и толковать.* Добавляю, впрочемъ, интересный фактъ: судъ призналъ меня виновнымъ только въ подстрекательствѣ, и все таки далъ мнѣ висѣлицу»...

Если припомнить, что это письмо писано изъ одного каземата въ другой, въ разсчетъ на тайную передачу помимо начальства, что это простая исповѣдь приговореннаго передъ временнымъ товарищемъ по тюрьмѣ,—то страшная правдивость его станетъ въ всякихъ сомнѣній. Въ одномъ изъ цитированныхъ выше писемъ мы видѣли, какъ приговоренный къ смертной казни обругалъ судъ не за себя (себя онъ признавалъ виновнымъ въ томъ, что ему приписывали), а за то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ приговоренъ невинный... Очень вѣроятно, что этотъ протестъ вызванъ приговоромъ именно надъ этимъ юношей.

Теперь,—когда изъ тюремныхъ камеръ эта автобіографія выбралась на волю—вопросъ объ этой жизни давно, конечно, рѣшенъ. Какъ? Этого мы сказать не можемъ. Больше чѣмъ вѣроятно, что «правосудіе сдѣлало свое дѣло». И того, кто писалъ эти строки, и другого, который одинъ только, звеня кандалами, по своему за него заступился (за что вдобавокъ къ смертной казни попалъ еще въ карцеръ)—уже, надо думать, нѣтъ на свѣтѣ. Сумеречная жизнь закончилась среди сумеречнаго правосудія, не умѣющаго отличить виновныхъ отъ невинныхъ. Едва ли послѣднія минуты этой жизни освѣтились вспышкой какой нибудь вѣры. «Чортъ съ ними»—такова формула, которую, уходя, онъ кинулъ на прощаніе...

Но тѣ, кто его судили, вели на казнь и напутствовали предсмертными поученіями, какъ будто во что то вѣрятъ сами и требуютъ вѣры отъ другихъ. Думаютъ ли они о томъ, какой ужасный искъ этотъ сумеречный и невѣрующій юноша могъ бы представить противъ «существующаго строя» въ той признаваемой ими инстанціи, которая должна быть выше всякаго земного суда. . . .

На вопросъ,—возможны ли такіа ошибки, составляютъ ли онѣ исключенія или тоже входятъ въ составъ «бытоваго явленія»,— постараюсь отвѣтить въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ.

Вл. Короленко.

Бюрократическая утопія.

Изъ ликвидаціонной практики на Украинѣ.

I.

Одному изъ представителей официальной Россіи въ доброе старое, еще Николаевское время принадлежитъ замѣчательное по своей откровенности пожеланіе: «чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась». Характерно, что это былъ—министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный графъ Уваровъ. Но то было въ давно прошедшія времена. Теперешніе російскіе администраторы такую похвальною откровенностью не отличаются. Ни одинъ изъ нихъ не отважится во всеуслышаніе и всенародно повторить знаменитую формулу своего откровеннаго предшественника. Наоборотъ, всѣ они очень любятъ литературу. Они неустанно заботятся объ истинной, «дѣйствительной» свободѣ печати. Они полны почтенія и благожелательства къ литераторамъ. Они благодѣтельствуютъ имъ даже сверхъ всякой мѣры и искренно огорчаются, встрѣчая съ той стороны одну черную неблагодарность... И, тѣмъ не менѣе, про себя каждый російскій администраторъ, какого бы чина и званія ни былъ, не устаетъ повторять втихомолку неизмѣнное: «чтобы, наконецъ, чортъ побралъ эту литературу». Конечно, выразить эту мысль громко—не ловко. Вопреки откровенному дѣятелю давнопрошедшаго времени, современные администраторы слишкомъ прониклись извѣстнымъ убѣжденіемъ, что языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли,—и они пускаютъ въ ходъ языкъ. Пускаютъ, правда, неумѣло, грубо, наивно, чѣмъ еще больше подчеркиваютъ свои тайныя «предположенія и виды», сводящіяся въ сущности все къ той же Уваровской сентенціи. Теперь привыкли оглядываться на Европу и знаютъ, что во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ,—а намъ ужасно хочется придать себѣ видъ наружнаго благообразія и благоустроенности,—по штату, такъ сказать, полагается и литература, и пресса, и просвѣщеніе, и великіе писатели, составляющіе гордость культурныхъ странъ. И современные Уваровы отъ всей души готовы приласкать эту литературу, прессу, просвѣщеніе, писателей. Но, съ другой, не слѣпые же они, чтобы не видѣть, что при настоящихъ условіяхъ въ Россіи литература, пресса, просвѣщеніе, писатели фатальнымъ образомъ осуждены на то, чтобы противодѣйствовать пресловутымъ «предположеніямъ и видамъ» и держать себя по отношенію къ готовой ласкать рукѣ вызывающимъ образомъ. Коллизія, изъ которой нѣтъ въ сущности иного выхода, кромѣ указаннаго гр. Уваровымъ. Но просвѣщенные администра-

торы XX вѣка понимаютъ также, что и этотъ выходъ — утопія, желательная и, пожалуй, даже близкая къ возможности въ plusquam perfectum'ѣ, но ни въ какомъ случаѣ не осуществимая въ настоящее время. Приходится, слѣдовательно, лавировать между административно-судебными мѣрами воздѣйствія на литературу и демонстрированіемъ почтенія и симпатій къ ней!..

Но если по отношенію къ русской литературѣ правительство стремится поддержать нѣкоторыя иллюзіи лицемѣрной политической умолчанія, примѣняя въ то же время Уваровскій принципъ на дѣлѣ, то къ литературамъ, какъ и вообще національнымъ требованіямъ не государственныхъ народностей, оно не считаетъ уже нужнымъ соблюдать даже внѣшній декорумъ. Въ этой области исключительно и безраздѣльно господствуютъ нравы plusquam perfectum'a, и тѣни гр. Уварова остается только радоваться тому, какъ ревностно и неуклонно примѣняется здѣсь его принципъ прекращенія всей духовной жизни современными политиками всѣхъ чиновъ и ранговъ, отъ никому невѣдомаго волостного старшины или скромнаго почтового чиновника и до лицъ, достигшихъ степеней извѣстныхъ. Сейчасъ мы подробно коснемся того, какъ выражается примѣненіе Уваровскаго принципа къ одному изъ національных движеній — украинскому, но предварительно необходимо сдѣлать нѣсколько, быть можетъ, для русскаго читателя въ виду новизны предмета не лишннихъ замѣчаній.

Относительно украинскаго національнаго движенія правительство и «услужаящая» печать вмѣстѣ съ тѣми общественными кругами, какіе она представляетъ, всегда держались тактики, вкратцѣ сформулированной другимъ дѣтелемъ тоже давно прошедшаго, времени, безызывѣстнымъ Валуевымъ: украинскаго языка, равно какъ и литературы, «не было, нѣтъ и быть не можетъ». «Быть не можетъ», поэтому, и украинскаго національнаго движенія, такъ какъ и самого народа такого въ дѣйствительности не существуетъ. Что же касается фактовъ, какъ будто противорѣчащихъ столь категорическому утвержденію, то они были всецѣло отнесены на счетъ той или иной, чаще всего польской «интриги». Врагъ, дескать, смущаетъ... Нужно полагать, что въ глубинѣ душъ своихъ эти безпощадные отрицатели въ мундирахъ всевозможныхъ вѣдомствъ сами не вѣрили въ свое измышленіе, такъ какъ слишкомъ ужъ много вниманія отводили тенличному и «безпочвенному» якобы созданію злобной «интриги». Съ фантомами реальныя политики вѣдь не сражаются. Съ украинскимъ же движеніемъ борьба идетъ уже въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ. Вслѣдъ за репрессіями по адресу членовъ Кирилло-Меодіевскаго братства въ 1847 г., послѣдовали общія мѣропріятія относительно украинской литературы въ 1863 и 1876 годахъ, подогрѣваемые рядомъ циркуляровъ вплоть до послѣднихъ дней 1905 года. Не одинъ только гр. Уваровъ произносилъ громко свое regret по адресу украинской литературы,—по-

вторяли его еще громче и Дуббельтъ, и Валуевъ, и гр. Толстой, и гр. Игнатьевъ, и другіе, оканчивая кн. Святополкъ-Мирскимъ и гр. Витте. Чего стоили украинскому народу эти дикія гоненія на мысль, какую подать натурой заплатилъ онъ въ сокровищницу «общерусской государственности» — объ этомъ я сейчасъ говорить не буду. Интересующіеся даннымъ вопросомъ могутъ найти нѣкоторыя фактическія справки въ моей статьѣ «Внѣ закона», напечатанной на страницахъ «Русскаго Богатства» (январь 1905 г.). Здѣсь же я позволю себѣ продолжить хронику злоключеній украинства въ Россіи уже въ «конституціонный» періодъ. Хроника эта можетъ быть интересна не только въ качествѣ иллюстраціи къ фактическому положенію національнаго вопроса въ «имперіи народовъ», но и какъ частный примѣръ одной общей тенденціи, какую обнаруживаетъ нашъ «обновленный строй». Уже сколько разъ твердили міру: «сперва успокоеніе, а потомъ реформы». Успокоеніе, по общему признанію вполне компетентныхъ въ этомъ отношеніи сферъ, уже давно наступило. Населеніе тише воды, ниже травы сдѣлалось. Очередь, слѣдовательно, за реформами. И онѣ также не заставили себя ожидать.

О характерѣ этихъ «реформъ» свидѣлствуютъ, между прочимъ, факты, послужившіе матеріаломъ для настоящей статьи.

II.

Ограниченія украинскаго слова дожили до послѣднихъ дней 1905 г. На этомъ пунктѣ бюрократія долго не сдавала своихъ позицій, и даже послѣ осужденія репрессій въ комитетѣ министровъ, послѣ февральскихъ актовъ и положенія о Государственной Думѣ 6-го августа 1905 г., — украинскій вопросъ продолжалъ оставаться въ томъ же положеніи, въ какое былъ поставленъ мѣропріятіями Валуева, гр. Д. Толстого, Юзефовича-рёге'а и другихъ славянофильствующихъ и славяноборствующихъ обрусителей. Въ декабрѣ 1904 г. даже комитетъ министровъ призналъ, наконецъ, что «продолжающееся примѣненіе наложеннаго (на украинскую литературу) запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчій, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго уровня крестьянъ малорусскихъ губерній» ¹⁾. Несмотря на такое авторитетное въ бюрократическихъ кругахъ разъясненіе, все же въ сентябрѣ 1905 г. послѣдовала резолюція, признававшая отмѣну указанного запрета «несвоевременной» ²⁾... И даже 17 октября 1905 г.,

¹⁾ См. «Извлеченіе изъ журнала комитета министровъ 28 и 31 декабря 1904 г.», — «Наши дни», 1905, № 30.

²⁾ Проф. М. Грушевскій — «Невѣроятно», «Сынъ Отечества», 1905 г., № 187.

на первых порахъ принесшее существовавшей на всѣхъ языкахъ печати фактически довольно широкую свободу слова, ничѣмъ не отражалось на печати украинской: ея не было до того времени, и теперь ни одна типографія не имѣла мужества выпускать въ свѣтъ украинскую газету или журналъ безъ спеціальнаго разрѣшенія. Попытка кievскихъ украинцевъ издавать газету на основаніи манифеста 17 октября разбилась объ эти, повидимому, несущественныя препятствія¹⁾. Пришлось пока ограничиться помѣщеніемъ статей по украинскому вопросу въ русскихъ органахъ прессы, и, дѣйствительно, въ концѣ 1905 г. «Кіевскіе Отклики», «Кіевское Слово», «Волянь», «Югъ», «Приднѣпровскій Край» и другія южныя прогрессивныя изданія помѣщаютъ на своихъ столбцахъ рядъ статей фактическаго содержанія и программныхъ заявленій на украинскомъ языкѣ. Конечно, эта товарищеская услуга русской печати не могла вполне удовлетворить назрѣвшей среди украинскаго общества потребности въ собственной прессѣ. Помѣщеніе украинскихъ статей въ органахъ общей печати являлось скорѣе демонстраціею извѣстныхъ чувствъ и настроеній украинскаго общества, чѣмъ удовлетвореніемъ указанной потребности. Съ другой стороны и русская печать все же только спорадически и случайно могла откликаться на злобы дня украинской жизни, тѣмъ болѣе, что она достаточно имѣла тогда и собственныхъ злободневныхъ вопросовъ. Спеціально украинскія нужды не находили, такимъ образомъ, полного освѣщенія и систематическаго отклика. Украинцамъ необходимо было, какъ можно скорѣе, добиться возможности имѣть собственные органы. Попытка лубенскихъ украинцевъ издавать небольшую газетку «Хліборобъ» явочнымъ порядкомъ, т. е. на основаніи одного лишь согласія типографіи выпускать ее, окончилась плачевно: уже на 5-мъ номерѣ редакція подверглась разгрому съ неизбѣжнымъ судебнымъ финаломъ²⁾, и дальнѣйшій выпускъ газеты, самъ по себѣ неудобный въ условіяхъ провинціального захолустья, сдѣлался невозможнымъ. Въ Одессѣ, благодаря тѣмъ же препятствіямъ, украинскій органъ пришлось начать на русскомъ языкѣ («Народное дѣло»), да и то градоначальникъ поспѣшилъ ликвидировать изданіе, закрывъ его послѣ выхода перваго же номера. Однимъ словомъ, фактически положеніе украинской печати осталось неизмѣннымъ и «въ дни свободъ». Для характеристики тогдашняго положенія украинства я позволю себѣ привести отрывокъ изъ своей статьи «Дящееся преступленіе», помѣщенной въ «Кіевскихъ Отликахъ» отъ 12 ноября 1905 г.

Освободительное движеніе, — писалъ я въ упомянутой статьѣ, — привело къ тому, что русская пресса пользуется въ настоящее время большей свободой сужденій. Естественный выводъ отсюда долженъ бы быть тотъ.

¹⁾ Б. Гринченко—«Тяжкимъ шляхомъ». Кіевъ, 1907, стр. 10.

²⁾ «Рідний Край», 1906 г. № 37.

что и украинское слово может воспользоваться ею въ разной же степени. Но... не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ фатально длящимся преступленіемъ: вопросъ объ его устраненіи по прежнему стоитъ предъ нами во всей своей грозной настоятельности,—говорю: „грозной“, потому что этотъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ просвѣщеніемъ, гражданскимъ воспитаніемъ и благосостояніемъ 30-милліоннаго народа, отстаиваго въ своемъ развитіи и изнемогающаго подъ бременемъ нищеты, невѣжества и темноты.

Сравнительной свободой, наступившей послѣ 17 октября, украинская печать не могла до сихъ поръ воспользоваться по той простой причинѣ, что она, эта печать, не существовала вовсе до 17 октября. Въдѣ правительство въ послѣдній моментъ, когда представлялся благоприятный случай покончить, наконецъ, съ лежащимъ на его многогрѣшной совѣсти преступленіемъ, предпочло и по данному вопросу заниматься самостоятельнымъ и отмахиваться отъ справедливыхъ требованій краткимъ, но достаточно по условіямъ времени выразительнымъ: „несвоевременно“. Признанная тогда „несвоевременность“ связываетъ намъ руки и въ настоящее время; наслѣдіе позорнаго прошлаго все еще продолжаетъ угнетать наши плечи своей исключительной тяжестью. Мало того, даже относительно будущаго мы не можемъ питать никакой увѣренности, что правительство пожелаетъ разъ навсегда окончить свою преступную политику національнаго гнета, травли и насилій, несмотря на всѣ его торжественныя обѣщанія и увѣренія въ искренности своихъ намѣреній. Истинную цѣну этимъ увѣреніямъ русскіе граждане еще недавно познали весьма наглядно на примѣрѣ Польши, получившей вмѣсто автономіи—военное положеніе¹⁾.

Къ сожалѣнію, эти строки, написанныя наканунѣ возобновленія реакціи, оказались пророческими. Торжественныя обѣщанія... кто помнить ихъ въ настоящую минуту и какое значеніе имѣютъ они на ходъ всей нашей жизни, быстро скатившейся къ *statu quo ante*?. Ту же тенденцію, тотъ же стремительный бѣгъ подъ уклонъ обнаруживаетъ политика правящихъ сферъ и по національному вопросу,—въ частности и въ отношеніяхъ ихъ къ украинскому движенію.

24 ноября 1905 года изданы такъ называемыя «временныя правила о печати», согласно извѣстному афоризму: «нѣтъ ничего болѣе постояннаго, чѣмъ временныя правила», до сихъ поръ опредѣляющія судьбу печатнаго слова въ Россіи. Объ украинской печати временныя правила не упоминаютъ ни единымъ словомъ, и во многихъ мѣстностяхъ это обстоятельство первоначально было истолковано, какъ продолженіе запрета, до тѣхъ поръ на ней тяготѣвшаго. Я живо помню свою бесѣду съ предсѣдателемъ новоииспеченнаго комитета по дѣламъ печати въ Кіевѣ, когда совершенно серьезно приходилось доказывать этому господину, что умолчаніе въ данномъ случаѣ можетъ означать лишь отсутствіе какихъ-либо специальныхъ постановленій относительно украинской печати и, слѣдовательно, подчиненіе ея общимъ правиламъ. Господинъ обѣщалъ «подумать», и результатомъ его размышленій оказалось воспрещеніе кіевскимъ губернаторомъ, г. Савичемъ, ежеднев-

¹⁾ «Кіевскіе Отклики», 1905 г., № 304.

ной газеты «Громадське Слово» и ежемесячного журнала «Нове життя». Официальная бумага, извѣщавшая издателя о неразрѣшеніи названныхъ изданій, содержитъ слѣдующую любопытную мотивировку: «изъ имѣющагося при дѣлахъ канцеляріи моей объявленія г. Чикаленка, въ которомъ заключается подробная программа и направленіе упомянутыхъ изданій, между прочимъ, усматривается, что изданія сія будутъ помогать измѣненію существующаго государственнаго строя Россіи, образованія отдѣльных автономныхъ областей на окраинахъ имперіи и переустройства ея на федеративныхъ началахъ, а также помогать переходу всей земли въ собственность народа,—каковыя дѣянія запрещаются уголовнымъ закономъ (ст. ст. 252 и 318 улож. о наказ. уголов. и исправ. т. XV свода законовъ, изд. 1885 г.)» ¹⁾. Отказъ кievскаго губернатора въ выдачѣ свидѣтельствъ на напечатаніе названныхъ изданій былъ обжалованъ издателемъ въ сенатъ. Лишь два года спустя сенатъ удосужился рассмотреть жалобу и, конечно, оставилъ ее безъ послѣдствій. На сколько основательно примѣнена приведенная совершенно къ дѣлу не относящаяся ссылка на уложеніе о наказаніяхъ и на сколько послѣдовательно добреніе ея сенатомъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Во-первыхъ, тотъ же г. Савичъ, спустя нѣсколько дней послѣ отказа г. Чикаленку, выдалъ разрѣшеніе на изданіе газеты «Громадська Думка» и журнала «Нова Громада» отличающихся отъ запрещенныхъ лишь именемъ издателя-редактора; во-вторыхъ, тотъ же правительствующій сенатъ неоднократно разъяснял неосновательность запрещенія социаль-демократическихъ изданій ²⁾, хотя послѣднія также легко могли быть подведены подъ дѣйствіе указанныхъ статей уложенія о наказаніяхъ. Кіевскій случай не оказался, впрочемъ, единичнымъ. Та же исторія повторилась и въ Одессѣ, гдѣ градоначальникомъ была воспрещена газета «Народня справа» уже безъ всякой мотивировки, единственно за языкъ изданія ³⁾.

Эти попытки во что бы то ни стало задержать рожденіе украинской прессы очень характерны, хотя онѣ явились, уже какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури». Несмотря на все нежеланіе администраціи, разрѣшенія на изданіе украинскихъ органовъ пришлось все-таки выдавать. Такимъ образомъ, начало 1906 г. застало на Украинѣ цѣлый рядъ украинскихъ періодическихъ изданій. Въковая печать вынужденнаго молчанія оказалась, наконецъ, сломанной. Но всѣ предшествовавшія мытарства ничего хорошаго не предвѣщали новорожденной украинской прессѣ. Дѣйствительность превзошла, однако, самыя мрачныя ожиданія.

¹⁾ «Нова Громада», 1906 г. кн. I, стр. 152—153.
«Слово» 1909 г. N. 22 о кievскомъ «Впередѣ».

²⁾ «Кіевскія Вѣсти», 1909 г. № 304 о харьковскомъ изданіи «Жизнь».

³⁾ «Народное Дѣло», 1905 г. № 1.

III.

Уже первые шаги украинской прессы по тернистому полю российских свободъ показали, что не легко будетъ ей крестный путь, что исторія украинской печати грозитъ обратиться въ сплошную мартирологию, наполненную трупами погибшихъ изданій. Громадное большинство ихъ, дѣйствительно, прекращалось на одномъ изъ первыхъ же номеровъ. Упорствующія же добивались мѣрами администраціи, т. е. рядомъ систематическихъ преслѣдованій, конфискацій, штрафовъ, а то и прямыми запрещеніями на основаніи исключительныхъ положеній, широкой волной разлившихся къ тому времени по Украинѣ. Во многихъ мѣстностяхъ администрація фактически сдѣлала невозможнымъ изданіе украинскихъ органовъ печати. Такъ, въ Екатеринославѣ одна за другой прекращены были двѣ украинскія газеты: «Запоріжжя» на первомъ номерѣ и «Добра порада» на четвертомъ; то же произошло и въ Одессѣ съ «Народною справою» и «Вістями»; въ Кіевѣ съ «Боротьбою» и «Громадскою Думкою»; и въ Полтавѣ съ «Ріднимъ Краємъ», который отъ преслѣдованій полтавской администраціи долженъ былъ спастись въ Кіевъ: полтавскій губернаторъ систематически закрывалъ типографіи, которыя осмѣливались печатать злосчастное изданіе ¹⁾).

Помимо прямыхъ воздѣйствій на редакціи украинскихъ изданій, администрація дѣйствовала повсемѣстно и косвеннымъ путемъ, оказывая особенное вниманіе читателямъ и подписчикамъ этихъ изданій. Уже самымъ фактомъ выписки украинскаго органа налагалась на подписчика печать неблагонадежности, такъ что для многихъ лицъ полученіе украинской газеты сдѣлалось въ своемъ родѣ актомъ гражданскаго мужества. Такъ, розничная продажа «Громадскої Думки», «Рады» и др. газетъ была воспрещена во всѣхъ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, а такъ какъ въ 1906—07 г. г. такое охватило почти всю Украину, то фактически распространенію украинской прессы сразу же были положены границы. Смѣльчаковъ, державшихъ все-таки подписываться на украинскія изданія, изводили иными средствами. Послѣ одного изъ обысковъ въ редакціи «Громадскої Думки» начались повальные обыски среди подписчиковъ этой газеты по взятымъ въ редакціи адресамъ; число такихъ обысковъ достигло, говорятъ, 400. Тѣми или иными мѣрами, но подписчики и читатели были терроризованы, при чемъ съ читателемъ попроще (а такихъ больше всего имѣетъ украинская пресса) и вовсе ужъ не церемонились. Вотъ, напр., сценка въ волостномъ правленіи.

¹⁾ «Рада», 1906 г., № 19; «Рідна справа», 1907 г. № 3.

Среди писем старшина видит газету, адресованную одному изъ «подвѣдомственныхъ» крестьянъ, раскрываетъ ее и начинаетъ читать заглавіе:

— «Ра-да, га-зе-та полі-тич-на»... А, політична! Невозможно! Въ грубу (въ печку)!..¹⁾

Вотъ еще вопль одного читателя изъ народа.

Будьте добры, посоветуйте, что мнѣ дѣлать съ однимъ человѣкомъ, который какъ поѣдетъ въ волость и тамъ передадутъ мнѣ вашу газету. то онъ мнѣ не отдаетъ, а оклеиваетъ мокрые углы въ своей хатѣ и обворачиваетъ своимъ дѣтямъ-школярамъ книги по «Закону Божию» и другія... Я говорилъ этому дядьку, зачѣмъ онъ беретъ чужую газету, а онъ отвѣчаетъ (какъ видите, грамотный!): «я читалъ той паперъ и вижу, что даже нима правильности русской грамматики: какимъ-то хохлацкимъ языкомъ намалевана»²⁾.

И это не единичный случай, не исключеніе, когда «близкая къ народу» власть, а то и просто первый встрѣчный охочій человѣкъ считаетъ себя въ правѣ конфисковать, уничтожить или обратить для собственнаго употребленія чужую газету только на томъ основаніи, что она «хохлацкимъ языкомъ намалевана». Во многихъ мѣстахъ, какъ жалуются въ «Радѣ» же крестьяне, начальство не выдаетъ газеты, «пока пива не поставишь»³⁾; въ другихъ, какъ мы уже видѣли, ее просто уничтожаютъ. Не удивительно, что всѣ подобные знаки особеннаго начальственнаго вниманія отбиваютъ у крестьянъ и вообще у лицъ зависимыхъ всякую охоту получать и читать украинскую газету. Кому при теперешнихъ условіяхъ пріятно подвергнуться обыску, можетъ быть, аресту или хотя бы, въ лучшемъ случаѣ, оплачивать особымъ налогомъ, въ видѣ пива, собственную газету?.. Болѣе интеллигентные и интересующіеся изъ этой категоріи читателей пускаются на всякія хитрости, лишь бы получить «свою» газету: выписываютъ ее на имя какого-нибудь независимаго лица, на особый условный адресъ, напр., «предъявителю квитанціи за №...», «предъявителю денеги 1702 г.»⁴⁾ и т. п. Такіе шифрованные адреса не рѣдкость въ редакціяхъ украинскихъ изданій, какъ не рѣдкость и сценки въ родѣ слѣдующей.

Приходитъ въ контору «Рады» крестьянинъ и покупаетъ всѣ вышедшіе номера газеты.

— Почему же вы не подпишитесь?—спрашиваютъ его.

— Уже выписывать... Да такая пошла на меня напасть за эту газету отъ нашихъ волостныхъ и на почтѣ, что никакъ невозможно стало. Такъ я придумалъ: живу я недалеко отъ Кіева, вотъ и буду приходить почаще и покупать всѣ номера, какіе вышли⁵⁾.

«Никакъ невозможно»—этимъ выраженіемъ для многихъ и многихъ потребителей украинской прессы исчерпывается положе-

¹⁾ Б. Гринченко—«Тяжкимъ шляхомъ», стр. 58.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 25.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Б. Гринченко—«Тяжкимъ шляхомъ», стр. 59.

⁵⁾ Тамъ же.

ніе. Возможно-ли читать украинскія изданія тому, напр., учителю, котораго арестовала люблинская полиція, найдя при обыскѣ «Громадську Думку» и «Нову Громаду» да еще нѣсколько научно-популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ? ¹⁾ Возможно ли другому учителю обнаруживать свои украинскія симпатіи, если приставъ—на этотъ разъ уже Кіевской губ.—произноситъ, указывая на уставъ общества «Просвіта»: «за одну эту книжку вы можете пострадать»... ²⁾ Если читателю русской прогрессивной печати приходится иногда переживать жуткія минуты, обнаруживая свой «образъ мыслей», ибо въ наше свирѣпое время это не всегда безопасно, то украинскому читателю такой благодати отпускается въ удвоенной, такъ сказать, порціи. Помимо обнаруженія прогрессивности (украинская пресса, какъ общее правило, принадлежитъ пока къ прогрессивному лагерю) выходятъ на-явъ еще и украинскія симпатіи, а послѣднее для сплошь невѣжественнаго начальства служить яркой маркой сепаратизма, автономизма, федерализма и, не знаю, еще какихъ невѣдомыхъ жупеловъ. Не забудемъ, что на пунктѣ преслѣдованій украинства правящая бюрократія держалась особенно стойко и отрицала возможность украинской печати даже тогда, когда сдала уже, по крайней мѣрѣ формально, общеполитическія позиціи. Не забудемъ, что такое компетентное въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса крамольности учрежденіе, какъ сенатъ, считаетъ недопустимымъ изданіе съ автономистической и федеративной программой (запрещеніе «Громадського Слова»), находя въ то же время неосновательнымъ запрещеніе социаль-демократическихъ газетъ. Къ украинскому движенію «въ сферахъ», несомнѣнно, относятся съ гораздо большей подозрительностью, чѣмъ къ такъ называемой крамолѣ вообще. Когда во время весеннихъ вѣяній и эпохи довѣрія украинская депутація въ Петербургѣ пыталась выяснить сильнымъ міра сего всю нелѣпость ограниченій украинскаго слова, то, между прочимъ, приходилось выслушивать и такія сентенціи.

Конечно, запрещеніе переводовъ св. писанія и научно-популярныхъ книгъ должно быть снято; я даже (!) допускаю возможность разрѣшить научныя сочиненія на малорусскомъ нарѣчій; но вотъ чего я рѣшительно не могу себѣ представить—это разрѣшенія политическихъ газетъ по малороссійски ³⁾.

Не встаетъ-ли передъ вами при этихъ словахъ образъ вѣстнаго олимпійца, который, разобравъ по складамъ: «Ра-да га-зе-та по-лі-тична»—произноситъ: «а, політична! Невозможно!.. Въ грубу»? И выложенный сіятельный бюрократъ, и полуграмотный старшина—двѣ крайнихъ ступени начальственной лѣстницы—оказались въ

¹⁾ Рада, 1906 г., № 1.

²⁾ Рада, 1906 г., № 35.

³⁾ Б. Грінченко—«Тяжкимъ шляхомъ», стр. 9—10.

трогательномъ единеніи на счетъ размѣра отпущенныхъ украинскому языку правъ и удивительно сошлись въ страстномъ отрицаніи возможности «политическихъ газетъ по малороссійски». Не трудно предугадать, конечно, какимъ образомъ единеніе это должно было отразиться на украинской печати, когда г. г. отрицатели получили возможность приложить къ ней свою не легкую руку...

Какъ бы то ни было, но печать, и при томъ—*horribile dictu*—политическая печать на украинскомъ языкѣ, благодаря обстоятельствомъ, отъ бюрократіи поистинѣ не зависѣвшимъ, сдѣлалась тѣмъ не менѣ фактомъ. Благоразумные люди противъ фактовъ обыкновенно не спорятъ, но съ ними борются. И какое же иное отношеніе, кромѣ безграничной воинственности, могли проявить къ недопустимому явленію всѣ эти чиновные и нечиновные начальники, на всевозможныхъ заставахъ и караулахъ командующіе, которые не могли и представить себѣ политической печати на украинскомъ языкѣ? Очевидно, если вообще печать есть зло, къ сожалѣнію, неизбежное, то тѣмъ большимъ зломъ является та печать, самой возможности которой мы не допускали и, значить, надѣялись избѣжать ея появленія. А такъ какъ изъ двухъ золъ сильнѣе преслѣдуется большее, то... «никакъ невозможно»—этотъ логическій выводъ изъ предыдущаго силлогизма всею своею тяжестью упалъ на дѣателей молодой украинской прессы. Мы знаемъ, конечно, очень хорошо знаемъ, что и русская печать не на розахъ въ это самое время почивала, но то, что творилось и творится съ украинской превосходитъ уже всякое вѣроятіе. Не разъ украинскій писатель мечталъ, какъ о чемъ-то недостижимомъ—о возможности всего лишь говорить о томъ и такъ, о чемъ и какъ могъ говорить его русскій товарищъ. Положеніе невозможно, скажетъ читатель, но въ мірѣ неограниченныхъ возможностей, подвластномъ русской бюрократіи, все возможно, въ особенности если принять во вниманіе то настроеніе, съ которымъ въ бюрократическихъ сферахъ было встрѣчено появленіе украинской печати. Поэтому то, что совершенно незамѣченнымъ проходить въ русской прессѣ, встрѣчается карами въ украинской.

Непривычка надзирающихъ за печатью лицъ къ украинскому языку и терминологіи, очень часто прямое невѣжество, непониманіе самыхъ простыхъ вещей, предубѣжденность и предвзятость—все это мерелagается на украинскую печать, и все это оканчивается, какъ *ultima ratio*, судебными бичами и административными скорпіонами. До чего простирается чиновническое невѣжество относительно украинскаго языка, показываетъ случай, зарегистрированный въ судебныхъ лѣтописяхъ. Въ Киевской судебной палатѣ идетъ процессъ украинскаго союза учителей Радомысльскаго уѣзда. Въ числѣ доказательствъ крайней революціонности названной организаціи приводится изъ устава союза пунктъ о распространеніи произведеній «краснаго письменства», т. е., по разумнѣю обвинительной

власти — революціонной литературы. Пришлось ходатайствовать о специальной филологической экспертизѣ, чтобы обнаружить, что рѣчь всего лишь объ «изящной литературѣ»¹⁾. Но если путемъ незнанія украинскаго языка достигается какое-либо ограниченіе, тогда начальство черезчуръ даже охотно сознается въ своемъ незнаніи. Такъ, напр., одесская администрація воспретила мѣстной «Просвітѣ» чтеніе рефератовъ и устройство концертовъ на украинскомъ языкѣ, мотивируя свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ кромѣ чиновника Бачуна нѣтъ другого лица, знающаго малорусское нарѣчіе, а съ чиновникомъ Бачуномъ всегда бывають пререканія, то генераль-губернаторъ не находитъ возможнымъ разрѣшать впредь рефераты, чтенія и пѣнія въ обществѣ «Просвіта» на малорусскомъ нарѣчій»²⁾. Для того же, чтобы читатель могъ себя представить, какъ понималъ и украинскій языкъ, и свои обязанности упомянутый чиновникъ Бачунъ, я приведу только одинъ примѣръ. Когда кто-то изъ оппонентовъ на предложенный рефератъ о проф. Антоновичѣ сдѣлалъ ссылку на сочиненія кн. Кропоткина, то г. Бачунъ тотчасъ же запротестовалъ: «оппоненты не должны позволять себя рекомендовать публикѣ сочиненія Кропоткина». На замѣчаніе председателя собранія, что оппонентомъ сдѣлана лишь ссылка на сочиненія Кропоткина, этотъ понимающій дѣло чиновникъ отвѣтилъ: «прошу не вступать въ пререканія со мною, иначе я закрою собраніе»³⁾. За подобныя «пререканія» собранія «Просвіти» были закрыты въ концѣ концовъ, такъ сказать, огуломъ.

Какимъ образомъ совокупность указанныхъ условій враждебности, невѣжества и предвзятости администраціи отразились на украинской печати съ перваго же момента ея существованія, выразительнѣе всего показываютъ цифры. Изъ 34 украинскихъ изданій, объявленныхъ или выходившихъ въ первомъ полугодіи 1906 г., полгода просуществовало 9⁴⁾, а изъ этихъ девяти вступили въ 1907 годъ—3. Еще разъ пишу—три... Остальные погибли, большею частью, на первомъ или на второмъ номерѣ, а иногда даже раньше выхода въ свѣтъ. Такъ, по сообщенію корреспондента «Рады», ночью съ 28 на 29 іюня 1907 г. холмская полиція явилась въ типографію Эрлиха, гдѣ набирался первый номеръ украинской газеты «Бугъ», уничтожила наборъ, и разсыпала шрифтъ, конфисковавъ при этомъ всѣ рукописи и свидѣтельство на право изданія⁵⁾. Точно также не увидѣла свѣта «Народная газета», изданіе Харьковскаго общества грамотности, хотя первый номеръ ея на половину былъ уже отпечатанъ⁶⁾. Я не думаю, конечно, это въ буквальномъ смыслѣ

¹⁾ «Рада» 1908 г. № 120.

²⁾ «Рада» 1908 г., № 87.

³⁾ «Рада», 1908 г., № 72.

⁴⁾ «Рідний Край» 1906 г., № 32 и 33, статья М. Оленина «Українська преса».

⁵⁾ «Рада», 1907 г., № 149.

⁶⁾ «Рада», 1906 г., № 71.

избіеніе младенцевъ ставить исключительно въ счетъ начальственнымъ мѣропріятіямъ; я знаю, что два-три изданія прекратились въслѣдствіе неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ недостатковъ въ организаціи дѣла; я готовъ даже согласиться, что три десятка слишкомъ украинскихъ періодическихъ изданій, несомнѣнно, превышали заявленный на украинскую прессу спросъ, и нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжно должны были умереть естественной смертью, такъ что администрація лишь ускорила неизбѣжный конецъ. И, тѣмъ не менѣе, даже за указанными ограниченіями, описанное избіеніе младенцевъ представляетъ нѣчто не совсѣмъ обычное даже въ исторіи многострадальной російской печати. Впрочемъ, до сихъ поръ были только цѣтики начальственныхъ пресѣченій. Ягодки же все-таки впереди.

IV.

Какъ ни тяжело было положеніе украинской печати въ первое время ея существованія, какъ ни богато оно фактами ничѣмъ не сдерживаемаго усмотрѣнія и произвола, все же эту пору приходится отмѣтить теперь, какъ время относительной свободы. И это не только потому, что прошедшее и пережитое несчастье хорошо уже тѣмъ, что оно все въ прошломъ. Послѣдующія времена, особенно наиболѣе близкія къ намъ, своею нестерпимою придирчивостью заслонили даже то, о чемъ была рѣчь на предыдущихъ страницахъ. Согласно всеобъемлющей «формулы»: «сперва успокоеніе, а потомъ реформы», послѣ основательнаго успокоенія начались «реформы» и въ области украинскаго вопроса. Противъ украинства объявленъ походъ по всей линіи—не случайные набѣды, а именно систематическій и планомерный походъ, причемъ главная тяжесть репрессій падаетъ, конечно, на культурныя начинанія, какъ находящіяся въ предѣлахъ большей досягаемости для административныхъ мѣропріятій. Успокоеніе достигнуто, политика загнана въ подполье—очередь за культурной работой... Больше всего въ этихъ репрессіяхъ поражаетъ именно какая-то мелочная вздорность и очевидная ненужность, отравляющая, тѣмъ не менѣе, существованіе, подобно непрерывнымъ булавочнымъ уколамъ, дѣлающимъ жизнь нестерпимой. Трудно указать, гдѣ именно, въ какой сферѣ уколы эти нестерпимѣе, — вѣрнѣе будетъ сказать, что они вездѣ одинаково вредны и никому не нужны, но прежде всего имъ подвергается украинская пресса, какъ главный въ настоящее время выразитель украинскихъ стремленій въ общественной жизни.

Благодаря указаннымъ уже административнымъ воздѣйствіямъ, украинская пресса, если не считать совершенно безцвѣтной «Світова Зірниця», сосредоточилась въ настоящее время въ Кіевѣ. Здѣсь выходятъ: ежедневная газета «Рада», два ежемѣсячныхъ журнала—«Літературно-науковий Вістникъ» и «Українська Хата», два еже-

недѣльных изданія — «Рідной Край» и «Село», научный журнал «Записки Українського наукового товариства» и, наконецъ, чисто практическое «Українське бжільництво». Фактъ концентраціи украинской прессы въ одномъ мѣстѣ объясняется, конечно, не какимъ-либо особеннымъ благодушіемъ кievской администраціи, а другими причинами. Въ Кіевѣ, какъ крупномъ культурномъ центрѣ края, сосредоточивается и цвѣтъ украинской интеллигенціи; съ другой же стороны, и административная практика здѣсь больше, такъ сказать, на виду и меньше колеблется въ зависимости отъ взглядовъ и настроеній тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ нобилей, въ случаѣ желанія ихъ свести свои счеты съ украинствомъ. Насколько здѣсь вообще атмосфера культурнаго, показываетъ тотъ фактъ, что даже основанный со спеціальной цѣлью поражать украинское движеніе «Клубъ русскихъ націоналистовъ» заговорилъ было о «культурныхъ средствахъ борьбы»¹⁾. Конечно, въ истинно-русскихъ устахъ заявленія о культурѣ всегда звучатъ слишкомъ фальшиво, да и фактически это невѣрно, ибо къ «культурнымъ средствамъ» отнесены клубомъ, напр., и доношенія по начальству, какъ печатныя (въ «Кіевлянинѣ»), такъ и рукописныя, — но, какъ отраженіе извѣстной атмосферы, подобныя явленія, несомнѣнно, характерны. Присмотримся же къ положенію украинской печати въ Кіевѣ.

«Въ Мадридѣ, — писалъ когда то Бомарше въ своей безсмертной комедіи, — установлена свобода печати. Подъ условіемъ, чтобы я не касался ни властей, ни устава, ни политики, ни нравственности, ни чиновныхъ лицъ, ни почитаемыхъ сословій, ни оперы, ни другихъ театровъ, ни чего бы то ни было, что съ чѣмъ нибудь имѣетъ связь — я все могу напечатать свободно подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ». Этими приблизительно словами можетъ охарактеризовать свое положеніе и украинскій писатель, въ особенности избравшій своею спеціальностью общественные вопросы. «Мадридская» свобода печати довольно точно опредѣляетъ размѣръ правъ, фактически представленныхъ украинскому слову въ Кіевѣ. Всякая попытка увеличить этотъ размѣръ, выйти за предѣлы эластическихъ, чуть ли не каждый день измѣняющихся границъ, оканчивается обычно карами, налагаемыми преимущественно въ административномъ порядкѣ, такъ какъ «два или три цензора», очевидно, даже на нашъ судъ не надѣются. Особенно участились репрессіи въ послѣднее время, когда во главѣ мѣстнаго комитета по дѣламъ печати сталъ извѣстный г. Флоринскій, весьма удачно соединившій профессорскую каведру со службой по цензурному вѣдомству. Уже при немъ «Рада» въ самое короткое время была оштрафована четыре раза: за статью объ Азефѣ (въ № 37), замѣтку о полтавскихъ торжествахъ (№ 115), статью о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (№ 158) и о взысканіи недоимокъ (218). Кромѣ того,

¹⁾ «Рада», 1908 г., 69, 76, 125 и др., „Л.-Н. Вістник“, 1908 г. кн. VІІІ, стр. 347—355.

противъ редактора возбуждено еще нѣсколько дѣлъ въ судебномъ порядкѣ по самымъ разнообразнымъ статьямъ. Единственно затѣмъ, чтобы русскій читатель могъ составить нѣкоторое понятіе о размѣрахъ свирѣпствующей въ Кіевѣ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ профессора Флоринскаго мадридской свободы печати, я позволю себѣ привести цѣликомъ въ дословномъ переводѣ одну изъ инкриминированныхъ статей. Называется она «Податная энергія».

Осень,—писала въ этой статьѣ украинская газета,—это единственное у насъ время, когда при условіи хорошаго урожая подъ сельскую кровлю заглядываетъ относительное удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей. Осенью нашъ крестьянинъ кладетъ заплаты на свои лохмотья, на осень онъ отлагаетъ свои маленькія надежды, осенью удовлетворяетъ свои убогія пожеланія. Но съ осенью связано въ его жизни и одно очень непріятное обстоятельство,—это взысканіе податей и недоимокъ.

Въ наше время, когда народное благосостояніе сверхъ всякой мѣры подорвано цѣлымъ рядомъ неурожайныхъ годовъ, недальновидной экономической политикой и другими неблагоприятными условіями—недоимочный вопросъ сдѣлался необыкновенно жгучимъ вопросомъ въ крестьянской жизни. Недоимокъ въ теченіе предшествовавшихъ тяжелыхъ годовъ накопилось столько, что крестьянинъ съ его убогимъ хозяйствомъ не имѣетъ силъ выпутаться изъ нихъ обычнымъ путемъ. Приходится экстраординарными мѣрами — выколачиваніемъ и подобными же средствами—„возстановлять“ его платежеспособность. И это обычно приурочивается также къ осеннему времени, въ особенности при порядочномъ урожаѣ. Крестьянинъ тогда можетъ платить,—разсуждаютъ фискальныя власти, и съ чистой совѣстью приступаютъ ко взысканію и выколачиванію этихъ несчастныхъ недоимокъ.

Фискальная кампанія начата уже и въ настоящемъ году; изъ цѣлаго ряда мѣстностей получены извѣстія, что начальство принимаетъ мѣры къ уплатѣ крестьянами недоимокъ за предшествующіе годы. Возможно, что кампанія въ текущемъ году приметъ особенно интенсивныя формы, такъ какъ, съ одной стороны, неурожай прежнихъ лѣтъ, увеличили сумму недоимокъ, а съ другой—урожай настоящаго года даетъ якобы основаніе энергичнѣе требовать ихъ уплаты. Между тѣмъ, послѣднее соображеніе является не болѣе, какъ ошибкой, которая можетъ тяжело отразиться на положеніи крестьянскаго хозяйства.

Вѣдь оказывается, что урожай настоящаго года вовсе нельзя считать выдающимся; во многихъ мѣстностяхъ онъ не превышалъ средняго размѣра и хорошимъ можетъ казаться лишь по сравненію съ предшествовавшими недородами. Вотъ почему примѣненіе фискальной энергіи само по себѣ было бы крупной ошибкой, которая будетъ еще очевиднѣе, если принять во вниманіе кой-какія предзнаменованія относительно будущаго урожая.

Извѣстно, что повсемѣстно на Украинѣ въ настоящее время стоитъ необыкновенно сухая погода, лучше сказать—засуха. Дождей не было вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, озимый хлѣбъ посѣянъ большею частью въ сухую землю. При подобныхъ условіяхъ въ будущемъ году опять придется ожидать бѣды, опять возможенъ недородъ хлѣбныхъ. И истощенный до крайности предыдущими неурожаями, отдавшій сверхъ того и небольшой запасъ настоящаго года на удовлетвореніе фискальной энергіи, крестьянинъ въ непродолжительномъ времени вновь станетъ съ глаза на глазъ со своимъ вѣчнымъ, неразлучнымъ врагомъ—голодомъ. И по-

слѣдствія этого могутъ быть тѣмъ хуже, что сила сопротивленія («вѣдпорна сила») среди крестьянской массы, какъ извѣстно, пала до *минимума* и бороться ей уже нечѣмъ.

Все это необходимо имѣть въ виду открывая податную кампанію. Взятые теперь изъ народнаго кармана гроши придется, быть можетъ, съ лихвой истратить на продовольственную помощь въ будущемъ году. Лучше же отложить въ сторону энергію, чтобы дать передышку крестьянству и оставить его болѣе подготовленнымъ къ грядущей, быть можетъ, бѣдѣ ¹⁾.

Я глубоко убѣжденъ, что перепечатывая эту скромную и осторожную до безцвѣтности замѣтку въ «Русскомъ Богатствѣ», не подвергаю его редакцію ровно никакой опасности. Болѣе того, въ мѣстныхъ же, кievскихъ, и другихъ провинціальныхъ газетахъ можно бы указать гораздо болѣе рѣзкую оцѣнку предпринятаго властями похода на крестьянскій карманъ, не вызвавшую, однако, никакихъ послѣдствій,—припомнимъ хотя бы голоса печати по поводу недавнихъ событій въ Вятской губерніи. И только предоставленная украинской печати мадридская свобода отъ приведенной статьи почувствовала себя нарушенной и поспѣшила возстановить свое равновѣсіе сторублевымъ штрафомъ.

Подобный же, во-истину мадридскій характеръ носятъ и остальные репрессіи, щедрой рукой отвѣщиваемыя въ послѣднее время украинской печати. Четыре книжки «Л.-Н. Вѣстника» конфискованы, напр., за помѣщенный въ нихъ сокращенный переводъ извѣстнаго «Острова пингвиновъ» Анатоля Франса,—между тѣмъ, какъ по-русски это произведение съ подобными же сокращеніями въ Кіевѣ можно купить въ любомъ книжномъ магазинѣ. Статья проф. Грушевскаго о Выговскомъ и Мазепѣ въ «Л.-Н. Вѣстникѣ» была отмѣчена штрафомъ и не обратила на себя вниманія цензуры въ русскомъ переводѣ на столбцахъ «Кіевскихъ Вѣстей». Моя статья «Изъ общественной жизни на Украинѣ», не вызвавшая какихъ-либо осложненій цензурнаго характера при напечатаніи ея на страницахъ «Русскаго Богатства», была конфискована, какъ только вышла въ оригиналѣ, съ привлеченіемъ автора по 129 ст. Всѣ эти факты могли бы возбудить вполне законное недоумѣніе своею очевидною противорѣчивостью, примѣненіемъ двухъ мѣрокъ для однихъ и тѣхъ же поступковъ, если бы они не были только прологомъ къ чисто уже анекдотическимъ происшествіямъ, обильно вырастающимъ на почвѣ «культурной» борьбы съ украинствомъ.

Нѣкто г. Володскій написалъ пьесу «Сполоханий заецъ» и за разрѣшеніемъ ея для постановки на сценѣ обратился къ драматической цензурѣ; послѣдняя пьесы не разрѣшила. Тогда авторъ переводитъ ее на русскій языкъ и подъ заглавіемъ «На бѣднаго Макара» посылаетъ опять въ ту же цензуру. Пьеса разрѣшена. Ободренный этимъ, г. Володскій вторично пытается провести ее въ

¹⁾ «Рада», 1909 г., № 218.

оригиналъ, воспользовавшись уже разрѣшеннымъ заглавіемъ, но мадридская свобода, охраняющая украинскій театръ, не дала себя провести и уже разрѣшенную однажды по-русски пьесу, опять запрещаешь по украински ¹⁾. Вообще сплошь да рядомъ происходитъ, что пьесы русскаго репертуара сейчасъ же вступаютъ въ коллизію со свободой, какъ только пытаются проникнуть на украинскую сцену. Есть, напр., довольно извѣстная на всемірной сценѣ драма «Вильгельмъ Телль», принадлежащая перу такъ же не безызвѣстнаго нѣмецкаго писателя, Фридриха Шиллера; десятилѣтія идетъ она на русской сценѣ. Но драматическая цензура, повидимому, разсчитала, что не нужно увеличивать извѣстности нѣмецкаго писателя на украинской почвѣ, и потому «Вильгельмъ Телль» въ украинскомъ переводѣ «къ представленію признанъ неудобнымъ» ²⁾. Та же участь постигла и одну изъ комедій Мольера ³⁾. «Евреи» г. Чирикова въ украинскомъ переводѣ сняты со сцены послѣ первой же постановки ⁴⁾, хотя рядомъ, въ русскомъ театрѣ, эта пьеса ставится, разумѣется, безпрепятственно.

Съ послѣдними фактами мы вступаемъ уже въ безбрежное море административнаго творчества. Здѣсь начинается такая причудливая область начальственныхъ усмотрѣній и капризовъ, въ которыхъ самая смѣлая фантазія отказывается разбираться. Трудно здѣсь отдать пальму первенства тому или иному администратору; всѣ они какъ будто наперерывъ стремятся побить рекордъ въ борьбѣ съ здравымъ смысломъ. Вотъ, напр., Одесса. Существуетъ тамъ такая всероссійская знаменитость, какъ генераль Толмачевъ, и имѣла несчастье существовать «Просвіта», украинское культурно-просвѣтительное общество, проявившее себя довольно энергичной лекціонной дѣятельностью. Не взлюбилъ ген. Толмачевъ «Просвіты» и рѣшилъ, что имъ вдвоемъ тѣсно въ Одессѣ: или «Просвіта», или я, существовать же обимъ невозможно. И такъ какъ генераль Толмачевъ есть генераль, обладающій неограниченными возможностями, а «Просвіта» всего лишь подозрительное въ смыслѣ благонадежности общество съ весьма призрачными правами, и то на бумагѣ, то борьба превратилась, разумѣется, просто въ травлю, или, если хотите, въ сплошное издѣвательство всемогущаго генерала надъ безсильнымъ обществомъ. Генераль могъ уничтожить «Просвіту» двоякимъ образомъ — или сразу просто закрыть ее, или же путемъ систематическихъ преслѣдованій, поджаривая, такъ сказать, на медленномъ огнѣ, свести къ нулю всю ея дѣятельность. Не знаю, почему—генераль избралъ послѣдній путь и, надо отдать

¹⁾ «Кіевскій театральный Курьеръ», 1909 г., № 407. «Рада», 1909 г., № 196.

²⁾ «Рада», 1907 г., № 50.

³⁾ «Рада», 1907 г., № 38.

⁴⁾ «Рада», 1908 г., № 227.

ему справедливость, обнаружилъ рѣдкую для русскаго администратора выдержку и послѣдовательность.

Я уже упоминалъ, какъ въ высшей степени просто разрѣшилъ ген. Толмачевъ вопросъ о лекціяхъ, чтеніяхъ и концертахъ «Просвіты»: не нашлось, видите ли, въ одесскомъ градоначальствѣ чиновника, знакомаго съ украинскимъ языкомъ, а потому этого рода дѣятельность «Просвіты» упразднить. Не знаю, потому ли, что такой чиновникъ все-таки нашелся, или почему-либо иному, но вскорѣ ген. Толмачевъ счелъ своевременнымъ издать для Одессы сепаратный законъ, гласящій, «что публичныя собранія должны (?) вестись на общегосударственномъ языкѣ, т. е. русскомъ» ¹⁾, и этимъ окончательно вычеркнулъ изъ обихода «Просвіты» не только лекціи и рефераты, но даже общія собранія членовъ, такъ какъ ни одинъ уважающій себя человекъ при подобныхъ условіяхъ не захочетъ, конечно, подчиниться административному капризу и предпочесть молчать. Раздосадованный, повидому, молчаніемъ, г. Толмачевъ представляетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ записку «на предметъ закрытія Просвіты», а въ ожиданіи отвѣта продолжаетъ бороться съ «кромошнымъ» обществомъ «своими средствами». То издастъ вдругъ для одесской «Просвіты» новый законъ, воспрещающій печатаніе входныхъ билетовъ на украинскомъ языкѣ, то откажетъ въ устройствѣ концерта лаконическимъ «не могу» или не менѣе лаконическимъ—«безъ объясненія причинъ» ²⁾, то потребуетъ для исполненія въ концертѣ перевода украинскихъ народныхъ пѣсень на русскій языкъ. Во исполненіе послѣдняго требованія «Просвіта», между прочимъ, представила ему текстъ общеизвѣстнаго «Гриця» въ такомъ видѣ:

Ай не ходи, Гришка,
Ай да на журфиксъ:
Ай тамъ злая дѣвка
Сдѣлають тѣ книксъ.

Вѣроятно, въ семъ одѣяніи странномъ, очень ужъ нелѣпнымъ вышелъ украинскій Гриць, потому что даже г. Толмачевъ усомнился и, прочитавъ переводъ, сказалъ, чтобы пѣли въ подлинникѣ ³⁾.

Но то, въ чемъ даже г. Толмачевъ усомнился, не смутило полтавскихъ администраторовъ. Нужно замѣтить, что во дни свободъ полтавское начальство щеголяло своею терпимостью, и даже самъ полицеймейстеръ на афишахъ демонстративно писалъ: „друкувати дозволено“ ⁴⁾. Зато послѣ успокоенія—вѣроятно, чтобы загладить невольное прегрѣшеніе,—съ утроенной энергіей принялись полтавцы за дѣло искорененія. Сначала на афишахъ зачеркивали только

¹⁾ «Рада», 1909 г. № 15.

²⁾ „Рада“, 1909 г., № 91.

³⁾ «Слово», 1909 г., № 15.

⁴⁾ „Рада“, 1907 г. № 155.

слово «украинскій» ¹⁾, а затѣмъ пошли дальше. Играла въ Полтавѣ лѣтомъ 1907 года украинская труппа г. Саксаганскаго, и полтавская администрація не нашла лучшаго дѣла, какъ вопросъ о языкѣ на афишахъ сдѣлать вопросомъ государственной важности. Конечно, послѣ этого украинскій языкъ изъ афишъ исчезъ ²⁾, да такъ радикально, что и г. Толмачеву въ пору бы поучиться у своихъ полтавскихъ коллегъ: даже заглавія пьесъ пришлось переводить на русскій языкъ. Существуетъ, напр., въ украинскомъ репертуарѣ пьеса, вполнѣ невиннаго содержанія, — «Пошилися у дурні». Вѣроятно, это заглавіе слишкомъ ужъ сепаратистически выглядѣло на полтавскихъ улицахъ и площадяхъ, а потому слѣдуетъ приказъ: писать на «государственномъ языкѣ», — вышло: «Записались въ дураки» ³⁾. Можно полагать, что полтавскіе обыватели по достоинству оцѣнили всю соль такой замѣны, но администрація произведеннымъ эффектомъ не удовлетворилась и обратила свое просвѣщенное вниманіе на витрины книжныхъ магазиновъ. Случайно въ одной изъ нихъ оказалась «Українська граматика» г. Шерстюка — слѣдуетъ приказъ: убрать крамольную грамматику ⁴⁾. Отъ витринъ одинъ только шагъ къ вывѣскамъ. Уже нѣсколько лѣтъ существуетъ въ Полтавѣ школа имени славнаго полтавскаго уроженца, украинскаго поэта Котляревскаго; на школѣ имѣлась вывѣска на украинскомъ языкѣ: «Школа імени Івана Котляревського». Но вотъ въ одинъ прекрасный день вывѣска исчезла, а когда вновь появилась, то видъ ея былъ уже иной: «Школа имени Ивана Котляревскаго» ⁵⁾. Къ счастью, на этотъ разъ вывѣска не причинила начальству особенныхъ хлопотъ, такъ какъ пришлось изгнать лишь крамольное *і* да *ь*.

Есть одна украинская пьеса, изображающая безпечальную жизнь «веселыхъ полтавцевъ». Читая изложенные факты, трудно забыть характеристику, данную полтавцамъ этой пьесой. Веселые, въ самомъ дѣлѣ, люди — господа полтавское начальство, избравшее себѣ, за неимѣніемъ, должно быть, болѣе серьезнаго дѣла, афишно-вывѣсочную специальность. И не удивительно, что все, попавшее въ сферу притяженія этихъ беззаботныхъ людей, приобретаетъ нарочито веселый, специфически полтавскій характеръ. О происшествіи съ газетой «Рідний Край», вынужденной отъ этого «веселаго» усердія спасаться бѣгствомъ въ Кіевъ, я уже упоминалъ. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ же фактовъ. Когда полтавскому губернскому обществу присутствію представленъ былъ на утвержденіе уставъ общества «Просвіта», то присутствіе въ регистраціи

¹⁾ «Рідний Край», 1907 г., № 10.

²⁾ «Рада», 1907 г., № 257.

³⁾ «Л.-Н. Вістникъ», 1908 г., кн. III, стр. 631. «Рада», 1907 г., № 155.

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 25.

⁵⁾ «Рѣчь», цит. по «Слову», 1908 г., № 21; «Рада», 1909 г., № 133, 225 и 226.

отказало, признавъ «существованіе «Просвіта» угрожающимъ общественному спокойствію» полтавской губерніи. «Малороссія,—такъ мотивировало присутствіе свое рѣшеніе,—составляетъ часть единой великой Россіи, а потому не можетъ быть и рѣчи о пробужденіи политическаго и національнаго сознанія въ народѣ» ¹⁾. То же присутствіе и по тѣмъ же мотивамъ не разрѣшило «Просвіты» и въ г. Лубнахъ, Полтавской губ. ²⁾. Любопытно все, что съ этимъ рѣшеніемъ согласился и сенатъ, которому учредители полтавской «Просвіты» принесли жалобу на дѣйствія полтавскаго присутствія ³⁾, давъ, такимъ образомъ, новое доказательство своего спеціальнаго вниманія къ украинскимъ начинаніямъ. Да что говорить о «Просвітѣ», когда даже украинскій концертъ не можетъ здѣсь состояться. На просьбу разрѣшить въ Полтавѣ концертъ, украинскій композиторъ Н. В. Лисенко получилъ въ отвѣтъ не лишнюю полтавскаго юмора справку: «въ Полтавѣ такого языка не знаютъ и не разберутъ» ⁴⁾. И весьма возможно, что авторомъ этого отвѣта было то самое лицо, которое въ 1905 г. собственноручно подписывалось: «друкувати дозволено»...

Факты, впрочемъ, говорятъ, что гдѣ нужно, тамъ «веселые полтавцы» прекрасно умѣютъ «разбирать» написанное и на «такомъ языкѣ». Такъ, изъ полтавскихъ же нравовъ въ номерѣ 99-мъ «Радъ» за настоящій годъ разсказана колоритная «исторія одной прокламаціи». Кіевское книгоиздательство «Часъ» издало популярную біографію Шевченки, которой 30.000 экземпляровъ приобрѣло полтавское земство для распространенія среди народа. На это обстоятельство обратилъ свое доносительное вниманіе сотрудникъ «Кіевлянина», г. Савенко и первый забилъ тревогу, пустивъ крылатое по нынѣшнимъ временамъ словечко «прокламація». Статьи г. Савенко произвели переполохъ. Попечитель кіевского учебнаго округа, г. Зилевъ, сдѣлавъ распоряженіе дирекціи народныхъ училищъ приостановиться съ раздачей по земскимъ школамъ упомянутой біографіи, «рекламирующей украиноманскія книжки», а если гдѣ-либо она была уже получена и роздана, то отобрать обратно и препроводить директору народныхъ училищъ для соотвѣтственныхъ распоряженій ⁵⁾. Циркуляръ попечителя встревожилъ полтавскую администрацію, изъ-за афишъ и вывѣсокъ проглядѣвшую, можно сказать, у себя подъ носомъ такую крупную «крамолу»; изъ Полтавы полетѣли въ Кіевъ запросы объ «издательствѣ «Время» («разобрали!»). Вѣроятно, издательству «Часъ» («Время» тожъ) надоѣла эта безконечная травля и оно обратилось къ кіевскому комитету по дѣламъ печати съ просьбой удостовѣрить, что всѣ из-

¹⁾ «Рада», 1906 г., № 2.

²⁾ «Рідний Край», 1907 г., № 1. См. также «Рада», 1906 г., № 25.

³⁾ «Слово», 1908 г., № 33; «Л.-Н. Вѣстникъ», 1909, кн. I, стр. 209.

⁴⁾ «Кіевскія Вѣсти», 1909 г., № 16; «Рада», 1909 г., № 3.

⁵⁾ «Полтавскій Голосъ», цит. по «Радѣ», 1909 г., № 89.

данія названнаго издательства, и въ частности біографія Шевченка («прокламація») выпущены въ свѣтъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Комитетъ 27 апрѣля 1909 г. выдалъ справку, что листокъ «Життя Тараса Шевченка» «аресту не подвергался въ виду отсутствія въ содержаніи его признаковъ преступленій, караемыхъ уголовными законами; а также не были конфискованы произведенія, выпущенныя книгоиздательствомъ «Часть», поименованныя на оборотѣ названнаго листка». Этой официальной бумагой книгоиздательство успѣло успокоить полтавское земство, неожиданно для себя явившееся въ роли распространителя прокламацій ¹⁾).

Казалось бы, послѣ такого компетентнаго разъясненія кіевскаго комитета по дѣламъ печати и дѣлу о «прокламаціи» долженъ бы наступить конецъ. Но было бы большою наивностью полагать, что можно удовлетворить чѣмъ-нибудь добровольцевъ сыска. Вопросъ о злополучной біографіи еще разъ всплылъ на поверхность, и притомъ въ такомъ мѣстѣ, которое, казалось бы, вообще должно далеко стоять отъ подобныхъ упражненій во славу отечества. Въ сентябрѣ прошлаго года кіевскій объединенный комитетъ по постановкѣ памятника Шевченку, сдѣлалъ постановленіе о приобрѣтеніи названной біографіи комитетомъ для бесплатной раздачі и рассылки населенію украинскихъ губерній. Съ протестомъ противъ постановленія выступилъ *членъ комитета*, представитель золотоношскаго земства (тоже полтавецъ!), землевладѣлецъ г. Дараганъ. Доводы этого оригинальнаго почитателя многострадальной Шевченковской музы сводились къ тому, что—во-первыхъ—у нихъ, въ Полтавѣ «такого языка не знаютъ и не разберутъ» (вотъ ужъ поистинѣ несчастная Полтава!) и потому біографію украинскаго поэта нужно распространять на «государственномъ языкѣ», а—во-вторыхъ—данная біографія есть произведеніе безусловно крамольное (опять таки «разобралъ» г. Дараганъ!), такъ какъ содержитъ упоминаніе о крѣпостномъ правѣ и о ссылкѣ Шевченки. Заявленіе г. Дарагана, какъ сообщаетъ «Рада», было встрѣчено дружнымъ хохотомъ присутствующихъ, и комитетъ отклонилъ отъ себя сомнительную честь контролировать дѣйствія спеціальнаго цензурнаго вѣдомства. Разгнѣванный г. Дараганъ заявилъ въ видѣ протеста о своемъ выходѣ изъ состава комитета ²⁾),—и, разумѣется, это лучшее, что онъ могъ предпринять.

Въ кіевскомъ Шевченковскомъ комитетѣ г. Дараганъ потерпѣлъ неудачу. Но тамъ, гдѣ такихъ Дарагановъ собралось въ достаточномъ количествѣ, тамъ они съ успѣхомъ приводятъ въ исполненіе добровольно взятія на себя цензорскія и сыскныя обязанности. Такъ, земская управа въ той же Золотоношѣ, отъ кото-

¹⁾ «Рада», 1909 г., № 99.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 206, 230 и 236.

рой былъ делегированъ въ Шевченковскій комитетъ г. Дараганъ, усмотрѣвъ крамолу въ произведеніяхъ Шевченка, приказала изъять «Кобзарь» изъ земскаго склада. Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Рады», оставшіеся экземпляры произведеній опальнаго писателя, въ постановкѣ которому памятника принимается участіе и золотоношское земство, перевязаны веревкой, опечатаны печатами и сложены въ кладовой на съѣденіе мышамъ ¹⁾. Еще раньше въ томъ же золотоношскомъ уѣздѣ подобной же участи подверглось евангеліе на украинскомъ языкѣ, конфискованное по школамъ инспекторомъ народныхъ училищъ Малиновскимъ ²⁾. Благому примѣру Золотоноши слѣдуютъ зѣньковская и кременчугская земскія управы: первая изъяла «Кобзарь» изъ земскаго книжнаго склада ³⁾, а вторая изъ школьной библиотеки мѣстечка Омельника ⁴⁾. Нѣчто подобное происходитъ и въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, на этотъ разъ по инициативѣ уже инспектора народныхъ училищъ ⁵⁾.

До послѣдняго времени самой истинно-русской губерніей считалась у насъ, какъ извѣстно, Подольская. Судя по только что изложеннымъ фактамъ, слѣдуетъ, кажется, переложить это почетное званіе на полтавскую. По крайней мѣрѣ, Полтавщина выступаетъ теперь серьезнымъ конкурентомъ въ этомъ отношеніи темной и забитой Подоліи, не безъ успѣха оспаривая у ней патріотическую пальму первенства.

V.

Полтавщина представляетъ, впрочемъ, только болѣе извѣстную арену, на которой объявлена безпощадная война украинскому слову; въ дѣйствительности военныя дѣйствія идутъ вездѣ, гдѣ проявляетъ себя чѣмъ-либо украинское движеніе и куда есть доступъ зоркому глазу начальства или просто перваго встрѣчнаго добровольца, которому не лѣнь взять на себя починъ въ дѣлѣ сыска и пресѣченія. Примѣровъ этого столько накопилось въ сообщеніяхъ украинской прессы, что, право, затрудняешься въ выборѣ ихъ.

Въ г. Новой Ушицѣ Подольской губ., въ мѣстной двухклассной школѣ предпологался спектакль во время рождественскихъ праздниковъ. Выбрана была къ постановкѣ дѣтская опера г. Лисенка «Коза-дереза». Готовились къ спектаклю дружно, весело; ребятишки были въ восторгѣ. Но появился въ школѣ инспекторъ народныхъ училищъ, и начальственный глазъ, конечно, открылъ въ злополучной «Козѣ» громадное содержимое сепаратизма. «Коза-дереза», ра-

¹⁾ «Рада», цит. по «Слову», 1907 г., № 27.

²⁾ «Рада», 1906 г., № 38.

³⁾ «Кіевскія Вѣсти», цит. по «Слову», 1908 г. 29.

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 72.

⁵⁾ «Рада», 1909 г., № 235.

зумѣется, моментально снята съ очереди, зато головы учащихся были обогащены надлежащими свѣдѣніями. По мнѣнію г. инспектора, которое онъ постарался развить предъ дѣтьми, вся украинская литература состоитъ изъ произведеній «какого-то полупьянаго поэта», а когда изданы были двѣ украинскія грамматики—одна въ Кіевѣ, а другая въ Харьковѣ (?)—то оказались совершенно одна на другую не похожими ¹⁾. Почему составители грамматикъ должны копировать другъ друга—этого почтенный педагогъ не объяснилъ, но ближайшая цѣль его ученыхъ разъясненій была достигнута: сепаратистическая «Коза-дереза» исчезла изъ Новоушицкой школы.

Еще дальше пошелъ миргородскій исправникъ, воспретивъ въ «своемъ» уѣздѣ спектакли не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Когда изъ м. Сорочинецъ обратились къ нему за разрѣшеніемъ украинскаго спектакля, онъ сначала отвѣтилъ, что не можетъ дать разрѣшенія безъ согласія губернатора. Обратились къ губернатору, который отвѣтилъ, что разрѣшеніе спектаклей—дѣло мѣстныхъ властей. Заручившись признаніемъ своей автономности, исправникъ заявилъ, что не разрѣшитъ постановки ни одной украинской пьесы ²⁾.

Въ селѣ Пилявѣ Подольск. губ. мѣстный священникъ произносилъ проповѣди по-украински. При посѣщеніи села архіереемъ расхвалили священника за его дѣятельность. Это не понравилось епархиальному, и онъ сочинилъ доносъ на своего настоятеля, обвиняя его въ сепаратизмѣ, проявившемся въ употребленіи украинскаго языка съ церковной каеэдрой. Этому оказалось достаточнымъ для епископа, чтобы измѣнить свое первоначальное мнѣніе о священникѣ. Послѣдовалъ приказъ—прекратить вредную дѣятельность ³⁾, а затѣмъ и общее распоряженіе по епархіи не профанировать церковной каеэдрой украинскимъ языкомъ ⁴⁾.

Не только въ Подольской губерніи и не одни инспектора и владыки открываютъ въ той или иной формѣ сепаратизмъ и побѣдоносно его поражаютъ. Такихъ воителей достаточно вездѣ. Въ житомирской семинаріи, во время обыска, у семинаристовъ были конфискованы—евангеліе на украинскомъ языкѣ и брошюра «Страшный ворогъ», популярное изложеніе новѣйшей литературы объ алкоголизмѣ ⁵⁾. Въ м. Корыстышевѣ, Кіевской губ., учительская семинарія въ одинъ прекрасный день была взволнована необычайнымъ событіемъ: обнаруженъ тоже въ своемъ родѣ «страшный врагъ»—книга, написанная, какъ объяснилъ одинъ изъ учителей, «не настоящимъ малороссійскимъ языкомъ, а пополамъ съ еврейскимъ». Съ перепугу корыстышевскіе педагоги вспомнили,

¹⁾ «Рада», 1908 г., №288.

²⁾ «Рада», 1908 г., № 6.

³⁾ «Рада», 1908 г., № 119.

⁴⁾ «Подолія», 1909 г., № 72.

⁵⁾ «Рада», 1908 г., № 17.

конечно, и «украинскую пропаганду», и «австрийскую интригу», и даже «государственную измѣну» ¹⁾). Если прибавить къ этому, что страшная книга носила названіе «Народні вчителі та українська школа» (Б. Д. Гринченка), то ужасъ корыстишевскихъ просвѣтителѣй станетъ вполне оправданнымъ.

Въ данномъ случаѣ судьба зловредной книги осталась неизвѣстной, по крайней мѣрѣ, корреспондентъ умолчалъ объ этомъ интересномъ обстоятельстве. Но аналогичные факты изъ другихъ мѣстностей указываютъ на весьма опредѣленную тенденцію начальства пресѣкать зло въ самомъ корнѣ. Завѣдующій школой имени Терещенка въ г. Глуховѣ, Черниговской губ., издалъ приказъ по училищу—предавать всеожженію всякую украинскую книгу, какая только попадетъ въ руки ученикамъ; завѣдующаго, любителя аутода-фе, поддерживаютъ въ этомъ и другіе учителя той же школы ²⁾). Примѣру глуховскихъ учителей слѣдуютъ и въ Терновкѣ, Кіевской губ. Когда одинъ изъ учениковъ терновской школы осмѣлился написать на обложкѣ тетради «1908 року», то учитель Сорокинъ сорвалъ и уничтожилъ преступную обложку и, сдѣлавъ классическое заявленіе, что онъ «ненавидитъ малорусскій языкъ», выгналъ изъ класса малолѣтняго преступника и уменьшилъ ему баллъ по поведенію ³⁾). Линейкою и кулаками выбиваетъ изъ своихъ питомцевъ интересъ къ украинской книгѣ и учитель м. Печеры, Подольской губ. ⁴⁾). Блестяще разрубили вопросъ также преподаватели кіевской духовной семинаріи. Контролируя чтеніе семинаристовъ, начальство натолкнулось на «Раду» и, не зная, что съ ней дѣлать, поручило просмотрѣть ее и представить свой отзывъ двумъ учителямъ - «малороссамъ». Эксперты — прежде всего крайне удивились, увидѣвъ украинскую газету, а затѣмъ дали классическій по своей истинно-русской опредѣленности отзывъ: «слишкомъ лѣвая газета на непонятномъ языкѣ» ⁵⁾). Трудно постигнуть, какъ ухитрились эти мудрецы въ непонятномъ имъ открыть «слишкомъ лѣвое» направленіе, но это, конечно, не важно, такъ какъ отзывомъ имѣлось лишь въ виду прекратить доступъ газеты къ семинаристамъ, что и было достигнуто. «Газета на хохлацкомъ языкѣ, которой никто не понимаетъ», изъята также изъ читальни на родинѣ Гоголя, въ м. Сорочинцахъ ⁶⁾). Еще раньше нѣчто подобное произошло въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ. ⁷⁾).

Относительно народныхъ библіотекъ и читаленъ мы, впрочемъ, отвыкли уже удивляться. Гораздо удивительнѣе, что начальствен-

¹⁾ «Рада», 1909 г., № 4.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 22.

³⁾ «Слово», 1909 г., № 3.

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 27.

⁵⁾ «Слово», 1909 г., № 4.

⁶⁾ «Слово», 1909 г., № 4.

⁷⁾ «Полтавск. Земск. Газета», цит. по „Радѣ“, 1906 г. № 4.

ный глазъ проникаетъ въ такія области, которыя вообще ему не подвѣдомственны, и еще болѣе удивительно, что это дѣлаетъ начальство въ нѣкоторомъ родѣ посторонняго просвѣщенію вѣдомства. Существуютъ, напр., акцизные чиновники; кругъ ихъ вѣдѣнія не можетъ, кажется, возбуждать сомнѣній, по крайней мѣрѣ, относительно просвѣдательныхъ начинаній, и тѣмъ не менѣе, на дняхъ мы прочитали слѣдующее непостижимое сообщеніе изъ Могилева, Подольской губ. Контролеръ акцизнаго вѣдомства въ этомъ городкѣ рекомендовалъ содержателямъ чайныхъ класть на столахъ для посѣтителей газеты, протежируя съ своей стороны «Газету-Копейку». Содержатель одной пивной протежируемую контролеромъ газету замѣнилъ «Радой», которая среди посѣтителей начала пользоваться успѣхомъ. Но вотъ является на ревизію лавки упомянутый контролеръ, увидѣлъ украинскую газету и заинтересовался: «гдѣ купилъ? сколько стоитъ?» Послѣ такихъ выволнѣй невинныхъ, казалось бы, вопросовъ, въ ревизіонной книгѣ пивной появилась слѣдующая записъ: «1904 г., 14 ноября, при ревизіи пивной лавки Л. Кляве нарушеній устава объ акцизномъ сборѣ не замѣчено. Приказчику Андрею Мельнику предложено газету «Рада», выписанную для себя, для публики на столъ не класть. Старшій контролеръ В. Левицкій» ¹⁾. Не напоминаетъ ли приведенный документъ классическаго «приказа головѣ Евтуху Макогоненку», содержащаго на ряду съ запрещеніемъ давать обывательскихъ лошадей судовымъ паничамъ и приказаніе женить своего сына на казачкѣ Ганнѣ Петрыченковой? Маленькое это начальство — старшій контролеръ акцизнаго вѣдомства и газетному дѣлу, очевидно, непричастное, какъ непричастенъ и Гоголевскій комиссаръ къ матримоніальнымъ расчетамъ головы Макогоненка. Но пусть бы попробовалъ приказчикъ Мельникъ послушаться деликатнаго «предложенія», столь умѣстнаго въ ревизіонной книгѣ!..

При такихъ условіяхъ украинская книга или газета въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу является уже сама по себѣ крайне опаснымъ изобличеніемъ владѣльца въ «противоправительственномъ» и потому ревностно искореняемомъ «образѣ мыслей». Почти каждый день приносятъ намъ новыя извѣстія въ томъ же родѣ. Напр., въ с. Любимовкѣ, Екатеринославской губ., мѣстный урядникъ, подъ угрозой ареста, заставилъ крестьянъ прекратить выписку украинскихъ газетъ ²⁾. На станціи Борзна, Черниговской губ., урядникъ систематически конфискуетъ «Раду» ³⁾; то же собственной властью продѣлываетъ уже начальникъ почтовой конторы въ м. Ольшанѣ, Кіевской губ. ⁴⁾. Въ с. Москаленкахъ, Кіевской же губ., былъ произведенъ обыскъ у одного крестьянина, по возвращеніи его изъ

¹⁾ «Рада», 1909 г. № 264.

²⁾ «Слово», 1909 г., № 14.

³⁾ «Рада», 1907 г., № 77.

⁴⁾ «Рада», 1906 г., № 37.

Кіева, при чемъ найдено—horribile dictu—нѣсколько номеровъ заграничныхъ украинскихъ газетъ: «Діло», «Свобода» и «Селянська Рада» ¹⁾). Газеты, конечно, исчезли, но хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что ихъ обладатель остался на мѣстѣ, ибо обыкновенно иначе бываетъ. Въ одномъ селѣ Подольской губ., учитель, имѣя «образъ мыслей», давалъ знакомымъ крестьянамъ читать украинскія книги; книги понравились и крестьяне сами начали покупать. Последнее не понравилось мѣстной «интеллигенціи» и въ результатѣ помѣщикъ, весь причтъ церковный и кое-кто изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ заключили священный союзъ противъ дерзкой крамолы. Учитель, разумѣется, потерялъ мѣсто, а «читателямъ» пришлось переселиться на казенную квартиру ²⁾). Въ с. Барышполѣ, Полтавской губ., въ праздничное время собралось къ одному крестьянину нѣсколько сосѣдей почитать «Раду» и изданный кіевской «Просвітой» календарь. На этомъ преступномъ занятіи накрыла ихъ полиція и, сдѣлавъ обыскъ, всѣхъ арестовала ³⁾). Въ с. Березѣ, Черниговской губ., весной текущаго года подвизался членъ землеустроительной комиссіи, объясняя крестьянамъ, что «украинфильство» значитъ то же, что и революція, а потому всякую украинскую книжку необходимо уничтожать. Въ результатѣ такихъ наставленій произошло вотъ что. «Нѣсколько стражниковъ и крестьянъ ночью явились въ хату шоссейнаго рабочаго и произвели обыскъ. Нашли нѣсколько украинскихъ книжекъ и много «возвѣаній», крайне подозрительныхъ, по мнѣнію сельскихъ міроѣдовъ. Рабочій арестованъ»... А въ ближайшее воскресенье этотъ случай удостоился комментарія даже съ церковнаго амвона: мѣстный священникъ заявилъ въ церкви, что всѣ читающіе украинскія книги являются ни болѣе, ни менѣ, какъ... «австрійскими шпіонами» ⁴⁾).

Какъ видимъ, книга, и, въ особенности, украинская книга, сдѣлалась теперь въ деревнѣ въ самомъ дѣлѣ «страшнымъ врагомъ» для читателя, такъ какъ служить наиболѣе сильной уликой его вредности и злонамѣренности. Въ «Радѣ» была недавно напечатана необыкновенно краснорѣчивая по своей непосредственности и образному языку исторія читательскихъ заключеній въ с. Харьковцахъ, Полтавской губ. Между прочимъ, въ этой корреспонденціи, оцѣнить которую можно лишь въ подлинникѣ, приведена любопытная угроза одного изъ мѣстныхъ «хозяевъ» по адресу интеллигента-крестьянина: «именно докажу, говоритъ, что у Тесленка есть книги мошенническія». «Это,—поясняетъ корреспондентъ,—онъ называетъ такъ украинскія книги: «Кобзарь» Шевченка и другія ⁵⁾». Не удивительно, что за книгами, квалифицированными,

¹⁾ «Рада», 1909 г., № 9.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 24.

³⁾ «Рада», 1908 г., № 6.

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 69.

⁵⁾ «Рада», 1909 г., № 64.

какъ «мошенническая», идетъ такая усиленная погоня, при чемъ, какъ мы видѣли, во вкусъ ея входятъ даже совершенно частныя лица, не говоря уже о носителяхъ того или иного мундира, вплоть до почтового или акцизнаго вѣдомства. Въ с. Яблоновкѣ, Киевской губ., у крестьянъ отобраны всѣ безъ исключенія книги. Какъ только дойдетъ до свѣдѣнія урядника, что кто-нибудь изъ «парубковъ» «съ книжками носится» — сейчасъ обыскъ и «мошенническія книги» переходятъ къ уряднику въ полную собственность. Владѣлецъ такъ оригинально составляемой библіотеки создалъ даже, по мѣрѣ своего разумѣнія, принципиальное оправданіе и обоснованіе своимъ поступкамъ. «Вѣдь ты, — по отечески убѣждаетъ онъ подвѣдомственныхъ ему читателей, — человекъ уже взрослый, зарабатываешь на себя — зачѣмъ же тебѣ эти книги понадобились? Пусть ужъ тамъ школяры — ихъ по книгамъ учать, и потому имъ книги нужны, но тебѣ то зачѣмъ? Вѣдь ты по нимъ не учишься?» ¹⁾).

Вмѣстѣ съ украинской книгой подвергается гоненію все, что входитъ въ признаки украинца, какъ представителя отдѣльной національной особи. Изюмское, напр., тюремное начальство и прокуратура отказываются передавать заключеннымъ и принимать отъ нихъ частныя письма, писанныя «на непонятномъ (?) малороссійскомъ языкѣ» ²⁾. То же наблюдается и въ Люблинской тюрьмѣ, гдѣ отъ зоркаго глаза тюремныхъ аргусовъ не ускользнула не только частная переписка, но даже библія въ украинскомъ переводѣ ³⁾. Начальникъ Глуховской почтовой конторы, вспомнивъ, вѣроятно, старинное: «почтовой станціи диктаторъ» — не принимаетъ заказного письма на томъ основаніи, что конвертъ былъ съ портретомъ украинскаго писателя Франка и отрывкомъ его стихотворенія ⁴⁾. Въ Умани, Киевской губ., полиція и жандармерія врываются къ частное жилище, гдѣ предполагалось празднованіе традиціонныхъ Шевченковскихъ «роковинъ» (годовщина смерти поэта) и, переписавъ, разгоняетъ собравшихся безъ всякаго къ тому повода ⁵⁾. Въ Курской губерніи обнаружена недавно «безгласная слобода». — Велико-Михайловка: въ слободѣ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ человекъ не услышишь ни одной украинской пѣсни, которыя здѣсь по какому то непостижимому капризу мѣстной власти воспрещены, хотя въ окрестныхъ деревняхъ допускаются. Даже недавній юбилей великаго писателя, украинца по происхожденію, не обошелся безъ надругательства надъ его памятью путемъ циркуляровъ, воспрещающихъ во время чествованія пѣніе украинскихъ пѣсенъ. Изъ такихъ циркуляровъ попало въ

¹⁾ „Кіевск. Вѣсти“, 1909 г., № 25.

²⁾ „Рада“, 1909 г., № 90.

³⁾ „Рада“, 1909 г., № 99.

⁴⁾ Кіевск. Вѣсти, 1909 г., № 110.

⁵⁾ „Рада“, 1909 г., № 68.

печатъ два—одинъ по Киевской губерніи ¹⁾, другой по Подольской ²⁾. Но что ихъ было гораздо больше—на это очень опредѣленно указываетъ характеръ Гоголевскихъ школьныхъ чествованій, почти повсемѣстно протекавшихъ подъ аккомпаниментъ исключительно великорусскихъ народныхъ пѣсенъ и балалайки,—последняя рекомендовалась въ качествѣ великорусскаго національнаго инструмента.

Продолжимъ еще немного нашу хронику преслѣдованій. Какъ извѣстно, офени и книгоноши, имѣя соответственное разрѣшеніе, располагаютъ правомъ продавать книги повсемѣстно и совершенно свободно имъ пользуются. Но стояло въ м. Немировѣ, Подольской губ., появиться на базарѣ, даже съ разрѣшенія губернатора, продащицѣ съ украинскими книгами, какъ наша мадридская свобода не выдержала. Начался рядъ непрерывныхъ обысковъ у несчастной женщины, окончившихся тѣмъ, что мѣстный приставъ конфисковалъ не только крамольный товаръ, но и губернаторское разрѣшеніе на право его продажи ³⁾. Въ г. Зѣньковѣ, Полтавской губ., полиція вступила въ борьбу съ украинскимъ костюмомъ: евреямъ носить его прямо воспрещено, а украинцамъ—совершенно въ Щедринскомъ духѣ—дается понять, что это хотя и «не воспрещено, но несвойственно». Идетъ, напр., толпа парней въ украинской одеждѣ; ихъ перепишутъ и прикажутъ на слѣдующій день явиться въ полицію. Являются они и выслушиваютъ внушеніе ⁴⁾. Въ другихъ случаяхъ, не ограничиваясь внушеніемъ, дѣло доходитъ до кутузки. Такъ, въ м. Ичня, черниговской губ., арестованъ одинъ изъ обывателей единственно за то, что носилъ широкіе—даже не красные, а синіе—шаровары ⁵⁾.

Если ужъ законопреступные шаровары, и при томъ «дѣйствовавшіе» даже не скопомъ, а въ одиночку, подвергаются изыатію, то что говорить о попыткахъ какихъ нибудь серьезныхъ начинаній. Въ Глуховѣ, Черниговской губ., имѣлъ мѣсто, напр., слѣдующій случай. По поводу законопроекта 37 депутатовъ о введеніи украинскаго языка въ начальной школѣ кое-кто изъ глуховской молодежи рѣшилъ черезъ редакцію газеты «Кіевскія Вѣсти» обратиться къ депутату, проф. Лучицкому, съ просьбой взять на себя защиту законопроекта. Начали собирать подписи подъ обращеніемъ, собрали ихъ около 50. Объ этомъ провѣдалъ полицейскій надзиратель Акимовъ и произвелъ по собственной инициативѣ обыскъ у учителя Рыженка, при чемъ требовалъ выдачи именно письма съ подписями. Письма не оказалось. На слѣдующій день Рыженка до полусмерти избili какіе то хулиганы, а затѣмъ его потребовалъ къ себѣ исправникъ

¹⁾ «Кіевск. Вѣсти», 1909 г., № 94.

²⁾ «Кіевск. Вѣсти», 1909 г., № 107.

³⁾ «Рада», 1909 г., № 218 (отъ 12 сентября).

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 235.

⁵⁾ «Рада», 1906 г., № 66.

и «довольно ласково» началъ уговаривать отдать письмо и указать «зачинщиковъ», общая въ противномъ случаѣ въ 24 часа выслать изъ предѣловъ Украины.

«Обыватели,—прибавляетъ корреспондентъ,—такъ напуганы, что боятся брать въ руки какую бы то ни было украинскую книгу, хотя бы то была даже «Сіра кобила» Кулиша: «нехай їй всячина, моля» ¹⁾. Въ г. Орѣховѣ, Таврической губ., у мѣстныхъ рабочихъ возникла мысль основать украинское общество «Трудъ». Несмотря на то, что въ городѣ существуетъ аналогичное общество еврейскихъ рабочихъ и учредители украинскаго свой уставъ переписали съ устава существующаго общества, таврической губернаторъ въ разрѣшеніи отказалъ ²⁾. Но этимъ дѣло не окончилось: по горячимъ слѣдамъ начались поиски «нитей и корней». Учредители обысканы и арестованы, всѣ бумаги проектированнаго общества взяты, всѣ украинскія книги, до народныхъ сказокъ включительно, конфискованы. Говорятъ, что полиція искала нелегальную украинскую библиотеку, но по дорогѣ отбирала всѣ попадавшіяся ей украинскія книги: орѣховцы, по словамъ корреспондента, ожидаютъ еще продолженія этой нашумѣвшей исторіи ³⁾.

Вопреки практикѣ «доконституціоннаго времени» эпидемія гоненій на украинство распространяется далеко за предѣлами Украины. Такъ, въ Москвѣ не разрѣшено общество студентовъ-украинцевъ, хотя уставъ его представлялъ сколокъ съ уставовъ уже существующихъ въ Москвѣ студенческихъ обществъ ⁴⁾. Въ Юрьевѣ произошелъ на дняхъ случай еще болѣе выразительный. Уже нѣсколько лѣтъ при здѣшнемъ университетѣ существуетъ «Товариство студентівъ-українцівъ», и вотъ только теперь полиція обратила вниманіе на крамольную надпись на дверяхъ помѣщенія названнаго общества. Украинскую надпись приказано снять и замянуть слѣдующей: «общество студентовъ-малороссовъ въ Юрьевѣ», хотя къ другимъ національнымъ студенческимъ организаціямъ подобнаго требованія не предъявлено ⁵⁾.

VI.

Ковшемъ моря не вычерпать. И я вовсе не имѣю претензіи исчерпать богатѣйшій матеріалъ, относящійся къ нашей темѣ—къ тѣмъ бессмысленнымъ гоненіямъ на украинское національное движеніе, которыя особенно обострились въ послѣднее время. Да это, впрочемъ, и невозможно. Въѣдъ въ силу условій нашей жизни въ печать попадаетъ лишь самая незначительная часть подобныхъ

¹⁾ «Рада», 1908 г., № 151.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 251.

³⁾ «Рада», 1909 г., № 256.

⁴⁾ «Рада», 1909 г., № 222.

⁵⁾ «Рада», 1909 г., № 246.

фактовъ, а изъ опубликованныхъ большую часть пришлось опустить, такъ какъ они даютъ матеріалъ, однородный съ приведеннымъ. Я позволю себѣ остановиться еще на одномъ лишь частномъ вопросѣ, такъ какъ онъ, съ одной стороны, имѣетъ очень важное значеніе въ ряду украинскихъ домоганій, а съ другой—на немъ въ особенности склонны упражнять крѣпость своихъ мышцъ администраторы всякихъ званій, чиновъ и ранговъ. Я говорю объ украинской школѣ и другихъ начинаніяхъ въ культурно-просвѣтительной области.

Постоянные читатели «Русскаго Богатства» знакомы съ этимъ вопросомъ по напечатанной въ 1905 г. на страницахъ нашего журнала обстоятельной статьѣ Б. Д. Гринченка «На безпросвѣтномъ пути». Но какъ и все въ Россіи, вопросъ объ украинской школѣ послѣ 1905 г. имѣетъ свою скорбную исторію, во многомъ оставившую позади даже предшествовавшій періодъ полнѣйшаго безгласія и абсолютнаго молчанія «на всѣхъ языкахъ». Сдѣлавшись почти безспорнымъ постулатомъ среди прогрессивныхъ общественныхъ круговъ, вопросъ объ украинской школѣ получилъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ санкцію даже официальныхъ учреждений. И тѣмъ не менѣе, все это ни на шагъ не приблизило его къ осуществленію, хотя бы даже въ той половинчатой, компромиссной формѣ, въ какой онъ представленъ извѣстнымъ законопроектомъ 37 депутатовъ въ третьей Государственной Думѣ¹⁾. Да и самый законопроектъ безнадежно застрялъ гдѣ-то въ комиссіи и едва ли будетъ поставленъ на очередь, какъ нежелательный для господъ положенія въ Думѣ послѣдняго созыва. Такимъ образомъ, если данный вопросъ теоретически и много выигралъ, то практически онъ едва ли не дальше отъ своего осуществленія, нежели въ эпоху, предшествовавшую «обновленному строю». Изъ ряда попытокъ, стремящихся разрѣшить вопросъ объ украинской школѣ, я останавлиюсь только на двухъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе.

Конецъ 1906 г. ознаменовался на Украинѣ, между прочимъ, довольно интенсивнымъ движеніемъ студенческой молодежи въ пользу освѣженія университетскаго преподаванія вообще и приближенія его къ условіямъ мѣстной жизни въ частности. Инициатива этого движенія принадлежала кievскому университету, но на нее горячо откликнулось студенчество и остальныхъ находящихся на территоріи Украины университетовъ, харьковскаго и новороссійскаго. Какъ слѣдствіе второго изъ указанныхъ требованій, появилась революція кievскаго студенчества отъ 16 октября 1906 г. объ основаніи при трехъ университетахъ на Украинѣ специальныхъ кафедръ по украиновѣдѣнію. Въ резолюціи, какъ особенно желательныя на первое время, указывались слѣдующіе курсы: украинскаго языка,

¹⁾ См. «О языкѣ преподаванія въ начальныхъ школахъ мѣстностей съ малорусскимъ населеніемъ. Заявленіе 37 членовъ Госуд. Думы». Стенографическій отчетъ, II. Перепечатанъ «Радой» 1908 г., № 42.

литературы и истории (на историко-филологическомъ факультетѣ) и украинскаго права въ связи съ особенностями экономическихъ отношеній на Украинѣ (на юридическомъ) ¹⁾. Подробно мотивированная записка, подписанная 1430 студентами университета, была представлена совѣту профессоровъ 27 ноября. Въ запискѣ было отмѣчено, что еще въ 1905 г. украинское общество и студенчество высказалось за учрежденіе названныхъ кафедръ, и совѣты нѣкоторыхъ университетовъ, напр., новороссійскаго, отнеслись къ этому требованію съ полной симпатіею ²⁾. Разобравъ далѣе подробно всѣ возраженія, высказывавшіяся противъ этого требованія, студенчество въ заключеніе выражаетъ увѣренность, что совѣтъ университета, съ своей стороны, поддержитъ общестуденческое требованіе и приложитъ усилія къ скорѣйшему его осуществленію ³⁾.

Резолюція кievскаго студенчества была энергично поддержана всѣми слоями украинскаго сознательнаго общества, отъ интеллигентныхъ круговъ до крестьянъ и рабочихъ, тысячами присоединившихъ свои подписи къ требованію студентовъ ⁴⁾. Вѣроятно, подъ давленіемъ указанного общественнаго движенія, выраженного этимъ добровольнымъ плебесцитомъ на первыхъ порахъ удалось было практически осуществить нѣкоторыя изъ студенческихъ требованій. Въ 1907 г. во всѣхъ трехъ южныхъ университетахъ были объявлены курсы украиновѣдѣнія: въ харьковскомъ университетѣ проф. Сумцова, въ новороссійскомъ—пр.-доцента Грушевскаго и въ кievскомъ—профессоровъ Перетца и Лободы (два послѣдніе читали свои курсы на русскомъ языкѣ). Лекціи имѣли успѣхъ, и естественно было ожидать развитія и упроченія начавшагося дѣла. Но... послѣдовала обычная исторія. Началась усиленная ликвидація, университетская автономія вскорѣ была разъяснена, и вмѣстѣ съ тѣмъ украинскіе курсы исчезли изъ круга университетскаго преподаванія. Уже осенью 1907 г. министерство народнаго просвѣщенія послало запросъ ректору харьковскаго университета, на какомъ основаніи и съ чьего разрѣшенія допущены въ университетѣ украинскія лекціи проф. Сумцова. Ректору оставалось только сослаться на утвержденный (вѣроятно, по недосмотру) самимъ же министерствомъ планъ учебныхъ занятій въ университетѣ, гдѣ значится и курсъ проф. Сумцова ⁵⁾. Министерство на этотъ разъ молча проглотило пилюлю, но въ слѣдующемъ году, по доносу изъ

¹⁾ «Рада», 1906 г., № 28.

²⁾ «Громадська Думка», 1905 г., № 1.

³⁾ «Рада», 1906 г., № 64.

⁴⁾ Рядъ писемъ и заявленій съ выраженіемъ сочувствія студенчеству въ его борьбѣ за приближеніе университетовъ къ украинскому населенію находимъ въ украинскихъ газетахъ, въ особенности въ «Радѣ», за послѣдніе мѣсяцы 1906 и въ началѣ 1907 гг. За короткій сравнительно срокъ общее число подписей перешло цифру 10.000. См. Рада, 1907 г. № 115, статья г. Дорошенка «Українські кафедри і громадянство».

⁵⁾ «Рада», 1907 г., № 244.

Одессы¹⁾, министр народнаго просвѣщенія объявилъ въ дисциплинарномъ порядкѣ выговоръ пр.-доценту Грушевскому съ предупрежденіемъ, что если онъ не оставитъ своихъ занятій, то будетъ вовсе отчисленъ отъ университета²⁾. 29 апрѣля того же года совѣтъ кievскаго университета забаллотировалъ извѣстнаго ученаго, проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскаго, выступившаго кандидатомъ на кафедру русской исторіи³⁾. Это было, кажется, послѣднимъ ударомъ распри университетской науки курсами украиновѣдѣнія и въ настоящее время, когда въ университетахъ, всецѣло господствуетъ черная политика г. Шварца, о возрожденіи ихъ нечего, конечно, и думать.

Попытка націонализаціи школы на Украинѣ была произведена и съ другой стороны—именно, въ отношеніи начальной школы. Инициаторомъ выступило... подольское духовенство. «Хожденіе украинскаго языка по мукамъ» въ церковныхъ школахъ Подольской губ. такъ характерно, что я позволю себѣ вкратцѣ рассказать эту исторію читателямъ «Русскаго Богатства»,—тѣмъ болѣе, что на страницахъ русской прессы о ней почти не упоминалось.

Въ сентябрѣ 1906 г. епархіальный съѣздъ духовенства Подольской губерніи, между прочимъ, рѣшилъ возбудить предъ св. синодомъ ходатайство о разрѣшеніи пользоваться для преподаванія въ начальной школѣ роднымъ языкомъ учащихся. Кромѣ того, предполагалось ввести преподаваніе украинскаго языка во всѣхъ такъ называемыхъ второклассныхъ школахъ епархіи и въ винницкой учительской школѣ, а также обязательное изученіе украинскаго языка, литературы и исторіи въ каменецъ-подольской духовной семинаріи⁴⁾. Первую часть приведеннаго ходатайства вскорѣ повторило балтское отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта по докладу уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ⁵⁾. Ко всеобщему удивленію, синодъ согласился съ постановленіемъ подольскаго духовенства, что и объявилъ указомъ на имя подольскаго епископа Парфенія, отъ 12 октября 1907 г.⁶⁾. Конечно, было бы большою наивностью оцѣнивать этотъ синодальный актъ въ смыслѣ дѣйствительнаго желанія приблизить къ народу школу и просвѣщеніе; мотивы этого поступка, несомнѣнно, лежали въ иной плоскости. Въ официальныхъ сферахъ Подольская губернія считается наиболѣе «угрожаемой» по католицизму, а съ другой стороны, церковной школѣ приходится конкурировать здѣсь съ лучше поставленной школой министерской. Вѣроятно, эти обстоятельства, въ связи съ

¹⁾ «Рада», 1908 г., № 51.

²⁾ «Кіевская Мысль», цит. по «Радѣ», 1906 г., № 74; «Рада», 1908 г., № 238.

³⁾ «Рада», 1908 г., № 100.

⁴⁾ «Рада», 1906 г., № 8 и 22.

⁵⁾ «Рада», 1907 г., № 173.

⁶⁾ Текстъ указа приведенъ въ «Радѣ» 1907 г., № 201; 1908 г., № 73.

господствовавшей въ то время увѣренностью въ положительномъ разрѣшеніи общаго вопроса о языкѣ преподаванія въ начальной школѣ на Украинѣ, и побудили духовное вѣдомство дать свое согласіе на то, что оно всегда отрицало и къ чему относилось, какъ къ «губительному сепаратизму». Насколько св. синодъ далекъ отъ подозрѣній въ желаніи насаждать украинскую школу, видно уже изъ того, что данная мѣра не имѣла общаго характера, касаясь почему-то одной лишь Подольской губерніи. Дальнѣйшая исторія вопроса вскрыла дѣйствительные расчеты синодальныхъ просвѣтителей.

Хотя синодальный указъ отъ 12 октября 1907 г. разрѣшаетъ учителямъ начальной школы пользоваться для преподаванія языкомъ населенія, но практика не замедлила отвѣтить на это разрѣшеніе извѣстнымъ уже способомъ. Учителей, осмѣлившихся принять начальственное разрѣшеніе не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, постигла та же участь, что и до появленія синодальнаго указа. Изъ Брацлавскаго уѣзда сейчасъ же была сообщена въ газеты типичная исторія, показывающая, насколько серьезно чиновники духовнаго вѣдомства отнеслись къ синодальному разрѣшенію. Въ с. Кошевеѣ, напр., наблюдатель нашелъ школу въ образцовомъ состояніи, ученики отвѣчали толково и съ пониманіемъ, но... по-украински. Послѣднее обстоятельство было поставлено въ сугубую вину учителю, и о. наблюдатель сдѣлалъ ему строжайшее внушеніе, обѣщая упечь за «хохломандію»¹⁾. То же повторилось и съ другими учителями, вздумавшими было въ серьезъ принять разрѣшеніе, данное синодальнымъ указомъ: мѣстная практика отбила у нихъ вскорѣ всякую охоту продолжать опасные эксперименты, и въ начальной школѣ Подольской губерніи все осталось по прежнему.

Что касается преподаванія украинскаго языка въ церковно-учительскихъ школахъ, то результаты синодальнаго разрѣшенія получились еще болѣе характерные. Разрѣшеніе было дано, но съ коварной, какъ оказалось впоследствии, оговоркой: что-бы обученіе производилось «во внѣурочное время и на мѣстныхъ средствахъ». На первыхъ порахъ инициаторы дѣла выражали полную увѣренность, что за средствами дѣло не станетъ, и обученіе начнется съ января 1908 г.²⁾, но, какъ и слѣдовало ожидать, средствъ, нигдѣ не оказалось³⁾. Вначалѣ мѣстное духовное начальство, хотя и зяло, пыталось было изыскать средства, обратившись за помощью къ земству; но послѣ отказа со стороны земства⁴⁾ и ухода епископа Парфенія, переведеннаго за свое «украинофильство» въ Тулу, само же начало всячески тормозить дѣло и прямо таки противодейство-

¹⁾ „Рада“, 1908 г., № 23.

²⁾ „Рада“, 1908 г., № 4.

³⁾ „Рада“, 1908 г., № 15 и 20: „Кіевскія Вѣсти“, 1908 г., № 108.

⁴⁾ „Рада“, 1908 г., № 177.

вать. Такъ, когда губернский комитетъ по дѣламъ земскаго хозяйства отказалъ въ ничтожной суммѣ въ 360 рублей на содержаніе хотя бы одного учителя украинскаго языка въ винницкой учительской школѣ ¹⁾, то эту сумму предложила мѣстная «Просвіта». Далѣе предоставимъ рассказывать корреспонденту «Рады».

Собрался епархіальный училищный совѣтъ и началъ изслѣдованіе по поводу предложенія «Просвіты» — не пахнетъ ли оно сепаратизмомъ? Судили-рядили и сепаратизма не нашли, ибо деньги дають, а не берутъ... Значить, нѣтъ сепаратизма. Какъ же быть? Неужели деньги принять и ввести «мазепинскій языкъ»? Вѣдь не можетъ быть, чтобы здѣсь «мазепинствомъ» не пахло; а если и не пахнетъ, то должно пахнуть, ибо такъ говорить «Кіевлянинъ». Какъ же отъ этого языка избавиться? — «Эврика!» — нашелся вдругъ одинъ изъ членовъ совѣта, еще не забывшій семинарской премудрости, — спасемся отъ нашествія галловъ! — «Какимъ это образомъ?» — спросили, не довѣряя, остальные. — «А вѣдь указано нѣтъ!» — изрекъ мудрецъ. — Какъ нѣтъ? А это что? — суютъ ему указъ. — «Да вѣдь этотъ указъ къ просьбѣ «Просвіты» никакого отношенія не имѣетъ!» — Это почему? — «А потому, — торжественно произнесъ мудрецъ, — что въ указѣ говорится о малороссійскомъ языкѣ, а «Просвіта» предлагаетъ деньги на украинскій».

Въ результатъ такой Талейрановской постановки вопроса послѣдовалъ запросъ: «что разумѣть «Просвіта» подъ украинскимъ языкомъ? Малороссійскій ли языкъ или какое-нибудь его нарѣчіе? «Просвіта» дипломатически отвѣтила, что разумѣть она «тотъ самый малороссійскій языкъ, на который съ разрѣшенія св. синода переведено евангеліе». Но и дипломатія не помогла: совѣтскіе отцы, «имѣвъ вторично сужденіе», отвѣтили, что предложенной суммы не хватаетъ, нужно больше ²⁾. Затѣмъ, послѣ долгой волокиты и переписки, епархіальный совѣтъ рѣшилъ, наконецъ, что пора бросить всякую цепетильность, и отказался отъ предложенной помощи, вызвавъ этимъ соотвѣтственные восторги въ реакціонной прессѣ ³⁾. Однимъ словомъ, что и требовалось доказать, принявъ во вниманіе дипломатическую оговорку синодальнаго указа насчетъ мѣстныхъ средствъ. Ихъ не должно быть — вотъ что выяснила эта исторія съ пожертвованіемъ «Просвіты».

Точно такимъ же блистательнымъ образомъ доказано было и дѣло съ преподаваніемъ украинскихъ предметовъ въ подольской семинаріи. Уроки, конечно, быстро расхватили семинарскіе педагоги, рѣшившіе обойтись своими средствами, не приглашая спеціалиста, ибо почему же не заработать лишнюю копѣйку хотя бы и на «мазепинствѣ»? Но преподаваніе получило такой характеръ, что интересъ къ нему юношества совершенно пропалъ ⁴⁾. Продолжаются ли эти трагикомическія занятія въ настоящее время, рѣ-

¹⁾ «Кіевскія Вѣсти», 1908 г., № 247; «Рада», 1908 г., № 210 и 211.

²⁾ «Рада», 1909 г., № 22.

³⁾ «Кіевлянинъ», 1908 г., № 343; см. также «Раду», 1908 г., № 285.

⁴⁾ «Слово», 1908 г., № 20; «Рада», 1908 г., № 187.

шать не берусь, такъ какъ извѣстій объ этомъ мы уже не встрѣчаемъ.

Такъ окончились официальные мѣропріятія въ дѣлѣ украинизаціи народной школы. Засвидѣтельствованное синодальнымъ указомъ право употребленія родного языка въ школахъ оказалось голымъ правомъ, не осуществимымъ въ условіяхъ текущей дѣятельности; синодская благосклонность—данайскимъ подаркомъ, принесшимъ еще одно лишнее разочарованіе тѣмъ легковѣрнымъ людямъ, которые съ чистымъ сердцемъ подходили къ вопросу. На этомъ мы покончимъ съ официальными мѣропріятіями и обратимся къ частной инициативѣ. Она и была проявлена, но...

Въ томъ же Каменецъ-Подольскѣ частная гимназія г-жи Славутинской объявила о введеніи въ кругъ учебныхъ предметовъ украинскаго языка, исторіи и литературы¹⁾. То же сдѣлала, насколько помнится, гимназія г-на Козленко въ Кіевѣ. Въ Одессѣ, кромѣ школы «Просвѣты», украинскій языкъ пытались ввести частныя школы г-жи Малиновской и г. Ковальчука²⁾. Въ Полтавѣ городская дума постановила въ школахъ имени Котляревскаго ввести преподаваніе на родномъ языкѣ писателя³⁾. Въ Екатеринославѣ общество взаимопомощи учителей пришло къ единогласному заключенію о настоятельной необходимости украинскихъ курсовъ для пріобрѣтенія учителями знаній по исторіи, литературѣ и этнографіи родного края⁴⁾. Извѣстны еще нѣкоторыя единоличныя попытки основанія украинскихъ школъ, напр., г. Кропивницкаго въ Харьковской губерніи и покойнаго украинскаго историка Аркаса въ Херсонской⁵⁾. Такъ какъ подобныя проявленія частной инициативы не запрещались существующими на этотъ счетъ «узаконеніями»⁶⁾, то подлежащія власти, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, не стали чинить препятствій. Онѣ любезно дали свое согласіе: «хотите учиться на родномъ языкѣ—очень пріятно, учитесь, пожалуйста. Но только... Вы намъ «законъ» и мы вамъ «законъ»: пусть ваши кандидаты на учительскія мѣста потрудятся представить свои дипломы, тогда мы и утвердимъ ихъ въ званіи учителей. А пока... извините»... Эта любезная законность оказалась роковой для частной инициативы и звучала въ сущности смертнымъ приговоромъ: о дипломы или лучше сказать—объ отсутствіи дипломовъ она должна была сокрушиться безъ остатка. Дипломовъ на званіе учителя украинскихъ предметовъ не нашлось, такъ какъ въ Россіи такихъ предметовъ не преподають вовсе, а заграничныя, само собою разумѣется, не

1) „Рада“, 1906 г., № 8.

2) „Рада“, 1906 г., № 19.

3) „Слово“ (петербургское), цит. по „Радѣ“ 1909 г. № 133.

4) „Кіевскія Вѣсти“, 1907 г., № 19; „Рідний Край“, 1907 г., № 17.

5) „Українська Хата“, 1909 г., кн. II, стр. 89.

6) „Рідний Край“, 1907 г., № 12.

имѣютъ никакой силы для нашего учебнаго вѣдомства ¹⁾. «Съ величайшимъ прискорбіемъ», поэтому, «пришлось» отказать: что подѣлаете,—законъ-съ... вмѣстѣ съ «закономъ» были приняты, впрочемъ, и другія мѣры,—такъ, напр., попечитель кievскаго учебнаго округа еще въ 1907 г. представилъ министерству народного просвѣщенія записку кievскаго профессора Флоринскаго о необходимости формально воспретить частную инициативу въ дѣлѣ изученія украинскіхъ предметовъ ²⁾. Впрочемъ, въ этомъ и особой необходимости не было. Съ перемѣной вѣяній и успѣхами успокоительной политики улетучивались постепенно «любезность» и «прискорбіе» учебнаго начальства, замѣняясь рѣшительностью и непреклонностью: какъ мы уже знаемъ, съ школы имени Котляревскаго въ Полтавѣ даже украинскую вывѣску сняли...

О частной инициативѣ въ области внѣшкольнаго образованія еще нѣсколько небезынтересныхъ справокъ. Въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія на Украинѣ, несомнѣнно, могли бы оказать немаловажную услугу не разъ упоминавшіеся мной общества «Просвіты». Появившіеся въ періодъ 1905—1906 гг. почти во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Украины, они собрали было вокругъ себя достаточно и матеріальныхъ средствъ, и интеллектуальныхъ силъ, чтобы придти на помощь народу въ его культурныхъ запросахъ. Къ тому же и по уставу «Просвіты» пользуются довольно широкими въ этомъ отношеніи правами, имѣя общее разрѣшеніе на устройство школъ, отдѣленій, библиотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ, на изданіе популярныхъ книгъ и тому подобныя культурно-просвѣтительныя начинанія. Къ сожалѣнію, «Просвіты» сразу же попали на замѣчаніе просто въ силу самого факта своего существованія и очутились въ атмосферѣ безконечныхъ обысковъ, арестовъ, штрафовъ и всяческихъ противодѣйствій, щедрою рукою отмѣрившихся безъ всякихъ реальныхъ къ тому поводовъ. Ликвидационная практика озаботилась прежде всего сокращеніемъ указанныхъ правъ «Просвіт» и осудила общества на бесплодное прозябаніе. Нужно при этомъ отмѣтить, что хотя это сокращеніе произведено повсемѣстно, но размѣръ его колеблется въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ вѣяній, отъ настроенія начальства въ каждой губерніи. Такъ, напр., права «Просвіты» въ Черниговской губерніи кратко характеризуются полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правъ и возможности проявлять чѣмъ-нибудь свою дѣятельность ³⁾. Въ сосѣдней Полтавской губерніи самое существованіе «Просвіты» признано «угрожающимъ общественному спокойствію». Въ Екатеринославской губерніи права нѣсколько шире, такъ, напр., не

¹⁾ „Кіевскія Вѣсти“, 1908 г., № 8.

²⁾ „Рада“, 1907 г., № 120.

³⁾ „Рада“, 1908 г., № 69 и 74.

воспринимается пока открытіе отдѣленій. Права одесской «Просвѣты» отчасти намъ уже извѣстны: возможность, и то, впрочемъ, сомнительная: до новаго каприза генерала Толмачева — пѣтъ «Грица» въ подлинникѣ¹⁾. Въ Житомирѣ «Просвѣтъ» «ни подъ какимъ видомъ» не разрѣшаютъ собранія даже членовъ правленія²⁾. Въ Новочеркасскѣ по той же причинѣ не бываетъ вовсе общіхъ собраній общества³⁾. Въ Кіевѣ общія собранія «Просвѣты» не колеблютъ мѣстной почвы, но, напр., бібліотека, книжный складъ, отдѣленія и читальни по губерніи уже выводятъ ее изъ равновѣсія, а потому всѣ попытки въ этомъ направленіи пресѣкаются. Кубанская «Просвіта» въ одинъ прекрасный день по мановенію невидимой руки прекратила свое существованіе съ 11 отдѣленіями въ области. Въ 1907 г., неизвѣстно почему, закрыта была также и подольская «Просвіта», а затѣмъ въ слѣдующемъ году, опять таки неизвѣстно почему, разрѣшена вновь. Однимъ словомъ, судьба «Просвѣты» дастъ не одну скорбную страницу въ мрачную вообще исторію просвѣщенія въ нашемъ краѣ, какъ и вообще по всей Россіи. Чтобы показать, отъ чего зависитъ у насъ судьба культурно-просвѣтительныхъ учреждений, я приведу только одинъ фактъ. Въ 1908 г. по приказанію черниговскаго губернатора была закрыта «Просвіта» въ г. Козельцѣ за «отклоненіе отъ просвѣтительныхъ цѣлей». Отклоненіе же состояло въ слѣдующемъ. Для усиленія сродствъ козелецкая «Просвіта» устроила спектакль; поставленъ былъ, между прочимъ, водевиль «Де два цілуются, третій губъ не простягай», въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ даетъ взятку полицейскому уряднику. Стыдливая козелецкая полиція не стерпѣла взятки даже на сценѣ (и это въ разгаръ кіевской асланиады!): актеровъ арестовали, а «Просвіту» закрыли⁴⁾. Такъ трагически оканчиваются у насъ водевили...

Достойнымъ синтезомъ, разрозненныхъ доселѣ мѣропріятій мѣстной администраціи явился февральскій циркуляръ премьеръ-министра кіевскому губернатору объ инородческихъ обществахъ. Этотъ циркуляръ уже совершенно по-уваровски ставитъ точку надъ і, изгоняя всѣ украинскія, польскія и еврейскія общества за черту временныхъ правилъ 4 марта 1906 г. Въ «движніи къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ національностей» г. Столыпинъ усматриваетъ «усугубленіе началъ національнаго обособленія и розни» и угрозу «общественному спокойствію и безопасности».

¹⁾ „Капризъ“ уже обозначился. Когда настоящая статья была окончена въ „Кіевскихъ Вѣстяхъ“ (№ 318), появилось извѣстіе, что „Просвіта“ въ Одессѣ закрыта совершенно. Изъ „Рады“ же (№ 269) узнаемъ, что сдѣлано это безъ всякихъ поводовъ со стороны общества.

²⁾ „Кіевскія Вѣсти“, 1909 г., № 299.

³⁾ „Рада“, 1908 г., № 28.

⁴⁾ „Рада“, 1908 г., № 129.

Въ соответствии съ этимъ циркуляръ рекомендуетъ мѣстной администраціи «неукоснительно отказывать въ регистраціи» подобнымъ обществамъ, а также «тщательно ознакомиться съ дѣятельностью существующихъ инородческихъ обществъ», чтобы «въ надлежащемъ случаѣ въ установленномъ порядкѣ возбудить вопросъ объ ихъ закрытіи»¹⁾. Послѣдствія циркуляра уже не замедлили обнаружиться: въ Кіевѣ «неукоснительно» отказано въ регистраціи кооперативному обществу «Края»²⁾, а о дѣятельности мѣстной «Просвѣты» ведется «тщательное» изслѣдованіе, результаты котораго не такъ ужъ трудно предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что надъ легальной дѣятельностью украинцамъ придется поставить крестъ,— объ этомъ ужъ, конечно, всемѣрно постараются гг. Флоринскіе и Савенки, пользующіеся неограниченнымъ авторитетомъ въ глазахъ мѣстной администраціи. Судя по яростнымъ статьямъ въ «Кіевлянинѣ», кампанія уже открыта...

VII.

Въ одномъ изъ заграничныхъ музеевъ—кажется, въ Краковскомъ—рядомъ со средневѣковыми орудіями пытки и прочими изобрѣтеніями человѣческой жестокости помѣщается скромная по виду, но тѣмъ не менѣе ужасная по своему смыслу русская казенная табличка: «говорить по польски воспрещается». Это памятка обрусительныхъ оргій въ Польшѣ, и хорошо сдѣлала та неизвѣстная заботливая рука, которая извлекла эту таблицу на свѣтъ божій изъ Муравьевскихъ подземелій и помѣстила на виду всего цивилизованнаго міра. Можетъ быть, потомки наши будутъ останавливаться передъ этимъ невиннымъ клочкомъ бумаги съ неменьшимъ изумленіемъ, чѣмъ мы предъ какими-нибудь испанскими сапогами, желѣзными опейниками и прочими почтенными орудіями святѣйшей инквизиціи. И они будутъ правы.

Что же сказать о цѣломъ рядѣ такихъ же и болѣе краснорѣчивыхъ таблицъ, которыми уставлены и утыканы по всѣмъ направленіямъ всѣ безъ исключенія дороги въ украинской жизни...

Цѣль этихъ таблицъ ясна. Она всецѣло исчерпывается тѣмъ Уваровскимъ афоризмомъ, съ котораго я началъ настоящую статью,— конечно, лишь въ обновленномъ примѣнительно къ спеціальнымъ задачамъ видѣ. Чтобы, наконецъ, украинскій народъ прекратилъ свое существованіе—такъ звучитъ для насъ Уваровскій афоризмъ. Не разъ объ этомъ громко и властно заявлялось открыто. Начиная съ тѣхъ «хохловъ на головахъ», постричь которые настоятельно приглашалъ нашихъ предковъ «тишайшій» Алексѣй Ми-

¹⁾ „Кіевскія Вѣсти“, 1910 г., № 36.

²⁾ „Рада“, 1910 г., № 43.

хайловичъ, и до актовъ (стыдливо, впрочемъ, припрятанныхъ) 1863 и 1876 г.г., до событій послѣдняго времени, до всѣхъ этихъ мельчайшихъ гоненій на буквы выѣски, народную пѣсню, одежду и т. д., и т. д., и т. д., вплоть до послѣдняго циркуляра объ инородческихъ обществахъ, вездѣ громко раздается одинъ мотивъ— «чтобы, наконецъ, украинскій народъ прекратилъ свое существованіе». Въ эту коротенькую фразу можно уложить въ сущности всю исторію 250 лѣтъ, протекшихъ со времени знаменитаго Переславскаго договора.

Умертвить, уничтожить, обезличить цѣлый народъ, таящій въ себѣ непочатая, можно сказать, силы, уже приобщающійся къ культурному движенію и выдвинувшій цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности—задача грандіозная, мало чѣмъ уступающая по своей безразсудности попыткамъ восточныхъ деспотовъ укротить волнующееся море, наказавъ его кнутомъ или бросивъ въ него цѣпи. И именно въ силу своей грандіозности, очевидно, превышающей самыя напряженныя человѣческія усилія, слишкомъ ужъ отдастъ она утопіей. Пусть эта бюрократическая утопія захватываетъ властно всю нашу жизнь, пусть она опутываетъ сѣтями безчисленныхъ уловокъ національное движеніе, пусть все тѣло великана-народа истыкается булавочными уколами—пусть... Все-таки убѣжденіе, что этимъ можно достигнуть «упраздненія» великой народности, ничѣмъ не отличается отъ убѣжденія Ксеркса, что онъ причинилъ своимъ кнутомъ боль неукротимой стихіи. Съ ничтожнымъ кнутикомъ въ рукахъ, не смотря на всю свою фактическую силу, стоятъ современные Ксерксы предъ загадочнымъ моремъ народной жизни и своими карликовыми усиліями не осуществляютъ, конечно, грандіозной утопіи. Утопіи, даже и бюрократическія,—все же утопіи, не болѣе, и свойство ихъ то, что онѣ разлетаются обыкновенно, какъ дымъ, при самомъ легкомъ дуновеніи свѣжаго вѣтерка дѣйствительности. А долженъ же онъ когда-нибудь ворваться въ нашу затхлую, насквозь прогнившую атмосферу...

Ровно четыре года тому назадъ въ своей уже цитированной статьѣ «Длѣющееся преступленіе» я писалъ:

Невольно напрашивается сравненіе настоящаго времени съ 1863-мъ годомъ, когда Украинѣ былъ брошенъ бюрократіей первый вызовъ, и съ 1876-мъ годомъ, когда этотъ вызовъ принялъ окончательную форму для нашего настоящаго времени преступленія. Тогда украинскаго общества, общественнаго мнѣнія въ настоящемъ смыслѣ этого слова не существовало; украинская литература и общественное движеніе пускали лишь первые ростки, и потому предпринимаемыя противъ нихъ мѣропріятія могли, повидимому, рассчитывать хотя бы на нѣкоторый успѣхъ. Жизнь показала, однако, насколько эфемерны были надежды Валуевыхъ и Юзефовичей. Полустолѣтіе суровыхъ запретительныхъ мѣръ не въ состояніи было убить молодую, начинающуюся литературу; всѣ усилія бюрократіи оказались совершенно напрасными, и украинское слово и среди ограниченій выросло на степенъ замѣтной уже въ настоящее время культурной

силы. Теперь иное время: какъ ни какъ—существуетъ уже украинское общество, которое съ каждымъ днемъ растетъ и увеличивается; національное самосознаніе начинаетъ уже пробуждаться и въ народной средѣ. Этому процессу роста и пробужденія національнаго самосознанія акты насилія могутъ лишь содѣйствовать, вызывая естественное чувство протеста и отпора. Вотъ поэтому то и послѣднее усиліе издыхающаго режима, направленное къ умерщвленію живого дѣла, заранѣе было осуждено на полный крахъ; оно оказалось еще болѣе «несвоевременнымъ», чѣмъ 40 лѣтъ назадъ: фiasco было обеспечено вполне собственнымъ образомъ дѣйствій правительства, и съ этой точки зрѣнія мы лишь могли поражаться той удивительной близорукостью и неразборчивостью въ средствахъ, съ которыми оно пытается остановить колесо исторіи. Вѣдь колесо это навѣрное сильнѣе задерживающей его руки. ¹⁾

Подъ этими словами даже теперь, послѣ четырехъ лѣтъ «конституціонной» практики, я не откажусь подписаться. Даже напротивъ, эта практика сама служитъ наилучшимъ доказательствомъ собственнаго безсилія и вовсе не заграждаетъ истиннѣ входа туда, гдѣ она сохранится до лучшихъ дней и дастъ ростки. Покойный Н. К. Михайловскій какъ-то выразился, что въ каждомъ російскомъ обывателѣ есть нѣчто отъ контрабандиста: это, по мѣткому выраженію знаменитаго публициста, «контрабандистъ самый разносторонній, искусный и охочій; контрабандистъ не только по своему общественному воспитанію, по нуждѣ, по привычкѣ, но иногда и по обязанности» ²⁾. Противъ нравственной же обязанности быть контрабандистомъ безсилны всѣ средства. Несмотря ни на какіе кордоны, рогатки, заставы и караулы, идейная контрабанда вездѣ и всюду широкой рѣкой вливается въ нашу жизнь и неустанно подмываетъ ея пресловутыя основы. Онѣ рухнутъ—это несомнѣнно, и памятники бюрократическихъ утопій найдутъ свое мѣсто только въ музеѣ исторіи, какъ нашла уже его Муравьевско-Апухтинская табличка. Всѣхъ этихъ бюрократовъ-утопистовъ растыкаетъ исторія на соотвѣтственныя булавки—на память и назиданіе потомству.

Краснорѣчивое это будетъ назиданіе...

С. Ефремовъ.

¹⁾ „Кіевскіе Отлики“, 1905 г., № 304.

²⁾ Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 720.

Политика.

Греческій кризисъ. — Аграрный вопросъ въ Эссалии. — Балканскія дѣла. — Конституціонная борьба въ Англіи. — Текущія событія.

I.

По прежнему, Греція поглощаетъ много вниманія культурнаго міра. Съ одной стороны, это все та же военная диктатура бунтующихъ офицеровъ, а съ другой—новое явленіе, именно сильное аграрное броженіе въ Эссалии. Все это по прежнему осложняется готовностью Турціи начать войну по первому подходящему случаю. Офицерскій бунтъ привелъ страну въ тупикъ, изъ котораго, повидимому, всѣ выходы заперты, кромѣ кроваваго.

Когда мы заканчивали нашу прошлую бесѣду, положеніе было очень опасное, но не очень сложное. Военная лига властвовала и повелѣвала, король, правительство и парламентъ почти покорно переносили деспотизмъ лиги, но вмѣстѣ съ тѣмъ начали проявляться и признаки отрезвленія націи, утомленной безплодной и безцѣльной тираніей аѣинскихъ офицеровъ. Моряки отдѣлились отъ лиги и стали въ явную оппозицію сухопутнымъ офицерамъ. За ними проявилось тоже настроеніе и въ нѣкоторой части сухопутнаго офицерства. Во главѣ этого движенія сталъ генералъ Смоленскій, талантливый боевой генералъ, стяжавшій трофеи въ греко-турецкую войну 1897 года. Въ Аѣинахъ были уже и народныя манифестаціи. Сурово подавивъ эти манифестаціи, лига почувствовала потребность пойти на уступки. Она заявила, что сама себя распустить, какъ только правительство и парламентъ объявятъ о созывѣ національнаго собранія съ цѣлью пересмотра конституціи. Ея требованіе было исполнено. Правительство предложило, парламентъ принялъ и король утвердилъ созывъ національнаго собранія, и выборы были назначены на осень, по совѣту державъ-покровительницъ, что бы дать время странѣ успокоиться, осмотрѣться и приступить сознательно къ столь важному акту, какъ измѣненія въ государственномъ строѣ. Надо было дать успокоиться и критикамъ, чтобы они не прислали своихъ депутатовъ въ аѣинское національное собраніе, потому что появленіе этихъ депутатовъ въ національномъ собраніи греческаго королевства турки впередъ объявили, какъ *casus belli*. Однако, эти аргументы и эти совѣты не подѣйствовали, и офицеры потребовали весенняго созыва національнаго собранія. Имъ уступили и въ этомъ. Тѣмъ не менѣе, лига сама себя не распустила, существуетъ до сихъ поръ (больше мѣсяца послѣ исполненія всѣхъ ея требованій) и даже предъ-

являеть новыя требованія, даже такіа фантастическія, какъ смѣна профессорскаго персонала въ Аѳинскомъ университетѣ (а судья кто?).

Даже министерство Драгумиса, только что назначенное по указанію самихъ офицеровъ, отказалось исполнить эти новыя требованія. Междоусобіе казалось неизбежнымъ, но внезапно зашумѣвшая аграрная буря на Сѣверѣ смѣшала всѣ карты и покуда отодвинула съ авансены споръ за власть между офицерскою лигою и вѣрными конституціи элементами арміи и флота. Кровь все таки полилась, но мужицкая кровь оессалиотовъ, вообразившихъ, что и ихъ интересы и нужды могутъ привлечь сочувственное вниманіе оспаривающихъ другъ у друга господство партій «дирижирующихъ» классовъ! Они были наивны эти оессалийскіе крестьяне... Но мужики вѣдь всюду наивны съ ихъ упорною вѣрою, что *правда* на ихъ сторонѣ и что *поэтому* за ихъ дѣломъ обезпечено торжество. Подождите немного.

Оставимъ въ сторонѣ исторію. Оставимъ въ сторонѣ и не-европейскихъ мужиковъ. Остановимся только на европейскихъ и на ихъ выступленіяхъ за послѣднее четвертьстолѣтіе. Эти выступленія проходятъ обыкновенно мало замѣченными культурнымъ міромъ, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ «господъ» тѣхъ территорій, на которыхъ разворачивается мужицкое движеніе. Если бы культурный міръ былъ внимательнѣе къ этимъ выступленіямъ, онъ бы къ своему великому удивленію нашелъ, что мужицкая *правда* очень живуча и что борьба за нее со стороны стародавняго крестьянскаго міропониманія еще и теперь ведется упорно и при томъ по всему лицу культурной Европы.

Въ 1886 году въ Западной Галиціи (польской) неожиданно вспыхнула жакерія. Мужики вооружились вилами, косами, топорами (этимъ издревне мужицкимъ оружіемъ) и атаковали шляхетскія фермы и панскія усадьбы. Запылали палацы и дворцы, отобранъ скотъ, захвачена земля... Объяты паникой паны и шляхта бросались въ города спасать жизнь и семейства, оставляя на потокъ и разореніе достояніе и пожитки. Галиція, однако, провинція пограничная и постоянно сверхъ—изобилуетъ войсками, которые скоро и загасили мужицкою кровью разгорѣвшееся пламя мужицкой правды... Все снова было приведено въ порядокъ, паны и шляхтичи вернулись въ свои деревни, мужики понесли законную кару, и все обстоитъ благополучно вотъ уже безъ года четверть вѣка (жакерія вспыхнула весной 1886 года). Скудость земельных надѣловъ—давнишняя причина вражды малопольскихъ (западно-галицкихъ крестьянъ) къ своимъ панамъ, принадлежащимъ къ самой избранной и вельможной аристократіи Польши. Въ сосѣднемъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дважды (въ 1846 и 1864 гг.) было значительно увеличено крестьянское землевладѣніе, оно не превышаетъ одной десятины на наличную душу. Въ Западной Галиціи.

гдѣ земельные надѣлы не увеличены народу со временъ присоединенія къ Австріи въ 1772 году и гдѣ они уменьшались раздѣлами и продажей, землевладѣніе крестьянъ много мельче, чѣмъ въ Царствѣ и при томъ очень неравномѣрно. Въ нормальное время это гонить крестьянъ за океанъ или въ города и вынуждаетъ ихъ къ сильно преувеличеннымъ аренднымъ цѣнамъ, часто непосильнымъ даже при среднемъ урожаѣ. Отсюда огромная задолженность и совершенно кабальные отношенія къ помѣщикамъ или замѣняющимъ ихъ оптовымъ арендаторамъ. Раскаленный горючій матеріалъ всегда тлѣетъ подъ пепломъ. Какая нибудь вопиющая несправедливость—и костеръ запылаетъ съ неожиданною силою, обыкновенно никѣмъ непредвидѣнною. Такъ было въ Галиціи въ 1846 году. Тоже повторилось и въ 1886 году, когда уже во время начавшихся аграрныхъ безпорядковъ откуда то выплывшій слухъ о возстановленіи панщины (барщины) преобразовалъ безпорядки въ грозную жакерію.

Однако, это было въ Галиціи, странѣ культурно отсталой, но лѣтомъ того же года тоже самое повторилось въ Калабріи (Италія), а осенью все того же 1886 года на Шотландскихъ островахъ (Великобританія). Особенно интересно и особенно поучительно это послѣднее движеніе подъ куполомъ британской свободы, законности и высокой культуры. Сѣверо-западный уголь Великобританіи (Горной Шотландіи или Гайлянда, въ частности) называется Аргайльширомъ (Аргайльскимъ графствомъ) и принадлежитъ герцогамъ Аргайлямъ, крупнымъ вельможамъ и лэндлордамъ, перамъ Соединеннаго Королевства, наслѣдственнымъ вигамъ. Вся земля составляетъ собственность герцога Аргайля и раздѣляется (кромя городской) на территорію непосредственнаго пользованія герцога (обширные охотничьи лѣса, гдѣ строго охраняется дичь для охоты Его Милости лорда), крупныя скотоводческія фермы (преимущественно мясныя породы, частью и молочныя) и мелкія фермы (крофты, по мѣстному выраженію), снимаемыя потомками древнихъ воинственныхъ и свободолюбивыхъ пиктовъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ исторія ихъ застаетъ раздѣленными на кланы съ наслѣдственными предводителями во главѣ. Эти кланы владѣли каждый опредѣленною территоріей. Въ извѣстныхъ предѣлахъ этою общественною территоріей распоряжался и управлялъ вождь клана, въ данномъ случаѣ Аргайли. Каждый пиктъ Аргайльшира имѣлъ свою неотъемлемую крофту (надѣлъ). Огромныя пространства подъ лѣсомъ были въ непосредственномъ распоряженіи Аргайлей, которые и регулировали пользованіе лѣсами, лѣсными лугами, лѣсными озерами (рыбными) и охотою. Когда и въ Шотландіи воцарилась феодальная система, вожди клановъ незамѣтнымъ образомъ стали феодальными владѣльцами, а члены клановъ—ихъ вассалами. Это въ самомъ дѣлѣ было мало замѣтно: крофты по прежнему были въ пользованіи крестьянъ, а незанятыми угодьями по прежнему распоряжались лорды, да и Мартъ. Отдѣлъ II.

все это происходило постепенно, мало-по-малу. Такъ же постепенно и мало-по-малу стало вторгаться изъ Англіи, съ которой Шотландія успѣла соединиться на порогѣ XVII в., представленіе о лордѣ, какъ полномъ собственникѣ всей территоріи, нѣкогда принадлежавшей его клану, а о фермерахъ, какъ о простыхъ арендаторахъ, не имѣющихъ никакихъ правъ на свои надѣлы, кромѣ вытекающихъ изъ договоровъ съ лордами. И это было не очень замѣтно. Крофтеры воздѣлывали дѣдовскіе участки, платили не больше или немного больше, чѣмъ прежде, пользовались угодьями съ соизволенія того же лорда. Какъ написано въ законѣхъ, объ этомъ не очень заботились наши пикеты. 200 лѣтъ жили они мирно и въ невысшихъ условіяхъ. Между тѣмъ, къ началу XIX в. Англія стала индустріальною страной. Это какъ будто и не касалось Аргайльшира, но идеи индустріализма вторгались и сюда и вносили струю разныхъ новшествъ въ патриархальный бытъ этого края. Явилась книга Мальтуса къ услугамъ нарождающагося капитализма, но отравила она умы не только капиталистовъ, но и ландлордовъ, въ томъ числѣ и шотландскихъ. Всѣ вдругъ почувствовали необходимость предупредить перенаселеніе своихъ латифундій. Для этого теоретически опредѣлялось, сколько душъ можетъ быть оставлено; остальные получали отказъ въ дальнѣйшей арендѣ своихъ фермъ и безжалостно изгонялись. Это называлось *clearence* (очищеніе).

Къ Аргайльширу принадлежитъ одинъ изъ юго-западныхъ острововъ Шотландскаго архипелага, небольшой островъ Тайри (Tigee), на которомъ въ началѣ XIX вѣка жило 4000 душъ крофтеровъ. Не только жило, но и кормилось, пользовалось благосостояніемъ. Богатыя рыбныя ловли, хорошія пастбища, позволявшія крофтерамъ держать много всякаго скота, что доставляло много удобренія и гарантировало урожай, мягкій климатъ (вблизи проходитъ гольф-стремъ и отдѣльныя струйки его порою омывають самый островъ), все это давало населенію безбѣдное и мирное существованіе. Однако, тогдашній герцогъ заразился общимъ страхомъ передъ перенаселеніемъ всего Аргайльшира вообще, а въ частности и мирныхъ обывателей острова Тайри. Въ совѣтахъ рѣшено было, что нормальное число жителей острова не должно превышать 2000 душъ (вмѣсто 4000 душъ). Сказано, сдѣлано. Половинѣ крофтеровъ было отказано, ихъ крофты отобраны, а сами выселены. Кто могъ, отправился въ Америку, другіе разбрелись по Британскимъ островамъ въ поискахъ работы и голодной смерти. Три четверти вѣка прошло съ тѣхъ поръ, когда въ 1886 году вспыхнули аграрные безпорядки.

Надо замѣтить, что много воды утекло за этотъ срокъ. Изъ отобранныхъ крофтъ образованы были крупныя капиталистическія скотоводческія фермы, которыя приносили владѣльцамъ острова больше дохода, нежели крофты. Владѣльцы это скоро поняли и естественно желали увеличенія площади крупныхъ скотоводческихъ фермъ на счетъ сокращенія площади мелкихъ земледѣльческихъ

фермъ (крофтерскихъ). Произошла и другая существенная перемѣна. Владѣльцы (лорды) перестали жить въ своихъ помѣстьяхъ. Они предпочитали Лондонъ и заграницу. Чтобы не возиться съ фермерами, лорды усвоили обычай ирландскихъ лордовъ сдавать свои земли оптовымъ арендаторамъ, которые уже отъ себя переоброчивали фермерамъ, крупнымъ и мелкимъ. Факторы, какъ называются эти оптовые арендаторы, уже ничѣмъ не связаны съ туземнымъ населеніемъ и съ новыми успѣхами очищали островъ отъ крофтеровъ. Къ 1886 году ихъ все-таки еще оставалось 2700, т. е. даже на 700 душъ больше, чѣмъ признанная норма. Факторъ началъ съ того, что воспретилъ крофтерамъ держать овецъ и козъ подѣ страхомъ изгнанія. Покорились крофтеры и сбывли на рынокъ это довольно существенное подспорье ихъ скуднаго бюджета. Потомъ факторъ обошелъ всѣхъ крофтеровъ съ новымъ обязательствомъ крофтеровъ безпрекословно ему повиноваться и выполнять всѣ его распоряженія. На выборъ предлагалось подписать этотъ документъ, или получить уже готовую повѣстку о выселеніи. Подписали крофтеры и это обязательство. Опираясь на него, факторъ поднялъ арендную плату до непосильной величины. Однако, ни этой платы онъ не получилъ, ни выселить не могъ. Какъ разъ въ это время Гладстонъ провелъ такъ называемый крофтеръ-билль, по которому самъ лордъ и его замѣстители лишились права по произволу изгонять крофтера, отнимать или сокращать размѣръ крофты, произвольно измѣнять арендную плату. Законъ предусматривалъ образованіе поземельныхъ присутствій, которыя устанавливають справедливую (fair) ренту, выселяють неисправныхъ фермеровъ (только неисправныхъ) и опредѣляютъ для нихъ вознагражденіе съ владѣльца за строенія, сады, плантаціи и обзаведеніе. Это сразу расчистило было атмосферу, и наши островитяне почувствовали подѣ собою почву, при томъ свою почву. Если съ этой стороны опасности конфликта съ факторомъ миновала, то она выросла съ другой и привела къ печальной развязкѣ.

Законъ призналъ новыя права крофтеровъ, какъ выше изложено, но во время дебатовъ объ этомъ биллѣ былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи размѣра крофты. Когда билль обсуждался въ палатѣ лордовъ, тогдашній герцогъ Аргайль высказалъ мнѣніе, что это увеличеніе должно быть сдѣлано постепенно на счетъ выморочныхъ или брошенныхъ крофтъ и на счетъ почему-либо оставляемыхъ своими арендаторами крупныхъ фермъ. Мнѣніе благороднаго лорда не было одобрено и въ законъ не вошло. Наши островитяне, однако, хорошо запомнили мнѣніе своего герцога, а на ихъ бѣду возьми да и умри одинъ изъ крупныхъ фермеровъ острова, при чемъ сынъ его отказался продолжать аренду. Случай подходилъ подѣ предложеніе герцога Аргайля. Крофтеры собрались сходъ и постановили взять эту ферму коллективно всѣмъ обществомъ острова, при чемъ всѣ члены общины подписали обя-

зательство не брать этой фермы (были въ ихъ числѣ и состоятельные люди) и не конкурировать съ обществомъ. Между тѣмъ, одинъ изъ состоятельныхъ поспѣшилъ къ фактору и, повѣдавъ ему о замыслахъ крофтеровъ, получилъ отъ фактора эту ферму на очень выгодныхъ условіяхъ. Это предательство сильно возмутило крестьянъ, и они силою выгнали съ фермы предателя и вступили въ пользованіе фермой, заявивъ фактору, что они будутъ аккуратно платить, сколько поземельное присутствіе присудитъ. По ихъ мнѣнію, они были вполне правы. Они исполнили желаніе лэндлорда, они прогнали предателя, нарушившаго только что принятое обязательство; они не нанесли никакого ущерба и фактору... Однако, законъ на это смотритъ иначе. Факторъ обратился къ закону, и скоро на островъ прибылъ полицейскій комиссаръ съ нѣсколькими констеблями, но островитяне ихъ приняли въ дреколья, и полицейскіе рады были спастись съ острова. Къ самоуправству, самовольному завладѣнію и насилію прибавилось еще новое, болѣе тяжкое преступленіе, бунтъ. Броненосецъ и крейсеръ быстро двинулись къ Тайри. Крейсеръ везъ сильный отрядъ полиціи. Броненосецъ—нѣсколько ротъ пѣхоты. Обошлось безъ кровопролитія: наши мужики не сопротивлялись, оставили спорную ферму и не препятствовали ея занятію предателемъ. Произведены были многочисленные аресты. Ихъ судили, приговорили къ тюрьмѣ и штрафамъ. Все общество должно было заплатить убытки.

Дѣло небольшое, но характерное. Вѣками этихъ мужиковъ отучали отъ дѣйствія *міромъ*, а тутъ, когда понадобилось отстаивать *мужицкую правду*, выступаетъ вдругъ архаическій міръ, архаическій сходъ домохозяевъ, архаическая правда, какъ что-то выше и святѣ писаннаго закона. Эти архаическія, но безконечно живучія черты мужицкаго уклада и приводятъ мужика постоянно къ конфликтамъ съ закономъ, писаннымъ господствующими классами. Я напомнилъ подробнѣе эту страничку изъ исторіи конца XIX вѣка потому именно, что она такъ обнажаетъ мужицкое міропониманіе, и до сихъ поръ еще общее всему мужицкому міру.

Въ 1889 году разразилась ужасная кровавая жакерія въ Ломбардіи, этой богатой и культурной провинціи Италіи. Климатъ благословенный, почва благодатная, населеніе трудящееся и умѣлое... Чего еще нужно для благоденствія страны? Нужно поменьше дольщиковъ въ продуктахъ народнаго труда, а здѣсь эти дольщики забираютъ себѣ такъ много, что мужику остается жить впроголодь, ходить въ лохмотьяхъ, молиться мадоннѣ и благодарить господъ.

Чего, чего только не родитъ Ломбардія. Двѣ жатвы въ годъ пшеницы, маиса и другого зерна. Шелководство распространено по всей провинціи и около каждой хижинны—тутовая плантація рядомъ съ масличной, съ виноградникомъ. Но все это вѣдь на помѣщичьей землѣ, какъ и поле, и луга, и лѣса, и оросительная система (здѣсь очень богатая, благодаря Альпамъ и старымъ еще

римскимъ сооруженіямъ). Половину всего добытаго мужикъ обязанъ уступить помѣщику, а другую половину онъ обязанъ продать ему по цѣнѣ, назначаемой помѣщикомъ или его агентами. Цѣна всегда значительно ниже рыночной, такъ что хорошо, если одна четвертая часть добытаго мужикомъ остается у него въ карманѣ. При этомъ то дѣлежъ въ одномъ крупномъ имѣніи мужики обнаружили еще сверхъ-обычныя удержанія. Они оказали сопротивленіе. Полиція оказалась безсильною, потому что вся округа взялась за оружіе. Запылали княжескіе и герцогскіе дворцы, захвачены земли и т. д. Пожаръ охватилъ всю сельскую Ломбардію, посланы были значительныя отряды войска, и пожаръ загасили кровью ломбардскихъ мужиковъ.

Въ девяностыхъ была жакерія въ Сициліи, а также на Пиринейскомъ полуостровѣ. Волновались мужики и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Но особенно богато крестьянскими бунтами первое десятилѣтіе XX вѣка. Начало этого десятилѣтія ознаменовалось сильнымъ аграрнымъ движеніемъ въ южной Россіи, особенно въ губерніяхъ: Полтавской и Харьковской. При помощи военныхъ экзекуцій и розогъ порядокъ былъ восстановленъ. Въ 1906 году жакерія охватила всю Европейскую Россію съ Кавказомъ и Прибалтійскимъ краемъ. Карательныя экспедиціи, массовыя казни и массовыя сѣченія и въ этомъ году послѣдовали за аграрными безпорядками. Думаютъ предупредить ихъ возобновленіе, распыливъ крестьянскій міръ на отрубные хутора. Но только что цитированные историческіе факты не доказываютъ-ли, что и послѣ такого распыленія жакеріи возможны и не рѣдки?

Въ 1907 году разразилась жестокая жакерія въ Румыніи. Здѣсь возставшіе крестьяне не только жгли усадьбы и завладѣвали землей, но и рѣзали господъ и оптовыхъ арендаторовъ. И здѣсь скорострѣльное оружіе сдѣлало свое дѣло. Воспослѣдовали и казни.

Въ 1909 году въ округахъ Піаченцы и Павіи (южная Ломбардія) возстали крестьяне противъ непосильнаго бремени, возложеннаго на нихъ ихъ синьорами. Этотъ конфликтъ обнаружилъ, что за двадцать лѣтъ съ 1889 года ничего не измѣнилось въ Ломбардіи, но теперь заговорили о реформѣ. Если итальянскіе крестьяне сумѣютъ легально организовать, чему начало положено въ Піаченцѣ, то, быть можетъ, аграрная реформа не останется одними разговорами... Кто иначе ее проведетъ? Феодалы, буржуа, пролетаріи въ ней не нуждаются.

П.

Такъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка волновалось европейское крестьянство изъ края въ край. Въ 1910 году наступила очередь за Греціей. Сильное аграрное движеніе охватило Фессалію, эту житницу Греціи. Горятъ усадьбы, бѣгутъ помѣщики, посылаются войска, все какъ повсюду, но есть и оригинальныя черты. Остановимся немного на этомъ эпизодѣ современной исторіи, осложнившемъ собою опасное состояніе греческаго королевства.

Фессалія—страна сельскаго хозяйства, плодородная котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ горами, Олимпомъ, Пиндомъ, Геликономъ, Оссой. На СВ. Саламврія (Пеней) проложила себѣ дорогу къ морю, гдѣ синѣетъ обширный заливъ Волю съ городомъ Волю на его берегу. Волю имѣетъ круглую цифру 16 тыс. жителей, рыболововъ, устрицелововъ, собирателей губокъ и плотниковъ, строящихъ мелкія суда изъ горныхъ лѣсовъ Олимпа и Оссы. Главный городъ Фессаліи Ларисса имѣетъ 15 тыс. жителей, садоводовъ, винодѣловъ и хлѣбопашцевъ. Два другіе города Фессаліи, Трикала—14 тыс. жителей, преимущественно садоводы и земледѣльцы, а также кустари, ткачи и кожевники; Кардица—7 тыс. жит., садоводы и земледѣльцы. Всего въ Фессаліи считается горожанъ 52 тыс. и 300 тыс. селянъ. Горожане, какъ выше изложено, занимаются тоже сельскими промыслами. Фессалійская земля кормитъ свое населеніе, но оно бѣдно и подавлено, потому что и здѣсь дольщиковъ на добытые крестьяниномъ продукты много даже для всетерпѣливой мужицкой спины.

Я уже говорилъ на этихъ страницахъ, что въ эпоху Крестовыхъ походовъ и послѣ нихъ Греція пережила своего рода феодальный періодъ. Она была захвачена итальянскими князьями и рыцарями, а населеніе обращено въ крѣпостное состояніе. Въ такомъ видѣ встало страну, въ томъ числѣ и Фессалію, турецкое завоеваніе. Помѣстья перешли въ руки турковъ, которые владѣли всею землею, а крестьяне ее обрабатывали за установленныя повинности. Этотъ строй отношеній продолжался до 1881 года, когда Европа передала Фессалію греческому королевству. Не возстаніе населенія и не завоеваніе привели къ этой перемѣнѣ, а мирные переговоры. Естественно поэтому, что турецкое помѣстное сословіе не было ни истреблено, ни выгнано. Оно осталось на мѣстахъ и сохранило собственность на землю, заселенную фессалійцами. Безъ малаго тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и многое перемѣнилось. И, прежде всего, писанный законъ замѣнилъ старые обычаи, и молодое поколѣніе помѣщиковъ, опираясь на законъ и совсѣмъ игнорируя обычаи, начало возвышать повинности и платежи и скоро мертвую петлю затащило шею фес-

салийского мужика. До ожесточения озлобленные гнетомъ, крестьяне Эссалии превратили свою жакерию въ кровавую бойню. Они нападаютъ на поѣзда, грабятъ и убиваютъ пассажировъ, сжигаютъ усадьбы, истребляютъ ихъ обитателей, грабятъ ихъ имущество. Они вступаютъ въ сраженіе даже съ войсками. Экономическое угнетеніе привело ихъ въ отчаяніе, и они хорошо знаютъ, что, мужественно встрѣчая всякую опасность, они отстаиваютъ хлѣбъ насущный своимъ семьямъ, котораго уже не хватаетъ послѣ удовлетворенія жадныхъ требованій владѣльцевъ.

Послали эссалийцы депутацію и въ Аѣны, но здѣсь политикамъ премудрымъ несчастнаго королевства не до нихъ, съ ихъ нуждами и бѣдами. «Выкупите землю у помѣщиковъ, дайте намъ, а мы вамъ все выплатимъ, и съ процентами». «Никакъ нельзя,—отвѣчаютъ хоромъ Драгумисъ, Теотокисъ и Ралли,—никакъ нельзя, вѣдь это принудительное отчужденіе, что скажетъ Европа?» И вмѣсто землемѣровъ посылаютъ войска. А въ Европѣ принудительное отчужденіе вовсе не диковинка какая-нибудь. Не далѣе прошлаго 1909 года, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, принудительное отчужденіе у ландлордовъ надѣловъ въ пользу ирландскихъ крестьянъ было вотировано британскимъ парламентомъ, а въ програмной рѣчи на митингѣ министръ Ллойдъ-Джорджъ обѣщаетъ такую же реформу и для Великобританіи (Англій, Уэльса и Шотландіи).

Для такого же шага аѣнскаго парламента есть, однако, два препятствія. Первое и, конечно, главное въ томъ обстоятельствѣ, что латифундіи и экономическое угнетеніе сельскаго населенія существуютъ не только въ Эссалии, но и въ другихъ частяхъ Греціи, при чемъ угнетателями являются не турецкіе, а греческіе помѣщики, тѣ самые, что засѣдаютъ въ парламентѣ и назначаются министрами. Конечно, они добровольно не пойдутъ на обязательное отчужденіе. Не въ ихъ интересахъ...

Другое препятствіе—Турція, уже сдѣлавшая дипломатическое представленіе въ Аѣнахъ о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на турковъ въ Эссалии, и угрожавшая соотвѣстными репрессаліями. Туркамъ очень хочется повоевать съ греками. Легкая побѣда (какъ ожидаютъ турки) укрѣпитъ новый режимъ и подниметъ престижъ новаго правительства, а греки въ Турціи успѣли заслужить общее неудовольствіе. Война съ ними была бы популярна не только среди турковъ, но и среди албанцевъ, болгаръ и румыновъ. Но все это не основаніе для нападенія и вмѣшательства во внутреннія дѣла независимаго государства. Если бы греки и въ самомъ дѣлѣ объявили принудительное отчужденіе, то единственно вопросъ о справедливомъ вознагражденіи турецко-подданныхъ могъ бытъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между Константинополемъ и Аѣнами. Но Греція слаба и растеряла друзей.

Надо принимать во вниманіе и эти неправильныя дипломатическія представленія.

Противоположныя представленія идутъ съ другой стороны. Офицерская лига, значеніе которой поколебалось было, ухватила за эссалійскія дѣла, чтобы слова поднять свой престижъ. Она заступилась за возставшихъ мужиковъ и потребовала надѣленія ихъ землею на началахъ принудительнаго выкупа. «Нельзя» — отвѣтилъ коротко и ясно ихъ ставленникъ Драгумисъ. Онъ знаетъ, что за нимъ «вся Греція». Лига покуда смолчала, но капитанъ Параскулисъ съ отрядомъ занялъ позиціи, угрожающія столицѣ, и требуетъ удовлетворенія эссалійцевъ, приготовляясь къ враждебнымъ дѣйствіямъ.

Этотъ клубокъ греческихъ злоключеній и опасностей такъ спутался и сваялся, что намъ не разобраться въ возможномъ исходѣ кризиса. Исторія его разрѣшить и, вѣроятно, очень скоро. Я же посвятилъ сегодня такъ много мѣста греческимъ дѣламъ, чтобы остановить вниманіе все на томъ же скорбномъ листѣ всеевропейскаго крестьянства, которое упорно несетъ въ своей мужественной груди все ту же «старую правду», что такъ похожа на новую правду болѣе свѣтлаго будущаго... Она не умираетъ, эта старая правда. Она доживетъ до новой, съ ней близкой и солидарной, и работать для ускоренія этой встрѣчи могло бы стать лучшею задачею современныхъ поколѣній. Что это дѣло станетъ такою задачею, я въ этомъ не сомнѣваюсь. **Войсѣ не дожить до этого просвѣтленнаго момента.**

III.

Турки очень желаютъ повоевать съ греками. Совсѣмъ иначе они относятся къ славянскимъ государствамъ Балканскаго полуострова.

Сначала изъ-за провозглашенія болгарской независимости, а также изъ-за захвата болгарами желѣзной дороги Пиротъ-Мустафа была крупная распря и можно было опасаться даже военнаго столкновенія. Четническое движеніе въ Македоніи и пограничныя инциденты подбрасывали новаго горячаго матеріала въ костеръ, и безъ того ярко горѣвшій. Однако, постепенно все уладилось. За желѣзныя дороги хорошо заплачено туркамъ. Независимость и королевскій титулъ признаны за бывшимъ княжествомъ Болгарскимъ. Четническое движеніе ослабло. Пограничныя инциденты улажены и назначена смѣшанная турко-болгарская коммиссія для окончательнаго и повсемѣтнаго точнаго опредѣленія пограничной черты и постановки пограничныхъ знаковъ. Визитъ короля Фердинанда въ С.-Петербургъ да невѣрное изложеніе тостовъ, которыми обмѣнялись императоръ Николай II и король Фердинандъ, встрѣво-

жили было общественное мнѣніе въ Константинополѣ, но прішедшій затѣмъ по почтѣ подлинный текстъ тостовъ успокоилъ эту тревогу, а визитъ Фердинанда султану превратилъ опасенія въ дружеское сближеніе: монархи Турціи и Болгаріи манифестировали дружбу, министры переговоры вели. О чемъ, точно неизвѣстно, но можно догадываться, что переговоры эти не могли не коснуться возможнаго новаго выступленія Австріи. Съ сербскимъ министромъ Миловановичемъ объ этомъ шли переговоры. Конечно, и съ болгарскимъ министромъ Панниковымъ. Если бы, кромѣ вопросовъ общей обороны, были затронуты и вопросы экономическіе, вродѣ, напр., таможеннаго союза Турціи, Болгаріи, Сербіи Черногоріи, то это могло бы эмансипировать экономическую жизнь полуострова отъ гнетущей австрійской опеки.

Послѣ Фердинанда посѣтилъ Россію и король Петръ, но визитъ этотъ уже не возбудилъ турецкой подозрительности. Король Петръ вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ и Константинополь. Необходимыя соглашенія уже достигнуты повѣзкою Миловановича въ Константинополь. Всѣ эти переговоры и соглашенія будутъ согласованы между собою и закрѣплены формально. Къ сожалѣнію, нельзя ожидать, чтобы въ скоромъ времени вошли въ эту балканскую федерацію Румынія и Греція. Послѣдней мѣшаетъ внутренняя смута и стремленіе къ первенству. Румынскіе Гогенцоллерны тяготѣютъ къ своимъ нѣмецкимъ родственникамъ, а чрезъ нихъ надолго запутались въ сѣтяхъ и тенетахъ и Габсбурговъ. Между тѣмъ, какое бы прекрасное предисловіе къ Соединеннымъ Штатамъ Европы были бы эти Соединенные Штаты Балканскаго полуострова.

Изъ Албаніи—скверныя вѣсти. Конечно, навязывать албанцамъ арабскій алфавитъ вмѣсто издавна принятаго латинскаго было со стороны турковъ и несправедливо, и неблагоприятно. Сомнительно, однако, что бы изъ за одного этого албанцы (сѣверныя племена, нарѣчія «гегал») подняли возстаніе, но достовѣрныхъ извѣстій оттуда не имѣется. Между тѣмъ, кровь уже льется, горятъ села, формируются четы, двигаются «оттоманскія» войска... Вѣроятно, при меньшемъ увлеченіи «оттоманской» идеей, туркамъ удалось бы поладить и съ безпокойными албанцами, отнюдь, однако, не разбойниками и не дикарями. Будьте турками, но албанцамъ не препятствуйте быть албанцами!

VI.

Въ Англіи продолжается упорная конституціонная борьба. Король живетъ на югѣ Франціи. Онъ прійдетъ въ случаѣ обостренія кризиса, но до этого еще не дошло. Самое крупное событіе въ парламентской жизни въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, это—ассигнованіе временныхъ кредитовъ палатой общинъ для текущихъ го-

сударственныхъ нуждъ, въ родѣ французскихъ *douzièmes provisoires*. Французы имѣютъ обыкновеніе разрѣшать это временное расходованіе всего на одинъ мѣсяцъ, двѣнадцатую часть годичнаго бюджета. Если нужно, будетъ ассигнована и вторая *douzième*, и третья, но сразу на три мѣсяца давать такое разрѣшеніе не принято. Тоже было и въ Англіи до половины девяностыхъ годовъ XIX вѣка. Принято было разрѣшать на шесть недѣль. Однако, обычай этотъ былъ измѣненъ консервативнымъ кабинетомъ того времени. Въ случаѣ надобности, онъ испрашивалъ временные кредиты на два и три мѣсяца. Въ Англіи финансовый годъ начинается 1 апрѣля, т. е. 18 марта по нашему календарю. Либеральный кабинетъ и вошелъ въ палату съ предложеніемъ объ ассигнованіи временныхъ кредитовъ. Однако, министерство испрашиваетъ временные кредиты не на три мѣсяца, какъ установили было консерваторы, но по старому, всего лишь на шесть недѣль, до 15 (2) мая.

На первый взглядъ, кажется это обстоятельство событіемъ не крупнымъ. Между тѣмъ, оно привело въ ярость консерваторовъ и явилось ловкимъ шахматнымъ ходомъ въ рукахъ либеральнаго министерства. Къ 15 (2) мая едва успѣютъ провести черезъ палату общинъ (начинается его обсужденіе 29 (16) марта) анти-вето-билль, битва будетъ значительная, да будутъ и другія текущія дѣла. Резолюціи палаты общинъ какъ разъ къ 15 мая (по новому стилю) поступаютъ въ палату лордовъ, которая, конечно, ихъ не приметъ. Затѣмъ, одно изъ двухъ: или король назначаетъ 450 лордовъ, или кабинетъ Аскита подаетъ въ отставку. Въ первомъ случаѣ палата общинъ даетъ временные кредиты еще на шесть недѣль и за это время проводить (уже безъ лордовъ) бюджетъ. Во второмъ случаѣ консерваторы очутятся въ ужасномъ положеніи, потому что имъ-то эта палата не дастъ временныхъ кредитовъ. Они должны будутъ управлять, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного шиллинга для расходовъ.

Надо прибавить къ этому, что въ Англіи существуетъ учрежденіе государственнаго контроля, какъ независимая и несмѣняемая магистратура, въ родѣ судебной. Это давнишнее учрежденіе, имѣющее прямою своею обязанностью слѣдить, чтобы исполнительная власть никакимъ образомъ не расходовала и не получала никакихъ государственныхъ ресурсовъ, не разрѣшенныхъ парламентомъ. Государственный контроль этотъ свой долгъ исполнить и не поставить своего согласія ни на одной ассигновкѣ, безъ чего она недействительна. Государственные деньги хранятся въ Англійскомъ національномъ банкѣ, привилегированномъ, но частномъ акціонерномъ предпріятіи, которое отвѣтитъ всѣми своими огромными капиталами въ случаѣ выдачи въ незаконномъ порядкѣ какихъ бы то ни было суммъ правительству. Когда министра финансовъ Ллойдъ-Джорджа спросили въ парламентѣ, по какой при-

чинѣ онъ испрашиваетъ такіе краткосрочные кредиты, онъ отвѣтилъ, что возвратился къ старому обычаю, устанавливавшему болѣе дѣйствительный контроль за исполнительною властью со стороны законодательной власти... Что же, онъ въ своемъ правѣ, этотъ либеральный кабинетъ, но и консерваторамъ есть отъ чего придти въ ярость!

Въ палатѣ лордовъ очень хлопочутъ о самореформированіи, но, кажется, Ихъ Милости опоздали. Впрочемъ, все будетъ зависеть отъ избирателей, такъ какъ наиболѣе вѣроятный исходъ—новые выборы. Либералы уже готовятся, а имъ лучше извѣстны закулисные дѣла.

Много еще всякихъ дѣлъ надѣлалось въ Европѣ за отчетный мѣсяцъ, но ихъ теченіе еще недостаточно выяснилось. Въ Италіи подало въ отставку недавно сформированное министерство Соннино. Въ Венгріи произошла драка въ Палатѣ, которая распущена. Въ Хорватіи, послѣ двухлѣтняго перерыва, собрался сеймъ и, благодаря соглашенію между сербами и хорватскими радикалами (партія Старчевича), оппозиція оказалась въ большинствѣ. Въ Испаніи на религіозной почвѣ конфликтъ довелъ до кровопролитія. Во Франціи скандальныя разоблаченія о хищеніяхъ при ликвидаціи церковныхъ имуществъ являются плохую прелюдіей къ выборамъ для лѣвыхъ партій.

С. Южановъ.

Хроника внутренней жизни.

Предвѣстники пробужденія.

. Г. Хомяковъ и Дума.—II. Г. Гучковъ и октябристы.—III. Г. Милуковъ и студенты.

Газеты передаютъ о слѣдующей «любопытной сценкѣ», имѣвшей мѣсто въ думскихъ кулуарахъ вскорѣ послѣ смѣны предсѣдателей.

Къ бесѣдовавшему съ журналистами въ Екатерининскомъ залѣ Н. А. Хомякову подошелъ Е. П. Гегечкори съ нѣсколькими изъ лѣвыхъ и сказалъ: „Вотъ мы васъ ругали, Николай Алексѣевичъ, а, можетъ быть, скоро придется пожалѣть о васъ“.—„Брань на вороту не виснетъ, милые бранятся—только тѣшатся“, отвѣтилъ, улыбаясь, Н. А. Хомяковъ *).

«Милые бранятся—только тѣшатся»... Таковы, оказывается, были

*) «Новое Время», 10 марта.

до сихъ поръ взаимныя отношенія между г. Хомяковымъ и крайней лѣвой. Но, несомнѣнно, такія же отношенія были у г. Хомякова и съ крайней правой,—даже съ г. Пуришкевичемъ. Не разъ онъ, въ качествѣ предсѣдателя, выгонялъ послѣдняго изъ Думы, но вѣдь бывало, что онъ и обнимался съ нимъ,—не въ переносномъ только, но и въ буквальномъ смыслѣ. «Милые бранятся — только тѣшатся»... Такова, можно сказать, была вся думская жизнь до послѣдняго времени. Ругани было много,—такъ много, что изъ законодательнаго учрежденія, каковымъ третья Дума значится на бумагѣ, она давно уже превратилась въ мѣсто, какъ бы специально предназначенное для скандаловъ. Ими только она и привлекала къ себѣ общественное вниманіе. Но эти скандалы все время поражали своею, такъ сказать, безпричинностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею бесплодностью: какъ будто депутаты дѣйствительно ими только тѣшились. Неожиданно поругаются и потомъ вдругъ успокоятся, — точь-въ-точь какъ торговки въ будничныи день на провинціальномъ базарѣ: бываетъ вѣдь, что онѣ ужасный крикъ подымутъ, всѣ съ своихъ мѣстъ повскочутъ, иная охальница даже неприличіе какое совершить, а потомъ, глядишь, опять всѣ сидятъ на прежнихъ мѣстахъ, и, при прежнемъ безлюдьи вокругъ, перекладываютъ отъ нечего дѣлать свой товаръ,—сухіе жамки или моченныя яблоки. Такъ и въ Думѣ: два съ половиною года ушли на перекладываніе моченыхъ яблокъ и бесплодную ругань... Благодушно улыбаясь, г. Хомяковъ, можетъ быть, самъ того не сознавая, подвелъ довольно вѣрный итогъ цѣлому періоду думской дѣятельности, протекшему подъ его предсѣдательствомъ.

Нѣсколько инымъ оказался лишь послѣдній—«грандіозный» — думскій скандалъ, растянувшійся на нѣсколько засѣданій. Помимо дѣлающаго развлеченія, доставленнаго имъ скукающей публикѣ, онъ имѣлъ и другія кое-какія послѣдствія: въ связи съ нимъ обнаружилось нѣкоторое движеніе внѣ Думы, и внутри ея, какъ можно думать, произошла передвижка. Крайне характерно, что одновременно съ этимъ г. Хомяковъ оставилъ предсѣдательское мѣсто.

Кончился—какъ выразилась одна изъ газетъ—хомяковскій періодъ въ жизни третьей Думы и начался гучковскій... Дѣло не въ томъ, конечно, что одинъ предсѣдатель смѣнилъ другого, и не въ томъ только, что по своимъ личнымъ качествамъ, по своему душевному складу гг. Гучковъ и Хомяковъ, несомнѣнно, разные люди. Дѣло въ нѣкоторыхъ общихъ причинахъ, обусловившихъ собою и отказъ г. Хомякова, и выборы г. Гучкова, и думскій скандалъ, и внѣдумскіе его отголоски. Эти общія причины, какъ я думаю, кроются не столько въ объективныхъ фактахъ, складывавшихся все время въ одномъ и томъ же направленіи, сколько въ субъективныхъ настроеніяхъ, давно уже зародившихся подъ влияніемъ этихъ фактовъ въ разныхъ общественныхъ группахъ и те-

перь достигших известной силы. Съ этой именно точки зрѣнія я и попытаюсь всмотрѣться въ происшедшія событія, — со стороны общественных настроеній, какія въ нихъ проявились.

I.

Причины, заставившія г. Хомякова отказаться отъ предсѣдательства, — отказаться въ данный именно моментъ — представляются на первый взглядъ не совсѣмъ ясными, тѣмъ болѣе, что ближайшій поводъ, побудившій его предпринять этотъ шагъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

«Отставку» думскаго предсѣдателя газеты, поставили, было, въ непосредственную связь съ «письмомъ» или «сообщеніемъ», будто бы полученнымъ имъ отъ г. Столыпина по поводу инцидента, происшедшаго 3 марта въ Государственной Думѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній, при обсужденіи смѣты его вѣдомства, выступилъ съ рѣчью, въ которой проявилъ такое высокомерное и пренебрежительное отношеніе къ представительному собранію, что даже октябристы были, повидимому, задѣты. Когда же г. Шварцъ, желая отвѣтить возражавшему ему докладчику, вторично взошелъ на трибуну, то Дума не обнаружила особой охоты его слушать, тѣмъ болѣе, что наступило время для завтрака. Со скамей центра и оппозиціи раздались крики: «перерывъ!» «перерывъ!» Министръ продолжалъ, однако, стоять на трибунѣ, желая говорить, несмотря на крики. Послѣдніе еще болѣе усилились, и г. Хомяковъ прервалъ засѣданіе. Г. Шварцъ обидѣлся и, разсерженный, немедленно покинулъ Думу. Уходя, по словамъ нѣкоторыхъ депутатовъ, онъ сказалъ:

— Что третья Дума, что первая Дума — все едино!

Въ дѣйствительности, разница между первой и третьей Думами даже въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, сказалась. Въ первой Думѣ, когда не желали слушать министра, то кричали не «перерывъ», а «вонъ», «долой». Министру же, который, желая показать свое недовольство, покидалъ Думу, случалось, кричали вдогонку: «подожди, министръ, не уходи! мы еще тебя ругать будемъ!» И все это русскіе министры до поры, до времени сносили... Но это было давно. Послѣ же того ихъ настроеніе въ отношеніяхъ къ народному представительству радикально измѣнилось, и инцидентъ съ г. Шварцомъ лишь показываетъ, какой силы достигло въ ихъ средѣ новое настроеніе: даже требованіе перерыва, возможное, въ сущности, въ каждомъ собраніи, они считаютъ въ устахъ депутатовъ обиднымъ и невыносимымъ.

По поводу этого-то инцидента, по словамъ газетъ, и состоялось «сообщеніе» г. Столыпина... Отказъ г. Хомякова отъ предсѣдательства, при этомъ объясненіи, являлся въ глазахъ однихъ своего

рода протестомъ противъ давленія со стороны правительства на Думу, въ глазахъ другихъ—своего рода данью бюрократическому самолюбію, быть можетъ, даже умиловательною жертвою, долженствовавшей спасти Думу.

Надо сказать, что этотъ слухъ о «письмѣ» или «сообщеніи», послужившемъ будто бы поводомъ для отставки г. Хомякова, появился во всѣхъ почти газетахъ, вплоть до «Новаго Времени» включительно, и всѣ ему сразу повѣрили, такъ какъ въ немъ не было ничего неправдоподобнаго. Съ одной стороны, при данныхъ отношеніяхъ правительства къ Думѣ, никто не сомнѣвался въ возможности указаннаго «сообщенія» со стороны предсѣдателя совѣта министровъ; съ другой стороны, всѣмъ представлялось вполне естественнымъ, что г. Хомяковъ отвѣтилъ на него «отставкой», т. е. поступилъ, какъ подчиненный, который не угодилъ начальству или не поладилъ съ нимъ. Разсчитывать на то, что предсѣдатель третьей Думы проявитъ больше достоинства и независимости въ конфликтѣ съ правительствомъ, разъ таковой возникъ, никто послѣ того, что пережито, не рѣшился бы. Въ прошломъ вѣдь былъ уже аналогичный случай. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, когда г. Коковцовъ сказалъ свою знаменитую фразу: «у насъ, славу Богу, нѣтъ парламента», г. Хомяковъ, въ качествѣ предсѣдателя, отвѣтилъ ея неумѣстность. По этому поводу тоже было какое-то «сообщеніе», которое чуть-чуть не привело къ предсѣдательскому кризису. Конфликтъ былъ тогда улаженъ тѣмъ, что г. Хомяковъ призналъ неумѣстность своего собственнаго замѣчанія, о чемъ и заявилъ съ предсѣдательскаго мѣста. Теперь вновь извиняться ему, быть можетъ, не хотѣлось, или извиненіе могло быть признано недостаточнымъ. Такъ или иначе, но предложенное первоначально газетами и охотно всѣми принятое объясненіе не заключало въ себѣ ничего невѣроятнаго. Никто не рѣшился бы сказать: да этого быть не можетъ!

Но это объясненіе было немедленно и рѣшительно опровергнуто. Съ одной стороны, Освѣдомительное бюро было уполномочено заявить

что никакого письма относительно выступленія 4 (3?) сего марта въ Г. Думѣ министра народнаго просвѣщенія предсѣдатель Совѣта Министровъ предсѣдателю Г. Думы Н. А. Хомякову не посылалъ, что указаніе «Новаго Времени» на недоброжелательность отношенія правительства къ президіуму Г. Думы является совершенно невѣрнымъ, а приписываемый правительству той же газетой, на основаніи слуховъ, взглядъ на Г. Думу («какъ на аппаратъ, чуть ли не затрудняющій дѣйствія государственнаго механизма») совершенно не соответствуетъ дѣйствительности.

Съ другой стороны, отъ имени Н. А. Хомякова то же Освѣдомительное бюро было уполномочено заявить,

что никакихъ свѣдѣній представителямъ печати по этому вопросу онъ не сообщалъ, и что газетныя извѣстія о томъ, что отказу его отъ предсѣдательства предшествовалъ будто бы рѣзкій обмѣнъ мнѣній съ

председателем Совѣта Министровъ, — совершенно не соответствуетъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ неизвѣстно откуда взявшійся слухъ, «какъ бы намекавшій, по словамъ «Голоса Москвы», на то, что г. Хомяковъ подалъ въ отставку подъ давленіемъ правительства и что его уходъ является, такъ сказать, чисто угодническимъ», былъ пресѣченъ въ самомъ началѣ.

Еще болѣе неудачной оказалась попытка объяснить отказъ г. Хомякова въ обратномъ, такъ сказать, смыслѣ, — конфликтомъ не съ правительствомъ, а съ оппозиціей. Нѣкоторые хотѣли поставить этотъ отказъ въ непосредственную связь со «скандаломъ», начавшимся въ тотъ же день въ Думѣ, вслѣдъ за уходомъ министра, и полагали, что г. Хомяковъ смущенъ проявленнымъ имъ неумѣньемъ подавить этотъ скандалъ въ самомъ началѣ или хотя бы потомъ съ надеждами тактомъ его ликвидировать. Какъ извѣстно, онъ долго не желалъ воспользоваться своею председательскою властью по отношенію къ г. Пуришкевичу, чѣмъ и вызвалъ обструкцію со стороны оппозиціи; но и потомъ, признавъ негодованіе по поводу выхода г. Пуришкевича «естественнымъ», онъ не только сдѣлалъ замѣчаніе г. Милюкову, который выражалъ это негодованіе съ особымъ упорствомъ, но и назвалъ дѣйствія послѣдняго «постыдными». Г. Хомяковъ больше, чѣмъ кто-либо другой, — говорилъ потомъ одинъ депутатъ, — содѣйствовалъ скандалу и больше, чѣмъ кто-либо другой, заслуживалъ исключенія; понявъ это, онъ и исключилъ себя, отказавшись отъ председательства. Смущеніе г. Хомякова, согласно этой версіи, особенно усилилось послѣ того, когда онъ узналъ, что лѣвыя фракціи готовятъ коллективный протестъ противъ его дѣйствій и, въ частности, противъ оскорбленія, нанесеннаго имъ г. Милюкову.

Принявъ это объясненіе, пришлось бы признать, что отказъ г. Хомякова былъ обусловленъ его признаніемъ своей вины передъ Государственной Думой и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ дать удовлетвореніе незаслуженно оскорбленному имъ депутату. Нечего и говорить, на сколько неправдоподобнымъ для тѣхъ, кто зналъ г. Хомякова, представлялось это объясненіе. Человѣкъ, который полагаетъ, что «брань на вороту не виснетъ», едва ли могъ быть смущенъ тѣмъ, что онъ кого-то обругалъ или что его обругаютъ. Все прошлое председательской дѣятельности г. Хомякова свидѣтельствовало, что ни собственная несправедливость, ни протесты другихъ смутить его не могутъ. Немногіе поэтому обнаружили склонность повѣрить приведенному объясненію. Теперь же его нужно считать и прямо опровергнутымъ. Оказывается, что г. Хомяковъ доволенъ своими дѣйствіями во время скандала, такъ какъ находить ихъ вполне цѣлесообразными.

Меня упрекаютъ, — заявилъ онъ корреспонденту «Times» — за рѣзкое слово, сорвавшееся въ послѣдній разъ по адресу г. Милюкова. Я сказалъ

что его поведение постыдно. Я пожалѣлъ тогда объ этомъ, однако, дѣлъ была достигнута: Дума успокоилась *)...

Больше того: г. Хомяковъ не только не раскаивается въ томъ, что оскорбилъ г. Милюкова, но и сожалѣть еще, заднимъ числомъ, что не употребилъ болѣе сильнаго выраженія.

Теперь я нахожу,—говорилъ онъ тому же корреспонденту,—что мое выраженіе было слишкомъ мягкимъ. Вѣдь г. Милюковъ прямо провоцировалъ молодежь. Я нахожу, что это не только постыдно, но и преступно.

Такимъ образомъ, обѣ приведенныя мною версіи на счетъ причинъ отказа г. Хомякова оказались опровергнутыми. Крайне характерно, что самъ онъ счелъ излишнимъ объяснить избравшей его Думѣ мотивы своего ухода. Въ то время, когда кругомъ строились «совершенно несоотвѣтствовавшія дѣйствительности» гипотезы на этотъ счетъ, онъ молчалъ, если не считать приведеннаго уже мною отрицательнаго заявленія, какое было уполномочено сдѣлать отъ его имени Освѣдомительное бюро. Лишь спустя нѣсколько дней были оглашены бесѣды г. Хомякова съ корреспондентами французскаго «Le Courrier de Russie» и англійскаго «Times», которымъ онъ изложилъ руководившіе имъ мотивы. Получилось такое впечатлѣніе: неспособный поспорить съ министрами въ «надменности», бывший предсѣдатель Государственной Думы тѣмъ не менѣе успѣлъ усвоить нѣкоторые изъ ихъ «надменныхъ» замашекъ и, въ частности, обычай говорить съ заинтересованными людьми, разъ они стоятъ ниже по общественному положенію, черезъ третьихъ лицъ, говорить не прямо, а въ сторону, и такъ же, какъ министры, именно въ сторону Европы. Возможно, что эта надменная замашка, свойственная не только русскимъ министрамъ, но и русскимъ барамъ, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ сказалась. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что г. Хомяковъ, какъ взомель на предсѣдательское мѣсто, такъ и ушелъ съ него, не сознавая отвѣтственности, какая лежитъ на немъ передъ страной.

Возможно, однако, что объяснить Государственной Думѣ мотивы своего отказа г. Хомякову помѣшала другая причина: изложить ихъ прямо въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, онъ, можетъ быть, не сумѣлъ бы. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя же вѣдь было ихъ предложить Государственной Думѣ въ той, напримѣръ, формѣ, въ какой онъ изложилъ ихъ корреспонденту «Times» и затѣмъ—въ буквально почти тождественныхъ выраженіяхъ—сотруднику «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Когда въ квартирѣ угаръ,—сказалъ имъ г. Хомяковъ,—никто не станетъ ждать весны, а разбиваютъ окно, чтобы впустить свѣжій, хотя и холодный воздухъ. Я именно рѣшилъ разбить окно. Я порѣзалъ себя, быть можетъ, руку, но это не великая бѣда. Лишь бы струя чистаго воздуха освѣжила угорѣвшихъ *).

*) Цитирую по «Новому Времени» отъ 9 марта.

**) См. «Новое Время» и «Биржевыя Вѣдомости» 9 марта.

Можетъ быть, это и красивый образъ, и г. Хомякову онъ, очевидно, очень нравится, разъ онъ можетъ воспроизводить его съ буквальною точностью. Но едва ли эти «намекы тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто», годились бы въ качествѣ заявленія высокому собранію. Это, скорѣе, тема для фельетонистовъ, которые теперь наперебой другъ передъ другомъ разгадываютъ, что г. Хомяковъ разумѣлъ подъ квартирой, что это за угаръ и кого надо считать угорѣвшими. Разно на этотъ счетъ гадаютъ: одни—лѣвыхъ и Милюкова разумѣютъ, другіе — на правыхъ и на правительство мекаютъ; но на счетъ «свѣжаго воздуха», который будто бы выпустилъ г. Хомяковъ, никто даже догадки не имѣетъ.

Изложить въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ свои мотивы г. Хомякову было бы трудно уже потому, что повода для отказа,—того объективнаго факта, который дѣлалъ бы этотъ шагъ для всѣхъ понятнымъ,—въ дѣйствительности, повидимому, не было. Не было «инсима» г. Столыпина и «рѣзкаго обмѣна мнѣній» съ нимъ; не было и признанія вины своей передъ Думой или Милюковымъ.. Правда, по поводу инцидента съ министромъ народнаго просвѣщенія переговоры съ г. Столыпинымъ—какъ удостовѣрило «Новое Время»—все таки происходили, но только по телефону и, очевидно, въ достаточно мягкой, а можетъ быть, и дружеской формѣ. И сожалѣніе о рѣзкости, допущенной по отношенію къ г. Милюкову было, но, какъ мы видѣли, очень слабое, очень далекое отъ раскаянія,—была только «капля неловкости», какъ выразился по этому поводу г. Хомяковъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Голоса Москвы». Можетъ быть, это были тѣ капли, которыя переполнили чашу, но это не были тѣ факты, которые для самого г. Хомякова и тѣмъ болѣе для другихъ лицъ дѣлали бы отказъ отъ предсѣдательства логически неизбѣжнымъ.

Теперь, послѣ бесѣды думскаго эксъ-предсѣдателя съ иностранными и русскими журналистами,—послѣ бесѣды, которая онъ такъ охотно, чисто по-обывательски (правильнѣе, быть можетъ, было бы уже выражаться: чисто по-депутатски), ведетъ въ кулуарахъ,—совершенно ясно, что отказъ г. Хомякова отъ предсѣдательства былъ обусловленъ не какими-либо новыми фактами, а давно наравставшимъ въ немъ настроеніемъ. Не логика своими ясными доводами заставила его сдѣлать этотъ шагъ; онъ сдѣлалъ его, уступивъ достаточно сильному уже, хотя и нѣсколько смутному, чувству—чувству неудовлетворенности.

Если послушать г. Хомякова, то оказывается, что онъ всѣмъ и всѣми недоволенъ: и лѣвыми и правыми, и «правлящимъ большинствомъ» и правительствомъ, и Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ... Это—чувство неудовлетворенности общимъ положеніемъ, и оно давно уже зародилось въ г. Хомяковѣ. Чуть ли не два уже года тому назадъ онъ жаловался, что Думѣ приходится заниматься «законодательною вермишелью»,—въ то время,

какъ страна ждетъ реформъ. Но приходится, ничего не подѣлавъ, надо сбыть съ рукъ законодательныя «залежи»... Однако, и послѣ того, какъ Дума добралась до «реформъ», самочувствіе ея предсѣдателя нисколько не улучшилось. Не далѣе, какъ въ минувшемъ ноябрѣ, въ самый разгаръ «реформаторской» дѣятельности Думы, г. Хомяковъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» отмѣтилъ «главный недочетъ» законодательной работы.

Нѣтъ въ законодательномъ творествѣ—говорилъ онъ—дорогого и цѣннаго духа, которымъ отличалась эпоха Императора Александра II. Тогда законодатель былъ одухотворенъ вѣрою въ плоды своего труда. Теперь этой вѣры не чувствуешь въ Г. Думѣ.

Создаютъ новый законъ о мѣстномъ судѣ. Но мнѣ кажется, что мало кто вѣритъ въ то, что онъ будетъ всесловнымъ, что онъ будетъ выборнымъ, что крестьяне въ немъ будутъ принимать участіе. Такой же духъ царитъ и относительно закона о неприкосновенности личности.

Законодатели мало вѣрятъ въ результаты своей работы *).

«Я ставлю—прибавилъ г. Хомяковъ—только діагнозъ. Причинъ такого явленія я указать не могу»... Но эти причины уже тогда были достаточно живы и съ каждымъ днемъ онѣ становились явнѣе. Даже тѣ реформы, которыя считала необходимыми господская Дума, оказывались «непріемлемыми». Не говоря уже о другихъ факторахъ, въ теченіе послѣдней сессіи вполне выяснилась, между прочимъ, та роль, какую можетъ сыграть въ этомъ случаѣ Государственный Совѣтъ. Последнему не зачѣмъ даже приходить въ столкновеніе съ Думой, достаточно продолжать лишь свою «законодательную забастовку»,—и «въ концѣ концовъ окажется, что Дума послѣ пяти лѣтъ работы не достигла ничего, кромѣ пропуска черезъ законодательные органы безконечной вермишели» **).

Какъ человѣкъ умный и имѣющій къ тому же возможность со своего мѣста многое видѣть, г. Хомяковъ давно, конечно, понималъ, что Дума занимается переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, и что самъ онъ сидитъ въ сущности около пустого мѣста. Но онъ вѣрилъ, видите ли, что этимъ сидѣньемъ сослужитъ большую службу Россіи. «Тотъ фактъ,—говорилъ онъ сотруднику «Биржевыхъ Вѣдомостей»,—что Дума благополучно просуществуетъ пятилѣтіе,—будетъ имѣть огромное значеніе для всей дальнѣйшей русской жизни».

Продолжалъ бы г. Хомяковъ сидѣть и дальше... Но въ томъ-то и дѣло, что надежда сохранить хотя бы пустое мѣсто, съ каждымъ днемъ становилась все меньше. Правые все больше и больше насаждаютъ на Думу, правительство все меньше и меньше съ ней перемонится. Если взять даже г. Столыпина, «отношеніе котораго въ Г. Думѣ было всегда корректнымъ и благожелательнымъ», такъ и

*) «Биржевыя Вѣдомости», 10 ноября.

**) «Новое Время», 9 марта («Бесѣда съ Н. А. Хомяковымъ»).

онъ—о чемъ «нельзя не пожалѣть»—«въ теченіе восьми мѣсяцевъ не считъ возможнымъ появиться въ Думѣ». «По смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, одного изъ крупнѣйшихъ вѣдомствъ, правительство нашло допустимымъ давать Думѣ разъясненія черезъ директора департамента полиціи». Прибавьте къ этому послѣдній фактъ: «въ первый же день обсужденія смѣты министерства народного просвѣщенія, послѣ выступленія г. министра, Г. Думу оставили не только онъ самъ и товарищи, но и всѣ другіе представители вѣдомствъ». Прибавьте, наконецъ, вообще «надменное (чтобы не сказать болѣе рѣзкое слово) поведеніе въ Думѣ гг. Щегловитова и Шварца»... И для васъ ясно станетъ, какъ мало уже оставалось у г. Хомякова надежды, что, просидѣвъ пять лѣтъ у пустаго мѣста, онъ сослужитъ великую службу Россіи. Это мѣсто уже достаточно поросло травой и бурьяномъ. Того и гляди, что надменные (чтобы не сказать болѣе рѣзкое слово) люди распорядятся имъ по своему,—цѣликомъ отведутъ, напримѣръ, подъ пастбище «зубрамъ», обратятъ Государственную Думу въ своего рода Бѣловѣжскую пущу.

Что Дума—пустое мѣсто, это, если теперь и секретъ, то секретъ полишинеля. Помимо того, что г. Хомяковъ объ этомъ проболтался (не даромъ лидеры центра такъ окрысились на него за ноябрьскую бесѣду, на что онъ теперь жалуется), многіе и сами объ этомъ догадались. Да и нельзя было не догадаться: слишкомъ ужъ очевидное дѣло. И если справа все съ большимъ и большимъ азартомъ насѣдаютъ на Думу, то и слѣва все меньше и меньше дорожатъ ею. Даже кадеты не разъ уже заявляли, что они не намѣрены «беречь» ее,—а это вѣдь былъ ихъ лозунгъ, это ихъ былъ планъ дожидаться, пока она «оброснетъ мохомъ», это ихъ была мечта разжиться, сидя на пустомъ базарѣ...

Все труднѣе и труднѣе становится сохранять дѣловой видъ. перекалывая моченныя яблоки.. И въ средѣ октябристовъ это чувствуется,—чувствуется необходимость хоть что нибудь сдѣлать, хоть куда-нибудь двинуться,—иначе вѣра въ то, что они заняты дѣломъ, даже въ ихъ собственной средѣ окончательно будетъ утрачена.

Можетъ быть, г. Хомяковъ и продолжалъ бы сидѣть на своемъ мѣстѣ, благодушно наблюдая, какъ «милые тѣшатся», если бы не это общее чувство неудовлетворенности, если бы не эта пробуждающаяся въ политическомъ организмѣ потребность въ движеніи. Она чувствуется и въ Думѣ, и внѣ Думы. Связалась она и въ думскомъ предсѣдателѣ. Нужно двинуться! Г. Хомяковъ и ушелъ съ предсѣдательскаго мѣста...

II.

«Мы, господа, ждемъ» — заявилъ г. Гучковъ при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, той самой смѣты, разъясненія по которой «правительство нашло допустимымъ давать черезъ директора департамента полиціи». По чьему адресу было направлено и что обозначало это заявленіе, — какъ и всѣ такіа заявленія г. Гучкова, — осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть, оно было направлено по адресу правительства, можетъ быть, было обращено къ публикѣ, можетъ быть — къ своей партіи. Можетъ быть, оно означало нетерпѣніе и даже должно было звучать, какъ угроза; можетъ быть, оно объясняло положеніе, выражало готовность еще посидѣть, должно было быть понято, какъ приглашеніе торопиться...

«Мы ждемъ»... Давно уже октябристы заняты этимъ дѣломъ. Располагившись на «парадномъ крыльцѣ» русской государственности, называемомъ Государственной Думой, занимая на немъ самое видное мѣсто, они все время сохраняютъ позу ожиданія, — имѣютъ такой видъ, что вотъ-вотъ они двинутся и что вотъ-вотъ двери передъ ними откроются. Всѣ усилія ихъ сводились, можно сказать, къ тому, чтобы сохранить и оправдать эту позу.

Время отъ времени октябристы «лѣвѣли», чѣмъ и напоминали о своей готовности при первой возможности двинуться. Порою казалось даже, что и моментъ, подходящий для этого, ими уже облюбованъ. Припомните хотя бы, какъ эффектно началась вторая думская сессія (1908—1909 гг.): въ первый же день былъ внесенъ и немедленно принятъ запросъ о незаконномъ дѣйствіяхъ петербургскаго градоначальника, воспретившаго собраніе неославистамъ. Казалось, что октябристы набрались, наконецъ, рѣшимости и, пользуясь боснійскимъ вопросомъ, сдѣлаютъ хотя бы малюсенькій шагъ на пути, если не къ свободѣ, то хотя бы къ законности только. Большое тогда замѣчалось въ ихъ среды воодушевленіе. Однако, съ тѣхъ поръ и до сего дня ничего объ этомъ слѣшномъ запросѣ не слышно. Все еще ждутъ г-да октябристы...

Припомните и то, какъ торжественно началась нынѣшняя, третья думская сессія. Ей былъ предпосланъ съѣздъ, на которомъ октябристы пообчистили свой либерализмъ отъ налѣвшей на него пыли, и затѣмъ, явившись въ Думу, сразу принялись за «реформы». Ну, ужъ теперь музыка пойдетъ не та... Однако, торжественный маршъ очень скоро перешелъ въ унылую мелодію, — въ мелодію тоскливаго «ожиданія».

Можно было бы напомнить и еще нѣсколько моментовъ, когда октябристы заносили уже ногу, чтобы двинуться, и даже угрожающе поднимали руку противъ «завзавшихся барчуковъ», которые пре-

градили имъ дорогу. О! они войдутъ въ домъ русской государственности, наведутъ въ немъ порядки, сдѣлаются въ немъ хозяевами... Вотъ только двери не открываются.

Но двери непременно откроются передъ ними. Октябрьсты, это—вѣдь правительственная партія, г. Столыпинъ для нихъ—свой человѣкъ, и онъ непременно распахнетъ двери передъ ними, какъ только моментъ окажется подходящій. Какъ только на улицѣ все успокоится, какъ только опасность, что проберутся кадеты и даже ворвутся лѣвые, минуетъ, такъ правительство имъ и скажетъ: пожалуйте!

Откуда взялась эта иллюзія, что октябристы—правительственная партія, трудно даже сказать, но сами они усердно поддерживали ее въ себѣ и другихъ. Иначе вѣдь ихъ поза ожиданія теряла всякій смыслъ. Чего иного они могутъ ждать, какъ не того, что двери передъ ними откроются? На что иное они могутъ рассчитывать, какъ не на то, что правительство само откроетъ ихъ передъ ними? И октябристы усердно все время подчеркивали свою солидарность съ правительствомъ,—другими словами: усердно къ нему подлаживались. И правительство милостиво принимало ихъ «поддержку»: разъ имѣется конституціонная декорація, то нужно, конечно, и большинство, на которое опирается правительство. Само собой понятно, что въ дѣйствительности не октябристы поддерживали правительство, а правительство держало при себѣ октябристовъ. Послѣдніе хороши ужъ тѣмъ, что терпеливы и не требовательны. Либеральны немножко, но это не бѣда: на парадномъ крыльцѣ вѣдь они, а тамъ этотъ либеральный душокъ даже какъ-то соответствуетъ...

Однако сохранять позу ожиданія, въ которую встали октябристы, становилось все труднѣе и труднѣе. Все чаще и чаще приходилось заносить ногу, чтобы засвидѣтельствовать свою готовность двинуться, а вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе и яснѣе становилось, что занесенная нога каждый разъ опускается на прежнее мѣсто...

Съ другой стороны, надежда, что парадныя двери откроются, съ каждымъ днемъ все таяла. Улица давно «успокоена», даже прохожихъ мало: лѣвыхъ совѣтъ почти не видно, да и про кадетовъ никто не рѣшится сказать, что они надѣются сейчасъ куда нибудь пробраться. Двери же по прежнему заперты на-глухо.

Да и зачѣмъ открывать ихъ? Къ источнику власти, — а онъ остается все прежній,—издавна имѣется другой путь: не представительство, а предстательство. Жизнь въ домѣ русской государственности идетъ, какъ и прежде шла, съ задняго крыльца, и надобности открыть парадный ходъ живущіе въ немъ совѣтъ не чувствуютъ.

Ради чего же они его откроютъ? Изъ солидарности правительства съ октябристами? Но и этой иллюзіи, повидимому, пришло время расцвѣтаться. Въ сущности давно уже пора было понять, что

октябризмъ это—маска, которой прикрито, да и то слегка, лишь лицо правительства. Внизу все время и совершенно открыто хозяйничали «истинно-русскіе люди». Теперь же и «лицо» разсмотрѣть не трудно,—все чаще и чаще оно выглядываетъ изъ подъ маски.

Октябристы—правительственная партія... Значитъ ли это, что министерство—октябристское или, по крайней мѣрѣ, солидарное съ октябристами? Но вотъ вамъ г. Коковцовъ, котораго союзники давно уже считаютъ своимъ и, если журать его иногда, то слегка и видимо изъ приличія, хорошо понимая, что министръ финансовъ долженъ явняться съ французами и даже показывать имъ государственныя кладовыя. Вотъ вамъ г. Щегловитовъ, но вѣдь не октябристы при послѣднихъ выступленіяхъ его поддерживали, а гг. Марковъ и Замысловскій, открыто заявившіе, что этого министра они вполне одобряютъ. Вотъ вамъ г. Шварцъ,—и оказывается, что это «учитель и наставникъ» г. Пуришкевича, доселѣ «глубоко-чтимый и глубоколюбимый» послѣднимъ... Правда, имѣется г. Столыпинъ, но онъ вѣдь «въ теченіе восьми мѣсяцевъ не считъ возможнымъ появиться въ Думѣ», и имѣются всѣ основанія думать, что за это время онъ успѣлъ сдѣлаться, по меньшей мѣрѣ, націоналистомъ...

«Мы, господа, ждемъ»... Это г. Гучковъ заявилъ 22 февраля, 3 марта происходитъ инцидентъ съ г. Шварцемъ и послѣ того слѣдуютъ «переговоры по телефону», въ результатъ которыхъ уходя г. Хомякова легко могъ показаться «угодническимъ»,—угодническимъ не передъ г. Столыпинымъ уже, а передъ министромъ, который не напрасно носитъ фамилію «чернаго». Естественно, что октябристская газета должна была такимъ слухомъ возмутиться. Но выступить съ голымъ возмущеніемъ было недостаточно, нужно было такъ или иначе продемонстрировать солидарность правительства именно съ октябристами. И вотъ 5 марта, когда нужно было посвятить передовую статью отставкѣ г. Хомякова, «Голосъ Москвы» печатаетъ вмѣсто нея подъ жирнымъ заголовкомъ «Обращеніе П. А. Столыпина къ гг. губернаторамъ и градоначальникамъ».

Приводимъ въ извлеченіи,—пишетъ редакція подъ этимъ заголовкомъ,—документъ большого общественнаго и государственнаго значенія. Это—циркулярное обращеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ гг. губернаторамъ и градоначальникамъ.

Оно вскрываетъ тѣ стремленія центральной власти, которыя лежатъ въ основѣ внутренней политики.

Документъ датированъ 4 декабря 1909 года.

Этотъ «документъ большого общественнаго и государственнаго значенія» долженъ былъ, повидимому, доказать, что «стремленія центральной власти» близко подходятъ къ октябристскимъ, если не вполне совпадаютъ съ ними: какъ-никакъ г. Столыпинъ борется съ произволомъ. Правда, его «обращеніе» составлено въ

такихъ выраженіяхъ, что неизвѣстно, послужить ли оно къ искорененію произвола, или къ его поощренію. Въмѣсто того, чтобы отдать подъ судъ хотя бы двухъ-трехъ губернаторовъ за ихъ беззаконія, г. Столыпинъ имъ пишетъ:

Всѣ вышеприведенныя, замѣченныя мною неправильности въ изданныхъ гг. губернаторами и градоначальниками обязательныхъ постановленіяхъ и въ нѣкоторыхъ изъ принимавшихся ими за послѣднее время мѣропріятіяхъ объясняются, конечно, тою напряженностью, съ которою приходилось за послѣднее время мѣстной власти бороться съ революціоннымъ движеніемъ и сопровождавшимъ его бандитизмомъ.

И непосредственно вслѣдъ за этимъ прибавляетъ:

Я увѣренъ, что и впредь не замѣчу со стороны гг. начальниковъ губерній и градоначальниковъ ослабленія ихъ дѣятельности и пониженія ихъ бдительности въ дѣлѣ борьбы съ незаконными проявленіями въ мѣстной жизни.

Надлежитъ помнить, что революціонное движеніе подавлено, но не угасло...

Самъ «Голосъ Москвы», комментируя потомъ этотъ документъ, сравнилъ его съ «новымъ учебникомъ для исключительно отстающихъ учениковъ». «Не нужно быть пророкомъ,—писалъ онъ,—чтобы предсказать, что и по этому учебнику они ничему не выучатся. И по очень простой причинѣ: не захотятъ учиться». «Съ явнымъ злоупотребленіемъ властью нельзя бороться секретными циркулярами*)... Но важно уже то, что г. Столыпинъ «стремится»... Подождите, и онъ на глазахъ у всѣхъ «гидръ произвола» отрубитъ голову.

Правда, вмѣстѣ съ намеками на «угодничество» октябристовъ въ связи съ уходомъ г. Хомякова появились слухи о недоброжелательномъ отношеніи къ Думѣ правительства, которое «стало, по словамъ «Новаго Времени», поглядывать на Государственную Думу, какъ на аппаратъ, чуть ли не затрудняющій дѣйствія государственнаго механизма». Были даже «сдѣланы попытки освѣтить предсѣдательскій кризисъ, какъ симптомъ, предвѣщающій роспускъ Думы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ». Но эти слухи были опровергнуты и оффиціозныя сообщенія вернули вопросъ «въ область реальныхъ данныхъ**). Парадный ходъ останется пока не заколоченнымъ, крыльцо сохранится—ждать, стало быть, еще можно.

Но и за всѣмъ тѣмъ ждать въ прежней позѣ послѣ того, что произошло, было трудно, прямо невозможно. Необходимо двинуться... Но какъ? Впрочемъ, одному человѣку довольно далеко пройти можно, и г. Гучковъ рѣшилъ баллотироваться.

— Я пойду, а вы ждите...

Крайніе правые такъ именно и поняли кандидатуру г. Гуч-

*) «Голосъ Москвы», 6 марта.

**) «Голосъ Москвы», 7 марта.

кова. Ихъ лидеръ, г. Вязигинъ, откровенно заявилъ, что «правые будутъ мѣшать кандидатурѣ Гучкова, такъ какъ они считаютъ его большимъ дипломатомъ и поэтому находятъ вреднымъ для себя его право повздокъ въ Царское Село, въ качествѣ председателя Думы».

Впрочемъ, г. Гучкову въ качествѣ председателя предстоитъ и другая миссія, на которой особенно усиленно настаиваетъ «Новое Время». Это—поддержать дѣловой видъ на пустомъ мѣстѣ.

Съѣздивъ послѣ выборовъ въ Царское Село, новый председатель далъ прежній совѣтъ:

— Ждите, перекладывайте свой товаръ... Видите, какъ у васъ много законопроектовъ (г. Гучковъ привелъ при этомъ выдержку изъ думскаго справочнаго листка) и еще прибавятъ. Тѣмъ временемъ, можетъ быть, и «сосчитаемся»...

Съ кѣмъ намѣренъ «сосчитаться» г. Гучковъ, осталось неизвѣстнымъ. Но всѣ почему-то поняли, что съ Государственнымъ Совѣтомъ, и многіе даже пришли по этому случаю въ восхищеніе: какъ будто въ Государственномъ Совѣтѣ и заключаются всѣ «внѣшнія препятствія»... Можетъ быть, г. Гучкова и вѣрно поняли: счетъ съ министерствомъ не входитъ даже въ программу октябристовъ, и это г. Гучковъ оговорилъ въ своей рѣчи. Что касается «зазнавшихся барчуковъ» вообще, то какъ, въ самомъ дѣлѣ, съ ними сосчитаешься, если мѣстопробываніе ихъ въ точности неизвѣстно? Они предпочитаютъ вѣдь жить безъ прописки, благо имѣютъ для этого возможность. Счетомъ съ однимъ Государственнымъ Совѣтомъ, казалось бы, не покрытъ долга передъ страной. Но и за всѣмъ тѣмъ слово «сосчитаться» произвело, по словамъ «Рѣчи», «впечатлѣніе колоссальное»...

Но съ Государственнымъ Совѣтомъ можно сосчитаться, какъ извѣстно, только въ одномъ мѣстѣ, не на «крыльцѣ» во всякомъ случаѣ. И сосчитаться съ нимъ, если только г. Гучковъ имѣлъ въ виду дѣйствительно Совѣтъ, онъ разсчитываетъ, очевидно, единолично.

Предсѣдательство г. Гучкова многіе называютъ «послѣдней картой», «послѣднимъ козыремъ» октябризма. Не знаю, послѣдній ли это козырь, но онъ, несомнѣнно, изъ прежней масти. Если раньше вся надежда основывалась на личныхъ сношеніяхъ г. Гучкова съ г. Столыпинымъ, то теперь всѣ разсчеты будутъ строиться на тѣхъ же личныхъ сношеніяхъ, но только въ другомъ мѣстѣ.

Само собой понятно, что проигрышъ опять несомнѣненъ, и вопросъ можетъ быть только во времени, когда онъ обнаружится. Г. Гучковъ—не Хомяковъ, конечно, не проболтается. Можетъ быть, онъ и дотянетъ до того времени, когда правительство всѣхъ окончательно «успокоитъ» и само успокоится...

До этого же момента и «работоспособный» видъ у Государственной Думы г. Гучковъ, быть можетъ, поддержитъ. Задатки

для этого у него имѣются,—по крайней мѣрѣ, г. Меньшиковъ такъ полагаетъ. «Идололукловодство,—пишетъ онъ по этому поводу,—не существовало бы, если бы идолы не держали себя съ каменнымъ величіемъ» *). Ну, а г. Гучковъ можетъ быть одновременно и идоломъ, и Писемъ. Одни будутъ поклоняться его каменному величію, другіе будутъ разгадывать его слова, которыя неизвѣстно, что означаютъ.

Можетъ быть, время то и пройдетъ... въ ожиданіи.

Можетъ быть... Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ я полагаю, нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ.

III.

Депутаты, въ большинствѣ своемъ, остались очень довольны вступительною рѣчью г. Гучкова.

Остались довольны даже правые: правда, г. Гучковъ назвалъ себя «приверженцемъ конституціонно-монархическаго строя», но въѣдъ «никому нельзя запретить называть себя конституціоналистомъ». Главное же, «отъ слова не станется», тѣмъ болѣе отъ слова, облеченнаго въ такую форму. Г. Гучковъ ясно показалъ своей рѣчью, что онъ остается вѣрнымъ себѣ: личные вопросы, какъ извѣстно, онъ любитъ рѣшать револьверомъ, въ государственныхъ же—довольствуется словесностью.

Остались довольны націоналисты. «Мы вполне, вполне удовлетворены рѣчью Гучкова»,—заявили, напримѣръ, П. Н. Крупенскій и гр. Вл. Бобринскій. Довольныхъ было достаточно много и среди кадетовъ. «Я очень доволенъ рѣчью»,—сказалъ Н. В. Некрасовъ.—Прекрасная рѣчь. Гучковъ знаетъ, чего хочетъ, и въ этомъ его сила». «Безукоризненная рѣчь,—далъ съ своей стороны отзывъ М. С. Аджемовъ.—*Сосчитаемся—это великолѣпно*».

Но едва ли не въ наибольшемъ восхищеніи остался лидеръ социаль-демократовъ—Е. П. Гегечкори, который вступилъ даже по этому поводу въ пререканія съ г. Головинымъ и отзывъ котораго появился во всѣхъ почти газетахъ.

И въ дѣловомъ и въ политическомъ отношеніи—заявилъ г. Гегечкори—рѣчь Гучкова превосходна. Ни одинъ предѣдатель всѣхъ 3-хъ Думъ не сказалъ такой хорошей рѣчи. Помимо того, что Гучковъ установилъ прецедентъ, развѣивъ программу думской работы, рѣчь его конституціонна и корректна. Онъ сказалъ максимумъ того, что могъ сказать національ-либераль, какимъ онъ является. Его обѣщаніе сочтаться, въ случаѣ надобности, съ Государственнымъ Совѣтомъ—равносильно заявленію о борьбѣ за реальную конституцію. Я удовлетворенъ рѣчью Гучкова въ высшей степени *).

*) „Новое Время“, 13 марта.

**) Цитирую въ передачѣ „Рѣчи“ (отъ 13-го марта) такъ же, какъ и вышеприведенные отзывы, кромѣ отзыва крайнихъ правыхъ, который взять изъ „Новаго Времени“.

Можно думать, что у г. Гегечкори послѣ этой рѣчи отлегло отъ сердца и онъ уже не думаетъ, что ему придется еще, быть можетъ, «спожалѣть» о г. Хомяковѣ...

Вообще получается такое впечатлѣніе, что послѣ рѣчи г. Гучкова нѣсколько напряженное настроеніе, какое наблюдалось въ думскихъ кулуарахъ, разсѣялось, и депутаты успокоились, какъ будто убѣдившись, что они по прежнему могутъ заниматься словесностью, по прежнему «тѣшиться»... Чѣмъ иначе можно объяснить это благодушное настроеніе, воцарившееся опять въ кулуарахъ? Мнѣ кажется, однако, что это настроеніе долго продолжаться уже не можетъ... «Совершенно такъ же, какъ наши департаменты во время оно,—пишетъ «Новое Время», характеризуя прошлое,—наши думскія партіи вообразили, что они созданы сами для себя, для преній въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, хотя бы безрезультатныхъ. Имъ казалось совершенно правильнымъ, что.... страна должна терпѣливо ждать и годъ, и другой, и третій и, пожалуй, пѣтый десятокъ лѣтъ» *). Газета надѣется, что впредь этого уже не будетъ, такъ какъ г. Гучковъ объединитъ всѣхъ на реальной политикѣ. Я тоже полагаю, что самочувствіе депутатовъ измѣнится, но только по другой причинѣ. Не «реальная политика» ихъ увлечетъ,—потому что какой же реализмъ въ гучковской словесности?—а скажется въ нихъ достаточно назрѣвшее уже чувство неудовлетворенности, потребность измѣнить положеніе, потребность въ движеніи.

Эта потребность сказалась вѣдь не только въ предсѣдательскомъ кризисѣ, но и—еще замѣтнѣе, можетъ быть,—въ совпавшемъ съ нимъ, а до извѣстной степени оказавшемся и въ связи, «скандалѣ», вызванномъ выходкою Пуришкевича.

Выше, сравнивъ положеніе въ Думѣ съ положеніемъ на пустомъ базарѣ, депутатовъ съ базарными торговками, я упомянулъ объ охальницахъ, способныхъ совершить неприличіе, лишь бы уязвить противника. Иная изъ нихъ такъ во вкусъ этихъ неприличій войдетъ, что въ любой моментъ готова платье на голову завернуть, лишь бы славу свою поддержать, вниманіе на себя обратить, доступный для нея успѣхъ имѣть. Не довольствуясь обычными своими противниками по базарнымъ перебранкамъ, она и мимоидущихъ начнетъ задѣвать; не пощадитъ и школьниковъ,—и всякій разъ постарается довести дѣло до неприличія. Базарные торговцы обыкновенно спокойно и даже благодушно къ этому относятся: все-таки развлеченіе. Иные, конечно, косо поглядываютъ, но не вступаются. Привыкли уже, да и ничего не подѣлаешь: извѣстно, охальница... Бываетъ, однако, что найдетъ минута...

— Да что же это за безобразіе такое! За кого она насъ считаетъ! А дѣтишки-то чѣмъ виноваты?! Долго ли еще мы терпѣть будемъ!?

*) „Новое Время“, 14 марта.

Ктонибудь оди́нъ голосо́въ возвыси́тъ, а пото́мъ и цѣло́й толпо́й вступи́тся...

Ничто подобное, какъ мнѣ кажется, сказало́сь и въ лѣвой части Государственной Думы по отноше́нью къ Пуришкевичу. Давно уже онъ охальничае́тъ, давно уже во́ вку́съ вошелъ, всякого за́дѣтъ стреми́тся,—и всѣ́ уже какъ-то свы́клись съ э́тимъ. Одни г. Пуришкевича́ больнымъ, невѣ́ряемымъ счита́ютъ, хотя́ это бо́лѣе, чѣ́мъ сомни́тельно; другі́е—еще́ того́ хуже́—на́ его́ выходи́тъ, какъ́ на́ развлече́ніе, смотре́ть. Но́ всяко́й вещи́ есть́ предѣ́лъ, оказа́лся́ тако́й предѣ́лъ и безобра́зіямъ г. Пуришкевича́.

Именно́ въ́ Думѣ́, какъ́ мнѣ́ кажется́, онъ́ долженъ́ былъ́ прежде́ всего́ обозна́читься,—и́ не́ то́лько́ пото́му, что́ г. Пуришкеви́чь въ́ ней, гла́внымъ обра́зомъ, лице́дѣ́йствуе́тъ. Депута́ты́ долж́ны́ были́, е́сли́ не́ сообра́зить, то́ почувствова́тъ: вотъ́ мы́ тутъ́ консти́туцію́ выси́живаемъ́, на́пускаемъ́ на́ себя́ ви́дъ, что́ како́е-то́ госуда́рствен-
ное́ дѣ́ло́ дѣ́лаемъ́, а г. Пуришкеви́чь и́же́ съ́ нимъ́ все́ на́гѣ́е стано́вятся, чу́тъ́ не́ каждо́му въ́ лицо́ плюю́тъ, все́ въ́ бо́льшій аза́ръ́ входи́тъ. На́до́ же́ да́тъ́ хоть́ како́й́ нибу́дь отпо́ръ,—вѣ́дь́ это́ же́ вопро́съ́ че́сти, а́ не́ поль́зы́ то́лько...

Кра́йне́ лю́бимы́мъ, что́ это́ чув́ство́ пре́жде́ всего́ у П. Н. Милу́кова́ прорва́лось. Въ́ качествѣ́ политическа́го́ дѣ́ятеля́ онъ́ уже́ доста́точно́ обрисова́лся, и́ едва́ ли́ не́ наиболѣ́е́ характерно́ю́ особенносты́ю́ его́, въ́ качествѣ́ тако́вого, приходи́тся́ счита́ть́ скло́нность́ къ́ сложны́мъ́ плана́мъ, хитроу́мнымъ́ постро́еніямъ. Это́—не́ тактика́ да́же, а́ како́я-то́ стратеги́я, оче́нь́ сло́жная́ и́ нерѣ́дко́ совершенно́ неуда́чная, съ́ «глубо́кими» обо́ходами́ и́ расче́танными́ чу́тъ́ ли́ не́ на́ столѣ́тіе «опера́ціями». Доста́точно́ напо́мнить́ хотя́ бы́ нѣ́которые́ его́ пла́ны. Возьми́те́ хотя́ бы́ тактику́ «отвѣ́тственной оппози́ціи»... Отвѣ́тственная «оппози́ція, оппози́ція́ Его́ Вели́чества́», когда́ нѣ́тъ́ отвѣ́тственна́го́ правите́льства, нѣ́тъ́ парла́мента, нѣ́тъ́ консти́туціи, е́сть́ то́лько́ самоде́ржавіе. Пу́сть́ да́же́ вы́бѣ́тся консти́туція́ на́ бума́гѣ́, какъ́ увѣ́ренъ П. Н. Милу́ковъ, хотя́, по́ моему́ мнѣ́нію, и́ е́я́ нѣ́тъ, но́ онъ́ то́ самъ, надѣ́юсь, предста́вляетъ́ не́ бума́жную, а́ факти́ческую оппози́цію... Припо́мните, да́лѣ́е, его́ пла́нъ́ превра́тить́ бума́жную консти́туцію́ въ́ реальную́ при́ помо́щи́ загра́ничныхъ́ экску́рсій́ и́ засто́льныхъ́ тостовъ. Припо́мните́ его́ «глубо́кій́ обо́ходъ» на́ почвѣ́ неосла́визма,—обо́ходъ́, предпри́нятый́ въ́ компа́ни́ съ́ гр. Вл. Бобри́нскимъ. Да́ прости́тъ́ мнѣ́ П. Н. Милу́ковъ, но́ не́ рѣ́дко́ эти́ глубо́комысленны́е́ стратеги́ческіе́ пла́ны́ приво́дили въ́ лу́жу. Онъ́, какъ́, на́примѣ́ръ, въ́ неосла́вистскомъ́ походѣ́, ино́гда́ во́ время́ спохваты́вался́ и́ неза́мѣ́тно́ сворачива́лъ въ́ сторо́ну, но́ и́ за́ всѣ́мъ́ тѣ́мъ́ намъ́ при́ходило́сь́ его́ ви́дать, не́льзя́ сказа́тъ, что́бы́ въ́ оче́нь́ краси́выхъ́ по́захъ. Доста́точно́ напо́мнить, что́ мы́ ви́дѣ́ли́ его́ апплоди́рующимъ́ г. Столы́пину,—апплоди́рующимъ́ въ́ то́тъ́ самы́й́ моментъ́, когда́ его́́ же́ соратни́къ́ нане́съ́ послѣ́днему́ уда́ръ, едва́ ли́ не́

самый чувствительный... Судьба поставила г. Милюкова на позицию, гдѣ нужны были бы качества Клемансо. «свергателя министровъ», гдѣ такъ нуженъ бываетъ пламенный натискъ, а онъ все время поглощенъ сложными расчетами. Иной разъ такъ хотѣлось бы видѣть въ этомъ лидерѣ оппозиціи, каковымъ его называютъ, больше темперамента, меньше довѣрія къ привходящимъ соображеніямъ и больше довѣрія къ непосредственному чувству. Но получалось такое впечатлѣніе, что въ немъ нѣтъ этого непосредственнаго чувства, которое не рѣдко быстрее и вѣрнѣе находить выходъ изъ труднаго и сложнаго положенія, чѣмъ логика, хотя бы и въ союзѣ съ эрудиціей.

И вотъ это непосредственное чувство въ П. Н. Милюковѣ сказалося,—сказалося въ то самое время, когда у всѣхъ вокругъ оно какъ будто куда-то пропало. Можетъ быть, въ этомъ имѣется своего рода законосообразность. Можетъ быть, у П. Н. Милюкова оно дальше спрятано и меньше поэтому пережитымъ придавлено. Можетъ быть, оно у него теперь болѣе, чѣмъ у другихъ, свѣжо, потому что не такъ интенсивно въ минувшіе годы работало... Такъ или иначе, но онъ проявилъ его, — и вокругъ нашелся откликъ.

Крайне характерно, однако, что между 3-мъ марта, когда начался «скандалъ», и 6-мъ марта, когда онъ завершился исключеніемъ цѣлаго ряда депутатовъ, въ томъ числѣ и г. Милюкова, была, несомнѣнно, сдѣлана попытка вернуться къ тактикѣ «отвѣтственной оппозиціи». Когда предсѣдателемъ было внесено предложеніе исключить г. Гегечкори, назвавшего г. Пуришкевича мерзавцемъ, то г. Головинъ заявилъ, что онъ будетъ голосовать за исключеніе, охраняя престижъ Думы.

Я вполне понимаю,—говорилъ онъ,—то негодованіе, которое овладѣваетъ Думой, когда она слышитъ рѣчи нѣкоторыхъ членовъ Думы, обливающихъ помоями наше юношество. Но я считаю также рѣшительно невозможнымъ употребленіе подобнаго рода выраженій, которыя здѣсь допустили члены Думы Тимошкинъ и Гегечкори.

Г. Головинъ разсуждалъ приблизительно, если не буквально, такъ же, какъ за три дня передъ тѣмъ г. Хомяковъ, который нашелъ негодованіе, вызванное г. Пуришкевичемъ, вполне естественнымъ и сдѣлалъ замѣчаніе г. Милюкову, который это негодованіе выразилъ, признавъ его дѣйствіе постыднымъ. Г. Головинъ предупредилъ, что онъ говоритъ лично за себя, такъ какъ мнѣнія фракціи въ настоящую минуту еще не знаетъ. Но, очевидно, съ нимъ были согласны въ это время почти всѣ члены к.-д. фракціи, повидимому, и г. Милюковъ, голосовавшіе за исключеніе г. Гегечкори. Противъ исключенія голосовали только трудовики, социалъ-демократы и—онять неожиданность—г. Кутлеръ... Когда всталъ послѣдній, то это обратило на себя общее вниманіе.

Выдержать, однако, тактику «отвѣтственной оппозиціи» члены

и-д. партіи оказались не въ состояніи. Подавъ свои голоса за исключеніе Гегечкори, они вслѣдъ за тѣмъ голосовали противъ исключенія г. Булата, дважды и при томъ въ самой демонстративной формѣ повторившаго «недопустимое выраженіе». Голосовали они и противъ дальнѣйшихъ исключеній. «Мало того, — заявилъ г. Миллюковъ, — когда будетъ исчерпанъ тотъ матеріалъ, который предлагаетъ себя къ исключенію сейчасъ, члены фракціи народной свободы, въ свою очередь, предложатъ себя и будутъ смотрѣть, до какихъ предѣловъ Гос. Дума солидарна съ тѣмъ низменнымъ уровнемъ, на который опускаетъ Думу ея президіумъ». И г. Миллюковъ вслѣдъ за тѣмъ былъ дѣйствительно употребленъ въ качествѣ «матеріала для исключеній».

Не только к.-д. измѣнили свою тактику въ теченіе этого за-сѣданія, но и прогрессисты, сначала систематически голосовавшіе за исключеніе и въ концѣ заявившіе, что они будутъ воздерживаться, такъ какъ находятъ «дальнѣйшее спокойное отношеніе невозможнымъ». Очевидно, и они были взволнованы, и въ нихъ заговорило какое-то чувство.

Эта волна, какъ знаютъ читатели, вышла за предѣлы Думы, — на думскій «скандалъ» откликнулись почти всѣ высшія учебныя заведенія. Когда я пишу эти строки, она не дошла еще до своего края. Вѣроятно, она скоро замретъ, но не пройдетъ безслѣдно въ общественной психологіи. Кое гдѣ она встрѣтила отпоръ, породила новыя волны и т. д. Въ общемъ получилось, хотя мелкое и скоропреходящее, но довольно широкое движеніе, всколыхнувшее многочисленныя частички.

Если не ошибаюсь, это первый внѣдумскій откликъ на думскія событія за все время существованія третьей Думы. Едва ли нужно даже говорить, какъ непріятно показалось это «вторженіе улицы», если употребить выраженіе «Голоса Москвы», въ думскую жизнь тѣмъ, которые всѣ свои планы строятъ на «успокоеніи». Мы уже видѣли, какъ возмущенъ «провокаціей Миллюкова» г. Хомяковъ. Нечего и говорить, что октабристы и прамыкающіе къ нимъ органы не только поспѣшили дать мѣсто на своихъ столбцахъ этому возмущенію, но и прибавили еще кое-что отъ себя. Въ самомъ дѣлѣ: такъ это хорошо, если не налажено, то заучено, что за «успокоеніемъ» начнутся «реформы», и вдругъ опять волненія...

Не лишне, однако, будетъ отмѣтить, что этихъ волненій испугался кое-кто и изъ тѣхъ, которые боятся «реформъ», вводимыхъ успокоителями. Такъ испугался ихъ кн. Евгеній Трубецкой. Г. Хомяковъ въ студенческихъ волненіяхъ видитъ результатъ провокаціи Миллюкова, а кн. Трубецкой объясняетъ ихъ провокаціей Пурешкевича. Онъ полагаетъ, что эти волненія *нужны* правительству, — нужны какъ *данныя*, чтобы изобличить профессоровъ-кадетовъ въ «натравливаніи молодежи», а эти *данныя* нужны для того, чтобы ввести новый университетскій уставъ съ приставами и про-

чими престестями. Безъ этихъ данныхъ правительство будто бы на эту мѣру не рѣшится, такъ какъ ему нечѣмъ се мотивировать.

А если этихъ данныхъ нѣтъ,—пишетъ кн. Трубецкой, то ихъ *нужно создать*. Депутатъ Пуришкевичъ уже началъ дѣло и, повидному, не безъ нѣкотораго успѣха. Въ Петербургѣ уже начались сходы: Пуришкевичу выражено презрѣніе, а депутатамъ оппозиціи—сочувствіе. Вліяніе «кадетовъ», такимъ образомъ, начинаетъ обнаруживаться *).

Поэтому, должно быть, профессора-кадеты и притулились, сидятъ смирно, не шелохнутся,—чтобы не давать «данныхъ». «Будемъ думать, — пишетъ и подчеркивается кн. Трубецкой, что *студенты поймутъ* и сохранять спокойствіе».

Я не буду останавливаться на аргументаціи кн. Трубецкого,—не особенно убѣдительной. Отмѣчу лишь смыслъ даваемого имъ совѣта. Молодежи въ лицо плюютъ, а онъ пишетъ: сидите смирно, это—провокація...

Но кн. Трубецкой запоздалъ на этотъ разъ со своимъ совѣтомъ, такъ же какъ и г. Хомяковъ со своимъ возмущеніемъ. Улица «вторглась» въ думскую жизнь, и въ послѣдней это не пройдетъ, вѣроятно, безслѣдно. Выше я говорилъ, что депутаты въ Думѣ только «тѣшатся». Но нельзя ихъ однихъ винить въ этомъ и на нихъ однихъ взыскивать всю отвѣтственность. Не забудемъ, что вокругъ нихъ все время было безлюдье. Вотъ они и сидѣли на «крылечѣхъ», то гуторя, то перебраниваясь. Теперь, когда на улицы почувствовалось какъ будто движеніе, и они, быть можетъ, нѣсколько начинаютъ. Одни изъ нихъ, вѣроятно, еще тѣснѣе прижмутся къ бюрократіи, другіе, можетъ быть, съ нѣкоторою надеждою будутъ поглядывать на улицу. Довольно характерна въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, готовность, проявленная лѣвою частью Думы 6 марта, сдѣлаться «матеріаломъ для исключеній». Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что при дальнѣйшемъ развитіи событій эта пассивная готовность превратится въ активную рѣшимость уйти, оставивъ «ожидающихъ» наединѣ со стерегущими.

Не менѣе характерны разыгравшіяся событія для жизни «улицы». Читатели, знакомые съ моею январьской статьей, конечно, уже поняли, почему я придалъ такое значеніе и такъ внимательно слѣдилъ за проявленіемъ «непосредственного чувства», какъ оно было мною названо въ настоящій разъ. Быть можетъ, это признаки, что «замерзшая честь» и «замерзшая совѣсть» начинаютъ понемногу оттаивать. Самое ужасное въ нашемъ положеніи это—то, что мы сами стали къ судьбѣ своей равнодушны: насъ бьютъ, насъ оскорбляютъ,—и мы въ себѣ не чувствуемъ даже возмущенія. Въ насъ нѣтъ не только «ненависти правой»,—нѣтъ даже простой злобы, хотя бы и рабской, безсильной злобы. Пусть мы трусимъ—но вѣдь и наединѣ наша рука не сжимается въ кулакъ, она какъ будто

*) «Русскія Вѣдомости», 9 марта.

вовсе разучилась это дѣлать. «Плюнь ему въ рожу—у него рука не осмѣлится на оплеуху» *). Мы уже дошли до этого состоянія. Пропала честь... А князья Трубецкіе насъ «университетскими при-
ставами» пугаютъ. Самихъ себя, казалось бы, пора испугаться...

Придавая особое значеніе «непосредственному чувству» въ переживаемое нами время и отмѣчая его проявленія, я вѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ наблюдателя общественной жизни, ясно, конечно, вижу, съ какимъ трудомъ пробивается въ людяхъ это чувство, какъ слабо оно еще дѣйствуетъ и какъ быстро исчезаетъ, легко уступаая мѣсто всякимъ хитроумнымъ расчетамъ.

Я уже отмѣтилъ, какъ г. Милюковъ и члены к. д. фракціи увлеклись соображеніями о престижѣ Думы и едва не заглушили въ себѣ прорвавшіеся негодованія. Другіе, быть можетъ, нѣсколько искусственно въ себѣ его раздували. По крайней мѣрѣ, читая думскій отчетъ, я чувствовалъ нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрныя ноты, и нѣкоторыя позы мнѣ показались не совсѣмъ естественными. Можетъ быть, я въ данныхъ случаяхъ и ошибаюсь.

Но на «улицѣ» это, несомнѣнно, было замѣтно. Студенческое движеніе въ общемъ оказалось, хотя и широкимъ, но довольно вялымъ, и въ довольно несжиданное оно отлилось русло. Презрѣніе Пуришкевичу, сочувствіе Милюкову (или вообще оппозиціи)—такова оказалась, кратко выражаясь, его формула.

Мы презираемъ Пуришкевича... Позвольте господа! но вѣдь этотъ самый Пуришкевичъ васъ безнаказанно оскорбляетъ и не черезчуръ ли это высокомеріе — на плевокъ отвѣчать презрѣніемъ—мало соответствуетъ вашему положенію? Онъ надъ вами хозяйничаетъ, онъ у васъ—напримѣръ, въ Горномъ Институтѣ—порядокъ наводитъ, а вы, безсильные, его обезвредить, прибѣгаете къ презрѣнію...

Или вы считаете его ненормальнымъ или слишкомъ ничтожнымъ, чтобы съ нимъ считаться? Но почему же въ такомъ случаѣ ваше негодованіе не обратится противъ тѣхъ, которые этому ненормальному человѣку позволяютъ разгуливать по улицѣ и даже поопрягать его въ безобразія? Если вы думаете, что Пуришкевичемъ, какъ таковымъ, заниматься не стоитъ, то вамъ нужно обратиться лицомъ въ сторону его покровителей, а не въ сторону думской оппозиціи.

Вы презираете г. Пуришкевича и считаете ниже своего достоинства отвѣчать на его выходки. Но за что же въ такомъ случаѣ вы благодарите г. Милюкова? Сами отвѣчать на оскорбленіе вы считаете ненужнымъ, а тому, кто за васъ отвѣтилъ, устраиваете оваціи. Гдѣ же тутъ логика? Не проще ли сказать, что сами вы не чувствуете силы, чтобы отвѣтить по настоящему, и рады, что за васъ кто-то другой хотя какъ-нибудь догадался отвѣтить?

*) Гл. Нв. Успенскій. «Заячья совѣсть».

Припоминается мѣс 1899 годъ. Послѣ университетскаго акта студентовъ избили нагайками, и г. Суворинъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» статью, въ которой напалъ на студенчество, отвѣтившее на избиеніе забастовкой. Печать была тогда настолько придавлена, что отвѣтить г. Суворину и то въ самой осторожной формѣ сумѣлъ только К. К. Арсеньевъ. Комбинація получилась приблизительно та же, что и теперь: главный виновникъ, его пособникъ и хотя слабый, но все-таки ихъ противникъ.

Общественная совѣсть была возмущена избиеніемъ молодежи, но—странное, на первый взглядъ, явленіе,—общественное негодованіе оказалось направленнымъ не противъ главнаго виновника, а противъ его пособника, противъ г. Суворина. Это, конечно, понятно: достаточной силы въ обществѣ не было, и оно двинулось по линіи наименьшаго сопротивленія. Можетъ быть, если бы силы было еще меньше, общество не пошло бы дальше скромно выраженныхъ благодарностей г. Арсеньеву. Но „презрѣніемъ“ къ г. Суворину оно тогда не прикрылось. Позднѣе, когда мы стояли лицомъ къ лицу съ главнымъ врагомъ, г. Суворина мы дѣйствительно презирали, относились къ нему съ пренебреженіемъ,—и это было естественно. Но въ 1899 году это было бы несомнѣнною фальшью. Прибавлю, что сама молодежь тогда двинулась противъ главнаго виновника... А теперь она устраиваетъ оваціи г. Милюкову.

Въ движеніи, какое обнаружилось на «улицѣ», на мой взглядъ, не было полной искренности, естественности. Характерно, что «охранка» ожидала, повидимому, нѣсколько иного направленія движенія и нѣсколько болѣе сильныхъ проявленій вызваннаго г. Пуришкевичемъ чувства негодованія, по крайней мѣрѣ, со стороны отдѣльных лицъ.

Послѣ извѣстной рѣчи г. Пуришкевича въ Государственной Думѣ—сообщаютъ «Русскія Вѣдомости»—въ квартиру его на Шпалерной, была откомандирована охрана изъ 5-ти агентовъ охраннаго отдѣленія въ виду полученныхъ имъ угрожающихъ писемъ. Теперь квартира бессарабскаго депутата, отбывающаго домашній арестъ за оскорбленіе г-жи Филосовой, охраняется усиленнымъ нарядомъ чиновъ наружной полиціи. Всего на лѣстницѣ и на дворѣ дома, считая смѣны, дежурить 27 человекъ *).

Повидимому, и приговоръ надъ г. Пуришкевичемъ былъ приведенъ въ исполненіе именно въ данный моментъ,—не случайно: не столько ради наказанія его, сколько ради охраны...

Можетъ быть, склонность къ болѣе сильнымъ проявленіямъ въ нѣдрахъ общества и была, но, во всякомъ случаѣ, она не обнаружилась. Движеніе не только въ общемъ оказалось довольно вялымъ,—не было и экссессовъ, и съ интересующей насъ точки зрѣнія этого нельзя не считать характернымъ.

*) «Русскія Вѣдомости», 14 марта.

За послѣднее время можно было бы отмѣтить уже не мало фактовъ, дающихъ право думать, что оглушенная реакціей страна какъ будто начинаетъ выходить изъ обморочнаго состоянія. То тамъ, то здѣсь появляются признаки политической жизни: возрождается интересъ къ политическимъ вопросамъ, возстанавливается способность реагировать на политическія событія, пробуждается потребность въ политическихъ дѣйствіяхъ. Но эти признаки появляются пока лишь спорадически, наблюдаются лишь мѣстами и очень еще слабы: сознаніе, видимо, не вполне ясно, чувства не достаточно интенсивны, движенія какъ то вялы и не всегда цѣлесообразны.

Къ числу такихъ, слабыхъ пока, признаковъ пробужденія можно, какъ мнѣ кажется, отнести и нѣкоторые изъ отмѣченныхъ въ настоящей статьѣ фактовъ. Возможно и даже вѣроятно, что эти признаки скоро исчезнутъ и опять все какъ бы замретъ. Но потому что они, какъ я думаю, опять обнаружатся, — и чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ сказываться сильнѣе, пока политическая жизнь не пойдетъ полнымъ темпомъ.

Пока же это только предвѣстники ея возрожденія, — въ качествѣ таковыхъ я и считалъ ихъ своимъ долгомъ отмѣтить.

А. Пѣшихоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. С. Гринъ. Разказы. Томъ первый. Издательство „Земля“. Спб. 1910. Стр. 264, Ц. 1 р.

Нынѣшняго читателя трудно чѣмъ-нибудь удивить; и оттого онъ, пожалуй, и не удивится, когда, прочитавъ въ журналѣ такіе разказы г. Грина какъ «Островъ Рено» или «Колонія Ланфіеръ», узнаетъ, что это не переводы, а оригинальныя произведенія русскаго писателя. Что жъ, — если другіе стилизуютъ подъ Боккачіо или подъ XVIII вѣкъ, то почему Грину не поддѣлывать Бретъ-Гарта. Но это поверхностное впечатлѣніе; у Грина это не поддѣлка и не внѣшняя стилизація: это свое. Свое потому, что эти разказы изъ жизни странныхъ людей въ далекихъ странахъ нужны самому автору; въ нихъ чувствуется какая то органическая необходимость — и они тѣсно связаны съ разказами того же Грина изъ русской современности, и здѣсь онъ — тотъ же. Чужіе люди ему свои, далекія страны ему близки, потому что это люди, потому что всѣ страны — наша земля: tutto il mondo e paese, какъ говорятъ

Марть. Отдѣлъ II.

итальянцы: весь міръ—родина. Поэтому Бретъ-Гартъ или Кля-лингъ, или По, которые и въ самомъ дѣлѣ дали многое разсказамъ Грина,—только оболочка. Просто въ этой, конечно, абстрактной формѣ ему легче найти — то есть высказать — то, чего онъ ищетъ. Съ виду онъ бытовикъ, за бытовыми красками гонится съ настойчивостью, которая подчасъ слишкомъ замѣтна. Лѣзутъ въ глаза не столько самые эти термины морского дѣла и подробности экзотическаго быта, эти лиселя и штурвалы, эти дуріанги и араукаріи, сколько та явная преднамѣренность, съ которой ихъ ищетъ авторъ. Но этимъ онъ только отбѣиваетъ, что быть для него весьма второстепенное дѣло; слишкомъ очевидно, что бытовая точность нужна ему исключительно для убѣдительности, для оправданія его психологической фантастики. Мы бы не такъ легко повѣрили разсказу о томъ, что произошло на островѣ Рено. Съ шлюпки военного корабля, ушедшей за водой на островъ гдѣ то въ южномъ полушаріи, бѣжалъ матросъ Тартъ. Почему бѣжалъ, почему не хочетъ вернуться, когда встрѣтившій его товарищъ убѣждаетъ его вернуться, почему Тартъ жизнь отдаетъ за эту свободу на необитаемомъ островѣ, — никто не понимаетъ, не знаетъ до конца и самъ Тартъ. Превосходный тропическій пейзажъ, втягивающій насъ въ свой безумный пьянительный міръ, говоритъ, что это могло быть; мы понимаемъ душу Тарта, понимаемъ, какъ затянула его новая жизнь, непредѣльная, неподвижная и стремительная; нужны еще черточки; надо, чтобы мы увѣрились, что это не только могло быть, но и было: и конкретныя бытовые детали—подтяжки капитана, брань матроса, названіе городка на далекой родинѣ—переносятъ разсказанное изъ міра фантастики въ міръ дѣйствительности.

Новой жизни ищетъ Тартъ. Всѣ герои Грина ищутъ ея, всѣ жадны къ жизни и всѣ кончаютъ гибелью; иногда это простое самоубійство — какъ въ мало удачномъ «Раѣ», — но чаще это самоубійство, прикрытое безнадежной борьбой. «Лицо маленькой твари, сожженное безплодной мечтой о силѣ и красотѣ» — это въ сущности лицо каждаго изъ героевъ Грина. Нѣтъ нигдѣ той жизни, которая властвуетъ надъ нами въ нашихъ мечтахъ; можно только умереть въ порывѣ къ ней—и это есть что то вроде ея обрѣтенія. «Тотъ хрустальный городъ, гдѣ жили бы въ будущемъ, обнесенъ высокими молчаливыми стѣнами. Мнѣ не переступить ихъ, говорить неизвѣстная женщина, убивающая себя:—Чего хочу я? Какой то сжигающей, вѣчной радости, свѣта отъ розы-солнца, которой нигдѣ нѣтъ и не будетъ. Передъ ней меркнетъ все, и я стою въ темнотѣ, гордая своимъ желаніемъ. Я умру, зная, что не переставала хотѣть». И пугаются ли въ послѣдній моментъ неизбежной гибели герои Грина, какъ революціонеры «Третьяго этажа», или, какъ Горнъ, видятъ въ спасеніи лишь «пустое, страшно утомительное дѣло»,—важно, что только съ роковыми вопросами жизни

они могутъ связать свою напряженную жизнь. Гринъ по преимуществу поэтъ напряженной жизни. И тѣ, которые живутъ такъ себѣ, изо дня въ день, проходятъ у Грина пестрой вереницей печальныхъ ничтожествъ, почти карикатуръ. Онъ хочетъ говорить только о важномъ, о главномъ, о роковомъ: и не въ быту, а въ душѣ человѣческой. И оттого, какъ ни много льется крови въ разсказахъ Грина, она незамѣтна, она не герой его произведений, какъ въ безконечномъ множествѣ русскихъ разсказовъ послѣднихъ лѣтъ; она—только необходимая, необходимая подробность, и даже въ томъ разсказѣ, гдѣ изображена гибель трехъ русскихъ боевиковъ, отстрѣливающихся въ квартирѣ отъ войскъ, читатель забываетъ, что это недавнія событія, что это современная тема: онъ видитъ обнаженные человѣческія души и не связываетъ ихъ съ исторіей. Не объ ихъ смерти онъ думаетъ, а о жизни. Это хороший результатъ, и къ нему приводитъ каждый разсказъ Грина.

Д. Мережковскій. Большая Россія. Изд. „Общественная Польза“. Спб. 1910. Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к.

«У меня, должно быть, лихорадка. Не удивляйтесь же, что слова мои будутъ похожи на бредъ. Кто нынче не бредитъ? Вы къ этому привыкли. И если все чаще слова здравомыслящихъ напоминаютъ бредъ, то, можетъ быть, въ бреду окажется крупица смысла»...

Такъ начинается новый публицистическій сборникъ г. Мережковского. Онъ знаетъ слабую сторону своей мысли и хочетъ предупредить самый естественный, самый неизбежный изъ упрековъ. Но напрасно: на эту удочку не попадется никто изъ читателей даже изъ тѣхъ, кому многое будетъ по сердцу въ новой книгѣ г. Мережковского. Ихъ будетъ, вѣрно, не мало, не потому только, что публицистика г. Мережковского теперь нашла своего читателя но и потому, что въ новой книгѣ его, въ самомъ дѣлѣ, есть кой-что нужное. Но вотъ что важно: все, что въ ней хорошо, не отъ бреда, а отъ здраваго смысла. Бреда вообще въ ней нѣтъ, и если г. Мережковскій къ чему-нибудь рѣшительно неспособенъ, то это именно къ бреду. Онъ очень здоровый, очень нормальный писатель а если слова его, въ самомъ дѣлѣ, иногда «напоминаютъ бредъ», то это не отъ душевнаго нездоровья и даже не отъ экстаза. «Надъ всѣми нами свиститъ и воетъ ураганъ безумья—кто головой выше, надъ тѣмъ страшнѣе; былинки гнетъ, дубы выворачиваетъ съ корнемъ. Такіе разные, но одинаково современные люди, какъ Мопассанъ и Гаршинъ, Ницше и Глѣбъ Успенскій, одинаково сходятъ съ ума. И Достоевскій скользилъ по краю той же пропасти. Л. Толстой, это воплощенное душевное здоровье, нѣкогда пряталъ отъ себя ружье, чтобы не застрѣлиться, веревку, чтобы не повѣситься... Кажется иногда, что въ настоящее время абсолютное душевное здоровье—абсолютная пошлость». Здѣсь г. Мережковскій спохва-

тился—онъ вѣдь знаетъ, что самъ неповиненъ ни въ безуміи, ни въ простомъ бредѣ. И потому онъ продолжаетъ: «Это, конечно, не такъ. Если путь къ религіи—черезъ безуміе, то сама она—высшій разумъ; если путь къ религіи—черезъ болѣзнь, то сама она—высшее здоровье. Истинно религіозными людьми могутъ быть только безконечно разумные, безконечно здоровые». Этимъ здоровьемъ можетъ похвастать г. Мережковскій, и потому напрасно онъ говоритъ о своемъ бредѣ. Не здоровья не хватаетъ ему, чтобы быть «истинно религіознымъ»; не хватаетъ другого, и эта нехватка такъ замѣтна, такъ лѣзетъ въ глаза, что объ «истинной религіозности» г. Мережковского можемъ судить и мы, этой благодати не сподобившіеся. Ибо если истинная религіозность предполагаетъ безконечный разумъ, то не только безконечный, но и конечный человѣческій разумъ предполагаетъ разныя вещи, довольно элементарныя, о наличии которыхъ доступно сужденіе и намъ, грѣшнымъ.

Если истинная религіозность требуетъ безконечнаго разума, то это потому, что она есть религія истины. Безъ всепоглощающей жажды истины обрѣтенной, но вѣчно искомой, немыслима истинная религіозность. И никто не назоветъ истинной ту религіозность, которая, отстаивая себя, идетъ по путямъ, ведущимъ отъ истины. И эти кривые пути—не ложь; это хуже: это неуваженіе къ истинѣ, это неряшливость мысли.

«Первые изобрѣтатели аэроплановъ, американцы, братья Вильбургъ и Орвиль Райтъ—сыновья пуританскаго епископа въ городѣ Дайтонъ въ штатѣ Огіо—потомки тѣхъ англійскихъ пуританъ, которые завоевали Новый Свѣтъ. Вѣрные преданію отцовъ своихъ, въ воскресенье, день Господень, ни за что не полетятъ братья Райтъ: въ этотъ день молятся они, чтобы Господь благословилъ ихъ святой смиренный трудъ, святое смиренное восхожденіе».

Это нужно г. Мережковскому, чтобы связать свободу Запада съ его религіей. «Предѣлъ восхожденія, освобожденія—полетъ. Западная культура только потому и могла достигнуть этого предѣла, что Господь явился ей не въ «рабѣмъ зракѣ», а какъ Освободитель народовъ, Царь царей, грядущій на облакахъ со славою и силою многю. Такимъ являлся Онъ благочестивымъ и вольнолюбивымъ воинамъ Кромвеля; такимъ и донинѣ является ихъ правнукамъ. Вотъ что для насъ, русскихъ, невообразимо. Мы уже не вѣримъ свидѣтельству св. Ипполита о томъ, что «Антихристъ на небеса возлетитъ»; но мы всосали это съ молокомъ матери; это у насъ въ крови, даже у самыхъ невѣрующихъ».

Мало словъ,—а между тѣмъ какая груда произвола, противорѣчій, безсодержательныхъ утвержденій. Братья Райты, конечно, не первые изобрѣтатели аэроплановъ, и г. Мережковскій это знаетъ; въ любомъ очеркѣ исторіи авіатики онъ могъ прочесть, что Райты лишь звено въ долгомъ развитіи, и не самое главное. Наоборотъ, объ ихъ религіозности онъ ничего не знаетъ; они ходятъ по во-

скресеньямъ въ церковь, но вся респектабельная Англія, старая и новая, дѣлаетъ это, и что здѣсь *cant* и что истинная религіозность, никому неизвѣстно. Совершенно ясно, что если бы г. Мережковскій былъ въ другой стадіи своего стремительнаго развитія и свята была бы Россія и нечистъ Западъ, то оказалось бы, что первый летѣлъ графъ Ламберъ, русскій, или что святость есть земля, а полетъ грѣхъ или что «предѣлъ освобожденія» не аэропланъ, а беспроволочный телеграфъ, изобрѣтенный Поповымъ, и такъ далѣе безъ конца, ибо сочинять такіе дешевые, легкіе, ничтожные доводы можетъ всякій, у кого нѣтъ сдержки въ уваженіи къ истинѣ, въ религіозномъ отношеніи къ ней. И такими эпизодами полна книга г. Мережковского. Уже кто-то писалъ о необычайной легкости въ мысляхъ, съ которой онъ стихъ Пушкина «Россію вздернулъ на дыбы»—черезъ *дыбу*, на которую вздернуть былъ царевичъ Алексѣй—связываетъ съ утвержденіемъ, что «Петербургъ—вѣчная дыба». Вотъ бѣжить дерзкій вопрошатель отъ «Мѣднаго Всадника»

Какъ будто грома грохотанье
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Слѣдуютъ комментаріи: «Бѣжимъ, какъ мыши отъ кота. Но сначала котъ ловить мышей, а потомъ мыши кота хоронятъ. «Мыши кота хоронятъ», лубочная картинка на кончину Петра I, а можетъ быть, и на конецъ «всего петербургскаго періода русской исторіи». Бредъ ли это? Не наоборотъ ли? Когда японскій искусникъ, выбѣжавъ на сцену, вдругъ бросаетъ вверхъ одну за другой всѣ окружающія его вещи, столъ непохожія другъ на друга, раскрытый зонтикъ, стулъ, очки, акваріумъ съ рыбками, туфлю, коврикъ, намъ кажется, что это безумный; но когда съ непостижимой ловкостью черезъ мгновеніе онъ ловитъ всѣ эти вещи, и вотъ онъ уже мирно водворены на свои мѣста, мы знаемъ, что это только жонглеръ. Г. Мережковскій не такъ ловокъ, и подчасъ хрупкіе предметы летятъ мимо его рукъ и разбиваются на глазахъ зрителя. А жаль, потому что среди этихъ предметовъ есть цѣнные. Многое изъ того, что отстаиваетъ г. Мережковскій, въ самомъ дѣлѣ, достойно защиты; многое изъ того, что онъ обличаетъ, въ самомъ дѣлѣ, ненавистно и гнусно. И защита, и обличеніе часто удаются ему, часто ярки и эффектны и убѣдительны. Но вотъ одна такая мелочь, одна натяжка, и обаяніе убѣдительности рухнуло. Искусственныя сопоставленія становятся тягостны; и пошлостью несетъ отъ этихъ натянутыхъ сближеній, отъ искусственныхъ симметрій. «Смерть Россіи — жизнь Петербурга»; «у другихъ народовъ реакція—отъ революціи; у насъ революція или то, что кажется ею, отъ реакціи»; императрица Елизавета Алексѣевна—«для однихъ Евменида, а для другихъ Психея»; «сладко—гадко. Упоительно—отвратительно» «пѣснь торжествующей любви—пѣснь торжествующей свиньи»;

«всякій догматъ былъ откровеніемъ; всякое откровеніе будетъ догматомъ»; «всякая государственность—застывшая революція; всякая революція—расплавленная государственность». Само навязывается уже кѣмъ-то сдѣланное сравненіе этихъ антитезъ съ тѣми симметричными рисунками, которыя дѣти дѣлаютъ изъ чернильных кляксъ, сдавленныхъ на перегнутомъ пополамъ листѣ бумаги. Когда-то этимъ занимались и взрослые; модное развлеченіе называлось въ салонахъ «кляксографія», и извѣстный нѣмецкій поэтъ написалъ четверостишіе:

Aus Tintenkleksen ganz gering
Entstand ein schöner Schmetterling.
Zu solcher Wandlung ich empfehle,
Gott, meine fleckenvolle Seele.

Изъ чернильных кляксъ возникла прелестная бабочка; такого же преображенія, Господи, я прошу для моей запятнанной души. Вотъ такъ и г. Мережковский: занимается кляксографіей, а ждетъ отъ нея спасенія души. Литераторомъ онъ былъ, литераторомъ онъ останется; и чѣмъ чаще онъ говоритъ въ своей книгѣ о пророчествахъ, тѣмъ яснѣе, какъ далеко пророчество отъ словесности.

Вильямъ Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта.—Переводъ съ англійскаго подъ редакціей С. В. Лурье.—Изданіе журнала „Русская Мысль“. М. 1910. (XV+518 стр.) ц. 2 р. 50 к.

В. Джемсъ подходитъ къ явленіямъ религіозной жизни «исключительно съ біологической точки зрѣнія,—такъ, какъ если бы они были только любопытными фактами индивидуальной исторіи личности» (стр. 4). Матеріаломъ для такого изслѣдованія служатъ ему главнымъ образомъ показанія лицъ, переживавшихъ религіозныя состоянія (ихъ письма, мемуары и т. под.). Устанавливая свое отношеніе къ религіознымъ переживаніямъ, Джемсъ предупреждаетъ, что для него сужденіе о происхожденіи ихъ и развитіи отнюдь не совпадаетъ съ сужденіемъ объ относительной ихъ цѣнности. Такъ, изъ того, что въ отдѣльных случаяхъ религіозность бываетъ клиническимъ эквивалентомъ какой-либо патологической склонности (напр., половой психопатіи), вовсе не вытекаетъ отрицательнаго отношенія къ самой религіозности, ни вообще, ни въ данномъ случаѣ. Вѣдь всѣ и нерелигіозныя и религіозныя факты «обусловлены состояніемъ организма» (стр. 11). Можно признать даже тенденцію къ совпаденію физической и нервной неуравновѣшенности съ религіозностью и поставить поэтому вопросъ, «не лежитъ ли въ психической неуравновѣшенности корень той эмоціональной воспримчивости, которая составляетъ необходимое условіе нравственной чуткости?» (21).

Слѣдуя за Дж. Эдвардсомъ, для котораго «степень духовности и божественности нашего опыта указывается степенью его жизнен-

ной плодотворности», Джемсъ примѣняетъ къ явленіямъ религіозной жизни «прагматическій» методъ изслѣдованія. Онъ очень ярко иллюстрируетъ на собранномъ имъ матеріалѣ плодотворность религіозныхъ переживаній для тѣхъ, кто ихъ испытываетъ: радостное самоуглубленіе религіи «душевнаго здоровья», тихую резиньацію «страждующихъ душъ», воссоединеніе раздвоенной личности въ религіозномъ порывѣ, мгновенное просвѣтленіе души «обращеннаго», подготовленное въ области подсознательныхъ переживаній, творчество высшей нравственной природы въ самоудовлетворенной «святости», раскрытіе тайнъ души и космоса въ формѣ мистическаго «откровенія» и т. д. Для него религія это—всѣ переживанія чловѣка, въ которыхъ «онъ ощущаетъ себя причастнымъ къ высшей правдѣ» (30), религіозная жизнь это — «вѣра въ существованіе невидимаго порядка вещей и въ то, что наше высшее благо состоитъ въ гармоническомъ приспособленіи къ нему нашего существа» (40). Нельзя не согласиться съ Джемсомъ, что «для тѣхъ, кто испытываетъ эти чувства, они убѣдительны въ той же степени, какъ и непосредственный чувственный опытъ» (64). Но, расширяя понятіе «опыта» простымъ присоединеніемъ слова «религіозный», онъ почти не останавливается на вопросѣ, на сколько согласуется этотъ «религіозный опытъ» съ тѣмъ чувственнымъ опытомъ, который испытывается «непосредственно». А это приводитъ къ противорѣчіямъ. Такъ, напр., если «не-мистики вовсе не обязаны признавать мистическія состоянія высшимъ авторитетомъ для себя» (416), то какую цѣнность представляетъ идущее рядомъ утвержденіе Джемса, что «мистическій опытъ подрываетъ авторитетность немистическаго или рационалистическаго сознанія, основаннаго только на разсудкѣ и чувствахъ» (412)? Если «подрываетъ» съ точки зрѣнія вѣрующихъ въ мистическій опытъ, то кто же не знаетъ, что вѣрующіе люди это—тѣ, которые вѣрують?

Въ концѣ книги Джемсъ, опредѣляя точнѣе свой прагматическій критерій, говоритъ: «значеніе и цѣнность религіи будетъ для насъ опредѣляться полезностью ея для того чловѣка, который ее исповѣдуетъ, и полезностью этого чловѣка для всего остальнаго міра» (447). Очевидно, Джемсъ не сомнѣвается, что анализъ религіозныхъ переживаній по обоимъ этимъ признакамъ приводитъ къ положительнымъ результатамъ. Однако, оглядываясь назадъ по объемистой книгѣ нашего автора, мы не находимъ поучительнаго анализа съ точки зрѣнія второго требованія прагматическаго критерія. Если же мѣстами Джемсъ затрагиваетъ эту немаловажную сторону дѣла, то скорѣе выясняется какъ бы обратное отношеніе между религіозною «полезностью для всего остальнаго міра» и «для себя». «Прошедшіе черезъ обращеніе люди ничѣмъ не отличаются отъ другихъ; даже, наоборотъ,—многіе необращенные стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше обращенныхъ» (225). Или: «когда свободные мыслители ставятъ намъ на видъ, что религія и не-

терпимость—близнецы, мы не можем не признать въ этомъ доли истины» (333). Монашескій аскетизмъ часто вырождается въ «ожесточенный эгоизмъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, задавшихся цѣлью достигнуть личнаго совершенства» (335). Разумѣется, количество такихъ примѣровъ возрасло бы, если бы Джемсъ широко примѣняли второе требованіе прагматическаго метода.

Съ другой стороны, когда мы слышимъ, что «плоды святости могутъ быть лишены всякой цѣны, если на нихъ лежитъ печать убогости интеллектуальнаго развитія» (335), когда мы узнаемъ, что для св. Терезы «представленія о религіи сводились къ безконечному любовному флирту между поклонникомъ и его божествомъ» (337), или для нѣкогого Дж. Мюллера «Богъ являлся... компаніономъ по работѣ» (459), для англійскаго матроса Роб. Лайда—сообщникомъ въ грабежѣ и разбоѣ (460), а для англиканской церкви XVIII ст. «Богомъ, заботящимся даже о неподложности подписей на банковскихъ чекахъ и завѣщаніяхъ» (482), то невольно возникаетъ вопросъ, не подрываетъ ли такое «многообразіе религіознаго опыта» и тѣхъ положительныхъ выводовъ, которые сдѣланы по первому признаку прагматическаго критерія.

Можетъ быть, объективная убѣдительность религіознаго опыта опирается на тѣ переплетающіяся съ изложеніемъ психологическія и религіозно-философскія соображенія, которыя резюмированы въ концѣ книги? Психологическій анализъ приводитъ Джемса къ тому выводу, что въ религіозныхъ переживаніяхъ вообще господствуютъ подсознательныя душевныя движенія: это обнаруживается на самыхъ разнообразныхъ фактахъ религіи «душевнаго здоровья», «обращенныхъ», «святыхъ», мистиковъ и т. д. Такъ, напр., при наличности «повышенной эмоціональной чувствительности, склонности къ автоматизму и пассивной восприимчивости» можно «безошибочно предсказать... мгновенное обращеніе ошеломляющаго типа» (229). Джемсъ заявляетъ: «Замѣьте, что я не утверждаю, что такъ и должно быть, чтобы въ царствѣ религіи господствовало подсознательное и ирраціональное. Я ограничиваюсь только указаніемъ на этотъ фактъ» (66). Но, въ концѣ концовъ, онъ именно въ «подсознательномъ я» находитъ «необходимый намъ терминъ, посредствующій между наукой и религіей» (501), именно на подсознательномъ и строитъ свою религіозно-философскую «гипотезу». «Если существуютъ высшія силы, способныя имѣть на насъ вліяніе, то онѣ могутъ имѣть доступъ къ нашей душѣ только черезъ дверь сублиминальной жизни» (230—31). Эта условная формула въ концѣ книги пріобрѣтаетъ болѣе рѣшительный характеръ, нисколько не выигрывая въ логической состоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, — «однимъ изъ свойствъ подсознательной жизни, — вторгающейся въ область сознательнаго, — говоритъ Джемсъ, — является ея способность казаться чѣмъ-то объективнымъ, и внушать человѣку представленіе о себѣ, какъ о внѣшней силѣ» (502). Казалось бы, на этомъ по-

положеніи трудно обосновать какую-либо объективную реальность. А между тѣмъ у Джемса тутъ же стоитъ рядомъ: «чувство общенія съ потусторонней силой содержаніемъ своимъ имѣетъ не нѣчто кажущееся, а дѣйствительно существующее» (502). Это положеніе нисколько не выигрываетъ даже отъ той двусмысленной формы, въ которую оно облечено. Если «дѣйствительно-существующее» принять за таковое въ той мѣрѣ, въ какой оно чисто-субъективно, то мы снова имѣемъ дѣло съ вѣрой вѣрующихъ, если же увидѣть въ немъ объективную значимость, то на чемъ она обоснована? Отъ апелляции къ «подсознательному»,—этой тѣмѣ, въ которой всѣ кошки съры, не выигрываютъ, слѣдовательно, ни наука, ни религія.

Ничѣмъ не доказываетъ Джемсъ и утвержденія, что въ подсознательной жизни таятся «высшія свойства тайниковъ нашего духа» (502). Здѣсь, можетъ быть, оказался бы полезнымъ анализъ религіозныхъ переживаній по объективной половинѣ прагматическаго критерія.

Религіозно-философскія соображенія Джемса резюмируются въ такомъ видѣ: «Логически вполне допустимо, что, подобно тому, какъ міръ матеріальныхъ вещей доходитъ до нашего основного, постоянно бодрствующаго поля сознанія черезъ наши вѣщныя чувства, такъ и высшія духовныя вещества и силы, если онѣ дѣйствительно существуютъ, могутъ непосредственно дѣйствовать на насъ лишь подъ условіемъ существованія у насъ подсознательной душевной жизни, которая одна способна открыть намъ доступъ къ сознанію этихъ высшихъ духовныхъ явленій» (230). Въ этомъ сопоставленіи упущено изъ виду, что въ послѣднемъ счетѣ тѣ же «вѣщныя чувства» доставляютъ матеріалъ и для такъ наз. подсознательной жизни; если матеріалъ, ими накопленный, поступаетъ, такъ сказать, въ кладовую душевной жизни, находится «ниже порога сознанія», то это еще не даетъ основанія предполагать какое-либо «мистическое общеніе» за этимъ порогомъ.

Нельзя не поставить въ упрекъ Джемсу и того, что онъ не останавливается на происхожденіи тѣхъ показаній, которые даются испытанными религіозными обращеніями, экстазы, и т. под. Онъ приводитъ ихъ на каждомъ шагѣ, и почти всѣ они изображаютъ дѣло очень гладко и стройно,—конечно, потому, что писаны *post factum*. Если, напр., Билли Брэй пишетъ: «я не могу перестать хвалить Господа. Когда я иду по улицѣ, мнѣ кажется, что при каждомъ шагѣ одна моя нога говоритъ: хвала Богу», а другая—«аминь», и такъ продолжается все время, пока я иду» (243), или знаменитый Дж. Фоксъ рассказываетъ: «когда Господь послалъ меня въ этотъ міръ, онъ запретилъ мнѣ снимать шляпу передъ кѣмъ бы то ни было» (281), то здѣсь «подсознательное» выражено слишкомъ сознательно, чтобы не требовать дальнѣйшаго психо-генетическаго анализа.

Тѣмъ не менѣе книга Джемса даетъ богатый матеріалъ по

описательной и расчленяющей психологии религиозных переживаний и, задаваясь цѣлью дать уроки вѣры, скорѣе даетъ уроки скептицизма.

Максимъ Ковалевскій. Соціологія. Томъ I. Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ. Спб. 1910, IX+300 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II. Генетическая соціологія. Спб. 1901, 296 стр. Ц. 1 р. 50 к.

«Печатаемые нынѣ два тома, одинъ объ отношеніи соціологіи къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ, другой—о генетической соціологіи, которую можно было бы также назвать эмбриологіей и палеонтологіей общества, заключаютъ въ себѣ обработку моихъ курсовъ. Въмѣстѣ съ изданнымъ мною тремя годами ранѣе трактатомъ о «Современныхъ соціологахъ» они ставятъ себѣ задачей ознакомленіе широкихъ круговъ читателей и съ основными задачами обществовѣдѣнія, и съ содержаніемъ того изъ отдѣловъ соціологіи, который за послѣднее время подвергся особенно тщательной обработкѣ и приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе» (стр. VII). Такими словами опредѣляетъ самъ авторъ содержаніе и назначеніе недавно выпущенныхъ имъ двухъ томовъ его «Соціологіи». Новая работа г. Ковалевскаго есть, слѣдовательно, прежде всего «курсъ» соціологіи. Хотя иногда подъ именемъ «курсовъ» издаются вполнѣ оригинальныя творенія (вспомнимъ, напр., «Курсъ положительной философіи» Огюста Конта), но нормально «курсъ» заключаетъ въ себѣ лишь систематическое изложеніе свѣдѣній, уже добытыхъ наукой. Поэтому мы не будемъ подчеркивать отсутствіе оригинальнаго, творческаго элемента въ новомъ произведеніи г. Ковалевскаго: мы только отмѣтимъ то обстоятельство, что въ разбираемыхъ нами книгахъ читатель не найдетъ ничего оригинальнаго, ничего дѣйствительно новаго по основнымъ вопросамъ соціологіи.

Мы сочли нужнымъ начать нашъ разборъ съ констатированія этого обстоятельства въ виду того, что соціологія, какъ младшая изъ абстрактныхъ наукъ, еще, собственно говоря, не выпешшая изъ эмбриональнаго состоянія, нуждается въ настоящее время не столько въ систематизаціи уже добытаго, сколько въ созидательной работѣ, и поэтому, когда появляется работа, озаглавленная не «учебникъ, или курсъ соціологіи», а прямо: «соціологія», то естественно является мысль, что мы имѣемъ передъ собой новую попытку поставить, наконецъ, соціологію на твердую почву.

Но и приложивши къ разбираемымъ нами книгамъ мѣрило простаго «курса», мы должны начать съ указаній на недостатки этого курса, на невыдержанность стиля: два тома «Соціологіи» г. Ковалевскаго походятъ не столько на систематическій курсъ, сколько на собраніе журнальныхъ статей по соціологіи. Курсъ требуетъ болѣе выдержаннаго изложенія, а въ книгахъ г. Ковалевскаго мы встрѣчаемъ массу тѣхъ отступленій (иногда чисто личнаго характера), которымъ, пожалуй, не слѣдовало бы появляться и въ жур-

нальныхъ статьяхъ, но которыя фактически довольно часто появляются въ журналахъ, но никогда не встрѣчаются въ хорошихъ «курсахъ». Изъ чисто личныхъ отступленій приведемъ лишь одинъ примѣръ. Приступая къ изложенію ученія Тарда, авторъ говоритъ слѣдующее: «Еще задолго до моего переселенія во Францію—тому назадъ лѣтъ двадцать,—русскіе критики моей работы «Современный обычай и древній законъ» обратили мое вниманіе на взгляды, высказываемые Тардомъ» (т. I, стр. 16). Далѣе говорится о томъ, что эти «русскіе критики» неправильно поняли ученіе Тарда и что «читая труды Тарда, я съ удовольствіемъ убѣдился, что совѣтъ не такова была мысль моего знаменитаго товарища по Международному Институту Соціологіи» (такъ называетъ г. Ковалевскій Тарда) (т. I стр. 16).

По самому существу дѣла мы не можемъ дать читателямъ яснаго понятія о той расплывчивой манерѣ изложенія, которой страдаютъ книги г. Ковалевскаго, не можемъ, ибо, чтобы показать это, нужно сдѣлать длинныя выписки, совершенно неумѣстныя въ рецензіи. Но пусть читатель самъ прочитаетъ, хотя бы, напримѣръ, гл. VII перваго тома, главу о соціологіи Герберта Спенсера, и тогда онъ увидитъ, что эта глава болѣе умѣстна въ біографіи Спенсера, чѣмъ въ курсѣ соціологіи. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Извѣстно, что американскій профессоръ Юмансъ оказалъ огромныя услуги Спенсеру и ревностно пропагандируя идеи Спенсера, и собирая для него деньги. Поэтому въ біографіи Спенсера Юмансу слѣдуетъ отвести почетное мѣсто, но въ «курсѣ» соціологіи, при изложеніи *идей* Спенсера, о Юмансѣ нѣтъ надобности и упоминать. Однако, г. Ковалевскій не только говоритъ о хлопотахъ Юманса въ пользу Спенсера, но даже приводитъ дружеское письмо Спенсера къ умирающему Юмансу (т. I, стр. 241), письмо, *не имѣющее никакого отношенія* къ ученію Спенсера; мало того, вслѣдъ за этимъ г. Ковалевскій приводитъ длинную выписку (почти въ цѣлую страницу) изъ автобіографіи Спенсера, гдѣ Спенсеръ говоритъ о своей дружбѣ съ Юмансомъ и о заслугахъ послѣдняго (т. I, стр. 241—2).

Первый томъ «Соціологіи» г. Ковалевскаго раздѣленъ на два «отдѣла»: «Отдѣлъ I—Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ» и «Отдѣлъ II—Очеркъ исторіи соціологическихъ системъ». Въ первомъ «Отдѣлѣ» авторъ разсматриваетъ «природу соціологіи» и отношеніе соціологіи къ различнымъ другимъ наукамъ объ обществѣ.

Глава, разсматривающая «природу соціологіи», должна, конечно, считаться самой важной, ибо вѣдь здѣсь автору предстоитъ дать общее опредѣленіе соціологіи, показать, что, собственно, онъ понимаетъ подъ этимъ наименованіемъ, такъ что содержаніе всѣхъ остальныхъ страницъ его «Соціологіи» опредѣляется именно этой главой. И именно эта глава способна особенно разочаровать читателя: неоригинальность автора, его малая способность къ

отвлеченному мышленію и невыдержанность (можно даже сказать: болтливость) изложения,—всѣ эти характерныя черты «Соціологіи» г. Ковалевскаго особенно чувствительны именно въ этой главѣ. Авторъ начинаетъ съ указанія на то, что Контъ опредѣлялъ соціологію, какъ науку «о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ»; затѣмъ, указывая на поправки, внесенныя въ это опредѣленіе позднѣйшими писателями, г. Ковальскій констатируетъ, что, въ концѣ концовъ, современные соціологи принимаютъ это опредѣленіе Конта, хотя и въ исправленномъ видѣ. Для «окончательнаго выясненія» вопроса онъ считаетъ необходимымъ сопоставить соціологію съ другими науками объ обществѣ. Это «сопоставленіе» и должно выяснитъ дѣйствительный смыслъ опредѣленія, даннаго соціологіи. Остановимся здѣсь на двухъ пунктахъ. Бартъ, какъ извѣстно, отождествляетъ соціологію съ философій исторіи. Это мнѣніе Барта глубоко ошибочно. Соціологія ищетъ законы, управляющіе жизнью общества и вытекающіе изъ одного того факта, что разумныя существа, населяющія землю, входятъ во взаимодействіе другъ съ другомъ; тогда какъ философія исторіи выясняетъ приложеніе этихъ законовъ къ дѣйствительной жизни обществъ. Таковъ долженъ быть *принципіальный* отвѣтъ Барту. Г. Ковалевскій не становится на эту (или подобную) общую точку зрѣнія: онъ, слѣдуя Эльвуду, лишь возражаетъ, что въ прошломъ философія исторіи считалась «съ такими теократическими понятіями, какъ Провидѣніе, или судьба, или съ такими метафизическими, какъ раскрытіе въ исторіи мірового духа (стр. 9—10); затѣмъ авторъ прибавляетъ: «если мы обратимся къ метафизическимъ системамъ философіи исторіи, то, ознакомившись съ ними, убѣдимся, что правъ былъ великій Гете, устами Мефистофеля сказавшій, что то, что называется духомъ времени—есть духъ самого писателя, въ которомъ событія призваны отражаться» (стр. 9). Этотъ отвѣтъ Барту нельзя считать принципіальнымъ отвѣтомъ уже потому одному, что вѣдь и соціологъ можетъ впасть въ заблужденіе и свое субъективное настроеніе превратить въ «законъ природы».

Второй пунктъ, на которомъ мы остановимся, таковъ. Г. Ковалевскій сообщаетъ мнѣніе Тарда, что «Соціологія, если не вполне, то въ значительной степени сливается съ другой наукой—именно психологіей» (стр. 14). Очевидно, что Тардъ здѣсь смѣшиваетъ явленія двухъ совершенно различныхъ категорій. Изъ того обстоятельства, что соціологъ оперируетъ всегда съ психическими элементами, такъ же не вытекаетъ законности отождествленія соціологіи съ психологіей, какъ не вытекаетъ законности отождествленія фізіологіи съ физикой, химіей съ механикой изъ того только обстоятельства, что фізіологъ всегда оперируетъ съ физико-химико-механическими данными. Таковъ, по нашему мнѣнію, опять-таки, *принципіальный* отвѣтъ Тарду. И опять-таки г. Ковалевскій не удерживается на высотѣ чисто отвлеченнаго вопроса, но, вспомнивши

о своемъ «знаменитомъ товарищѣ по Международному Институту Соціологін», сейчасъ же переходитъ къ изложенію и критикѣ *всего ученія Тарда*, при чемъ тутъ поминается и «русскій изобрѣтатель самоучка Кулибинъ» (стр. 15), и Яблочкинъ, относительно котораго сообщается, что «его лампочками одно время освѣщалась площадь передъ Большою Оперой въ Парижѣ» (стр. 15) и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, мы получаемъ 13 страницъ (стр. 14—27), въ которыхъ, быть можетъ, высказано много дѣльнаго о разныхъ сторонахъ соціологін Тарда, но которыя, во-первыхъ, нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія, а во вторыхъ, не отвѣчаютъ на основной вопросъ, подлежащій обсужденію въ данномъ случаѣ.

Второй томъ «Соціологін» г. Ковалевскаго занятъ ученіемъ «объ исходныхъ моментахъ въ развитіи семьи, рода, собственности, политической власти и психической дѣятельности» (см. подзаглавія второго тома). Подъ нѣсколько неопредѣленнымъ названіемъ «психическая дѣятельность» авторъ, очевидно, подразумѣваетъ возникновеніе вѣрованій и развитіе культа, чѣмъ заняты двѣ послѣднія главы второго тома. Въ этомъ второмъ томѣ собраны свѣдѣнія, касающіяся такихъ общественныхъ институтовъ, какъ семья, собственность, религія и государство. Во второй главѣ (второго тома) авторъ изслѣдуетъ критерій первобытности общества и вполне справедливо приходитъ къ выводу, что наилучшимъ признакомъ первобытности какого-либо общественнаго явленія служитъ наличность подобнаго же явленія среди животныхъ. Далѣе идутъ главы о «семьѣ», «родѣ», «древнѣйшей формѣ апроприаціи», «происхожденіи рабства», «генезисѣ государственной власти», «о начальныхъ вѣрованіяхъ», наконецъ, о «фетишизмѣ и тотемизмѣ, культѣ животныхъ и растений, культѣ космическихъ силъ природы». Главы эти неодинаковой величины и неодинаковаго достоинства. Напр., гл. VII, о рабствѣ, всего имѣетъ менѣе 9 страницъ и, въ сущности является отзвукомъ книги Нибера «*Slavery as an industrial System*». Гл. III, «Семейная жизнь животныхъ», находится въ сильной зависимости отъ книги Сутерлянда «*Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта*»; а гл. IV, «Исходные моменты въ развитіи человѣческой семьи», находится въ столь же сильной зависимости отъ книги Вестермарка «*Исторія человѣческаго брака*».

Въ другихъ главахъ авторъ обнаруживаетъ нѣсколько большую независимость, сопоставляя нѣсколько авторитетовъ и даже дѣлая самостоятельные выводы. Однимъ изъ удачнѣйшихъ замѣчаній автора можно считать то, когда онъ говоритъ: «не покажется преувеличеннымъ считать накопленіе знанія и практическаго опыта, не въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, и по передачѣ отъ учителя къ ученику, такимъ же факторомъ выдѣленія изъ сплошной и однохарактерной массы особыхъ классовъ, какимъ накопленіе скота, рабовъ и передача ихъ потомству является по отношенію къ созданію класса зажиточныхъ, или имущихъ и образованію изъ нихъ».

зерна будущего дворянства» (стр. 204). Хотя эта мысль не вполне самостоятельна, ибо уже не мало было написано объ образованіи жреческаго сословія подъ вліяніемъ накопленія званій, но та форма какую придавъ ей г. Ковалевскій, т. е. заостреніе этой мысли противъ экономическаго матеріализма заслуживаетъ полнаго вниманія.

Однако, тѣ мѣста, въ которыхъ нашъ авторъ проявляетъ наибольшую самостоятельность, являются иногда не вполне удачными съ точки зрѣнія цѣльности изложенія. Г. Ковалевскій путешествовалъ по Кавказу и изучалъ бытъ горцевъ. И вотъ, когда, для подкрѣпленія какой-либо мысли, авторъ приводитъ данныя изъ собственныхъ наблюденій надъ этими горцами, то онъ часто не удерживается на сообщеніи только необходимаго и пускается въ такія подробности, которыя интересны въ этнографическомъ очеркѣ, дающемъ сырой матеріалъ, но совершенно неумѣстны въ сочиненіи по социологіи, гдѣ мы привыкли встрѣчать лишь высшую обработку матеріала. Примеромъ подобныхъ этнографическихъ экскурсій могутъ служить стр. 240—251.

В. К. Хорошко. Самоубійство дѣтей (Предисловіе приватъ-доцента Моск. Унив. Г. И. Россолимо). М. 1909., 115 стр., ц. 75 к.

Въ своей извѣстной монографіи о самоубійствѣ Юмъ сказалъ, что онъ не знаетъ случая, когда бы душевно-здоровый человѣкъ лишилъ себя жизни, если только эту жизнь стоитъ сохранить. Это вполне вѣрное замѣчаніе Юма, однако, не приложимо къ случаямъ дѣтскихъ самоубійствъ, ибо импульсивность и легкая внушаемость дѣтей настолько велики, что и душевно-здоровыя дѣти могутъ быть совершенно неотвѣтственными за свои поступки.

Поэтому вопросъ о самоубійствѣ дѣтей заслуживаетъ особаго вниманія врачей и педагоговъ: нужно выяснить тѣ условія, которыя толкаютъ дѣтей на самоубійства и нужно подумать о томъ, какъ измѣнить эти условія.

Въ разсматриваемой нами брошюрѣ д-ръ Хорошко собралъ довольно значительный матеріалъ для характеристики самоубійства у дѣтей. Просматривая этотъ матеріалъ, невольно поражаешься, какую огромную роль играютъ въ самоубійствѣ дѣтей ихъ импульсивность и внушаемость. Иногда эта внушаемость принимаетъ истинно трагическій характеръ. Вотъ, напр., что читаемъ мы на стр. 29—30 о дѣятельности дѣтскаго клуба самоубійцъ въ Англіи.

«Группа дѣтей, старшему въ которой еще не было 15 лѣтъ, приобрѣла старый пистолетъ и собралась въ уединенномъ мѣстѣ, въ полѣ. Выстроившись въ линію, они условились, что 2-й долженъ стрѣлять въ перваго, 3-й—во 2-го и т. д. до послѣдняго, который самъ покончить съ собой. Съ двумя уже было покончено, какъ вдругъ одинъ изъ самыхъ маленькихъ членовъ этого оригинальнаго

собрания, испугавшись, бросился бѣжать и кричать о помощи. Къ счастью жизнь клуба на этомъ и прекратилась».

Если внушаемость дѣтей играетъ такую большую роль, какую мы ей приписываемъ, то, конечно, слѣдуетъ ожидать, что количество дѣтскихъ самоубійствъ должно очень возрасти въ современной Россіи, съ ея погромами, съ ея ежедневными казнями и вообще съ ея примѣрами легкаго отношенія къ жизни. И, дѣйствительно, просматривая матеріалъ, собранный д-ромъ Хорошко въ гл. V, «Эпидемія дѣтскихъ самоубійствъ въ Россіи» и въ гл. VI, «Хроника російской дѣйствительности», мы видимъ, что у насъ теперь поведеніе взрослыхъ внушаетъ дѣтямъ мысль, что съ жизнью нечего особенно церемониться.

Какъ помочь злу? Какъ бороться съ самоубійствомъ дѣтей? Д-ръ Хорошко приводитъ нѣсколько соображеній нравственнаго и педагогическаго характера, но, въ концѣ концовъ, откровенно говорить: «я только ставлю проблему, рѣшить которую признаю себя не въ силахъ» (стр. 115).

Да и дѣйствительно, настоящимъ образомъ рѣшить эту проблему, т. е. рѣшить ее въ деталяхъ очень трудно; но въ общихъ чертахъ, стоя на той точкѣ зрѣнія, что наиболѣе благопріятствуютъ самоубійству дѣтей, во первыхъ, ихъ внушаемость, а затѣмъ ихъ импульсивность,—мы можемъ указать рѣшеніе проблемы, рѣшеніе, состоящее въ томъ, что все поведеніе взрослыхъ должно быть таково, чтобы внушить дѣтямъ серьезное и бережное отношеніе къ жизни, чтобы внушить имъ идею абсолютной цѣнности каждой личности и сознаніе того, что жизнь человека должна направляться глубокими внутренними мотивами, а не случайными внѣшними обстоятельствами.

Морисъ Фридманъ. Что такое въ дѣйствительности сыскное агентство Пинкертонъ. Пер. съ англ. Н. Бревновой. Изд. Трауцкой. Спб. 1910. Стр. XVI+228+IV. Ц. 1 р.

Къ тѣмъ многочисленнымъ романамъ о похожденияхъ знаменитаго интернаціональнаго сыщика-добровольца Ната Пинкертонъ, который, говорятъ, не только заполонилъ книжный рынокъ, но и вызвалъ множество нелѣпныхъ подражателей, лежащая предъ нами книга не имѣетъ никакого отношенія. Тамъ—несмотря на противоположныя увѣренія сочинителей—мы имѣемъ дѣло съ Пинкертономъ вымышленнымъ, здѣсь мы видимъ настоящаго Пинкертонъ, менѣе разукрашеннаго романтическими красками, но и менѣе героически привлекательнаго. Книга Фридмана раскрываетъ лишь одну, хотя, быть можетъ, важнѣйшую сторону подпольной дѣятельности сѣверо-американскаго «Національнаго сыскаго агентства Пинкертонъ». Пинкертоны существуютъ, но занимаются не столько обычнымъ уголовнымъ сыскомъ, сколько дѣятельнымъ участіемъ въ экономической борьбѣ между организованными промышленниками и

рабочими организаціями. Въ этомъ столкновеніи труда и капитала агенство братьевъ Пинкертонъ стоитъ, конечно, на сторонѣ того, кому легче его купить, и Морисъ Фридманъ, прослужившій въ качествѣ стенографа три года въ провинціальномъ отдѣленіи агенства, раскрываетъ подробно и документально, какими средствами дѣйствуетъ агенство. Средства эти поистинѣ невѣроятны; въ арсеналѣ наемныхъ бойцовъ есть все отъ простаго шпіонажа и прекрасно организованнаго штрейкбрехерства до сложнѣйшей провокаціи и прямыхъ убійствъ. Жизнь идетъ впередъ; когда-то стачки не удавались потому, что у рабочихъ естественно не хватало силъ для ихъ продолженія, и жалостливые романы приучили насъ къ мысли, что иначе быть не можетъ. Теперь американскій предприниматель знаетъ, что на этихъ благодушныхъ предположеніяхъ нельзя строить борьбу съ рабочей арміей, систематически и послѣдовательно отстаивающей себя. Поэтому онъ нанимаетъ Пинкертоновъ, которые доставляютъ ему въ любомъ количествѣ экспрессы, недоразумѣнія въ средѣ забастовщиковъ, преступленія ихъ вожakovъ и т. п., пока на сторону хозяина по необходимости не станетъ государственная власть, очень охотно вступающая за сильнаго. Когда враждующія стороны, утомленныя борьбой, готовы на миръ, агенство Пинкертонъ противодействуетъ этому: всякое примиреніе ему невыгодно. Не слѣдуетъ думать, что оно вступаетъ въ борьбу лишь съ открытія военныхъ дѣйствій: оно беретъ на себя также дезорганизацію слагающихся союзовъ рабочихъ, соединившихся лишь на случай возможнаго отпора. Простъ и ясенъ способъ, которымъ посланный для этой цѣли сыщикъ разрушилъ, на примѣръ, «Объединенное братство желѣзнодорожныхъ рабочихъ». Онъ сдѣлался членомъ «братства», но, вопреки обычному приему, «не намѣревался уменьшать силы организаціи путемъ расчета ея членовъ со стороны администраціи, или внушать товарищамъ, что основныя ея принципы не здоровы и не хороши; все, что онъ дѣлалъ, это было распусканіе грязныхъ сплетенъ о личности председателя Истса. Сыщикъ по секрету сообщалъ членамъ союза, что Истсъ былъ просто авантюристъ, основавшій союзъ для своей выгоды... Глухая молва пошла среди членовъ, и ей вѣрили. Молодой, могущественный союзъ сдѣлался лишь тѣнью прежняго». Вотъ какъ элементарно. Но есть способы болѣе сложные, и мы не видимъ причинъ, почему бы нашимъ промышленникамъ не начать, по мѣрѣ необходимости, прибѣгать къ нимъ, тѣмъ болѣе, что для школы провокаціи имъ нѣтъ необходимости ѣздить въ Америку. Но тѣмъ, кто хочетъ заглянуть въ механизмъ борьбы съ освободительными стремленіями хоть въ области экономики, книга Мориса Фридмана дастъ богатый и поучительный матеріалъ.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени (Историческая коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.). Москва, 1910. Т. I. Стр. 627. Ц. 2 р. 75 к.

Единственная хрестоматія по новой исторіи, до сихъ поръ у насъ существовавшая (составленная Я. Г. Гуревичемъ), сильно устарѣла, да и при томъ едва ли она была способна цѣлесообразно разрѣшить основную задачу: дать ученику средней школы научное и вмѣстѣ съ тѣмъ легко доступное чтеніе по вопросамъ, вскользь затрагиваемымъ въ историческомъ курсѣ.

Книга, изданная тою самою корпораціей, которая уже дала обществу «Программы для самообразования», представляетъ собою лишь первый томъ новой хрестоматіи такого рода. Читатель, на котораго рассчитана эта книга, едва ли прочтетъ ее всю, ибо кое что покажется ему неинтересно, вяло изложеннымъ, а кое что совершенно ненужнымъ; но при всемъ томъ онъ найдетъ въ ней немало и живого, содержательнаго матеріала.

Отмѣтимъ, что исполнѣнъ неумѣстно въ книгѣ такого характера предаваться, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, нарочитой подгонкѣ фактовъ подъ ту или иную «философему». Въ статьѣ г. Рябина о Польшѣ XVI—XVII вв., мы читаемъ (стр. 351): «Словенный строй Польши основывался на принципѣ классового равновѣсія». Наименьшій недостатокъ этой фразы — ея темнота: ибо по существу она рѣшительно фантастична (что самъ авторъ, забывшій свое эффектное утвержденіе, и доказываетъ далѣе). Столь же неосновательно и мнѣніе г. Филатова, категорически имъ высказываемое на стр. 264 въ статьѣ о развитіи абсолютизма во Франціи, что «главный мотивъ реформаціи—секуляризація церковныхъ имуществъ». Конечно, подобныя рискованныя теоретизированія встрѣчаются лишь у нѣкоторыхъ авторовъ, но ихъ нужно отмѣтить, такъ какъ въ слѣдующихъ томахъ, гдѣ рѣчь будетъ идти о XVIII—XIV вв., «соблазна» въ этомъ смыслѣ будетъ еще больше. Статья г. А. Савина объ англійской реформаціи въ эпоху Тюдоровъ рядомъ со сугубо-англійскими (и сбивающими читателя) «Кромвелями», «Норфоками», «Анню Болинъ» грѣшитъ терминологическими небрежностями, непозволительными именно въ хрестоматіяхъ: англійская революція оказывается у него временемъ «паденія абсолютизма» (стр. 137).

Рядъ интересныхъ и удавшихся статей вознаграждаетъ читателя за эти недочеты. Г. Боголюбовъ даетъ живой очеркъ исторіи русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ; проф. Митрофановъ — исторію ордена іезуитовъ, г. Князьковъ—исторію самодержавія въ XVI в., проф. Тарле—исторію Нидерландовъ при Филиппѣ II, г. Перцевъ—исторію реформаціи въ Германіи и т. д.

Вышедшій томъ касается западно-европейской и русской исторіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Ждемъ продолженія и советуемъ редакціи уменьшить и размѣры, и цѣну книги.

Мартъ. Отдѣлъ II.

М. Н. Чернышевскій. Биографическіи указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854 — 1909 гг. Спб., 1909 г., Типографія Стасюлевича. 33 стр. Цѣна 20 коп.

Настоящій библиографическій указатель уже былъ въ значительной части напечатанъ имъ при X томѣ полного собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго и, несомнѣнно, послужилъ полезнымъ пособіемъ для справокъ и работъ о немъ. Въ отдѣльномъ изданіи указатель переработанъ по другому плану; статьи о Чернышевскомъ расположены въ немъ теперь по годамъ, ихъ списокъ дополненъ и доходитъ до осени 1909 г. Особенно богатъ отдѣлъ газетныхъ замѣтокъ.

Можно указать, однако, на рядъ пропусковъ, иногда существенныхъ. Такъ изъ статей Писарева о Чернышевскомъ упоминается (при томъ безъ заглавія) только статья, относящаяся къ «Полемическимъ красотамъ» и къ «Эстетическимъ отношеніямъ» и отсутствуетъ знаменитая статья «Мыслящій пролетаріатъ» (разборъ Что дѣлать?), исключенная въ изданіи сочиненій Писарева въ 1897 г. и перепечатанная лишь въ недавно изданныхъ «Дополненіяхъ». Нѣтъ также статей Протопопова «Умная книга» (Русск. Мысль 1893, I), Боборыкина «Красота, жизнь и творчество (Вопросы философіи и психологіи, 1893, I и II), Маслова «Идеализація натурального хозяйства» (Научное Обзорѣніе 1899, I и III) и др., въ особенности среди нелегальной литературы. Встрѣчаются неточности. Статей Вогюэ о Чернышевскомъ въ *Revue des deux Mondes* 1876 г. № 20 въ дѣйствительности не имѣется, а есть статья Brunetière'a «Un roman nihiliste» (15 XI 1876); статья Зайцева (объ Эстетическихъ отношеніяхъ) помѣщена не въ 4 и 5 номерахъ Русскаго Слова 1865 г., а только въ номерѣ 4. Иногда указанія имѣютъ очень неопредѣленный характеръ; напр., «Русская Мысль» 1888 г. № 12 или «Русское Богатство» 1888 №№ 5 и 6», безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій. Тѣмъ не менѣе указатель имѣетъ крупное значеніе для всѣхъ интересующихся Чернышевскимъ.

Любопытно отмѣтить, что даже эти сухія страницы краснорѣчиво говорятъ о превратностяхъ судьбы Чернышевскаго и его сочиненій. Послѣ первыхъ лѣтъ его дѣятельности, число статей о немъ быстро растетъ, и съ 1861 по 1865 гг. ежегодный перечень ихъ занимаетъ около страницы. Съ 1866 г. внѣшнія обстоятельства сразу сокращаютъ ихъ число до такой степени, что цѣлыхъ 5 или даже 8 лѣтъ помѣщаются на одной страницѣ. Въ 1889 г., въ годъ смерти Чернышевскаго, на время является возможность помѣстить о немъ рядъ статей, главнымъ образомъ, некрологовъ. Затѣмъ литература о Чернышевскомъ опять количественно падаетъ и начинаетъ медленно расти лишь съ конца 90-хъ годовъ. Только въ 1904—1906 г. и вплоть до нашихъ дней интересъ къ Чернышевскому находитъ свое полное выраженіе въ массѣ появившихся о немъ статей и книгъ.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
КАТЕГОРИЯ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
Д. А. М.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретению этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

- Кн-во „Освобожденіе“. Спб. 1910.
Марсель Преве. Любовь женщины. Ц. 1 р.—Современная библіотека №№ 21—31 по 10 к.—**А. Буринъ**. Рѣка жизни.—**Его же**. Съ улицы.—**Его же**. Штабъ-капитанъ Рыбниковъ.—**Б. Зайцевъ**. Аграфена.—**А. Серафимовъ**. Живая тюрьма.—**Н. Телешовъ**. 1. Между двухъ береговъ. 2. Черною ночью.—**М. Арцыбашевъ**. Паша Тумановъ.—**А. Каменскій**. Ничего не было.—**Евг. Чуриковъ**. Въ лѣсу.—**С. Юшневичъ**. Голоть.
- Изд. Д. Е. Жуковского. Спб. 1910.
С. Л. Франкъ. Философія и жизнь. Ц. 2 р.—**Куно Фишеръ**. Исторія новой философіи. Т. IV. Иммануиль Кантъ и его ученіе. Пер. Н. Полилоуа, Н. Лоссаго и Д. Жуковского. Изд. 2-е. Ц. 4 р.—Проф. **Г. Шульце-Геверницъ** Марксъ или Кантъ? Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
- Изд. Т-во „Знаніе“. Спб. 1910.—XXIX. Сборникъ Т-ва Знаніе. Ц. 1 р.—**Гольдбаевъ**. Разказы. Т. I. Ц. 1 р.—**Сниталецъ**. Разказы. Т. 3-я. Ц. 1 р.
- Кн-во „Сотрудничество“ М. 1910.—**М. Антоновъ**. Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. Ц. 2 р.—**Н. Макаровъ**. Крестьянское кооперативное движеніе въ Зап. Сибири. Ц. 1 р. 30 к.
- Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1910.—**Е. А. Колтоновская**. Новая жизнь. Критическія статьи. Ц. 1 р.—Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II. Ч. II. Ц. 2 р. 50 к.—**Н. Осиповичъ**. Разказы. Ц. 1 р.
- „Библіотека современныхъ проблемъ“. М. 1910.—**Колетти Иверъ**, Королевы науки. Романъ. Пер. Л. Ляливой. Ц. 1 р. 50 к.—**Авг. Стриндбергъ**. Собраніе сочиненій. Т. X. Трагикомедія брака. Ц. 1 р. 25 к.
- Изд. „Образованіе“. Спб. 1910.—**У. Гамсей**—**В. Оствальдъ** Популярно-научные очерки. Пер. Котляръ. Ц. 70 к.—Инж. **П. Е. Энгельмейеръ**. Теорія творчества. Съ предисл. Д. Н. Овсянко-Куликовского и Э. Маха. Ц. 1 р. 50 к.
- А. С. Гринъ**. Разказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Е. Яитаревъ**. Стихи. М. 1910. Ц. 60 к.
- Вас. Бнязевъ**. Сатирическія пѣсни. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- Вл. Семеновъ**. Страшное слово. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 1910. Спб. Ц. 50 к.
- Вл. Муриновъ**. Въ сумеркахъ жизни. Разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- В. Пржевальскій**. Красный звѣрь. Разказы. Кн. 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Альманахъ „Любовь“. Изд. „Нов. журн. для всѣхъ“. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. Каменскій**. Чары земли. Стихотв. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- С. Натинъ**. Болѣзнь нашей жизни и др. разказы. М. 1909. Ц. 75 к.
- Коноро**. Душа Японіи. Пер. С. Лоріе. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вл. Пастъ**. Ограда. Книга стихотв. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 1909. Ц. 75 к.
- Мак. Волошинъ**. Стихотворенія. М. 1910. Ц. 80 к.
- Е. М. Троицкая**. Грядущія бѣды. Смоленскъ. 1910.
- Н. Карповъ**. Исторія 3. Европы въ новое время. Т. VI. Ч. II. (1880—1900 гг.). Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- М. Александровъ**. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Баронъ **С. А. Корфъ**, проф. Административная юстиція въ Россіи. 2 тт. Спб. 1910. Ц. 5 р.
- Н. Катаевъ**. Русскіе интеллигенты. Сборникъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- С. Грузенбергъ**. Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. М. 1910.
- А. М. Рыкачевъ**. Деньги и денежная власть. Ч. I. Деньги. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Дж. Стифенъ**. Очеркъ доказательнаго права. Пер. П. И. Люблинского. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Е. С. Вольфсонъ**. Боснія и Герцоговина. Изд. Панафидина. М. 1910. Ц. 60 к.
- Д-ръ **Н. Н. Важенковъ**. Исторія Московск. Доллгауза—Преображенской больницы. М. 1909.

Иванъ Блокъ. Половая жизнь нашего времени, Пер. врачъ П. И. Лурье-Гиберманъ. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

А. А. Михайловъ. Приближеніе кометы Галлея. М. 1910. Ц. 10 к.

Теодоръ Липпсъ. Самосознаніе, ощущение и чувство. Пер. М. Лихарева. 2-е изд. Спб. 1910. Ц. 40 к.

И. И. Стелецкий. Психологическая защита женщины. Екатеринославъ. 1910.

Ө. Е. Рыбаковъ. Атласъ для экспериментально-психологическаго изслѣдованія личности. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Г. Вороновъ. Эфирныя волны и сознаніе. М. 1910. Ц. 50 к.

Вопросы юности. Сборникъ. Вып. I. 1910. Ц. 40 к.

А. М. Обуховъ. Свободное воспитаніе и дисциплина. М. 1910. Ц. 40 к.

С. Закъ. Статистическій ежегодникъ социально-политическихъ таблицъ всѣхъ странъ міра. Годъ третій. 1909—1910. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Александровичъ Ярошенко. Его жизнь и произведенія. 1846—1898. М. 1908.

Женщ.-врачъ **М. М. Волнова.** Какъ избавиться отъ полноты и ожирѣнія. 2-е изд. Спб. 1910. Ц. 80 к.

П. Б. Шимановскій. Руководство къ сельскохозяйственному образованію. Спб. 1910. Ц. 20 к.

В. Кравченко. Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—5 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р.

А. Зинковецъ. Логика Космоса. Ч. I. Введеніе. М. 1910. Ц. 25 к.

Завоеваніе воздуха. Настольная книга по воздухоплаванию и летательной техники. Пер. Мих. Кадишъ. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

В. Л. Розенбергъ. Изъ школьной практики. Введеніе въ физику. Спб. 1910. Ц. 45 к.

С. Е. Бостинскій. Къ возвращенію кометы Галлея. Николаевъ. 1910. Ц. 45 к.

Д. Святскій. Встрѣча кометы Галлея съ землею. Спб. 1910. Ц. 10 к.

М. П. Дупельскій. Учебникъ химіи для средн. учебн. заведеній. Кіевъ, 1910. Ц. 80 к.

П. Дятроптовъ и В. Завьяловъ. Начальный курсъ гигиены. Ч. I-я. Кіевъ. 1910. Ц. 90 к.

Графини. Какъ самому построить летательный аппаратъ. Пер. В. Керженцева. Ц. 40 к.

М. Б. Бюрзинъ. Систематическій

курсъ ариѳметики. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Д-ръ А. В. Владимірскаго. Умственная работоспособность въ разные часы школьнаго дѣла. Спб. 1909. Ц. 50 к.

В. И. Бьловежскій. Результаты эксплуатаціи россійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 1901 по 1906 г. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса подъ ред. К. И. Ксидо и М. М. Соколовскаго. В. VI. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Д-ръ Штейнгаузенъ. Физиологическія ошибки въ технику фортепьянной игры. Пер. С. Малькиной подъ ред. Е. Шольца. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Артюшковъ. Учебная книга по исторіи русской литературы. М. 1910. Ц. 75 к.

Е. Н. Венцель. Новые пути воспитанія и образованія дѣтей. М. 1910. Ц. 45 к.

Инж. **И. М. Козьминъ-Ламинъ.** Фабрично-заводская промышленность.

А. С. Макаревскій. Феноменальный учебникъ въ стихахъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Наша заря. Ежемѣсячный журналъ № 1. 1910. Спб.

Ежегодникъ русскаго астрономическаго общества на 1910 г. Спб.

Библиотека «Юнаго Читателя». Спб. 1910.—**Н. И. Березинъ.** Уралъ. Ц. 60 к.—**Его же.** Персія. Ц. 40 к.—

Э. Пименова. Природа и люди Африки. Ц. 45 к.—**Мультатули.** Богъ хочетъ милости, не жертвы. Ц. 80 к.—**Р. Киплингъ.** Смѣлые мореплаватели. Изд. 3-ье. Ц. 50 к.

Я. И. Душечкинъ. Наша рѣчь. Хрестоматія. Кн. III. Изд. И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 10 к.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда учителей. Подъ ред. В. А. Самсонова и Г. Туманова. Т. I. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

С.-Петербургскіе сельскохозяйственные. Отчетъ за 1906—1907—1908 г. Сост. В. Рудницкій. Спб. 1909.

Указатель книгъ журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1901, 1902, 1906 и 1907 гг. Сост. А. Д. Педашенко. Спб. 1908.

Календарь хуторянѣнъ. Полтава. 1910. Ц. 20 к.

Календарь ежегодникъ Артельщикъ на 1910 г.

Докторъ Павелъ Петровичъ Розановъ.

(Памяти друга и брата).

9-го марта скончался отъ легочнаго кровоизліянія въ г. Симферополѣ завѣдывавшій санитарнымъ бюро Таврическаго губернскаго земства, П. П. Розановъ.

Въ телеграммахъ, оповѣстившихъ о его смерти, значилось — «санитарный врачъ», «мѣстный крымскій дѣятель», «общественный дѣятель», «литераторъ»... Изъ всѣхъ этихъ опредѣленій я взялъ бы терминъ «общественный дѣятель», такъ какъ онъ наиболѣе рельефно и полно опредѣляетъ его индивидуальность и дѣло его жизни и то, почему не только провинціальныя, но и столичныя газеты были оповѣщены о его смерти.

Онъ былъ общественный дѣятель... «Общественность», какъ цѣль, общественная организованность, какъ средство, составляли импульсъ его духовной жизни и опредѣляли всю его, сравнительно, недолгую дѣятельность.

Прежде всего въ своей профессиональной дѣятельности санитарнаго врача онъ былъ непримиримый врагъ казенной медицины, казенной санитаріи, казеннаго оздоровленія городовъ и селъ, которое сводилось только къ полицейскимъ мѣропріятіямъ, къ протоколамъ, къ штрафамъ, къ исконному запугиванію обывателя, къ безумному и безтолковому разбрасыванію административными генералами общественныхъ денегъ, которыхъ такъ мало у русскихъ селъ и городовъ. Не меньшимъ врагомъ онъ былъ и тѣхъ официальныхъ представителей медицинской науки, которыхъ, — увы! — много даже между людьми огромнаго научнаго ценза и которые по сіе время стоятъ, главнымъ образомъ, на почвѣ личныхъ профилактическихъ мѣръ, почти всегда безцѣльныхъ по существу и нелѣпыхъ по примѣненію ихъ въ рамкахъ русской дѣйствительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ полицейскихъ мѣропріятій, насильственнаго помѣщенія заразныхъ больныхъ въ больницы и въ концѣ-концовъ опять таки протокола, штрафа, «пужанія» обывателя.

За систематическое, по широкому плану задуманное, оздоровленіе селъ и городовъ, за широкія общественно-санитарныя мѣропріятія, направляемыя на уничтоженіе *почвы* для эпидемій, за широкую общественную организованность, за привлеченіе самого жителя къ участію въ оздоровленіи своего мѣста, своей жизни стоялъ всегда покойный.

Къ этому сводилась всегда его дѣятельность въ Нижнемъ-Нов-

городѣ, гдѣ онъ былъ первымъ санитарнымъ врачомъ, гдѣ онъ по истинѣ являлся основоположникомъ городской общественной медицины; къ этому сводилась его долготѣнная работа въ качествѣ ялтинскаго городского санитарнаго врача, работа, благодаря которой Ялта, несмотря на существенные минусы, обусловливаемые, главнымъ образомъ, недостаткомъ воды для промывки канализационныхъ трубъ, сдѣлалась однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ русскихъ городовъ и въ существѣ дѣла въ санитарномъ отношеніи болѣе благоустроеннымъ, чѣмъ Ницца.

Эту точку зрѣнія онъ систематически проводилъ всю свою жизнь въ засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ, всякихъ санитарныхъ комиссій, въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ, на Пироговскихъ сѣздахъ врачей, въ многочисленныхъ статьяхъ своихъ въ общей и специальной прессѣ *). Онъ примыкалъ въ этомъ отношеніи дѣликомъ къ Московской земской медицинской школѣ, изъ которой вышелъ и съ дѣятелями которой онъ былъ непрерывно связанъ, той школѣ, которая явилась вдохновительницей постановки неимѣющаго аналогіи въ Западной Европѣ русскаго земско-медицинскаго дѣла.

Повторяю, онъ былъ прежде всего общественный дѣятель. Никогда рамки одной медицины не удовлетворяли его. Я не знаю за двѣнадцать лѣтъ совмѣстной жизни въ Ялтѣ ни одного хорошаго общественнаго начинанія, гдѣ онъ не принималъ бы участія, не вкладывалъ бы свою живую активную душу. Онъ былъ гласнымъ думы, гласнымъ губернскаго и уѣзднаго земства, онъ былъ наиболѣе активнымъ дѣтелемъ въ ялтинскомъ об-вѣ врачей, въ благотворительномъ об-вѣ, такъ много сдѣлавшемъ для нуждающихся прѣѣзжихъ больныхъ, дѣятельнымъ членомъ всякихъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній. Повторяю, не было такого общественнаго дѣла, которое не звало бы его къ себѣ. «Докторъ Розановъ»,—подъ этой кличкой онъ извѣстенъ былъ всей Ялтѣ,—былъ однимъ изъ инициаторовъ возникновенія потребительнаго об-ва въ Ялтѣ и находилъ время, среди своихъ многочисленныхъ занятій, просматривать по вечерамъ счета по потребительной лавкѣ; докторъ Розановъ долженъ былъ непременно участвовать въ организаціи ялтинскаго горнаго клуба и, когда возникла мысль взять въ свои руки и расширить маленькую бѣдненькую во всѣхъ смыслахъ Ялтинскую газету, какъ-то единогласно было рѣшено что безъ доктора Розанова это не возможно. Помню особенно настаивалъ А. П. Чеховъ. «Безъ Павла Петровича нельзя»—убѣжденно говорилъ онъ мнѣ.

И впереди всего стояло для него оздоровленіе жизни путемъ широкихъ мѣръ, государственныхъ и мѣстныхъ, путемъ народ-

*) Только годъ назадъ, уже совсѣмъ больной, онъ помѣстилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» статью о холерѣ.

наго образованія, которому онъ всегда отдавалъ много думъ и работъ, путемъ организаціи общественнаго мнѣнія и общественныхъ силъ.

И у него былъ именно организаторскій талантъ...

Человѣкъ широкой общественной инициативы, крупного дисциплинированного ума, всегда ясно и точно опредѣлявшаго цѣли и сообразовавшаго съ ними средства, онъ былъ живой активной силой во всякомъ общественномъ дѣлѣ, въ которомъ принималъ участіе.

Чрезвычайно благодушный, «пріятельствовавшій» съ людьми разныхъ духовныхъ укладовъ, разныхъ политическихъ направленій, П. П. былъ рѣзко непримиримъ въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ. На порогѣ общественнаго дѣла его покидало благодушіе и «пріятельство», и онъ становился тѣмъ негнущимся, рѣзкимъ,—говорили иногда: грубымъ,—«докторомъ Розановымъ», какимъ знала его Ялта. Онъ былъ человѣкомъ опредѣленнаго, крѣпко сложившагося міровоззрѣнія. Изъ того, что опредѣляется широкимъ терминомъ «народничество», сложился его духовный обликъ, и идеалы 70-хъ годовъ служили до смерти его путеводной звѣздой.

Долгая печаль легла на эту рано угасшую жизнь... Въ томъ неравномѣрномъ распредѣленіи горя и радости, веселья и страданій, которое устраиваетъ для людей судьба,—на долю П. П. Розанова было неумѣренно изобильно отпущено горя и страданій и въ скудныхъ дозахъ достались радость и веселье...

Еще во владимірской семинаріи, вслѣдствіе слишкомъ суровыхъ условій жизни—онъ вышелъ изъ бѣдной духовной семьи—П. П. заболѣлъ тяжелой формой суставнаго ревматизма. Съ нимъ онъ поступилъ въ московскій университетъ, съ нимъ и вышелъ изъ него. Когда я занимался въ клиникѣ Захарьина, тамъ лежалъ студентъ медицинскаго факультета Павелъ Розановъ. Онъ уходилъ изъ клиники и снова приходилъ. И когда я, уже врачомъ, выздоравливалъ въ той же клиникѣ Захарьина отъ сыпного тифа, я нашелъ тамъ все того же студента Розанова въ ревматизмѣ. Между приступами жестокихъ болей онъ изучалъ медицинскую науку. Такъ онъ и окончилъ университетъ со сведенной ногой и потрясеннымъ здоровьемъ, и только Саки надолго избавили его отъ ревматизма. Избавили на долго, но не на всегда, и время, отъ времени ревматизмъ обострялся, и приходилось ему недѣлями лежать въ постелѣ со скрюченной и забинтованной ногой.

Послѣ клиники Захарьина мы долго не встрѣчались съ нимъ. Его тянуло къ клинической medicinѣ и уже врачомъ онъ два года работалъ въ клиникѣ проф. Кожевникова, но въ то же время его тянула къ себѣ и общественная медицина, санитарная дѣятельность,—тянула широтой своихъ перспективъ, великой нуждой рус-

скихъ селъ и городовъ въ оздоровленіи. И онъ началъ одновременно работать въ области общественной медицины и принималъ участіе въ только что складывавшейся тогда, въ срединѣ 80-хъ годовъ, московской городской медицинской организаціи... Великая нужда народа въ организаціи общественной медицины и оздоровленіи населенія перетянула его къ себѣ.

Черезъ два-три года по окончаніи курса, онъ былъ арестованъ и потомъ высланъ на родину, во Владиміръ. Вскорѣ онъ занялъ мѣсто городского санитарнаго врача въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это какъ разъ былъ свѣтлый промежутокъ между болѣзнями и періодъ напряженной работы.

Промежутокъ былъ не дологъ. Павелъ Петровичъ заболѣлъ туберкулезомъ легкихъ. Пришлось ликвидировать нижегородскую жизнь и переѣхать въ Ялту. И опять первые два-три года жизнь проходила въ смѣнѣ длительныхъ лежаній въ постели съ кашлемъ съ высокими температурами, съ кровохарканіями и легочными кровотечениями, и свѣтлыхъ промежутковъ напряженной работы.

Ялта сдѣлала свое дѣло. Періоды лежаній сокращались и дѣлались рѣже, и свѣтлые промежутки напряженной работы дѣлались чаще и длиннѣе.

13 лѣтъ его жизни въ Ялтѣ—были медленнымъ, но непрерывнымъ выздоровленіемъ. Не тревожилъ его ревматизмъ, и наконецъ, зарубцевалась каверна въ правомъ легкомъ, что, между прочимъ, мнѣ было удостовѣрено покойнымъ С. С. Боткинымъ, у котораго нѣсколько лѣтъ назадъ пролежалъ въ клиникѣ П. П., заразившійся брюшнымъ тифомъ во время пребыванія въ Петербургѣ.

Вѣроятно, жилъ бы онъ и работалъ и сейчасъ, если бы не подошелъ обновленный строй... Однимъ изъ первыхъ былъ высланъ Павелъ Петровичъ изъ Ялты. Онъ уже ранѣе поѣхалъ въ Петербургъ выяснитъ свое положеніе. Здѣсь догналъ его приказъ объ арестѣ, и его посадили въ Кресты. Его ялтинскія преступленія были таковы, что не послѣдовало ни ссылки, ни долговременнаго заключенія и даже не оказалось состава преступления, но Ялта уже и тогда, три года назадъ, отдѣлилась отъ Петербурга и полнота петербургской власти не распространялась на Ялту. Петербургское правительство не въ силахъ было вернуть П. П. въ Ялту и могло только разрѣшить ему жить въ Симферополѣ и съ согласія мѣстнаго губернатора даже занять постъ завѣдующаго санитарнымъ бюро таврическаго губернскаго земства.

Черезъ годъ послѣ переѣзда его въ Симферополь, — два года назадъ,—я увидѣлъ его и ужаснулся переменѣ, которая произошла съ нимъ. Зарубцевавшійся туберкулезный фокусъ праваго легкаго снова открылся и снова обострился ревматизмъ въ сведенномъ колѣнѣ. Начались обмороки отъ слабости. Тогда же П. П. уѣхалъ въ Саки, въ которыхъ не нуждался 25 лѣтъ. Поправился, но дни его уже были сочтены, и прошлымъ лѣтомъ, когда онъ отлеживался

отъ своего туберкулеза на морскомъ берегу Феодосіи, онъ говорилъ мнѣ о своей близкой смерти, духовномъ завѣщаніи, о душеприказчикахъ, которыхъ намѣтилъ.

Но и послѣ того онъ продолжалъ работать, все строилъ заново будущее зданіе санитарной организаціи въ Таврической губерніи, собиралъ совѣщанія, производилъ статистическія изслѣдованія, писалъ доклады, работалъ въ земскомъ собраніи, пока кровь не хлынула изъ горла и не залила теплившуюся жизнь...

Только за два дня до смерти П. П. я прочиталъ объ открытіи въ Симферополѣ новаго научнаго общества, имѣющаго задачей изученіе Крыма,—и одинъ изъ первыхъ намѣчавшихся докладовъ,—былъ докладъ доктора Розанова...

Столичнымъ людямъ довольно смутно рисуется и обликъ провинціального общественнаго дѣятеля и условія мѣстной жизни, въ которыхъ протекаетъ эта дѣятельность. Разныя рамки, разныя мѣрки... При большой концентраціи интеллигентныхъ силъ въ столицахъ, создающей, благодаря условіямъ русской дѣйствительности, превышеніе предложенія надъ спросомъ, и оставляющей тамъ неиспользованнымъ значительное количество интеллигентныхъ силъ, общественные дѣятели Петербурга и Москвы съ трудомъ могутъ представить себѣ все значеніе въ мѣстной жизни единичной интеллигентной силы,—энергичнаго и неутомимаго общественнаго дѣятеля съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ.

Если вообще «общественный дѣятель» сравнительно новый типъ для Россіи, ставшій возможнымъ только съ 60-хъ годовъ, то типъ провинціального общественнаго дѣятеля, можно сказать, складывался на нашихъ глазахъ.

Но за то провинція очень хорошо знаетъ своихъ дѣлателей жизни и по должной стоимости ихъ расцѣниваетъ. Отъ нихъ остается то благо, то здоровое и благородное, что вносили они въ мѣстную жизнь. И остается... память о нихъ...

С. Елпатьевскій.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4
„Русскаго Богатства“: отъ А. Троицкой—3 р. 60 к.;
политич. ссыльнаго И. Тоболина—5 р.; отъ І. Егорова—1 р.

Итого. . . . 9 р. 60 к.

А всего съ прежде поступившими 297 р. 94 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ Левина—5 р.

Съ благотворительной цѣлью: отъ Марковскаго, изъ Же-
невы—3 р. 74 к.; отъ Левина—10 р.; изъ Осташкова—1 р.;
отъ Н. Г.—5 р.; изъ газеты „Рѣчь“—113 р. 08 к.; отъ
М. Ч., изъ Орла—15 р.

Итого . . . 147 р. 82 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

1 р.
50 к.
въ мѣс.

ГИМНАЗІЯ

НА ДОМУ

СРЕДНЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЗАОЧНО.

1 р.
50 к.
въ мѣс.

РАСХОДУЯ 1 р. 50 к. въ м-цъ, никакихъ больше расхо-
дѣвъ! Учебныхъ пособій не
требуется! Всякій имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ
руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по но-
вѣйшимъ педагогическимъ методамъ.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,
подготовиться къ любому экзамену по разнымъ программамъ, на званіи
учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. училищъ, аптек.
ученик-цы, вольноопред. 1 и 2-го разряда, на клас. чинъ и т. д.

Проспекты высылаются бесплатно.

Адр.: С.-Петербургъ, Изд. Т-ву «БЛАГО», Коломенская, 33-11.

ВНИМАНІЮ МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОСИЛЬНЫХЪ!

●●● ФЕРРО-ЛЕЦИТИНЪ ●●●

Леопольдъ Столкиндъ и К^о.

Незамѣнимое средство для взрослыхъ, а особенно для дѣтей при малокровіи, блѣдной немочи, нервномъ разстройствѣ, болѣзняхъ костей, рахитѣ, золотухѣ и послѣ болѣзни, какъ укрѣпляющее, а также при беременности и кормленіи грудью. Главный складъ: Москва, Никольская, 27/29; Берлинъ, 0,27/6.

Продажа вездѣ, цѣна $\frac{1}{4}$ фл. 1 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ фл. 2 р. 50 к. и $\frac{1}{1}$ фл. 5 р. Спросите любого врача и онъ всегда посоветуетъ. БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО.

МИЛАЯ МАМОЧКА!

Покупай мнѣ шоколадъ съ лейцитиномъ Леопольда Столкинда, — мнѣ тоже хочется поздоровѣть, какъ Коля, Лиза и Петя. Они были такіе худые, блѣдные, слабенькіе, плохо бѣгали, а теперь смотри, какіе они румяные, толстые, сильные, а все отъ того, что ѣли много шоколаду съ лейцитиномъ Леопольда Столкинда.

Складъ у Торговаго Дома **Л. СТОЛКИНДЪ и К^о**
МОСКВА, Никольская. БЕРЛИНЪ 0. 27/6.

„СПЕРМИН^{оль}“

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ обмѣна веществъ (диабетъ, подагра, рахитъ), при неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой слабости, спинной сухоткѣ, невралгіи, при переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операций и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ сердечной дѣятельности (міокардитъ, ожиреніе сердца), сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за $\frac{1}{2}$ часа до ѣды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра Ф. М. Блюменталъ въ Москвѣ, оказалось, что „СПЕРМИНОЛЬ“ Леопольда Столкинда содержитъ цѣлебной части спермина значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. Пеля и другихъ фирмъ. — Копія протокола анализа высылается бесплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДЪ и К^о**
МОСКВА, Никольская, 17/19. БЕРЛИНЪ 0, 27/4.

Книгоиздательство и книжный складъ Т-ва „Общественная Польза“

Спб., Б. Подъяческая, 39, соб. д.

Башкинъ В. Разказы т. I. Содержаніе. Сестры. Молодо-зелено. Квартира. Тетя Ларя. Последніе дни Рѣпникова. Княгиня. Ц. 1 р.

Башкинъ В. Разказы т. II. Содержаніе. Больные. Потянуло. Москалевы. Начало. Красные маки. Ц. 1 р.

Беме. Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработаны для печати Маргаритой Беме, съ вступит. ст. Франка.

Бодларъ. Цѣты зла. Съ 2-мя портретами и характеристикой автора. Переводъ П. Якубовича-Мельшина. Ц. 1 р.

Беренштамъ, Владиміръ. Въ огнѣ защиты. Изъ впечатлѣній политическаго защитника. Ц. 75 к.

Бѣлевичъ. «Наши чтенія». Устройства литерат. вечеровъ и сборн. стихотвор. по декламации. Ц. 1 р. 50 к.

Бунаковъ, Н. Записки. Моя жизнь въ связи съ общерусскою жизнью, преимуществ. провинціальной. 1837—1905 гг. Съ портретомъ и факсимиле. Ц. 1 р. 75 к.

Гаринъ, Н. (Н. Г. Михайловскій). Сказки для дѣтей. Съ мног. иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Елпатьевскій, С. «Близкія тѣни». Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ, Успенскомъ. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, С. «За границей». Содержаніе. 1) Первые впечатлѣнія: Ривьера, Італія, Швейцарія, Парижъ. 2) Римъ. 3) Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ. Островъ Джерсей. 4) Во французскомъ вагонѣ. 5) Темный островъ (Корсика). 6) Ницца. 7) Італія. 8) Мессинское землетрясеніе. Ц. 1 р.

Корчемный, В. Разказы: 1) Лунная соната. 2) Записки стараго художника. Ц. 1 р.

Карменъ. Разказы т. I. Ц. 1 р.

Ладыженскій. Далекіе дни и друг. разказы. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разказы т. III. Содержаніе. Старухина земля. Мечты. Леонть. Старый Камора. Въ одномъ домѣ. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разказы т. IV. Ц. 1 р.

Никоновъ, Б. Въ стѣнахъ гимназій. Ц. 1 р. 25 к.

Первухинъ, М. Догорающія лампы. Сборн. разск. Ц. 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. Расколъ вверху. Очерки религіозн. исканій въ привилегированной средѣ. Ц. 1 р.

Преміровъ, М. Нѣмыя дали. Разск. Содержаніе. Дѣти города. Украли День. Скорбный листъ. Тихая сказка. Гемма. Счастье. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Разказы. Содержаніе. На зеленомъ дугу. Слѣпой кругъ. Качающійся фонарь. Въ виноградникѣ. Жадный. Въ вагонѣ. Вѣтеръ. На улицѣ. Какъ было. Старуха. На рѣкѣ. Разбитый домъ. Ц. 1 р.

Толстой, А. Н., графъ. Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Федоровъ, А. Разказы. Ц. 1 р. Подвигъ. Романъ Ц. 1 р. Камни. Изд. 2-е. Ц. 1 р. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Избранные разказы въ переводѣ Куприна, Бальмонта, Лукьянова, Батюшкова и др. Ц. 1 р.

Чириковъ, Е. Моя книга. Дѣтскіе разказы съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Чириковъ, Е. Въ царствѣ сказокъ. Съ иллюстр. въ пер. 2 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

Вельскій. Записки педагога. Съ вступ. письмомъ проф. Лесгафта. Ц. 1 р.

Вольнскій, А. О. М. Достоевскій. Крит. ст. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій. Исторія русской литературы. Ц. 40 к.

Мережковскій, Д. Л. Толстой и Достоевскій, т. I. Жизнь и творчество. Ц. 2 р., т. II. часть I. Религія. Ц. 1 р. 50 к., т. II. часть 2. Религія. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Большая Россія. Ц. 1 р. 25 к.

Овсянко-Куликовскій, Д. проф. Собр. соч. т. I. Гоголь, т. II. Тургеневъ, т. III. Толстой, Ц. 1 р. 25 к., т. IV. Пушкинъ, т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій. Ц. 1 р. 25 к., т. VI. Психологія мысли, чувства и творчества, т. VII. Исторія русской интеллигенціи, ч. I. 1 р. 50 к., т. VIII. Исторія русск. интеллиген., ч. II. 1 р. 50 к.

Стекловъ, Ю. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. Ц. 2 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Составляетъ новыя и пополняетъ существующія библіотеки: общественныя, публичн., школьн., сельск., заводск. и т. д.

По предварительному соглашенію высылаетъ магазинъ, библіотекамъ и т. д. всѣ вновь выходящія книги, или по отдѣльнымъ отраслямъ, немедленно по выходѣ.

Заказы высылаются налож. плат.

Каталоги по требованію безплатно.

ИЖНЫЙ
ая По

, соб. Д

новичъ, А. Рим
и зеленыхъ лу
вся фанеры въ
въ ватнѣхъ
до. Струпа въ
и. П. и р
А. А. Н., графъ

въ, А. Рязань:
манъ П. І. р. іа.
С. И. Успенскій.

Кушнина, Елена
Ивановна

въ. Е. Монахъ.
Иллюстрация. II
80

въ. Е Въ държавѣ
въ пер 1 р

въ Заграничнѣ

... при этом
... А. М. ...

40 Б.

Л. ЖЕЗЕ И
ЧАСТЬ I. РАЗН.

ть 2. Религия
овс:им. 1. Вино
Ц 1 р. 5 к

овский, А.
ко-Нуликовский, А.

Ці р. 26 в. 18

Холості війни
VII. Історія

...и р. 30 л.
...тедлинген. 1
...Ю. Н. Г. Ч...

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЫПОЛНЯЕТСЯ ПО
СЪЮЩАЮСЯ ВЪ ПО

...яють новітні
...бібліотек
...школь, сільськ

ДВАРТЕЛЬНИ
МАГАЗИН. СЕДЛО
15. ВЫХОДЯЩИЕ ИЗ

ВЪ ОТРАСЛИ

СМ ПО ТРЕБОВАНИЮ

ЛУЧШІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
для РЫБНОЙ ЛОВЛИ
 И. ГЛАЗУНОВЪ МОСКВА.
 Столешн. пер.

ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ
 И РУКОВОДСТВО УЖЕНІЯ
ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.
Каталогъ съ образцами
 высыл. за 3 семикоп. марки.
ЦѢНЫ ВНѢ
КОНКУРЕНЦІИ.

Оптомъ и
 въ розницу.

ЧАЙ ЦАРСКАЯ РОЗА

Если Вы поклонник
и любитель хорошего
китайского чая, если Вы
помните те удивительные чай, ко-
торые продавались в старину, лѣтъ двад-
цать тому назад, и если Вы любите съ на-
слаждением, вдосталь до сельского пога покусать
ароматного чайку, то немедленно требуйте изъ на-
шихъ складовъ на пробу хотя бы одинъ фунтъ нашего
знаменитого чая Царская роза. Ненчао. Чай Царская
роза только что полученъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь
свѣжій, нового урожая. По случаю хорошего урожая,
удачного сбора чай Царская роза выйдетъ такъ хорошъ,
какимъ давно не былъ и по своему качеству напомина-
етъ те старинные кяхтинскіе чай, которые хорошо
помнятъ всѣ любители и знатоки. Кто желаетъ воз-
можно скорѣе получить свѣжій чай, можетъ выписать
на пробу 1 фунтъ чая Царская роза Ненчао. Проб-
ный фун. высылается по оптовой цѣнѣ за 1 р. 85 к.,
3 ф. за 5 р. 25 к. и 5 ф. за 8 р. 45 к., при чемъ
всѣ расходы по пересылкѣ мы принимаемъ на
свой счетъ. Высылая чай отъ одного фун-
та по оптовой цѣнѣ, мы надѣемся,
что дадимъ возможность
всѣмъ по умѣреннымъ
цѣнамъ имѣть выдаю-
щійся по качеству чай.

Требования адресовать

**СКЛАДЫ
ЧАЕВЪ** **И. Е. ДУБИНИНА** Москва,
покровка, 55.
Подробный и интересный проспектъ чая, кофе и макао
высылается всѣмъ по требованію безплатно.

НОВАЯ КНИГА
„Мертвая
Зыбь“.

Романъ О. МИРТОВА.
Ц. 1 руб. 25 коп.
Изд-во „ПРОГРЕССЪ“. Сиб. Невскій, 34.
Продается во всѣхъ книжн. магаз.

НОВОСТИ!

ГЛУХИЕ!

„ОДИТОР“

Слуховой аппарат „ОДИТОР“
неминуемо действует!
Глухие приобретают
полноту слуха!

Обращаетесь с 4-х
коп. маркой на открытке и
требуйте бесплатно про-
спект по адресу:

Dr. J. Schroeter, Berlin-Charlottenburg 2/8
Д-р Я. Шрөтер, Берлин-Шарлоттенб. 2/8
Фамилию и адрес писать разборчиво!

Книжный магазинъ „ЖИЗНЬ“.

С.-Петербургъ, Морская, 15. Телеф. 332-29.

НАСТУПАЕТЪ ВЕСНА!!!

Торопитесь съ комнатнымъ посѣвомъ лѣтнихъ цвѣтовъ, съ пересадкой и оздоровленіемъ комнатныхъ растений.

Вышла новая книга профессора ЛАБАЛЕТРІЭ:

„Домашнія растенія и уходъ за ними“.

подъ редакціей извѣстнаго ботаника, прив.-доцента А. Г. Генкеля.

Часто бываетъ, что цвѣты и растенія, купленныя у садовника въ прекрасномъ видѣ, вскорѣ погибаютъ только вслѣдствіе неумѣлаго ухода, неправильной поливки, несвоевременной пересадки и отъ разныхъ, едва замѣтныхъ для неопытнаго глаза, болѣзней. Можно спасти и сохранить эти цвѣты и растенія на продолжительное время.

Книга написана общепонятнымъ языкомъ. Большое мѣсто удѣлено домашнему посѣву лѣтнихъ растений и цвѣтовъ и подготовкѣ для разсадки ихъ въ грунтъ. ЭТИМЪ МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ ДОРОГО СТОЯЩУЮ ПОКУПКУ ЦВѢТОЧНОЙ РАЗСАДЫ У САДОВНИКОВЪ. Уходу за декоративными и цвѣтущими, луковичными растеніями и орхидеями посвящено много вниманія, и всякій любитель цвѣтовъ и растений въ этой книгѣ найдетъ множество практическихъ, проверенныхъ на опытѣ указаній. Въ книгѣ 18 иллюстрацій. Цѣна 50 коп. съ пересылкой—65 коп.

ВЫШЛО ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ

Здоровый домашній столъ придворнаго повара Ю. МИХАЙЛОВА.

Скромный столъ. Вегетаріанскій столъ. Постный столъ.

Наряду съ самыми обыкновенными, необходимыми во всякомъ хозяйствѣ блюдами, каждая хозяйка здѣсь найдетъ массу новыхъ блюдъ, соусовъ, салатовъ, холодн. и гор. закусокъ. Въ этомъ новомъ, значительно дополнен. изд. вегетаріанскій столъ значительно расширенъ, введены также отдѣлы: маринады, напитки, квасоваренія, печеніе куличей, бабъ, пироговъ и прочихъ печевій, приготовленіе пасокъ, около 40 десертовъ, блюдъ. Всего 421 рецептъ. Все объяснено простымъ общепонятн. языкомъ, доступнымъ каждому возрасту. Цѣна 50 коп.; съ перес. 65 к., при выпискѣ налож. платежомъ 75 коп. Въ роскошномъ прочн. перепл. на 25 к. дороже.

Вышла въ свѣтъ новая книга Пьера Лоти

РЫНОКЪ ЛЮБВИ.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Въ книгѣ 4 иллюстр. на отдѣльн. лист.

Лица, выписывающіе не менѣе 2-хъ книгъ, за перес. не платятъ.
За наложен. плат. взимается 10 коп.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ ВЫДАЕТСЯ И ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Книжный магазинъ «ЖИЗНЬ», С.-Петербургъ, Морская, 15.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬБЕРА.

Притная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсяца. возраста до ю лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. Облегчаетъ перевариваніе зубовъ и обуславливаетъ правильное развитіе костей.

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ

Курсы газеткой техники.

е въ Рос. Суп. 5-й г. Лично и заочно подготов. лицъ об. подл въ сотрудники спец.: фельд., статьи, разск., корресп., теногр. и пр. Выд. свид. рек. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет. на жадов. годр. за 7 к. м. Лекции и матер. Леон. Андреева, Амфитеатрова., Дорошевича, Зуприна, Юшкевича. Одесса, Дерибасовская, д. Мих. № 21, Чивонибару.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОТЪ РЕВМАТИЗМА ИНФЛУЭНЦЫ ПРОСТУДЫ

ПЕНЬ-ЭКСПЕЛЕРЪ

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ГЛАВНЫЙ СЛАДЪ

Ф.А.Д.РИХТЕРЪ И К^О

С-ПЕТЕРБУРГЪ

НИКОЛАЕВСКАЯ УЛ. Д. № 16

Ф.А.Д.РИХТЕРЪ И К^О

ДАМЫ И БАРЫШНИ. Благодар- ченныя мною почти отъ всѣхъ моихъ заказчицъ, даютъ мнѣ право просить отнестись ко мнѣ съ полнымъ довѣ- ріемъ, въ чемъ и Вы убѣдитесь Заточ- ное и добросовѣстное исполненіе за- каза ручаюсь. Совѣтую выписать по фабричнымъ цѣнамъ **НОВОСТЬ ПОСЛѢД- НИГО СЕЗОНА.** Изящн. бархатная блузка: грудь, воротникъ и манжеты роскошно вышиты, шелкомъ гладью въ прикром- номъ видѣ, годная къ шитью на каждую фигуру. Цвѣта: черныи, бордо, темно- синій, темно-зеленый, табачный высла- ло за 5 руб. 25 коп. наложеннымъ платежомъ и безъ задатка.

Блузка изъ чист. шерст. матеріи **„ВУАЛЬ“** съ такой же роскошной вышивкой
Блузка изъ чистаго шелкового канзауса, вы- шита гладью или ажуромъ сортъ Prima
Блузка изъ канзауса № 2 такой же вышивкой
Блузка изъ самой модной шелковой матеріи **„ПОПЕЛИНЪ“** съ роскошной вышивкой
Изшелк. флореттина выш. гладь, или ажуромъ
Цвѣта: черныи, кремъ, розовый, голубой, пунцовый, табачный и др. Фасонъ послѣдняго жур- нала прилагаю бесплатно

Английская Верхняя Юбка изъ самаго элегант- наго, моднѣйшаго и практичнаго шевіота, шитье, отдѣлка и крой по новѣйшимъ моделямъ съ высокой таліей цвѣта: черныи, т.-синій, корич- невый, табачный, темно и свѣтло-сѣрый, затка- ныя новомодными искрами высылаю за

Юбка изъ гладкаго Шевіота Прима отдѣл. Шелков. тесьмой и пуговъ съ высокой таліей Юбка изъ чисто-шерстн. матер. **„ГЛОРИЯ“** съ роскошной отдѣлкой съ шелков. поясомъ Юбка изъ Альпага отдѣл. пугов.

Юбка изъ Шелковист. Альпаги ничѣмъ не отличающей отъ шелк. матер. отдѣл. блестящ. тесьмой крой кокетка

Юбка изъ загран. шерст. матер. **„ВЕНЕРА“** съ высокой таліей отдѣл. либерти и пугов. спереди въ складк. и кокеткой послѣд. новостъ

Юбка изъ Полосатой матеріи **„НОВЕРНОТЪ“** отдѣл. либерти пугов. кокеткой съ высок. таліей Юбка изъ загран. бархата, отдѣлана ш.ро- кой шелков. тесьмой съ обыкновенной таліей

Такая же юбка съ Корс. т. е. высок. тал. на 1 руб. 50 коп. дороже

Всѣ юбки могутъ быть черныя, темно-синія, табачныя и другіе цвѣта. При заказѣ указать объемъ въ бедрахъ, талии и длину юбки.

Адр.: Вышивальня „МАРИЯ“ Варшава, Павья, II, отд. 3

Р. К.	
4	—
6	90
5	25
6	75
4	10
5	25
7	75
8	75
6	50
8	75
11	25
12	—
14	50

Каталогъ книгъ

(Остатки изданій В. Солдатенкова и др. по удешевленной цѣнѣ) высылаются без- платно книжнымъ магазиномъ **И. М. ФАДЪЕВА.** Москва, Моховая ул., домъ графа Веккендорфа.

Географическій Словарь Россіи

подъ ред. Д. И. Рихтера, 6. статистика Тверск. губ. земства.

Справочная книга содержитъ до описаній городовъ, селъ, губерні., всѣ почтовые, телеграфныя и же-

100-000

экономическихъ, историческихъ рѣкъ, горъ, рудниковъ, фабрикъ, лѣзнодорожныя станціи.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РОССІИ выходитъ выпусками по 3 листа. Цѣна по подпискѣ—7 руб., съ перес. 8 р., допускается разсрочка—при под- пискѣ 3 р., по выходѣ 8-го вып.—остальные.

Вышелъ 4 й вып. (Вегле—Вуекоша) и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, ц. 35 коп. съ пер. 40 к.

ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО. Изданіе 1. Лурье, СПБ., Гороховая, 48.

Книги съ больш. уступкой

ПРЕДЛАГАЕТЪ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ А. И. ФЕДОРОВА.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 167 (у Измайловскаго моста). Тел. 278-28.

Изданія Т-ва «Просвѣщеніе» (книги въ соверш. новомъ видѣ, въ редакціонныхъ переплетяхъ):

Большая Энциклопедія, 20 томовъ вмѣсто 120 р. за 40 р.

Вся природа: I т. Гааке. Происхожденіе животнаго міра, вм. 7 р. 50 к. за 4 р.; 3 тома Бремъ. Жизнь животныхъ, вм. 24 р. за 15 р.; 2 тома Ранке. Человѣкъ, вм. 15 р. за 9 р.; 2 тома Кернеръ. Жизнь растений, вм. 15 р. за 10 р.; 2 тома Ратцель. Народовѣдѣніе, вм. 15 р. 10 р.; 2 тома Неймайеръ. Исторія земли, вм. 15 р. за 10 р.; Мейеръ. Мірозданіе, вм. 8 р. 50 к. за 5 р.

Изданіе ж. «Природа и Люди»:

Нарзинъ. 20 том.—5 р.; Немирович-Данченко. 30 т.—6 р., Жюль-Верна 88 т. 8 р. Полн. собр. соч. писателей, бывш. прил. къ журн. «Нива». Боборыкинъ 12 т. 2 р. въ перепл. 4 р. Гауптманъ 10 т. 1 р. 50 к. въ перепл. 3 р. Гейне 16 т. 1 р. въ перепл. 3 р. Гоголь 12 т. 2 р. въ перепл. 4 р. Гончаровъ 12 т. 6 р. въ перепл. 9 р. Горбуновъ 4 т. 75 к. въ перепл. 1 р. 50 к. Грибоѣдовъ 1 т. 50 к. въ пер. 75 к. Григоровичъ 12 т. 5 р. въ перепл. 8 р. Данилевскій 24 т. 3 р. въ перепл. 6 р. Достоевскій 24 т. 9 р. въ перепл. 13 р. Екатерина II 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Жуковский 12 т. 1 р. въ перепл. 2 р. Ибсенъ 18 т. 3 р. въ перепл. 6 р. Козловъ 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Кольцовъ 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Лермонтовъ 4 т. 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р. Лѣсковъ 36 т. 3 р. въ перепл. 9 р. Ломоносовъ 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Мельниковъ-Печерскій 22 т. 5 р. въ перепл. 8 р. Михайловъ-Шеллеръ 50 т. 4 р. въ пер. 10 р. Полежаевъ 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Салтыковъ-Щедринъ 40 т. 4 р. въ перепл. 10 р. Станюковичъ 40 т. 4 р. въ перепл. 10 р. Толстой, Ал. 12 т. 2 р. 50 к. въ пер. 5 р. Тургеневъ 12 т. 9 р. въ перепл. 11 р. Успенскій 28 т. 4 р. въ перепл. 7 р. Фонвизинъ 1 т. 50 к. въ перепл. 75 к. Чеховъ 16 т. 7 р. въ перепл. 10 р.

Блюхъ. Финансы Россіи XIX столѣтія 4 т. за 4 р.

Его-же. Будущая война 5 т. за 3 р.

Радцигъ. Финансовая политика въ Россіи съ 87 г. за 50 к.

Его-же. Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ различн. государствахъ за 1 р.

Его-же. Производство овса и пшеницы на земномъ шарѣ за 30 к.

Желѣзо и уголь на Уралѣ, сост. Е. Рогозинъ, съ политипажами, вѣдом. схематич. картой. Ц. вм. 3 р. за 1 р.

Народное благосостояніе по демографіи

ческимъ даннымъ, сост. А. Мальшинскій около 200 стр. за 40 к.

Л. З. Слонимскій. Основные вопросы политики. 389 стр. Вм. 2 р. 50 к.

Ю. Янсонъ. Опыт. статистическ. изслѣд. о крестьянск. надѣлахъ и платежахъ, съ прилож. «Очерка правительств. мѣръ по переселенію кр-въ послѣ 1861 г.» 166+102 стр. Вм. 1 р. 50 к. за 50 к.

Ю. Янсонъ. Сравнительн. статистика Россіи и Зап.-европ. государств. Капиталистическ. трудъ. 632 стр. Вм. 3 р. 50 к. за 1 р.

Очерки русскаго прогресса статьи истор. обществ. и критико-біографич. Б. В. Глинскаго; больш. томъ—578 стр., съ 36 портрет. и иллюстр. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р.

А. Плансонъ. Былое и настоящее. Воспоминанія о нѣкотор. выдающихся людяхъ и событія 40-хъ и послѣд. годовъ. Выводы, параллели мысли. 327 стр. за 50 к.

Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени съ рисунками одеждъ и вооруженія, картами, планами сраженій и укрѣпленій, соч. А. Петрова. 2-ое изд. 2 тома около 1000 стр. Вм. 5 р. за 3 р.

Механика. Руководство для низш. учебн. ремесл. заведеній и для кочегаровъ. Сост. фабр. инспектор. Васильевымъ. 2-ое изд. Вм. 2 р. за 50 к.

А. И. Голубевъ. Сборн. справокъ и численій по механич. и строительн. части. Вм. 70 к. за 50 к.

А. А. Недзьялковскій. Сборникъ правилъ и формулъ строительной механики, въ 2-хъ приложенияхъ къ мостовымъ и гражданск. сооруженіямъ. Ц. за 2 тома вмѣсто 7 р. 50 к. за 2 р.

Огюсть Контъ. Курсъ положит. философіи. Т. I. Философія математики. Перев. подъ ред. проф.—овъ Глазенапа, Хвольсона, Менделѣева и др. Вм. 3 р. за 1 р.

А. Брентано, его жизнь, возрѣнія и школа; сост. В. Святловскій 2-й. 212 стр., съ портр. Брентано. Вм. 1 р. 25 к. за 40 к.

Карусъ. Сравнительная психологія или исторія развитія души на различн. ступеняхъ животнаго міра. Переводъ съ нѣм. болѣе 200 стр. съ рис. Вм. 1 р. 30 к.—30 к.

Очерки астрономіи Дж. Гершеля. Полн. перев. съ англ. Ц. за 2 тома вм. 3 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Словарь ружейной охоты. Сост. С. Н. Романовымъ. Съ хромофотограф. таблицами и политипажами. Ок. 600 стр. Вм. 3 р. 50 к. за 1 р.

Цѣны безъ пересылки. КАТАЛОГЪ КНИГЪ. № 9, 1910 г. вышележъ и разсылаются бесплатно. Торговля ФЕДОРОВА. Спб. по Вознесенскому, у Измайловскаго м., № 167.

Вышелъ и разсылается первый выпускъ новаго изданія
Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО.

при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изданіе ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской литературы, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи“ дастъ не только схему, но и возможно богатую фактами картину культурнаго развитія. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, къ каждой изъ пяти частей „Русской Исторіи“ будутъ даны особыя прилож. (всего 25—30 печатн. лист.), заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатѣмъ комментариемъ. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ богато иллюстрирована снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (до 100 иллюстрацій на отд. листахъ, воспроизведенныхъ способами *Mezzotinto Duplex* и *Mattdruckkunst*), а также историческими картами и картограммами. Указанныя выдержки въ связи съ особенностями самаго текста и иллюстраціями къ нему должны сдѣлать „Русскую исторію“ своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведен. и учителей начальной и средней школы. Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большаго формата въ 10 выпускахъ. Цѣна изданія по предварительной подпискѣ съ пересылкой 20 р.; 2 р. уплачивается при заказѣ и по 1 р. 80 к. при полученіи каждого выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ВА „МІРЪ“
Карусь Штерне

„ЭВОЛЮЦІЯ МІРА“.

Научно-популярн. исторія міроздавія и началъ культ. Переводъ подъ ред. В. К. Агафсона съ посл. нѣм. изд., переработан. В. Бельше, съ дополн. статьями проф. Н. А. УМОВА и Н. А. Морозова. Изданіе составитъ 10 вып., по 128—169 стр. каждый, и будетъ заключ. около 820 рисунк. въ т. ч. 49 однотонныхъ цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна изданія съ пересылкой безъ переплета 15 руб.; въ издѣл. дерматиновомъ переплетѣ въ 3-хъ томахъ 17 р. 25 к. Условія подписки: 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждого выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждого тома, по 10 к. за переводъ платежа. Вышло 8 выпусковъ.

Исторія русской литературы XIX ВѢКА.

Подъ ред. академика **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.**

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ **С. Е. Маковскаго.**

ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО.

Главная контора Т-ва „Міръ“, Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: Спб., Невскій, 55, Кіевъ, Кузнечная, 14, кв. 5.

Книги за полцѣны!

Высылаетъ Центральный Книжный Складъ

А. А. Климонова.

Спб., Вознесенскій пр., здан. Ново-Александровскаго рынка, № 163, у Измайловскаго моста. автор. Всего около 800 стр., цѣна съ пер. за 8 том. 1 р. 75 к.

ХОРОШІЙ ТОНЪ или искусство быть всегда занимат. въ обществѣ. Практ. руков. для дамъ и мужчинъ. ц. 1 р., за 50 к.

КУРСЪ КРОЙКИ, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ, съ 520 рис. въ текстѣ, ц. 3 р., за 1 р. 50 к.

Новѣйшія книги по полов. вопросу.

1) **ЖАФФЕ-КОЧЕЙНОНЪ**. Аборты. Стремление къ бездѣтному браку, 2) **ЕГО-ЖЕ**. Эротическое помѣшательство. 3) **ЖЭСАННЪ**, проф. Источеніе мужчинъ и его лѣченіе. 4) **ГОЛОВИНЪ**, А. Д-ръ. Бѣлы у женщинъ. 5) **ЮРЬЕВЪ**, А. Д-ръ. Поллюціи. 6) **ЖЕРАРЪ**. Новѣйшія причины безплодія у обоихъ половъ. **СЕКРЕТНЫЯ ВОЛЪЗНІЯ**. Распознаваніе ихъ, мѣры противъ заболѣваній, лѣченіе и рецепты лекарствъ. Цѣна за 7 кн. вм. 6 р., съ пер. 3 р. 50 к., отдѣльно по 75 к.

НОТАРИ, Т. «Эти» женщины. Сцены современной жизни (Дневникъ проститутки), ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

КЕЛДЕРМАНЪ. Исторія одной любви. Цѣна 1 р., за 50 к.

Поступило въ продажу иллюстр. 22 сборн. пикантныхъ юморист. стихотв., шутокъ и остроутъ.

1) Амуръ и Венера; 2) Веселая вдова; 3) Въ чуждй постели; 4) Гимны амура; 5) Дамы веселья; 6) Захочу — полюблю; 7) Качели; 8) Китайка; 9) Любовь XX в. 10) Матчишъ; 11) Наши кокетки; 12) Петерб. Карменъ; 13) Петерб. ночи; 14) Тихо и плавно качаясь...; 18) Торреадоръ; 19) Три сестры; 20) У васъ есть что предъ-явить? 21) Чары любви и 22) Экспроприация. Около 600 стр., ц. вм. 3 р. 30 к. съ пересылкой, за 2 р. 20 коп.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Миръ, какъ воля и представление. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

«ПОСЛѢДН. НОВОСТИ» 6 литературно-художеств. сборн. А. Куприна, И. Бунина, Ан. Каменскаго, Д'Аннунціо, Н. Морозова, Д. Овсянко-Куликовскаго, Н. фонъ-Гукъ и др. извѣст. писат. 1) «ПРИВОЙ», 2) ПРОПИЛЕИ, 3) «ЗАРИЦЫ», 4) «КРИКЪ ЖИЗНИ», 5) «ВЕРШИНЫ» и 6) «ЗЕЛЕНЫЙ СБОРНИКЪ» около 1600 стр. съ рис. ц. за 6 т. вм. 8 р. съ перес. 4 р. 90 к., отдѣльно по 1 р. за томъ.

ЦѢНЫ ВЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ, кромѣ тѣхъ, на которыя таковая указана. Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ бесплатно.

РЕНАНЪ, Э. Апостолъ Павелъ, ц. 1 р. 10 к. за 55 к.

ЕГО-ЖЕ. Апостолы, ц. 75 к., за 37 к.

ЕГО-ЖЕ Жизнь Иисуса, ц. 80 к. за 40 к. **РОМАНОВЪ**, С. И. Словарь для ружейныхъ охотниковъ, сомнож. рисунк., 572 стр. ц. 3 р. 50 к., за 1 р. 75 к.

РУБАКИНЪ, К. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста, ц. 85 к., за 42 к.

ЕГО-ЖЕ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Очерки и наброски публициста, ц. 80 к., за 40 к.

САЛЬНИКОВЪ, А. Настольный Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы, ц. 60 к., за 30 к.

Новѣйшіе полные самоучители.

1) французскаго, 2) нѣмецкаго, 3) англійскаго и 4) латинскаго языковъ. Съ приложеніемъ прописей и главн. прав. чисто и правописанія, 771 стр. цѣна за всѣ 4 самоуч. вм. 3 р., съ перес. 2 р.

ФИЛОСОФОВЪ, Д. В. Слова и жизнь. Литературные споры нов. времени (1901—1908 гг.). Ц. 1 р. 25 к., за 62 к.

КСЕНДЗА ХИНИКВИ. Дѣвушки и ихъ «просвѣтителы». Предсмертныя разоблаченія и факты изъ жизни «безбрачныхъ» ксендзовъ. Ц. 1 р., за 50 к.

ШЕРВЕНЪ. Заиканіе и способы самоизлѣченія. Ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

«ГАЛЛЕРЕЯ КРАСАВИЦЪ». Большой т. in folio съ 208 фотографіями съ картинъ извѣстн. русск. и иностр. художн. Ц. вм. 5 р. съ перес. 3 р. 25 к.

ПОСЛѢДН. ПРОИЗВЕД. ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО. Серия неизданныхъ въ Россіи сочин. 12 вып., около 500 стр. за всѣ 12 вып. съ перес. 1 р. 75 к.

ЛОТИ, П. Современная жизнь турецкихъ гаремовъ. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

900 СОВѢТОВЪ страдающ. различными болѣзнями изв. проф.: Рунге, Эйхгорста, Багинскаго и др.

Беременнымъ, чахоточнымъ, малокров., секр. бол., золотушнымъ, рахит., диабет., гемоороемъ и др. Цѣна за всѣ 10 в. вм. 3 р. съ перес. 2 р.

ШОЙЕНЪ. Бѣлыя рабыни. Позоръ XX в. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

«ВРОССЪ». Сборникъ изящной европейской литературы ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Продолженіе см. на 3-ей страницѣ обложки.

12*

КНИЖН. СКЛАДЪ Д. И. МАРКОВСКАГО

С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22

предлагаетъ вниманію провинціальной публики нѣющуюся на складѣ серію популярн. научныхъ изданій (извѣстн. Книгоиздательства О. И. Бриллиантовой въ Москвѣ).

НУЖДА ПРОВИНЦІИ

Въ хорош. руководствахъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ домашн. быта и общественной жизни дастъ намъ надежду, что въ нижеслѣдующ. короткомъ перечнѣ изданій многіе найдутъ полезную и необходимую для себя книгу.

Книги высыл. наложен. платеж. безъ задатка подробн. каталоги высыл. безплатн. Заказы исполн. немедленно. Пересылка за счетъ покупат. Требованія и письма адресовать С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22. Д. И. МАРКОВСКОМУ.

Новое 4-е изд., дополн. всѣми новѣйш. узакон.. Общедоступн. по своей дешевизнѣ. (Спутникъ тяжущагося).

ЗАКОНЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Настольн. справоч., книга, заключ. въ себѣ излож. всѣхъ законовъ Рос. Имперіи, съ котор. приходится чаще всего сталкиваться въ обществ. и незнаніемъ котор. никто не можетъ отговариваться. Полный гражданскій и уголовный судебникъ. Общепон. для каждого языкомъ изложенный курсъ граждан., уголов., торгов., финанс. и полицейск. права, уголовн. и гражданск. судопроизводства. Русское освободит. движеніе и коренная реформа Госуд. строя Россіи. Государ. Дума и ея законодат. дѣятельность. Въ настоящее изданіе вошли въ качествѣ дополненія всѣ высочайшіе манифесты, правительств. акты, законы и законопроекты Госуд. Думы различн. ея фракцій, касающ. преобразованія основн. законовъ Имперіи и расширенія правъ рус. гражд. Ц. 2 т. 5 р. въ хор. пер. 6 р. 10 к.

2-е вновь пересмотр. исправ. и дополн. изд.

ПОЛНЫЙ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Книга для крестьянъ. Подробный системат. сборн. законоположеній, узакон. и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и крест. учреждений. Реформа крест. законодат. и новый земельный строй. Историч. очеркъ правит. работъ по пересмотру законодат. о крестьянахъ. Высоч. повел. 12 авг. 1903 г. объ уступкѣ крест. банку удѣльныхъ земель для продажи крестьянамъ.—Именной Высочайшій указъ 27 авг. 1906 г. о продажѣ крестьянамъ казен. земель. Имен. Высоч. указъ 5 окт. 1906 г.—объ отнѣсѣ нѣкот. ограниченій въ правахъ сельск. обывателей и другихъ бывшихъ податныхъ сословій.

Настольная необходимая справочная книга. Въ 2-хъ т. и 6 част. (Болѣе 1200 стр. печати). Сост. кружкомъ студентовъ пол. общ. ред. К. С. Краевского. Ц. 4 р. въ хор. колѣнкор. пер. (въ 2-хъ кн.). 5 р. 50 к.

Необход. наст. справ. книга для правосл. облаго и монаш. духовенства и всѣхъ лицъ близко стоящихъ къ церковн. управленію. Изданіе 2-е. Изданіе неофіціальное.

ПОЛНЫЙ КРУГЪ ДУХОВН. ЗАКОН.

Собр. необход. свѣд. для духовныхъ консисторій, благочинныхъ, церквей и монастырей, настоят. соборовъ приходовъ, городск. и сельск. церквей, церковн. старостъ и духовн. слѣдователей. Реформа церковнаго управленія. Новый законъ 1-го апр. 1906 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости (на осн. п. 6. указа 12-го дек. 1904 г.) Теоретич. постановка вопроса объ укрѣпленіи патріаршества и о созывѣ церковн. собора. Реформа бракоразводн. процесса. Зак. 26 мая 1904 г. Образцы и формы церковн. документовъ, устройство духовн. судопроизводства, сборн. церк. гражд. постановленій на разные случаи при отправленіи требъ по приходу. Сост. на основ. дѣйствующихъ законовъ, узаконеній, распоряженій и разъясненій Свят. Правит. Синода и церковн. практики до послѣдн. времени. Въ 4-хъ част. Сост. кандидатъ богословія юристъ Н. П. Соловьевъ. Большой томъ (500 стр.) мелкой убористой печати. Цѣна 2 р., въ хор. колѣнк. съ зол. тисн. пер. 3 р.

2-е дополн. изд. Необход. практич. руководство для всѣхъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность. Изд. неофіціальное.

ПОЛНЫЙ УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

и необход. справ. книжка для новобранцевъ. Съ прилож. устава о земск. повинности.

Д. И. Марковский. С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22.

ТАРНА тобываемыхъ для потребностей войскъ. ополненъ всѣми позднѣйшими узаконе- ниями, распоряж. Правит. Сената, прика- ми по военному вѣдомству и другими равит. распоряженіями. Сост. С. П. По- ковъ. Ц. 1 р., въ хор. коленк. пер. 1 р. 50 к.

Необходимая книга для всѣхъ. Изд. 2-е.

АДВОКАТЪ-ПРАКТИКЪ.

ВИАН Полное и новѣйшее руковод. къ самоза- щитѣ въ судебн. и администрат. учрежд. съ помощи адвокатовъ и вообще повѣ- нныхъ, заключ. въ себѣ общія понятія римск. и исполн. законовъ Рос. Имперіи. одн. самоуч. къ составл. на основ. при- ож. образцовъ и формъ разн. рода дѣ- ов. актовъ и бумагъ, къ состав. проше- й, на Высоч. Имя приносимыхъ и пода- емыхъ въ Высшія Правит. учрежд. а же и друг. дѣловыхъ бумагъ, какъ то: охвн. завѣщ., купчихъ крѣпостей, дар- вен. записей, договоровъ подряда и по- авки, довѣренностей и т. д. Въ 7-ми част. ставлено кружкомъ юристовъ подъ ред. менова и Соколова. Болѣе 600 стр. Цѣ- 2 р., въ коленк. съ золот. тисн. пер. 3 р.

ОДРОБН. СИСТЕМАТИЧ. СБОРН.

ВИАН образцовъ и формъ дѣлового письмоводства. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Полное прак- тич. руководство къ составленію всякаго рода прошеній, дѣловыхъ актовъ и бумагъ. Въ 2-хъ част. Сост. соответственно но- вѣйшимъ указан. К. О. Краевскій. Около 600 стр. Изданіе второе. Цѣна 3 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб.

изданіе 9-е, исправленное и дополненное.

АМЫИ ПОЛН. СЛОВТОЛКОВАТ.

ВИАН остранныхъ словъ, 150,000 вошед. въ рус- сій языкъ. Съ подр. всестор. изслѣдова- ніемъ о значеніи и понятіи каждого слова. лнѣйшій изъ всѣхъ издан. доселѣ слова- й. Сост. филологами Соколовымъ и Кре- ромъ, вновь обраб. и доп. по новѣйш. точн. С. Н. Алексѣевымъ. 1600 столб- въ печати. Громадн. томъ. Ц. 1 р. 50 к., ликол. перепл. съ золот. тисн. по 75 к., пересылку слѣдуетъ прилагать по 60 к. кажд. экз. Лица, жел. выписать не вѣе 10 экз., могутъ получ. не почтой, багажомъ по ж. д. на ближ. станцію д.; такая перес. стоитъ за каж. 100 я. 15 к. съ пуда. Въ 10 экз.м. вѣсу 1 п. стные отъвы объ этомъ капиталн. даніи помѣщены въ «Курьерѣ», «Семѣ», «уस्क. Вѣд.», «Нивѣ» и проч. періодич. изданіяхъ.

Д. И. Марновскій. С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22.

Два новѣйшихъ самоучителя

ФРАНЦУЗ. и НѢМЕЦК. ЯЗЫКОВЪ.

(Каждый самоуч. прод. отдѣльно). Изд. 4-е. Полное общепон. руковод. и грамматика, при помощи кот. каждый имѣетъ возможн. въ корот. время безъ пом. учителя научиться правильно читать, писать и гов. по-франц., по-нѣмец., съ прилож. прописей. Составл. и систем. по методѣ Олдендорфа и дополн. по руков. Робертсона, Шульца, Фукса, Марго, Берлица и др. новѣйш. источн. подъ общей ред. преподав. иностр. яз. К. Дю Гимель. Въ кажд. руков. два боль- шихъ тома. Ц. 1 р. 50 к., въ хор. пер. 2 р. За оба руков. 3 р., а въ пер. 4 р. Выпис. одновр. по 5 экз. каждого руков. безъ пер. получ. ихъ вм. 15 р. за 12 р.

Два новѣйшихъ самоучителя

АНГЛ. и ИТАЛЬЯНСК. ЯЗЫКОВЪ.

Обраб. по Henri Wild, Polyglotte Kuntze Фридрихсонъ. Въ каждомъ руководствѣ два большихъ тома около 500 стр. Ц. 2 р., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ 3 р., за оба руководства 4 р., а въ хорошемъ переплетѣ 6 р.

СБОРНИКЪ

образц. дѣтск. игръ, занятій и забавъ въ комн. и на воздухѣ. Съ 40 поясн. рис., заключ. въ себѣ: игры мячемъ, камешками, шариками, палками и деревяшками; разн. игры съ движеніями, домашнія игры для дѣтей, со жгуткомъ, завяз. глазами, вечерн. или сумеречныя игры, метанія въ снаряд- ныя игры, разгадки, вопр., шутки и проч. Сост. М. Рахмановъ. Цѣна 1 р. въ хор. пер. 1 р. 50 к.

ВИНТЪ

и другія коммерческія карточные игры. Какъ- то: преферансъ, вистъ, ералашъ, пикетъ, безикъ, рамсъ, стуколка, шестьдесятъ- шесть и т. д. Съ полн. объясн. правилъ и законовъ винта. Съ описаніемъ игры въ винтъ классич., съ прикуп., съ перес., съ гвозд., гусар. кавказ. и проч. Сост. люби- тель и членъ мног. моск. клубовъ О. П. Подтапцевъ. Второе доп. и просмотр. изд. Ц. 1 р., въ хор. пер. 1 р. 50 к.

А. Ланскій и В. Стюартъ. Полн. руков. къ теоретическ. и практическому изученію

ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

Сборникъ партій, игран. всемірно-извѣ- стными игроками. Шахмат. задач. съ отв. и разьяснен. Ц. 1 р. 50 к., въ хор. пер. 2 р.

Продолженіе этого объявленія смотри на оборотѣ.

Новая полная школа для самообучения ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ.

Рисов. карандаш, тушью, сепией, аквар. и маслян. красками, гуашью и пастельными каран. по бум., картону, полотну, барх., атласу и дереву. Изуч. живописи по новейш. упрощ. методамъ. Сост. по лучш. иностр. руков., сог. указан. проф.: итал., франц., нѣм. и англ. акад. художеств. худ. Л. Первухинъ. Въ 2-хъ и 4-хъ отд. съ прилож. къ книгѣ атласомъ превосход. исполн. копій съ оригиналовъ знамен. худож. для копиров. Цѣна 2 р. въ роск. кол. пер. 3 р.

ИСКУССТВ. ЦВѢТЫ И РАСТЕНИЯ.

Практич. настав. къ изгот. домашн. способомъ изъ недор. матеріаловъ всевозм. декорат. и модныхъ искусств. цвѣтовъ и раст. изъ бумаги, воска, атл., шелка, барх., разн. тканей и кожи. Пригот. всякаго рода изд. изъ цвѣт. рисовой бум., различ. цвѣтовъ изъ папье-маше и бум. массы; украш., абажуровъ, обложекъ для цвѣт. горшковъ и т. д. Въ совр. стилѣ „Декадансъ“ и „Модернъ“. Со множ. рис. Символика цвѣтовъ и красокъ. Сост. Е. М. Маджугина. Цѣна 1 р. 50 к., въ хор. кол. пер. 2 р. 50 к.

Полная популярная энциклопедія научныхъ и практическихъ знаний.

ЖИЗНЬ ВСЕЛЕННОЙ

(Земля и небо) Общеодст. школа самообраз. и саморазв. Подр. курсъ естеств. и умозрит. наук. Математика.—Физика.—Химія. Анатомія.—Зоологія.—Ботаника.—Географія.—Астрономія.—Технологія.—Догматич. аппологет. и нравств. богословіе.—Философія.—Соц. науки.—Законодѣд.—Политическая экономія. Болѣе 600 художественно-исполненныхъ полиграфическихъ рис. Сост. кружкомъ спец. по лучш. русск. и иностр. источн. Ближ. участіе при состав. различ. отдѣловъ книги принимали: Орловъ, Лавровъ, Краевскій, Дудышкинъ, Назимовъ, проф. Рулье и другіе, подъ общ. редакціей Реддавей. Цѣна за два тома—5 р. въ кол. зол. пер. 7 р. 50 к.

КНИГА ПРИРОДЫ.

Все естествознаніе. Ботаника, зоологія, физіологія и палеонтологія. Это капит. сочин. выдерж. на нѣм. яз., въ настоящее время вышло подъ ред. проф. Швабе, Томе, Бэхтера и мног. друг. изв. ученыхъ. Полный перев. съ послѣд. 23-го нѣм. изд. подъ ред. проф.-акад. С. И. Коржинскаго и проф. С.-Петербургскаго унив. В. Т. Шевякова. Большой томъ, болѣе 500 стр. Цѣна 4 р., въ велик. пер. 5 р. Книга для самообраз. и можетъ служить украшеніемъ всякой бібліотеки и любой гостиной.

Д. И. Марковский. С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22.

А. Лавровъ и С. Краевскій. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НОЧИ.

Полн. общедост. астрономія. Прекр. подарокъ во всякое время для всѣхъ возрастовъ. Въ трехъ частяхъ, съ 200 рис. и тек. и множ. таблицъ. Сост. по Ньюкомбу, Фламмаріону, Клейну, Араго, Бернару, Гельмгольцу, Гершелю, Бредлину и друг. астроном. Очень большой томъ 400 стр. Ц. 2 р., въ хор. съ зол. тисн. пер. 3 р. Вновь перераб., испр. и доп. новѣйш. способами обыкн. цвѣт. фотографія. Изд. 24.

ФОТОГРАФЪ-ПРАКТИКЪ.

Для специал.-профессіон. и любит. фотографовъ. Полн. практ. школа фотограф. изъ примѣненія современнаго развитія. Всѣ новѣйш. способы фотограф., соврем. методы печат. на бумагѣ, тканяхъ, фарфорѣ, деревѣ и др. Фотогр. на деревѣ, цвѣт. фотогр. и трехъ-цвѣтное печат. замѣн. кристаллогр. въ 15 и болѣе красокъ. Въ 7-мъ болѣе 100 рис. и 2 табл. въ краскахъ, какъ образецъ 3-хъ-красоч. печатанія. Сост. П. Симоненко, быв. фотографъ главн. штаба кавказ. арміи, членъ мног. учен. обществъ больш. т., 500 стр. Ц. 3 р., въ хор. изд. пер. съ зол. тисн. 4 р.

Томсонъ и Эдиссонъ и ихъ изобрѣтенія. Электро-техн. механич. изобрѣт., работъ и приспособленія въ домашнемъ быту.

ЗВОНКИ

электрич., воздушн. и механич., устр. и упр. правильн. дѣйств. телеф., фонограф., микроф. и звонковъ и ихъ прилож.; устр. новѣйш. самодѣйств. секрет. аппар. въ домахъ, кварт., дачахъ, кладовыхъ, устраиваемыхъ въ рамкахъ оконъ, дверей, косяковъ, подокон., въ калиткахъ, воротахъ, служившихъ для поимки воровъ. Динамо-электрич. машины въ мал. устан. Дом. освѣщ. электрич., газомъ, ацетиленомъ и др. Въ 2-хъ и 10 отдѣлахъ, болѣе 30 рис. и полиграф. Сост. электро-техникъ А. А. Томсонъ. Ц. 1 р. въ хор. пер. 1 р. 50 к.

2-е изд. Подный основной курсъ практ. ПИРОТЕХНИИ.

Фейерверкъ, новѣйшее спец. руков. не приготов. Устройство плавомъ, театр. огней и электр. освѣщ. Въ 6 ч. Соч. спец.-химика П. Ф. Симоненко. Около 200 рисунковъ. Большой томъ (болѣе 400 стр.). Ц. 2 р., въ хорошемъ переплетѣ 3 р.

Исправ., доп., пересмотрѣнное 3-е изданіе. Самоучитель.

ПОЛН. РУССКАГО СЕЛЬСК. ХОЗ.

Необход. руков. для мелкихъ и крупныхъ сельскихъ хозяевъ. Подр. изуч. агрономіи.

полн. ея сост. Самые посл. и новѣйшія
устав. удобренія. Съ прилож. сельскохоз.
искусств. и промысловъ, медицины и ско-
пѣбника, правилъ строит. устава для
вѣск. обыват. Скотоводство, птицевод-
ство и пр. и пр. Въ 4-хъ ч. Сост. агроно-
мъ М. Русаковъ и П. Черногоровъ, подъ
общ. ред. Н. И. Стебницкаго. Цѣна
въ зол. 50 к., въ хорошемъ переплетѣ 2 р.

РАКТ. ШКОЛА САДОВОДСТВА.

Садоводства и огородничества. Научно-
практич. общепон. руковод. къ воспитанію,
развед. и развед. культуры садово-огород. и
др. раст., фрукт. деревьевъ, кустарн.,
ягод. раст. и разд. овощей. Со множ.
тип. рис. хромолит. отд. таблицъ. Въ
3-хъ част. Сост. Мельниковъ. Испр., доп.
пер. М. И. Шредеръ. Изд. 3-е, 600 стр.
Ц. 3 р. въ зол. тисн. пер. 4 р.

МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

Пятая испр. и доп. Полный подарокъ
в. школа поварск. и кондит. искус.).
руковод. уменш. расходъ и вести прав.
хозяйство. Скоромный и постный столъ,
т. по программѣ школы кулин. искус.
азов. женщинъ, 2527 опис. пригот.
н. кушаній. Въ 6-ти част., со множ.
типаж., рис. и 1 табл. Сост. К. К.
Роховцевъ, 800 стр. Цѣна 2 р. въ хор.
коленк. переп. 3 р.

МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Практич. руков. къ выращив., уходу и
мн. молочн. скота, къ обраб. молока и
пригот. изъ него всевозможн. продуктовъ,
а также: всѣхъ сорт. масла и сыра. О при-
гот. сухого и сгущен. молока. Приготов.
уств. коров. масла. Съ 20 рис. Сост.
Юзвиевичъ, перед. и доп. новѣйш.
д. по русск. и иностран. источн. агро-
номъ К. Д. Дмитриевъ. Ц. 1 р. 50 к., въ
хорош. переп. 2 р.

ПЧЕЛОВОДСТВО.

К. самоуч. и полная школа къ развѣд.,
ду, кормл. и сбереж. пчелъ. Устр. разл.
овъ новѣйш. системъ. Способы навб.
ыв. меда и разл. фабрикаціи изъ него.
а. самыхъ доходн. статей по пчелов.
множ. рис. Сост. агрономъ К. Д. Дми-
триевъ. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

ЖЕНСКИЙ ВРАЧЪ.

Д-ръ мед. В. Шредеръ.
ц. по женск. бол. въ Берлинѣ. Обще-
ств. излож. женскихъ болѣзней, ихъ сущ.,
ц., предохран. и лѣч. Пер. съ Нѣм. Ц.
1 р. 50 к.

Д. И. Марковский. С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 22.

ЖЕНЩИНА ЗАМУЖЕМЪ.

Попул. бесѣды о физич., душевн. и нрав-
ствен. прав. жизни замужнихъ женщинъ.
Права женщины и ея супруж. и матер.
обяз. Осн. прав. и важн. сов. напутч. со
хран. здравія и красоты женщ. во время
супруж. жизни. Гигіена половой жизни.
Сост. В. Сидовъ. Изд. 3-е, вновь испр. и
доп. Ц. 1 р., въ хорош. коленкор. съ зол.
тисн. переп. 1 р. 50 к.

МОЛОДАЯ МАТЬ

и новорожденное дитя. Полн. домашн. дѣт-
скій лѣчебникъ. Совѣты, наставл., предупр.
и рецепты на случай заболѣв. матери и
ребенка. Въ 3-хъ част., со множ. рис.
Состав.: Петровъ и Фадѣевъ, подъ общ.
ред. П. В. Знаменскаго. 500 стр. Ц. 2 р.,
въ пер. 3 р.

2-мъ дополн., исправлен. и передѣлан. изд.

ПОЛНАЯ ШКОЛА ОХОТЫ.

По перу и звѣрю во всѣхъ полосахъ Рос-
сін. Необход. руков. для охотниковъ съ
ружьемъ, облавами, съ лягавыми, борзыми
и гонч. собаками и лайками за полевой,
степною, болотн. и лѣсною дачью. Опыт.
стрѣлокъ-охотникъ безъ промаха. Охота на
хищн. и промысловыхъ звѣрей. Подробное
опис. всевозможн. сист. и сортовъ охотн.
ружей, штуцеровъ, экспрес., винтовокъ и
охотн. принадлежн. съ указ. способовъ и
пріемовъ для пригот. снарядовъ со множ.
таблицъ. Птицы и звѣри, водян. въ Рос-
сін, и способы охоты на нихъ. Породы
охотничьихъ собакъ, ихъ содержаніе, вы-
ращ., воспит., дрессировка, натаск., болѣзни,
уходъ и лѣчение. Въ 5-ти част., 150 рис.
и табл. Сост. на основаніи многолѣтнихъ
опытовъ Ан. Энгельгардъ, — при участіи
Максимова и Казанцева. 500 стран. Цѣна
2 р. 50 коп., въ хорошемъ коленкоромъ
переплетѣ 3 р.

КАРТОФЕЛЬ

и способы приг. изъ него крахм., патоки,
декстрина, сахара, саго, спирта, хлѣба,
крупы, сыра, суррогатовъ для подм. въ
кофе и проч. какъ путемъ завод. промзв.
въ больш. разм., такъ и при крестьян. куст.
пром. Полное и подр. опис. болѣе 80 сорт.
картофеля, развед. кот. уже испыт. во мног.
русскихъ хозяйствахъ. обраб. земли подъ
картофель, выборъ карт. на сѣмена, посадка,
уходъ, уборка, храненіе, болѣзни, поврежд.
и истребл. насѣк., вредн. карт. Сост. агро-
номъ Дмитриевъ, одобр. учен. комитетомъ
министерствомъ народнаго просвѣщенія.
Ц. 2 р., въ хор. пер. 3 р.

58

„НЕ МОГУ НАЙТИ

себѣ по вкусу понравившихся папиросъ. придется бросить курить“, говорятъ многие.

Вотъ хорошій совѣтъ. Пусть они выберутъ себѣ по вкусу табакъ, купятъ ГИЛЬЗЫ КАТЫКА и велѣтъ ихъ набить. Тогда они будутъ курить папиросы по вкусу.

Но предупреждаемъ: хорошій табакъ
И ГИЛЬЗЫ КАТЫКА.

Вездѣ на мѣстѣ Не занимая мѣста

Вотъ чѣмъ
объясняется
колоссальный
успѣхъ

американской
системы
библиотечн.
шкафовъ

Т-во,
Москва

М. Блок

представит
повсюду

Книги за полцѣны!

Высылаетъ Центральный Книжный Складъ
А. А. Климонова.

пб., Вознесенскій пр., здан. Ново-Александровскаго рынка, № 163, у Измайловскаго моста.

Русскіе писатели.

бывш. прилож. къ „НИВЪ“ и др.
ВОВОРЫКИНЪ. 12 т., ц. 2 р. 50 к. **ВСТРЕЧА** ИСТОРИИ. (Каспари). 34 вып., ц. 3 р.
АНЪ. 6 т. ц. 1 р. **ГАУПТМАНЪ**. 10 т., ц. 50 к. **ГОГОЛЬ**. 12 т., ц. 2 р. 50 коп.
ГРУБОВЪ. 4 т., ц. 75 к. **ГРЕБЕНКА**. 10 т., ц. 3 р. **ГРАНОВСКИЙ**. 2 т., ц. 1 р. **ГЮЙЕ-МОПАСАНЪ**. 13 т., ц. 4 р. 50 к. **ГЕЙНЕ**. 3 т., ц. 1 р. **ДАНИЛЕВСКИЙ**. 24 т., ц. 4 р. **ЕРЖАВИНЪ**. 4 т., съ пред. Грота, ц. 2 р. 50 к. **ЖУКОВСКИЙ**. 12 т., ц. 1 р. 50 коп. **ИЗЕРМАНЪ**. 12 т., ц. 2 р. **ИВСЕНЪ**. Ген. 3 т., ц. 3 р. **КОНРАДЪ**. 2 т., ц. 2 р. 50 к. **РАШЕВСКИЙ**. 12 т., ц. 3 р. **ЛЕСКОВЪ**. 36 т., ц. 4 р. **МИХАЙЛОВЪ-ШЕЛЛЕРЪ**. 50 т., ц. 4 р. **АЧЕТЪ**. Г. Соч. 12 т., ц. 6 р. **ПЕЧЕРСКИЙ** (ЕЛЬНИКОВЪ). 22 т., ц. 6 р. **МОРДОВЦЕВЪ**. 3 т., ц. 4 р. **НЕКРАСОВЪ**. Кому на Руси жить хорошо. Отд. поэма въ пер. 1 р. 50 к. **МАРШОВЪ**. 20 т., ц. 3 р. **САЛТЫКОВЪ-ШЧЕДИНЪ**. 40 т., ц. 4 р. **СТАНЮКОВИЧЪ**. 1 т., ц. 4 р. **СОЛОВЬЕВЪ**, Всеволод. 40 т., ц. 7 р. **ТОЛСТОЙ**. А. 10 т., ц. 4 р. **УСПЕНСКИЙ**. ГЛАВЪ. 28 т., ц. 4 р. **ЧЕХОВЪ**. 16 т., ц. 7 р. **БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ**, изд. Т-ва Просвѣщеніе. 20 т. въ редакц. пер. ц. 120 р. за 45 р. **БОЛЬШОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ**, изд. Брокгауза и Ефрона. 10 полут., въ ред. пер. ц. 246 р. за 140 р. **АЛЬБРЕХТЪ**, д-ръ. Тайны и болѣзни женщ. и дѣвушки. ц. 1 р. 50 к., за 75 к. **ЕГО-ЖЕ**. Женскія груди. О женск. груди и женской красотѣ вообще, ц. 1 р. 50 к. **«БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА»**, съ атласомъ ис. строен. женск. тѣла, ц. 2 р. за 1 р. **Новость**. Тайны картонч. игры сенсацион. вобл. всѣхъ новѣйш. шуллер. приѣмовъ. **ВУЛГАКОВЪ**, В. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассн. художн., ц. 4 р. за 2 р. **ШЕКСПИРЪ**. 12 т., ц. 4 р. безъ пересылки. **МЕРМОНТОВЪ**. 3 т., иллюстр., ц. 1 р. 20 к. въ пересылки.

Библіотекa оккультиста.

1) **ПАРКЕРЪ**, ДЖ. Сила внутри насъ. Спб. Альманахъ «Оккультистъ». 3) **НИТИБУСЪ**. Фрнй драконъ или сборникъ магическ. цештовъ. 4) **ЗАЙКИНА**, Л. Хиромантія и тайны руки съ 154 рис. 5) Тайны или **НИ ВЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ**, кромѣ тѣхъ, на которыя таковая указана. Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ бесплатно.

наука объ опредѣленіи характера и наклон. и М. Горькій, съ портрет. и факсимиле челоѣка посредствомъ изслѣдов. руки, ц. за всѣ 5 кн. въ пер. 2 р. 50 к.

ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРНЪ. К. Д-ръ. Избѣжаніе материнства, съ 19 рис. въ текст. Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ГИТТОНЪ, Г. Жизнь людей черезъ 1000 л. Въ 3000 году. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

ДЕВОРЪ, Д. Наши Шекспіры и Гете. Литературный памфлетъ. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

ДЮФУРЪ, П. Куртизанки Парижа, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

ЛАВУНСКИЙ, С. Въ аду страстей. (Дневникъ содержанки), ц. 1 р., за 50 к.

ЛОРИ, А. д-ръ. Какъ увеличить и укрѣпить женскій бокъ, ц. 1 р., за 50 к.

МАЛОХОВСКАЯ Е. Настоящая поваренная книга, ц. 2 р., за 1 р.

МАНТЕГАЦЦА, П. Физиологія любви, ц. 1 р. за 50 к.

МИЛЛЕРЪ, І. «Моя система», 5 минутъ ежедневной работы или здоровья, ц. 75 к. за 37 к.

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. Въ тихомъ омутѣ, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

МОРГЕНШТЕРНЪ, И. Психографологія или наука объ опредѣленіи внутрен. міра челоѣка по его почерку, ц. 8 р., за 4 р.

ГАНСОНЪ, ОЛА. Женщина, какихъ много. Новеллы. Къ физиологіи современной любви, ц. 1 р., за 50 к.

ГЕПТАМЕРОНЪ. 70 новеллъ королевы Наваррской Маргариты Валуа, ц. 1 р. за 50 к.

ГОРБУНОВЪ, С. Сны изъ народнаго быта, ц. 1 р. за 50 к.

БОККАЦЦО, ДЖ. Избранныя новел. изъ «Декамерона», ц. 80 к., за 40 к.

ЕЛЕЦКИЙ, М. (псевдонимъ). Свободная любовь. Старая и новая нравствен., воля природы. Исторія свободн. любви и пр., ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

„Избранныя сочиненія русскихъ писателей“.

1) И. Котляревскій и Квитко-Основьяненко; 2) А. С. Пушкинъ; 3) А. Т. Аксаковъ; 4) Т. Н. Грановскій; 5) Н. В. Гоголь; 6) В. Г. Бѣлинскій; 7) К. Ф. Рылѣевъ и 8) Гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко

Продолжіе этого объявленія смотр. на стран. 178.

КНИЖНАЯ И. Ф. КОСЦОВА ТОРГОВАЯ

С.-Петербургъ, Литейный пр., д. № 28—2.

Предлагаетъ удешевленные книги

Наши юмористы за сто лѣтъ въ карикат. прозѣ и стихахъ обзор. русск. юморист. литератур. съ рисун. вм. 1 р. 50 к. за 90 к.

Прудонъ, П. Что такое собственность Спб. 1907 г. 260 стр. за 50 к.

Общедоступный домашній лечебникъ подъ ред. проф. Быстрова, Тарханова и др. 1000 стр. съ 280 рисун. вм. 3 р. за 2 р.

Предшественники новѣйшаго социализма. Исторія социализма въ монографіяхъ Каутскаго, Лафарга и др. 2 т. 780 стр. вм. 3 р. за 1 р. 75 к.

Исторія русской литературы съ разб. произведеній писателей соч. К. Петрова 552 стр. вм. 2 р. за 1 р. 25 к.

Мережковский, Д. Трилогія 1) Смерть Боговъ 2) Леонардо да Винчи 3) Петръ и Алексѣй 3 т. за 5 р. 25 к.

Гаакъ. Міръ животныхъ Европы, ихъ жизнь, бытъ и нравы 600 стр. съ рис. вм. 3 р. за 1 р. 50 к. въ золоч. переп. 2 р. 25 к.

Большая энциклопедія изд. Т-ва Просвѣщеніе (энциклопед. словарь) 20 т. въ роскош. издат. переп. вм. 120 р. за 45 р.

Боккаччо Декамеронъ полное собр. ста новеллъ 570 стр. съ рисун. за 1 р. 90 к.

Художеств. произвед. В. В. Верещагина описан. критич. разборъ и снимки съ картинъ сост. Будгаковъ вм. 2 р. за 1 р.

Шлассеръ. Исторія восемнадцатаго столѣтія и начала 19-го 8 т. въ хор. переп. за 7 р. 50 к.

Муравьевъ, Н. В. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Прокуратура на Западѣ и въ Россіи. М. 89 г. 550 стр. за 1 р.

Справочный словарь Этимологич. орфограф. и толков. русскаго литературнаго языка сост. А. Чудиновъ 2 т. 600 стр. вм. 6 р. за 2 р. 75 к.

РОСКОШНЫЯ ИЗДАНИЯ Т-ВА ПРОСВѢЩЕНІЕ.

1) Кернеръ. Жизнь растений 2 т. 1610 стр. съ 450 раскрашен. и черн.

рисунк. въ полукож. переп. вм. 15 р. за 9 р.

2) Ранке. Человѣкъ 2 т. 1441 стр. 35 раскр. табл. и 1400 рисун. въ полукож. переп. вм. 14 р. за 9 р.

3) Ратцель. Народовѣденіе 2 т. 1630 стр. съ 30 раскраш. табл. и 1100 рисун. въ полукож. переп. вм. 15 р. за 9 р.

4) Бремъ. Жизнь животныхъ 3 т. 2560 стр. съ 1200 раскраш. и черн. рисун. въ полукож. переп. вм. 24 р. за 17 р.

5) Вселенная и человѣчество подъ ред. Г. Крамера. Исторія изслѣд. природы 5 т. съ 200 худож. прилож. цвѣт. и черн. и съ рисун. въ текстѣ въ роскош. переп. вм. 55 р. за 35 р.

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Островскаго 10 т. въ золоч. переп. за 17 р. Д. Шпильгагена 16 т. за 6 р. 50 к. Вс. Крестовскаго 8 т. 8 р. А. А. Поткина 12 т. въ золоч. переп. вм. 18 р. за 13 р. Э. Золя 29 т. 10 р. А. Мицкевича 4 т. въ хорош. переп. за 6 р. Гюи-де-Мопассана 13 т. 5000 стр. 4 р. Мопанъ Дойля 20 т. 5 р. Г. Сенкевича 7 большихъ томовъ за 5 р. 50 к.

ВЫШІЯ ПРИЛ. НИЖЕ:

Чехова 16 т. 7 р. Достоевскаго 24 т. 8 р. 50 к. Гоголя 12 т. 2 р. 50 к. Гончарова 12 т. 6 р. Тургенева 12 т. въ переп. 11 р. Г. Гейне 16 т. 1 р. 50 к. Гауптмана 10 т. 1 р. 50 к. Печерскаго 22 т. 4 р. Гербунова 4 т. 1 р. Салтыкова 40 т. 5 р. Станюковича 40 т. 5 р. Григоревича 12 т. 5 р. 50 к. Данилевскаго 34 т. 3 р. 75 к. Лѣскова 36 т. 3 р. 75 к. Жуковскаго 12 т. 1 р. 50 к. А. Толстого 12 т. 3 р. Михайлова-Шеллера 50 т. 3 р. 75 к. Боборыкина 12 т. 2 р. 50 к.

8 книгъ о половыхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. 500 стр. съ перес. 8 р. 1) Геймъ о половыхъ сношеніяхъ. 2) Форель. Половая этика. 3) Физическій міръ мужчинъ по Жозану. 4) Физическій міръ женщинъ. 5) Дно Парижа. 6) Женскія проституція по Ломброзо. 7) Роледеръ. Ованизмъ. 8) Риббингъ проф. Гиттена и физиологія брака.

Высылаю всѣ книги по рекламѣмъ и публикаціямъ и каталогамъ всѣхъ издателей по ихъ цѣнамъ.

ДЕШЕВО ПОПОЛНЯЮ БИБЛИОТЕКИ, КАТАЛОГЪ 5500 КНИГЪ
ВЫСЫЛАЮ БЕЗПЛАТНО.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

